

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

BYZANTINA XRONIKA

ΤΟΜΟΣ ΕΝΝΑΤΟΣ

ВИЗАНТІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

В. Э. Рогоя

Члена-Корреспондента Академіи.

ТОМЪ IX.

— ❦ —
САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1902.

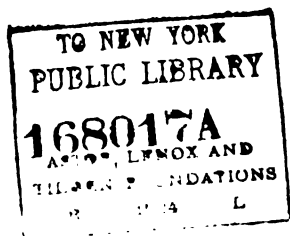
КОММИССИОНЕРЪ:

С.-Петербургъ.

К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14.

Leipzig.

К. L. Ricker, Inselstr. 20.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1902 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Ἐκδίδεται τύποις ἐγκρίσει τῆς Αὐτοκρατορικῆς Ἀκαδημείας τῶν Ἐπιστημῶν.
Ἐν Πετρούπολει, μηνὶ Δεκεμβρίῳ ἔτους 1902-οῦ.

Ὁ ἰσόβιος γραμματεὺς, ἀκαδημαϊκὸς *Ν. Δουμπρόβιν*.

ΟΓΛΑВΛΕΝΙΕ ΔΕВЯТАГО ТОМА.
ΠΕΡΙΕΧΟΜΕΝΟΝ ΤΟΥ ΕΝΝΑΤΟΥ ΤΟΜΟΥ.

Отдѣлъ I.

ΜΕΡΟΣ Α'.

ИЗСЛѢДОВАΝІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

Μελέται καὶ ὕλαι.

	Стр.
Друнгъ и друнгариѣ. Ю. Кулаковскаго.	
Δρουγγος καὶ δρουγγάριος ὑπὸ 'Ι. Κουλακόφσκη.....	1
Св. Θεοφάνη Χροноγραφъ. J. Pargoire.	
Saint Théophane le Chronographe et ses rapports avec Saint Théodore Studite. J. Pargoire.....	31
Ματερίαιлы къ исторίи византийскаго и древне-русскаго искусства. Е. Рѣдина.	
Συμβολαὶ εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς βυζαντινῆς καὶ παλαιορωσικῆς τέχνης ὑπὸ 'Ε. 'Ρέδιν.....	103
Λεονскія грамоты. Александра Лаврскаго.	
'Αθωϊτικὴ Στοά ὑπὸ 'Αλεξάνδρου Ε. Λαυριώτου.....	122
Синайскія иконы восковой живописи. Съ 5 табл. Д. Айназова.	
Συναϊτικαὶ εἰκόνες κηρωτῆς ζωγραφίας (μετὰ 5 πίνακων) ὑπὸ Δ. 'Αινάλωφ.....	343
Вѣроятный составъ древнѣйшаго исповѣднаго и покаяннаго устава въ восточной церкви. III—IV. Н. Суворова.	
'Η πιθανὴ σύστασις τῆς εἰς ἐξομολογουμένους καὶ μετανοοῦντας ἀρχαιοτάτης τάξεως τῆς Ἀνατολικῆς Ἐκκλησίας ὑπὸ Ν. Σουβόρφ. Γ'—Δ'.....	378
Бракъ Мстиславны (1122 г.). Хр. Лопарева.	
'Ο γάμος τῆς θυγατρὸς Μстисλάβου ὑπὸ Χρ. Λόπαρηφ.....	418
Μονοδία Никиты Евгеніана. L. Petit.	
Monodie de Nicétas Eugénianes sur Théodore Prodrome. L. Petit.	446

Отдѣлъ II.

МЕРОС В'.

1. 2. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Α'. Β'. Βιβλίων ἐπικρίσεις καὶ βιβλιογραφία.

	Стр.
Алмазовъ, А. И., Къ исторіи византійской отреченной письменности. Рец. М. Красножона.....	196
Баласчевъ, Г., Нови извѣстия за церковното вѣдомство на Видинската и Софійската епархия.....	611
Бердниковъ, И. С., Основныя начала церковнаго права православной церкви.....	220. 230
Бокъ, В. Г., Матеріалы по археологіи христіанскаго Египта. Рец. Д. Айналова.....	152
Введенскій, Д., Эней Газскій и его сочиненіе «Θεοφραστὴς или о безсмертіи души и воскресеніи».....	558
Виноградовъ, А., Святый Андрей, архіепископъ критскій.....	557
Даниловъ, Г., Единъ пометникъ на старото българско право.....	610
Джанашвили, М., Литература IX—X вѣковъ. Рец. Н. Марра.....	464
— Драгоценныя камни, ихъ названія и свойства. Рец. Н. Марра.....	466
Дмитріевскій, А., Книга «Требникъ» и ея значеніе въ жизни православнаго христіанина.....	558
Добруски, В., Материалы по археологіята на България.....	609
— Три старобългарски царски печата.....	610
Древности. Труды Имп. Московскаго Археологическаго Общества.....	563
Извѣстія Императорской Археологической Коммисіи. 1—2.....	563
— Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. VII.....	550. 563
Ильинскій, Г., Грамота царя Іоанна Асѣня II.....	552
Назаровъ, Г., Замѣтки объ античномъ Плавдивѣ.....	609
Кирпичниковъ, А., Аѳонскій великій синаксарь.....	557
Кондаковъ, Н. П., Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ.....	563
Лебедевъ, А. П., Историческіе очерки состоянія византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка...	216
— О нашемъ символѣ вѣры.....	228
— Способы образованія духовенства и интеллектуальное состояніе его во II и III вѣкахъ.....	556
— Церковный чтецъ въ глубокой древности.....	562
Михаилъ Геромонахъ, Двѣ системы отношеній государства къ церкви.....	559
Мсеріанцъ, Л., Армянскіе источники о смутномъ времени.....	558
Павловъ, А. С., Курсъ церковнаго права.....	545. 563

	Стр.
Памченко, Б., Βασίλειος πύττιος	552
Поздѣвскій, О., Аскетическія воззрѣнія преподобнаго Іоанна Кассіана Римлянина, пресвитера масилійскаго	554
Попруженко, М., Матеріалы для библіографіи по Кирилло-Мееодіев- скому вопросу	558
— Очерки по исторіи возрожденія болгарскаго народа	558
Савва, В., Московскіе цари и византійскіе василевсы	223
Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. XVIII...	609
Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа	563
Сладкопѣцѣвъ, Петръ, Древнія сирійскія обители и прославившіе ихъ святыя подвижники	562
Соболевскій, А., Епископъ Константинъ	613
Соколовъ, И., Церковно-религіозная и общественно-бытовая жизнь на православномъ востокѣ въ XIX вѣкѣ	229
— Вальсамонъ Θεодоръ	556
Спасскій, А., Вопросъ о подлинности правилъ Сардикійскаго со- бора (343 г.) въ современной западной литературѣ	555
Сперанскій, М., Единъ югославянскій прѣводъ отъ «Завѣтитѣ на дванадесетѣтъ патршарси»	613
Суворовъ, Н., Византійскій папа	563
Терновскій, С. А., Очерки изъ церковно-исторической географіи	563
Тураевъ, Б. А., Изслѣдованія въ области агіологическихъ источ- никовъ исторіи Эіопіи	562
Успенскій, О. И., О древностяхъ города Тырнава	550
— Археологическіе памятники Сиріи	553
Холмогоровъ, М., Ученіе святаго Іоанна Дамаскина объ иконо- почитаніи	558
Эверлингъ, С., Новые отрывки евангельскаго текста	537
 A. P., L'isola di Halki	595
Abrahams, J., Recent Criticism of the Letter of Aristeas	600
Achelis, H., Ein gnostisches Grab in der Nekropole Cassia in Syrakus	241
Adalewsky, Ella, Les chants de l'église orientale	244
Adler, F., Der Pharos von Alexandria	241
Albin, C., L'île de Crète	248
Allard, P., Un précurseur du Sionisme. Julien l'Apostat et les Juifs	244
— La religion de l'empereur Julien	577
Alsace, Barnabé d', O. F. M., Le Mont Thabor	251
Ambrosoli, S., Un soldo d' oro inedito di Licinia Eudossia	591
Anaisi, P. T., Della liturgia siriana	256
Angelini, G., Un antico mosaico cristiano scoperto a Gerusalemme..	260
— Le tombe dei re latini a Gerusalemme	597
Anonymus, Studii d'antica letteratura cristiana e patristica	255. 590
— Per gli studii ecclesiastici	591

	Crp.
Anonymus, The Macedonian Problem and its Factors	603
Arendzen, J. P., An entire Syriac text of the «Apostolic Church Order»	601
Asgian, Mons., La S. Sede e la nazione armena	594
Athanasiaades, A., Die Begründung des orthodoxen Staates durch Kaiser Theodosios den Grossen	572
Baljon, J. M. S., Grieksch-theologisch woordenboek hoofdzakelijk van de oud christelijke letterkunde	507. 608
Bardenhewer, O., Geschichte der altchristlichen Litteratur. I	569
Barnsley, Sidney Howard, cm. Schultz	567
Basta, E., La cattura dei Veneziani in Oriente per ordine dell' imperatore Emanuele Comneno	253
Batiffol, P., Études d'histoire et de théologie positive	581
Bernard, J. H., Two notes on Smith and Wace's Dictionary of Christian Biography. II	262
Bernardakis, P., Les ornements liturgiques chez les Grecs	251
— Le culte de la croix chez les Grecs	251
Besson, M., Un recueil de sentences attribué à Isaac le Syrien	246. 579
Bethune-Baker, J. F., The meaning of Homocousios in the «Constantinopolitan» Creed	603. 606
Beylié, L. de, L'habitation byzantine	585
Biblioteca Angelo Scalabrini, Notizie geografiche dell' Albania ...	257
Bidez, J., Un passage de Julien	243
— Sur diverses citations, et notamment sur trois passages de Malalas	584
Bindley, T. H., The Oecumenical Documents of the Faith	603. 606
Blass, F., Grammatik des Neutestamentlichen Griechisch. Per. 3. Kypna	470
Blochot, E., L'Histoire d'Égypte de Makrizi	248
Bois, J., Grégoire le Sinaïte et l'Hésychasme à l'Athos au XIV s. ...	250
— Les débuts de la controverse hésychaste	585
Bonfante, P., e R. de Ruggiero, La «petizione di Dionysia»	255
Bonfiglio, S., Girgenti-Villagio Bizantino del Balatizzo	256
Boor, C. de, Zweiter Bericht über eine Studienreise nach Italien ...	567
Botzares, Petros, Théodora	578
Bourdais, Notes d'art chrétien	249
Boysen, A., Sammlung neugriechischer Gedichte und Studie über den Hellenismus	577
(Briccarelli, C., S. I.), Roma e Bizanzio nella storia dell' architettura christiana	257. 591
Brightman, F. E., «Soul body spirit»	262
— Byzantine Imperial Coronations	263
Brooks, E. W., Arabic lists of the Byzantine Themes	604
Brunelli, E., La collezione di stoffe antiche della Signora Isabella Errero ...	592

	Crp.
Budge, E. A. Wallis , The Contendings of the Apostles. II.....	606
Bulic, Fr. , Un' ampolla d'oglio di S. Menas martire trovata in Dalmazia.	257
—— Il palazzo di Diocleziano a Spalato è proprietà di Stato	591
—— Ritrovamenti antichi nelle mura perimetrali dell' antica Salona.....	592
Burkitt, F. C. , Christian Palestinian literature	262
—— Another indication of the Syriac origin of the Acts of Thomas	602
—— S. Ephraim's Quotations from the gospel	602. 605
Bury, J. B. , 'Αμφότεροι for πάντες	233
Butler, H. , Report of an American archeological expedition in Syria 1899—1900	263
—— On the identity of «Al Mukaukis» of Egypt.....	263
—— Hagiographica.....	602
Butler, H. C. , and W. K. Prentice , A mosaic pavement and inscription from the bath at Serdjilla.....	263
Buttenwieser, M. , Outline of Neo-Hebraic Apocalyptic Literature...	602. 606
Cabrol, J. , O. S. B., Le livre de la prière antique.....	247. 253
Capo, N. , De S. Isidori Pelusiotae epistularum locis ad antiquitatem pertinentibus.....	594
Carabellese, F. , cm. Vito.....	593
—— Saggio di storia del commercio della Puglia e più particolarmente della Terra di Bari.....	596
—— Della storia dell' arte in Puglia e più particolarmente nella Terra di Bari fino ai primi anni del secolo XIII.....	596
Carassai, Carolo , La politica religiosa di Costantino il Grande	590
Carnana , Ancient pagan tombs and christian cemeteries in the island of Malta	263
S. Carterii Cappodocis Acta , herausg. von J. Comperpass. I.....	572
Catalogue des livres parémiologiques composant la bibliothèque de J. Bernstein	578
Cerone, Fr. , La politica orientale di Alfonso di Aragona.....	592
Chabot, J. B. , Les évêques Jacobites du VIII au XIII-e siècle.....	249
Chapman, D. J. , O. S. B., La chronologie des premières listes épiscopales de Rome.....	248. 582
—— Origen and the date of Pseudo-Clement.....	601
Charon, J. , L'Eglise grecque melchite catholique.....	250. 584
Chieccini, A. , I Pisani all' assedio e conquista di Gerusalemme....	597
Ciardi-Dupré, G. , La κοινή διάλεκτος secondo gli studi recenti	594
—— La κοινή secondo il prof. Kretschmer	595
Cipella, C. , Una mitra del secolo XIII	257
—— L'azione letteraria di Nicola V sul Rinascimento.....	261
Clugnet, L. , Sainte Marine.....	581
Cogo, G. , Notizia storica intorno alla nuova edizione de «le Vite dei Dogi» di Marin Sanudo.....	258

	Crp.
Combes, L. de, Sainte Hélène et les reliques de Sainte-Croix de Jérusalem	247
Condamin, A., S. I., Saint Épiphane a-t-il admis la légitimité du divorce pour adultère?	245
Conybeare, F. C., Armenian and Georgian literature	262
— The Eusebian form of the Text Matth. 28, 19.	601
— The Relation of the Paschal Chronicle to Malala.	604
Corso, D., Notizie storiche su Joppolo	259
Corte, G. La, I Barbaricini di Procopio	261
Cotroneo, R., Pergamene greche del secolo XIII	259
— La storia della cattedrale e delle parrochi e di Reggio, di Carlo Guarna Logoteta.	259
— Inizio e sviluppo, scomparsa e reliquie del rito greco in Calabria.	595
Cozza-Luzi, P., Di alcuni scritti del detto S. Nilo	259
— S. Nilo rossanense calligrafo.	259
— Notizie di Caloveto.	259
— Di un molibdobullo byzantino.	259
— Il centenario del gran Nilo Rossanense.	259
— Amanuense in Caloveto nel secolo XIII.	595
Crawford, W. S., Synesius the Hellene	605
Crivellucci, A., Delle Origini dello Stato pontificio	256. 591
Crum, W. E., Christian Egypt	263
— A «Scythian» in Egypt.	264
— Coptic ostraca from the collections of the Egypt Exploration Fund.	264
— Eusebius and Coptic Church Histories.	601
— Coptic Monuments.	603
Cumont, F., Les mystères de Mithra	589
Cust, A. M., The ivory workers of the middle age	603
Dahn, F., Ein falscher Brief Justinians an Narses	567
Dalton, O. M., Catalogue of early christian antiquities and objects from the christian east	603
Daniel le Scétiote, Vie et Récit de l'abbé D. le Sc., par L. Clugnet et I. Guidi	581
Debs, J. Mgr., Réponse à un article de M. S. Vailhé sur les Origines religieuses des Maronites	585
Deissmann, G. A., Bible Studies	605
D(e)lehay(e), H., Un Synaxaire Italo-Grec	581
Densusianu, O., Histoire de la langue roumaine. I, 2	249. 582
Dessau, H., Sur un nouvel édit de l'empereur Julien	578
Diekamp, Fr., Mittheilungen über den neu aufgefundenen Commentar des Oekumenius zur Apokalypse	237
— Eine ungedruckte Abhandlung des hlg. Johannes von Damascus gegen die Nestorianer	571

	Crp.
Dieterich, K., Neugriechisches und Romanisches	237
— Nachtrag zu den lateinisch-romanischen Lehnwörtern im Neugriechischen	565
— Die Volksdichtung der Balkanländer in ihren gemeinsamen Elementen.....	568
Dräseke, J., Demetrius Kydones oder Nemesius?.....	236
— Die Syllogismen des Photios	237
Duckworth, H. T. F., St. John the Almsgiver patriarch of Alexandria	262
Dumoulin, M., Le gouvernement de Théodoric et la domination des Ostrogoths en Italie.....	582
Dussand et MacIer, Voyage archéologique au Safâ et dans le Djebel-ed-Drûz	249
Duval, R., Le Testament de Saint Ephrem.....	580
— Une découverte de livres hébreux à Jéricho	580
Engert, Th., Der betende Gerechte der Psalmen.....	572
Ermoni, V., Diodore de Tarse et son rôle doctrinal	579
Ernst, J., Die Ketzertaufangelegenheit in der altchristlichen Kirche nach Cyprian.....	239
Errera, Isabelle, Collection d'anciennes étoffes	583
Eusebius Werke. I. Herausg. v. L. A. Heikel.....	570
— Kirchengeschichte. Buch VI u. VII aus d. Armen. übers. von E. Preuschen.....	570
Fairweather, W., Origen and Greek Patristik Theology.....	600. 605
Ferrara, G., Di alcune pretese irregolarità nella metrica dei melodi bizantini	255. 598
Ferretto, A., Genovesi in Oriente dal carteggio di Innocenzo IV... ..	261
Ferrini, C., Di un nuovo palinsesto dei Basilici.....	260. 592
— Sulle fonti delle Istituzioni di Giustiniano	260
— Gli estratti di Giuliano Ascalonita.....	595
Flamion, J., Les anciennes listes épiscopales des quatre grands sièges	248
Flemming, J., Das Buch von Henoch. Aethiopischer Text.....	571
Forest, P., Un évêque du V-e siècle. Théodoret de Cyr.....	245
Franchi de' Cavalieri, P., I Martirii di S. Teodoto e di S. Ariadne..	598
Franko, I., Beiträge aus dem Kirchenslavischen zu den Apokryphen des Neuen Testamentes	571
Freeland, J., St. Gregory Nazianzen from his letters.....	602
Führer, J., Ein altchristliches Hypogeum im Bereiche der Vigna Cassia bei Syrakus	574
Funk, F. X., La date de la Didascalie des Apôtres	244
Gaisser, H., O. S. B., Le Système musical de l'Eglise grecque d'après la tradition.....	252. 585
— Les «Hirmi» de Pâques dans l'office de l'église grecque	579
Galante, L., Contributo allo studio delle epistole di Procopio di Gaza	589
— Un «Ostrakon» calcario greco-copto del museo di Firenze...	590

	Cp.
Gardthausen, V. , Ὁ ὀξύρυγχος χαρακτήρ	233
Garufi, C. A. , Sull' ordinamento amministrativo Normanno in Sicilia	256
Gayet, AL , L'art copte	583
— L'exploration des nécropoles gréco-byzantines d'Antinoë	584
Gelzer, H. , Das Verhältniss von Staat und Kirche in Byzanz	238
— Ungedruckte u. ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum	238
— Der Patriarchat von Achrida	572
Gerland, E. , Noch einmal der litterarische Nachlass Carl Hopfs ...	564
Germer-Durand, J. , Inscriptions. d'Abougoch, Esdoud, Naplouse et Beisan	250
Gerola, G. , Candia all' epoca Veneziana	598
Gerspach , Les fresques de l'église Santa Maria Antiqua au forum Romanum	250
Gheyn, J. van den , Catalogue des manuscrits de la bibliothèque Ro- yale de Belgique	579. 586
Giamil, S. Mons. , Documenta relationum inter S. Sedem Apostolicam et Assyriorum orientalium seu Chaldaeorum ecclesiam	593
Giorgi, C. de , La cattedrale di Nardo	257
Gloeckner, S. , Quaestiones rhetoricae	235
Glover, Terrot Reaveley , Life and Letters in the fourth Century ...	599. 604
Goldschmidt, A. , Die Kirchenthür des hlg. Ambrosius in Mailand ...	574
Goldstaub, M. , Der Physiologus und seine Weiterbildung	236
Graeven, H. , Ein Christustypus in Buddafiguren	573
Gray, L. H. , and Ir. M. Schuyler , Indian Glosses. in the lexicon of Hesychios	262
— Zu den byzantinischen Angaben über den altiranischen Ka- lender	565
Gregg, J. A. F. , The Commentary of Origen upon the Epistle to the Ephesians	600
Gregori, L. de , L'esercito bizantino in Procopio di Cesarea	594
Gregory, C. R. , Textkritik des Neuen Testamentes. II	242. 568
Grenfell, B. P. , and A. S. Hunt , The Amherst Papyri. II 262. 265. 576. 600. 605	
Grisar, S. , S. I., San Saba sull' Aventino e l'oratorio di S. Silvia ...	519
Gsell, St. , Les monuments antiques de l'Algérie	583
Gurlitt, G. , Geschichte der Kunst	567
Gwatkin, H. Melvill , Studies of Arianism	607
Hackett, J. , A history of the orthodox church of Cyprus	263. 607
Hagenmeyer, H. , Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088—1100 .	238
— Epistulae et chartae historiam belli sacri spectantes	566
Haidacher, S. , Neun Ethika des Evangelienkommentars von Th. Me- liteniotes	565
Haseloff, A. , cm. Sauerland	198. 255
Heisenberg, A. , Analecta	235

	Ory.
Herzog, Ed., St. Jean Chrysostome et la confession	580
Hesseling, D. C., Byzantium	607
Hirsch, F., Byzantinisches Reich	239
Hodgson, F. C., The early history of Venice	607
Helden Hutton, W., Constantinople	264
Horna, K., Einige unedirte Stücke des Manasses und Italikos	567
Huit, C., Note sur l'état des études grecques en Italie et en France du XIV-e au XVI-e siècle	244
Humann, G., Zur Beurteilung mittelalterlicher Kunstwerke	575
Hunt, Arthur S., cm. Grenfell	262. 265. 576. 600. 605
Jacoby, A., Ein bisher unbeachteter apokrypher Bericht über die Taufe Jesu	573
Jewitt, W. H., Pagan Myths and Christian Figures	263
Jireček, C., Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters. I.	239
Incerti scriptoris byzantini saeculi X liber de re militari, rec. R. Vári	566
Jorga, N., Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XV-e siècle	248
Jullian, C., Le Palais de Julien à Paris	578
Jullien, Michel, A la recherche de Tabenne et des autres monastères fondés par Saint Pacome	248
Kalužniacki, E., Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius (1375—1395)	563
Kampers, F., Alexander der Grosse und die Idee des Weltimperiums	566. 576
Kaufmann, C. M., La Pègè du temple d'Hiérapolis	245
Keidel, G. C., Notes on Fable Incunabula containing the Planudean Life of Aesop.	604
Kleffner, A. J., Synesius von Kyrene	570
Kohler, Ch., Mélanges pour servir à l'histoire de l'orient chrétien et des croisades	255
Konstantinides, Greek Lexicon	605
Krauss, S., Die Königin von Saba in den byzantischen Chroniken ...	234
Krumbacher, K., Ein dialogischer Threnos auf den Fall von Konstan- tinopel	236. 576
— Geschichte der byzantischen Litteratur. Ред. А. Кирпичникова	497
— Zur Bedeutungsgeschichte des Wortes τραγούδω	566
— Romanos und Kyriakos	571
Kuberczyk, Canones Johannis Bar Cursus, Tellae Mauzlatæ episcopi	575
Kugener, M. A., Saint Jérôme et la Vie de Paul de Thèbes.	584
Labate, V., Per la biografia di Costantino Lascaris	260
Labourt, J., Le christianisme dans l'empire des Perses	582
Lagrange, M. J., L'esprit traditionnel et l'esprit à propos des ori- gines de la Vulgate	247

Lagumina, Mgr B. , Un peso arabo in piombo del museo nazionale di Palermo illustrato	260
Lake, Kirsopp , Texts from mount Athos	602
Lambros, Sp. P. , Ecthesis Chronica and Chronicon Athenarum	599
Lammens, H. , Notes épigraphiques et topographiques sur l'Emésène	584
Leclercq, H. , Les martyrs	580. 587
Leger, La mythologie slave	244
Lejay, P. , Ancienne philologie chrétienne	582
Lévi, J. , Afquia, femme de Jésus fils de Sira	580
Levi, L. , Cinque lettere inedite di Emanuele Moscopulo	589
— Un carme greco medievale in lode di Venezia	590
Lohmann, E. , Im Kloster zu Sis	573
Loil, J. E. , Rome et Byzance	583
Lombard, J. , Byzance	235. 588
Lowrie, W. , A Jonah monument in the New-York Metropolitan Museum	263
Lübeck, K. , Reichseinteilung und kirchliche Hierarchie des Orients bis zum Ausgange des vierten Jahrhunderts	572
Lundström, V. , Ramenta Byzantina	608
— Smärre Byzantiska skrifter	608
Maas, P. , Rhythmisches zu der Kunstprosa des Konstantinos Manasses	566
Maass, E. , Analecta sacra et profana	235
Manacorda, G. , Della corrispondenza tra Leone Allacci ed Angelico Aprosio	261
Manceri, E. , Cofanetto bizantino della cappella palatina di Palermo.	592
Manfroni, C. , Relazioni di Genova con Venezia dal 1270 al 1290...	261
— Storia della marina italiana dal trattato di Ninfè alla caduta di Costantinopoli (1261—1453)	597
Marangoni, Lazzaro Bonamico e lo Studio Padovano	257
Martini, C. , Spigolature bizantine: i versi inediti di Niceforo Chumnos	596
Mastroianni, E. , Le fonti della storia delle provincie napoletane dal 568 ai 1500 di Bartolomeo Capasso	593
Mayr, A. , Die altchristlichen Begräbnisstätten auf Malta	574
Mazerolle, F. , L. G. Schlumberger	244
Melani, A. , Stucchi a Ravenna nel Battistero Ursiano	591
Mély, F. de , Le coffret de Saint-Nazaire de Milan et le manuscrit de l'Ambrosienne	250
Mercati, G. , Note di letteratura biblica e cristiana antica	256. 598
— Nuovi frammenti dei libri 58—59 dei Basilici in un palinsesto Vaticano	257
— Antiche reliquie liturgiche Ambrosiane e Romane con un excursus sui frammenti dogmatici del Mai	590
Meyer, W. , Fragmenta Burana	569
Michaud, E. , St. Grégoire de Nysse et l'apocatastase	579

	Сrp.
Michaud, E. , St. Maxime le confesseur et l'apocatastase.....	580
Misier, A. , Corrections au texte de Grégoire de Nazianze.....	245
— Les manuscrits Parisiens de Grégoire de Nazianze	579
Molinier, A. , Une cosmographie chrétienne du VI-e siècle	583
Mommsen, Th. , Hofmann versus Blume	575
Monceaux, P. , Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne depuis les origines jusqu'à l'invasion arabe	577
Moor, Fl. de, Tobie et Akhiakar	578
Merin, G. , Le symbole d'Athanase et son premier témoin: Saint Cé- saire d'Arles	247
Moulton, J. Hope, Grammatical notes from the papyri.....	604
Nachtigall, R. , Ein Beitrag zu den Forschungen über die sogenannte «Бесѣда трехъ святителей»	237
Nau, F. , Note sur la date de la mort de S. Jean Climaque.....	231. 250
— La patrice Césaria correspondante de Sévère d'Antioche.....	245
— Opuscles Maronites. I.	246
— Fragment inédit d'une traduction syriaque jusqu'ici inconnu du Testamentum D. N. I. Chr.	246
— Histoire de Sainte Marine.....	247
— Les récits inédits du moine Anastase.....	580
— Lettre de Jacques d'Edesse sur la généalogie de la Sainte Vierge.....	580
— Histoire de Jean Bar Aphthonia.....	581
Negri, Gaetano , L'Imperatore Giuliano l'Apostata.....	260. 597
Neumann, K. J. , Hippolytos von Rom in seiner Stellung zu Staat und Welt	569
Neumeyer, K. , Die gemeinschaftliche Entwicklung des internatio- nalen Privat- und Strafrechts bis Bartolus. I.	239
Nunzio, Ul. de, Alcune pagine di storia bulgara secondo le note del traduttore slavo di Costantino Manasse.....	594
Odescalchi, B. , Ricordi di Costantinopoli.	591
Odobesco, A. , Le trésor de Petreossa	250
Omont, H. , Athènes au XVII-e siècle	249
— Peintures d'un manuscrit grec de l'évangile de Saint Matthieu.	583
Oppenheim, Dr. M. Freiherr v. , Bericht über eine im Jahre 1899 aus- geführte Forschungsreise in der asiatischen Türkei.....	241
Palmieri, A. , La chiesa Georgiana e le sue origini.....	593
— I caratteri generali della teologia bizantina	596
Papageorgiu, P. N. , Zu den Briefen des Theodoros Laskaris.....	231
— Zu Photios	231
— Nachtrag zu B. Z. X. 151.	231
— Zu den Documenten des Gottesmutter-Klosters in Makedonien	232
— Von Saloniki «nach Europa», von Europa «nach Griechenland»	233
— Zu B. Z. VII 587	233

	Cp.
Papageorgiu, P. N., Angebliche Maler und Mosaikarbeiter auf dem Athos im IX. u. X. Jahrhundert.....	233
Pardi, G., Un comune della Sicilia e le sue realzione con i dominatori dell' isola sino al secolo XVII	260
Pargoire, J., Saint Euthyme et Jean de Sardes	251
— La soi-disant épitaphe de la fille de Bélisaire	252
— Les monastères de Saint Ignace.....	553. 584
— Autour de Chalcédoine.....	584
— Les Almugavares en Orient de 1302 à 1311	585
Parisot, J., Les chorévêques	248
Pelka, O., Altchristliche Ehedenkmäler.....	241
Pereira, F. Maria Esteves, O Santomartyr Barlaam	609
Pernice, A., Sulla data del libro II dei Miracula S. Demetrii Martyris	595
Petit, L., Les évêques de Thessalonich.....	250
— Deux mots sur Pierre Galles.....	585
Pétridès, S., Une formule magique byzantine.....	244
— Les deux mélodes du nom d'Anastase.....	246
— Chapiteau aux monogrammes de Justinien et de Théodora... ..	251
— Saint Siméon le Nouveau Stylite Mélode.....	252
— Fiole byzantine avec inscriptions.....	252
— Plombs byzantins	252
— Office inédit de Saint Romain le Mélode	584
Pfannmüller, G., Die kirchliche Gesetzgebung Justinians.....	575
Picenardi, S., Itinéraire d'un chevalier de Saint-Jean de Jérusalem dans l'île de Rhodes.....	249
Pierleoni, G., Index codicum graecorum qui Romae in bibliotheca Corsiniana nunc Lynceorum adservantur.....	590
Prächter, K., Zu Chorikios.....	230
Prätorius, F., Die Uebernahme der frühmittelgriechischen Neumen durch die Juden	577
Preger, Th., Die Chronik vom Jahre 1570.....	231
— Das Gründungsdatum von Konstantinopel.....	238
— Konstantinos-Helios	572
Prentice, W. K., cm. Butler	263
Quinn, D., Χριστιανικαί επιγραφαί ἐν τῇ Πενδύχῃ χώρᾳ	287
— The language question in Greece and some reflections suggested by it.....	600
Ramundo, G. S., Commodiano e Giuliano l'Apostata.....	589
Rappaport, B., Hat Zosimus I, c. 1—46, die Chronik des Dexippos benutzt?	567
Ratel, A., L'Eglise serbe orthodoxe de Dalmatie	585
Reinach, S., La question du Philopatris	578
Reinhold, H., De graecitate patrum apostolicorum librorumque apo-	

cryptorum Novi Testamenti quaestiones grammaticae. Ρεν. Θ. Κυρια.....	470. 576
Renaudin, D. P. , Les manuscrits liturgiques coptes de la bibliothèque nationale de Paris	585
Rendel Harris, J. , The Annotators of the codex Bezae	600. 605
Rey, E. , Les dignitaires de la principauté d'Antioche	248
Ricci, C. , Ravenna	257
— La vita di Gesù.	591
— Le tarsie marmoree dell' abside di S. Vitale in Ravenna	591
— Le origine dell' architettura Lombarda.....	591
Ricci, Seymour de , The praefects of Egypt. II	604
Ricochon , Tablettes et formules magiques à double sens	578. 586
Riegl, Alois , Die spätromische Kunst-Industrie nach den Funden in Oesterreich-Ungarn.....	240
Riveira, G. T. , Le origini della architettura Lombarda.....	257. 567. 598
Roey, E. van , La collection des «Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur»	247
Rohde, E. , Der griechische Roman.....	577
Rossi, F. Nitto de, cm. Vito	598
Roulin, E. , Tableau byzantin inédit.....	249
Ruggiero, R. de , cm. Bonfante	255
— Il diritto romano e la papirologia.	591
Saint-Pons, P. , Hiéria, la presqu'île des empereurs	251
(Santis, A. de , S. I.), Studii d'antica letteratura cristiana e patristica	590
Sauerland, H. V. , u. A. Hasseloff, Der Psalter Erzbischofs Egberts von Trier. Ρεν. Ε. Ρῥδινα	198. 255
Schermann, Th. , Die Gottheit des heiligen Geistes nach den griechischen Vätern des 4. Jahrhunderts.....	237
Schlumberger, G. , Sceau anonyme de l'abbaye Sainte-Marie Latine à Jérusalem	250
— Un nouveau sceau de l'empereur latin Henri I-er d'Angré de Cple.....	250
— Le tombeau d'une impératrice byzantine à Valence.....	252
— Expédition des «Almugavares» ou routiers catalans en Orient. 252. 588	
— Note sur une mission de M. M. Perdrizet et Chesnay en Macédoine dans le cours de l'été 1901.....	583
— Un reliquaire byzantin portant le nom de Marie Comnène ..	583
Schmid, J. M. , Geschichte des Apostels Thaddaeus und der Jungfrau Sanducht	237
Schmidt, J. , Des Basilus von Achrida, Erzbischofs von Thessalonich, bisher unedierte Dialoge	235
Schultz, R. W. , and S. H. Barnsley, The monastery of Saint Luke of Stiris in Phocis.....	567
Schulze, G. , Graeca Latina.....	569

	Crp.
Schuster, Di una collezione di eulogie dei Luoghi Santi di Palestina	260
Schuyler, Montgomery, cm. Gray.....	262
Scriptores originum Constantinopolitanarum, rec. Th. Preger. I...	236
Siciliano-Villanueva, L., Sul diritto greco-romano (privato) in Sicilia	592
Sickenberger, J., Die Lukaskatene des Niketas von Herakleia	571
Soil, E. J., Constantinople. Notes archéologiques	249
— Rome et Byzance	250
Srawley, J. H., The Mss and Text of the Oratio catechetica of St. Gregory of Nyssa	602
Steinacker, H., Die römische Kirche und die griechischen Sprachkenntnisse des Frühmittelalters	568
Sternbach, L., Constantini Manassae ecphrasis inedita	236
— Eugenios von Palermo	565
— Analecta Manassea	567
— Beiträge zur Kunstgeschichte.....	573
Stradner, J., Neue Skizzen von der Adria.....	573
Strong, T. B., The History of the Theological Term «Substance»..	603
Strzygowski, J., Orient oder Rom. Реч. Д. Айвазова	138. 566
— Die Sophienkirche in Salonik.....	241
— Le relazioni di Salona coll' Egitto	257
— Die Ruine von Philippi.....	565
— Der Schmuck der älteren el-Hadrakirche im syrischen Kloster der sketischen Wüste	573
— Orient oder Rom?.....	574
— Das neugefundene Orpheusmosaik in Jerusalem	574
— Hellas in des Orients Umarmung	575
Swarzenski, G., Die Regensburger Buchmalerei des X u. XI Jahrhunderts.....	235
Symonds, J. Addington, Studies of the Greek poets. II.....	599
Taccone-Gallucci, D., Monografie di storia calabro-ecclesiastica.....	598
Testa, M. L., Osservazioni critiche sulla storia dell' arte a proposito di un opera recente.....	258
Thibaut, J., Les chants de la liturgie de St. Jean Chrysostome dans l'église Bulgare.....	579
— Traités de musique Byzantine	579
— La musique instrumentale chez les Byzantins	585
Thumb, A., Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus. Реч. С. Илечкова.....	473. 576
— Die sprachgeschichtliche Stellung des Biblischen Griechisch	568
— Die germanischen Elemente des Neugriechischen.....	569
Tikkanen, J. J., Die Psalterillustration im Mittelalter. I. 3. Реч. А. К.	506
Tocci, Tenzio, La questione albanese.....	257
Tommasini, V., Sulle laudi greche conservate nel Liber Politicus del canonico Benedetto	589

Terre, A. della, Storia dell' Accademia platonica di Firenze.....	258
Tournebize, F., S. J., L'église grecque orthodoxe et l'Union.....	255
— Histoire politique et religieuse de l'Arménie	582
Treu, M., Matthaios Metropolit von Ephesos.....	236
Tumlati, D., I cantori di S. Sofia	593
Turner, C. H., Ensebins' Chronology of Felix and Festus	601
— Epiphanius' Chronology of the Ministry	602
Ubaldi, P., Gli epiteti esornativi nelle lettere di S. Giovanni Crisostomo	595
U(sener), Divus Alexander	570
Uzielli, G., L'orazione della misura di Cristo.....	260.
Vailhé, S., Saint Michel le Syncelle et les deux frères Grapti, Saint Théodore et Saint Théophane.....	247. 581
— Répertoire alphabétique des monastères de Palestine	248
— Jean Mosch	251
— Saint Romain le Mélode.....	251
— La fête de la Présentation de Marie au Temple.....	251
— La prise de Jérusalem par les Perses en 614.....	582
— Saint André de Crète	585
Van, P. van den, S.-Jérôme et la vie du moine Malchus le captif ..	247. 587
Venturi, A., Storia dell' arte italiana	235
— I capolavori della coltura bizantina nella seconda età d'oro..	597
— La Madonna.....	598
— The Madonna.....	603. 606.
Vincent, Fr. H., Une mosaïque avec inscription à Beit Sourik.....	249
— Une mosaïque byzantine à Jérusalem	249
Vitelleschi, F. N., Della storia civile e politica del papato	598
Vitelli, G., Per i «Tetrastichi» di Ignazio.....	589
— Una parola dei «Proverbi di Esopo».....	590
Vito, F. Nitti de, La leggenda della traslazione di S. Nicola di Bari ..	593
Vito. F. Nitti de, G. Nitto de Rossi, F. Carabellese, Codice diplomatico barese	593. 599
Voisin, G., La doctrine christologique de saint Athanase.....	245
— La doctrine trinitaire d'Apollinaire de Laodicée.....	245
— L'Apollinarisme	245. 586
Wallis, F., On Some mss of the writings of St. Athanasius.....	602
Wehofer, D. P. Th. M., Untersuchungen zur altchristlichen Epistolographie	236
Welfhausen, J., Die Kämpfe der Araber mit den Römern in der Zeit der Umayyiden	572
Whittaker, Th., The Neo-Platonists	599. 604
Wilson, C. W., Golgotha and the holy Sepulcre.....	600
Wright, W., A Catalogue of the Syriac manuscripts	600
Wünsch, R., Eine antike Rachepuppe.....	568

	Orp.
Schuster, Di una collezione di eulogie dei Luoghi Santi di Palestina	260
Schuyler, Montgomery, cm. Gray.....	262
Scriptores originum Constantinopolitanarum, rec. Th. Preger. L...	236
Siciliano-Villanueva, L., Sul diritto greco-romano (privato) in Sicilia	592
Sickenberger, J., Die Lukaskatene des Niketas von Herakleia	571
Soil, E. J., Constantinople. Notes archéologiques	249
— Rome et Byzance	250
Srawley, J. H., The Mss and Text of the Oratio catechetica of St. Gregory of Nyssa	602
Steinacker, H., Die römische Kirche und die griechischen Sprach- kenntnisse des Frühmittelalters	568
Sternbach, L., Constantini Manassae ecphrasis inedita	236
— Eugenios von Palermo	565
— Analecta Manassea	567
— Beiträge zur Kunstgeschichte	573
Stradner, J., Neue Skizzen von der Adria	573
Strong, T. B., The History of the Theological Term «Substance»..	603
Strzygowski, J., Orient oder Rom. Рен. Д. Айналова	138. 566
— Die Sophienkirche in Salonik	241
— Le relazioni di Salona coll' Egitto	257
— Die Ruine von Philippi	565
— Der Schmuck der älteren el-Hadrakirche im syrischen Klo- ster der sketischen Wüste	573
— Orient oder Rom?	574
— Das neugefundene Orpheusmosaik in Jerusalem	574
— Hellas in des Orients Umarmung	575
Swarzenski, G., Die Regensburger Buchmalerei des X u. XI Jahr- hunderts	235
Symonds, J. Addington, Studies of the Greek poets. II.....	599
Taccone-Gallucci, D., Monografie di storia calabra-ecclesiastica.....	598
Testa, M. L., Osservazioni critiche sulla storia dell' arte a propo- sito di un opera recente	258
Thibaut, J., Les chants de la liturgie de St. Jean Chrysostome dans l'église Bulgare	579
— Traités de musique Byzantine	579
— La musique instrumentale chez les Byzantins	585
Thumb, A., Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus. Рен. С. Илестракова	473. 576
— Die sprachgeschichtliche Stellung des Biblischen Griechisch	568
— Die germanischen Elemente des Neugriechischen	569
Tikkanen, J. J., Die Psalterillustration im Mittelalter. I. 3. Рен. А. К.	506
Tocci, Tenzio, La questione albanese	257
Tommasini, V., Sulle laudi greche conservate nel Liber Politicus del canonico Benedetto	589

	Crp.
Terre, A. della, Storia dell' Accademia platonica di Firenze.....	258
Turnebize, F., S. J., L'église grecque orthodoxe et l'Union.....	255
— Histoire politique et religieuse de l'Arménie	582
Treu, M., Matthaios Metropolit von Ephesos.....	236
Tumlati, D., I cantori di S. Sofia	593
Turner, C. H., Ensebins' Chronology of Felix and Festus	601
— Epiphanius' Chronology of the Ministry	602
Ubaldi, P., Gli epiteti esornativi nelle lettere di S. Giovanni Crisostomo	595
U(sener), Divus Alexander	570
Uzielli, G., L'orazione della misura di Cristo.....	260.
Vaiibé, S., Saint Michel le Syncelle et les deux frères Grapti, Saint Théodore et Saint Théophane.....	247. 581
— Repertoire alphabétique des monastères de Palestine	248
— Jean Mosch	251
— Saint Romain le Mélode.....	251
— La fête de la Présentation de Marie au Temple.....	251.
— La prise de Jérusalem par les Perses en 614.....	582
— Saint André de Crète	585.
Ven, P. van den, S. Jérôme et la vie du moine Malchus le captif ..	247. 587
Venturi, A., Storia dell' arte italiana	235.
— I capolavori della coltura bizantina nella seconda età d'oro..	597
— La Madonna.....	598
— The Madonna.....	603. 606.
Vincent, Fr. H., Une mosaïque avec inscription à Beit Sourik.....	249
— Une mosaïque byzantine à Jérusalem	249
Vitelleschi, F. N., Della storia civile e politica del papato	598
Vitelli, G., Per i «Tetrastichi» di Ignazio.....	589
— Una parola dei «Proverbi di Esopo».....	590
Vito, F. Nitti de, La leggenda della traslazione di S. Nicola di Bari ..	593
Vito. F. Nitti de, G. Nitto de Rossi, F. Carabellese, Codice diploma-	
tico barese	593. 599
Veisin, G., La doctrine christologique de saint Athanase.....	245
— La doctrine trinitaire d'Apollinaire de Laodicée.....	245
— L'Apollinarisme	245. 586
Wallis, F., On Some mss of the writings of St. Athanasius.....	602
Wehofer, D. P. Th. M., Untersuchungen zur altchristlichen Episto-	
lographie	236
Welfhausen, J., Die Kämpfe der Araber mit den Römern in der	
Zeit der Umayyiden	572
Whittaker, Th., The Neo-Platonists.....	599. 604
Wilson, C. W., Golgotha and the holy Sepulcre.....	600
Wright, W., A Catalogue of the Syriac manuscripts.....	600
Wünsch, R., Eine antike Rachepuppe.....	568

	Стр.
Wünsch, R., Das Frühlingsfest der Insel Malta.....	568
Xanthopoulos, Th., Sceau de Manuel Lykaiitès	251
Zaccaria, E., Scoperte in Gerusalemme	260
Ziebarth, E., Cyriacus von Ancona als Begründer der Inschriften- forschung	568
Zimmert, K., Der Friede zu Adrianopel	564
Αδαμαντίδης, Γ., Πολύτιμος ἐκκλησιαστικὸς κῶδιξ	288
Ἀλεξανδρίδης, Ἡλ., Ἡ πάλαι καὶ νῦν κατάστασις τῆς μητροπόλεως Ἀγκύρας	289
Ἀλεξούδης, Ἀνθιμος, Κώδικες ἐπαρχίας Βελεγράδων	267
Ἀντωνιάδης, Θάλης, Ἱστορία τοῦ δικαίου	289
Βασιλάκης, Γερμανός, Περὶ τῆς ἐπ' ὀνόματι τοῦ Ἀδελφοθέου Ἰακώβου φερομένης λειτουργίας	266
— Ἐλεγχος Ἐλέγχου	268
— Ἐξήγησις τῆς καθολικῆς ἐπιστολῆς Ἰακώβου τοῦ Ἀδελφοθέου ..	279
Βασιλειάδης, Νικόλαος, Ὁ ῥυθμὸς ἐν τῇ ἐκκλησιαστικῇ μουσικῇ, ὁ ποιητικὸς καὶ μουσικὸς	269
Βεγλερῆς, Γεώργιος Π., Ἡ πρώτη μορφή καὶ ὁ βαθμιαῖος καταρτισμὸς τοῦ παρ' ἡμῖν Μηνολογίου ἢ Συναξαρίου	290
Βέης, Ν. Α., Μιχαὴλ Κοντοπίδης Μάρκελλος	275
— Βυζαντινὰ αἰνίγματα	283
— Ἀρχαῖα χωρικά περιπαίγματα	286
Βυζάντιος, Θεμιστοκλῆς Δ., Περὶ τοῦ ῥυθμοῦ ἐν τοῖς ᾠσμασι τῆς Ἐκ- κλησίας	270
Γεδεών, Μ., Δύο παλαιὰ κείμενα περὶ Κωνσταντίνου τοῦ Μεγάλου ..	289
— Ὑπὲρ τῆς ἱστορίας τῆς ἐν Ἀγίῳ Ὁρει μεγίστης τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου λαύρας	289
Γιαννόπουλος, Ν. Ἰ., Θεσσαλικά ἀνάλεκτα	271
— Ἐπιγραφαὶ Τυρνάβου	275
— Χειρόγραφον βιβλίον	276
— Ἀρχαιολογήματα Ὑπάτης	285
Γόνιος, Θεμ., Κερκινίτις καὶ Πρασινὰς λίμνη	272
— Τὸ Ζαγόριον	273
Δελῆς, Ἰ. Ν., Οἱ Γατελοῦζοι ἐν Λέσβῳ 1355—1462	268
— Ἡ βυζαντινὴ Λέσβος. Βιβλιολογία	278
Δελτίον τῆς ἐν Ἀλμυρῷ φιλαρχαίου ἐταιρείας τῆς Ὁδρῆς	281
Δημητρίου, Κωνσταντ. Χ., Περὶ τῆς ἐπαρχίας Νευροκόπου	287
Δημόπουλος, Ἰάκωβος, Τὸ ἐν Μόσχᾳ συνοδικὸν σκευοφυλάκιον	282
Διαμαντάρης, Α. Σ. Δ., Περίπλους Λυκίας. Ἀπὸ Μεγίστης εἰς Μύρα ..	272
Δόσιος, Ν. Γ., Γενναδίου Σχολαρίου εὐχή ὑπὲρ ἀπελευθερώσεως	288
— Τὰ ἑλληνικὰ χειρόγραφα τῆς ἐν Ἰασιῷ Κεντρικῆς Βιβλιοθήκης ..	288
Δουβουνιώτης, Γεώργιος, Τὸ φαλκιδιον τρίτον ἐν τῷ βυζαντινῷ δικαίῳ	285
Ζάκας, Ἀναστάσιος Ἰ., Σμυρναϊκὴ τοπογραφία	272

	Стр.
Зερλέντης, Π. Γ., Κερκυραϊκὸν δημοτικὸν πᾶνμα	284
— Ἐπιστολαὶ Ἰωάννου Καρυοφύλλου πρὸς Μελέτιον Χορτάκιον καὶ τοὺς Θεσσαλονικαίς	278
— Ἐπιστολὴ Κυρίλλου Λουκάρεως πρὸς Ἀλέξιον Ὁξενσιτέρναν	278
Ζησίου, Κωνστ. Γ., Γυναικῶν ὀνόματα κύρια ἐν Κυνουρίᾳ	285
Καμπούρογλους, Δημήτριος Γ., Μνημεῖα τῆς ἱστορίας τῶν Ἀθηναίων	290
— Ἱστορία τῶν Ἀθηναίων. Τουρκοκρατία	290
Καρολίδης, Π., Περὶ τοῦ ἑλληνικαῦ κοινοβίου τῆς Κρυπτοφέρνης	276
Κοικυλίδης, Κλεόπας Μ., Κατάλογος ἀραβικῶν χειρογράφων τῆς Ἱεροσολυμιτικῆς Βιβλιοθήκης	280
— Τὰ κατὰ τὴν λαύραν καὶ τὸν χεῖμαρρον τοῦ Χουζιβᾶ	281
Κοφινιώτης, Εὐάγγελος Κ., Ἀκάθιστος ὕμνος, ἦτοι 24 οἵκοι τῆς Θεοτόκου	268
Κρούμβαχερ, Κ., Ἱστορία τῆς βυζαντινῆς λογοτεχνίας. Реч. А. Кирпичникова	497
Κυριακίδης, Ἐκαμεινώδας, Ἱστορία τῆς παρὰ τὴν Τραπεζοῦντα ἱερᾶς βασιλικῆς πατριαρχικῆς σταυροπηγιακῆς μονῆς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῆς Σουμελά	269
Κωνσταντόπουλος, Κ. Μ., Ἱστορία τῆς βυζαντιακῆς τέχνης μέχρι τῶν χρόνων τοῦ Ἰουστινιανοῦ	277
Κωστής, Ν. Κ. Χ., Ἐπιστολὴ ἀνέκδοτος Ἀθανασίου τοῦ Παρίου πρὸς Κοραῖν	271
Λάμπρος, Σπυρ. Π., Ἀθηναῖοι βιβλιογράφοι καὶ κτήτορες κωδίκων κατὰ τοὺς μέσους αἰῶνας καὶ ἐπὶ τουρκοκρατίας	284
Λαμπруνίδης, Μιχαήλ, Ἡ Ναυπλία ἀπὸ τῶν ἀρχαιολόγων χρόνων μέχρι τῶν κατ' ἡμᾶς	283
Λαυριώτης, Ἀλέξανδρος, Περὶ τῆς κατὰ τὴν νῆσον Χάλκην ἱερᾶς μονῆς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου	267
Λέοντιος, Ὁ πρῶν Ἰωαννίνων Ἰωακείμ Μελενίκιος	273
Μαλανδράκης, Μ., Ἑρμηνεῖα εἰς τὰ πρῶτα ἑνέα τροπάρια τοῦ εἰς τὴν γέννησιν τοῦ Ἰησοῦ Χριστοῦ κανόνος Κοσμᾶ τοῦ μελῳδοῦ ..	267
Μαρκόπουλος, Κ. Χ., Ἡ ἐν Τριγλίᾳ ἱερὰ μονὴ τοῦ Σωτῆρος Χριστοῦ	289
Μελισσηνός, Ὁ ῥυθμὸς ἐν σχέσει πρὸς τὸν χρόνον καὶ τὴν παρασημαντικὴν τῆς ἡμετέρας μουσικῆς	270
Μερτζίδης, Σταῦρος, Οἱ Φίλιπποι. Ἐρευναι καὶ μελέται χωρογραφικαὶ ὑπὸ ἀρχαιολογικὴν, γεωγραφικὴν, ἱστορικὴν, θρησκευτικὴν καὶ ἐθνολογικὴν ἑποψιν	279
Μηλιαράκης, Α., Ἑρμηνεῖα τῆς παροιμίας «Ὅποιος ἔχει πολὺ πιπέρη, βάζει καὶ ἐς τὰ λάχανα»	276
Μυστακίδης, Νικόλαος, Ἡ μητρόπολις Δρυϊνουπόλεως	272
— Ἡ Ἀβαρίτσα τῆς Ἠπείρου	278
— Θεσπρωτικά. Σύντομος ἱστορικὴ περιγραφὴ τῆς ἱερᾶς μητροπόλεως Παραμυθίας	278

	Стр.
Νικολαΐδης, Εὐάγγελος Γ., Περὶ τῆς μοναχικῆς ἀκτημοσύνης ἐν τῇ κοινῇ καὶ τῇ ἑλληνικῇ ἐκκλησιαστικῇ δικαίῃ	285
Παναγιωτόπουλος, Σ., Ἐπιγραφαὶ ἀρχαῖαι ἑλληνικαὶ καὶ τοῦ μεσαι- ῶνος καὶ ἄλλαι ἀρχαιότητες εὐρεθεῖσαι ἐν Κωνσταντῇ	288
— Καὶ ἄλλαι ἐπιγραφαὶ εὐρεθεῖσαι νεωστὶ ἐν Κωνσταντῇ	288
Παπαγεώργιος, Σ. Κ., Ἑβραϊοἑλληνικαὶ ἐλεγείαι	271
Παπαγεωργίου, Π. Ν., Διορθώσεις εἰς <i>Fontes imperii Trapezuntini</i> . I	233
— Ἀπὸ τοῦ βασιλικοῦ σεκρέτου?	233
— Ἀνθόλογον = <i>archetypus</i>	238
— Φωτίου πατριάρχου καὶ τοῦ ἀδελφοῦ Ταρασίου πατρικίου ζήτη- σις θεολογικὴ	266
— Χειρόγραφα καὶ διορθώσεις	266
— Λεξικὸς ἔρανος	274
— Φωτίου πατριάρχου ἀνέκδοτος ὁμιλία καὶ ἐκδεδομένα ἐπιστολαί	274
— Ὑπόμνημα εἰς Φωτίου πατριάρχου ὁμιλίαν κριτικόν	274
— Ἡ ἐπιτύμβιος ἐπιγραφή	290
Παπαδόπουλος, Χρήστος, Ὁ ἐν Ἀμμοχώστῃ καθεδρικός ναὸς τοῦ ἁγίου Νικολάου	288
Παπαδόπουλος, Χρυσόστομος, Ὁ ἅγιος Ἰωάννης ὁ Χρυσόστομος ὡς ρήτωρ καὶ διδάσκαλος	268
— Περὶ τῆς λειτουργίας τοῦ ἁγίου Ἰακώβου	268
— Περὶ τῆς ἀποστολικῆς λειτουργίας τοῦ ἁγίου Ἰακώβου	279
Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, Α., Νικηφόρος Κάλλιστος Ξανδόπουλος ..	231
— Μάρκος ὁ Εὐγενικός, ὡς πατὴρ ἅγιος τῆς ὁρθ. καθ. ἐκκλησίας ..	232
— Συνοδικὴ πρᾶξις Γεωργίου Ξιφιλίνου	232
— Κατάλογος τῶν Ἑλληνικῶν κωδίκων τῆς ἐν Μηλέαις βιβλιοθήκης	270
— Σημειώσεις ἐξ ἁγίου Λαυρεντίου	270
— Ὁ τῆς ἀκμῆς τοῦ Ῥωμανοῦ χρόνος	278
— Μανουὴλ ὁ Κορίνθιος καὶ ἐν ὕμνογραφικῶν αὐτοῦ πονημάτων ..	283
— Θεσσαλικά σημεῖα	284
— Περὶ Θεοφάνους τοῦ Σικελοῦ	285
— Ὁ ὕμνογράφος Κυριακός	286
— Ὁ μελωδὸς Ἀναστάσιος	286
— Καὶ πάλιν περὶ τῆς δευτέρας ψδῆς τῶν ᾠσματικῶν κανόνων ..	287
— Ὁ ὕμνογράφος Ἰγνατίος	287
— Ἀθηναῖκά ἐκ τοῦ ιβ' καὶ ιγ' αἰῶνος	287
— Διορθωτικὰ εἰς χριστιανικὰς ἐπιγραφάς	556
Παπανδρέου, Γ., Ἀνὰ τὰ Καλάβρυτα. Ἀροᾶνα ὄρη. Ὑδατα Στυγός .	274
— Μονογραφία περὶ τῶν κατὰ τὴν Μεσσηνιακὴν Πύλον	275
— Χριστιανικαὶ ἀρχαιότητες ἐν τῇ χωρίῳ Χριστιανοῦ τῆς Τριφυλίας	286
— Ἡ νῆσος Πρώτη	287
Πασχάλης, Δημήτριος Π., Ματθαῖος ὁ Ἄνδριος, πάπας καὶ πατριάρ- χης Ἀλεξανδρείας καὶ πάσης γῆς Αἰγύπτου	277
Παχείδης, Πολ. Γ., Ὁ ρυθμὸς εἰς τὰ ἐκκλησιαστικὰ ἡμῶν ᾠσματα ..	270

	Стр.
Περβάνογλος, 'Ι., 'Η Χίος ὑπὸ τοὺς 'Ιουστινιάνας.....	275
Πολίτης, Ν. Γ., 'Ελληνες ἢ 'Ρωμαῖοι;	281
Πρωτόδικος, 'Ι., Πόθεν τὸ ὄνομα «βάρκα».....	275
— Περὶ τῆς λέξεως «καλαμάρι».....	276
Σβορώνος, 'Ι. Ν., Νομισματικὰ εὐρήματα ἐν 'Ελλάδι.....	272
Σπυριδάκης, 'Αδ. 'Ι., 'Ανέκδοτα χειρόγραφα τῆς ἐταιρείας 'Οδρως...	271
— Αἰνίγμα βυζαντιακόν.....	271
Στουραίτης, Σ., Περὶ τῆς θέσεως τῆς ἀρχαιοτάτης Σαλαμίως.....	275
Ταράσιος, 'Επιτύμβιος ἐπιγραφή.....	290
Ταοκόπουλος, Γ. Β., Οἱ ἐν 'Αντιοχείᾳ 'Ολυμπιακοὶ ἀγῶνες.....	274
Τσουροκτσόγλου, Ν., Σπάνιον χειρόγραφον ἱεροῦ Εὐαγγελίου.....	285
Φιλαδελφεύς, Θ. Ν., 'Ανέκδοτοι ἐπιστολαὶ τοῦ πατριάρχου 'Ιεροσολύμων 'Εφραίμ καὶ ἄλλων διδασκάλων τῶν ἐπὶ τοῦ Πηλίου ἰδίᾳ σχολείων κατὰ τὸν ιη' αἰῶνα	272
— Περὶ τῶν ἐν Κορσικῇ 'Ελλήνων.....	275
— Περὶ τραχώματος.....	276
— 'Ανέκδοτα ἐγγραφα καὶ ἐπιστολαὶ περὶ τῶν ἐπὶ τοῦ Πηλίου σχολείων καὶ τοῦ ἐν 'Αρτρ.....	276
— 'Επιστολαὶ ἀνέκδοτοι Μακαρίου τοῦ ἐν Πάτμῳ φροντιστηρίου γυμνασιάρχου καὶ τοῦ μαθητοῦ αὐτοῦ καὶ φίλου Κωνσταντίνου Γορδάτου τοῦ Χίου.....	284
— 'Ιστορία τῶν 'Αθηνῶν ἐπὶ τουρκοκρατίας.....	291
Φοντριέρ, 'Αριστοτέλης Μ., 'Η μονὴ τῶν Λέμβων.....	278
Φορόπουλος, 'Ιωακείμ, 'Εγγραφα τοῦ πατριαρχικοῦ ἀρχιεποφυλακίου .	266
— 'Ανάλεκτα ἐκ τῶν πατριαρχικῶν κωδίκων.....	266
— Πίναξ τιτουλαρίων ἐπισκόπων.....	267
Φωτίου, πατριάρχου Κ/πόλεως, λόγοι καὶ ὁμιλίαι ὀγδοήκοντα τρεῖς ἐκδιδόντος Σ. 'Αριστάρχου	276. 512
Χατζιδάκης, Γεώργιος Ν., Γλωσσολογικαὶ μελέται	282
Χρυσοχόος, Μιχ., 'Αθως — 'Ακτὴ — 'Αγιον 'Ορος — Θύσος.....	284
Ψάχος, Κωνσταντῖνος 'Α., 'Η βυζαντινὴ μουσικὴ γραφὴ καὶ τὸ φυλλάδιον τοῦ Thibaut.....	288
* * 'Η 'Εκκλησία τῶν 'Ιεροσολύμων κατὰ τοὺς τέσσαρας τελευταίους αἰῶνας.....	268
* * 'Αρχαιολογικὰ εὐρήματα	273
* * Τὸ ὄρος Περιστέριον.....	287

3. НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШИЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Γ. Νέα βιβλία σταλέντα πρὸς τὴν διεύθυνσιν. 291. 614

ΟΤΔΨΛΤ Ψ.

ΜΕΡΟ΢ Γ΄.

ΜΕΛΚΙΑ ΖΑΜΨΤΚΙ Ι ΙΖΨΨΤΙΑ.

Μικραι ανακοινώσεις.

	Οτρ.
Русскій Археологическίη Институтъ въ Константинополѣ въ 1901 г. Б. П.	
Έργασίαι του έν Κ/πόλει Έρωσικού Αρχαιολογικού Ίνστιτούτου κατά τὸ έτος 1901 υπό Μπ. Π.....	294
Императорская Академія Наукъ въ С.-Петербургѣ. В. С.	
Ή έν Πετροупόλει Αύτοκρατορική Ακαδήμεια τῶν επιστημῶν υπό В. Σ.	300
Императорскій С.-Петербургскій Университетъ. В. С.	
Τὸ έν Πετροупόλει Αύτοκρατορικὸν πανεπιστήμιον υπό В. Σ.....	305
Засѣданія русскихъ ученыхъ обществъ и учреждений. В. С.	
Συνεδριάσεις έν ῥωσικοῖς επιστημονικοῖς συλλόγοις καὶ καθιδρύμασιν υπό В. Σ.....	307
Пожалованіе почетнаго титула великаго впомянутаграфа А. И. Пападопуло-Κεραμεвсу. И. Соколова.	
Απονομή πατριαρχικού ὀφφικίου εις τὸν κ. Α. Παπαδόπουλον-Κεραμεία υπό Ί. Σοκολώφ.....	320
La Société des études du moyen âge de Constantinople. P. Aurelio Palmieri.	
Общество изученія среднихъ вѣковъ въ К/полѣ. А. Пальмиери.	320
Сборникъ византийскихъ грамотъ.	
Συλλογή βυζαντινῶν έγγραφων	337
† Ф. Кс. Краусъ. Е. Р.	
† Franz Xaver Krauss υπό Έ. Έ. Ρ.	338
† В. К. Ернштедтъ.	
† Victor Jernstedt.	342
Entgegnung auf die Rezension von P. Lavrov. L. K. Goetz.	
Απάντησις εις τήν επίκρισιν του κ. Λαβρώφ υπό L. K. Goetz.....	618
Доклады по византиновѣдѣнію, сообщенные на засѣданіяхъ XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ (15—27 августа 1902 г.). Е. Р.	
Βυζαντινολογικαὶ ανακοινώσεις έν τῷ ΙΒ΄ αρχαιολογικῷ συνεδρίῳ του Харκόβου (τῇ 15—27 αὐγούστου 1902) υπό Έ. Έ. Ρ.	621
Ученая поѣздка на Синай въ 1902 году. А. Васильева.	
Έπιστημονική ἐκδρομή μέχρι του Σινᾶ κατά τὸ 1902 έτος υπό Έ. Βασίλειεφ.....	635

	Стр.
Результаты экскурсії французскихъ ученыхъ Chesnay и Perdri- zet въ Македонію. В. Сонкина.	
Ἀποτελέσματα τῆς εἰς Μακεδονίαν ἐκδρομῆς τῶν γάλλων Chesnay καὶ Perdrizet ὑπὸ В. Σόνκιν.	635
Императорская Академія Наукъ въ С.-Петербургѣ. В. Сонкина.	
Ἡ ἐν Πετροῦπόλει Αὐτοκρατορικὴ Ἀκαδημία τῶν ἐπιστημῶν ὑπὸ В. Σόνκιν.	638
Засѣданія русскихъ ученыхъ обществъ и учреждений. В. Сон- кина.	
Συνεδριάσεις ἐν ῥωσικοῖς ἐπιστημονικοῖς συλλόγοις καὶ καθιδρύμασιν ὑπὸ В. Σόνκιν.	646
Засѣданія иностранныхъ ученыхъ обществъ и учреждений. В. Сонкина.	
Συνεδριάσεις ἐν εὐρωπαϊκοῖς ἐπιστημονικοῖς συλλόγοις καὶ καθιδρύμασιν ὑπὸ В. Σόνκιν.	659
XIII Международный конгрессъ ориенталистовъ въ Гамбургѣ. В. Сонкина.	
Τὸ ἐν Ἀμβούργῳ δέκατον τρίτον συνέδριον τῶν ἀσιανολόγων ὑπὸ В. Σόνκιν.	664
Докторскіе и магистерскіе диспуты. В. Сонкина.	
Ἀναγορεύσεις εἰς βαθμὸν διδάκτορος καὶ μαγίστρου ὑπὸ В. Σόνκιν. .	666
Византийскій реликвій Маріи Комнины отъ XII вѣка. В. Сон- кина.	
Βυζαντινὸν μνημεῖον ἐκ τοῦ Β' αἰῶνος Μαρίας Κομνηνῆς ὑπὸ В. Σόνκιν.	669
Découvertes archéologiques. A. P.	
Археологическія находки. А. П.	672
Le prof. Lambakis et son voyage archéologique en Turquie. A. P.	
Археологическая поѣздка проф. Ламбакиса по Турціи. А. П.	674
Le IX centenaire de la fondation de l'abbaye de Grottaferrata. A. P.	
900-лѣтіе основанія Гроттеферратскаго монастыря. А. П.	675
Les documents orientaux des Archives d'Etat de Venise. A. P.	
Восточныя грамоты въ Государственномъ Венеціанскомъ Ар- хивѣ. А. П.	677
Chez les Grecs de Constantinople. J. Pargoire.	
У грековъ въ Константинополѣ. J. Pargoire.	677
† В. К. Ернштедтъ. Г. Ф. Церетели.	
† Victor Jernstedt ὑπὸ Г. Ф. Τσερετέλη.	691

ОТДѢЛЪ I.

Друнгъ и друнгарій.

I.

Нашъ заслуженный византинистъ, акад. Θ. И. Успенскій, въ одной изъ своихъ многочисленныхъ работъ по исторіи внутренняго строя византийскаго государства ¹⁾ имѣлъ случай остановиться на выясненіи византийскаго военного термина *δρούγγος*. Поводомъ къ тому послужилъ для него текстъ одного документа конца XII вѣка, который былъ имъ привлеченъ къ изслѣдованію византийскихъ поземельныхъ отношеній, а именно докладная записка царю Алексѣю Ангелу аѳинскаго митрополита Михаила Акомината. Ходатайствуя предъ императоромъ за свою паству противъ вымогательствъ со стороны чиновниковъ, авторъ записки выражается между прочимъ такъ: *Εἰς συντριβὴν γὰρ τοῦτο τῶν δρούγγων καὶ βλεθρον ἀφορᾷ· ἡ δὲ τῶν δρούγγων ἀπόλεια τοῦ καθ' ἡμᾶς ὁρίου παντός ἐστιν ἀπόλεια*. Подробнымъ анализомъ всего текста проф. Успенскій обосновалъ такой переводъ этой фразы: «это ведетъ къ распаденію и гибели общинъ, гибель же общинъ крестьянскихъ равняется пагубѣ всего нашего округа» ²⁾. Итакъ,

1) Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи. Журн. Мин. Нар. Просв. 1883, янв. — февр.

2) Такой переводъ этого мѣста данъ былъ Θ. И. Успенскимъ еще въ его изслѣдованіи: «Образованіе второго болгарскаго царства». Одесса. 1879, стр. 45 прим.— Полный переводъ челобитной Михаила Акомината сдѣланъ былъ покойнымъ акад. Васильевскимъ въ заключеніи четвертой статьи его изслѣдованія: «Матеріалы для внутренней исторіи Византийскаго государства», Жур. Мин. Нар. Просв. 1880, августъ, стр. 399—404. Интересующее насъ мѣсто переведено такъ: «ибо это ведетъ къ разоренію и гибели (крестьянскихъ) общинъ, а гибель ихъ есть гибель всего нашего округа». Поздѣе Васильевскій отказался отъ этого перевода, см. его изслѣдованіе: «Совѣты и рассказы византийскаго боярина XI вѣка». С.-Пб. 1881, стр. 186. Слово *δρούγγος* онъ предлагаетъ понимать и въ этомъ текстѣ какъ военный отрядъ и го-

слово *δροῦγος* оказалось здѣсь въ значеніи «община». Но слово это, какъ извѣстно, имѣетъ въ языкѣ византійцевъ чисто техническое военное значеніе, обозначая собою военный отрядъ извѣстной численности, во главѣ котораго стоитъ начальникъ, именуемый *δρουγγάριος*. Отмѣтивъ этотъ фактъ и указавъ, что слово *δροῦγος* встрѣчается уже въ «Стратегикѣ» Маврикія, проф. Успенскій привелъ мѣсто изъ «Тактики» имп. Льва Мудраго, въ которомъ дано такое опредѣленіе друнга: *Δροῦγος τὸ ἐκ ταγμάτων ἤτοι ἀνδρῶν τῶν λεγομένων κομήτων συχούμενον πλῆθος* — IV 9. Принимая слова: *τῶν λεγομένων κομήτων* за приложеніе къ слову *ἀνδρῶν*, проф. Успенскій усмотрѣлъ здѣсь смѣшеніе терминовъ *κόμητες* и *χωμήται* и въ своемъ анализѣ этого текста пришелъ къ выводу, который онъ формулировалъ такъ: «на основаніи самыхъ военныхъ сочиненій можно усматривать земское происхожденіе друнга»¹⁾. Отсюда гипотеза, что византійскій *δροῦγος* есть славянская «задруга», которая, вѣроятно, была формой боеваго строя у славянъ въ пору первыхъ столкновеній съ ними имперскихъ войскъ, подобно тому какъ у германцевъ, по свидѣтельству Цезаря и Тацита, имѣли такое же значеніе семейство и родъ²⁾. Развивая дальше свою гипотезу, проф. Успенскій допускаетъ возможность, что имя славянскаго племени Драговиты, передаваемое у византійцевъ въ формахъ: *Δρουγουβίται*, *Δραγουβίται*, *Δρογουβίται*, — не есть племенное имя, а лишь содержитъ въ себѣ указаніе на тотъ особый боевой строй, съ которымъ тогда впервые познакомились византійцы. За этимъ предположеніемъ слѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ выводовъ и приложений, къ которымъ можетъ вести эта гипотеза. Обосновать ее филологически проф. Успенскій не пытался, удовольствовавшись однимъ лишь сближеніемъ словъ: *δροῦγος* — задруга — дружина.

Выставленная проф. Успенскимъ гипотеза о славянскомъ происхожденіи византійскаго друнга и земскомъ строѣ византійской арміи нашла себѣ полный откликъ въ почтенномъ изслѣдованіи проф. Ска-

товъ видѣть здѣсь противоположеніе «военныхъ дружинъ» гарнизоннымъ (*καστρηνοί*) солдатамъ, причемъ этихъ послѣднихъ придется принять за «отряды центральной арміи, или же, другими словами, гвардію». — Не можемъ не высказать здѣсь замѣчанія, что это объясненіе не можетъ выдержать критики и гарнизонъ не можетъ никакимъ образомъ быть частью гвардіи; а тогда исчезаетъ и возможность противоположенія, которое есть въ текстѣ.

1) Ib. янв., стр. 71.

2) Къ показаніямъ Цезаря и Тацита о боевомъ строѣ германцевъ слѣдовало-бы присоединить свидѣтельство Маврикія: XI 4, p. 269, воспроизведенное имп. Львомъ: Tact. XVIII, 84.

балановича: «Византійское государство и церковь въ XI вѣкѣ» (С.-Пб. 1884). Въ своемъ обзорѣ военныхъ учреждений Византіи, консулившись дѣленія арміи на оемы и тагмы, проф. Скабалановичъ полагаетъ, что объясненіе этого дѣленія «можно искать въ исторіи славянскихъ поселеній и основанія славянскихъ общинъ, обязавшихся византійскому правительству военной службой»; утверждаетъ, что «самое названіе друнгъ (задругъ, дружинъ) и бандъ можно производить отъ славянскихъ корней» и смѣло говорить далѣе, что «именемъ друнговъ и бандъ обозначались славянскія общины и входившія въ составъ общинъ селенія»¹⁾. Болгарскій ученый Матовъ въ своемъ этюдѣ о славянскихъ словахъ, вошедшихъ въ греческій языкъ²⁾, помѣстилъ также и слово *δρῶγγος*, сославшись на аргументацію проф. Успенскаго и подкрѣпивъ ее съ филологической стороны³⁾. Но г. Матову извѣстна уже и другая теорія, по которой слово *δρῶγγος* не имѣетъ ничего общаго съ славянскою дружиною или задругой. Она принадлежитъ именитому слависту Миклошичу и дана имъ въ краткой формѣ безъ всякой обосновки и полемики въ его: «*Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprache*» (Wien 1886). Подъ словомъ *drongari* на стр. 60 Миклошичъ даетъ слѣдующее: «asl. *dragarъ*, *drungarъ*, *drungarius*, qui drungo seu turmae militari praeest. gr. *δρῶγγος*, lat. *drungus*. Das Wort ist deutsch: ags. *drunga*. Vgl. air. *drong coetus*».

Итакъ, передъ нами двѣ теоріи. Обѣ онѣ признаютъ слово *δρῶγγος* заимствованнымъ, но ведутъ его изъ разныхъ источниковъ. Чтобы выбрать между ними и рѣшительно склониться на сторону одной изъ нихъ, намъ не зачѣмъ даже становиться на почву филологическаго анализа, такъ какъ въ нашемъ распоряженіи есть большой матеріалъ литературныхъ свидѣтельствъ, которыя позволяютъ прослѣдить исторію слова *δρῶγγος* за нѣсколько вѣковъ раньше имп. Льва Мудраго, текстъ котораго послужилъ исходнымъ пунктомъ для проф. Успенскаго.

II.

Въ «Тактикѣ» имп. Льва термины *δρῶγγος* и *δρῶγγάριος* приведены съ соотвѣтственными разъясненіями въ изложеніи о составѣ боевой арміи (сар. IV). Главнокомандующій носитъ имя стратега (*στρατη-*

1) О. I. стр. 316.

2) Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина. IX (1893). Гръцко-български студии.

3) О. I. р. 64—65.

γός); находящаяся подъ его командой армія представляется состоящей изъ трехъ равныхъ по своей численности частей, μέρος. Эти части, какъ тактическія единицы, называются турмами (τοῦρμα). Каждая турма состоитъ въ свою очередь изъ трехъ частей, именуемыхъ — μοῖρα. Какъ равнозначный съ этимъ послѣднимъ терминомъ данъ у Льва другой — δροῦγγος (IV 9). Друнгъ составляется изъ нѣсколькихъ (число не обозначено) меньшихъ тактическихъ единицъ, которыя носятъ имя тагмъ или бандъ, τάγμα, βάνδον. Командиры тагмъ или бандъ называются комитами κόμητες, друнговъ — друнгаріями δρογγάριοι (при чемъ авторъ поясняетъ, что въ древности то были χιλίαρχοι), а турмъ — турмархами TOURMÁRXAI (IV 42; 45). Наибольшая численность боевой арміи опредѣляется въ 18 тысячъ, такъ какъ предѣльное наибольшее число для тагмы — 400 человекъ, для друнга — 300 и для турмы 6000 (IV 45). Итакъ, по свидѣтельству «Тактики» имп. Льва Мудраго, друнгъ есть строевая единица византійской арміи, входящая въ составъ высшей, которая носитъ имя турмы. По поводу предѣльной численности состава друнга нельзя не отмѣтить нѣкотораго противорѣчія у царственнаго автора, а именно: друнгъ есть третья часть турмы; хотя для него допускается численность въ 3 тысячи человекъ, но турма не можетъ заключать въ себѣ болѣе 6 тысячъ. Далѣе, тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ своего изложенія (IV 42) называетъ друнгъ — хилархіей (ταῦτα δὲ τὰ τάγματα συνάξεις εἰς χιλιαρχίας, ἥτοι μοῖρας τοὺς λεγομένους δροῦγγους). Очевидно, терминъ χιλίαρχος, на смѣну котораго явился δρογγάριος, имѣлъ реальное значеніе, какъ можно то подтвердить указаніемъ на нѣкоторыя другія мѣста въ текстѣ «Тактики».

Кромѣ сущ. δροῦγγος имп. Левъ знаетъ и производное отъ него нарѣчіе: δρογγιστί, которое значитъ не «по друнгамъ», а нѣчто совершенно другое. Мы предпочитаемъ остановиться на выясненіи этого послѣдняго термина, перейдя къ тому военному писателю, изъ котораго такъ много позаимствовалъ имп. Левъ въ своей «Тактикѣ», хотя былъ отдѣленъ отъ него почти тремя столѣтіями. Разумѣемъ «Стратегику» Маврикія. Ученый характеръ «Тактики», о чемъ такъ пространно сказано въ предисловіи къ ней самимъ авторомъ, лишаетъ историческаго значенія многія заключенныя въ ней частныя свѣдѣнія; тогда какъ у Маврикія предъ читателемъ предстаетъ живая, современная автору, дѣйствительность. Изъ времени послѣ имп. Льва дошли до насъ такія же живыя, отражающія современность, творенія воен-

ной литературы, это: «De velitatione bellica» отъ времени Никифора Фоки и недавно изданный трактатъ «De castrametatione» неизвѣстнаго автора. Но въ языкѣ этихъ твореній нѣтъ ни сущ. *δροῦγος*, ни нарѣчія *δροῦγιστί*.

Обращаясь отъ «Тактики» имп. Льва къ «Стратегикѣ» Маврикія¹⁾, мы прежде всего можемъ констатировать, что термины: *μέρος*, *μοῖρα* и *τάγμα* или *βάνδον* имѣютъ у него совершенно то же самое значеніе, какъ и въ «Тактикѣ» имп. Льва. Въ 3 гл. I кн. авторъ перечисляетъ офицеровъ дѣйствующей арміи. Онъ называетъ, здѣсь въ ранговой послѣдовательности слѣдующіе чины; *Στρατηγός*, *ὑποστράτηγος*, *Μεράρχης*, *Μοιράρχης*, *Κόμης* ἤτοι *Τριβοῦνος* и рядъ низшихъ чиновъ, подчиненныхъ комитамъ или трибунамъ, на которыхъ намъ въ данномъ случаѣ не приходится останавливаться. Тактическія единицы, находящіяся подъ командой у высшихъ офицеровъ, носятъ имена: *μέρος*, *μοῖρα*, *τάγμα* или *βάνδον*. Въ 4 гл. той же книги даны болѣе точныя разъясненія о военныхъ частяхъ этихъ наименованій, причемъ авторъ наставляетъ, сообразно общему тону своего изложенія, что въ тагмѣ не должно быть болѣе 400 человѣкъ и не менѣе 200, въ мирѣ (*μοῖρα*) — не болѣе 3 тысячъ и въ мерѣ (*μέρος*) — не болѣе 6 или 7 тысячъ. Итакъ, высшая цифра боевой арміи отъ 18 до 21 тысячъ человѣкъ, а низшая опредѣляется въ 9 тысячъ. Дѣленіе людей по таγμαмъ, мирамъ и мерамъ лежитъ на обязанности стратига (р. 31), который также самъ назначаетъ подчиненныхъ ему командировъ частей и затѣмъ обучаетъ свою армію, доводя ее до боевой готовности. Боевое значеніе названныхъ единицъ вполне опредѣленно подтверждается совѣтомъ автора на случай имѣнія въ наличности большаго числа войска. Онъ совѣтуетъ не включать лишнихъ людей въ названныя строевыя единицы, а давать имъ другое назначеніе (р. 32).

Въ этомъ разъясненіи о дѣленіи арміи на части авторъ употребляетъ слово *δροῦγος* въ такой связи: *Καὶ μέρος ἐστὶ τὸ ἐκ τριῶν μοιρῶν συχρήμενον ἄδροισμα, ἥγουν δροῦγος* (р. 27). Изъ прямого смысла этихъ словъ слѣдуетъ, что Маврикій примѣнялъ слово *δροῦγος* для обозначенія одной трети боевой арміи, а самыя трети онъ понимаетъ какъ: центръ, правое и лѣвое крыло (*μέρη τρία ἴσα, μέσον*,

1) Цитаты въ дальнѣйшемъ изложеніи приведены по изданію: *Arriani Tactica et Mauricii Artis militaris libri duodecim. Graece primus edit, versione latina notisque illustrat Joannes Schefferus. 1664.* Объ авторѣ и его датировкѣ см. *Förster, Studien zu d. gr. Tact. Hermes XII.*

δεξιόν, ἀριστερόν, τὰ ποιοῦντα τὴν παράταξιν τὴν ὑπὸ τῷ στρατηγῷ τεταγμένην — p. 31). Ошибочно было бы на основаніи этого текста утверждать, что для Маврикія друнгъ тождествененъ съ частью (μέρος). Терминъ этотъ имѣетъ болѣе общій характеръ и прилагается имъ совмѣстно къ «мерѣ» и «мирѣ». Такъ, доказывая необходимость строить кавалерію не въ одну, а въ двѣ линіи, одна за другой, Маврикій выражается такъ: Διό καὶ οἱ ἀρχαῖοι τοῦτο παρατηρήσαντες εἰς δρούγγους, ἤτοι μέρη καὶ μοίρας διαφόρους, πρὸς τὴν χρεῖαν ἔτασσον. καθὼς νῦν Ἀβάρες καὶ Τοῦρκοι τασσονται, ἐκεῖνο τὸ σχῆμα αὐτοὶ φυλάττοντες, καὶ συντόμως ἐντεῦθεν ἀναγκαλούμενοι τὰς συμβαινούσας αὐτοῖς μερικὰς τροπὰς ἐν ταῖς μάχαῖς — II 1, p. 47, т. е. «на этомъ основаніи и древніе выставляли строй по дрункамъ, т. е. различнымъ мерамъ и мирамъ, по мѣрѣ надобности. Такъ и теперь строятся Авары и Турки, сохраняя эту форму, и благодаря этому они быстро возстановляютъ случающееся у нихъ по мѣстамъ бѣгство въ битвахъ». — Съ этимъ мѣстомъ слѣдуетъ для большей ясности сопоставить другое: Διό τοῦτο εἰς μοίρας καὶ μέρη, ἤτοι τοὺς λεγομένους δρούγγους διαφόρους, χρὴ τὸν πάντα καβαλλαρικὸν στρατὸν διανέμεσθαι, εἴτε πολὺς ἐστὶν ὁ στρατός, εἴτε καὶ σύμμετρος — II 2, p. 53, т. е. «Поэтому надлежитъ дѣлить все кавалерійское войско, велико ли оно, или мало, — на меры и миры, или такъ называемые различные друнки».

Въ обоихъ этихъ текстахъ терминъ друнгъ отнесенъ вмѣстѣ къ мерѣ и мирѣ; очевидно, авторъ прибѣгаетъ къ живому, всѣмъ понятному слову (τοὺς λεγομένους δρούγγους) съ цѣлью отгѣнить единство и цѣльность строевой части, важныя качества въ тактикѣ боя. — Такой именно смыслъ термина выступаетъ въ упоминаніи его въ слѣдующемъ мѣстѣ (рѣчь идетъ о томъ, какъ становиться лагеремъ): εἰ δὲ μὴ εἰσὶ πλησίον ἐχθροί, ἀρκεῖ καὶ δι' ἑνὸς μόνου δρούγγου ἤτοι μέρους τοῦτο γίνεσθαι τὸ σχῆμα, καὶ τοὺς λοιποὺς ἀπληχεύειν — IX 3, p. 219, т. е. «Если врагъ не близко, то достаточно выдерживать этотъ порядокъ при помощи одного друнга или меры, остальные же могутъ располагаться на стоянку». Въ поясненіе слѣдуетъ прибавить, что въ противоположномъ случаѣ, т. е. когда врагъ близко, авторъ совѣтуетъ держать въ боевой готовности всю строевую кавалерію на нѣкоторомъ разстояніи отъ лагеря, пока нестроевыя части не приведутъ его въ полный порядокъ. Очевидно изъ контекста, что подъ дрункомъ авторъ разумѣетъ не опредѣленную тактическую единицу съ положеннымъ для нея количествомъ людей, а лишь указываетъ на необходимость

имѣть въ боевой готовности, какъ прикрытіе лагеря, отдѣльную часть, которая по своимъ размѣрамъ можетъ быть даже и цѣлой мерой, т. е. третью всей арміи.

Правильность такого пониманія термина *δροῦγγος* подтверждается тѣми мѣстами текста, гдѣ авторъ употребляетъ производное отъ этого слова нарѣчіе *δροῦγγιστί*. Для полной убѣдительности мы должны привести всѣ случаи употребленія этого слова. — III 14, р. 99. Авторъ ведетъ рѣчь о иперкерастахъ, т. е. тѣхъ отрядахъ кавалеріи, которые имѣютъ цѣлью окружить врага и ударить ему въ тылъ. Иперкерасты должны скрываться за правымъ крыломъ боевой линіи, пока она не приблизится къ врагу на два или на три полета стрѣлы. О построеніи иперкерастовъ, пока они скрыты, авторъ говоритъ въ такихъ словахъ: τοῦ μὲν ἐνὸς τάγματος ἐπὶ μέτωπον ἔχοντος τοὺς δεκάρχους ἢ πεντάρχας ἀρχοῦσι γὰρ καὶ ἀπὸ πέντε τὸ βάθος, ἐὰν ὥσι χρήσιμοι. Τοῦ δὲ ἐτέρου δροῦγγιστί, ὅθεν αὐτοῦ ἀκολουθοῦντος — т. е. «одна тагма должна имѣть во фронтѣ декарховъ или пентарховъ, такъ какъ довольно и по пяти человекъ въ глубину, если люди надежны; а другая тагма, построенная друнгомъ, должна слѣдовать за первой». Эта то вторая тагма и совершаетъ въ нужную минуту натискъ на врага. Маневръ этотъ требуетъ навыка и упражненія, о чемъ и поучаетъ авторъ въ 5 гл. III кн. (р. 87 sq.): Δεῖ δὲ καὶ πλαγιοφύλακας καὶ ὑπερκεραστάς ἰδίᾳ μετ' αὐτῶν δροῦγγιστί λανθανόντως ἐν αὐτοῖς γυμνάζειν, κατὰ τε τῶν μακροτέρων ἐκατέρωθεν παρατάξεων εἰς τὸ ἰσοῦσθαι καὶ μὴ ἐμπεριλαμβάνεσθαι ὑπ' αὐτῶν, κατὰ τε τῶν κονδοτέρων, εἰς τὸ τὰς κυκλώσεις ἀρμοδίως, κατὰ τε τῶν ἰσῶν ὑπερκεράσεις καὶ τὰς κυκλώσεις ποιῆσθαι ὀλίγων καβαλλαρίων ἄχρι: ἐνὸς ἢ δευτέρου βάνδου, ἐπὶ ἀπλῆς ἀχίας ἀντιτασσομένων αὐτοῖς ἐναντίων, ἵνα πρὸς αὐτοὺς κανωνίζωσιν οἱ ὑπερκερασταί, πρότερον ὑπερκερᾶν αὐτοῖς, εἴτα οὕτως οἱ συνόντες αὐτοῖς δροῦγγιστί λανθάνοντες αὐτοὶ μόνοι ἄφνω ἐπερχόμενοι μετὰ ἐλασίας ὀξείας τῷ νώτῳ τῶν ἐναντίων ἐπιτίθενται. — «Должно производить отдѣльныя ученія плагиофилакамъ (= отряды, служащіе для прикрытія лѣваго фланга) и иперкерастамъ, вмѣстѣ съ скрывающимися въ нихъ построенными друнгомъ (всадниками). Противъ болѣе длинной съ обѣихъ сторонъ боевой линіи врага, они должны выравниваться и не давать себя обойти, противъ болѣе короткой — правильно окружать, а противъ равной — обхватывать съ фланга, при чемъ противъ нихъ выставляется, въ качествѣ противника, незначительное число всадниковъ — до одной или двухъ бандъ — въ простомъ строю, чтобы иперкерасты могли по нимъ вытягивать

свою линію, съ той цѣлью, чтобы сначала заѣзжать во флангъ, а затѣмъ, чтобы построенные друнгомъ скрывающіеся за ними (всадники) одни, ринувшись внезапно во весь карьеръ, ударили въ тылъ врагу» ¹⁾).

5-ая гл. IV кн. носить заглавіе: *Περὶ τοῦ δρουγγιστὶ τάσσεσθαι τοὺς εἰς ἐνέδραν καὶ ἐφόδους πεμπομένους* (о томъ, что надлежитъ строить друнгомъ отряды, посылаемые въ засаду или на военную хитрость). Авторъ перечисляетъ случаи, когда этотъ строй полезенъ и важенъ, настаиваетъ на необходимости обучать ему людей въ цѣлыхъ тагмахъ и приводитъ энергичныя возраженія по адресу неизвѣстныхъ намъ противниковъ. Позволяемъ себѣ привести мѣсто, которое выясняетъ намъ сущность построения друнгомъ. ...*ἀρμοδιωτέρας μᾶλλον δρουγγιστὶ τάσσονται, ἢ περ ἐπὶ μακρᾶς παρατάξεως, τοὔτεστι κατόρδινον δεκαρχίας ἢ πενταρχίας* (р. 117), т. е. «выгоднѣе строиться въ друнгъ, чѣмъ длинной боевой линіей, т. е. по декархіямъ или пентархіямъ». — Итакъ, строй друнгомъ значитъ кучей, безъ правильныхъ интерваловъ между людьми съ неопредѣленнымъ количествомъ рядовъ. Онъ примѣняется, смотря по мѣсту и времени: для засады, для быстрого натиска, въ случаѣ надобности поддержать ослабѣвшую или прорванную часть боевой линіи. Въ другомъ мѣстѣ своего изложенія (IV 3), поучая о томъ, какъ слѣдуетъ укрываться въ засаду, Маврикій выражается такъ: *καὶ ἐν τῷ ὑποχωρεῖν δὲ μὴ ὡς τάσσονται, οὕτω καὶ ὑποχωρεῖν, ἀλλὰ κατ' οὐρανὸν ἀλλήλοις τὰ βάνδα δρουγγιστὶ ἀκολουθεῖν, ὡς εἰ εὐχαι-*

1) Переводъ предлагаетъ необходимую поправку текста: *μετὰ τῶν λανθανόντων* вмѣсто стоящаго въ текстѣ: *μετ' αὐτῶν λανθανόντως*.

Почти дословно воспроизвелъ это мѣсто имп. Левъ, *Tact. VII 47*: *Δίον δὲ καὶ πλαγιοφύλακας, καὶ ὑπερχεραστὰς, ἤγουν τοὺς τὰς κυκλώσεις ἀπὸ τοῦ δεξιοῦ μέρους ποιοῦντας ἰδίως μετὰ αὐτῶν δρουγγιστὶ, ἤγουν πυκνοὺς καὶ ὁμοῦ ἐμπίπτοντας γυμνάζειν, λανθανόντως δὲ δι' ἣν ἀνωτέρω εἶπομεν αἰτίαν.*

48. "Ὅστε εἰς μὲν τὰς μακροτέρας παρατάξεις τῶν ἐναντίων ἵνα ἰσῶνται καὶ μὴ ἐμπεριλαμβάνωνται ὑπ' αὐτῶν. κατὰ δὲ τῶν κοντοτέρων εἰς τὸ τὰς κυκλώσεις ποιῆσθαι ἀντικατασσομένων αὐτῶν ὀλίγων καβαλλαρίων ἐπὶ ἀπλῆς ἀκίας ἄχρι ἐνός ἢ δευτέρου βάνδου, ὡς ἐναντίου, ἵνα πρὸς αὐτοὺς κανωνίζωσιν οἱ ὑπερχερασταὶ πρότερον ὑπερχερᾶν αὐτοὺς, ἤτοι κυκλοῦν. Εἶδ' οὕτως συνελθόντες αὐτοὺς δρουγγιστὶ, ἤγουν ὡς μάζα, ὁμοῦ λανθανόντως αὐτοὶ μόνοι ἄφνω ὑπερέρχομενοι μετὰ ἐλασίας ὀξείας τῶ νώτῳ ἤγουν κατὰ τὸ ὀπισθεν τῶν ἐναντίων ἐπιτίθενται.

Въ этомъ текстѣ интересно отмѣтить поясненіе термина *δρουγγιστὶ* — *ἤγουν πυκνοὺς* и *ὡς μάζα*. Тотъ же терминъ употребленъ съ поясненіемъ еще въ слѣдующихъ мѣстахъ «Тактики»: VII 37 *др. ἤγουν ὁμοῦ ὁρμαῖν κατὰ τῶν ἐχθρῶν*; VII 40. строй друнгомъ противопоставляется другому: *ἐπὶ μῆκος ὀρδινεύειν*; XVIII 144. *др. ὅ ἐστιν ὁμοῦ ἀνεκτάξως* (*lege: ἀνεκτάξως*); XVIII 148 *οὐκ αἰὶ συντεταγμένοι στήσονται, ἀλλὰ πρὸς τὴν χρεῖαν, ποτὲ μὲν οὕτως ἥτοι δρουγγιστὶ ἐπελεύσονται.*

ροι τόποι ὑποδέχονται (р. 113), т. е. отдѣльныя банды должны слѣдовать другъ за другомъ, не выстраиваясь въ линію, а сплошной массой, поскольку то позволяетъ данная мѣстность.

Обходя безъ разсмотрѣнія еще нѣсколько случаевъ употребленія Маврикіемъ слова *δρουγγιστί*, такъ какъ они не даютъ намъ ничего новаго въ дополненіе къ извлеченному уже изъ сопоставленныхъ выше, приведемъ еще только одинъ текстъ: XII 8, 20, гдѣ авторъ ведетъ рѣчь о пѣхотѣ и поучаетъ о томъ, какъ слѣдуетъ строить пѣхотинцевъ при переходѣ черезъ неудобныя и опасныя мѣстности. — Τοὺς δὲ φιλοὺς μὴ ὡς τοὺς σκουτάτους ἐπ' εὐθείας τάσσεσθαι, ἀλλὰ κατὰ δρούγγους, τουτέστι τρεῖς ἢ τέσσαρας μὲν φιλοὺς ἀκοντιστάς, ἐπιφερομένους καὶ τὰ σκουτάρια αὐτῶν... καὶ ἓνα δὲ τοξότην ἔχειν ὑπ' αὐτῶν φυλάττεσθαι δυνάμενον. Τοὺς δὲ τοιοῦτους δρούγγους, ὡς εἴρηται, μὴ ἐπὶ μιᾷ παρατάξας, ἢ ἐπ' εὐθείας τὴν ὁδοπορίαν ποιεῖσθαι, ἀλλ' ἐφεξῆς καὶ διεσπασμένως, ἵνα καὶ τοὺς νώτους ἀλλήλων φυλάττωσι (р. 339)¹⁾ — т. е. «легкую и тяжелую пѣхоту²⁾» не слѣдуетъ строить въ линію, но по друнгамъ, т. е. ставить вѣстѣ трехъ или четырехъ легковооруженныхъ пращниковъ съ ихъ небольшими щитами и одного стрѣлка, котораго они могли бы прикрывать. И эти друнги, какъ сказано, не должны составлять одной линіи или идти вѣстѣ впередъ, но одни за другими и въ разсыпную, чтобы прикрывать другъ друга съ тыла»...

Итакъ, у Маврикія терминъ «друнгъ» примѣняется не только къ большому количеству людей, цѣлому отряду или части арміи, но даже и къ пяти человѣкамъ, выступающимъ малой, тѣсной кучкой. Основной признакъ, дающій право называться друнгомъ той или иной части войска, тому или иному его количеству, есть — сплоченность. Слова *δρούγγος* и *δρουγγιστί* были живыми въ обиходѣ тогдашней тактики, особенно относительно кавалеріи, но самое слово *δρούγγος* еще не было фиксировано въ смыслѣ тактической единицы опредѣленнаго численнаго состава, какъ представляется это въ Тактикѣ имп. Льва.

Въ ту пору, когда Маврикій употреблялъ слово *δρούγγος*, какъ

1) Почти дословно списалъ это мѣсто имп. Левъ, Такт. IX: 64. Τοὺς δὲ φιλοὺς μὴ τάττε ἐπ' εὐθείας καθὼς τοὺς σκουτάτους, ἀλλὰ κατὰ δύο ἢ τρεῖς ἢ τέσσαρας φιλοὺς ἀκοντιστάς τάξεις ἐπιφερομένους καὶ τὰ σκουτάρια αὐτῶν, ἵνα ἐὰν χρεία γένηται, καὶ σκουτεύσωσι καὶ ἀκοντίσωσιν οἱ αὐτοί· καὶ ἓνα δὲ τοξότην ἔχειν, ὅστις καὶ ὑπ' αὐτῶν φυλαχθήσεται. 65. Τοὺς δὲ τοιοῦτους τοὺς δροῦγγους μὴ ἐπὶ μιᾷ παρατάξας ἢ ἐπ' εὐθείας τὴν ὁδοπορίαν ποιεῖσθαι, ἀλλ' ἐφεξῆς ἐπαρμένους, ἵνα καὶ τοὺς νώτους ἀλλήλων φυλάττωσιν...

2) Пѣхота раздѣлялась на *σκουτάτοι* и *φιλοί*; о вооруженіи тѣхъ и другихъ см. XII 8, 4—6, р. 304.

обычный въ военномъ обиходѣ терминъ, оно уже имѣло въ греческомъ языкѣ почтенную древность. Его зналъ и примѣнялъ св. Іоаннъ Златоустъ. Съ мѣста своего изгнанія, Кукуза, онъ описывалъ бѣдствія своего скорбнаго путешествія и постигшія его на пути невзгоды, причемъ съ наибольшей подробностью онъ остановился на случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ городѣ Кесаріи. Въ ту самую пору, когда въ окрестностяхъ города появились исаврійскіе разбойники и «трибунъ» выступилъ имъ на встрѣчу, на изгнаннаго патріарха напали монахи, грозя поджечь домъ, въ которомъ онъ находился, если онъ не удалится немедленно. Они не подались на увѣщанія правителя города и избили его слугъ, такъ что святитель вынужденъ былъ продолжать свой путь, хотя не былъ въ силахъ стоять на ногахъ отъ слабости. О своихъ врагахъ св. Іоаннъ выражается такъ: *δροῦγγος μοναζόντων* — *οὕτω γὰρ δεῖ εἰπεῖν καὶ τῇ λέξει τὴν μανίαν αὐτῶν ἐνδείξασθαι* — *ἐπέστησαν τῇ οἰκίᾳ, ὅνθα ἡμεν, ἀπειλοῦντες αὐτὴν καίειν, ἐμπιπράν, τὰ ἔσχατα ἡμᾶς διατιθέναι, εἰ μὴ ἐξέλθοιμεν* (Migne, Patr. Gr. t. 52, Ep. ad Olymp. p. 614).—Монахи были въ воинственномъ и возбужденномъ настроеніи, и святитель поясняетъ, что, примѣняя къ ихъ толпѣ слово *δροῦγγος*, онъ хочетъ отмѣтить ихъ ожесточеніе. Письмо святителя относится къ 406 году. Итакъ, въ началѣ V вѣка въ живомъ греческомъ языкѣ Византіи обращается слово *δροῦγγος*, сохраняя въ самыхъ своихъ звукахъ слѣды своего варварства и, въ частности, отношеніе къ военному дѣлу.

Изъ сферы греческаго языка въ дальнѣйшихъ поискахъ за словомъ «друнгъ» мы можемъ перейти въ область латинскаго. Писатель, котораго прежде всего можно привлечь въ поискахъ за друнгомъ,—Флавій Вегецій Ренатъ, авторъ военнаго трактата: «*Epitoma rei militaris*». Время написанія этого творенія не можетъ быть съ точностью установлено, такъ какъ остаются въ силѣ колебанія между Θεодосіємъ I въ послѣдніе годы его правленія († 395) и Θεодосіємъ II (408—450). Во всякомъ случаѣ авторъ былъ современникомъ св. Іоанна Златоуста, вѣроятно—старшимъ. Въ данномъ случаѣ онъ интересенъ для насъ только тѣмъ, что въ его произведеніи два раза употреблено слово *drungus*: III 16; 19. Въ первомъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ о томъ, какъ строить боевую линію, подробно изложивъ все относящееся къ нѣхотѣ, онъ переходитъ къ конницѣ и здѣсь попадаетъ такая фраза: *Scire dux debet contra quos drungos, hoc est globos, hostium quos equites oporteat poni*.—Изъ того обстоятельства, что авторъ нашелъ

нужнымъ пояснить слово *drungus* простымъ латинскимъ словомъ *globus*, можно вывести заключеніе, что первое было не всѣмъ понятно и не вполне вошло еще въ современный литературный языкъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи въ той же главѣ онъ выражается такъ: *Si globus hostium separatus aut alam tuam aut partem aliquam urgere coeperit...* Слово *globus* не имѣло у римлянъ значенія военнаго термина; но изъ послѣдней цитаты слѣдуетъ заключить, что такъ можно было назвать конный отрядъ, самостоятельно производившій атаку на полѣ битвы. Авторъ здѣсь избѣгаетъ употреблять варварскій терминъ *drungus* и переводить его на свой языкъ.

Во второмъ мѣстѣ, III 19, авторъ говоритъ о предупрежденіи военныхъ хитростей и выражается между прочимъ такъ: *Cavendum vel maxime, ne ab ala cornuque sinistro, quod saepius evenit, aut certe dextro, quod licet raro contingit, circumveniantur tui a multitudine hostium aut a vagantibus globis, quos dicunt drungos.*—На обоихъ флангахъ боевой линіи помѣщалась конница, на правомъ крылѣ между пѣхотой и конницей стоялъ главный командиръ и сосредоточена была бѣльшая сила; такимъ образомъ, врагу было легче смять лѣвое крыло противника, нежели правое. Вегетій различаетъ два способа нападенія въ обходъ: *aut a multitudine*, т. е. очевидно, когда непріятель, обладая бѣльшимъ количествомъ конницы и выстроивъ бѣлье длинную боевую линію, могъ ударить во флангъ и зайти въ тылъ противнику,—или же *a vagantibus globis, quos dicunt drungos*, т. е. не входящими въ боевую линію (вѣроятно скрытыми за нею, или въ засадѣ) отдѣльными конными отрядами.

Итакъ, Вегетію знакомо слово *drungus*. Онъ не примѣняетъ его къ римскому боевому строю, а только къ варварамъ, и понимаетъ подъ нимъ конный отрядъ, который не входитъ въ боевую линію, а дѣйствуетъ самостоятельно.

Отъ Вегетія мы можемъ подвинуться на столѣтіе вглубь прошлаго. Одинъ изъ писателей такъ наз. «*Historiae Augustae*», Вопискъ, употребляетъ это слово и притомъ даже не въ смыслѣ военнаго термина, а для общаго обозначенія группы варваровъ извѣстной численности. Подробно описавъ военные успѣхи имп. Проба, Вопискъ поминаетъ о его триумфѣ въ такихъ словахъ: *Triumphavit de Germanis et Blemmyis, omnium gentium drungos ad quinquagenos homines ante triumphum duxit* (с. 19, 2). Если эта біографія, какъ то съ большой

вѣроятностью доказалъ Петеръ¹⁾, написана ок. 307 г., то отсюда слѣдуетъ, что слово *drungus* обращалось въ живомъ латинскомъ языкѣ еще въ самомъ началѣ IV вѣка. На Вопискѣ мы и должны закончить наши розыски по исторіи друнга отъ византійскихъ временъ вглубь прошлаго.

III.

Представленные факты съ полной очевидностью, думается намъ, разрѣшаютъ вопросъ о томъ, какіе варвары передали римскому міру слово «друнгъ». Ясно, что то не могли быть славяне, такъ какъ они надвинулись на Дунай и стали угрожать границамъ имперіи только въ VI вѣкѣ. О способѣ веденія ими войны въ то время мы имѣемъ ясныя и опредѣленные свидѣтельства отъ того же Маврикія. Занимая мѣстности болотныя и лѣсистыя, славяне имѣли и соотвѣтственную тактику, въ которой не было никакого мѣста лихимъ коннымъ атакамъ изъ засады и прикрытій въ тылъ вытянутой боевой линіи врага. Вступая въ ихъ страну, имперскія войска разсыпались на мелкіе отряды, съ которыми славяне предпочитали бороться не столько открытой силой, сколько завлекая ихъ въ засады²⁾. По свидѣтельству Маврикія, они вовсе не знали какого бы то ни было военного строя (οὐδὲ τάξιν γινώσκουσιν, οὐ δὲ κατὰ τὴν συστάδην μάχην ἐπιτιθεύουσιν μάχεσθαι, οὐδὲ ἐν γυμνοῖς καὶ ὀμολοῖς τόποις φαίνεσθαι. р. 276). Правда, въ «Чудесахъ св. Димитрія Солунскаго» военное искусство славянъ, нападавшихъ на Солунь, рисуется въ нѣсколько лучшемъ видѣ, но и тамъ тщетно было бы надѣяться выискать какое нибудь указаніе на существованіе «дружины», какъ военного строя, или значенія задруги въ ихъ военномъ быту. Въ рѣшеніи вопроса о друнгѣ нѣтъ мѣста славянамъ. Время, когда это слово вошло въ латинскій языкъ, безповоротно рѣшаетъ вопросъ въ сторону германской теоріи. Остается, такимъ образомъ, только указать этимологию слова.

Этимологія слова *drungus* изъ германскихъ языковъ, для которой приведена была выше цитата изъ «Этимологическаго словаря славянскаго языка» Миклошича, имѣетъ за себя весьма почтенную давность. Исаакъ Понтанъ въ своемъ «Glossarium priscogallicum», составляющемъ приложение къ сочиненію «Itinerarium Galliae Narbonensis» (Lug-

1) Hermann Peter, Die scriptores Historiae Augustae. 1892, стр. 49.

2) Mauricii Strateg. XI 5, p. 272 sqq.

duni Batavorum 1606) подробно остановился на словѣ *drungus* и сдѣлалъ между прочимъ такое замѣчаніе: *Drungus hodieque purum putum nostri teutonicique idiomatis vocabulum est... Nam hodie nostratibus Germanisque usitatus est gedrung, gedreng* (р. 224). Въ дополненіи къ своей замѣткѣ о словѣ *drungus* (р. 337) Понтанъ отвергалъ этимологію, предложенную Леунклавіемъ отъ латинскаго слова *truncus* въ смыслѣ *baculus*, который, по мнѣнію послѣдняго, могъ быть отличіемъ офицерскаго званія. Ученый начала XVII вѣка, Спельманъ, въ своемъ «*Glossarium Archaiologicum*» (Londini 1626) также отклонилъ этимологію Леунклавія и сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: *Mihi quidem videtur.... Saxonicum esse et apud nos adhuc superstitem. Hodie enim throng dicimus a saxon. drunþan pro conferta multitudine* (3 изд. 1687. стр. 185). — Дюканжъ въ своемъ «*Glossarium mediae et infimae latinitatis*» воспользовался этимъ матерьяломъ, сославшись на обоихъ своихъ ученыхъ предшественниковъ, помянувъ и Леунклавія. Такимъ образомъ, Миклошичъ имѣлъ весьма почтенныхъ предшественниковъ въ давнее время. Недоумѣніе въ его изъясненіи слова друнгъ вызываетъ то обстоятельство, что, объявляя это слово «нѣмецкимъ», онъ предлагаетъ цѣлыхъ двѣ этимологіи: изъ германскаго и древнеирскаго. Что касается до послѣдняго, то, повидимому, это лишь недоразумѣніе. Въ новѣйшемъ ученomъ сопоставленіи всего наслѣдія древнихъ кельтскихъ языковъ, Holder, *Alt-celtischer Sprachschatz*, — вовсе нѣтъ древнеирскаго слова *drong*, приведеннаго Миклошичемъ. Сомнѣніе вызываетъ также и его утвержденіе, будто въ древнеанглосаксонскомъ было слово *drunga*. Повидимому, Миклошичъ удовольствовался сообщеніемъ Спельмана, и постулировалъ это слово на основаніи современнаго англійскаго *the throng*, толпа. Въ новѣйшей обработкѣ англосаксонскаго словарнаго матеріала: Н. Leo, *Angelsächsisches Glossar* (Halle, 1877) подъ словомъ *þringan* (р. 201 — 202) нѣтъ формы *drunga*, которую съ такой опредѣленностью выставилъ Миклошичъ. — Какъ бы то ни было, этимологія слова *drungus* изъ германскихъ языковъ не представляетъ никакихъ затрудненій. Слова современнаго нѣмецкаго языка: *dringen*, *Drang*, *Gedränge* и англійскаго — *the throng* возводятся къ общегерманскому корню — *þrinhw*, *þrung*, откуда гот. *þreihan*, англосакс. — *þringan*¹⁾. Отъ того же корня и

1) Kluge, *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*, 6 изд. Лейпцигъ, стр. 83.

происходитъ слово *drungus*, δρογγος, которымъ римскіе солдаты позаимствовались отъ своихъ германскихъ враговъ, называвшихъ какимъ то похожимъ словомъ свойственный имъ способъ коннаго строя для атаки кучей. За отсутствіемъ матеріала трудно гадать о томъ, какой именно германскій народъ передалъ это слово римскимъ солдатамъ; но апріорная вѣроятность говорить за готовъ ¹⁾, которые еще съ половины III вѣка непрерывно угрожали имперіи въ придунайскихъ областяхъ, а съ конца IV вѣка вошли огромной струей въ римскую армію.

Римскіе солдаты и военачальники узнали это слово и построение, которое ему соотвѣтствовало, на поляхъ битвъ еще въ III вѣкѣ, такъ какъ писатель начала IV вѣка уже употребляетъ его въ примѣненіи къ толпамъ варваровъ, шедшихъ въ триумфѣ имп. Проба. Изъ арміи, говорившей тогда еще по латыни, прошло это слово въ Константинополь и вошло въ обиходъ населенія, говорившаго по гречески. Подъ перомъ св. Іоанна Златоуста оно сохраняетъ еще свой варварскій характеръ; но въ устахъ военнаго человѣка конца VI вѣка оно является уже простымъ и обычнымъ терминомъ военнаго языка. Съ проникновеніемъ греческихъ словъ въ военную терминологию вошло во всеобщій оборотъ и германское по началу слово δρογγος, примѣнившись въ качествѣ термина, обозначающаго одно изъ подраздѣленій боевой арміи.—Такая исторія слова δρογγος устраняетъ всякую возможность какой бы то ни было связи его съ вопросомъ о водвореніи славянъ въ предѣлахъ имперіи и домысловъ объ оказанномъ будто бы славянами влияніи на возникновеніе земскаго строя арміи.

Не касаясь этого послѣдняго вопроса по существу, позволимъ себѣ только устранить изъ цѣпи доказательствъ проф. Успенскаго первое и основное звено. Таковымъ явилось для него опредѣленіе тагмы въ «Тактикѣ» имп. Льва, а именно: Μοῖρα δὲ ἐστὶν, ἣτοι δρογγος, τὸ ἐκ ταγμάτων ἤτοι ἀνδρῶν τῶν λεγόμενων κομήτων συχρήμενον πλῆθος. Проф. Успенскій призналъ здѣсь смѣшеніе словъ κομήτες и κομῆται, т. е. чина комитовъ и сословія селянъ. Имп. Левъ выразился здѣсь неловко и подалъ поводъ къ недоразумѣнію, которое и дано въ

1) Позволимъ себѣ помянуть въ этой связи объ эпизодѣ, рѣшившемъ битву съ готами имп. Валента, описанную въ живыхъ краскахъ Амміаномъ XXXI 12, 17 Equitatus Gothorum cum Alatheo reversus et Saphrace, Alanorum manu permixta, ut fulmen prope montes celso excussus, quovunque accursu veloci invenire potuit incitata caede turbavit.

латинскомъ переводѣ этого мѣста въ изданіи Миня: *Moirā autem, id est particula, sive drungus, est ex iis hominibus, qui comites esse dicuntur, conflata multitudo*. Но такой переводъ не вѣренъ. Род. пад. *χομήτων* есть здѣсь *gen. poss.*, зависящій отъ предшествующаго *ἀνδρῶν*, и перевести это мѣсто слѣдуетъ такъ: «Мира или друнгъ есть отрядъ, состоящій изъ людей, находящихся подъ командой такъ называемыхъ комитовъ». Итакъ, имп. Левъ не повиненъ въ смѣшеніи комитовъ съ селянами. А правильность нашего пониманія можно подтвердить ссылкой на слѣдующія два мѣста того же сочиненія: *Χρὴ δέ, ὡς εἴρηται, μὴ τάγμα πλεον τῶν τετρακοσίων ἀνδρῶν γίνεσθαι, ἤγουν τὸ τοῦ κόμητος βάνδον* (IV 45) и *Πρέπον οὖν, εἴτε καὶ ἑαυτὸ τοῦ κόμητος τὸ βάνδον, εἴτε δροῦγγους* (*lege δροῦγγος*), *εἴτε τούρμα, εἴτε καὶ προπαράταξις πολλοῦ στρατοῦ ἐστίν, ἐν τρισὶ μέρεσι τάσσειν τοὺς γυμναζομένους* (VII 43).—Въ обоихъ случаяхъ авторъ не ограничивается выраженіемъ *τὸ βάνδον*, хотя оно должно было быть совершенно понятно, но прибавляетъ *gen. poss.* *τοῦ κόμητος*. Такой способъ выраженія имѣетъ, быть можетъ, свои основанія въ томъ значеніи, какое имѣли «банды» въ смыслѣ территориальныхъ подраздѣленій турмъ, слагавшихся въ оему. Мы будемъ имѣть случай воротиться къ этому вопросу, а теперь позволимъ себѣ остановиться на выясненіи судьбы чина и званія друнгарій въ византійской арміи.

IV.

Приведенныя выше данныя изъ Маврикія и имп. Льва Мудраго по вопросу о друнгѣ позволяютъ утверждать, что въ періодъ времени, отдѣляющій этихъ авторовъ, друнгъ имѣлъ свою исторію. Въ «Стратегикѣ» это слово не имѣло еще спеціальнаго значенія въ смыслѣ термина, обозначающаго опредѣленную тактическую единицу данной численности воиновъ; не существовало еще и термина друнгарій для обозначенія командира такой военной части. Въ «Тактикѣ» Льва дѣло представляется иначе: друнгъ и друнгарій—совершенно ясные и опредѣленные термины военнаго языка: слово друнгъ вытѣснило собою терминъ *μοῖρα*, а друнгарій—терминъ *μοιράρχης*, которому въ болѣе древнюю пору соотвѣтствовало еще извѣстное Маврикію латинское слово *dux*. Тактическія единицы, обозначавшіяся терминами *μέρος* и *μοῖρα*, сократились въ своемъ численномъ составѣ, и хотя имп. Левъ списываетъ данныя Маврикія въ этомъ отношеніи, но самъ же выдаетъ литературный и ученый характеръ этого своего сообщенія, когда на-

зываетъ друнгарія хиліархомъ и друнгъ — хиліархіей. Свой численный составъ удержала только низшая единица строя — тагма, которая уже и для Маврикія не восходила выше 250 человекъ. Соответственно тремъ тактическимъ единицамъ боевого строя — турма, друнгъ и тагма ихъ командиры: турмархъ, друнгарій и комить стояли въ опредѣленныхъ ранговыхъ отношеніяхъ. Общій начальникъ носить титулъ стратига. Ранговое отношеніе этихъ чиновъ дано съ полной определенностью въ одномъ параграфѣ «Тактики», гдѣ опредѣляются размеры взысканія съ офицеровъ за одну и ту же вину, а именно: допущеніе неявки стратіота въ походъ, или употребленіе его на личную службу вдали отъ строя въ военное время. Провинившійся въ подобномъ проступкѣ стратигъ уплачиваетъ въ видѣ штрафа 1 литру золота, турмархъ — 36 номизмъ (т. е. ровно половину литры), друнгарій — 24 номизмы и комить — 12 (VIII 26). Если, такимъ образомъ, въ этомъ размѣрѣ штрафа наглядно выражено ранговое отношеніе командировъ отдѣльныхъ военныхъ единицъ, то мы не имѣемъ никакихъ основаній сомнѣваться, что въ IX вѣкѣ друнгарій дѣйствительно занималъ положеніе среднее между турмархомъ и комитомъ и притомъ ближе къ первому, чѣмъ ко второму. Но друнгарій не сохранилъ этого своего положенія въ войскахъ сухопутныхъ оемъ — (о морскихъ будетъ рѣчь далѣе) и, повидимому, онъ даже вовсе исчезъ, какъ и тактическая единица, которую онъ представлялъ, — въ теченіе X вѣка. Въ специальныхъ военныхъ трактатахъ конца X вѣка: «De velitatione bellica» и «De castrametatione» нѣтъ вовсе упоминаній ни о друнгахъ, ни о друнгаріяхъ. Въ хронологическомъ промежуткѣ между «Тактикой» Льва и этими трактатами лежитъ литературная дѣятельность Константина Порфиророднаго, и въ писаніяхъ этого автора есть матеріалъ по интересующему насъ вопросу. Матеріалъ этотъ не однороденъ и заключается въ себѣ нѣкоторыя неясности и даже противорѣчія.

Укажемъ прежде всего на таблицы чиновъ Филофея, включенныя Константиномъ въ свое сочиненіе «De caerimonіis». — Въ перечисленіи чиновъ, подвѣдомственныхъ стратигу оемы анатоликовъ, Филофеемъ перечисляются во множ. числѣ — турмарховъ, мерарховъ (μεράρχαι) и комитовъ, но друнгарій названъ только одинъ: δρουγγάριος τῶν βαυδων, и притомъ — вслѣдъ за чинами штаба: комить палатки (κόμης τῆς κόρτης), хартуларій и domestikъ¹⁾. Такъ какъ, по словамъ Филофея, во

1) De caer. II 52, p. 716.

всѣхъ остальныхъ оемахъ были такіе же чины, то значитъ и тамъ было по одному друнгарію и въ немъ, поэтому, нельзя видѣть строеваго офицера, а лицо, принадлежащее къ штабу командира съ какими нибудь спеціальными функціями.

Тотъ же Филофей въ перечисленіи чиновъ по рангамъ помѣщаетъ въ четвертый классъ — почетные чины гвардіи и оемъ. Здѣсь упомянуты и друнгаріи: *δρουγγάριοι τῶν θεμάτων ἀπράτοι κατὰ τὰ θέματα καὶ τοὺς δρούγγους αὐτῶν*¹⁾. Итакъ, почетное званіе друнгаріевъ оемъ существовало около 900 года, къ которому относится трудъ Филофея; но это можетъ лишь служить свидѣтельствомъ о томъ, что нѣкогда существовали друнги, расписанные по оемамъ, и не даетъ еще прямого указанія на то, что друнгъ имѣлъ въ ту пору значеніе постоянного и нормальнаго дѣленія оемы. Отсутствие въ этомъ списокѣ служащихъ друнгаріевъ тѣмъ менѣе объяснимо, что въ концѣ таблицы не забыты — *χένταρχοι τῶν στρατηγῶν τῶν θεματικῶν* (р. 738, 18) и нѣсколько ниже — *οἱ στρατιῶται τῶν θεμάτων* (р. 738, 22). Между этими двумя послѣдними званіями упомянуты, правда, — *οἱ δρουγγάριοι τῶν πεζῶν*; но они остаются загадочными, и ни рангомъ, ни указаніемъ на пѣшій строй не могутъ имѣть никакого отношенія къ высокому чину кавалерійскаго войска.

Въ свидѣтельствахъ Константина относительно численнаго состава арміи, собранной имп. Львомъ для экспедиціи противъ Крита, друнгаріи упомянуты въ оемѣ Севастіи въ такомъ контекстѣ: — *τουρμαρχῶν εἰς ἀνά: ιβ', δρουγγαρίων εἰς ἀνά: ζ', κομητῶν ἡ ἀνά: ε', στρατιωτῶν ἐννεακοσίων ἐξήχοντα πέντε ἀνά: δ'* (р. 656); въ экспедиціи 955 года въ оемѣ Харпезикіи — *οἱ τοῦ θέματος τοῦ Харπεζικίου ἐρογεύθησαν οὕτως. οἱ μεγάλοι τουρμαρχαί, ὁ μεριάρχης, ὁ κόμης τῆς κόρτης καὶ ὁ δομέστικος τοῦ θέματος ἀνά: ε', οἱ ἐλαττότεροι τουρμαρχαί ἀνά νομισμάτων δ', οἱ δρουγγάριοι ἀνά: γ', οἱ στρατιῶται ἀνά: β'* (р. 662, 18); въ экспедиціи противъ Крита въ 949 году въ оемѣ еракисійцевъ — *ὁ στρατηγὸς τῶν Θρακησίων μετὰ τῶν τριῶν αὐτοῦ τουρμαρχῶν καὶ τῶν λοιπῶν θεματικῶν ἀρχόντων αὐτοῦ καὶ πάντων τῶν προαγετῶν καὶ πάσης αὐτοῦ τῆς προσελεύσεως καὶ στρατιωτῶν, ὧν εἶχον οἱ δρουγγάριοι καὶ κόμητες εἰς δουλείαν αὐτῶν, ἀνδρῶν ρν' — и Харпезикіи — ὁ στρατηγὸς τοῦ Харπεζικίου μετὰ παντὸς τοῦ θέματος αὐτοῦ, ἡγουν μετὰ τουρμαρχῶν προκριτω-*

1) Гр. II 52, р. 737, 4.

τέρων καὶ τοῦ κόμητος τῆς κόρτης, τοῦ δομestíκου τοῦ θέματος, ἀνδρῶν κε', καὶ μικρῶν τούρμαρχῶν, ἀνδρῶν μί', καὶ δρουγγαρίων, ἀνδρῶν σε', καὶ στρατιωτῶν, ἀνδρῶν οὐκ η'. ὁμοῦ ἀνδρες ψε' (р. 666, 16; 667, 7).

Въ приведенныхъ свидѣтельствахъ обращаетъ на себя вниманіе прежде всего то, что офицеры въ Ѳемѣ Харпезикія¹⁾ носятъ титулы, неизвѣстные намъ изъ «Тактики» имп. Льва: турмархи раздѣляются на μεγάλοι или проκρίτωτεροι и ἐλαττώτεροι или μικροί. Послѣдніе поставлены выше друнгаріевъ въ рангѣ и окладѣ. Далѣе, что до численнаго отношенія между офицерами и нижними чинами, то въ экспедиціи имп. Льва въ Севастійской Ѳемѣ было стратіотовъ — 965, а при нихъ офицеровъ: 5 турмарховъ, 10 друнгаріевъ и 8 комитовъ; въ Ѳемѣ Харпезикія въ 949 году — стратигъ со штабомъ въ 25 человѣкъ (въ числѣ ихъ значатся и старшіе турмархи), младшихъ турмарховъ 46, друнгаріевъ 205, стратіотовъ 428; въ отрядѣ Ѳемы еракісійцевъ въ той же экспедиціи — стратигъ съ тремя турмархами, штабомъ и «остальными архонтами», въ числѣ которыхъ были друнгаріи и комиты, при которыхъ состояло по 2 и по 3 человѣка, такъ что въ общей сложности стратіотовъ было 150 человѣкъ²⁾. Такимъ образомъ отряды Ѳемъ вовсе не представляютъ собою тѣхъ опредѣленныхъ тактическихъ единицъ, о которыхъ говоритъ имп. Левъ въ своей «Тактикѣ», какъ о нормальномъ и общемъ строѣ. — Наконецъ, хотя друнгаріи поставлены выше комитовъ въ Севастійской Ѳемѣ и у еракісійцевъ, но въ первомъ отрядѣ ихъ 10 при 8 комитахъ, а въ Ѳемѣ Харпезикія въ 949 году — при 428 стратіотахъ состоитъ 205 друнгаріевъ. Въ отношеніи размѣра вознагражденія друнгарій Ѳемы Харпезикія едва возвышается надъ стратіотами: первые получаютъ по 3 номизмы, а вторые по 2. Въ Севастійской Ѳемѣ во время экспе-

1) По поводу названія — θέμα τοῦ Харпезіκίου нельзя не указать на весьма существенное затрудненіе. Въ своемъ сочиненіи «De them.», а равно и въ спискѣ окладовъ, получаемыхъ стратигами Ѳемъ (De saec. II, 50, р. 696), Константинъ не знаетъ такой Ѳемы; между тѣмъ какъ въ приведенныхъ выше двухъ мѣстахъ онъ совершенно опредѣленно говоритъ о Ѳемѣ «Харпезикія» и прибавляетъ даже, что въ экспедиціи 949 года стратигъ участвовалъ μετὰ παντός τοῦ θέματος αὐτοῦ (р. 667). — Это затрудненіе отмѣтилъ Reiske въ своемъ комментаріи, но не указалъ изъ него выхода. Ничего мы не нашли по этому вопросу въ специальномъ трудѣ по географіи Малой Азіи Ramsay'я. Повидимому, подъ Харпезикиемъ слѣдуетъ разумѣть какую то территорию въ Ѳемѣ еракісійцевъ, или, можетъ быть, арменіаковъ.

2) Здѣсь же прибавлена весьма интересная подробность, что «другимъ 800 стратіотамъ» (ἑτέροις ὡ' στρ.) позволено было откупиться, внося по 4 литры золота, изъ которыхъ и составила сумма на рогу Ѳемѣ Харпезикія (р. 666, 20).

лиціи имп. Льва друнгариі получаютъ 6 номизмъ, ровно половину оклада турмарховъ, 12; ниже ихъ стоятъ комиты — по 5 и стратіоты по 4. — При скудости матерьяла трудно съ увѣренностью рѣшать, имѣемъ ли мы дѣло въ этихъ различіяхъ въ положеніи друнгариевъ съ мѣстными различіями по оемамъ, или же слѣдуетъ признать за историческій фактъ пониженіе ранга друнгарія въ періодъ времени отъ начала X вѣка къ его половинѣ. Но во всякомъ случаѣ ясно одно: друнгариі въ пору этихъ походовъ не былъ тѣмъ высокимъ офицерскимъ чиномъ, какимъ изображаетъ его Левъ въ своей «Тактикѣ»: онъ уже болѣе не хилиархъ и едва возвышается надъ простымъ стратіотомъ по размѣру своего оклада.

Свидѣтельства того же Константина позволяютъ пойти дальше и утверждать, что званія друнгарія и комита слились во едино, и сложное слово *δρουγγαροκόμητες* стало общимъ обозначеніемъ низшихъ строевыхъ офицеровъ въ противоположность къ высшимъ, какими оставались турмархи. Разумѣемъ слѣдующее мѣсто въ описаніи встрѣчи императора войсками оема. — *Διερχομένου δὲ τοῦ βασιλέως ἐν τοῖς θέμασιν, ὑπαντάται παρ' ἐκάστου θέματος, δηλονότι παρατεταγμένου ὄντος τοῦ θέματος. καὶ δὴ τοῦ βασιλέως διερχομένου, ὡς ἀπὸ διαστήματος ἱκανοῦ πρὸ τοῦ τὸν βασιλέα καταλαβεῖν, ἀποβαίνουσι τῶν ἱππῶν 8 τε στρατηγὸς καὶ ὁ πρωτονοτάριος τοῦ θέματος καὶ οἱ τουρμάρχαι καὶ οἱ δρουγγαροκόμητες καὶ ὁ μεράρχης καὶ ὁ κόμης τῆς κόρτης καὶ ὁ χαρτουλάριος καὶ ὁ δομέστικος τοῦ θέματος, καὶ ποιοῦσι δέξιμον* (р. 482, 13 — 20). — Строевые офицеры въ этомъ перечисленіи даны въ терминахъ турмархи и друнгарокомиты. Въ заключеніе той же главы, перечисляя предметы не строевого снаряженія, которыми должна быть снабжена каждая военная часть, *βάνδον*, т. е. тагма, Константинъ выражается такъ: *δέον πάντας τοὺς στρατηγούς ποιεῖν τε παραγγελίαν εἰς τοὺς τουρμάρχας αὐτῶν, χάκεινοι εἰς τοὺς δρουγγαροκόμητας, ἵνα ἐνὶ ἐκάστῳ βάνδῳ ἔχωσι...* (р. 494). — Итакъ, нѣтъ болѣе друнгарія въ значеніи промежуточнаго чина между турмархомъ и комитомъ и притомъ ближе къ первому, а есть только одно общее званіе, соединившее въ своемъ обозначеніи оба чина. Наконецъ, друнгарокомиты помянуты въ перечисленіи состава экспедиціоннаго отряда еракисійцевъ 935 года. Вслѣдъ за стратигомъ, турмархами и штабомъ (*ὁ μεράρχης, ὁ χαρτουλάριος τοῦ θέματος, ὁ κόμης τῆς κόρτης, ὁ δομέστικος τοῦ θέματος*) названы *δρουγγαροκόμητες* числомъ 64, при которыхъ со-

стояло по 2 или по 3 стратіота, въ общей сложности 150 человекъ (р. 663, 6) ¹⁾.

Въ опубликованномъ покойнымъ Васильевскимъ и проф. Ериштедтомъ интересномъ памятникѣ XI вѣка: «Cesaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regiiis libellus» (Petropoli 1896), офицеры оемнаго войска носятъ названіе — *χόμης δρουγγάριος* ²⁾. Очевидно, это тотъ самый терминъ, что и Константиновы *δρουγγαροχόμητες*.

Возникновеніе этого новаго термина, выражающаго собою пониженіе чина друнгарія въ оемахъ, находитъ себѣ объясненіе въ самомъ способѣ назначенія офицеровъ и въ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ сферѣ тактики на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій въ VIII и IX вѣкѣ, т. е. въ войнѣ съ Арабами. Сравнительное разсмотрѣніе сообщеній Льва и Маврикія по первому вопросу и данныя Льва по второму — могутъ уяснить дѣло.

Сформированіе коннаго войска является у Маврикія личнымъ дѣломъ главнокомандующаго. Какъ онъ собираетъ людей, объ этомъ Маврикій ничего не говорить. Но разъ люди налицо, то первой обязанностью стратига является подраздѣленіе людей на боевыя и тактическія единицы, тагмы или банды, и назначеніе командировъ — *ἐπιστῆναι αὐτῷ* (sc. *τάγματι*) *φρονίμους καὶ προσφόρους ἄρχοντας*. Тагмы стратигъ соединяетъ въ болѣе крупныя тактическія единицы, миры, и ставитъ надъ ними командировъ — *δοῦκας ἤτοι χιλιάρχους, φρονίμους καὶ τεταγμένους*. Миры соединяются въ еще болѣе крупныя дѣлыя, меры, во главѣ которыхъ стратигъ ставитъ командировъ, носившихъ въ пору Маврикія титулъ стратилатовъ. Требования отъ этого высшаго офицера выражены въ такой характеристикѣ: *φρονίμους, εὐτάκτους καὶ ἐμπείρους, εἰδότας, εἰ δυνατόν, καὶ γράμματα, καὶ μάλιστα τὸν τοῦ μέσου μέρους λεγόμενον ὑποστράτηγον* ³⁾. Дальнѣйшія дѣленія людей, болѣе мелкія, въ предѣлахъ каждой тагмы лежатъ уже на обязанности этикѣ

1) Проф. Успенскій — о. с. стр. 71 — высказывался за вѣроятность того, что внутреннюю связь между *χόμη* деревня и *χόμης* чинъ объясняются *οἱ δρουγγαροχόμητες*. — Позволяемъ себѣ думать, что тутъ нѣтъ никакой связи.

2) Стр. 103, 1. — Неизвѣстный авторъ увѣщанія къ царю советуетъ ему назначать во флотъ уволенныхъ и подлежащихъ увольненію изъ тагмъ комитовъ-друнгариѣвъ на мѣста флотскихъ офицеровъ, провинившихся во взяточничествѣ.

3) Мауг. Strat. I 4, р. 30. — Имп. Левъ дословно воспроизвелъ въ своей «Тактикѣ» слова Маврикія о квалификаціи командировъ миръ (у него это — друнгариѣ) — IV 42 и меръ (турмъ) — ib. 43.

низшихъ командировъ, которые избирають сотника (*ἐκατοντάρχης*), шларха, декарховъ, пентарховъ и тетрарховъ¹⁾.

Эта ясная и живая картина созданія боевой арміи далеко отодвигаетъ насъ отъ прежнихъ временъ и порядковъ римской имперской арміи. Тогда существовала постоянная армія, состоявшая изъ определенныхъ, издревле унаслѣдованныхъ, боевыхъ и тактическихъ единицъ съ древними латинскими названіями чиновъ. А здѣсь передъ нами — ополченіе, изъ котораго возникаетъ и формируется армія самимъ стратигомъ по мѣрѣ надобности. Цензъ на офицерское званіе — самый неопредѣленный, и только для самаго высшаго офицера, который, какъ то оговорено, можетъ явиться замѣстителемъ главнаго командира, выставляется желательной — «если то возможно» — грамотность. — Готскія и гуннскія времена сдѣлали свое дѣло и превратили нѣкогда стройно организованную римскую имперскую армію въ народное ополченіе²⁾. Назначаемый верховной властью стратигъ самъ организуетъ свой контингентъ, самъ его обучаетъ, доводитъ до боевой готовности и ведетъ въ непродолжительные походы противъ врага, вторгшагося въ предѣлы государства, или даже вторгается самъ въ страну врага черезъ границы; возвращается къ зимѣ съ похода и распускаетъ своихъ боевыхъ товарищей до слѣдующей весны³⁾. Трудно прослѣдить стадіи процесса, который у Маврикія мы застаемъ завершившимся. Такое наслѣдіе получила Византія отъ ближайшаго прошлаго и его то закрѣпила она въ своемъ еемномъ строѣ. Въ VIII, IX и X вѣкахъ главный врагъ былъ на Востокѣ и восточныя еемы стояли въ ранговомъ отношеніи выше западныхъ, какъ то прямо засвидѣтельствовано Константиномъ. Врагъ былъ конный и еемы были конныя, *καβαλλαρικά ἑμάτα*. Имп. Левъ въ своей «Тактикѣ» подробно останавливается на непрестанной войнѣ съ арабами и даетъ по этому поводу цѣлый рядъ драгоцѣнныхъ свѣдѣній по организаціи войска и военнаго дѣла. Военныя дѣйствія имѣли видъ набѣговъ съ той и другой стороны. Въ своихъ наставленіяхъ стратигу анатоликовъ, имп. Левъ даетъ свидѣтельство, что нормальный контингентъ его бое-

1) Ib. I 5, p. 32—33.

2) Объ организаціи римской арміи въ IV вѣкѣ см. Mommsen, *Das römische Militärwesen seit Diocletian*. Hermes XXIV (1889), стр. 195—279. — О вліяніи германцевъ ср. Seeck, *Das deutsche Gefolgswesen auf röm. Boden*. Zeitschrift d. Sav. Stiftung. XVII, Germ. Abth. (1896) стр. 97—119.

3) Такой именно характеръ имѣютъ войны въ концѣ VI вѣка, описанныя у Θεοφιλάкта Симокатты.

вой арміи долженъ быть 4000 человекъ. Изъ этого числа 1346 человекъ выделяются какъ начальники, *ἀρχοντες*: 800 — пентарховъ, 400 — декарховъ, 80 — пентеконтарховъ (или трибуновъ), 40 — сотниковъ (*χένταρχοι*), 20 — комитовъ, 4 — друнгарія, 2 — турмарха ¹⁾. Этотъ 4000-ый отрядъ для боевыхъ цѣлей дѣлится на части: первая въ 1500 человекъ, раздѣленная на 3 отряда по 500 человекъ, вторая въ 1000 человекъ, раздѣленная на 4 отряда по 250 человекъ, которые выстраиваются въ одну линію въ разстояніи одинъ отъ другого на полетъ стрѣлы; арьергардъ (*νωτοφύλακες*) въ 500 человекъ, раздѣленный на два отряда по 250 человекъ; даѣе — два крыла первой линіи по 200 человекъ: *ὑπερχεράσται* справа и *πλαγιοφύλακες* — слѣва; кромѣ того на обоихъ флангахъ два отряда по 200 человекъ — *ἐνεδροί*, для атаки кучей, если представится случай; наконецъ, въ трехъ интервалахъ второй линіи должны стоять по 100 человекъ въ каждомъ ²⁾. — (Получается нѣкоторое несоотвѣтствіе между цифрами: въ арміи 4000 человекъ, а въ строю — 4100. Не станемъ останавливаться на этой неточности).

4000-ый отрядъ, или *στρατιωτικὸν ζῆμα*, и есть нормальная боевая армія ³⁾. Въ случаѣ появленія непріятеля въ большемъ числѣ стратигъ анатоликовъ можетъ вызвать двойной контингентъ и соотвѣтственно удвоить численность всѣхъ частей и даже утроить, доведя свою армію до 12 тысячъ. Въ случаѣ недостаточности и этого числа войскъ стратигъ обращается къ сосѣднимъ еемамъ и онѣ высылаютъ ему армію по 4000 человекъ отъ еемы ⁴⁾.

Не лишено значенія отмѣтить въ этой связи сообщеніе Льва относительно выбора офицеровъ высшихъ ранговъ, т. е. комита, друнгарія и турмарха. Помимо общаго условія ихъ пригодности и личной храбрости, стратигъ долженъ обращать вниманіе на ихъ политическое настроеніе: вѣрность и преданность имперскимъ интересамъ (*πιστοὶ καὶ εὐγνώμονες τῇ Ῥωμαϊκῇ πολιτεῖα ἡμῶν*). Императоръ Левъ совѣтуетъ также обращать вниманіе на матерьяльное и общественное положеніе лицъ, избираемыхъ въ офицеры. Благородство (*εὐγένεια*) является залогомъ того, что они будутъ исполнительны въ нужное время; а ихъ

1) XVIII, 149.

2) Ib. 143. — Ср. De velit. bell. XVII, p. 228.

3) De velit. bell. XIX, p. 238. Армія въ 5 или 6 тысячъ признается вполне достаточной для вступленія въ открытый бой съ арабами съ полной надеждой на успѣхъ.

4) Leo, Tact. XVIII, 161.

матерьяльная обеспеченность (εὐπορία) позволить имъ, въ случаѣ надобности, быть щедрыми относительно подчиненныхъ имъ людей, что въ свою очередь можетъ содѣйствовать хорошему настроенію войска и вѣрности солдатъ своимъ начальникамъ въ минуту опасности (IV, 3).

Такъ рисуетъ имп. Левъ военные и боевые порядки на восточной, наиболѣе въ ту пору угрожаемой, границѣ имперіи. — Для нашей специальной цѣли важно прежде всего отмѣтить, что армія имѣетъ характеръ ополченія, которое организуетъ самъ стратигъ, вызывая людей по мѣрѣ надобности изъ числа обязанныхъ повинностью кавалерійской службы. Стратигъ имѣетъ право допускать замѣну однихъ людей другими, предоставляя состоятельнымъ людямъ, не желающимъ идти въ походъ, ставить за себя коня и человека¹⁾. Только высшіе офицерскіе чины, турмархи, подлежатъ назначенію изъ столицы; всѣ же остальные назначаются самимъ стратигомъ²⁾. А такъ какъ армія есть ежегодно собираемое и распускаемое ополченіе, то естественно, что низшіе офицерскіе чины подлежатъ постоянной смѣнѣ. Тактической единицей, которая комбинируется во всякихъ сочетаніяхъ, является тагма или банда, т. е. отрядъ въ 200—250 человекъ. Тысяча, т. е. 5 или 4 тагмы вмѣстѣ, не имѣетъ specialнаго значенія тактической единицы. Понятно, что именно комитъ долженъ былъ оказаться болѣе устойчивымъ военнымъ чиномъ, чѣмъ друнгарій. Среди подлежавшаго созыву ополченія могла сохраняться память о томъ, кто былъ удостоенъ назначенія въ офицеры всякаго ранга до пентарха и тетрарха включительно, и всѣ эти люди подходили подъ общее наименованіе архонтовъ, ἄρχοντες. У Константина есть разсказъ о томъ, какъ прото-спазарій Θεодоръ долженъ былъ, по specialному порученію, набрать въ еемѣ анатоликовъ 500 человекъ стрѣлковъ и кавалеристовъ; при этомъ авторъ дѣлаетъ такую оговорку: εἰ τε ἐκ τῶν ἀρχόντων, εἰ τε ἐκ τῶν σχολαρίων³⁾. Очевидно, ранговое различіе между архонтами и школаріями было весьма незначительно. Что же до значенія термина *схо-*

1) Ib. XX, 205.

2) Leo, Tact. IV 41. Οὕτως οὖν τῶν ταγμάτων, ἧγουν βάνδων διαρουμενων, ἐφ' ἑαυτὰ χρὴ ἐπιστῆναι αὐτοῖς ἀρχοντας τοὺς λεγομένους κόμητας... 42. Ταῦτα δὲ τὰ τάγματα συνάξεις εἰς χιλιάρχίας, ἧτοι μοίρας τὰς λεγομένας δρούγγους. Καὶ ἐπιστήσεις αὐτοῖς μοιράρχας χρησίμους... 43. Τὰς δὲ μοίρας ταύτας, ἧτοι τοὺς δρούγγους, συντάξεις εἰς μέρη, ἧγουν τούρμας, καὶ ἐπιστήσουσιν αὐτοῖς γνώμη τῆς βασιλείας ἡμῶν μαράρχαι, οἱ λεγόμενοι ποτὲ καὶ στρατηλάται, νῦν δὲ τῇ συνηθείᾳ καλούμενοι τουρμάρχαι.

3) De caer. II 44, p. 657 сл.

ларій, то въ новеллѣ имп. Константина отъ 947 года дано прямое свидѣтельство о томъ, что это званіе лишь немного возвышается надъ положеніемъ стратіота¹⁾. Въ новеллѣ Іоанна Цимискія отъ 972 года друнгарій и комитъ подведены подъ терминъ стратіота²⁾.

Итакъ, свидѣтельства, приведенныя выше, позволяютъ намъ поставить выводъ, что въ ополченіяхъ оемъ друнгарій не удержался въ своемъ значеніи офицера высокаго ранга, какимъ его представляетъ Левъ въ своей «Тактикѣ».

V.

Прослѣдивъ судьбу друнга и друнгарія въ кавалерійскихъ оемахъ, мы должны дополнить это изложеніе краткимъ указаніемъ на судьбу того же института въ другихъ частяхъ византійскихъ военныхъ силъ, а именно: гвардіи и флота.

Въ интересномъ и важномъ документѣ 687 года, посланіи имп. Юстиніана II къ римскому папѣ Іоанну, составъ императорской гвардіи опредѣляется двумя полками: *militantes incolae sancti Palatii* и *excubitores*³⁾. Первый терминъ является, очевидно, лишь описаніемъ болѣе обычнаго: *scholarii*. Эти два гвардейскихъ полка были унаслѣдованы Византіей отъ давняго прошлаго. Схолы являются въ непосредственной близости къ особѣ императора еще при Константинѣ Великомъ, а *excubitores* возникли, по свидѣтельству Лида, при имп. Львѣ⁴⁾. Въ X вѣкѣ существуетъ четыре гвардейскихъ полка: схолы, экскувиты, ἀρμυρὸς и ἰκανάτσι. Таковы ихъ имена и ранговой порядокъ по свидѣтельству Константина⁵⁾. Къ этимъ военнымъ частямъ, которыя должны были участвовать въ разныхъ парадахъ и дворцовыхъ цере-

1) Zachariae v. Lingenthal, *Jus Graeco-romanum*, III, 255. Εἰ δὲ ἐκ τῶν περιφανεστέρων τῆς ὁμάδος πρὸς τοὺς ἡλίγον ὑποβεβηκότας ἐν ἀξιώματι, τυχὼν σχολαρίων πρὸς στρατιώτας... Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе вопроса о схоларіяхъ и не приводя другихъ текстовъ, позволимъ себѣ указать, что Васильевскій въ своемъ переводѣ этого закона — Ж. М. Н. Пр. 1897, ч. ССII, стр. 190—врядъ ли правильно объяснилъ этотъ терминъ, предложивъ такую передачу: «воины, служащіе въ императорской гвардіи».

2) Ib. III, 302: Θεσπίζομεν τοιγαροῦν, ἵνα εἴ τις ἐκ τῶν στρατιωτῶν δρουγγάριος εἴτε χανδοφόρος (*lege*: βανδοφόρος) εἴτε κόμης εἴτε σχολάριος ἢ ἕτερος οἰοσθῇποτε στρατιώτης μικρὸς ἢ μέγας, ταγματικὸς ἢ δεματικὸς, διαπολήσει ψυχάρια...

3) Migne, *Patr. Lat.* XCVI, p. 427.

4) Свидѣтельства см. у Mommsen, *Das röm. Militärwesen seit Diocletian*, стр. 221—225.

5) De caer. p. 494.

моніяхъ, примѣняется терминъ *τάγματα*, какъ состоявшимъ всегда въ боевомъ комплектѣ; ополченія *οὐρα*, въ которыхъ терминъ *ταγμα* служилъ для обозначенія меньшихъ тактическихъ единицъ, нерѣдко противопоставляются гвардейскимъ *τάγματα* подъ своимъ общимъ именемъ — *τὰ θέματα*. Когда возникли тагмы: *αριον* и *ικανаты*, — намъ не удалось разыскать; но во всякомъ случаѣ въ IX вѣкѣ они уже существуютъ какъ давнее учрежденіе и упомянуты въ описаніи большого похода противъ Арабовъ въ 863 году, предпринимаго подъ командой Петроны (*Βασιλικὰ τέσσαρα τάγματα*)¹⁾. Количество людей въ полку, носившемъ имя *ἀριθμός*, намъ неизвѣстно, равно какъ и названіе тѣхъ единицъ, на которыя онъ подраздѣлялся, — вѣроятно, то были банды. Но отъ Константина мы знаемъ, что во главѣ подраздѣленій его стояли комиты; что же до имени командира этого полка, то тотъ же Константинъ сообщаетъ, что онъ назывался *δρουγγάριος τῆς βίγλας*²⁾. На немъ лежала охрана особы императора, ему принадлежала очень дѣятельная и видная роль во всѣхъ приемахъ и церемоніяхъ. Онъ принадлежалъ къ виднымъ придворнымъ чинамъ и числится у Филоея на 36 мѣстѣ, имѣя званіе *анеипата* и *патрикія*³⁾. Во время похода, въ которомъ принимаетъ участіе императоръ, друнгарій вѣдываетъ охрану особы царя, заводитъ главной квартирой и самостоятельно откомандировываетъ отдѣльныя части для этой цѣли изъ войскъ *οὐρα*, проверяетъ ихъ бдительность и исполнительность, а также и самолично производитъ взысканія за нерадѣніе и упущенія⁴⁾. Впослѣдствіи, быть можетъ, какъ результатъ отношенія друнгарія, какъ начальника караула, къ благочинію въ столицѣ, развилось его значеніе какъ высшаго судебного органа въ роли замѣстителя царя въ высшемъ апелляціонномъ судѣ⁵⁾.

Въ томъ отрывкѣ Кодамы, опубликованномъ де-Гузъ, надъ истолкованіемъ котораго такъ много потрудился Гельцеръ въ своей работѣ: *Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung*, почтенный изслѣдователь не обратилъ вниманія на одну подробность, которая

1) Theoph. cont., p. 181, 16.

2) Мѣсто, указанное въ примѣчаніи 3-мъ: *τὴν αὐτὴν παραγγελίαν ποιεῖν καὶ ὁ δωμαεπικὸς τῶν σχολῶν... ὁμοίως καὶ ὁ ἐκκουβίτος... καὶ ὁ δρουγγάριος τῆς βίγλης εἰς τοὺς κόμητας τοῦ ἀριθμοῦ, καὶ ὁ ἱκανάτος εἰς τοὺς κόμητας αὐτοῦ ἐχέτω τὰ αὐτὰ ἐργαλεῖα.*

3) De saer. II, 52, p. 728: *ὁ ἀνθύπατος, πατρίκιος καὶ δρουγγάριος τῆς βίγλας; ср. p. 713.*

4) Ib. p. 452, 16; 489,5 — 490,12.

5) Zachariae v. Lingenthal, Geschichte des gr. röm. Rechts. 2-te Aufl. (1877), стр. 333 сл.

легко вывела бы его изъ затрудненія въ разгадкѣ искаженныхъ въ арабской передачѣ именъ константинопольскихъ гвардейскихъ полковъ. О третьемъ полкѣ, который де-Гузъ называлъ экскувитами, значитъ такая подробность: *sous le commandement d'un drungire (trungār) est destiné aux corps de garde*¹⁾. Такъ какъ отъ Константина мы знаемъ, что изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ только одинъ находился подъ командой друнгарія, то не можетъ быть сомнѣнія, что предложенная де Бооромъ и принятая де-Гузъ разгадка искаженного арабскаго написанія греческаго имени — ошибочна²⁾. Что касается до сообщаемой у Кодамы цифры общей численности состава гвардейскихъ полковъ, въ томъ числѣ и ариема, т. е. 4000, то она является весьма сомнительной, какъ и многое другое въ сообщеніяхъ Кодамы. Константинъ, въ перечисленіи конницы, участвовавшей въ экспедиціи 949 года, даетъ намъ цифры всего состава тагмъ экскувитовъ и иканатовъ, участвовавшихъ въ этомъ походѣ: первая имѣла въ полномъ своемъ составѣ (παντὸς τοῦ τάγματος) — 700 человекъ, вторая — также въ полномъ составѣ — 456³⁾. По всей вѣроятности, численность ариема была близка къ этимъ цифрамъ и врядъ ли могла восходить выше 1000 человекъ. За такой именно составъ, а никакъ не 4000-ный, говоритъ и то, что командиръ этого полка получилъ когда то и удержалъ въ послѣдствіи званіе друнгарія. Одна тысяча, какъ нормальный составъ друнга, указана въ Тактикѣ Льва, и весьма вѣроятно, что нѣкогда это дѣйствительно было такъ. Быть можетъ, эта цифра и понизилась къ половинѣ X вѣка; но во всякомъ случаѣ друнгарій, командовавшій этимъ полкомъ, сохранилъ свой высокій рангъ и не имѣлъ никакого отношенія къ судьбѣ друнгарата въ оемахъ.

Переходимъ къ флоту. — Въ вышецитованномъ документѣ 687 года имперскій военный флотъ является подъ именемъ *Carabisiani*, какъ самостоятельная крупная часть военныхъ силъ государства⁴⁾. Въ «Чудесахъ св. Димитрія» въ разсказѣ объ одномъ событіи изъ жизни города Солуни, приблизительная хронологія котораго 680 — 690 годы, названы — *χαράβιστιανοὶ στρατιῶται* и командиръ ихъ — *στρατηγὸς τῶν χαράβων*⁵⁾. Въ «*Liber Pontificalis*» подъ 711 годомъ по-

1) Bibl. geogr. arab. VI, p. 197.

2) На это указалъ уже акад. Успенскій, Изв. Р. Арх. Инст. въ К. VI, I, стр. 169.

3) De saer. II 45, p. 666.

4) Migne, Patr. Lat. XCVI, 427.

5) Id. Patr. Gr. 146, 1869.

мянуть нѣкто Теофилъ — *patricius et stratigos Caravisanorum* ¹⁾. Военно-морской повинностью обязаны были опредѣленныя области, въ которыхъ — по историческимъ и географическимъ условіямъ — процвѣтало мореходство. Области эти съ теченіемъ времени выдѣлились изъ единого имперскаго флота и получили значеніе оемъ. Такимъ образомъ, позднѣе существовало нѣсколько военныхъ флотовъ наряду съ императорскимъ, именовавшимся τὸ βασιλικὸν πλωῖον или ὁ βασιλικὸς στόλος ²⁾. Вмѣсто одного общаго стратига, какъ было въ концѣ VII вѣка, явилось нѣсколько адмираловъ, получившихъ титулъ друнгариѣвъ. Этотъ титулъ сохранился на всѣ времена за адмираломъ императорскаго флота, и въ табели ранговъ Филофея на 38 мѣстѣ значится: δρουγγάριος τῶν πλωίων ³⁾. Что же касается до друнгариѣвъ флотовъ оемъ, τὰ θεματικὰ πλωῖα, то они съ теченіемъ времени были уравнены въ званіи съ командирами сухопутныхъ оемъ и получили титулъ стратиговъ. Таково свидѣтельство имп. Льва въ его Тактикѣ ⁴⁾. Эта перемѣна наименованія имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что во флотахъ оемъ появился чинъ друнгарія въ другомъ значеніи, томъ самомъ, какое онъ нѣкогда имѣлъ въ сухопутныхъ войскахъ. По свидѣтельству Льва, команда во флотѣ распределялась такимъ образомъ. — Дромономъ, т. е. военнымъ кораблемъ, командовалъ кентархъ, κένταρχος, или навархъ, ναύαρχος; каждые 3 или 5 дромоновъ имѣли

1) Lib. pontif., 228. Mom.

2) Этотъ флотъ существовалъ непрерывно, и помянутъ въ противоположеніи флотамъ оемъ въ описаніи возстанія Θεομ у Генезія, р. 87. — У Скабалановича, о. с. 320, пр. 1 — основаніе его ошибочно приписано Василію Македонянину.

3) De saer. II 52, p. 718, 22.

4) Leo, Tact. XIX 24: οὐκ ἄγνοῦσθαι κατὰ τὴν ὁμοίωσιν τοῦ βασιλικοῦ πλωῖου καὶ οἱ τῶν ἄλλων θεμάτων πλωῖοι στρατηγοὶ δρουγγάριοι ἐκαλοῦντο ποτε τοῖς ἀνω χρόνοις, καὶ οἱ ὑπ' αὐτοῦς κόμητες μόνον καὶ κένταρχοι. Ἀλλὰ νῦν εἰς στρατηγίδα ἡ ἐκάστου τῶν δρουγγαρίων ἀρχὴ ἀναβέβηκεν, καὶ καλουμένη ταῖς στρατηγικαῖς καταμερίζεται τάξεσιν. — У Теофана подъ 697 г. помянутъ δρουγγάριος τῶν Κιβυραίων — Аписмаръ, овладѣвшій трономъ подъ именемъ Тиберія — р. 370, 23; а подъ 731 годомъ названъ уже — στρατηγὸς τῶν Κιβυραίων — р. 410, 7; подъ 790 годомъ тотъ же Теофанъ (р. 465, 20) называетъ Теофила, *стратию* Кивирэотовъ, погибшаго за вѣру предъ лицомъ Гарунъ аль Рашида. Schlumberger, Sigillographie de l'Emp. Byz., стр. 261, издалъ печать Теофила, *εспаеарія* и турмарха Кивирэотовъ, и по поводу послѣдняго титула дѣлаетъ замѣчаніе, что въ ту пору, т. е. 790 годъ, эта область не была еще оемой. Врядъ ли это правильное разсужденіе. Если это даже тотъ самый Теофилъ, то б. м. печать эта относится къ болѣе раннему времени его карьеры, когда онъ не былъ еще стратигомъ, а только однимъ изъ турмарховъ этой области. — Подъ 780 годомъ названъ у Теофана (р. 454, 19) δρουγγάριος τῆς Δωδεκανήσου Теофилактъ. — Schlumberger, о. с. р. 194 и 195, приводитъ печати друнгариѣвъ τοῦ Αἰγίου καλάρου, позднѣе возобладавшее названіе для той же оемы. Первую изъ этихъ печатей онъ приурочиваетъ къ IX вѣку.

одного общаго командира, который назывался комитомъ. На императорскомъ флотѣ только и были эти два офицерскихъ чина; а во флотахъ еемъ, гдѣ адмиралъ носилъ званіе стратига, были еще высшіе офицерскіе чины: друнгаріи и турмархи, подчиненные непосредственно стратигу¹⁾. Ранговое отношеніе этихъ чиновъ засвидѣтельствовано въ сообщеніи Константина объ ихъ окладахъ во время экспедиціи 935 года: турмархи получали по 30 номизмъ, комиты палатки, хартуларіи еемъ, domestici еемъ, друнгаріи — по 20, комиты — по 6, стратіоты — по 3²⁾. — Итакъ, друнгаріи по своему окладу сравнены съ чинами штаба стратига еемы и значительно возвышаются надъ комитами во флотѣ въ ту самую пору, когда въ сухопутныхъ еемахъ это званіе уже потеряло прежнее свое значеніе.

Въ этой связи остается упомянуть о Мардаитахъ. — Эти ливанскіе горцы, не желавшіе подчиниться арабамъ, были переведены въ 687 году, по соглашенію съ имп. Юстиніаномъ II, въ предѣлы имперіи и поселены одни въ округѣ города Атталіи въ еемѣ Кивирэотовъ, другіе — въ западныхъ областяхъ: въ Пелопоннискѣ, на островѣ Кефалоніи и въ округѣ Никополя³⁾. Θεοφανъ въ разсказѣ о переселеніи Мардаитовъ сообщаетъ, что ихъ было 12 тысячъ, разумѣя, очевидно, лишь ратниковъ, какъ и называетъ онъ ихъ не племенемъ, а тагмой. Въ Атталіи они состояли подъ начальствомъ назначаемаго отъ императора командира съ званіемъ ὁ κατεπάνω, который не былъ непосредственно подчиненъ стратигу Кивирэотовъ⁴⁾. Въ экспедиціи имп. Льва на Критъ восточные Мардаиты выставили 5087 человекъ, а западные — 4087. Константинъ даетъ свѣдѣніе, что на 5 тысячъ стратіотовъ приходилось 87 офицеровъ, изъ которыхъ 3 были турмархи, 42 — друнгаріи и также 42 — комиты. Изъ сообщенія о размѣрѣ окладовъ видно ранговое различіе этихъ чиновъ: турмархи получаютъ по 36 номизмъ, друнгаріи — по 12, комиты — по 6 и стратіоты — по 4⁵⁾. — Итакъ, здѣсь друнгаріи стояли значительно выше комита, но не такъ близко къ турмарху, какъ во флотахъ еемъ. Общее количество друнгаріевъ оказывается

1) Ib. 23. Ἐκὶ δὲ τῶν θεματικῶν δρομικῶν καὶ δρουχάρτοι ἐπιστήσονται καὶ τουρμαρχαί, καὶ αὐτοὶ τῇ στρατηγῷ ὑποταγήσονται, καὶ τοῖς ἐκείνου παραγγέλλασιν εἰσεύσιν.

2) De caer., p. 662, 13.

3) Theoph., p. 363, 15; Const., de caer. p. 665, 20.

4) Const. de adm. imp. c. 50, p. 229.

5) Id. de caer. pp. 654; 655; 656, 10 — 12. — Здѣсь у Константина есть обмолвка: раньше онъ указываетъ, что 5000 стратіотовъ дали восточные Мардаиты, а въ упоминаніи объ окладахъ, отмѣчая 5000, называетъ Мардаитовъ τῆς Δύσεως.

далеко превосходящимъ ту норму, какую указываетъ имп. Левъ. По всему, вѣроятно, дѣло объясняется различіемъ судовъ, которыя ставили Мардаиты. Суда эти Константинъ называетъ *γαλέαι* (и *γαλαῖαι*) и даетъ Мардаитамъ имя — *ὁ λαὸς τῶν γαλεῶν*. То были быстроходныя суда значительно меньшихъ размѣровъ, чѣмъ дромоны.

Итакъ, во флотѣ еемъ чинъ друнгарія имѣлъ твердое положеніе и обозначалъ офицера, стоявшаго въ рангѣ между турмархомъ и комитомъ. Бѣольшая устоячивость этого званія во флотѣ, нежели въ кавалерійскихъ еемахъ, вполне понятна. Кавалерійское ополченіе, созываемое на лѣтній походъ, допускало колебаніе въ цифрахъ ратныхъ людей, являвшихся на вызовъ, различіе численности тактическихъ единицъ (бандъ), коней и вооруженія. Физическая сила, отвага и лихость были достаточными условіями для успѣшнаго исполненія обязанностей офицера. Какъ Маврикій, такъ и Левъ требуютъ грамотности только для высшаго чина, который могъ являться замѣстителемъ стратига, т. е. главнокомандующаго. Во флотѣ дѣло обстояло иначе. По самому существу морского дѣла, исправность исполненія военно-морской повинности требовала строго выработанной организаціи. Нужны были доки для постройки судовъ, заводы для выработки предметовъ морского снаряженія, а также совершенно опредѣленные кадры матросовъ. О требованіяхъ отъ морского офицера Левъ не сообщаетъ ничего, но само собою разумѣется, что исполнять обязанности офицера могъ далеко не всякій, а лишь человѣкъ, знакомый со всѣми тонкостями тогдашней техники сооруженія судовъ, а также управленія ими въ плаваніи и въ бою. Военные корабли могли не имѣть полнаго комплекта матросовъ во время стоянокъ въ гаваняхъ въ пору отсутствія морскихъ предпріятій; но оставаться совсѣмъ безъ матросовъ и офицеровъ корабли не могли, такъ какъ это было равносильно предоставленію цѣннаго сооруженія на полную волю разрушительной стихіи, обреченію его на гибель. Офицерское званіе должно было оставаться постояннымъ и понятно, почему офицерскіе чины во флотѣ не могли сойти на степень цѣлаго класса «архонтовъ» среди простаго матросскаго населенія. Они должны были быть специалистами морского дѣла, а не просто лучшими или болѣе сильными и ловкими изъ гребцовъ, какихъ, по вызову стратига, ставилъ данный округъ. Въ трехъ морскихъ еемахъ: Кивирѣоты, Эгейское море и Самось, военно-морская повинность состояла въ поставкѣ судовъ съ полнымъ снаряженіемъ и полнымъ комплектомъ матросовъ. Константинъ въ

новеллѣ, изданной между 945 — 959 г., опредѣляетъ обязанности населенія морскихъ оемъ словами: αὐτόστολοι καὶ αὐτερέται. Въ виду тяжести этой повинности (βαρεῖας μετῴσσι τὰς ὑπηρεσίας) императоръ подтверждаетъ положеніе о томъ, что земельное владѣніе, подлежащее военно-морской повинности, должно имѣть такую же минимальную цѣнность, какъ и въ кавалерійскихъ оемахъ, т. е. 4 литры золота¹⁾. Въ царскомъ флотѣ, гдѣ полагается рога (ἐπὶ βόραις ὑπηρετοῦμένοις), и «другихъ»²⁾ достаточнымъ считается участокъ цѣнностью въ 2 литры. Вѣроятно, дѣло объясняется тѣмъ, что во второмъ случаѣ отпадало условіе αὐτόστολοι, т. е. поставки судовъ, и повинность состояла въ исполненіи матросской службы. — Входить въ дальнѣйшее разсмотрѣніе вопроса о судьбахъ военнаго флота и его организаціи въ X вѣкѣ представляется для насъ въ данной связи излишнимъ. Для насъ важно лишь констатировать фактъ существованія въ немъ друнгарата въ значеніи офицерскаго чина, который въ рангѣ слѣдовалъ за турмархомъ.

На этомъ мы можемъ покончить наше разсмотрѣніе. Выше было упомянуто о «друнгаріяхъ пѣхотинцевъ», которыхъ на очень низкомъ мѣстѣ въ общей табели называетъ Филоеей. Кто они такіе и къ какому военнымъ частямъ они принадлежали, намъ не удалось разыскать.

Юліанъ Кулаковскій.

20 октября 1901.

Кіевъ.

1) Zachariae v. Lingenthal, Ins Gr.-rom. III, p. 282. — Переводъ этой новеллы у Васильевскаго — Ж. М. Н. Пр. 1879, ч. ССП, стр. 194 сл.

2) Вѣроятно, разумѣть слѣдуетъ флотъ Элады, а также оемъ по западному побережью Балканскаго полуострова.

Saint Théophane le Chronographe et ses rapports avec saint Théodore Studite.

I. Les sources. — II. La famille de saint Théophane et celle de saint Théodore. — III. Parenté de l'impératrice Théodote avec Théodore. — IV. Parenté de l'impératrice Zoé Carbonopsine avec Théophane. — V. Théophane et Théodore sont contemporains. — VI. Position du monastère de Théophane. — VII. Position du monastère de Théodore. — VIII. Théophane dans la correspondance de Théodore. — IX. Théophane, parrain monastique de Théodore. — X. Théophane et Théodore divisés dans l'affaire moechienne. — XI. Passages de la Chronographie peu favorables au Studite. — XII. Théodore et Théophane en face de l'iconoclasme. — XIII. Année de la mort de Théophane. — XIV. Son emprisonnement durant les deux années précédentes. — XV. Ses derniers jours et lettres de Théodore sur sa mort. — XVI. Tombeau de Théophane et son monastère de Grand Champ. — XVII. Mégalo, femme de Théophane. — XVIII. Le surnom et le grand renom de Théophane. — XIX. Conclusion.

I.

Saint Théophane le Chronographe est moins connu que sa «Chronographie». Voici trente ans à peine que M. Alfred Rambaud, ce maître de la science historique, pouvait encore se méprendre sur lui au point de l'identifier avec saint Théophane Graptos¹⁾. Depuis, il est vrai, la personnalité du moine écrivain a dépouillé quelques unes des ténèbres qui l'enveloppaient. Réédité par M. C. de Boor²⁾, son ancien dossier

1) A. Rambaud, Constantin Porphyrogénète, p. 55.

2) C. de Boor, Theophanis Chronographia, II, 3—30.

biographique est devenu plus familier aux byzantinistes. Il comprend, comme on sait, la Vie due ou attribuée à Syméon Métaphraste¹⁾, le panégyrique écrit par Nicéphore le Blakhernite²⁾, et la notice historique de l'office³⁾. D'autre part, quelques sources d'information enfouies jusque-là dans les manuscrits ont vu le jour. M. C. de Boor a donné le branle en livrant au public un petit synaxaire⁴⁾. Peu après, M. K. Krumbacher a successivement publié un panégyrique du *protoasecretis* Théodore⁵⁾ et une Vie anonyme⁶⁾. De son côté, M. M. Gédéon a tiré de l'Athos une autre Vie⁷⁾, également sans nom, qui me paraît être un pâle abrégé de la biographie encore inédite composée par le patriarche Méthode⁸⁾. Les travaux n'ont pas manqué, on le voit, autour du Chronographe. Et pourtant, malgré les publications faites et les progrès accomplis, il est universellement avéré que nos connaissances à son endroit restent encore incomplètes.

J'ai eu l'occasion ces temps derniers de me rencontrer, sans le vouloir, avec saint Théophane le Chronographe. Tandis que je recueillais les éléments d'une petite étude chronologique sur quelques saints iconophiles du IXe siècle, plusieurs données me sont tombées sous les yeux qui se rapportent à lui très directement, qui éclairent certains

1) C. de Boor, op. cit., II, 3—12. Je citerai cette vie sous le nom de Syméon Métaphraste et d'après l'édition de Migne, P. G., CXV, 9—29.

2) C. de Boor, op. cit., II, 13—27. Je citerai ce panégyrique également d'après l'édition de Migne, P. G., CVIII, 18—45.

3) C. de Boor, op. cit., II, 28—30. Cette notice, pour plus de facilité, sera citée sous la rubrique Anonyme A et d'après l'édition de Migne, P. G., CVIII, 49—52.

4) Op. cit., II, 30.

5) Ein Dithyrambus auf Theophanes Confessor, dans les Sitzungsber. d. philos.-philol. und d. hist. Cl. d. K. bayer. Akad. d. Wiss., 1896, p. 583—625. Le panégyrique proprement dit occupe les pages 608—618.

6) Eine neue Vita des Theophanes Confessor, dans la même publication, 1897, p. 371—399. L'auteur de cette Vie, dont le texte grec occupe les pages 389—399, sera pour nous l'Anonyme B.

7) Βυζαντινὸν ἱστοριόγιον, p. 288—293. Ce sera notre Anonyme C.

8) La Vie publiée par M. M. Gédéon, trouvée dans le codex 23 de Koutloumoussi, et la Vie écrite par le patriarche Méthode, partiellement contenue dans le codex 159 de la Bibliothèque synodale de Moscou, ont le même *incipit*. Une Vie également de même *incipit*, attribuée au patriarche Michel, est signalée par le Synaxariste comme se trouvant au monastère des Ibères. Malgré ce début identique, il faut distinguer au moins deux rédactions, car un passage extrait par M. Krumbacher du manuscrit de Moscou ne se retrouve point dans le texte édité d'après le manuscrit de Koutloumoussi. Cf. K. Krumbacher, Eine neue Vita... p. 372—374. Nous devons, en outre à M. S. Lambros, Catalogue of the greek manuscripts on mount Athos, № 3679, de savoir que le codex dionysiate 145 renferme une vie abrégée et un panégyrique de Théophane. Quelle vie? quel panégyrique? les sommaires indications du catalogue ne le disent pas.

détails de son existence, qui précisent surtout ses rapports avec saint Théodore Studite. Comme ce sont là rapports jus'quici trop laissés dans l'ombre¹⁾ et questions d'hagiographie byzantine à peine effleurées²⁾, il m'a paru bon de noter au passage les textes les plus intéressants, de les coordonner ensemble, et de communiquer les renseignements y contenus, si modestes soient-ils, à ceux qu'intéresse l'histoire ecclésiastique et littéraire de Byzance.

II.

Disons, pour commencer, que l'existence de relations toutes particulières entre Théophane et Théodore ne saurait nous causer la moindre surprise. Les deux saints devaient tendre comme naturellement à se rapprocher, car ils venaient du même monde et appartenaient à la même classe de la société. L'un et l'autre avait vu le jour dans une de ces familles de hauts fonctionnaires qui partageaient à moitié la vie de la cour impériale et formaient l'aristocratie byzantine.

Pour Théophane, la chose ne fait aucun doute. Quand il naquit en 760 d'Isaac et de Théodote, son père était *stratège* ou gouverneur de la mer Egée³⁾. Trois ans plus tard, à la mort d'Isaac, nous voyons Léon, fils de l'empereur Constantin Copronyme, s'intéresser personnellement au jeune orphelin et s'occuper lui-même de son nom⁴⁾. Vers 778, à la mort de Théodote, nous voyons le même Léon IV s'empresse, en

1) M. l'abbé A. Tougard a signalé quelques uns de ces rapports, mais ou inexactement ou incidemment, dans ses prolégomènes à la «S. Theodori parva catechesis» de M. E. Auvray, p. XII, et dans son étude sur «La persécution iconoclaste», p. 23.

2) Les nouveaux bollandistes ne sont pas encore arrivés à saint Théodore, fêté le 11 novembre. Saint Théophane, par contre, s'est présenté trop tôt aux auteurs des *Acta Sanctorum*, martii II, 210—225 de l'édition V. Palmé. M-gr Serge de Vladimir, il est vrai, a écrit quelque quarante pages sur «Le vénérable Théophane l'homologète» dans la revue *Douchépoleznoïé Tschénéï*, 1893, mars, p. 349—369 et mai 3—23. De même, différents auteurs modernes se sont occupés du Studite: A. Tougard en 1891 avec les deux travaux déjà cités; K. Thomas en 1892 avec «Theodoros von Studion»; S. Schiwietz en 1896 avec «De S. Theodoro Studita reformatore monachorum basilianorum»; E. Marin en 1897 dans «De Studio coenobio byzantino» et «Les moines de Constantinople»; G. Schneider en 1900 avec «Der hl. Theodor von Studion». Mais ceux qui ont lu ces ouvrages verront sans peine que le présent article ne fait point double emploi avec eux.

3) Anonyme A, p. 49; Anonyme B, p. 389; Anonyme C, p. 290. Sur le thème de la mer Egée on peut consulter Constantin Porphyrogénète, *De thematibus* dans Migne, P. G., CXIII, 108, et H. Gelzer, *Die Genesis der Byzantinischen Themenverfassung*, Leipzig, 1899, passim.

4) Anonyme B, p. 390.

Византизмъ Временныя.

guise de consolation, d'élever Théophane au rang de *strator*¹⁾. Par le fait de cette nomination le jeune homme devenait fonctionnaire de l'Etat. Il le devint encore davantage, peu de temps après, quand l'empereur, qui le traitait en ami²⁾ et le voulait plus mondain, le préposa à des constructions dans la ville de Cyzique³⁾. En 780, s'il faut en croire Syméon Métaphraste, Théophane était *spathaire*⁴⁾. Deux ans auparavant, son mariage forcé avec Mégalo, fille du patrice Léon⁵⁾, l'avait fait le beau-fils d'un homme fort bien en cour⁶⁾.

En ce qui regarde Théodore, le doute n'est guère possible non plus. Le Studite nous dit lui-même dans l'éloge funèbre de sa mère que celle-ci était investie d'une dignité palatine, que sa détermination d'embrasser la vie religieuse surprit l'impératrice Irène, qu'elle entra dans le cloître en foulant aux pieds les dignités de la cour⁷⁾. Un hagiographe anonyme nous parle dans le même sens, mais en appliquant son éloge aux deux parents du saint, à son père Photin aussi bien qu'à sa mère Théoctiste. Photin, déclare-t-il, était questeur; il remplissait auprès du prince les fonctions d'intendant et de trésorier⁸⁾. Saint Platon, l'oncle maternel de Théodore, occupait aussi durant sa jeunesse une belle situation parmi les agents du fisc impérial⁹⁾. De même l'oncle de Platon¹⁰⁾. Plusieurs autres parents, nous le verrons bientôt, s'échelonnaient sur les hauts degrés de la hiérarchie administrative.

1) Ibid.; Syméon Métaphraste op. cit., № 9, p. 17; Nicéphore le Blakhernite, op. cit., p. 25.

2) Nicéph. le Blakh., op. cit., p. 25.

3) Anonyme A, p. 49; Anonyme B, p. 391, Nicéph. le Blakh., op. cit., p. 25. Sym. Métaphr., op. cit., № 9 p. 17.

4) Op. cit., № 10, p. 20.

5) Sym. Métaphr., op. cit., № 4, p. 12 et 13.

6) Nicéph. le Blakh., op. cit. p. 25; Sym. Métaphr. op. cit.

7) S. Théodore Stud., *Laudatio funebris in matrem suam*, № 6, dans Migne, P. G., XCIX, 889. C'est d'après ce volume de Migne que je citerai toutes les oeuvres du Studite y contenues. Quant à sa correspondance, les pièces que Sirmond a publiées seront distinguées par la lettre S. et citées d'après l'édition de la *Patrologia graeca*; celles que nous devons à Mai seront précédées de la lettre M. et citées d'après le tome VIII de la *Nova Patrum bibliotheca*.

8) Pseudo-Michel, *Vita S. Theod.*, № 1, p. 116. J'appelle Pseudo-Michel l'auteur de la vie de saint Théodore longtemps attribuée à l'hagiographe Michel. L'oeuvre du vrai Michel a paru pour la première fois dans la *Bibliotheca de Mai*. Je cite les deux biographies, celle du Pseudo-Michel et celle de Michel, d'après Migne qui les a reproduites en tête des oeuvres du grand higoumène.

9) S. Théod. Stud., *Laudatio S. Platonis hegumeni*, № 5, p. 808.

10) Ibid.

Théophane et Théodore étaient donc du même rang et de la même condition sociale. Un fait qui achève de montrer leur situation vis à vis de la cour et qui met entre eux un point de ressemblance très caractéristique, c'est qu'ils eurent l'un et l'autre dans leur famille une femme qui monta sur le trône impérial en des circonstances pareillement pénibles et déshonorantes.

III.

Théodote, l'épouse adultère de Constantin VI, touchait de très près au Studite¹⁾. Sa parenté avec lui n'a jamais été, que je sache, bien précisée, mais elle était assez étroite et l'on peut, si je ne me trompe, arriver à la définir. Faisons une petite excursion sur le terrain de la généalogie et nous verrons comment.

Sergius et Euphémie, grands-parents maternels de Théodore, eurent trois enfants: un fils, saint Platon, qui revêtit de bonne heure l'habit religieux, et deux filles qui vécurent, au moins tout d'abord, dans le monde²⁾. Le nom d'une de ces deux filles nous est inconnue. L'autre, appelée Théoctiste, épousa Photin et fut mère de quatre enfants: d'une fille, qui reste anonyme pour nous, et de trois garçons, qui furent saint Théodore, saint Joseph et Euthyme³⁾. De son côté, Photin avait trois frères⁴⁾. Ces trois oncles paternels du Studite, transformés quelque part mais à tort en frères de Platon⁵⁾, embrassèrent la vie religieuse en même temps que leur neveu. Nous connaissons en outre un certain higoumène du nom de Nicéphore que Théodore appelle son ἀνεψιός⁶⁾. De même un certain Etienne à qui Théodore donne ce même titre⁷⁾. Une noble dame du nom d'Anna est considérée par Théodore

1) Pseudo-Michel, op. cit., № 18, p. 136.; De ss. patriarchis Tarasio et Nicephoro dans Migne, P. G., XCIX, 1852.

2) S. Theod. St., Laud. S. Plat., № 3, p. 805.

3) Michel, op. cit., № 5, p. 242; Pseudo-Michel, op. cit., № 5, p. 121.

4) Michel, op. cit., № 5, p. 242; S. Theod. St., Laud. in matrem, № 6, p. 889.

5) Ps. Michel, op. cit., № 5, p. 121. Le biographe anonyme a commis cette erreur pour avoir mal compris la phrase correspondante de Michel. Ce dernier désigne des frères de Photin et non de Platon. Qu'il en soit ainsi, le Studite ne permet pas d'en douter. Non content de ne donner à Platon que deux soeurs, Laud. S. Plat. loc. cit., il affirme par deux fois que ces trois oncles étaient les beaux-frères de sa mère, Laud. in matrem, loc. cit.

6) Lettre S. I, 4, p. 920.

7) Lettre M. 21, p. 19.

comme sa propre mère¹⁾. Sergius, employé du fisc, *hypate* de l'*aërikon*, est le fils d'Anna et l'ἑξάδελφος de Théodore²⁾. A ce dernier est également lié le consul Lycaste³⁾. De même aussi le patrice Nicétas⁴⁾. De même encore un patrice⁵⁾ dont le nom nous est inconnu⁶⁾. Il faut en dire autant de Moschos, homme d'oeuvres très dévoué aux orphelins, et de ses deux soeurs, les vierges Irène et Kalé⁷⁾. L'archiatre Eustrate a pour femme une personne qui n'est pas sans se rattacher à la famille de Théodore⁸⁾. Où se trouve dans cet ensemble la place de la trop fameuse Théodote?

L'hagiographe Michel écrit à son sujet *ὅτι ἑξαδέλφη ἐτύγγανε τοῦ πατρὸς ἡμῶν Θεοδώρου ἡ συστεφανωθείσα τῷ Κωνσταντίνῳ*, et le cardinal Maï traduit: *erat quippe ex sorore Theodori patris nostri nata Theodote haec quae nupserrat Constantino*⁹⁾. Mais cette traduction ne satisfait point. Nous savons, en effet, que Théodore n'avait qu'une soeur et que cette soeur fit profession de virginité¹⁰⁾. D'ailleurs, si le biographe anonyme ne s'est point trompé, cette soeur n'était encore en 781 qu'une enfant, qu'une jeune fille peu avancée en âge¹¹⁾: il serait par suite assez difficile, même si elle avait contracté mariage, de la regarder comme la mère de cette Théodote qui jouait moins de quatorze ans plus tard auprès de Constantin VI le rôle qu'on sait. La favorite impériale n'est donc point, comme le veut Maï, *ex sorore Theodori patris nostri nata*.

Serait-elle née d'un des frères de Théodore? Pas davantage. Joseph, le plus âgé des deux, passa directement de la maison paternelle au monastère, tout jeune homme, point marié. Euthyme, le Benjamin de la famille, embrassa l'état monacal dans les mêmes conditions. Se fût-il engagé dans les liens du mariage, il ne saurait avoir eu Théodote pour fille, lui qui sortait à peine de l'enfance en 781¹²⁾.

1) Lettre S. II, 44, col. 1069.

2) Ibidem; Lettres M. 73, p. 59; 90, p. 79; 197, p. 171.

3) Lettre S. II, 149, col. 1464.

4) Lettre S. I, 27, col. 996.

5) Lettre M. 44, p. 35.

6) La patrice Irène à qui et à la fille de qui Théodore écrit si fréquemment ne me paraît pas être une parente du Studite, bien que celui-ci l'appelle une fois ἀδελφομήτηρ. Lettre M. 84, p. 74.

7) Lettre M. 187, p. 121.

8) Lettre M. 187, p. 158.

9) Op. cit., № 15, p. 253 et 254.

10) S. Théod. Stud., Laud. in matrem, № 6, p. 889.

11) Ps. Michel, op. cit., № 5, p. 121.

12) S. Theod. St., Laud. in matrem, № 7, p. 892.

Concluons que la concubine de Constantin VI n'était point, comme ont le dit trop souvent, la nièce de saint Théodore.

Mais alors comment traduire le mot *ἐξαδέλφη* du biographe Michel? Le sens d'*ἐξαδελφος* et d'*ἐξαδέλφη* a beaucoup varié: il faut l'interpréter différemment, suivant qu'il s'agit du grec classique, du grec médiéval ou du grec moderne. Autrefois celui-là était votre *ἐξαδελφος* qui naissait de votre frère ou de votre soeur. Plus tard, celui-là le fut qui dut sa naissance au frère ou à la soeur de votre père ou de votre mère. Aujourd'hui celui-là l'est qu'un lien quelconque de cousinage rattache à vous¹⁾. Dans le cas de Théodote, c'est la deuxième ou la troisième acception du mot *ἐξαδέλφη* qui s'impose. N'étant point, ainsi que nous l'avons montré, la nièce du Studite, cette femme était nécessairement sa *cousine germaine* ou sa *petite cousine*.

Théodore pouvait être le cousin germain de Théodote soit par son père Photin soit par sa mère Théoctiste. Si du côté paternel, cela impliquerait de deux choses l'une: ou bien qu'un des trois frères de Photin, devenus moines en 781, avait eu une fille avant de revêtir le froc, ou bien que Photin, en dehors de ses trois frères religieux, avait un autre frère ou une soeur vivant dans le monde. Mais cette hypothèse n'a rien de fondé. Nous savons en effet, et cela de source très sûre, que Théodore tenait à Théodote par sa mère Théoctiste. La nouvelle Hérodiade, écrit le Studite, était du même sang que Platon²⁾. D'où il suit que Théodote, supposé son cousinage au premier degré avec le fils de Théoctiste et le neveu de Platon, avait pour mère la soeur anonyme de cette même Théoctiste et de ce même Platon. La soeur anonyme de Théoctiste et de Platon, tante maternelle de Théodore, fut une femme de bien³⁾; rien ne l'empêche pourtant d'avoir donné le jour à une fille moins vertueuse.

Voilà si l'on prend le mot *ἐξαδέλφη* dans sa deuxième acception. Mais nous sommes tout aussi libres de descendre jusqu'à la troisième et de traduire par *petite cousine*. Petite cousine à quel degré? Au second, très probablement. Avec une parenté moins étroite, en effet, le Studite et les siens n'auraient pas eu à s'élever contre l'adultère impérial, l'héroïsme dont on leur fait tant d'honneur. Ainsi, si elle n'était pas

1) Le mot *ἀνεψιός* a subi un changement analogue: il signifiait autrefois *cousin*, il signifie actuellement *neveu*.

2) Laud. S. Plat., № 28, p. 832.

3) S. Théod. Stud., Laud. S. Plat., № 3, p. 805.

la cousine germaine de Théodore, Théodote l'était au moins de Platon.

Quand elle attira les regards de Constantin VI, la parente de Théodore portait le titre de *cubiculaire*¹⁾. C'est, évidemment, en remplissant quelque service d'honneur auprès de l'impératrice Marie qu'elle devint la rivale de cette dernière et réussit peu à peu à la supplanter jusque sur le trône. La présence de cette cousine à la cour et son cubiculariat nous sont une preuve de plus, après tant d'autres, que le monde où naquit Théodore vivait bien tout entier dans les fonctions publiques et les dignités palatines.

Mais ce n'est pas, qu'on veuille bien le remarquer, seulement pour tirer cette mince conclusion que je me suis attardé si longtemps à définir la parenté du Studite avec l'Augusta. Il y avait là, ai-je cru, un petit problème historique dont l'élucidation valait la peine d'être tentée pour elle-même. Puis, nous aurons bientôt l'occasion de revenir sur les conséquences du mariage adultère contracté par Constantin VI: savoir ce qu'était la favorite par rapport à l'higoumène de Stoudion ne nous sera pas inutile à ce moment pour comprendre que saint Théodore n'ait pas suivi dans telle et telle circonstance la même conduite que saint Théophane.

IV.

De Théophane j'ai dit qu'il eut une parente, lui aussi, qui monta sur le trône impérial de peu honorable façon. Zoé Carbonopsine est le nom de cette seconde Augusta. Zoé fut la concubine de Léon le Sage; elle devint sa femme en quatrièmes noces après lui avoir donné un enfant qui devait être le fameux Constantin VII Porphyrogénète.

Qu'était par rapport à Constantin VII notre Théophane? Son μητροθετος, répond le De administrando imperio²⁾. Sans hésiter, sur la foi de ce texte, M. A. Rambaud fait du Chronographe l'oncle maternel du Porphyrogénète³⁾. La Carbonopsine passe à ses yeux pour «la soeur de saint Théophane l'historien». Elle n'est pas autre chose, non plus, aux yeux de M. T. Evangélidès⁴⁾. Il s'en faut pourtant que cette ma-

1) Lettre S. II, 218, col. 1657; S. Théophane, Chronographia, anno 6287, dans Migne, P. G., CVIII, 945. Au cours du présent travail, la Chronographie sera toujours citée d'après cette édition.

2) Cap. XXII dans Migne, P. G., CXIII, 217.

3) Constantin Porphyrogénète, p. 6, note 3.

4) Οι βίοι τῶν ἁγίων, Athènes, 1896, p. 240 en note.

nière de voir ne soulève aucune difficulté. Isaac, le père du Chronographe, mourut en 763 et Théodote, sa mère, en 778. Présenter Zoé Carbonopsine comme leur fille, c'est dire que Zoé Carbonopsine, dont la maternité et le couronnement datent de 905, devint mère et ceignit la couronne à l'âge de 141 ans passés. Cela, c'était le bel âge au temps de Mathusalem, mais point au Xe siècle de notre ère. Ainsi, du moins, en a passé Banduri. Banduri, entrevoyant la difficulté, a proposé de traduire ici *μητρόθεος* par *magnus avunculus* ou *matris avunculus*. Mais cela même ne suffit pas. Il est impossible, avec le laps de temps écoulé entre la mort d'Isaac et la naissance de Constantin VII, de tenir Théophane pour l'oncle de Zoé. Était-il le grand-oncle de cette femme et l'arrière grand-oncle du Porphyrogénète? Pas même, surtout s'il est vrai, comme Syméon Métaphraste l'affirme¹⁾ et comme semblent l'indiquer les autres biographes, que Théophane était l'unique enfant d'Isaac et de Théodote.

Si peu étroite fût-elle, cette parenté n'en était pas moins véritable. La mentionner sans fondement aucun ne se comprendrait pas de la part du *De administrando imperio*; mais, du moment qu'elle existait, même très loin taine, le rédacteur de cet ouvrage impérial ne pouvait manquer de la consigner, car rien n'était mieux porté à Byzance et ne devait plaire davantage à un lettré comme Constantin VII que l'évocation autour de son berceau d'un homme qui avait brillé tout ensemble et comme confesseur de la foi et comme écrivain.

Sur ce point, d'ailleurs, nous n'en sommes pas réduits au seul témoignage cité. Le panégyrique du *protoasecretis* Théodore, si pauvre en renseignements, nous déclare du moins que, *fier d'appartenir à la famille de Théophane, le basileus très ami du Christ célébrait la fête du saint avec le plus grand éclat et mettait l'honneur d'être son parent au-dessus de tous les honneurs impériaux*²⁾.

Voilà donc, ainsi que je le disais, entre les destinées du Chronographe et celles du Studite un point de ressemblance tout particulier. Car le cas de Théodote et celui de Zoé présentent de grandes analogies. Ces deux femmes commencent l'une et l'autre par vivre en concubinage avec un empereur. Peu après, elles deviennent impératrices reconnues, mais leur élévation au rang d'Augusta se complique chez toutes deux

1) Op. cit., № 3, p. 12.

2) Théodore, op. cit., p. 617.

d'un accroc pareillement grave à la morale. Théodote prend auprès de Constantin VI la place d'une épouse légitime, de cette pauvre et sympathique Marie, si injustement chassée du palais, si injustement jetée dans le cloître. Zoé, par son alliance avec Léon VI déjà veuf de trois femmes, se fait la complice d'un tétragame à une époque où les quatrièmes noces constituent devant les canons de l'Eglise grecque et les lois de l'Etat byzantin quelque chose de pire que la fornication et que l'adultère. Cette différence existe, il est vrai, que la faute de Théodote a lieu sous les yeux de son cousin Théodore, tandis que celle de Zoé n'a point son parent Théophane pour témoin. Mais, par ailleurs, les deux crimes déchaînent des maux à peu près identiques sur Constantinople. Un schisme s'ensuit de part et d'autre parmi des saints. Le mariage de Constantin VI avec Théodote a pour effet de soulever par deux fois une bonne partie du monachisme byzantin contre les patriarches saint Taraise et saint Nicéphore; l'union de Léon VI avec Zoé a comme conséquence de créer deux partis ecclésiastiques rivaux, celui du patriarche saint Nicolas, plus inflexible, et celui du patriarche saint Euthyme, plus condescendant.

V.

L'orage soulevé par l'adultère de Constantin VI ne devait pas, nous le verrons bientôt, servir beaucoup à rapprocher saint Théophane de saint Théodore. Mais avant que n'éclatât le scandale, la parité de rang et l'égalité de condition existaient, et c'en était assez, les circonstances de temps et de lieu aidant, pour l'établissement de rapports intimes entre eux.

Les circonstances de temps aidèrent.

C'est à peine si l'on trouve la place de quelques mois entre la naissance des deux saints. Le 10 juillet 813, quand il vit Léon l'Arménien s'emparer du pouvoir¹⁾, Théophane était âgé de 53 ans²⁾: il avait donc vu le jour en 760. Le 11 novembre 826, quand il rendit son âme à Dieu³⁾, Théodore achevait sa 67e année⁴⁾: il était donc né en 759. De 759 à 760 la distance est minime.

1) S. Théophane, op. cit., anno 6305, p. 1008.

2) K. Krumbacher, *Eine neue Vita...*, p. 378; Anonyme B, op. cit., p. 396.

3) S. Naucraces, *Encyclica de obitu S. Theodori*, et note anonyme sur S. Théodore, dans Migne, P. G., XCIX, p. 1845 et 105; Ps. Michel, op. cit., № 129, p. 229; Michel, op. cit., № 67, p. 325.

4) Ps. Michel, op. cit., № 123, p. 225; Michel, op. cit., № 64, p. 321.

Minime aussi l'intervalle qui sépara leur début dans la vie de perfection.

Théophane, enfant de dix ans, avait été lié par des fiançailles solennelles à la petite Mégalo qui en avait huit. Grandis, les deux fiancés furent contraints de s'épouser. Ils le firent en 778, le père de la jeune fille l'exigeant et Léon IV aussi, mais ce fut pour vivre dans le mariage comme frère et soeur et conserver d'un commun accord leur virginité. Le cloître les attirait irrésistiblement; l'empereur et le père de Mégalo seuls leur fermaient les portes du cloître. La mort de ces deux genseurs vint tout à coup mettre un terme à leur embarras. Eux disparus, ils vendirent leurs biens au profit des pauvres et se retirèrent sans retard chacun de son côté. Quand ceci eut lieu, Théophane avait terminé ses 20 ans¹⁾. C'était donc à la fin de 780 ou au commencement de 781.

Théodore s'engagea dans la même voie à la même date. Il avait, déclarent ses biographes, 35 ans d'âge et 13 ans de religion lors de son élévation à l'higouménat²⁾. C'est donc qu'il était devenu religieux à 22 ans, et ses 22 ans, né en 769, c'est en 781 qu'il les eut.

Ainsi Théophane et Théodore naquirent et prîrent le froc presque en même temps. Le Studite, comme il résulte des indications données, précéda le Chronographe de quelques mois dans la vie. C'est au contraire le Chronographe, nous le verrons tout à l'heure, qui précéda le Studite de quelques jours dans le monastère.

Voilà comment les circonstances de temps favorisèrent le rapprochement des deux saints. Celles de lieu ne le favorisèrent pas moins.

Théodore vit le jour à Constantinople et il y vécut, sans peut-être en sortir jamais, jusqu'au moment de s'enrôler dans la vie monacale. Tous les siens étaient là: pourquoi aurait-il quitté le foyer paternel? On peut en dire autant, ou peu s'en faut, de Théophane. Sauf que peut-être l'Archipel le posséda quelque temps durant ses trois premières années³⁾ et que Cyzique le vit après son mariage, Théophane fut l'hôte fidèle et constant de la capitale: il s'y amusait avec les enfants de son âge dès 764 ou 766⁴⁾; il y rencontrait une fiancée en 770; il y fermait les yeux de sa mère en 778.

1) Anonyme A, p. 49; Anonyme B, p. 391.

2) Ps. Michel, op. cit., № 16, p. 193; Michel, op. cit., № 11, p. 249.

3) Les auteurs présentent Constantinople comme la patrie de Théophane, bien que son père, lors de sa naissance, fût stratège de la mer Egée.

4) S. Théophane, op. cit., anno 6255, p. 876.

Habitants de la même ville, Théophane et Théodore se trouvaient avoir, en outre, des propriétés rurales dans la même province. Ceci, à première vue, paraît importer fort peu et rien pourtant ne devait servir davantage à les rapprocher. C'est là, en effet, qu'ils se retirèrent l'un et l'autre en quittant le monde. Le futur Chronographe se fixa près de Sigriane, le futur Studite près de Saccoudion.

VI.

Disons un mot de la position de Sigriane.

M. Basile Mystakidès l'a recherchée, voici quelque sept ans, afin de couper court une fois pour toutes aux hésitations des grands hagiographes grecs indécis entre l'île de Mitylène¹⁾ et la ville de Médeia²⁾. Dans un article fortement documenté³⁾, M. B. Mystakidès a déclaré, non sans raison, que Sigriane, région de l'antique *Médie*, n'avait rien de commun avec la ville de *Médeia* sur la rive européenne de la mer Noire, et il en a conclu, non sans insister, que la résidence du Chronographe, impossible à identifier avec la trop lointaine Sigriane des vieux Mèdes, était nécessairement ce promontoire lesbien de Sigriou que les Mitylénains actuels appellent Kabo Sigri. Et, ce faisant, M. B. Mystakidès s'est trompé. Au lieu de mettre à la base de son argumentation une note de ces ineffables géographes que sont les éditeurs des Synaxaristes grecs, il aurait dû recourir à des sources plus sûres. Constantin Porphyrogénète, s'il avait consulté son *De thematibus*, lui aurait appris qu'il existait une Sigriane dans le thème de l'Opsi-kion, sur la Propontide⁴⁾. Les biographes de Théophane, s'il avait ouvert leurs petits écrits, lui auraient révélé que la vie monastique du Chronographe s'écoula près des flots de la Propontide, en partie dans l'île de Kalonymos et en partie sur la côte asiatique voisine.

C'est la côte asiatique et non l'île qui reçut Théophane en premier lieu. Fonctionnaire à Cyzique, Théophane avait lié connaissance avec un vieillard du nom de Grégoire⁵⁾, qui vivait en ermite sur une mon-

1) On sait que Mitylène, ville principale de l'ancienne Lesbos, a donné son nom à toute l'île.

2) Les hagiographes en question sont Nicodème, *Συναξαριστής*, Zante, 1868, t. II, p. 196 et K. Doukakís, *Μέγας Συναξαριστής*, Athènes, t. III (1891), p. 204.

3) 'Ο τάφος τοῦ ἁγίου Θεοφάνους... dans *Ἑκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια*, XIV (1894), p. 243.

4) *De thematibus Orientis*, th. IV, dans Migne, P. G., CXIII, 84.

5) Anonyme B, op. cit., p. 391; Nicéph. le Blakh., op. cit. p. 25.

tagne appelée parfois τὸ Σιγριανὸν ὄρος et plus souvent τὸ τῆς Σιγριανῆς ὄρος¹⁾. De lui²⁾, doué de vues prophétiques, il avait appris que les obstacles à sa vocation tomberaient bientôt. La prophétie réalisée, Théophane voulut résider près du prophète ou du moins près de sa montagne. Le monastère de Polikhnion³⁾, situé là, était précisément sa propriété, une propriété qui lui venait de son père par voie d'héritage. Il s'y retira.

A Polikhnion, Théophane se mit sous la direction d'un certain Stratège auquel il avait précédemment confié le couvent. Son estime pour ce religieux devait être grande, car il ne tarda pas à lui abandonner tout à fait le monastère et à s'en aller lui-même ouvrir un nouvel asile monastique sur la terre qu'il possédait à Kalonymos⁴⁾. Là, pour peupler sa maison, le fondateur emprunta des sujets au couvent de Théodore le Monokheir. Il établit le meilleur d'entre eux comme supérieur et vécut en simple frère au-dessous de lui. A la mort de ce premier directeur, la communauté ne voulut avoir d'autre higoumène que Théophane. Lui refusa: calligraphe remarquable, il s'enferma dans une étroite cellule et y consacra son temps à transcrire des manuscrits.

L'île Kalonymos ou Kaloliménos est l'ancienne Besbikos et la moderne Emir Ali Adasse: elle se dresse dans la Marmara, face à l'estuaire du Rhyndakos, autrement dit Sousourlou-tchai. Un monastère s'y voit encore, que l'on appelle simultanément Μονὴ τοῦ ἁγίου Θεοφάνους et Μονὴ τῆς Σωτηρίας⁵⁾. Si les bâtisses qui le composent ne remontent pas au VIIIe siècle, elles paraissent bien du moins conserver l'emplacement occupé par la fondation de Théophane.

Celui-ci, au bout de six ans, s'en retourna vivre au mont de Sigriane, dans une maison religieuse que tel hagiographe présente comme celle de notre saint père *Christophore*⁶⁾.

1) Anonyme B, op. cit., p. 391 et 392; Anonyme C, op. cit., p. 292; Nicéph. le Blakh., op. cit., p. 25; Sym. Métaph., op. cit., № 12, p. 21; Ménologe de Basile, 12 mars, dans Migne, P. G., CXVII, 349; Constantin Porphyrogénète, De thematibus Orientalis, loc. cit. — L'Anonyme A, op. cit., 52, écrit Σιγριανή. On trouve ailleurs diverses graphies fautives.

2) Sym. Métaph., op. cit., № 10 et 7, p. 20 et 16 remplace le vieillard par un ange.

3) Anonyme B, op. cit., p. 392, et Anonyme C, op. cit., p. 291. L'Anonyme A, op. et loc. cit., écrit Πολυχρονία, et Nicéph. le Blakh., op. cit., p. 28, Πολυχρόνιον.

4) Anonyme A, op. et loc. cit.; Anonyme B, op. cit., p. 392; Anonyme C, op. cit., p. 291; Nicéph. le Blakh., op. cit., p. 29.

5) T. Evagélidès, Οἱ βίοι τῶν ἁγίων, p. 232.

6) Anonyme B, op. cit., p. 392.

Le couvent de Christophore s'identifie, selon moi, avec celui que l'on connaît dans l'histoire byzantine sous le nom de *Champ* ou de *Grand Champ*, μονή τοῦ Ἀγροῦ, μονή τοῦ Μεγάλου Ἀγροῦ. Aucun texte n'affirme cette identification, mais voici comment, semble-t-il, on doit la conclure. Théophane fut supérieur de Champ ou de Grand Champ durant de longues années, à la fin de sa vie. Or, pas un de ses nombreux biographes ne signale qu'il ait encore une fois changé de séjour après s'être rendu de Kalonymos au couvent de Christophore. C'est donc que le couvent de Christophore, où il entra au retour de l'île, et la μονή τοῦ Ἀγροῦ, dont il mourut supérieur, ne font qu'un.

Je suis par conséquent très loin de penser avec M. T. Evagélidès¹⁾ que le Champ de Théophane se soit appelé *Grand Champ* pour se distinguer du Champ de Christophore qui se serait appelé *Petit Champ*. Syméon Métaphraste, je ne le nie point, écrit quelque part Χριστοφόρος ἐκ τοῦ Μικροῦ Ἀγροῦ²⁾; mais personne assurément ne m'en voudra beaucoup si je suppose que le Métaphraste, dont les sottises ne se comptent plus, a fait erreur ici comme en quinze autres passages de sa biographie du Chronographe, ou bien même que l'épithète *petit*, d'abord en usage, disparut devant l'adjectif *grand* une fois que le couvent se fût développé sous l'higouménat de Théophane³⁾.

Le monastère de Christophore ou de Grand Champ est-il, par ailleurs, à identifier avec celui de Polikhnion? Point du tout. Car Grand Champ apparaît comme une fondation nouvelle⁴⁾. Tandis que Polikhnion existait dès avant 781⁵⁾, Grand Champ ne fut guère établi qu'à la veille du VIIe concile oecuménique⁶⁾. Tandis que Polikhnion s'élevait sur une propriété de Théophane⁷⁾, Grand-Champ fut bâti sur une terre que Théophane acheta au moyen d'un emprunt⁸⁾. Il ne faut donc pas dire, à la suite de M. T. Evagélidès⁹⁾, que Grand Champ remplaça Polikhnion, ni présenter Grand Champ comme Polikhnion restauré et agrandi. Les deux monastères florissaient côte à côte simultanément.

1) Op. cit., p. 239.

2) Op. cit., № 13, p. 24.

3) Le R. P. Van den Gheyn distingue Petit Champ de Grand Champ, Act. Sanct. novembris II, p. 364.

4) Sym. Métaphr., op. cit., № 12, p. 21.

5) Anonyme B, op. cit., p. 392; Nicéph. le Blakh., op. cit., p. 28.

6) Anonyme B, op. et loc. cit.

7) Anonyme B et Nicéph. le Blakh., op. et loc. cit.

8) Nicéph. le Blakh., op. cit., p. 29.

9) Op. cit., p. 231 et 239.

ment: tel biographe du saint, le meilleur de ses biographes édités, nous montre Théophane qui prend une barque pour se rendre de l'un à l'autre¹⁾.

Christophore, si je ne me trompe, fut le premier supérieur du Champ. Théophane, fondateur et d'abord simple religieux, dut être le successeur immédiat de Christophore.

Quoi qu'il en soit, le couvent de notre saint ainsi, que l'indique son nom d'Agros, ne se trouvait point au sommet du mont de Sigriane, ni même sur la pente, mais bien au pied, entre le rivage et les hauteurs. Aujourd'hui, dans une situation analogue, sur la côte sud-est de la Marmara, entre l'embouchure du vieux Rhyndakos et l'emplacement de l'antique Cyzique, au pied du Kara-Dagh ou *Montagne Noire*, près du village de Kourchounlou, quelque pans de mur encore debout, quantité de ruines jonchant le sol, des mosaïques et des croix révèlent au passant la place d'un grand monastère disparu. Mgr. Nicodème, le dernier métropolite de Cyzique, a présenté cela comme les restes de ce qui fut Grand Champ²⁾ et M. W. Regel y est allé en 1885 évoquer la grande ombre de Théophane³⁾. Après eux, M. T. Evangélidès⁴⁾ et M. M. Gédéon⁵⁾ se sont prononcés dans le même sens. Entre temps, sans désigner Kourchounlou en particulier, M. W. Tomaschek avait tenu un langage analogue⁶⁾. Et il paraît bien, en effet, que Grand Champ doit être placé dans ces parages.

Ici, pourtant, la grande autorité de M. W. Ramsay nous suggère un doute. Au début de son paragraphe sur ce qu'il appelle indistinctement Sigrène ou Sigriane, M. W. Ramsay écrit en toutes lettres: *The hilly country between Cysikos and the mouth of the Rhyndakos was called Sigriane*⁷⁾. Et cela cadre fort bien avec l'opinion qui place Grand Champ à Kourchounlou. Mais ni le milieu ni la fin du paragraphe cité ne parlent comme le début, et la carte y annexée, contredisant

1) Anonyme B, op. cit., p. 395.

2) Ἀκολουθία τοῦ ἁγίου Αἰμιλιανοῦ, Constantinople, 1896, p. XXXVI. Disons en passant que le vénérable auteur identifie l'higoumène de Grand Champ avec saint Théophane Graptos. Ajoutons qu'il trouve Kourchounlou au nord de l'embouchure du Rhyndakos: l'actuelle distribution des points cardinaux exige que vous lisiez *ouest*.

3) Vizantijakij Vremennik, I (1894), p. 238; *Analecta byzantino-russica*, S.-Pétersbourg, 1891, à l'index s. v. Ἀγρός, p. 131.

4) Οἱ βίοι τῶν ἁγίων, p. 239.

5) Βυζαντινὸν ἱστοριόγιον, p. 82.

6) Zur historischen Topographie von Kleinasien im Mittelalter, Vienne, 1891, p. 14.

7) The historical Geography of Asia minor, Londres, 1890, p. 162.

plus ouvertement encore les deux lignes transcrites plus haut, fixe carrément Sigrène près de l'ancien Granikos, sur la côte qui va de Cyzique à Lampsaque. Et ceci n'est plus du tout favorable à Kourchounlou. Que conclure de là? Il faut en conclure que l'éminent géographe hésite. Son hésitation me semble provenir de ce qu'il a trop hâtivement identifié Sigrène avec Sigriane, ou peut-être, cette identité supposée véritable, de ce qu'il emprisonne en des limites trop étroites le district mal défini ainsi désigné.

Georges Acropolite et un chroniqueur anonyme sont les seuls Byzantins à mentionner Sigrène. Les événements qui amènent ce nom sous leur plume se passent très certainement plus près du Granikos que du Rhyndakos. En 1233, quand Jean II Vatatzès vient camper à Sigrène c'est pour gêner Jean de Brienne débarqué à Lampsaque ¹⁾. La même année, quand il promène ses Grecs sur la crête des hauteurs de Sigrène, c'est pour contenir les Latins en marche le long du rivage entre Lampsaque et Cyzique ²⁾. Dix ans plus tard, le 18 décembre 1243, quand il voyage par un froid qui lui tue 300 personnes à Sigrène, c'est pour se rendre de Lampsaque à Pegae ³⁾. Lampsaque, Cyzique et Pegae sont connues. Leur emplacement bien déterminé nous force à placer les collines de Sigrène près du Granikos ⁴⁾.

En va-t-il de même de Sigriane? Si l'on excepte le passage de Constantin Porphyrogénète, lequel d'ailleurs ne fournit aucune indication précise, le nom de Sigriane n'est jamais prononcé qu'à propos du Chronographe. Et les Vies de ce dernier se bornent à des renseignements plutôt vagues. Mais alors pourquoi Nicodème, Regel, Tomaschek, Evangélidès et Gédéon fixent-ils Sigriane entre le Rhyndakos et Cyzique? C'est, je crois, pour se conformer aux indications de Syméon Métaphraste.

De fait, d'après Syméon Métaphraste, Théophane rencontra le futur emplacement du monastère sigrianais alors qu'il se transportait de Constantinople à Cyzique. Sa première escale fut l'embouchure du *Grand Fleuve*, c'est-à-dire, comme on l'entend communément, du

1) Georges Acropolite, Annales, № 28, dans Migne, P. G., CXL, 1052; 'Αωνόμου σύνοψις χρονική dans C. Sathas, Bibliotheca graeca medii aevi, VII, 476.

2) G. Acrop., op. cit., № 30, p. 1053 et 'Αωνόμου, p. 477.

3) G. Acrop., op. cit., № 41, p. 1077 et 'Αωνόμου, p. 488.

4) A. Méliarakis, Ιστορία του βασιλείου της Νικαίας, Athènes, 1898, p. 863, note 2, fixe également Sigrène dans cette région.

Rhyndakos. C'est en longeant le rivage au-delà de ce point, mais en deçà de Cyzique, qu'il fit la découverte de Sigriane¹⁾.

Cette preuve me paraît décisive en faveur de Kourchounlou ou, du moins, de ses environs. L'auteur qui nous la fournit n'a pas grande valeur, je le sais, mais comment ne pas avoir quelque confiance en lui pour ce point particulier? Byzantin, il ne pouvait guère, le monastère de Sigriane existant de son temps, se tromper sur sa position. Ajouterai-je pour le confirmer une ou deux autres preuves?

Théodore, le panégyriste de Théophane, envoie le saint mener la vie religieuse dans la région de l'Olympe²⁾. Or, Théodore vivait au Xe siècle. Aurait-il pu, tout imprécis qu'il soit, parler de la sorte, si le couvent sigrianais, alors florissant, s'était élevé dans le voisinage du Granikos? Un moine fixé en-deçà de Cyzique peut encore passer à la rigueur pour un Olympien; mais si loin au-delà, jamais.

Plusieurs auteurs racontent le fait suivant. En 815, tandis que le patriarche Nicéphore chassé de Constantinople traversait la Propontide pour se rendre en exil, Théophane de Sigriane, alors dans un champ du monastère, apprit du ciel que le saint pontife passait en pleine mer, et, sans le voir, il se mit à cheminer le long du rivage, parallèlement au bateau, avec des cierges allumés et de l'encens fumant³⁾. Le fait est-il vrai? Assurément non. D'abord pas un des biographes des deux saints intéressés ne le signale. Ensuite, nous le savons par des textes authentiques, Théophane malade ne courait plus les champs en 815. De plus, ainsi qu'il résulte de témoignages contemporains et d'indications certaines, Nicéphore vécut son exil ailleurs: c'est, nous déclare son premier biographe⁴⁾, le monastère τῶν Ἀγαθοῦ, situé sur la rive asiatique du Bosphore, près de Chrysopolis, qui le reçut en mars 815; c'est, ajoute le même hagiographe⁵⁾, le monastère Saint-Théodore, debout dans les mêmes parages mais un peu plus loin, qui lui fut assigné comme séjour définitif quelques jours plus tard; c'est,

1) Op. cit., № 9 et 10, p. 17 et 20.

2) Op. cit., p. 611.

3) Contin. de Théophane, I, Leo Armenus, 18; Syméon Magister, Annales, Leo Armenus, 6; J. Genesius, Regum I; G. Cedrenus, Hist. compendium; J. Zonaras, Annales XV, 19; tous ces auteurs dans Migne, P. G., CIX, 44, 669, 1008, CXXI, 940 et CXXXIV, 1372.

4) Ignace, Βίος τοῦ ἁγ. Νικηφόρου dans l'édition des Nicephori opuscula historica par C. de Boor, p. 201.

5) Op. et loc. cit.

déclare le second biographe du saint ¹⁾, dans ce même monastère qu'il mourut après y avoir passé tout le temps de son exil; c'est, confirment les biographes de saint Nicéas ²⁾ et de saint Ignace ³⁾, dans cet endroit que le patriarche vécut jusqu'à sa mort; c'est là, disent divers auteurs ⁴⁾, que le trouvèrent en 821 et le fréquentèrent souvent les exilés de Léon l'Arménien rappelés par Michel II, saint Théodore Studite par exemple. Cela suffit sans doute pour établir le caractère légendaire du fait rapporté. Mais la preuve relative à la position de Sigriane reste. Elle consiste en ceci, que deux historiens, Cedrenus et Zonaras, font passer Nicéphore au large devant Grand Champ alors que Nicéphore faisait voile pour l'île de Proconnèse ⁵⁾. S'ils parlent de la sorte, eux pour qui la situation exacte de Sigriane ne pouvait être un mystère, s'ils mettent à hauteur de Sigriane un bateau en marche de Constantinople sur Proconnèse, c'est que Sigriane se trouvait en deça de cette île. Or, Sigriane en deça de Proconnèse correspond à Sigriane en deça de Cyzique.

Une phrase de Syméon Métaphraste, un mot du *protoasecretis* Théodore, une incidente de Cedrenus et de Zonaras, telles sont les indications byzantines qui forcent à rapprocher Grand Champ de Kourchounlou. Il semble donc, puisque Sigrène voisine le Granikos et Sigriane le Rhyndakos, que ces deux régions ne doivent pas être identifiées, comme elles l'ont été par W. Ramsay ⁶⁾, W. Tomaschek ⁷⁾ et T. Evangélidès ⁸⁾. Du moins, si l'on veut toujours considérer Sigrène et Sigriane comme un seul et même mot, il faut dire que ce nom s'appliquait au littoral sud-est de la Propontide sur une très grande longueur.

1) Théophane, Vita S. Nicephori, № 8, dans Acta Sanctorum, mart. II, 314.

2) Théostéricte, Vita S. Nicetae, № 8, dans Acta Sanctorum, april. I, XXV.

3) Nicéas, Vita S. Ignatii, Migne, P. G., CV, 492 et 493.

4) S. Théod. Stud. Lettre S. II, 127, p. 1412; Michel, op. cit. № 58, p. 316; Pseudo-Michel, op. cit., № 116, p. 220.

5) Une tradition consignée dans la notice ménologique de saint Théophylacte de Nicomédie, fêté le 8 mars, envoie Nicéphore à Thasos; mais l'île de Thasos ou la ville d'Assos fut plutôt le lieu d'exil de saint Euthyme de Sardes. Echos d'Orient, V, 158. D'ailleurs, Cedrenus et Zonaras écrivent Proconnèse, et cela nous suffit.

6) Op. et loc. cit.

7) Op. et loc. cit.

8) Op. cit. p. 248.

VII.

La résidence de Théophane connue, il nous faut passer à celle de Théodore.

Beaucoup de monastères avaient disparu sous la persécution de Léon l'Isaurien, de Constantin Copronyme et de Léon IV. A l'avènement d'Irène, les chefs du monachisme éprouvèrent le besoin de réparer le mal en ouvrant de nouvelles maisons religieuses. Ainsi fit, entre autres, le supérieur du couvent olympien des Symboles. C'était saint Platon. Courir à Constantinople, recruter des vocations nombreuses et transformer un bien de famille en monastère ne fut pour lui que l'affaire de quelques semaines. Cette propriété de famille, où Théodore suivit son oncle, se trouvait au lieu dit Boskytion, mais c'est Saccoudion, localité voisine, qui donna son nom au nouveau couvent.

Celui-ci ne saurait se placer à Constantinople, car, pour le fonder, Platon et les siens sortirent de la ville ¹⁾. Il ne saurait se placer, non plus, dans cette partie de la banlieue qui longe les murs terrestres de la capitale. Un mot prononcé dans ces murs par Théoctiste, la mère de Théodore, nous le prouve. En 781, quand le jeune Euthyme, le dernier de ses fils, s'attacha à elle, tout en larmes, demandant à différer son départ pour Saccoudion: «Mon enfant, répondit l'énergique mère ²⁾, si tu ne pars de ton plein gré, je te jetterai moi-même, de mes propres mains, dans le *bateau* ³⁾ qui doit t'emporter». Un autre mot du moine Michel nous le prouve. Après avoir raconté l'ordination sacerdotale de Théodore par le patriarche Taraise, le biographe nous déclare que le nouveau prêtre *fit voile* pour retourner chez lui ⁴⁾.

Du Cange a donc eu raison de mettre de l'eau entre Constantinople et le monastère ⁵⁾. Il n'a pas été, par contre, aussi bien inspiré en rangeant ce dernier parmi les cloîtres suburbains ⁶⁾. Je ne dirai

1) Pseudo-Michel, op. cit., № 5, p. 121.

2) S. Théod. St., Laud. in matrem, № 7, p. 892.

3) Théoctiste, cette mention d'un bateau le prouve, ne vivait point, au moins en 781, dans une cellule voisine de Saccoudion, comme l'a cru M. G. Schneider, Der hl. Theodor von Studion, p. 17, note 4.

4) Michel, op. cit., № 10, p. 248.

5) Constantinopolis christiana, IV, XV, 40.

6) M. E. Marin en fait encore autant dans Les Moines de Constantinople, p. 29, Mai subissait de même l'influence de Du Cange et sacrifiait à son erreur, lorsqu'il traduisait un ἐπίκλησιν relatif au voyage de Constantinople à Saccoudion par *trajecto freta* et plaçait le monastère *ultra Bosphorum*, Migne, P. G., XCIX, 247 et 892, note 6.

pas, pour établir ceci, qu'une invasion arabe survenue en 798 ou 799 força les moines de Saccoudion à prendre la fuite¹⁾, car les ennemis de l'empire se permirent plus d'une fois, en Asie comme en Europe, de pousser leurs pointes jusqu'à la banlieue de la capitale. Mais voici une preuve absolument péremptoire. En 796, lorsque saint Platon et son neveu se furent élevés contre le mariage de Constantin VI avec Théodote, l'empereur désireux de les conquérir voulut avoir une entrevue avec eux. Que fit-il pour les rencontrer, pour les mettre dans la nécessité de se présenter devant lui? Il se rendit à des sources chaudes voisines de leur monastère²⁾, aux sources chaudes qui jaillissent à deux kilomètres de Brousse³⁾. En faut-il davantage pour dire que Saccoudion appartenait au groupe monastique de l'Olympe bithynien? Préciser sa position nous est impossible. Toutefois, comme le biographe Michel nous le montre dans un vallon *d'ou l'on voyait la mer au nord*⁴⁾, nous devons le placer en deçà de la montagne et plutôt sur un des contreforts qui descendent vers Apollonias.

Il suit de là que Théodore et Théophane devinrent moines dans la même région, non pas certes à deux pas l'un de l'autre, assez près cependant pour être à même d'entretenir des relations personnelles.

VIII.

Ces relations existèrent-elles? Oui, elles existèrent. Mais ici j'avance un fait que les biographes n'ont point noté. Pour en montrer l'exactitude et en fournir la preuve, il me faut recourir à la correspondance du grand Studite. Celle-ci renferme, en effet, sur le moine de Sigriane toute une série de précieux renseignements. Ouvrons-la et tâchons d'y retrouver les passages qui se rapportent au Chronographe.

Deux lettres d'abord se présentent à nous qui sont adressées, la première à *Théophane higoumène*⁵⁾, la seconde à *Théophane higoumène et confesseur de la foi*⁶⁾. Ce Théophane est-il le nôtre? Oui, certaine-

1) Pseudo-Michel, op. cit., № 28, p. 143; Michel, op. cit., № 20, p. 257 et 259; S. Théod. Stud., Laud. S. Platonis, № 32, p. 833. Ne confondez pas cette invasion, comme M. Tougard, S. Theodori parva catechesis, p. XXV, avec celle qui eut lieu une vingtaine d'années plus tard, lettre S. II, 127, p. 1412.

2) Ps.-Michel, op. cit. № 21, p. 140.

3) Michel, op. cit., № 15, p. 253.

4) Op. cit., № 5, p. 241.

5) Lettre M. 140, p. 124.

6) Lettre M. 205, p. 176.

ment. Tous les biographes de ce dernier, arrivés à la fin de sa vie, rapportent à peu près dans les mêmes termes son pénible voyage à Constantinople, son emprisonnement de deux ans dans la capitale, son exil et sa mort dans l'île de Samothrace. Ils sont unanimes, en outre, à nous affirmer que la persécution le trouva *étendu sur son lit, en proie à une maladie atroce*, la pierre¹⁾. Or, Théodore, au cours de ses deux lettres, signale cet état de santé chez son correspondant. Il parle, dans l'une de *l'infirmité douloureuse* qui n'a pas empêché les persécuteurs de porter la main sur un homme déjà *malade à mourir*. Il nous montre, dans l'autre, l'higoumène *frappé d'une maladie très douloureuse, obligé de garder constamment le lit, torturé d'affreuses souffrances, chaque jour sur le point de rendre le dernier soupir*. L'identification ne saurait faire de doute. Si l'on en doutait, j'ajouterais que le véritable en-tête de la première lettre n'est pas Θεοφάνει ἡγουμένῳ, mais bien Θεοφάνει ἡγουμένῳ τοῦ Ἀγροῦ et je citerais, comme preuve, le témoignage de Montfaucon²⁾ lequel a trouvé cette indication *du Champ*, τοῦ Ἀγροῦ, dans le manuscrit même que le cardinal Mai a édité depuis, mais en omettant ces deux mots³⁾.

Nous rencontrons ensuite dans la correspondance de saint Théodore une lettre à l'higoumène saint Nicéas de Médikion qui roule, en grande partie, sur la mort d'un Théophane, lequel, après de longues années de vie monastique, a vaillamment confessé la foi *parmi les souffrances et les tourments d'une maladie insupportable à l'excès*⁴⁾. Ce Théophane et le Chronographe ne font qu'un seul et même personnage.

Le courageux confesseur loué dans la lettre à Nicéas y est appelé par Théodore ὁ κοινὸς πατὴρ τῶν πολλῶν κάμου ἱερός ἀνάδοχος. Cette dernière expression se retrouve sous la plume du Studite dans une lettre à son frère Joseph. Οἵχεται μου, dit Théodore⁵⁾, ὁ τοῦ σχήματος ἀνάδοχος; il est parti, l'homme excellent, il a remporté la palme du martyr *au milieu de cette maladie horriblement crucifiante qui l'empêchait même de se retourner sur son lit*; il a été enlevé de son monastère,

1) Anonyme A, op. cit., p. 52; Anonyme B, op. cit., p. 396; Anonyme C, op. cit. p. 292, etc.

2) Bibliotheca coisliniana, p. 147, lettre 411.

3) Agros n'est pas le seul monastère dont l'édition de Mai ait laissé le nom dans le codex. Le deux mots τοῦ Μηδικίου, par exemple, ne figurent pas à l'en-tête de la lettre 224, p. 191, bien qu'ils se lisent, au moins en abrégé, dans le manuscrit, Montfaucon op. cit., p. 149, lettre 495; Cf. ibid., p. 320, lettre 248.

4) Lettre M. 224, p. 191.

5) Lettre S. II, 31, p. 1204.

jeté en prison, envoyé dans l'exil, et c'est là qu'il est mort. Ainsi parle Théodore. Pas n'est besoin d'un plus long examen pour reconnaître là notre Théophane.

C'est encore de Théophane qu'il s'agit dans une lettre envoyée au moine Athanase, alors compagnon de l'archevêque Joseph. «Mon père spirituel, y est-il dit¹⁾, est mort: lis ce que j'écris à l'archevêque et tu verras combien je l'ai pleuré». Ce renvoi à la lettre précédente suffit à montrer que le père spirituel en question est bien l'higoumène de Grand Champ.

L'expression relevée dans les deux lettres à saint Nicétas et à saint Joseph se retrouve dans une autre au moine Anatole. "Οιχεται, écrit Théodore, ὁ τιμιος ἀνάδοχος μου; *il est mort dans l'exil, en confessant la foi, cet homme torturé d'une maladie si atroce*²⁾. De pareilles indications équivalent à un nom propre.

Mais Nicétas, Joseph, Athanase et Anatole ne sont pas les seuls à qui Théodore ait écrit sur le martyre de Théophane. Celui-ci, avant de se retirer à Polikhnion, avait conduit sa femme dans un couvent. La pieuse religieuse y vivait encore lorsque le Chronographe expira dans l'exil. A peine informée de sa fin bienheureuse, elle écrivit au Studite pour lui en donner la nouvelle. Or, la réponse du Studite est parvenue jusqu'à nous. Cette réponse est adressée à des *religieuses*, μοναζούσαις tout court, dans l'édition que le cardinal Mai nous en a donnée³⁾; mais Sirmond l'avait déjà publiée très correctement⁴⁾, et son en-tête plus complet nous indique pour destinataires *les religieuses Mégalo et Marie*. Mégalo, c'est le nom que la femme de Théophane portait dans le monde. Elle le changea, je le sais, en celui d'Irène lorsqu'elle revêtit l'habit religieux, mais ceci ne m'empêche point d'identifier la Mégalo, correspondante de Théodore, avec la Mégalo, femme de Théophane. C'est que le défunt célébré dans cette lettre répond trait pour trait au Chronographe. Il a quitté sa femme, ses pa-

1) Lettre M. 286, p. 199.

2) Lettre M. 220, p. 188. Anatole reçut plusieurs lettres de son higoumène saint Théodore. M. 10, 92 et 220, p. 9, 80 et 187. Mai en fait en outre le destinataire de la lettre 287, p. 199, mais par erreur. Les manuscrits portent en effet Ἀνθος au lieu d'Ἀνατάλιος, Montfaucon, op. cit., p. 149, lettre 508, et p. 320, lettre 264. De plus, le contenu de la lettre s'adresse à un compagnon de saint Joseph de Thessalonique, détail qui convient fort bien à Anthos, lettre M., 255, p. 208 et lettre S. II, 112, p. 1873, nullement à Anatole.

3) Lettre M. 280, p. 230.

4) Lettre S. II, 29, p. 1197.

rents et ses dignités à la fleur de l'âge; il a vécu longtemps dans le cloître; les persécuteurs, lorsqu'ils l'ont arraché de son monastère, ont été contraints de le porter à cause de sa cruelle maladie; son emprisonnement à Constantinople a duré deux longues années; il est mort pour la foi exilé dans une île. Comment douter après cela? Et les deux religieuses à qui répond Théodore touchent de très près au glorieux martyr: l'une est sa femme, ἡ μὲν ὁμόζυγος; l'autre est la parente de celle-ci, ἡ δὲ τῆς ὁμοζύγου ὁμαίμων. La conclusion s'impose: nous sommes, avec Mégalo, en face de la vertueuse épouse de Théophane; avec Marie, nous avons devant nous une soeur de Mégalo, ou une nièce, ou quelque chose d'approchant.

Cette lettre mise dans son cadre nous permet de fixer les destinataires d'une autre dont l'intitulé se borne à mentionner des *religieuses* anonymes¹⁾. Le mot μοναζούσαις inscrit ici tout seul dans l'entête, comme l'inscrivait dans l'en-tête de la lettre précédente le manuscrit utilisé par Mai, constitue déjà une première indication. Joignez-y que ces correspondantes du Studite sont au nombre de deux, qu'elles sont déclarées par lui αἷμα καὶ πνεῦμα τοῦ ἀνθρώπου τοῦ Θεοῦ καὶ χοινοῦ Πατρὸς, double titre donné ailleurs à Théophane²⁾, et vous n'hésitez plus à reconnaître en elles Mégalo et Marie.

Quand Théodore écrivait ainsi à ces deux dernières, le Chronographe devait vivre encore, je crois. De lui vivant, une lettre du Studite à l'évêque Ignace de Milet nous a aussi conservé le souvenir. Il s'agit là des higoumènes qui résistent à l'iconoclasme, et ces higoumènes sont désignés pas le nom de leurs monastères. Dans le nombre on distingue le supérieur d'une maison que le texte grec du cardinal Mai appelle τοῦ Ἀγραῦ et sa traduction latine *Agravi*³⁾. Le monastère en question est le couvent τοῦ Ἀγροῦ, et l'higoumène visé est notre Chronographe. Les événements rapportés dans la lettre l'indiquent assez.

Quelques années plus tard, Théodore fut obligé d'expliquer au consul Démétrios la conduite et le langage qu'il avait tenus vis à vis de Constantin V et de son mariage avec Théodote. Là⁴⁾, il écrivit

1) Lettre S. II, 19, p. 1176.

2) Lettre S. II, 29, p. 1197 et Lettre M. 224, p. 191.

3) Lettre M. 188, p. 160. M. A. Tougaard, La persécution iconoclaste, p. 12, écrit lui aussi *Agrau*. Corrigez à la même page *Chara* en *Chora*.

4) Lettre S. II, 218, col. 1660.

une phrase d'où il ressort qu'un saint Théophane fut compromis dans l'affaire moechienne. Ce Théophane serait-il le supérieur de Grand-Champ? Oui, c'est lui-même. Outre que les saints Théophane n'abondent pas qui aient fleuri tout ensemble assez tard pour être mêlés au Moechianisme et assez tôt pour être canonisés dès avant novembre 826, il suffit, pour convaincre les plus difficiles, de leur dire que la lettre à saint Joseph dont nous venons de parler comme relative à la mort de l'higoumène sigrianais déclare également que celui-ci figura parmi les Moechiens.

Telles sont, dans la correspondance de saint Théodore, les pièces relatives en tout ou partie à saint Théophane de Grand-Champ. Celui-ci n'y est désigné que quatre fois par son nom: dans l'en-tête des deux lettres à lui adressées directement, et dans le corps des lettres écrites à saint Nicétas de Médikion et au consul Démétrios. Ailleurs, le nom propre fait toujours place à des titres comme ceux de ἐμὸς πατήρ, de ἐμοῦ ἐπὶ ἀνάδοχος, de τοῦ σχήματος ἀνάδοχος, de πνευματικὸς πατήρ, et cette circonstance n'a pas manqué d'égarer les savants éditeurs et annotateurs de saint Théodore.

Dans la lettre à Joseph, le passage que nous entendons de Théophane, Sirmond l'a compris de saint Platon¹⁾. Or, cette lettre, ainsi que tout son contenu le prouve, date des dernières années de Léon l'Arménien, et saint Platon avait rendu son âme à Dieu dès le 4 avril 814²⁾. De plus, Théodore fait mourir son personnage dans l'exil, et saint Platon, tout le monde le sait, mourut tranquillement à Constantinople, au monastère des Studites.

La réponse à Mégalo, que nous expliquons tout entière de Théophane, le cardinal Maï, trop fidèlement suivi par A. Tongard³⁾ et G. Schneider⁴⁾, l'a expliquée de Photin, père de Théodore selon la chair. Mais les renseignements nombreux et détaillés fournis par cette lettre sont trop caractéristiques, trop concordants avec ceux que l'hagiographie nous donne touchant le Chronographe, pour nous permettre de les appliquer à tout autre qu'à ce dernier. Ne sait-on pas, d'ailleurs, que sous la plume de Théodore l'expression ἐμὸς πατήρ entraîne presque toujours l'idée de paternité spirituelle? Puis, si Photin avait

1) Migne, P. G., XCIX, col. 1881, à l'index s. v. Plato.

2) Voir un article sur cette date dans les Echos d'Orient, IV (1901), p. 164.

3) La persécution iconoclaste p. 25; S. Theod. parva catechesis, p. IX, note 1.

4) Op. cit., p. 13 et 14.

joué le grand rôle et subi le glorieux martyre dont il est question dans cette lettre, nous en serions très certainement informés par ailleurs, et plutôt dix fois qu'une, car Théodore et ses biographes studites n'auraient pas manqué de saisir les innombrables occasions qui s'offraient à eux de célébrer ce triomphe de famille sur l'iconoclasme. Et pourquoi, de plus, nous condamner à maintenir le *vix hoc intelligo* que le cardinal Mai s'est vu obligé d'écrire devant ce mot *θυοζυγος*, si incompréhensible en effet si l'on s'arrête à Photin, si naturel au contraire si à Théophane? D'ailleurs, l'application à Photin entraîne avec elle trois affirmations inacceptables. Elle entraîne tout d'abord que la lettre en question fut adressée à la mère de Théodore: or, qu'on la lise d'un bout à l'autre, on n'y trouvera pas une seule ligne, pas un seul mot même, qui trahisse un fils écrivant à sa mère. Elle entraîne en second lieu que Théoctiste, femme de Photin et mère de Théodore, se fit appeler Mégalo dans le cloître: or, le nom de Théoctiste étant parfaitement monastique et celui de Mégalo ne l'étant point du tout, pareil changement ne peut même pas se supposer. Elle entraîne en fin de compte que Théoctiste continuait à vivre lors de la persécution iconoclaste: or, elle était morte depuis de très longues années, ainsi qu'il résulte de son panégyrique prononcé en présence de saint Platon¹⁾, lequel mourut le 4 avril 814, et d'une lettre contemporaine de la persécution²⁾, où Théodore, déclarant *qu'il reste seul sur la terre avec son frère Joseph*, signale comme ses deuils les plus récents la perte de son oncle Platon, arrivée à la date que je viens de dire, et celle de son très cher moine Kalogéros, survenue en 815³⁾.

Ne prolongeons pas davantage cette discussion. Elle éclaire et aussi, comme nous le constaterons en son temps, elle date assez approximativement plusieurs pièces de la correspondance de saint Théodore. Elle apporte, en outre, un complément des plus précieux aux données hagiographiques et montre entre les deux higoumènes du Stoudion et de Grand Champ toute une série de rapports que leurs biographes respectifs avaient laissés dans l'ombre.

1) S. Théod. Stud., Laud. in matrem, № 10, col. 896.

2) Lettre S. II, 57, col. 1272.

3) Le studite Kalogéros, persécuté par les Moechiens en 809, lettre S. I, 48, col. 1073, mourut entre les bras de saint Joseph de Thessalonique à Saccoudion, lettre M. 1, p. 1, par conséquent en 815, car Léon l'Arménien ne tarda pas, après l'avoir d'abord relégué dans Saccoudion, à faire passer Joseph dans une île, lettres M. 2, p. 2; 145, p. 128.

IX.

Le premier de ces rapports dûment attestés se tire du titre ἀνάδοχος donné par Théodore à Théophane.

C'est de Platon, comme de juste, que le futur Studite reçut l'habit religieux¹⁾. Mais on sait qu'il est d'usage pour le moine, en certaines circonstances plus solennelles de sa vie, de se faire accompagner et présenter par un autre moine. Dans les instituts occidentaux, le père-maitre figure aux côtés du postulant lors de sa vêtue, aux côtés du novice lors de sa profession. Le rituel de prise d'habit en Orient réserve un rôle analogue à l'ecclésiarque²⁾, à ce dignitaire, veux-je dire, qui a la haute main sur l'église, la sacristie, les cérémonies et les offices liturgiques du couvent. Etait-ce l'ecclésiarque qui remplissait déjà ce rôle au VIIIe siècle? A cette époque, du moins, ne pouvait-on lui substituer un autre personnage? Je crois pouvoir répondre à cette dernière question par l'affirmative. Je crois pouvoir dire que saint Théodore entra dans la vie religieuse sous les auspices de Théophane.

Et ceci, pour le répéter, se tire de ce fait que Théodore appelle Théophane son ἀνάδοχος. Le mot ἀνάδοχος dans de grec d'Eglise signifie parrain de baptême, et ne signifie pas autre chose, du moins si l'on s'en tient aux indications des meilleurs lexicographes, comme Du Cange³⁾, Hase⁴⁾ et Sophokles⁵⁾. Mais comment l'expliquer de la sorte ici? Comment à une époque où le baptême suivait la naissance de très près, Théodore aurait-il pu être le filleul de Théophane, plus jeune que lui de quelques mois? D'ailleurs, si le Studite écrit une fois *πρὸς ἀνάδοχος*, simplement, il écrit une autre fois *σχήματος ἀνάδοχος* et cette expression, le sens monastique du mot *σχῆμα* étant bien connu, ne peut désigner, à mon avis, qu'un parrain dans la vie religieuse.

Donc, si je ne m'abuse, le rôle assigné à l'ecclésiarque par le cérémonial d'aujourd'hui pouvait être tenu, dans les vêtues du VIIIe siècle, par tout autre moine, même par un moine étranger au couvent.

1) Ps.-Michel, op. cit., № 7, p. 121; Michel, op. cit., № 6, p. 241.

2) Μικρὸν εὐχολόγιον, édition de Rome, 1872, p. 226.

3) Glossarium mediae et infimae graecitatis, s. v.

4) Thesaurus graecae linguae, édition Firmin-Didot, s. v.

5) Greek Lexikon, s. v. Je ne parle point de M. L. Clugnet, auteur du Dictionnaire grec-français de noms liturgiques en usage dans l'Eglise grecque, cet excellent ouvrage se bornant aux seuls termes employés dans les ouvrages liturgiques proprement dits.

Et que ce rôle, si voisin du parrainage, ait valu à qui le remplissait le nom d'ἀνάδοχος, cela ne surprendra personne, si l'on songe à la comparaison dès longtemps établie, en Orient comme en Occident, entre le baptême, ce premier des sacrements, et la profession monastique, cet autre sacrement de l'Eglise¹⁾. Cela surprendra moins encore, si j'ajoute que les Grecs ont un ἀνάδοχος jusque dans le sacrement de mariage. Les lexiques, je ne sais pourquoi, ne signalent pas plus cette acception matrimoniale du mot qu'ils ne signalent son acception monastique. Mais ouvrez Syméon de Thessalonique au chapitre 280²⁾, et vous y verrez comment, au cours des cérémonies nuptiales, les couronnes des deux époux sont reçues par un paranymphe appelé ἀνάδοχος³⁾.

Le *parrain de baptême*, on le sait, a pour mission de suppléer le père et d'enseigner, s'il y a lieu, à son filleul tous les points de la doctrine et de la morale que celui-ci doit croire ou pratiquer pour être un bon chrétien. Le *parrain de mariage*, nous dit Syméon de Thessalonique, devient lui aussi quelque chose comme un père pour les nouveaux époux et son devoir est de leur donner des leçons en rapport avec leur état. Par analogie, le *parrain de vie religieuse* ne serait-il pas le moine chargé de former aux pratiques monastiques le débutant qu'il assiste à la prise d'habit?

J'ai cherché la réponse à cette question et je crois l'avoir trouvée, pleinement affirmative, dans le deuxième canon de l'assemblée synodale que les Grecs appellent πρωτοδευτέρα. On voit, y déclarent les Pères, des gens qui se font revêtir de l'habit religieux et qui, une fois moines, continuent à vivre comme devant, maîtres de leur personne et de leurs biens, sans un supérieur qui les assujettisse et les exerce: pour parer à ce mal, nous défendons à qui que ce soit de donner les

1) La comparaison indiquée ici se trouve, par exemple, dans saint Théodore Studite, lettre S. I, 10, col. 941 et Testamentum, col. 1820. De même la mise de la profession religieuse au rang de sacrement, lettre S. II, 165, col. 1524. En 731, en revêtant saint Etienne le Jeune de l'habit religieux, l'ermite Jean lui présentait aussi la profession comme un second baptême, Etienne diacre, Vita S. Stephani junioris dans Migne, P. G., t. C, col. 1089. Jean d'Antioche exposait encore la même doctrine vers la fin du XIe siècle dans son discours contre le charisticariat, Cotelier, Monumenta ecclesiæ græcæ, t. I, p. 165.

2) Migne, P. G., CLV, col. 509.

3) Si l'on passait en Occident, on trouverait à y signaler plusieurs parrains en dehors du baptême. Notons seulement le *parrain de sacerdoce* d'un usage courant en Espagne. C'est le prêtre qui en instruit un autre, nouvellement ordonné, des cérémonies liturgiques et qui l'assiste à sa première messe.

livrées monacales sans la présence à cette cérémonie d'un chef de monastère qui réponde du postulant et s'engage à le prendre dans sa maison. "Ανευ παρουσίας τοῦ ὀφειλοντος αὐτὸν εἰς ὑποταγὴν ἀναδέχεσθαι, porte le texte grec ¹⁾; et le dernier de ces mots nous dit tout de suite ce que c'est que l'ἀνάδοχος au sens monastisque du terme. En fait, ce titre s'applique au moine qui, par son intervention à la cérémonie de vêtue, déclare prendre sur lui de former le postulant et de lui assurer une existence monastique régulière. C'est, au fond, l'higoumène dans le régime cénobitique et le γέρων dans le système idiorrhhythmique.

De nos jours, bien que le mot ἀνάδοχος y soit peu en usage, le monachisme grec continue encore à l'entendre exactement ainsi. Un vétéran du cloître, à qui j'en parlais, me l'a donné, non sans plusieurs minutes de réflexion, pour un pur synonyme de γέροντας. Et ce témoignage contemporain peut s'appuyer sur d'autres témoignages moins actuels. Si l'on remonte d'un siècle, on trouve plusieurs fois le mot employé dans le même sens par Nicodème l'Hagiorite ²⁾. On le trouve aussi, bien longtemps avant Nicodème, dans Syméon de Thessalonique ³⁾.

Celui-ci nous fournit même un détail curieux sur le rôle joué par le parrain lors de la vêtue. A un certain moment, comme l'entrée dans la vie religieuse doit être chose complètement volontaire, l'officiant s'arrête et livre trois fois de suite à l'intéressé les ciseaux qui doivent servir à lui couper les cheveux; il ne consent à aller de l'avant, il n'accepte de procéder à la grosse opération, que lorsque le postulant, en signe de sa volonté ferme et libre, lui a rendu par trois fois ces mêmes ciseaux. Or, ce passage des ciseaux des mains du postulant à celles de l'officiant se fait par l'intermédiaire de l'ἀνάδοχος.

Chargé du nouveau moine, responsable de son éducation spirituelle et mystique, l'higoumène ou le γέρων parrain avait à connaître l'intérieur de son filleul. Celui-ci lui confiait ses péchés et s'ouvrait à lui pour ses rendements de compte. De là, si je ne me trompe, cet emploi des mots ἀνάδοχος et καταδεχόμενος pour désigner le père spirituel, le confesseur, le directeur de conscience dans une ou deux réponses de droit monastique parvenues jusqu'à nous et publiées sous le nom de saint Théodore Studite ⁴⁾.

1) Pitra, *Iuris ecclesiastici Græcorum historia et monumenta*, II, 128.

2) Πηδάλιον, édition d'Athènes, 1886, p. 283.

3) Migne, P. G., CLV, cap. 272, col. 496.

4) Migne, P. G., XCIX, col. 1732 et 1733, où l'on trouve ἀνίδοχος et ἀναδεχόμενος employés comme synonymes.

Voilà suffisamment prouvée, ce me semble, l'existence du parrainage dans la vie religieuse. Mais pareil parrainage, objectera-t-on, ne saurait s'appliquer au cas de Théophane et de Théodore. En effet, la vêtüre de ce dernier est antérieure d'un siècle à la πρωτοδευτέρα qui établit le parrainage ainsi entendu. De plus, Théophane qui vivait hors de Saccoudion ne pouvait prendre sur lui la formation d'un jeune moine entrant dans ce monastère, d'autant que lui-même, novice d'hier, en avait assez de travailler à sa propre éducation monastique.

Je réponds qu'il n'y a rien là que de très facile à réfuter. L'obligation posée par le deuxième canon de la πρωτοδευτέρα n'entraîne pas que les auteurs de ce canon aient créé le parrainage de toutes pièces. Le parrainage existait avant d'être obligatoire, et là où le président de la vêtüre était, comme à Saccoudion en 781, l'higoumène du couvent en personne, c'est-à-dire celui-là même qui acceptait le postulant dans sa maison et qui se chargeait d'en faire lui-même un bon religieux, le parrain, auquel de ce fait n'incombait plus aucun devoir, pouvait fort bien être appelé d'ailleurs, fort bien être choisi soit dans un monastère étranger, soit même dans le monde.

La preuve? La voici, empruntée au résumé biographique du saint Nicétas patrice que les Grecs fêtent le 6 et le 13 octobre.

Quand il prit l'habit au couvent de Khrysoniké, près la porte Dorée de Constantinople, Nicétas eut un parrain. A quelle date prit-il l'habit? Sous le règne de Michel Rhangabé, qui occupa le trône du 2 octobre 811 au 10 juillet 813: où l'on voit que l'usage d'avoir un parrain de vêtüre préexistait à la πρωτοδευτέρα. Qui fut son parrain? L'empereur Michel Rhangabé en personne: où l'on voit que vivre dans le même cloître que son filleul et y occuper une dignité n'étaient point toujours conditions requises pour le parrainage.

La phrase sur laquelle je m'appuie ici est des plus claires. *A cinquante ans, dit-elle¹⁾, quand Nicétas devint religieux, l'empereur Michel lui servit de parrain.* Πεντήχοντα δὲ χρόνων ἦν, καθ'ὃν καιρὸν ἀποκαρεῖς, ἀνάδοχος ὁ βασιλεὺς τούτου γέγονεν. Elle appartient, il est vrai, à une notice des Ménées, mais cette notice, comme le prouve l'abondance de ses précisions chronologiques et géographiques, est très certainement le résumé d'une vie ancienne, et nous ne pouvons, à ce titre, lui refuser notre confiance. En serait-il autrement, que la phrase citée

1) Acta sanctorum, octobris III, p. 448.

n'en continuerait pas moins à nous prouver ce que les Byzantins croyaient relativement à l'antiquité du parrainage et aux conditions requises chez le parrain.

Parfois, je ne le nie point, le mot ἀνάδοχος désigne celui qui reçoit dans la vie religieuse sans qu'il soit question de parrainage. Nous en trouvons la preuve dans une phrase du diacre Etienne qui tenait la plume en 809. Après avoir raconté comment saint Etienne le jeune donna l'habit des Trikhinaires à une postulante et changea son nom en celui d'Anna, cet higiographe ajoute: καὶ γίνεται αὐτῆς ἐν κυρίῳ πατήρ καὶ ἀνάδοχος¹⁾. Mais cette acception du mot ne saurait être de mise dans le cas de saint Théodore Studite. Le personnage qui initia Théodore à la vie parfaite et lui donna la robe de moine, c'est l'higoumène saint Platon. Or le personnage à qui Théodore décerne le titre de τερὸς ἀνάδοχος et de σχήματος ἀνάδοχος n'a rien de commun avec l'higoumène saint Platon. C'est donc que, par ἀνάδοχος, Théodore entend non point celui qui présida la cérémonie de sa vêtue, mais celui qui lui servit alors de parrain.

Que, maintenant, ce rôle de parrain de vêtue ait échu à Théophane le jour où Platon revêtit son neveu des livrées monacales, il n'y a rien là, ce semble, qui puisse étonner. Un homme d'avenir comme Théophane n'avait pas quitté à 21 ans sa jeune femme et ses brillantes fonctions sans attirer les regards de ses compatriotes et surtout de ses pairs. Théodore, grandi en même temps que lui et aux alentours du palais comme lui, l'avait sans doute connu dans le monde: le trouvant déjà moine et fixé relativement assez près de Saccoudion, il l'invita le jour de son entrée officielle dans la vie religieuse et se fit accompagner par lui jusqu'aux pieds de l'higoumène Platon, président tout désigné de la cérémonie. Quoi de plus naturel?

En expliquant les choses ainsi, les difficultés tombent d'elles-mêmes que M. l'abbé Tougard a cru rencontrer dans la vie du Studite. *De illius tamen monachatu, a-t-il écrit²⁾, quaedam minus perspicua notantur quum beati Theophanis disciplina videatur informatus cui scribit: Ego sum tuus filius in Domino; quem quum appellet meum sacrum successorem, monasterium incoluisse putandus est sive Polychronii, in montibus Sigrianorum, sive Calonymae insulae, sive Magni Campi in*

1) Vita S. Stephani junioris, Migne, P. G., t. C, col. 1108.

2) S. Theodori parva catechesis, p. XII.

isidem montibus, ubi Theophanes vixit monachus. Pourquoi cette hypothèse? Les biographes de saint Théodore montrent clair comme le jour que la vie religieuse de leur héros s'écoula tout entière, le temps de son triple exil excepté, dans les deux couvents de Saccoudion et de Stoudion, dans le premier jusque 798 ou 799, dans le second depuis: rien ne vous autorise à lui donner d'autre résidence. Au lieu de décalquer sur le mot ἀνάδοχος un vague *successor*, entendez bien ce que le mot grec veut dire et vous n'aurez plus besoin d'installer Théodore, en dépit de ses historiens, dans l'un des trois couvents de Théophane.

Filleul de ce dernier au sens que je viens de dire, le Studite, sans être son disciple, avait contracté vis-à-vis de lui une filiation spirituelle très étroite. Ainsi s'explique, malgré le séjour en des maisons différentes et malgré la parité d'âge, qu'il lui donne toujours le nom de père et se présente constamment soi-même comme son fils.

C'est en 781, on ne l'a pas oublié, que se créa ce lien entre les deux saints. De longues années suivirent sans leur ménager d'autres relations ou, plutôt, sans amener d'événements où nous les trouvions en contact. Lors du VIIe concile oecuménique, en 787, Théophane se rendit aux assises de Nicée avec Christophore¹⁾. Platon s'y rendit aussi²⁾, mais point Théodore. Là, donc, le futur Chronographe et le futur Studite ne travaillèrent point côte à côte contre l'hérésie.

Avant d'en venir ensemble aux prises avec l'iconoclasme ils étaient destinés à voir l'Eglise de Constantinople troublée par une affaire d'ordre intérieur et à suivre eux-mêmes, en cette pénible circonstance, une conduite tout opposée. Je veux parler de la querelle greffée sur l'union de Constantin VI avec Théodote.

1) Anonyme B, op. cit., p. 392; Anonyme C, op. cit., p. 292; Nicéph. le Blakh. op. cit., p. 82; Sym. Métaph., op. cit., № 18, p. 24. Ni Christophore ni Théophane ne figurent, dans les actes conciliaires, parmi les higoumènes qui signèrent à la suite des évêques. Pour Théophane cela va de soi, puisqu'il n'était qu'un simple religieux. Pour Christophore, la chose est moins explicable et l'on peut formuler différentes hypothèses. Syméon Métaphraste, le seul auteur qui l'envoie au concile, ne s'est-il pas trompé? Est-ce la situation de Grand Champ à peine fondé qui ne donnait pas encore à son supérieur le droit de se présenter comme higoumène? Christophore, présent à l'ensemble du concile, se trouva-t-il absent au moment de signer?

2) S. Théod. St., Laud. S. Platonis, № 24, p. 828; Michel, op. cit., № 4, p. 240; Pa. Michel, op. cit., № 4, p. 121; Sym. Metaph., op. cit., № 13, p. 24.

X.

La haine de l'empereur pour l'arménienne Marie, sa femme légitime, mit celle-ci dans la nécessité de prendre le voile en janvier 795. Rien qu'à indiquer la cause de ce divorce, nos deux saints accusent déjà une complète divergence de vues. Pour le Chronographe, toute la responsabilité retombe sur l'impératrice-mère: désireuse de supplanter son fils, Irène lui aurait conseillé d'éloigner Marie à cette seule fin de le compromettre, de le rendre impopulaire, de préparer sa chute¹⁾. Pour le Studite, la faute est tout entière aux vices du prince: bouillant de jeunesse, investi trop tôt du pouvoir suprême, Constantin aurait voulu sa Théodote comme Hérode son Hérodiade par un caprice d'amour²⁾.

Ce jugement contradictoire a son point de départ dans les sentiments contraires professés par les deux saints à l'égard d'Irène. Celui de Grand Champ ne fut jamais bien tendre pour cette femme à qui ravir le trône et crever les yeux de son fils coûtèrent peu; celui de Stoudion fut toujours d'une excessive indulgence pour cette impératrice à qui l'orthodoxie devait un concile œcuménique et lui-même des bienfaits. Mais qui des deux a raison dans le cas présent? Tout le monde ne se prononcera pas dans le même sens. Les uns diront qu'Irène était plutôt la protectrice de Marie et que ses actions visaient au plus grand bien de l'Etat; mais celle a contre elle d'avoir aimé le pouvoir féroce et d'avoir mis en oeuvre les pires moyens pour le ressaisir. Les autres diront que Constantin avait pris infiniment peu de part à son propre mariage avec Marie; mais il a contre lui d'avoir foulé aux pieds tous ses devoirs de chrétien et d'avoir agi en esclave d'une folle passion. Pour nous, dans ces conditions, évitons de trancher le différend.

La divergence entre Théophane et Théodore n'en devait point rester là.

Débarrassé de Marie, Constantin s'unit publiquement à Théodote. Il la déclara sa fiancée et la fit Augusta au mois d'août 795; il l'épousa au mois de septembre en présence et avec les bénédictions du prêtre Joseph, économe de la Grande Eglise. Saint Taraise avait refusé son

1) Chronographia, anno 6287, p. 944.

2) Laud. S. Platonis, n° 28, p. 829.

ministère et le mariage religieux fut célébré contre son gré. Le patriarche ne crut pas cependant devoir pousser les choses à l'extrême: il s'abstint d'excommunier l'empereur adultère et ne déposa point le prêtre coupable. Aussitôt les chefs de Saccoudion se montrèrent anxieux; puis, ils s'émurent. Peu à peu, non contents de fulminer contre le concubinage de Constantin VI et la forfaiture de l'économe Joseph, ils en vinrent à blâmer tout haut la faiblesse du patriarche condescendant et finirent par rejeter sa communion. Du coup, le criminel couronné se vit en état de se venger tout en feignant de venger l'Eglise. Sa colère se traduisit par la prison et l'exil. Il ne recourut, toutefois, à ces extrémités qu'après avoir essayé de la douceur, qu'après avoir chargé Théodote d'offrir honneurs et trésors, qu'après être allé lui-même aux bains chauds de Brousse pour mettre ses adversaires de Saccoudion dans la nécessité de lui faire une visite d'où la réconciliation aurait pu sortir¹⁾. Saint Platon fut enfermé à Constantinople près du palais impérial; saint Théodore, d'abord incarcéré au fort de Cathares, fut exilé à Salonique, où il arriva le 25 mars 797²⁾.

Cette persécution prit fin cinq mois plus tard avec l'avènement d'Irène et la sentence de déposition portée par saint Taraise contre Joseph. Mais c'était là une trêve plutôt qu'une paix définitive. La guerre en effet reprit sous le règne de Nicéphore Ier et le patriarcat

1) Ce voyage dont les biographes du Studite nous ont révélé le vrai motif, Michel, op. cit., n° 15, p. 253 et Ps.-Michel, op. cit., n° 21, p. 140, eut lieu, d'après la Chronographie de Théophane, anno 6289, p. 948, en septembre 796. Constantin voulait sans doute conquérir les parents récalcitrants de Théodote avant les couches de celle-ci; mais Théodote devint mère de Léon le 5 octobre, tandis que l'empereur en était encore à attendre dans sa villégiature des hommages qui ne devaient point venir.

2) Théodore, comme il nous l'affirme lui-même dans une lettre absolument contemporaine des événements, atteignit Salonique un samedi fête de l'Annonciation, Lettre S. I, 3, p. 917. La fête de l'Annonciation tomba un samedi en 797, nullement en 796. C'est donc la date 25 mars 797 qu'il faut adopter à la suite de Sirmond, contre quantité d'hagiographes et d'historiens, tels que Baronius, Hergenröther, Thomas et les Bénédictins, tous auteurs suivis et cités par M. E. Marin, De Studio coenobio byzantino, p. 26, note 2 et p. 29, note 5. Théophane est la cause d'une erreur aussi répandue. Il a trompé ses lecteurs en racontant les mesures de rigueur prises contre les Saccoudionites dans le paragraphe même où il racontait, à son ordre chronologique, leur rupture avec le patriarche, rupture qui précéda effectivement le mois de septembre 796. Mais l'ordre suivi par le Chronographe ne saurait prévaloir contre le témoignage d'une lettre écrite par l'exilé au lendemain de son arrivée en exil. D'autant que Théodore se confirme lui-même en plaçant ailleurs les débuts de la persécution peu avant la chute de Constantin VI, Laud. S. Platonis, n° 30, p. 833, et l'on sait que Constantin VI perdit le trône et les yeux en 797, le 19 août, ainsi que le P. S. Pétrides l'a récemment établi dans les Echos d'Orient, IV, 72.

de saint Nicéphore. Un pardon très large accordé par ce dernier à l'économe Joseph en fut le signal. Quant aux conséquences, elles furent à peu près les mêmes que dix ans plus tôt: prise de position de Théodore, alors higoumène de Stoudion, contre le patriarche; exil, en janvier 809, de l'higoumène, de son oncle Platon, de son frère Joseph et d'un quatrième Studite; réconciliation avec saint Nicéphore quelque deux ans plus tard; fin de la persécution peu après l'avènement de Michel proclamé empereur le 2 octobre 811.

Telles sont, résumées en deux mots, les principales péripéties qui marquèrent, dans ses deux périodes aiguës, la querelle dite du Mariage adultère. Le premier rôle y revient, sans contredit, à saint Théodore, et l'on ne voit pas, du moins à première vue, que saint Théophane y ait figuré. Saint Théophane y figura cependant et il y figura dans le camp opposé à celui du Studite.

Le Chronographe, hâtons-nous de l'ajouter, n'approuva jamais l'union de Constantin VI avec Théodote. Cet unique mot de *παρὰ νόμῳ*; qu'il écrit au sujet de leurs fiançailles¹⁾ marque assez combien l'acte impérial lui inspirait de répulsion. Mais de là à s'élever contre l'autorité patriarcale il y a loin, et Théophane ne le fit jamais. Saint Taraise qui fermait les yeux sur de puissants coupables ne lui parut pas acheter la paix de l'Eglise au prix de sacrifices trop grands. Saint Nicéphore qui rétablissait Joseph dans ses anciennes charges ne lui parut pas violer le droit ecclésiastique au point de mériter l'excommunication. De là, aux yeux de Théodore, son crime. Car c'est Théodore, et Théodore seul, qui range Théophane parmi les Moechiens, parmi les partisans du mariage adultère, ou plutôt des patriarches condescendants. «Théophane, écrit-il dans un passage²⁾, tomba dans le Mœchianisme». Et ailleurs³⁾, dans une lettre relative à la querelle mœchienne: Que l'on ne réclame pas, dit-il, «si saint Théophane a été mis en cause dans cette affaire, car il n'est rien de préférable à la vérité, et lui-même, d'ailleurs, ne refuse pas d'en entendre parler, pas plus que Pierre, le grand apôtre, de son reniement, pas plus que David, le saint, de son adultère, pas plus que Cyprien, le hiéromartyr, de sa magie».

Jusqu'où l'higoumène de Grand Champ prit-il part à cette malheu-

1) Chronographia, anno 6287, p. 945.

2) Lettre S. II, 81, p. 1204.

3) Lettre S. II, 218, p. 1660.

reuse querelle, il me serait difficile de le préciser. Intervint-il dans la première phase, au temps de Taraise, ou dans la seconde, au temps de Nicéphore, ou dans toutes deux à la fois, je ne saurais dire. Peut-être simplement crut-il devoir déclarer une fois qu'il approuvait la conduite patriarcale. Peut-être même se contenta-t-il de rester neutre, de ne pas suivre Théodore dans la voie où celui-ci s'était engagé. Je croirais cependant qu'il fit davantage. Pour si peu de chose en effet, le Studite n'aurait point rappelé son moechianisme dans cette lettre à l'archevêque Joseph écrite devant la tombe encore entrouverte du vaillant confesseur et en un temps où l'affaire moechienne était bien vieillie, où le patriarche Nicéphore luttait sous le même drapeau antiiconoclaste que l'higoumène studite, et où Théodore allait bientôt s'insurger lui-même contre ceux qui cherchaient à remettre en mémoire le mauvais souvenir des brouilles passées¹⁾. Pour si peu de chose aussi, le Studite n'aurait point fait une mention spéciale de Théophane dans cette lettre à Démétrius où pas un autre Mœchien, Constantin VI et Théodote exceptés, n'est indiqué par son nom propre.

Quoi qu'il en soit, la faute de Théophane, si faute il y eut, ne dut pas être bien grande. Lui, simple religieux ou simple higoumène, caché dans un cloître à 85 kilomètres de Constantinople, point lié du tout avec les coupables, n'avait pas à s'engager dans la lutte comme ses voisins de Saccoudion. Ceux-ci avaient des obligations toutes spéciales. A défaut d'une haute situation dans la hiérarchie ecclésiastique, ils tenaient à la nouvelle Augusta par un étroit lien de parenté, et c'était pour eux un devoir de ne pas se laisser prendre pour des complices: ils devaient se dégager, venger l'honneur de leur famille compromis, protester haut et ferme. Peut-être excédèrent-ils la mesure. Mais c'est ici, pour comprendre leur conduite, qu'il faut se rappeler combien Théodote leur tenait de près, comment elle était la cousine-germaine, sinon de Théodore, au moins de Platon. Cette étroitesse de parenté explique les résolutions hardies nées à Saccoudion en 795. Ces premières résolutions et les événements qui s'ensuivirent expliquent à leur tour les démêlés des Studites avec saint Nicéphore: en 806, Théodore et les siens se trouvaient comme liés par leur passé, comme obligés de prendre parti contre quiconque, trop miséricordieux pour l'économe Joseph, portait atteinte à la solution intervenue en 797.

1) Lettre S. II, 127, p. 1412.

D'ailleurs, en parlant ainsi, je n'entends nullement nier la part, peut-être considérable, qui revient dans tout cela au caractère quelque peu combattif de Théodore. Cet homme était de feu pour la gloire du Christ et le salut des âmes. Il était un catholique ardent, ennemi-né du Césaro-papisme, incapable de comprendre les traditions byzantines qui tendaient de plus en plus à coucher l'autorité spirituelle sous les pieds du pouvoir civil. Instruit des canons, zélé pour leur observance, il ne pouvait les voir tenus en échec ou violés sans en souffrir et le dire. Pénétré de la haute mission dévolue au moine dans la société chrétienne, il comparait volontiers son rôle à celui de saint Jean Baptiste chargé de reprendre les fautes jusque sur le trône et de suppléer au silence des trop prudents ministres de l'autel. Imiter le Précurseur s'imposait à lui comme un idéal, d'autant que le Précurseur était le patron tout particulier des Studites. Il poursuivit cet idéal dans la pratique, et il le poursuivit avec une pureté d'intention très grande, au prix de sacrifices nombreux.

Mais beaucoup de ses contemporains, même parmi les gens d'Eglise ou de cloître les plus vertueux, n'approuvèrent point sa conduite. Théophane fut de ceux-là. Théophane, dans sa Chronographie, consacre plusieurs fois quelques mots à l'higoumène studite et sa manière d'en parler renferme plus de blâme que d'approbation.

XI.

Le premier de ces passages peu flatteurs se rapporte aux événements qui accompagnèrent l'élection du patriarche Nicéphore.

Saint Taraise était mort le 25 février 806. Platon, qui vivait en reclus dans le couvent de son neveu, fut consulté de divers côtés à la fois, même par la cour, sur le choix du successeur à lui donner. Il désigna le sujet qui lui parut le plus digne, il fit même une démarche nocturne en sa faveur. Ce fut un autre, ce fut le fonctionnaire Nicéphore, que l'empereur fit asseoir, le 12 avril, sur le trône patriarcal. En présence de cette élection, l'higoumène et le reclus studites s'empressèrent de rappeler qu'il existait des canons interdisant l'accès des laïques à l'épiscopat. L'empereur en éprouva une violente colère. Il voulait frapper le Stoudion sans merci et disperser tous ses moines; mais on lui fit observer que ruiner un couvent de 700 religieux serait

donner un bien triste début au patriarcat de Nicéphore, et cette considération l'arrêta. Il n'y eut que Platon à subir un emprisonnement de 24 jours; le monastère en fut quitte, au moins tout d'abord, pour être surveillé de plus près.

Tels sont les faits d'après saint Théodore¹⁾ et saint Théophane²⁾. Celui-ci, en les rapportant, prend ouvertement parti contre les Studites. Il désapprouve chez eux et la conduite tenue et la raison invoquée. Leur conduite lui paraît celle de schismatiques: *λίαν ἀντετάχθησαν σχίσμα μελετήσαντες*. Quant à la raison mise en avant, il la qualifie de soi-disant louable, *αἰτίαν δῆθεν εὐλογόν*, et consacre toute une phrase à la réfuter. Evidemment, dans cette circonstance, le Chronographe aurait préféré plus de réserve chez l'higoumène du Stoudion.

Théodore, pourtant, n'entendait donner aucune suite grave à ses protestations. S'il en vint bientôt à rejeter la communion patriarcale, ce ne fut point pour le fait que les suprêmes dignités de l'Eglise avaient trouvé Nicéphore dans l'état laïque. Une irrégularité toute pareille ne l'avait point empêché, avant le scandale de l'économe Joseph comme après sa déposition, d'entretenir d'excellents rapports avec le patriarche Taraise. Il aurait fini, toutes réserves faites sur le principe, par accepter une seconde fois le fait accompli. Oui, ils auraient fini par se rallier à Nicéphore, si ne s'était rouverte l'affaire de Joseph. Cette affaire seule amena la rupture de communion. Théodore le dit³⁾, ses biographes l'affirment⁴⁾, Théophane n'y contredit point. Les Studites, déclare ce dernier⁵⁾, rejetèrent la communion du patriarche à cause de l'économe Joseph: *τῆς κοινωνίας Νικηφόρου τοῦ ἀγιωτάτου πατριάρχου ἀπέστησαν διὰ Ἰωσήφ τὸν οἰκονόμον*. C'est pour cela, ajoute-t-il, qu'un synode les condamna et que l'empereur sévit contre eux en janvier 809.

Cette tourmente, ainsi que Théophane l'indique ailleurs⁶⁾, prit fin à l'avènement de l'empereur Michel en 811. Un an plus tard, le 1er novembre 812, Théodore figurait dans un conseil réuni au palais impérial, et c'est en relatant ce fait surtout que la Chronographie se montre extrêmement sévère à son endroit. Les Bulgares campaient sous

1) Laud. S. Platonis, n° 34 et 35, p. 837.

2) Chronographia, anno 6298, p. 968.

3) Laud. S. Platonis, n° 35, p. 840.

4) Michel, op. cit., n° 25, p. 265 et 268; Ps.-Michel, op. cit., n° 45, p. 156.

5) Op. cit., anno 6301, p. 973.

6) Op. cit., anno 6304, p. 992.

les murs de Mésembrie: leur offrirait-on la paix? leur ferait-on la guerre? Le patriarche opinait pour la paix, de même aussi les deux métropolitains de Nicée et de Cyzique. Théodore, au contraire, plaïda pour la guerre et tous les mauvais conseillers se rangèrent à son opinion. Mauvais conseillers, c'est la Chronographie qui parle ainsi. *Oi κακοὶ σύμβουλοι*, dit-elle, *σὺν τῷ Θεοδώρῳ τῷ ἡγουμένῳ τῶν Στουδίου*. Et elle ajoute, après avoir résumé les arguments de ces belliqueux, qu'ils ne savaient ni ce qu'ils disaient ni pourquoi ils parlaient. Et elle ne craint pas de consacrer une quinzaine de lignes à bien montrer leur sottise¹⁾.

Ce ton que prend Théophane chaque fois qu'il s'agit du Studite accuse une fois de plus chez les deux higoumènes des manières de voir toutes différentes. A coup sûr, le désaccord noté par Théodore touchant le Moechianisme n'est qu'un épisode. C'est ailleurs aussi, c'est dans tout l'ensemble de la conduite, que le supérieur de Sigriane devait trouver son confrère du Stoudion trop ardent, trop rigide, trop porté aux mesures extrêmes. Le jugeait-il bien en le jugeant de la sorte? Au lieu de répondre, rappelons, comme certains hagiographes en face de situations analogues, qu'il y eut de la mésintelligence entre Paul et Barnabas, et laissons à Dieu, comme Chrysostome au sujet de ces deux apôtres, le soin de dire où fut le bon droit.

Nous aurions tort cependant de ne pas indiquer, à la décharge de Théophane, qu'il ne fut pas le seul à n'éprouver aucun enthousiasme pour la fougue et la sévérité studites. De son vivant, cela perce dans ses écrits, Théodore compta des adversaires ailleurs que parmi les hérétiques. Après sa mort, en visant à le copier, ses disciples ne donnèrent que trop souvent des sujets de plaintes.

On sait, par exemple, que le moine Pierré, premier biographe de saint Joannice, n'écrit jamais un mot sur les religieux de Stoudion sans tremper sa plume dans une encre singulièrement peu sympathique. Qu'il parle de saint Théodore, comme dans le récit de telle visite au mont Olympe, ou de saint Naucrèce, comme dans les pages relatives au patriarcat de Méthode, il semble prendre à tâche d'entasser les expressions les plus dures, comme s'il craignait toujours de rester au-dessous de sa pensée. Pour lui, les Studites n'agissent que sous les

1) Op. cit., anno 6305, p. 1000. Peut-être, il est vrai, ce passage n'est-il point de Théophane. On sait en effet que certains font arrêter son oeuvre à l'année 811 et attribuent le récit du règne de Michel Ier à un continuateur anonyme.

excitations de l'orgueil et de l'envie: hommes néfastes, perturbateurs de l'ordre, semeurs de scandales, êtres de malveillance, créatures du démon, ils servent, tels des instruments, les visées du diable et croient tous leurs aboiements inspirés de Dieu¹⁾. Et saint Joannice lui-même, si l'on en croit ce biographe, les tient en abomination²⁾.

Mais tout cela, peut-on dire, est le fait d'un Olympien jaloux. Alors, passons à saint Méthode. Le patriarche Méthode se vit réduit, et ceci est bien historique, à prendre contre les Studites les mesures les plus rigoureuses. Il les blâma solennellement du haut de l'ambon et leur écrivit d'un style sévère au dernier point: s'ils ne réprouvaient les écarts de Platon et de Théodore, s'ils ne rétractaient tout ce qui avait été dit et ne brûlaient tout ce qui avait été écrit contre Taraise et Nicéphore, l'excommunication devait tomber sur leur monastère³⁾. De pareilles paroles, accompagnées d'une pareille menace, prouvent bien que certains actes du grand Studite passèrent aux yeux de beaucoup, parmi les Byzantins du IXe siècle, pour manquer de la discrétion voulue. Et cette constatation nous aide à comprendre que le Chronographe se soit exprimé en des termes si peu élogieux.

Telle fut, autant qu'on peut l'établir avec le peu de documents qui nous reste, la deuxième phase des rapports entre saint Théophane et saint Théodore, phase de mésintelligence et de froideur. Mais ces regrettables sentiments ne devaient point, grâce à Dieu, accompagner les deux saints jusqu'à la fin de leur vie. L'iconoclasme éclata et le petit fossé creusé entre le pacifique de Sigriane et le combattif du Stoudion se combla comme par enchantement. Non point, certes, que les deux higoumènes changèrent soudain leur caractère. Théophane resta, il fallait s'y attendre, un combattant héroïque mais froid, plutôt partisan de la défensive. Théodore se montra, au contraire, l'ardent lutteur qui va toujours de l'avant. Du moins, malgré cette différence d'allure, les deux moines se trouvèrent-ils dans le même camp, face au même ennemi.

XII.

La seconde phase de l'iconoclasme s'ouvrit, comme on sait, en décembre 814 par une conférence entre Léon l'Arménien d'une part, le

1) Acta Sanctorum, novembris II, 405, 422, 431.

2) Op. cit., p. 431 et 432.

3) De sanctis patriarchis Tarasio et Nicephoro, Migne, P. G., XCIX, p. 1858; S. Methodii epistolola contra Studitas, Migne, P. G., C, p. 1293—1297.

patriarche, des prélats et des moines d'autre part¹⁾. Saint Nicéphore, exilé le 13 ou le 20 mars 815, en fut la première victime²⁾. Tout aussitôt, le Studite se mit à la tête de la résistance. Non content d'avoir contredit l'empereur en face³⁾, il mobilisa son armée de moines et profita du dimanche des Rameaux, 25 mars, pour faire promener toutes les images de Stoudion autour du monastère⁴⁾. Neuf ou dix jours plus tard, durant la semaine de Pâques, il groupait chez lui les higoumènes orthodoxes de la capitale et fixait, d'accord avec eux, les meilleures mesures à prendre contre l'hérésie⁵⁾. Ce que lui valut tant d'initiative et de hardiesse, on le devine sans peine: il fut expulsé de Constantinople et jeté en prison.

Théodore vécut sous les verroux tant que dura le règne de Léon, mais non point toujours dans le même lieu. Il habita successivement Métopa, Bonéta et Smyrne. La ville de Smyrne est connue de tous. Le fort de Métopa s'élevait, comme le disent les hagiographes⁶⁾, près d'Apollonias, sur la rive orientale du lac. Quant à Bonéta, également un fort, ces mêmes hagiographes ont négligé de nous indiquer exactement sa position. Pour suppléer à leur silence, il faut compulsier la correspondance du Studite. Bonéta, y lisons-nous, appartenait au thème des Anatoliques⁷⁾; il voisinait un lac salé où l'on ne voyait pas un seul poisson⁸⁾; il se trouvait à 100 milles de la côte lycienne⁹⁾; quand on le quittait pour aller à Smyrne on passait par Khônes¹⁰⁾. Or, la région correspondante à l'ancien thème des Anatoliques est assez bien déli-

1) Vita Leonis Armeni, Migne, P. G., CVIII, 1028 et 1029.

2) Théophane, De exilio S. Nicephori et translatione reliquiarum, n° 17, Acta Sancti, Martii II, 316; Michel, op. cit., n° 35, p. 285.

3) Michel, op. cit., n° 32—34, p. 280—284; Pseudo-Michel, op. cit., n° 65—74, p. 173—184.

4) Michel, op. cit., n° 36, p. 285; Ps.-Michel, op. cit., n° 78, p. 185.

5) Ibid.

6) Michel, op. cit., n° 37, p. 288; Ps.-Michel, op. cit., n° 82, p. 189; Anonyme, Vita S. Nicolai Studitae, Migne, P. G., CV, 884.

7) Lettre M. 10, p. 10. Cf. lettre S. II, 63, p. 1281; de même Michel, op. cit., n° 37 et 43, p. 288 et 296; de même encore Vita S. Nicolai, p. 884.

8) Lettre M. 75, p. 61.

9) Ibid. M. Tougard, op. cit., p. XXIII, applique par distraction les renseignements de cette lettre, non à Bonéta, mais à Métopa. Il écrit au sujet de cette dernière localité: *Eo forte commodius maritimo cursu perveniebatur, licet Lycium littus C millibus distaret*. Apollonias de Bithynie placée à 100 milles de la côte lycienne et plus accessible de Constantinople par la Lycie que par tout autre point, voilà de quoi surprendre les géographes, même ceux qui n'ont point composé «The historical Geography of Asia Minor»!

10) Lettre S. II, 63, col. 1281.

mitée¹⁾. Parmi ses nombreux lacs, lacs presque tous d'eau douce et poissonneux²⁾, le seul qui me paraisse remplir toutes les conditions exigées pour Bonéta est celui de tchardak³⁾. La qualité de ses eaux lui a valu, dans l'usage courant, le nom d'Adji-Touz-Gheulu qui veut dire en turc Lac du sel amer. Il a les ruines de Khônes à l'ouest, sur la route de Smyrne, route si obligée et si naturelle que la voie ferrée d'aujourd'hui ne s'en écarte point. Enfin la distance qui le sépare de la mer Méditerranée au sud est bien à vol d'oiseau d'une centaine de milles, d'un peu plus si l'on part de la côte lycienne proprement dite, d'un peu moins si l'on part du golfe d'Adalia⁴⁾. En faut-il davantage pour émettre l'opinion que Bonéta devait se trouver sur les bords du moderne Tchardak-Gheulu?

L'incarcération de Théodore dans ces trois cachots dura près de six ans⁵⁾, d'avril 815 à janvier 821. Métopa le posséda pendant une année⁶⁾. C'est au printemps 816 qu'un voyage de quinze jours accompli par petites étapes⁷⁾, le conduisit à Bonéta. A la fin de sa troisième année de séjour dans ce fort⁸⁾, le 3 ou plutôt le 23 février 819⁹⁾, une flagellation particulièrement cruelle vint mettre ses jours en danger. Il fallut tous les soins de saint Nicolas, son fidèle compagnon, pour l'arracher à la mort. Trois mois plus tard¹⁰⁾, aux derniers jours de mai ou aux premiers de juin 819, l'ordre arriva de transférer Théodore à Smyrne. Le vaillant higoumène languissait dans cette troisième prison lorsque Michel II le Bègue monta sur le trône à la Noël 820. Par un édit publié trois jours après son avènement, le nouveau prince rappela

1) H. Gelzer, Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung, voir la carte.

2) V. Cuinet, La Turquie d'Asie, I, 813.

3) Situé juste au point où se rencontrent les vilayets de Koniah, d'Aidin et de Brousse, mais à l'intérieur de ce dernier.

4) M. Tougard, op. cit., p. XXIV, déclare Bonéta *non minus* quam cc kilometris a capite imperii dissitum. La vérité, c'est que, situé à 100 milles de la côte lycienne, Bonéta se trouvait à quelque 350 kilomètres de Constantinople.

5) Le Pseudo-Michel, op. cit., n° 102, col. 208, dit *sept ans*, mais c'est en comptant deux bouts d'années pour des années complètes. En réalité, de l'emprisonnement à la délivrance il s'écoula: 1° une fin d'année-d'avril 815 au 1er septembre 815; — 2°, cinq années pleines — du 1er septembre 815 au 1er septembre 820; — 3°, un commencement d'année — du 1er septembre 820 à janvier 821.

6) Anonyme, Vita S. Nicolai, col. 884.

7) Lettre M. 75, p. 61.

8) Michel, op. cit., n° 42, col. 296; Ps.-Michel, op. cit., n° 93, col. 197.

9) Michel, op. cit., n° 42, col. 296; Ps.-Michel, op. cit., n° 93, col. 200; Vita S. Nicolai, col. 835.

10) Michel, op. cit., n° 43, col. 297; Ps.-Michel, op. cit., n° 96, col. 201.

tous les proscrits de Léon l'Arménien, et c'est ainsi que le supérieur fut rendu à la liberté, sinon à son monastère, en janvier 821, après un an et demi de séjour à Smyrne¹⁾, durant le vingtième mois de sa détention dans cette ville²⁾.

Ces questions de lieu et de temps étaient à traiter ici, car il nous fera bon les savoir lorsque nous chercherons à établir la date exacte où Théophane souffrit et mourut martyr de l'iconophilie. C'est que, pour Théophane aussi, l'heure avait sonné de livrer bataille. Sa vie, depuis le concile de Nicée, s'était, semble-t-il, écoulée doucement dans le calme de Sigriane, sauf peut-être, comme nous l'avons dit, durant un moment d'immixtion, d'ailleurs mal définie, dans l'affaire du mariage adultère. Entre temps, sans que nous puissions indiquer en quelle année, il avait reçu la prêtrise et était devenu l'higoumène de Grand Champ. Un de ses amis, le moine historien Georges le Syncelle, était mort en 810 ou 811 en lui léguant tout ensemble et ses notes et le soin de poursuivre son oeuvre³⁾: il s'était mis au travail et venait de mener à bonne fin ces cinq longs siècles d'annales romano-byzantines qui lui valent d'occuper une si belle place parmi les chroniqueurs. Il avait, détail remarquable, composé cet ouvrage dans un état de santé des plus désavantageux, en proie aux assauts de la pierre qui l'avait attaqué en 810 dans la cinquantième année de son âge⁴⁾. Et maintenant, épuisé par la besogne faite et la maladie croissante, il en était réduit à traîner ses jours sur un lit de douleur.

Devant pareille ruine, tout autre que Léon V aurait éprouvé quelque sentiment de compatissante émotion. Mais l'insensibilité de Léon V allait de pair, pour ne pas dire plus, avec son grand génie politique et guerrier. D'autre part, le renom de Théophane était universel et sa vénération pour les images connue. Comment, cela étant, Léon V aurait-il consenti à laisser Théophane avec les seules tortures de sa maladie? Léon V manda Théophane à Constantinople. Incapable de faire un pas, l'higoumène de Sigriane se fit porter jusqu'au rivage et déposer dans une embarcation qui mit aussitôt le cap sur la capitale. Là, tenté de toute façon, il refusa de condescendre aux désirs de l'Arménien. Interné

1) Pseudo-Michel, op. cit., n° 101, col. 205.

2) Michel, op. cit., n° 46, col. 301; Vita S. Nicolai, col. 888.

3) Préface de la Chronographie, col. 56—61.

4) Anonyme A, op. cit., col. 52; Anonyme B, op. cit., p. 396; Anonyme C, op. cit., p. 292.

au monastère des saints Serge et Bacchus, soumis aux sollicitations perfidement caressantes du fameux Iannis, il tint ferme. Transporté au palais suburbain d'Eleuthère, enseveli en un cachot hideux, il tint ferme encore. A la fin, relégué dans l'île de Samothrace, il mourut.

Voilà, sans aucun détail, comment le supérieur de Grand Champ termina sa carrière. Complétons ce résumé et cherchons à fixer la chronologie encore incertaine des événements qui marquèrent la fin de sa belle vie.

XIII.

Un point hors de toute discussion, c'est que Théophane expira sous le règne de Léon l'Arménien, un 12 mars¹⁾. Le 12 mars de quelle année? M. K. Krumbacher²⁾ penche pour 817; M. W. Regel³⁾ préfère 818; le R. P. Van den Gheyn⁴⁾ écrit circa 820. Pour choisir entre ces données divergentes et fournir une réponse quelque peu assurée, il faut, en l'absence d'un texte explicite et positif, procéder par voie d'élimination. Sous le règne de Léon V, du 10 juillet 813 au 24 décembre 820, le 12 mars se présente sept fois. Si, pour une raison ou pour une autre, nous parvenons à l'écarter six fois, la date mortuaire de Théophane sera trouvée.

Disons, en attaquant le règne par la fin, que le 12 mars 819 et le 12 mars 820 sont à mettre de côté. La correspondance de saint Théodore Studite nous défend absolument de les faire entrer en ligne de compte.

Primitivement, nul ne l'ignore, cette correspondance était divisée en cinq livres⁵⁾. Le livre Ier renfermait quelques unes des lettres écrites par le saint entre le mois d'octobre 796 et celui de mars 815, celles surtout qu'il avait envoyées de Salonique, durant son premier exil en 797, et de Khalki, durant son deuxième exil de 809 à 811. Les livres II, III, IV et V étaient formés de lettres écrites entre avril 815

1) Anonyme A, op. cit., col. 52; Anonyme B, op. cit., p. 397; Anonyme C, op. cit., p. 293.

2) *Geschichte der byzantinischen Litteratur*, p. 193 et 342.

3) *Analecta byzantino-russica*, à l'index, s. v. Ἀγρός et Θεοφάνης, p. 132 et 139.

4) *Acta Sanctorum*, novembris II, p. 364.

5) Michel, op. cit., n° 24, col. 264; Pseudo-Michel, op. cit., n° 40, p. 153.

et novembre 826, c'est-à-dire durant le troisième exil¹⁾. Toutes les pièces de cette collection se conservaient encore au Stoudion à l'époque où les deux biographes de Théodore y tenaient la plume. Toutes, malheureusement, ne sont pas parvenues jusqu'à nous. De plus, celles qui nous sont parvenues n'ont pas toujours gardé leur place chronologique primitive. C'est ainsi, par exemple, que dans le manuscrit Coislin 279 le livre Ier renferme une vingtaine de lettres, les dernières, qui appartiennent certainement au règne de Michel II le Bègue²⁾. Il n'empêche, pourtant, qu'un certain ordre chronologique s'est conservé. Cela frappe surtout dans le livre II, celui des cinq qui a le moins souffert et qui renferme à lui seul plus de pièces que les quatre autres réunis³⁾. Malgré que les lettres adressées au même correspondant s'y soient plusieurs fois attirées les unes les autres, il est aisé de voir que le livre s'est constitué par la superposition de plusieurs collections particulières, lesquelles embrassaient, les unes en entier, les autres en partie, les quatre années 815 — 818. La lettre la plus ancienne y contenue⁴⁾ fut écrite par Théodore dans Constantinople même à la veille de l'exil, je veux dire durant la première huitaine d'avril 815⁵⁾; les plus récentes sont antérieures à la seconde flagellation subie par Théodore dans le fort de Bonéta, antérieures par conséquent au moins de février 819. Qu'il en soit ainsi, que les lettres du livre II se rapportent toutes à la période 815—818, c'est là un point que je n'entreprendrai pas de démontrer ici, car la conviction en pareille matière se base sur mille petits détails qu'il est impossible de relever incidemment, sur mille petits rapprochements qu'il est malaisé de faire en passant. Mais prenez vous-même directement contact avec cette partie de la correspondance du Studite, entretenez un commerce prolongé avec les pièces qui la composent, comparez ces lettres les unes aux autres en y remarquant les moindres indices, tels que l'emploi des mêmes mots,

1) En parlant ainsi des exils du Studite et de leur relation avec sa correspondance, je suis tout-à-fait en désaccord avec M. l'abbé Tougaard, *La Persécution iconoclaste*, p. 6; mais complètement d'accord, ce qui vaut mieux, avec saint Théodore lui-même et ses biographes.

2) Montfaucon, *Bibliotheca Coisliniana*, p. 312 et seq.

3) Dans le MS. Coislin 279, ce livre II contient 309 numéros, mais avec un 110 bis, ce qui fait 310 lettres, correspondant à Sirmond, II, 1—36 et à Mai, 1—280. De ces 280 numéros de Mai, il en est un, M. 98, qui donne le texte de la lettre dont Sirmond, II, 3, ne donnait que l'en-tête mutilé, et il en est cinq, M. 278, 145, 279, 217 et 280, qui se trouvaient déjà dans Sirmond, II, 2, 9, 21, 24 et 29.

4) Lettre S. II, 1, col. 1116.

5) Michel, op. cit., n° 36, col. 285; Pseudo-Michel, op. cit., n° 80, col. 288.

la répétition des mêmes tournures, l'expression des mêmes sentiments, l'allusion aux mêmes faits, la mention des mêmes personnes, rapprochez leurs données des données que l'histoire ou l'hagiographie fournissent par ailleurs, et je ne doute point que vous ne placiez, vous aussi, la composition du livre II avant février 819. Or, c'est dans le livre II, sous les numéros 248, 252, 262 et 263 du manuscrit Coislin 279, que se trouvent les quatre lettres de Théodore relatives en tout ou partie à la glorieuse mort de saint Théophane. Et que suit-il de là, sinon que l'higoumène de Grand Champ ne mourut ni le 12 mars 820, ni le 12 mars 819?

Si les deux dernières années du règne de Léon, 819 et 820, ne conviennent point, les deux premières, 814 et 815, ne conviennent pas davantage. L'empereur inaugura l'ère de ses violences contre les iconophiles par l'expulsion du patriarche Nicéphore survenue au plus tôt le 13 mars 815. Théophane ne put donc mourir ni le 12 mars de cette année là, ni le 12 mars de l'année précédente.

Le 12 mars 816 est également à écarter. D'après quatre de ses biographes, l'higoumène sigrianais passa deux ans dans les prisons de Constantinople¹⁾. Mais Léon V, on le sait par les vies de saint Théodore, ne s'en prit aux higoumènes qu'après la fête de Pâques 815, laquelle tomba le 1er avril. Où trouver place pour deux années d'incarcération entre le 1er avril 815 et le 12 mars 816?

L'année 817 peut élever des prétentions, car son mois de mars tombe bien quelque chose comme deux ans après le début de la persécution. Ces prétentions, toutefois, ne me paraissent pas fondées et je crois avoir de bonnes raisons pour écarter l'année 817 tout aussi bien que les autres.

Théophane, lorsqu'il mourut à Samothrace le 12 mars, se trouvait dans cette île depuis 23 jours²⁾. C'est donc, en tenant compte du temps nécessaire au voyage, vers le 15 février qu'il fut arraché de Constantinople. Or, ses deux années de séjour forcé dans la capitale avaient été des années complètes. Nous pourrions supposer le contraire, réduits au seul témoignage des quatre biographes cités, car ces biographes disent simplement deux ans; mais une lettre de saint Théodore précise leur renseignement en faisant durer cette incarcération deux années

1) Anonyme A, op. cit., p. 52; Anonyme B, op. cit., p. 397; Anonyme C, op. cit., p. 298; Nicéph. le Blakh., op. cit., col. 41.

2) Ibidem.

et plus¹⁾. D'avril 815 à février 817, il n'y a pas de quoi loger deux années et plus. Théophane n'est donc pas mort le 12 mars 817.

Théophane, objectera-t-on, a fort bien pu être l'objet d'une mesure exceptionnelle et goûter de la prison dès avant avril 815. Si les autres higoumènes jouissaient encore de la liberté durant la semaine de Pâques, lui pouvait se trouver dans les fers depuis quelques mois déjà. Deux faits confirment cette manière de voir. C'est d'abord que le supérieur de Sigriane fut appelé à Constantinople pour attirer les bénédictions du ciel sur une entrée en campagne de Léon V, et Léon V ne paraît point s'être battu après 814. C'est ensuite que Théophane était à Constantinople entre les mains de l'empereur antérieurement au départ de Théodore pour son exil de Métopa, et cet exil semble bien avoir suivi de très près les Pâques de 815.

La réponse à cette objection n'est point difficile. «Venez prier pour nous, qui allons marcher contre les Barbares», voilà ce que Léon l'Arménien écrivit à Théophane pour le faire venir à Constantinople. L'Anonyme A²⁾ et l'Anonyme B³⁾ l'affirment à peu près dans les mêmes termes; Nicéphore le Blakhernite le répète en termes analogues⁴⁾; je n'y contredis point. Mais qu'entend-on conclure de là? Que le supérieur de Sigriane fut mandé à Constantinople en 814? Le désir d'échapper à cette conclusion ne me fera pas dire que la raison mise en avant pour attirer le saint fut un simple prétexte et un mensonge sans fondement, car l'on n'aurait très vraisemblablement jamais recouru à pareil artifice si quelque expédition n'avait alors été à l'ordre du jour. Mais de quel texte s'autorise-t-on pour borner la carrière militaire de Léon à l'année 814? Les chroniqueurs, je le veux bien, ne signalent plus aucune campagne de lui après cette date; mais où sont les chroniqueurs qui aient multiplié les détails sur le règne de Léon et qui aient pensé, une fois la guerre commencée contre les images, à nous rapporter autre chose que les persécutions de ce prince? Or, même en bataillant contre l'iconophilie, Léon V a bataillé contre les barbares. Si les historiens ne le disent point, un petit mot de saint Théodore nous permet de l'affirmer. Dans une lettre écrite du troisième exil, aux premiers mois d'une année ou du moins avant une fête de Pâques⁵⁾ nécessairement

1) Lettre S. II, 29, col. 1200, ou M. 280, p. 230.

2) Op. cit., col. 52.

3) Op. cit., p. 396.

4) Op. cit., col. 37.

5) Lettre M, 213, p. 180 et 181.

postérieure aux Pâques de 815 et très probablement à identifier avec les Pâques de 817, Théodore ordonne au moine Protérios de se mettre en route pour Bonéta immédiatement après l'entrée en campagne de Léon V, μετὰ τὸ ἐκστρατεῦσαι τὸν βασιλέα τότε ῥθι¹⁾. Et ceci prouve bien que Léon ne cessa pas en 814 de se mettre à la tête de ses armées.

D'ailleurs, et ce disant j'attaque la seconde base de l'objection, il est faux que Théophane se trouvât déjà dans la capitale au mois d'avril 815. Qui l'y place dès ce moment là? Un seul auteur, l'auteur de la vie métaphrastique. Mais il suffit de parcourir son récit pour s'apercevoir qu'il contredit les faits les mieux avérés. Ne dit-il pas²⁾ que Léon persécuta dès son avènement! Ne dit-il pas³⁾ que Théophane vécut des années à Samothrace! Comment le croire, après cela, lorsqu'il nous affirme⁴⁾ que Théophane, enfermé depuis quelque temps dans un cachot de la capitale, parut devant l'empereur et fut condamné à l'exil le lendemain même du jour où Théodore, également conduit en présence du prince, avait été frappé de la même peine?

Le Studite ne fait jamais la moindre allusion à cette dernière comparaison devant l'Arménien, et ses biographes, pourtant assez explicites sur les événements de mars et d'avril 815, ne la mentionnent point non plus. D'autre part, tous les biographes sérieux de Théophane s'inscrivent en faux contre leur confrère. L'Anonyme A déclare expressément que l'higoumène sigrianais ne fut jamais admis à voir le prince⁵⁾. De même l'Anonyme B⁶⁾. De même Nicéphore le Blakhernite⁷⁾. De même Théodore le *protoascretis*⁸⁾. Il y a plus. La première lettre de saint Théodore Studite au supérieur de Grand Champ s'ouvre sur les mots que voici: *J'ai appris tardivement, mais enfin j'ai appris que vous avez été empoigné par ces judaïsants...*⁹⁾. Or, cette lettre est tout au moins de Métopa, sinon de Bonéta. Commencerait-elle de la sorte si, comme l'affirme notre auteur, Théophane avait été jeté dans les fers avant le départ de Théodore pour l'exil?

1) Lettre M, 209, p. 179.

2) Op. cit., n° 15, col. 25.

3) Op. cit., n° 68, col. 29.

4) Op. cit., n° 17 et 18, col. 29.

5) Op. cit., col. 52.

6) Op. cit., p. 396.

7) Op. cit., col. 37.

8) Op. cit., p. 614.

9) Lettre M. 140, p. 124.

Théodore, encore libre chez lui au début d'avril 815, n'aurait pas attendu si longtemps pour apprendre l'emprisonnement de Théophane à Constantinople, si l'emprisonnement de Théophane avait précédé cette date.

Ainsi croule l'objection. La preuve tirée des *deux années et plus* d'incarcération garde toute sa force. Voici, au surplus, une ou deux autres preuves, un peu compliquées peut-être et difficiles à exposer, mais qui n'ont pas moins une grande valeur.

Il existe une lettre, la lettre M. 188, où le Studite énumère à Ignace de Milet les higoumènes iconophiles qui tiennent ferme dans leur résistance à l'hérésie. A quelle date cette lettre remonte-t-elle? Est-elle antérieure ou postérieure au 12 mars 817? Je n'hésite pas à dire qu'elle est postérieure. Théodore l'écrivit après avoir appris du moine Denys quel était le lieu d'exil et quels les sentiments de l'évêque Ignace¹⁾. Mais, ce moine Denys, un des plus fidèles courriers de l'higoumène studite²⁾, se trouvait encore à Rome au moins en février 817, car il reçut, nous dit son higoumène³⁾, des bénédictions toutes spéciales du pape saint Pascal Ier, élu le 25 janvier de cette année là, et l'on ne voit guère que le nouveau pontife ait pu donner une audience au petit moine oriental et lui manifester son opinion sur la question iconoclaste dès le lendemain de son avènement. Or, avant d'apporter à Bonéta des nouvelles de l'évêque Ignace, Denys avait eu le temps de retourner d'Italie, d'aller dire ou de faire dire à Théodore ce que saint Pascal Ier pensait touchant les images⁴⁾, de passer à Saccoudion auprès de Naucrèce et d'y recevoir par son intermédiaire un ordre de Théodore qui l'envoyait auprès de son frère Joseph alors exilé au loin⁵⁾. C'est seulement au retour de ce voyage auprès de Joseph⁶⁾, voyage où Denys avait eu l'occasion de rencontrer Ignace de Milet⁷⁾, que fut écrite

1) Lettre M. 188, p. 159 et 160.

2) Cet homme de confiance fut envoyé non seulement à Rome mais encore à Jérusalem, lettre S. II, 15, p. 1160. Le moine Anthime lui fut confié durant quelque temps, lettre S. II, 105, p. 1364. Denys mourut sous Michel II, dans le monastère de Myélé, au retour d'une de ses courses, lettre S. II, 111 p. 1372. Théodore fit son éloge dans une lettre catéchétique, S. II, 112, p. 1373, et composa son épitaphe en quatre vers iambiques, Carmen, CXIX, col. 1809. Ne confondez pas ce Denys avec celui de la lettre S. II, 209, col. 1629.

3) Lettres M. 192, p. 165; S. II, 35, col. 1209; S. II, 111, col. 1373.

4) Lettre M. 192, p. 135.

5) Lettre S. II, 10, col. 1144.

6) A ce moment, le fidèle courrier se rendit à Bonéta pour y remettre à Théodore des lettres de saint Joseph et du moine Anthos, Lettre M. 186, p. 158, et 187, p. 159.

7) Lettre M. 188, p. 169.

la lettre M. 188. Cela ne reporte-t-il pas sa composition bien après le 12 mars 817? La réponse n'est point douteuse. Or, l'higoumène de Grand Champ figure dans cette lettre parmi les supérieurs qui continuent toujours à combattre contre l'iconoclasme. C'est donc que saint Théophane vivait encore après le 12 mars 817.

Renseigné sur les sentiments de Rome à l'égard de l'hérésie, Théodore chargea le moine Euphémien, qui avait vu saint Pascal avec Denys ¹⁾, de retourner sur les bords du Tibre et d'y porter une lettre au pape ²⁾, une autre à l'archimandrite Basile, supérieur du couvent Saint Sabas de Rome ³⁾, une troisième à l'évêque Jean de Monembasie et à l'higoumène Méthode de Khénolakkos, iconophiles orientaux réfugiés dans la ville éternelle ⁴⁾. Quelques mois plus tard, probablement en 818, Théodore confiait une mission toute pareille au moine Epiphane, déjà connu à Rome ⁵⁾, où la seconde tragédie moechienne l'avait amené deux fois ⁶⁾. Epiphane devait remettre au pontife romain une seconde lettre de Théodore. Qu'il ait réellement accompli le voyage projeté, ou que son incarcération imprévue à Constantinople ⁷⁾ ait forcé de lui substituer un autre courrier, il n'en reste pas moins que le Studite écrivit deux lettres à saint Pascal. Or ces deux lettres ne sont pas signées que de lui. Avant *Théodore de Stoudion*, l'en-tête de la première inscrit *Jean de Cathares, Théodore de Picridion, Athanase de Paulopétrion et Jean d'Eukairia* ⁸⁾. L'en-tête de la seconde porte les mêmes indications, sauf que le nom de *Jean d'Eukairia* n'y figure plus ⁹⁾. Pourquoi? Parce que, dit Théodore à son courrier ¹⁰⁾, Jean d'Eukairia s'était laissé gagner au parti des iconoclastes. Retournons maintenant à cette liste dressée par Théodore des higoumènes iconophiles restés invincibles. Qui y trouvons-nous? Jean de Cathares, Théodore de Picridion, Athanase de Paulopétrion, Théophane du Champ, Hilarion de Dalmate et Macaire de Pélécète ¹¹⁾. A la simple vue de

1) Lettre M. 192, p. 165.

2) Lettre S. II, 12, col. 1152.

3) Lettre M. 192, p. 164.

4) Lettre M. 193, p. 166. Ce Méthode devait gouverner l'Eglise de Constantinople sous l'impératrice Théodora, de 843 à 847.

5) Lettre S. II, 35, col. 1209.

6) Lettre S. I, 33, col. 1017; 34, col. 1028; 35, col. 1028.

7) Lettre M. 277, p. 222.

8) Lettre S. II, 12, col. 1152.

9) Lettre S. II, 13, col. 1153.

10) Lettre S. II, 35, col. 1209.

11) Lettre M. 188, p. 160.

cette liste une réflexion s'impose, c'est qu'elle débute en reproduisant, et cela dans le même ordre, le nom des higoumènes signataires des lettres au pape. Mais Jean d'Eukairia, signataire de la première lettre à saint Pascal, n'est point mentionné. Jean d'Eukairia avait donc cessé à ce moment-là d'être iconophile. D'où il suit que la liste des supérieurs fidèles a été dressée quelque temps après la première lettre à saint Pascal. Cela revient à dire qu'elle est assez postérieure au 12 mars 817. Or, comme il est aisé de le constater, Théophane du Champ y figure parmi les héros vivants de l'iconophilie. C'est donc, je voulais simplement en venir là, que Théophane n'était point mort le 12 mars 817.

Et voilà rejetés tous les 12 mars du règne de Léon, sauf le seul 12 mars de l'année 818. Concluons-en, jusqu'à preuve du contraire, que l'higoumène Théophane de Grand Champ rendit son âme à Dieu le 12 mars 818.

XIV.

Cette date mortuaire si péniblement conquise va nous permettre de reconstituer avec moins de peine le rôle que Théophane joua vis-à-vis de Léon l'Isaurien et de son hérésie, de reconstituer ce rôle, non pas dans tous ses détails, car il resté encore beaucoup de points obscurs, mais du moins dans ses grandes lignes.

A la nouvelle des premiers éclats iconoclastes, tous les higoumènes de Bithynie à qui leur santé permettait ce voyage s'étaient empressés d'accourir dans les murs de la capitale. Le 1er avril 815, ils virent l'empereur sanctifier la fête de Pâques en asseyant Théodote Cassiteras, fils du patrice Michel Méliissène, sur le siège que la violence venait d'arracher à saint Nicéphore. Un synode suivit cette intrusion auquel ils furent convoqués. Quelques-uns d'entre eux seulement refusèrent d'y trahir l'orthodoxie. Les autres, plus fidèles aux traditions de Byzance, n'éprouvèrent aucune peine à y déclarer que la seule foi de l'Eglise était évidemment l'opinion du prince. Celui-ci, content de cette facile victoire, chercha d'abord à gagner les récalcitrants par la douceur. Puis, sans doute pour couper court à leur propagande iconophile et peut-être aussi pour ménager à leur esprit ce calme de la retraite absolue si propice aux sages réflexions, il les enferma dans les prisons de Constantinople.

Plusieurs mois se passèrent sans les amener à résipiscence. Alors, impuissant à briser tant de résistance, Léon voulut s'en venger. En janvier 816, voyant les jours très courts et la saison mauvaise, il fit jeter les confesseurs sur tous les chemins de l'exil et ordonna de les conduire à marches forcées dans les forts les plus lointains de l'Asie. Saint Nicéas le Médikiote, dont la Vie nous fournit ces précieux renseignements¹⁾, fut mené en sept jours de Constantinople à Masalaion.

Mais que gagnait l'iconoclasme à tenir tant de moines vénérables dans les fers? Les fers, cela c'était bon pour les irréductibles, pour un Théodore de Stoudion par exemple; mais les autres, ne valait-il pas mieux chercher encore à les conquérir par les flatteries et par les promesses? L'Arménien jugea bon de tenter un nouvel effort dans ce sens, et les higoumènes à peine arrivés dans l'exil en furent aussitôt rappelés²⁾. Mais à recourir une seconde fois au régime de la douceur, l'empereur voulut sans doute appliquer son expérience sur une grande échelle. Aux higoumènes qui avaient déjà goûté de la prison, il dut ajouter les supérieurs iconophiles qui étaient restés jusque-là dans leurs monastères, indemnes de la persécution, et c'est alors, à la fin de janvier ou au commencement de février 816, que Théophane de Grand Champ reçut vraisemblablement une invitation à venir dans la capitale.

Syméon Métaphraste, ou du moins l'anonyme que nous appelons ainsi, raconte ce dernier événement d'une manière assez peu vraisemblable. D'après lui, tout aurait commencé par une lettre de Léon sollicitant le saint de souscrire à l'iconoclasme et par une réponse du saint réfutant vigoureusement l'hérésie. Au reçu de cette réponse, dont on peut voir le texte dans les actes³⁾, l'empereur aurait fait incendier Grand Champ, fouetter les moines, disperser la communauté, amener Théophane chargé de fers à Constantinople. Les autres biographes, nous l'avons vu, racontent la chose plus simplement. Théophane, disent-ils d'un commun accord, fut mandé dans la capitale soi-disant pour intéresser le ciel aux préparatifs d'une expédition projetée contre les barbares. Et ce récit mérite plus de confiance. En tout cas, le supérieur sigrianais se trouvait sous la main de l'empereur dès février 816, prêt à partager le sort des higoumènes rappelés de l'exil.

1) Théostéricte, Vita S. Nicetae, n° 37 et 38, Acta Sanctorum, aprilis I, p. XXIV et XXV.

2) Nicéas ne passa que cinq jours à Masalaion.

3) Op. cit., n° 16, col. 25.

Византизмъ Временныя.

Pour ceux-ci, les huit ou dix semaines qui suivirent leur retour furent, dit l'hagiographe Théostérict¹⁾, un temps de relâche. Sans avoir à souffrir autre chose que la perte de leur liberté et les angoisses de l'attente, ils purent terminer l'hiver, passer le Carême et célébrer les Pâques. Mais après cette fête qui tomba le 20 avril, Léon l'Isaurien prit enfin une résolution. Au monastère des saints Serge et Bacchus, près de ce palais d'Hormisdas habité par Justinien avant son avènement, et de cette église des saints Pierre et Paul plus spécialement affectée aux membres du clergé romain de passage à Constantinople, gouvernait un adversaire acharné des images, esprit fourbe et souple et fertile en ressources, le trop fameux Jean Morokharzanos, surnommé Grammaticos et Devin ou Sorcier, celui-là même qui devait occuper le trône patriarcal de 832 à 842 ou 843, et que les iconophiles contemporains appellent presque toujours Iannis. Léon livra les higoumènes à cet homme avec mission de les séduire et de les corrompre²⁾. Secondés par l'économe Joseph, principal objet des querelles moechiennes, les efforts et l'habileté de Iannis produisirent les résultats espérés. Dès la fin de l'été 816, les supérieurs de Photéiondion, d'Hérakleion, de Médikion, de Mylion, d'Hypolikhnion, de Goulaion et de Phlouboutos avaient capitulé³⁾. Plusieurs d'entre eux, il est vrai, chutèrent par surprise, sans jeter l'anathème aux images, simplement en acceptant la communion du patriarche intrus, et leur repentir, comme il arriva surtout pour saint Nicéas de Médikion, ne tarda pas à réparer leur faute. Mais d'autres, plus intrépides ou plus clairvoyants, échappèrent à toute surprise. Avec saint Hilarion de Dalmate⁴⁾ et saint Macaire de Pélécète⁵⁾, notre saint Théophane de Grand Champ fut de ceux-là.

Théophane, quoi que puisse en dire le Métaphraste⁶⁾, n'avait pas eu, pas plus d'ailleurs que son confrère de Pélécète⁷⁾, à comparaître devant l'empereur. Depuis les conférences du début où les iconophiles s'étaient si bien permis de rétorquer tous ses arguments, le théolo-

1) Vita S. Nicetae, n° 39, p. XXVI.

2) Lettre M. 79, p. 67.

3) Lettre S. II, 9, col. 1140.

4) Lettres M. 140, p. 125; 188, p. 160; 205, p. 177.

5) Sabas, Vita S. Macarii, n° 11, Analecta Bollandiana, XVI, p. 154; Lettre M 188, p. 160.

6) Op. cit., n° 18, col. 29.

7) Sabas, op. cit., n° 10, p. 154.

gastre impérial préférait faire de la théologie à distance, sans aucun de ces tête à tête où ses contradicteurs le mettaient si facilement au pied du mur tout en lui déclarant que les questions dogmatiques ne le regardaient pas. Donc, l'empereur ne discuta avec l'higoumène de Grand Champ que par l'intermédiaire, d'abord d'un officier, ensuite de Iannis. Celui-ci travaillait ses prisonniers un à un, les tenant enfermés aux quatre coins de son monastère, sans relations entre eux. Il ne tarda pas, habitué aux hommes et aux choses, à comprendre l'inutilité de ses efforts vis-à-vis de Théophane. Aussi, un beau jour, s'en fut-il confié à son maître qu'il désespérait de conquérir le Sigrianais. Pareille déclaration conduisait immanquablement celui qui en était l'objet au fond d'un cachot très dur ou dans d'exil. Théophane, arraché du couvent des saints Serge et Bacchus, fut porté au sud-est de la ville, sur la côte de la Propontide, et jeté dans un réduit obscur au-dessous du palais d'Eleuthère¹⁾.

D'après ses biographes, Théophane habita cette affreuse prison durant deux ans. S'il en était réellement ainsi, il faudrait dire que la persécution atteignit l'higoumène peu après les Pâques de 815 et que son passage par les mains de Iannis fut antérieur au passage par les mêmes mains de saint Nicétas le Médikiote et de ses compagnons. La chose, il est vrai, n'est pas impossible en soi, car rien n'empêche Iannis d'avoir joué son rôle de tentateur à plusieurs reprises et durant de longues années. C'est, en effet, à lui, semble-t-il, que l'économe Naukrace, jusque là relégué à Saccoudion, fut livré vers 818²⁾. Mais, bien que possible à la rigueur, cette marche des événements me paraît moins probable. Si je ne me trompe, ou bien les deux années d'incarcération au palais d'Eleuthère doivent s'entendre d'années incomplètes, ou bien les biographes du saint ont pris pour la durée de son emprisonnement dans ce seul cachot ce qui fut en réalité la durée de tout son séjour forcé à Constantinople. C'est, de même, le temps écoulé entre l'appel de Sigriane et le départ pour Samothrace que saint Théodore Studite indique comme supérieur à deux ans³⁾.

Pas un contemporain ne s'intéressa plus que Théodore Studite aux faits et gestes de cette époque et ne les suivit de plus près. Son at-

1) Anonyme A, op. cit., p. 52; Anonyme B, op. cit., p. 397; Nicéph. le Blakh., op. cit., p. 40.

2) Lettre S. II, 86, col. 1212.

3) Lettre S. II, 29, col. 1200.

tention, comme de juste, se porta d'une manière toute spéciale sur le supérieur de Grand Champ. Ce Théophane, qui lui tenait par des liens spirituels si intimes, n'allait-il pas se mettre, comme au temps du Moechianisme, dans le camp opposé au sien? Quelle joie pour Théodore quand il apprit de son exil l'emprisonnement et la constance de l'higoumène sigrianais! Charger un de ses courriers de se glisser dans le monastère des saints Serge et Bacchus et d'y remettre une lettre au vénérable captif fut son premier soin. Cette lettre¹⁾ était ainsi conçue:

«J'ai appris tardivement, mais enfin j'ai appris que vous avez été empoigné par ces judaïsants et pseudochrétiens, ô père très illustre. Comment n'ont-ils pas rougi de porter la main sur un homme de Dieu, sur un personnage vénérable, sur un corps brisé par une vie religieuse de tant d'années et par une maladie excessivement douloureuse! Ayant porté la main sur le Christ, ayant outragé et persécuté le Christ lui-même, ils ne reculent plus devant aucun forfait. Mais grâces soient à Dieu pour ses dons indicibles! Vous, dont le corps est malade à mourir, il vous a gratifié d'une force d'âme supérieure à celle de beaucoup de gens bien portants, et vous êtes devenu le héraut de la vérité, et vous avez repris avec vaillance les discours hérétiques, et vous êtes resté perpétuellement inébranlable dans la confession du Christ. Voilà qui couronne vos labeurs ascétiques! Voilà qui met le comble à vos connaissances dans la science divine! Vous avez réjoui Dieu qui vous aime; vous avez charmé les anges qui contemplent votre admirable vie; vous avez posé sur votre tête le diadème de la confession; pour l'Eglise et pour moi, qui suis votre pauvre et misérable fils, vous êtes devenu une colonne de salut. Soyez donc heureux; réjouissez-vous à la pensée et dans l'espérance des récompenses éternelles! Priez aussi pour que je marche à votre suite, moi le dernier de vos enfants, et veuillez saluer de ma part celui qui est tout ensemble votre très saint compagnon de lutte et mon père, je veux dire l'exarque».

Le personnage mentionné à la fin de cette lettre n'est autre, à mon avis, que saint Hilarion le Jeune. Celui-ci, par le fait même qu'il gouvernait le couvent de Dalmate, était *l'exarque* des monastères de Constantinople. Ajoutez, pour confirmer l'identification, que saint Théodore s'intéressait beaucoup à lui et qu'il lui écrivit au moins une

1) Lettre M. 140, p. 124.

fois¹⁾. Ajoutez aussi qu'Hilarion, au témoignage d'autres documents, fut bien interné au couvent des saints Serge et Bacchus comme Théophane. L'empereur, dit sa notice²⁾, le livra au *patriarche*, et par ce mot de patriarche il faut entendre, non pas comme on l'a fait quelquefois³⁾, Théodote Méliissène Kassitéras alors en fonctions et par suite peu désigné pour le rôle de geôlier et même de bourreau, mais bien Iannis qui monta sur le siège patriarcal une quinzaine d'années plus tard.

En mettant dans sa lettre à Théophane un salut pour Hilarion, Théodore n'ignorait pas que les deux prisonniers du monastère des saints Serge et Bacchus étaient tenus à l'écart d'un de l'autre; mais il comptait que les deux higoumènes parviendraient, comme il y parvenait lui-même, à tromper la vigilance de leurs gardiens et à communiquer ensemble, sinon directement, du moins par l'intermédiaire de certains moines auxquels on permettait encore de les approcher.

Il suit de là que Théophane ne se trouvait pas encore au palais d'Eleuthère, quand le Studite lui écrivit sa première lettre. S'y trouvait-il déjà quand il lui écrivit la seconde? Ce dernier témoin des relations épistolaires entretenu par nos deux saints s'exprime ainsi⁴⁾.

«C'est un plaisir pour le fils de parler à son père comme aussi pour le père de parler à son fils: d'où cette nouvelle lettre. Car je suis votre enfant dans le Seigneur, mais hélas! pourquoi faut-il que je sois si au-dessous des vertus paternelles! Il n'empêche que les souffrances de votre martyrte font ma gloire. Souffrir dans la vieillesse, avec les affreuses douleurs d'un mal qui vous cloue au lit et dont les atroces tortures sont toujours sur le point de vous tuer, souffrir ainsi, être arraché de son vénérable monastère, être séparé de sa sainte communauté, être enfermé en prison, être privé de tous les soins nécessaires, et ne fléchir devant aucune de ces souffrances par amour du Christ, mais résister, mais confesser sa foi, mais répondre vaillamment à toutes les questions, cela c'est avoir la couronne du martyrte, ô bienheureux père. Quelle immensité de gloire pour vous! que de victoires pour vos combats! Car Dieu et les gens de bien vous comptent comme volontaires, à cause du témoignage que vous rendez au Christ, même les

1) Lettre M. 19, p. 18.

2) Acta Sanctorum, junii I, 747.

3) Nicodème, Συναξαριστής III, p. 85; K. Doukakia, Μέγας Συναξαριστής VI, p. 58.

4) Lettre M. 205, p. 176.

souffrances involontaires infligées par votre infirmité. Vous avez soutenu les orthodoxes; vous avez confondu nos adversaires et aussi, je l'ajouterai, ceux des nôtres qui, cherchant des prétextes à faire le mal, mettent en avant soit la maladie soit toute autre excuse. Mais que le Christ, initiateur de votre martyre, en soit aussi le consommateur! Vous, de votre part, formulez ce même souhait pour moi, votre enfant. Si mon père l'exarque est à vos côtés, je lui présente mes humbles saluts».

Ici, on le voit, Théodore ne paraît plus très sûr que Théophane et Hilarion habitent encore dans la même enceinte. De fait, à la date de cette seconde lettre, c'est-à-dire en 817, les deux illustres confesseurs ne devaient plus se trouver entre les mains de Iannis. Déjà, sans doute, saint Théophane languissait sous le palais d'Eleuthère et saint Hilarion se trouvait très probablement dans le monastère du Phoneus, sur la rive européenne du moyen Bosphore, peut-être même dans celui du Kyklobion, au coin sud-ouest de Constantinople. Ce dernier couvent, il est vrai, s'élevait tout proche du quartier éleuthérien, et deux hommes de confiance admis auprès des deux higoumènes captifs, l'un auprès de l'un, l'autre auprès de l'autre, avaient toute facilité pour servir d'intermédiaires discrets à leurs relations. En allait-il vraiment ainsi? Peut-être. Et peut-être saint Théodore, d'ordinaire si bien informé, connaissait-il très exactement cet état des choses, et peut-être sa phrase *Si mon père l'exarque est à vos côtés* doit-elle s'expliquer dans ce sens plus large.

XV.

Quoi qu'il en soit de ces hypothèses, l'heure approchait où l'higoumène de Grand Champ, conformément au vœu du Studite, allait consommer son martyre. C'était un des derniers jours de 817 ou un des premiers de 818; le moine laissé auprès de Théophane cherchait à encourager son maître. «Sans doute qu'elle s'amollira, lui disait-il ¹⁾, la dureté de Léon. Oui, père, en considération de votre maladie et de votre long emprisonnement, il vous enverra dans votre monastère pour que vous y mourriez en paix.» Mais lui de répondre: «Non, mon enfant, non, tu ne verras jamais cela. L'empereur va m'envoyer dans une île

1) Anonyme B, op. cit., p. 897.

rude et point du tout faite pour me soulager. Là nous logerons chez un vieillard, et c'est là que je mourrai, et c'est de là que j'irai vers l'objet de mes désirs, vers le Christ Roi». Quelques jours plus tard, vers le 15 février 818, un ordre impérial reléguait Théophane à Samothrace ¹⁾.

Pourquoi cette sentence d'exil portée en plein hiver contre un moribond? C'est que, sans doute, apprenant l'état désespéré de l'higoumène captif, Léon préféra que sa mort survint sans bruit au fond d'une île solitaire plutôt qu'aux portes mêmes de la capitale. Peut-être aussi quelque incident inconnu de nous était-il venu surexciter juste à ce moment l'irascible caractère du violent Arménien.

Le départ de Constantinople fut-il précédé d'une flagellation? Théodore ascretis nous montre le saint tout ensanglanté, tout couvert des blessures dont les fouets avaient sillonné son corps ²⁾. Syméon Métaphraste, d'accord avec lui pour le fond, remplace les verges par des nerfs de bœuf et déclare que le pauvre higoumène en reçut 300 coups ³⁾. Ces deux auteurs sont-ils dans le vrai? Le silence des autres sources, plus anciennes ou plus sûres, semble plutôt indiquer le contraire.

A Samothrace, Théophane reçut l'hospitalité qu'il avait prédite et se prépara joyeusement à la mort. Celle-ci le frappa vingt-trois jours après son arrivée, le 12 mars. Que pouvait-il arriver de mieux au patient confesseur que la maladie et la persécution torturaient depuis si longtemps?

Lorsqu'il se coucha ainsi dans la tombe, l'higoumène de Grand Champ avait 58 ans à peine. Au premier abord, l'insistance avec laquelle Théodore parle de lui comme d'un vieillard donnerait à penser qu'il mourut beaucoup plus avancé en âge. Mais nous ne devons pas nous laisser induire en erreur par les expressions du Studite. Celui-ci, né quelques mois seulement avant le Sigrianais, ne fait-il pas lui-même allusion à sa propre vieillesse dans une lettre ⁴⁾ antérieure à 819? Avant de mourir à 67 ans ne se présente-t-il pas lui-même ⁵⁾ comme un vieillard? D'ailleurs, Théophane était dans une situation toute spé-

1) Anonyme A, op. cit., p. 52; Anonyme B, op. cit., p. 397, et toutes les autres vies du saint, ainsi que des documents étrangers, par exemple les Acta ss. Davidis, Symeonis et Georgii, № 16, dans les Analecta Bollandiana, XVIII, 229.

2) Op. cit., p. 616.

3) Op. cit., № 18, col. 29.

4) Lettre M. 146, p. 129.

5) Lettre S. II, 214, col. 1645.

ciale pour ne pas rester jeune aussi longtemps que d'autres: malade comme il l'était depuis sa cinquantième année, les souffrances n'avaient pu manquer de le casser avant l'âge et de le vieillir très précocement.

L'exil à Samothrace et la mort furent vite connus de saint Théodore. Lui, heureux d'une fin comparable en tout à celle des martyrs, s'empressa d'en remercier le ciel et de s'en réjouir avec ses correspondants les plus sûrs.

A saint Nicétas, higoumène de Médikion, il écrivit ¹⁾:

« . . . Vous n'ignorez sans doute point le départ vers le Seigneur de Théophane le bien nommé, père d'un très grand nombre de personnes et mon sacré parrain à moi-même. Ce bienheureux, après de brillantes victoires dans la carrière ascétique, a mérité pour la fin de sa vie le meilleur des couronnements, la confession du Christ, et cela, malgré les ennuis et les souffrances d'une si horrible infirmité. Avec son corps de vieillard, il a combattu comme avec un corps de jeune homme. Il est devenu pour ceux qui restent debout un soutien et une sécurité, un reproche pour ceux qui cherchent des prétextes à faire le mal. Que ses prières et les vôtres, mes pères, m'obtiennent aussi le salut à moi pécheur! . . . »

A saint Joseph de Thessalonique, son frère, Théodore écrivit ²⁾:

« . . . Il s'en est allé mon parrain de vie religieuse. L'homme excellent a remporté le prix de la confession au milieu de cette insupportable maladie qui l'empêchait même de se retourner sur son lit. Et comment? Il a résisté; on l'a saisi, puis emprisonné, puis exilé; il a consommé son martyre dans l'exil. Ainsi Dieu n'a point dédaigné les grandes œuvres que vous savez de son obéissance monastique, bien qu'il eût, à cause de mes péchés, fait cause commune avec les Mœchiens. Ceci par ménagement du corps et non par assentissement de l'esprit, comme les événements l'ont bien montré. Aussi, détaché par Dieu de cette bande ³⁾, a-t-il transformé sa défaite en victoire. Il en va de même pour l'higoumène de Médikion et pour l'évêque de Nicée, ainsi que me l'affirment des lettres d'eux. Mais pourquoi nommer celui-ci et celui-là? Je crois que tous ceux de la résistance partagent les

1) Lettre M. 224, p. 191.

2) Lettre S. II, 81, col. 1207.

3) Cette bande, appelée ici συμμορία, ailleurs κουστωδία, lettre S. II, 9, col. 1140, est ce groupe de gens d'Eglise parmi lesquels l'économe Joseph, que l'higoumène studite trouva au premier rang des Mœchiens sous Nicéphore Ier et qu'il vit, sauf quelques exceptions, fléchir devant l'iconoclasme sous Léon V.

mêmes sentiments. Lui-même notre véritable patriarche en est à confesser la vérité: je le tiens de quelqu'un qui l'a entendu de ses oreilles louer notre opposition d'alors ¹⁾. En parlant ainsi, j'ai voulu tout ensemble et décerner au défunt l'éloge qu'il mérite et donner à Votre Sainteté les nouvelles que je lui dois . . . »

Dans une lettre portée au moine Athanase par le même courrier qui remit la précédente à Joseph, saint Théodore inséra la phrase suivante ²⁾:

« . . . Mon père spirituel est mort, ainsi que tu me l'as écrit. Lis ma lettre à l'archevêque et tu y verras combien je l'ai pleuré . . . »

Mais où le grand Studite parla tout au long de saint Théophane, ce fut dans sa lettre aux deux religieuses Mégalo et Marie. Marie était la parente de Mégalo et Mégalo, nous le savons, était elle-même la virginale épouse de l'higoumène sigrianais. Toutes deux, à la mort de celui-ci, avaient eu à cœur d'en informer saint Théodore. D'où la réponse que voici ³⁾:

« Votre lettre est précieuse et votre salutation bien avisée; mais la nouvelle que vous m'annoncez, comment l'appellerai-je? triste ou joyeuse?

« Il s'en est allé, mon père, ce confesseur du Christ, cet autre Job, cet honneur des moines, cet ouvrier de l'amour, cet homme chéri de tous, cet homme de Dieu, cet œil plein de larmes, cet esprit épris de savoir, cette âme enrichie de science divine, ce prodige d'humilité, ce trésor d'intelligence, lui si en vue dans le siècle et si éminent dans le cloître, lui que l'amour de Dieu captiva et que saisit la haine du monde, lui qui sacrifia gaîement au Christ toute son immense fortune, qui se détacha d'une femme illustre, de ses parents, de ses amis, de ses familiers, qui abandonna ses dignités terrestres, sa maison, sa cité, sa patrie, et cela dans la fleur de ses années, beau de visage, haut de taille, robuste de corps, distingué de manières, bien doué au physique et au moral... Mais on aurait beau ajouter à ces paroles, on resterait toujours au-dessous de sa vertu. Donc, il est parti, il est monté vers Dieu. Où? Comment? Arraché de son monastère, porté à cause de sa douloureuse maladie, emprisonné à Constantinople durant deux ans et

1) Il s'agit ici de l'opposition faite à saint Nicéphore par l'higoumène Studite au sujet de l'indulgence trop grande dont l'économe Joseph avait été l'objet.

2) Lettre M. 236, p. 199.

3) Lettre S. II, 31, col. 1201.

plus, exilé dans une île, c'est là qu'il a terminé sa carrière en confesseur de la foi pour le Christ.

«Aussi n'est ce point du chagrin que j'éprouve, mais une très vive allégresse. Lui n'est point mort, il est passé dans la vie éternelle. La terre ne l'a point recouvert, le ciel l'a reçu. Accueilli par le chœur des confesseurs de la foi et la communauté des ascètes, il est là où brille la lumière véritable, se reposant au sein du bonheur des fatigues et des peines que son corps a supportées dans l'ascèse et la confession de la foi. Aujourd'hui pour moi c'est un jour de fête, de triomphe, de jubilation, et non seulement pour moi, mais pour tous les orthodoxes, car les orthodoxes ont député un protecteur vers Dieu en la personne de ce moderne émule des anciens martyrs. Que l'Eglise exulte! elle possède encore des colonnes. Que la phalange sacrée tressaille! des astres se lèvent de nouveau sur le monde pour illuminer les ténèbres de l'hérésie.

«Oh! père! père! qu'elle a été belle ta carrière! qu'elle est vénérée ta mémoire! qu'il est doux ton souvenir! Tu étais tout radieux, tout souriant. Qui t'a vu et ne t'a pas aimé? qui t'a rencontré et ne s'est pas réjoui? Vivre avec toi était à souhait; ta vertu était pleine d'enseignements.

«Quoi de plus? Souviens-toi de ton troupeau spirituel et de moi aussi qui suis ton fils, quoique le dernier et le plus infime de tous. Tu sais ton amour pour moi, comme moi mon amour pour toi. Elève ta voix en faveur de toute l'Eglise vers le Seigneur et prie pour moi, pauvre misérable, afin que je te rejoigne bientôt en faisant la mort que tu as faite.

«Voilà comment je m'adresse à notre commun père. Quant à vous, je vous en supplie, ne trahissez point la foi. Vivez saintement, puisque toutes deux, quoique à un titre différent, vous appartenez à ce saint, vous, sa femme, et vous, la parente de sa femme. Vivez saintement et parvenez ainsi à jouir de la gloire éternelle avec lui».

Tel est, en son entier, le panégyrique de Théophane par Théodore. Où trouver, dans les biographies, un éloge du saint comparable à cet éloge écrit par un autre saint à la première nouvelle de sa mort et pour des personnes qui lui tenaient de si près? Tombé d'une pareille plume, composé à pareille date, envoyé à pareilles destinataires, il méritait bien d'être cité intégralement. Il le méritait aussi par la manière vraiment merveilleuse dont s'y trouve confirmé le récit que les hagio-

graphes nous ont laissé des dernières années de Théophane. Le lecteur, au surplus, ne regrettera sans doute point d'avoir pu constater par lui-même combien cette lettre et les fragments des lettres précédentes s'appliquent de toute nécessité à l'higoumène de Grand Champ. Douter de leur application lui était possible avant de les avoir lus, mais point maintenant qu'il les a eus sous les yeux.

Saint Théodore Studite, qui écrivait de la sorte sur la mort de Théophane, était destiné à lui survivre huit ans et huit mois. Rappelé de Smyrne en janvier 821, il vit le patriarche Nicéphore dans son monastère de saint Théodore martyr près de Chrysopolis et s'employa, mais en vain, de concert avec les autres iconophiles à glisser des idées orthodoxes dans l'esprit de Michel II le Bègue. Le port de Crescent, sur le golfe de Nicomédie, lui offrit un asile durant quelques mois, et Constantinople durant les deux longues années où le rebelle Thomas fut maître de la Bithynie. Mais l'higoumène Studite, même à ce moment, ne fut jamais autorisé à réintégrer les murs du Stoudion. Aussi la troisième période de son séjour forcé hors de son monastère se poursuivit-elle sans discontinuer d'avril 815 jusqu'à sa mort. Sa mort survint la douzième année de ce troisième exil ¹⁾, le 11 novembre 826, au cap Acritas où Michel II lui avait permis de se retirer, une fois Thomas vaincu et tué.

XVI.

Théophane et Théodore, si l'on compare la fin de leur vie, ont cela de commun qu'ils furent tous les deux chassés de leur monastère et tous les deux emprisonnés pour la même cause, celle des images. Ils ont cela de commun aussi qu'ils moururent tous deux en exil et qu'ils reçurent tous deux les honneurs de la sépulture dans une île, Théophane à Samothrace et Théodore à Prinkipo. Ils ont cela de commun encore qu'ils finirent tous les deux par revenir après leur mort au milieu de leurs disciples au Grand Champ et à Stoudion.

J'ai dit que Théodore fut enseveli à Prinkipo. Son corps, d'après l'encyclicque de Naucraces ²⁾, reposa au moins quelques jours à l'endroit

1) Ainsi parle le biographe Michel, op. cit., № 64, p. 321. Où l'on voit que, dans son calcul des exils, M. Tougard, *La persécution iconoclaste*, p. 6, n'aurait pas dû oublier celui de 797, ni fixer le deuxième de 814 à 821 et le troisième de 824 à 826. D'ailleurs, la date 814 est à remplacer par 815. De même l'année 807, donnée comme point de départ de l'exil subi sous le règne de Nicéphore, doit céder la place à 809.

2) Migne, P. G., XCIX, 1848.

même de son trépas; mais ce fut bien Prinkipo, cette perle de l'archipel des Princes, qui le reçut bientôt pour le garder pendant 18 ans. Sa translation dernière et son entrée au Stoudion eut lieu sous le patriarcat de saint Méthode et la régence de Théodora, le 26 janvier 844 ¹⁾.

Quant au Grand Champ où le Chronographe trouva son tombeau définitif, c'est bien, ainsi que je viens de l'écrire, son monastère sigrianais.

En 1893, M. B. Mystakidès croyait ce Grand Champ à Samothrace même. Passant par l'île au mois de juillet, il engagea fort un de ses amis insulaires, M. N. Phardès, à l'y rechercher. Celui-ci eut vite fait de découvrir trois points rappelant assez Μέγας Ἀγρός, rappelant assez *Grand Champ*. Il découvrit le Χωράφι, c'est-à-dire le *Champ*; il découvrit les Μεγάλα Καμπιά, c'est-à-dire les *Grands Champs*; il découvrit la plaine τοῦ Μεγαλᾶ. Or, non loin de cette plaine dans une église S. Georges, un fragment de marbre gisait, avec une inscription fruste où se déchiffraient cinq ou six mots vagues. Ce fragment n'appartenait-il pas à la pierre tombale de l'illustre higoumène? On le pensa, un peu timidement, il est vrai, mais on le pensa. De là cet article sur «Le tombeau de saint Théophane de Sigriane à Samothrace» ²⁾, qui émotionna si fort et si mal à propos tous les amis du Chronographe.

Le château de cartes ainsi construit croûle de lui-même dès qu'on le met en présence des textes. Lorsque Léon l'Arménien eut disparu, écrivent les hagiographes, le corps de Théophane fut enlevé de Samothrace par ses disciples et déposé, en la fête de Noël ³⁾, à 12 milles de leur monastère ⁴⁾, dans la localité de Hiéreia ⁵⁾, où ils possédaient une propriété avec une église dédiée à saint Procope martyr ⁶⁾. Les reliques, prétend Nicéphore le Blakhernite ⁷⁾, restèrent là un an. C'est à Pâques, dit au contraire un biographe anonyme ⁸⁾, qu'on les transporta au monastère. Exposées à la vénération des fidèles, elles multiplièrent

1) Pour la date de cet événement, donnée différemment en beaucoup de livres, voir *Echos d'Orient*, IV, 169.

2) Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, XIV, 243.

3) Anonyme B, op. cit., 398.

4) Anonyme C, op. cit., 298; Nicéph. le Blakh., op. cit., 41.

5) Anonyme B, op. et loc. cit.; Nicéph. le Blakh., op. et loc. cit.

6) Anonyme C, op. et loc. cit.; Nicéph. le Blakh., op. cit., 44.

7) Op. et loc. cit.

8) Anonyme B, op. et loc. cit.

les miracles. Elles continuèrent à les multiplier, une fois déposées dans le tombeau que Théophane lui-même s'était préparé au côté droit de l'église de Grand Champ ¹⁾).

Ces précieux restes ne manquèrent pas d'attirer les pèlerins. Un d'entre eux nous est particulièrement connu: c'est l'ermite saint Joannice qui sanctifiait alors cette retraite du mont Olympe où il devait mourir le 3 novembre 846. En relatant cette visite, les deux biographes de l'anachorète désignent le monastère visité avec une remarquable précision: non contents de l'appeler couvent de Sigriane et d'Agros, ils lui donnent aussi le nom du Chronographe ²⁾, et ce nous est une preuve de la grande place que Théophane mort conserva parmi ses enfants.

Dirons-nous ici quelles furent les destinées postérieures du couvent sigrianais? Faute de renseignements nous ne pouvons le suivre à travers les âges. Il était du moins prospère et florissant à l'époque où le rédacteur de la vie métaphrastique tenait la plume ³⁾, et les empereurs avaient dès lors pris l'habitude d'y envoyer en disgrâce les fonctionnaires compromis.

Deux lettres du patriarche saint Nicolas ⁴⁾, alors exilé dans les murs de Galacrènes (906—911), nous y montrent l'ex-magistros Ignace revêtu du froc religieux. Une phrase de Constantin Porphyrogénète ⁵⁾ nous apprend que le magistros Léon Katakylas, écrivain de petit mérite, y mena de même la vie monastique sous le règne de Léon le Philosophe. Un mot de Georges Pachymère ⁶⁾ nous révèle que le fameux

1) Ibid. L'anonyme de M. Krumbacher semble dire, ainsi que l'a compris le savant éditeur, p. 379, que le monastère mentionné après Hiéreiā n'est point Agros et qu'Agros reçut Théophane par le fait d'une translation postérieure à celle de Pâques. Il me semble préférable de comprendre autrement. D'abord, on ne voit pas qu'il soit question ailleurs d'une triple translation. Ensuite, l'anonyme exclut lui-même l'idée de tout monastère étranger: s'il conduit les disciples du saint εἰς τὸ τῆς μονῆς κτῆμα à Noël et τῇ μονῇ à Pâques, avec l'article déterminé τῆς, τῇ, c'est qu'il entend désigner leur couvent à eux, et quel pourrait être leur couvent sinon celui d'Agros?

2) Pierre, Vita S. Joannicii, № 37, et Sabas, Vita S. Joannicii, № 30, dans les Acta Sanctorum, novembris II, p. 405 et 360. Une petite distraction a fait écrire en note, p. 406, que le sepulcrum S. Theophanis distabat duodecim stadiorum intervallo a monasterio sigriano. La distance indiquée est celle de Hiéreiā, mais Théophane ne se trouvait plus à Hiéreiā lors du pèlerinage de Joannice. En outre, le mot σημείον, traduit ici comme dans Goar par *stade*, doit l'être par *mille*.

3) Op. cit., № 12, col. 21.

4) Lettres 126 et 143 dans Migne, P. G., CXI, col. 344 et 369.

5) De Caerimoniis, lib. I, append., Migne, P. G., CXII, col. 845.

6) De Andronico Palaeologo, I, 8, Migne, P. G., CXLIV, col. 81.

Manuel Holobolos, si mal traité par Michel VIII Paléologue, dut se résigner à y vivre en moine sous le nom de Maxime, jusqu'au jour où la mort de ce prince survenue le 11 décembre 1282 vint lui permettre de retourner à Constantinople et d'y poursuivre son œuvre contre Rome et l'union ¹⁾).

J'ai signalé Ignace et Léon Katakylas comme deux personnages distincts. Peut-être faut-il les confondre en un seul. Dans cette hypothèse, laquelle n'a rien que de très hypothétique, Léon serait le nom mondain et Ignace le nom monastique de l'ex-magistros surnommé Katakylas. On sait, en effet, que les Orientaux changent presque toujours de nom en échangeant les livrées du monde pour celles du cloître, et l'on n'ignore pas que la pratique où ils sont de remplacer leur nom primitif par un nom de même initiale ne va pas sans souffrir d'assez nombreuses exceptions. Quoi qu'il en soit, il ne nous déplairait pas de savoir pour quel motif notre μάγιστρος ou nos μάγιστροι devinrent moines au Grand Champ. Les lettres de saint Nicolas à Ignace par leur teneur et la phrase du Porphyrogénète par son ton méprisant me donnent à penser que l'affaire de la tétragamie ne fut peut-être pas étrangère à leur disgrâce. Et alors, quelle ironie dans cette mesure de Léon le Sage envoyant au monastère sigrianais les adversaires de son mariage avec Zoé Carbonopsine, la parente de saint Théophane!

Un intérêt non moins considérable, quoique d'un ordre tout différent, s'attache au cas d'Holobolos. D'après une tradition locale, les ruines voisines de Kourchounlou seraient dues au *pape*. Mg^r. Nicodème de Cyzique, qui a relevé cette tradition, s'est cru le droit d'en conclure à la destruction probable de Grand Champ par les Croisés²⁾. Mais comment cela? Si Holobolos y traînait son froc en 1282, c'est que le monastère fonctionnait plus de 20 ans encore après la disparition de l'empire latin. Mg^r. de Cyzique s'est donc mépris. Ou bien les ruines de Kourchounlou ne représentent point Grand Champ, et alors l'emplacement de ce dernier est à chercher ailleurs dans les environs; ou bien la tradition populaire est fausse, et alors la destruction de Grand Champ doit être imputée à toute autre cause qu'au vandalisme des Croisés.

Que le couvent sigrianais fût encore debout après le passage des

1) Sur Holobolos on consultera avec fruit l'étude publiée par M. M. Treu dans la Byzantinische Zeitschrift, V, p. 538—559.

2) Ἀκολουθία τοῦ ἁγίου Αἰμιλιανοῦ, p. XXXVI.

Croisés et qu'il jouit même à cette époque d'une certaine prospérité, la preuve en est dans ce fait que l'empereur Michel VIII Paléologue, désireux de procurer quelques moyens de subsistance au patriarche Alexandre d'Alexandrie réfugié dans sa capitale, ne trouva rien de mieux à lui donner que Saint Michel de l'Anaple¹⁾ et Grand Champ²⁾. Alexandre d'Alexandrie fut troublé dans sa possession par son homonyme Alexandre de Constantinople qui occupa le siège oecuménique de 1289 à 1293 et de 1303, à 1311. Ce dernier lui arracha Grand Champ durant son premier patriarcat³⁾. Durant le second, il lui arracha et Saint Michel de l'Anaple et le monastère urbain du Christ Evergète accordé par Andronic II pour remplacer Grand Champ⁴⁾.

Tandis que le pauvre Alexandrin se voyait ainsi dépouillé, Cyzique et ses environs gémissaient en proie à tous les malheurs de la guerre. Les Turcs approchaient, et les mercenaires envoyés pour leur tenir tête ajoutaient à la désolation du pays. Serait-ce à ce moment-là, aux premiers mois de 1303, que le corps des Alains ou les troupes catalanes du vaillant Roger ruinèrent Grand Champ? La chose est possible, mais rien de plus⁵⁾. En tout cas, les aventuriers que les empereurs byzantins prenaient alors à leur solde n'ont rien de commun, il s'en faut, avec le pape de Rome et leurs méfaits ne sont pas imputables à ceux que Mg^r. Nicodème voudrait en charger.

XVII.

Si nous regrettons que le monastère de Théophane nous dérobe son histoire, nous avons à regretter aussi que la femme de Théophane nous cache la plus grande partie de sa vie. Les biographes se contentent presque tous de dire que l'existence de Mégalo dans le cloître fut, comme d'ailleurs dans le monde, celle d'une sainte. Syméon Méta-phraste plus explicite déclare qu'elle jouit du don des miracles et il ajoute: *Une partie de ses hauts faits se lit dans l'ouvrage que le patri-*

1) Sur le monastère St. Michel de l'Anaple voir mon article «Anaple et Sosthène» dans *Izvestia rousskago arkheologitcheakago Institouta v Konstantinopolié*, III (1898), p. 60—97.

2) G. Pachymère, De Andronico Palaeologo, III, 5, Migne, P. G., CXLIV, 224.

3) Ibid.

4) G. Pachymère, op. cit., III, 5, col. 224 et VII, 8, col. 636.

5) Cf. G. Schlumberger, *Expédition des Almugavars ou routiers catalans en Orient de l'an 1302 à l'an 1311*. Paris, 1902.

*arche Méthode a composé sur elle et sur Théophane*¹⁾. Il s'agit ici, très probablement, de cette biographie du Chronographe, précieuse à tous égards, dont un codex mutilé de la Bibliothèque synodale de Moscou renferme une petite moitié. De cette biographie découle, au sentiment si autorisé de M. Krumbacher²⁾, presque tout ce que nous possédons sur le fondateur de Grand Champ. Puisse bientôt l'œuvre de saint Méthode se retrouver complète en quelque autre manuscrit et ne pas rester inédite! En attendant, nos renseignements sur la pieuse vierge se réduisent à trois ou quatre mots dispersés de ci et de là.

Mégalo, en prenant le voile et le nom d'Irène, s'enferme à Prinkipo³⁾, île principale de ce gracieux archipel des Princes que la Propontide laisse émerger en face de Constantinople⁴⁾. Fiancée à 8 ans⁵⁾, mariée à 16, elle terminait à peine alors sa 19e année. Théophane la conduisit lui-même au couvent. Là, sur le seuil du cloître, en se quittant, les deux jeunes époux convinrent de ne plus se revoir qu'au ciel. Et de fait leur adieu fut bien pour ici-bas un éternel adieu: ils ne se revirent plus sur la terre. Quand le premier des deux mourut, quelque 37 ans s'étaient écoulés depuis leur séparation, et ils avaient toujours vécu l'un et l'autre sur cette petite mer de la Propontide si facile à franchir!

Irène resta toute sa vie à Prinkipo. Syméon Métaphraste affirme bien qu'elle habita l'île de Kalonymos⁶⁾; mais c'est là, si je ne me trompe, le résultat d'une confusion. Le Métaphraste qui ne signale point le séjour de Théophane dans cette même île de Kalonymos où les autres biographes le font vivre six ans, le Métaphraste a dû mettre sur le compte de la femme ce qui revenait au mari. Dans tous les cas, un auteur plus digne de foi le contredit absolument. Irène, écrit cet hagiographe⁷⁾, demeura au monastère de Prinkipo jusqu'à sa mort.

Théodore Studite fut prisonnier durant de longs mois près de ce couvent. C'est, en effet, l'archipel des Princes⁸⁾ qui fournit une geôle

1) Op. cit., n. 11, col. 21.

2) Eine neue Vita des Theophanes Confessor, p. 383.

3) Anonyme B, op. cit., p. 392; Nicéph. le Blakh., op. cit., p. 28.

4) Pour plus de détails sur cet archipel, voir G. Schlumberger, Les îles des Princes.

5) Anonyme B, op. cit., p. 390.

6) Op. et loc. cit.

7) Anonyme C, op. cit., p. 291.

8) Michel, op. cit., n. 27, col. 269; Ps.-Michel, op. cit., n. 48, col. 160.

aux Studites en janvier 809. Théodore fut incarcéré à Khalki¹⁾, son oncle Platon à Oxia²⁾, son frère Joseph dans un des autres flots³⁾. Toutefois, bien que Khalki et Prinkipo se touchent, on peut supposer sans crainte, étant donné les circonstances, que Théodore n'entretenait pas beaucoup de relations avec Irène à ce moment-là. Ces deux âmes eurent-elles des relations plus étroites en temps de paix? Si le peu de distance qui sépare Constantinople de Prinkipo permet de le croire, aucun texte n'est là pour nous en assurer.

Il nous est, par contre, resté des preuves des relations épistolaires entretenues entre l'higoumène et la vierge quelques années plus tard. Durant la période iconoclaste, en effet, le supérieur de Stoudion, alors dans l'exil, parut à Irène et à sa parente Marie, religieuse sous le même toit, l'homme le plus à même de leur donner de sages conseils. Elles s'adressèrent à lui par lettre. En leur répondant⁴⁾, Théodore les félicita bien haut de n'avoir point communiqué avec l'hérésie et il leur traça, selon le désir exprimé, la meilleure ligne de conduite à suivre.

Cette lettre appartient, je crois, à l'année 817. Peu de mois après, Théophane rendait le dernier soupir, sa veuve en informait le Studite, et celui-ci répondait par le panégyrique dont j'ai déjà donné plus haut la traduction.

On ignore le nombre d'années qu'Irène et Marie survécurent au Chronographe. En 821, durant les grandes chaleurs⁵⁾, chassé du port de Crescent par la révolte de Thomas⁶⁾ et la marche en avant de ses bataillons plus ou moins barbares⁷⁾, Théodore Studite débarquait à Prinkipo. Là, il eut un entretien avec des religieuses, mais un entretien rapide, car il avait hâte de se trouver auprès de son frère malade. Saint Joseph vu, l'higoumène reporta sa pensée sur les religieuses et

1) S. Théod. Stud., Iambi 98—101, col. 1804 et 1809. Ces quatre épigrammes de Théodore sur sa prison de Khalki indiquent assez quelle est celle des îles qui lui fut assignée en 809, car, en dehors de cette époque, le Studite ne fut jamais emprisonné dans l'archipel.

2) S. Théod. Stud., Laud. S. Platonis, n. 69, col. 841; Echos d'Orient, IV, p. 169.

3) S. Théod. Stud., op. cit., n. 37 et 39, col. 840 et 841; Michel, op. cit., n. 27, col. 269; Ps.-Michel, op. cit., n. 48, col. 160.

4) Lettre S. II, 19, col. 1176.

5) Lettre S. II, 127, col. 1412.

6) Michel, op. cit., n°s 59 et 61, col. 316 et 317; Ps.-Michel, op. cit., n°s 116 et 119, col. 220 et 221.

7) Beaucoup de partisans de Thomas avaient été recrutés en Syrie, Léon le Grammairien, Chronographia, Migne, P. G., CVIII, 1044. D'où le nom d'Arabes que leur donne le Studite dans sa lettre S. II, 127, col. 1412, laquelle n'a rien à voir, bien que M. Tougard, Parva catechesis, p. XV, l'ait cru, avec les événements de 798 ou 799.

leur envoya sans retard par écrit ce qu'il n'avait pu leur dire de vive voix. Sa lettre nous est parvenue¹⁾. Fut-elle adressée au couvent d'Irène? Si oui, il semblerait que les deux parentes de Théophane avaient dès lors cessé de vivre, car elles n'y sont l'objet d'aucune allusion. Mais ces correspondantes de 821 sont appelées *καρυφισαί*, nullement *μοναχίσσαι* comme celles de 817 ou de 818, et cette différence indiquerait plutôt, peut-être, que nous avons affaire à un autre couvent.

Ne quittons pas la femme de Théophane sans ajouter une petite remarque. En 781, à son entrée dans le cloître, Mégalo prit le nom d'Irène, nom monastique très répandu, d'autant plus en vogue à ce moment qu'il était celui de l'impératrice régnante. Ce changement nous est affirmé en termes formels par trois des biographes de Théophane²⁾. Je croirais volontiers cependant que le nom mondain ne disparut pas tout à fait devant le nom religieux. C'est Mégalo, en effet, et non point Irène, qui se lit dans l'en-tête de la lettre que le Studite écrivit à la pieuse vierge sur la mort de son mari. Ce détail, si l'en-tête était de Théodore même, renfermerait une indication. Il prouverait que l'higoumène de Stoudion et la vierge de Prinkipo étaient de vieilles connaissances, que leurs familles étaient unies, qu'ils s'étaient liés à Constantinople avant 781. Mais jusqu'où Théodore entre-t-il pour quelque chose dans la rédaction des rubriques inscrites au haut de ses missives? On ne saurait le dire exactement, et cette incertitude nous empêche de tirer la moindre conclusion positive.

XVIII.

La question de double nom se présente aussi pour Théophane. Elle a été traitée, mais fort mal, par Daniel Papebroch³⁾, et l'on s'étonne que le R. P. J. Van den Gheyn ne craigne pas de renvoyer encore pour ce point à son illustre devancier⁴⁾. Que, simultanément ou successivement, notre saint se fût appelé Théophane et Isaac, cela répugnait beaucoup au grand bollandiste. Pour lui, comme semblait le dire un manuscrit fautif, Théophane était plutôt un *Isaurien* qu'un *Isaac*. Du moins, devait-on s'en tenir à *Théophane, fils d'Isaac*. Mais, depuis, de

1) Lettre, S. II, 125, col. 1405.

2) Anonymes A, B, C, op. cit., p. 49, 392, 291.

3) Acta Sanctorum, martii II, 210.

4) Acta Sanctorum, novembris II, 406.

nouveaux documents sont venus témoigner contre cette manière de voir. Nommé Théophane à sa naissance, le futur Chronographe fut surnommé Isaac à la mort de son père par la volonté expresse de Léon fils de Constantin Copronyme¹⁾. Tant qu'il resta dans le monde, nous dit le manuscrit de Moscou²⁾, il ne répondit guère qu'au nom d'Isaac. C'est dans le cloître seulement que le nom de Théophane reprit le dessus. Et encore ne le reprit-il jamais jusqu'au point de faire complètement oublier son rival. Le mot Isaac figure après le mot Théophane en tête de la «Chronographie». Il figure aussi au même rang en tête de l'«enkomion» écrit par Nicéphore, skévophylax des Blakhernes. Qui plus est, le moine Pierre, premier biographe de saint Joannice, ne connaît le fondateur de Grand Champ que sous le nom d'Isaac³⁾.

La postérité toutefois n'a point suivi cet hagiographe. Après un premier moment d'hésitation, elle a généralement feint, comme Théodore Studite, d'ignorer le surnom paternel imposé par Léon. Aujourd'hui qui parlerait d'un saint Isaac du IXe siècle resterait incompris; qui parle au contraire d'un saint Théophane n'étonne pas. Mais dire *saint Théophane* tout court serait insuffisant. Comme cette époque nous présente deux homonymes également illustres, il faut distinguer entre Théophane le Mégalagrite et Théophane Graptos⁴⁾, entre l'higoumène de Grand Champ et le métropolite de Nicée, entre le Chronographe et le Mélode⁵⁾.

Quand il s'agit de notre saint, Théophane de Grand Champ est l'appellation la plus ordinaire aux documents byzantins. Ainsi le désignent d'un commun accord hagiographes et chroniqueurs. Hagiographes et chroniqueurs l'appellent aussi Théophane de Sigriane. De même les livres liturgiques. Dans ces derniers, pour avoir *confessé* la vraie foi contre l'hérésie, notre higoumène apparaît avec le litre officiel d'*homologète*. Mais ce titre n'est pas assez distinctif, car Théophane de Nicée le porte aussi, et voilà pourquoi l'on doit éviter de l'employer si l'on ne veut prêter à confusion⁶⁾.

1) Anonyme B, op. cit., p. 390.

2) K Krumbacher, Eine neue Vita des Theophanes Confessor, p. 374.

3) Acta Sanctorum, novembris II, 405.

4) Sur saint Théophane Graptos voir l'article du P. S. Vailhé, Saint Michel le Syncelle et les deux frères Grapti, dans l'Orient Chrétien, t. VI, p. 313—332 et 610—642.

5) Ne confondez pas le mélode Théophane de Nicée avec le mélode Théophane le Sicilien.

6) L'erreur de M. A. Rambaud signalée au début de cet article n'a point d'autre cause. Constantin Porphyrogénète, p. 55, note 5.

La fête de l'higoumène sigrianais se commémore dans l'Eglise grecque le jour anniversaire de sa mort, le 12 mars. Elle n'offre rien de particulièrement remarquable, pas plus d'ailleurs que celle de saint Théodore Studite ou de tout autre iconophile. Car, il faut bien le reconnaître, ces grands lutteurs n'ont jamais joui d'un culte exceptionnel dans tout l'ensemble du monde ecclésiastique byzantin. Les principaux d'entre eux ne manquèrent cependant pas d'obtenir une certaine célébrité.

De cette célébrité, je tiens, en ce qui regarde Théophane, à citer comme preuve que les faussaires écrivant sur l'iconoclasme ont volontiers parlé de lui dans leurs ouvrages. Une lettre soi-disant adressée par le concile de 787 à l'Eglise d'Alexandrie¹⁾ fait crier: «Eternelle la mémoire de Théophane, higoumène de Grand Champ»! Un récit relatif à la prétendue absolution de Théophile inscrit Théophane, higoumène de Grand Champ, parmi ceux que les instances de l'impératrice Théodora amenèrent à intercéder en faveur de son mari²⁾. Et rien n'atteste mieux, on le sait, le grand renom d'un personnage que sa mention dans les écrits de ce genre.

Ce qui atteste aussi le grand renom de Théophane, c'est que les adversaires de Photius furent tout heureux de citer une prophétie de lui relative au patriarcat de saint Ignace. Un jour que celui-ci, tout jeune encore, était venu à Sigriane, le saint higoumène étendant la main droite sur lui déclara bénir en sa personne un futur pasteur de Constantinople³⁾.

Ajouterai-je que les mélodes se sont essayés à chanter notre homologue? Au jour de sa fête, les Ménées donnent un canon⁴⁾ dont l'acrostiche accuse pour auteur un Théophane, je dirais, après beaucoup d'autres, Théophane Graptos, si je ne craignais d'attribuer à

1) Montfaucon, *Bibliotheca coisliniana*, p. 100.

2) W. Regel, *Analecta byzantino-russica*, p. 31. M. W. Regel pour avoir édité ce texte, et M. A. Papadopoulos-Kérameus, pour l'avoir cité dans son *Σχέδιον περὶ τῶν λειτουργικῶν μνηρίων*, *Vizantiiski Vremennik*, I, p. 342, ont été accusés par M. T. Evangélidès, op. cit., p. 234, de faire vivre saint Théophane le Chronographe jusque sous le patriarche Méthode. L'accusation porte à faux. On peut éditer et citer un écrit sans adopter toutes ses affirmations et sans prendre sur soi tous ses anachronismes. D'ailleurs, s'il avait jeté un simple coup d'œil à l'*index nominum et rerum* M. T. Evangélidès aurait vu, non pas une fois mais deux, que l'auteur des *Analecta byzantino-russica* fait bel et bien mourir Théophane aux environs de 818.

3) Nicétas, *Vita S. Ignatii*, Migne, P. G., CV, 500.

4) Ménées, 12 mars, Migne, P. G., CVIII, 45—53.

celui-ci une œuvre si faible et si vague. Il faut rapprocher de ce canon les deux pièces publiées par M. K. Krumbacher¹⁾, la première avec l'acrostiche "Επος 'Υ, la seconde avec l'acrostiche "Αιδω.

XIX.

Voilà les quelques notes qu'il m'a paru bon de réunir sur Théophane de Grand Champ.

Théophane est un saint: il a pratiqué des vertus dont ses vies nous parlent à plusieurs reprises. Théophane est un thaumaturge: il a accompli des miracles dont quelques-uns nous sont racontés par les hagiographes. Théophane est un chroniqueur: il a composé une œuvre sur laquelle, surtout à notre époque, les critiques ont multiplié leurs observations et leurs recherches. Présenter le saint, le thaumaturge et le chroniqueur eût été facile. A traduire les passages qui parlent de ses vertus, on aurait allongé le présent mémoire de plusieurs paragraphes. A reproduire le récit de ses miracles, on aurait trouvé la matière de plusieurs pages compactes. A résumer les travaux de la critique moderne sur la Chronographie, on aurait composé tout un volume. Mais pourquoi s'attarder à des questions qui n'offrent aucune difficulté, comme celles relatives aux vertus et aux miracles, ou qui se trouvent traitées ailleurs, comme celles relatives à la Chronographie?

Ne visant point à donner une vie complète et régulière de Théophane, il m'a semblé préférable de m'arrêter aux seuls points d'histoire, de chronologie, de géographie et de philologie susceptibles de provoquer un doute ou de soulever une discussion. Peut-être me suis-je trop appesanti sur certains détails, sur le sens monastique du mot *ἀνάδοχος*, par exemple. Du moins, ai-je tâché de tenir la promesse contenue dans mon titre. Tout en plaçant la vie de Théophane dans son cadre général, j'ai surtout veillé à mettre en lumière ses rapports avec saint Théodore de Stoudion et à exploiter les renseignements fournis sur l'higoumène sigrianais par l'higoumène studite.

Ai-je besoin d'ajouter, en terminant, que tous les résultats acquis au cours de ce petit article n'ont point la même valeur? Les uns, si je ne m'abuse, sont définitifs; les autres, pour être acceptés comme tels ou rejetés, devront subir, dès que la chose sera possible, une sé-

1) Ein Dithyrambus auf Theophanes, p. 618—621.

vère confrontation avec la biographie de saint Théophane composée par le patriarche Méthode. S'il y a concordance entre les affirmations de cette biographie et les déductions péniblement tirées ici de documents incomplets, je m'en réjouirai. Dans le cas contraire, je serai le premier à tout sacrifier pour accepter la vérité historique mieux établie, le premier, par exemple, à faire mourir Théophane en 817, s'il le faut, au lieu de 818.

Constantinople.

J. Pargoire,

des Augustins de l'Assomption.

Матеріалы къ исторіи византійскаго и древне-русскаго искусства.

І. Псалтыри собранія гр. А. С. Уварова въ с. Порѣчьѣ

(Московской губ.).

І. Годуновская Псалтырь.

Лицевая толковая псалтырь, игравшая, какъ извѣстно, важную роль въ византійской литературѣ и искусствѣ, была весьма популярной и на Руси. Отрывочныя псалмы первоначальнаго перевода съ греческаго 70 толковниковъ, съ толкованіемъ, подъ названіемъ св. Аѳанасія Александрійскаго, извѣстны отъ XI вѣка; вполне вся псалтырь съ этимъ толкованіемъ извѣстна въ Болонской псалтыри XII вѣка; переводъ псалтыри съ Θεодоритовымъ толкованіемъ извѣстенъ также отъ XI вѣка — въ Чудовской ¹⁾. Имѣются-ли отъ этого-же времени славянскія лицевыя псалтыри — мы не знаемъ. Древнѣйшія лицевыя псалтыри извѣстны намъ отъ XIII — XIV вѣка въ спискахъ: Хлудовскомъ, Кіевскомъ (1397 г., въ Обществѣ любителей Древней Письменности), Новоезерскомъ (Румянцевскаго Музея), библіотеки Замойскихъ въ Варшавѣ; отъ XV — XVI вѣка и послѣдующаго времени списки лицевыхъ рукописей извѣстны въ весьма значительномъ количествѣ.

Но ни изслѣдованія систематическаго славянскихъ лицевыхъ рукописей, ни-тѣмъ болѣе изданія ихъ, въ нашей научной литературѣ не имѣется. Краткія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ нихъ находимъ у Ѳ. И. Буслаева, Н. П. Кондакова, Н. В. Покровскаго, гр. М. В. Тол-

1) Архим. Амфилохій, Древнеславянская псалтырь Симоновская до 1280 года. Москва, 1881, III, 278.

стого, Скамбаровича и др.; но эти свѣдѣнія настолько не достаточны, что трудно при знакомствѣ съ новымъ памятникомъ, на основаніи общаемаго ими матеріала, безусловно присоединить этотъ памятникъ къ той или иной группѣ извѣстныхъ уже памятниковъ, т. е. той или иной редакціи ихъ; можно сказать, что самый вопросъ о редакціяхъ остается, при отсутствіи обзорѣнія всѣхъ извѣстныхъ лицевыхъ славянскихъ псалтырей, открытымъ.

• Новѣйшее изслѣдованіе Тикканена¹⁾, специально посвященное псалтырямъ, трактуетъ о славянскихъ лицевыхъ псалтыряхъ и въ немъ относятся онѣ въ той или иной редакціи; но автору, къ сожалѣнію, многія изъ указываемыхъ имъ рукописей не были доступны; онъ имѣетъ о нихъ свѣдѣнія лишь изъ вторыхъ рукъ, какъ напр. о всѣхъ Годуновскихъ псалтыряхъ.

Среди лицевыхъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова мы встрѣтили три списка псалтыри: 1) Годуновскую, писанную въ 1594 — 1600 году, № 15 (564), 2) конца XVI вѣка, № 134 (506), 3) 1548 года, № 13 (592).

Годуновская псалтырь собранія гр. А. С. Уварова — одна изъ многочисленныхъ псалтырей, писанныхъ по волѣ одного и того-же лица, Дмитрія Ивановича Годунова, боярина, конюшаго при царѣ Феодорѣ Іоанновичѣ, дѣлавшаго цѣнныя вклады въ разныя обители и награждавшаго, какъ однимъ изъ лучшихъ украшеній монастырскихъ библіотекъ, лицевыми псалтырями²⁾.

Годуновскія псалтыри извѣстны въ слѣдующихъ экземплярахъ: 1) 1600 г. въ Московской Духовной Академіи (Троицко-Сергіевской Лавры), 2) 1594 года въ библіотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи (Кирилловскаго монастыря), 3) 1594 г. въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи (Соловецкаго монастыря)³⁾, 4 — 5) 1594 г. и 1591 г. Ипатьевского монастыря⁴⁾, 6) Калязинскаго монастыря 1710 г. (№ 3)⁵⁾, 7) Московскаго Успенскаго Собора (№ 19),

1) Die Psalterillustration im Mittelalter. Bd. I, H. 1. Helsingfors, 1895.

2) Н. В. Покровский, Ипатьевская лицевая псалтырь 1591 г., Христ. Чт. 1883, XI — XII, 605.

3) Описаніе рукописей Соловецкой Библіотеки, ч. I, № 15/748.

4) Н. В. Покровский, ib., 605.

5) Викторъ, Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ сѣверной Россіи, СПб., 1890, 280. Подробное описаніе этой рукописи имѣется въ книгѣ И. А. Иванова, Лицевая рукописная Псалтырь Калязина монастыря. Тверь. 1900. (Изданіе Тверской Ученой Архивной Комиссіи).

нынѣ въ Синодальной Библіотекѣ, 8) Московскаго Архангельскаго Собора (№ 4), нынѣ въ Синодальной Библіотекѣ, 9) Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ (отд. V, руб. 3, № 3 Государств. Др.-вѣхр.) и еще двѣ, указываемыя Н. В. Покровскимъ¹⁾: Чудова мон., и г. Чибисова.

Изъ всѣхъ этихъ экземпляровъ описаны только двѣ Ипатьевскихъ 1594 г. и 1591 г. въ статьяхъ Н. В. Покровскаго²⁾; изъ нихъ болѣе близка къ Годуновской псалтыри собранія гр. А. С. Уварова — та, что 1594 г.

Описываемая псалтырь, № 15 (564)³⁾, писана уставомъ въ большой листъ, на александрійской бумагѣ, на 740 листахъ; переплетъ ея обтянутъ по доскамъ малиновымъ трипомъ, съ бронзовыми позолоченными наугольниками.

Въ началѣ, на лл. 1 по 8 идетъ предисловіе, очевидно отъ писателя псалтыри, имя котораго, однако, не упомянуто.

Предисловіе это интересно, какъ показатель того значенія, которое приписывается псалтыри, какъ отраженіе взгляда современника на свое время, правда, выраженного въ довольно шаблонной формѣ. Любопытно, что часть его почти буквально воспроизведена въ предисловіи Ипатьевской псалтыри 1591 г.⁴⁾ и въ предисловіяхъ другихъ Годуновскихъ псалтырей.

Приводимъ цѣликомъ это предисловіе.

«Иже хощеши вѣдати ѿма слагателя книги сѣа, то прочти сѣ писаніе до конца. похвалано желанію подвигоули есте, ѿ благочестивѣи во члѣтѣхъ, икоже познаваемѣи. ѿ прѣже вышшаго вѣсѣдованіа оусты ко оустомъ и ѿ сѣмъ велми благодарѣи ѿга, ико ещѣ увертаются избраніи ѿжн. паче же в нынѣшнее время лоукавое. посредѣ рѣда строптивѣа, и развращѣна. Но понеже поноудили есте насъ недостѣнныхъ выше нашеа мѣры на сѣ дѣло. азъ же есмь члѣкъ грѣшнѣи и нѣмоущнѣ. боѿхса⁵⁾ начати такоуа, ктомуу же сматраѣа свое не прилежаніе, и лѣность, и неразѣуміе, на мнозе ѿлагахъ, тѣмъ же

1) Евангеліе въ памятникахъ иконографіи преимущественно византійскихъ и русскихъ. СПб. 1892, LXVI.

2) Вѣстникъ Археологіи и Исторіи, издѣв. Арх. Инст., СПб. 1886, IV, 29—31, Христ. Чт., 1888, XI—XII, 594—628.

3) Арх. Леонидъ, Описаніе славяно-россійскихъ рукописей собранія графа А. С. Уварова, М. 1893, I, 14—15.

4) Н. В. Покровскій, ук. ст., 604.

5) боѿхса (М. Д. А.).

сооу́за ¹⁾ радн, дѣ́ловнымъ мо́веве, и мы оу́стремляемъсѧ неразодо́умнымъ
 послоуша́нїемъ ва́ше заповѣда́нїе сотвори́ти ²⁾ споспѣшествоу́ющимъ
 ва́мъ моли́твами, и вѣ́ровавше ѡ́ко всако по вѣ́ре ва́шенъ къ б́гоу
 боу́ди ва́мъ, оу́ведѣ́хомъже сѧ на сѧ недо́волены есма ѡ́ себѣ ³⁾ по-
 мысли́ти что́ ѡ́ севѣ́, но доко́льство наше ѡ́ вѣ́а. О́вго радн
 а́ще и е́динъ тала́нтъ въвѣ́ренъ боу́детъ а́ тому́ не лени́тисѧ подо-
 вае́тъ но́ приа́жно дѣ́лати во́лса скрѣ́пшаго тала́нтъ, и нача́хъ
 сѧ сто́юю кни́гоу. ѡ́коже ѡ́ры́гноу́ стѣни дѣ́хъ оу́сты б́гоу́ща про-
 ро́ка, и ца́ря дѣ́да вѣ́твенна сло́веса ѓлемогю́ псалты́рь. в лѣ́то
 дѣ́рвѣ. къ б́гохрани́момъ и в пре́именно́ и црѣ́воу́щемъ гра́де мо-
 сквѣ́, къ тре́тїемъ рѣ́мѣ́ блго́честїемъ це́втову́щїи. при держа́ве преев-
 соча́ншїе црѣ́скїе степѣ́ни ски́фетра вели́каго росѣ́нскаго црѣ́тѣа, б́гомъ
 дарова́ннаго, б́гомъ оу́крашеннаго, б́гомъ почтѣ́ннаго, б́гомъ превоз-
 несѣ́ннаго, б́гомъ венча́ннаго блго́вѣ́рнаго и хрѣ́столю́бнаго ⁴⁾ мона́рха.
 б́жтїю́ милостїю́ вели́каго ѓдра црѣ́а и вели́каго кна́зѧ фе́ѡдора ⁵⁾ ива-
 новича ⁶⁾ все́а росѣ́а самоде́ржца ⁷⁾ и ннѣ́хъ мнѣ́тїи ѓдрьстѣ́, ко-
 сто́чныхъ и сѣ́верныхъ и запа́дныхъ. ѡ́чїна и дѣ́дїна и насле́дника,
 и при е́го блго́вѣ́рїи и хрѣ́столю́бїи, и блго́честїи црѣ́це и вели́кон
 кна́гнїи ирѣ́не, [и при и́хъ дщѣ́рїи блго́вѣ́рїи црѣ́внѣ фе́ѡдосїи ⁸⁾]. въ
 ѓ е лѣ́то ѓдрьства нѣ́хъ. Пасо́ущемоу́ же то́гда росѣ́нскогю́ и высѣ́ко
 престѡ́лногю́ вели́коу́ црѣ́квѣ́ первопрестѡ́лнїкоу́ стѣ́ншемоу́ кирѣ́
 но́воу ⁹⁾ патрїа́рхоу́ зовѣ́мѡ́ моско́вскомоу́ и все́а вели́кїа росѣ́а,
 и́ндїкта ѓго. с вели́кою вѣ́рою и съ срѣ́чнымъ желанїемъ, и́стиннымъ
 ра́ченїемъ и с по́щанїемъ мно́гогрѣ́шныи к б́гоу́ и къ ч́акомъ гроу́-
 выи, [предста́тель росѣ́нскаго санцо́у кроу́га сїрѣ́чь црѣ́комоу́ вели́че-
 ствоу́, и досто́нно почтѣ́ныи ца́рскаго вели́чества са́номъ] ¹⁰⁾. вола́ринъ ¹¹⁾
 дмї́трїи і́вановичъ годогно́въ, премо́удрымъ смысло́мъ и разо́у-
 момъ сѧ сто́юю кни́гоу пове́лѣ́ написати и назнаменовати, и оу́кра-
 сїти златомъ́ и сребро́мъ, и совер́шнѣ́ и оу́красївѣ́ чюдне́ сѧ сто́юю

1) съю́за (М. Д. А.).

2) сътвори́ти (М. Д. А.).

3) сѣ́къ (М. Д. А.).

4) вели́каго (Ипат., Успенск., Арх., М. Д. А.).

5) Фе́ѡдора (М. Д. А.).

6) а́ (М. М. Д.).

7) самоде́ржца (М. Д. А.).

8) (Нѣ́тъ въ Ипатьевск., есть въ Успенск. Арх., А. М. Д. и М. Д. А.).

9) і́ивоу́ (М. Д. А.).

10) вола́ринъ.

11) его́ ца́рскаго вели́чества. Ип.

книгоу псалтырь положилъ в домъ. . . . (оставлено мѣсто недописанное) по свѣен дѣше и по своихъ родителехъ на пѣмать вѣчноую, ѡ ктѣ сѣю свѣтоую книгоу ис тѣи превеликѣ лѣвы бес повелѣнѣа пастыра тоѣ ѡвители, дѣрзнетъ исхитити насильствомъ или какимъ инымъ оухищреніемъ изнестѣ, и тогда¹⁾ ѡлоученъ боудетъ, ѡ слѣвы²⁾ бѣжа в сѣи вѣкѣ и в боудоущи, и вѣчнен моуцѣ ѡсоуженъ боудет. И взнмаѣ сѣю книгоу с повелѣнѣа пастыра, и прочтѣа с вѣроу ѡвращетъ ѡ бѣа милость, и оутѣхоу и ѡставленіе грѣховѣ, в сѣи вѣкѣ и в боудоущи. Молю же вы любовію дѣа гѣа нашего ісѣа хѣа давшаго себѣ ѡгресѣхъ нашихъ, дѣа³⁾ избавы нашеа, и вѣчныхъ благъ воспріѣтѣа; вси равнѣ бѣгословенаго бѣа нашего. дѣше когда приагучитѣа комоу вснѣ стѣоу книгоу псалтырь вникнути, тѣи прѣже всѣхъ вѣздастѣ бѣгодать и чѣстѣ, и слѣвоу⁴⁾ енноуникоу всѣмъ благимъ превеликомоу и страшномоу црю цремъ, и гѣсподѣоу гѣсподемъ сѣдѣщемоу, в прѣвысокихъ стѣмъ слѣвы своеа. на престѣле хѣроувиستمъ ѡвстойма бесплѣтными лики, и беспрѣстѣни. немѣлѣчными глѣсы ѡ тѣхъ славиоу ѡвщемоу нашему тѣорцоу и вѣце. благимъ содѣтелю жиѣзни нашеа, вѣ трѣнцы славиоу бѣоу нашему.

Потѣмже истинномоу рачителю бѣгѣстѣа волярноу димитрію неѣновичю гѣоуноукоу, да прѣситѣ милости. и ѡпушѣнѣа грѣховѣ. ѡдающаго коупно всѣмъ чѣловѣкомъ. Прѣже оубѣ вниѣающимъ во стѣоу сѣю книгоу, и зрашѣ на вѣвѣше оумными ѣчиа, ѣко гадѣнѣмъ имѣнѣмъ нѣнѣже вѣѣбражѣно вѣстѣ зрашимъ чѣвственными ѣчиа, кѣ ползе дѣшевнои всѣмъ бѣголювиымъ, и бѣгѣчѣно житѣе прихѣдѣшѣ, истиннымъ и неѣлѣзненнымъ рачителемъ прѣсѣвѣщеннымъ ванѣю дѣховною, сѣрѣчь стѣмъ крѣщеніемъ, и прѣвѣвѣрогущимъ вѣ трѣпѣстѣное и неразѣѣанѣое вѣжѣствѣ, и всѣгда жѣждоущимъ пѣти ѡ истѣчника прѣснѣотекоущаго вѣжѣственыхъ догмѣтѣ⁵⁾, и насѣтитѣа ѡ трѣпѣзы живѣтѣнаго хлѣѣа ѡвѣлиа, ѡ великодѣродѣтелѣ бѣа полоучѣи⁶⁾ милость и прѣщѣнѣе бесчѣслѣныхъ своихъ грѣховѣ, ѡ всѣхъ сѣихъ слѣѣѣа великодѣровѣтелю хѣоу бѣоу нашему вѣ трѣицѣ славиоу вѣ вѣки, и на вѣка, и вѣнекончѣимыа вѣки, ѡмѣнѣ.

1) тотъ Ип.

2) сѣа (Ипат.). Усп., Арх.

3) дѣа (Усп., Арх.).

4) и хлѣоу (М. Д. А.).

5) догмѣтѣ Усп., Арх., М. Д. А.).

6) волючѣ (М. Д. А.).

Предъ самой псалтырюю еще имѣются, вслѣдъ за приведеннымъ предисловіемъ: л. 9 — 11 обращеніе къ хотящимъ чести сіи книги (о пользѣ чтенія псалтыри); л. 12 — предисловіе (толкованіе Василия Великаго на 6-й псаломъ); л. 26 — толкованіе ѿ неразоумныхъ словесѣхъ псалтырныхъ; л. 28 — какъ начать правило въ своей келіи; л. 30 — молитва Исаака Сириянина; л. 31 — молитва Стефана Ойвейскаго; л. 32 — Іоанна Златоуста; л. 33 — Владыко, помилуй мя; 36 — молитва въ келіи предъ сномъ; далѣе молитвы Ангелу, Богородицѣ, Антіоха, Ефрема Сирина, молитвы кресту, на бѣса, Петра Студійскаго, вновь Іоанна Златоуста, Покаяніе, и молитвы Богородицѣ, на л. 56 — чинъ какъ подобаетъ пѣти псалтырь.

На л. 59 начинается псалтырь. Предъ каждымъ псалмомъ имѣется его толкованіе, и на поляхъ иное толкованіе при помощи иллюстрацій — миниатюръ.

Исполнены эти миниатюры, полагаемъ, по шаблону. Шаблонъ положенъ на бѣлый фонъ; по немъ контуры фигуръ обведены чернилами, равно и линіи на одеждахъ для обозначенія складокъ. Затѣмъ, уже раскрашивались сплошь краской одежды, цвѣты, земля. Что раскраска дѣлалась послѣ и что фигуры приготавливались по шаблону — видно изъ того, что 1) при сплошной раскраскѣ прикрывались ею и контуры одеждъ, складки, и ни о какой художественной шрафировкѣ здѣсь рѣчи не можетъ быть, 2) что многія детали, фигуры оставались совсѣмъ нераскрашенными. Волосы въ контурѣ также намѣчаются чернилами, а затѣмъ раскрашиваются сбѣрой краской.

Исполненіе миниатюръ старательное, контуры очерчены правильно; но колоритъ раскраски блѣдный, краски блѣдныя и даже мутныя; преобладающія: мутно-красная, зеленая, мутно-лиловая (для верхнихъ одеждъ); чисто-голубая, повидимому, замѣнена этой мутнолиловой; встрѣчаются далѣе желтая, черная. Лица у всѣхъ фигуръ остаются нераскрашенными; нимбы вездѣ желтые; золота такимъ образомъ совершенно здѣсь нѣтъ. Въ качествѣ почвы обычно представляется одна или двѣ невысокихъ зеленыхъ скалы.

Греческія лицевыя псалтыри, какъ извѣстно, по системѣ установленной проф. Н. П. Кондаковымъ и принятой въ трудѣ Тикканена, дѣлятся на двѣ главныхъ редакціи, изъ которыхъ послѣдній ученый одной даетъ названіе — «монашеско-богословской», а другой — «аристократической». Во главѣ первой редакціи, какъ древнѣйшая рукопись, стоитъ Хлудовская псалтырь IX в., далѣе уже идетъ рядъ

другихъ, болѣ позднихъ, какъ мон. Пантократора (№ 61), Британскаго музея (Add. № 19, 352), Барберинская (№ 111, 91) и др. Къ этой редакціи изъ славянскихъ лицевыхъ псалтырей примыкаютъ: псалтырь 1397 г., протодіакона Спиридона, Общества Любителей Древней Письменности (№ 1252, Fol. VI), Угличская псалтырь 1485 года С. Петербургской Публичной Библіотеки, Годуновская Псалтырь 1594 года С. Петербургской Духовной Академіи, Ипатьевского монастыря, Архангельскаго собора и др.¹⁾ Къ этой-же редакціи, полагаемъ, относится и Годуновская псалтырь 1594 г. собранія гр. А. С. Уварова.

Принадлежа къ указанной редакціи по общему подбору миниатюръ, по общему характеру ихъ, описываемая псалтырь далека отъ многихъ представителей ея въ отношеніи сюжетовъ, композицій, выбора ихъ. Миниатюры данной псалтыри, какъ и описанной Н. В. Покровскимъ Годуновской псалтыри 1594 г. Ипатьевского монастыря, отличаются краткостью, бѣдностью изобрѣтенія; миниатюристъ большую часть своего труда употребилъ на изображенія молящагося Давида предъ Христомъ-Спасомъ, или Еммануиломъ. Ни историческихъ намековъ, ни даже иконографическихъ типовъ въ миниатюрахъ не находимъ: однообразныя изображенія святителей, пустынниковъ, столпниковъ, грѣшниковъ въ видѣ юношей — преобладающіе мотивы иллюстрацій. Исторія самого Давида также бѣдно иллюстрирована; въ сценахъ дѣтства его онъ изображенъ старцемъ, въ коронѣ (къ пс. 150). Изображенія новозавѣтныхъ и ветхозавѣтныхъ сценъ шаблонны.

Послѣ общей характеристики миниатюръ укажемъ на нѣкоторыя особенности въ деталяхъ.

Параллели изъ Ветхаго и Новаго Завѣта въ миниатюрахъ описываемой псалтыри, какъ и въ другихъ, берутся не произвольно, а согласно указанію толкованій отцовъ церкви и установившейся традиціи. Къ пс. 20, 4 вмѣсто Іезекіа, вѣнчаемаго ангеломъ, поднятаго на щитъ — какъ въ Барберинской и Британской сходно съ иллюстраціями въ псалтыри Кіевской XIV в. Общ. Любителей Древней Письменности (л. 26) — изображенъ только юный царь Соломонъ, вѣнчаемый ангеломъ.

Къ пс. 49, 8, какъ и въ Барберинской, и въ Кіевской (л. 68), — жертвоприношеніе Исаака.

Къ пс. 9, ст. 29, какъ и въ Кіевской, — Каинъ съ дубиной и Авель.

1) Tikkanen, o. c., Bd. I, H. 1, 14.

Къ пс. 76, 17 — Моисей, Ааронъ и народъ; къ пс. 77, вновь, какъ и въ Барберинской, — изъ исторіи исхода Израильтянъ, равно къ псалму 104 (Ср. Кіевск. пс., л. 148) — съ Ангеломъ, несущимъ огненный столбъ (въ видѣ длинной свѣчи), съ чудомъ насыщенія птицами (см. рис. № 1., л. 336). Къ пс. 105, вновь, какъ и въ греческихъ, — поглощеніе Дафана и Авирона; жертвоприношенія, поклоненія идоламъ, пораженіе народа воинами (л. 339 — 341).

Къ пс. 109, 4 — Мельхиседекъ. Къ пѣснямъ — обычныя соответствующія изображенія Моисея, Исаи, исторія Іоны (л. 459) (см. рис. № 2), три отрока въ пещи огненной (л. 461) (см. рис. № 3) Захарія.

Рис. 1. Годуновская псалтырь собранія гр. А. С. Уварова, л. 336.

Рис. 2. Годуновская псалтырь собранія гр. А. С. Уварова, л. 459.

Подборъ новозавѣтныхъ событій, какъ символическихъ параллелей къ изреченіямъ псалтыри, какъ непосредственное воплощеніе ея пророческихъ гаданій — не великъ въ описываемой псалтыри; среди нихъ не имѣется Благовѣщенія. Такимъ образомъ, здѣсь имѣются слѣдующія сце-

ны: *Введеніе въ храмъ* (рис. № 4) (къ пс. 44, 11); цѣлованіе Елизаветы (къ пс. 83, 11, безъ младенцевъ Христа и Іоанна); избіеніе младенцевъ и спасеніе *Елизаветы въ скаль* (пс. 90, 16) (рис. № 5); *Рождество Христово* (пс. 2, 7; 90, 1) (рис. № 6); *крещеніе Христа* (пс. 28, 3; 73, 18; 113, 6) (рис. № 7); Воскрешеніе Лазаря

(пс. 48, 18) (рис. № 8); Преображеніе (пс. 88, 13); изъ страстей Христовыхъ — только Распятіе (пс. 68, 22; 73, 12) (рис. № 6); Сожествіе въ адъ — единственный переводъ Воскресенія Христова (пс. 23, 7; 67, 2) (рис. № 9); Вознесеніе Христа (пс. 17, 11; 146, 6; 56, 6; 107) (рис. № 10); Воздвиженіе Креста (пс. 98, 5). Главное лицо всѣхъ новозавѣтныхъ событій и исторіи древней церкви — для иллюстратора лицевыхъ псалтырей, согласно толкованіямъ отцовъ церкви, Иисусъ Христосъ.

Рис. 3. Годуновская псалтырь собранія гр. А. С. Уварова, л. 461.

Рис. 4. Годуновская псалтырь собранія гр. А. С. Уварова, л. 174 об.

Такимъ образомъ Христосъ повторяется и во всѣхъ поучительнаго характера сценахъ. Христосъ — благословляетъ «блаженнаго» въ иллюстраціи къ начальнымъ словамъ псалтыри «блаженъ мужъ», но въ то время, какъ въ греческихъ псалтыряхъ — «блаженный» изображается вообще мужъ (*μακάριος*), въ описываемой, какъ и въ Кіевской — Давидъ. Одно изъ весьма частыхъ изображеній — бесѣда Давида съ Христомъ, моленіе его предъ образомъ Христа — Спасы,

Еммануила (пс. 10, 1; 11, 1. 12, 2; 15, 1; 15, 8; 20, 2 и др.). Господь, поставившій на небесахъ престолъ свой — Христосъ, которому покланяются Ангелы (пс. 102, 19) (рис. № 11). Христосъ въ Троицѣ — сидящій съ Богомъ Отцомъ, держащимъ медальонъ съ св. Духомъ (пс. 109, 1.) (рис. № 12).

Церковно-историческихъ сюжетовъ въ нашей псалтыри совсѣмъ не имѣется, не говоря о такихъ, какъ встрѣчающихся въ древнѣйшихъ греческихъ рукописяхъ (Григорій изгоняетъ Арія, приводитъ къ Христу Тиридада, иконоборцы, ругающіеся надъ иконами Христа и т. п.), но даже о такихъ, какъ проповѣдь Апостоловъ (къ пс. 18, 4), имѣющаяся въ Кіевской псалтыри (л. 23 в., 24). Но изображенія символическія, въ видѣ сценъ и отдѣльныхъ изображеній, встрѣчаются часто; въ нихъ античная форма, античные образы продолжаютъ еще существовать, пройдя чрезъ многіе вѣка. Такимъ образомъ, здѣсь, какъ и въ другихъ псалтыряхъ той-же редакціи — символъ Богородицы: Гора Сіонская — съ образомъ Богородицы съ младенцемъ въ медальонѣ (пс. 77, 68); врата Сіонскія съ тѣмъ-же образомъ Богородицы (пс. 86, 2); олицетворенія рѣкъ — юноши съ сосудами, изъ которыхъ льется вода (77, 44;

Рис. 5. Годуновская псалтырь собранія гр. А. С. Уварова, л. 303.

79, 11), солнца и луны (нагой юноша на колесницѣ, запряженной быками, съ хлыстомъ и медальономъ, пс. 135, 8—9), вѣтровъ (Ангелы съ трубами, пс. 134, 7); стремленіе души къ Богу — олень, стремящійся къ источнику водному (пс. 41, 2).

Хотя не въ такомъ обиліи, какъ въ Барберинской и Британской, но все же имѣются и лирико-поучительныя иллюстраціи, составляющія одну изъ характерныхъ особенностей монашеской редакціи ливонскихъ псалтырей. Совѣтъ нечестивыхъ, какъ и въ Кіевской псалтыри,

изображается подъ видомъ монаховъ, сидящихъ и бесѣдующихъ по поводу книги, что лежитъ на столѣ (рис. 13). Это, очевидно, еретики. Путь праведныхъ приводитъ къ спасенію — лоно Авраама (пс. 1; л. 60), а грѣшниковъ — къ гибели: ангелы съ копьями низвергаютъ ихъ въ адъ, гдѣ старецъ сатана съ длинной бородой сидитъ на скалѣ (пс. 9, 18); нечестивые въ наказаніе подстерегаются львомъ (пс. 9,

Рис. 6. Годуновская псалтырь собранія гр. А. С. Уварова, л. 61 об.

Рис. 7. Годуновская псалтырь собранія гр. А. С. Уварова, л. 254 об.

30); но и на праведныхъ въ испытаніе натягиваютъ луки нечестивые, которымъ помогаютъ бѣсы (пс. 10, 2). Къ поучительнымъ сценамъ относится и изображеніе Страшнаго Суда (пс. 121) въ обычномъ переводѣ — съ Христомъ, сидящимъ на престолѣ, окруженномъ Ангелами и предстоящими въ моленіи Богородицей, Іоанномъ Предтечей, сидящими ниже Апостолами, огненной рѣкой, текущей въ адъ, гдѣ

Сатана сидѣть на престолѣ съ Іудой, взвѣшиваніемъ добродѣтелей и пороковъ на вѣсахъ, Богородицей въ раю. Переводъ этого изображенія весьма кратокъ въ нашей псалтыри: нѣтъ праведниковъ, благоразумнаго разбойника и др.; позамъ Апостоловъ придано не обычное выраженіе: они бесѣдуютъ, изумляясь и печалуясь.

Изображенія, — имѣющія въ виду прославленіе милостины, милосердія, въ ихъ характерныхъ образахъ въ Барберинской и Британ-

Рис. 8. Годуновская псалтырь собранія гр. А. С. Уварова, л. 184 об.

Рис. 9. Годуновская псалтырь собранія гр. А. С. Уварова, л. 111 об.

ской псалтыряхъ, — въ нашей псалтыри встрѣчаются рѣже, чѣмъ въ Кіевской (пс. 36, 21 — въ Кіевской; пс. 40, 1 — въ Кіевской и собр. гр. А. С. Уварова, гдѣ милостивымъ представленъ самъ Давидъ; пс. 33, 7, нищій, молящійся предъ Христомъ — въ обѣихъ и др.).

Любопытныхъ изображеній, заимствованныхъ изъ древнихъ лцевыхъ рукописей, напр. Кузмы Индикоплава — въ нашей псалтыри — не встрѣчаемъ (какъ и въ Кіевской). Что же касается того отдѣла иллюстрацій, который вновь является наиболѣе характернымъ для той

редакціи, къ которой относится наша псалтырь, — изображеній различныхъ святыхъ, святителей, отшельниковъ, то онъ въ ней такъ же богатъ, какъ и въ другихъ представителяхъ; только, конечно, о передачѣ здѣсь древнихъ, выработанныхъ типовъ, сильно измѣненныхъ шаблономъ, рѣчи не можетъ быть; при отсутствіи надписей трудно опредѣлить ихъ и лишь по аналогіи съ изображеніями соответствующихъ мѣстъ въ другихъ рукописяхъ возможно это опредѣленіе. Характерной особенностью нашей псалтыри является то обстоятель-

Рис. 10. Годуновская псалтырь собранія гр. Уварова, л. 178 об.

Рис. 11. Годуновская псалтырь собранія гр. Уварова. л. 827.

ство, что изображеніе Давида часто замѣняетъ собою и милостиваго, и праведнаго, и святого; такимъ образомъ, на примѣръ въ пс. 19, 1 въ Кіевской псалтыри — молящійся св. Антоній, а въ ней св. Давидъ; изъ ветхозавѣтныхъ «отцы наши»: Исаакъ, Авраамъ, Іаковъ (пс. 21, 5). Изъ пустынниковъ: св. Савва (пс. 26, 8, ср. Кіевск.), Онуфрій (91, 13), Марія Египетская и св. Зосима (пс. 118); столпники: Самсонъ (пс. 27, 1, 42, 1), Алимпій (56, 1); святые: Авиѣль, Георгій, Симонъ (пс. 32, 1, ср. Кіевск.); святители: Григорій Бого-

словъ (пс. 36, 1), Василій Великій (пс. 39, 11), Агаангелъ и Климентъ (пс. 59, 1), Іосій (87), Никифоръ (пс. 91).

Обозрѣніе содержанія въ миниатюрѣ нашей псалтыри по различнымъ отдѣламъ ея приводитъ насъ къ тому заключенію, что она непосредственно примыкаетъ къ представителямъ — рукописямъ монашеской редакціи, слѣдуя буквально византійскимъ образцамъ, какъ и Кіевская; только въ то время какъ послѣдняя, можно сказать, почти буквально повторяетъ эти образцы, наша рукопись имѣетъ посредствующіе, прошедшіе уже чрезъ русскій шаблонъ.

Рис. 12. Годуновская псалтырь собранія гр. А. С. Уварова, л. 354.

Изученіе другихъ псалтырей Годуновскихъ, сдѣланное нами послѣ обозра собранія гр. А. С. Уварова, какъ-то Успенскаго собора, Архангельскаго, Троице-Сергіевой Лавры, Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, приводитъ насъ къ слѣдующему заключенію.

Всѣ списки псалтырей одной и той-же редакціи (лишь для нѣкоторыхъ псалмовъ — отступленія въ большемъ количествѣ иллюстрацій) вышли изъ одной мастерской, выполнялись приблизительно по одному шаблону, отличаясь въ качествѣ работы, большей или меньшей ясностью колорита. Предисловіе ко всѣмъ псалты-

Рис. 13. Годуновская псалтырь собранія гр. А. С. Уварова.

рымъ было заготовлено одно, въ немъ оставлялись лишь мѣста для посвящаемаго монастыря, церкви; эти мѣста въ спискахъ Уваровскомъ, Архива Мин. Иностр. Дѣлъ оставлены не заполненными. Время исполненія всѣхъ на протяженіи 1594—1600 годовъ. Лучшимъ спискомъ по богатству украшеній, изяществу, аккуратности и исполненія является Уваровскій.

Въ видѣ приложенія присоединяемъ при семь краткія свѣдѣнія о другихъ Годуновскихъ псалтыряхъ, которыя пришлось намъ изучать.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

А) Псалтырь Успенскаго Московскаго Собора.

(Синодальной Библиотеки № 19).

На большомъ александрійскомъ листѣ (43,2 см. 33,5 см.); фабричный знакъ бумаги: корона съ крестомъ сверху, съ буквой В въ серединѣ, и съ подписью внизу: NICOLASIEBE.

Извѣстіе о слагателѣ книги буквально то же, что въ Уваровской; указано мѣсто вложенія книги: «в соборъ оуспеніа прѣтѣи въ кнѣзѣхъ града на площади, на потребоу душевноую и на славословіе въ житіи, и на спсѣніи души своѣи и по своѣхъ родителехъ при стѣншемъ іовѣ патриархѣ московскомъ и всея руси» и т. д.

На л. XL об. изображеніе во весь листъ царя Давида въ малиновомъ царскомъ орнатѣ, обшитомъ желтыми полосами, въ коронѣ, на тронѣ, съ книгой, благословляющій именно (рис. 14).

Рис. 14. Годуновская псалтырь Московскаго Успенскаго Собора (Синод. Библ. № 19), л. XL об.

Въ сравненіи съ иллюстраціями собр. гр. Уварова — здѣсь имѣются такія, которыхъ тамъ нѣтъ; напр., здѣсь иллюстрированы псалмы съ 3 по 8, къ пс. 4 — Распятіе Христа; къ пс. 7-му — Сошествіе во адъ; къ пс. 8 — входъ въ Іерусалимъ; изображеніе различныхъ животныхъ, птицъ, рыбъ (рис. 15); къ 9 пс. имѣется изображеніе Страшнаго Суда; къ пс. 65, ст. 11—14 такое же изображеніе, какъ и въ псалтыри Архангельскаго Собора и собранія гр. А. С. Уварова: вверху Христось - Еммануиль, вѣнцы; ниже умершіе, отъ нихъ исходитъ рѣка; у истока ея священнослужители, Богородица у телѣги, везомой быкомъ, въ которой помѣщены умершіе (рис. 16); къ пс. 144 — Евхаристія, т. е.

Рис. 15. Годуновская псалтырь Московскаго Успенскаго собора (Синод. Библ. № 19), л. 11 об.

телѣги, везомой быкомъ, въ которой помѣщены умершіе (рис. 16); къ пс. 144 — Евхаристія, т. е.

причащеніе Христомъ Апостоловъ (рис 17); къ пс. 150, какъ и въ псалтыри собранія

Рис. 16. Годуновская псалтырь Московскаго Успенскаго Собора (Синод. Библ. № 19), къ псалму 65.

гр. А. С. Уварова — исторія Давыда (рис. 18). Въ этой псалтыри имѣются иллюстраціи къ пѣснямъ 1-й (рис. 19), 2-й, 7-й, 8-й, Захаріи.

Б) Псалтырь Архангельскаго Собора (№ 4).

На александрійскомъ листѣ, на бумагѣ той же фабрики, что Успенскаго собора, всего на 368 л. то же предисловіе, въ которомъ — : «положилъ в двѣмъ, к соборной цркви архистратѣга михаила на москвѣ внотри града на площади. конюшен бояринъ димитрен ивановичъ годогнѣ. по влгоуѣрному великомъ князе юрье васильевиче московскомъ и всеа рогѣи».

На л. 38 об. изображеніе царя Давида, близкое къ тому, что въ Успенской псалтыри.

Рис. 17. Годуновская псалт. Московскаго Успенскаго Собора (Синод. Библ. № 19), л. 283 об.

Обѣ псалтыри — и Архангельская, и Успенская въ общемъ близки между собой по количеству миниатюръ, ихъ композиціямъ, и съ Уваровской; однако съ послѣдней ближе Архангельская: въ Успенской большее количество миниатюръ, собственно въ концѣ псалтыри.

Рис. 18. Годуновская псалтырь Московскаго Успенскаго Собора (Синод. Библ. № 19), л. 290 об.

В) Псалтырь Троице-Сергиевой Лавры.

(Московской Духовной Академіи № 20 (70) ¹⁾).

Въ 1., на александрійской бумагѣ.

Въ предисловіи послѣ «стѣгоу книгоу псалтырь» слѣдуетъ: «лѣта зрѣи марта гѣ при державѣ гдѣра црѣи и великаго кнѣза вѣдородича всеа рѣси самодѣржаца. и при ѣго влгоуѣрномъ црѣи и великой кнѣине марѣ григорѣевне, и при нхъ влгорѣдныхъ чадехъ при влгоуѣрномъ црѣевиче дѣдѣоре вѣрисовиче всеа рѣси. и при влблагѣуѣрномъ црѣевне ксѣине вѣрисокне вѣ второе лѣто гдѣрствѣи нхъ. и при патрѣархѣ иѣевѣ москѣуѣскомъ и всеа рѣси. пѣложилъ къ домъ превѣзначѣлнаго и трипѣстѣннаго вѣжтѣи нераздѣлѣимѣи трѣицы въ собѣрнову црковѣ въ сергѣевѣи монастырѣ при архимаритѣ кирилѣ». Далѣе, очевидно, листъ вырванъ, такъ какъ на 7 л. начинается: влѣгъ вѣспрѣлѣтѣи и т. д. Имѣются иллюстраціи къ псалмамъ 3—8, началу 9; къ пс. 55, 144 (Евхаристіа). Такимъ образомъ, въ своихъ отклоненіяхъ иллюстраціи приближаются къ таковымъ въ Успенской и Архангельской

Рис. 19. Годуновская псалтырь
Московского Успенскаго Собора
(Синод. Библ. № 19), л. 263.

1) Арх. Леонидъ, Свѣдѣнія..., II, 5.

Г) Псалтырь Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ.

Изъ Архива Оружейной Палаты, Государственнаго Древлехранилища. Памятники письменные; 5 отд., рубрика III, № 3, въ I. Сравнительно даже съ Псалтырью Архангельскаго и Успенскаго собора — хуже по письму и по исполненію миниатюръ, но все-тотъ же стиль, колоритъ. Предисловіе то же; не обозначено мѣсто пожертвованія.

Рис. 20. Годуновская псалтырь Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ, къ псалму 8.

Рис. 21. Годуновская псалтырь Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ, къ псалму 121.

Къ пс. 3 Распятіе; миниатюры къ пс. 5, 6, 7 и 8.

Къ пс. 8 изображены и фантастическія животныя: крылатый змѣй, единорогъ (рис. 20). Къ пс. 121, какъ и въ другихъ—Страшный Судъ (рис. 21).

Миниатюры мельче, чѣмъ въ Уваровской и часто въ нихъ опускаются нѣкоторыя детали: I. 123 об. Сошествіе въ адъ — Ева опущена.

Е. РѢДИНЪ.

Ἀθωϊτις Στοά.

14¹⁾.

Ἀφιερωτικὸν τόπων τῇ Ἀγίᾳ Λαύρᾳ ἐν Ἱερισσῷ.

Σίγνον	Κωνσταντίνου	Σίγνον	Μαρίας
ἐπωνυμία	Λαγούδη.	συμβίου	αὐτοῦ.

Ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος. Κωνσταντῖνος ὁ τῇ ἐπωνυμίᾳ Λαγούδης καὶ Μαρία ἡ ἐμὴ σύμβιος, ἡ προγεγονυῖα γαμητὴ Ἰωάννου τοῦ μακαριωτάτου τοῦ Θεσσαλονικέως, οἱ τοὺς τιμίους καὶ ζωποιοὺς σταυροὺς ἰδιοχείρως ποιήσαντες, τὴν παροῦσαν ἀπλὴν δωρεὰν καὶ ἀμεταμέλητον τιθέμεθα καὶ ποιοῦμεν πρὸς σέ, Θεοδώρητον τὸν πνευματικὸν ἡμῶν πατέρα καὶ προεστῶτα τῆς Λαύρας τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου, καὶ διὰ σοῦ πρὸς τὸ μέρος αὐτῆς καὶ πάντων τῶν ἀδελφῶν. ἐπειδὴ περ ἐγὼ Μαρία ἡ σύμβιος τοῦ παρόντος Κωνσταντίνου Λαγούδη ἄνωθεν καὶ ἐξ ἀρχῆς καὶ σχεδὸν εἰπεῖν ἐξ αὐτῆς κοιλίας μητρός μου εἰς τὸν τῆς Λαύρας τόπον ἀνετράφην καὶ παρ' ὅλην τὴν ζωὴν ἡμῶν αὐτῇ προσεχεύμεθα καὶ πίστιν πολλὴν καὶ διάθεσιν ἔχομεν πρὸς αὐτὴν διὰ τὴν ἀρετὴν τῶν ἐν αὐτῇ πατέρων καὶ τὴν φιλόφρονον καὶ φιλόψυχον αὐτῶν προαίρεσιν, ὅτι θέλουσι πάντας ἀνθρώπους σώζεσθαι, πάντων τῶν προσερχομένων αὐτοῖς ψυχικῆς ἐνεκεν σωτηρίας ἀντιλαμβάνόμενοι, καὶ τὰ χρειώδη πᾶσι παρεχόμενοι καὶ ἀπάντων μνημονεύοντες, καὶ παντοίως αὐτοῖς χεῖρα βοηθείας ὀρέγοντες· διὰ ταῦτα, ὡς εἴρηται, πολλὴν πίστιν καὶ διάθεσιν ἔχοντες πρὸς τὴν εὐαγεστάτην Ἀγίαν Λαύραν, ἵνα καὶ ἡμῶν μετὰ πάντων τῶν καταφευγόντων αὐτοῖς τῶν κατὰ ψυχὴν ἀντιλάβωνται καὶ ἐγγράψωσιν

1) См. Византийскій Временникъ V (1898), стр. 483 сл.; VI (1899), стр. 448 сл. Редакция къ сожалѣнiю лишена возможности издаваемые документы слѣдить съ подлинными, находящимися въ Лаврѣ св. Аθανасiя, и считаетъ своимъ долгомъ принести свою благодарность г-ну Эд. Курцъ, оказавшему любезное содѣйствiе при исправленiи корректуры.

καὶ ἡμᾶς ἐν τοῖς ἱεροῖς διπτύχοις τῆς ἐκκλησίας, τοῦ μνημονεύεσθαι ἐν τῇ
 θεῖᾳ ἱερουργίᾳ εἰς ἐξίλασμόν τῶν ἁμαρτιῶν ἡμῶν, καὶ ὑπὲρ τοῦ τοιούτου
 ἀγαθοῦ τὴν πᾶσαν ἡμῶν ὑπόστασιν, ὅση καὶ ὅλα ἐστὶ, ἀπὸ τῆς σήμερον
 ἡμέρας τῇ Ἁγίᾳ Λαύρᾳ ἤδη προσκυροῦντες καὶ χαρίζομενοι εἰς τοὺς ἐξῆς
 ἅπαντας καὶ διηνεκεῖς χρόνους· ἦτοι τὴν αὐλὴν τὴν ἔσωθεν τοῦ θεοσώστου
 κάστρου Ἱερισσοῦ, τὴν παρ' ἡμῶν ἐξωνηθεῖσαν ἀπὸ Ἰωάννην διάκονον τὸν
 Ξυλοκαράβην, μετὰ πάσης τῆς περιοχῆς αὐτῆς καὶ διακρατήσεως τῶν
 τε οἰκημάτων καὶ πάντων τῶν ὄντων ἐν αὐτοῖς, ἦτοι βαγενίων καὶ
 ξυλοβαράδων καὶ λοιπῶν χρηστηρίων καὶ ἀμπελίων, τὸ μὲν ἐν ὃν καὶ
 διακείμενον ἐν τῇ τοποθεσίᾳ τῶν Καταδαιμόνων, ὅπερ καὶ ἐξωνησάμεθα
 ἀπὸ Μαρίας Μέντικας, τὸ δὲ ἕτερον ὃν καὶ διακείμενον πλησίον τοῦ
 χωραφίου τῆς αὐτῆς Μέντικας, ὅπερ ἐξωνησάμεθα ἀπὸ Νικόλαον υἱὸν
 Θεοδώρου ἀπὸ χωρίου Ζητιτζᾶν· καὶ ἀνατιθέαμεν ταῦτα, ὡς εἴρηται, καὶ
 δωρούμεθα τῇ Ἁγίᾳ Λαύρᾳ καὶ τῷ μέρει αὐτῆς, δεδωκότες αὐτοῖς καὶ τοὺς
 ἀγοραίους χάρτας αὐτῶν, καὶ ἀπὸ τῆς σήμερον ἡμέρας ἵνα ἔχωσι ταῦτα
 εἰς ἰδίαν ἐξουσίαν καὶ κυριότητα οἱ τῆς Λαύρας πατέρες καὶ οἱ μετ' αὐτοὺς
 καὶ τὸ μέρος αὐτῶν εἰς τὸ διηνεκές. αὐτοὶ γὰρ ἡμεῖς ἐσμεν ἀπὸ τοῦ νῦν
 ὡς κατὰ πνεῦμα ἐνωθέντες αὐτοῖς καὶ μία ψυχὴ γεγονότες καὶ τῆς
 Λαύρας ὄντες ἀδελφοὶ καὶ ἡμεῖς, καὶ ἕως μὲν ἂν ζῶμεν καὶ τῷ βίῳ
 τούτῳ περίεσμεν, ἵνα ἔχωμεν εἰς ταῦτα τὴν ἐξουσίαν καὶ δεσποτείαν
 αὐτῶν, ἐπεὶ περ ἄλλοθεν διαζῆν οὐκ ἔχομεν καὶ τὰ πρὸς τροφὴν ἀναγκαῖα
 πορίζεσθαι· μετὰ δὲ τὴν ἡμῶν ἀποβίωσιν ἵνα ἀναλαμβάνηται τούτων ἡ
 Λαύρα, ὡς εἴρηται, καὶ τὸ μέρος αὐτῆς, ἐπεὶ πατέρες ἡμῶν εἰσιν ἀπὸ τοῦ
 νῦν ὡς καὶ ἡμεῖς αὐτῆς τέχνα πνευματικά· οὐδενὸς οὖν τῶν ἀπάντων ἔχο-
 μεν ἐξουσίαν ἀπὸ τοῦ νῦν ἢ πρόφασιν τὴν οἰανοῦν εὐλογον ἐπὶ μετᾱμελλον
 ἔλθειν καὶ πρὸς ἀνατροπὴν χωρῆσαι τῆς παρούσης δωρεᾶς καὶ τῶν καλῶς
 δεδογμένων ἡμῖν, ἢ ἴσως ἡμεῖς αὐτοὶ ἢ τις τῶν οἰκείων ἡμῶν κληρονόμων
 ἢ συγγενῶν ἢ ἰδίων. ἀλλ' ὅστις ἂν φανείῃ ποτὲ καιρῷ ἢ χρόνῳ τοῦτο ποιῶν
 καὶ βουληθεῖ ἀκυρῶσαι τὴν παροῦσαν προσκυρωτικὴν δωρεάν, ὁ τοιοῦτος
 ἀλλότριος εἴη τῆς τῶν χριστιανῶν πίστεως, καὶ σχοίη τὴν ἀράν τῶν ἁγίων
 πατέρων ὡς ἐχθρὸς καὶ πολέμιος τῆς ψυχικῆς σωτηρίας ἡμῶν καὶ
 τῷ διαβόλῳ καθ' ἡμῶν βοηθῶν, παράσχοι δὲ καὶ λόγῳ προστίμου εἰς τὸ
 μέρος τῆς εὐαγεστάτης Λαύρας χρυσίου λίτραν μίαν καὶ ἐν τῷ βασιλικῷ
 βεστιάριῳ νομίσματα κδ'. καὶ εἰδ' οὕτω βεβαίαν καὶ ἰσχυράν καὶ ἀμετά-
 τρεπτον εἶναι βουλόμεθα τὴν παροῦσαν ἀπλὴν δωρεάν καὶ ἀμεταμέλητον,
 καὶ ἐπὶ παντὸς δικαστηρίου ἐμφανίζομεν ἐξωρίσθαι μὲν τοὺς αὐτὴν ἀνα-
 τρέπειν ἐθέλοντας, αὐτὴν δὲ τὴν νικῶσαν λαμβάνειν ψῆφον καὶ δικαιῶσαν
 τῷ μέρει τῆς Λαύρας ψυχικῆς σωτηρίας ἡμῶν ἐνεκεν.

Ἐγράφη ταῦτα διὰ χειρὸς Κωνσταντίνου τοῦ ἐν τῷ ἄρχοντι διακειμένου Ἱερισσῷ. μηνὶ Φεβρουαρίῳ, ἰνδικτιῶνος ια', ἔτους ςρκα' (=1013).

+ Νικηφόρος ἐλέφ θεοῦ ἐπίσκοπος Ἱερισσοῦ οἰκεία χειρὶ ὑπεσημηνάμην.

+ Στέφανος κουβουκλείσιος παρὼν ἐπὶ τῇ παρούσῃ δωρεᾷ καὶ μαρτυρῶν ὑπέγραψα ἰδιοχείρως.

+ Γεώργιος ἀνεψιὸς τοῦ μακαριωτάτου ἐπισκόπου ὑπέγραψα ἰδιοχείρως.

+ Ἰωάννης Στεφάνου ὑπέγραψα ἰδιοχείρως.

+ Γεώργιος πρεσβύτερος ὑπέγραψα ἰδιοχείρως.

+ Λέων υἱὸς τοῦ μακαρίτου πρωτοπαπᾶ ὑπέγραψα ἰδιοχείρως.

+ Κυριακὸς πρεσβύτερος ὑπέγραψα ἰδιοχείρως.

+ Δημήτριος ἀπὸ δρουγγαρίων ἐπεβεβαίωσα.

15.

Ἐγγραφον ἀνταλλαγῆς.

Σίγνον	Γεωργίου	Σίγνον	Ἑλένης	Σίγνον	Θεοδώρου	Σίγνον	Λέοντος
υἱοῦ	Σακκούλη.	θυγατρὸς	αὐτοῦ.	ἀνδρός	αὐτῆς.	γαμβροῦ	αὐτῶν.

Ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος. ἡμεῖς οἱ προαναφερόμενοι οἱ τοὺς τιμίους καὶ ζωποιοὺς σταυροὺς ἰδιοχείρως ποιήσαντες, ὃ τε Γεώργιος καὶ Ἑλένη καὶ Θεόδωρος ὁ ταύτης σύνευνος, καὶ Λέων ὁ τούτων γνήσιος γαμβρὸς, ἀμφοτέροι υἱοὶ καὶ κληρονόμοι Σακκούλη, ἀσφαλιζόμεθα διὰ τοῦ παρόντος ἡμῶν ἰδιοχείρου πρὸς σὲ Εὐστράτιον μοναχὸν καὶ ἡγούμενον τῆς Λαύρας τῆς μεγάλης καὶ πρὸς σὲ Αὐξέντιον μοναχὸν καὶ οἰκονόμον Ἱερισσοῦ ἐπὶ τῇ τοιαύτῃ ὑποθέσει. ἐπεὶ διαφερόμεθα ἡμεῖς ἔχοντες ἀμπελῶνα εἰς τὰς Συκὰς ὥσει πλῆδρων δύο σὺν τῷ φράκτῃ καὶ χωράφιον πλησίον τοῦ αὐτοῦ ἀμπελῶνος ἔχον ὀργυῖας ἑξήκοντα τοῦ πλῆδρου ρξέ, καὶ ἰδοὺ τὴν σήμερον ἡμέραν ἐξ ἀρεσκείας ἡμῶν καὶ ὑμῶν, χωρὶς βίας καὶ ῥαδιουργίας ἢ φόβου ἢ δελεασμοῦ, ἀντικαταλλάσσουμεν τοῦτον τὸν ἀμπελῶνα σὺν τῷ χωραφίῳ καταλλάσσουμεν πρὸς τὴν σεβασμίαν ταύτην Λαύραν, καὶ ἀναλαμβάνομεθα τὴν σήμερον ἀντ' αὐτῶν ἕτερον ἀμπελῶνα ἐκ τοῦ μέρους τῆς Λαύρας εἰς τοῦ Θεοφίλου τὸν λόφον πλησίον τῆς Τρεσπουλίας ὥσει πλῆδρων τεσσάρων ἐν

διπλῇ ποσότητι, καὶ ἕτερον ἀμπελῶνα σὺν τῷ πατητηρίῳ καὶ τῷ χερσαμ-
πέλῳ μέχρι τοῦ τράφου τοῦ ὄντος μέσον τοῦ ἀμπελῶνος εἰς τὰς Τεσράσας
καὶ λοιπὰ δένδρη, ἤγουν καὶ αὐτὰ ἐν διπλῇ ποσότητι. ὡσαύτως ἀντιλαμ-
βανόμεθα καὶ τὸ ἀντίπερα τοῦ τράφου ἀμπέλιον σὺν τῷ χερσαίῳ τόπῳ,
καὶ δεδώκαμεν καὶ ἡμεῖς οἱ προαναφερόμενοι ἀντὶ τῶν τοιούτων ἀμπελῶ-
νων καὶ χερσαίων τόπων ἕτερον χωράφιον εἰς τὴν Πρόβλακα, καὶ ἰδοὺ ἀπὸ
τὴν σήμερον ἡμέραν ἔχειν καὶ δεσπόζειν τὴν Λαύραν τὰ ἡμέτερα καὶ
ἡμεῖς τὰ τῆς Λαύρας. εἰ δὲ φανῶμεν ἀμφοτέροι, εἴτε τὸ μέρος τῆς Λαύρας,
εἴτε τὸ μέρος τὸ ἡμέτερον, κίνησιν τὴν οἰανοῦν ποιῆσαι, ἢ κληρονόμος τις
εὐρεθῇ ἀνατρέπων, ἵνα ὑποστῶμεν ἡμεῖς τὰ διδόμενα τόπια παρ' ἡμῶν
καὶ οὕτως ὁ ἀνατρέπων ἐν πρώτοις μὲν ἔστι ξένος τῆς ἀγίας τριάδος,
ζημιούμενος καὶ λόγον προστίμου νομισμάτων λίτραν μίαν ἐν τῷ βασιλικῷ
βεστιαρίῳ· καὶ εἰδ' οὕτως ἰσχυρὰν καὶ βεβαίαν μένειν τὴν τοιαύτην ἀντ-
αλλαγὴν.

Ἐγράφη ὁ τοιοῦτος λόγος τῆς φανεραῆς ἀνταλλαγῆς διὰ Γρηγορίου
ἀνεψίου τοῦ μακαριωτάτου ἐπισκόπου κατενώπιον τῶν υπογραψάντων
μαρτύρων. μηνὶ Νοεμβρίῳ, ἰνδικτιῶνος β', ἔτους ςϥκζ' (= 1018).

+ Νικηφόρος ἐλέῳ Θεοῦ ἐπίσκοπος Ἱερὶσσοῦ οἰκείᾳ χειρὶ
ὑπεσημηνάμην.

+ Θεοδόσιος δομέστικος οἰκείᾳ χειρὶ ὑπεσημηνάμην.

+ Λέων πρεσβύτερος καὶ ἱερομνήμων οἰκείᾳ χειρὶ ὑπεση-
μηνάμην.

+ Γεώργιος πρεσβύτερος ὁ Ῥαζῆς οἰκείᾳ χειρὶ ὑπεσημη-
νάμην.

+ Γεώργιος πρεσβύτερος ὁ Φεΐλης(?) οἰκείᾳ χειρὶ ὑπεσημη-
νάμην.

+ Βασιανὸς καὶ (?) Πέτρος ὁμοίως οἰκείᾳ χειρὶ ὑπεσημη-
νάμην.

16.

Περὶ τοῦ μετοχίου τῆς μονῆς τοῦ Σωτῆρος ἐν Ἱερὶσσῷ.

Ἰωάννης Βέρρης βασιλικὸς νοτάριος τῶν οἰκειακῶν στρατευμάτων καὶ
ἀναγραφεὺς Σμολένων σὺν τῇ νέᾳ διοικήσει Θεσσαλονίκης καὶ Σερρῶν, ὁ
Καταφλωρῶν, κατὰ τὴν θείαν καὶ βασιλικὴν πρόσταξιν τοῦ κραταιοῦ καὶ
ἀγίου ἡμῶν βασιλέως ἐρευνᾷ ποιούμενος τῶν ἐπεχόντων πρὸ ἡμῶν πρα-
τηρίων πράξεων, λέγω δὴ Ἰωάννου Ἀσβεστᾶ ἀσκηρίτου καὶ γεγονότος

κριτοῦ καὶ ἀναγραφῆως Βολεστῶν καὶ Στρυμῶνος καὶ Θεσσαλονίκης, πρὸς δὲ καὶ Ἀνδρονίκου αὐθέντου καὶ κριτοῦ χρηματίσαντος τῶν αὐτῶν θεμάτων καὶ μέχρι τοῦ δισυπάτου Λέοντος, ὡς κακείνου κατὰ τὴν παρούσαν γῆν κριτοῦ καὶ ἀναγραφῆως χρηματίσαντος· ἀκριβῶς καὶ ἡμεῖς τὰς τούτου πράξεις ἀναζητήσαντες, πολυπραγμονήσαντες τε καὶ ἐπιμελῶς διελθόντες ἀνεγραψάμεθα καὶ τὸ μετόχιον τοῦ Σωτῆρος τῆς μονῆς τοῦ Καλλινίκου τὸ ἀπὸ τῆς ὑποταγῆς τοῦ κάστρου Ἐρισοῦ, καὶ ἐτυπώσαμεν καὶ τὸ τούτου δημόσιον κατὰ τὸ δέον ἐπαυξήσαντες ἐπὶ τῶν πρώην δημοσιακῶν τελῶν ἐκτελέσματι, καθὼς ὑποτέτακται ἐν τῇ θείᾳ διοικήσει Θεσσαλονίκης, ἐνορίᾳ Ἐρισοῦ τὸ ἄνω μετόχιον τοῦ Σωτῆρος τῆς μονῆς τοῦ Καλλινίκου, ὑπὲρ γῆς σπαρμένης, χερσαίας, νομαδιαίας, καὶ ὀρεινῆς, σὺν καὶ τῶν ἑσῶθεν καὶ τῶν ἐτέρων οὐδαμινῶν ἀκινήτων ὀσπητιαίων διὰ Βαρδολομαίου μοναχοῦ καὶ καθηγουμένου τοῦ αὐτοῦ μετοχίου τοῦ Σωτῆρος τῆς μονῆς Καλλινίκου, σὺν τῇ νῦν παρ' ἡμῶν γενομένη αὐξήσει, τὸ πᾶν ὑπέρπυρα φ', καὶ τὸ κανίσκιον αὐτοῦ ψωμὸν ἓν, ὀρνίθων ἓν, κριθῆς μόδια ζ', οἴνου μέτρα τρία, καὶ πλεον οὐδέν. ἐφ' ὧν γὰρ ὑπεγράφη καὶ σφραγισθὲν ἐπεδόθη μηνὶ Ἰουλίῳ, ἰνδικτιῶνος β', ἔτους ςφπζ' (= 1079).

+ Ἰωάννης Βέρρης βασιλικὸς νοτάριος τῶν οἰκειακῶν στρατευμάτων, Σμολένων ἀναγραφεὺς σὺν τῇ νέᾳ διοικήσει Θεσσαλονίκης καὶ Σερρών, ὁ Καταφλορῶν.

17.

Διαφορὰ περὶ τινος τόπου μεταξὺ τῶν μονῶν Λαύρας καὶ Ξηροποτάμου.

Οἱ τῆς εὐαγεστάτης μεγάλης Λαύρας μοναχοὶ τοῦ μεγάλου Ἀθανασίου, καὶ οἱ τῆς σεβασμίας μονῆς τοῦ Ἁγίου Νικηφόρου τοῦ Ξηροποτάμου, φιλονεικίαν ἐσχηκότες περὶ τινος χωραφιαίου τόπου τοῦ ὄντος καὶ διακειμένου ἐν τῇ περιοχῇ τοῦ Λαγούδου· καὶ οἱ μὲν τῆς μεγάλης Λαύρας ἔλεγον, ὅτι ἐν τοῖς τῆς Λαγουδίας δικαίοις διαφέρει τὸ τοιοῦτον χωράφιον, ὅπερ ἀπέδοτο ἡ αὐτὴ Μαρία ἡ Λαγουδία μετὰ Κωνσταντίνου τοῦ ταύτης ἀνδρός, μετὰ πάσης αὐτῆς τῆς οἰκίας καὶ διακρατήσεως, ψυχικῆς ἐνεκεν σωτηρίας αὐτῆς καὶ τοῦ ταύτης ἀνδρός ἐν τῇ μεγάλῃ Λαύρᾳ· οἱ δὲ τοῦ Ἁγίου Νικηφόρου τοῦ Ξηροποτάμου ἔλεγον ὅτι τῇ ἡμετέρᾳ μονῇ διαφέρει. καὶ πολλὰ δικάσιμα καὶ συζητήσεις ἐσχηκότες ἡρετίσαντο ἀμφοτέροι, ἵνα χωρισθῇ διὰ ζώσης φωνῆς καὶ τῶν ἀρχαιότητι διαφερόντων ἀνδρῶν τὸ τοιοῦτον ἐπίμαχον χωράφιον· ὃ καὶ γέγονεν. καὶ δὴ λαβόμενοι Βαρνάβας

μοναχός και οἰκονόμος τοῦ μετοχίου τῆς Ἱερисσοῦ Δημήτριον τὸν Μακρὺν, ἄνδρα συνετὸν και ἀγαθῆς πολιτείας ὑπάρχοντα, συμπαρόντων και ἡμῶν τῶν και κάτωθεν ὑπογραψάντων, παρόντων και Θεοδωρήτου μοναχοῦ και μεγάλου οἰκονόμου τοῦ Ξηροποτάμου, και Δημητρίου μοναχοῦ και οἰκονόμου τῆς Ὀζολίμνης, τοῦ μετοχίου τῆς αὐτῆς μονῆς τοῦ Ξηροποτάμου, και ἀπελθόντες ἀμφότεροι ἐπὶ τὸ ἐπίμαχον χωράφιον, οἱ ἐκ προστάξεως τοῦ καθηγουμένου, ὡς ἐφρηται, τῆς μονῆς τοῦ Ξηροποτάμου ἐλθόντες, ἐκβαλὼν Δημήτριος μοναχός τὸν τίμιον σταυρὸν δέδωκεν αὐτὸς τῷ προρηθέντι Δημητρίῳ τῷ Μακρεῖ, λέγοντες· ἰδοὺ ὁ τίμιος σταυρός, λάβε τοῦτον, ὡς ἀρχαιότητι διαφέρων, και διάλυσον τὸ ἐπίμαχον τόπιον· και ἐνώπιον ἡμῶν λαβόμενος τὸν τίμιον σταυρὸν ὁ εἰρημένος Δημήτριος ὑπέδειξεν ἡμῖν πρῶτον τὸ σύνορον, ὃ ἴσταται πρὸς δύσιν μέσον τοῦ αὐτοῦ χωραφίου, διαχωρίζον τὸ χωράφιον τοῦ Σγουράκη πρὸς δύσιν, ἐν ᾧ και σταυρὸν ἐν αὐτῷ πεποιήκαμεν· και κόπτει τὰ ἴσα ὁ αὐτός Δημήτριος πρὸς ἄρκτον τοῦ αὐτοῦ συνόρου μέχρι τῆς Στεφανέσσας τοῦ χωραφίου τοῦ Ξηροποτάμου, ἐν ᾧ ρίζιμαία πέτρα ὑπάρχει, και ἐσφραγίσαμεν αὐτήν, και ἐκνεύει πρὸς ἀνατολὰς κρατοῦν τὴν αὐτὴν Στεφανέσσαν μέχρι τοῦ χερσαμπέλου Κωνσταντίνου τοῦ Χαρσιανίτου, και κάμπτει πρὸς μεσημβρίαν διαχωρίζον ἀριστερὰ τὸ χερσαμπέλον τοῦ Χαρσιανίτου, και διέρχεται τὴν ἀχλαδέαν μέχρι τοῦ βάσταγος, και κάμπτει πρὸς δύσιν ἀφίνον ὀπισθεν τὸ χερσαμπέλον τῆς Λαγουδίας, ὅπερ ἐπονομάζεται Καταδαίμονες, και ἀποδίδει μέχρι τοῦ αὐτοῦ χωραφίου τοῦ Σγουράκη τὰ ἴσα τοῦ αὐτοῦ συνόρου, ἐνθα και ἤρξατο. ταῦτα ἐνώπιον ἡμῶν πραχθέντα ἐν φόβῳ Θεοῦ και ἀληθείας και μὰ τὸν ἕνα Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν, ἐγράψαμεν εἰς τὸ μαρτυρεῖν, και πρὸς περισσοτέραν ἀσφάλειαν και διηνεκῇ δικαίωσιν και καταδίκην τοῦ μέρους τῆς μονῆς Ξηροποτάμου ἐγγράφως τοῦτο ἐξεδέμεθα, ὡς ἂν ἀπὸ τοῦ νῦν ἔχωσιν ἀμφότεροι τὸ εἰρηνικὸν και ἄμαχον, και διὰ τοῦτο τοὺς τιμίους και ζωποιοὺς σταυροὺς πεποιήκαμεν. τὸ δὲ ὅλον ὕφος προετρεψάμεθα γενέσθαι χειρὶ Γεωργίου κουβουκλεισίου και νομικοῦ· μηνὶ Ὀκτωβρίῳ, ἰνδικτιῶνος δ', ἔτους ςφπθ' (= 1080).

+ Δημήτριος ὁ Μακρὺς ὁ και διαχωρίσας τὸ τοιοῦτον χωράφιον ὑπέγραψα τὸν τίμιον σταυρὸν, τὸ δὲ ὕφος τοῦ νομικοῦ.

+ Δημήτριος ἐλέφ Θεοῦ πρεσβύτερος και δευτερεύων παρῶν και μαρτυρῶν ὑπέγραψα ἰδιοχείρως.

+ Λέων πρεσβύτερος ἐλέφ Θεοῦ και δομέστικος παρῶν ὑπέγραψα.

+ Γεώργιος ὁ ἔκγονος και οἰκονόμος τοῦ Θεοφιλεστάτου ἐπισκόπου Ἱερисσοῦ παρῶν ὑπέγραψα.

+ Δημήτριος ὁ Φιλοκοράσης παρῶν ὑπέγραψα.

+ Γεώργιος κουβουκλείσιος καὶ νομικὸς ὁ καὶ τὸ ὅλον ὕφος γράφας ἐτελείωσα.

18.

Πρᾶσις.

Ἰωάννης καὶ Μαρία οἱ γνήσιοι αὐτάδελφοι καὶ παῖδες τοῦ πατῆρος Δημητρίου ἐκείνου τοῦ υἱοῦ τοῦ Φωτεινοῦ, οἱ τοὺς τιμίους καὶ ζωοποιούς σταυρούς ἡμῶν ἰδιοχείρως ποιήσαντες, τὴν παροῦσαν ἔγγραφον καὶ ἐνυπόγραφον τελείαν καὶ ἀμεταμέλητον ἀπεντεῦθεν ἤδη πρᾶσιν μετὰ καθολικοῦ δεφενσίωνος καὶ γενικῆς ὑποθήκης τῆς καθ' ἡμᾶς ἀπάσης περιουσίας, ἧς τε ἔχομεν καὶ ἧς μέλλομεν προσεπικτιῖσθαι, τιθέμεθα καὶ ποιούμεν ἐκουσίως καὶ ἀβιάστως χωρὶς δέ τινος δόλου καὶ τρόπου, οὐ κατὰ τινὰ βίαν ἢ χλεύην ἢ ἀπάτην ἢ τῶν ἄλλων ἀπάντων τῶν τοῖς νόμοις ἀπηγορευμένων, πρὸς σὲ Κωνσταντῖνον τὸν τὴν προσηγορίαν Τριφύλλην καὶ πρὸς ἅπαν τὸ ὑπὸ σὲ πρόσωπόν τε καὶ μέρος, κληρονόμους δηλαδὴ καὶ διαδόχους καὶ παντοίους διακατόχους σου, καὶ ἔστιν ὡς ὑποτέτακται. τῇ σήμερον γὰρ ἡμέρᾳ ὡμολογήσαμεν καὶ ὁμολογοῦμεν διαπεπρακέναι καὶ ἀποδεδωκέναι πρὸς σὲ τὸν εἰρημένον Κωνσταντῖνον τὸν Τριφύλλην καὶ πρὸς ἅπαν τὸ μέρος σου τὸ ἀπὸ μητρῴας κληρονομίας (?) περιελθόν τι ἡμῖν ἀμπέλιον μοδιῶν τριῶν πλέον ἢ ἔλασσον, ὅσον καὶ οἷόν ἐστιν ἡμελημένον. ἔτι σὺν τούτῳ πιπράσχομέν σοι καὶ χέρσον μοδιῶν δύο πλέον ἢ ἔλασσον, τὸ πρὸς ἀνατολὰς κείμενον τοῦ τοιοῦτου ἀμπελίου, εἰς τὸ παράδρομον ἔχον τὸ τοιοῦτον χέρσον καὶ δένδρα κάρπιμα, ἐλαίαν μίαν καὶ συκέας. ταῦτα τοιγαροῦν τὰ ἐν τῇ περιοχῇ διακείμενα τοῦ Μαρμαροσύρτη καὶ πλησίον ὄντα, κατὰ μὲν ἀνατολὰς Ἰωάννου τοῦ γειτονιάρχου, ἐκ δύσεως Νικολάου Κλινικοῦ τοῦ Στριβοῦ, ἐξ ἄρκτου ἢ σὴ τοῦ ἡγορακότος δεσποτεία, ἐκ μεσημβρίας δὲ ὁ δρόμος ὁ ἀπὸ τὸν Ἁγίων Θωμᾶν εἰς Θεσσαλονίκην ἀπερχόμενος, ἀπεδόμεθα πρὸς σὲ τὸν ἡγορακότα Κωνσταντῖνον τὸν Τριφύλλην πράσει βεβαίᾳ καὶ ἀμεταμελήτῳ καὶ ἐκομισάμεθα τὸ ὑπὲρ αὐτῶν στοιχηθὲν παρ' ἡμῶν τίμημα καὶ ἀρεσθὲν τοῦ χρυσοῦ διαχαράγματος νομίσματα τεσσαράκοντα καὶ πέντε τραχέα. ἃ δὴ καὶ λαβόντες ταῦτα τὰ τοῦ χρυσοῦ τεσσαράκοντα πέντε νομίσματα, τὸ ὅλον δηλονότι τίμημα τῶν τοιούτων ἀκινήτων δικαίων, καλῶς ἔχειν καὶ σὲ καὶ διακατέχειν τὰ πεπραμένα σοι, τὸ τε ἀμπέλιον καὶ τὸ χέρσον, τὴν ἅπασαν ἡμῶν δεσποτείαν καὶ κυριότητα ἀνεγκρατῆτως ἐπὶ τελείᾳ σου

τῇ δεσποτείᾳ καὶ κυριότητι εἰς τὸ πωλεῖν αὐτὰ, δωρεῖσθαι, προικίζειν, ἀνταλλάττειν, βελτιοῦν τὸ χέρσον, κληρονόμοις ἑᾶν καὶ διαδόχοις καὶ τοσαῦτα ἕτερα πράττειν σε ἐπ' αὐτοῖς, ὅσα οἱ νόμοι ἄδειαν διδόασιν καὶ ἐξουσίαν ποιεῖν καὶ πράττειν ἀκωλύτως τοῖς τελείοις δεσπόταις. εἰ δέ ποτε καιρῷ ἢ χρόνῳ μετὰμελοι γενώμεθα καὶ πρὸς ἀνατροπὴν βουλευθῶμεν χωρῆσαι τῆς παρούσης ἡμῶν καθαρᾶς πράσεως, καὶ οὐ μᾶλλον εἰ καὶ πρὸς τινος ὀγλήσεως τοῦ οἰουδήποτε προσώπου οὐχ ἰστάμεθα καὶ διεκδικῶμεν καὶ διαφενδεύομεν καθολικὴν δεφενσίωνα καὶ παντάπασιν σὲ τηρῶμεν ἀνενόχλητον καὶ ἀζήμιον μετὰ παντὸς τοῦ μέρους ἡμῶν καὶ τῶν κληρονόμων καὶ διαδόχων ἡμῶν σὺν παντὶ τῷ μέρει σου καὶ τοῖς κληρονόμοις καὶ διαδόχοις σου, μὴ μόνον ὃ εἰλήφαμεν ἀπὸ σοῦ τίμημα εἰς τὸ διπλάσιον ζημούμεθα πρὸς σέ καὶ τὸ μέρος σου, ἀλλὰ καὶ λόγῳ προστίμου ἐξαπατιτούμεθα πρὸς μὲν τὸ κατὰ σὲ πρόσωπον καὶ μέρος χάραγμα χρυσῶν νομισμάτων λίτραν μίαν, πρὸς δὲ τὸ μέρος τοῦ δημοσίου τῶν κατανομίων σὺν καὶ πασῶν σου τῶν ἐξόδων καὶ βελτιώσεων, ὡς ἀποταξάμενοι καὶ τὸν ὑπερδεματισμὸν τοῦ διπλασιασμοῦ τοῦ τιμήματος καὶ πᾶσαν ἄλλην δικαιολογίαν καὶ πρόφασιν, μὰ τὸν κύριον καὶ θεὸν ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν καὶ τὴν ὑπεραγίαν Θεοτόκον. ὑποτιθέμενοί σοι καὶ λόγῳ ὑποθήκης τὸ πατρῷον ἡμῶν διώροφον ὀσπήτιον, τὸ πλησίον Κωνσταντίνου ἱερέως τοῦ Πατρίκου ἐν τῇ γειτονίᾳ τῶν Ἀσωμάτων, καὶ πᾶσαν ἡμῶν τὴν περιουσίαν ἀλληλεγγύως καὶ ἀλληλοδιαδόχως. ἐπὶ τοῦτο γάρ καὶ τὴν παροῦσαν καθαρὰν πρᾶσιν ἐξεδέμεθα πρὸς σέ, γραφεῖσαν χειρὶ Μιχαὴλ ἱερέως τοῦ Καζίκη νοταρίου, <βεβαιούντος> τοῦ χαρτουλαρίου τῆς νέας <Λοβελισιόνος> Στεφάνου, κληρικοῦ τῆς ἁγίας Σοφίας καὶ πριμικηρίου τῶν ἐν Θεσσαλονίκῃ νομικῶν, τοῦ Ἀργυροῦ. μηνὶ Δεκεμβρίῳ, ἰνδικτιῶνος ς', ἔτους ςχς' (=1097).

+ Ἰωάννης καὶ Μαρία κτλ.

+ Θεόδωρος υἱὸς Χωφέως ὁ σκηνοποιὸς στέργων τὴν πρᾶσιν τῆς συμβίου μου Μαρίας καὶ μαρτυρῶν ὑπέγραψα.

+ Καθαρὸς πρεσβύτερος τοῦ Κυρτοῦ μαρτυρῶν ὑπέγραψα.

+ Νικόλαος διάκονος ὁ τοῦ Στάρου μαρτυρῶν ὑπέγραψα.

+ Ἰωάννης ἀπὸ τῶν Καλυμαυκάδων ὁ Ἀρμένης.

+ Λέων Γοννοσειῶν ὁ Συναδινός.

+ Μιχαὴλ ἱερεὺς ὁ νοτάριος.

+ Στέφανος κουβουκλείσιος τῆς ἐν Θεσσαλονίκῃ μεγάλης ἐκκλησίας, χαρτουλᾶριος τῆς νέας Λοβελισιόνος καὶ πριμικήριος τῶν ταβουλαρίων, τὴν παροῦσαν πρᾶσιν βεβαιῶν ὑπέγραψα.

Ἀφιερωτήριον Ματθαίου Περδικάρου κτήτορος τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἀγιοτριαδικῆς μονῆς¹⁾).

Ματθαῖος Περδικάρης προέταξα. ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος. Ματθαῖος ἱερομόναχος ὁ Περδικάρης καὶ κτήτωρ τῆς αὐτοδεσπότου σεβασμίας γονικῆς μου μονῆς Ἀγιοτριαδικῆς, ὁ αὐτοχείρως ἐνταῦθα προτάξας τὸ παρὸν τῆς αὐτοπροαιρέτου ἀποκαταστάσεως καὶ ἀφιερώσεως τῆς Ἀγιοτριαδικῆς ἐλευθέρας, παντελευθέρας καὶ αὐτοδεσπότου, ὡς εἴρηται, μονῆς <ἔγγραφον>, ποιῶ πρὸς ὑμᾶς τοὺς κατὰ κόσμον γνησίους υἱούς μου εὐλαβεῖς τρεῖς μοναχοὺς, τὸν κῦρ Διονύσιον, τὸν κῦρ Ἰωαννίκιον καὶ τὸν κῦρ Μάξιμον, δι' οὗ ἐγγράφου καὶ ἀπ' ἐντεῦθεν καὶ ἀπ' αὐτῆς τῆς σήμερον θέλω ἔχειν ὑμᾶς εἰς ἐξουσίαν ὡς κληρονόμους μου τὴν τοιαύτην μονήν, τὴν κειμένην ἀνατολικωτέρως τῆς ἐνταῦθα Ἑβραίδος (εἰς ἣν μονήν καὶ ὑπὲρ ἀνεγέρσεως κατεβαλόμεν τὸν ἅπαντά μου βίον), καὶ ἄρχειν ὑμᾶς ἐν αὐτῇ· καὶ ἀπὸ τοῦ νῦν ἄδειαν ἔχειν γνώμη τῶν τριῶν παραπέμπειν ταύτην ὅπου καὶ βούλησθε ἀκωλύτως παρ' οἰουδήτινος τῶν ἀπάντων, καὶ μετὰ θάνατόν μου ἐξάγειν σε τὸν κῦρ Διονύσιον τοὺς δύο μοναχοὺς²⁾ εἰς τὴν ἡγουμενείαν ὡς πρωτόγονον καὶ ὡς ἐξ οἰκείων σου ἱκανὰς ἐξόδους ἐν τῇ αὐτῇ μονῇ καταβαλόντα, καθὼς οἶδασιν οἱ πολλοὶ καὶ αὐτοὶ οἱ μοναχοὶ δύο ἀδελφοὶ σου, οἵτινες καὶ ὀφείλουσι σοι ὑποτάσσεσθαι καὶ ὑπακούειν, ὡς δεῖ καὶ ὡς μοναχοῖς πρέπει, καὶ μετὰ τὴν σὴν ἀποβίωσιν, εἴπερ οὐ φθάσητε ὡς ἐξουσιασται καὶ κληρονόμοι μου κοινῇ βουλῇ τῶν τριῶν παραπέμψαι τὴν τοιαύτην ἐλευθέραν παντελευθέραν καὶ αὐτοδεσποτον γονικὴν μου Ἀγιοτριαδικὴν μονήν πρὸς πρόσωπον ἑτερον, ἔστω ἐκ τούτων τῶν δύο ὁ πολυχρονιώτερος, ὁ καὶ Ἰωαννίκιος καλούμενος, εἰς τὴν ἀρχὴν τῆς αὐτῆς μονῆς, καὶ μετὰ τοῦτον ὁ ἄλλος, ὅς καὶ ὀφείλει ἀποκαδιστᾶν ἀκωλύτως καὶ ἀπαρεμποδίστως εἰς τὴν αὐτοῦ τελευτὴν πρόσωπον εὐάγωνον, ὅποιον βούλεται, δυνάμενον συνιστᾶν καὶ περιποιεῖσθαι παντοίως τὴν αὐτὴν μονήν. καὶ οὕτω καθεξῆς ὀφείλει αὕτη διέρχεσθαι ἀνεπικωλύτως εἰς τὴν ἡγουμενείαν ἐκ προσώπου εἰς πρόσωπον, μέχρις ἂν ὁ παρῶν διαρκοίῃ αἰὼν. ἐν ἐπιτιμίαις δὲ ἔστω ὁ ἀπὸ τῆς τελευτῆς μου καὶ

1) Πρὸ πενταετίας ἔπεμψα τοῦτο εἰς τὴν ἐν Κωνσταντινουπόλει «Ἑταιρείαν τῶν Μεσακωνικῶν Ἑρευνῶν». Ἀνάγνωθι «Ἑβδομαδικαίαν Ἐπιθεώρησιν Νεολόγων», 1892, σελ. 129 καὶ 718.

2) Οἱ τρεῖς οὗτοι ἀδελφοὶ ἀφίερωσαν τὴν ἐν λόγῳ μονήν εἰς τὴν Λαύραν, ἐν ἣ καὶ ἐγκατεβίωσαν.

μέχρι τοῦ αἰῶνος τούτου ἡγουμενεύων ἐν τῇ δεδηλωμένῃ ἐλευθέρᾳ παντ-
 ἐλευθέρᾳ γονικῇ μου αὐτοδεσπότῳ Ἀγιοτριαδικῇ μονῇ, φροντίζειν παντοίως
 τῆς συστάσεως καὶ τῆς ἀνακτήσεως ταύτης. καὶ γὰρ ἀφιερῶ ἐν αὐτῇ
 ἀγίαν εἰκόνα τῆς ὑπεράγνου δεσποίνης ἡμῶν θεοτόκου ἐγκεκκοσμημένην ἐξ
 ἀργύρου· τὰ περιελθόντα μοι ἐξ ἀγορασίας ἀνατολικώτερα καὶ ἔγγιστα
 ταύτῃ κείμενα τρία οἰκήματα, ὧν τὰ δύο μονώροφα καὶ τὸ ἐν διώροφον μετὰ
 προστόμου μονομεροῦς αὐλῆς καὶ φρέατος· ἀλλὰ καὶ τὰ μεσημερινὰ τρία
 τῆς αὐτῆς μονῆς θεωρούμενα· ἕτερα τρία μονώροφα γονικά μου οἰκήματα
 μετὰ τῆς μονομεροῦς τούτων αὐλῆς καὶ τοῦ φρέατος καὶ τὰ πλησίον τούτων
 ἕτερα μητρῴα ὑμῶν τῶν αὐταδέλφων καὶ παιδῶν μου δύο διώροφα οἰκήματα
 (μετὰ) τῆς μονομεροῦς τούτων αὐλῆς καὶ τοῦ φρέατος, τὴν ὑπάνοιξιν ἀμφύ-
 τερα ἔχοντα πρὸς τὴν Ἑβραΐδα. πρὸς ἐπὶ τούτοις ἀφιερῶ τὸ τρίτον μέρος
 τοῦ πρὸς ἀνατολὰς τῆς αὐτῆς μονῆς διακειμένου μονωρόφου οἰκήματος
 καὶ τοῦ πρὸς δύσιν τῆς πόλεως¹⁾ ἐν ἐδάφει τοῦ Σαρωμᾶ ἀμπελῶνος
 τῶν τριῶν μοδίων ὑπὲρ μνημοσύνων, ἐαθέντων ἐμοὶ καὶ ἐτέροις ἱερεῦσι
 δύο· τὸν ἐν τῇ τοποθεσίᾳ τῶν Σωμμάτων καὶ πλησίον τοῦ Μανικᾶτη καὶ
 τῶν Παντοκρατορινῶν δικαίων ἐλεύθερον καὶ ἔξω βάρους τελεσματικοῦ
 ἀμπελῶνά μου τῶν ὀκτῶ μοδίων· τὴν πλησίον τοῦ Ἀγίου Ἥλιου καὶ πλη-
 σίον τῶν δικαίων ἐκείνου τοῦ Μαγγάνη διακειμένην χωραφιαίαν γῆν μου
 τῶν τριῶν μοδίων καὶ τὰ ἀρτίως ἐν τῇ αὐτῇ μονῇ εὐρισκόμενα βιβλία,
 χαλκώματα, σιδηρικά βαγένια καὶ ὑλικά διάφορα. οὕτω καὶ κατὰ τοῦτον
 τὸν τρόπον ἐκθέμενος πρὸς ὑμᾶς τὸ παρὸν τῆς ἐθελουσίου μου ἀφιερώσεως
 ἅμα καὶ ἀποκαταστάσεως τῆς πολλαχῶς ῥηθείσης αὐτοδεσπότου ἐλευθέρως
 γονικῆς καὶ Ἀγιοτριαδικῆς μονῆς ἐγγραφον, οὐδεὶς ἐξ ὑμῶν τῶν τριῶν
 μοναχῶν, οὐδ' ἕτερός τις, ἀλλ' οὐδὲ ὁ περιὼν εὐλαβέστατος ἱερεὺς καὶ
 κληρικὸς ὁ γνήσιός μου αὐτάδελφος καὶ τέταρτος υἱός μου κϋρ Λέων ὁ
 Περδικάρης πειραθῇ ἀνατρέψαι προφάσει οἰαδῆτινί ποτε τῶν καιρῶν τοῦτο,
 ἀλλὰ στερκτέα ὀφείλει ἡγεῖσθαι καὶ ἀπαρασάλευτα ἐς αἰὶ κατὰ τὰ παρ'
 ἐμοῦ ἐν αὐτῷ διοριζόμενα. καὶ ὁ πειραθησόμενος πρὸς ῥῆξιν τούτου τοῦ
 ἐγγράφου μου ἢ ἀκυρωσίαν χωρῆσαι καὶ ὑμᾶς κατὰ τι διασεῖσαι ἢ
 ὀχλῆσαι, ἢ εἰς τὴν τῆς μονῆς παραπομπὴν παρεμποδίσαι, ἢ σύγχυσιν τινα
 ἢ φύρσιν ἐν τῇ θεαρέστῳ ταύτῃ πράξει μου ποιῆσαι, ὁ τοιοῦτος, ὅποῖος ἄρα
 καὶ εἴη, οὐκ ὀφείλει εἰσακούεσθαι ἐφ' οἷς λέγειν ἔχει, ἀλλὰ σὺν τῷ διώκε-
 σθαι αὐτὸν ἀπὸ παντός δικαστηρίου ἄπρακτον καὶ καταδεδικασμένον καὶ
 ἐπισπᾶσθαι καὶ τὰς τῶν ἀπ' αἰώνων ἀγίων ἀράς κάμου τοῦ ἀμαρτωλοῦ
 ἀπαιτεῖσθαι καὶ πρὸς ὑμᾶς λόγῳ προστίμου νομίσματα ὑπερπύρων λίτρας

1) Ἐν τῷ πρωτοτύπῳ ἐγγράφῳ ἔξωθεν ἐπιγέγραπται τὸ ἀπερὶ τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει
 ἡμετέρας Ἀγιοτριαδικῆς μονῆς Περδικάρη ».

δύο, καὶ εὐθύνεσθαι καὶ κατὰ νόμους. εἰδ' οὕτως ἵνα ἔρρωται καὶ τὸ παρὸν ἔγγραφον, ὅπερ καὶ ἐγγράφη τῇ θελήσει μου διὰ χειρὸς Δημητρίου διακάνου καὶ ἐπὶ τῶν δεήσεων, τοῦ Πυρροῦ, ἐκ προτροπῆς τοῦ ταβουλάρου κυροῦ Μανουὴλ τοῦ Λαμπούδη. μηνὶ Ἰουλίῳ, ἰνδικτιῶνος γ', ἔτους ςψμγ' (= 1240).

+ Ματθαῖος ἱερομόναχος ὁ Περδικάρης παρῶν, ἀφιερῶν, ἐκθέμενος ὑπέταξα, εὐχόμενος στερέωσιν τούτου.

+ Ὁ Μεγαλοναΐτης πρωτοπαπᾶς Ἰωάννης ὁ Βλαχερνῶν τῷ ἐγγράφῳ παρῶν καὶ μαρτυρῶν ἐπὶ πᾶσι τοῖς ἐν αὐτῷ δηλουμένοις ὑπέγραψα.

+ Γεώργιος ἱερεὺς καὶ κληρικὸς ὁ Καπηλαβᾶς.

+ Θεόδωρος ἱερεὺς καὶ κληρικὸς ὁ Ἀμαριανός.

+ Ὁ Ἀγιοσοφίτης καὶ Μεγαλοναΐτης δομέστικος Ἰωάννης.

+ Ὁ ἀρχων τῶν κοντακίων τοῦ μεγάλου ναοῦ Κωνσταντῖνος ὁ Καπήλκης.

+ Μανουὴλ ταβουλάριος ὁ Λαμπούδης.

+ Ὁ γραφεὺς Δημήτριος διάκονος ὁ Πυρρός βεβαιῶν ὑπέγραψα.

20.

Πωλητήριον γράμμα.

Ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος. Ἀγάπη¹⁾ μοναχῇ Ἀγγελίνα Σφρατζαίνα ἢ Παλαιολογίνα ἢ ἐνταῦθα γράμμασιν οἰκειοχείροις καθὰ ὁρᾶται προτάξασα, τέπρακα, ἀποδédωκα, καὶ σωματικῶς ἀπ' ἐντεῦθεν καὶ ἐξ αὐτῆς τῆς σήμερον παραδédωκα ἐκουσίως πάντῃ καὶ ἀβιάστως καὶ ἀμεταμελήτως μετὰ καθολικῆς τε δεφενσίωνος καὶ πάσης ἄλλης νομίμου ἀσφαλείας καὶ ἐπερωτήσεως πρὸς ὑμᾶς τὸν ἀδελφόν μου, οἰκεῖον τῷ κραταιῷ καὶ ἁγίῳ ἡμῶν αὐθέντῃ καὶ βασιλεῖ, κύριν Θεόδωρον Δοῦκαν τὸν Σπαρτηνὸν καὶ τὸν ἐπ' ἀδελφῇ γαμβρόν μου κύριν Μανουὴλ τὸν Φαξηνόν, καὶ πρὸς ἅπαν τὸ μέρος ὑμῶν, κληρονόμους δηλονότι πάντας καὶ διαδόχους, τὸ ἐν τῇ περιχώρῃ τῆς ἁγίας Μαρίας γονικόδεν περιελθόν μοι ἅπαν ὑπεργον ζευγηλατεῖον, μοδίῳ ὃν βασιλικῶν μεγάλων δισχιλίων τεσσαράκοντα τεσσάρων, καθὰ μετρηθὲν πρὸ μικροῦ παρά τε τοῦ Χρυσοβέργη καὶ τοῦ Μόσχου παρεδόθη ὑμῖν μετὰ τε τῆς ἐν αὐτῷ συνισταμένης καθέδρας καὶ ὧν ἔχει ἐτέρων δικαίων καὶ προνομίων παλαιῶν τε καὶ νέων, ἥτοι τὴν

1) Δυσχερὴς ἡ τοῦ ὀνόματος τούτου ἀνάγνωσις, κυμζινομένη μεταξὺ τῶν ὀνομάτων Ἀγάπη καὶ Ἀγάδη.

ἦν κέκτημαι ἐν αὐτῷ ἅπασαν δεσποτείαν καὶ κυριότητα, ὡς μὴδὲν ἐξ αὐτοῦ παρυποκρατήσασα μέχρι σχεδὸν καὶ βήματος ποδός· πλησίον ὃν καὶ κατὰ πάντα ἡνωμένον τῶν τε σῶν τοῦ Δοῦκα Σπαρτηνοῦ δικαίων, τοῦ οἰκείου τῷ κραταιῷ καὶ ἀγίῳ ἡμῶν αὐθέντῃ καὶ βασιλεῖ, τοῦ Κοτιανίτζη, τῆς Δουκαίνης καὶ τοῦ Βοΐλλα. καὶ ἔλαβον ἀφ' ὑμῶν ἀφ' ὅλης τῆς τούτου τιμῆς τῶν τριακοσίων δηλονότι τῶν νομισμάτων οὐγγιῶν τὰς διακοσίας χαριέντως καὶ κατὰ τὸ πάντῃ ἀπαράλειπτον, τὰς δὲ λοιπὰς ἑκατὸν εἴσα πρὸς ὑμᾶς, δι' ἣν κέκτημαι πρὸς ὑμᾶς γνησιωτάτην καθαρωτάτην καὶ εἰλικρινεστάτην συγγένειαν, τῶν ἐπιλοιπῶν μετρηθέντων ἐνώπιον καὶ ἐπὶ παρουσίᾳ τῶν οἰκείων τῷ κραταιῷ καὶ ἀγίῳ ἡμῶν αὐθέντῃ καὶ βασιλεῖ, τοῦ τε Καβάσιλα κυροῦ Γεωργίου, τοῦ γνησίου υἱοῦ αὐτοῦ κυροῦ Δημητρίου τοῦ Καβάσιλα, τοῦ Δοβλετζίνοῦ κυροῦ Κωνσταντίνου, τοῦ Καβάσιλα κυροῦ Ἰωάννου, καὶ τοῦ Τζίσκου κυροῦ Γεωργίου. ὀφείλετε τοίνυν ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τὸ ἐξῆς μετὰ παντός τοῦ μέρους καὶ τῶν κληρονόμων καὶ διαδόχων ὑμῶν κατέχειν καὶ διακατέχειν τὸ εἰρημένον ζευγηλατεῖον τῶν δυσχιλίων δηλονότι τεσσαράκοντα τεσσάρων μεγάλων βασιλικῶν μοδίων, μετὰ τῆς ἐν αὐτῷ ὡς λέλεκται καθέδρας καὶ ὧν ἔχει ἐτέρων δικαίων καὶ προνομίων, δεσποτικῶς, ἐξουσιωδῶς, κυρίως καὶ ἀναφαιρέτως, ἔχοντες ἐξουσίαν πωλεῖν αὐτό, ὠρεῖσθαι, ἀνταλλάττειν, προικοδοτεῖν, βελτιοῦν, καλλιεργεῖν, κληρονόμοις καὶ διαδόχοις εἶναι καὶ τὰλλα πάντα ποιεῖν καὶ πράττειν ἐπ' αὐτῷ, ὅσα τε ὑμῖν ἐστί πρὸς βουλῆς καὶ ὅσα οἱ θεοὶ καὶ φιλευσεβεῖς νόμοι τοῖς ἀληθέσι καὶ ἀναμφιλέκτοις τῶν πραγμάτων δεσπόταις ἐπὶ τοῖς αὐτῶν πράγμασι πράττειν διακελεύονται, ἐμοῦ τὸ ἀπὸ τοῦδε μεταμέλῃσθαι ἀπάρτι ὅλως μὴ ἰσχυοῦσης ἐπὶ τῇ παρούσῃ καθαρᾷ καὶ ἀπεριέργῳ διαπράσει, ἀλλ' ὀφειλοῦσης μᾶλλον στοιχεῖν διόλου πάσῃ τῇ περιλήψει αὐτῆς. ὅθεν καὶ ἀποτασσομένη ἐκουσιοθελῶς σὺν τῷ μεταμέλῃ, τῇ πλάνῃ, τῇ βίᾳ, τῇ ἀνάγκῃ, τῇ δυναστείᾳ, τῇ συναρπαγῇ καὶ ἀπάτῃ, τῇ περιγραφῇ καὶ παραγραφῇ, τῇ ἐγγράφῃ καὶ ἀγράφῃ ὑποσχέσει, τῇ τοῦ νόμου καὶ φάκτου ἀγνοίᾳ, τῇ χλεύῃ, τῷ δελεασμῷ, τῇ ιδιωτείᾳ καὶ ἀγροικίᾳ, τῷ θεματικῷ καὶ ὑπερθεματικῷ καὶ ὑπερδιπλασιασμῷ τοῦ τιμήματος, τῇ ῥαδιουργίᾳ καὶ πάσῃ καὶ παντοίᾳ δικαιολογίᾳ καὶ προφάσει, ἐπερωτῶμαι ὑμᾶς τοῖς ἀναγεγραμμένοις ἐξωνήτορσι καὶ τοῖς μέρεσιν ὑμῶν, ὡς εἰάν ἀπὸ τῆς ἄρτι, εἴτε ὡς ἐκ μεταμέλου τυχόν, εἴτε καὶ ἀπὸ τινος νομικῆς ἰσχύος καὶ βοηθείας πειραθῶ ἀνατρέψωιν τὸ παρὸν πρατήριον ἐγγραφον καὶ οὐ μᾶλλον ποιῶ ὑμῖν καὶ τὸν καθολικὸν δεφενσίωνα τοῦ ἀναγεγραμμένου νομίμως καὶ διατηρῶ ὑμᾶς ἀζημίους καὶ ἀνιανοχλήτους ἐκ παντός προσώπου καὶ μέρους, τοῦ ἴσως ὑμῖν περὶ αὐτοῦ ἐνοχλήσοντος, καὶ πάσης ἄλλης ἀναφυητομένης ὑμῖν περὶ αὐτοῦ ἀγωγῆς καὶ προφάσεως, οὐ μόνον ἵνα μὴ εἰσακούωμαι,

ἐφ' οἷς ἂν ἴσως ἔχω λέγειν, ἀλλὰ σὺν τῇ διπλασίονι ἐπιστροφῇ τῶν ὧν ἔλαβον, ὡς ἀνωτέρωι λέλεκται, διακοσίων οὐγγιῶν, τῇ δόσει τε τῶν παρ' ὑμῶν καὶ τοῦ μέρους ὑμῶν καταβληθησομένων ἐν αὐτῷ ἐξόδῳ πασῶν εὐδύνωμαι καὶ κανονικῶς ἢ κατὰ νόμους σὺν τῷ καὶ οὕτως ἐρρῶσθαι τὸ παρὸν πρατήριον ἔγγραφον, ἰσχύειν ὀφείλον καὶ ὡς πρακτικόν σωματικῆς καὶ τοπικῆς παραδόσεως. ἐγράφη ταῦτα διὰ χειρὸς Ἰωάννου διακόνου ἐπὶ τῶν γονάτων τῆς ἀγιωτάτης μητροπόλεως Θεσσαλονίκης καὶ ταβουλαρίου τοῦ Ἀναστασιοπούλου. μηνὶ Ἰουλίῳ δ', ἰνδικτιῶνος δ', ἔτους ςωμδ' (= 1341).

+ Ἀγάπη μοναχῇ Ἀγγελίνα Σφρατζαίνα ἡ Παλαιολογίνα ὑπέγραψα¹⁾).

+ Ὁ ἐπὶ τῶν γονάτων τῆς ἀγιωτάτης μητροπόλεως Θεσσαλονίκης καὶ ταβουλάριος Ἰωάννης διάκονος ὁ Ἀναστασιόπουλος.

21.

Περὶ ἀνταλλαγῆς τόπων.

Ἐπεὶ οἱ κατὰ τὸ ἅγιον ὄρος Ἄθω ἐνασκούμενοι τῆς σεβασμίας βασιλικῆς ἀγίας καὶ μεγάλης Λαύρας τιμιώτατοι ἱερομόναχοι καὶ πατέρες ἀνέφερον καὶ παρεκάλεσαν τὸν κραταῖον καὶ ἅγιόν μου αὐθέντην καὶ βασιλέα, ἵνα διὰ τὰς ἐπιθέσεις καὶ ὀχλήσεις, ἃς εὐρίσκουσιν ἐν τοῖς αὐτῶν μετοχίοις, γένηται ἀνταλλαγή καὶ ἐπιλάβηται τὸ μὲν μέρος τοῦ δημοσίου ἐξ ὀλοκλήρου ἐκ τῶν αὐτῶν χωρίων τὰ σιδηροκαύσια καὶ τοὺς καρβέλους, αὐτοὶ δὲ πάλιν ἐπιλάβωνται ἐξ ὀλοκλήρου τῶν χωρίων Δρυμοσίρτων²⁾ καὶ τοῦ Πίνσωνος καὶ τοῦ Λωρωτοῦ, οὔσης τῆς τοιαύτης ἀνταλλαγῆς ἐν τῇ ποσότητι καὶ δόσει τῶν ἐξόδων τῶν διδομένων ἐτησίως ἴσης καὶ κατὰ πάντα ὁμοίας, καὶ διωρίσατο καὶ εὐηργέτησε γενέσθαι τοῦτο οὕτως κατὰ τὴν αὐτῶν ζήτησιν καὶ παράκλησιν. γέγονε δὲ διὰ τῆς ἀπογραφῆς κατὰ τὸν θεῖον αὐτοῦ καὶ προσκυνητὸν ὀρισμὸν καὶ παρεδόθησαν ἐξ ὀλοκλήρου τὰ εἰρημένα χωρία πρὸς τὸ μέρος τῆς σεβασμίας ἱεράς καὶ μεγάλης Λαύρας, ἥτοι τὸ Δρυμόσιρτα, ὁ Πίνσων καὶ τὸ Λωρωτόν καὶ τὰ ἐν αὐτοῖς παρακείμενα παλαιοχώρια, καὶ τὰ δίκαια πάντων τῶν ἐν αὐτοῖς κατοι-

1) Ἐν τῇ τοῦ Ξηροποτάμου μονῇ σώζεται ἐν ἔγγραφον ἀφιερωτικὸν Ἀγάθης Παλαιολογίνης ὑπὸ χρονολογίαν 6950, 20 Σεπτεμβρίου, ἰνδικτιῶνος 9. Langlois, Mont Athos.

2) Μέχρις ἐσχάτων κατεῖχeto ὑπὸ τῆς Λαύρας, νῦν δὲ εὐρίσκεται ὑπὸ τὴν κυριότητα μουσουλμάνου τινὸς καὶ καλεῖται διὰ τοῦτο «μουχτιδίκον».

κούντων ἀνθρώπων. ὁμοίως παρέλαβεν ἐξ αὐτῶν καὶ τὸ μέρος τοῦ δημοσίου ἐξ ὀλοκλήρου τὰ σιδηροκαύσια καὶ τοὺς καρβέλους, μετὰ τῶν ἐν αὐτοῖς πάντων ἀνθρώπων καὶ τῶν δικαίων πάντων αὐτῶν καὶ τῶν διακειμένων ἐν τούτοις παλαιοχωρίων, ἀμφοτέρωθεν τῆς αὐτῆς καὶ ὁμοίας ποσότητος, καθὼς κατὰ μέρος ὀνομαστὶ τὸ τῆς ἀπογραφῆς γεγονὸς γράμμα διαλαμβάνει, ἀλλὰ δὴ καὶ τὸν μερισμὸν τοῦ ἡμετέρου χωρίου τοῦ Γομάτου¹⁾, ὥστε ἀπὸ τοῦ νῦν διατηρῶνται οἱ δηλωθέντες τιμιώτατοι μοναχοὶ τῆς σεβασμίας Λαύρας καὶ τὰ ἐξ ὀλοκλήρου δοθέντα αὐτοῖς χωρία καὶ τὰ δίκαια πάντων τούτων καὶ τῶν ἐν αὐτοῖς εὕρισκομένων ἀνθρώπων καὶ τῶν θελώντων παρ' αὐτῶν προσκαθίσαι καὶ τὸ ἥμισυ ἅπαν τοῦ Γομάτου ἀνενόχλητα, ἀτάραχα, ἀζήμια, ἀδεώρητα ἐκ τε τῶν τοῦ δημοσίου καὶ ἐκ τῶν βασιλικῶν ἀπαιτήσεων καὶ δόσεων κατὰ τὸ γεγονὸς ἐγγραφον περὶ τοῦ τῆς ἀπογραφῆς μερισμοῦ· ἐδέησε δὲ ἐπὶ τούτοις γενέσθαι εἰς πλεῖονα τὴν ἀσφάλειαν τῆς τοιαύτης ἀνταλλαγῆς καὶ ὀρισμὸς τῆς βασιλείας μου. αὕτη διορίζεται διὰ τοῦ παρόντος αὐτῆς ὀρισμοῦ τὸ στέργον ἔχειν καὶ βέβαιον ὁ παρὰ τῆς ἀπογραφῆς γεγονὼς ἐγγραφος μερισμὸς τῆς ἀνταλλαγῆς ὀρισμῶ καὶ εὐεργεσίᾳ τοῦ κραταιοῦ καὶ ἀγίου ἡμῶν αὐθέντου καὶ βασιλέως εἰς πάνθ' ὅσα κατὰ μέρος διαλαμβάνει, καὶ ἔχειν ἐξ ὀλοκλήρου ἀπὸ τοῦ νῦν εἰς τοὺς ἐξῆς ἅπαντας καὶ διηνεκεῖς χρόνους τὴν σεβασμίαν καὶ ἱερὰν μεγάλην Λαύραν τὰ δηλωθέντα χωρία καὶ τὰ ἐν τούτοις παλαιοχώρια καὶ τοὺς ἐν αὐτοῖς πάντας ἀνθρώπους καὶ τοὺς μέλλοντας ἐλθεῖν παρ' αὐς τῶν καὶ τὰ δίκαια πάντων τούτων ἀνενόχλητα, ὡς καὶ πρῶτον, ἐκ παντὸς δημοσιακοῦ κεφαλαίου καὶ ἐκ πάσης δόσεως, ὁμοίως καὶ τὸ ἥμισυ τοῦ Γομάτου, ὀφείλοντας μόνον διὰ τοὺς τσιούτους ἀνθρώπους ἀποδιδόναι κατ' ἔτος χάριν τοῦ σίτου τῶν κατέργων τὸ σύνηδες δηνάριον. τούτου χάριν ἐγένετο καὶ ὁ παρὼν ὀρισμὸς τῆς βασιλείας μου κατὰ μῆνα Ἀπρίλιον τῆς β' ἰνδικτιῶνος τοῦ ςθιζ' (= 1409) ἔτους.

+ Ὁ δεσπότης²⁾.

22.

Ἡ πατέντα τοῦ ἀγίου.

Ἐνδοξότατοι, ἐκλαμπρότατοι καὶ περίβλεπτοι αὐθένται, σινιὸρ καπετάνιοι τῆς σταυροφόρου παντιέρας τοῦ κυρίου μας Ἰησοῦ Χριστοῦ, οἱ ἐν τῷ δεινῷ καὶ μεγάλῳ πελάγει τῆς θαλάσσης περιερχόμενοι, ὅπου μὲ δύναμιν

1) Χωρίον σωζόμενον παρὰ τῇ Ἱερισσῷ.

2) Ἀντὶ ὑπογραφῆς αὕτη μόνον ἢ λέξεις μεγάλαις γράμμασι γέγραπται.

τοῦ Χριστοῦ καὶ με πρεσβείαν τοῦ ἁγίου Ἰωάννου καὶ πάντων τῶν ἁγίων ὁμοῦ καὶ με τὴν βοήθειαν τοῦ σταυροῦ ἀντιπρλεμάτε τοὺς ἀντιμάχους ἐχθροὺς τῆς πίστεώς μας, εὐχόμεθά σας ἡμεῖς οἱ πτωχοὶ καλόγηροι τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Γεωργίου τοῦ τροπαιοφόρου καὶ θαυματουργοῦ τοῦ ἐν τῇ Σκύρῳ εὐρισκομένου, ἐπιδεόμενοι τοῦ ἁγίου παντοτεινὰ ἔνα ἔχητε ὑγίαν καὶ εὐτυχίαν με ὄλην τὴν κουμπανίαν, ντενέντιδες, σιγούντες καὶ τῶν λοιπῶν ἀρμαδούρων· ἡ χάρις τοῦ Χριστοῦ μας διὰ πρεσβειῶν τοῦ ἁγίου νὰ ᾔναι ἔμπροσθεν εἰς τὰ εὐλογημένα σας πλεούμενα καὶ μπαστουμέντα, οἱ ἀέρες νὰ σᾶς ᾔναι ἡμεροὶ καὶ γλυκύτατοι καὶ νὰ ἔχητε τὴν νίκην με τὸν τίμιον σταυρόν καὶ τοῦ ἁγίου τὴν βοήθειαν. με τὸ παρόν μας συστατικόν γράμμα σᾶς δίδομεν πίστιν καὶ φέδαν, ὅτι τὸ καράβι τοῦτο εἶναι τοῦ ἁγίου Γεωργίου ὄλον, τὸ ὅποιον ἡμεῖς οἱ καλόγηροι με ἐλεημοσύνην τῶν χριστιανῶν ἐφθειάσαμεν καὶ διὰ κυβέρνησιν μας εἰς χεῖρας τοῦ κῦρ Μαρίνου карабоκύρη ἐδώσαμεν νὰ τὸ ταξειδεύῃ εἰς κάθε τόπον. ὅθεν σᾶς παρακαλοῦμεν ἔνα εἰς ὅποιαν σταυροφόρον πλώρην σας ἢ παντιέραν ἤθελε τύχη, νὰ τὸ διαφενδεύητε ὡς ἰδικόν σας, νὰ μὴ ἔχη καμμίαν πείραξιν, ἐπειδὴ καὶ με τὸ θάρρος σας ἐφθειάσθηκεν. διὸ εἰς πίστιν ἐδώσαμεν τὸ παρόν με τὴν βοῦλλαν τοῦ ἁγίου νὰ σᾶς βοηθῇ. κατὰ Ἀπρίλιον ,αιε' (= 1415).

23.

Ἀθανάσιος ἐλέφ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως Νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμενικός πατριάρχης.

Ἐπειδὴ ὁ ἱερώτατος μητροπολίτης Θεσσαλονίκης ὑπέρτιμος καὶ ἑξαρχος πάσης Θετταλίας, ἀγαπητὸς ἀδελφὸς καὶ συλλειτουργὸς τῆς ἡμῶν μετριότητος, ἱκετίαν ἡμῖν ἐποίησατο ὑποτεθῆναι ὡς μετόχιον τὴν κατὰ τὴν Σκυῶρον νῆσον διακειμένην σεβασμίαν πατριαρχικὴν μονὴν τοῦ ἁγίου ἐνδόξου περιβοήτου μεγαλομάρτυρος Γεωργίου τῇ κατὰ τὸ ἁγιώνυμον ὄρος τοῦ Ἁθῶ περιωνύμφ Λαύρα τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου, ἡ μετριότης ἡμῶν ἅμα μὲν μὴ ἔχουσα τὴν τούτου δέησιν παριδεῖν, ἅμα δὲ καὶ πρὸς τῶν τῆς Λαύρας μοναχῶν σπουδαίως καὶ θεοφιλῶς ἀπιδούσα καὶ ὡς οὐ μόνον ἡ καταπιστευομένη τούτοις μονὴ εἰς ὅπερ νῦν ὁράται συντηρηθῆσεται ἔχουσα, ἀλλὰ καὶ ἐπὶ τῷ πολλῷ βελτιώσεως προκόψει τῇ ἐπιμελείᾳ τούτων, ἀλλὰ καὶ ἐπὶ τὰ καλὰ ἔργα συντονωτάτῃ σπουδῇ, εὐδοκεῖ τοῦτο καὶ διακελεύεται ἐν ἁγίῳ πνεύματι διὰ τοῦ παρόντος σιγιλλιώδους αὐτῆς γράμματος τὸ

ἀπὸ τοῦδε ἡνωμένην εἶναι τὴν δηλωθεῖσαν σεβασμίαν μονὴν τοῦ ἐν μάρ-
τυσιν περιβοήτου καὶ τροπαιοφόρου Γεωργίου καὶ ὡς μετόχιον ὑποτεθει-
μένην τῇ περιωνύμφῃ λαύρᾳ τοῦ Ἁγίου Ἀθανασίου, καθὼς καὶ τὰ ἀνέκαθεν
μετόχια τὰ ὑποτεταγμένα ταύτῃ· ἐφ' ᾧ καὶ οἱ μοναχοὶ τῆς Λαύρας ὀφεί-
λουσιν ἐπιλαβέσθαι τῆς ῥηθείσης τοῦ ἁγίου Γεωργίου μονῆς καὶ τῶν ὑπ' αὐτὴν
πάντων κτημάτων ἐπιμελεῖσθαι· ἐπὶ τούτῳ γὰρ καὶ τὸ παρὸν σιγίλλιδες
γράμμα τῆς ἡμῶν μετριότητος γεροντός ἐπεδόθη τῇ διαληφθείσῃ περιωνύμφῃ
Λαύρᾳ τοῦ Ἁγίου Ἀθανασίου εἰς ἀσφάλειαν. ,αυμζ' (= 1447), ἰνδικτιῶ-
νος δ'.

Ἀλέξανδρος Ε. Λαυριώτης.

ОТДѢЛЪ II.

1. КРИТИКА.

~~~~~

Josef Strzygowski. *Orient oder Rom. Beiträge zur Geschichte der spätantiken und frühchristlichen Kunst.* Mit 9 Tafeln u. 53 Abbildungen im Texte u. a. nach Aufnahmen der Palmyra-Expedition Sobernheim. Leipzig. 1901.

Роскошно изданный томъ въ 159 страницъ малаго 4^о съ отличными таблицами фототипій и множествомъ цинкографій (53) въ текстѣ посвященъ авторомъ вопросу объ источникахъ христіанскаго и византійскаго искусства, которому и пишущій эти строки посвятилъ свое изслѣдованіе годомъ ранѣе¹⁾. Этотъ вопросъ въ настоящее время одинъ изъ важнѣйшихъ въ наукѣ, и авторъ является передъ нами дѣятелемъ въ томъ направленіи, которое ясно обозначилось за послѣднее время какъ въ русской, такъ и въ западной наукѣ. Это новое движеніе можетъ быть хорошо обозначено старыми словами: «Drang nach Osten». Въ предисловіи, предпосланномъ тексту книги, авторъ излагаетъ свои воззрѣнія на «развитіе искусства въ первые три вѣка по Р. Хр.». Онъ сразу и рѣшительно ставитъ свои взгляды въ разрѣзъ съ направленіемъ ученыхъ римской школы, которые сосредоточиваютъ въ Римѣ какъ начало, такъ и развитіе или образованіе христіанскаго искусства. Не Римъ, а эллинистическій востокъ даетъ объясненіе формамъ и содержанію новаго христіанскаго искусства. Римъ только питается востокомъ и его искусствомъ. Въ самомъ названіи книги: «Востокъ или Римъ» чувствуется полемическая нота, проходящая черезъ все содержаніе книги. Эта полемическая нота вызвала у критика одного римскаго органа безнадежно-правдивую фразу: «Если Стржиговскій пишетъ книгу подъ заглавіемъ «Востокъ или Римъ», то заранѣе можно сказать, что онъ стоитъ за востокъ²⁾».

Дѣйствительно, авторъ съ особой силой выдвигаетъ на первый планъ важное значеніе эллинистическаго искусства для исторіи римскаго. Въ упомянутомъ предисловіи авторъ опровергаетъ главнѣйшіе результаты работы Викгофа³⁾, такъ возвысившаго историко-художествен-

1) Эллинистическія основы византійскаго искусства. СПб. 1900.

2) Römische Quartalschrift 1901 (1 и 2), p. 79.

3) Die Wiener Genesis hrsg. von Wilhelm Ritter von Hartel u. Franz Wickhoff. Wien, 1895.

ное значеніе Рима, что этотъ городъ сталъ у него поприщемъ новыхъ движеній въ самомъ античномъ искусствѣ, распространившихся по всей имперіи. Разобравши основныя положенія Виггофа, на которыхъ въ свое время останавливался и я, разбирая ихъ отрицательныя стороны¹⁾, авторъ такъ заключаетъ свою критику: «Нѣтъ основаній говорить о господствѣ римскаго искусства и понимать подъ нимъ такое искусство, которое образовалось въ Римѣ и распространилось затѣмъ на востокъ, вытѣснило старую эллинистическую художественную практику и, такимъ образомъ, само послужило общей широкой основой для образованія христіанскаго искусства. Когда мы говоримъ о римскомъ искусствѣ, то понимаемъ подъ нимъ ничто иное, какъ послѣднюю фазу эллинистическаго искусства, для которой Римъ представлялъ только одинъ изъ многихъ центровъ и какъ таковой былъ отличенъ извѣстной индивидуальностью (сильно выраженный реализмъ портретовъ, схематизація драпировокъ). Для христіанскаго искусства, между тѣмъ, уже въ первые три столѣтія исходный пунктъ представляли древніе восточные города эллинистическаго круга и преимущественно предъ другими Александрія, Антиохія и Эфесъ, но не Римъ, или же изъ Рима вышедшее искусство» (стр. 8)²⁾.

Стржиговскій, такимъ образомъ, совершенно разрываетъ связи съ римской школой и взамѣнъ прежняго термина «греко-римское искусство», мало выражавшаго существо искусства I—III столѣтій, употребляетъ терминъ «эллинистическое», расширяя значеніе его до разнѣровъ перваго термина, но вкладывая въ него новый смыслъ. Нельзя не привѣтствовать этой новой попытки автора выйти изъ круга идей ученой римской школы, которая сама, исторически вышедши изъ римской клерикальной среды, до сихъ поръ влечетъ подчиненное ей существованіе и представляетъ въ научномъ и методологическомъ отношеніяхъ отжившее и принесшее свой плодъ направленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожелать въ видахъ научной строгости изслѣдованія, чтобы авторъ, занимаясь подробнымъ обзоромъ воззрѣній своихъ противниковъ, принималъ въ соображеніе также труды русской ученой школы. Это тѣмъ болѣе важно отмѣтить, что все его направленіе и кругъ идей, съ прибавленіемъ многого, на что онъ еще не обратилъ должнаго вниманія, *in extenso* заключается уже въ направленіи русской ученой школы, и я не могу признать вѣрнымъ, чтобы воззрѣнія, высказанныя въ резюме моей книги, «покрывались въ существенномъ» воззрѣніями автора въ его сочиненіи «Orient oder Rom»³⁾. Въ существенномъ, именно, дѣло обстоитъ во многомъ наоборотъ.

Направленіе новаго труда Стржиговскаго и взгляды, высказываемые

1) Эллинист. основы, стр. 28, 52.

2) Ср. по этому поводу Эллинист. осн., стр. 4 и 15 и 159, гдѣ эти взгляды высказаны точнѣе.

3) Byz. Zeitschr. 1902, I, p. 278: ... als sich selbst Ainalows Auschauungen im wesentlichen mit denjenigen decken, die ich selbst unabhängig von ihm in meinem «Orient oder Rom» ausgesprochen habe.

имъ на перспективы въ изложеніи исторіи христіанскаго и византійскаго искусства, должны быть развиваемы, дополняемы, но не отрицаемы. Пути къ научному изслѣдованію источниковъ и исторіи христіанскаго и византійскаго искусства, достаточно сознанные, опредѣленные и выясненные въ трудахъ русской ученой школы и ея главы — академика Кондакова, лежатъ предъ нами. Немногіе идутъ этими путями, мало доступными и даже совсѣмъ еще неиспробованными. Стржиговскій, ясно и опредѣленно выступившій въ этомъ, именно, направленіи и считавшій необходимымъ выяснитъ особенности своихъ приемовъ методологіи въ обширномъ предисловіи, самъ заявляетъ, что «такая работа, которая создаетъ научную ясность въ этомъ вопросѣ, будетъ сдѣлана только трудами цѣлыхъ поколѣній...». «Здѣсь я хотѣлъ», продолжаетъ онъ, «дать только пробу, т. е. показать направленіе штудій...» (р. 8). Такими словами указываетъ онъ на значеніе тѣхъ статей, которыя составили пять главъ его книги съ четырьмя присоединенными къ нимъ приложениями. Для пользы дѣлая позволяю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу этихъ статей и результатовъ изслѣдованія нашего автора.

Первая глава, открывающая книгу, содержитъ описаніе одной Пальмирской усыпальницы и ея живописи. Фотографіи съ росписей нѣкоторыхъ камеръ этой усыпальницы, равно какъ и данныя для общаго описанія плана и устройства ея, доставлены были автору г. Собернгеймомъ, совершившимъ путешествіе въ Пальмиру въ 1899 году.

Судя по даннымъ, встрѣченнымъ въ надписяхъ усыпальницы, живопись камеръ ея относится къ III столѣтію по Р. Хр. (259 г.). По своему содержанію эта живопись языческая, но историко-художественное ея значеніе таково, что оправдываетъ вполне первое изданіе ея не въ спеціальномъ журналѣ, посвященномъ античному искусству, а въ книгѣ спеціалиста по исторіи христіанскаго и византійскаго искусства. Авторъ достаточно оцѣнилъ важность пальмирской языческой росписи для штудій по намѣченнымъ имъ вопросамъ — о преемствѣ формъ христіанскаго и византійскаго искусства отъ эллинистическаго, но не вполне изучилъ эту живопись и ея данныя въ общемъ составѣ ея, какъ росписи.

Пальмирская живопись является крайне важной для уясненія системы, приемовъ и формъ живописи III столѣтія, встрѣчаемыхъ одинаково и въ христіанской и въ послѣдующей византійской живописи. Авторъ, однако, не касается ни системы росписей стѣнъ, ни приемовъ, посредствомъ которыхъ стѣны сплошь покрываются разнообразными родами древней живописи. Онъ не старается прослѣдить исторически эти свойства пальмирской живописи, не сравниваетъ ее ни съ помпейскими росписями, ни съ болѣе поздними римскими, что было бы крайне важно для сравнительнаго изученія формъ росписи въ ея цѣломъ, а ограничивается только указаніемъ аналогій между нѣкоторыми формами пальмирской живописи и византійской (отчасти сирійской и карловингской) до XIII вѣка.

Система украшеній стѣнъ и сводовъ въ Пальмирской усыпальницѣ,

однако, сама по себѣ представляетъ особую важность по сравненію съ болѣе ранней стѣнной живописью хотя бы римскихъ усыпальницъ и колумбаріевъ, затѣмъ съ системой помпеянскихъ и римскихъ росписей дворцовъ и домовъ. Замѣчается различіе отъ живописи указанныхъ временъ во многихъ отношеніяхъ и лишь въ нѣсколькихъ подробностяхъ, въ выборѣ орнаментальныхъ мотивовъ, можно указать единство. Наибольшее-же подобіе представляетъ эта живопись христіанской IV и слѣдующихъ вѣковъ. Такъ, сводъ, расписанный синими касетами съ золотомъ, заключающій въ центрѣ портретный медальонъ, крайне любопытенъ по сравненію съ росписью нѣкоторыхъ сводовъ церкви св. Констанцы въ Римѣ и мавзолея Галлы Платидіи (безъ медальона). Подобныя росписи можно указать и ранѣе въ Помпеяхъ¹⁾, но какъ отдаленные прототипы. Особенно важны цѣлые ряды портретовъ умершихъ лицъ, помѣщенныхъ въ круглыхъ медальонахъ въ верхнихъ частяхъ узкихъ простѣнковъ. Эти ряды портретовъ, неизвѣстные въ такомъ употребленіи въ языческихъ римскихъ усыпальницахъ, составляютъ одинъ изъ значительнѣйшихъ элементовъ въ росписяхъ византійскихъ храмовъ V—VI вѣковъ, и помѣщаются внутри арокъ, на ровныхъ прострѣнствахъ надъ триумфальной аркой (въ Синайской базиликѣ²⁾) и цѣлыми рядами по узкому фризу надъ колоннадами (церковь св. Павла внѣ стѣнъ Рима).

Далѣе, полукруглый люнетъ съ цѣлой картиной, представляющей Ахилла на островѣ Скиросѣ, обрамленный орнаментальною рамой и вѣточкой лавра, является обычной формой въ системѣ христіанскихъ росписей и обыкновенно содержитъ сложную композицію³⁾, однако, какъ въ болѣе ранней живописи катакомбъ, такъ и въ болѣе позднихъ мозаикахъ. Затѣмъ, отдѣльныя узкія пространства, на которыя разбиты стѣны съ фигурами въ ростъ на нихъ, аналогичны дѣленіямъ стѣнъ главнаго нефа въ церкви Аполлинарія Новаго, капеллы св. Виктора въ Миланѣ, гдѣ простѣнки между оконъ съ фигурами въ ростъ представляютъ особенную близость палмирской системѣ расчлененія стѣнныхъ пространствъ и ихъ украшенія. Низъ простѣнковъ занятъ орнаментальными квадратами, подражающими мраморнымъ облицовкамъ цоколя съ инкрустациями. Ниже ихъ находятся квадраты съ изображеніемъ дикихъ звѣрей, нападающихъ на ланей — композиціи буквально повторяющіяся, напримеръ, въ церкви св. Андрея in Gata Barbara⁴⁾.

Подобное распредѣленіе живописи на стѣнахъ представляетъ весьма близкія аналогіи системѣ стѣнныхъ росписей христіанскихъ и византійскихъ храмовъ съ ихъ полихроміей и полилітіей. Въ Палмирской росписи, сверхъ того, совершенно нѣтъ фантастической архитектоники. Профили карнизовъ съ ихъ зубцами и меандрами подражаютъ дѣйстви-

1) Моз. IV и V вѣковъ, стр. 10.

2) Эллинист. осн., стр. 212—13.

3) Мозаики IV и V вѣковъ, стр. 7, 179.

4) Ciampini, Vetera monumenta, I, 242, tav. 22, сл. и Эллинист. основы, стр. 148.

нымъ карнизамъ, а колонны, поддерживающія ихъ, представлены въ натуральную величину.

Среди общихъ чертъ, обрисовывающихъ родство пальмирской живописи III вѣка съ современными и болѣе поздними христіанскими росписями, должны быть уже указаны черты частныя, воспринятыя византійскимъ искусствомъ. Таковы: викторія, держащая медальоны и стоящая на голубыхъ сферахъ, затѣмъ листья аканеовъ, расположенные по сторонамъ сферъ въ той же композиціи, какъ роги изобилія въ равнинскихъ мозаикахъ, или дельфины, наконецъ — портретная фигура женщины съ ребенкомъ на лѣвой рукѣ, напоминающая типъ Одигитріи, не говоря уже о такихъ мелкихъ подробностяхъ, какъ меандры и зубцы карнизовъ. Отмѣчу, кстати, что Богородица въ мозаикахъ триумфальной арки церкви S. Maria Maggiore не имѣетъ длиннаго головного покрывала, какъ на это указываетъ Стржиговскій и даже сравниваетъ съ покрывалами портретовъ пальмирскихъ женщинъ, изображенныхъ въ усыпальницѣ. Онъ былъ бы совершенно правъ, сравнивши эти покрывала съ тѣми, которыя носятъ Сепфора и Лія въ мозаикахъ нефа, или же съ покрывалами святыхъ дѣвъ въ мозаикахъ Аполлинарія Новаго¹⁾, накиннутыхъ поверхъ высокихъ причесокъ иного типа, однако, чѣмъ на пальмирскихъ портретахъ.

Къ статьѣ о Пальмирской усыпальницѣ приложена небольшая замѣтка, касающаяся извѣстной рукописи Пятикнижія Пар. Нап. Библии, такъ называемого Ашбурнгеймскаго Пентатевха. Авторъ возводитъ основную редакцію иллюстрацій этой латинской рукописи къ кругу памятниковъ, близкихъ къ пальмирскимъ, и полагаетъ, что она могла быть составлена іудеями, принявшими христіанство и жившими въ Александріи. Можно согласиться съ указаніями автора на существованіе аналогіи въ высокихъ прическахъ съ пальмирскими, на восточныя черты въ трактовкѣ сюжетовъ и фигуръ животныхъ, но, не сдѣлавши общаго историко-художественнаго анализа живописи рукописи, онъ не подкрѣпляетъ своихъ выводовъ болѣе вѣскими данными, и его предположеніе объ авторѣ іудеѣ принявшемъ христіанство, есть попытка освѣтить вопросъ скорѣе посредствомъ акта «divinatio», чѣмъ ученаго изслѣдованія.

Вторая статья посвящена описанію и разбору доски саркофага, открытаго Русскимъ Археологическимъ Институтомъ въ Константинополѣ. Найдена эта доска въ агіасмѣ церкви св. Георгія въ Псаматіи и впервые обнародована мною въ сочиненіи «Эллинистическія основы византійскаго искусства» (СПБ. 1900, стр. 160—164, табл. IV). Рельефъ былъ приобретѣнъ въ Императорскій Берлинскій музей.

Стржиговскій также сравнилъ этотъ саркофагъ, какъ и я, съ Конійскимъ и Селевкійскимъ саркофагами и пришелъ къ тому же выводу, что псаматійскій рельефъ возникъ подъ вліяніемъ малоазійской скульптуры. Однако, онъ поставилъ свой анализъ шире и привлекъ къ объ-

1) Моз. IV и V в., стр. 115 и 120.

ясненію формъ доски саркофага также нѣкоторые италійскіе саркофаги и часть доски саркофага изъ Смирны, чего я, къ сожалѣнію, сдѣлать не могъ. На основаніи своего анализа авторъ приходитъ къ заключенію, что псаматійскій рельефъ долженъ быть отнесенъ скорѣе къ IV, чѣмъ къ V столѣтію. Не могу ничего возразить противъ предпочтенія относить саркофагъ къ болѣе раннему времени, такъ какъ, прежде чѣмъ высказаться за V столѣтіе, долго считалъ возможнымъ относить саркофагъ къ IV столѣтію. Кратко описывая этотъ рельефъ, я просто указалъ дату, руководясь главнымъ образомъ крестообразнымъ нимбомъ Христа, неизвѣстнымъ до сихъ поръ на памятникахъ IV столѣтія. Стржиговскій не видитъ въ этомъ никакого препятствія, такъ какъ считаетъ, что на востокѣ употребленіе такого нимба должно было явиться ранѣе, чѣмъ на западѣ. Вульфъ одобряетъ такое соображеніе автора¹⁾. Я ничего не имѣю противъ такого допущенія нимба на востокѣ въ IV столѣтіи, такъ какъ отмѣтилъ въ крестѣ нимба ясно переданную форму голгоетскаго креста, явившуюся въ иконографіи послѣ 326 года, какъ это было доказано мною раньше, но повторю здѣсь только, что крестъ не имѣетъ обозначенія буквы Р, какъ и въ египетскихъ гробницахъ Эль-Багаута, гдѣ эта форма существуетъ наряду со второй формой и съ хризмой.

Я не согласенъ со Стржиговскимъ въ томъ, что подушечнаго типа надставка надъ капителями саркофага представляетъ остатокъ архитрава, и считаю ее за подражаніе той формѣ, которая въ строительной архитектурѣ является въ видѣ кемфера. Эта подушечная форма на всѣхъ саркофагахъ, гдѣ она встрѣчается, имѣетъ раздутые бока (ондуляцію), служить для показанія, что тяжесть фронтона перенесена на колонну черезъ ее посредство и посредство капители, а потому и въ подражаніи на облицовкѣ саркофага сохраняетъ смыслъ самостоятельной строительной формы. Авторъ недостаточно оцѣнилъ тотъ фактъ, что архитравъ, украшенный аналогичнымъ орнаментомъ, лежитъ на Селевкійскомъ и Конійскомъ саркофагахъ глубже, на стѣнѣ саркофага, что фронтонъ выдвинутъ впередъ и концами опирается на указанные надставки, а средней частью на арку, образуемую раковиной. Понятно, что объ архитравѣ подъ фронтономъ не можетъ быть и рѣчи, его нѣтъ, т. к. здѣсь есть арка и раковина. Подушечнаго типа надставка по своей служебной роли аналогична съ капителью, а потому и является спеціально надъ колоннами и нигдѣ болѣе. Приписанное мнѣ авторомъ сравненіе профиля этой надставки съ профилемъ кемферовъ вѣка Юстиніана я могу приписать только невѣрному чтенію русскаго текста моей книги. Я сравнивалъ — это правда, но не для того, чтобы найти сходство, какъ думаетъ Стржиговскій, а для того, чтобы указать разницу, но не профиля, а всей формы цѣликомъ, включая и ея орнаментацию (ср. примѣч. на стр. 56 *Orient oder Rom.* и стр. 162 моей книги).

1) Kunstgeschichtliche Gesellschaft. Sitzungsberichte VII, 1901, p. 37.

И я, и Стржиговскій, при разборѣ типа Христа на псаматійскомъ рельефѣ упустили случай сравнить фигуру Его съ изображеніемъ на саркофагѣ, находящемся въ церкви св. Марка въ Венеціи, въ которомъ похороненъ былъ Дожъ Марино Морозини (1249—1253), какъ объ этомъ свидѣтельствуется латинская надпись: *Hic requiescit Dom. Marinus Maugocinus Dux*. Неизвѣстно, съ какого времени хранится этотъ саркофагъ въ церкви св. Марка и въ какое время онъ попалъ сюда, но исполненіе саркофага по характеру рѣзбы и на основаніи сюжета отнесено было издателями его къ VI вѣку, каковая дата очень похожа на истинную¹⁾. Для исторіи типа Христа въ его повтореніяхъ, изображеніе на саркофагѣ крайне важно. Здѣсь повторяется юный типъ съ длинными волосами, повязкой на головѣ, съ крестообразнымъ нимбомъ безъ обозначенія буквы Р въ верхней части креста. Христосъ стоитъ, опирая тяжесть тѣла на правую ногу и согнувъ нѣсколько въ колѣнѣ лѣвую. Правая рука лежитъ въ синусѣ, лѣвая опущена вдоль бедра подъ гиматіономъ, складка котораго обрисовываетъ кисть руки. Голова обращена прямо къ зрителю, и въ этомъ единственное отличіе отъ фигуры на Псаматійскомъ саркофагѣ. По сторонамъ Христа находятся 12 апостоловъ. Справа Павелъ, слѣва Петръ съ крестомъ. Стилъ рельефа и его орнаментальный бордюръ особенно важны для сравненія съ обломкомъ малоазійскаго саркофага, изданнымъ Стржиговскимъ (теперь въ Берлинск. музеѣ), на которомъ онъ хотѣлъ видѣть смерть Ананіи²⁾. Венеціанскій саркофагъ ясно обнаруживаетъ свое восточное, быть можетъ, константинопольское, происхожденіе.

Я не могу приписать фигурѣ Христа того эстетическаго выраженія, которое Стржиговскій видитъ на псаматійскомъ рельефѣ, такъ какъ иначе такую же эстетическую оцѣнку пришлось бы сдѣлать многимъ шаблоннымъ фигурамъ поздняго антика и между прочимъ двумъ мужскимъ фигурамъ, представленнымъ по сторонамъ женской на части христіанскаго саркофага, вдѣланнаго въ стѣну надъ воротами города Никеи. Эти фигуры буквально воспроизводятъ постановку фигуры Христа на псаматійскомъ рельефѣ и далеко превосходятъ по исполненію фигуру умершаго, изображеннаго на одной палмирской надгробной плитѣ, привлеченной Стржиговскимъ совершенно вѣрно для сравненія съ фигурой Христа. Я въ скоромъ времени издамъ оба упомянутые памятника.

Третья глава содержитъ описаніе и изданіе одной египетской деревянной рѣзной горельефной группы, представляющей битву у воротъ какого-то города съ варварами, которые уже обратились въ бѣгство. Какъ и въ предыдущей главѣ, авторъ сопоставляетъ этотъ горельефъ съ аналогичными издѣліями изъ слоновой кости, хранящимися въ Луврѣ и въ

1) Basilica di S. Marco in Venezia illustrata nella storia e nell'arte etc. sotto la direzione di C. Boito A. MDCCCLXXXVIII — XCII, t. III, p. 270, Portofolio 8, fig. 1 (204).

2) Jahrbuch d. K. Preussischen Kunstmuseen, 1901, Heft 1 (Sonder-Abdruck), p. 3—4.

соборной ризницѣ Трира (послѣдняя — пластина въ болѣе низкомъ рельефѣ). Горельефъ происходитъ изъ верхняго Египта (Негмopolis magna), что придаетъ ему важное значеніе для сравненія съ указанными памятниками. Стржиговскій объясняетъ содержаніе горельефной группы какъ «защиту твердыни вѣры» и видитъ въ трехъ фигурахъ въ верхней части горельефа изображеніе Троицы въ томъ типѣ, въ какомъ она изображена на извѣстномъ Латеранскомъ саркофагѣ. Однако, скорѣе можно примкнуть къ предположенію Вульфа¹⁾, что здѣсь представлено какое-либо историческое или легендарное событіе. Укажу въ подтвержденіе данныхъ, имъ указанныхъ, и его мысли на то, что натурально представленные типы варваровъ являются исторически вѣрно воспроизведенными, лабарумъ или продолговатое знамя также имѣетъ исторически извѣстную форму, повторенную на триумфальной аркѣ въ церкви S. Maria Maggiore въ композиціи встрѣчи св. семейства Афродизіемъ²⁾. Если кругъ памятниковъ рѣзбы на деревѣ и слоновой кости представлялъ чрезвычайно благодарный матеріалъ для изслѣдованія рѣзбы на деревѣ, процвѣтавшей въ Египтѣ и связавшейся съ характеромъ пластики IV—V столѣтія, что дало возможность издать Стржиговскому нѣкоторые обломки порфировыхъ саркофаговъ, происходящихъ изъ Константинополя и Александріи, то слѣдующая глава представляетъ не меньшій историко-художественный интересъ, такъ какъ въ ней авторъ издаетъ и описываетъ нѣкоторые египетскія ткани. Эти ткани принадлежатъ частью Берлинскому художественно-промышленному музею, частью происходятъ изъ коллекціи Рейнгардта. Авторъ дѣлаетъ экскурсы въ область техники древнихъ тканей, сближаетъ нѣкоторые извѣстія о синдонахъ съ изслѣдованными имъ остатками тканей Берлинскаго музея и даетъ два приложенія къ этой главѣ. Въ первомъ онъ публикуетъ текстъ Астерія Амоссійскаго о синдонѣ съ изображеніемъ сценъ мученія св. Евфимія, видѣнномъ имъ въ Халкидонѣ. Прийдя къ заключенію, что этотъ синдонъ былъ написанъ восковыми красками, авторъ дѣлаетъ второе приложеніе и издаетъ восковыми красками написанную икону Сергія и Вакха, находящуюся въ Церк. Арх. Музеѣ въ Кіевѣ.

Совершенно вѣрно указано авторомъ, что обрывки тканей съ изображеніемъ Даніила и Петра принадлежатъ къ такой запискѣ, типъ которой описанъ Павломъ Силенціаріемъ въ церкви св. Софіи, но приходится съ удивленіемъ читать цѣлыя страницы текста, на которыхъ авторъ старается доказать самому себѣ невѣрность того, что онъ видитъ и въ чемъ, казалось бы, не могло быть никакихъ сомнѣній.

На первомъ остаткѣ ткани изображенъ Даніилъ въ своемъ восточномъ костюмѣ. Руки его обычно подняты вверхъ. У ногъ по сторонамъ

1) Sitzungsbericht der Kunstgeschichtl. Gesellschaft, VII, 1901, p. 87—8.

2) См. мой рисунокъ, сдѣланный вблизи мозаики и наиболѣе вѣрный во всѣхъ деталяхъ. Моз. IV и V в., стр. 98. Отмѣчу, что знамя упоминается въ Библии. Кн. Ис. Нав. X.

Византийскій Временникъ.

его сидятъ львы съ мордами, обращенными къ Даниилу. Слѣва къ Даниилу подходитъ Аввакумъ, неся сосудъ съ пищей и питьемъ. Надпись около головы справа называетъ его по имени. Около головы Даниила также находится надпись съ обозначеніемъ его имени. И эта надпись приходится справа отъ головы. По другую сторону Даниила сохранилась только часть какой-то фигуры въ нимбѣ, съ рукой, протянутой къ Даниилу.

Ничего нѣтъ проще и согласнѣе съ исторіей сюжета, какъ предположить, что эта боковая фигура справа представляла Ангела, приведшаго Аввакума. Такъ и понялъ сначала этотъ сюжетъ авторъ, но затѣмъ все пошло наоборотъ. Дѣло въ томъ, что надъ плечами Даниила изображены два выступа, которые авторъ, не сообразивши, что бы такое они представляли, принялъ за верхнія части крыльевъ, и, не смотря на то, что по сторонамъ нѣтъ продолженія этихъ крыльевъ, рѣшилъ, что Даниилъ изображенъ крылатымъ. Изъ такого предположенія вытекало, что фигура эта представляетъ вовсе не Даниила, а Ангела, и что часть фигуры справа могла представлять Даниила. Чтобы объяснить, почему по сторонамъ ангела оказались два льва, авторъ обращается къ Библии, находитъ тамъ указаніе на семь львовъ и, совершенно игнорируя историческій типъ композиціи, рѣшаетъ, что эти два льва представлены по сторонамъ Ангела (т. е. прежняго Даниила) для обозначенія мѣста дѣйствія и что остальные пять львовъ должны были находиться справа около полуисчезнувшей фигуры, которую онъ склоненъ считать за Даниила. Чтобы доказать, что такая сложная композиція могла существовать въ древности, авторъ сближаетъ свою предполагаемую композицію съ той, которая представлена на лондонской пиксидѣ. Здѣсь изображенъ Даниилъ между двухъ львовъ внутри сооруженія въ родѣ киворія, слѣва Ангелъ ведетъ къ нему Аввакума съ пищей. Лѣвѣе этихъ двухъ фигуръ находится пустое пространство вслѣдствіе потери части пиксиды, и далѣе фигуры: овцы, Ангела и дерева. Эти три фигуры авторъ причисляетъ къ композиціи, изображающей Даниила во рву львиномъ, и такимъ образомъ доказываетъ существованіе сложной композиціи, хотя и безъ пяти искомыхъ львовъ. Но здѣсь онъ сдѣлалъ ошибку, которой могъ избѣжать. Овца, Ангелъ и дерево принадлежатъ къ другой композиціи и представляютъ остатокъ сцены жертвоприношенія Авраама. Фигура Авраама приходилась, какъ это было доказано мною, на томъ мѣстѣ, гдѣ исчезъ кусокъ пиксиды. Часть гиматіона Авраама еще и теперь видна на пиксидѣ близъ овцы, но на это не обратили вниманія ни Штульфаутъ, ни Гревенъ, ни нашъ авторъ¹⁾. Таково же значеніе фигуры ангела справа отъ Даниила на пиксидѣ изъ Ночеры въ Умбріи, изданной Стржиговскимъ для указанія на то, что по сторонамъ Даниила изображены два ангела. Рядомъ съ ней находится овца, а далѣе видна фигура Авраама. Между Авраамомъ и ангеломъ находится, если не ошибаюсь, дерево.

1) См. Виз. Врем. 1899, № 3 — рецензію на первый выпускъ изданія словныхъ костей Гревена.

Принимая въ соображеніе симметрію композиціи, построенной совершенно по законамъ античной композиціи, должно оставить всякія колебанія на счетъ фигуры Даниїла. За Аввакумомъ находится вертикальная линія, ограничивающая композицію слѣва. Здѣсь, слѣдовательно, начало ея. Двѣ боковыя фигуры направляются къ Даниїлу, какъ къ центру. Львы въ полной симметріи сидятъ въ промежуткахъ между Даниїломъ и этими боковыми фигурами. Сосуду Аввакума соотвѣтствуетъ справа какой-то орнаментъ для заполнения пространства. Такимъ образомъ, вторую линію, обрамлившую композицію справа, надо ожидать за полунисчезнувшей фигурой. Выступы за плечами Даниїла настолько же похожи на крылья, какъ и на какія либо части зданій съ кладкой камней и плохо выраженными полукруглыми верхами въ видѣ арокъ. По сторонамъ Даниїла нѣтъ продолженія крыльевъ и не видно ихъ концовъ, какъ бываетъ обыкновенно у крылатыхъ фигуръ, изображенныхъ, хотя бы на той-же пиксидѣ изъ Ночеры. Какъ художественный мотивъ, эти выступы должны быть сравнены съ зданіемъ или киворіемъ, внутри котораго изображенъ Даниїлъ на лондонской пиксидѣ, или же со стѣнами ямы въ усыпальницѣ Эль-Багаута¹⁾, изображенными тамъ по сторонамъ Даниїла. На ткани, вслѣдствіе недостатка мѣста, зданіе могло оказаться за плечами Даниїла. Ввиду всего сказаннаго понятно, что третью надпись надо ожидать за головой третьей фигуры и что двѣ первыя надписи находятся на своихъ мѣстахъ, а не перепутаны. Впрочемъ, доказавши, что фигура Даниїла представляетъ ангела, авторъ въ оправданіе свое прибавляетъ: «я, однако, самъ этому не вѣрю: было бы необычайно встрѣтить ангела, одѣтаго въ полуперсидскій костюмъ, да и кромѣ того нѣтъ львовъ около третьей фигуры, которая должна представлять Даниїла.» (р. 96).

Стиль этой ткани авторъ также не опредѣлилъ. Онъ объясняетъ роскошныя одежды Даниїла тѣмъ, что послѣдній былъ любимецъ царя, но съ этой точки зрѣнія необъяснимы роскошныя украшенія одеждъ Аввакума и ангела, обыкновенно весьма простыя. Роскошныя одежды прежде всего указываютъ на измѣненіе простоты античнаго стиля въ роскошный стиль византійскаго искусства съ яснымъ персидскимъ вліяніемъ. Я вполне раздѣляю указаніе О. Θ. Вульфъ на азіатскія черты этой ткани, но думаю, что стиль фигуры указываетъ, именно, на персидское вліяніе. Фигуры львовъ, особенно ихъ морды, шерсть завитками на гривахъ, загнутые вверхъ хвосты, затѣмъ плоскія безъ моделировки фигуры Даниїла и двухъ боковыхъ, обведенныя ровными, толстыми линіями контуровъ, даютъ чувствовать стиль персидскаго искусства, облекающаго формы христіанскаго сюжета. Съ другой стороны преувеличенно высокій ростъ фигуръ, неустойчивое движеніе, изогнутое колѣно Аввакума, наконецъ, чрезвычайно маленькія конечности рукъ и ногъ, малыя головы, худоба и тонкость рукъ и ногъ, все это — черты зрѣлаго византійскаго

1) В. Г. Бокъ, Матеріалы по археологій христіанскаго Египта. Атласъ, табл. XI.

стиля, и уже на основаніи этихъ чертъ слѣдовало относить ткань съ изображеніемъ Даниїла и Петра къ болѣе позднему времени, чѣмъ IV вѣкъ. Я склоненъ относить эту ткань къ эпохѣ послѣ завоеванія Египта арабами, т. е. къ концу VIII или началу IX вѣка, и скорѣе допускаю происхожденіе ея не изъ Файюма, а изъ фабрикъ Малой Азіи, Багдаха (древняго Вавилона) или же острова Андроса, о которомъ говоритъ Зевульфъ или даже изъ самого Константинополя¹⁾. На это же или даже на болѣе позднее время указываютъ характерно покосившіяся буквы надписей, уже мало имѣющія общаго съ красивымъ уставомъ письма IV—VI вѣковъ. Прибавлю къ этому, что волосы въ завиткахъ Даниїла, Петра и другихъ имѣютъ тотъ-же характеръ, что и гривы львовъ, и потому головы фигуръ не могутъ быть сравниваемы съ типами IV столѣтія или же съ пальмирскими. Чрезвычайно ясно выраженный восточный типъ лицъ окончательно этого не позволяетъ. Къ этому же должно присоединить такую черту въ исполненіи рисунка, какъ прямые обрѣзы зданій храмовъ, указывающія на обычную восточную обратную перспективу.

Смягченіе буквы λ въ ρ, замѣчаемое въ надписяхъ этой ткани, заинтересовавшее автора, не смогшаго, однако, указать нарѣчія, въ которомъ существовало подобное смягченіе въ древности, было распространено въ говорѣ Константинополя, именно, въ IX, X вѣкахъ и позднѣе. Объ этомъ ясно говоритъ Лютипрандъ, объясняя происхожденіе слова Магнавра. Онъ говоритъ: «*Est Constantinopoli domus palatio contigua mirae magnitudinis ac pulchritudinis, quae a Graecis ρ loco λ posita Megaura, quasi magna aura pro aula dicitur*» (Muratori, *Rer. Ital. Script.* II, 469). Рейске сдѣлалъ прекрасное поясненіе къ этому мѣсту Лютипранда и подтвердилъ его наблюденіе многими примѣрами константинопольскаго говора этой поры (*De serim. aulae byz.* II, 218).

Напротивъ, ткани изъ коллекціи Рейнгардта, изданныя Стржиговскимъ, показываютъ болѣе ясный античный стиль, большую свѣжесть въ исполненіи драпировокъ, устойчивую постановку фигуръ, большія и даже иногда уродливыя конечности. Замѣчательно свободный рисунокъ въ контурахъ и въ исполненіи общихъ массъ выражаетъ приемы моделировки. Нигдѣ нѣтъ безжизненнаго ровнаго контура. Линіи, обозначающія складки одеждъ, волосы, глаза и проч., скорѣе подобны мазкамъ быстрой кисти, чѣмъ вообще какой-бы то ни было линіи. Надписи представляютъ широкія квадратнаго типа буквы, стоящія прямо, очень крупныя по сравненію съ фигурами. Сходство этихъ тканей съ тѣми, которыя добыты въ Египтѣ, внѣ всякихъ сомнѣній. Эти ткани я склоненъ относить къ концу V, началу VI вѣка.

Вглядываясь въ технику рисунка этихъ тканей, можно отмѣтить замѣчательныя особенности этого рисунка. Именно, онъ сохраняетъ всѣ свойства грубаго рѣзного клише, судя по легкости изготовленія его, сдѣланнаго изъ дерева. Трафаретный характеръ этого рисунка заста-

1) Хожденіе Даниїла, изд. Венивитинова, стр. 265.

взяты съ увѣренностью сказать, что эти рисунки наводились на ткань посредствомъ шаблоннаго рѣзного клише, т. е. печатались аналогично съ производствомъ набойки, но не красками, а особымъ составомъ. Стржиговскій правильно показалъ, что родъ этихъ одноцвѣтныхъ тканей изготовлялся посредствомъ опусканія въ горячую краску, которая оставляла въ неокрашенномъ видѣ мѣста, неподлежавшія окраскѣ, т. е. самый рисунокъ. Объ этомъ процессѣ, впрочемъ, я буду имѣть случай говорить подробно впослѣдствіи.

Касаясь употребленія синдоновъ въ древности, авторъ издаетъ въ своей книгѣ текстъ Астерія Амассійскаго, въ которомъ описывается синдонъ съ изображеніемъ мученичества св. Евфимія. Этотъ текстъ, до сихъ поръ хорошо извѣстный всякому занимающемуся византійскимъ искусствомъ, изданъ Стржиговскимъ въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, сдѣланномъ Бруно Кейлемъ съ присоединеніемъ вариантовъ различныхъ редакцій текста. Жаль, однако, что не изданъ греческій текстъ, такъ какъ все же каждый интересующійся снова долженъ будетъ обращаться къ прежнимъ изданіямъ текста. При томъ, для тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдуетъ авторъ, требовалось вовсе не изданіе текста, а его изслѣдованіе. У автора мы находимъ лишь общія, мало интересныя сближенія съ болѣе поздними и болѣе ранними циклами мученическихъ сценъ, общезвѣстными и мало объясняющими циклъ мученическихъ сценъ изъ жизни св. Евфимія. Кромѣ того, есть и положительно невѣрные указанія на исполненіе синдона. Стржиговскій говоритъ, напримѣръ, что «Астерій не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно техники» картины, на которой были изображены сцены мученія св. Евфимія. Правда, Астерій называетъ эту картину *γραφὴ ἐν σινδόνι*, изъ чего слѣдуетъ, что живопись была на полотнѣ, но изъ указанія на то, что пламя и кровь были изображены натурально, вовсе не слѣдуетъ, чтобы «живопись на этомъ синдонѣ была восковая». На технику восковой живописи у Астерія нѣтъ указаній; онъ употребляетъ терминъ *κεράνυμι* для обозначенія смѣшенія красокъ, а этотъ терминъ не обозначаетъ процесса восковой живописи, какъ терминъ *καῶσαι* у другихъ писателей, которые точно обозначаютъ родъ употребленной живописи, именно, восковой. Сверхъ того прибавлю, что египетскій синдонъ, находящійся въ собраніи Голенищева, исполненъ клеевыми красками и даже портретъ умершаго, какъ и нѣкоторые портреты изъ собранія Графа въ Вѣнѣ, исполненъ тѣми же клеевыми красками.

Я не хочу сказать этимъ, что синдоновъ, выполненныхъ восковыми красками, въ древности не было, а только обращаю вниманіе автора на то, что у Астерія не опредѣленъ родъ живописи, употребленный художникомъ для картины. Не мѣшаетъ въ данномъ случаѣ помнить и ту оцѣнку живописи на синдонахъ, которую дѣлаетъ схолиастъ къ тексту Василия Великаго: «αἱ δὲ ἐν σινδόνι ἐστὶ ἡ γραφή, τότε εἶκει τῇ γραφῇ ἢ πανί· μάλιστα δὲ ἐν σινδόνι γραφὴ τιμὰ ἐστίν¹⁾».

1) Du Cange, Gloss. I, 651.

Икона св. Сергія и Ваха, писанная восковыми красками, описана весьма поверхностно. Самъ авторъ не видѣлъ этой иконы и издаетъ ее по фотографіи и описанію Сонни, присланному ему изъ Кіева. Какъ эта икона, такъ и еще двѣ, оставшіяся неизвѣстными автору, уже изданы академикомъ Н. П. Кондаковымъ въ его новомъ замѣчательномъ трудѣ «Памятники христіанскаго искусства на Аеонѣ»¹⁾ и подробно будутъ описаны мною (ср. стр. 125 и табл. XLVIII и XLIX).

Въ послѣдней — пятой главѣ Стржиговскій издаетъ нѣсколько фотографій южнаго фасада или современнаго южнаго входа въ церковь Воскресенія въ Іерусалимѣ, и такимъ образомъ вступаетъ въ область Палестинской археологіи.

Анализъ стиля и формъ карнизовъ надъ южнымъ входомъ не оставляетъ теперь никакого сомнѣнія въ томъ, что блоки этихъ карнизовъ принадлежатъ IV столѣтію. Къ этому же результату пришли равнѣ его Вогиэ и Адлеръ. Стржиговскій, однако, безъ надлежащихъ доказательствъ, полагаетъ, что карнизъ и стѣны фасада одинаково древни и старается подтвердить свое предположеніе историческими свидѣтельствами, оставляя на будущее время разборъ формъ южнаго фасада. Однако, надо замѣтить, что тѣ историческія извѣстія, на которыхъ онъ основываетъ свои предположенія, говорятъ противъ него. Онъ полагаетъ, что выступъ фасада (или *Risalit*) соотвѣтствовалъ ширинѣ западнаго атриума, находившагося между ротондой Воскресенія и Константиновой Базиликой, и что мѣсто соединенія этого выступа со стѣной, идущей справа отъ входа, указываетъ на линію фасада Константиновой базилики и на мѣсто, гдѣ началась крыша ея. И то, и другое невозможно. Западный атрій по такому расчету оказывается маленькимъ, и самъ авторъ называетъ его «*kleines Atrium*», что не сходится съ показаніемъ Евсеія, который называетъ этотъ дворъ или атрій «*παρμενίδην χῶρον*». Стржиговскій, однако, полагаетъ, что Евсеій ошибся, что маленький атрій показался ему большимъ, но упускаетъ изъ вида, что паломника Сильвія и анонимный Брѣвіарій называютъ этотъ дворъ, первая «*valde grande*», а второй «*atrium grande, ubi crucifixus est Dominus*». Виллибальдъ только описываетъ на мѣстѣ этого двора небольшую площадку «*plateola ubi lampades ardent*», но показаніе этого паломника имѣетъ значеніе для той эпохи, когда Константиновы постройки были разрушены, перестроены Модестомъ и видоизмѣнены до неузнаваемости послѣ 614 года.

Помѣщая фасадъ базилики Константина на линіи соединенія ризалита со стѣной, примыкающей къ нему справа, нашъ авторъ дѣлаетъ грубую ошибку противъ единогласнаго свидѣтельства древнихъ писателей, которые помѣщаютъ фасадъ базилики на востокъ отъ голгоеской скалы, или въ послѣдствіи на востокъ отъ голгоеской церкви. Если же принять въ соображеніе, что, по расположенію плана построекъ у Стржиговскаго, фасадъ голгоеской церкви былъ установленъ св. Модестомъ на линіи фасада

1) Gayer, *Itinera Hierosolymitana*, p. 89, 135.

Константиновой базилики, то окажется, что и Голгофа съ крестомъ находилась внутри Константиновой базилики. Это совершенно невозможно, такъ какъ всѣ паломники единогласно показываютъ ея мѣстонахождение посреди западнаго атріума между ротондой Воскресенія и базиликой Константина. Но кромѣ всего этого Стржиговскій не принялъ въ соображеніе извѣстій Епифанія¹⁾ и нашего игумена Даниїла²⁾ о дверяхъ базилики Константина Великаго, находившихся между Голговою и темницею Христа еще въ ихъ время въ IX—XII столѣтіи, т. е. до того времени, когда онѣ были введены въ комплексъ сооружений современной церкви Воскресенія. Изъ указаній на эти «двери великія» или *πύλη τοῦ ἁγίου Κωνσταντίνου* слѣдуетъ, что фасадъ базилики Константина долженъ быть отодвинутъ на востокъ за голгоескую церковь, а это увеличиваетъ вдвое размѣры того малаго атріума, который напелъ Стржиговскій, и слѣдовательно исчезаетъ всякая возможность искать соотвѣтствія между шириной ризалита южнаго фасада съ древнимъ западнымъ атріемъ и указывать линію фасада базилики въ мѣстѣ соединенія ризалита со стѣной, примыкающей къ нему справа.

Равнымъ образомъ ничуть нельзя довѣрять соображеніямъ автора о томъ, что западный атріумъ имѣлъ двухъэтажные портики, на томъ основаніи, что ризалитъ имѣетъ два этажа. Евсевій, не приминувшій указать на два этажа колоннадъ внутри базилики, описываетъ стѣну атріума, какъ простыя, а не двухъэтажныя.

Между тѣмъ формы ризалита имѣютъ ближайшее отношеніе къ французской готикѣ XII—XIII столѣтій. На фасадахъ этой готики имѣются и два этажа, и карнизы, и выступы, т. е. ризалиты подобные южному ризалиту церкви Воскресенія. Авторъ, отказавшись отъ анализа формъ ризалита и отъ изслѣдованія исторіи возникновенія самаго фасада, оставилъ вопросъ открытымъ относительно появленія античныхъ карнизовъ на фасадѣ и на сооруженіи справа, представляющемъ капеллу Маріи Египетской. Вогюэ и Адлеръ не могли себѣ объяснить появленіе ихъ иначе, какъ употребленіемъ ихъ со старыхъ зданій самого Іерусалима или Константиновыхъ построекъ. Понятно, что исторія фасада можетъ быть объяснена главнымъ образомъ изученіемъ его на мѣстѣ въ связи съ историческими данными и данными стиля.

Указавши вкратцѣ на неправильности въ реконструкціи атріума, въ помѣщеніи фасада базилики на линіи соединенія ризалита со стѣной справа и фасада голгоеской церкви на мѣстѣ фасада базилики Константина, я отсылаю читателя къ Сообщеніямъ Православнаго Палестинскаго Общества, гдѣ эти вопросы разобраны подробнѣе и гдѣ формы фасада сближены съ формами французской готики XII—XIII вѣка.

Можно пожалѣть, что авторъ издалъ поддѣльную чашу съ надписью,

1) Васильевскій, Повѣсть Епифанія, стр. 30—40.

2) Вeneвѣтиновъ, Хожд. игумена Даниїла, стр. 26—7.

указывающею принадлежность ея Константину Великому. Еще болѣе жаль, что онъ тратилъ время и трудъ для доказательства ея подлинности и кончилъ тѣмъ, что призналъ чашу за итальянскую поддѣлку. Этому приложенію не должно было бы отводить мѣста въ книгѣ. Сравненіе типа Христа съ изображеніемъ Его на слоновой кости изъ собранія Масперо ни къ чему не ведетъ, такъ какъ послѣдній памятникъ, хотя и найденъ въ Египтѣ, но не можетъ быть причисленъ къ числу африканскихъ. Ясныя черты индійскаго стиля заставляютъ признать въ немъ одинъ изъ тѣхъ памятниковъ, которые извѣстны были еще патриарху Фотію: τοῖα τῶν εἰκόνων Χριστοῦ ἀληθῆς, πότερον ἢ παρὰ Ῥωμαίους, ἢ ἡνUPER Ἰνδοὶ γράφουσιν. (Dobschütz. Christusbilder. Untersuchungen zur christlichen Legende. Приложенія 112).

Весьма интересная, изобилующая новыми матеріалами, книга Стржиговскаго составлена довольно поспѣшно. Она хороша, однако, тѣмъ, что вводитъ изданный имъ матеріалъ въ кругъ научнаго знанія, хотя и не всегда съ достаточной научной основательностью.

Интересующій насъ вопросъ объ источникахъ древне-христіанскаго и византійскаго искусства получаетъ болѣе ясное освѣщеніе изъ матеріаловъ, приведенныхъ въ систему и обнародованныхъ Я. И. Смирновымъ въ посмертномъ изданіи трудовъ покойнаго В. Г. Бока, представляющемъ замѣчательное богатство неизвѣстныхъ еще и нигдѣ неизданныхъ памятниковъ живописи и архитектуры, изслѣдованныхъ В. Г. Боконъ въ верхнемъ Египтѣ. Обзорѣнію этихъ матеріаловъ я посвящаю нижеслѣдующую замѣтку.

Д. Айваловъ.

В. Г. Бокъ. *Матеріалы по археології христіанскаго Египта.* Посмертное изданіе. Съ XXXIII фототипическими таблицами и 100 рисунками въ текстѣ. СПб. 1901. (W. de Bock. Matériaux pour servir à l'archéologie de l'Egypte chrétienne. Edition posthume. S. Pétersbourg).

Это изданіе, напечатанное на веленовой бумагѣ въ формѣ продолговатаго 4^о на русскомъ и французскомъ языкахъ, представляетъ прекрасную поминку, достойную трудовъ неутомимаго изслѣдователя христіанскаго Египта В. Г. Бока.

Текстъ съ рисунками и атласъ фототипій, безукоризненно исполненныхъ, оставляютъ въ читателѣ чувство полнаго удовлетворенія. Рисунки и чертежи въ текстѣ, четкая, хотя и не крупная печать, правильный въ корректурномъ отношеніи текстъ, очевидно, были предметомъ заботъ издателей, чтобы сдѣлать книгу вполне приличной съ внѣшней стороны и чтобы достоинству внутренняго содержанія соотвѣтствовала скромная, но изящная внѣшность. Въ этомъ они вполне успѣли.

Дальнѣйшія строки, посвященныя разбору научнаго значенія нѣкоторыхъ сторонъ матеріаловъ, вывезенныхъ В. Г. Боконъ изъ Египта, пусть послужатъ и съ моей стороны данью уваженія къ памяти почив-

ного ученаго, обогатившаго науку чрезвычайно важными фактами въ области археологіи христіанскаго Египта. Эта область въ настоящее время все болѣе обращаетъ на себя вниманіе ученаго міра, и въ вопросѣ объ источникахъ древнехристіанскаго и византійскаго искусства и иконографіи выдвигается на первый планъ.

I.

Изъ краткаго предисловія, предпосланнаго тексту изданія, видно, что трудъ составленія этого текста принадлежитъ не самому В. Г. Боку, а выполненъ двумя издателями, обозначившими свои имена инициалами Я. С. и В. Г. «Описательный текстъ», сказано въ Предисловіи, «основанъ на краткихъ черновыхъ замѣткахъ самаго В. Г. Бока», изъ чего слѣдуетъ, что этотъ текстъ является отвѣтственнымъ передъ тѣмъ, кто пожелалъ бы опереться на него для своихъ научныхъ изысканій, равно какъ и передъ критикой.

Преждевременная смерть помѣшала В. Г. Боку самому издать въ обработанномъ видѣ какую либо часть собранныхъ имъ матеріаловъ, и издателямъ «казалось наилучшимъ представить *все* имъ собранное въ формѣ матеріаловъ, предоставляя объясненіе и научную разработку ихъ всѣмъ занимающимся христіанской археологіей» (Пред. I.). Однако, по словамъ тѣхъ-же издателей въ первыхъ строкахъ предисловія, не *все*, собранное В. Г. Бокомъ, вошло въ изданіе. «Предлагаемое изданіе», сказано здѣсь, «содержитъ *выборъ* изъ фотографій различныхъ христіанскихъ памятниковъ Египта и относящихся къ нимъ замѣтокъ, привезенныхъ покойнымъ Бокомъ изъ двухъ его поѣздокъ въ Египетъ въ 1888/9 и 1897/8 годахъ» (Ibid.). Итакъ, если сдѣланъ былъ выборъ, значитъ не все вошло въ изданіе и предисловіе даетъ поводъ думать, что еще остались въ неизданномъ видѣ какъ фотографіи, такъ и замѣтки къ нимъ. Дѣйствительно, изъ нѣкоторыхъ мѣстъ текста видно, что въ изданіе не вошли нѣкоторыя фотографіи съ памятниковъ и сооружений, равно какъ и серія фотографій съ надгробныхъ стѣлъ Гезехскаго и Александрійскаго музеевъ (стр. 69). Какія фотографіи кромѣ указанныхъ не вошли въ изданіе, въ текстѣ не выяснено.

Разъ неизвѣстенъ оставшійся неизданнымъ матеріалъ, нѣтъ никакого повода дѣлать предположенія объ удачномъ или неудачномъ выборѣ того матеріала, который составилъ изданіе, однако, можно думать, что издатели не погрѣшили бы ни противъ обычныхъ правилъ посмертныхъ изданій, ни противъ требованій вообще научнаго изданія, если бы подробно остановились на обозначеніи матеріаловъ, вывезенныхъ В. Г. Бокомъ изъ Египта, раскрыли бы свой пріемъ, которымъ руководствовались при выборѣ издаваемыхъ фотографій¹⁾ и относящихся къ нимъ

1) Въ одномъ случаѣ (стр. 5) фотографія не вошла въ изданіе по причинѣ неудачнаго снимка. Это — фотографія двухъ-этажной «часовни или церкви», весьма интересной, судя по описанію.

замѣтокъ, и затѣмъ точно указали размѣры своего участія въ составленіи описательнаго текста при пользованіи черновыми замѣтками. Такъ обыкновенно поступаютъ при изданіи матеріаловъ, публикуемыхъ послѣ смерти лицъ, оставившихъ свои труды въ неоконченномъ видѣ, въ видѣ матеріаловъ, замѣтокъ, рисунковъ и проч. Тѣмъ болѣе это было прилично сдѣлать въ данномъ случаѣ. Изданіемъ, о которомъ мы говоримъ, «завершается рядъ трудовъ В. Г. Бока», и дальнѣйшихъ выпусковъ матеріаловъ не будетъ.

Текстъ открывается описаніемъ развалинъ крѣпости, неправильно называемой теперь арабами «Эль-Дейръ», т. е. монастырь. Мы не будемъ останавливаться надъ этимъ описаніемъ, такъ какъ оно выходитъ за предѣлы, намѣченные для нашей статьи: дать отчетъ о памятникахъ древнехристіанскаго искусства, составившихъ большую часть настоящаго изданія. Притомъ нѣтъ положительныхъ данныхъ относить крѣпость къ числу памятниковъ христіанскаго, а не мусульманскаго періода. Интересно для насъ описаніе развалинъ двухъ-этажной часовни, или скорѣе церкви, находящейся въ разстояніи версты отъ Эль-Дейра въ направленіи В. С. В. Къ сожалѣнію, фотографія этой часовни вышла неудачно, и потому неиздана. Въ текстѣ она описывается слѣдующими словами: «развалины большой, построенной изъ сырца, двухъ-этажной часовни, или скорѣе церкви, довольно сложнаго устройства, съ коробовыми сводами и нишами» (стр. 5). Къ С. отъ крѣпости описана часовня въ 300—400 метрахъ отъ нея. На таблицахъ I и II изображены внѣшній видъ ея и задней стѣны, испещренной надписями. Планъ часовни представляетъ двѣ комнаты и паперть (?) (рис. 6). Дверь, ведущая въ заднюю комнату часовни, интересна тѣмъ, что верхній наличникъ ея имѣетъ форму, столь обычную для входовъ въ египетской архитектурѣ (рис. 7). Въ развалинахъ часовни валяется известковая плита отъ карниза другой двери, сохранившая валикъ съ вертикальными полосами бѣлаго, краснаго и чернаго цвѣтовъ (рис. 8). На задней стѣнѣ среди многочисленныхъ надписей на греческомъ, коптскомъ и арабскомъ языкахъ, справа отъ зрителя изображенъ крестъ въ формѣ голгоетскаго четырехконечнаго креста съ надписью IC. XC. NI. KA. въ типѣ IV—VI и позднѣе вѣковъ. Съ наличника двери египетскаго стиля, затѣмъ раскрашеннаго карниза плиты и этого креста, присоединяя сюда и коробовые своды часовни, мы вступаемъ въ характерную область древне-христіанскаго искусства Египта. Нигдѣ до сихъ поръ это искусство не было представлено въ такихъ исторически важныхъ памятникахъ, какъ въ настоящемъ изданіи. Первое мѣсто несомнѣнно принадлежитъ некрополю Эль-Багаута, къ которому мы и обращаемся.

Вторая глава даетъ общее описаніе замѣчательнаго и обширнаго некрополя Эль-Багаутъ, находящагося въ 5 километрахъ отъ города Эль-Харгэ. Фотографіи и рисунки въ текстѣ развертываютъ передъ зрителемъ поразительную картину этого кладбища. Виду этого надземнаго

некрополя sub divo нельзя ничего противопоставить на западъ съ его подземными катакомбами, по которымъ до сихъ поръ изучается древне-христіанское искусство, а отчасти и архитектура. Догматическое изложене началъ христіанскаго искусства почти всецѣло покоится на ученіи объ искусствѣ катакомбъ, при чемъ римскія и неапольскія подземныя погребенія начинаютъ собою эту исторію. Некрополи Кирены, Малой Азіи только описываются для полноты обзорѣній, а между тѣмъ они могутъ хоть отчасти сдѣлать переходъ къ формамъ сооружений кладбища Эль-Багаута. По крайней мѣрѣ тамъ мы встрѣчаемъ цѣльныя зданія, усыпальницы съ хорошо отдѣланными фасадами, встрѣчаемся съ отдѣльными, быть можетъ, частными усыпальницами sub divo. Кладбище Эль-Багаута съ его улицами, разстояніемъ въ цѣлый километръ представляетъ весьма важное данное въ археологіи христіанскаго искусства, на которое, несомнѣнно, будетъ обращено серьезное вниманіе въ наукѣ.

«Находящійся, какъ и всѣ древніе некрополи Египта, на краю пустыни, некрополь (Эль-Багаутъ) красиво раскинулся вѣеромъ на возвышенности, представляющей одинъ изъ послѣднихъ отроговъ Гебель-Эль-Тэръ (табл. III). Сѣвернымъ краемъ своимъ некрополь занимаетъ довольно высокое плоскогорье и оттуда спускается къ Ю. по двумъ отрогамъ этой возвышенности, раздѣленнымъ ложбиной. Изъ двухъ группъ надгробныхъ часовенъ, находящихся на этихъ отрогахъ, особенно поражаетъ взоръ западная — рядомъ украшенныхъ фасадовъ (табл. IV), хотя по числу гробницъ она уступаетъ восточной группѣ, занимающей гребень. Надгробныя часовни въ ложбинѣ расположены въ двѣ линіи и образуютъ подобіе улицы (табл. V). Другая улица гробницъ находится у подошвы восточнаго ската плоскогорья. На возвышенности, гдѣ соединяются вмѣстѣ оба, засыпанные пескомъ пустыни, отрога, поднимается самое большое во всемъ некрополѣ зданіе, сѣвернѣе разбросаны крайнія погребальныя часовни некрополя. Здѣсь вся поверхность плоскогорья, состоящаго изъ песчанника и крупныхъ глыбъ, изрыта могилами. Длина съ сѣвера на югъ всего некрополя превосходитъ километръ, ширина же вдвое меньше. Общее число погребальныхъ часовенъ некрополя доходитъ до 180 или 200» (стр. 7 — 8).

Таковъ общій видъ некрополя въ настоящее время послѣ протекшихъ надъ нимъ около полуторы тысячи лѣтъ. Если общій видъ его представляетъ полную противоположность катакомбамъ, то тѣмъ болѣе интереса представляетъ внутреннее устройство, украшенія и живопись отдѣльныхъ усыпальницъ. Во многихъ случаяхъ отдѣльныя усыпальницы съ ихъ типическими архитектурными особенностями, украшеніями фасадовъ, росписями стѣнъ близко напоминаютъ общезвѣстныя формы искусства, господствующаго въ Европѣ, особенно въ Италіи въ IV, V—VI столѣтіяхъ. Это общее впечатлѣніе подтверждается рядомъ поразительныхъ совпаденій въ искусствѣ христіанскаго Египта съ искусствомъ Европы и такимъ близкимъ родствомъ формъ, которое не можетъ быть

И я, и Стржиговскій, при разборѣ типа Христа на псаматійскомъ рельефѣ упустили случай сравнить фигуру Его съ изображеніемъ на саркофагѣ, находящемся въ церкви св. Марка въ Венеціи, въ которомъ похороненъ былъ Дожь Марино Морозини (1249—1253), какъ объ этомъ свидѣтельствуется латинская надпись: *Hic requiescit Dom. Marinus Maurocinus Dux*. Неизвѣстно, съ какого времени хранится этотъ саркофагъ въ церкви св. Марка и въ какое время онъ попалъ сюда, но исполненіе саркофага по характеру рѣзбы и на основаніи сюжета отнесено было издателями его къ VI вѣку, каковая дата очень похожа на истинную¹⁾. Для исторіи типа Христа въ его повтореніяхъ, изображеніе на саркофагѣ крайне важно. Здѣсь повторяется юный типъ съ длинными волосами, повязкой на головѣ, съ крестообразнымъ нимбомъ безъ обозначенія буквы Р въ верхней части креста. Христосъ стоитъ, опирая тяжесть тѣла на правую ногу и согнувъ нѣсколько въ колѣнѣ лѣвую. Правая рука лежитъ въ синусѣ, лѣвая опущена вдоль бедра подѣ гиматіономъ, складка котораго обрисовываетъ кисть руки. Голова обращена прямо къ зрителю, и въ этомъ единственное отличіе отъ фигуры на Псаматійскомъ саркофагѣ. По сторонамъ Христа находятся 12 апостоловъ. Справа Павелъ, слѣва Петръ съ крестомъ. Стилъ рельефа и его орнаментальный бордюръ особенно важны для сравненія съ обломкомъ малоазійскаго саркофага, изданнымъ Стржиговскимъ (теперь въ Берлинск. музеѣ), на которомъ онъ хотѣлъ видѣть смерть Ананіи²⁾. Венеціанскій саркофагъ ясно обнаруживаетъ свое восточное, быть можетъ, константинопольское, происхожденіе.

Я не могу приписать фигурѣ Христа того эстетическаго выраженія, которое Стржиговскій видитъ на псаматійскомъ рельефѣ, такъ какъ иначе такую же эстетическую оцѣнку пришлось бы сдѣлать многимъ шаблоннымъ фигурамъ поздняго антика и между прочимъ двумъ мужскимъ фигурамъ, представленнымъ по сторонамъ женской на части христіанскаго саркофага, вдѣланнаго въ стѣну надъ воротами города Никеи. Эти фигуры буквально воспроизводятъ постановку фигуры Христа на псаматійскомъ рельефѣ и далеко превосходятъ по исполненію фигуру умершаго, изображеннаго на одной палмирской надгробной плитѣ, привлеченной Стржиговскимъ совершенно вѣрно для сравненія съ фигурой Христа. Я въ скоромъ времени издамъ оба упомянутые памятника.

Третья глава содержитъ описаніе и изданіе одной египетской деревянной рѣзной горельефной группы, представляющей битву у воротъ какого-то города съ варварами, которые уже обратились въ бѣгство. Какъ и въ предыдущей главѣ, авторъ сопоставляетъ этотъ горельефъ съ аналогичными издѣліями изъ слоновой кости, хранящимися въ Луврѣ и въ

1) Basilica di S. Marco in Venezia illustrata nella storia e nell'arte etc. sotto la direzione di C. Boito A. MDCCCLXXXVIII — XCI, t. III, p. 270, Portofolio 8, fig. 1 (204).

2) Jahrbuch d. K. Preussischen Kunstsammlungen, 1901, Heft 1 (Sonder-Abdruck), p. 3—4.

соборной ризницѣ Трира (послѣдняя — пластина въ болѣе низкомъ рельефѣ). Горельефъ происходитъ изъ верхняго Египта (*Heropolis magna*), что придаетъ ему важное значеніе для сравненія съ указанными памятниками. Стржиговскій объясняетъ содержаніе горельефной группы какъ «защиту твердыни вѣры» и видитъ въ трехъ фигурахъ въ верхней части горельефа изображеніе Троицы въ томъ типѣ, въ какомъ она изображена на извѣстномъ Латеранскомъ саркофагѣ. Однако, скорѣе можно примкнуть къ предположенію Вульфа¹⁾, что здѣсь представлено какое-либо историческое или легендарное событіе. Укажу въ подтвержденіе данныхъ, имъ указанныхъ, и его мысли на то, что натурально представленные типы варваровъ являются исторически вѣрно воспроизведенными, лабарумъ или продолговатое знамя также имѣетъ исторически извѣстную форму, повторенную на триумфальной аркѣ въ церкви S. Maria Maggiore въ композиціи встрѣчи св. семейства Афродизіемъ²⁾. Если кругъ памятниковъ рѣзбы на деревѣ и слоновой кости представлялъ чрезвычайно благодарный матеріалъ для изслѣдованія рѣзбы на деревѣ, процвѣтавшей въ Египтѣ и связавшейся съ характеромъ пластики IV—V столѣтія, что дало возможность издать Стржиговскому нѣкоторые обломки порфировыхъ саркофаговъ, происходящихъ изъ Константинополя и Александріи, то слѣдующая глава представляетъ не меньшій историко-художественный интересъ, такъ какъ въ ней авторъ издаетъ и описываетъ нѣкоторыя египетскія ткани. Эти ткани принадлежатъ частью Берлинскому художественно-промышленному музею, частью происходятъ изъ коллекціи Рейнгардта. Авторъ дѣлаетъ экскурсы въ область техники древнихъ тканей, сближаетъ нѣкоторыя извѣстія о синдонахъ съ изслѣдованными имъ остатками тканей Берлинскаго музея и даетъ два приложенія къ этой главѣ. Въ первомъ онъ публикуетъ текстъ Астерія Амоссійскаго о синдонѣ съ изображеніемъ сценъ мученія св. Евфимія, видѣнномъ имъ въ Халкидонѣ. Прийдя къ заключенію, что этотъ синдонъ былъ написанъ восковыми красками, авторъ дѣлаетъ второе приложеніе и издаетъ восковыми красками написанную икону Сергія и Вакха, находящуюся въ Церк. Арх. Музеѣ въ Кіевѣ.

Совершенно вѣрно указано авторомъ, что обрывки тканей съ изображеніемъ Даніила и Петра принадлежатъ къ такой завѣсѣ, типъ которой описанъ Павломъ Силенціаріемъ въ церкви св. Софіи, но приходится съ удивленіемъ читать цѣлыя страницы текста, на которыхъ авторъ старается доказать самому себѣ невѣрность того, что онъ видитъ и въ чемъ, казалось бы, не могло быть никакихъ сомнѣній.

На первомъ остаткѣ ткани изображенъ Даніилъ въ своемъ восточномъ костюмѣ. Руки его обычно подняты вверхъ. У ногъ по сторонамъ

1) Sitzungsbericht der Kunstgeschichtl. Gesellschaft, VII, 1901, p. 37—8.

2) См. мой рисунокъ, сдѣланный вблизи мозаики и наиболѣе вѣрный во всѣхъ деталяхъ. Моз. IV и V в., стр. 93. Отмѣчу, что знамя упоминается въ Библии. Кн. Ис. Нав. X.

его сидятъ львы съ мордами, обращенными къ Даниилу. Слѣва къ Даниилу подходитъ Аввакумъ, неся сосудъ съ пищей и питьемъ. Надпись около головы справа называетъ его по имени. Около головы Даниила также находится надпись съ обозначеніемъ его имени. И эта надпись приходится справа отъ головы. По другую сторону Даниила сохранилась только часть какой-то фигуры въ нимбѣ, съ рукой, протянутой къ Даниилу.

Ничего нѣтъ проще и согласнѣе съ исторіей сюжета, какъ предположить, что эта боковая фигура справа представляла Ангела, приведшаго Аввакума. Такъ и понялъ сначала этотъ сюжетъ авторъ, но затѣмъ все пошло наоборотъ. Дѣло въ томъ, что надъ плечами Даниила изображены два выступа, которые авторъ, не сообразивши, что бы такое они представляли, принялъ за верхнія части крыльевъ, и, не смотря на то, что по сторонамъ нѣтъ продолженія этихъ крыльевъ, рѣшилъ, что Даниилъ изображенъ крылатымъ. Изъ такого предположенія вытекало, что фигура эта представляетъ вовсе не Даниила, а Ангела, и что часть фигуры справа могла представлять Даниила. Чтобы объяснить, почему по сторонамъ ангела оказались два льва, авторъ обращается къ Библии, находитъ тамъ указаніе на семь львовъ и, совершенно игнорируя историческій типъ композиціи, рѣшаетъ, что эти два льва представлены по сторонамъ Ангела (т. е. прежняго Даниила) для обозначенія мѣста дѣйствія и что остальные пять львовъ должны были находиться справа около полуисчезнувшей фигуры, которую онъ склоненъ считать за Даниила. Чтобы доказать, что такая сложная композиція могла существовать въ древности, авторъ сближаетъ свою предполагаемую композицію съ той, которая представлена на лондонской пиксидѣ. Здѣсь изображенъ Даниилъ между двухъ львовъ внутри сооруженія въ родѣ киворія, слѣва Ангелъ ведетъ къ нему Аввакума съ пищей. Лѣвѣе этихъ двухъ фигуръ находится пустое пространство вслѣдствіе потери части пиксиды, и далѣе фигуры: овцы, Ангела и дерева. Эти три фигуры авторъ причисляетъ къ композиціи, изображающей Даниила во рву львиномъ, и такимъ образомъ доказываетъ существованіе сложной композиціи, хотя и безъ пяти искомыхъ львовъ. Но здѣсь онъ сдѣлалъ ошибку, которой могъ избѣжать. Овца, Ангелъ и дерево принадлежатъ къ другой композиціи и представляютъ остатокъ сцены жертвоприношенія Авраама. Фигура Авраама приходилась, какъ это было доказано мною, на томъ мѣстѣ, гдѣ исчезъ кусокъ пиксиды. Часть гиматіона Авраама еще и теперь видна на пиксидѣ близъ овцы, но на это не обратили вниманія ни Штульфаутъ, ни Гревенъ, ни нашъ авторъ¹⁾. Таково же значеніе фигуры ангела справа отъ Даниила на пиксидѣ изъ Ночеры въ Умбріи, изданной Стржиговскимъ для указанія на то, что по сторонамъ Даниила изображены два ангела. Рядомъ съ ней находится овца, а далѣе видна фигура Авраама. Между Авраамомъ и ангеломъ находится, если не ошибаюсь, дерево.

1) См. Виз. Врем. 1899, № 3 — рецензію на первый выпускъ изданія слововыхъ костей Гревена.

Принимая въ соображеніе симметрію композиціи, построенной совершенно по законамъ античной композиціи, должно оставить всякія колебанія на счетъ фигуры Даниїла. За Аввакумомъ находится вертикальная линія, ограничивающая композицію слѣва. Здѣсь, слѣдовательно, начало ея. Двѣ боковыя фигуры направляются къ Даниїлу, какъ къ центру. Львы въ полной симметріи сидятъ въ промежуткахъ между Даниїломъ и этими боковыми фигурами. Сосуду Аввакума соотвѣтствуетъ справа какой-то орнаментъ для заполнения пространства. Такимъ образомъ, вторую линію, обрамлявшую композицію справа, надо ожидать за полуисчезнувшей фигурой. Выступы за плечами Даниїла настолько же похожи на крылья, какъ и на какія либо части зданій съ кладкой камней и плохо выраженными полукруглыми верхами въ видѣ арокъ. По сторонамъ Даниїла нѣтъ продолженія крыльевъ и не видно ихъ концовъ, какъ бываетъ обыкновенно у крылатыхъ фигуръ, изображенныхъ, хотя бы на той-же пиксидѣ изъ Ночеры. Какъ художественный мотивъ, эти выступы должны быть сравнены съ зданіемъ или киворіемъ, внутри котораго изображенъ Даниїлъ на лондонской пиксидѣ, или же со стѣнами ямы въ усыпальницѣ Эль-Багаута¹⁾, изображенными тамъ по сторонамъ Даниїла. На ткани, вслѣдствіе недостатка мѣста, зданіе могло оказаться за плечами Даниїла. Ввиду всего сказаннаго понятно, что третью надпись надо ожидать за головой третьей фигуры и что двѣ первыя надписи находятся на своихъ мѣстахъ, а не перепутаны. Впрочемъ, доказавши, что фигура Даниїла представляетъ ангела, авторъ въ оправданіе свое прибавляетъ: «я, однако, самъ этому не вѣрю: было бы необычайно встрѣтить ангела, одѣтаго въ полуперсидскій костюмъ, да и кромѣ того нѣтъ львовъ около третьей фигуры, которая должна представлять Даниїла.» (р. 96).

Стиль этой ткани авторъ также не опредѣлилъ. Онъ объясняетъ роскошныя одежды Даниїла тѣмъ, что послѣдній былъ любимецъ царя, но съ этой точки зрѣнія необъяснимы роскошныя украшенія одеждъ Аввакума и ангела, обыкновенно весьма простыя. Роскошныя одежды прежде всего указываютъ на измѣненіе простоты античнаго стиля въ роскошный стиль византійскаго искусства съ яснымъ персидскимъ вліяніемъ. Я вполне раздѣляю указаніе О. Θ. Вульфа на азіатскія черты этой ткани, но думаю, что стиль фигуры указываетъ, именно, на персидское вліяніе. Фигуры львовъ, особенно ихъ морды, шерсть завитками на гривахъ, загнутые вверхъ хвосты, затѣмъ плоскія безъ моделировки фигуры Даниїла и двухъ боковыхъ, обведенныя ровными, толстыми линіями контуровъ, даютъ чувствовать стиль персидскаго искусства, облекающаго формы христіанскаго сюжета. Съ другой стороны преувеличенно высокий ростъ фигуръ, неустойчивое движеніе, изогнутое колѣно Аввакума, наконецъ, чрезвычайно маленькія конечности рукъ и ногъ, малыя головы, худоба и тонкость рукъ и ногъ, все это — черты зрѣлаго византійскаго

1) В. Г. Бокъ, Матеріалы по археологій христіанскаго Египта. Атласъ, табл. XI.

стиля, и уже на основаніи этихъ чертъ слѣдовало относить ткань съ изображеніемъ Даниїла и Петра къ болѣе позднему времени, чѣмъ IV вѣкъ. Я склоненъ относить эту ткань къ эпохѣ послѣ завоеванія Египта арабами, т. е. къ концу VIII или началу IX вѣка, и скорѣе допускаю происхожденіе ея не изъ Файюма, а изъ фабрикъ Малой Азіи, Балдахъ (древняго Вавилона) или же острова Андроса, о которомъ говоритъ Зевульфъ или даже изъ самого Константинополя¹⁾. На это же или даже на болѣе позднее время указываютъ характерно покосившіяся буквы надписей, уже мало имѣющія общаго съ красивымъ уставомъ письма IV—VI вѣковъ. Прибавлю къ этому, что волосы въ завиткахъ Даниїла, Петра и другихъ имѣютъ тотъ-же характеръ, что и гривы львовъ, и потому головы фигуръ не могутъ быть сравниваемы съ типами IV столѣтія или же съ пальмирскими. Чрезвычайно ясно выраженный восточный типъ лицъ окончательно этого не позволяетъ. Къ этому же должно присоединить такую черту въ исполненіи рисунка, какъ прямые обрѣзы зданій храмовъ, указывающія на обычную восточную обратную перспективу.

Смягченіе буквы λ въ ρ, замѣчаемое въ надписяхъ этой ткани, заинтересовавшее автора, не смогшаго, однако, указать нарѣчія, въ которомъ существовало подобное смягченіе въ древности, было распространено въ говорѣ Константинополя, именно, въ IX, X вѣкахъ и позднѣе. Объ этомъ ясно говоритъ Лютпрандъ, объясняя происхожденіе слова Магнавра. Онъ говоритъ: «*Est Constantinopoli domus palatio contigua mirae magnitudinis ac pulchritudinis, quae a Graecis ρ loco λ posita Megaura, quasi magna aura pro aula dicitur*» (Muratori, *Rer. Ital. Script.* II, 469). Рейске сдѣлалъ прекрасное поясненіе къ этому мѣсту Лютпранда и подтвердилъ его наблюденіе многими примѣрами константинопольскаго говора этой поры (*De serim. aulae byz.* II, 218).

Напротивъ, ткани изъ коллекціи Рейнгардта, изданныя Стржиговскимъ, показываютъ болѣе ясный античный стиль, большую свѣжесть въ исполненіи драпировокъ, устойчивую постановку фигуръ, большія и даже иногда уродливыя конечности. Замѣчательно свободный рисунокъ въ контурахъ и въ исполненіи общихъ массъ выражаетъ приемы моделировки. Нигдѣ нѣтъ безжизненнаго ровнаго контура. Линіи, обозначающія складки одеждъ, волосы, глаза и проч., скорѣе подобны мазкамъ быстрой кисти, чѣмъ вообще какой-бы то ни было линіи. Надписи представляютъ широкія квадратнаго типа буквы, стоящія прямо, очень крупныя по сравненію съ фигурами. Сходство этихъ тканей съ тѣми, которыя добыты въ Египтѣ, внѣ всякихъ сомнѣній. Эти ткани я склоненъ относить къ концу V, началу VI вѣка.

Вглядываясь въ технику рисунка этихъ тканей, можно отмѣтить замѣчательныя особенности этого рисунка. Именно, онъ сохраняетъ всѣ свойства грубаго рѣзного клише, судя по легкости изготовленія его, сдѣланнаго изъ дерева. Трафаретный характеръ этого рисунка заста-

1) Хожденіе Даниїла, изд. Веневитинова, стр. 265.

вляеть съ увѣренностью сказать, что эти рисунки наводились на ткань посредствомъ шаблоннаго рѣзного клише, т. е. печатались аналогично съ производствомъ набойки, но не красками, а особымъ составомъ. Стржиговскій правильно показалъ, что родъ этихъ одноцвѣтныхъ тканей изготовлялся посредствомъ опусканія въ горячую краску, которая оставляла въ неокрашенномъ видѣ мѣста, неподлежавшія окраскѣ, т. е. самый рисунокъ. Объ этомъ процессѣ, впрочемъ, я буду имѣть случай говорить подробно впослѣдствіи.

Касаясь употребленія синдоновъ въ древности, авторъ издаетъ въ своей книгѣ текстъ Астерія Амассійскаго, въ которомъ описывается синдонъ съ изображеніемъ мученичества св. Евфиміи. Этотъ текстъ, до сихъ поръ хорошо извѣстный всякому занимающемуся византійскимъ искусствомъ, изданъ Стржиговскимъ въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, сдѣланномъ Бруно Кейлемъ съ присоединеніемъ вариантовъ различныхъ редакцій текста. Жаль, однако, что не изданъ греческій текстъ, такъ какъ все же каждый интересующійся снова долженъ будетъ обращаться къ прежнимъ изданіямъ текста. При томъ, для тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдуетъ авторъ, требовалось вовсе не изданіе текста, а его изслѣдованіе. У автора мы находимъ лишь общія, мало интересныя сближенія съ болѣе поздними и болѣе ранними циклами мученическихъ сценъ, общезвѣстными и мало объясняющими циклъ мученическихъ сценъ изъ жизни св. Евфиміи. Кромѣ того, есть и положительно невѣрные указанія на исполненіе синдона. Стржиговскій говоритъ, напримѣръ, что «Астерій не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно техники» картины, на которой были изображены сцены мученія св. Евфиміи. Правда, Астерій называетъ эту картину *γραφὴ ἐν σινδόνι*, изъ чего слѣдуетъ, что живопись была на полотнѣ, но изъ указанія на то, что пламя и кровь были изображены натурально, вовсе не слѣдуетъ, чтобы «живопись на этомъ синдонѣ была восковая». На технику восковой живописи у Астерія нѣтъ указаній; онъ употребляетъ терминъ *καράνυμι* для обозначенія смѣшенія красокъ, а этотъ терминъ не обозначаетъ процесса восковой живописи, какъ терминъ *καῦσις* у другихъ писателей, которые точно обозначаютъ родъ употребленной живописи, именно, восковой. Сверхъ того прибавлю, что египетскій синдонъ, находящійся въ собраніи Голенищева, исполненъ клеевыми красками и даже портретъ умершаго, какъ и нѣкоторые портреты изъ собранія Графа въ Вѣнѣ, исполненъ тѣми же клеевыми красками.

Я не хочу сказать этимъ, что синдоновъ, выполненныхъ восковыми красками, въ древности не было, а только обращаю вниманіе автора на то, что у Астерія не опредѣленъ родъ живописи, употребленный художникомъ для картины. Не мѣшаетъ въ данномъ случаѣ помнить и ту оцѣнку живописи на синдонахъ, которую дѣлаеть схолиастъ къ тексту Василія Великаго: «οἱ δὲ ἐν σινδόνι ἐστὶ ἡ γραφή, τότε εἶχε τῇ γραφῇ ἡ σάνις· μάλιστὰ οὗτοι ἐν σινδόνι γραφὴ τιμὰ ἐστὶν¹⁾».

1) Du Cange, Gloss. l, 651.

Икона св. Сергія и Вахѣ, писанная восковыми красками, описана весьма поверхностно. Самъ авторъ не видѣлъ этой иконы и издаетъ ее по фотографіи и описанію Сонни, присланнымъ ему изъ Кіева. Какъ эта икона, такъ и еще двѣ, оставшіяся неизвѣстными автору, уже изданы академикомъ Н. П. Кондаковымъ въ его новомъ замѣчательномъ трудѣ «Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ»¹⁾ и подробно будутъ описаны мною (ср. стр. 125 и табл. XLVIII и XLIX).

Въ послѣдней — пятой главѣ Стржиговскій издаетъ нѣсколько фотографій южнаго фасада или современнаго южнаго входа въ церковь Воскресенія въ Іерусалимѣ, и такимъ образомъ вступаетъ въ область Палестинской археологіи.

Анализъ стиля и формъ карнизовъ надъ южнымъ входомъ не оставляетъ теперь никакого сомнѣнія въ томъ, что блоки этихъ карнизовъ принадлежать IV столѣтію. Къ этому же результату пришли ранѣе его Вогюэ и Адлеръ. Стржиговскій, однако, безъ надлежащихъ доказательствъ, полагаетъ, что карнизъ и стѣны фасада одинаково древни и старается подтвердить свое предположеніе историческими свидѣтельствами, оставляя на будущее время разборъ формъ южнаго фасада. Однако, надо замѣтить, что тѣ историческія извѣстія, на которыхъ онъ основываетъ свои предположенія, говорятъ противъ него. Онъ полагаетъ, что выступъ фасада (или *Risalit*) соотвѣтствовалъ ширинѣ западнаго атриума, находившагося между ротондой Воскресенія и Константиновой Базиликой, и что мѣсто соединенія этого выступа со стѣной, идущей справа отъ входа, указываетъ на линію фасада Константиновой базилики и на мѣсто, гдѣ началась крыша ея. И то, и другое невозможно. Западный атрій по такому расчету оказывается маленькимъ, и самъ авторъ называетъ его «*kleines Atrium*», что не сходится съ показаніемъ Евсевія, который называетъ этотъ дворъ или атріумъ «*παρμενυένῳ ὑφ' ὧρου*». Стржиговскій, однако, полагаетъ, что Евсевій ошибся, что маленький атрій показался ему большимъ, но упускаетъ изъ вида, что паломника Сильвія и анонимный Бreviарій называютъ этотъ дворъ, первая «*valde grande*», а второй «*atrium grande, ubi crucifixus est Dominus*». Виллибальдъ только описываетъ на мѣстѣ этого двора небольшую площадку «*plateola ubi lampades ardent*», но показаніе этого паломника имѣетъ значеніе для той эпохи, когда Константиновы постройки были разрушены, перестроены Модестомъ и видоизмѣнены до неузнаваемости послѣ 614 года.

Помѣщая фасадъ базилики Константина на линіи соединенія ризалита со стѣной, примыкающей къ нему справа, нашъ авторъ дѣлаетъ грубую ошибку противъ единогласнаго свидѣтельства древнихъ писателей, которые помѣщаютъ фасадъ базилики на востокъ отъ голгоетской скалы, или впослѣдствіи на востокъ отъ голгоетской церкви. Если же принять въ соображеніе, что, по расположенію плана построекъ у Стржиговскаго, фасадъ голгоетской церкви былъ установленъ св. Модестомъ на линіи фасада

1) Gayer, *Itinera Hierosolymitana*, p. 89, 135.

Константиновой базилики, то окажется, что и Голгофа съ крестомъ находилась внутри Константиновой базилики. Это совершенно невозможно, такъ какъ всѣ паломники единогласно показываютъ ея мѣстонахождение посреди западнаго атріума между ротондой Воскресенія и базиликой Константина. Но кромѣ всего этого Стржиговскій не принялъ въ соображеніе извѣстій Епифанія¹⁾ и нашего игумена Даниїла²⁾ о дверяхъ базилики Константина Великаго, находившихся между Голговою и темницею Христа еще въ ихъ время въ IX—XII столѣтіи, т. е. до того времени, когда онѣ были введены въ комплексъ сооружений современной церкви Воскресенія. Изъ указаній на эти «двери великія» или *πύλη τοῦ ἁγίου Κωνσταντίνου* слѣдуетъ, что фасадъ базилики Константина долженъ быть отодвинутъ на востокъ за голговскую церковь, а это увеличиваетъ вдвое размѣры того малаго атріума, который нашелъ Стржиговскій, и слѣдовательно исчезаетъ всякая возможность искать соотвѣтствія между шириной ризалита южнаго фасада съ древнимъ западнымъ атріемъ и указывать линію фасада базилики въ мѣстѣ соединенія ризалита со стѣнной, примыкающей къ нему справа.

Равнымъ образомъ ничуть нельзя довѣрять соображеніямъ автора о томъ, что западный атріумъ имѣлъ двухъэтажные портики, на томъ основаніи, что ризалитъ имѣетъ два этажа. Евсевій, не приминувшій указать на два этажа колоннадъ внутри базилики, описываетъ стои атріума, какъ простыя, а не двухъэтажныя.

Между тѣмъ формы ризалита имѣютъ ближайшее отношеніе къ французской готикѣ XII—XIII столѣтій. На фасадахъ этой готики имѣются и два этажа, и карнизы, и выступы, т. е. ризалиты подобные южному ризалиту церкви Воскресенія. Авторъ, отказавшись отъ анализа формъ ризалита и отъ изслѣдованія исторіи возникновенія самаго фасада, оставилъ вопросъ открытымъ относительно появленія античныхъ карнизовъ на фасадѣ и на сооруженіи справа, представляющемъ капеллу Маріи Египетской. Вогюэ и Адлеръ не могли себѣ объяснить появленіе ихъ иначе, какъ употребленіемъ ихъ со старыхъ зданій самого Іерусалима или Константиновыхъ построекъ. Понятно, что исторія фасада можетъ быть объяснена главнымъ образомъ изученіемъ его на мѣстѣ въ связи съ историческими данными и данными стиля.

Указавши вкратцѣ на неправильности въ реконструкціи атріума, въ помѣщеніи фасада базилики на линіи соединенія ризалита со стѣнной справа и фасада голговской церкви на мѣстѣ фасада базилики Константина, я отсылаю читателя къ Сообщеніямъ Православнаго Палестинскаго Общества, гдѣ эти вопросы разобраны подробнѣе и гдѣ формы фасада сближены съ формами французской готики XII—XIII вѣка.

Можно пожалѣть, что авторъ издалъ поддѣльную чашу съ надписью,

1) Васильевскій, Повѣсть Епифанія, стр. 30—40.

2) Венивитиновъ, Хожд. игумена Даниїла, стр. 26—7.

указывающею принадлежность ея Константину Великому. Еще болѣе жаль, что онъ тратилъ время и трудъ для доказательства ея подлинности и кончилъ тѣмъ, что призналъ чашу за итальянскую поддѣлку. Этому приложенію не должно было бы отводить мѣста въ книгѣ. Сравненіе типа Христа съ изображеніемъ Его на слоновой кости изъ собранія Масперо ни къ чему не ведетъ, такъ какъ послѣдній памятникъ, хотя и найденъ въ Египтѣ, но не можетъ быть причисленъ къ числу африканскихъ. Ясныя черты индійскаго стиля заставляютъ признать въ немъ одинъ изъ тѣхъ памятниковъ, которые извѣстны были еще патріарху Фотію: ποία τῶν εἰκόνων Χριστοῦ ἀληθής, πότερον ἢ παρὰ Ῥωμαίους, ἢ ἤνπερ Ἰουδοὶ γράφουσιν. (Dobschütz. Christusbilder. Untersuchungen zur christlichen Legende. Приложенія 112).

Весьма интересная, изобилующая новыми матеріалами, книга Стржиговскаго составлена довольно послѣшно. Она хороша, однако, тѣмъ, что вводитъ изданный имъ матеріалъ въ кругъ научнаго знанія, хотя и не всегда съ достаточной научной основательностью.

Интересующій насъ вопросъ объ источникахъ древне-христіанскаго и византійскаго искусства получаетъ болѣе ясное освѣщеніе изъ матеріаловъ, приведенныхъ въ систему и обнародованныхъ Я. И. Смирновымъ въ посмертномъ изданіи трудовъ покойнаго В. Г. Бока, представляющемъ замѣчательное богатство неизвѣстныхъ еще и нигдѣ неизданныхъ памятниковъ живописи и архитектуры, изслѣдованныхъ В. Г. Бокомъ въ верхнемъ Египтѣ. Обзорѣнію этихъ матеріаловъ я посвящаю нижеслѣдующую замѣтку.

Д. Айвазовъ.

В. Г. Бокъ. *Матеріалы по археології христіанскаго Египта*. Посмертное изданіе. Съ XXXIII фототипическими таблицами и 100 рисунками въ текстѣ. СПб. 1901. (W. de Bock. *Matériaux pour servir à l'archéologie de l'Egypte chrétienne*. Edition posthume. S. Pétersbourg).

Это изданіе, напечатанное на веленовой бумагѣ въ формѣ продолговатаго 4^о на русскомъ и французскомъ языкахъ, представляетъ прекрасную поминку, достойную трудовъ неутомимаго изслѣдователя христіанскаго Египта В. Г. Бока.

Текстъ съ рисунками и атласъ фототипій, безукоризненно исполненныхъ, оставляютъ въ читателѣ чувство полного удовлетворенія. Рисунки и чертежи въ текстѣ, четкая, хотя и не крупная печать, правильный въ корректурномъ отношеніи текстъ, очевидно, были предметомъ заботъ издателей, чтобы сдѣлать книгу вполне приличной съ вѣшной стороны и чтобы достоинству внутренняго содержанія соотвѣтствовала скромная, но изящная вѣшность. Въ этомъ они вполне успѣли.

Дальнѣйшія строки, посвященныя разбору научнаго значенія нѣкоторыхъ сторонъ матеріаловъ, вывезенныхъ В. Г. Бокомъ изъ Египта, пусть послужатъ и съ моей стороны данью уваженія къ памяти почив-

шого ученаго, обогатившаго науку чрезвычайно важными фактами въ области археологій христіанскаго Египта. Эта область въ настоящее время все болѣе обращаетъ на себя вниманіе ученаго міра, и въ вопросѣ объ источникахъ древнехристіанскаго и византійскаго искусства и иконографіи выдвигается на первый планъ.

I.

Изъ краткаго предисловія, предпосланнаго тексту изданія, видно, что трудъ составленія этого текста принадлежитъ не самому В. Г. Боку, а выполненъ двумя издателями, обозначившими свои имена инициалами Я. С. и В. Г. «Описательный текстъ», сказано въ Предисловіи, «основанъ на краткихъ черновыхъ замѣткахъ самаго В. Г. Бока», изъ чего слѣдуетъ, что этотъ текстъ является отвѣтственнымъ передъ тѣмъ, кто пожелалъ бы опереться на него для своихъ научныхъ изысканій, равно какъ и передъ критикой.

Преждевременная смерть помѣшала В. Г. Боку самому издать въ обработанномъ видѣ какую либо часть собранныхъ имъ матеріаловъ, и издателямъ «казалось наилучшимъ представить *все* имъ собранное въ формѣ матеріаловъ, предоставляя объясненіе и научную разработку ихъ всѣмъ занимающимся христіанской археологіей» (Пред. I.). Однако, по словамъ тѣхъ-же издателей въ первыхъ строкахъ предисловія, не *все*, собранное В. Г. Бокомъ, вошло въ изданіе. «Предлагаемое изданіе», сказано здѣсь, «содержитъ *выборъ* изъ фотографій различныхъ христіанскихъ памятниковъ Египта и относящихся къ нимъ замѣтокъ, привезенныхъ покойнымъ Бокомъ изъ двухъ его поѣздокъ въ Египетъ въ 1888/9 и 1897/8 годахъ» (Ibid.). Итакъ, если сдѣланъ былъ выборъ, значитъ не все вошло въ изданіе и предисловіе даетъ поводъ думать, что еще остались въ неизданномъ видѣ какъ фотографіи, такъ и замѣтки къ нимъ. Дѣйствительно, изъ нѣкоторыхъ мѣстъ текста видно, что въ изданіе не вошли нѣкоторыя фотографіи съ памятниковъ и сооружений, равно какъ и серія фотографій съ надгробныхъ стѣлъ Гезехскаго и Александрійскаго музеевъ (стр. 69). Какія фотографіи кромѣ указанныхъ не вошли въ изданіе, въ текстѣ не выяснено.

Разъ неизвѣстенъ оставшійся неизданнымъ матеріалъ, нѣтъ никакого повода дѣлать предположенія объ удачномъ или неудачномъ выборѣ того матеріала, который составилъ изданіе, однако, можно думать, что издатели не погрѣшили бы ни противъ обычныхъ правилъ посмертныхъ изданій, ни противъ требованій вообще научнаго изданія, если бы подробно остановились на обозначеніи матеріаловъ, вывезенныхъ В. Г. Бокомъ изъ Египта, раскрыли бы свой пріемъ, которымъ руководствовались при выборѣ издаваемыхъ фотографій¹⁾ и относящихся къ нимъ

1) Въ одномъ случаѣ (стр. 5) фотографія не вошла въ изданіе по причинѣ неудачнаго снимка. Это — фотографія двухъ-этажной «часовни или церкви», весьма интересной, судя по описанію.

замѣтокъ, и затѣмъ точно указали размѣры своего участія въ составленіи описательнаго текста при пользованіи черновыми замѣтками. Такъ обыкновенно поступаютъ при изданіи матеріаловъ, публикуемыхъ послѣ смерти лицъ, оставившихъ свои труды въ неоконченномъ видѣ, въ видѣ матеріаловъ, замѣтокъ, рисунковъ и проч. Тѣмъ болѣе это было прилично сдѣлать въ данномъ случаѣ. Изданіемъ, о которомъ мы говоримъ, «завершается рядъ трудовъ В. Г. Бока», и дальнѣйшихъ выпусковъ матеріаловъ не будетъ.

Текстъ открывается описаніемъ развалинъ крѣпости, неправильно называемой теперь арабами «Эль-Дейръ», т. е. монастырь. Мы не будемъ останавливаться надъ этимъ описаніемъ, такъ какъ оно выходитъ за предѣлы, намѣченные для нашей статьи: дать отчетъ о памятникахъ древнехристіанскаго искусства, составившихъ большую часть настоящаго изданія. Притомъ нѣтъ положительныхъ данныхъ относить крѣпость къ числу памятниковъ христіанскаго, а не мусульманскаго періода. Интересно для насъ описаніе развалинъ двухъ-этажной часовни, или скорѣе церкви, находящейся въ разстояніи версты отъ Эль-Дейра въ направленіи В. С. В. Къ сожалѣнію, фотографія этой часовни вышла неудачно, и потому неиздана. Въ текстѣ она описывается слѣдующими словами: «развалины большой, построенной изъ сырца, двухъ-этажной часовни, или скорѣе церкви, довольно сложнаго устройства, съ коробовыми сводами и нишами» (стр. 5). Къ С. отъ крѣпости описана часовня въ 300 — 400 метрахъ отъ нея. На таблицахъ I и II изображены внѣшній видъ ея и задней стѣны, испещренной надписями. Планъ часовни представляетъ двѣ комнаты и паперть (?) (рис. 6). Дверь, ведущая въ заднюю комнату часовни, интересна тѣмъ, что верхній наличникъ ея имѣетъ форму, столь обычную для входовъ въ египетской архитектурѣ (рис. 7). Въ развалинахъ часовни валяется известьковая плита отъ карниза другой двери, сохранившая валикъ съ вертикальными полосами бѣлаго, краснаго и чернаго цвѣтовъ (рис. 8). На задней стѣнѣ среди многочисленныхъ надписей на греческомъ, коптскомъ и арабскомъ языкахъ, справа отъ зрителя изображенъ крестъ въ формѣ голгоетскаго четырехконечнаго креста съ надписью IC. XC. NI. KA. въ типѣ IV—VI и позднѣе вѣковъ. Съ наличника двери египетскаго стиля, затѣмъ раскрашеннаго карниза плиты и этого креста, присоединяя сюда и коробовые своды часовни, мы вступаемъ въ характерную область древне-христіанскаго искусства Египта. Нигдѣ до сихъ поръ это искусство не было представлено въ такихъ исторически важныхъ памятникахъ, какъ въ настоящемъ изданіи. Первое мѣсто несомнѣнно принадлежитъ некрополю Эль-Багаута, къ которому мы и обращаемся.

Вторая глава даетъ общее описаніе замѣчательнаго и обширнаго некрополя Эль-Багаутъ, находящагося въ 5 километрахъ отъ города Эль-Харгэ. Фотографіи и рисунки въ текстѣ развертываютъ передъ зрителемъ поразительную картину этого кладбища. Виду этого надземнаго

некрополя *sub divo* нельзя ничего противопоставить на западъ съ его подземными катакомбами, по которымъ до сихъ поръ изучается древне-христианское искусство, а отчасти и архитектура. Догматическое изложене началъ христианскаго искусства почти всецѣло покоится на ученіи объ искусствѣ катакомбъ, при чемъ римскія и неапольскія подземныя погребенія начинаютъ собою эту исторію. Некрополи Кирены, Малой Азіи только описываются для полноты обозрѣній, а между тѣмъ они могутъ хоть отчасти сдѣлать переходъ къ формамъ сооружений кладбища Эль-Багаута. По крайней мѣрѣ тамъ мы встрѣчаемъ цѣльныя зданія, усыпальницы съ хорошо отдѣланными фасадами, встрѣчаемся съ отдѣльными, быть можетъ, частными усыпальницами *sub divo*. Кладбище Эль-Багаута съ его улицами, разстояніемъ въ цѣлый километръ представляетъ весьма важное данное въ археологіи христианскаго искусства, на которое, несомнѣнно, будетъ обращено серьезное вниманіе въ наукѣ.

«Находящійся, какъ и всѣ древніе некрополи Египта, на краю пустыни, некрополь (Эль-Багаутъ) красиво раскинулся вѣеромъ на возвышенности, представляющей одинъ изъ послѣднихъ отроговъ Гебель-Эль-Тэръ (табл. III). Сѣвернымъ краемъ своимъ некрополь занимаетъ довольно высокое плоскогорье и оттуда спускается къ Ю. по двумъ отрогамъ этой возвышенности, раздѣленнымъ ложбиной. Изъ двухъ группъ надгробныхъ часовенъ, находящихся на этихъ отрогахъ, особенно поражаетъ взоръ западная — рядомъ украшенныхъ фасадовъ (табл. IV), хотя по числу гробницъ она уступаетъ восточной группѣ, занимающей гребень. Надгробныя часовни въ ложбинѣ расположены въ двѣ линіи и образуютъ подобіе улицы (табл. V). Другая улица гробницъ находится у подошвы восточнаго ската плоскогорья. На возвышенности, гдѣ соединяются выѣстъ оба, засыпанные пескомъ пустыни, отрога, поднимается самое большое во всемъ некрополѣ зданіе, сѣвернѣе разбросаны крайнія погребальныя часовни некрополя. Здѣсь вся поверхность плоскогорья, состоящаго изъ песчаника и крупныхъ глыбъ, изрыта могилами. Длина съ сѣвера на югъ всего некрополя превосходитъ километръ, ширина же вдвое меньше. Общее число погребальныхъ часовенъ некрополя доходитъ до 180 или 200» (стр. 7 — 8).

Таковъ общій видъ некрополя въ настоящее время послѣ протекшихъ надъ нимъ около полуторы тысячи лѣтъ. Если общій видъ его представляетъ полную противоположность катакомбамъ, то тѣмъ болѣе интереса представляетъ внутреннее устройство, украшенія и живопись отдѣльныхъ усыпальницъ. Во многихъ случаяхъ отдѣльныя усыпальницы съ ихъ типическими архитектурными особенностями, украшеніями фасадовъ, росписями стѣнъ близко напоминаютъ общезвѣстныя формы искусства, господствующаго въ Европѣ, особенно въ Италіи въ IV, V—VI столѣтіяхъ. Это общее впечатлѣніе подтверждается рядомъ поразительныхъ совпаденій въ искусствѣ христианскаго Египта съ искусствомъ Европы и такимъ близкимъ родствомъ формъ, которое не можетъ быть

объяснено иначе, какъ преемствомъ и переносомъ этихъ формъ изъ одной страны въ другую въ опредѣленную историческую эпоху. Наиболѣе ясныя данныя въ этомъ отношеніи представляютъ архитектурныя формы и росписи съ ихъ сложной системой декораціи. По содержанію, по общимъ чертамъ полихромической живописи, наконецъ, по соблюденію правилъ декоративной системы, состоящей въ расчлененіи пространствъ стѣнъ и купола на отдѣльныя части и въ употребленіи архитектурныхъ мотивовъ, росписи Эль-Багаута примыкаютъ къ тѣмъ, которыя извѣстны въ римскихъ и неапольскихъ катакомбахъ, частью въ Равеннѣ уже въ мозаикахъ, хотя и отличаются извѣстной бѣдностью и скудостью художества и особенностями мѣстнаго характера. Въ указанныхъ отношеніяхъ росписи усыпальницъ Эль-Багаута настолько богаты и важны, настолько измѣняютъ общіе взгляды на составъ и происхожденіе искусства римскихъ катакомбъ, что должны быть считаемы важнѣйшими памятниками, ставшими достояніемъ науки за послѣднее время. Русская наука можетъ съ гордостью указать на то, что эти памятники впервые были оцѣнены взглядомъ русскаго изслѣдователя и изданы въ Россіи, не смотря на существованіе цѣлой французской миссіи на территоріи самого Египта. Но прежде чѣмъ перейти къ подробному обзору живописи Эль-Багаута, — нѣсколько словъ объ архитектурѣ его усыпальницъ.

Общій очеркъ, въ которомъ описывается расположеніе усыпальницъ Эль-Багаута и ихъ типы, былъ бы весьма важнымъ и полезнымъ подспорьемъ для специалистовъ, если бы каждый типъ погребальнаго сооруженія былъ точно очерченъ со стороны главнѣйшихъ особенностей. Къ сожалѣнію этого нѣтъ и общій очеркъ вызываетъ много сомнѣній.

Первый типъ «надгробныхъ построекъ» или «гробницъ», встрѣчающійся въ некрополѣ Эль-Багаута, представляетъ форму античнаго саркофага. «Это—прямоугольный ящикъ, покрытый коробовымъ сводомъ, украшенный четырьмя акротеріями или выступами по угламъ» (стр. 8). Въ виду того, что этотъ типъ гробницы названъ «надгробной постройкой», можно было бы думать, что эта форма аналогична по своему внутреннему устройству съ одной стороны съ древне-египетской «мастаба», или съ поздне-христіанскимъ типомъ гробницъ, находимыхъ и теперь, напр., въ Болгаріи (Софійская усыпальница), въ Сиракузахъ и въ другихъ мѣстахъ¹⁾, представлявшихъ дѣйствительно «надгробное сооруженіе». Въ текстѣ, однако, ничего не сказано ни относительно существованія входовъ въ эти сооруженія, ни относительно ихъ внутренняго устройства, т. е. относительно существованія крипты или колодца, нишъ и арко-соліевъ или лежанокъ для помѣщенія тѣла. При томъ такія выраженія какъ «ящикъ» (caisse), похожій на «античный саркофагъ», даютъ впечатлѣніе того, что въ Эль-Багаутѣ встрѣчается просто форма саркофага для помѣщенія въ немъ тѣла, для котораго не подходитъ названіе «над-

1) Ср. эту форму въ Byz. Zeitschr., 1899 (VIII), p. 616.

гробная постройка». И французскій переводъ словъ «надгробная постройка» вовсе не отвѣчаетъ этому опредѣленію. Здѣсь этотъ типъ сооруженія названъ—«type de bâties funéraires», что собственно означаетъ типъ «погребальнаго сооруженія», а не «надгробнаго».

Другой типъ — продолговатый четырехугольникъ — родъ надгробной часовни съ погребеніемъ въ вырытомъ подъ нимъ склепѣ. Такія гробницы покрыты коробовымъ сводомъ, имѣютъ сбоку дверь, а иногда и окно. Въ одной гробницѣ указано окно въ два пролета съ арками стрѣлчатой формы, опирающимися на колонку посрединѣ.

Большинство надгробныхъ часовенъ—квадратныя въ планѣ, имѣютъ дверь и куполъ, лежащій на подпружныхъ аркахъ, примыкающихъ къ четыремъ стѣнамъ. Этотъ типъ, какъ и предыдущій, остаются безъ точной характеристики. Дѣло въ томъ, что подпружныя арки бываютъ въ этихъ часовняхъ или приплюснутыя, или полукруглыя (центральныя), или даже стрѣлчатыя. Ни на рисункахъ въ текстѣ, ни на фототипіяхъ нѣтъ ни одного примѣра приплюснутой или стрѣлчатой арки, а въ текстѣ нѣтъ указаній на то, какія изъ числа изображенныхъ часовенъ имѣютъ внутри подобныя арки. По характеру фасадовъ и по внутреннему устройству самихъ часовенъ можно было бы судить, соединяются-ли стрѣлчатыя арки съ основными особенностями греко-римской и египетской архитектуры въ сооруженіяхъ Эль-Багаута. Элементы греко-римской и египетской архитектуры внѣ всякаго сомнѣнія соединились здѣсь, существуютъ рядомъ, а иногда и въ полномъ смѣшеніи, что само по себѣ является важнымъ до крайности фактомъ, съ такой поразительной ясностью рисуемымъ сооружениями Эль-Багаута. Относительно стрѣлчатой арки, столь важной для началъ арабскаго стиля, котораго первыми создателями были копты¹⁾, какъ это видно изъ историческихъ данныхъ, въ текстѣ нѣтъ указаній ни на ея конструктивныя особенности, ни на ея соединеніе съ элементами обычныхъ строительныхъ формъ коптской архитектуры. Правда, въ дальнѣйшемъ изложеніи находимъ опять упоминаніе о гробницѣ «съ двойнымъ окномъ», очевидно, стрѣлчатымъ. Внутри ея сохранилась на правой отъ входа сторонѣ, близъ задней стѣны, часть росписи. Въ срединѣ разводовъ виноградной лозы изображенъ мальчикъ или юноша въ короткой туникѣ, украшенной двумя кругами на плечахъ, двумя у подола туники и двумя узкими вертикальными полосами на груди, а также оторочками на воротникѣ, на рукавахъ и на подолѣ. Юноша стоитъ, положивъ лѣвую руку себѣ на поясъ и протянувъ правую, которая упирается въ уголъ часовни. Подъ этимъ изображеніемъ находится большой египетскій крестъ (анхъ) (стр. 12). Это изображеніе характерно даже въ описаніи. Виноградная лоза, крестъ, фигура въ туникѣ, расшитой узорами, которые такъ часто встрѣчаются среди вышивокъ на коптскихъ одеждахъ, доказываютъ, что эта

1) A. I. Gayet, L'art arabe. Paris, p. 39 — 42.

часть росписи аналогична и современна другимъ подобнымъ и принадлежитъ коптскому искусству, но для полнаго убѣжденія, для того, чтобы имѣть непоколебимый фактъ, надо прямое указаніе, рисунокъ, наконецъ, не разрозненные и разбросанные по книгѣ описанія по частямъ, а описаніе цѣльное и методичное. Итакъ, благодаря косвенному указанію на живопись часовни съ «двойнымъ окномъ», ранѣе описаннымъ подъ именемъ «стрѣльчатого», можно думать, что стрѣльчатая арка окна находится въ часовнѣ съ росписью коптскаго христіанскаго содержанія и коптскаго стиля и что, слѣдовательно, она, быть можетъ, современна этой живописи. Но этотъ единичный фактъ стоитъ не твердо, а относительно другихъ случаевъ употребленія стрѣльчатой арки читатель остается въ полномъ невѣдѣніи. Понятно само по себѣ, съ какимъ удовольствіемъ можно было бы привѣтствовать всякое точное данное въ этомъ отношеніи¹⁾.

Кромѣ этихъ типовъ надгробныхъ часовень есть еще четырехугольныя часовни безъ куполовъ и безъ подпружныхъ арокъ. Эти часовни «должны были быть покрыты плоскими крышами, поддерживаемыми балками, гнѣзда для которыхъ видны въ верхнихъ частяхъ стѣнъ» (стр. 9). У одной квадратной часовни встрѣчена съ восточной стороны абсида, «придающая зданію видъ настоящей церкви».

Далѣе встрѣчаются часовни круглыя, крытыя куполомъ и представляющія обычный типъ мавзолея. Встрѣчается, затѣмъ, типъ болѣе сложный — съ восьмиугольнымъ основаніемъ и купольнымъ покрытіемъ, съ окнами, сведенными вверху полукруглыми арками.

Наконецъ, встрѣчается весьма важный также типъ усыпальницъ, которыя «подобно погребальнымъ пещерамъ древнихъ Египтянъ, вырублены въ скалѣ по склонамъ возвышенности (табл. IV). Въ этомъ случаѣ къ скалѣ пристроенъ порталъ изъ сырцовыхъ кирпичей, отъ котораго горизонтальный ходъ ведетъ къ погребальной пещерѣ, находящейся уже въ цѣльной скалѣ» (стр. 8). Этотъ послѣдній типъ усыпальницъ является *подсподставяющимъ* въ Киренѣ²⁾.

Фасады всѣхъ часовень въ древности были покрыты штукатуркой и сохранили украшенія въ видѣ пилястровъ или же ложныхъ колоннъ по сторонамъ двери или по краямъ фасада. Тѣ и другія одинаково повторяютъ формы египетскаго зодчества, что особенно сказывается въ сохраненіи формъ лотосовыхъ капителей (рис. 14). Черты египетскаго архитектурнаго стиля сказываются и въ отклоненіи стѣнъ назадъ, равно какъ и въ широкихъ и высокихъ наличникахъ дверей, какъ было указано ранѣе (см. особенно рис. 13). Относительно отклоненія стѣнъ фасадовъ назадъ сказано, что эта особенность встрѣчается «у большей части

1) См. изображеніе стрѣльчатой арки въ развалинахъ христіанскаго города въ Киренѣ: Smith and Porcher, History of the recent discoveries at Cyrene, 1864, tab. 29, что можно сопоставить съ изображеніемъ такой-же арки на фасадѣ одной гробницы Эль-Багаута, табл. V слѣва.

2) Smith and Porcher, o. c., tab. 13, 16, 21 и др.

построекъ» (стр. 10), но было бы любопытно знать, встрѣчается-ли эта черта въ постройкахъ, фасады которыхъ украшены рядами аркадъ. Объ этомъ нѣтъ свѣдѣній въ текстѣ, но фототипіи разрѣшаютъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ. Отклоненная стѣна часовни украшена во многихъ случаяхъ аркой надъ входомъ, вмѣсто наличника, а иногда три и болѣе арки украшаютъ самую стѣну. Нѣтъ сомнѣній, въ постройкахъ Эль-Багаута наблюдается соединеніе формъ египетской и греко-римской архитектуры (табл. III, IV, V): отклоненныя стѣны, украшенныя въ египетскомъ вкусѣ, соединяются не только съ арками и аркадами, но и съ куполами внутри часовень, съ гѣпными нишами античнаго типа, съ колончатыми портиками съ аркой и пилястрами египетскаго характера. Это смѣшеніе формъ продолжается и въ росписяхъ, гдѣ мы находимъ въ однѣхъ и тѣхъ же часовняхъ и египетскій крестъ (анхъ), и коринфскую капитель, и подражаніе штучной инкрустаціи стѣнъ мраморами, а наряду удержанный древне-египетскій способъ расположенія сюжетовъ на ровномъ фонѣ купола съ фигурами, то близко напоминающими профили египетскаго силуэта, то изобрѣтенными въ духѣ античнаго искусства. Эти росписи заслуживаютъ подробнаго разбора.

Нѣкоторыя части большого зданія Эль-Багаута сохранили, хотя и незначительные, но весьма интересные остатки стѣнныхъ росписей. Бѣдность художественныхъ украшеній здѣсь сама по себѣ весьма поучительна. Такъ, въ помѣщеніи II коробовые своды и южная стѣна гладко выштукатурены, но не имѣютъ никакихъ украшеній кромѣ гѣпной рамы ниши. Сѣверная-же украшена только тремя крестообразными знаками «анхъ» (табл. VI). Надъ восточною аркою другого помѣщенія (III), оглабляющею абсиду, красной краской изображенъ знакъ анхъ, кольцо котораго украшено кружками, какъ бы вставками драгоценныхъ камней, а по сторонамъ его двѣ желтыя монограммы Христа съ подобными же украшениями. Сводъ конхи и коробовый сводъ передней части абсиды росписаны пестрымъ геометрическимъ орнаментомъ (табл. VII). Чередующіяся разноцвѣтныя поля раздѣляются бѣлыми линиями. Схема этого орнамента представлена на рисункѣ 30, гдѣ указаны и цвѣта этой интересной ковровой росписи, сдѣланной тщательно и правильно и требовавшей значительнаго труда для исполненія. Здѣсь указаны: пурпуръ, желтая, бѣлая, сѣрая краски. Если подѣ пурпуромъ разумѣть лиловую краску, то получится гамма египетскаго ковра.

Форма монограммъ или хризмъ та-же, что и въ римскихъ катакомбахъ Сиріи, Понта, Малой Азіи. Знакъ анхъ, или собственно форма этого знака изрѣдка встрѣчается и въ искусствѣ запада, что представляетъ уже извѣстный интересъ въ смыслѣ заимствованія формъ египетскаго искусства и въ христіанское время, какъ и ранѣе, наканунѣ распространенія христіанства.

Особенно важно ясное воспоминаніе объ этой формѣ креста въ мозаикѣ V столѣтія въ крещальнѣ св. Януарія въ Неаполѣ, гдѣ золотой

крестъ имѣеть овальный зеленый ободокъ вокругъ верхней части, образуя какъ бы форму овальной петли знака анхъ¹⁾ (табл. VII). Кроме этой росписи абсиды, краски употреблены были для украшенія архивольты сѣверной двери, ведущей въ V помѣщеніе большого зданія. Сводчатые выступы этой двери украшены одинъ черными лавровыми листьями, т. е. длинной вѣтвью лавра, а два другіе выкрашены въ красный цвѣтъ, столь употребительный въ античной и болѣе поздней полихроміи внутреннихъ и внѣшнихъ частей зданій, какъ то для большихъ полей, поколей, антаблементовъ, дверныхъ косяковъ, какъ и въ данномъ случаѣ, колоннъ. Вѣтвь лавра — обычный, извѣстный еще въ античномъ искусствѣ, мотивъ украшенія, употребительный какъ въ катакомбахъ, такъ и въ мозаическихъ росписяхъ, гдѣ онъ занимаетъ иногда мѣсто внутри арки и стелется гирляндой въ видѣ ленты.

Бѣдность украшеній этой часовни тѣмъ болѣе интересна, что рядомъ, войдя черезъ только что описанную дверь въ помѣщеніе V, находимъ полную роспись, выдержанную согласно основнымъ традиционнымъ правиламъ полихромическихъ росписей, встрѣчаемыхъ на западѣ въ V, VI вѣкахъ. До сихъ поръ еще никѣмъ подробно не были описаны на востокѣ подобныя росписи. Ихъ существованіе можно было лишь предполагать въ общемъ, отчасти на основаніи изученія мозаикъ Италіи, Солуни, Кипра, Визелема, отчасти на основаніи показаній древнихъ и новыхъ авторовъ.

Въ помѣщеніи V надъ одной изъ трехъ вѣшъ (восточной) написанъ египетскій крестъ желтый съ краснымъ контуромъ. Западная стѣна расписана была фресками, теперь сильно попорченными и сбитыми, повидимому, нарочно. Вверху стѣны подъ коробовымъ сводомъ также написанъ египетскій крестъ, а ниже различаются остатки желтыхъ фигуръ и относящихся къ нимъ надписи. Здѣсь изображены Авраамъ съ ножомъ, Исаакъ рядомъ съ нимъ. Слева отъ него дерево и надпись Ависоръ (ΑΒ-ΡΑΑΜ, ΙΣΑΚ, [Α]ΒΙΣΩΡ). Эта роспись, описанная такъ кратко, за неимѣніемъ, по всей вѣроятности, болѣе точныхъ указаній въ замѣткахъ В. Г. Бока, не издана и въ рисункахъ, такъ что ближайшее опредѣленіе ея невозможно. Тѣмъ не менѣе самое существованіе композиціи, въ которой являются Авраамъ, Исаакъ и дерево, заставляютъ думать, что здѣсь изображено Жертвоприношеніе Исаака, столь часто встрѣчаемое въ живописи римскихъ катакомбъ, на саркофагахъ — сюжетъ, входящій какъ необходимый членъ въ составъ росписей погребальныхъ камеръ. Не менѣе интересенъ и куполъ. Внутри его вписанъ кругъ, занятый сплош-

1) Мозаики IV и V вѣковъ, стр. 137—8, рис. 18. Фрикенъ, Римскія катакомбы II, стр. 148, увѣряетъ, что видѣлъ на колоссальномъ порфиоровомъ саркофагѣ при церкви св. Ирины въ К-полѣ крестъ въ видѣ «сгнх ansata» (въ формѣ египетскаго знака анхъ) съ хризмой внутри петли. Онъ заключилъ поэтому, что саркофагъ — египетскаго происхожденія.

лымъ перистымъ чешуйчатымъ орнаментомъ, весьма близко напоминающимъ чешуйчатую поверхность нѣкоторыхъ равеннскихъ и галльскихъ саркофаговъ. Каждая чешуйка дѣлится на свѣтлую и темную половины. Вѣнокъ, составленный изъ растений и цвѣтовъ (?), обгибаетъ этотъ кругъ. Широкия полосы краснаго цвѣта служатъ контурами для вѣнка. Четыре розетки, напоминающія цвѣтокъ гвоздики, посажены въ равномъ разстояніи другъ отъ друга на полѣ вѣнка и дѣлятъ его на четыре части. Такое дѣленіе вѣнка извѣстно вообще въ древне-христіанской живописи, при чемъ растенія представляютъ знаки, цвѣты и фрукты четырехъ временъ года ¹⁾. Ребра купола подъ сводами также обведены полосами. Въ парусахъ купола изображено по птицѣ съ распушенными крыльями, стоящей на шарѣ (стр. 20), мотивъ извѣстный не только въ росписяхъ катакомбъ, но и въ равеннскихъ и римскихъ мозаикахъ ²⁾. Однако, распушенные крылья, оборотъ головы въ профиль, отсутствіе пышнаго распушеннаго хвоста, отдаляютъ эти изображенія птицъ отъ павлиновъ равеннскихъ и римскихъ росписей, хотя въ общемъ во всѣхъ случаяхъ художественный мотивъ остается тотъ-же, т. е. птицы изображаются въ парусахъ, стоятъ на сферахъ. Птицы съ распушенными крыльями и головой, повернутой въ сторону, встрѣчаются на коптскихъ надгробіяхъ въ нишахъ и на ровной плоскости стелы ³⁾. Съ этими птицами имѣютъ ближайшее родство изображенныя въ живописи описанной часовни. Туловище, голова и верхняя часть крыльевъ у птицы изображенной въ лѣвомъ парусѣ (рис. 31)—бѣлые, внутренняя часть крыльевъ и лапы пурпуровыя, шаръ—желтый, глазъ обозначенъ лишь черною точкой, клювъ красный. У птицы, изображенной въ правомъ парусѣ, туловище, голова и крылья желтыя, а лента на шеѣ бѣлая, глазъ состоитъ изъ черной точки съ бѣлой каймой» (стр. 20). Къ сожалѣнію, не указанъ цвѣтъ фона, на которомъ изображены птицы. Такъ какъ у одной птицы голова и верхняя часть крыльевъ—бѣлыя, а у другой туловище, голова и крылья желтыя, то, слѣдовательно, фонъ не можетъ быть ни бѣлымъ, ни желтымъ, по законамъ древней полихроміи.

II.

Особенный интересъ представляетъ «гробница съ библейскими изображеніями близъ большого зданія въ некрополѣ Эль-Багауатъ». Специальный интересъ росписи этой гробницы состоитъ въ томъ, что какъ стѣны, такъ и куполъ украшены живописью, которая рисуетъ намъ со-

1) Мозаики IV и V вѣковъ, стр. 134.

2) Ibid., 134 и прим. 3.

3) A. I. Gayet, Les monuments coptes. Paris 1889, pl. XVI (Fayoum), pl. LVIII, LIX, LX, LXI, LXXIII. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ видно, что птица эта—голубокъ съ вѣткой. Однако и павлинъ съ распушеннымъ и поднятымъ хвостомъ, близко напоминающій по формѣ павлиновъ въ катакомбахъ и мозаикахъ, изображенъ на одной плитѣ изъ Луксора pl. LV.

Византийскій Временникъ.

вершенно неизвѣстную до сихъ поръ сторону египетскаго (коптскаго) искусства. Къ сожалѣнію, въ текстѣ въ большинствѣ случаевъ не указаны краски, вслѣдствіе чего нѣтъ данныхъ составить болѣе близкое и точное понятіе о характерѣ живописи. Описаніе этой росписи производитъ впечатлѣніе, какъ будто въ рукахъ издателей находились самыя скудныя замѣтки и они составили свой текстъ, руководствуясь больше фотографіями, чѣмъ замѣтками. Такъ, не указаны цвѣта полей, колоннъ, круга и орнаментовъ той архитектурной декораціи, которая украшаетъ нижнія части стѣнъ сѣверной, восточной и западной, не указано также различій въ орнаментахъ, которые, очевидно, не на всѣхъ стѣнахъ одинаковы. Такія выраженія, какъ: «фигура, стоящая на темномъ фонѣ, противоположно пламени», (стр. 23) «кожи светлаго цвѣта» (стр. 24—5) основаны на наблюденіи фотографій и только вводятъ читателя въ заблужденіе на счетъ того, дѣйствительно-ли описывается полихромическая, а не одноцвѣтная живопись. Бѣлый цвѣтъ, хорошо передаваемый фотографіями, указывается часто. Изъ другихъ указаній на краски имѣются: на розовую, лиловую, желтую, пурпурную. Изъ этихъ указаній убѣждаешься, что описывается полихромія.

Также точно видно, что и при описаніи нѣкоторыхъ непонятныхъ фигуръ издатели руководствовались не замѣтками, а фотографіями.

Гробница, по плану четырехугольная, покрыта куполомъ, который покоится на четырехъ аркахъ, утвержденныхъ на столбахъ, или пилястрахъ съ ясно обозначенными профилями подушекъ вмѣсто капителей. Стѣны приблизительно на двѣ трети подъ арками расписаны въ видѣ облицовки различными мраморами. Четыре витыя колонки съ коринтскими узкими капителями, встрѣчаемыми по преимуществу на памятникахъ V—VI вѣковъ, расположены вдоль каждый стѣны, образуя родъ аркады съ антаблементомъ поверхъ нея, украшеннымъ на одной стѣнѣ орнаментомъ вродѣ плетешки, а на другой—двумя широкими полосами и черточками. Колонны стоятъ на длинной полосѣ, украшенной зигзагомъ. Ниже этой полосы находится болѣе широкая полоса ровнаго одноцвѣтнаго тона, представляющая цоколь или фундаментъ, на которомъ возведена вся архитектура. Косыя черточки на колоннахъ показываютъ, что маляръ хотѣлъ изобразить витыя колонны. Пространства между колоннами заняты рамами изъ какого-то слоистаго мрамора, составленными изъ узкихъ досокъ косо пригнанныхъ другъ къ другу въ углахъ. Внутри рамы находится четырехугольная доска мрамора, образующая ровное поле. Центральная доска имѣетъ инкрустацію, представляющую кругъ, въ свою очередь украшенный разными мраморами въ видѣ звѣзды. Лучи этой звѣзды слабо видны на фототипіи. Каждый лучъ обрамленъ свѣтлыми контурами, между которыми видны какіе-то орнаментальные завитки.

Пилястры, на которые опираются арки, также покрыты какимъ-то ровнымъ сплошнымъ цвѣтомъ, и такимъ образомъ вся нижняя часть ча-

совни является расписанной во вкусъ античной полихроміи, подражающей инкрустаціи стѣнъ разноцвѣтными мраморами и архитектурнѣ аркадами.

Верхнія части стѣнъ, т. е. полукруглые люнеты подъ арками покрыты сплошной ровной штукатуркой, не имѣютъ никакихъ украшеній, и только на сѣверной сторонѣ противъ входа подъ двумя окнами люнета находится четырехугольная широкая и короткая цвѣтная полоса вродѣ древняго титула (*titulus*), предназначавшагося обыкновенно для надписи, которой, однако, въ данномъ случаѣ не видно (табл. VIII и XII).

Внутреннія части подпружныхъ арокъ украшены орнаментомъ, состоящимъ изъ непрерывнаго ряда треугольниковъ. По концамъ дуги эти треугольники покоятся на узкомъ рѣшетчатомъ антаблементѣ, поддерживаемомъ витой коринеской колонной. Орнаментъ изъ треугольниковъ близко напоминаетъ украшенія коптскихъ прошивокъ съ той-же системой чередующихся треугольниковъ ¹⁾.

Наличники арокъ украшены два раза широкой гирляндой цвѣтовъ, столь часто встрѣчаемой въ христіанскихъ росписяхъ, и два раза тонкимъ побѣгомъ виноградной лозы съ гроздьями, — орнаментомъ, нашедшимъ себѣ столь обширное примѣненіе какъ въ живописи, такъ и въ скульптурѣ востока и запада, но въ данномъ случаѣ опять таки близко напоминающимъ вьющуюся лозу коптскихъ прошивокъ.

Важнѣе, однако, роспись купола. Площадь его представляетъ ровное поле бѣлаго цвѣта (стр. 22), причемъ, однако, юговосточный парусъ купола покрытъ розовой краской (стр. 23), какъ слѣдуетъ заключать изъ описательнаго текста. Вся верхняя часть купола занята развѣтвленіями одной большой виноградной лозы, стволъ которой растетъ изъ кадки, «подобной башнѣ» (2), а вѣтви расходятся во всѣ стороны. На вѣтвяхъ сидятъ птички лиловаго цвѣта, несомнѣнно, голуби, и клюютъ грозди. Ниже изображены по всему остальному пространству купола сцены изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Въ парусахъ купола нарисовано по три креста. Средній имѣетъ видъ знака «анхъ», два же другихъ передаютъ близко форму голгоескаго креста безъ обозначенія буквы Р, что и служитъ однимъ изъ терминовъ «*post quem*» при опредѣленіи эпохи, къ которой должна относиться роспись. Ниже крестовъ, въ углахъ парусовъ изображены тонкія деревья, на подобіе того, какъ въ капеллѣ св. Приска въ Капуѣ они заняты пальмами ²⁾.

Первое, что останавливаетъ вниманіе въ описанной росписи — это отсутствіе строгой симметріи, которая есть основной принципъ росписей запада. Вмѣсто изящныхъ дѣленій потолка, изобилующихъ орнаментальными разводами, дугами, квадратами въ чисто помпейскомъ вкусѣ, раздѣляющихъ потолокъ или куполъ на множество отдѣльных пространствъ, внутри которыхъ помѣщаются сюжеты и изображенія, прина-

1) M. Gerspach, Les tapisseries coptes. Paris 1890, рис. 79.

2) Моз. IV и V вѣк., стр. 150.

длежащая античной миеологии, куполъ гробницы Эль-Багаута представляетъ ровное поле со стелющеюся неправильно и прихотливо виноградной лозой. Правда, и въ потолкѣ указанной только что капеллы св. Приска также изображена лоза съ гроздьями и птицами, клюющими виноградъ, но здѣсь каждый завитокъ лозы повторяетъ подобный же въ сосѣдномъ отрѣзкѣ. Лоза растетъ не изъ одного, а изъ четырехъ сосудовъ, изображенныхъ симметрично въ каждомъ дѣленіи потолка посрединѣ вѣтвей ея. Вѣтви въ свою очередь направо и налѣво стелются по синему фону красивыми и изящными, постепенно уменьшающимися, завитками. Между тѣмъ кадка, изъ которой растетъ лоза въ росписи разбираемой часовни, изображена сбоку, безо всякаго соотвѣтствія какому бы то ни было предмету въ росписи. Дѣленія на различныя архитектурныя пространства здѣсь отсутствуютъ, и сцены, отдѣльныя фигуры, корабли, зданія чередуются другъ съ другомъ безо всякаго стѣсненія. Единственные признаки системы, которой держался мастеръ, должно видѣть въ расположеніи фигуръ и сценъ длинными рядами, которые идутъ одинъ надъ другимъ этажами, въ повтореніи трехъ крестовъ и деревьевъ въ каждомъ парусѣ и въ центральномъ построеніи всей композиціи купола, т. е. въ помѣщеніи фигуръ и сценъ кругами, при чемъ часто фигуры стремятся образовать новый промежуточный рядъ между двумя указанными. Ростъ фигуръ не выдерживается. Иногда—это ничтожныя по величинѣ фигурки. Зданія, предметы, фигуры, особенно деревья изображаются безо всякаго понятія о перспективѣ, строгій профиль господствуетъ вопреки законамъ античной композиціи давать фигуру и предметъ въ развернутомъ передъ зрителемъ видѣ, за исключеніемъ немногихъ и легко объяснимыхъ случаевъ. Такія особенности живописи потолка вновь рисуютъ намъ какъ бы ожившей древне-египетскую систему въ расположеніи фигуръ и людей и въ изобрѣтеніи композиціи всей росписи. Центральныя композиціи египетскаго искусства обыкновенно располагаютъ фигуры длинными рядами, идущими другъ надъ другомъ этажами, причемъ маленькія фигурки эмблемъ, боговъ, надписей образуютъ какъ бы промежуточные ряды. Здѣсь именно господствуетъ строгій профиль и отсутствіе перспективы, или же обратная перспектива, которой отличные образцы даютъ фигуры, зданія, деревья на описываемомъ куполѣ. Такъ Моисей, и іудеи, идущіе вправо, представленные съ головами и ногами въ профиль, имѣютъ торсы en face къ зрителю. Таковы фигуры двухъ идущихъ людей (табл. IX), женъ со свѣтильниками и др. Деревья почти буквально повторяютъ свои прототипы въ египетскомъ искусствѣ. Они сохраняютъ тотъ же кудрявый видъ, вѣтви рядами идутъ отъ ствола, отъ вѣтвей отдѣляются также ряды вѣточекъ съ листикомъ на концѣ и съ плодами. То же самое должно сказать о формѣ лодокъ и кораблей. Они въ точности воспроизводятъ не только особенности египетской барки, но и изображаются по правиламъ египетскаго искусства строго въ профиль, такъ что зритель видитъ только

силуэтъ лодки или барки. Зданія съ фронтонами, колоннами и крышами изображаются только съ фасада, боковыхъ стѣнъ нѣтъ, самыя изображенія плоски, и слабыя намеки на перспективу можно видѣть только въ косыхъ балкахъ крыши и косо-же расположенной лѣстницѣ храма, къ которому направляются жены со свѣтильниками. Лѣстница другого храма изображена въ обратной перспективѣ. Эти, почти ничтожныя, слѣды правилъ эллинской живописи соединяются съ заимствованіемъ цѣльныхъ фигуръ изъ области христіанскаго греческаго искусства. Такова фигура Іоны, спящаго съ закинутой за голову рукой, какъ спящій Адонисъ, орантъ, обнаженной фигуры Исаяи, изображенной цѣликомъ en face къ зрителю, трехъ отроковъ въ печи, Данила, которые всѣ изображены лицомъ къ зрителю, а не въ профиль.

Понятно само собой, что эти особенности живописи купола не позволяютъ придавать большаго значенія той характеристикѣ росписей, которая сдѣлана въ текстѣ: «Росписная декорація внутренности надгробныхъ часовень, сказано здѣсь, находится вполнѣ подъ вліяніемъ чисто греческаго, александрійскаго вкуса, и лишь въ многочисленныхъ крестахъ съ петлею наверху, которые встрѣчаются гораздо чаще крестовъ монограмматическихъ, проявляется связь съ древнимъ Египтомъ» (стр. 11). Задавшись цѣлью предоставить ученому міру разработку матеріаловъ, издатели должны были бы съ большей зоркостью слѣдить за своими общими заключеніями, хотя бы и основанными на замѣткахъ покойнаго В. Г. Бока. Въ данномъ-же случаѣ прямо необходимо было бы привести подлинныя слова В. Г. Бока изъ его замѣтокъ.

Названіе гробницы по содержанію ея росписи имѣетъ, конечно, полное право на существованіе, разъ эта роспись является самымъ характернымъ даннымъ для часовни, но названіе ея «часовней съ библейскими изображеніями» врядъ-ли правильно. Никто не называетъ такъ и римскихъ катакомбъ, не смотря на то, что библейскіе сюжеты тамъ распространены не менѣе, чѣмъ въ часовняхъ Эль-Багаута. Притомъ въ росписи часовни находятся не одни библейскія изображенія, а также и христіанскія т. е. новозавѣтныя: кресты, мудрыя дѣвы, Добрый Пастырь, св. Ѳекла. Кромѣ этихъ фигуръ, обозначенныхъ надписями, есть и другія, какъ это будетъ показано далѣе.

Сюжеты ветхозавѣтные и новозавѣтные расположены на фонѣ купола безъ видимой послѣдовательности и связи. На самомъ же дѣлѣ между всѣми изображеніями проходитъ внутренняя связь, которая объединяетъ ихъ въ одну цѣльную группу, и каждое изображеніе является звѣномъ одной и той-же композиціи. Здѣсь представлены: Ной въ ковчегѣ, Адамъ и Ева, семь дѣвъ со свѣтильниками и сосудомъ для масла, Жертвоприношеніе Авраама, Пастырь съ пятью овцами, св. Ѳекла въ видѣ оранты на кострѣ, городъ Іерусалимъ съ Іереміей передъ нимъ, Сусанна сидящая въ креслѣ, Іона ввергаемый въ пасть кита и извергаемый китомъ на берегъ, Іона сидящій подъ кукурбитой, Іовъ (?), Моисей.

сей ведущій израильтянъ и преслѣдующій ихъ фараонъ, Ревекка дающая пить слугѣ и верблюдамъ, три отрока въ печи, Даниилъ во рву львиномъ, Исайя распиливаемый двумя палачами и нѣкоторыя непонятныя фигуры. За исключеніемъ этихъ послѣднихъ, надъ всѣми указанными фигурами сохранились четскія, греческія надписи, называющія ихъ по имени. Нѣкоторые предметы также обозначены надписями.

Изображенія эти тѣмъ болѣе интересны и важны, что представляютъ почти полное соотвѣтствіе катакомбнымъ изображеніямъ III—V столѣтій. Это соотвѣтствіе обнаруживается не только въ выборѣ сюжетовъ, но и въ ихъ сопоставленіи сообразно общей идее, лежащей въ основѣ подобныхъ росписей. Виноградная лоза, занимающая своими широкими развѣтвленіями всю среднюю часть купола, изобилующая множествомъ листьевъ и гроздей, въ вѣтвяхъ которой сидятъ птицы, клюющія виноградъ, вполне соотвѣтствуетъ извѣстной фрескѣ катакомбы Домитиллы¹⁾, хотя и уступаетъ ей въ изяществѣ и близости къ античнымъ оригиналамъ. Различіе можно указать развѣ въ отсутствіи амуровъ, занятыхъ сборомъ винограда, которые изображены на указанной фрескѣ вмѣстѣ съ птицами, клюющими виноградъ и порхающими между вѣтвей. Виноградная лоза, несомнѣнно, имѣющая отношеніе къ евангельскимъ притчамъ о виноградникѣ и виноградаряхъ или о раѣ, на фрескѣ часовни Эль-Багаута соединена еще и съ великолѣпнымъ сооруженіемъ. Вѣтви лозы низко склоняются надъ крышей этого зданія и птицы, сидящія на крышѣ его, свободно клюютъ висящія грозди. По сторонамъ зданія растутъ два развѣсистыхъ дерева, осыпанныхъ плодами, сплетаясь вершинами съ вѣтвями и листьями виноградной лозы. Зданіе состоитъ изъ трехъ частей или изъ трехъ отдѣльныхъ сооружений, стоящихъ въ одинъ рядъ. Средняя часть зданія съ портикомъ и аркадами, съ аркой или люнетомъ надъ входомъ, имѣетъ рѣшетчатые запертые двери. Два боковыхъ зданія—съ фронтонами. Одно съ портикомъ въ четыре колонны и съ лѣстницей, другое безъ лѣстницы съ открытой дверью и, какъ кажется, съ подобранной завѣсой внутри ея. Въ люнетѣ и во фронтонахъ боковыхъ зданій изображено по египетскому кресту. Справа между деревомъ и боковымъ сооруженіемъ растетъ на землѣ кустъ. Слѣва между деревомъ и лѣстницей зданія земля закрашена какимъ-то цвѣтомъ. Фигура человѣка съ какимъ-то предметомъ на плечахъ подходитъ къ лѣстницѣ, ступая по землѣ.

Обстановка, среди которой изображено сооруженіе и связь этого сооружения съ побѣгами виноградной лозы, рисуютъ какое то особенное мѣсто. Не смотря на отсутствіе надписей, не трудно войти въ первоначальную мысль, лежащую въ основѣ этой части росписи. Подобное зданіе съ портиками и съ фронтонами надъ боковыми частями его изображается часто на саркофагахъ, причемъ въ центральной нишѣ съ аркой или безъ нея

1) Peraté, L'archéologie chrétienne, fig. 28.

стоитъ Христосъ, а по сторонамъ въ концахъ сооруженія ко Христу подводятъ умершихъ родственники¹⁾, или же умершіе подходятъ сами. Это же зданіе съ портиками и крышей изображено въ мозаикѣ церкви св. Пуденціаны, гдѣ образуетъ какъ бы ограду, внутри которой сидятъ апостолы по сторонамъ Христа, какъ и на саркофагахъ. Однако, не менѣе интереса представляетъ въ данномъ случаѣ открытая въ *Capella graeca* роспись потолка, сохранившая остатки композиціи, вполне аналогичной росписи верхней части купола египетской часовни. Вильпертъ, издавшій и объяснившій роспись всей *Capella graeca*, не понялъ смысла композиціи потолка, ни отдѣльныхъ частей ея. Наполовину опавшія фрески потолка представляютъ остатки виноградной лозы съ листьями и гроздьями. По угламъ потолка изображены сидящія фигуры въ видѣ каріатидъ. На одной изъ сторонъ четырехугольника находится изображеніе цѣлаго комплекса зданій, которыя нельзя не сравнить съ сооруженіями въ росписи часовни. На фонѣ этихъ зданій изображена фигура Давида между львовъ, вслѣдствіе чего Вильпертъ и пришелъ къ заключенію, что зданія представляютъ собою дворецъ царя вавилонскаго Навуходоносора²⁾. Однако, господствующій въ росписяхъ пріемъ сопоставленія различныхъ по своему значенію сюжетовъ и предметовъ заставляетъ думать, что Давидъ между львовъ находится здѣсь въ такомъ-же отношеніи къ зданіямъ, какъ и въ египетской росписи, гдѣ онъ изображенъ близъ дерева, въ близкомъ сосѣдствѣ съ указанными сооруженіями. Важно, что обѣ росписи представляютъ виноградную, стелющуюся по потолку, лозу въ связи съ какими-то роскошными сооруженіями.

Появленіе среди этихъ зданій на саркофагахъ умершихъ лицъ, похороненныхъ въ саркофагахъ, проливаетъ нѣкоторый свѣтъ и на фигуру, подходящую къ зданію съ лѣвой отъ зрителя стороны. Фигура эта не обозначена надписью и изображена не вполне ясно. Въ правой рукѣ у нея посохъ на вѣсу (а не вѣтка), на плечѣ «какая-то котомка или ведро(?)» какъ сказано въ текстѣ. При всемъ усиліи разглядѣть эту котомку или ведро, я не могу видѣть въ этой фигурѣ что либо иное, кромѣ обычной въ христіанскомъ искусствѣ фигуры Добраго Пастыря съ овечкой на плечахъ, такъ родственна она этому излюбленному образу древнехристіанскаго искусства. Въ такомъ случаѣ эта часть росписи представляла бы появленіе Добраго Пастыря съ душой умершаго, упоминаемой въ погребальныхъ литургіяхъ³⁾, въ царствіе небесное. Виноградная лоза, занимающая среднюю часть купола, несомнѣнно, соответствуетъ понятію о *τόπος ὑλορός*, а зданія — понятію о «σκηναί» въ древнѣйшей изъ найденныхъ до сихъ поръ молитвъ объ упокоеніи души⁴⁾. Каково бы

1) См. подробно объ этомъ въ Мозаикахъ IV и V вѣк., стр. 23, 65.

2) Wilpert, *Tractio panis*, t. XI и XII, p. 79.

3) *Τὸ ἀπολωλὸς πρόβατον ἐγὼ εἶμι, ἀναχάλεσόν με, Σῶτερ, καὶ σῶσόν με.*

4) Ср. молитву, начертанную на плитѣ, найденной въ Нубіи (*Colacausia*) ранѣе V вѣка, и занесенную изъ другихъ источниковъ въ *Evangelii Goara*, у Edm. Le Blant,

ни было значеніе фигуры, подходящей къ роскошнымъ зданіямъ, ясно само по себѣ, что описанная до сихъ поръ часть росписи заключаетъ элементы, хорошо извѣстные въ древне-христіанской иконографіи, соотвѣтствующіе вполне представленіямъ о раѣ или евангельскомъ виноградникѣ, и о чертогахъ Іерусалима небеснаго. Такой полноты представленій, однако, не даетъ ни одинъ памятникъ запада. Кромѣ этого ни одна роспись римскихъ катакомбъ не доказываетъ своей связи съ мѣстомъ погребенія такъ, какъ роспись часовни Эль-Багаута. Она блестящимъ образомъ подтверждаетъ установившееся уже въ наукѣ положеніе Леблана о зависимости образовъ катакомбной иконографіи отъ погребальныхъ литургій. Вся остальная роспись своимъ замысломъ, выборомъ сюжетовъ и размѣщеніемъ ихъ безъ видимой исторической или хронологической послѣдовательности, стоитъ въ полной гармоніи съ описанной верхней частью и выражаетъ тѣ-же идеи, которыя господствуютъ въ указанныхъ погребальныхъ литургіяхъ.

Повидимому, не безъ намѣренія изобразилъ мастеръ ниже райскихъ сѣней, уходящихъ изъ рая первыхъ людей. Композиція подобнаго рода до сихъ поръ нигдѣ неизвѣстна. Справа изображенъ рай или парадизъ съ цвѣтущими деревьями и виноградными лозами. На деревѣ извивается черной полосой змій. Слѣва прародители направляются къ двери рая. Между ними нѣтъ обыкновенно изображаемаго древа со змеемъ. Впередѣ идетъ Адамъ, за нимъ слѣдуетъ Ева, названная въ надписи ΖΩΗ. Эта надпись весьма характерна, такъ какъ имя Евы является въ формѣ, употребленной 70 толковниками¹⁾, буквально означающимъ жизнь. Ева по объясненію Библіи сдѣлалась матерью всѣхъ живущихъ. Не безъ основанія указывалъ Лилъ на то, что изображенія Адама и Евы вошли въ составъ катакомбныхъ росписей сообразно съ кругомъ идей, сгруппировавшихся около погребальнаго культа²⁾. Имя ζωή, начертанное надъ Евой, вполне связывается съ началомъ того исповѣданія, которое находится въ древней молитвѣ, начертанной на мраморной доскѣ, найденной въ Нубіи (Colasauzia), которую Лебланъ сопоставилъ съ молитвой, занесенной въ Евхологію Гоара, и изъ которой объясняются и виноградная лоза, и райскія сѣни. Здѣсь сказано: 'Ο θεός τῶν πνευμάτων καὶ πάσης σαρκός, ὁ τὸν θάνατον καταπατήσας, . . . καὶ ζωὴν τῷ κόσμῳ δωροδότης κτλ.³⁾. Эти слова устанавливаютъ связь библейскаго понятія о Евѣ съ христіанскимъ и даютъ первое представленіе о томъ, какъ должно смотрѣть на всѣ остальные сюжеты, привлеченные въ роспись египетской часовни. Въ самомъ дѣлѣ, далѣе идутъ библейскіе и христіанскіе образы, большинство которыхъ соотвѣтствуетъ образамъ погребальныхъ литургій.

Les sarcophages de la ville d'Arles. Introduction, p. XXV: ἀνάπαυσον τὴν ψυχὴν τοῦ κηκοιμημένου δούλου σου τοῦδε ἐν τόπῳ χλοερῷ, ἐν τόπῳ ἀναφύξεως κτλ.

1) Sophocles, Greek Lexicon, слово Ζωή. Бытій 3, 20.

2) Liell, o. c., p. 150, см. также A. Breymann, Adam u. Eva in der Kunst des christlichen Alterthums. Wolfenbüttel. 1893, p. 118 — 122.

3) Le Blant, ibid. Goar, Евхологіон, p. 424.

Мы видимъ здѣсь Ноя въ ковчегѣ и бѣлую голубку, принесшую ему масличную вѣтвь. Ковчегъ представленъ въ видѣ египетской барки, а не четырехугольнаго ящика, какъ въ живописи катакомбъ и на саркофагахъ. Въ двухъ каютахъ ея, помѣщенныхъ на палубѣ, находится Ноево семейство. Далѣе Моисей приводитъ израильтянъ въ обѣтованную землю. Самъ Моисей еще шагаетъ, направляясь къ древу рая, а Іоюрь и одинъ воинъ уже возлегли на землѣ. За ними идутъ еще израильтяне со своими пожитками и посохами въ рукахъ. За израильтянами движется войско. Впереди идутъ два знаменосца (*dragones*), за ними движется отрядъ солдатъ и въ хвостѣ войска вскачь несется фараонъ (*pharaon*) между двумя всадниками. Сцена эта очень часто встрѣчается на римскихъ и галльскихъ саркофагахъ, гдѣ она разрабатывается въ полной аналогіи съ поздне-римской скульптурой и съ рельефами триумфальныхъ колоннъ, но до сихъ поръ не встрѣчена въ живописи катакомбъ. Bosio и Aringhi увѣряютъ, что видѣли одну такую сцену въ живописи катакомбъ, но она до сихъ поръ еще не отыскана¹⁾. Надпись «*ἐρουδρά*», сдѣланная надъ воинами, относится, по всей вѣроятности, къ изображенію самаго моря, но очертаній его нельзя разобрать на фототипіи. Важно, что въ этой сценѣ нѣтъ драматическаго эпизода гибели фараона, изображаемаго на саркофагахъ и въ болѣе поздней миниатюрной живописи, напримѣръ, греческихъ псалтырей.

Рядомъ изображены семь мудрыхъ дѣвъ. Онѣ подходятъ къ сооруженію съ длинной лѣстницей. Это — входъ въ царство небесное. Зданіе изображено вполне согласно съ описаннымъ выше боковымъ сооруженіемъ, къ которому подходитъ Добрый Пастырь, и есть та «*porta regalis*», которая впоследствии изображается въ видѣ двери, а не входа. Въ рукахъ мудрыхъ дѣвъ — свѣчи или, быть можетъ, факелы и сосуды съ масломъ. Надъ ними надпись *ΠΑΡΘΕΝΟΙ*. До сихъ поръ эта сцена встрѣчена въ живописи катакомбъ два раза. Она изображена въ Остріанской катакомбѣ и въ катакомбѣ Киріака на агро *Vergano*²⁾. Только въ первой катакомбѣ изображеніе дѣвъ нѣсколько напоминаетъ египетскую фреску. Здѣсь дѣвы, числомъ пять, идутъ одна за другой съ настоящими факелами, расширяющимися кверху на подобіе рога изобилія съ языками пламени на вершинѣ его, направляясь влѣво, какъ и на разбираемой фрескѣ. Храмика, однако, нѣтъ, и дѣвы не имѣютъ на головахъ покрывагъ. Съ факелами, съ сосудами съ масломъ и съ головными покрывалами изображены пять мудрыхъ дѣвъ въ Россанскомъ Евангеліи. Здѣсь дѣвы находятся, однако, уже въ раю вмѣстѣ съ Христомъ³⁾. Вмѣсто зданія представлена дверь, подобная той, которая изображена въ композиціи грѣхопаденія на египетской фрескѣ. Можно думать, что въ египетской фрескѣ мудрыя дѣвы являются съ такимъ же смысломъ, какъ и

1) Kraus, *Katakomben*, p. 288.

2) Wilpert, *Die Gott geweihten Jungfrauen*, p. 66, 72.

3) E. Le Blant, *Inscriptions chrétiennes de la Gaule*, p. 892, *Man. d'épigr.* 88, 89.

въ римскихъ катакомбахъ, т. е. при тѣлѣ умершей дѣвушки. На надгробныхъ плитахъ встрѣчаются надписи: *instar sapientium puellarum sponsum emeruit habere Christum*¹⁾ и др., которымъ въполнѣ отвѣчаетъ изображение мудрыхъ дѣвъ надъ «loculi» двухъ упомянутыхъ катакомбъ. Число семи дѣвъ вмѣсто пяти доказываетъ, что двѣ дѣвы прибавлены. Это должны быть тѣ дѣвы, которыя были похоронены въ усыпальницѣ. Выраженія Гелазіанскаго сакраментарія въ молитвѣ на посвященіе дѣвицъ, въ которыхъ высказывается просьба принять посвящаемую дѣву послѣ ея смерти въ число мудрыхъ дѣвъ, не оставляютъ въ этомъ сомѣнія: «*Transeat in numerum sapientium puellarum: ut caelestem sponsum accensis lampadibus cum oleo praeparationis expectet, in praecedentium choro jungatur... regalem januam cum sapientibus virginibus licenter introeat*²⁾»).

Нижѣ, касаясь ногами линіи обрамленія арки, изображенъ Авраамъ. Судя по направленію ступней ногъ его влѣво, равно какъ и по плохо сохранившимся очертаніямъ лица, также обращеннаго профилемъ туда-же, Авраамъ глядѣлъ влѣво. Здѣсь передъ нимъ изображена была какая-то фигура, значеніе которой можетъ быть понято лишь при сравненіи этой композиціи съ той, которая находится въ куполѣ слѣдующей гробницы. Тамъ изображена Сарра. Рядомъ съ этой фигурой стоитъ маленькій Исаакъ со связанными руками. Лѣвѣе Исаака находится еще одна фигура съ поднятыми вверхъ руками. За спиной ея растетъ высокое, красивое дерево. Вокругъ фигуры — темный фонъ пятномъ. Еще дальше стоитъ предметъ квадратной формы, перевязанный (?) накрестъ, т. е. связка дровъ. За нимъ растетъ кустъ.

Далѣе видимъ маленькую фигурку св. Ѳеклы въ видѣ оранты, стоящей въ пламени костра. Это изображеніе не извѣстно въ живописи катакомбъ, но образъ св. Ѳеклы одинъ изъ тѣхъ, которые упоминаются въ прошеніяхъ погребальныхъ литургій и молитвъ: «*Et sicut beatissimam Theclam virginem et martyrem tuam de atrocissimis tormentis liberasti, sic liberare digneris animam hujus servi tui (h. e. defuncti)*³⁾». Въ молитвѣ св. Кипріана: какъ освободилъ Ѳеклу посреди амфитеатра⁴⁾.

Рядомъ представленъ Пастырь (ΠΟΙΜΗΝ), стоящій съ посохомъ и держащій какой-то предметъ въ лѣвой опущенной рукѣ⁵⁾. У ногъ пастуха — пять бѣлыхъ овецъ, направляющихся влѣво. Пастухъ съ овцами очень напоминаетъ разнообразныя сцены пастушескаго жанра въ катакомбахъ и на саркофагахъ, равно какъ и на мелкихъ вещахъ.

Далѣе, снова представлено зданіе въ формѣ, указанной рѣдѣе, съ 4 ко-

1) Pératé, o. c., p. 120.

2) Muratori, *Liturgia romana*, Venetiis 1748; *consecratio sacrae virginis*, p. 630.

3) Le Blant, o. c., p. XXVII.

4) Liell, o. c., p. 143.

5) Въ живописи римскихъ катакомбъ это обыкновенно бываетъ музыкальный пастушескій инструментъ — сиринксъ.

лоннами на фасадѣ, перевитыми гирляндой. Надпись (ΙΕ)ΡΟΥΣΑΛΗΜ окончательно доказываетъ, что у мастера для сѣней райскихъ, входа въ царствіе небесное и Іерусалима принята одна и та-же форма фронтонаго сооруженія съ четырьмя колоннами на фасадѣ и съ длинной гѣстницей. Передъ Іерусалимомъ стоитъ Іеремія, пророкъ, воспѣвшій бѣдствія плѣна, предсказавшій разрушеніе стараго Іерусалима и торжество новаго, къ которому сойдутся всѣ народы земные. Ни изображеніе пророка Іереміи¹⁾, ни тѣмъ болѣе Іерусалима въ такомъ видѣ неизвѣстно въ живописи римскихъ катакомбъ. Только мозаика триумфальной арки въ S. Maria Maggiore въ Римѣ, да извѣстное доньшко сосуда съ изображеніемъ Іерусалимскаго храма могутъ представить близкія аналогіи зданію во фрескѣ египетской часовни, хотя и не совсѣмъ согласныя съ нимъ въ частностяхъ.

Рядомъ Іона съ рукой, закинутой за голову, поднятымъ колѣномъ правой ноги, лежащій головой вправо подъ кукурбитой, буквально повторяетъ изображеніе его въ катакомбѣ Кириака²⁾. Далѣе, въ двухъ сценахъ представлено поглощеніе Іоны и изверженіе его китомъ. Фантастическій жанръ, господствующій въ катакомбной живописи и на римскихъ и галльскихъ саркофагахъ, смѣнился здѣсь историческимъ. Корабль воспроизводитъ нильскую барку, вмѣсто амуровъ представлены матросы въ одеждахъ, китъ изображенъ въ видѣ огромной рыбы, а не чудовища. Повтореніе кита два раза по сторонамъ корабля роднитъ композицію съ обычными изводами ея.

Между сценами изъ жизни Іоны мастеръ помѣстилъ Сусанну, сидящую въ креслѣ. Эта фигура неизвѣстна въ катакомбной живописи, или, быть можетъ, еще не узнана. Фигура сидящей въ креслѣ Сусанны, обращенной вправо, представляетъ, очевидно, часть какой-то композиціи, которую нельзя приурочить ни къ одной изъ извѣстныхъ до сихъ поръ изъ жизни Сусанны³⁾.

Исайя, распиливаемый двумя палачами, стоитъ на помостѣ. Этотъ сюжетъ также неизвѣстенъ ни въ живописи катакомбъ, ни на саркофагахъ, но изображеніе его на одномъ стеклянномъ доньшкѣ сосуда⁴⁾ въ той же композиціи, какъ и въ египетской фрескѣ, доказываетъ, что этотъ сюжетъ входилъ въ кругъ древнѣйшей иконографіи, связанной съ росписями усыпальницъ.

Три отрока въ печи, одѣтые въ бѣлыя туники съ круглыми нашивками, стоятъ въ пламени. Между ними виднѣется четвертая фигура «краснаго цвѣта» и, повидимому, въ нимбѣ — обычная фигура Ангела въ памятникахъ XI вѣка, ранѣе изображаемая, напримѣръ на окладѣ Ра-

1) См. у Garrucci, о. с. t. I, указанные проблематическія изображенія Іереміи въ катакомбахъ.

2) Wilpert, *Fractio panis*.

3) Garr. 318,5; 366,2; 377,3; 383,4; 385,6; 397,9.

4) Въ Музеѣ Рекуперо въ Катанѣ. Garrucci, *Vetri ornati*, t. I, 3. Pêraté, pag. 242.

веннской бібліотеки, слѣва. Справа отъ пламени представлена «куча хворосту» (стр. 25).

Далѣе, Даніилъ, стоящій въ колодцѣ или ямѣ съ воздѣтыми вверхъ руками—образъ, столь хорошо извѣстный въ живописи и пластикѣ III—V столѣтій. Интересно, что яма представлена въ разрѣзѣ, а внутри изображенъ Даніилъ лицомъ къ зрителю.

Наконецъ, послѣдняя композиція, содержаніе которой стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній, представляетъ Ревекку, поящую слугу Авраама Эліазара. Этотъ сюжетъ также неизвѣстенъ ни въ живописи катакомбъ, ни на саркофагахъ, и впервые воспроизведенъ въ Вѣнской Библии. Между Ревеккой и Эліазаромъ находится колодезь. За Эліазаромъ двое верблюдовъ и слуга, ведущій осла. За Ревеккой кусты и городъ съ воротами, изъ которыхъ она вышла, ошибочно принятый въ текстѣ (стр. 25) за гробницу Исаяи на томъ основаніи, что городъ этотъ изображенъ ниже мученія Исаяи, точнѣе, подъ ступнями палача. Но само собой разумѣется, что по условіямъ развернутой въ длину композиціи, господствующей въ росписи, этотъ городъ долженъ быть отнесенъ къ сюжету, представляющему Ревекку и Эліазара, тѣмъ болѣе, что надписи, которая называла бы его гробницей Исаяи, — нѣтъ.

Остальные фигуры и сцены, не имѣющія надписей, оставшіяся необъясненными въ текстѣ, хотя и не всѣ, но все же могутъ быть опредѣлены ближайшимъ образомъ. Если принять въ соображеніе всю роспись въ ея цѣломъ составѣ и отдѣльныя спеціальныя черты нѣкоторыхъ фигуръ и сценъ, то онѣ опредѣляются сами по себѣ, какъ обычные спутники общаго состава подобныхъ росписей и какъ опредѣленные въ иконографіи типы.

Погребальныя литургіи, взятые въ связи съ цикломъ сюжетовъ, обыкновенно изображаемыхъ на саркофагахъ и въ живописи катакомбъ, даютъ для возстановленія смысла нѣкоторыхъ изъ этихъ фигуръ и сценъ устойчивую точку опоры.

Таковы прежде всего «двѣ человѣческія фигуры съ какими-то палками или оружіемъ (мечами?) въ рукахъ, стоящія между кустами», какъ описываетъ ихъ текстъ (стр. 23, табл. IX, XII), изображенные въ сѣверо-восточномъ парусѣ. Не смотря на порчу живописи въ этомъ мѣстѣ, все же можно разсмотрѣть, что фигура, изображенная направо отъ зрителя, меньше ростомъ, чѣмъ другая, держащая несомнѣнно въ правой рукѣ копьѣ, а въ лѣвой обнаженный мечъ. У первой фигуры меча нѣтъ, въ лѣвой рукѣ она держитъ большой посохъ, а въ правой, нѣсколько опущенной, какъ бы небольшую палочку, или же скорѣе всего пращу, такъ какъ по смыслу фигуръ, ихъ росту, воинственному виду противниковъ, выступающихъ другъ противъ друга, онѣ представляютъ Давида-пастуха и Голиафа. Эта сцена изображается на саркофагахъ. Она сблизена Лебланомъ съ однимъ изъ прошеній *Ordo commendationis*: «*Libera animam ejus (h. e. defuncti vel agonisantis) sicut liberasti David de manu*

regis Saul et de manu Goliath»¹⁾. Кусты изображаютъ собою поле поединка. Между этими фигурами нѣтъ изображенія навьюченного верблюда, о которомъ говорить текстъ (стр. 23). Очертанія фигуры верблюда получатся только тогда, если черныя пятна, видимыя между обѣими фигурами, считать за ноги верблюда. Но на табл. XII ясно видно, что эти пятна суть опавшіе куски штукатурки. Тѣмъ не менѣе здѣсь была какая-то человѣческая фигура, остатки головного убора которой видны ясно. Было-ли это изображеніе царя Саула—сказать трудно.

Мнѣ кажется также, что безъ особаго труда могутъ быть объяснены и двѣ непонятныя, идущія вправо, фигуры, изображенныя надъ Сусанной (табл. IX). Фигура, идущая впереди, представляетъ просто силуэтъ, съ ясно обозначенными локтями рукъ, какъ у Исаака. Фигура, сопровождающая первую, слишкомъ широка въ торсѣ и держитъ на лѣвомъ плечѣ щитъ, а въ правой рукѣ копьѣ на перевѣсѣ (?). Весьма возможно, что эти двѣ фигуры представляютъ столь часто изображаемое на саркофагахъ веденіе Петра или Павла въ темницу, упоминаемое въ одной изъ литаній: *sicut liberasti Petrum et Paulum de carceribus*. Обыкновенно у апостоловъ руки бываютъ связаны за спиной. Сравнивая фигуру воина, сопровождающую первую фигуру, нельзя не отмѣтить извѣстнаго родства ея съ фигурами воиновъ, преслѣдующихъ израильтянъ, хотя цвѣтъ одеждъ у нея не бѣлый, а иной.

При всемъ желаніи установить болѣе или менѣе точно смыслъ сюжета, изображеннаго подъ Адамомъ и Евой (табл. XII), я не могъ этого сдѣлать. Здѣсь представленъ корабль въ пути съ поднятымъ и надутымъ парусомъ. Внутри корабля изображены всего двѣ фигуры. Одна на кормѣ управляетъ, очевидно, парусомъ и рулемъ—это кормчій. На носу стоитъ другая фигура, глядящая впередъ и протягивающая предъ собою руку. Трудно понять содержаніе этой сцены. Аналогія ей можно указать лишь въ мелкой индустріи. Мѣдныя лампочки, представляющія форму корабля съ парусомъ, имѣютъ иногда двѣ фигуры, одну на кормѣ, другую на носу. Въ одномъ случаѣ фигура, стоящая на носу, вытаскиваетъ изъ моря рыбу (Garr. 469, 467, 4, 5; также I, p. 205). Чтобы закончить обзоръ сюжетовъ, остается упомянуть двѣ фигуры, изображенныя надъ китомъ, извергающимъ Іону (табл. X). Надъ одной изъ фигуръ сохранилась буква В, которую описательный текстъ подъ большими сомнѣніями считаетъ принадлежащей имени Іовъ (стр. 24). Обнаженная грудь и рука фигуры не противорѣчатъ обычному изображенію Іова на саркофагахъ²⁾. Другая фигура стоитъ на одномъ колѣнѣ поотдалъ отъ первой и спиной къ ней, такъ какъ обращена вправо. Отношеніе этой фигуры къ первой—непонятно, но, предположивши, что буква В можетъ представлять остатокъ не только имени ІОВ, но ΙΑΚΩΒ, можно рас-

1) Edm. Le Blant, o. c., p. XXXII.

2) Edm. Le Blant, o. c., въ *Revue Archéologique* 1879 (XXXVIII), p. 288.

ширить область сюжетовъ для объясненія загадочныхъ фигуръ. Встрѣча Исава и Иакова упоминается въ отдѣльномъ прошеніи: ὦ; πάλα; Ἰακώβ τὸν σὺν Ζεράποντα, ἔρρωσο τῆς τοῦ Ἠσαῦ βασιλνίας. Колѣнопреклоненная поза одной изъ фигуръ, такимъ образомъ, можетъ быть отчасти объяснена.

Особенность росписи, которая была описана, состоитъ въ томъ, что въ ней систематически выдержано чисто христіанское отношеніе къ сюжетамъ. Здѣсь нѣтъ тѣхъ амуровъ и геніевъ, цвѣтовъ и вѣнковъ, животныхъ, мифологическихъ и иныхъ фигуръ, которыя въ такомъ количествѣ украшаютъ росписи римскихъ катакомбъ. Въ разсмотрѣнной живописи купола Египетской часовни все ограничивается библейскими и христіанскими сюжетами и фигурами. Каждая фигура со своими надписями имѣетъ прямой смыслъ, недопускающій никакихъ сомнѣній. За исключеніемъ этихъ фигуръ въ росписи нѣтъ другихъ, которыя могли бы считаться за декоративныя или не имѣющія прямого отношенія ко всей росписи. Нѣкоторыя фигуры, правда, не имѣютъ надписей, но весьма возможно, что эти надписи или исчезли, или же не были сдѣланы по общепонятности изображенныхъ фигуръ и предметовъ. Въ росписи замѣтна уже довольно строго выдержанная система надписей не только надъ фигурами, но и надъ предметами.

Не менѣе важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что надписи сдѣланы на греческомъ языкѣ. Эти надписи имѣютъ въ данномъ случаѣ такое-же историческое значеніе, какъ и надписи на извѣстномъ сосудѣ, найденномъ въ Подгорицѣ въ Албаніи, которымъ Лебланъ придалъ столь важный смыслъ. Правда, надписи на сосудѣ изъ Подгорицы (теперь находящемся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ средне-вѣковомъ отдѣленіи) передаютъ гораздо ближе конструкцію и смыслъ отдѣльныхъ моленій погребальныхъ литургій Гелазіанскаго Евхологія (по рукописямъ IX и XI столѣтій), а греческія надписи египетской росписи передаютъ имена фигуръ и названія предметовъ по преимуществу въ именительномъ падежѣ (ΑΔΑΜ; ΖΩΗ; ΚΙΒΩΤΟΣ; ΝΩΕ; ΠΑΡΘΕΝΟΙ; ΑΒΡΑΑΜ; ΠΟΙΜΗΝ; ΚΗΤΟΣ; ΙΩΝΑΣ; ΘΕΚΛΑ; ΙΕΡΟΥΣΑΛΗΜ; (ΙΕ)ΡΗ(Μ)Ι-ΑΣ; ΣΟΥΣΑΝΝΑ; ΜΩΥΣΗΣ; ΙΟΥΘΟΡ; ΙΣΡΑΗΛΙΤΑΙ; ΕΡΥΘΕΡΑ; ΡΕΝΒΕΚΑ; ΗΣΑΙΑΣ; ΚΑΜΙΝΟΣ), но важно то, что нѣкоторые сюжеты имѣютъ по два, по три и по четыре слова, а надпись ΔΔΝΙΗΛ ΕΝ ΛΑΚΚΩ отступаетъ отъ общепринятаго приема и склоняетъ последнее слово, давая цѣлую фразу. Эти надписи, впервые встрѣченныя въ такомъ количествѣ въ примѣненіи къ сюжетамъ, распространеннымъ въ скульптурѣ саркофаговъ и въ живописи катакомбъ и усыпальницъ должны указывать на существованіе тѣхъ греческихъ оригиналовъ погребальныхъ литургій, которые легли въ основу латинскихъ, извѣстныхъ въ редакціяхъ IX—XI вѣковъ, и Гелазіанскаго Сакраментарія, относящагося къ V вѣку. Какъ извѣстно, это отсутствіе извѣстій о существованіи

погребальных литургій въ IV вѣкѣ¹⁾ и въ эпоху гоненій послужило основаніемъ для отрицанія открытія Леблана, привлекаемаго погребальныя литургія для объясненія пѣлаго круга сюжетовъ на саркофагахъ. Въ римской школѣ, откуда исходило недовѣріе къ трезвой мысли Леблана²⁾, должны будутъ обратить серьезное вниманіе на открытія В. Г. Бокомъ росписи египетскихъ усыпальницъ, такъ какъ эти росписи имѣютъ первенствующее значеніе для исторіи живописи римскихъ катакомбъ и правильной постановки метода въ изученіи римскаго искусства IV — V столѣтій.

Только немногіе сюжеты въ росписи египетской часовни не могутъ быть пока съ полной ясностью приурочены къ образамъ, упоминаемымъ въ погребальныхъ молитвахъ и литургіяхъ. Я не знаю въ нихъ упоминаній о Ревеккѣ, поящей верблюдовъ Еліазара, Исаяи, распиливаемого палачами, и Іереміи передъ Іерусалимомъ. Тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить того факта, что образъ Ревекки, невесты Исаака, можетъ имѣть то-же значеніе, что и двѣ мудрыя дѣвы, изображенныя въ рядъ съ пятью другими, т. е. что образъ этотъ могъ быть внесенъ въ роспись со специальной пѣлюю. Образъ Исаяи, встрѣченный только одинъ разъ на донышкѣ сосуда въ той же композиціи, что и во фрескѣ, показываетъ самъ по себѣ свое отношеніе ко всей росписи, наряду съ другими сценами мученія, и потому, если до сихъ поръ этотъ образъ не встрѣченъ въ числѣ другихъ въ погребальныхъ литургіяхъ, то это не исключаетъ необходимости причислить его къ нимъ уже на основаніи этихъ двухъ примѣровъ. Наконецъ, изображеніе пророка Іереміи передъ Іерусалимомъ могло быть вызвано идеями о новомъ Іерусалимѣ или царствіи небесномъ, изображенномъ выше. На это указываетъ главнымъ образомъ изображеніе самаго Іерусалима въ видѣ фронтоннаго зданія съ четырьмя колонками и лѣстницей, повторенное въ композиціи съ мудрыми дѣвами и Добрымъ Пастыремъ.

Какой эпохѣ принадлежитъ роспись вкратцѣ разобранной усыпальницы, показываетъ общій составъ ея и родство съ катакомбной живописью. Не будетъ ошибочнымъ обозначить эту эпоху IV—V вѣкомъ. Изображеніе трехъ крестовъ, особенно распространенныхъ въ искусствѣ IV — VI вѣка на востокѣ и на западѣ, представляетъ обычную композицію, ставшую извѣстной со времени находенія трехъ крестовъ св. Елены³⁾. Роспись, слѣдовательно, не можетъ быть ранѣе 326 года. Оба креста, изображаемые по сторонамъ египетскаго знака «анхъ», имѣютъ форму голгоетскаго креста, т. е. представляютъ удлиненное древко, попе-

1) Не можетъ быть сомнѣнія, что «Commendatio animae» Римскаго Бreviaria было извѣстно въ наиболѣе существенныхъ чертахъ св. Кириану (804), что видно по двумъ его молитвамъ, входитъ въ Постановленія апостольскія и по названію извѣстно Гелазіанскому сакраментарію (V в.). Liell, o. c., p. 151—3.

2) Kraus, Geschichte d. christlichen Kunst, I, p. 71.

3) Эллинистическія основы виз. иск., стр. 200 сл.

речное перекрестье, посаженное приблизительно на одной трети высоты его, и лишены буквы Р вверху. Крестъ въ изображеніи распятія на дверяхъ церкви св. Сабины, кресты на ампуллахъ изъ Монцы, не имѣя расширеній по концамъ перекрестій, представляютъ близкія аналогіи крестамъ египетской часовни, изображеннымъ въ аркахъ. Кресты въ парусахъ переходятъ въ форму почти равноконечнаго креста.

Отсутствіе въ росписи купола орнаментальныхъ и декоративныхъ фигуръ и формъ заставляетъ относить ее скорѣе къ V, чѣмъ къ IV столѣтію. На это же время указываетъ и присутствіе надписей. Извѣстныя намъ росписи VI вѣка исключаютъ возможность принадлежности живописи египетской часовни къ VI вѣку. Саркофаги VI вѣка равнымъ образомъ представляютъ большое различіе въ составѣ украшеній отъ саркофаговъ IV и V вѣковъ. Отсутствіе нимбовъ у фигуръ, за исключеніемъ гадательнаго случая употребленія его у ангела въ сценѣ, представляющей трехъ отроковъ въ печи, заставляетъ относить роспись скорѣе къ концу IV, началу V вѣка.

III.

Не менѣе важное значеніе для исторіи христіанской живописи имѣетъ роспись другой гробницы Эль-Багаута, названной въ текстѣ «часовней съ аллегорическими и библейскими фигурами», не смотря на то, что въ ней есть и 3 новозавѣтныхъ фигуры рядомъ съ 3 аллегорическими и 8 библейскими.

Зданіе этой усыпальницы въ планѣ представляетъ обычный въ Эль-Багаутѣ квадратъ (рис. 34). Куполъ ея расписанъ живописью, о стѣнахъ ничего не сказано. Усыпальница эта находится «на лѣвомъ, т. е. западномъ отрогѣ» и стоитъ первою во второмъ ряду мавзолеевъ.

Живопись купола интересна тѣмъ, что слѣдуетъ античной греко-римской системѣ росписей куполовъ или потолковъ. Пространство купола разбито на нѣсколько концентрическихъ поясовъ или фризозъ посредствомъ ровныхъ ленточнаго типа круговъ, сдѣланныхъ красной краской. Этотъ приѣмъ извѣстенъ не только въ Помпеяхъ, но и въ живописи ка-такомбъ, гдѣ онъ соединяется съ другими способами дѣленій потолка на отдѣльныя части. Этотъ-же приѣмъ дѣленія пространства купола на фризы извѣстенъ въ мозаикахъ IV вѣка римской школы (ц. св. Констанцы), затѣмъ въ двухъ крещальняхъ Равенны, въ церкви св. Георгія и св. Софіи въ Солуни. Кольцеобразные фризы египетской часовни одинаково, какъ и въ нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ росписей, обгибаютъ небольшой медальонъ въ центрѣ, окаймленный изящной виноградной лозой, стелющейся неправильными изгибами, внутри которыхъ быстрыми ударами кисти изображены гроздья винограда и красивые листья. Вслѣдъ за кругомъ, обгибающимъ лозу, идутъ еще два такихъ-же ленточныхъ пояса, далѣе—широкая гирлянда или вѣнокъ изъ однихъ только листьевъ

лавра, ограниченный такимъ-же ленточнымъ пояскомъ. Послѣдній широкій поясъ, служащій какъ бы основаніемъ для верхнихъ, занятъ указанными ранѣе изображеніями на розовато-коричневомъ фонѣ, усѣянномъ цвѣтами о четырехъ лепесткахъ каждый. Внизу этого фриза бордюромъ ему служить довольно широкая полоса, украшенная листьями лавра, образующими вѣнокъ того же типа, что и описанный выше. Этотъ вѣнокъ также окаймленъ полоской ленточнаго типа, крайне употребительной здѣсь, замѣнившей собою утонченныя линіи античныхъ и древнѣйшихъ катакомбныхъ росписей. Эта полоса свойственна обѣднѣвшему формами искусству IV—VI вѣка и извѣстна хорошо въ росписи купола въ Casa Celimontana въ Римѣ, равно какъ и въ болѣе поздней живописи катакомбъ. Всѣ пояса, лежащіе надъ фигурнымъ фризомъ, имѣютъ бѣлый фонъ.

Фигуры и отдѣльные сюжеты расположены въ рядъ и вся композиція этого пояса подражаетъ античному фризу съ непрерывнымъ рядомъ фигуръ. Не всѣ изображенія представляютъ отдѣльныя сцены въ смыслѣ болѣе или менѣе сложныхъ композицій, какъ можно было бы заключить изъ текста (стр. 1). Изъ числа 10 изображеній только пять представляютъ въ полномъ смыслѣ сцены съ болѣе или менѣе сложной композиціей, остальные пять суть фигуры, отдѣльно поставленныя.

Здѣсь находимъ слѣдующія изображенія: Даніилъ между львовъ, далѣе направо слѣдуютъ: аллегорическая фигура Мира, Жертвоприношеніе Исаака, Грѣхопаденіе Адама и Евы, Ѳекла и Апостолъ Павелъ, Марія, Ноевъ ковчегъ, Іаковъ и двѣ женскія аллегорическія фигуры, представляющія Молитву и Правосудіе.

Есть значительное сходство въ росписи купола предыдущей гробницы съ росписью фриза разбираемой усыпальницы.

Здѣсь повторяются, хотя и со значительными различіями въ иконографіи, тѣ-же сюжеты, которые были описаны въ предыдущей часовнѣ: Адамъ и Ева, Жертвоприношеніе Исаака, Даніилъ между львовъ, св. Ѳекла. Равнымъ образомъ порядокъ размѣщенія этихъ изображеній не представляетъ какой либо хронологической или исторической послѣдовательности, и ветхозавѣтные сюжеты идутъ вслѣдъ за новозавѣтными, перемежаясь вмѣстѣ съ тѣмъ съ фигурами аллегорическими.

Во фризахъ Равенны, Солуни расположеніе фигуръ въ извѣстной симметріи или въ контрастѣ даетъ понять, гдѣ находится начало непрерывнаго ряда фигуръ. Фризъ египетской усыпальницы въ этомъ отношеніи не представляетъ такихъ ясныхъ и опредѣленныхъ данныхъ, и такъ какъ между фигурами и сценами его нельзя указать ни хронологической, ни исторической послѣдовательности, то и оказывается, что начало росписи такъ слито съ концомъ ея, что зритель сразу не можетъ ориентироваться среди изображенныхъ фигуръ. Тѣмъ не менѣе въ примѣмахъ самаго исполненія можно указать нѣкоторые исходныя точки опоры для опредѣленія начала и конца росписи этого непрерывнаго фриза.

Фигура Даниїла между львовъ, первая, на которую падаетъ взглядъ входящаго въ гробницу, даетъ возможность предполагать, что съ нея и съ сосѣднихъ фигуръ должно считать начало росписи. Она приходится какъ разъ противъ входа. Фигуры Δαχαιοῦν и Εἰρήνῃ, изображенныя по сторонамъ Даниїла, расположены свободно и вполне симметрично по отношенію къ фигурѣ Даниїла, такъ какъ находятся въ одинаковомъ разстояніи отъ нея, и головы ихъ приходятся вверху отъ головы Даниїла на томъ же разстояніи. Эти три фигуры отличаются наибольшей свободой въ исполненіи, между тѣмъ какъ слѣдующія за ними справа отъ Εἰρήνῃ все болѣе и болѣе жмутся другъ къ другу вслѣдствіе недостатка мѣста. Такъ, начиная отъ фигуры Евы, которая локтемъ касается покрывала св. Θεκλῆς, фигуры Μαρίας, Ιακωβα такъ тѣсно разставлены на фонѣ фриза, что вполне яснымъ становится неумѣніе живописца совладать съ правильнымъ и равномернымъ распредѣленіемъ фигуръ. Онъ уменьшаетъ ростъ фигуръ, нарушаетъ обычное правило равноголовія, столь точно соблюдаемое въ указанныхъ мозаическихъ росписяхъ, почти насильно втискиваетъ послѣднюю фигуру Ιακωβα между ковчегомъ и сосѣдней Εὐχῆς, причемъ локоть Ιακωβα ложится поверхъ одежды Εὐχῆς — ясный знакъ, что послѣдняя фигура была написана раньше фигуры Ιακωβα. Такимъ образомъ только эти признаки, пока, даютъ понять, что роспись слѣдуетъ начинать съ фигуры Εὐχῆς.

Далѣе, можно было бы думать, что фигуры Δαχαιοῦν и Εἰρήνῃ, какъ олицетворенія отвлеченныхъ понятій, по свойству вообще всякой античной персонификаціи, должны относиться къ той фигурѣ, по сторонамъ которой изображены, т. е. къ Даниїлу. Такъ напримѣръ, Φρόνησις и Μεγαλοφυχία въ рукописи Діоскорида характеризуютъ душевныя качества принцессы Юліаны, по сторонамъ которой изображены, а «Пророчество» и «Мудрость» въ видѣ такихъ же женскихъ фигуръ, изображенныя по сторонамъ Давида въ рукописи Псалт. Пар. Н. Библ. (№ 139), характеризуютъ внутреннія качества Давида¹⁾. Однако, два приведенныхъ примѣра не могутъ представить полной аналогіи для египетской фрески. Въ обоихъ случаяхъ аллегорическія фигуры съ центральной фигурой Юліаны и Давида представлены въ обособленной и самостоятельной композиціи, ничѣмъ не отдѣлены отъ этой фигуры и ясно намекаютъ на свойства характеризуемой фигуры. Непрерывный фризъ египетской часовни не даетъ ни этой обособленности композиціи съ Даниїломъ отъ другихъ фигуръ и спелъ, ни этой тѣсной связи боковыхъ фигуръ съ центральнымъ образомъ, ни ясности. Обычныя приемы соединенія фигуръ въ одну композицію, равно какъ и разграниченія и отдѣленія ихъ отъ сосѣднихъ, всѣ почти на лицо въ искусствѣ египетскаго художника. Всѣ фигуры по закону античной композиціи развернуты передъ зрителемъ en face, но иногда онѣ обращены другъ къ другу спинами, что указы-

1) Кондаковъ, Ист. виз. иск., стр. 69, 149.

васть на перерывъ ряда фигуръ и на начало новаго ряда. Такъ, Оекла сидитъ спиной къ Евѣ, а Павелъ бокомъ къ Маріи. Или же фигуры стоятъ, глядя на зрителя совершенно безучастно и не обнаруживая никакого отношенія къ сосѣднимъ фигурамъ или связи съ ними. Таковы Евхъ, Марія, Іаковъ, таковы всѣ три аллегорическихкія фигуры. Сверхъ того, между Даніиломъ и Διχαίοσυνη изображено высокое вѣтвистое дерево, отдѣляющее другъ отъ друга эти фигуры. Высокій древесный стволъ виденъ также между Даніиломъ и Εἰρήνη. Эти два дерева не могутъ имѣть иного значенія, чѣмъ тѣ деревья и высокіе кусты, которые отдѣляютъ ту же Εἰρήνη отъ Жертвоприношенія Исаака и это послѣднюю композицію отъ Грѣхопаденія. Такимъ образомъ, на основаніи данныхъ самого фриза аллегорическія фигуры Διχαίοσυνη и Εἰρήνη нельзя относить къ фигурѣ Даніила и считать ихъ за персонификаціи качествъ Даніила, а должно приписать имъ самостоятельное значеніе, наравнѣ съ прочими отдѣльными фигурами. Не менѣе важенъ для конструкціи фриза и тотъ фактъ, что подъ ногами фигуръ нѣтъ почвы, подъ кораблемъ или ковчегомъ нѣтъ моря, что ровный фонъ его украшенъ фигурами и сценами какъ отдѣльными образами, не связанными между собою художественно. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ связь нѣкоторыхъ фигуръ и сценъ устанавливается посредствующими данными, наприимѣръ десницею или же голубкомъ, летящимъ отъ Ноева ковчега къ Маріи, но эти рѣдкіе и драгоценные случаи составляютъ исключеніе. Они служатъ къ ближайшему уясненію смысла отдѣльныхъ частей росписи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ увидимъ далѣе, помѣщеніе въ рядъ отдѣльныхъ фигуръ и сценъ также служитъ къ уясненію смысла росписи, но эти указанія художественнаго порядка единственные признаки того, что художникъ дѣйствительно стремился расположеніемъ композиціи выразить опредѣленный смыслъ или идею росписи и для этой цѣли сопоставлялъ отдѣльныя избранныя фигуры и сцены. Разсмотримъ подробнѣе самыя изображенія.

Аллегорическая фигура Молитвы (ΕΥΧΗ) представляетъ подобіе нѣкоторымъ задрапированнымъ наглухо фигурамъ орантъ катакомбной живописи, но отличаются отъ нихъ тѣмъ, что имѣетъ руки у груди, открытыя ладонями къ зрителю, а не поднятыя вверхъ. Она одѣта въ тунику и женскую паллу, а поверхъ этихъ одеждъ имѣетъ еще высокое покрывало, спадающее по сторонамъ рукъ. Никакихъ атрибутовъ эта фигура не имѣетъ. Цвѣтъ всѣхъ одеждъ—бѣлый. Эта фигура, однако, любопытна тѣмъ, что молитвенная поза ея повторяется у Даніила, Іакова, Ноя съ семействомъ и Маріи, повторяются и молитвенно поднятыя у груди руки. Извѣстно, что обычный типъ Даніила, затѣмъ Маріи и Ноя на множествѣ памятниковъ запада представляетъ ихъ въ видѣ орантъ, съ воздѣтыми вверхъ руками. Отсюда ясно само по себѣ родство этихъ фигуръ съ орантами и по смыслу. Повтореніе позы и рукъ аллегорической фигуры Евхъ у Даніила, Маріи и другихъ указываетъ затѣмъ, что

персонификація Молитвы относится не къ одной какой либо фигурѣ фриза, ако вѣсьмъ и олицетворить собою молитву вѣсьхъ фигуръ съ молитвенно поднятыми руками, слѣдовательно, не олицетворяетъ только молитву Іакова ¹⁾, близъ котораго изображена, а и Ноя съ семействомъ и Маріи и Даніила. Какъ увидимъ далѣе, смыслъ этой фигуры долженъ быть еще болѣе расширенъ.

Фигура *Δαχιοσύνη*, изображенная рядомъ, держитъ въ правой опущенной рукѣ вѣсы, находящіяся въ полномъ равновѣсіи, а въ лѣвой рогъ изобилія. На головѣ ея корона въ видѣ стѣнъ города съ башнями (*corona muralis*). Фигура одѣта въ безрукавную красную тунику и сѣрый плащъ, охватывающій талию и застегнутый или завязанный узломъ на правомъ бедрѣ. Античное происхожденіе этой фигуры не подлежитъ сомнѣнію. Она представляетъ весьма близкое повтореніе аллегорической фигуры *Aequitas Augusti* или *Aequitas publica* на монетахъ римскихъ императоровъ. Какъ во фрескѣ египетской часовни, такъ и на монетахъ эта фигура является съ рогомъ изобилія и вѣсами, въ туникѣ и палгѣ и различіе можно указать только въ отсутствіи рукавовъ у туники и въ «*corona muralis*» египетской персонификаціи. Способъ держанія вѣсовъ въ опущенной правой рукѣ и рога изобилія въ лѣвой приподнятой—одинъ и тотъ же ²⁾.

Присутствіе «*corona muralis*» на головѣ *Δαχιοσύνη* указываетъ, видимо, что фигурѣ ея должно придать значеніе болѣе широкое, чѣмъ обычной *Aequitas*. На головѣ фигуръ, изображаемыхъ на монетахъ, находится стефана или вѣнокъ. Иногда прическа и вѣнокъ достигаютъ значительной высоты, но все же не представляютъ сходства съ «*corona muralis*». Ровно стоящія вѣсы указываютъ на постоянное правосудіе. Въ античной мѣологіи *Δίκη* (*Δαχιοσύνη*), *Εἰρήνη* и *Εὐνομία* три сестры, дочери Зевса. Весьма любопытно, поэтому, что въ соотвѣтствіе съ фигурой *Δαχιοσύνη* представлена фигура *Εἰρήνη*. Въ христіанской усыпальницѣ оживаетъ вновь античная персонификація для цѣлей христіанскаго художника. Нельзя не отмѣтить въ этомъ обстоятельствѣ синкретизма античныхъ и христіанскихъ представлений.

Уже это одно сопоставленіе аллегорическихъ фигуръ Мира и Правосудія, какъ бы соотвѣтствующее античному воззрѣнію на нихъ, какъ на родныхъ сестеръ, показываетъ, что во фрескѣ проведенъ параллелизмъ между обѣими фигурами, повліявшій на помѣщеніе ихъ другъ противъ друга въ полной симметріи. Фигура *ΕΙΡΗΝΗ* съ ея атрибутами подтверждаетъ это. Она представлена также въ видѣ женщины съ пыш-

1) Такъ, напримѣръ, аллегорическое изображеніе *προσευχή* въ Псалт. Парижск. Нац. библ. № 139, представленное въ видѣ небольшой фигурки въ красной туникѣ, отороченной голубой полоской у шеи, олицетворяетъ собою молитву одного Давида, около котораго изображена. Ср. также Кондаковъ, Ист. виз. иск., стр. 148—9.

2) Roscher, *Lexikon*, см. *Aequitas*, *Δαχιοσύνη*. Froehner, *Les médailles de l'Empire Romain*, p. 234 сл. и 165.

ными блѣзурными (желтыми) волосами. Античный характер олицетворенія сказывается помимо этой черты еще и въ томъ, что одежда ея ограничивается короткой юпкой, не доходящей до колѣнъ. Въ правой, опущенной внизъ, рукѣ она держитъ египетскій крестъ, а въ лѣвой— непонятный предметъ вродѣ скипетра, описанный въ текстѣ подъ именемъ «жезла» или «факела». Любопытно, что этотъ же предметъ держитъ въ лѣвой рукѣ и Христосъ въ мозаикахъ нефа церкви Аполлинарія Новаго. Какъ и *Εἰρήνη*, Христосъ держитъ его ближе къ верхнему концу, оставляя внизу довольно длинное древко. На основаніи извѣстія Карпи о томъ, что Христосъ до реставраціи мозаикъ держалъ въ рукѣ Евангеліе съ надписью: «Ego sum lux mundi», было рѣшено, что предметъ въ лѣвой рукѣ Христа есть плодъ реставраціи и фантазіи реставраторовъ¹⁾. Однако, изображеніе этого предмета въ рукѣ *Εἰρήνη* въ египетской фрескѣ вызываетъ вопросъ, не появился ли этотъ жеzlъ или скипетръ въ мозаикѣ благодаря тому, что реставраторы возобновили его по древнимъ контурамъ и не видѣли-ли Карпи Евангеліе, сдѣланное реставраціей болѣе ранней и выполненной живописью. Всѣ данныя указываютъ на это послѣднее обстоятельство, такъ какъ реставрація, выполненная мозаикой, не отвѣчаетъ описанію Карпи.

Въ такомъ случаѣ ясно само по себѣ, что предметъ не можетъ считаться за «факелъ». Христосъ держитъ его у груди и крайне близко отъ лица. Отсутствіе пламени у факела доказываетъ, что это можетъ быть только атрибутъ вродѣ жеzла или скипетра.

Первоначальные типы *Εἰρήνη* въ античномъ искусствѣ, начиная съ извѣстной статуи «*Εἰρήνη*» и «*Πλοῦτος*» и ея монетнаго типа, не соотвѣтствуютъ фигурѣ Мира въ египетской усыпальницѣ. Эти фигуры одѣты въ длинныя одежды, иногда держатъ керикейонъ²⁾ или же скипетръ и рогъ изобилія, какъ напримѣръ въ рельефѣ прощенія театра въ Афинахъ³⁾. Никакого сходства не имѣетъ эта фигура и съ изображеніями той **IRENE**, которая пзвѣстна въ живописи римскихъ катакомбъ въ композиціяхъ «агапъ»⁴⁾. Тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть, что **IRENE** римскихъ катакомбъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ *Εἰρήνη* египетской усыпальницы. Обѣ фигуры находятся въ живописи, предназначенной для мѣста погребенія, и обѣ являются со скрытымъ смысломъ христіанскаго покоя и мира. Многочисленныя эпитафіи указываютъ на то, что **IRENE** римскихъ катакомбъ олицетворяетъ собою Миръ Христовъ. Равнымъ образомъ христіанское значеніе *Εἰρήνη* въ египетской фрескѣ доказывается крестомъ, который фигура держитъ въ правой рукѣ. Поэтому *Εἰρήνη* олицетворяетъ тотъ-же Миръ, данный Христомъ, который упоминается въ надписи на

1) Е. К. Рѣдинъ, Моз. равеннскихъ церквей, стр. 92.

2) На монетѣ изъ *Ἀχαιοὶ Ἐπιζεύριοι*. Baumeister, Klass. Alterth., p. 956.

3) Roscher, Lexikon, p. 1222.

4) Peraté, Archéologie chrét., p. 118.

свиткѣ, вручаемомъ Христомъ апостолу Павлу¹⁾, въ извѣстныхъ композиціяхъ саркофаговъ и мозаикъ и соотвѣтствуетъ евангельскому выраженію: τὴν εἰρήνην ἐμὴν ὑμῖν διδοῦμι....

Аллегорическая фигура Правосудія, изображенная въ полномъ соотвѣстствіи съ фигурой Мира, должна быть объясняема по аналогіи съ ней, какъ олицетвореніе христіанскаго правосудія, не смотря на отсутствіе христіанскихъ атрибутовъ. Врядъ-ли можно найти лучшее указаніе на смыслъ этого образа, чѣмъ то, которое находится въ вышеупомянутой молитвѣ, начертанной на надгробной плитѣ, найденной въ Нубіи: Σὺ γὰρ μόνος ἐκτὸς ἁμαρτίας ἡ δικαιοσύνη σου δικαιοσύνη εἰς τὸν αἰῶνα, καὶ ὁ λόγος σου ἀλήθεια²⁾. Въ какомъ отношеніи къ такому пониманію образа Δικαιοσύνη можетъ стоять градская корона на головѣ ея—остается неяснымъ, но самый смыслъ этого атрибута, употребляемаго для обозначенія божествъ и олицетвореній городовъ³⁾, можетъ указывать, что градской короной фигура «Δικαιοσύνη» характеризуется, какъ божество τῶν βασιλείων, τῶν οὐρανῶν, царства небеснаго, которое въ представленіи христіанъ являлось въ видѣ роскошнаго города съ великолѣпными зданіями, воротами, стѣнами, выложенными изъ драгоценныхъ камней и проч. Эти зданія, какъ было указано выше, представлены въ росписи предыдущей часовни. Изображеніе же Іерусалима небеснаго въ мозаикахъ общеизвѣстно⁴⁾. Даниїлъ между львовъ (ΤΑΝΙΗΛ) одѣтъ въ безрукавный хитонъ и въ гиматіонъ. Такимъ образомъ, вмѣсто обычнаго восточнаго костюма, который дается Даниїлу во фрескахъ катакомбъ и на саркофагахъ, онъ одѣтъ въ греческій костюмъ. Кромѣ того, на головѣ его нѣтъ обычнаго фригійскаго колпака. Руки Даниїла обнажены до плечъ точно такъ-же, какъ у Моисея на пастбищѣ въ рукописи Космы Индикоплова Ват. библіотеки⁵⁾. Вокругъ головы его изображенъ большой нимбъ «бѣлаго, слегка желтоватаго цвѣта». Это—единственный нимбъ во всемъ фризѣ. Онъ напоминаетъ также единственный нимбъ, изображенный, какъ кажется, у центральной фигуры въ сценѣ, представляющей трехъ отроковъ въ печи въ предыдущей усыпальницѣ. Руки Даниїла молитвенно подняты у груди, что представляетъ отличіе отъ обычныхъ изображеній его въ видѣ оранта. Подъ ногами его представлена не яма, или колодезь, какъ въ предыдущей часовнѣ, а пьедесталъ, формой своей близко напоминающій подножія или постаменты подъ ногами Христа-младенца и Ирода въ мозаикѣ триумфальной арки въ S. Maria Maggiore въ Римѣ, а также подножія Христа и Богородицы въ мозаикахъ нефа въ церкви Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ. Описательный текстъ выражается неправильно,

1) Моз. IV и V вѣковъ, стр. 22 сл.

2) Edm. Le Blant, о. с., р. XXV. Goar, Εὐχολ., р. 424.

3) J. Strzygowski, Kalenderbilder, Taf. VI. Н. Н. Кондаковъ, Ист. виз. иск., стр. 28 сл.

4) Моз. IV и V вѣковъ, стр. 65—66 и прим. 1 и 2; стр. 99—100.

5) Эллинистическія основы виз. иск., стр. 32.

поясняя, что «яма представлена въ видѣ четырехугольника, окруженнаго спереди и съ боковъ «стѣнами» (стр. 27). Эти стѣны, идущія съ трехъ сторонъ,—ни что иное, какъ толщина пьедестала, показанная съ трехъ сторонъ по приемамъ обратной перспективы, что служитъ однимъ изъ данныхъ для характеристики стиля живописи египетской часовни. Присутствіе пьедестала уподобляетъ фигуру Даниїла тѣмъ изображеніямъ его, которыя встрѣчаются въ пластикѣ саркофаговъ и, быть можетъ, воспроизводятъ какой нибудь общеизвѣстный статуарный типъ Даниїла (Garrucci, 365, 2).

Жертвоприношеніе Исаака повторяетъ въ главнѣйшихъ чертахъ композицію, извѣстную въ IV—VI вѣкахъ. Расположеніе композиціи остается обычное: Авраамъ стоитъ налѣво, Исаакъ направо отъ зрителя. Рядомъ съ Авраамомъ стоитъ овца, привязанная за шею шнуркомъ къ вѣтви деревца, растущаго позади нея, подробность интересная въ томъ смыслѣ, что извѣстна въ рукописи Космы Индикоплова, первый изводъ которой появился въ Александріи. Эта-же черта извѣстна и въ сѣвнѣ Жертвоприношенія Исаака въ Эчміадзинской Сирійской миниатюрѣ Евангелія VI вѣка ¹⁾. Исаакъ представленъ спокойно стоящимъ со свободными руками. Поза его лицомъ къ зрителю близко напоминаетъ позу Евангелія Эчміадзинской Библии, но разнится отъ нея тѣмъ, что въ лѣвой рукѣ Исаакъ держитъ какой-то предметъ: «ящикъ съ благоговоніями», какъ поясняетъ описательный текстъ безъ дальнихъ разсужденій.

Ту же аналогію съ Эчміадзинскимъ Еванг. и съ кругомъ памятниковъ, группирующихся около него (Берлинская и Болонская пиксиды), представляетъ и форма алтаря съ зубчатымъ верхомъ и языки пламени надъ головой Авраама, которые въ сирійской миниатюрѣ окружаютъ десницу. Полное отступленіе отъ извѣстныхъ до сихъ поръ изводовъ этой композиціи должно отмѣтить въ фигурѣ Сарры, изображенной надъ Исаакомъ, и въ двухъ ножахъ ²⁾, изображенныхъ за спиной Авраама какъ бы въ воздухѣ. Сарра протягиваетъ правую руку съ какимъ то предметомъ къ лицу Авраама, а въ лѣвой держитъ у груди коробочку также благоговоній по предположенію текста. Надо полагать, что фигура Сарры изображена и въ сценѣ жертвоприношенія Исаака въ ранѣ описанной часовнѣ, стоящей между Авраамомъ и Исаакомъ.

Грехопаденіе представлено въ обычной композиціи. Древо со змѣею стоитъ посрединѣ. Адамъ стоитъ слѣва отъ него, Ева справа. Оба закрываются лѣвой рукой, а правую поднимаютъ къ лицу. Важно въ строе-

1) Ср. Эллин. осн. виз. иск., стр. 30 и 59.

2) За отсутствіемъ надлежащихъ пособій я не могу пока объяснить во всей полнотѣ отступленій этой композиціи отъ обычныхъ, но укажу, что присутствіе двухъ ножей за спиной Авраама указываетъ, повидимому, на апокрифическое пророчество Бога Аврааму, повторенное при жертвоприношеніи Исаака: «И вѣда истину Аврааму юже прежде рече ему. Тогда бо младенецъ острѣя вся притупитъ и шероховатая гладкая сотворитъ». Порфирьевъ, Ветхоз. апокрифы, стр. 147.

ній композиціи то обстоятельство, что Адамъ и Ева представлены какъ бы отвернувшимися въ разные стороны, что извѣстно въ сценѣ грѣхопаденія въ катакомбахъ св. Януарія въ Неаполѣ ¹⁾).

Далѣе изображены св. Ѳекла и Павелъ ²⁾, поучающій ее. Оба сидятъ другъ противъ друга на складныхъ стульяхъ. Въ катакомбной живописи эта композиція неизвѣстна. На римскихъ и галльскихъ саркофагахъ часто встрѣчается композиція, представляющая пожилую мужскую фигуру со свиткомъ, сидящую слѣва, и женскую, стоящую передъ ней и какъ бы внимающую словамъ ея. Но эти сцены остаются до сихъ поръ непонятными. На лондонскомъ ящикѣ V вѣка апостолъ Павелъ сидитъ направо, передъ нимъ городъ, изъ за спины котораго видна фигура Ѳеклы, внимающей ученію апостола (Garrucci, 446, 10). На одной мраморной плитѣ Эчміадзинскаго монастыря также изображенъ Павелъ справа, а святая Ѳекла стоитъ передъ нимъ слѣва. Надписи **PAVLOS** и **ΘΕΚΛΑ** называютъ ихъ по именамъ ³⁾.

Далѣе изображена женская фигура съ молитвенно поднятыми у груди руками, стоящая лицомъ къ зрителю. Надпись надъ ней **MARIA** показываетъ, что изображена Святая Дѣва, образъ, столь хорошо извѣстный въ искусствѣ IV—V столѣтій. Однако, не смотря на то, что Даниилъ имѣетъ вокругъ головы большой, ясно изображенный нимбъ, вокругъ головы Маріи художникъ не изобразилъ нимба. Очевидно, въ этомъ образѣ съ простой надписью «Марія» должно видѣть одно изъ древнѣйшихъ изображеній Святой Дѣвы, такъ какъ считать эту женскую фигуру за одну изъ Марій Евангельскаго повѣтствованія или же за историческое лицо, похороненное въ гробницѣ и изображенное по аналогіи съ другими женскими фигурами умершихъ женщинъ, носившихъ имя Маріи, препятствуютъ даннымъ росписи. Именно, рядомъ съ Маріей представленъ Ноевъ ковчегъ, а за ковчегомъ изображена фигура Іакова, въ полномъ соотвѣтствіи съ фигурой Маріи. Ноевъ ковчегъ въ нижней части своей имѣетъ форму корабля съ надписью **Urbica** и тѣхъ кораблей, которые изображены въ мозаикѣ, представляющей гавань города Равенны въ церкви Аполлинарія Новаго ⁴⁾. Двѣ коринтскія колонны, стоящія на носу и на кормѣ этого корабля, а затѣмъ скатные бока крыши, опирающейся на эти колонны, показываютъ, что внутренность ковчега изображена въ разрѣзѣ, по обычаю античнаго искусства, удержанному въ христіанскомъ, изображать внутренность сооруженій въ разрѣзѣ, помѣщая внутри обитателей. Внутри ковчега, поэтому, стоятъ въ рядъ почти въ полный ростъ Ной, его жена и все остальное семейство. Ной протягиваетъ руку въгнѣво къ голубкѣ, несущей вѣтвь, а вверху, отъ ковчега къ Маріи летитъ также голубокъ, почти касаясь головы Маріи клювомъ. Внѣ всякаго сомнѣнія,

1) V. Schultze, Die Katakomben von San Gennaro. Taf. VI. a.

2) Garrucci, t. I, p. 346—7.

3) Strzygowski, Byz. Denkm., I, p. 6.

4) Peraté, Arch. chr., p. 94.

это — тотъ голубокъ, который изображается и въ композиціяхъ Благовѣщенія, начиная съ мозаики триумфальной арки въ церкви S. Maria Maggiore. Въ данномъ же случаѣ весьма важно то, что художественнымъ приѣмомъ этотъ голубокъ сопоставленъ съ тѣмъ, который несетъ вѣсть спасенія Нюю, а самъ летитъ отъ ковчега къ Дѣвѣ. Здѣсь нѣтъ возможности видѣть ни особаго перевода благовѣщенія, такъ какъ отсутствуетъ ангелъ, ни символизма, а должно видѣть обычный параллелизмъ, господствовавшій настолько же въ идеяхъ времени какъ и въ искусствѣ. Что голубокъ Ноева ковчега сопоставленъ былъ съ голубкомъ апокрифическихъ Евангелій, слетѣвшимъ къ Маріи и представлявшимъ св. Духа, яснѣе всего показываетъ одно мѣсто изъ рѣчи Константина Великаго на первомъ соборѣ, сказанной имъ къ обществу собравшихся отцовъ и выражавшей исповѣданіе вѣры «αἰγλήσσα (вар. cod. Regius: λαμπρά) περιστέρα ἐκ τῆς Νῶε λαρυγκῶς ἀποπταμένη, ἐπὶ τοὺς τῆς παρθένου κόλπους κατήρεν» ¹⁾: «блестящая (сіяющая) голубка, вылетѣвшая изъ Ноева ковчега, спустилась на лоно Дѣвы». Это мѣсто можетъ служить прямымъ объясненіемъ того параллелизма, который проведенъ художникомъ въ изображеніи двухъ голубковъ, а также помогаетъ точнѣе опредѣлить послѣдовательность изображеній этой части фрески, въ которой сопоставлены рядомъ фигура Маріи и Ноевъ ковчегъ.

Съ другой стороны, соотвѣтствіе, въ которое поставлены фигуры Іакова и Маріи, должно имѣть свою важность для опредѣленія фигуры Іакова. Изображенъ-ли здѣсь какой либо Іаковъ по Евангелію или ветхозавѣтный патріархъ?

Іаковъ представленъ юнымъ, съ короткими волосами. Онъ держитъ молитвенно руки передъ грудью, какъ и сосѣдняя Εὐχὴ. Одѣтъ въ тунику и гиматіонъ. Въ фигурѣ его нѣтъ ничего настолько типичнаго, чтобы считать его за Іакова, брата Господня, Іакова Алфеева, Іакова, отца Іосифа (Матѣ. I, 16) и др. Между тѣмъ фигура Іакова, какъ ветхозавѣтнаго патріарха, пополняетъ число трехъ патріарховъ, такъ какъ Авраамъ и Исаакъ изображены въ сценѣ Жертвоприношенія. Само по себѣ это обстоятельство еще не объясняетъ указаннаго соотвѣтствія фигуръ Маріи и Іакова, но это соотвѣтствіе можетъ быть понято изъ данныхъ, касающихся генеалогіи Маріи, которая на основаніи пророчествъ Исаіи происходитъ изъ рода Іакова. Въ Ἀπολόγη τοῦ ἐξοδικαστικοῦ, въ одномъ изъ хвалебновъ Пресвятой Богородицѣ эта мысль развита приблизительно такъ же, какъ и на разбираемой фрескѣ: Δοχεῖον ἄκραντον, ναὸν πανάμωμον, κιβωτὸν παναγίαν, παρθενικὸν τόπον ἁγιάματος, σὲ καλλονὴν τοῦ Ἰακώβ, ὁ δεσπότης ἐξελέξατο ²⁾. Какъ патріархъ и родоначальникъ Маріи Іаковъ представленъ въ соотвѣтствіи съ образомъ Маріи Дѣвы. Важно то, что изображеніе Іакова встрѣчается и на позднихъ памятникахъ

1) Patr. gr., t. XX, 1265, A.

2) Goar, Εὐχολόγιον, p. 427.

приблизительно въ такомъ же отношеніи къ Богородицѣ. Такъ на арто-сницѣ Пантелеймоновскаго монастыря онъ изображенъ въ числѣ 12 про-роковъ вокругъ Богородицы съ младенцемъ. Надпись гласитъ: οὗτος ὁ οἶκος θεοῦ, καὶ αὕτη ἡ πόλις τοῦ οὐρανοῦ. Марія представлена, именно, въ видѣ Дѣвы, а не въ какой либо исторической композиціи по Евангелію...

Такимъ образомъ художественный и историческій обзоръ живописи фриза раскрываетъ утерянную и ставшую непонятной связь его образовъ между собою и значеніе каждаго отдѣльнаго образа, хотя и безъ долж-ной полноты по причинѣ краткости нашей замѣтки.

Какъ и предыдущая роспись, такъ и эта имѣютъ специальное назна-ченіе служить украшеніемъ усыпальницы, и мысли, художественно выра-женныя въ ней, тѣ-же, что и въ погребальныхъ молитвахъ и литургіяхъ. Особенно важно обратить вниманіе на сопоставленіе библейскихъ обра-зовъ съ евангельскими. Образъ Маріи со слетающимъ къ ней голубкомъ, правда, не представляетъ собою Благовѣщенія въ полномъ смыслѣ ни по композиціи, ни по надписи, а лишь намекъ на него, однако, присутствіе этого образа въ росписи усыпальницы можетъ быть понято лишь по ана-логіи съ тѣми фресками катакомбъ и саркофагами, которые представляютъ Благовѣщеніе уже въ историческихъ композиціяхъ. Въ данномъ случаѣ художникъ ограничился однимъ образомъ Маріи, связь котораго съ со-сѣдними устанавливается изъ общихъ идей о прообразахъ ветхозавѣт-ныхъ и новозавѣтныхъ. На саркофагахъ же и въ живописи катакомбъ обыкновенно вслѣдъ за Благовѣщеніемъ изображается Рождество и Поклоненіе волхвовъ, видѣніе пастырями звѣзды, т. е. исторія чудес-наго рожденія Мессіи. Нельзя не поставить въ связь этихъ изображеній съ тѣмъ исповѣданіемъ вѣры, которое начинается собою упомянутую мо-литву св. Кипріяна. Не выходя изъ предѣловъ историческаго объясне-нія содержанія живописи, можно думать, что эта часть росписи фриза соотвѣтствуетъ начальнымъ словамъ молитвы, въ которой послѣ воззва-ній къ Богу Авраама, Исаака, Іакова, Богу Апостоловъ, Пророковъ, Богу Дѣвъ, Богу вѣрующихъ, слѣдуетъ обращеніе къ Богу и Отцу Господа Нашего Іисуса Христа, который «чудесно родился изъ чрева Дѣвы», а затѣмъ уже идутъ отдѣльныя моленія о спасеніи души, какъ былъ спа-сенъ Даниилъ отъ львовъ ¹⁾ и проч. Въ росписи, такимъ образомъ, пред-ставлены образы христіанской молитвы, въ которой выражаются надежды на спасеніе души, ея упокоеніе и вѣчный праведный судъ, что само по себѣ характеризуетъ ее, какъ роспись усыпальницы.

Сравнивая эту роспись съ предыдущей, должно отмѣтить сложный составъ первой описанной росписи сравнительно со второй. Надо пола-гать, что это различіе имѣетъ свою причину, но указать ее для разсмо-трѣнныхъ рукописей, какъ и для живописи катакомбъ и круга сюжетовъ на саркофагахъ,—дѣло будущаго.

1) Oratio S. Cypriani Antiocheni pro Martyribus, ed. Baluzzi, appendix, p. XXVII.

Равнымъ образомъ нельзя не видѣть различія въ стилѣ и въ приѣмѣ развитія художественнаго замысла въ обѣихъ росписяхъ. Античныя традиціи росписи второй усыпальницы чище, богаче, чѣмъ первой, такъ живо еще помнящей стиль и композицію египетскаго искусства. Правда, во второй росписи встрѣчаются черты обратной перспективы, нарушение правилъ равногловія, переходъ за черту обрамленія фриза, но все же кромѣ этихъ чертъ, происхожденіе которыхъ можно приписать проникновению ихъ изъ египетскаго или скорѣе коптскаго искусства въ стиль греческой живописи, можно указать развѣ еще египетскій крестъ «анхъ» въ рукахъ *Eirḡyn*. Пухлыя, толстыя формы тѣла фигуръ, встрѣчаемыя и на сосудахъ африканскаго происхожденія ¹⁾, здѣсь являются не безпримѣрными. Огрубѣніе античныхъ формъ, вслѣдствіе разныхъ примѣсей иноземныхъ стилей, замѣтно также и на египетскихъ тканяхъ.

Изъ другихъ росписей особеннаго вниманія заслуживаютъ сохранившіяся въ пещерѣ горы Атриба близъ Сохага. Пещера вырублена въ склонѣ горы и на стѣнахъ своихъ, оштукатуренныхъ и сохранившихъ бѣлый цвѣтъ, имѣетъ цѣлый рядъ изображеній въ томъ грубомъ, своеобразномъ стилѣ, который такъ хорошо извѣстенъ въ коптскихъ, сирійскихъ и армянскихъ рукописяхъ. Справа отъ входа изображена летящая птица, съ распушенными крыльями, съ крестомъ на головѣ, держащая въ клювѣ также крестикъ, очень интересной формы. Повернутая влѣво голова птицы, круглое туловище съ кругомъ внутри его, заключающимъ также крестъ, крылья, обозначенныя зубчатыми линіями и пересѣкающимися полосками, все указываетъ на древній восточный образецъ, извѣстный еще въ греческой архаикѣ, повторяемый, однако, и въ позднихъ рукописяхъ (VI—VII в.) и на коптскихъ стѣлахъ. Рядомъ съ птицей нарисованъ крестъ въ той же формѣ, какъ и тотъ, который держитъ птица въ клювѣ, но съ четырьмя кружками въ углахъ. Кресты эти интересны въ томъ отношеніи, что имѣютъ по концамъ перекрестій особые придатки, какъ на памятникахъ VI—VII вѣковъ и между прочимъ на крестахъ мучениковъ Сергія и Вакха на Синайской восковой иконѣ Кіевского Музея. Кружки въ углахъ креста, изображеннаго рядомъ съ птицей, обозначаютъ звѣзды, столь часто изображаемыя въ композиціяхъ, представляющихъ или явленный крестъ или голгофскій крестъ въ небѣ.

Рядомъ съ этимъ крестомъ изображенъ какой-то знакъ, въ которомъ описательный текстъ хотѣлъ бы усмотрѣть форму птицы (стр. 69), но который въ сущности представляетъ, очевидно, монограмму, или нѣчто подобное. По формѣ онъ напоминаетъ отчасти знаки на нѣкоторыхъ византійскихъ памятникахъ болѣе позднихъ, напр. въ монастырѣ Дафни, а затѣмъ знаки на древне-русскихъ монетахъ, начиная съ Владиміра.

На сѣверной стѣнѣ представлена въ грубомъ дѣтскомъ рисункѣ безъ обозначенія земли, одними линіями, охотничья сцена. Всадникъ съ копьемъ преслѣдуетъ какое-то рогатое съ горбомъ животное. Собака этого охот-

1) Garr., 461, 2.

ника нападаетъ на животное съ противоположной стороны. Какъ бы ни былъ грубъ и неумѣлъ рисунокъ, тѣмъ не менѣе морда и формы тѣла рогатаго животного, коня очень важны для сопоставленія со стилемъ кавказскихъ вещей.

Стѣна противъ входа украшена болѣе сложной композиціей. На двухъ горизонтальныхъ полосахъ ленточнаго типа, украшенныхъ ромбами и представляющихъ почву, стоятъ три креста. Каждый имѣетъ ступеньчатую подставку. Композиція эта, общеизвѣстная на памятникахъ IV—VII вѣковъ, является въ данномъ случаѣ въ болѣе сложномъ видѣ. Крестъ, находящійся въ серединѣ, обрамленъ сверху сіяніемъ, имѣетъ буквы А и W надъ перекрестьями, а къ самымъ перекрестьямъ привѣшены на зигзагообразныхъ привѣскахъ четыре лампы, что возводитъ форму этого креста къ извѣстному кресту Константина Великаго, стоявшему въ главномъ алтарѣ церкви св. Софіи въ Константинополѣ, и къ подобнымъ ему крестамъ, какъ напримѣръ изображенному въ катакомбѣ Понціана. Не менѣе любопытно и то, что отъ ступеньчатой подставки креста въ стороны идутъ двѣ большія вѣтви, на концахъ которыхъ сидятъ птички съ листиками въ клювахъ. Птицы на перекрестьяхъ голгоетскаго креста извѣстны уже на саркофагахъ V вѣка, но птицы, сидящія на вѣтвяхъ, растущихъ у подножія креста — мотивъ, извѣстный мнѣ въ болѣе или менѣе близкой аналогіи лишь въ мозаикахъ церкви св. Марка въ Венеціи, представляющихъ рай. Здѣсь изображенъ толстый стволъ дерева, развѣтвляющійся на двѣ зеленѣющія вершины, между которыми изображено крестное древо. Двѣ птички изображены по сторонамъ креста. Въ рукописяхъ рай иногда является въ видѣ квадратной картинки, представляющей крестъ, стоящій на голгоетской скалѣ посреди двухъ деревьевъ. Эта композиція связывается съ легендами о трехъ древахъ рая. Упомянутый крестъ въ катакомбѣ Понціана изображенъ также межъ двухъ вѣтвей, но безъ птицъ. Аналогіи съ указанными изображеніями крестовъ заставляютъ думать, что и въ пещерѣ горы Атриба крестъ изображенъ въ связи съ легендами о райскихъ деревьяхъ, изъ которыхъ были сдѣланы крестъ Христовъ и кресты разбойниковъ¹⁾. Два другихъ креста изображены безъ вѣтвей, безъ сіянія, безъ буквъ и безъ лампадъ. Крестъ слѣва отъ зрителя, т. е. крестъ праведнаго разбойника, представленъ съ двумя птичками по сторонамъ. Третій крестъ представленъ безъ птицъ.

Между крестомъ Христовымъ и крестомъ неблагоразумнаго разбойника изображена фигура мужчины съ характерными чертами лица и волосами на подобіе египетскихъ. Онъ стоитъ съ воздѣтыми руками, молясь, очевидно, какъ разбойникъ. Къ нему слуга-негръ ведетъ верблюда, другой несетъ какіе то предметы. Изображена и любимая собака.

1) Веселовскій, Розысканія о крестномъ древѣ VI—X, стр. 367 сл. до конца.

Между крестомъ благоразумнаго разбойника и крестомъ Христовымъ изображенъ Даниилъ между львовъ, а рядомъ — маленькая фигурка также въ видѣ оранта.

Квадраты, треугольники и ромбы, которыми украшены кресты, повторяются въ системѣ коптскаго орнамента, извѣстнаго въ коптскихъ и сирійскихъ рукописяхъ. Небрежность и грубость рисунка удерживаютъ, однако, стиль древне-египетскаго искусства, и формы, извѣстныя одинаково въ сирійскомъ орнаментѣ, но въ ослабѣвшихъ, измѣнившихся чертахъ. На египетскихъ стелахъ и въ разобранной росписи Эль-Багуата этотъ стиль является въ болѣе рѣзкихъ и опредѣленныхъ чертахъ.

Росписи монастыря св. Симеона близъ Ассуана (табл. XXXI, XXXII), равно какъ монастыря мучениковъ близъ Эсне (табл. XXX) и монастыря св. Иоанна близъ Антинои (табл. XXXIII), какъ принадлежащія болѣе позднему времени и представляющія аналогіи искусству IX — XII вѣковъ, не могутъ быть рассмотрѣны въ настоящей статьѣ и займутъ мѣсто въ одномъ изъ слѣдующихъ отчетовъ.

IV.

Далѣе находимъ описаніе столь извѣстнаго въ древности и привлекавшаго вниманіе новыхъ путешественниковъ Бѣлаго Монастыря. Предложенный планъ этого монастыря, его особенности архитектурныя и нѣкоторыя особенности украшеній крайне поучительны. Описательный текстъ, снабженный отлично составленной литературой предмета, заслуживаетъ особой благодарности (стр. 39 — 60).

Бѣлый Монастырь, основаніе котораго въ V вѣкѣ было положено знаменитымъ проповѣдникомъ Шенуди, претерпѣлъ разнообразныя измѣненія въ конструкціи, среди которыхъ разобраться весьма трудно, если даже не невозможно. Не смотря на весьма подробное описаніе стѣнъ, абсидъ, колоннъ, нишъ, кладки камней и проч., все же послѣдній выводъ, сдѣланный въ описательномъ текстѣ относительно долговѣчности первоначальнаго вида этого монастыря, резюмируется слѣдующими словами: «Безъ тщательныхъ архитектурныхъ изслѣдованій, которыя мѣстами пришлось бы дополнить раскопками мусора и разрушеніемъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ построекъ — невозможно представить точнаго плана внутренности Бѣлаго Монастыря. Этимъ-то, а отчасти и поспѣшностью, съ которой большинство путешественниковъ дѣлало свои замѣтки, и объясняется та удивительная разница, которая оказывается между различными изданными планами. Планъ, издаваемый здѣсь, можно думать, точнѣе всѣхъ прочихъ, такъ какъ онъ основанъ на многочисленныхъ измѣреніяхъ, сдѣланныхъ въ монастырѣ въ 1898 году» (стр. 50).

Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя особенности плана Бѣлаго монастыря и его архитектуры могутъ считаться вполне опредѣленными, и какъ та-

ковыя вызываютъ необходимость отиѣтить ихъ, особенно при сравненіи съ развалинами другого, не менѣ знаменитаго «Краснаго Монастыря», описанными и изданными вслѣдъ за Бѣлымъ Монастыремъ.

Внѣшность стѣнъ входовъ Бѣлаго Монастыря представляетъ любопытныя черты древнеегипетскаго архитектурнаго стиля. Отклоненныя назадъ стѣны массивной кладки изъ четырехугольных правильно отесанныхъ камней (въ формѣ параллелепипедовъ), широкіе дверные пилястры и наличники, напоминающіе близко облицовку и устройство египетскихъ дверей (рис. 59), но уже съ тремя крестами надъ ними, вмѣсто египетскихъ іероглифовъ, и, наряду съ этими особенностями, рѣзные орнаментальные карнизы, сохранившіе элементы античнаго орнамента въ соединеніи съ характерными формами коптскаго орнамента (рис. 62 и табл. XXI, 2), затѣмъ коринтскія капители колоннъ и чисто античный типъ нишъ — все это составляетъ то соединеніе формъ, которое было прослѣжено и въ живописи первой усыпальницы, отнесенной нами къ началу V вѣка. Особенно важно указать еще и на то, что стиль орнаментовъ коптскихъ стѣлъ, изданныхъ и описанныхъ Гайе, представляетъ для болѣе раннихъ эпохъ то-же самое соединеніе античныхъ и египетскихъ формъ, совершенно отличное отъ формъ и ихъ соединенія въ VII вѣкѣ, какъ это можно судить по стѣлѣ Дамангура, имѣющей дату 695 года¹⁾ и близко напоминающей уже формы арабскаго стиля. Эти общія данныя, крайне характерныя для христіанскаго искусства Египта, могутъ быть дополнены другими.

Красный Монастырь (Дейръ-эль-Ахмаръ), основаніе котораго также связано съ именемъ Шенуди и учителя его, Бишан, можетъ считаться однимъ изъ типичнѣйшихъ сооружений христіанскаго Египта. Планъ этого монастыря представляетъ большое сходство съ планомъ Бѣлаго Монастыря, такъ какъ оба въ основаніи имѣютъ продолговатый четырехугольникъ. Внутри стѣнъ этого четырехугольника базилика расположена на сѣверъ, алтарныя части этихъ базиликъ имѣютъ по три круглыхъ абсиды, столь типичныхъ для византійскаго церковнаго зодчества VI вѣка своимъ крестообразнымъ расположеніемъ. Колонны съ коринтскими капителями напоминаютъ колонны Равенны, Херсонеса и Константинополя обработкой листьевъ аканѳа, грузнымъ видомъ и какъ бы сглаженной, полированной поверхностью (рис. 75).

Красный Монастырь потерялъ всѣ свои внутреннія живописныя украшенія, современныя зданію. Живопись, сохранившаяся въ двухъ комнатахъ, находящихся по сторонамъ главной абсиды (восточной), подробно не описана и содержанія ея не указано. По своему положенію эти двѣ комнаты занимаютъ мѣста жертвенника и діакона, а потому и живопись могла представить извѣстный специальный интересъ.

Въ длинномъ помѣщеніи на сѣверъ отъ этихъ комнатъ найдена над-

1) Gayet, Les monuments coptes, Paris 1889, p. 23, pl. IXXXV, fig. 96.

пись съ именемъ художника Меркурія съ датой 1017 года мучениковъ, т. е. 1301 года по Р. Хр. (рис. 76).

Древнѣйшая живопись Бѣлаго монастыря также не сохранилась. Двѣ абсиды ея украшены сравнительно болѣе поздними фресками, представляющими извѣстный интересъ какъ со стороны стили, такъ и содержанія.

Въ конхѣ средней абсиды изображена колоссальная фигура Христа, сидящаго на тронѣ, въ овальномъ ореолѣ, проходящемъ за треномъ и его подножіемъ. Голова Христа попорчена. На немъ — голубой хитонъ и коричневый гиматіонъ. Правой рукой, поднятой въ уровень плеча, Христосъ благословляетъ, въ лѣвой держитъ закрытое Евангеліе, украшенное драгоценными камнями и большимъ крестомъ. Четыре символа Евангелистовъ своими распушенными крыльями огибаютъ ореолъ. Внутри ореола по сторонамъ Христа «буквы обычнаго сокращенія его имени» — справа сдѣланныя по коптски, слѣва — по армянски. Въ ореола, въ нижней части конхи помѣщены въ кругахъ изображенія четырехъ Евангелистовъ по грудь. Надписи на хартіяхъ ихъ — также армянскія. Между Евангелистами и ореоломъ помѣщены двѣ длинныя зеленныя полосы, тѣ же свитки, съ надписями на нихъ. Съ правой стороны находится коптская надпись въ 25 строкъ, датированная 840 годомъ мучениковъ, т. е. 1124 годомъ по Р. Хр. Другая надпись, сдѣланная по армянски, называетъ, очевидно, автора фресокъ «Федора живописца и писателя». Наконецъ, послѣдняя надпись, сдѣланная также по армянски на золотомъ фонѣ, гласитъ: «Владыка Григорій построилъ». Въ этомъ владыкѣ Григоріѣ «можно, кажется, видѣть извѣстнаго епископа этого имени, который въ концѣ XI вѣка дядею своимъ, армянскимъ патріархомъ Григоріемъ II, былъ поставленъ для армянъ, проживавшихъ въ Египтѣ», какъ сказано въ текстѣ (стр. 58).

Въ правой южной конхѣ написанъ внутри ореола, несомато двумя ангелами, колоссальный крестъ съ перекинутымъ черезъ него платомъ. По сторонамъ ореола изображены Богородица и Іоаннъ Креститель въ молитвенномъ предстоіаніи, какъ въ извѣстныхъ композиціяхъ

Надъ этими фигурами въ двухъ кружкахъ съ выходящими изъ нихъ лучами изображены въ одномъ погрудная фигура, въ другомъ человѣческое лицо — это солнце и луна. Роспись третьей абсиды, очевидно, представляла продолженіе описанной живописи и должна была представлять сюжетъ, соотвѣтственный несенію креста въ правой абсидѣ, ... но «конха сѣверной абсиды погружена въ сумракъ» и не была сфотографирована (стр. 59). Внутреннія части арокъ, огибающихъ обѣ описанныя абсиды, украшены медальонами съ изображеніемъ апостоловъ (?) погрудь и розетками.

Плоская, лишенная моделировки, живопись, неуклюжесть и безжизненность формъ ставятъ эту живопись довольно далеко отъ византійской строгой живописи и иконографіи XII вѣка. Интересны въ этомъ отношеніи четыре апокалипсическихъ животныхъ, несущихъ ореолъ съ

крыльями, состоящими изъ ряда дугъ, двѣ подушки на тронѣ Христа съ острыми концами, ореолъ, украшенный рядами драгоценныхъ камней, черты полнаго схематизма и омертвѣнія формъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ образованіе человѣческихъ фигуръ указываетъ на копированіе сирійскихъ, болѣе древнихъ, типовъ. Оставляя разборъ композицій и содержаніе этой весьма интересной росписи на другое время, укажу въ данномъ случаѣ на особенную важность этой росписи для сюжетовъ на темы изъ Апокалипсиса въ западной живописи XII — XIII вѣковъ и фресокъ монастыря мучениковъ (табл. XXX). Обратимся вновь въ V вѣку.

Лишенный своихъ древнѣйшихъ живописныхъ украшеній, Красный Монастырь сохранилъ замѣчательныя архитектурныя и скульптурныя украшенія и облицовки.

Фасадъ базилики Монастыря въ настоящее время представляетъ позднюю облицовку въ видѣ высокой стѣны, закрывшей собою древній фасадъ. Четыре колонны древняго портика закрыты этой стѣной. Колонны сохранили свои капители, но древній эпистиль ихъ исчезъ и замѣненъ каменной позднѣйшей кладкой. Двѣ среднія колонны больше боковыхъ. Вопросъ о томъ, какъ были соединены между собою и съ восточной стѣной притвора эти колонны, не можетъ быть рѣшенъ въ томъ смыслѣ, какъ это сдѣлано въ текстѣ. Предположеніе о соединеніи ихъ арками, или деревянными перекладинами, должно быть основано на архитектурникѣ верхнихъ частей восточной стѣны притвора, послѣ того, какъ фасадъ будетъ освобожденъ отъ поздняго массива указанной стѣны, представляющей теперешній фасадъ.

Стѣна эта, однако, не закрываетъ верхней части базилики, сохранившей въ первоначальной цѣлости часть древняго фасада. Прекрасная фототипія (XXVI) даетъ ясное понятіе о перестройкахъ, измѣнившихъ верхнюю часть церкви, и о первоначальномъ видѣ древней стѣны. Ниша съ лѣвой стороны, какъ видно по ея связи съ древней кладкой стѣны, состоящей изъ большихъ, правильно отесанныхъ и притгнанныхъ безъ цемента камней (въ видѣ параллелепипедовъ), стоитъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ. Остатокъ стѣны справа ниже показываетъ, что фасадъ верхней части базилики былъ значительно шире той пристройки, которая возведена позднѣе и которая оставила въ сторонѣ нишу и эту часть стѣны. Рядомъ съ нишей сохранился фальшивый пилястръ, выступающій низкимъ рельефомъ на фонѣ стѣны и высѣченный на поверхности самой стѣны, понятное дѣло, ранѣе самой кладки камней. Камни эти должны были высѣкаться съ украшеніями до облицовки, и на это указываетъ капитель пилястра, высѣченный въ высокомъ рельефѣ на поверхности одного такого камня. Рядомъ съ пилястромъ идетъ опять остатокъ древней стѣны. Изъ этого слѣдуетъ, что ниша, пилястръ и прилегающія съ обѣихъ сторонъ ихъ стѣны представляютъ собою древнюю облицовку верхней части базилики, поднимавшейся надъ портикомъ входа. Важнѣе, однако, то, что съ правой стороны, въ полномъ соотвѣт-

ствія съ нишей и пилястромъ только что описанными, находятся такія же украшенія, т. е. точно такія же ниша и пилястръ, видимыя только верхними частями на табл. XXV. Это позволяет установить съ полной очевидностью тотъ фактъ, что ниши и пилястры съ капителями составляли боковыя украшенія верхней части фасада, стоявшія въ какой-то связи съ средней частью его, теперь закрытой сводомъ новой пристройки. Что средняя часть стѣны представляла какія-то украшенія—доказывается существованіемъ ниши во лбу верхней части стѣны. Ниша эта стоитъ выше двухъ боковыхъ и низъ ея приходится въ уровень съ ихъ верхними частями. Описательный текстъ, касающійся этой верхней ниши, не совсѣмъ вразумителенъ, не совпадаетъ съ тѣми данными, которыя представляютъ фотографіи и самый текстъ. Здѣсь сказано: «снаружи (см. табл. XXV и XXVI) среднее западное окно этой башни (т. е. пристройки, о которой только что было сказано) украшено каменнымъ массивнымъ наличникомъ съ витыми полу-колонками и фронтономъ съ конхою надъ нимъ, но всѣ эти части, принадлежавшія нѣкогда какой либо нишѣ древней базилики, въ это мѣсто зданія вставлены, несомнѣнно, только позднѣе: при сооруженіи верхней части кирпичной церкви» (стр. 66). Мнѣ кажется, что, наоборотъ, сомнѣнія существуютъ, именно, относительно того самого пункта, который такъ ясенъ для текста. Прежде всего ниша, или какъ неправильно называетъ его текстъ «наличникъ», не состоитъ изъ отдѣльныхъ частей, которыя принадлежали какой нибудь древней нишѣ. Фототипія представляетъ настоящую нишу, высѣченную цѣликомъ изъ одного блока, а вовсе не соединенную изъ различныхъ частей для образованія наличника. Полуколонки, фронтонъ, конха — всѣ эти части рублены въ одной цѣльной толщѣ камня. Вотъ это-то обстоятельство и внушаетъ сомнѣніе. Такую нишу убогое мастерство возобновителей церкви не имѣло цѣли поднимать на такую высоту и помѣщать именно во лбу древняго фасада. Что этого не было, доказывается сохранностью стѣнъ базилики внутри до верхней части ряда пилястровъ (табл. XXVIII). Изъ этого слѣдуетъ, что теперешняя кирпичная кладка, образующая внѣшность верхней части церкви, подобной «башнѣ», должна считаться за облицовку древней стѣны, понадобившуюся для возведенія купола. Равнымъ образомъ, и верхняя ниша, въ виду сохранности древней стѣны въ высоту ниши внутри церкви, должна считаться остаткомъ древняго фасада. Ниша эта совершенно цѣла и не можетъ, такимъ образомъ, служить наличникомъ для окна. Неправильно также сказано въ текстѣ, что изображенное на табл. XXVIII окно, пробитое въ томцѣ стѣны, есть, именно, западное окно, видимое съ фасада на таблицахъ XXV и XXVI. Если бы это было западное окно, то подъ аркой не было бы видно конхи абсиды. Такихъ абсидъ въ церкви всего три: восточная сѣверная и южная, на западной сторонѣ есть только арка и колонны. Окно, изображенное на табл. XXVIII, есть южное. Внизу церкви стѣна, притвора сохранила четыре точно такихъ же пилястра, какъ и вверху.

Между этими пилястрами пробиты двѣ небольшихъ двери, а надъ каждой дверью помѣщена точно такая же ниша, какъ и вверху. Изъ этого ясно само по себѣ, что всѣ указанные ниши представляютъ собою родъ украшеній фасада и притвора, находятся въ симметріи между собою, чередуются съ пилястрами коринтскаго ордена и замыкаются въ одну общую декоративную систему. Назначеніе этихъ нишъ объясняется ихъ устройствомъ.

Ниши представляютъ обычный родъ поставца для какихъ нибудь предметовъ. Внутри онѣ глубоки, широки и достаточно высоки, такъ что предметы, для которыхъ онѣ назначались, должны быть представляемы пропорціональными такой помѣстительности. Арка въ нѣсколько профилей огибаетъ глубокую конху, на поверхности которой плоскимъ рельефомъ обозначены ребра раковины. Эта арка покоится то на пилястрахъ, то на боковыхъ полуколонкахъ коринтскаго стиля, на которыхъ лежитъ фронтонъ съ двумя зубцами по сторонамъ, отдаленно подражающими акротеріямъ. Иногда вмѣсто конхи сдѣланъ бочковый сводъ, огибаемый аркой, а вмѣсто полуколонокъ—пилястры въ низкомъ рельефѣ съ капителями въ боѣ высокомъ рельефѣ, во всемъ подобные пилястрамъ, украшающимъ фасадъ базилики и притвора.

На рисунокѣ 93 изданы плиты, подражающія формѣ такихъ нишъ, но отличающіяся отъ нихъ тѣмъ, что не имѣютъ глубины, а рублены низкимъ рельефомъ на поверхности каменной доски. Эти ниши имѣютъ внутри изображеніе стоящаго креста. Въ другихъ случаяхъ изображались монограммы въ кругѣ. Наконецъ, совершенное подобіе глубокихъ нишъ фасада базилики тѣмъ нишамъ, которыя бываютъ вырублены на поверхности и вглубь доски саркофаговъ и заключаютъ внутри фигуры Добраго Пастыря, Христа и Апостоловъ, заставляетъ думать, что эти ниши приспособлены были именно для небольшихъ скульптуръ. Что эти скульптуры представляли собою кресты, монограммы въ вѣнкахъ, доказывается имитациями нишъ и предметовъ, въ нихъ стоящихъ; что это могли быть также фигуры—объясняется существованіемъ большого количества статуэтокъ Добраго Пастыря, Орфея, которыхъ исполненіе указываетъ на какую то архитектурную зависимость отъ древнихъ христіанскихъ и ранне-византійскихъ сооружений. Задняя часть этихъ статуэтокъ бываетъ не отдѣлана, что свидѣтельствуетъ о помѣщеніи ихъ спиной къ стѣнѣ. Ихъ небольшіе размѣры вызывали недоумѣніе относительно роли, которую они могли играть въ древней скульптурѣ. Ниши Бѣлаго и Краснаго монастырей объясняютъ эту роль. Статуэтка Орфея Авинскаго Національнаго Музея своей округлой композиціей и незначительными размѣрами показываетъ, что она была изготовлена для постановки въ нишѣ.

Де Росси, первый занимавшійся вопросомъ объ украшеніи древне-христіанскихъ церквей фронтонными группами, пришелъ къ заключенію, что изображеніе храма въ сценѣ Срѣтенія въ мозаикѣ триумфальной арки въ S. Maria Maggiore есть одно изъ указаній на такое употребленіе

фронтонныхъ группъ ¹⁾. Однако, отсутствіе какихъ бы то ни было извѣстій у христіанскихъ писателей о такихъ группахъ, отсутствіе самыхъ памятниковъ этого рода, требуютъ скептическаго отношенія къ такому выводу. Скульптурные остатки фронтонновъ, изданныхъ Гайе и хранящихся въ Булакскомъ музеѣ ²⁾, принадлежать, какъ видно, или саркофагамъ, или представляютъ остатки облицовокъ и наличниковъ. По своей незначительной величинѣ, по способу изготовленія цѣлаго фронтона изъ одного блока, эти скульптурные остатки, хотя и представляютъ аналогіи античнымъ фронтонамъ, но не могутъ считаться представителями монументальной фронтонной скульптуры въ христіанское время.

Между тѣмъ другіе роды скульптуры могутъ быть и теперь указаны въ области христіанской пластики. Въ церковной архитектурѣ несомнѣнно имѣла важное значеніе статуя.

До эпохи иконоборства статуи украшали не только площади, но и церкви и Юліану отступнику приписывается истребленіе Панадской группы. Въ городахъ Палестины, Малой Азіи и Египта древніе авторы указываютъ множество статуй, стоявшихъ на площадяхъ. Эти статуи представляли христіанскихъ святыхъ ³⁾. Остатки мраморныхъ медальоновъ Оттоманскаго музея, изъ которыхъ одинъ сохранилъ изображеніе Евангелиста Марка, отдѣланное, какъ портретный статуарный бюстъ, заставляютъ вспомнить изображеніе Гроба Господня на одной слоновой кости ⁴⁾, украшенное подобными медальонами и бюстами по верхнему фризу и статуями въ ростъ, стоящими въ нишахъ. Если присоединить къ этому статуи Добраго Пастыря и Даниїла, стоявшія въ Константинополѣ на площади, то получимъ ясное представленіе о видахъ и родахъ статуй въ христіанское время.

Ниши церкви Констанцы въ Римѣ давно привели къ заключенію о томъ, что онѣ были назначены для статуй. Мнѣ кажется, что одно мѣсто твореній Іоанна Златоуста вполне ясно указываетъ на существованіе статуй въ христіанскихъ храмахъ IV вѣка. Описывая то, что можно видѣть въ храмѣ, онъ упоминаетъ и «украшенія посредствомъ статуй» ⁵⁾. Эти данныя позволяютъ безо всякаго затрудненія понять, о какихъ «ὀμοιωματα» идетъ рѣчь на VII Вселенскомъ соборѣ ⁶⁾, которыя находились на площадяхъ для украшенія. Эти изображенія были не только живописныя, но и скульптурныя. Понятно становится, затѣмъ, почему

1) Bulletin 1882, p. 151. *Musaici* fasc. 14, 15, листъ 4. См. *Моз.* IV и V вѣковъ, стр. 83, также мою статью: Детали палестинской архитектуры и топографія на памятникахъ христ. искусства. (Сообщ. Прав. Пал. Общ. 1894, февраль).

2) *Gayet*, o. c., pl. IV, VI

3) *Incerti auctoris*, *Corp. hist. byz.* XXXIV, p. 178 (ed. *Bonnae*).

4) См. указанную статью въ Сообщ. Прав. Пал. Общ.

5) Ἔστιν ἰδεῖν ἐν ταῦθα... καὶ τὸν ἀπὸ ἀγαλμάτων κόσμον... *Ioh. Chrysostomis*, *De Epist. ad Ephes.* IV, *Hom. X.* *Migne*, P. gr., t. 62, p. 78.

6) οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ ὅσα ἐν ταῖς ἀγοραῖς πόλεων κατὰ κόσμον εἰσὶ καὶ εὐπρέπειαν διαδῆκοντες ὀμοιωματα. *Ἱερ. Συν.*, p. 824 — 5.

иконоборцы укоряли иконопочитателей въ томъ, что они чтутъ «идоловъ», и ярость ихъ, обрушившаяся прежде всего на мѣдную статую Христа въ Халки.

Пустыя теперь ниши базиликъ Бѣлаго и Краснаго монастырей непонятны безъ скульптуръ, которыя находились въ нихъ, но ихъ античный стиль, ихъ постановка на фасадѣ и въ притворѣ, гармонія архитектурнаго стиля, требующаго возстановленія утеряннаго смысла cadaго строительнаго члена, показываютъ, чѣмъ были раньше эти базилики, до эпохи иконоборства.

Изданіе заканчивается весьма интересной «запиской о коптскихъ памятникахъ долины Нила», представленной В. Г. Бокомъ въ 1898 г. Каирскому Комитету Сохраненія Арабскихъ памятниковъ. Попутно издано нѣсколько интересныхъ скульптурныхъ фрагментовъ коптскаго стиля (рис. 95, 98) и начальнаго арабскаго стиля (96).

Три приложенія: А, В, С содержатъ описаніе развалинъ Дейръ-эль-Азама съ башней, церковью, некрополемъ. Послѣдній кратко описанъ. Онъ оказался разграбленнымъ и разрытымъ. Второе приложеніе кратко описываетъ монастырь Дейръ-Эль-Муттинъ близъ Сіута и его некрополь, также весьма бѣдный, но характерный, не смотря на краткость указаній на предметы его, для древней коптской эпохи. Наконецъ, послѣднее приложеніе содержитъ краткое описаніе раскопокъ В. Г. Бока, произведенныхъ имъ 12 Декабря 1897 г. въ некрополѣ Эль-Зауя близъ Сіута и найденныхъ въ могилахъ предметовъ.

Уже послѣ написанія этой статьи, когда она находилась въ печати, Я. И. Смирновъ любезно сообщилъ мнѣ, что Ева названа Зоей также на одномъ рѣзномъ камнѣ изъ Каппадокіи (см. Труды Отд. Класс. Арх. въ Зап. Имп. Русск. Арх. Общ. кн. VI, стр. 212, статья Б. А. Тураева, Къ исторіи хетскаго вопроса). Не лишено интереса также и другое его замѣчаніе, что композиція потолка въ первой усыпальницѣ Эль-Багаута можетъ имѣть связь съ Псалм. 79, 3, гдѣ сказано: «Изъ Египта перенесъ Ты виноградную лозу, выгналъ народы и посадилъ ее; очистилъ для нея мѣсто и удвердилъ корни ея, и она наполнила землю» и проч.

Д. Айхаловъ.

А. И. Алмазовъ. *Къ исторіи византійской отреченной письменности. Апокрифическія молитвы, заклинанія и заговоры.* Одесса. 1901. Стр. 120
Ц. 65 к.

Авторъ извѣстнаго капитальнаго труда «О тайной исповѣди» проф. А. И. Алмазовъ издалъ въ свѣтъ новую весьма интересную работу подъ заглавіемъ «Апокрифическія молитвы, заклинанія и заговоры». На эти три вида подраздѣляетъ проф. Алмазовъ изданныя имъ (въ концѣ книги, на стр. 83—120), на основаніи греческихъ рукописныхъ памятниковъ (главнымъ образомъ на основаніи сборника XV—XVI в. Парижской

Національної бібліотеки № 395 и на основаніи сборника тоже литургическаго содержанія XVI в., бібліотеки Barberini, въ Римѣ, № 449), 75 греческихъ формулъ весьма любопытнаго содержанія.

По цѣли ихъ назначенія, г. Алмазовъ подводитъ всѣ тексты подъ четыре главныя группы, а именно: а, формулы вообще предохранительныя для человѣка самого въ себѣ и въ отношеніи всего его внѣшняго благосостоянія (особенно интересны формулы, имѣющія цѣлью оказать противодѣйствіе зависти—формула № 3, съ надписаніемъ: Περὶ: Δέων καὶ Νίχηνδρος ἐκ φθόνου — и «дурного глаза», или иначе «сглаза» — формула № 4, съ надписью: Ἀφορισμὸς περὶ κακοῦ ὀφθαλμοῦ); б, формулы медицинскаго назначенія, т. е. врачевательныя, по преимуществу отъ специальныхъ и порою исключительныхъ болѣзней (какъ болѣзней, поражающихъ человѣческой организмъ въ его цѣломъ, такъ и болѣзней отдѣльныхъ его принадлежностей, отдѣльныхъ органовъ—головы, глазъ, кровотеченія изъ носа, груди, почекъ, сердца, желудка, между прочимъ, сосцевъ у женщины-матери, и др.); в, формулы, предназначенныя къ домашнему и семейному благополучію человѣка (между прочимъ, заговоры противъ лишенія путемъ волшебныхъ дѣйствій способности супруговъ имѣть дѣтей, формулы на предохраненіе младенца при свиваніи и при няньченіи ребенка и др.); наконецъ, г, формулы, предназначенныя способствовать успѣху человѣка въ различныхъ его занятіяхъ (въ земледѣліи, садоводствѣ, скотоводствѣ и т. п.). Особенно интересна формула, представляющая любопытный примѣръ заговора—увѣщанія (съ характеромъ церковности), произносимаго самимъ владѣльцемъ животнаго (именно вола) на его послушаніе въ работѣ. «Послушай, волъ — земледѣльче, возлюбилъ ярмо, — Господь нашъ І. Христосъ былъ распятъ подъ ярмомъ оправданія для спасенія міра, такъ и ты, волъ-земледѣльче, возлюбилъ ярмо, да воздѣлываешь землю и приносишь многіе хлѣба, да вознесемъ и мы благодареніе Господу Христу и Пресв. Богородицѣ и всѣмъ святымъ. И какъ Господь нашъ І. Христосъ возлюбилъ честный и животворящій крестъ, такъ и ты, земледѣльче, возлюбилъ ярмо со всякою любовью и готовностью, да не продамъ тебѣ гуртовщику, гуртовщикъ же мяснику и пр.» (стр. 73).

Время, съ котораго получили мѣсто въ греческомъ христіанскомъ обществѣ апокрифическія молитвы — не позднее; къ концу VII вѣка онѣ уже были (см. Трулльскаго собора пр. 63). Заклинанія существовали уже въ до-христіанскомъ мірѣ, а употребленіе заговора констатируется въ первый разъ въ IV вѣкѣ (Анкир. соб. пр. 24).

Наиболѣе существенное различіе русской формулы отъ византійской заключается въ томъ, что въ содержаніи первой преобладаетъ не церковный элементъ, а народныя воззрѣнія и представленія. Въ то время какъ византійская формула, почти въ каждомъ ея представителѣ, имѣетъ соприкосновеніе съ христіанскими понятіями, — русская формула, наоборотъ, стоитъ несравненно далѣе отъ этихъ понятій (стр. 81).

Каноническія правила, говоритъ проф. Алмазовъ, смотрѣли на такіа

формулы отчасти снисходительно, — смотрѣли на нихъ, какъ на неизбежное ненормальное явленіе въ массѣ темнаго народа, и считали дѣломъ, тяжело преступнымъ съ церковной точки зрѣнія, собственно формулы, въ которыхъ дѣйственность усвоялась темнымъ силамъ, а не силѣ имени Бога (стр. 80).

Даже этихъ краткихъ словъ достаточно, чтобы судить, какимъ цѣннымъ подаркомъ для византологовъ является эта работа А. И. Алмазова. Можно только пожелать, чтобы всѣ помѣщенные въ книгѣ проф. Алмазова греческіе тексты формулъ (стр. 83—120) были переведены на русскій языкъ.

М. Красножентъ.

H. V. Sauerland u. A. Haseloff, *Der Psalter Erzbischof Egberts von Trier, Codex Gertrudianus in Cividale*. 4°. 1 vol., I + IV + 212 стр., и три атласа — томъ съ 108 рисунками и 62 фототипіями. 4°. Цѣна 75 м.

Городская Трирская Библіотека владѣетъ замѣчательными рукописями, богато украшенными живописью и богато орнаментированными, имѣющими весьма важное значеніе въ исторіи среднѣвѣковаго искусства: рукопись Ада (Codex aureus), кодексъ Эгберта, Мергенеровское Евангеліе, Апокалипсисъ. Съ именемъ Трира связана еще одна рукопись, хотя она и находится въ другомъ мѣстѣ — псалтырь *Эгберта Трирскаго*, такъ называемый «Codex Gertrudianus in Cividale».

Книга, заглавіе которой выставлено выше, посвящена изданію и изслѣдованію послѣдняго изъ названныхъ кодексовъ — псалтыри Эгберта. Она является весьма цѣннымъ вкладомъ въ научную литературу по исторіи искусства и заслуги Общества Трирскаго полезныхъ изслѣдованій, что оно къ столѣтнему своему юбилею¹⁾, въ сознаніи важности памятника, не пожалѣло средствъ на достойное самого памятника роскошное изданіе (атласъ съ прекрасными 62 фототипическими таблицами со всѣхъ миниатюръ и заставокъ) и замѣчательное обслѣдованіе его, сдѣланное соединеннымъ трудомъ двухъ ученыхъ — извѣстнаго знатока литературныхъ рукописей Зауэрланда, и еще молодого, но обогатившаго литературу цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ изданій и изслѣдованій въ области исторіи византійскаго искусства Артура Газелова²⁾.

Изслѣдованіями этихъ двухъ ученыхъ выясняется громадное значеніе памятника не только для исторіи среднѣвѣковаго нѣмецкаго искусства, но и для русскаго. Въ этомъ отношеніи особенно важна часть изслѣдованія, принадлежащая А. Газелову.

1) Festschrift der Gesellschaft für nützliche Forschungen zu Trier zur Feier ihres hundertjährigen Bestehens herausgegeben am 10. April 1901.

2) См. нашу рецензію на его изслѣдованіе и изданіе Россанскаго кодекса (Визант. Врем., 1900, № 8).

Центральный пунктъ обоихъ изслѣдователей — установленіе мѣста происхожденія рукописи. Оба они въ этомъ отношеніи пошли по пути, приготовленному уже другими изслѣдователями (Краусъ, и авторъ введенія къ книгѣ, секретарь общества, не мало потрудившійся для изученія трирскихъ рукописей — Максъ Кеуфферъ), но болѣе ими обоснованному.

Весьма важно и интересно историко-критическое изслѣдованіе памятника Зауерланда, выясненіе имъ его судьбы, какъ онъ, явившись результатомъ литературно-художественной дѣятельности Трира времени епископа Эгберта, попалъ затѣмъ на востокъ, затѣмъ на юго-западъ Германіи и, наконецъ, въ руки св. Елизаветы, патронессы нѣмецкаго государства.

Благодаря изслѣдованію г. Зауерланда уясняется одно остававшееся неяснымъ мѣсто въ русской исторіи, что, конечно, для русскихъ читателей книгъ представляетъ особенный интересъ.

Весьма важно историко-художественное изслѣдованіе памятника, сдѣланное Газеловымъ. Онъ устанавливаетъ рейхенауское происхожденіе памятника; онъ обставляетъ свое изслѣдованіе цѣлымъ рядомъ сравненій, параллелей, привлекая для этого многочисленные памятники, не ограничивая ихъ тѣснымъ кругомъ такъ называемыхъ западныхъ памятниковъ средневѣковаго искусства; и оттого такъ важны и блестящи результаты его изслѣдованія — въ освѣщеніи развитія искусства времени Оттона, съ главными пунктами этого развитія — Рейхенау и Триромъ, оттого такъ прекрасно уяснены имъ кромѣ даннаго памятника и другія Трирскія рукописи, оттого такъ рельефно выдвинуто имъ значеніе вставленныхъ въ памятникъ пяти «русскихъ» миниатюръ, дающихъ весьма важный матеріалъ для исторіи древне-русскаго искусства.

Все вышесказанное въ достаточной степени, полагаемъ, указываетъ, какое глубокое значеніе и интересъ представляетъ вышеназванная книга, и потому мы постараемся по возможности подробнѣе передать ея содержаніе, останавливаясь особенно на томъ, что имѣетъ ближайшее отношеніе къ византійскому и древне-русскому искусству и русской исторіи.

I.

Псалтырь, подлежащая изслѣдованію вышеназванныхъ ученыхъ, находится въ библиотекѣ Чивидале (Codicis sacri № 6 Cividale); въ ней 233 пергаментныхъ листа, длиной 238 и шириною 188 миллиметровъ.

По изслѣдованію Зауерланда текстъ рукописи распадается на четыре части, послѣдовательность которыхъ въ ней не соответствуетъ послѣдовательности во времени. Древнѣйшая часть, занимающая въ рукописи третье мѣсто — *псалтырь*. Здѣсь кромѣ текста псалтыри четыре выходныхъ посвячительныхъ миниатюры: «Ruodprecht», передающій книгу, архіепископъ Эгбертъ (Esbrecht), сидящій на тронѣ и принимающій какъ бы

что-то ему подносимое (конечно, книгу), архіепископъ Эгбертъ, передающій, склонившись и держа на покрытой одеждой рукѣ, очевидно, ту же уже раскрытую книгу изображенному на слѣдующемъ листѣ — патрону церкви ап. Петру. Кромѣ того къ выходнымъ миниатюрамъ относится изображеніе царя Давида, играющаго на арфѣ.

За текстомъ псалтыри, какъ бы его составная часть, слѣдуютъ десять пѣсенъ: Исаія, Іезекія, Анны, Моисея и Маріи, Аввакума, Моисея, трехъ отроковъ, Захарія и Елизаветы, Маріи, Симеона. Далѣе: *Vmnus quem Sanctus Ambrosius et Sanctus Augustinus invicem condiderunt*, Символъ Апостоловъ и *Fides Athanasii Alexandrini episcopi*.

Въ текстѣ псалтыри помѣщены также миниатюры на 10. псалмовъ, по одному выходному къ нимъ изображенію епископа трирскаго и большой заставки на слѣдующей страницѣ. Изъ епископовъ изображены: Евхарій, Валерій, Матернъ, Агрицій, Максиминъ, Паулинъ, Ницегій, Маръ, Феликсъ, Модуальдъ, Ліутвинъ, Легонцій, Магнерикъ и Абрункулъ.

Письмо рукописи — большой минускулъ конца X вѣка, переходящій въ серединѣ и въ концѣ рукописи въ малый минускулъ и майюскулъ.

Въ вопросѣ о происхожденіи рукописи имѣютъ важное значеніе стихи подъ посвятельными миниатюрами: *Donum fert Ruodprecht, quod praesul suscipit Ecbrecht. Qui tibi dat munus, dele sibi, Petre, reatus*. Кто былъ этотъ Ruodprecht и гдѣ онъ жилъ? Краусъ предполагаетъ, что онъ жилъ въ Рейхенау, гдѣ исполнилъ и Евангелистарій. Лампрехтъ¹⁾ полагаетъ, что авторъ псалтыри — Трирскій архіепископъ, а позже архидіаконъ Руотбертъ, извѣстный въ грамотахъ 970—981 годовъ; этого мнѣнія держится и Краусъ въ послѣднее время²⁾.

Зауерландъ оспариваетъ это мнѣніе и считаетъ невозможнымъ, чтобы писцомъ и художникомъ рукописи былъ трирскій архидіаконъ Руотбертъ. Авторъ исходитъ при этомъ изъ слѣдующихъ положеній: высокое званіе Руотберта не позволяетъ предположить, чтобы ему было поручено Эгбертомъ исполненіе рукописи; прекрасное письмо рукописи, твердое, смѣлое не позволяетъ заключить, что бы эта рукопись писалась человекомъ въ томъ возрастѣ преклонномъ, въ которомъ находился архидіаконъ Руотбертъ; безсистемный порядокъ въ расположеніи трирскихъ списковъ, начиная съ шестого, не позволяетъ предположить, чтобы рукопись писало лицо, принадлежащее къ трирской епархіи, для котораго обязательно знаніе хронологической послѣдовательности мѣстныхъ списковъ.

Гдѣ-же такимъ образомъ искать этого Руодберта?

Авторъ отвѣчаетъ, что его можно искать и въ Максиминѣ, и въ Евхаріи, и въ Меттлахѣ, но не въ Трирѣ. Онъ отказывается высказаться по этому вопросу окончательно и предоставляетъ рѣшеніе его, т. е. о мѣстѣ

1) *Jahrbuch des Vereins von Altertumsfreunden im Rheinlande*, Heft LXX, Bonn, 1881, 59.

2) *Gesch. d. christl. Kunst*. Freiburg im Br. 1897, II, 46.

происхожденія писца и художника, изслѣдователю художественной части рукописи—А. Газелову.

Вторая главная часть рукописи, находящаяся теперь въ концѣ ея (л. 209 и 233), содержитъ въ себѣ литію всѣхъ святыхъ, писанную одной рукой и, очевидно, въ одно время съ псалтырью, въ концѣ X или началѣ XI вѣка, и рядъ молитвъ. Исходя изъ именъ святыхъ, среди которыхъ повторены тѣ же епископы, которые изображены въ миниатюрахъ псалтыри и въ томъ же порядкѣ, г. Зауерландъ полагаетъ, что эта часть рукописи вмѣстѣ съ псалтырью образуетъ одно цѣлое, что онѣ были назначены для употребленія при хоровыхъ молитвахъ въ трирскомъ соборѣ.

Исходя изъ заключенія Газелова о происхожденіи рукописи въ Рейхенау, г. Зауерландъ опредѣляетъ ближайшимъ образомъ время ея написанія: 984 годъ, когда Эгбертъ, возвратившись изъ Италіи и посѣтивъ Рейхенаускій монастырь, могъ заказать тамъ исполненіе этой рукописи и Эгбертскаго Евангелиарія.

Третья часть рукописи, находящаяся на второмъ мѣстѣ, состоитъ изъ такъ называемыхъ *Гертрудіанскихъ* молитвъ и пяти русско-византійскихъ миниатюръ (л. 5—14, и отчасти на боковыхъ строкахъ, краяхъ псалтыри, его приложенія и на послѣдней сторонѣ его, л. 232). Молитвы писаны многими, но очень похожими одна на другую руками, вѣроятно, второй половины XI вѣка.

Содержаніе молитвъ представляется весьма важнымъ для установленія личности молящихся и вмѣстѣ съ тѣмъ для уясненія отношенія ихъ къ изображеннымъ во вставныхъ миниатюрахъ.

Въ этихъ молитвахъ обращеніе идетъ то во множественномъ числѣ, то въ единственномъ — отъ лица женщины, которая называетъ себя грѣшницей. Въ другихъ случаяхъ рабъ Божій, за котораго молятся, представляется въ опасности отъ враговъ — короля и его князей. Въ молитвѣ къ св. Еленѣ молящаяся названа Гертрудой, а рабъ Божій — Петромъ. Въ другихъ молитвахъ молящаяся выражаетъ печаль, что рабъ Божій грубаго и дикаго нрава, и она проситъ Спасителя, чтобы онъ смягчилъ его, и чтобы онъ сталъ мягкимъ и добрымъ.

На лл. 9 об., 10 и 10 об., три миниатюры изъ вышеупомянутыхъ византійскихъ: 1) Рождество Христа и поклоненіе волхвовъ, 2) Распятіе Христа съ четырьмя Евангелистами по угламъ и 3) сидящій на тронѣ Спаситель, справа и слѣва отъ котораго по двѣ личности, о которыхъ рѣчь ниже. Далѣе вновь молитвы: въ одной (л. 12 об.) Петръ, за котораго молятся Гертруда, выставляется какъ предводитель войска идущаго противъ врага; въ другой (л. 13) молящаяся является больной. Изъ другихъ молитвъ особенно важна — молитва къ св. Петру за Петра. Здѣсь этотъ Петръ рисуется довольно порочнымъ человѣкомъ, и молящаяся, однако, моится за него съ нѣжною любовью, какъ только можетъ (л. 5) молиться мать за свое дитя. Къ молитвѣ Петра относится четвертая ми-

ніатюра съ изображеніемъ великокняжеской фамиліи. На л. 41 пятая мініатюра — Богородица на тронѣ съ младенцемъ.

Молитвы Гертруды и далѣе встрѣчаются въ различныхъ декадахъ псалтыри.

Итакъ несомнѣнно, что Петръ, упоминаемый въ молитвахъ — сынъ молящейся Гертруды. Древнѣйшій изслѣдователь рукописи, епископъ Адриъ, Филиппъ дела Торре (1702—1717), старался установить личность Петра и Гертруды, но оставилъ вопросъ о нихъ открытымъ. Краусъ (въ 1897 г. въ своей исторіи христіанскаго искусства, II, 46) утверждаетъ, что псалтырь Эгберта называется «кодексомъ гертрудіановымъ потому, что онъ попалъ позже во владѣніе королевы Гертруды, супруги Андрея II Венгерскаго». Но, какъ замѣчаетъ авторъ, письмо молитвъ ясно указываетъ, что оно древнѣе этой королевы на столѣтіе (—1213), да на то, что кодексъ былъ въ рукахъ этой королевы, нѣтъ никакихъ историческихъ свидѣтельствъ.

Ближе къ истинѣ высказалъ мнѣніе въ 1854 г. историкъ Бетманъ¹⁾: онъ полагалъ, что въ молитвахъ рѣчь идетъ о венгерскомъ королѣ Петрѣ и его матери. Относительно самого кодекса онъ полагалъ, что послѣ созданія его при Эгбертѣ онъ попалъ въ Венгрію и увеличенъ былъ указаннымъ королемъ и его матерью молитвами и миниатюрами, которыя въ Венгріи были исполнены византійскими художниками. Бетманъ правильно указалъ на время происхожденія рукописи, на византійскій характеръ вставныхъ миниатюръ, но, если бы онъ изслѣдовалъ внимательнѣе, говоритъ Зауерландъ, эти миниатюры, то онъ бы правильнѣе опредѣлилъ происхожденіе молитвъ и самихъ миниатюръ. Правда, обстоятельства жизни, отмѣчаемые въ молитвахъ для Петра и Гертруды, близко подходятъ къ обстоятельствамъ венгерскаго короля и его матери, имя которой, однако, не извѣстно. Эта мать была сестрой венгерскаго короля Стефана Святого († 1038); въ 1011 году она вышла замужъ за венеціанскаго дожа Отто Урсеоло; послѣдній по причинѣ народнаго возстанія въ 1026 г. долженъ былъ бѣжать съ родины — въ Византію, гдѣ и умеръ въ 1031 году. Отъ указанной четы произошелъ Петръ, которому во время бѣгства отца было 15 лѣтъ; онъ остался при дворѣ своего дяди. Относительно судьбы матери послѣ указаннаго бѣгства ничего не извѣстно; весьма возможно, что она съ сыномъ вернулась въ Венгрію къ брату.

По смерти Стефана и его единственнаго сына Эмериха (1031) на престолъ вступилъ Петръ и правилъ до 1046 года, когда народъ возсталъ противъ него. вмѣсто него былъ призванъ Андрей, скрывавшійся въ Россіи. Но Петръ вступилъ въ борьбу съ Андреемъ, былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ своею супругою.

Петра во время его правленія сильно беспокоили его внутренніе враги, что, вѣроятно, объясняется его характеромъ и поведеніемъ, какъ

1) Archiv, XII, 679.

короля, о которых венгерскіе историческіе источники отзываются весьма несочувственно.

Такимъ образомъ многое, что узнаемъ изъ молитвъ Гертруды, совпадаетъ съ тѣмъ, что знаемъ изъ исторіи о венгерскомъ Петрѣ. Самое обстоятельство включенія въ псалтырь византійскихъ миниатюръ могло бы быть легко объяснено пребываніемъ отца Петра въ Византіи и дальнѣйшими скитаніями отца (въ Византіи) и супруги и сына (въ Венгріи).

Но одно обстоятельство стоитъ въ противорѣчіи въ молитвахъ Гертруды съ указанными данными отношеній венгерскаго Петра къ супругѣ и сыну. Въ одной изъ молитвъ Гертруда проситъ Бога, чтобы онъ смягчилъ и умиротворилъ короля и собраніе князей по отношенію къ ея сыну. Между тѣмъ о враждѣ дяди къ племяннику ничего неизвѣстно, Стефанъ, напротивъ, назначилъ его, помимо другихъ родственниковъ, своимъ наслѣдникомъ; послѣ же смерти Стефана мать не могла разумѣть въ молитвахъ подъ именемъ короля — ея врага Андрея. Другое затрудненіе для приуроченія Петра къ венгерскому королю: какъ могла псалтырь Эгберта попасть изъ Трира въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ въ Венгрію, а затѣмъ въ теченіи ближайшаго столѣтія побывать въ Польшѣ, Швабіи, Штиріи и вновь возвратиться въ семью венгерской королевской фамиліи. Но помимо указанныхъ обстоятельствъ, препятствующихъ къ упомянутому приуроченію — главное заключается въ пяти миниатюрахъ, вставленныхъ въ текстъ гертрудіанскихъ молитвъ. Изъ этихъ миниатюръ, по мнѣнію Зауэрланда, для рѣшенія вопроса о личности Гертруды и Петра имѣютъ значеніе три, такъ какъ двѣ представляють иллюстраціи событій священной исторіи.

Первая миниатюра представляетъ изображеніе Апостола Петра (см. табл. XLII); по обѣимъ сторонамъ его надпись: *o agnos petros*. Справа отъ него, двѣ молящіяся человѣческія фигуры — мужская и женская, представленныя меньшей высоты сравнительно со святымъ въ двое. Обѣ онѣ въ богатомъ одѣяніи, украшенномъ драгоценными камнями, въ красной обуви, въ золотыхъ съ драгоценными камнями коронахъ. Костюмъ указываетъ, что эти лица — княжескаго званія.

Надъ протянутыми руками молящихся непонятная полустертая надпись, читаемая Зауэрландомъ *flakios*¹⁾, а надъ головами *ироплак*²⁾.

Впереди указанныхъ лицъ стоитъ на колѣняхъ, припавъ къ ногамъ Апостола, женщина въ великокняжескомъ одѣяніи. Изображеніе это сильно попортилось, какъ и надпись, очевидно, относящаяся къ нему и расположенная ниже ногъ Петра; эту надпись г. Зауэрландъ читаетъ такъ:

ироплак (т. е. мать Ярополка).

1) Авторъ сомнѣвается въ правильности. Нельзя ли прочесть *курюс*, или *кимс*? Газеловъ читаетъ: *o dmi(o)c*

2) Здѣсь въ началѣ *и* йотированное, а не *л*, какъ читаетъ гр. А. А. Бобринскій, Кіевскія миниатюры XI вѣка и портретъ князя Ярополка Изяславича въ псалтыри Эгберта, архіепископа Трирскаго. Записки Имп. Рус. Арх. Общ., Спб., 1901, XII, 361.

На другой миниатюрѣ (табл. 45) изображенъ Христосъ Вседержитель на тронѣ (надпись $\text{іс} \text{хс}$). Онъ въ обѣихъ рукахъ держитъ по коронѣ надъ головой съ одной стороны мужчины, одѣтаго въ великокняжескій костюмъ, а съ другой стороны—женщины, одѣтой въ такой-же костюмъ; они протягиваютъ руки въ моленіи ко Христу, къ которому какъ бы подводятъ ихъ съ одной стороны апостолъ Петръ (o петрос), а съ другой—св. Ирина (и агія ирина). У ногъ Христа троны, а надъ нимъ четыре символа Евангелистовъ.

Въ этихъ двухъ лицахъ въ великокняжескихъ костюмахъ авторъ видитъ тѣхъ-же Ярополка и его супругу, которые представлены на первой миниатюрѣ.

На третьей миниатюрѣ (табл. 44) изображены четыре Евангелиста, Распятіе Христа, съ предстоящими Богородицей, Іоанномъ, женами и олицетвореніемъ церкви, въ коронѣ, стоящей на колѣняхъ и принимающей въ чашу кровь, текущую изъ ребра Христа. Зауэрландъ неправильно отождествляетъ эту фигуру съ матерью Ярополка, представленной на первой миниатюрѣ, что отмѣчаетъ и Газеловъ далѣе въ своемъ изслѣдованіи.

Итакъ, судя по надписямъ, на первыхъ двухъ указанныхъ миниатюрахъ имѣемъ изображенія несомнѣнно русскаго князя *Ярополка*, его супруги и матери.

Кто же былъ историческій Ярополкъ и кто была его мать Гертруда? спрашиваетъ г. Зауэрландъ и отвѣчаетъ слѣдующей справкой, которую приводимъ дословно: «Въ древней русской исторіи¹⁾ встрѣчаются три князя этого имени. Первый, сынъ Святослава (945 — 972), княжилъ отъ 972 до 980. Третій, сынъ великаго князя Владиміра II (1113 — 1125), былъ до смерти своего старшаго брата Мстислава (1132) удѣльнымъ княземъ въ Переяславѣ, а послѣ него былъ великимъ княземъ до смерти (1139). Ни тотъ, ни другой изъ обоихъ не могутъ быть тѣмъ лицомъ о которомъ идетъ рѣчь въ Гертрудіановскихъ молитвахъ и въ изображеніяхъ: ни время ихъ жизни, ни обстоятельства жизни не соотвѣтствуютъ этому. Иное дѣло обстоитъ со вторымъ Ярополкомъ, сыномъ великаго князя Изяслава (1054 — 1078) и внукомъ великаго князя Ярослава (1019—1054)²⁾.

1) Источниками по русской исторіи у автора служили: Strahl, Gesch. des russischen Staates. Hamburg 1832 Bd. I. Schieman, Russland, Polen und Livland bis ins XVII Jahrhundert.

2) Гр. А. А. Бобринскій въ своей статьѣ, написанной по поводу разбираемаго изданія, провѣряя заключеніе г. Зауэрланда на основаніи русскихъ лѣтописей, приходитъ къ тому заключенію, что изъ 8 Ярополковъ, жившихъ въ промежуткѣ между 1050 и 1200 годами, только къ одному, къ Ярополку Изяславичу, безспорно относится имя Петра. У Изяслава было три сына: Мстиславъ, Святополкъ и Ярополкъ; первый умеръ въ 1068 г., второй въ 1113 г. и третій въ 1087 г.; такимъ образомъ Святополкъ пережилъ Ярополка на 26 лѣтъ. Какимъ же образомъ великая княгиня Гертруда мо-

«По смерти Ярослава государство было раздѣлено между пятью его сыновьями, изъ которыхъ старшій, Изяславъ (крестное имя Димитрій), получившій въ удѣлъ Кіевъ, долженъ былъ имѣть верховную власть надъ остальными, но онъ скоро разошелся съ ними. Прогнанный изъ своего государства въ 1068 г., онъ убѣжалъ къ своему племяннику, герцогу и впоследствии польскому королю Болеславу II; послѣдній-же въ слѣдующемъ году съ помощью оружія возвратилъ ему власть надъ государствомъ. Но скоро Изяславъ поссорился съ своими двумя братьями, Святославомъ и Всеволодомъ, и былъ во второй разъ ими прогнанъ изъ своего государства въ 1073 г. Онъ опять искалъ убѣжища у Болеслава, но послѣдній, хотя принялъ отъ него принесенныя имъ сокровища, но въ его просьбѣ о помощи отказалъ.

«Затѣмъ Изяславъ обратился съ просьбой къ германскому королю Генриху IV, съ которымъ встрѣтился въ январѣ 1075 г. въ Майнцѣ, и вызвался принять отъ него русское государство въ удѣлъ, если бы ему была возвращена власть надъ нимъ съ помощью Генриха¹⁾. Генрихъ согласился на просьбу великаго князя и отправилъ въ Россію посольство въ качествѣ посредника для установленія мира между Изяславомъ и его братьями. Во главѣ посольства онъ поставилъ соборнаго пробста г. Трира Бурхарда, изъ дома графа фонъ Штаде, сестра котораго, Ода, была супругой Святослава. Но посольство, кажется, ничего другого не добилось у Святослава кромѣ цѣнныхъ подарковъ для Генриха, которые были переданы имъ лѣтомъ того-же года германскому королю въ Вормсѣ. Въ то время какъ Изяславъ ѣздивъ въ Майнцъ къ германскому королю, онъ прибѣгалъ также еще къ другому средству для полученія обратно власти надъ своимъ государствомъ. Въ согласіи съ своей супругой, полькой римско-католическаго вѣроисповѣданія, онъ послалъ своего сына *Ярополка* въ Римъ къ папѣ Григорію VII.

«Прибывъ въ Римъ, *Ярополкъ* изъявилъ папѣ свою вѣрность и преданность римскому престолу, и вызвался принять отъ него въ качествѣ папскаго лена русское государство, и просилъ о пожалованіи этого лена, увѣряя, что онъ дѣлаетъ все это съ согласія своего отца и матери. Григорій съ готовностью согласился на это предложеніе и пожаловалъ ему просимый ленъ. 17 Апрѣля 1075 г. папа написалъ письмо отцу и его супругѣ письмо, въ которомъ онъ извѣстилъ ихъ о переговорахъ между нимъ и *Ярополкомъ* въ Римѣ, и обѣщалъ имъ и ихъ государству покровительство св. Петра, и увѣщевалъ ихъ быть вѣрными и послушными по

лится за сына своего единственнаго? Гр. Бобринскій предполагаетъ, что дѣти Изяслава произошли отъ двухъ браковъ: одна изъ его женъ—мать Святополка, другая—мать Ярополка. Такъ какъ Мстиславъ умираетъ рано, то онъ одинаково можетъ принадлежать и тому, и другому браку. См. подробно о другихъ предположеніяхъ, истекающихъ отсюда, въ указ. статьѣ, стр. 368—371.

1) Источниками для польской исторіи у автора были: Roepell, Gesch. Polens. Hamburg 1840. Bd. I. O. Balzer, Genealogia Piastów. W Krakowie. 1895.

отношенію къ послѣднему и объяснилъ имъ, что въ качествѣ передателя этого письма онъ посылаетъ къ нимъ съ устными порученіями пословъ, прося оказать имъ почтительность и добровольное повиновеніе. Очевидно, что папа Григорій могъ общать и общалъ свою помощь великому князю только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Изяславъ и его приверженцы признавали также церковную верховную власть римскаго престола св. Петра. И можно также считать несомнѣннымъ и то, что папа Григорій поручилъ посламъ озаботиться о введеніи русской перкви въ строй римско-католической іерархіи. О послѣдующей дѣятельности посольства, ея успѣхахъ или неудачѣ источники ничего не говорятъ. Но, какъ узнаемъ изъ тѣхъ же источниковъ, братъ Изяслава, Святославъ, умеръ уже въ слѣдующемъ году (1076) и его преемникомъ въ качествѣ великаго князя въ Кіевѣ сталъ третій сынъ Ярослава, Всеволодъ. Но когда въ 1077 г. Изяславъ съ помощью поляковъ опять вторгся въ русское государство, то съ нимъ помирился его братъ Всеволодъ и уступилъ ему опять великое княженіе и столицу Кіевъ. Но уже въ слѣдующемъ году началась борьба между Изяславомъ и двумя родственными ему удѣльными князьями. Изяславъ остался побѣдителемъ, но въ сраженіи былъ смертельно раненъ. Его трупъ привезли въ Кіевъ и тамъ торжественно похоронили въ церкви Божіей Матери 5 Октября 1078 года. Своему сыну Ярополку онъ оставилъ въ удѣлъ княжество Вышгородъ. Затѣмъ Всеволодъ, братъ Изяслава, отъ котораго онъ унаслѣдовалъ великое княженіе, далъ тому-же Ярополку княжества Владимірское и Туровское. Ярополкъ же уже черезъ нѣсколько лѣтъ поссорился съ своимъ дядей Всеволодомъ и былъ прогнанъ изъ своего княжества храбрымъ сыномъ послѣдняго—Владиміромъ Мономахомъ, въ 1085 году. Но Ярополкъ, убѣжавшій было въ Польшу, скоро опять примирился съ послѣднимъ, но на пути къ своему дядѣ Всеволоду лишился жизни отъ руки убійцы (22 ноября 1087 г.). Трупъ Ярополка сначала былъ перенесенъ во Владиміръ, затѣмъ въ Кіевъ, гдѣ на время былъ погребенъ въ церкви св. Димитрія. Изъ этой церкви онъ былъ торжественно перенесенъ 5 декабря въ церковь Апост. Петра, которую самъ началъ было строить, и тамъ похороненъ въ мраморной гробницѣ¹⁾. Его мать пережила его еще на много лѣтъ; по одной рутенской хроникѣ она умерла только 4 января 1108 г.²⁾

«Не попытался ли какъ-нибудь отецъ Ярополка, со времени своего возвращенія въ Кіевъ (іюнь 1077 г.), привести въ исполненіе заключенный отъ его имени договоръ съ папой—оставляемъ этотъ вопросъ нерѣшеннымъ, такъ какъ не достаетъ свѣдѣній, имѣющихъ отношеніе къ этому. Но все-же, благодаря существованію рукописныхъ отвѣтовъ, къ

1) Хроника Нестора въ Monumenta Polonica historica. I. Lemberg 1864, стр. 754.

2) Balzer, Genealogia Piastów, стр. 92: «Церковь (во имя свв. апостоловъ Петра и Павла) находилась при Дмитріевскомъ мужскомъ монастырѣ. Татищевъ называетъ его Ярополкомъ-Петромъ, объясняя, что это явствуетъ изъ построенія имъ церкви св. Петра». (Гр. А. А. Бобринскій, о. с., стр. 354).

созагвнїю оставшихся мнѣ недоступными, Кіевскаго архимандрита Тео-досія на вопросы Изяслава о римскомъ католицизмѣ и его исповѣданіи, я бы хотѣлъ высказать предположеніе, что послѣдній по крайней мѣрѣ долгое время носился съ мыслью о попыткѣ исполненія данного соглашенія. О такой попыткѣ Ярополка, который заключилъ данный договоръ съ папой отъ имени отца и съ согласія и побужденія матери, опять ничего не могутъ дать анналы и хроники.

«Только Гертрудіанскія молитвы и изображенія именно могутъ дать въ высшей степени интересныя разъясненія въ этомъ вопросѣ. Онѣ открываютъ намъ имя матери Ярополка — Гертруда, далѣе крестное имя Ярополка, а также имя его супруги — Ирина.

«Въ этомъ большомъ изобиліи Гертрудіанскихъ молитвъ между живыми ни разу не упоминается супругъ Гертруды — Изяславъ. Изъ этого заключаемъ, что послѣдній ко времени составленія молитвъ былъ давно уже мертвъ. Съ этимъ совпадаетъ одно обстоятельство, что въ тѣхъ же молитвахъ «король и всѣ князья» изображаются грозными врагами Петра, а также другое обстоятельство, что въ тѣхъ же молитвахъ Гертруда объята самыми тяжелыми заботами и боязнью о своемъ сынѣ, находившемся тогда въ походѣ во главѣ своего войска.

«Положеніе Петра-Ярополка и его матери, какъ оно выясняется въ молитвахъ, совершенно соотвѣтствуетъ тому положенію, въ которомъ, какъ можно доказать, они оба находились около начала 1085 года, незадолго до пораженія и бѣгства въ Польшу.

«Въ молитвахъ и миниатюрахъ Гертруда является искренно и усердно-преданной римскому престолу Петра, какъ римско-католическая христіанка-которая съ особеннымъ усердіемъ почитаетъ св. Петра, князя Апостола, обладающаго небесными ключами, основу, на которой Христосъ построилъ свою церковь и которому была ввѣрена забота о всѣхъ душахъ. Въ ея молитвахъ и въ первомъ изображеніи и ея сынъ Петръ представляется принадлежащимъ къ тому же направленію. Однако, приходится оставить нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, не ошиблась ли въ этомъ пунктѣ сама благочестивая мать въ силу любви къ сыну, котораго она въ страстной вѣжности часто называетъ своимъ «единственнымъ», или не обманула ли простодушную мать ея сынъ, порочность котораго она сама признаетъ въ молитвѣ къ св. Петру, и не лицемерилъ ли онъ въ этой преданности къ св. Петру и его римскому престолу. Но если эта преданность была искренняя у Ярополка, на что какъ будто указываетъ начатая имъ постройка церкви, посвященной Ап. Петру, то все же и при тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи она должна была остаться безуспѣшной и она пришла къ концу съ его смертью.

«Безъ приложенныхъ пяти изображеній содержаніе Гертрудіанскихъ молитвъ осталось бы для насъ темной загадкой. Благодаря художественному исполненію, совсѣмъ неизвѣстный по имени живописецъ воздвигъ monumentum aere perennius не только себѣ, но и высокоинтересному эпи-

зоду въ исторіи Россіи XI вѣка, совсѣмъ обойденному молчаніемъ въ рукописныхъ историческихъ источникахъ.

«Относительно Гертрудіанскихъ молитвъ и изображеній остается рѣшить еще одинъ важный вопросъ: какъ Эгбертовская псалтырь изъ западно-германскаго Трира попала на дальній русскій Востокъ, гдѣ эта псалтырь получила указанные приложенія? Это легко могло произойти двоякимъ образомъ: или польская королева Рикеца, или Трирскій соборный пробстъ Бурхардъ были посредниками въ этой передачѣ псалтыри.

«Рикеца — старшая дочь лотарингскаго Пфальцграфа Эрнфрида, или Эццо, обладавшаго громадными помѣстьями на берегу Мозеля и нижняго теченія Рейна, а также въ восточной Тюрингіи и въ восточной Франконіи. Ея молодость совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда Триръ постигли ужасающія войны и трирскій соборъ въ особенности превратился отчасти въ развалины. Тогда должно было быть очень легко для богатаго и могущественнаго отца Рикецы приобрести Эгбертовскую псалтырь. До окончанія этихъ войнъ Рикеца вступила въ бракъ, въ 1013 г., съ польскимъ княземъ Мецко Ламбертъ, который по смерти своего отца, польскаго короля Болеслава I († 1025), завладѣлъ королевскою властью надъ Польшею, не обращая вниманія на своего старшаго своднаго брата Безприма Оттона. Но младшая дочь Рикецы стала въ 1050 г. супругой Изяслава, съ которой мы выше познакомились подъ именемъ Гертруды, какъ съ матерью Ярополка. Такимъ образомъ Эгбертовская псалтырь могла очень легко попасть изъ Трира во владѣніе Эрнфрида, черезъ него — къ его дочери Рикецѣ, а чрезъ послѣднюю въ руки ея дочери Гертруды, въ Россію.

«Относительно соборнаго трирскаго пробста Бурхарда мы выше узнали, что его сестра Ода была супругой русскаго великаго князя Святослава и что онъ былъ посланъ въ январѣ 1075 г. германскимъ королемъ Генрихомъ IV въ Россію съ порученіемъ помирить своего шурина съ старшимъ братомъ послѣдняго — Изяславомъ. Такимъ образомъ также легко возможно, что Бурхардъ передалъ Эгбертовскую псалтырь во время своего путешествія, какъ посла, Гертрудѣ, супругѣ Изяслава, или своей сестрѣ Одѣ и что въ послѣднемъ случаѣ Ода послѣ смерти своего супруга оставила своей золовкѣ, великой княгинѣ Гертрудѣ, эту драгоценную книгу, напоминающую Гертрудѣ западно-германскую родину ея матери. Но я долженъ оставить нерѣшеннымъ вопросъ — попала ли псалтырь въ Россію черезъ Рикецу, или Бурхарда» (стр. 25—29).

Приложенный къ псалтыри календарь, по мнѣнію Зауэрланда, составленъ не безъ вліянія Чехіи: повторяется имя св. Вячеслава, Людмилы и имѣется отмѣтка объ *dedicatio ecclesiae sancti Wenceslai martyris*. Почеркъ письма XI—XII в.; заглавныя буквы часто золотыя; золотомъ отмѣчены въ письмѣ и главнѣйшіе праздники. Церковь св. Вячеслава, по мнѣнію автора, это — соборъ въ Прагѣ, въ которомъ этотъ святой былъ похороненъ. Нѣкоторыя даты возбуждаютъ сомнѣніе. Постройка собора начата

въ 1060 г., освященіе — въ 1143, 30 сентября, что соотвѣтствуетъ датѣ календаря; въ лѣтописи указывается, что въ 1142 г. соборъ былъ разрушенъ пожаромъ; какъ же онъ могъ быть такъ скоро возстановленъ, чтобы черезъ годъ получить освященіе?

Другія поимѣтки тоже относятся ко времени между 1145 и 1160 годами. Написаніе календаря не могло быть въ пражскомъ монастырѣ, такъ какъ чествованіе св. Вячеслава показано неправильно: 4-го марта вмѣсто 2-го. Нельзя предполагать, что календарь написанъ въ Польшѣ: указаны только дни смерти короля Болеслава III (1138) и жены его Саломен (1144), но никого другого изъ родителей Болеслава.

Зауэрландъ склоняется болѣе къ тому мнѣнію, что календарь написанъ въ монастырѣ г. Цвифальтена¹⁾. Какъ значитсѣ въ описяхъ этого монастыря, герцогиня Саломея, жена Болеслава III, пожертвовала въ него «*unum psalterium magnum auro conscriptum*», каковымъ псалтыремъ былъ, вѣроятно, Эгбертовъ. Въ руки Саломеи псалтырь могла попасть изъ Россіи. Первая жена Болеслава III, Збогелава, была дочерью Святополка II; его же сестра была замужемъ за русскимъ княземъ; его сынъ Болеславъ IV былъ женатъ на Новгородской княжнѣ (1137 г.), а дочь его была помолвлена съ сыномъ Всеволода Ольговича (1140 — 1141 г.). Такимъ образомъ до смерти Саломеи (1144) псалтырь легко могла быть перенесена изъ Россіи въ Польшу.

Изъ Цвифальтскаго монастыря псалтырь около 1160 г. переходитъ въ руки графовъ Андексъ, а съ 1229 г. — въ руки св. Елизаветы Венгерской или отъ Гертруды, венгерской королевы, или отъ ея дочери Гедвиги, принадлежавшихъ той же фамиліи. Дядя св. Елизаветы, Бертольдъ, патріархъ Аквилеи, очевидно испросилъ псалтырь у нея для собора Чивидале, находившагося въ территоріи его владѣній.

II.

Мы уже указывали на важное значеніе изслѣдованія Газелова, которое слѣдуетъ за изслѣдованіемъ Зауэрланда. Было бы весьма трудно передать подробно содержаніе этого изслѣдованія, являющагося, можно сказать, образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ, изучающаго, освѣщающаго памятники всесторонне, затрагивающаго коренные вопросы археологій и

1) Газеловъ въ заключительной части своего изслѣдованія (стр. 198) полагаетъ, что календарь написанъ въ Россіи въ 1086 г. одновременно съ «русскими» миниатюрами. Дату 1148 г. Газеловъ не относитъ къ посвященію Трирскаго собора; но такимъ образомъ интересно установить, какая разумѣется въ календарѣ церковь Вячеслава. Гр. А. А. Бобринскій обращаетъ вниманіе русскихъ историковъ на это, какъ и на личность упоминаемаго въ поминальныхъ записяхъ *Demetrius infans*; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ, что вмѣсто *infans* можетъ быть можно читать *infortunatus*, и тогда видѣть здѣсь Ияслава (Дмитрія), убитаго 8-го октября (Записки Имп. Русскаго Арх. Общ., т. XII, 367).

исторіи искусствъ, какъ напр. о вліяніи Востока въ развитіи византійскаго искусства и искусства каролингскаго. Передадимъ кратко содержаніе изслѣдованія, отмѣчая особенно интересныя для нашей цѣли мѣста.

Изслѣдованіе состоитъ изъ двухъ частей: первая, большая (45 — 173 стр.), посвящена первоначальной псалтыри Эгберта; вторая (173 — 194) русскими миниатюрамъ; въ приложеніи—о литаніяхъ псалтыри Эгберта, Рейхенаускаго сакраментарія во Флоренціи и Трирскаго въ Парижѣ, и нѣкоторыя дополненія къ исторіи Эгбертовской псалтыри. Въ первой части, въ первой главѣ г. Газеловъ подробно описываетъ всѣ изображенія рукописи, останавливается на вопросѣ о необычномъ распредѣленіи и рѣдкости изображеній, объясняетъ его, трактуетъ о нимбѣ Эгберта и жестахъ епископовъ, подробно перечисляетъ цвѣта и способъ живописи, и всѣ особенности орнаментальныхъ украшеній, бордюровъ, фоновъ, инициаловъ, письма.

Во второй главѣ авторъ устанавливаетъ границы каролингскаго и оттонскаго искусства, останавливается на дѣятельности архіепископа Эгберта и на сохранившихся памятникахъ, связанныхъ съ его именемъ и имѣющихъ къ нимъ ближайшее отношеніе: Эгбертовомъ кодексѣ, регистрѣ Григорія и др., и на отношеніи перваго и другихъ къ Эгбертовой псалтыри.

Въ третьей главѣ авторъ подробно впервые изслѣдуетъ малозвѣстную рукопись — Евангелиарій изъ аббатства Пуассе, въ Парижской Национальной Библіотекѣ, и устанавливаетъ ея связь съ группой Эгбертовскихъ рукописей.

Въ четвертой главѣ авторъ рассматриваетъ рядъ другихъ родственныхъ рукописей и останавливается на отношеніи такъ называемой группы «Ада» въ техническомъ и стилистическомъ отношеніи къ Эгбертовской псалтыри, и на древне-византійскихъ источникахъ той же группы, и пути ихъ передачи. Послѣдняя часть этой главы представляетъ особый для нашей задачи интересъ.

Авторъ справедливо отмѣчаетъ ошибку Яничека, полагавшаго, что восточное вліяніе въ украшеніи рукописей группы Ада ограничилось главнымъ образомъ областью декораціи. Въ дѣйствительности оно касалось какъ орнаментальной, такъ и иконографической области. Уже прежніе изслѣдователи указывали на связь группы Ада съ памятниками слоновой кости, изъ которыхъ многіе отмѣчены византійскимъ вліяніемъ, или происхожденіемъ. Авторъ это вліяніе подчеркиваетъ и указываетъ на новѣйшіе успѣхи археологіи въ изученіи памятниковъ слоновой кости, напр. въ вопросѣ о происхожденіи ихъ. Отмѣчаетъ онъ это вліяніе и на основаніи нѣкоторыхъ византійскихъ рукописей. Газеловъ полагаетъ, что въ Сиріи — родина школы, изъ которой произошли нѣкоторыя направленія группы Ада. Но какимъ путемъ установилась связь между каролингскимъ и сирійскимъ искусствомъ, по его словамъ—это ускользаетъ отъ нашего знанія.

Пятая глава особенно интересна и поучительна въ чисто методологическомъ отношеніи, и обнаруживаетъ въ авторѣ критическій талантъ, умѣнье разобраться въ матеріалѣ и дать ему надлежащую оцѣнку.

Авторъ привлекъ богатый матеріалъ по исторіи нѣмецкаго искусства въ эпоху Оттоновъ и установилъ большое значеніе для этой эпохи школы въ Рейхенау, гдѣ получила, по его мнѣнію, происхожденіе Эгбертова псалтырь.

III.

Особый интересъ и значеніе по отношенію къ русско-византійскому искусству имѣетъ вторая часть изслѣдованія Газелова, посвященная такъ называемымъ русскимъ миниатюрамъ.

Авторъ подробно описываетъ всѣ пять миниатюръ, указанныя уже выше, изъ коихъ на одной изображенъ ап. Петръ и молящіеся: мать Ярополка на колѣняхъ у ногъ Апостола, Ярополкъ и его супруга—стоящіе и протягивающіе въ моленіи руки въ направленіи къ Апостолу (табл. 42); на другой—Рождество Христово: представлено зданіе въ видѣ храма съ тремя куполами, и тремя нефами, какъ бы въ поперечномъ разрѣзѣ, въ центральной части—въ обычной композиціи Рождество Христово; съ яслями, волхвами, Богородицей, смотрящей въ противоположную (отъ волхвовъ) сторону; съ Іосифомъ сидящимъ въ задумчивой позѣ, съ бабкой Саломеей, моющей младенца, Ангелами, пастухами; въ аркѣ купола центрального по сторонамъ луча отъ звѣзды по ангелу; фонъ боковыхъ нефовъ, и вообще фонъ всей миниатюры заполненъ разнообразнымъ цвѣтнымъ орнаментомъ. (Табл. 43).

На третьей миниатюрѣ—какъ бы копія эмалеваго оклада Евангелія: въ квадратѣ по угламъ въ медальонахъ по грудь—Евангелисты; въ центрѣ Распятіе Христа; рамочка, въ которую заключены изображенія, фоны медальоновъ и другія детали указываютъ на копированіе въ миниатюрѣ эмалеваго образца. (Табл. 44).

На четвертой миниатюрѣ—какъ бы противоположная сторона оклада Евангелія съ специальными изображеніями вкладчиковъ, заказчиковъ: Христосъ на тронѣ, возлагающій вѣнцы на предполагаемыхъ по аналогіи съ изображеніями въ первой миниатюрѣ Ярополка и его супругу, которыхъ рекомендуютъ Христу стоящіе сзади нихъ ап. Петръ и св. Ирина; надъ Христомъ—символы Евангелистовъ; у ногъ—троны. (Табл. 45).

На пятой миниатюрѣ (таб. 46)—Богородица на тронѣ съ Младенцемъ; въ рамкахъ съ орнаментомъ—копіи эмалеваго образца.

Эти вышеуказанныя миниатюры, называемыя Газеловымъ «русскими», по его словамъ, «безконечно живописнѣе обработаны, чѣмъ трирскія, однако онѣ не достигаютъ ступени живописной обработки, свойственной средневизантійскимъ памятникамъ...». Авторъ отмѣчаетъ связь ихъ техники съ византійской, и связь въ колоритѣ. Онъ замѣчаетъ также, что

общій характеръ миниатюръ — чисто византійскій, и что только внимательное разсмотрѣніе ихъ можетъ привести къ открытію признаковъ, по которымъ происхождение ихъ можно отнести къ Россіи, во второй половинѣ XI вѣка (стр 178). Разбирая детально, авторъ находитъ сходство съ чисто византійскими памятниками въ композиціи, костюмахъ.

Въ композиціи Распятія г. Газеловъ отмѣчаетъ какъ особенность — солнце и луну въ видѣ человѣческихъ лицъ, находя ее очень рѣдкою въ Византіи: съ этимъ нельзя согласиться, и эта деталь особеннаго значенія къ существенному вопросу о происхожденіи миниатюръ не имѣетъ; болѣе интересна другая особенность — по отношенію къ вопросу о вліяніи западныхъ образцовъ на византійскіе — изображеніе женской фигуры, собирающей кровь въ чашу.

Авторъ совершенно правильно отвергаетъ предположеніе Зауэрланда, что это — мать Ярополка, и равно правильно указываетъ, что это — олицетвореніе церкви; примѣры, приводимые имъ, и сопоставленіе ихъ убѣждаютъ насъ еще болѣе въ томъ, что въ данномъ случаѣ ни о какомъ западномъ вліяніи рѣчи не можетъ быть ¹⁾.

Отмѣтивъ иконографическое и стилистическое сходство описываемыхъ миниатюръ съ чисто византійскими, г. Газеловъ ничего существеннаго не отмѣтилъ въ нихъ такого, что указывало бы несомнѣнно на работу русскаго мастера. «Русское (въ миниатюрахъ), говоритъ авторъ, — орнаментальный вкусъ, который помѣстилъ изображенія въ это чрезвычайное изобиліе орнамента. Византійское искусство чуждо этого. Тамъ, гдѣ цѣлое изображеніе, орнаментъ ограничивается бордюромъ тонкой, часто лишенной украшенія полосочкой». Далѣе авторъ оговаривается, что «въ нѣкоторыхъ рукописяхъ имѣется болѣе богатая орнаментика, какъ напр. въ рукоп. Григорія Назіанзена Парижской Національной Библіотеки (гр. № 548), но, однако, и она всегда въ скромныхъ границахъ, какъ напр. здѣсь въ посвященномъ образѣ къ Богородицѣ». Исключеніе, по мнѣнію автора, въ выходной миниатюрѣ гомилій Іакова Кокцинабафскаго, гдѣ, однако, реальная архитектура, а не такая орнаментика, какъ въ Распятіи, съ обрамленіемъ, заимствованнымъ по образцу виньетокъ византійскихъ рукописей. Образецъ для подобныхъ изображеній авторъ видитъ въ винеткахъ евангельскихъ кодексовъ, гдѣ встрѣчаются и евангельскія сцены. Но дальнѣйшее развитіе этого орнаментальнаго представленія, по мнѣнію автора, нашло себѣ мѣсто въ русскомъ искусствѣ, какъ «чисто русская» особенность (стр. 185).

Съ вышеназванными заключеніями автора объ отсутствіи богатой орнаментики, окружающей самостоятельныя композиціи и отдѣльныя изображенія, равно съ заключеніемъ о преобладаніи орнаментики въ ущербъ внутренняго содержанія, какъ особенности русскаго искусства, —

1) См. замѣчаніе объ олицетвореніи церкви въ сценѣ Распятія въ статьѣ «Сирійская рукопись Евангелія съ миниатюрами XIII вѣка Библіотеки Британскаго Музея» (Зап. Импер. Одесс. Общ. Исторіи и Древностей, XXI т.).

никакъ нельзя согласиться. Изучавшему памятники XI—XII в. византийскаго искусства известно, что декоративное направленіе въ это время получило въ немъ особое развитіе. Особенно оно выразилось напр. въ миниатюрахъ рукописей Григорія Богослова. Разсматривая миниатюры этихъ рукописей, акад. Кондаковъ говоритъ: «Главная черта ихъ въ редакціи (XI—XII в.) — ихъ *декоративное* направленіе: каждая композиція, хотя бы главнаго сюжета, дается здѣсь внутри широкой орнаментальной рамки, и что особенно характерно — тѣмъ позднѣе рукопись, тѣмъ болѣе, слѣдовательно, отходить она отъ древняго типа, тѣмъ шире эта рамка и тѣмъ сложнѣе она по своему рисунку¹⁾». Мы отвѣчали выше, при описаніи пяти миниатюръ, подражаніе ихъ какъ бы эмали, получившей особенно широкое развитіе въ ту-же эпоху блестящаго расцвѣта; это подражаніе неудивительно при общемъ сходномъ направленіи въ искусствѣ; развитіе же направленія особенно въ миниатюрахъ, т. е. въ области, отчасти принадлежащей къ производству промышленному, художественной индустріи, по словамъ Н. П. Кондакова, указываетъ болѣе всего на оригинальность, народность этого орнамента въ Византіи²⁾.

Самъ Газеловъ, какъ мы видѣли, указалъ на наиболѣе характерные примѣры декоративнаго направленія миниатюръ, образцы котораго имѣемъ въ тѣхъ же пяти изслѣдуемыхъ такъ называемыхъ русскихъ миниатюрахъ. Эти примѣры можно значительно увеличить, но достаточно указать еще напр. на рукопись Григорія Богослова № 556 (см. л. 153, гдѣ Крещеніе окружено большой, широкой рамкой, заполненной орнаментомъ, птицами, зайцами), и особенно на рукопись Григорія Богослова, № 339, XII в. Синайской Библіотеки, по богатству, замысловатости и тонкости декоративной стороны превосходящей парижскую. Изъ миниатюръ рукописи особенно выдѣляется выходная, имѣющая близкое сходство въ своей архитектурнѣ съ «русской», на которой изображено Рождество Христа. «Внутри трехъ-арочнаго портика, составляющаго лицевой фасадъ большого трехкупольнаго храма съ пристройками въ видѣ башенъ и домовъ, Григорій Богословъ пишетъ свои «слова», сидя на большомъ игуменскомъ креслѣ; Христосъ, изображенный въ сегментѣ неба, его благословляетъ справа. Субструкціи портика образуютъ родъ монументальнаго сооруженія въ рустикъ, съ тремя окнами и двумя входами въ видѣ широкихъ арокъ; въ нихъ изображены два фонтана...; по сторонамъ портика, внутри двухъ мраморныхъ киворіевъ, или алтарныхъ балдахиновъ, съ затворенными дверцами, видны растенія и цвѣты. Въ сводѣ раскрытой главной абсиды видно изображеніе Богородицы — съ Младенцемъ передъ собой, на колѣняхъ. Все пестрѣетъ разноцвѣтными мраморами, блестящими красками и богатствомъ деталей. Кромѣ различныхъ любопыт-

1) Путешествіе на Синай въ 1881 г. Одесса, 1882, стр. 144.

2) Ibid.

ныхъ данныхъ по архитектурѣ, кладкѣ и т. д., слѣдуетъ особенно замѣтить изображенія рѣзныхъ дверей и крестовъ на куполахъ»¹⁾.

Въ другихъ миниатюрахъ той-же рукописи — предъ началомъ того или иного слова — большія рамочки съ замѣчательно пышнымъ, красивымъ орнаментомъ; фонъ квадрата, обрамляемого рамочкой, заполненъ также цвѣточнымъ орнаментомъ, и только середина занята изображеніемъ, относящимся къ слову: напр. на Пятидесятницу — Сошествіе св. Духа, на Рождество Христово — сцена Рождества Христова и т. д.; послѣдняя сцена представлена въ совершенно почти сходномъ орнаментальномъ обрамленіи, въ какомъ сцена Распятія въ «русской миниатюрѣ».

Такимъ образомъ во всемъ томъ, въ чемъ г. Газеловъ видитъ какъ бы чисто русскую особенность, нѣтъ ничего специально русскаго, а тоже византійское.

Г. Газелову можно поставить въ заслугу, что онъ старается по возможности точнѣе установить связь между описываемыми и изслѣдуемыми имъ пятью «русскими» миниатюрами и извѣстными современными ему русскими памятниками.

Изъ этихъ памятниковъ ему извѣстны изъ того же XI вѣка, къ которому относится Эгбертовская псалтырь, — *Остромирово Евангеліе* (1056—1057 г.) и *Изборникъ Святослава* (1073 г.).

На основаніи хромофотографированныхъ таблицъ, имѣющихся въ изданіи перваго памятника²⁾, онъ описываетъ три миниатюры съ изображеніемъ Евангелистовъ: Іоанна, Луки и Марка, сравнивая, на сколько возможно, ихъ съ «русскими» миниатюрами Эгбертовской псалтыри. Это сравненіе приводитъ его къ тому заключенію, что между однимъ и другимъ памятникомъ можно установить общее родство, какъ въ орнаментѣ такъ и въ стилѣ, имѣющихъ общій источникъ въ средневизантійскомъ искусствѣ. Въ техническомъ отношеніи, говоритъ Газеловъ, миниатюры перваго памятника (*Остромирово Евангеліе*) — въ большей мѣрѣ орнаментальны; онѣ болѣе работа мастера эмали, чѣмъ книжнаго живописца (стр. 87). Но такое родство устанавливается не только между этими памятниками, но и между множествомъ другихъ, при томъ чисто византійскими; такимъ образомъ въ указанной особенности нѣтъ ничего специально русскаго.

Далѣе авторъ разсматриваетъ миниатюры *Изборника Святослава*,

1) Н. П. Кондаковъ, о. с., 149. Описанныя архитектуры, можно предположить, не фантазія художника, а воспроизведеніе реальной. Быть можетъ въ данномъ рядѣ зданій — мы имѣемъ воспроизведеніе зданій монастыря Всеволодычичи Богородицы на островѣ св. Гликеріи (о. Лемносъ), для котораго данная рукопись была заказана уроженцемъ этого острова каеигуменомъ «царскаго» монастыря Пантократора въ Константинополѣ, Іосифа. См. у Н. П. Кондакова посвященную надпись, которая находится на выходномъ листѣ рукописи.

2) *Остромирово Евангеліе* 1056—1057 г. (Второе) фотографическое изданіе. Издѣніемъ потомственнаго почетнаго гражданина Ильи Кирилловича Савинкова. СПб. 1889 (Авторъ цитируетъ изданіе 1883 года).

пользуясь изданіемъ Общества Любителей Древней Письменности ¹⁾. Наиболѣе отиѣченную чертами русскаго происхожденія миниатюру съ изображеніемъ великокняжеской семьи г. Газеловъ опускаетъ при своемъ разборѣ, какъ не имѣющую отношенія къ «миниатюрамъ Ярополка».

Въ остальныхъ миниатюрахъ «Изборника» онъ специально останавливаетъ свое вниманіе на архитектурно орнаментальномъ обрамленіи, въ которомъ заключены изображенія святыхъ. Это обрамленіе состоитъ изъ квадратной рамки, заполненной цвѣточнымъ орнаментомъ и вписанной въ нее арки, фонъ которой заполненъ тѣмъ же орнаментомъ. На рамѣ сверху, въ свою очередь на одной или трехъ малыхъ аркахъ (средняя большая), покоится по куполу, обрамленному рамкой съ цвѣтами, фонъ купола заполненъ также разнообразнымъ орнаментомъ. Г. Газеловъ, указывая на общее сходство обрамленія въ видѣ зданія съ куполами въ Изборникѣ Святослава съ обрамленіемъ въ кодексѣ Эгберта, въ миниатюрахъ съ изображеніемъ Рождества Христова, останавливается кратко на разборѣ орнамента. Заключение автора таково: и данная рукопись по духу сходна съ миниатюрами, вставленными въ рукопись Чивидаде; но эмалевая техника здѣсь не господствуетъ, какъ въ Остромировомъ Евангеліи, здѣсь скорѣ живописное теченіе, какъ и въ русскихъ миниатюрахъ Гертрудіановскаго кодекса. Съ этимъ положеніемъ нельзя согласиться: живописное теченіе одинаково и въ Остромировомъ Евангеліи, подражаніе-же образцамъ въ эмали здѣсь не менѣе, чѣмъ въ Остромировомъ Евангеліи.

Послѣ слишкомъ общаго разсмотрѣнія вставленныхъ въ Гертрудіановскій кодексъ пяти миниатюръ, недостаточнаго сравнительнаго изслѣдованія ихъ съ чисто византійскими памятниками и послѣ еще болѣе недостаточнаго изслѣдованія сравненія ихъ съ русскими памятниками трудно согласиться съ заключеніемъ Газелова, что задача введенія Гертрудіановскаго кодекса въ исторію русской живописи разрѣшена, что онъ на ряду съ Остромировымъ Евангеліемъ и Изборникомъ Святослава является важнѣйшимъ памятникомъ книжной живописи XI вѣка, что онъ ²⁾, быть можетъ, созданъ въ Кіевѣ, какъ политическомъ и духовномъ центрѣ Россіи. Авторъ не рѣшается отвѣтить, былъ ли миниатюристъ византіецъ, или русскій, но своимъ послѣдующимъ заключеніемъ, что разсмотрѣнныя рукописи (т. е. пять миниатюръ, и Остромирово Евангеліе, и Изборникъ) свидѣтельствуютъ болѣе объ общемъ знакомствѣ съ византійскимъ искусствомъ, включительно съ индустріальной техникой, какъ напр. эмалевой, чѣмъ специально съ византійской книжной живописью, — онъ, очевидно, ясно отвѣчаетъ, что это—миниатюристъ русскій.

Въ несомнѣнности русскаго происхожденія миниатюръ Остромироваго Евангелія и Изборника Святослава, отличающихся, однако, сильнымъ

1) Изборникъ великаго князя Святослава Ярославича 1073 года (№ LV). СПб. 1880.

2) Разумѣются все тѣ-же пять миниатюръ.

византизмомъ, въ такой степени, что ихъ можно отнести къ чисто византийскимъ памятникамъ, нельзя сомнѣваться; но что же касается вопроса о русскомъ происхожденіи миниатюръ, вставленныхъ въ Гертрудіановскій кодексъ, то рѣшеніе его въ положительномъ смыслѣ требуетъ большихъ доказательствъ, чѣмъ они представлены г. Газеловымъ.

Русская археологія можетъ быть благодарна г. Газелову, затронувшему весьма интересный вопросъ о древнѣйшихъ памятникахъ русской живописи. Г. Газеловъ съ своей стороны сдѣлалъ все то, что могъ, для уясненія этого вопроса при условіи работы за границей. Можно только пожелать, чтобы тѣ-же русскіе памятники, какъ и весьма важныя, интересные и для русской исторіи и искусства вставныя миниатюры Гертрудіановскаго кодекса, нашли должную оцѣнку и изслѣдованіе въ русской научной литературѣ, не имѣющей еще до сихъ поръ специальныхъ монографій, посвященныхъ имъ.

Е. Рѣдигъ.

Харьковъ.
Январь, 1902.

2. БИБЛИОГРАФІЯ.

РОССІЯ.

А. П. Лебедевъ, *Историческіе очерки состоянія византийско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка. Отъ начала крестовыхъ походовъ до паденія Константинополя въ 1453 году*. Изданіе второе, пересмотрѣнное. Москва. 1902. Стр. 489.

Въ книгѣ шесть главъ и одно приложеніе. Въ первой главѣ (стр. 1—44) излагается взглядъ на взаимное отношеніе церкви греческой и латинской въ теченіе XI—XV вѣковъ. Въ эти времена взаимное нерасположеніе церквей, возникшее въ IX вѣкѣ, прогрессивно возрастало, вслѣдствіе новыхъ столкновеній между греками и латинянами. Однимъ изъ факторовъ, содѣйствовавшихъ отчужденію грековъ и латинянъ, были крестовые походы. Прежде всего, во время этихъ походовъ византийскую имперію наводнили разнаго рода западные предприниматели и выходцы съ экономическими задачами, сильно повредившіе экономическому благосостоянію имперіи. Захвативъ въ свои руки нѣкоторыя отрасли промышленности и торговли, западные выходцы дерзко и вызывающе относились къ грекамъ и возбудили въ нихъ большую къ себѣ ненависть. Затѣмъ, крестовые походы, какъ извѣстно, сопровождались грабежами, убійствами грековъ, разореніемъ городовъ, оскорбленіемъ православныхъ святынь и т. п. Въ 1185 году крестоносцы овладѣли Фессалоникой и подвергли ее совершенному опустошенію. Въ 1204 году былъ завоеванъ и Константинополь, который также былъ разоренъ и на половину сожженъ. Основавъ на его развалинахъ латинскую имперію, крестоносцы стали

сильно стѣснять и подавлять православную вѣру и церковь. Все это до крайности возмущало грековъ и возбудило въ нихъ ненависть къ латинянамъ въ высшей степени. Въ послѣдующее время непріязненное чувство грековъ разжигалось презрительными отзывами папъ (Адріана IV, Иннокентія III) и королей (Балдуинъ) о греческой церкви, какъ еретической. Византійскіе писатели (Анна Комнина, Никита Хониатъ) въ свою очередь осуждали латинянъ. Непрѣязнь выразилась и въ богословской полемикѣ писателей латинскихъ (Гугонъ) и греческихъ, которые изобличали членовъ иной церкви въ различныхъ заблужденіяхъ. Но, тѣмъ не менѣе, связь между церквами еще не порвалась совершенно, и иногда съ той и съ другой стороны раздавались голоса въ пользу мира и любви; но они заглушались почти общимъ хоромъ голосовъ, иначе настроенныхъ, такъ что согласія и единенія между церквами не могло и быть.

Во второй главѣ (стр. 45—105) описывается религіозно-нравственный характеръ византійской имперіи. Предварительно авторъ ведетъ рѣчь о трудности вполне безошибочно изобразить религіозное и нравственное состояніе византійцевъ, а затѣмъ переходитъ къ характеристикѣ византійскихъ императоровъ XI—XV вѣковъ. «Странное зрѣлище, говоритъ авторъ, представляютъ византійскіе императоры изучаемой эпохи въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Это какое-то безконечное царство контрастовъ: добродѣтель и благочестіе то восходятъ на императорскій тронъ и отсюда дѣйствуютъ въ свойственномъ имъ духѣ, то будто совсѣмъ оставляютъ царскій тронъ. Одинъ византійскій императоръ благочестивъ, образцово-нравственъ, другой же, рядомъ слѣдующій, представляетъ собою чуть не чудовище нечестія и порока. Этого мало: одно и тоже царственное лицо дѣйствуетъ столь различно въ нравственно-религіозномъ отношеніи, что приходишь въ истинное удивленіе отъ такого соединенія подобныхъ крайностей. Смѣна и смѣсь добра и зла, смѣсь и смѣна неуловимая и постоянная—вотъ религіозно-нравственный характеръ царственныхъ лицъ разсматриваемаго періода. Показное благочестіе беретъ верхъ надъ благочестіемъ сердца... Словомъ, это какой-то свѣтъ во тьмѣ, причемъ тьма готова, нужно сознаться, объять свѣтъ» (стр. 47—48). Послѣ этой общей характеристики византійскихъ императоровъ, г. Лебедевъ отмѣчаетъ черты религіозно-нравственной жизни императоровъ: Алексѣя, Іоанна, Мануила и Андроника Комниновъ, императоровъ изъ династіи Ангеловъ, Іоанна Ватаца, Михаила Палеолога, Андроника II Палеолога и другихъ. Затѣмъ указываются черты нравственной жизни византійскаго общества и народа, причемъ отмѣчаются—недостатокъ сохраненія собственнаго достоинства, нарушеніе заповѣди о цѣломудріи, пьянство, хищничество и казнокрадство, склонность къ анархіи, непорядки въ совершеніи богослуженія, страсть къ суевѣріямъ и предрасудкамъ. Были, конечно, и свѣтлыя стороны въ религіозно-нравственной жизни народа, а именно: преданность право-

славію, храненіе церковныхъ уставовъ и т. п. Въ заключеніи главы профессоръ Лебедевъ пишетъ: «если станемъ безпристрастно оцѣнивать, чего больше было въ религіозно-нравственной жизни византійцевъ—хорошаго или худого, то, къ сожалѣнію, должны будемъ сознаться, что отъ стеченія различныхъ причинъ очень много зла накопилось въ греческомъ христіанскомъ народѣ изучаемыхъ вѣковъ» (стр. 104). Такимъ образомъ, темныя стороны въ жизни византійцевъ, по мнѣнію автора, преобладали надъ свѣтлыми.

Въ третьей главѣ (стр. 106—167) описываются отношенія византійской государственной власти къ церкви. Эти отношенія на языкѣ западныхъ писателей обыкновенно называются цезаропапизмомъ. Профессоръ Лебедевъ полагаетъ, что мысль о византійскомъ цезаропапизмѣ отчасти несправедлива, отчасти справедлива,—несправедлива тогда, когда въ отношеніяхъ византійскихъ императоровъ къ церкви, характеризуемыхъ терминомъ византизмъ, хотя бы видѣть какую-то систему, будто-бы принятую и утвердившуюся въ Византіи, какъ законъ, а справедлива въ томъ случаѣ, когда допускаютъ, что въ Византіи нормальныя отношенія государства къ церкви весьма часто переходили въ ненормальныя, и что здѣшніе императоры въ религіозныхъ дѣлахъ иногда брали на себя болѣе, чѣмъ сколько требовали благо и польза церкви. Значить, цезаропапизмъ не составляетъ подлиннаго признака византизма. Объ этомъ свидѣлствуютъ и протесты многихъ византійскихъ дѣятелей и писателей противъ вышнательства императоровъ въ дѣла церкви и противъ ихъ попытокъ быть не только царями, но и первосвященниками. Послѣ общей характеристики вопроса, профессоръ Лебедевъ переходитъ къ обзору замѣчательнѣйшихъ явленій, въ которыхъ въ то или другое царствованіе выразились отношенія государства къ церкви. Въ частности рѣчь идетъ о борьбѣ императора Алексѣя Комнина съ богомилами и лавликіанами, о богословскихъ, при участіи Мануила Комнина, спорахъ касательно евхаристіи, какъ жертвы, по поводу изреченія «Отецъ болѣе Мене есть» и по вопросу о богѣ Магометовомъ, объ отношеніяхъ къ церкви Андроника Комнина, Исаака Ангела, Алексѣя III, Михаила Палеолога, Андроника Старшаго и другихъ.

Въ четвертой главѣ (стр. 168—366) описывается церковно-общественная дѣятельность патріарховъ, преимущественно константинопольскихъ, въ XI—XV вѣкахъ. Авторъ слѣдитъ за жизнью и трудами почти всѣхъ вселенскихъ патріарховъ отмѣченной эпохи, а затѣмъ характеризуетъ двѣ партіи, существовавшія въ нѣдрахъ византійскаго духовенства,—зилотовъ и политиковъ. Зилоты или ревнители были поборниками свободы и независимости церкви и требовали, чтобы государство отнюдь не посягало на права церкви и не вышнвалось въ сферу духовной власти. Они не желали дѣлать никакихъ уступокъ царской власти, когда послѣдняя домогалась ихъ не только въ личныхъ интересахъ, но и въ интересахъ государства, и считали точное соблюденіе церковныхъ догматовъ и

каноновъ обязательными для всѣхъ. Зилоты не отличались образованіемъ и на первомъ планѣ ставили добродѣтельную жизнь. Къ монахамъ они относились сочувственно. Партія политиковъ или умѣренныхъ, напротивъ, искала для церкви поддержки въ государствѣ, глубоко уважала государственную власть, охотно дѣлала ей уступки, даже въ ущербъ интересамъ церкви, высоко цѣнила просвѣщеніе, а въ нравственномъ отношеніи была не очень строга; въ своей дѣятельности партія опиралась не на монаховъ, а на бѣлое духовенство. Между этими партіями и происходили въ теченіе XI—XIV вѣковъ раздоры и столкновенія, возникшія еще въ предшествующую эпоху; участники борьбы имѣли поперебѣдный успѣхъ, въ зависимости отъ того, сторонникъ какой именно партіи въ данное время занималъ патріаршую кафедру. Профессоръ Лебедевъ весьма обстоятельно характеризуетъ зилотовъ и политиковъ въ умственной, научной и нравственной дѣятельности, говоритъ объ ихъ отношеніяхъ къ свѣтской власти, къ архіереямъ и клирикамъ, указываетъ періоды господства той и другой партіи и конецъ ихъ борьбы. Затѣмъ въ разсматриваемой главѣ говорится о матеріальномъ положеніи духовенства, постепенно ухудшавшемся къ концу эпохи, а въ заключеніи кратко обобщается печальное состояніе въ XI—XV вѣкахъ патріархатовъ александрійскаго, антиохійскаго и іерусалимскаго, находившихся подъ властью мусульманъ.

Въ главѣ пятой (стр. 367—445) рѣчь идетъ о духовномъ просвѣщеніи и богословской наукѣ въ Византіи въ XI—XV вѣкахъ. Просвѣщеніе находилось въ эту эпоху то въ расцвѣтѣ, то въ упадкѣ, въ зависимости отъ многихъ причинъ. Особенно пышный расцвѣтъ наукъ наблюдался въ XII вѣкѣ, при династіи Комниновъ, которые и сами любили просвѣщеніе, и оказывали самое широкое покровительство ученымъ и школамъ. Эпоха латинскаго господства въ Константинополѣ была временемъ упадка и просвѣщенія, а при Палеологахъ въ XIV в. оно опять вспыхнуло яркимъ пламенемъ. Просвѣщеніе носило богословскій характеръ по преимуществу, а затѣмъ пышнаго расцвѣта достигли философія и классическое языкознаніе. Представивъ общую характеристику византійскаго просвѣщенія и указавши выдающихся его представителей, профессоръ Лебедевъ обобщаетъ византійскіе литературные труды по обработкѣ отдѣльныхъ богословскихъ наукъ и, въ частности, говоритъ о сочиненіяхъ по священной экзегетикѣ (Евѣимій Зигавинъ), догматикѣ и полемикѣ (Зигавинъ, Никита Хоніатъ и Николай Меѣонскій), исторіи церкви (Никифоръ Каллистъ) и практическимъ наукамъ (Евстаѣій Солунскій и Николай Кавасіа).

Въ главѣ шестой разсматриваемой книги (стр. 446—458) описывается паденіе Константинополя въ 1453 году.

Наконецъ, въ приложеніи (стр. 459—489) говорится объ «Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія въ Византіи давняго времени». Подъ такимъ обществомъ г. Лебедевъ разумѣетъ публичныя собранія визан-

тійскихъ богослововъ, на которыхъ произносились рѣчи на богословскія темы и происходили словесныя состязанія. Основателемъ такого рода собраній былъ Константиѣ Великій, примѣру коего слѣдовали и многіе его преемники, такъ что почти вплоть до паденія Византіи можно отмѣтить проявленіе дѣятельности указаннаго общества. Собранія происходили во дворцѣ, въ присутствіи императоровъ, епископовъ, придворныхъ чиновъ и ученыхъ; ораторами нерѣдко выступали и сами императоры, а пренія носили очень оживленный характеръ. Профессоръ Лебедевъ яркими чертами изображаетъ дѣятельность византійскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія, характеризуетъ ораторовъ, анализируетъ содержаніе рѣчей и отмѣчаетъ вліянія общества на развитіе византійскаго просвѣщенія.

Таково содержаніе интересной книги г. Лебедева, составляющей седьмой томъ собранія его церковно-историческихъ сочиненій.

И. С. Бердниковъ, *Основныя начала церковнаго права православной церкви*. Казань. 1902. Стр. 398. — Новая книга профессора Казанской духовной академіи И. С. Бердникова имѣетъ своей задачей установить и разъяснить основныя начала православно-церковнаго права, какъ богословской науки, въ противовѣсъ тому воззрѣнію, будто церковное право, какъ наука юридическая, должно отвергать самобытность церкви, какъ общественнаго союза, отрицать у церкви самостоятельныя правительственныя полномочія, дарованныя ей Христомъ Спасителемъ и Апостолами, и усвоить церковныя законодательно-судебныя права государственной власти. Профессоръ Бердниковъ, прежде всего, показываетъ въ своей книгѣ, что представленный отрицательный взглядъ на церковное законодательство противорѣчитъ истинному понятію о церкви, какъ автономномъ общественномъ союзѣ. Церковь Христова имѣетъ свою особую, стройную организацію, находится подъ невидимымъ главенствомъ Господа Иисуса Христа, видимымъ же образомъ управляется пастырями церковными, которымъ власть ввѣрена отъ Христа и апостоловъ. Она управляется по своимъ собственнымъ правиламъ, даннымъ ей отъ ея Основателя-Христа, апостоловъ и послѣдующихъ пастырей. Несмотря на особенность задачи, отличающую церковное общество отъ всѣхъ другихъ сферъ общежитія, не смотря на ея самостоятельность по происхожденію и внутренней жизни, оно, какъ явленіе общественнаго порядка, необходимо входитъ въ соотношеніе съ государствомъ. Государство, какъ устроитель правового порядка въ общежитіи, опредѣляетъ внѣшнее правовое положеніе церкви среди прочихъ сферъ общежитія, вводитъ ее въ систему государственныхъ учреждений, охраняетъ ея права и преимущества, даетъ свои санкции ея правиламъ и уставамъ, признаетъ должностное положеніе представителей церковной власти. Такимъ образомъ, со стороны внѣшне-правового положенія въ государствѣ церковь находится подъ охраной и опекой государственной власти. Но отъ этого церковь не обезличивается предъ государствомъ, не сливается

съ нимъ, а сохраняетъ самобытность своей внутренней жизни, автономію своей дѣятельности. Покровительствуя церкви, государство не можетъ вмѣшиваться въ внутреннія ея дѣла, не можетъ присвоить себѣ права законодательства и распоряженія въ этихъ дѣлахъ. Божественное происхожденіе церкви, священный характеръ церковной власти и церковныхъ правилъ должны удержать государство отъ подобнаго рода посягательствъ. Постановленія церкви сами по себѣ имѣютъ обязательную силу для всѣхъ ея членовъ безъ всякаго внѣшняго утвержденія. Всякій членъ церкви по тому самому, что онъ принадлежитъ къ церкви, обязанъ повиноваться всѣмъ ея установленіямъ, какъ голосу Самого Христа. И въ такомъ положеніи находилось церковное законодательство въ продолженіе трехъ первыхъ вѣковъ христіанства. Съ поступленіемъ церкви подъ покровительство государства, при императорѣ Константинѣ Великомъ, постановленія ея получили силу гражданскихъ законовъ. Для полученія этого значенія они стали утверждаться санкціей государственной власти. Государство имѣетъ право законодательства относительно церкви, только это законодательство касается внѣшнихъ отношеній церкви къ государству и обществу, именно государственнаго положенія церкви, матеріальныхъ ея средствъ, монастырей, гражданскихъ правъ и преимуществъ клира, какъ извѣстнаго государственнаго состоянія, и пр. Здѣсь государство въ правѣ дѣйствовать самостоятельно, соображаясь съ общественными интересами, хотя и не можетъ оставлять безъ всякаго вниманія обычаевъ и преданій церковныхъ. Государственные постановленія относительно внѣшняго положенія церкви и духовенства не принадлежатъ собственно къ церковнымъ законамъ, но такъ какъ они близки касаются дѣлъ церковныхъ и по необходимости обязательны для церкви, то, для удобства пользованія ими, въ древности вносились въ кодексъ церковныхъ законовъ наряду съ правилами церковными (стр. 24 — 36).

Раскрывши истинный взглядъ на церковное законодательство и на отношеніе къ нему законодательства государственнаго въ связи съ понятіемъ о церкви, профессоръ Бердниковъ обращается къ изложенію католическаго и протестантскаго ученія о церковномъ законодательствѣ и показываетъ, что ученіе о единствѣ источника церковнаго и государственнаго права и объ отсутствіи у церковной власти права законодательства есть копія съ протестантскаго вѣрованія и ученія о церкви и ея природѣ (стр. 37 — 64). Что же касается ученія православнаго, то и исторія церкви вполне подтверждаетъ раскрытое выше воззрѣніе о томъ, что внутренняя жизнь и дѣятельность церкви находятся внѣ полномочій государства. Дальше профессоръ Бердниковъ и занимается научно-историческимъ обоснованіемъ своего основного тезиса. Онъ доказываетъ, что какъ въ первые вѣка христіанской эры, такъ и въ эпоху византийскую церковь имѣла автономію въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ не только на практикѣ, но и въ самомъ законодательствѣ по церковнымъ

дѣламъ. Въ византійскихъ законахъ церковь отличалась отъ государства какъ особый общественный организмъ, имѣющій особую, отличную отъ государственной, задачу, — признавалась учительницей вѣры и установительницей церковныхъ правилъ, а государству усвоилось право возводить догматы вѣры и церковныя правила на степень государственныхъ законовъ, съ цѣлью сдѣлать ихъ обязательными въ сферѣ государства; наконецъ, церковное управленіе и судъ по дѣламъ церковнымъ были, по византійскому законодательству, въ рукахъ церковной власти, какъ полномочіе, связанное съ священнымъ саномъ и утвержденное государствомъ. Въ виду такого характера византійскаго законодательства, рѣшительно не имѣетъ для себя основанія теорія полного поглощенія церкви государствомъ въ византійской имперіи и абсолютнаго полномочія императора въ дѣлахъ церковныхъ, — коей держатся нѣкоторые ученые (стр. 64 — 129).

Послѣ взятія Константинополя турками въ 1453 году, греко-восточная церковь подпала игу побѣдителей. Но перемѣна во внѣшнемъ положеніи церкви не коснулась ея внутренней жизни, которая и прежде шла, и теперь идетъ обычнымъ порядкомъ, съ сохраненіемъ автономіи во внутреннихъ дѣлахъ. Это профессоръ Бердниковъ и доказываетъ фактами изъ исторіи церкви константинопольской въ теченіе XVI — XIX вѣковъ. Въ частности, профессоръ отмѣчаетъ постановленія соборовъ 1663 и 1849 годовъ, коими предписывалось епископамъ подчиняться высшей гражданской власти только въ дѣлахъ государственнаго характера, а не церковнаго, приводитъ текстъ султанскаго берата, даннаго въ концѣ XVIII вѣка Константинопольскому патріарху Неофиту относительно его правъ и преимуществъ въ церковно-религіозныхъ дѣлахъ, представляетъ меморандумъ турецкаго правительства отъ 16 января 1856 года касательно автономнаго управленія православной церкви, описываетъ реформу внутренняго управленія православной церкви въ предѣлахъ Турціи на началахъ хатти-хумаюна 1856 года и слѣдитъ за судьбою автономіи константинопольской патріархіи до времени перваго патріаршества киръ Іоакима Третьяго (1878 — 1884 г.), который, охраняя права церкви, вынужденъ былъ даже оставить патріаршій престолъ (стр. 129 — 265).

Совершенно въ иномъ положеніи находится церковь въ конституціонныхъ государствахъ Балканскаго полуострова, образовавшихся въ XIX вѣкѣ, именно — въ Греціи, Румыніи, Сербіи и Болгаріи, а также въ Босніи, Герцеговинѣ и у австрійскихъ славянъ. Тогда какъ турецкое правительство еще воздерживается отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла подвластныхъ ему православныхъ христіанъ, православныя государства Балканскаго полуострова мало заботятся о мѣстной православной церкви и наносятъ большой вредъ ея правильной жизни, посредствомъ произвольнаго вторженія въ чуждую имъ область церковнаго строя. Они относятся къ православной церкви, какъ «худой господинъ къ своему слугѣ». Православная церковь разсматривается здѣсь какъ учрежденіе,

отжившее свой вѣкъ, и ненужное для благосостоянія государства. Она терпитъ какъ остатокъ старины, который трудно искоренить сразу, какъ учрежденіе, назначенное новѣйшей цивилизаціей къ уничтоженію. Вслѣдствіе этого, православная церковь въ конституціонныхъ государствахъ постепенно теряетъ то значеніе, какое принадлежитъ ей по идеѣ происхожденія и по праву и какое признается даже въ законодательныхъ актахъ этихъ государствъ. Правительства этихъ государствъ открыто стремятся сдѣлать церковь послушнымъ орудіемъ для своихъ собственныхъ цѣлей—національных, политическихъ, либерально-культурныхъ и подчинить своему контролю ея устройство, управление и всю вообще дѣятельность, за исключеніемъ только охраненія догматическаго ученія. Все это глубоко печально, такъ какъ привноситъ въ дѣятельность церкви несвойственный природѣ ея мірской элементъ, человѣческія страсти, партійные взгляды и борьбу, нарушаетъ основной характеръ и задачи церковной жизни, колеблетъ ея автономію и самобытность. Съ точки зрѣнія православнаго каноническаго права, принципъ полновластія государства во всѣхъ дѣлахъ, не исключая и религіозныхъ, заслуживаетъ только осужденія, какъ не оправдываемый ни догмой права, ни исторіей (стр. 266—366).

Въ послѣдней главѣ книги профессора Бердникова (стр. 367—385) рѣчь идетъ о законодательствѣ русской церкви въ періодъ митрополитій, патріаршій и синодальный, причемъ авторъ обстоятельно показалъ самостоятельность церкви въ этомъ отношеніи.

Въ заключеніи книги (стр. 386—398) раскрывается, что ученіе о гражданской власти, какъ «верховномъ субъектѣ всякаго правообразованія (*summum praesidium ecclesiae*)», взято изъ протестантской каноники и только тамъ, а не въ православно-каноническомъ правѣ, имѣетъ свой смыслъ.

По своей ближайшей задачѣ книга профессора Бердникова есть трудъ учено-полемиическій. Она написана въ отвѣтъ на рецензію профессора Суворова на «Краткій курсъ церковнаго права» профессора Бердникова, помѣщенную въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» за августъ 1888 года, и образовалась изъ статей, одновременно помѣщавшихся въ «Православномъ Собесѣдникѣ».

В. Савва, Московскіе цари и византійскіе василевсы. Къ вопросу о вліяніи Византіи на образованіе идеи царской власти московскихъ государей. Харьковъ. 1901. Стр. 400. — Въ предисловіи къ своему труду г. Савва говоритъ, что цѣль его — принести посильную лепту для разрѣшенія сложнаго и обширнаго вопроса о вліяніи Византіи на Русь, а задача — уяснить одинъ небольшой, но имѣющій свое значеніе отдѣлъ въ указанномъ вопросѣ, а именно — предполагаемое вліяніе Византіи на образованіе идеи царской власти московскихъ государей. Книга состоитъ изъ семи главъ.

Въ главѣ первой (стр. 1—57) рѣчь идетъ о роли Софіи Палеологъ, какъ проводника византійскаго вліянія въ Москвѣ. Здѣсь предварительно

разсматриваются взгляды различныхъ историковъ и ученыхъ (кн. Щербатова, Карамзина, Полевого, Соловьева, Костомарова, Иловайскаго, Бестужева-Рюмина, Забѣлина, Вешнякова, Иконникова, Терновскаго, Дьяконова, Успенскаго и о. Пирлига) на значеніе брака Іоанна III съ Софїей Палеологъ, анализируются источники, обрисовывающіе Софью Палеологъ и ея вліяніе на Іоанна III, и отмѣчается ихъ неполнота, которая отразилась и на мнѣніяхъ изслѣдователей, далѣе излагается жизнь Софьи Палеологъ до прїѣзда ея въ Москву, опредѣляется отношеніе самого Іоанна къ «константинопольскому наслѣдству», чуждое того чувства довольства, которое обыкновенно Іоанну приписываютъ, и говорится о сферѣ вліянія Софьи Палеологъ въ Кремлѣ, причѣмъ авторъ въ заключеніи пишетъ слѣдующее: «всматриваясь въ памятники, обрисовывающіе личность Іоанна III, нельзя не замѣтить, что этотъ государь былъ выдающимся политикомъ, что его крупныя политическія дѣла не представляются только слѣдствіемъ вліянія на него Софьи; поэтому слѣдуетъ осторожно относиться къ показаніямъ нѣкоторыхъ современниковъ и близкихъ къ нимъ по времени свидѣтельствамъ, широко, но не всегда опредѣленно рисуящихъ сферу вліянія Софьи на супруга; въ противномъ случаѣ силуэтъ Софьи затемнитъ обликъ наиболѣе выдающагося политика изъ племени Калиты» (стр. 57).

Во второй главѣ (стр. 58—93) опредѣляются пространство и характеръ власти византійскаго императора. Здѣсь, прежде всего, указываются разные взгляды на характеръ отношеній византійскаго императора къ церкви, а затѣмъ описываются отношенія къ церкви Константина Великаго и другихъ императоровъ, съ цѣлью показать, что они занимали такое положеніе въ церкви, какого московскіе государи никогда не имѣли, приводятся мнѣнія объ императорской власти канонистовъ Θεодора Вальсамона и Димитрія Хоматіана и свидѣтельства Никиты Хоніата, Георгія Акрополита и Никифора Григоры объ отношеніи императоровъ къ патріархамъ и къ дѣламъ церковнымъ; далѣе сообщается, что императоры византійскіе назывались святыми, владыками вселенной, совершали кажденіе въ храмѣ, вели учительныя бесѣды съ христіанами и принимали участіе въ совершеніи богослуженія; наконецъ, говорится о выходахъ византійскихъ императоровъ въ праздничные дни въ храмъ Святой Софїи и объ отношеніи къ нимъ со стороны народа.

Въ главѣ третьей (стр. 94—109) сравниваются церковно-гражданскіе обряды византійскаго двора съ подобными обрядами двора московскаго причѣмъ авторъ провѣряетъ выводы по этому вопросу предшествовавшихъ изслѣдователей (Марковина, Каневскаго). Въ заключеніи главы авторъ выясняетъ, что между церковно-гражданскими обрядами московскаго и византійскаго дворовъ существовало различіе, которое рѣзко выставляетъ разницу въ идеяхъ власти византійскаго императора и московскаго царя, а это, въ свою очередь, обусловливало то, что «московскій царь не сталъ играть роли византійскаго императора».

Въ четвертой главѣ (стр. 110—157) говорится о происхожденіи и развитіи обряда вѣнчанія на царство московскихъ государей, причемъ и здѣсь авторъ старается показать отличіе московскаго чина отъ византійскаго.

Въ пятой главѣ (стр. 158—175) описывается обрядъ въ недѣлю Вайи въ Византіи и на Руси. И этотъ обрядъ, по мнѣнію автора, не могъ быть заимствованъ изъ Константинополя.

Въ шестой главѣ (стр. 176—270) рѣчь идетъ о московскомъ посольскомъ обрядѣ. Въ московскомъ государствѣ, пишетъ въ заключеніи главы авторъ, практиковались два обряда приѣма иноземныхъ пословъ: одинъ при приѣмѣ пословъ западно-европейскихъ государей, другой для мусульманскихъ пословъ. Первый создавался и развивался на почвѣ сношеній московскаго государства съ европейскими державами и въ основу его легла идея равенства и братства между государями. Въ этомъ заключалось его основное отличіе отъ посольскаго обряда азіатскихъ народовъ, въ которомъ выражалась другая идея — подчиненности и неравенства между государями. Не признавая подчиненности между независимыми государями, московскіе государи не только не представляются послѣдователями московскаго посольскаго обряда въ томъ видѣ, какъ онъ практиковался у татаръ, персовъ и другихъ восточныхъ народовъ, но, наоборотъ, насадителями западно-европейскаго посольскаго обряда, потому что соблюдали его въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми мусульманскими государями. То обстоятельство, что въ числѣ первыхъ пословъ Іоанна III на западъ Европы были и греки, прибывшіе въ Москву съ Софьей Палеологъ, не свидѣтельствуетъ о византійскомъ вліяніи на образованіе московскаго посольскаго обряда. Прибывшіе въ Москву съ Софьей греки не были въ этомъ отношеніи проводниками византійскаго вліянія; московскій посольскій обрядъ, практиковавшійся въ сношеніяхъ съ западною Европою, не заключалъ въ себѣ особенностей византійскаго посольскаго обряда, но включалъ въ себѣ черты того обычая принимать пословъ, который существовалъ на западѣ Европы. Греки, явившіеся въ Москву съ Софьей, играли роль московскихъ дипломатовъ болѣе чѣмъ тридцать лѣтъ спустя послѣ паденія византійской имперіи. Они могли быть только свидѣтелями ея упадка и униженія; только лишь уроженцы второго Рима, они жили и, можно сказать, воспитались въ первомъ Римѣ; Софьины греки не сыграли видной роли въ Москвѣ, въ которой не они — представители павшаго второго Рима — увидѣли возродившійся третій Римъ. Ихъ видимъ только на первыхъ порахъ въ роли пословъ московскаго государя въ Италію, Германію, но и тутъ, на дипломатическомъ поприщѣ, ихъ замѣнили московскіе дипломаты. Татарское иго, вообще отразившееся на жизни русской, и сношенія московской Руси съ народами востока наложили только лишь извѣстный колоритъ на московскій посольскій обрядъ, который практиковался въ сношеніяхъ съ европейскими державами, но основныя черты этого обряда были такія же, какъ и на западѣ Европы.

Вліяніе татарское можно видѣть въ установившемся обычаѣ при московскомъ дворѣ, въ силу котораго послы западной Европы не допускались на аудіенцію къ царю при оружіи, равно какъ и московскіе послы, отправлявшіеся на западъ Европы, получали приказаніе являться на аудіенціи къ государямъ безъ сабель (стр. 269—270).

Наконецъ въ седьмой главѣ (стр. 271—400) излагаются доказательства, представлявшіяся московскими государями въ пользу права ихъ на царскій титулъ. Титулъ *царь*, впервые усвоенный себѣ Іоанномъ III, говоритъ авторъ, дѣлается постояннымъ титуломъ московскихъ государей при Іоаннѣ IV. Называя самихъ себя царями, московскіе государи, съ Іоанна IV, требовали, чтобы ихъ такъ титуловали и иностранные государи, съ которыми у нихъ были сношенія, указывая, въ случаяхъ непризнанія за ними кѣмъ либо изъ иностранныхъ государей царскаго титула, тѣ основанія, въ силу которыхъ они были принять этотъ титулъ. Такимъ образомъ, отъ самихъ московскихъ царей можно узнать, на чемъ они основывали свои права на царскій титулъ (стр. 271). Разсмотрѣвъ далѣе основанія, которыя представлялись въ пользу усвоенія царскаго титула государями—Іоанномъ III, Василиемъ III, Іоанномъ IV, Ѳеодоромъ Іоанновичемъ, Борисомъ Годуновымъ, Василиемъ Шуйскимъ, Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и Алексѣемъ Михайловичемъ, авторъ утверждаетъ, будто въ этихъ доказательствахъ нѣтъ данныхъ, которыя свидѣтельствовали бы, что упомянутые Московскіе государи смотрѣли на себя какъ на преемниковъ византійскихъ императоровъ и на этомъ преемствѣ основывали свое право на царскій титулъ. Въ доказательство правъ своихъ на этотъ титулъ московскіе государи ссылались, во первыхъ, на царскія вѣнчанія Владиміра Святого и Владиміра Мономаха, и во вторыхъ, на владѣніе царствами казанскимъ, астраханскимъ и сибирскимъ; когда же большинство европейскихъ дворовъ признало за московскими государями царскій титулъ, то государи эти стали основывать право свое на усвоенный себѣ титулъ и на этомъ признаніи (стр. 400).

Такимъ образомъ книга г. Саввы, касающаяся вопроса «о вліяніи Византіи на образованіе идеи царской власти Московскихъ государей» и написанная съ цѣлью «принести посильную лепту для разрѣшенія сложнаго и обширнаго вопроса о вліяніи Византіи на Русь», совершенно отрицательно относится къ упомянутому византійскому вліянію и пытается путемъ сопоставленія московскаго царя съ византійскимъ василевсомъ, совсѣмъ порвать связь нашего отечества съ Византіей въ такой области, которая издавна считалась у насъ византійскимъ наслѣдіемъ. Но, конечно, вопросъ, затронутый г. Саввой, не перестаетъ быть вопросомъ и послѣ выхода въ свѣтъ его изслѣдованія; какъ, надѣемся, это и будетъ показано на страницахъ нашего журнала въ особомъ критическомъ этюдѣ.

Н. Суворовъ, *Византійскій папа. Изъ исторіи церковно-государственныхъ отношеній въ Византіи*. Москва. 1902. Стр. 159.—Въ изслѣдованіи профессора Суворова рѣчь идетъ о византійскомъ патріархѣ Михаилѣ

Кируларіѣ, извѣстномъ въ исторіи, во первыхъ, своими мѣропріятіями противъ Рима, завершившими тотъ церковный разрывъ между востокомъ и западомъ, который подготовлялся уже давно и при патріархѣ Фотіѣ выяснился съ достаточною опредѣленностью, но до половины XI вѣка практически не былъ проведенъ и иногда даже совсѣмъ забывался, во вторыхъ, своими попытками подчинить себѣ императорскую власть и поставить патріарха новаго Рима приблизительно въ тоже положеніе, какое создалось для епископа стараго Рима на западѣ. Правильное пониманіе всего образа дѣйствій Кируларія, равно какъ хода историческихъ событій начала второй половины XI вѣка невозможно, пишетъ г. Суворовъ, если имѣть въ виду только столкновеніе этого патріарха съ Римомъ, оставляя въ сторонѣ его отношеніе къ императорской власти и въ особенности его конфликтъ съ Исаакомъ Комниномъ, и, наоборотъ, если имѣть въ виду единственно эту церковно-политическую сторону дѣятельности Кируларія, оставляя въ сторонѣ его образъ дѣйствій по отношенію къ Риму. Только изученіе всей вообще дѣятельности Михаила Кируларія можетъ привести къ выясненію исторически-вѣрнаго образа этого, не имѣвшаго себѣ подобныхъ, константинопольскаго патріарха, который одновременно дѣйствовалъ въ столкновеніи и съ Римомъ, и съ императорскою властью. Между тѣмъ въ литературѣ до сихъ поръ мало обращалось вниманія на эту взаимную связь обоихъ моментовъ. Лишь недавно вышла книга, нѣсколько восполняющая указанный моментъ, а именно: Louis Bréhier, *Le schisme oriental du XI siècle*. Paris. 1899. Помимо иныхъ недостатковъ, въ сочиненіи Брейе можно находить произвольною и натутою общую историческую концепцію дѣятельности Кируларія, который, по мнѣнію французскаго ученаго, систематически, шагъ за шагомъ, шелъ въ выполненіи широкаго, заранѣе обдуманнаго имъ, плана. Какъ извѣстно, Михаилъ Кируларій началъ свою карьеру съ заговора противъ императора Михаила IV Пафлагона и, въ случаѣ успѣшнаго исхода заговора, ему открывалась перспектива занятія императорскаго престола, такъ какъ онъ именно былъ заговорщиками намѣченъ въ качествѣ кандидата на тронъ. Заговоръ не удался, и Кируларій поплатился за него ссылкой, которая довела его до рѣшенія постричься въ монахи. Но, возвращенный изъ ссылки Константиномъ Мономахомъ и вскорѣ послѣ того сдѣланный патріархомъ, Кируларій, по мнѣнію Брейе, сразу же составилъ себѣ опредѣленную программу дѣйствій, выработалъ себѣ ясный планъ, проводившійся съ неуклонною послѣдовательностью. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы рано или поздно упразднить императорскую власть и соединить въ своихъ рукахъ sacerdotium и imperium. Церковный разрывъ въ этомъ планѣ долженъ былъ служить однимъ изъ этаповъ, ведущихъ къ достиженію конечной цѣли. Кируларію, рассуждаетъ Брейе, нужно было сначала порвать съ западомъ для того, чтобы стать единымъ главой востока, соединяющимъ въ своихъ рукахъ господство и въ церкви, и въ государствѣ, можетъ быть, съ совершеннымъ упраздненіемъ импе-

раторской власти, можетъ быть съ удержаніемъ императорства, какъ хранителя или держателя матеріальной силы, на подобіе того, какъ со времени Григорія VII римскіе папы трактовали императорскую власть. Но концепція Брейе не есть неизбѣжный путь къ раскрытію разумной связи между отдѣльными дѣйствіями Кируларія. Можно не безъ успѣха и доказать, что Кируларій лишь послѣдовательно, толкаемый событіями, дошелъ до идеи восточнаго папства, которая безспорно проглядываетъ въ его образѣ дѣйствій, особенно за время царствованія Исаака Комнина. Затѣмъ, и въ отношеніи къ обстоятельствамъ церковнаго разрыва, Брейе судить пристрастно, не видя въ дѣйствіяхъ римскаго папы ничего немѣстнаго (стр. III—VI).

Изслѣдованіе г. Суворова имѣетъ цѣлью изложить и освѣтить фактическія данныя, которыя служатъ къ выясненію цѣльной личности византійскаго патріарха Михаила Кируларія, насколько она выразилась въ его церковно-политической дѣятельности. Разумѣется, авторъ не пишетъ біографіи патріарха, а лишь рассматриваетъ и оцѣниваетъ его дѣятельность съ историко-юридической точки зрѣнія. Поэтому его трудъ представляетъ собою этюдъ въ области исторіи церковнаго права. Онъ состоитъ изъ трехъ главъ. Въ главѣ первой (стр. 7—29) излагаются обстоятельства, предшествовавшія раздѣленію церкви при патріархѣ Михаилѣ Кируларіѣ. Во второй главѣ (стр. 29—79) описывается разрывъ востока съ западомъ при Кируларіѣ, а въ третьей (стр. 79—159) говорится объ отношеніи патріарха Михаила къ императорской власти послѣ разрыва съ Римомъ.

Изслѣдованіе профессора Суворова отличается прекраснымъ анализомъ деталей вопроса и читается съ интересомъ.

А. П. Лебедевъ, *О нашемъ символѣ вѣры. Разсмотрѣніе и рѣшеніе ученымъ протестантомъ одного важнаго въ исторіи православія вопроса, съ присовокупленіемъ новаго пересмотра того же вопроса*. Свято-Троицкая Сергіева Лавра. 1902. Стр. 62. — Въ брошюрѣ профессора А. П. Лебедева сначала излагается содержаніе статьи бреславскаго профессора Вильгельма Шмидта, подъ заглавіемъ: «Zur Echtheitsfrage des Nicaeno-Constantinopolitanum» (Neue Kirchliche Zeitschrift, 1899, Heft 12, S. 935—985), въ коей авторъ выступаетъ на защиту Константинопольскаго символа отъ нападокъ Горта, Гарнака, Каттенбуша, Лоофса, Зееберга, Гана, Нёсгена, Кунце и другихъ ученыхъ. Шмидтъ доказываетъ, что въ основѣ Константинопольскаго символа лежитъ не другой какой либо символъ (какъ думаютъ упомянутые ученые), а именно Никейскій, что онъ составленъ и утвержденъ отцами второго вселенскаго собора, коими и былъ провозглашенъ въ качествѣ вселенскаго символа, но по особымъ обстоятельствамъ времени не вдругъ пріобрѣлъ общецерковное значеніе. Приминая къ воззрѣніямъ Шмидта, профессоръ Лебедевъ, въ свою очередь, вновь пересматриваетъ вопросъ о Никео-Константинопольскомъ символѣ и, на основаніи тщательнаго его обслѣдованія, приходитъ къ слѣдую-

щимъ выводамъ. Символъ іерусалимскій, который протестантскими учеными полагается въ основу нашего символа, въ научномъ смыслѣ есть фикція и не долженъ находить мѣста въ разсужденіи символа Константинопольскаго, потому что къ этому онъ не имѣетъ никакого опредѣленнаго отношенія. Такъ называемый символъ Епифаніевъ, который также считается «подготовительной работой» къ нашему символу, есть въ сущности псевдосимволъ. Онъ обязанъ появленіемъ на свѣтъ простой случайности и ни для чего не нуженъ. Не изъ него возникъ нашъ Константинопольскій символъ, а онъ самъ изъ этого послѣдняго. Такимъ образомъ, профессоръ Лебедевъ утверждаетъ, что символъ Константинопольскій былъ непосредственнымъ преемникомъ Никейскаго въ актѣ творчества символовъ вселенскаго значенія. Значить, пора оставить разсужденія о какихъ-то символахъ Іерусалимскомъ и Епифаніевомъ, которые выдуманы съ тенденціозной цѣлью протестантскими учеными.

Брошюра профессора Лебедева вполне заслуживаетъ того, чтобы западные ученые обратили на нее свое вниманіе и высказались по поводу оригинальныхъ и основательныхъ сужденій нашего ученаго. Она предварительно была напечатана въ Богословскомъ Вѣстникѣ за 1902 годъ (январь и февраль).

И. Соколовъ, *Церковно-ремизіонная и общественно-бытовая жизнь на православномъ греческомъ востокѣ съ XIX вѣка*. Историческій очеркъ. С.-Петербургъ. 1902. Стр. 83. — Въ очеркѣ отмѣчаются особенности въ устройствѣ храмовъ и совершеніи богослуженія на греческомъ востокѣ, сравнительно съ нашими, предложена характеристика мѣстной церковно-религіозной жизни, описывается дѣятельность католическихъ и протестантскихъ миссіонеровъ на греческомъ востокѣ въ XIX вѣкѣ, сообщается о мѣстныхъ фанатикахъ на церковно-религіозной почвѣ и либералахъ, говорится о благотворительной дѣятельности и отмѣчаются нѣкоторыя бытовые особенности мѣстнаго населенія. Эту часть заключительной главой къ «Очеркамъ исторіи православной греко-восточной церкви въ XIX вѣкѣ» того же автора, вышедшимъ въ свѣтъ въ 1901 году, и первоначально печатался въ «Христіанскомъ Чтеніи» (1902 г., май, августъ и сентябрь).

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

Ἡ ἐκκλησία τῶν Ἱεροσολύμων κατὰ τοὺς τελευταίους τέσσαρας αἰῶνας. 1517 — 1900. Ἀθήναι. 1900. Рецензія въ Странникѣ, 1902, мартъ, стр. 602 — 606.

Священникъ Іоаннъ Дроздовъ, Очерки по всеобщей церковной исторіи. Выпуски первый и второй. Иркутскъ, 1899 — 1901. Рецензія тамъ же, апрѣль, стр. 808 — 810.

А. П. Лебедевъ, Очерки внутренней исторіи византийско-восточной церкви въ IX, X и XI вѣкахъ. Изданіе второе, дополненное. Москва. 1901. Рецензіи: въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1901, декабрь, стр. 1230 — 1233;

въ ж. Вѣра и Церковь, 1901, кн. 10, стр. 901—907; въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1901, № 48, прибавленія, стр. 1776—1777. См. Виз. Врем., VIII (1901), стр. 608.

Епископъ Кирионъ, Краткій очеркъ исторіи грузинской церкви и экзархата за XIX столѣтіе. Тифлисъ. 1901. Рецензія: въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1901, № 47, прибавленія, стр. 1735—1738; въ Странникѣ, 1902, январь, стр. 192—193. См. Виз. Врем., VIII (1901), стр. 622.

А. Аннинскій, Исторія армянской церкви до XIX вѣка. Кашиневъ, 1901. Рецензія въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1901, № 47, прибавленія, стр. 1738—1740. См. Виз. Врем., VIII (1901), стр. 205, 232.

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Томъ VI, выпуски 2—3. Софія. 1901. Рецензія въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1901, декабрь, стр. 1211—1213. См. Виз. Врем., VIII (1901), стр. 639.

Архiepiscopъ Сергій, Полный мѣсяцесловъ востока. Т. 1—2. Изданіе второе, исправленное и много дополненное. Владиміръ. 1901. Рецензія: въ Христіанскомъ Читаніи 1901, декабрь, стр. 1002—1004; въ Странникѣ, 1901, декабрь, стр. 1048—1050. См. Виз. Врем., VIII (1901), стр. 633, 644.

Византійскій Временникъ, издаваемый Императорскою Академіею Наукъ подъ редакціей В. Э. Регеля, томъ VIII, вып. 1—2. Спб. 1901. Рецензія въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1902, январь, стр. 331—333.

П. Лопорскій, Исторія вессалоникскаго экзархата до времени присоединенія его къ константинопольскому патріархату. Спб. 1901. Рецензія тамъ же, стр. 355—357. См. Виз. Врем., VIII (1901), стр. 611, 645.

Посланія св. Игнатія Богоносца въ рускомъ переводѣ прот. П. А. Преображенскаго. Спб. 1902. Рецензія въ ж. Вѣра и Церковь, 1901, кн. 10, стр. 907—908.

И. С. Бердяковъ, Основныя начала церковнаго права православной церкви. Казань. 1902. Рецензія въ Странникѣ, 1902, апрѣль, стр. 418—412. См. выше стр. 220.

Heinrich Gelzer, Geistliches und Weltliches aus dem türkisch-griechischen Orient. Leipzig. 1900. Рецензія тамъ же, стр. 815—817. См. Виз. Врем., VIII (1901), стр. 247.

А. А. Васильевъ, Византія и Арабы. Спб. 1900. Рецензія С. Jirěšek въ Archiv für slavische Philologie, 24 (1902), стр. 615—616. См. Виз. Врем., VII (1900), стр. 500, 772; VIII (1901), стр. 234, 645.

И. Соколовъ.

ГЕРМАНИЯ.

Byzantinische Zeitschrift, herausgeg. von K. Krumbacher, Band XI, Heft 1 u. 2, 1902.

Въ первомъ отдѣлѣ (стр. 1—134) помѣщены слѣдующія статьи:

К. Prächter, Zu Chorikios (стр. 1—3).—Показывается на одномъ мѣстѣ Хорикія (въ защитительной рѣчи Мильтіада, изд. Ферстеромъ въ

Ind. lect. Vratisl. 1892/3), какъ византийскіе риторы на практикѣ слѣдовали античной риторической теоріи, въ частности — теоріи стоической школы, извлекавшей законы риторики изъ рѣчей гомеровскихъ героевъ и извѣстной намъ изъ псевдо-Плутарха (Περὶ τοῦ βίου καὶ ποιήσεως Ὀμήρου и др.) и схолий къ Гомеру.

Th. Preger, *Die Chronik vom Jahre 1570* («Dorotheos» von Monembasia u. Manuel Malaxos) (стр. 4 — 15). — Статя примыкаетъ къ работѣ Прехтера о неизданныхъ хроникахъ XVI и XVII вѣка (Byz. Ztschr. VIII, 329 слѣд.). Сообщаются свѣдѣнія о рукописяхъ хроники 1570 г., послужившей главнымъ источникомъ для т. наз. Дороеея (на дѣлѣ Іероеея) монемвасійскаго: изъ нихъ 21 анонимны; изъ этихъ 21 рук. 7 имѣютъ тоже заглавіе, что печатный «Дороеей», 14 другихъ заглавій не имѣютъ; въ 4-хъ же рукописяхъ авторомъ названъ Мануилъ Малаксъ. Однако и Малаксъ только списалъ и отчасти продолжилъ хронику 1570 г., а не составилъ ее; Іероеей или имѣлъ въ рукахъ экземпляръ редакціи Малакса, или оба имѣли одну редакцію анонимной хроники, что видно изъ тождества заключительныхъ статей, которыхъ нѣтъ въ классѣ безымянныхъ рукописей. Этотъ Малаксъ — авторъ извѣстнаго Номоканона; о немъ есть замѣтка у пастора Герлаха; въ 1581 г. его уже не было въ живыхъ. Судя по существующимъ скуднымъ даннымъ, ближе всего къ оригинальной хроникѣ стоятъ анонимный Harlej. 5742 и Малаксъ Paris. 1790; Іероеей и анонимный Vatoped. 601 сокращены, Harl. 5632 (Малаксъ) сокращенъ еще болѣе. Для историка въ этой хроникѣ интересны конецъ и продолженія; болѣе ранніе отдѣлы интересны лишь многими передаваемыми тамъ народными сказаніями. Одинъ изъ главныхъ источниковъ хроники — вульгарная парафраза Манасси; авторъ ея (хроники) едва ли не венеціанецъ — родомъ или по мѣсту постоянного жительства.

P. N. Parageorgiu, *Zu den Briefen des Theodoros Laskaris* (стр. 16 — 32). — Длинный рядъ замѣтокъ по тексту и языку писемъ Θεοδωρα Λασκαρινα; авторъ видитъ въ нихъ матеріалъ для второго изданія этихъ писемъ, которое должно будетъ сильно отличаться отъ перваго (N. Festa, *Theodori Ducae Lascaris Epistulae CCXVII*, Firenze 1898).

Онъ же, *Zu Photios* (стр. 33 — 34). — Издательскія дополненія къ Φωτίου π. ἀνέκδοτος Ὀμιλία καὶ ἐκδομέναι ἐπιστολαί (Триестъ 1900).

Онъ же, *Nachtrag zu B. Z. X*, 151 (стр. 34).

F. Nau, *Note sur la date de la mort de S. Jean Climaque* (стр. 35—37). См. ниже отд. «Франція».

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, Νικηφόρος Κάλλιτος; Ξηνόπουλος (стр. 38 — 49). — Сперва поправляются и дополняются данныя Geschichte der byz. Lit.² по литературѣ о Ксанеопулѣ, говорится о изданіяхъ его сочиненій (опущенныхъ у Крумбахера) и о рукописяхъ неизданныхъ его трудовъ. Затѣмъ напечатано 16 стихотвореній и молитва въ прозѣ, стоящихъ въ сборникѣ сочиненій Ксанеопула Sabbait. 150; 6 изъ нихъ находятся еще въ оксфордскомъ Miscell. 76, 2 извѣстны съ именемъ Мануила Филы,

одно очень сходно съ однимъ стихотвореніемъ послѣдняго, и одно издано безъ имени автора Буассонадомъ въ *Anecdota graeca* I, стр. 163 по Paris. 1630.

Онъ-же, Μάρκος ὁ Εὐγενικός, ὡς πατὴρ ἅγιος τῆς ὁρθ. καθ. ἐκκλησίας (стр. 50—69). — Сперва устанавливается день и годъ кончины Марка — 23 Іюня 1449 г., по показаніямъ Убертина Пускула (*Monum. Hung. hist.* XXII, 1 ч. № VIII) и брата Марка, Іоанна; далѣе доказывается, что константинопольская церковь признала его своимъ святымъ отцомъ не въ 1866 г. (*Gesch. d. byz. Lit.* ², стр. 679), а съ самой его кончины, несмотря на то, что тогда не было законнаго православнаго патриарха: его называлъ святымъ уже въ надгробной рѣчи Геннадій Схоларій; первое пѣсенное послѣдованіе ему составилъ его братъ Іоаннъ; второе, послѣ 1453 г., три константинопольскихъ диаскала: Макарій (митр. филадельфійскій), Георгій и Григорій; третье возникло около 1484 г. Нектарій іерусалимскій въ XVII в. подтверждаетъ со словъ нѣкоего іеромонаха Арсенія Киприянина, 120-лѣтняго старца, что съ начала турецкаго владычества память Марка совершалась ежегодно, въ день перенесенія его мощей, 19 января. Служба (вторая) ему стоитъ въ сборникѣ Николая Каратци, въ статьѣ, датированной 1731 г., и отличается поэтическими достоинствами; между 6 и 7 пѣснью канона стоитъ синаксарь ему (текстъ напечатанъ на стр. 56—59). У того же Николая списаны 2 статьи изъ пропавшей теперь рукописи синодика православія 1499 г.; въ нихъ (стр. 60—61) заключается похвала и вѣчная память Марку и Геннадію; прибавить такіа статьи къ синодику могъ только соборъ, имѣющій для восточной церкви вселенское значеніе — таковъ былъ константинопольскій соборъ 1481—4 г., отвергшій унитское опредѣленіе 1439 г.; тогда же составлена риторомъ В. церкви Мануиломъ и третья служба св. Марку, новый синаксарь и слово о флорентійскомъ соборѣ. Съ начала XVI вѣка и до начала XIX-го эта служба въ печатныхъ служебныхъ минеяхъ не могла стоять, такъ какъ богослужебныя книги печатались въ латинской странѣ и большей частью подъ надзоромъ католическихъ духовныхъ; поэтому въ нихъ нѣтъ ни одного противоунитскаго святого. Въ 1730 г. унитское духовенство возстало на Кефалоніи противъ празднованія памяти Марка, какъ противъ новшества; памятникомъ этого эпизода осталось «обличеніе» Сильвестра Византіяца, стоящее въ томъ же сборникѣ Каратци; дѣло рѣшилъ патриаршій соборъ въ К-тѣ, въ февралѣ 1734 г. Эти и подобныя факты изъ XVIII в. показываютъ, что Маркъ чтился, какъ святой, православными греками въ XV—XIX вв.

P. N. Parageorgiu, *Zu den Dokumenten des Gottesmutter-Klosters in Makedonien* (стр. 70—73). — Рядъ замѣчаній по тексту документовъ о монастырѣ Милующей Божіей Матери у Струмицы, напечатанныхъ по плохому списку Миллера Paris. 1222 съ рукописи Ивира у L. Petit, Le Monastère de Notre-Dame de Pitié en Macédoine, Sofia 1900.

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, *Συνοδικὴ πρᾶξις Γεωργίου Ξηφιλίνου*

(стр. 74 — 78). — Въ Acta Patriarch. Sropolitani I, стр. 229 помѣщенъ документъ, въ которомъ примѣняется одно синодальное постановленіе патріарха Михаила Анхіала, подтвержденное затѣмъ при п. Георгіѣ Ксифилинѣ; то же постановленіе въ существенныхъ частяхъ своихъ повторено у Димитрія Хоматіана (Pitra, Analecta sacra, т. 6, стр. 347 — 349); но полный текстъ и дату самого акта Георгія нашелъ авторъ въ рукописи 120 Діонисіата (по описанію проф. Ламброса Athous 3654) и сообщаетъ его цѣликомъ въ настоящей статьѣ. Актъ относится къ 1191-му г., слѣдовательно патр. Георгій вступилъ на кафедру ранѣе начала 1192-го; актъ патріарха Михаила составленъ былъ въ 1176-мъ году.

II. N. Παπαγεωργίου, Διορθώσεις εἰς *Fontes imperii Trapezuntini*, I (стр. 79 — 102). — Обширный сводъ замѣтокъ и исправленій къ тексту «Источниковъ по исторіи Трапезундской Имперіи», изданныхъ А. И. Пападопуло-Керамевсомъ (Записки Ист.-филологич. факультета СПб. Унив., ч. 44, 1897 г.).

Онъ же, 'Απὸ τοῦ βασιλικῷ σεκρέτου? (стр. 103 — 104). — Такъ авторъ предлагаетъ теперь читать надпись ексагія, о которой см. Byz. Ztschr. IX, 477 слѣд., отчасти на основаніи наблюденій А. Пападопуло-Керамевса, отчасти противъ его предположеній (тамъ-же, стр. 669).

C. Ferrini, *Di un nuovo palinsesto dei Basilici* (стр. 103 — 108). — См. отд. «Италія».

II. N. Παπαγεωργίου, Ἀντίβολον=archetypus (стр. 109). — Слово τὸ ἀρχέτυπον прямо уравниено съ τὸ ἀνθήβολον (sic) въ замѣткѣ 1756 г. одной рукописи вессалійскаго монастыря св. Димитрія (Néa Ἡμέρα 1899, № 1295).

Онъ же, Von Saloniki «nach Europa», von Europa «nach Griechenland» (стр. 109 — 110). — Указывается слѣдъ представленія, противопологающаго Солунъ и Грецію Европѣ, въ письмахъ имп. Θεодора Ласкариса (Festa, p. 165 и 176).

Онъ же, Zu B. Z. VII 587 (стр. 110).

J. B. Вугу, Ἀμφότεροι for πάντες. Указывается, что ἀμφότεροι значить *все* (именно — четыре) у св. Θεодора Студита, письма кн. II, № 35.

V. Gardthausen, Ὁ ὀξύρυχος χαρακτήρ (стр. 112—117). — Означенный въ заглавіи статьи терминъ Wilcken (Hermes 36, 315) объяснилъ, какъ обозначеніе косоугольнаго и косога унциальнаго шрифта и, встрѣтясь съ нимъ въ Historia Lausiaca (изд. Прейшена 111, 11) и у Іоанна Филопона, рѣшилъ, что самый этотъ шрифтъ не моложе прямоугольнаго стоячаго устава. По Гардтгаузену однако терминъ означаетъ не форму буквъ, а форму писчей трости, какъ ее очиняли для курсивнаго письма. Указанія Вилькена на примѣры косога устава въ папирусахъ до VII-го вѣка неубѣдительны: прямое письмо всѣхъ временъ обнаруживаетъ наклонность переходить въ косое справа налѣво, а *последовательнаго* косога устава папирусы не представляютъ.

P. N. Parageorgiu, *Angebliche Maler und Mosaiķarbeiter auf dem Athos im IX. u. X. Jahrhundert* (стр. 118 — 119). — Сообщается исправный

текстъ замѣтки въ евангеліи XIV в. монастыря св. Павла, содержащей имена иконописцевъ и мусіистовъ Аэона; уже проф. Ламбросъ подозрѣвалъ подлогъ, г. Папагеоргіу вполне соглашается съ нимъ и считаетъ фальсариємъ извѣстнаго Симонида.

S. Krauss, *Die Königin von Saba in den byzantinischen Chroniken* (стр. 120 — 131). — Изъ греческихъ хронистовъ первый Георгій Монахъ, а за нимъ Кедринъ и Глика отождествили савскую царицу съ сивиллою; у Малалы этого представленія еще нѣтъ. Поэтому оно заслуживаетъ изученія, такъ какъ можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на источники Георгія Монаха. Основа его въ томъ, что, по Павсанію, одну изъ сивиллъ звали Sabba; она зовется то вавилонской, то египетской сивиллою; переходъ отъ Египта къ Эіюпіи уже нетруденъ; къ тому же сивилла Сабба является именно у палестинскихъ евреевъ. Это имя Σάββα или Σαββήδν связано у Свида съ сыномъ Куша Σαββαδά (Быт. 10, 7, I Паралип. 1, 9): сивилла Сабба слыветъ тоже за принадлежащую къ потомству Ноя. Писатели, говорящіе о сивиллѣ изъ Ноева рода, уже думали при этомъ о Саббѣ = о савской царицѣ, и значить не первому Георгію принадлежить это отождествленіе. Оно византійскаго происхожденія и падаетъ въ эпоху пасхальной хроники (VII вѣкъ). Въ числѣ задачъ, заданныхъ царицей Соломону, одна (какъ отличить мальчиковъ и дѣвочекъ) встрѣчается впервые въ сходной формѣ въ Мидрашѣ на Притчи. Самъ Георгій ссылается на Іосифа Флавія; но онъ разумѣетъ подъ нимъ того псевдо-Іосифа, котораго Гельцеръ отождествилъ съ Панодоромъ, и который былъ на дѣлѣ источникомъ послѣдняго, т. е. составленъ до 400 г.

II. Γ. Ζερλέντης, *Κερκυραϊκὸν δημοτικὸν ποίημα* (стр. 132 — 134). — Сообщается текстъ народной парафразы поэмъ: 'Ερωτικὴ ἀπάτη и 'Ρήματα κόρης καὶ νέου, записанный авторомъ съ голоса старика-пѣвца въ Мантукии на о. Керкирѣ.

Второй отдѣлъ (стр. 134 — 203) состоятъ изъ рецензій на слѣдующія книги:

E. Maass, *Commentariorum in Aratum reliquiae*. Berolini apud Weidmannos 1898. — Рец. Fr. Boll (стр. 135 — 139).

Catalogus codicum astrologorum graecorum. II. Codices Venetos descripserunt G. Kroll et A. Olivieri. III. Codd. Mediolanenses descr. Aem. Martini et D. Bassi. Bruxellis 1900 — 1901. — Рец. Fr. Boll (стр. 139 — 143).

Wilhelm Greif, *Neue Untersuchungen zur Dictys- u. Daresfrage. I. Dictys Cretensis bei den Byzantinern*. Berlin 1900. — Рец. E. Patzig (стр. 144 — 156).

J. Fürst, *Untersuchungen zur Ephemeris des Dictys von Kreta* (Philologus 1901). — Рец. E. Patzig (стр. 157 — 160).

Leo Sternbach, *Studia philologica in Georgium Pisidam*. Cracoviae 1900. — Рец. I. Hilberg (стр. 160 — 164). См. также рец. Анонима въ *Analecta Bolandiana* 1901, стр. 321 слѣд.

E. Maass, *Analecta sacra et profana*. Marburg 1901. — Рец. Th. Preger (стр. 164 — 168).

Fr. Diekamp, *Hippolytos von Theben*. Münster i. W., 1898. — Рец. A. Ehrhard (стр. 168—170).

E. v. Dobschütz, *Christusbilder*. Leipzig, Hinrichs 1899. — Рец. A. Ehrhard (стр. 170 — 178).

K. Holl, *Enthusiasmus und Bussgewalt beim griechischen Mönchtum*. Leipzig, Hinrichs 1898. — Рец. A. Ehrhard (стр. 178 — 183).

J. Schmidt, *Des Basiliius von Achrída, Erzbischofs von Thessalonich, bisher unedierte Dialoge*. Ein Beitrag zur Geschichte des griechischen Schisma's. München 1901. — Рец. J. E. Wels (стр. 183 — 184).

A. Thumb, *Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus*. Strassburg, Trübner 1901 и

P. Kretschmer, *Die Entstehung der Κοινή*. Wien 1900. — Рец. Paul Wendland (стр. 184 — 191).

Georg Swarzenski, *Die Regensburger Buchmalerei des X. u. XI. Jahrhunderts*. Leipzig 1901. — Рец. J. Strzygowski (стр. 191 — 194).

A. Venturi, *Storia dell' arte italiana*. I. Milano 1901. — Рец. J. Strzygowski (стр. 194 — 196).

Изъ отчета историко-филологическаго общества при Им. Новороссійскомъ Университетѣ. VIII и IX. Византийско-славянское отдѣленіе. V и VI. Одесса 1900 и 1901. Рец. E. Kurtz (стр. 196—202).

Jean Lombard, *Byzance*. Préface de Paul Margueritte. Paris 1901. — Рец. Th. Zichy.

Изъ отдѣла III (стр. 204 — 302) заимствуемъ указанія редакціи на слѣдующія новости германской ученой литературы по византиновѣдѣнію:

ПО ЛИТЕРАТУРѢ И ЯЗЫКУ:

A. Heisenberg, *Analecta. Mitteilungen aus italienischen Handschriften byzantinischer Chronographen*. München, Druckerei J. B. Lindl 1901. 47 стр. 8°. — Общана рецензія.

Stephanus Gloeckner, *Quaestiones rhetoricae. Historiae artis rhetoricae qualis fuerit aeo imperatorio capita selecta*. Bresl. philol. Abhandl. herausgeg. von R. Förster VIII, 2. Breslau, Marcus 1901. VIII+115 стр. 8°. — Въ первой части авторъ изслѣдуетъ вопросъ, почему Гермогенъ приобрѣлъ такое значеніе для византийской риторики, стараясь установить по комментаріямъ къ нему, въ чемъ онъ оригиналенъ сравнительно со своими товарищами по искусству. Въ предисловіи даются цѣнныя свѣдѣнія о рукописяхъ этихъ комментаріевъ и о ихъ составѣ; указываются имена и дѣлаются (малонадежныя) попытки отождествленія ихъ авторовъ съ извѣстными лицами (Нилъ, Христофоръ — основатель и монахъ Гротаферратскаго монастыря). Особенно подробно говорится о комментаріяхъ Іоанна Доксопатра (по Фёрстеру XI в.). Во второмъ отдѣлѣ говорится о направле-

нии соперника Гермогена, Минукіана, въ его отличіяхъ отъ Гермогена, дагѣе о другихъ риторяхъ — Сиріанѣ, Сопатрѣ etc.

Scriptores originum Constantinopolitanarum, rec. Th. Preger. Fasc. I. Leipzig, Teubner 1901. XX+134 стр. — Общана рецензія.

Leo Sternbach, *Constantini Manassae ephrasis inedita*. ВЪ Symbolae phil. Polonorum Ludovico Čwiklinski, Leopoli 1901, стр. 11 — 20. — Даются текстъ и комментарий риторическаго произведенія Манасси, содержащаго описаніе придворнаго карлика XII в., хіосца родомъ; т. обр. эти карлики — обычное явленіе средневѣковыхъ европейскихъ дворовъ — имѣютъ, оказывается, свой прототипъ въ Византіи.

Johannes Dräseke, *Demetrius Kydones oder Nemesisus?* Zeitschr. f. wissenschaft. Theol. 44 (1901), 391—400. — Дрэске приписываетъ Немезію рѣчь de contempnenda morte, изданную недавно Деккельманномъ съ именемъ Димитрія Кидониса.

M. Treu, *Matthaios, Metropolit von Ephesos. Über sein Leben und seine Schriften*. Progr. Potsdam 1901. 58 стр. 8°. — Разсмотрѣвъ рукопись Vindob. theol. gr. 174, авторъ открылъ, что она содержитъ произведенія не Никифора Григоры (какъ думалъ ошибочно Ламбецій), а есть автографъ ряда сочиненій — молитвъ и писемъ (б. ч. къ Миханлу Габрѣ) — ефесскаго митрополита Матеея, 3 письма котораго къ филологу Іосифу Трей опубликовалъ въ Byz. Ztschr., VIII, 52 слѣд. Этотъ Матеей, какъ оказывается изъ его сочиненій, родился въ концѣ XIII в. въ Филадельфіи; въ санѣ ефесскаго митрополита хорошо ладилъ съ владѣвшими городомъ сельджуками, во время спора о еаворскомъ свѣтѣ стоялъ на сторонѣ Никифора Григоры противъ аеонцевъ, лишился каведры и умеръ, забытый всѣми, послѣ 1360 г. — См. рецензію J. Dräseke въ Zeitschr. für wissenschaft. Theologie 44 (1901), 622—629.

Max Goldstaub, *Der Physiologus und seine Weiterbildung besonders in der lateinischen und in der byzantinischen Litteratur*. Philologus, Supplementband VIII (1901), 339—404. — Дается сводъ и отчасти разборъ данныхъ о рукописныхъ развѣтвленіяхъ латинскаго и византійскаго Физиолога, явившихся въ печати со времени книги Лаухерта (1889): «Geschichte des Physiologos».

K. Krumbacher, *Ein dialogischer Threnos auf den Fall von Konstantinopel*. Sitzungsber. d. bayer. Ak. d. Wiss., philos.-philol. u. hist. Klasse, 1901, 329—362. — Θρήνος на событіе 1453 г., изданный здѣсь, представляетъ діалогъ четырехъ восточныхъ патріарховъ и «ксеноса» (странника); напечатаны два полныхъ текста разныхъ редакцій Oxon. Misc. 302 и Marc. VII, 43. — Ср. рец. K. Prächter'a въ Deutsche Litteraturzeitung, 1902, № 1, ст. 21 — 22.

D. P. Thomas M. Wehofer, *Untersuchungen zur altchristlichen Epistolographie*. Sitzungsber. d. Kais. Ak. d. Wiss. in Wien, philos.-hist. Klasse, B. CXLIII. Wien 1901. — Для византиниста важенъ тезисъ, что въ рядѣ древне-христіанскихъ греческихъ литературныхъ посланій соблюдены правила не

греческой риторики, а семитической художественной прозы, какъ эти правила установлены D. H. Müller'омъ въ книгѣ «Die Propheten in ihrer ursprünglichen Form». Этотъ крупный фактъ влиянія семитической литературы на христіанскую греческую усиливаетъ гипотезу о сирійскомъ происхожденіи греческой ритмической поэзіи гимнографовъ, и заставляетъ съ напряженнымъ интересомъ ожидать обѣщанныхъ Wehofer'омъ его изслѣдованій по послѣднему вопросу.

Karl Dieterich, *Neugriechisches und Romanisches*. I. Zeitschr. f. vergleich. Sprachforsch. N. F. 17 (1901), 407—423. — О происхожденіи синкопы и смѣнѣ μ и β въ новогреческомъ языкѣ.

По богословскимъ наукамъ:

Fr. Diekamp, *Mittheilungen über den neu aufgefundenen Commentar des Oekumenius zur Apokalypse*. Sitzungsber. d. preuss. Akad., 1901, стр. 1046—1056. — Авторъ нашелъ въ трехъ рукописяхъ: № 99 монаст. Спасителя въ Мессинѣ, Taurin. gr. 84, и Vatic. gr. 1426 толкованіе Икуменія трикк-скаго на апокалипсисъ, изъ котораго слѣдуетъ, что Икуменій жилъ и писалъ ок. 600 года, послужилъ источникомъ для толкованій Андрею и Арею кесарійскимъ, и что извѣстные съ именемъ Икуменія отрывки толкованій на Апостолъ неподлинны.

Joh. Dräseke, *Die Syllogismen des Photios*. Ztschr. f. wissenschaft. Theologie 44 (1901), стр. 553—589. — Указывается, что напечатанныя Гергенрётеромъ «силлогизмы», извлеченные изъ фотіева «Тайноводственного слова о Св. Духѣ», оспариваются Веккомъ въ 1275 г., причемъ приводятся буквально въ той же формѣ, что у Гергенрётера, и съ именемъ Фотія; чѣмъ вновь подтверждается мнѣніе объ авторствѣ послѣдняго.

Joh. Michael Schmid, *Geschichte des Apostels Thaddaeus und der Jungfrau Sanducht*. Zeitschr. f. armen. Philol. 1 (1901), 67 — 73. — Дается переводъ съ древне-армянскаго текста сказанія, переведеннаго въ свою очередь, повидимому, съ сирскаго, въ V-мъ вѣкѣ. Армянскій текстъ былъ изданъ въ Armenische Traktate VIII, Венеція 1853, стр. 59 — 75.

R. Nachtigall. *Ein Beitrag zu den Forschungen über die sogenannte «Бесѣда трехъ святителей»*. Archiv für slav. Philol. 23 (1901), стр. 1—96 (неокончено). — Разбирается вопросъ объ отношеніи русской «Бесѣды трехъ святителей» къ греческимъ и южнославянскимъ текстамъ подобнаго рода на основаніи работъ покойнаго проф. Красносельцева.

Theodor Schermann, *Die Gottheit des heiligen Geistes nach den griechischen Vätern des 4. Jahrhunderts*. Freiburg i. Breisgau, Herder 1901. XII + 245 стр. 8°. — Излагается сперва ученіе аріанъ, полуаріанъ и ихъ преемниковъ о св. Духѣ, а затѣмъ въ 8 главахъ ученіе православныхъ отцовъ: Кирилла іерусалимскаго, Афанасія, трехъ каппадокійцевъ, Дидима, Златоуста и Епифанія. Послѣдній, по автору, является прямымъ поборникомъ filioque.

ПО ИСТОРИИ.

Th. Preger, *Das Gründungsdatum von Konstantinopel*. Hermes 36 (1901), 336—342. — Извѣстія объ основаніи Константинополя можно свести къ двумъ главнымъ группамъ: Пасхальной хроники (говоритъ о событіяхъ 325 г., когда началось украшеніе города роскошными постройками) и Θεοφανα (о 328 г., когда заложены торжественно стѣны новаго расширеннаго города). Впослѣдствіи обѣ даты были вытѣснены датой освященія города — 11 мая 330 г.

Helnr. Hagenmeyer, *Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088—1100*. Innsbruck, Wagner 1901. X+488 стр. 8°. — Обѣщана рецензія.

H. Gelzer, *Das Verhältniss von Staat und Kirche in Byzanz*. Hist. Zeitschr. N. F. Bd. L (1901), 195—252. — Авторъ разсматриваетъ исторію борьбы церкви за свою свободу съ государственною властью отъ IV — IX в.; когда въ IX вѣкѣ церковь (по его мнѣнію) отреклась отъ мысли о такой свободѣ, — по автору, послѣднимъ носителемъ ея былъ св. Θεοδότης Студитъ, — разрывъ со Старымъ Римомъ, ея воплощеніемъ и защитникомъ, сталъ неизбеженъ. Референтъ Byz. Ztschr. указываетъ въ частности на обиліе новыхъ интересныхъ замѣчаній и выводовъ въ главѣ объ отношеніи византійской церкви къ разномыслящимъ и невѣрнымъ.

H. Gelzer, *Ungedruckte u. ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum, ein Beitrag zur byzantin. Kirchen-u. Verwaltungsgeschichte*. Abhandl. der philos.-philol. Klasse der k. bayer. Akademie der Wissenschaften. B. 21, стр. 529—641. München 1901. — Сообщаются и анализируются: 1) полный текстъ т. наз. Экчесіисъ св. Епифанія (рукопись 552 метохія св. Гроба въ Константинополѣ), причемъ доказывается, что въ основѣ экчесіиса и каталоговъ епархій VIII и IX лежитъ псевдо-Епифаніевъ каталогъ, вѣроятно времени имп. Ираклія, когда Афродизіада въ Каріи уже была переименована въ Ставрополисъ; 2) каталогъ времени Льва Мудраго, изъ той же рукописи, изъ 904—907 гг., и 3) каталогъ Іоанна Цимисхія, по Athen. 1372; 4) вопросъ о расширеніи имперіи на востокъ при македонской династіи по различнымъ каталогамъ епархій; 5) списокъ времени Мануила Комнина, изъ 1170—1179 г., изъ Athen. 1371; 6) церковь при никейскихъ императорахъ и Михаилѣ Палеологѣ — по существу строй былъ определенъ каталогомъ Исаака Ангела, но въ никейской имперіи возникли новыя притязанія и новыя цѣли, отразившіяся на Notitia X, дополняемой у Гельцера изъ Genav. Helvet. 23; 7) экчесіисъ Андроника Палеолога; 8) каталоги XIV в.; 9) очень хорошая, достовѣрная Notitia начала турецкаго времени, по 17 рукописямъ; 10) списокъ наличныхъ и исчезнувшихъ епархій, XVII в., по двумъ аѳинскимъ рукописямъ; онъ не лишень ошибокъ, но въ общемъ составленъ старательно и добросовѣстно. — По сужденію референта Byz. Ztschr., со времени оживленія византійскихъ знаній не являлось лучшаго труда по организаціи вост. церкви, чѣмъ эта книга Гельцера.

Karl Neumeyer, *Die gemeinschaftliche Entwicklung des internationalen Privat- und Strafrechts bis Bartolus. I. Die Geltung der Stammesrechte in Italien*. München, J. Schweitzer 1901. XII+313 стр. 8°. — Работа касается между прочимъ состоянія права въ византийскихъ областяхъ Италіи и еудебъ въ Италіи византийскаго права. Въ лонгобардскую эпоху и позднѣе верхняя и средняя Италія распадаются на двѣ ясно различимыя правовыя области: въ лонгобардской царить эдиктъ, въ византийской мѣстное римское право. Но особенно съ франкской эпохи капитуляріи франкскихъ императоровъ вліяютъ на правовое положеніе, главнымъ образомъ въ Венеціи, и здѣсь-же, повидимому, совмѣстная жизнь племень франкскаго государства сложилась въ правовомъ отношеніи подѣ сильнымъ и своеобразнымъ воздѣйствіемъ византийскихъ воззрѣній. Въ нижней Италіи, въ теченіе VIII—XI вѣковъ, лонгобардское право играетъ въ лонгобардскихъ и даже въ отошедшихъ снова къ Византіи мѣстностяхъ главную роль, и даже въ византийскихъ оно сильно вліяетъ; римское же право только съ XI в. подымается изъ своего глубокаго упадка. Греческое право и нація долѣе всего сохраняли самостоятельное значеніе въ Сициліи; по мѣрѣ латинизаціи городовъ греки, кажется, организовались въ формѣ цеховъ, и до XIII в. удерживали византийское право, въ противоположность латинянамъ, управлявшимся юстиніановскимъ правомъ. Послѣдніе остатки особаго греческаго права замѣтны еще доселѣ въ дѣйствующемъ правѣ о. Мальты.

Johann Ernst, *Die Ketzertaufangelegenheit in der altchristlichen Kirche nach Cyprian. Mit besonderer Berücksichtigung der Konzilien von Arles und Nicäa*. Mainz, Kirchheim 1901. VIII+94 стр. 8°. — Св. Василиій Великій и никейскій первый соборъ, въ противность Кипріану, стоятъ за дѣйствительность крещенія схизматиковъ; что касается еретиковъ, то тутъ перекрещиваніе требуется (на Востокѣ, а отчасти и на Западѣ) лишь для еретиковъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ — противотрончниковъ. Трудъ содержитъ цѣнныя замѣчанія по богословію свв. Афанасія, Василия Великаго и Кирилла іерусалимскаго.

Ferd. Hirsch, *Byzantinisches Reich*. Berl. Jahresberichte der Geschichtswissenschaft XXII (1899) III, 200—211. — Обзорѣніе явившихся въ 1899 г. трудовъ по исторіи и топографіи Византіи.

ПО ЭТНОГРАФИИ:

Constantin Jireček, *Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters*. I. Teil. Wien 1901. 104 стр. 4°. Изъ Denkschriften d. Kais. Akad. d. Wiss., phil.-hist. Cl., Bd. 48. — На основаніи обширнаго архивнаго матеріала, собиравшагося съ 1878 г., и прекраснаго знакомства съ трудно доступной, разбросанной литературой, авторъ даетъ этнографическій обзоръ городовъ Далмаціи отъ римскихъ временъ до XVI вѣка. Во введеніи дается исторія романизаціи сѣвера балканскаго полуострова

(романскіе далматинцы, дунайскіе римляне на границѣ, албанцы въ иллирійскихъ горахъ). Въ V—VI стол. эти придунайскіе римляне составляли основу визант. войскъ. Со временъ Ираклія, съ паденіемъ византійской власти на Дунаѣ, дѣло мѣняется: въ новомъ войскѣ первую роль играютъ малоазійскіе греки, армяне и др. восточные племена. Подробно говорить авторъ о славянскомъ переселеніи, и о увлеченныхъ имъ до Фессаліи и Далмаціи группахъ потомковъ дунайскихъ римлянъ (румынъ). Въ XV—XVI вѣкѣ, во время турецкихъ нашествій, далматинскіе «влахи» были завлечены до Триеста и Истрии, гдѣ еще теперь населеніе трехъ деревень говоритъ по румынски. Остатки византійской далматинской семьи уцѣлѣли на сѣверѣ до Комниновъ, Рагуза оставалась византійскою до 4-го крестоваго похода. — Въ ожидаемой второй части будутъ даны документы и списки собственныхъ именъ, подтверждающіе изложеніе автора.

По исторіи искусства:

Alois Riegl, *Die spätrömische Kunst-Industrie nach den Funden in Österreich-Ungarn*. Wien, Hof- u. Staatsdruckerei 1901. VI + 222 стр. fol. Съ 23 табл. и 100 рисунками въ текстѣ. (Изданіе Австрійскаго Археологическаго Института). — Этотъ роскошно изданный трудъ является въ исполненіе мысли К. Маснера, предположившаго изданіе въ видѣ художественныхъ, по родамъ искусства и культурнымъ періодамъ расположенныхъ, снимковъ всѣхъ главныхъ произведеній античной художественной промышленности, найденныхъ на австро-венгерской территоріи; настоящій томъ даетъ металлическія работы. Текстъ говоритъ собственно объ общемъ развитіи пластическихъ искусствъ у народовъ средиземноморской области; художественная промышленность трактуется скорѣе, какъ побочная тема. Въ своемъ изложеніи Ригль протестуетъ противъ мнѣнія, что нѣкоторые виды художественной промышленности, не носящіе слѣдовъ античнаго пошиба и традицій (эмали, золотыя работы съ гранатовыми вставками и др.), поэтому самому должны считаться твореніями варваровъ эпохи переселенія народовъ. Онъ стремится доказать, что направленіе позднихъ римскихъ мастеровъ (замѣтны, впрочемъ, уже съ Марка Аврелія и даже ранѣе) рѣзко отличалось отъ античнаго: оно имѣло въ виду преимущественно *цѣлостные* эффекты при разсматриваніи съ далекаго разстоянія (*fernsichtig-koloristische Absicht*), тогда какъ античное имѣло въ виду зрителя вблизи и общій эффектъ формъ, свѣтотѣни и цвѣта (*nahsichtig-taktische u. normalsichtig-optische oder malerische Absicht*). Это-то направленіе, замѣтное всего болѣе на рельефахъ, и имѣетъ своимъ высшимъ выраженіемъ работы изъ золота и гранатъ. Общій ходъ развитія искусства Ригль представляетъ по старой схемѣ: Египетъ — Эллада — Римъ — сѣверъ; иныхъ взглядовъ онъ не признаетъ, и менѣе всего тотъ, который параллельно съ указаннымъ путемъ видитъ другой: Месопотамія — Сирія — Армения — Черноморье —

Балканы — Константинополь — западная Европа начала средних вѣ-
ковъ. О воскресеніи древняго Востока на византийской почвѣ онъ ничего
не хочетъ слышать. Референтъ *Byz. Ztschr.* (Стржиговскій) высказываетъ
свое уваженіе къ знаніямъ и труду автора, но и свое полное несогласіе
съ его взглядами, и общаетъ много разъ возвращаться къ работѣ Ригля,
только расчистившей, по его мнѣнію, путь истинѣ.

Dr. Max Freiherr von Oppenheim, *Bericht über eine im Jahr 1899 ausge-
führte Forschungsreise in der asiatischen Türkei.* Zeitschrift der Gesellschaft
für Erdkunde XXXVI, стр. 69 — 99. — Отчетъ о путешествіи (предвари-
тельный) по сѣверной Месопотаміи, отсюда въ Урфу, Вираншехиръ, въ
горы Тектекъ (не посѣщенные доселѣ ни однимъ европейцемъ), въ Мар-
динъ, Діабекръ, опять Урфу, Адану, Конію и Константинополь. Полное
описание общаетъ дать обильный матеріалъ историкамъ искусства.

Hans Achelis, *Ein gnostisches Grab in der Nekropole Cassia in Syrakus.*
Zeitschr. f. die neutestam. Wissensch. und die Kunde des Urchristentums
I (1900), 210 — 218. — При помощи одного волшебнаго папируса изъ ту-
ринскаго собранія объясняется таблица XI, 2 Фюреровой *Sicilia sotter-
gaea*: атрибуты изображенной здѣсь странной фигуры (сидячей) — серги,
въ правой рукѣ чаша съ краснымъ виномъ и надъ нею хлѣбъ, а въ лѣвой
пальмовая вѣтвь — туринскимъ папирусомъ усвояются Богу-Отцу.

Otto Pelka, *Altchristliche Ehedenkmäler.* Strassburg, Heitz 1901. XV+
168 стр. 8°, съ 8 фототипіями. — Книжка носить характеръ почти ката-
лога или свода данныхъ надписей и памятниковъ искусства о бракѣ и
семейной жизни у древнихъ христіанъ.

F. Adler, *Der Pharos von Alexandria.* Zeitschr. f. Bauwesen LI (1901),
ст. 169 — 198. — Говорится между прочимъ о реставраціи Фароса чрезъ
патрікія Аммонія при императорѣ Анастасіѣ и дальнѣйшихъ судьбахъ
его въ арабское время.

J. Strzygowski, *Die Sophienkirche in Salonik, ein Denkmal, das für die
Wissenschaft zu retten wäre.* Oriens Christianus I, 1 — 6. — Призывъ ре-
ставрировать и сфотографировать означенную церковь (съ 1524 г. ме-
четь), воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что теперь она сильно
нуждается въ ремонтѣ послѣ пожара 1890 года.

РЕЦЕНЗИИ ПОЯВИЛИСЬ НА СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Heinrich Lieberich, *Studien zu den Prooemien in der griechischen u. by-
zantinischen Geschichtschreibung*, II. Teil. — Рец. A. Heisenberg, Berl. philol.
Wochenschrift, 1901, № 30, ст. 936 — 938.

Arthur Ludwig, *Der Karer Pigres und sein Tiereros Batrachomyoma-
chia. Die byzantinischen Odysseuslegenden.* — Рец. R. Peppmüller, Berl. phil.
Wochenschr. 1901, № 22, ст. 673 — 679; C. Haebelin, Wochenschr. f.
klass. Philol. 1900, № 51, ст. 1392 — 1395.

P. H. Bourier, *Über die Quellen der ersten 14 Bücher des Malalas*. 2 Teil. — Рец. Th. Preger, Berl. phil. Wochenschr. 1901, № 39, ст. 1194—1195.

K. Meisterhans, *Grammatik der attischen Inschriften*, 3. Aufl. von Ed. Schwyzer. — Рец. G. N. Hatzidakis, Deutsche Literaturzeitung 1901, № 18, ст. 1108—1110.

Franc. Völker, *Papyrorum graecarum syntaxis specimen*. — Рец. P. Viereck, Berl. philol. Wochenschr. 1902, № 14, ст. 435—440.

Albert Thumb, *Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus*. — Рец. P. Kretschmer, D LZ. 1901, № 17, ст. 1048—1053; John Schmitt, Indogerm. Forschungen, Anzeiger XII, 68—81; W. Schmid, Wochenschr. f. klass. Philol. 1901, № 21, ст. 561—565, № 22, ст. 596—603; K. Dieterich, Wochenschr. f. klass. Philol. 1901, № 11, ст. 281—285. (См. выше стр. 235 рец. P. Wendland'a въ Byz. Ztschr. XI, вып. 1—2, отд. 2, стр. 184—191).

C. R. Gregory, *Textkritik des neuen Testamentes*. — Рец. Bousset, Theol. Literaturz. 1901, № 20, ст. 545—549.

Wilh. Weinberger, *Programm eines Wegweisers durch die Sammlungen griechischer und lateinischer Handschriften. Studien zu spätgriechischen Epikern*. — Рец. A. Ludwig, Berl. philol. Wochenschr. 1901, № 4, ст. 111—117.

Σπυρ. Λαμπροῦ. Κατάλογος τῶν κωδίκων τοῦ Ἀγίου Ὁρους, τ. β'. — Рец. Leop. Cohn, Berl. philol. Wochenschr. 1901, № 37, ст. 1133—1135.

Ericus Bethe, *Pollucis Onomastikon*. — Рец. A. Ludwig, Berl. philol. Wochenschr. 1901, № 16, ст. 481—488; E. Althaus, Wochenschr. f. klass. Philol. 1901, № 10, ст. 285—286.

Σ. Κουμανούδης, Συναγωγή νέων λέξεων κτλ. — Рец. A. Th(umb), Lit. Centralbl. 1901, № 10, ст. 419—421.

O. Bardenhewer, *Patrologie*, 2 изд. — Рец. F. Lauchert, Historisch-politische Blätter 1901, стр. 455—460.

K. Holl, *Fragmente vornicänischer Kirchenväter aus den Sacra Parallela*. — Рец. E. Preuschen, Berl. phil. Wochenschr. 1901, № 33/34, ст. 1021—1027.

Ph. Meyer, *Die theologische Litteratur der griechischen Kirche*. — Рец. Fr. Wiegand, Göttinger Gelehrte Anzeigen 1901, № 8, стр. 634—645.

Hesychii hierosolym. interpretatio Isaiae prophetae ed. M. Faulhaber. — Рец. E. Preuschen, Theol. Litztg. 1901, № 19, ст. 526—528; E. Klostermann, Theol. Litbl. 1901, № 25, ст. 293 слѣд.

Joh. Räder, *De Theodoreti Graecarum affectionum curatione quaestiones criticae*. — Рец. E. Preuschen, Theol. Litztg. 1901, № 19, ст. 524—535; P. Wendland, Berl. philol. Wochenschr. 1901, № 5, ст. 133—135.

K. A. H. Kellner, *Heortologie*. — Рец. C. A. Kneller, Zeitschr. f. kath. Theol. 1901, 525—527; K. Bihlmeyer, Allgemeines Litteraturblatt 1901, № 20, ст. 609—611.

L. Deubner, *De incubatione capita quattuor*.—Рец. R. Wünsch, Berl. philol. Wochenschr. 1901, № 15, ст. 458—466; H. Roscher, Wochenschrift f. klass. Philol. 1900, № 50, стр. 1361—1366; Анонима, *Analecta Bollandiana* 1901, 324—326.

G. Waitz, *Deutsche Verfassungsgeschichte*, 6. Band, 2. Abt. Bearb. von G. Seliger.—Рец. W. Sickel, Gött. Gelehrte Anzeigen, 1901, № 5.

H. Grisar S. I., *Geschichte Roms und der Päpste*. I.—Рец. Funk, Theol. Quartalschr. 1901, стр. 467—472.

C. Mommert, *Golgatha und das heilige Grab zu Jerusalem*.—Рец. V. Schultze, Literar. Centralbl. 1901, № 5, ст. 193.

Wiegand, *Das altchristliche Hauptportal an der Kirche der hlg. Sabina*.—Рец. H. Graeven, Götting. Gelehrte Anzeigen 1901, стр. 196—203.

St. Lane-Poole, *A History of Egypt in the Middle Ages*.—Рец. C. F. Seybold, Deutsche Literaturzeitung 1901, № 46, стр. 2912—2913.

A. Harnack, *Diodor von Tarsus*.—Рец. N. Bonwetsch, DLZ. 1901, № 46, ст. 2885—2887.

Manuelli Philae carmina inedita ed. Ae. Martini. Neapel 1900. — Рец. M. Treu, DLZ. 1901, № 50, ст. 3169—3170.

Paul van der Ven, *St. Jérôme et la vie du moine Malchus le Captif*. Löwen 1901.—Рец. G. Grützmacher, DLZ. 1902, № 4, ст. 225.

K. Krumbacher, *Umarbeitungen bei Romanos*. München 1899. — Рец. A. Papadopulo-Kerameus, DZZ. 1902, № 7, ст. 405—408.

H. Gelzer, *Sextus Julius Africanus u. die byzantinische Chronographie*. II Teil, 2. Abt. Nachträge, Leipzig 1898.—Рец. A. Schöne, DLZ. 1902, № 7, ст. 415—416.

K. Krumbacher, *Romanos und Kyriakos*. München 1901.—Рец. K. Prächter, DLZ. 1902, № 10, ст. 599—601.

B. М. Савва, *Московские цари и византийские василевсы*. Харьковъ, 1902.—Рец. K. Krumbacher, DLZ. 1902, № 15, ст. 938—941. См. выше стр. 223.

Der Dialog des Adamantius περί τῆς εἰς θεὸν ὁρθῆς πίστεως, herausgeg. von W. H. van de Sande Bakhuysen. Leipzig 1901.—Рец. H. Lietzmann, DLZ. 1902, № 17, ст. 1043—1045.

Б. Меллеранскій.

1902 г., июль.

ФРАНЦИЯ.

J. Bidez. *Un passage de Julien* (épttre à Thémistius 256 C. Напечатано въ Revue de l'instruction publique en Belgique, 44 (1901), p. 177—181.—Авторъ даетъ нѣкоторыя исправленія къ тексту такъ называемаго «fragmentum epistolae» у Hertlein (I, p. 371—392), попавшаго въ Cod. Vos-

sianus 77, III въ письмо къ Θεμιστιю. — См. *Byzantinische Zeitschrift*, B. XI, H. 1—2 (1902), S. 206.

Paul Allard. *Un précurseur du Sionisme. Julien l'Apostat et les Juifs*. Напечатано въ *Le Correspondant*, 1901, 10 августа, р. 530 — 543. — Рѣчь идетъ объ извѣстной попыткѣ Юліана Отступника возстановить іерусалимскій храмъ. — См. *Byz. Zeitschr.* B. XI, H. 1—2 (1902), S. 206—207.

S. Pétridès. *Une formule magique byzantine*. Напечатано въ *Revue de l'Orient chrétien*, 5 (1900), р. 597—604. — Статья служить объясненіемъ къ одному происходящему изъ Сициліи тексту, относящемуся, вѣроятно, къ XV вѣку, который издалъ А. Васильевъ (A. Vassiliev) въ *Anecdota graeco-byzantina*, I, р. 336. — См. *Byz. Zeitschr.* B. XI, H. 1—2 (1902), S. 217—218.

Louis Leger. *La mythologie slave*. Paris, E. Leroux, 1901. XIX + 248 стр. 8°. — Помимо общаго интереса для Византіи, особенно интересны объясненія автора текстовъ византійскихъ историковъ, какъ, напр., Прокція, Константина Багрянороднаго, Цеца и другихъ, относящихся къ славянской миеологіи, толкованіе встрѣчающихся въ договорахъ славянскихъ князей съ Византіей именъ божествъ и разсужденіе о заимствованіяхъ изъ греко-византійскихъ элементовъ. — См. *Byz. Zeitschr.* B. XI, H. 1—2 (1902), S. 218.

C. Huitt. *Note sur l'état des études grecques en Italie et en France du XIV-e au XVI-e siècle*. Напечатано въ *Revue des études grecques*, 14 (1901), р. 142 — 162. — Работа эта, представляя изъ себя родъ популярнаго очерка, ничего новаго не даетъ. — См. *Byz. Zeitschr.* B. XI, H. 1—2 (1902), S. 220.

F. Mazerolle. L. G. Schlumberger. *Biographie et Bibliographie numismatique et archéologique*. Отдѣльный оттискъ изъ *Gazette numismatique française*, 1901, 16 стр. — Эта публикація даетъ краткую біографію и весьма цѣнный перечень многочисленныхъ ученыхъ работъ извѣстнаго французскаго академика Г. Шлюмбергера. — См. *Byz. Zeitschr.* B. XI, H. 1—2 (1902), S. 221.

Ella Adafewsky. *Les chants de l'église orientale*. Напечатано въ *Rivista musicale italiana*, 8 (1901), р. 43 — 74 (à suivre). — Судя по началу этой работы, авторъ ея ищетъ въ греческомъ церковномъ пѣніи античныхъ элементовъ: «въ самыхъ стихахъ Софокла, Эсхила и Аристофана нужно искать образцовъ, которыми воспользовались византійскіе пѣснопѣвцы для составленія тропарей, кондаковъ и т. д.». — См. *Byz. Zeitschr.* B. XI, H. 1—2 (1902), S. 227.

F. X. Funk. *La date de la Didascalie des Apôtres*. Напечатано въ *Revue d'histoire ecclésiastique*, 2 (1901), р. 798—809. — Работа автора надъ указаннымъ въ заглавіи сочиненіемъ привела его къ мысли о томъ, что составленіе его, если не съ полной увѣренностью, то съ громадной вѣроятностью надо относить ко второй половинѣ III-го столѣтія. — См. *Byz. Zeitschr.* B. XI, H. 1—2 (1902), S. 229.

G. Voisin. *La doctrine christologique de saint Athanase*. Напечатано въ *Revue d'histoire ecclésiastique*, 1 (1900), p. 226—248. — Работа направлена противъ мнѣнія Hoss'a, который хочетъ видѣть въ Афанасіѣ представителя арианской и аполилинаристической христологіи (К. Hoss. *Studien über das Schrifttum und die Theologie des Athanasius*.... Freiburg im Br. 1899; см. Виз. Временникъ, т. VII, 1900, стр. 527). — См. *Byz. Zeitschr.* B. XI, H. 1—2 (1902), S. 229.

G. Voisin. *La doctrine trinitaire d'Apollinaire de Laodicée*. Напечатано въ *Revue d'histoire ecclésiastique*, 2 (1901), p. 33—55; 239—252. — Извлечение изъ только что въ предыдущей замѣткѣ приведенной книги Hoss'a. — См. *Byz. Zeitschr.* B. XI, H. 1—2 (1902), S. 229—230.

Guillaume Voisin. *L'Apollinarisme. Étude historique, littéraire et dogmatique sur le début des controverses christologiques au IVe siècle*. Paris, Fontemoing, 1901, 429 стр. 8°. — Основательно написанное сочиненіе распадается, какъ и указано въ заглавіи, на три главныхъ части. Въ первой части послѣ введенія излагается общая исторія аполилинаризма: 1) Аполилинарій въ спорѣ съ антиохійцами; 2) Аполилинарій въ спорѣ съ церковью; 3) Аполилинаризмъ послѣ смерти Аполилинарія. Во второй части авторъ изслѣдуетъ аполилинаристическую литературу: 1) литературная исторія произведеній Аполилинарія; 2) подлинныя сочиненія Аполилинарія и его учениковъ; 3) неправильно приписываемыя Аполилинарію сочиненія. Въ третьей части авторъ занимается христологіей Аполилинарія. Приложение знакомитъ съ ученіемъ Аполилинарія о Троицѣ. — См. *Byz. Zeitschr.* B. XI, H. 1—2 (1902), S. 230.

A. Misier. *Corrections au texte de Grégoire de Nazianse*. Напечатано въ *Revue de philologie*, 25 (1901), p. 253—260. Ср. Виз. Временникъ, т. VIII 1901, стр. 657. — Рядъ конъектуръ къ 15 мѣстамъ изъ рѣчей и къ шести мѣстамъ изъ писемъ Григорія Назіанзина. — См. *Byz. Zeitschr.* B. XI, H. 1—2 (1902), S. 230.

Albert Condamin S. J. *Saint Épiphane a-t-il admis la légitimité du divorce pour adultère?* Напечатано въ *Bulletin de littérature ecclésiastique*, 2 (1900), p. 16—21. — См. *Byz. Zeitschr.* B. XI, H. 1—2 (1902), S. 231.

P. Forest. *Un évêque du Ve siècle. Théodore de Cyr*. Напечатано въ *L'Université catholique*, N. S., 37 (1901), p. 161—183. — Биографія Θεοδωριτα Кирскаго въ формѣ панегирика.

F. Nau. *La patrice Césaria correspondante de Sévère d'Antioche (VIe siècle)*. Напечатано въ *Revue de l'Orient chrétien*, 6 (1901), p. 470—473. — Рѣчь идетъ о Кесаріи, извѣстной отшельницѣ VI-го вѣка, которая находилась въ перепискѣ съ Северомъ Антиохійскимъ. — См. *Byz. Zeitschr.* B. XI, H. 1—2 (1902), S. 232.

Carl Maria Kaufmann. *La Pègè du temple d'Hiérapolis*. Contribution à la symbolique du christianisme primitif. Напечатано въ *Revue d'histoire ecclésiastique*, 2 (1901), p. 529—548. — См. *Byz. Zeitschr.* B. XI, H. 1—2 (1902), S. 232.

S. Pétrides. *Les deux mélodes du nom d'Anastase.* Напечатано въ *Revue de l'Orient chrétien*, 6, (1901), p. 444 — 452. — Авторъ въ своей работѣ приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ: 1) Анастасій, авторъ пѣснопѣвнѣ у Pitra (*Analecta sacra*, I p. 242 sq.), можетъ быть почти навѣрное отождествленъ съ Анастасіемъ Сивантомъ (640 — 701), а отнюдь не съ Анастасіемъ Квесторомъ. 2) Школа пѣснопѣвцевъ въ Синайскомъ монастырѣ никогда не существовала. 3) Анастасій Квесторъ жилъ въ 907 году въ Константинополѣ и кромѣ славословія въ честь св. Агафоника сочинилъ по крайней мѣрѣ восемь канонѣвъ. Статья Петридиса направлена преимущественно противъ выводовъ г. Паладопуло-Керамевса въ его работѣ «*Ἀναστάσιος κοιλίστωρ ὁ μελωδός*» (*Виз. Временникъ*, VII, 1900, стр. 43—59), гдѣ послѣдній приписываетъ вышеупомянутое пѣснопѣвнѣ (Pitra, I, p. 242 sq.) Анастасію Квестору. — См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 1—2 (1902), S. 233.

Marius Besson. *Un recueil de sentences attribué à Isaac le Syrien publié par M. B.* Напечатано въ *Oriens christianus*, 1 (1901), p. 46—60 (продолженіе слѣдуетъ). — Въ рукописяхъ *Vat. gr.* 375 s. XIV и въ *Vat. Pal. gr.* 146 s. XV находится собраніе нравственныхъ изрѣченій, предназначенныхъ, очевидно, «*in usum monachorum*». Въ первой рукописи они приписываются сирійцу, анахорету Исааку; во второй, въ которой сохранилась лишь первая половина текста, имени автора нѣтъ. Подъ Исаакомъ можно разумѣть лишь несторіанскаго епископа Исаака, жившаго въ VII-мъ вѣкѣ и много писавшаго, т. е. Исаака изъ Нинивіи. Впрочемъ, Besson не занимается вопросомъ объ авторѣ, а лишь издаетъ текстъ изрѣченій на основаніи двухъ выше указанныхъ рукописей. — См. *Byz. Zeitschr.* B. XI, H. 3—4 (1902), S. 233.

F. Nau. *Opusculs Maronites. I-re partie. Texte syriaque autographié et traduction des oeuvres inédites de Jean Maron, premier patriarche maronite d'Antioche.* 2-e partie et vie de Sévère, patriarche d'Antioche. — *Bardesane l'Astrologue, le livre des lois du pays; texte syriaque et traduction française avec une introduction et de nombreuses notes.* — *Une version syriaque inédite de la vie de Schenoudi; texte syriaque et traduction.* Paris, Leroux, 1899 — 1900. 52 и 53, 98, 30 и 62, 39 стр. 8°. — См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 1 — 2 (1902), S. 234 — 235.

F. Nau. *Fragment inédit d'une traduction syriaque jusqu'ici inconnu du Testamentum D. N. J. Chr.* Напечатано въ *Journal Asiatique*, S. IX, t. 17 (1901), p. 233 — 256. — Этотъ отрывокъ, по мнѣнію издателя, можетъ быть отнесенъ къ 351 году. — См. *Byz. Zeitschr.* B. XI, H. 1—2 (1902), S. 236.

P. van den Ven. *S. Jérôme et la vie du moine Malchus le captif.* Напечатано въ *Le Muséon*, N. S. 1 (1900), p. 413 — 455. — Кромѣ латинскаго текста житія Малха, написаннаго св. Іеронимомъ, существуютъ еще тексты греческій и сирійскій. Авторъ работы издаетъ на основаніи *Cod. Par. gr.* 1605 s. XII, 1598 (993 года) и *Vat. gr.* 1660 (916 года) грече-

скій текстъ, извѣстный до сихъ поръ только по латинскому переводу сдѣланному кардиналомъ Сирлето; изъ сирійскаго текста авторъ сообщаетъ отрывокъ, отсутствующій въ текстѣ Sachau, на основаніи Cod. Mus. Brit. add. 12175, s. VII—VIII. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 239—240.

Paul van den Ven. *S. Jérôme et la vie du moine Malchus le captif*. Louvain J.-B. Ista. 1901. 4 таблицы, 161 стр. 8°. — Намъ эта книга не извѣстна. Рецензію см. выше стр. 243.

Louis de Combes. *Sainte Hélène et les reliques de Sainte-Croix de Jérusalem*. Напечатано въ L'Université catholique, N. S., 37 (1901), p. 536—556. — Не представляющая большого значенія статья. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 240.

F. Nau. *Histoire de Sainte Marine qui vécut sous des habits d'homme au couvent de Kanoubine, siège patriarcal des Maronites*. Напечатано въ Revue de l'Orient chrétien, 6 (1901), p. 276—290. — Св. Марина, смѣшиваемая часто со св. Маргаритой, по маронитскому преданію, жила въ началѣ V-го вѣка. Легенда о ней, первоначально написанная на греческомъ языкѣ или переведенная на греческій съ сирійскаго, вошла въ paradisus patrum и отсюда уже была переведена на коптскій и латинскій языки. Французскій ученый Nau въ настоящей работѣ даетъ сирійскій разсказъ и извлеченія изъ маронитской праздничной службы съ французскимъ переводомъ. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 240.

S. Vailhé. *Saint Michel le Syncelle et les deux frères Grapti, Saint Théodore et Saint Théophane*. Напечатано въ Revue de l'Orient chrétien, 6 (1901), p. 313—332. — Авторъ въ своей статьѣ рисуетъ дѣятельность Михаила Синкелла (†846 г.) и его двухъ учениковъ, Θεодора (†844) и Θεοφάνη (†845), извѣстныхъ борцовъ православія и мучениковъ при послѣднихъ императорахъ-иконоборцахъ. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 240—241.

G. Morin. *Le symbole d'Athanase et son premier témoin: Saint Césaire d'Arles*. Напечатано въ Revue Bénédictine, 18 (1901), p. 337—362. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 242.

J. Cabrol, O. S. B. *Le livre de la prière antique*. Paris, Oudin, 1900. XVII+573 стр. 8°.

M. J. Lagrange. *L'esprit traditionnel et l'esprit critique à propos des origines de la Vulgate*. Напечатано въ Bulletin de littérature ecclésiastique, 1 (1899), p. 37—50. — Авторъ развиваетъ ту же тему, которою занимался P. Wendland въ упомянутой уже на страницахъ Византійскаго Временика (т. VIII, 1901, стр. 653—654) работѣ «Zur ältesten Geschichte der Bibel in der Kirche».

E. van Roey. *La collection des «Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur»*. Напечатано въ Revue d'histoire ecclésiastique, 2 (1901), p. 56—81; 291—308; 549—562. — Рядъ систематическихъ и самостоятельныхъ замѣтокъ, содержащихъ обзоръ работъ, появившихся

въ извѣстной отмѣченной въ заглавіи статьѣ нѣмецкой коллекціи за 1882—1897 годы. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1 — 2 (1902), S. 245.

C. Albin. *L'île de Crète. Histoire et souvenirs*. 3-e édition. Paris, Sanard et Derangeon, 1898. VIII+241 стр. — Содержаніе намъ неизвѣстно.

N. Jorga. *Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XV-e siècle (suite)*. Напечатано въ Revue de l'Orient latin, VIII (1900 — 1901), p. 1—115. — Продолженіе уже ранѣе отмѣченной работы. См. Виз. Временникъ, т. VI (1899), стр. 253; VII (1900), стр. 538; VIII (1901), стр. 252.

E. Blochet. *L'Histoire d'Égypte de Makrisi*. Напечатано въ Revue de l'Orient latin, 8 (1900—1901), Nr. 1 — 2, p. 165—212. — Продолженіе уже отмѣченной (см. Виз. Временникъ, т. VII, 1900, стр. 538) работы, которая содержитъ начало французскаго перевода сочиненія Макризиса. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1 — 2 (1902), S. 250.

E. Rey. *Les dignitaires de la principauté d'Antioche. Grands-Officiers et patriarches XI — XIII siècle*. Напечатано въ Revue de l'Orient latin, 8 (1900—1901), p. 116—157. — Главное вниманіе обращается авторомъ на латинскихъ представителей; глава «Patriarches syriens melchites» (rite grec), p. 145 — 149, кратко излагаетъ то, что мы знаемъ о греческихъ патріархахъ во время франкскаго владычества на востокѣ. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1 — 2 (1902), S. 252—253.

J. Parisot. *Les chorévêques*. Напечатано въ Revue de l'Orient chrétien, 6 (1901), p. 157 — 171, 419 — 443. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1 — 2 (1902), S. 258.

Michel Jullien. *A la recherche de Tabenne, et des autres monastères fondés par Saint Pacome*. Etudes, 89 (1901), p. 238 — 258. — Топографическія изслѣдованія.

S. Vailhé. *Repertoire alphabétique des monastères de Palestine*. Extrait de la Revue de l'Orient chrétien. Paris, A. Picard et fils, 1900, 81 стр. 8°. — Отдѣльное изданіе уже упомянутыхъ выше статей (см. Виз. Временникъ, т. VIII, 1901, стр. 659), представляющихъ изъ себя необходимое пособіе для тѣхъ, кто занимается исторіей палестинскихъ монастырей. У автора работы въ алфавитномъ порядкѣ описано 137 монастырей и лавръ. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1 — 2 (1902), S. 259.

J. Flamion. *Les anciennes listes épiscopales des quatre grands sièges*. Напечатано въ Revue d'histoire ecclésiastique, 1 (1900), p. 645 — 678; 2 (1901), p. 209—238 и 503—528. — Эту работу можно отмѣтить въ виду разбора въ ней нѣкоторыхъ мѣстъ хроники и церковной исторіи Евсевія. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1 — 2 (1902), S. 260.

John Chapman, O. S. B. *La chronologie des premières listes épiscopales de Rome*. Напечатано въ Revue Bénédictine, 18 (1901), p. 399—417. — Изслѣдованіе хронологіи императоровъ у Евсевія и перечней папъ у Юлія Африкана, Ипполита, Гегесиппа (Hegesippus), Епифанія и Иринея. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1 — 2 (1902), S. 260.

J. B. Chabot. *Les évêques Jacobites du VIII au XIII-e siècle.* Напечатано въ *Revue de l'Orient chrétien*, 6 (1901), p. 189 — 220. — Только теперь появилось окончаніе уже извѣстной намъ работы французскаго ориенталиста Шабо (см. Виз. Временникъ, т. VII, 1900, стр. 544; т. VIII, 1901, стр. 659); послѣдняя часть содержитъ перечни епископскихъ кафедръ, монастырей и другихъ мѣстностей. — См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 1—2 (1902), S. 260.

Sommi Picenardi. *Itinéraire d'un chevalier de Saint-Jean de Jérusalem dans l'île de Rhodes.* Société de S.-Augustin, Desclée, de Brouwer et Cie, imprimeurs des Facultés catholiques de Lille. 1900, 267 стр. 8°. Avec gravures. — Книга эта намъ неизвѣстна.

H. Omont. *Athènes au XVII-e siècle.* Напечатано въ *Revue des études grecques*, 14 (1901), p. 270—294. — Авторъ издаетъ: 1) описаніе путешествія капуцина Robert de Dreux, который сопровождалъ французскаго посланника de La Haye-Vantelet въ Турцію и въ 1669 году посѣтилъ Аѳины; 2) письма Jacob Spon'a и P. Babin отъ 1679 и 1680 года. — См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 1—2 (1902), S. 261.

Ovide Densusianu. *Histoire de la langue roumaine.* Tome premier, fasc. I. Paris, E. Leroux, 1901. XXXI+128 стр. 8°. — Во введеніи къ этой книгѣ авторъ занимается важнымъ для византийской исторіи и этнографіи вопросомъ о происхожденіи румынъ. — См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 1—2 (1902), S. 263.

Dussand et Macler. *Voyage archéologique au Safâ et dans le Djebel-ed-Drûz.* Paris, 1901, 234 стр. 8°, 17 таблицъ и 12 рисунковъ. — Книга эта намъ неизвѣстна.

E. J. Soil. *Constantinople. Notes archéologiques.* Напечатано въ *Annales de l'Académie Royale d'Archéologie de Belgique*, V-e série, tome II (1900), p. 465—556 съ 13 таблицами и 7 рисунками. — Намъ неизвѣстно.

Bourdais. *Notes d'art chrétien. La rédemption d'après les textes bibliques dans les mosaïques vénéto-byzantines.* Напечатано въ *Revue des sciences ecclésiastiques*, 1899.

Fr. H. Vincent. *Une mosaïque avec inscription à Beit Sourik.* Напечатано въ *Revue biblique*, X (1901), p. 444 — 448. — Рѣчь идетъ о сильно испорченной мозаикѣ, открытой въ двухъ съ четвертью перстахъ къ сѣверо-западу отъ Іерусалима. — См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 1—2 (1902), S. 276.

Fr. H. Vincent. *Une mosaïque byzantine à Jérusalem.* Напечатано въ *Revue biblique*, X (1901), p. 436—444. — Рѣчь идетъ объ открытой 30 марта этого года къ сѣверо-западу отъ Дамаскихъ воротъ въ Іерусалимѣ мозаикѣ, которую въ настоящей статьѣ доминиканцы точно описываютъ и предполагають, что она можетъ быть работою V—VII вѣка. — См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 1—2 (1902), S. 276.

E. Roulin. *Tableau byzantin inédit (Musée épiscopal de Vich).* Monu-

ments et mémoires publiés par l'Académie des inscriptions et belles-lettres (Monuments Piot), VII (1900), p. 95—103, pl. XI, 3 рис.

Gerspach. *Les fresques de l'église Santa Maria Antiqua au forum Romanum.* Carnet de voyage. Напечатано въ Revue de l'art chrétien 1901, p. 300—303.

A. Odobesco. *Le trésor de Petreossa.*

F. de Mély. *Le coffret de Saint-Nasaire de Milan et le manuscrit de l'Ambrosienne.* Monuments et mémoires publiés par l'Académie des inscriptions et belles-lettres (Mon. Piot), VII (1900), p. 65—78, pl. VII—IX, 5 рисунковъ.

Soil. *Rome et Byzance. Notes d'archéologie monumentale latine et byzantine.* Tournai, Casterman, 1901, 140 стр. 8°. 26 таблицъ.

G. Schlumberger. *Sceau anonyme de l'abbaye Sainte-Marie Latine à Jérusalem.* Напечатано въ Revue bibl. internationale, 9 (1900), Nr. 3, p. 427—428.

G. Schlumberger. *Un nouveau sceau de l'empereur latin Henri I-er d'Ange de Cple.* Напечатано въ Revue numismatique, 1901, p. 369 sq.—Свинцовая печать изъ богатой коллекціи французскаго ученаго съ латинской и греческой надписью.

F. Nau. *Note sur la date de la mort de S. Jean Climaque.* Напечатано въ Byzantinische Zeitschrift, B. XI, H. 1—2 (1902), S. 35—37.—Авторъ этой замѣтки, на основаніи сопоставленія текстовъ, доказываетъ, что извѣстный св. Іоаннъ Климакъ является писателемъ VII, а не VI вѣка, какъ это было принято до сихъ поръ; по мнѣнію французскаго ученаго, Іоаннъ Климакъ родился раньше 579 года, былъ постриженъ до 599 г., сдѣлался игуменомъ раньше 639 г. и умеръ около 649 года.

J. Bois. *Grégoire le Sinaïte et l'Hésychasme à l'Athos au XIV-e siècle.* Напечатано въ Echos d'Orient, 5-e année (1901—1902), p. 65—73.—Дается очеркъ дѣятельности Григорія Синаита, котораго авторъ работы рассматриваетъ, какъ основателя и главу школы всихастовъ на Аѳонѣ, давшихъ столь любопытное и оригинальное направленіе мистическимъ теоріямъ XIV-го вѣка на востокѣ.

J. Germer-Durand. *Inscriptions d'Abougoch, Esdoud, Naplouse et Beisan.* Напечатано ibidem, p. 73—76.—Для насъ интересна надпись, найденная въ Беисанѣ, съ именемъ византійскаго императора Анастасія (491—518 г.).

J. Charon. *L'Eglise grecque melchite catholique.* Напечатано ibidem, p. 82—89, 141—147, 203—206, 264—270 (à suivre).—Продолженіе уже отмѣченной нами работы (см. Виз. Временникъ, т. VIII, 1901, стр. 662). Въ настоящихъ главахъ рѣчь идетъ о XVIII вѣкѣ и началѣ XIX-го.

L. Petit. *Les évêques de Thessalonique.* Напечатано ibidem, p. 90—97, 150—156 и 212—219.—Продолженіе и окончаніе уже отмѣченной нами работы (См. Виз. Временникъ, т. VIII, 1901, стр. 662). Въ настоящихъ главахъ авторъ возстановляетъ рядъ тессалоникскихъ епископовъ съ на-

чала XIV в. до послѣдняго времени, кончая перечень ихъ Афанасіемъ Метаклисомъ, епископомъ въ Фессалоникѣхъ съ 1893 года.

S. Vailhé. Jean Mosch. Напечатано *ibidem*, p. 107 — 116. — Очеркъ жизни извѣстнаго автора «Духовнаго Луга», Іоанна Мосха (+619 или въ 634 году).

Barnabé d'Alsace, O. F. M. Le Mont Thabor, notices historiques et descriptives. Paris, J. Mersch, 1900, 8°. IX+176 стр. avec des cartes et des illustrations hors texte. — Въ книгѣ излагаются событія, въ которыхъ играла роль гора Фаворъ, и за византийское время. — См. *ibidem*, p. 127.

P. Bernardakis. Les ornements liturgiques chez les Grecs. Напечатано *ibidem*, p. 129 — 139. — Авторъ даетъ описаніе облаченія епископа, священника и діакона.

J. Pargoire. Saint Euthyme et Jean de Sardes. Напечатано *ibidem*, p. 157 — 161. — Авторъ даетъ очеркъ жизни двухъ ревнителей православія конца VIII-го и IX вѣка, св. Евхимія и Іоанна Сардскихъ.

Th. Xanthopoulos. Sceau de Manuel Lykaiès. Напечатано *ibidem*, p. 161 — 164. — Авторъ, издавая печать съ именемъ Мануила Ликанта, стратопедарха и дукса Малагинъ, занимается этимъ именемъ и географическимъ положеніемъ Малагинъ.

O. Saint-Pons. Hiéria, la presqu'île des empereurs. Напечатано *ibidem*, p. 173—177. — Продолженіе уже отмѣченныхъ нами статей (см. Виз. Временникъ, т. VIII, 1901, стр. 258 и 663). Въ настоящей главѣ рѣчь идетъ о Θεодорѣ и Антонинѣ, женѣ знаменитаго полководца Велизарія.

P. Bernardakis. Le culte de la croix chez les Grecs. Напечатано *ibidem*, p. 193 — 202 и 257 — 264. — Авторъ занимается исторіей почитанія св. Креста у грековъ, разбираетъ вопросъ о праздникѣ Воздвиженія Креста и о другихъ праздникахъ, связанныхъ съ почитаніемъ Креста.

S. Vailhé. Saint Romain le Mélode. Напечатано *ibidem*, p. 207 — 212. — Вопросъ о времени жизни знаменитаго Романа Сладкопѣвца въ послѣднее время снова сталъ сильно занимать ученыхъ, особенно послѣ временнаго колебанія профессора К. Крумбахера, вызваннаго письмомъ къ нему Гельцера. Въ настоящей работѣ ученый ассумпционистъ, возставаая противъ толкованій Гельцера, тѣмъ не менѣе относитъ время жизни Романа къ VIII вѣку, особенно на основаніи данныхъ изъ проповѣдей Андрея Критскаго.

S. Pétridès. Chapiteau aux monogrammes de Justinien et de Théodora. Напечатано *ibidem*, p. 219—221. — Авторъ приводитъ изображеніе капителя, найденной въ окрестностяхъ Константинополя, недалеко отъ Макрикѣй, съ именами Юстиніана и его супруги Θεодоры и дѣлаетъ попытку опредѣлить, къ какому зданію эта капитель принадлежала.

S. Vailhé. La fête de la Présentation de Marie au Temple. Напечатано *ibidem*, p. 221—224. — Авторъ приходитъ къ заключенію, что праздникъ Введенія Богородицы во храмъ упоминается уже въ концѣ VII-го вѣка какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Іерусалимѣ; а, можетъ быть, упо-

минаніе встрѣчается и въ еще неизданной проповѣди Іоанна Златоуста, т. е. въ IV вѣкѣ.

H. Gaüsser, O. S. B. *Le Système musical de l'Eglise grecque d'après la tradition*. Abbaye de Maredsous, 1901, in 8°. VI+172+8 стр. Prix 5 francs.—Хорошая, обстоятельная работа о музыкѣ греческой церкви.—См. *ibidem*, p. 252.

S. Pétridès. *Saint Syméon le Nouveau Stylite Mélode*. Напечатано *ibidem*, p. 270—274.—Рѣчь идетъ объ одномъ изъ раннихъ пѣснопѣвцевъ, о св. Симеонѣ Новомъ Столпникѣ, жившемъ въ 521—596 годахъ.

J. Pargoire. *La soi-disant épitaphe de la fille de Bélisaire*. Напечатано *ibidem*, p. 302—303.—Вопреки мнѣнію Мордтмана, который видѣлъ въ одной салоницкой надписи Іоаннину, единственную дочь Велизарія и Антонины, г. Паргуаръ утверждаетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ эпитафіей неизвѣстныхъ отца и матери въ память ихъ дочери Іоанны, умершей въ 535 году въ консульство Велизарія Великаго.

S. Pétridès. *Fiole byzantine avec inscription*. Напечатано *ibidem*, p. 303—305.

S. Pétridès. *Plombs byzantins*. Напечатано *ibidem*, p. 305—307.—Авторъ описываетъ восемь неизданныхъ византійскихъ plombъ.

G. Schlumberger. *Le tombeau d'une impératrice byzantine à Valence, en Espagne*. Paris, Librairie Plon, 1902, 35 стр. 8° съ пятью рисунками.—Въ свою бытность въ Валенсіи извѣстный французскій ученый Шлюмбергеръ обратилъ вниманіе въ одной изъ церквей на небольшую раку со слѣдующей эпитафіей: «Здѣсь лежитъ Констанція, августѣйшая императрица Греціи». Заинтересовавшись личностью этой «византійской базилисы», заброшенной въ отдаленный испанскій городъ, авторъ настоящую работу и посвящаетъ выясненію личности покойной императрицы и даетъ очеркъ ея жизни. Оказывается, Іоаннъ III Дука Ватацесъ, второй императоръ Никейской имперіи, потерявъ въ 1241 году свою первую супругу, пожелалъ вступить во второй бракъ и просилъ для этого руки молодой принцессы Констанція, одной изъ дочерей германскаго императора Фридриха II Гогенштауфена. Со свойственною французскому академику живостью и интересомъ въ этой работѣ излагается полная превратностей судьба этой западной принцессы, занесенной сначала въ Никею и получившей послѣ брака новое имя Анны, много перенесшей и при жизни своего супруга и послѣ его смерти, особенно при Михаилѣ Палеологѣ, возстановителѣ византійской имперіи, переѣхавшей затѣмъ въ Италію къ своему брату Манфреду и окончившей дни, наконецъ, въ далекой Испаніи. Работа снабжена соотвѣтствующими указаніями на источники и пособія.

G. Schlumberger. *Expédition des «Almugavares» ou routiers catalans en Orient de l'an 1302 à l'an 1311*. Ouvrage accompagné d'une carte. Paris, Librairie Plon. 1902. III+396 стр. 8°.—Новый большой трудъ французскаго академика занимается интересной и малоизвѣстной эпохой. Же-

лаіе автора, по его собственнымъ словамъ, познакомить любителей старины со странной, романической, героической, варварской и кровавой Одиссеей по древнѣйшимъ азіатскимъ и европейскимъ провинціямъ восточной имперіи знаменитыхъ скопищъ испанскихъ наемниковъ, болѣе извѣстныхъ подъ общимъ именемъ «каталанскихъ кампаній»,—съ Одиссеей, которая окончилась въ первые годы XIV-го вѣка необыкновеннымъ основаніемъ испанскаго герцогства въ городѣ Минервы и Перикла. По мнѣнію автора, во всѣхъ средневѣковыхъ лѣтописяхъ, иногда столь удивительныхъ, нѣтъ приключенія болѣе неслыханнаго, болѣе непредвидѣннаго, болѣе драматическаго и болѣе привлекательнаго, какъ эта новая экспедиція за Золотымъ Руномъ, этотъ новый «анабазисъ», этотъ исходъ цѣлаго народа «*rouitiers*», рожденныхъ у подножія снѣговыхъ Пиреней, къ древнимъ берегамъ Визиніи, Троады, Іоніи, Фракіи, Македоніи, Фессаліи и Аттики; кромѣ того, нѣтъ ничего болѣе неизвѣстнаго для просвѣщенной публики (*Introduction*, p. I—II). Специальныхъ работъ по этому вопросу очень не много; главныхъ свѣдѣній о каталанской кампаніи надо искать въ извѣстномъ трудѣ Карла Гопфа «*Geschichte Griechenlands*» и въ специальной испанской работѣ Rubió y Lluch «*La Expedición y Dominación de los Catalanos en Oriente juzgadas por los Griegos*», см. также его работу «*Los Navarros en Grecia y el Ducado Catalan de Atenas en la época de su invasión*» и книгу Грегоровіуса «*Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter*» (есть русскій переводъ). Въ своемъ новомъ трудѣ французскій академикъ въ живыхъ очеркахъ рисуетъ намъ исторію этого времени съ 1302 по 1311 годъ, т. е. съ появленія отряда каталанцевъ въ качествѣ наемниковъ византійскаго императора Андроника Палеолога для его борьбы съ турками до утвержденія каталанцевъ въ Аѣннахъ послѣ знаменитаго сраженія у Копайдскаго озера 13 марта 1311 года. Привѣтствуя новую книгу г. Шлюмбергера, мы не можемъ не подивиться той энергіи и трудолюбію, съ какимъ онъ посвящаетъ свое время изученію различныхъ эпохъ византійской исторіи.

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

A. et M. Crolset. *Histoire de la littérature grecque*. T. V. См. Виз. Временникъ, VII (1900), стр. 536, 554 и 783.—Рецензія появилась E. Conrotte въ *Revue d'histoire ecclésiastique*, 1 (1900), p. 723—727.

H. Quentin. I. D. Mansi. См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 250, 260 и 664.—Рецензія появилась U. Berlière O. S. B. въ *Revue d'histoire ecclésiastique*, 1 (1900), p. 339—342; E. Michaud въ *Revue internationale de Théologie*, 9 (1901), p. 635—638.

Eugène de Faye. Clément d'Alexandrie. См. Виз. Временникъ, т. VII (1900), стр. 782 и 784.—Рецензія появилась A. Labeau въ *Revue d'histoire ecclésiastique*, 1 (1900) p. 301—307.

A. Puech. St.-Jean Chrysostome. См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 260 и 661.—Рецензія появилась Е. van Roey въ *Revue d'histoire ecclésiastique*, 1 (1900), p. 309—311.

Chronique de Michel le Syrien éd. J. B. Chabot. I. См. Виз. Временникъ, т. VII (1900), стр. 545—546.—Рецензія появилась A. Baumstark въ *Oriens christianus*, 1 (1901), p. 187—191.

H. Pernot. Descente de la Vierge aux Enfers. См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 657.—Рецензія появилась Johannes Dräseke въ *Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie*, 44 (1901), S. 629—632.

J. Bidez. Description d'un manuscrit hagiographique grec... См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 251.—Рецензія появилась Anonymus въ *Analecta Bollandiana*, 20 (1901), p. 210 сл.

A. Dufourq. Étude sur les Gesta martyrum romains. См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 657 и 664.—Рецензія появилась A. Cauchie въ *Revue d'histoire ecclésiastique*, 1 (1900), p. 527—539.

J. Bidez. Deux versions grecques de la vie de Paul de Thèbes. См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 251 и 664.—Рецензія появилась P. van den Ven въ *Revue d'histoire ecclésiastique*, 2 (1901), p. 108—110.

J. Cabrol. Le livre de la prière antique. См. выше стр. 247.—Рецензии появились: P. Ladeuze въ *Revue d'histoire ecclésiastique*, 1 (1900), p. 736 sq.; Anonymus въ *La Civiltà cattolica*, S. XVIII, vol. III, quad. 1228 (1901), p. 416—432.

Ch. Diehl. Justinien et la civilisation byzantine au VI-e siècle. См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 663.—Рецензии появились: K. Krumbacher въ *Beilage zur (Münchener) Allgemeinen Zeitung*, 14 Oct. 1901, Nr. 236; Josef Strzygowski въ *Deutsche Literaturzeitung*, 1902, № 4, Sp. 2975—2977.

G. Schlumberger. L'Épopée Byzantine à la fin du dixième siècle. Seconde partie. См. Виз. Временникъ, т. VII, 1900, стр. 783 и т. VIII, 1901, стр. 664.—Рецензія появилась Θ. Успенскаго въ *Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія*, ч. 336 (1901), августъ, стр. 495—508.

F. Chalandon. Essai sur le règne d'Alexis I. См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 259 и 664.—Рецензии появились: A. Lamarche въ *Revue de l'Orient latin*, 8 (1900—1901), p. 224—230; Anonymus въ *Analecta Bollandiana*, 20 (1901), p. 329 sq.

Ch. Kohler. Mélanges pour servir à l'histoire de l'orient latin et des croisades. Fasc. I.—Рецензія появилась H. Hr. въ *Literarisches Centralblatt*, 52 (1901), Nr. 1, Sp. 5—7.

N. Jorga. Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XV-e siècle. 2-me série. См. Виз. Временникъ, т. VII (1900), стр. 538.—Рецензія появилась E. Gerland въ *Deutsche Literaturzeitung*, 1901, Nr. 12, Sp. 739 sq.

L. Bréhier. Le schisme oriental du XI-e siècle. См. Виз. Временникъ,

т. VII (1900), стр. 523, 555 и 784. — Рецензия появилась A. van Nove в *Revue d'histoire ecclésiastique*, 7 (1900), p. 547—549.

F. Tournelze, S. J. *L'Église grecque orthodoxe et l'Union*. Paris, Bloud et Barral, 1900. Два тома. — Рецензия появилась S. Pétridès в *Échos d'Orient*, 4 (1900—1901), p. 375 sq.

P. Ladeuze. *Étude sur le cénobitisme Pakhomien*. См. Виз. Временникъ, т. VI (1899), стр. 252 и т. VII (1900), стр. 522, 554 и 784. — Рецензия появилась F. Macier в *Revue d'histoire des religions*, 43 (1901), p. 81—84.

J.-M. Besse. *Les Moines d'Orient antérieurs au Concile de Chalcédoine*. См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 253, 260 и 664. — Рецензии появились: P. Ladeuze в *Revue d'histoire ecclésiastique*, 1 (1900), p. 510—517; A. Molinier в *Revue historique*, 74 (1900), p. 102—105.

G. Millet. *Le monastère de Daphni*. См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 131, 232 и 241. — Рецензия появилась Gay в *Bulletin critique*, XXII (1901), p. 61—64.

А. Васильевъ.

ИТАЛИЯ.

P. Bonfante e R. de Ruggiero. *La «petizione di Dionysia»*. Напечатано в *Bullettino dell' Istituto di Diritto Romano*, anno XIII (1900), fasc. I, p. 1—33. Roma 1901, 8°. — Первый авторъ даетъ текстъ извѣстнаго папируса на основаніи изданія Grenfell и Hunt (*Oxyrhynchus-Papyri*, II p. 152—164) съ латинскимъ переводомъ. Второй авторъ дѣлаетъ сообщеніе подъ особымъ заглавіемъ «Le prime illustrazioni della cosiddetta petizione di Dionysia» о только что названномъ англійскомъ изданіи и о работахъ: Mitteis, *Neue Rechtsurkunden aus Oxyrhynchus*, в *Archiv für Papyrusforschung* (I, S. 179—199, 344—354); Naber, *Observationum ad papyros juridicae* (ibidem, S. 313—327); Gradenwitz, *Zur «Petition of Dionysia»* (ibidem, S. 328—335). — См. *Byz. Zeitschrift*, B. XI, H. 1—2 (1902), S. 221—222.

Giov. Ferrara. *Di alcune pretese irregolarità nella metrica dei melodi bizantini*. Отд. оттискъ изъ *Rendiconti del Reale Istituto Lombardo di scienze e lettere*, serie II, vol. XXXIV, 1901. 21 стр. 8°. — Авторъ, указывая на нѣкоторые видимыя неправильности въ португальской метрикѣ, сравниваетъ съ послѣдними неправильности въ греческой церковной поэзіи, указанныя въ работахъ К. Крумбаха «*Studien zu Romanos*» и «*Umarbeitungen bei Romanos*». — См. отзывъ К. Крумбаха в *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 1—2 (1902), S. 225—227.

Anonymus. *Studi d'antica letteratura cristiana e patristica. Gli Atti de' martiri*. Напечатано в *La Civiltà cattolica*, ser. XVIII, vol. IV, quad. 1233 (1901), p. 328—343. — Сообщеніе о каталогахъ болландистовъ и о

новѣйшихъ работахъ Dufourcq, Franchi de' Cavalieri и др. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 238.

P. T. Anaisi. *Della liturgia siriana*. Напечатано въ Oriens christianus, I (1901), p. 170—173. — Нѣсколько замѣчаній о древнѣйшей «сирійской литургіи», т. е. о литургіи св. апостола Іакова, перваго іерусалимскаго епископа. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 243.

Giovanni Mercati. *Note di letteratura biblica e cristiana antica*. Roma, Tipografia Vaticana 1901. VIII+255 стр. 8°. Три таблицы. Studi e Testi 5. — Изъ этого богатаго и разнообразнаго по содержанію сборника мы отиѣтимъ статьи, касающіяся нашей области. Для эксегета и изслѣдователя Библии интересны Nr.: 3) О библейскомъ канонѣ св. Епифанія, 4) D'alcuni frammenti esaplatari sulla V-a e VI-a edizione greca della Bibbia. 5) О текстѣ и смыслѣ Евсевія Н. е. VI 16. 6) Anecdota apocrypha latina. Una «Visio» ed una «Revelatio» d'Esdra con un decreto di Clemente Romano. 7) Due supposte lettere di Dionigi Alessandrino. Въ Cod. Vat. gr. 331, s. XI находятся два письма подъ именемъ Діонисія, которыя на самомъ дѣлѣ принадлежатъ Исидору Пелусіоту. 8) Anthimi Nicomediensis episcopi et martyris (+302) de sancta Ecclesia. 12) Appunti su Niceta ed Aniano traduttore di S. Giovanni Crisostomo. Замѣтки о латинскомъ переводѣ проповѣдей Іоанна Златоуста Аніаномъ. 13) Il commentario d'Esichio Gerosolimitano sui Salmi. О толкованіи на псалмы Гезихія Іерусалимскаго. 14) Per la vita e gli scritti di «Paolo il Persiano». Appunti da una disputa di religione sotto Giustino e Giustiniano. Рѣчь идетъ о персѣ Павлѣ, который уже въ 527 году былъ въ Константинополѣ, владѣлъ греческимъ языкомъ и участвовалъ въ спорѣ съ манихейцемъ Фотиномъ. 16) La lettera di Pasquale I a Leone V sul culto delle sacre immagini. Новое изданіе на основаніи Cod. Ambros. H 257 inf. греческаго письма Пасхалія I ко Льву V. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 245—246.

C. A. Garufi. *Sull' ordinamento amministrativo Normanno in Sicilia, Eschiquier o Diwan*. Напечатано въ Archivio Storico Italiano, Dispensa 2-a del 1901. 43 стр. 8°. — Авторъ изслѣдуетъ вопросъ о томъ, какое право, норманнское или арабское, было положено въ основаніе сицилійскаго управленія въ XII вѣкѣ, и приходитъ къ заключенію, что для высшаго класса употреблялось въ сущности франкское право; въ остальныхъ же частяхъ управленіе основывалось на римскомъ правѣ, подъ сильнымъ вліяніемъ права византійскаго со времени Ираклія. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 254.

A. Crivellucci. *Delle origini dello Stato pontificio*. Напечатано въ Studi storici, 10 (1901), p. 3—39. — Взглядъ автора нѣсколько отступаетъ отъ взглядовъ L. Duchesne въ его сочиненіи «Les premiers temps de l'état pontifical» (См. Виз. Временникъ, т. V, 1898, стр. 783). — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 257.

S. Bontiglio. *Girgenti — Villagio Bizantino del Balatizzo*. Notizie degli

Scavi 1900, p. 511 — 520. — Авторъ даетъ точное описаніе и рисунки остатковъ небольшихъ частныхъ строеній, которыя онъ относитъ къ V—VI вѣку и считаетъ византійскими. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 267.

C. Ricci. *Ravenna*. Bergamo, 1901. 4°. — Эта книга намъ неизвѣстна.

G. T. Rivoira. *Le origini della architettura lombarda e delle sue principali derivazioni nei paesi d'oltr' Alpe*. In due volumi. Roma, Ermanno Loescher & C.

Fr. Bulić. *Un' ampolla d'oglio di S. Menas martire trovata in Dalmazia*. Напечатано въ Bullettino di archeologia e storia dalmata, XXIV (1901), p. 57—58. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 277.

Carlo Cipolla. *Una mitra del secolo XIII*. Напечатано въ L'Arte, VI (1901), p. 145—151. — Эта митра XIII вѣка заслуживаетъ нашего вниманія, такъ какъ изображенныя на ней фигуры, очевидно, находятся въ близкомъ отношеніи къ греческому искусству. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 278.

Gius. Strzygowski. *Le relazioni di Salona coll' Egitto*. Напечатано въ Bullettino di archeologia e storia dalmata, XXIV (1901), p. 58 — 65 съ тремя таблицами. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 282.

<Carlo Bricarelli S. J.>. *Roma e Bisanzio nella storia dell' Architettura cristiana*. Напечатано въ La Civiltà cattolica, serie XVIII, vol. IV (1901), quad. 1232, p. 146—162.

G. Mercati. *Nuovi frammenti dei libri 58 — 59 dei Basilici in un palinsesto Vaticano*. Напечатано въ Rendiconti del Reale Istituto Lombardo di scienze e lettere, serie II, vol. XXXIV (1901), p. 1003 — 1007. — Авторъ издаетъ для пробы изъ недавно открытаго палимпсеста (Vatic. graec. Pii II, pp. 15) базиликъ одну страницу, которая содержитъ lib. 58 tit. 13, capp. 16 — 17 (Digest. XXXIX, 3, 16 sq.). — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 283.

Terenzio Tocci. *La questione albanese*. Cosenza, tipografia forense, 1901. — Авторъ имѣетъ въ виду политическую сторону современнаго албанскаго вопроса.

Cosimo de Giorgi. *La cattedrale di Nardò*. Напечатано въ Rassegna pugliese di scienze, lettere ed arti. Trani-Bari 1901, n. 12, p. 356—365; 1902, n. 1, p. 1—13. — Авторъ въ своей работѣ разбираетъ рядъ документовъ, относящихся къ исторіи знаменитаго собора въ Нардо, т. е. норманнскіе и анжуйскіе дипломы, существующіе частью въ архивахъ епископства Нардо; греческіе документы, изданные у Trinchera въ «Syllabus graecarum membranarum», надписи и т. д.

Biblioteca Angelo Scalabrini. *Notizie geografiche dell' Albania: biblioteca italo-albanese*, vol. II. Roma. Società editrice Dante Alighieri, 1902. — Статья содержитъ историческія свѣдѣнія о Скутари, Превезѣ, Валонѣ, Дурацио и другихъ городахъ Албаніи.

Marangoni. *Lassaro Bonamico e lo Studio Padovano*. Напечатано въ

Византизмъ Современный.

Nuovo Archivio Veneto, 1901 (N. S.), N 1, p. 118—152.—Работа эта сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о греческихъ профессорахъ, которые въ эпоху Возрожденія преподавали въ университетѣ въ Падуѣ, и особенно—о Димитріѣ Халкондилѣ, Николаѣ Леоникѣ, Лаврентіѣ Камеринскомъ, извѣстномъ подъ прозваніемъ Критскаго, и о Маркѣ Музурѣ (Musurus).

G. Cogo. *Notisia storica intorno alla nuova edizione de «le Vite dei Dogi» di Marin Sanudo.* Напечатано въ Nuovo Archivio Veneto (N. S.), 1901, № 1, p. 165—176.—Это новое изданіе составляетъ часть сборника подъ заглавіемъ: *Raccolta degli storici italiani dal cinquecento al mille cinquecento ordinata da Ludovico Antonio Muratori. Nuova edizione riveduta, ampliata e corretta con la direzione di Giosué Carducci.* (Città di Castello, coi tipi dell' editore Lapi, fasc. 3, 4, 5). Профессоръ Giovanni Monticcolo снабдилъ томъ Санудо примѣчаніями и документами, относящимися къ византийской исторіи. Отиѣтимъ разсказъ о перенесеніи въ Константинополь останковъ св. Гальбы (p. 138—139), и документы о походѣ дожа Виталия II противъ Мануила Комнина въ 1172 году (p. 263).

Enrico Basta. *La cattura dei Veneziani in Oriente per ordine dell' imperatore Emanuele Comneno e le sue conseguenze nella politica interna ed esterna del Comune di Venezia.* Feltre, tipografia Casstaldi, 1902, 26 стр. 8°.—Авторъ въ этой работѣ излагаетъ причины ненависти Мануила Комнина противъ венеціанцевъ,—ненависти, которая усилилась съ тѣхъ поръ, когда Венеція отказалась заключить союзъ съ нимъ противъ норманновъ. За это Мануилъ Комнинъ старался доставить Венеціи затрудненія въ Далмаціи; привлекая венеціанцевъ въ Константинополь, Мануилъ задерживаетъ ихъ и конфискуетъ ихъ имущества. На основаніи документовъ, хранящихся въ архивахъ древнихъ венеціанскихъ монастырей, авторъ вычисляетъ приблизительно потери, понесенныя венеціанцами въ этихъ расправахъ, а также стоимость экспедицій, предпринятыхъ Венеціей противъ Византіи для подкрѣпленія своихъ требованій.

M. L. Testa. *Osservazioni critiche sulla storia dell' arte a proposito di un' opera recente.* Напечатано въ Archivio storico italiano, 1902, 5-e serie, t. XXIX, p. 12—44.—Въ этой ученой рецензіи Теста обвиняетъ Вентури въ томъ, что послѣдній не оцѣнилъ по достоинству въ своемъ первомъ томѣ Исторіи итальянскаго искусства эпохи Юстиніана. Кромѣ того, Теста, сдѣлавъ нѣсколько поправокъ къ труду Вентури, высказываетъ мнѣніе, что Італія еще не готова для общаго труда по итальянскому искусству; такому труду долженъ еще предшествовать рядъ монографій.

Arnoldo della Torre. *Storia dell' Accademia platonica di Firenze.* Pubblicazioni del R. Istituto di Studi superiori pratici e di perfezionamento in Firenze. Sezione di filosofia e filologia. Firenze, tipografia G. Carnesecchi, 1902, XVI+858 стр., 8°. Цѣна 20 фр.—Въ предисловіи этого прекраснаго труда (p. 1—104) разбираются источники и литература вопроса о Платоновской Академіи во Флоренціи. Первая глава (p. 105—238) приписываетъ Італіи первенство въ дѣлѣ основанія академій и ученыхъ

обществѣ и излагаетъ исторію первыхъ итальянскихъ академій, въ частности флорентійскихъ. Послѣ второй главы (р. 239 — 425), дающей историческій очеркъ флорентійской Платоновской Академіи, третья глава (р. 479 — 562) рассказываетъ, какимъ образомъ платонизмъ проникъ и обосновался во Флоренціи; здѣсь же авторъ говоритъ о знаменитомъ спорѣ по поводу превосходства Аристотеля надъ Платономъ и наоборотъ, о спорѣ, который сильно волновалъ выдающіеся умы Византіи, — объ Іоаннѣ Аргиропуло и даетъ подробную біографію Марсілія Фичино (Ficino). Четвертая глава (р. 563 — 628) излагаетъ настоящую исторію Платоновской Академіи. Въ этой работѣ можно найти интересныя данныя о наиболѣе знаменитыхъ грекахъ эпохи Возрожденія, какъ то: объ Іоаннѣ Аргиропуло, Виссаріонѣ, Андроникѣ Калистѣ, Димитріѣ Халкондигѣ, Мануилѣ Хрисолорѣ, Гемистѣ Плевонѣ, Георгіѣ Трапезундскомъ и т. д.

P. Cozza-Luzi. *Di un molibdobullo bizantino.* Напечатано въ *Rivista storica calabrese*, anno X, 1902, 3-e serie, livr. 1 — 2, p. 11 — 13. — Моливдовулгъ съ именемъ протоспаварія Николая и съ изображеніемъ креста, окруженнаго листьями и цвѣтами.

P. Cozza-Luzi. *Il centenario del gran Nilo Rossanense.* Напечатано *ibidem*, p. 15 — 16. — По поводу предстоящаго празднества въ честь св. Нила въ Калабріи авторъ замѣтки вспоминаетъ о смерти Святого, которую онъ относитъ къ 26 сентября 1004 года.

Diego Corso. *Notizie storiche su Joppolo.* Напечатано *ibidem*, p. 17 — 22. — Историческая замѣтка о деревнѣ Joppolo въ Калабріи, которую считаютъ византійскаго происхожденія.

R. Cotroneo. *Pergamene greche del secolo XIII.* Напечатано *ibidem* p. 35 — 44. — Изданный здѣсь греческій документъ относится къ 1292 году и представляетъ изъ себя дарственный актъ, по которому греческій священникъ Андрей оставляетъ Иларіону, аббату св. Иліи, четыре унціи золота, свои книги и имущество.

R. Cotroneo. *La storia della cattedrale e delle parrocchie di Reggio, di Carlo Guarna Logoteta.* Напечатано въ *Rivista storica calabrese*, anno X, 1902, 3-e serie, livr. 3, p. 55 — 67. — Замѣтки о церкви, извѣстной подъ названіемъ *Cattolica dei Greci* проторара. Статья содержитъ интересныя данныя о греческомъ ритуалѣ въ Калабріи.

P. Cozza-Luzi. *Di alcuni scritti del detto S. Nilo.* Напечатано *ibidem*, p. 70 — 72. — Небольшая замѣтка о тропаряхъ, сочиненныхъ св. Ниломъ.

P. Cozza-Luzi. *S. Nilo rossanense calligrafo.* Напечатано *ibidem*, p. 73 — 74. — Извлеченіе изъ біографіи св. Нила, составленной монахомъ Вареолюмеемъ. Св. Нилъ усердно занимался переписываніемъ древнихъ рукописей, и монахи ему въ этомъ подражали.

P. Cozza-Luzi. *Notizie di Caloveto.* Напечатано *ibidem*, livr. 4 — 5, p. 127 — 131. — Замѣтка о греческой церкви въ деревнѣ Caloveto (въ 30 километрахъ отъ Россано) и о св. Іоаннѣ Каливѣтѣ, котораго жители до сихъ

поръ почитаютъ какъ своего соотечественника. Въ церкви есть греческая надпись 1146 — 1147 года съ именемъ игумена Неофита.

Mgr. Bartolomeo Lagumina. *Un peso arabo in piombo del museo nazionale di Palermo illustrato.* Напечатано въ Archivio storico siciliano, anno XXVI (1901), p. 1 — 10. — Описание арабской пломбы, найденной въ Джирдженти, съ именемъ халифа ал-Ватика (842 — 847 г.). Авторъ сообщаетъ свѣдѣнія объ арабскихъ вѣсахъ и мѣрахъ.

Guiseppe Pardi. *Un comune della Sicilia e le sue relazioni con i dominatori dell' isola sino al secolo XVII.* Напечатано ibidem, 1902, p. 22—66. — Рѣчь идетъ о коммунѣ Катальджироне, которая въ VIII вѣкѣ была крѣпостью, построенною византийцами. Въ статьѣ можно найти историческія подробности о Катальджироне въ эпоху мусульманскаго владычества (p. 22 — 28) и нѣсколько замѣчаній о византийскомъ управленіи въ Сициліи.

Valentino Labate. *Per la biografia di Costantino Lascaris; nuovi documenti.* Напечатано ibidem, 1902, p. 222 — 240. — Авторъ сообщаетъ новыя данныя о Константинѣ Ласкарисѣ, извѣстномъ греческомъ литераторѣ XV вѣка, призванномъ Виссаріономъ для преподаванія греческаго языка въ монастырь Спасителя въ Мессинѣ. Авторъ по этому вопросу изучаетъ документы, хранящіеся въ Мессинѣ.

Gustavo Uzielli. *L'orazione della misura di Cristo.* Напечатано въ Archivio storico italiano, 1901, p. 334 — 346. — Предположенія о ростѣ Иисуса Христа на основаніи графическихъ документовъ и памятниковъ византийскаго искусства.

G. Angelini. *Un antico mosaico cristiano scoperto a Gerusalemme.* Напечатано въ Nuovo Bullettino di archeologia cristiana, VII (1901), p. 217—221. — Замѣтка о мозаикѣ, открытой недавно въ Іерусалимѣ около церкви св. Стефана, въ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда возвышалась базилика св. Первомученика, построенная императрицей Евдокіей.

Schuster. *Di una collezione di eulogie dei Luoghi Santi di Palestina.* Напечатано ibidem, 1901, p. 259 — 269. — Перечень и описаніе различныхъ священныхъ предметовъ, вывезенныхъ однимъ паломникомъ изъ Іерусалима еще до перваго крестоваго похода и хранящихся въ сабинскомъ аббатствѣ Farfense.

E. Zaccaria. *Scoperte in Gerusalemme.* Напечатано ibidem, 1901, p. 302 — 305. — Замѣтка о новыхъ открытіяхъ въ Іерусалимѣ при раскопкахъ. Открыли древнее христіанское кладбище, одну византийскую могилу и византийскія монеты императоровъ Юстиніана, Маврикія и Фоки.

Contarelo Ferrini. *Sulle fonti delle Istituzioni di Giustiniano.* Напечатано въ Bullettino dell' Istituto di diritto Romano pubblicato per cura del segretario perpetuo Vittorio Scialoja. Roma, 1901, p. 101 — 208. — Авторъ старается доказать, что институціи Юстиніана составлены по той же самой системѣ, которая была принята при редакціи дигестъ.

Gaetano Negri. *L'Imperatore Giuliano l'Apostata. Studio storico.* Milano,

Hoerli, 1901, XX + 509 стр. — Сочиненіе, написанное въ защиту Юліана Отступника, который, по мнѣнію автора, не былъ, собственно говоря, преслѣдователемъ церкви. Между прочимъ, авторъ утверждаетъ, что безъ гоненія при Неронѣ христіанство потухло бы во мракѣ (р. 220).

A. Ferretto. *I Genovesi in Oriente dal carteggio di Innocenzo IV.* Напечатано въ Giornale storico e letterario della Liguria, diretto da Achille Neri e da Ubaldo Mazzini. Anno I (1900), p. 353 — 368. — Рѣчь идетъ преимущественно о латинскомъ антиохійскомъ патріархѣ Opizio Fieschi, избранномъ на патріаршій престолъ въ 1247 году. Въ изученныхъ же здѣсь документахъ можно найти нѣсколько новыхъ свѣдѣній о Николаѣ Леркари, архіепископѣ Тирскомъ (Ср. Lequien. Oriens christianus, II, col. 1318 — 1319). Въ концѣ работы приложенъ списокъ документовъ Иннокентія IV, имѣющихъ отношеніе къ востоку (1245 — 1267 г.).

G. Manacorda. *Della corrispondenza tra Leone Allacci ed Angelico Aprasio.* Напечатано въ Giornale storico e letterario della Liguria, 1901, p. 161 — 228. — Ученая замѣтка о библиографіи знаменитаго хіосскаго писателя Льва Алліція.

C. Manfroni. *Relazioni di Genova con Venezia dal 1270 al 1290 con documenti inediti tratti dall' Archivio di Stato di Venezia.* Напечатано въ Giornale storico e letterario della Liguria, 1901 (anno 11), p. 361 — 402. — Текстъ переписки между Генуей, Венеціей и Пизой 22 августа 1270 года. Здѣсь даются интересныя подробности о торговлѣ морскихъ итальянскихъ республикъ съ Кипромъ, Египтомъ, Арменіей, Тунисомъ; объ отношеніяхъ Венеціи съ Византіей, экспедиціи венеціанцевъ противъ генуэзской колоніи Каффы, о гибели венеціанскихъ колоній по сирійскому побережью, о концѣ латинской имперіи въ Іерусалимѣ и т. д.

Costantino Cipolla. *L'azione letteraria di Nicola V sul Rinascimento.* Frosinone, tipografia Stracca, 8°. 60 стр. — Нѣсколько поверхностныхъ замѣтокъ о греческихъ литераторахъ времени Возрожденія, напр., о Георгіѣ Трапезундскомъ и др.

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

G. Botti. *Steli cristiane di epoca bizantina.* См. Виз. Временникъ, т. VII (1900), стр. 785; т. VIII (1901), стр. 262. — Рецензія появилась **V. Strazulla** въ Rivista di Storia Antica. Messina, anno VI (1901), p. 136 — 138.

G. La Corte. *I Barbaricini di Procopio (De Bello Vand. II 13).* Напечатано въ Questioni di filologia e di storia. Torino, V. Bona 1901, 23 стр. — Рецензія появилась **L. C.** въ Studi storici, 10 (1901), p. 235 — 237.

P. Franchi de' Cavalieri. *S. Agnese nella tradizione e nella legenda.* См. Виз. Времен., т. VII (1900), стр. 556; т. VIII (1901), стр. 263 и 669. — Рецензія появилась **Ch. Martens** въ Revue d'histoire ecclésiastique, 2 (1901), p. 317 sq.

А. Васильевъ.

А. Пальміері.

АНГЛІЯ.

Louis H. Gray and Montgomery Schuyler, Jr. *Indian Glosses in the lexicon of Hesychios*. Напечатано въ The American journal of philology, 22 (1901), p. 195—202.—Объясненіе со стороны языка и значенія встрѣчающихся въ лексиконѣ Гезихія индійскихъ словъ.—См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 222.

Bernh. P. Grenfell and Arthur S. Hunt. *The Amherst Papyri*. Part II. London, 1901.

J. H. Bernard. *Two notes on Smith and Wace's Dictionary of Christian Biography. II. Macarius*. Напечатано въ The Journal of Theological Studies, 2 (1901), p. 610 sq.—Эти замѣтки направлены противъ смѣшенія Macarius Magnus съ Macarius Magnes, т. е. изъ Магнесіи.—Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 231.

The Rev. H. T. F. Duckworth. *St. John the Almsgiver patriarch of Alexandria*. Oxford, B. H. Blackwell, 1901. 30 стр. 12°.—Авторъ описываетъ жизнь св. Іоанна Милостиваго и сообщаетъ свѣдѣнія о его роли, какъ покровителя одной часовни въ Іерусалимѣ, имѣющей связь съ орденомъ госпитальеровъ. Наконецъ, авторъ предлагаетъ св. Іоанна снова признать покровителемъ мальтійскихъ рыцарей и отвести ему мѣсто въ англійскомъ церковномъ календарѣ. Источниками автору служили сдѣланный Анастасіемъ латинскій переводъ житія св. Іоанна, написаннаго Леонтіемъ, и жизнеописаніе Симеона Метафраста. Греческій текстъ житія авторъ считаетъ утеряннымъ. Последнее предположеніе особенно удивительно: извѣстно, что греческій текстъ этого житія сохранился во многихъ рукописяхъ и въ 1893 году изданъ Гельдеромъ съ богатымъ комментариемъ. Очевидно, все это ускользнуло непонятнымъ образомъ отъ вниманія англійскаго писателя.—См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 240.

F. E. Brightman. *«Soul, body, spirit»*. Напечатано въ The Journal of Theological Studies, 2 (1901), p. 273 sq.—Авторъ обращаетъ вниманіе на частое употребленіе ψυχή, σῶμα, πνεῦμα въ египетскихъ литургіяхъ.—См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 243.

F. C. Burkitt. *Christian Palestinian literature*. Напечатано въ The Journal of Theological Studies, 2 (1901), p. 174—185.—Дальнѣйшее изложеніе одного доклада, сдѣланнаго на конгрессѣ ориенталистовъ въ Римѣ въ 1899 году. Авторъ особенно выставляетъ практически церковный характеръ палестинской литературы (рукописи библіи, богослужебныя книги, проповѣди, житія святыхъ) и разбираетъ отношеніе палестинско-сирійскаго христіанства къ византійской государственной церкви.—См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 243—244.

F. C. Conybeare. *Armenian and Georgian literature*. Напечатано въ The Journal of Theological Studies, 2 (1901), p. 631—635.—Сообщеніе о двухъ

работахъ нашего извѣстнаго армениста Н. Я. Марра.—См. Byz. Zeitschr. B. XI, H. 1—2 (1902), S. 246.

Alfred J. Butler. *On the identity of "Al Mukaukis" of Egypt*. Отд. оттискъ изъ Proceedings of the Society of Biblical Archeology, 1901, 16 стр. 8°.—Рядъ соображеній по поводу имени Моавки египетскаго.—См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 249.

F. E. Brightman. *Byzantine Imperial Coronations*. Напечатано въ The Journal of Theological Studies, 2 (1901), p. 359—392.—Авторъ дѣлаетъ попытку описать византійскій коронаціонный церемоніалъ.—См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 256.

J. Hackett. *A history of the orthodox church of Cyprus, A. D. 45 to A. D. 1878, together with some account of the Latin and other churches existing in the island*. London, Methuen & Co. 1901. XVIII + 720 стр. 8°. Цѣна 15 шиллинговъ.—Книга намъ неизвѣстна.

W. E. Crum. *Christian Egypt*. Отд. оттискъ изъ Egypt Exploration Founds Archeological Report, 1900—1901. 18 стр. 4°.—Весьма содержательный, снабженный критическими замѣтками обзоръ появившихся въ послѣдніе годы работъ по исторіи, литературѣ, языку, искусству и т. д. Египта въ христіанское время.—См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 260.

Howard Crosby Butler. *Report of an American archeological expedition in Syria 1899—1900*. Напечатано въ American Journal of Archeology, second series. Journal of the Archeological Institute of America. Vol. IV (1900), p. 415—440.—Въ настоящемъ предварительномъ сообщеніи дается отчетъ о работахъ американской экспедиціи, отправленной въ Сирію для изученія страны въ археологическомъ и архитектурномъ отношеніи, а также для новаго изданія надписей. Въ настоящемъ сообщеніи перечисляются надписи, большею частью, греческія.—См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 270—271.

Carnana. *Ancient pagan tombs and christian cemeteries in the island of Malta*. 1898, 129 стр. 4°.

W. H. Jewitt. *Pagan Myths and Christian Figures*. Напечатано въ The Antiquary, Vol. XXXVII (1901), p. 74—77, 101—108, 147—151 съ рисунками.

Walter Lowrie. *A. Jonah monument in the New York Metropolitan Museum*. Напечатано въ American Journal of Archeology, V (1901), p. 51—57, съ двумя изображеніями.—Намъ эта статья неизвѣстна.

H. C. Butler and W. K. Prentice. *A mosaic pavement and inscription from the bath at Serdjilla (Central Syria)*. Напечатано въ Revue archéologique, III sér., XXXIX (1901), p. 62—76.—Американская экспедиція въ Сирію открыла между прочимъ въ банѣ въ Serdjilla мозаику съ надписью, которая относитъ мозаику къ 784 (473 послѣ Р. Хр.) году. На ней по сторонамъ дерева изображены различныя сцены изъ жизни звѣрей.—См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 1—2 (1902), S. 276.

W. Holden Hutten. *Constantinople. The Story of the old Capital of the Empire*. London, J. M. Dent and Co., 1900, XVI + 341 стр. — Прекрасная книга для знакомства съ Константинополемъ. Она раздѣляется на семь главъ: I. Византія до Константина. Съ Константина до Юстиніана. Съ Юстина II до латинскаго завоеванія. Съ латинскаго завоеванія до завоеванія турецкаго. II. Константинополь при туркахъ. III. Церкви (авторъ дважды посѣтилъ св. Ирину). IV. Стѣны. V. Мечети. VI. Дворцы. VII. Древности. — См. *Echos d'Orient*, 5-е année (1902), p. 189.

W. E. Crum. *A «Scythian» in Egypt*. Напечатано въ *Proceedings of the Society of Biblical Archeology*. 1902, June, p. 233—234. — Превосходный знатокъ христіанскаго Египта, англійскій ученый Crum обращаетъ вниманіе на одну стелу, на которой упомянуто имя одного варвара, служившаго, вѣроятно въ качествѣ foederati, въ Египтѣ при византійскихъ императорахъ. Надпись стелы такова:

ΥΠΕΡ ΜΝΥ
 ΣΕΩΣ ΤΟΥ Μ
 ΔΑΡΙΟΥ ΡΙΓΙ
 ΜΕΡ ΣΤΡ ΣΚΥ
 Θ, ΕΚΟΙΜΥΘΗ

(даже двѣ строки стерты). Итакъ, имя «скинскаго» варвара Ригимеръ.

W. E. Crum. *Coptic ostraca from the collections of the Egypt Exploration Fund, the Cairo Museum and others*. The texts edited with translations and commentaries by W. E. C. with a contribution by the Rev. F. E. Brightman. Special extra publication of the Egypt Exploration Fund. London, 1902. XXII + 99 + 125 стр. съ двумя таблицами. 4°. — Только что названный англійскій ученый подарилъ науку въ высшей степени важнымъ и интереснымъ изслѣдованіемъ о коптскихъ ostraca. Трудъ состоитъ изъ введенія, переводовъ и комментарія ostraca и ихъ литографированныхъ текстовъ. Во введеніи авторъ, рассказавъ о происхожденіи своей книги и о матеріалѣ для нея, излагаетъ краткое содержаніе издаваемыхъ имъ коптскихъ ostraca, трактующихъ о церковныхъ, богословскихъ, торговыхъ и другихъ вопросахъ; особенно трудна для объясненій частная корреспонденція. Рассказавъ о мѣстностяхъ и лицахъ, упоминаемыхъ въ ostraca, авторъ говоритъ о хронологіи ихъ; по его мнѣнію, часть ихъ относится къ VII, часть къ VIII вѣку (р. XVI). Затѣмъ авторъ переходитъ къ упоминаніямъ въ ostraca о духовенствѣ и монахахъ и выясняетъ значеніе ostraca въ этомъ вопросѣ. Введеніе къ этой книгѣ кончается замѣтками о языкѣ ostraca. Въ отдѣлѣ переводовъ и комментарія ostraca послѣднія подраздѣлены по содержанію на библейскія, литургическія, проповѣди, юридическія и торговые документы, письма и т. д. Всѣ часто столь трудно поддающіяся объясненію данныя ostraca снабжены остроумнымъ

и содержательнымъ комментариемъ. Если сюда присоединить литографированные тексты ostraca, прекрасно выполненныя таблицы и цѣлый рядъ аккуратно сдѣланныхъ указателей, облегчающихъ пользованіе книгой, то нельзя не признать, что новый трудъ англійскаго ученаго какъ со стороны внѣшней формы, такъ и со стороны внутренняго содержанія представляетъ изъ себя весьма цѣнное приобрѣтеніе въ ученой литературѣ. Для византійской же исторіи книга эта уже потому имѣетъ значеніе, что касается внутренней исторіи христіанскаго Египта передъ мусульманскимъ завоеваніемъ и послѣ него.

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

The history of Psellus edited with critical notes and indices by Constantine Sathas. См. Виз. Временникъ, VI (1899), стр. 611.—Рецензія появилась Н. Gelzer въ Berl. philol. Wochenschrift, 21 (1901), № 12, Sp. 356—362.

B. Grenfell and A. Hunt, The Amherst Papyri. Part I. См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 264, 267 и 673.—Рецензія появилась E. L. въ Literarisches Centralblatt, 51 (1900), Nr. 48, Sp. 1988—1989.

B. Grenfell and A. Hunt. The Amherst Papyri. Part. II. См. выше.—Рецензія появилась Ad. Deissmann въ Beilage zur (Münchener) Allgemeinen Zeitung, 31 окт. 1901, № 251.

The Syriac chronicle of Zachariah of Mitylene by Hamilton and Brooks. См. Виз. Временникъ, т. VII, 1900, стр. 567—568 и т. VIII, 1901, стр. 242.—Рецензія появилась John Gwynn въ Hermathena, Nr. XXV (1900), p. 214—226.

Agnes Smith Lewis, Studia Sinaitica. Nr. IX. X. Select Narratives of Holy Women. См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 673.—Рецензія появилась Edgar J. Goodspeed въ The American Journal of Theology, 5 (1901), p. 568—571.

Fr. Harrison. Byzantine history in the early middle ages. См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 264—265.—Рецензія появилась F. Hirsch въ Wochenschrift für klassische Philologie, 18 (1901), Nr. 8, Sp. 213—215.

Franz Wickhoff. Roman Art. Translated and edited by Mrs S. Arthur Strong (Miss Sellers). London, Heinemann, 1900.—Рецензія появилась S. Reinach въ Revue critique, 51 (1901), p. 172 sq.

A. van Millingen. Byzantine Constantinople. См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 241, 267 и 568.—Рецензіи появились: G. Millet въ Revue de l'art chrétien, 1901, p. 471—472. См. рецензію А. Васильева въ Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 568—572.

А. Васильевъ.

ГРЕЦІЯ и ТУРЦІЯ.

Германъ Василякисъ (Γερμανὸς Βασιλάκης), *Περὶ τῆς ἐπὶ ὀνόματι τοῦ Ἀδελφοθέου Ἰακώβου φερομένης λειτουργίας* [Ἐκκλῆσ. Ἀλήθεια, XXI, 1901, стр. 76, 94—96, 117—118]. — Подъ этимъ заглавіемъ архидіаконъ Іерусалимской Патріархіи Германъ излагаетъ вкратцѣ свои изслѣдованія о литургіи святого Іакова, брата Господня, въ которыхъ онъ доказываетъ, что она носитъ ложное заглавіе, такъ какъ она была неизвѣстна во времена апостоловъ, а также въ эпоху Кирилла Іерусалимскаго.

Іоаннимъ Форопулосъ (Ἰωαννὴν Φορόπουλος), *Ἐγγράφα τοῦ πατριαρχικοῦ ἀρχιεπισκοπικοῦ* [Ἐκκλῆσ. Ἀλήθεια, XXI, 1901, стр. 33—37, 121—123, 161—162]. См. Виз. Врем. VIII, 1901, стр. 279. — Здѣсь помѣщаются разные ситилліи о школахъ вселенскихъ патріарховъ Самуила и Θεодосία (1765, 1766, 1767, 1769 гг.). Школы, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, основаны въ XVIII столѣтіи въ Триполицѣ, Яссахъ, Старыхъ Патрахъ, Псарѣ и Димитчанѣ.

Петръ Папагеоргіу (Πέτρος Παπαγεωργίου), *Φωτίου πατριάρχου καὶ τοῦ ἀδελφοῦ Ταρασίου πατρικίου ζήτησις θεολογική* [Ἐκκλῆσ. Ἀλήθεια, XXI, 1901, стр. 206—210]. — Среди посланій патріарха Фотія, которыя были изданы нами по кодексу № 684 Иверскаго монастыря, существуютъ три (№№ 3, 5, 7), посланныя патріциемъ Тарасіемъ своему брату Фотію, и другія три послѣдняго къ первому (№№ 4, 6, 8). Вотъ эти-то письма и анализируетъ г. Папагеоргіу; далѣе онъ издаетъ ихъ снова на основаніи ихъ сопоставленія съ кодексомъ и съ нѣкоторыми поправками, такъ что текстъ теперь приобретаетъ болѣе ясности.

Іоаннимъ Форопулосъ (Ἰωαννὴν Φορόπουλος), *Ἀνάλεκτα ἐκ τῶν πατριαρχικῶν κωδίκων* [Ἐκκλῆσ. Ἀλήθεια, XXI, 1901, стр. 276—278]. — Извѣстно, что мощи святой мученицы Евфиміи находятся во храмѣ Вселенской Патріархіи въ Фанарѣ. Здѣсь Форопулосъ воспроизводитъ одно официальное посланіе патріарха Гавріила III, изъ котораго мы узнаемъ, что въ 1704 году св. сѣнодъ рѣшилъ праздновать ежегодно день святой Евфиміи съ большою торжественностью въ храмѣ, въ которомъ покоятся ея мощи.

Петръ Папагеоргіу (Πέτρος Παπαγεωργίου), *Χειρόγραφα καὶ διορθώσεις* [Ἐκκλῆσ. Ἀλήθεια, XXI, 1901, стр. 294—296, 349—350]. — Въ одной изъ нашихъ статей о типиконѣ монастыря Авксентія (см. Виз. Врем. VIII, 282) установлено было нами, что этотъ типиконъ былъ изданъ г. Гедеономъ не вполне точно; поэтому мы издали въ подробностяхъ наши чтенія кодекса, по которому было сдѣлано изданіе г. Гедеона. Во время печатанія нашего труда г. Папагеоргіу помѣстилъ въ *Byzant. Zeitschrift*, X, 530—534, свои критическія поправки къ этому типикону. Узнавъ теперь о нашемъ трудѣ, онъ доказываетъ въ этой своей статьѣ, что 17 изъ его рукописныхъ поправокъ оправдываются кодексомъ, между тѣмъ какъ

восемь изъ нихъ лишены всякаго основанія. Здѣсь г. Папагеоргіу ссылается на Byz. Zeitschr. VIII, стр. 674—678, гдѣ онъ поправилъ безъ помощи кодекса стихи, находящіеся въ началѣ типикона въ честь Архангела Михаила; теперь же онъ отрицаетъ, что нашъ трудъ оправдываетъ 15 новыхъ правильныхъ чтеній, изъ которыхъ 5 вполне сходятся съ его вѣроятными поправками, а нѣкоторыя наши поправки расходятся съ его собственными. Эта статья г. Папагеоргіу носитъ вообще характеръ личнаго самолюбія, которое сильно чувствуется въ его словахъ. Вотъ поэтому-то, вѣроятно, онъ совсѣмъ умалчиваетъ о нашихъ замѣчаніяхъ относительно того, что эти стихи принадлежатъ Филѣ, а не императору Михаилу Палеологу.

М. Маландракисъ (Μ. Μαλανδράκης), *Ἑρμηνεία εἰς τὰ πρῶτα ἐννέα τροπάρια τοῦ εἰς τὴν γέννησιν τοῦ Ἰησοῦ Χριστοῦ κανόνος* Κοσμᾶ τοῦ μελποδοῦ [Ἐκκλησ. Ἀλήθεια, XXI, 1901, стр. 4—7].—Подъ этимъ заглавіемъ г. Маландракисъ опубликовалъ одно хорошее толкованіе къ 9 первымъ тропаріямъ канона на Рождество Христова, приписываемаго Космѣ пѣснопѣвцу. Это анонимное толкованіе онъ нашелъ въ рукописи XVIII вѣка, принадлежащей одному патмосскому семейству; принимая въ соображеніе, что авторъ его упоминаетъ о какой-то книгѣ, изданной въ первый разъ въ 1681 году, г. Маландракисъ приходитъ къ правильному заключенію, что автора настоящаго толкованія слѣдуетъ искать въ XVIII вѣкѣ и, по всей вѣроятности, имъ долженъ быть Герасимъ Византійскій, занимавшій должность учителя въ Патмосѣ между 1720—1740 годами.

Александръ Лаврскій (Ἀλέξανδρος Λαυριώτης), *Περὶ τῆς κατὰ τὴν νῆσον Χάλκην ἱερᾶς μονῆς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου* [Ἐκκληс. Ἀλήθεια, XXI, 1901, стр. 7—8].—Здѣсь помѣщается одно духовное завѣщаніе 1728 года, составленное Григоріемъ, бывшимъ меленикскимъ митрополитомъ, состоявшимъ въ то время игуменомъ монастыря Богородицы, находящагося на островѣ Халки.

Анонимъ [Алексудисъ] (Ἀνδρῆς Ἀλεξούδης), *Κώδικες ἐπαρχίας Βελεγράδων* [Ἐκκληс. Ἀλήθεια, XXI, 1901, стр. 15—16, 55—56, 71—72, 160, 299].—Продолженіе упоминаемаго въ Виз. Врем. VIII, стр. 290—291, описанія греческихъ рукописей Велеградской епархіи въ Албаніи. Здѣсь содержатся, во-первыхъ, описаніе извѣстнаго кодекса Евангелій подѣ буквой Ф; потомъ слѣдуетъ описаніе одного номоканона Малаксоса и двухъ четвероевангелій.

Іоаннѣй Форопулосъ (Ἰωακείμ Φορόπουλος), *Πίναξ τιτουλαρίων ἐπισκόπων* [Ἐκκληс. Ἀλήθεια, XXI, 1901, стр. 31—32, 51—53, 67—68, 210—211].—Подъ этимъ заглавіемъ нынѣшній Меленикскій митрополитъ Іоаннѣй Форопулосъ составилъ, на основаніи синодалныхъ архивовъ Вселенской патріархіи, списокъ титулярныхъ епископовъ (отъ 1606—1900 г.), которые носили имена древнихъ епископій, давно уже несуществующихъ; будучи, такимъ образомъ, лишены епископій, они служили помощниками разныхъ митрополитовъ.

Хрисостомъ Пападопулосъ (Χρυσόστομος Παπαδόπουλος), 'Ο ἅγιος Ἰωάννης ὁ Χρυσόστομος ὡς ῥήτωρ καὶ διδάσκαλος. 'Εν Τεργέστῃ 1898. 8°. стр. 38.—Въ этой книжкѣ содержится дѣльная характеристика святого Іоанна Златоуста какъ оратора и учителя по его собственнымъ сочиненіямъ.

Хрисостомъ Пападопулосъ (Χρυσόστομος Παπαδόπουλος), Περί τῆς λειτουργίας τοῦ ἁγίου Ἰακώβου. Ἱεροσολήμ 1901. 8°. стр. 33.—Здѣсь идетъ рѣчь о литургіи святого Іакова съ исторической точки зрѣнія. По мнѣнію автора, эта литургія извѣстна была святому Кириллу Іерусалимскому, въ доказательство чего онъ сопоставляетъ нѣсколько ея частей со словами Кирилла, который говоритъ о совершаемой въ его время литургіи.

Германъ Василианисъ (Γερμανὸς Βασιλάκης), 'Ελεγχος 'Ελέγχου. 'Εν Ἱεροσολύμοις 1901. 8°. стр. 65.—Здѣсь тоже идетъ рѣчь о литургіи святого Іакова, и нашъ авторъ архидіаконъ Германъ настаиваетъ на томъ, что онъ раньше написалъ объ этомъ же вопросѣ. Этотъ его новый трудъ носить характеръ опроверженія очерка архимандрита г. Хрисостома.

Евангелосъ Н. Кофиніотисъ (Εὐάγγελος Κ. Κοφινιώτης), 'Ακάθιστος ὕμνος, ᾧτοι 24 οἵκοι τῆς Θεοτόκου. 'Εν Ἀθήναις 1901. 16°. стр. 192.—Извѣстный гимнъ акаѳиста, который поется въ православныхъ церквахъ въ 5-ую Субботу Великаго Поста, нашелъ себѣ въ аѳинскомъ профессорѣ г. Кофиніотисѣ своего народнаго толкователя для греческаго народа. Текстъ гимна онъ заимствуетъ изъ Anthologia graeca Christ'a и Параника, а также изъ Niles, Manuale Kalendarium. Онъ переводитъ его на новогреческій языкъ двоякимъ образомъ: по буквѣ и по его богословскому смыслу. Къ тому же онъ прибавилъ и извѣстный канонъ на акаѳистъ, приписываемый гимнографу Іосифу. Въ предисловіи толкователь анализируетъ содержаніе гимна акаѳиста и излагаетъ извѣстныя уже мнѣнія о времени составленія его и о его авторѣ, не признавая никакого мнѣнія: по мнѣнію г. Кофиніотиса нельзя опредѣлить ни времени ни автора гимна.

І. Н. Делисъ (Ι. Ν. Δελής), Οἱ Γατελοῦχοι ἐν Λέσβῳ 1355 — 1462. 'Εν Ἀθήναις 1901. 8°, стр. 86.—Здѣсь помѣщается систематическая и почти полная исторія генуэзскихъ Катеузозъ, подъ властью которыхъ находился островъ Лесбосъ отъ 1355 до 1462 года. Авторъ съ ясностью и провицательностью пользовался всѣми источниками, относящимися къ этому вопросу, но жаль только, что онъ не зналъ новаго дополненнаго французскаго изданія сочиненія W. Heyd, Histoire du commerce du Levant au moyen-âge. Leipzig 1885—1886. Онъ пользовался нѣмецкимъ изданіемъ указываемаго сочиненія 1879 года.

** Н. 'Εκκλησία τῶν Ἱεροσολύμων κατὰ τοὺς τέσσαρας τελευταίους αἰῶνας [1517—1900]. 'Αθήνησιν 1900. 8°, стр. 432.—Эта анонимная книга издана существующимъ въ Аѳинахъ обществомъ «Ἑλληνισμός» съ цѣлью сдѣлать исторію Іерусалимской патріархіи отъ 1517 года до нашихъ дней.

болѣе доступной для греческаго народа. Въ введеніи дѣлается историческое обозрѣніе Іерусалимской церкви отъ времени ея основанія до XVI вѣка. Содержаніе книги раздѣляется на 5 частей. Первая часть трактуетъ объ іерусалимскихъ патріархахъ отъ Дорофея II до Даміана; вторая говоритъ о Святогробскомъ Братствѣ, именно о значеніи дѣятельности его; третья часть сообщаетъ о положеніи палестинскихъ святынь въ XVI вѣкѣ, а также о стараніяхъ и борьбѣ патріарховъ и вышеназваннаго Братства сохранить ихъ; четвертая часть трактуетъ о католической и протестантской пропагандѣ въ Палестинѣ и о борьбѣ противъ нихъ Святогробскаго Братства для сохраненія православія. Вслѣдствіе этой борьбы именно и сохранились святыя мѣста въ рукахъ православныхъ, патріархи и монахи которыхъ вынуждены были сталкиваться постоянно съ Латинянами и Армянами. Наконецъ, въ этомъ сочиненіи содержится и обширное приложение, въ которомъ перепечатаны изъ нашихъ 'Ανάλεκτα греческіе переводы разныхъ официальныхъ турецкихъ документовъ, признающихъ за православными греками господство надъ палестинскими святынями.

Епиминондъ Кириакидись ('Επαμεινώνδας Κυριακίδης), 'Ιστορία τῆς παρὰ τὴν Τραπεζοῦντα ἱερᾶς βασιλικῆς πατριαρχικῆς σταυροπηγικῆς μονῆς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῆς Σουμελά. Ἐκδότης Εὐκλείδης Γεωργιάδης. Ἐν Ἀθήναις 1898. 8°, стр. 299—+ξξ'.—Здѣсь содержится обширная исторія монастыря такъ называемаго τοῦ Σουμελά, находящагося около Трапезунта. Эта исторія составлена Эпиминондомъ Кириакидисомъ на основаніи многихъ изданныхъ и неизданныхъ источниковъ. Въ 1-ой и 2-ой главахъ авторъ рассказываетъ объ основаніи этого монастыря; въ третьей главѣ говорится о состояніи его во время трапезунтской имперіи; въ остальныхъ же главахъ излагается исторія монастыря отъ 1461 г. Здѣсь помѣщаются между прочимъ и многія неизданныя посланія патріарховъ и монаховъ, а также венгро-влахійскихъ и молдаво-влахійскихъ князей. Въ этой книгѣ находится и приложение, въ которомъ заключается сдѣланное нами въ 1884 г. описаніе греческихъ кодексовъ библіотеки вышеназваннаго монастыря. Къ сожалѣнію, описаніе это напечатано довольно небрежно, такъ какъ типографическія ошибки въ немъ безчисленны, почему необходимо издать его вновь подъ нашей редакціей. Г. Кириакидись, находившійся въ то время въ Европѣ, не могъ пересмотрѣть типографскія корректуры половины своей книги, а его издатель, перессорившись съ типографомъ, даже ни разу не могъ пересмотрѣть печатающіеся листы. Въ виду сего очень трудно найти эту книгу у книгопродавцевъ, такъ какъ выходъ ея въ свѣтъ былъ пріостановленъ.

Николай Василиадись (Νικόλαος Βασιλειάδης), 'Ο ρυθμὸς ἐν τῇ ἐκκλησιαστικῇ μουσικῇ, ὁ ποιητικὸς καὶ μουσικὸς [Ἐργασίαι τοῦ ..... Ἐκκλησιαστικῆς Μουσικῆς Συλλόγου. Τεῦχος τρίτον. Ἐν Κ'πόλει 1900, стр. 7—26].—Здѣсь идетъ рѣчь о современной церковной музыкѣ. Мысли автора о поэтическомъ ритмѣ церковныхъ пѣсней перемѣшаны и поэтому неясны.

Θеμιστοκλῆς Δ. Βизантиὸς (Θεμιστοκλῆς Δ. Βυζάντιος), Περί τοῦ

ῥυθμοῦ ἐν τοῖς ᾄσμασι τῆς Ἐκκλησίας [Ἐργασίαι τοῦ ..... Ἐκκλησ. Μουσικοῦ Συλλόγου. Τεῦχος τρίτον, стр. 26—42]. — Здѣсь идетъ также вопросъ о ритмѣ въ церковныхъ пѣсняхъ въ отношеніи къ ихъ напѣву. По мнѣнію автора, византійскіе пѣвцы употребляли настоящіе ритмическіе метры съ жестомъ (χειρονομία), а больше всего именно ритмическій тетраметръ и рѣдко диметръ, «τὰ ὅποια δύνανται νὰ παραβληθῶσι μὲ τοὺς προκλευσματικοὺς πόδας, ἀπλοῦν καὶ διπλοῦν τοῦ δακτυλικοῦ γένους τῶν ἀρχαίων Ἑλλήνων».

Пол. Г. Пахидисъ (Πολ. Γ. Παχίδης), 'Ο ῥυθμός εἰς τὰ ἐκκλησιαστικά ἤμῶν ᾄσματα [Ἐργασίαι τοῦ ..... Ἐκκλησ. Μουσικοῦ Συλλόγου. Τεῦχος τρίτον, стр. 42—60]. — Здѣсь рѣчь идетъ о музыкальномъ ритмѣ церковныхъ пѣснопѣній. Авторъ держится того мнѣнія, что въ церковныхъ напѣвахъ встрѣчаются только ритмы: δίστημος и τετράστημος, а если кое-гдѣ и встрѣчается τρίστημος, то вопреки правилу, такъ какъ τρίστημος вынуждаетъ пѣвца уничтожить главный тонъ поэмы. По мнѣнію автора, отцы Церкви всякій другой ритмъ, кромѣ δίστημος и τετράστημος, считали не подходящимъ для церковнаго пѣнія.

Мелиссиносъ (Μελισσηνός), Πамφιλійскій епископъ, 'Ο ῥυθμός ἐν σχέσει πρὸς τὸν χρόνον καὶ τὴν παρασημαντικὴν τῆς ἡμετέρας μουσικῆς [Ἐργασίαι τοῦ ..... Ἐκκληс. Μουσικοῦ Συλλόγου. Τεῦχος τρίτον, стр. 61—87]. — Въ этой статьѣ говорится о музыкальномъ ритмѣ церковныхъ пѣсней въ отношеніи ихъ къ такту и нотнымъ знакамъ современной церковной музыки.

А. Пападопуло-Керамевсъ (Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς), Κατάλογος τῶν Ἑλληνικῶν κωδίκων τῆς ἐν Μηλέαις βιβλιοθήκης [Φιλολ. Σύλλογος Παρνασσός. Ἐπετηρίς. Ἔτος Ε'. Ἐν Ἀθήναις 1901, стр. 20—74]. — На еессалійской горѣ Πελιόνη помѣщается село Μηλέαι, въ которомъ еще до греческаго возстанія 1821 года существовала гимназія съ библіотекой и съ физическимъ кабинетомъ. Зданіе этой гимназіи вполнѣ устояло до нынѣшняго времени, въ старой же ея библіотекѣ сохранилось среди многихъ печатныхъ книгъ и 119 греческихъ кодексовъ, въ особенности XVII, XVIII и начала XIX вѣковъ. Въ 1896 году мы составили довольно подробный каталогъ этихъ рукописей подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ. Одинъ изъ кодексовъ относится къ 1503 году, а другіе ко времени отъ 1617 г. Собственно говоря, только незначительная часть рукописей относится къ византійской эпохѣ, напримѣръ списокъ XVIII вѣка хроники Глики, кодексъ Физіолога и т. д. Милейскіе кодексы имѣютъ большое значеніе для исторіи новогреческой литературы, начиная съ XV вѣка и дальше. Особенную важность представляютъ собою два кодекса, содержащіе письма нѣкоторыхъ грековъ XVII и XVIII вѣковъ, одинъ списокъ бесѣды Максима Маргуніа и нѣкоторые словари древнегреческаго языка съ объясненіями на новогреческомъ.

А. Пападопуло-Керамевсъ (Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς), Σημειώσεις ἐξ Ἀγίου Λαυρεντίου [Φιλολ. Σύλλογος Παρνασσός, V, стр. 115—128]. — Здѣсь

идеть рѣчь о селѣ «Святого Лаврентія», находящемся на горѣ Πελιονѣ въ Θεσσαλίи, въ особенности же о заброшенномъ тамъ-же монастырѣ Святого Лаврентія. Въ монастырѣ существуютъ разные надписи византийской и новѣйшей эпохъ; кромѣ того, въ немъ находится 14 греческихъ кодексовъ, какъ, напримѣръ, два списка извѣстныхъ литургій 1522 и 1542 годовъ, Минен XV и XVI вѣковъ и нѣкоторыя рукописи церковной музыки. Въ одномъ храмѣ названнаго села находится Евангеліе на пергаментѣ, писанное въ 1281 году нѣкимъ священникомъ Θεοδωρῳ.

Н. К. Х. Костисъ (Ν. Κ. Χ. Κωστῆς), Ἐπιστολὴ ἀνέκδοτος Ἀθανασίου τοῦ Παρίου πρὸς Κοράην [Φιλόλ. Σύλλογος Παρνασσός, V, стр. 129—136].—Здѣсь помѣщенъ текстъ одного письма извѣстнаго писателя Аванасія Парія къ Корансу; письмо написано въ 1791 г.

Ав. I. Спириданисъ (Ἀβ. Ἰ. Σπυριδάκης), Ἀνέκδοτα χειρόγραφα τῆς Ἑταιρείας Ὁδρῦος [Φιλόλ. Σύλλογος Παρνασσός, V, стр. 151—156].—Здѣсь сообщаются изъ четырехъ греческихъ рукописей разные свѣдѣнія, какъ, напримѣръ, три новогреческихъ загадки (одна изъ нихъ носитъ имя Михаила Пселла) и одно письмо игумена Врахи (Βράχη) Дамаскина.

С. К. Папагеоргіосъ (Σ. Κ. Παπαγεώργιος), Ἑβραϊοαλληνικαὶ ἐλεγείαι [Φιλόλ. Σύλλογος Παρνασσός, V, стр. 157—175].—Подъ этимъ заглавіемъ издано здѣсь 5 текстовъ новогреческихъ (изъ нихъ 4 въ стихахъ), могущихъ послужить къ разъясненію фонетики народнаго греческаго языка на островѣ Корфу между XIV и XVI вѣками. Эти тексты представляютъ собою плачъ евреевъ, живущихъ въ Корфу, который они распѣвали въ древнія времена въ своей синагогѣ на греческомъ языкѣ; тексты писаны еврейскими буквами и найдены въ одномъ рукописномъ пергаментѣ, принадлежащемъ одному еврейскому семейству въ Корфу. Г. Спиридонъ Папагеоргіосъ издаетъ здѣсь еврейскій текстъ и его греческую транскрипцію. Онъ не говоритъ о времени написанія рукописи, ограничиваясь просто тѣмъ, что она отчасти испорчена и поэтому трудно читается. Греческій языкъ еврейскихъ плачевныхъ пѣснопѣній издатель относитъ къ XVI вѣку, говоря вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ не древнѣе XIII вѣка.

Н. I. Янипулосъ (Ν. Ἰ. Γιαννόπουλος), Θεσσαλικά ἀνάλεκτα [Φιλόλ. Σύλλογος Παρνασσός, V, стр. 177—193].—Этотъ очеркъ содержитъ топографическія и археологическія свѣдѣнія о разныхъ мѣстностяхъ Θεσσαλίи. Здѣсь даются и тексты разныхъ христіанскихъ надписей новѣйшихъ временъ, изъ которыхъ одна только принадлежитъ византийской эпохѣ, такъ какъ говоритъ о сербскомъ царѣ Симеонѣ Урошѣ и Ларисскомъ митрополитѣ Нилѣ. Надпись эта приведена въ факсимиле.

Ав. I. Спириданисъ (Ἀβ. Ἰ. Σπυριδάκης), Αἰνίγμα βυζαντικόν [Φιλόλ. Σύλλογος Παρνασσός, V, стр. 176].—Здѣсь дается разрѣшеніе одной византийской загадки изъ числа 25 загадокъ, которыя г. Ламбросъ помѣстилъ въ Δελτίον τῆς Ἱστορικῆς καὶ Ἐθνολογικῆς Ἑταιρείας, II, стр. 152—166.

Θ. Н. Филаделфевсъ (Θ. Ν. Φιλαδέλφειος), *Ἀνέκδοτοι ἐπιστολαὶ τοῦ πατρὶ-
άρχου Ἱεροσολύμων Ἐφραίμ καὶ ἄλλων διδασκάλων τῶν ἐπὶ τοῦ Πηλίου ἰδιὰ
σχολείων κατὰ τὸν 17 αἰῶνα* [Φιλολ. Σύλλογος Παρνασσός, V, стр. 194 —
213]. — Здѣсь сообщаются новыя свѣдѣнія объ афинскихъ и вессалій-
скихъ школахъ въ XVIII вѣкѣ на основаніи находящихся въ кодексѣ
Милейской бібліотеки № 26 автографическихъ писемъ разныхъ учите-
лей, въ томъ числѣ іеромонаха Ефрема, который послѣ былъ патріархомъ
іерусалимскимъ.

I. Н. Своронось (I. Ν. Σβορώνος), *Νομισματικὰ εὐρήματα ἐν Ἑλλάδι*
[*Διεθνὴς ἐφημερίς τῆς νομισματ. ἀρχαιολογίας*, IV, 1901, стр. 83—92]. — Подъ
этимъ заглавіемъ г. Своронось приводитъ двѣ нумизматическихкія находки,
изъ которыхъ вторая чисто византійская. Дѣло въ томъ, что при раскоп-
кахъ акрополя Аркесины на островѣ Аморгосѣ найдены были въ мор-
ской раковинѣ 60 золотыхъ византійскихъ монетъ, изъ которыхъ 52
относятся къ 668—669 годамъ и представляютъ на одной сторонѣ импе-
ратора Константина Погоната съ сыновьями Иракліемъ и Тиверіемъ;
остальныя 8 монетъ представляютъ только Погоната и новѣе первыхъ.
Г. Своронось опредѣляетъ и настоящій ихъ вѣсъ: большинство изъ
нихъ—solida и вѣсятъ между 4. 41 и 4. 49 граммами, 4 изъ нихъ—ἡμι-
σόλιδα и три—τέταρτα τοῦ σολίδου.

Анастасій I. Занасъ (Ἀναστάσιος Ἴ. Ζάνας), *Σμυρναϊκὴ τοπογραφία. Τὰ
ὕδραγωγεῖα τῆς Σμύρνης* [Ἀμάλθεια, 1901, №№ 7215, 7216, 7217, 7220,
7221, 7222, 7223, 7225, 7227, 7229, 7231]. — Предметомъ этой статьи
автора служатъ остатки древнихъ акведуковъ города Смирны и ея
окрестностей. Изслѣдованіе его, основывающееся на собственномъ на-
блюденіи, увеличиваетъ наши свѣдѣнія о Смирнѣ съ топографической
точки зрѣнія для римской и византійской эпохъ.

А. С. Д[іамантарасъ] (Α. Σ. Δ[ιαμαντάρας]), *Περίπλους Λυκίας. Ἀπὸ
Μεγίστης εἰς Μύρα* [Ἀμάλθεια, 1900, №№ 7008, 7025, 7040, 7075]. — Здѣсь
содержится описаніе путешествія отъ древняго островка Μεγίστη (нынѣ
Καστελλόριζο) по берегамъ Ликіи до Миръ, отечества святого Николая.
Описаніе этого путешествія, повидимому, пространно, но, къ сожалѣнію,
до насъ дошла весьма незначительная его часть, а именно I, V и
VI главы. Въ VI главѣ находятся свѣдѣнія объ остаткахъ храма святого
Николая въ Мирахъ и объ озерѣ, находящемся въ окрестностяхъ Миръ.

Θем. Гоніось (Θεμ. Γόνιος), *Κερκινίτις καὶ Πρασιάς λίμνη* [Ταχυδρόμος,
1901, № 958]. — Маленькая замѣтка о македонскомъ озерѣ Κερκινίτις или
Πρασιάς (нынѣ Ταχυνό), которое отождествляютъ съ болотомъ, находя-
щимся около развалинъ города Филиппъ. Г. Гоніось упоминаетъ здѣсь
и о типиконѣ Бачковского монастыря и замѣчаетъ, что упоминаемое
здѣсь Πραβίσιον слѣдуетъ отождествить съ настоящимъ македонскимъ
селомъ Δραβίσιον, а Καισαρούπολις съ Амфиполемъ.

Николай Мистанидисъ (Νικόλαος Μυστακίδης), *Ἡ μητρόπολις Δρυϊνου-
πόλεως* [Ταχυδρόμος, 1901, № 854]. — Городъ Ἀργυρόκαστρον, находящійся

въ сѣверномъ Эпирѣ, считается каедрой такъ называемой Дріинупольской митрополіи, основаніе которой относится къ 1885 году. Г. Мистакидисъ въ этомъ своемъ очеркѣ доказываетъ, что подъ этой нынѣшней Дріинупольской митрополіей объединены епархіи разныхъ древнихъ епископій, нынѣ не существующихъ, какъ напримѣръ: Φοινίκη, Ἀρχιεπισκοπὴ Δελβίνου и Χαμάρα, и даетъ намъ нѣкоторыя археологическія и историческія свѣдѣнія объ этихъ епископіяхъ.

Θεμ. Γόνιος (Θεμ. Γόνιος), Τὸ Ζαγόριον [Ταχυδρόμος, 1901, № 878].— Въ этомъ весьма небольшомъ очеркѣ идетъ рѣчь о топографіи эпирской епархіи Загоріи, центръ которой—Τσαπίλοβον.

** Ἀρχαιολογικά εὐρήματα [Ταχυδρόμος, 1901, № 878].—Здѣсь рѣчь идетъ о трехъ археологическихъ находкахъ въ Малой Азіи: 1) въ селѣ Ἐρεκλί, близъ Синопа, найденъ одинъ саркофагъ съ разными барельефами по боковымъ частямъ; 2) въ Ἀζάριον (древнихъ Θυάτιρα) открыта была греческая надпись, относящаяся къ римской эпохѣ, въ честь какого-то А. Юлія Никомаха, который вмѣстѣ съ другими должностями соединилъ въ себѣ и должность стратига въ Θιαтирахъ; 3) три греческихъ надписи изъ Σουγγουρλόу Анкирского округа; изъ нихъ одна, относящаяся къ византійской эпохѣ, представляетъ собою надгробную надпись въ честь какого-то великаго domestika Георгія.

Ι. Ν. Δελις (Ι. Ν. Δελής), Ἡ βυζαντινὴ Λέσβος. Βιβλιολογία [Κωνσταντινούπολις, 1901, № 88].—Здѣсь идетъ рѣчь о книгахъ, изданныхъ до настоящаго времени и относящихся къ исторіи острова Лесбоса въ византійскую эпоху.

Николай Г. Мистакидисъ (Νικόλαος Γ. Μυστακίδης), Ἡ Ἀβχρίτσα τῆς Ἠπειροῦ [Ταχυδρόμος, 1901, № 861].—Здѣсь идетъ рѣчь довольно подробно о селѣ Ἀβαρίτσα (близъ Дельвина эпирскаго), о настоящихъ названіяхъ его окрестностей и о находящихся тамъ развалинахъ одного монастыря «Введенія во храмъ Богородицы».

Леонтій (Λεόντιος), Меленикскій митрополитъ, Ὁ πρῶτον Ἰωαννίνων Ἰωακίμ. Μελενίκιος [Ταχυδρόμος, 1900, №№ 749, 750].—Это біографія Іоакима, Іоаннинскаго митрополита, умершаго въ Меленикѣ, своемъ отечествѣ. Авторъ ея здѣсь сообщаетъ, что пожаромъ 1895 года, вслѣдствіе уничтоженія меленикской каедральной церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ митропольской церкви, погибъ и жезлъ, который императоръ Андроникъ Палеологъ (I? II?) подарилъ меленикской митрополіи; онъ былъ изъ кристалла и былъ снабженъ жемчугами и разными драгоценными камнями.

Николай Г. Мистакидисъ (Νικόλαος Γ. Μυστακίδης), Θεσπρωτικά. Σύνομος ἱστορικῇ περιγραφῇ τῆς ἐκτῆς μητροπόλεως Παραμυθίας [Νέα Ἐφημερίς, 1900, № 2869, 2870, 2871, 2872, 2873, 2874].—Передъ нами описаніе предѣловъ Парамвѣйской и Филіатской (Φιλιατῶν) епархій въ Эпирѣ; эта епархія составляетъ митрополію вселенской патріархіи, начиная съ 1896 г. Эта митрополія образовалась вслѣдствіе упраздненія другихъ епископій, исторію которыхъ въ подробностяхъ излагаетъ авторъ съ опи-

саниемъ находящихся въ нихъ развалинѣ. Въ концѣ прилагается списокъ епископовъ Εὐροίας (отъ 380—604 годовъ), Φωτικῆς (451—520), Βουθρωτοῦ (516—1240), Βουθρωτοῦ καὶ Γλυκίως (1543—1820), Παραμυθίας (1820—1895) и митрополитовъ Παραμυθίας καὶ Φιλιατῶν (1866—1900).

П. Н. Παπαγεωργίου (Π. Ν. Παπαγεωργίου), Λεξικὸς ἔρανος. Ἐν Τεργέστῃ 1999. 8°, стр. 24. — Третья глава этой брошюры имѣетъ въ виду типиконъ монастыря Авксентія, изданный М. Гедеономъ. Авторъ собралъ въ немъ 28 словъ, которыхъ, по его словамъ, не имѣется въ словаряхъ. Къ сожалѣнiю, нѣкоторыя изъ этихъ словъ вовсе не существуютъ, но происходятъ только отъ ошибочнаго чтенiя Гедеона. Такъ, напримѣръ, слова ἄλλόπωνος не существуетъ, а въ кодексѣ вмѣсто этого написано αἰεὶ πόνοις. Не существуетъ также и слова ἀνεπίδεσποτος; въ кодексѣ написано αὐτοδέσποτα. Вмѣсто слова ἐποφθάλμισις, въ кодексѣ находится извѣстное ἐποφθαλμίασις. Тоже слѣдуетъ сказать и о словѣ εὐθυγνώμοσύνη, въ кодексѣ — εὐγνώμοσύνη. Вмѣсто слова εὐχαρίστησις, въ кодексѣ имѣется εὐχαριστείας. Не существуетъ также и слова μυσάω, вмѣсто котораго въ кодексѣ есть извѣстное μυδώντων. Такимъ образомъ, если вычеркнуть эти слова, не имѣющіяся въ типиконѣ, остается не внесенныхъ въ лексиконы словъ не 28, но только 22.

П. Н. Παπαγεωργίου (Π. Ν. Παπαγεωργίου), Φωτίου πατριάρχου ἀνέκδοτος ὁμιλία καὶ ἐκδεδωμέναι ἐπιστολαί. Ἐν Τεργέστῃ 1900. 8°, стр. 22. — Изъ бесѣдъ святаго патріарха Фотія, существующихъ въ одномъ весьма извѣстномъ кодексѣ Иверскаго монастыря, одна бесѣда, относящаяся къ погребенiю Иисуса Христа, осталась неизданной. Текстъ этой бесѣды съ нѣкоторыми критическими замѣчанiями содержится въ вышесказанной брошюрѣ; но также бесѣда въ настоящее время имѣется и въ книгѣ сочиненiя С. Аристархиса: Φωτίου πατριάρχου λόγοι καὶ ὁμιλίαι (Константинополь 1901 г.), т. I, стр. 442—471. По этому поводу г. Παπαγεωργίου пересмотрѣлъ въ кодексѣ Иверскаго монастыря и посланiя Фотія, которыя мы издали изъ того же кодекса въ 1896 году, и тѣ чтенiя, которыя онъ нашелъ болѣе правильными по сличенiю изданiя съ кодексомъ, онъ помѣстилъ на 17—22 страницахъ своей брошюры.

П. Н. Παπαγεωργίου (Π. Ν. Παπαγεωργίου), Ὑπόμνημα εἰς Φωτίου πατριάρχου ὁμιλίαι κριτικόν. Ἐν Λειψίᾳ 1901. 8° I, II, стр. 24+22. — Въ этихъ двухъ брошюрахъ г. Петръ Παπαγεωργίου, во первыхъ, поправляетъ безъ объясненiй многочисленныя мало понятныя мѣста изъ бесѣдъ патріарха Фотія, изданныхъ Аристархисомъ; во вторыхъ, онъ переноситъ въ текстъ многія другія мѣста, считаемыя имъ правильными, которыя Аристархисъ передѣлалъ въ текстѣ, помѣстивъ непонятныя, по его мнѣнiю, мѣста въ примѣчанiяхъ.

Г. В. Цонопулосъ (Γ. Β. Τσοκόπουλος), Οἱ ἐν Ἀντιοχείᾳ Ὀλυμπιακοὶ ἀγῶνες [Ἀρμονία II, 1901, стр. 1—11]. — Краткое описанiе олимпійскихъ игръ, происходившихъ въ Антиохiи.

Г. Палавандреу (Γ. Παπαανδρέου), Ἀνὰ τὰ Καλάβρυτα. Ἀροάνια ὄρη.

Ἰθάκη Στυγός [Ἀρμονία II, 1901, стр. 49—56].—Г. Папандреу описывает здѣсь свою экскурсію по Ароанійскимъ горамъ, находящимся въ предѣлахъ Калавритской и Коринѣской епархій. Ароанійская гора въ настоящее время называется Χελμός и возвышается на 2355 метровъ надъ уровнемъ моря. Здѣсь находились знаменитыя въ древности Стигійскія воды, которыя и донинѣ существуютъ. Въ новогреческомъ языкѣ онѣ называются Μαυρονέρι (черная вода) и Ἀθάνατο νερό (безсмертная вода).

А. Н. Веисъ (Ἀ. Ν. Βέης), Μιχαήλ Κοντοπίδης Μάρκελλος [Ἀρμονία II, 1901, стр. 57—63].—Здѣсь содержатся замѣтки, написанныя собственноручно Михаиломъ Контопидисомъ Маркелломъ, бывшимъ синдикомъ и вице-ректоромъ Патавійскаго университета въ XVII вѣкѣ. Эти замѣтки издатель нашелъ въ одномъ частномъ кодексѣ, написанномъ тѣмъ же Маркелломъ.

І. Перваноглосъ (Ι. Περβάνουγλος), Ἡ Χίος ὑπὸ τοῦς Ἰουστινιάνας [Ἀρμονία II, 1901, стр. 64—76].—Краткое историческое обозрѣніе острова Χіоса подъ владычествомъ Giustiniani.

Θ. Н. Филадельфевъ (Θ. Ν. Φιλαδελφεύς), Περί τῶν ἐν Κορσικῇ Ἑλλήνων [Ἀρμονία II, 1901, стр. 169—174].—Извѣстія о переселенцахъ-грекахъ, жившихъ на островѣ Корсикѣ, съ церковной точки зрѣнія.

С. Стураитисъ (Σ. Στουραΐτης), Περί τῆς θέσεως τῆς ἀρχαιοτάτης Σαλαμίνης [Ἀρμονία II, 1901, стр. 175—181].—Здѣсь рѣчь идетъ объ островѣ Саламинѣ и о находящихся на немъ развалинахъ. Авторъ указываетъ и на современныя названія разныхъ мѣстъ острова.

Г. Папандреу (Γ. Παπανδρέου), Μονογραφία περὶ τῶν κατὰ τὴν Μεσσηνιακὴν Πύλον [Ἀρμονία II, 1901, стр. 191—208].—Древній мессинскій городъ Πύλος весьма извѣстенъ въ древней греческой исторіи; онъ называется нынѣ Ναβαρίνον и Νέοκαστρον и находится близъ южнаго входа пристани Пилоса. Въ вышеназванномъ своемъ очеркѣ г. Папандреу описываетъ побережье этой пристани, приложивъ и карту той же пристани. Сначала онъ говоритъ о топографіи и древностяхъ Пилоса, затѣмъ о Корифасіи и островѣ Сфактіріи. Въ описаніи приводятся какъ средневѣковыя, такъ и современныя названія мѣстъ, находящихся около пристани.

І. Протодикосъ (Ι. Πρωτόδικος), Πόθεν τὸ ὄνομα «βάρκα» [Ἀρμονία II, 1901, стр. 213].—Маленькая замѣтка объ употребляемомъ нынѣ у грековъ словѣ βάρκα=лодка, которая у итальянцевъ называется barca и у французовъ barque. По мнѣнію г. Протодикоса, слово это производится отъ древняго βᾶρις. Въ первый разъ форму βάρκα мы находимъ у Малалы II, 14.

Н. І. Яннопулосъ (Ν. Ι. Γιαννόπουλος), Ἐπιγραφαὶ Τουρνάβου [Ἀρμονία II, 1901, стр. 214—226].—Здѣсь содержатся извѣстія о греческихъ надписяхъ римскихъ временъ и 23 надписи XVII, XVIII и XIX вѣковъ. Изъ сихъ послѣднихъ надписей г. Яннопулосъ составилъ снисокъ Ларисскихъ митрополитовъ отъ 1621—1821 года.

П. Наролидисъ (Π. Καρολίδης), *Περὶ τοῦ ἑλληνικοῦ κοινοβίου τῆς Κρυπτοφέρης* [Ἀρμονία II, 1901, стр. 241—257]. — Общія и извѣстныя свѣдѣнія о древности и эллинскомъ характерѣ монастыря Кρυπτοφәррата. Авторъ, по собственному наблюденію, описываетъ здѣсь въ деталяхъ порядокъ заутрени и литургіи, происходящей въ настоящее время въ Кристоферратскомъ монастырѣ на греческомъ языкѣ.

Θ. Н. Филадельфевъ (Θ. Ν. Φιλαδέλφευς), *Περὶ τραχώματος* [Ἀρμονία II, 1901, стр. 258—268]. — Словомъ τραχώμα обозначается приданое, даваемое передъ свадьбой родителями жениху. Г. Филадельфевъ говорить здѣсь объ этомъ обычаѣ въ XVIII вѣкѣ; онъ же прилагаетъ здѣсь и разные документы, относящіеся къ этому вопросу.

Ι. Протодикосъ (Ιω. Πρωτόδικος), *Περὶ τῆς λέξεως «καλαμάρι»* [Ἀρμονία II, 1901, стр. 327]. — Современное слово καλαμάρι, которымъ обозначается вообще чернильница, встрѣчается въ первый разъ у Іоанна Лаврентія Лидійскаго, *Περὶ ἀρχῶν τῆς Ῥωμαίων πολιτείας* (II, 14).

Θ. Н. Филадельфевъ (Θ. Ν. Φιλαδέλφευς), *Ἀνέκδοτα ἔγγραφα καὶ ἐπιστολαὶ περὶ τῶν ἐπὶ τοῦ Πηλίου σχολείων καὶ τοῦ ἐν Ἀρτῇ* [Ἀρμονία II, 1901, стр. 337—349]. — Новые матеріалы къ исторіи греческихъ школъ, бывшихъ въ городѣ Арты и въ разныхъ городахъ Θεσσαλίи въ XVIII вѣкѣ.

Ν. Ι. Яннопулосъ (Ν. Ι. Γιαννόπουλος), *Χειρόγραφον βιβλίον* [Ἀρμονία II, 1901, стр. 350—351]. — Замѣтка объ одномъ греческомъ кодексѣ XVIII вѣка, находящемся въ городѣ Ἀλμυρός въ библіотекѣ археологическаго общества «Ὀδρὺς». Въ этомъ кодексѣ содержатся разные неизданные тексты XVIII вѣка, относящіеся преимущественно къ новой исторіи Θεσσαλίи.

Α. Милиаракисъ (Α. Μηλιαράκης), *Ἑρμηνεία τῆς παροιμίας: «Ὅποιος ἔχει πολὺ πιπέρι, βάζει καὶ ᾽ς τὰ λάχανα»* [Ἀρμονία II, 1901, стр. 369—382]. — Новая греческая пословица: «Ὅποιος ἔχει πολὺ πιπέρι, βάζει καὶ ᾽ς τὰ λάχανα» примѣняется къ тѣмъ, которые вслѣдствіе избытка или для тщеславія примѣняютъ какую-нибудь дорогую или драгоценную и рѣдкую вещь къ другимъ нуждамъ, чѣмъ къ такимъ, къ которымъ ее слѣдуетъ примѣнять. Эта пословица дала г. Милиаракису поводъ для изслѣдованія въ вышесказанномъ очеркѣ ея исторіи. Она древняго происхожденія, но не идетъ дальше римской эпохи и стоитъ въ связи съ исторіей перца.

Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Φωτίου, πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως, λόγος καὶ ὁμιλία ὀυδοήχοντα τρεῖς, ... ἐκδιδόντος Σ. Ἀριστάρχου. Εν Κ/πόλει 1901. 4^ο, τόμος 2, σελίδες ρηδ' + 490 + 592. — Подъ этимъ заглавіемъ С. Аристархисъ, великій логофетъ Вселенской Патріархіи, собралъ въ одно цѣлое какъ всѣ донынѣ извѣстныя рѣчи и бесѣды патріарха, святаго Фотія, такъ и фрагменты нѣкоторыхъ другихъ рѣчей и бесѣдъ, неизвѣстныхъ въ цѣлости. Трудъ Аристархиса, имѣющій быть дополненіемъ къ четыремъ томамъ извѣстныхъ уже сочиненій святаго Фотія

(Migne, Patrol. graeca, t. 101—104), изданъ на хорошей бумагѣ и весьма изящно. 194 страницы первого тома содержатъ введение издателя, гдѣ онъ излагаетъ жизнь Фотія съ субъективной точки зрѣнія и говоритъ о тѣхъ пособіяхъ, которыя онъ имѣлъ въ виду при собраніи рѣчей и бесѣдъ его. Въ началѣ текста этихъ бесѣдъ имѣются предисловія издателя, довольно поучительныя и любопытныя для хронологіи этихъ же текстовъ, которые издатель раздѣлилъ на 83 рѣчи и бесѣды. Въ обоихъ томахъ вполне сохранившихся бесѣдъ содержится только семнадцать (λα', λς', λζ', ν', να' νβ', ξ', ξβ', ξζ', ξη', ογ', од', оς', оζ', πα', πβ', πγ'), а всѣ остальные составлены издателемъ изъ разныхъ перечней извѣстныхъ сочиненій патріарха Фотія. Въ обоихъ томахъ нѣтъ ни одного текста неизданнаго и неизвѣстнаго до сихъ поръ; но изданіе полезно потому, что сюда вошли десять слишкомъ бесѣдъ, которыя помѣщены были сначала въ разныхъ нумерахъ «*Εκκλησιαστικῆς Ἀληθείας*». Текстъ этихъ бесѣдъ заимствованъ изъ разныхъ кодексовъ, а особенно изъ одной рукописи, находящейся въ аеонскомъ Иверскомъ монастырѣ. Въ похвалу издателя мы должны сказать, что и другіе тексты, хотя они основываются на прежнихъ изданіяхъ, С. Аристархисъ сличилъ съ разными рукописями съ цѣлью уясненія текста. Составленію этого труда издатель посвятилъ свои лучшія силы, что и доказывается безчисленными на каждой страницѣ замѣтками разнообразнаго характера, въ особенности критическаго. Въ нихъ содержатся и ссылки на Библию, изъ которой святой Фотій черпаетъ свою фразеологию. Большого труда, безъ сомнѣнія, потребовали и большія таблицы въ обоихъ томахъ, какъ, наприимѣръ, таблица библейскихъ текстовъ, находящихся въ бесѣдахъ Фотія (т. II, стр. 473—500), и таблица собственныхъ именъ обоихъ томовъ (стр. 506—550).

Н. М. Константиноуполь (Κ. Μ. Κωνσταντόπουλος), *Ἱστορία τῆς βυζαντινῆς τέχνης μέχρι τῶν χρόνων τοῦ Ἰουστινιανοῦ. Ἐν Ἀθῆναις, Μτῆκ καὶ Μτάρτ, 1902. 8°, стр. 160.*—Здѣсь содержится краткая и вмѣстѣ съ тѣмъ содержательная исторія византійскаго искусства до Юстиніана, снабженная многими снимками. Авторъ отъ себя ничего не прибавляетъ, но эскерпируетъ χάριν τῶν πολλῶν изъ специальныхъ трудовъ разныхъ археологовъ.

Димитрій П. Пасхалисъ (Δημήτριος Π. Πασχάλης), *Ματθαῖος ὁ Ἀνδρῖος, πάπας καὶ πατριάρχης Ἀλεξανδρείας καὶ πάσης γῆς Αἰγύπτου (1746 — 1767). Βιογραφικὸν σκεδάρσιον. Ἐν Ἀθῆναις 1901. 8°, стр. 91.*—О жизни и дѣятельности Александрійскаго патріарха Маттея, жившаго въ XVIII вѣкѣ, до сихъ поръ имѣлось мало свѣдѣній. Патріархъ этотъ былъ родомъ съ острова Андроса, а изъ того же острова нумизматъ г. Пасхалисъ. Изъ любви къ отечественному острову, славу котораго составляетъ вышеупомянутый патріархъ, г. Пасхалисъ рѣшилъ заняться специально его жизнью, и весь собранный до сихъ поръ матеріалъ помѣстилъ въ настоящей книгѣ, которая своей внѣшностью дѣлаетъ честь аеинскому типографскому искусству. Свои свѣдѣнія о патріархѣ Матееѣ г. Пасха-

лись собрать преимущественно изъ рукописей, изъ которыхъ издалъ и многочисленные документы самаго патріарха Маттея, а также письма вселенскихъ патріарховъ Паисія II и Самуила I.

П. Г. Зерлентисъ (Π. Γ. Ζερλέντης), 'Επιστολαὶ Ἰωάννου Καρυοφύλλου πρὸς Μελέτιον Χορτάχιον καὶ τοὺς Θεσσαλονικεῖς. Ἐν Ἀθήναις 1902, 8°, стр. 17.— Въ этой брошюрѣ авторъ даетъ намъ новыя біографическія свѣдѣнія о богословѣ Іоаннѣ Каріофиллисѣ XVII вѣка, а также издаетъ и два неизданныхъ его письма, одно къ Филадельфійскому митрополиту Мелетію Хортакію (1664), а другое къ православной общинѣ Солуни (1684).

П. Г. Зерлентисъ (Π. Γ. Ζερλέντης), Ἐπιστολὴ Κυρίλλου Λουκάρεως πρὸς Ἀλέξιον Ὁξενстіερναν. Ἐν Ἀθήναις 1902. 8°, стр. 8.— Здѣсь содержатся два въ первый разъ издаваемыхъ латинскихъ письма извѣстнаго вселенскаго патріарха Кирилла Лукариса, посланныя имъ въ 1632 и 1633 годахъ къ шведскому канцлеру Акселю Oxenstierna. Оригиналы этихъ писемъ находятся въ королевскихъ архивахъ Стокгольма и сообщены были издателю архивистомъ вышесказанныхъ архивовъ С. Т. Odhner'омъ.

Aristote M. Fontrier, Ἡ μὲν τῶν Λέμβων. Πραγματεῖα συγγραφεῖσα μὲν ἑλλιστὶ ὑπὸ Ἀριστοτέλους Μ. Φοντριέρ, μεθερμηνευθεῖσα δὲ ἑλληνιστὶ ὑπὸ Ἀναστ. Γ. Ζίχα. Ἐν Ἀθήναις [читай Σμύρνῃ] 1901. 4°, стр. 36 и Carte du monastère de Lembos et de ses dépendances auprès de Smyrne au XIII siècle.— Давно уже извѣстны многочисленные византійскіе документы о монастырѣ Лемвоса XIII вѣка, которые содержатся въ IV томѣ Acta et diplomata graeca medii aevi. Мѣстоположеніе этого монастыря, находящагося около Смирны, не было извѣстно; но въ 1891 году въ Bulletin de correspondance hellénique помѣщенъ былъ длинный очеркъ живущаго въ Смирнѣ извѣстнаго греческаго эпиграфиста Аристотеля Фонтріэ. Этимъ очеркомъ опредѣлено было не только мѣстоположеніе Лемвосскаго монастыря, но и другихъ мѣстъ Смирнскаго залива и сосѣднихъ долинъ, византійскія наименованія которыхъ приводятся въ документахъ IV тома Acta et diplomata. Мы теперь имѣемъ въ виду греческій переводъ этого очерка, сдѣланный профессоромъ Анастасіемъ Зака. Переводъ этотъ представляетъ собою большій интересъ, чѣмъ самый подлинникъ, такъ-какъ авторъ его г. Фонтріэ далъ въ распоряженіе переводчика многочисленныя прибавленія, въ которыхъ содержатся новыя топографическія свѣдѣнія и надписи византійской эпохи.

А. Пападопуло-Керамевъ, Ὁ τῆς ἀκμῆς τοῦ Ρωμανοῦ χρόνος [Νέα Ἡμέρα, 1902, № 1438 и 1439].—Этотъ этюдъ написанъ съ цѣлью положить конецъ спорамъ въ вопросѣ о времени жизни пѣснопѣвца Романа. Carl de Boog по поводу одного стихотворенія Романа высказался противъ Krumbacher'a, который, на основаніи того же стихотворенія, склоненъ былъ предполагать, что Романъ былъ поэтомъ VIII вѣка. По мнѣнію de Boog'a, находящіеся въ поэмѣ намеки Романа относятся болѣе къ эпохѣ Анастасія Дикора (Byz. Zeit., IX, стр. 633 — 640). Доказательства de Boog'a считались неудовлетворительными, такъ-какъ онъ не былъ въ состояніи привести свидѣтельства

относительно того, что персовъ, которыхъ Романъ называетъ ассирійцами, называли именно этимъ именемъ въ VI вѣкѣ. Это послужило причиною для S. Vaillhé отнести Романа вновь къ VIII вѣку, причемъ онъ приводилъ къ тому нѣкоторые доказательства (Echos d'Orient, V, стр. 207—212). Всѣ эти доказательства опровергаются нашимъ очеркомъ, а Романъ опять относится нами къ VI вѣку. Доказательствомъ нашего утверждения служить приводимое нами свидѣтельство автора VI вѣка (Аркадія, Незданное житіе Симеона Дивногорца, гл. 58 и 59); въ этомъ свидѣтельствѣ персы неоднократно называются ассирійцами. Далѣе слѣдуютъ техническія доказательства о времени жизни Романа въ VI вѣкѣ, а потомъ историческія, объясняющія намеки Романа историческаго характера и доказывающія, наконецъ, что онъ жилъ и въ теченіе всего почти продолжительнаго царствованія Юстиніана перваго.

Стáврокъ Мерджидисъ (Σταῦρος Μερτζίδης), Οἱ Φίλιπποι. Ἐρευναὶ καὶ μελέται χωρογραφικαὶ ὑπὸ ἀρχαιολογικῆν, γεωγραφικῆν, ἱστορικῆν, θρησκευτικῆν καὶ ἐθνολογικῆν ἑποψίν, συνταχθεῖσαι ἐπὶ τῇ βάσει τῶν ἀρχαίων καὶ τῶν νεωτέρων βοήθημάτων, μετὰ τινὰς νεωτέρας ἀνακαλύψεις καὶ ἐπιδιορθώσεις ἐσφαλμένων καὶ ἀντιφατικῶν τινῶν πληροφοριῶν. Ἐν Κωνσταντινουπόλει 1900. 8°, стр. 224. — Здѣсь содержится пространная монографія объ исторіи и развалинахъ македонскаго города Филиппы. Страницы 180 — 216 заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, потому что авторъ излагаетъ здѣсь исторію этого города отъ временъ апостола Павла, къ тому же перечисляетъ бывшихъ въ немъ епископовъ и митрополитовъ до настоящаго времени, но безъ указанія на источники, изъ которыхъ они извѣстны.

Германъ Василиакисъ (Γερμανὸς Βασιλάκης), Ἐξήγησις τῆς καθολικῆς ἐπιστολῆς Ἰακώβου τοῦ Ἀδελφοθέου. Ἐν Ἱεροσολύμοις 1901. 8°, стр. 195. — Передъ нами богословское и филологическое толкованіе Іерусалимскаго архидіакона Германа Василиакиса на соборное посланіе святого Іакова, брата Господня. Эта книга вошла въ нашу библиографію именно потому, что авторъ ея критикуетъ богослуженіе того же Іакова въ отрицательномъ смыслѣ, что, какъ извѣстно, дало поводъ къ специальнымъ историческимъ изслѣдованіямъ объ этомъ богослуженіи.

Хрисостомъ А. Пападопулосъ (Χρυσόστομος Ἀ. Παπαδόπουλος), Περὶ τῆς ἀποστολικῆς λειτουργίας τοῦ ἁγίου Ἰακώβου. Ἐν Ἀθῆναις 1902. 8°, стр. 126. — Въ этой своей книгѣ авторъ, архимандритъ Хрисостомъ, подробнѣе развиваетъ прежнее свое небольшое сочиненіе о древности и исторіи такъ называемой литургіи святого Іакова. По его мнѣнію, это богослуженіе хотя и не подлинное апостольское писаніе, но представляетъ собою развитіе мѣстнаго іерусалимскаго богослуженія, первое и неизвѣстное въ настоящее время изложеніе, которымъ мы обязаны апостолу Іакову. Развитіе ея авторъ разсматриваетъ съ исторической точки зрѣнія. Древнѣйшія свидѣтельства объ этомъ богослуженіи встрѣчаются у Юстина, Оригена и въ такъ называемыхъ Ἀποστολικαὶ Διατάξεις. Это богослуженіе

святого Іакова было въ употребленіи непрерывно. Авторъ приводитъ свидѣтельства объ этомъ отъ IV — XV вѣковъ.

Клеопасъ М. Никимидисъ (Κλεόπας Μ. Νικημιδής), Κατάλογος ἀρχαίων χειρογράφων τῆς Ἱεροσολυμιτικῆς Βιβλιοθήκης. Ἐν Ἱεροσολύμοις 1901. 8°, стр. III—168. — Читатели нашей Іерусалимской Библіотеки уже знаютъ, что въ Библіотекѣ Іерусалимской Патріархіи мы помѣстили въ особомъ отдѣлѣ 177 кодексовъ, написанныхъ арабскими буквами, и что до нашего отъѣзда отсюда не былъ составленъ подробный ихъ каталогъ. Спустя 12 лѣтъ этотъ пробѣлъ восполнилъ Клеопасъ М. Никимидисъ, который составилъ этотъ каталогъ. Изъ этого каталога мы знаемъ, что къ числу этихъ рукописей прибавилось еще пять кодексовъ. Большинство изъ существующихъ въ патріаршей библіотекѣ 182 арабскихъ рукописей — церковнаго и богословскаго характера и имѣетъ отношеніе къ православному населенію, говорящему по арабски. Изъ древнѣйшихъ рукописей слѣдуетъ отмѣтить одинъ номоканонъ XII вѣка (подъ № 12) и другой XIII — XIV вѣка (подъ № 20), а также кодексъ 1227 года, въ которомъ содержатся переводы съ греческаго діакона Θεοδουла Ил-фадлъ разныхъ рѣчей Іоанна Златоуста (№ 35); далѣе замѣчательнъ кодексъ XIII вѣка, въ которомъ приведены аскетическіе труды разныхъ отцовъ Церкви (подъ № 46), и копія XIV вѣка съ одного арабскаго перевода житія святыхъ Варлаама и Іоасафа (подъ № 129). Вниманіе обращаетъ на себя еще кодексъ подъ № 146, XIV вѣка, въ которомъ помѣщены арабскіе переводы житій Григорія, епископа Акрагантійскаго, и Великаго Антонія, а также житіе и чудеса Райскихіхъ и Синаитскихъ преподобныхъ отцовъ Мисаила Елзазрани и на греко-арабскомъ языкѣ чинъ святой Пятидесятницы. Изъ ветхозавѣтныхъ книгъ въ особенности псалтырь является здѣсь въ значительномъ числѣ переводовъ, а именно въ семи кодексахъ, изъ коихъ древнѣйшіе относятся къ XIV вѣку (подъ №№ 131, 159, 182). Арабскія евангелія существуютъ въ 18 кодексахъ, изъ которыхъ самый древній подъ № 63 относится къ XIII вѣку; пять другихъ — XIV вѣка (№№ 36, 67, 72, 103), а остальные болѣе новые (см. №№ 11, 15, 18, 22, 27, 30, 37, 39, 47, 60, 75, 87). Есть одно четвероевангеліе 1613 года (подъ № 135) и Евангеліе отъ Матвея съ толкованіемъ въ кодексѣ XV вѣка подъ № 147. Изъ святыхъ отцовъ на арабскомъ языкѣ существуютъ въ кодексѣ № 13 аскетическія бесѣды Іоанна Лѣствичника (XVII вѣка); тѣ же самыя бесѣды встрѣчаются и въ кодексѣ № 24 (1565 года), гдѣ находятся и стихотворенія древнихъ аскетовъ, какъ, напримѣръ, Стефана Оибайдскаго, Макарія Египетскаго, Исаака Сирійскаго, Филоксена и другихъ. Много сочиненій на арабскомъ языкѣ Исаака Сирійскаго находится особенно въ кодексѣ XIV — XV вѣковъ (подъ № 31). Остальныя рукописи — литургическаго и патристическаго характера, а нѣкоторые кодексы преимущественно на арабскомъ, турецкомъ и персидскомъ языкахъ относятся къ мусульманскому богословію и къ арабской, турецкой и персидской литературѣ. Г. Клеопасъ въ концѣ своей книги

прибавилъ и каталогъ 20 другихъ кодексовъ, находящихся въ іерусалимскомъ православномъ храмѣ святого Іакова, брата Господня. Изъ нихъ одинъ — греческій (подъ № 20) и содержитъ въ копіи Большой Октоихъ трапезунтскаго Каллиста Родина (1391 годъ); другой (подъ № 19) — сирійскій 1582 года содержитъ прмосы и часть Октоиха. Здѣсь находится и литургическое Евангеліе на арабскомъ и сирійскомъ языкахъ XV вѣка (подъ № 1). Всѣ остальные рукописи храма святого Іакова написаны на арабскомъ языкѣ, особенно же литургическія и панегирическія, и не восходятъ далѣе XV вѣка.

Клеопасъ Никилидесъ (Κλεόπας Κοιχυλίδης), Τὰ κατὰ τὴν λαύραν καὶ τὸν χειμάρρον τοῦ Χουζιβά. Οἱ βίοι τῶν ἁγίων Γεωργίου καὶ Ἰωάννου τῶν Χουζιβατῶν καὶ τὰ θαύματα τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῆς Χουζιβιτίσσης. Ἐν Ἱεροσολύμοις 1901. 8°, стр. id + 80. — Въ извѣстномъ ущеліи Вади-ел-Келтъ между Іерусалимомъ и Іерихономъ находилась въ древнія времена такъ называемая Лавра τοῦ Χουζιβά. Эту уже развалившуюся Лавру реставрировалъ въ послѣднее время монахъ Каллиникъ, родомъ изъ Малой Азіи. Г. Клеопасъ даетъ въ вышеупомянутой книгѣ историческія и археологическія свѣдѣнія объ этой Лаврѣ. Въ предисловіи онъ приводитъ существующія до сихъ поръ изданія о Лаврѣ; на страницахъ 1 — 53 помѣщаются два извѣстныхъ уже труда хузевитскаго монаха Антонія, жившаго въ VII вѣкѣ, а именно житіе святого Георгія хузевитскаго и чуда Богородицы τῆς Χουζιβιτίσσης. Г. Клеопасъ не говоритъ, откуда онъ заимствовалъ эти два текста; но тотъ, кто знаетъ *Analecta Bollandiana*, можетъ замѣтить, что г. Клеопасъ именно отсюда перепечаталъ два вышесказанныхъ текста безъ всякаго сличенія съ кодексомъ, содержащимъ сочиненія Антонія. На стр. 53 — 57 г. Клеопасъ помѣстилъ два краткихъ свинасарія о преподобномъ Іоаннѣ хузевитскомъ, содержащіеся въ кодексахъ святого Саввы 156, 41, 179 и 220. Въ концѣ же книги (стр. 65 — 85) онъ говоритъ о древнемъ кладбищѣ Лавры Хузива и о находящихся на немъ надписяхъ. Эти надписи переписаны нами въ 1889 году, и такъ-какъ въ изданіи г. Клеопаса встрѣчается множество неточностей и недостатковъ, мы намѣрены опубликовать ихъ въ факсимиле по своимъ собственнымъ копіямъ.

Н. Г. Политисъ (Ν. Γ. Πολίτης), Ἑλλήνες ἢ Ῥωμιοί; Ἐν Ἀθήναις 1901, 8°, стр. 20. — Здѣсь содержится письмо профессора Политиса къ редактору аѳинской газеты Ἀγών, по поводу мнѣнія Кости Паламаса о томъ, что національное имя настоящихъ грековъ должно быть не Ἑλλήνες, но Ῥωμιοί. Г. Политисъ ясными свидѣтельствами, взятыми изъ извѣстныхъ текстовъ, написанныхъ какъ на древнемъ языкѣ, такъ и на новогреческомъ народномъ говорѣ, доказываетъ, что греческій народъ употреблялъ обыкновенно какъ національное имя Ἕλλην; поэтому вышеприведенное мнѣніе г. Паламаса совершенно неосновательно.

Δελτίον τῆς ἐν Ἀλμυρῷ φιλαρχαίου ἐταιρείας τῆς Ὁθρυος. Τεῦχος πρῶτον, ἐν Βόλῳ, 1899, стр. 32. Τεῦχος δεύτερον, Ἀθήνησιν,

1899, стр. 24. Τεύχος τρίτον, Ἀθήνησι, 1900, стр. 36. 8°.—Въ этихъ трехъ брошюрахъ содержатся труды и изслѣдованія археологическаго общества въ Θεσσαλίῳ городѣ Амирѣ, подъ названіемъ Ὀδρὺς. Въ первомъ выпускѣ приводятся вкратцѣ приобрѣтенія въ музеѣ этого общества, изъ коихъ нѣкоторыя—византійскія, какъ, напримѣръ, монеты, рукописи и т. п. Здѣсь помѣщены и описанія археологическихъ изслѣдованій въ нѣкоторыхъ ѳессалійскихъ деревняхъ, какъ, напр., Κοκκωτοί, Κωφοί, Πλάτανος и т. д., и въ монастырѣ τῆς Σεινᾶς. Во второмъ выпускѣ содержатся 39 ѳессалійскихъ надписей разныхъ эпохъ; изъ нихъ одна надпись относится къ 1275 году по Р. Х. и называетъ одного Велестинскаго епископа подъ именемъ Михаила. Въ третьемъ выпускѣ содержатся приобрѣтенные обществомъ въ 1899—1900 гг. древности, кодексы и документы, а затѣмъ разныя надписи, изъ которыхъ только двѣ относятся къ византійской эпохѣ. Въ концѣ брошюры помѣщается сообщеніе Αε. Σπριδακиса о небольшомъ стихотвореніи царицы Евдокіи изъ 38 гомерическихъ стиховъ. Это стихотвореніе находится въ одномъ кодексѣ XVIII вѣка.

Іаковъ Димопулосъ (Ἰάκωβος Δημόπουλος), архимандритъ, Τὸ ἐν Μόσχῃ συνοδικὸν σκευοφυλάκιον, ἧτοι ἐπισκόπησις καὶ λεπτομερὴς περιγραφή τῶν ἐν τῷ σκευοφυλάκιῳ τοῦ Κρεμλίνου τεθησαυρισμένων διαφόρων ἱερῶν χαμηλίων καὶ ἀρχαίων ἐκκλησιαστικῶν σκευῶν. Ἐν Ἀθήναις 1900. 8°, стр. 98.—Находящіяся въ московской патріаршей ризницѣ церковныя и другія драгоценности были до настоящаго времени неизвѣстны духовенству и интеллигенціи въ Турціи и Греціи вслѣдствіе отсутствія описанія ихъ на греческомъ языкѣ. Этотъ пробѣлъ восполнилъ въ вышеуказанной своей книгѣ представитель Вселенской патріархіи въ Москвѣ, ученый архимандритъ Іаковъ Димопулосъ. Эта книга напечатана весьма тщательно и изящно и украшена многочисленными снимками разныхъ христіанскихъ древностей московской патріаршей ризницы. Въ концѣ своего труда архимандритъ Іаковъ прибавилъ и хронологическія таблицы московскихъ великихъ князей и царей отъ 1328—1725 года, всероссійскихъ митрополитовъ до 1586 г. и московскихъ патріарховъ отъ 1586—1700 гг., а также и краткую исторію города Москвы.

Георгій Н. Хаджидакисъ (Γεώργιος Ν. Χατζιδάκις), Γλωσσολογικὰ μελέται. Τόμος Α'. Ἐν Ἀθήναις 1901. 8°, стр. 635—Профессоръ Хаджидакисъ, которому мы обязаны многими историческими изслѣдованіями, касающимися византійскаго и новогреческаго языка, рѣшилъ перепечатать и собрать въ серію томовъ всѣ свои глоссологическія статьи, разбросанныя до сихъ поръ въ разныхъ журналахъ, съ цѣлью доставить возможность всѣмъ эллинистамъ и филологамъ пользоваться ими. Мы уже имѣемъ 1-й томъ, содержащій въ себѣ статьи различнаго объема. Изъ этихъ заслуживаютъ вниманія слѣдующія статьи: а) Объ этимологіи слова Μορέας, стр. 1—31. б) О происхожденіи слова Μεσαράς, стр. 115—179. в) Объ этимологіи словъ Μυζηδρά—Μυζηδράς—Μυστράς—Μυστριώτης, стр.

180—203. d) О происхожденіи слова βρέ, стр. 204—213. e) О происхожденіи слова γάδαρος, стр. 214—235. f) О глоссическомъ вопросѣ въ Греціи, стр. 236—517. g) О произношеніи υ древними и ω новѣйшими лаконцами, стр. 550—570. h) О времени уравниенія просодіи въ греческомъ языкѣ, стр. 574—588. i) О словахъ: ἀρμόζω и ὀρμάζω, συναρμόζω и συνορμάζω, стр. 613—615.

Михаилъ Ламбринидисъ (Μιχαὴλ Λαμπρινίδης), Ἡ Ναυπλία ἀπὸ τῶν ἀρχαιοτάτων χρόνων μέχρι τῶν καθ' ἡμᾶς. Ἐν Ἀθῆναις 1898. 8°, стр. ζ' + 653. — Авторъ настоящей книги имѣетъ темой исторію города Навплии въ Пелопоннيسѣ, находящагося на небольшомъ полуостровѣ въ углубленіи арголійскаго залива. До 36-ой страницы рѣчь идетъ о мионической и классической исторіи города; византійская-же ея исторія излагается на страницахъ 37—173, а большую часть книги занимаетъ новѣйшая исторія города. Авторъ знакомъ со многими, хотя далеко не всѣми источниками. Поэтому та часть его книги, которая посвящена византійскому періоду, страдаетъ многими недостатками, но тѣмъ не менѣе она полезна, такъ-какъ въ ней перепечатаны нѣкоторые рѣдкіе тексты, особенно же приведены нѣкоторыя надписи и описанія разныхъ древнихъ христіанскихъ храмовъ. Неизданными источниками и документами авторъ воспользовался въ пространномъ и поучительномъ изложеніи новѣйшей исторіи Навплии, интересной для новѣйшихъ историческихъ временъ Греціи.

А. Пападопуло-Керамевсъ, Μηνουὴλ ὁ Κορίνθιος καὶ ἐν ὑμνογραφικῶν αὐτοῦ ποιημάτων [Φιλόλ. Σύλλ. Πανασσός. Ἐπετηρίς. Ἔτος ζ'. Ἐν Ἀθῆναις 1902, стр. 71—102]. — **Мануилъ Коринескій**, жившій въ XV—XVI вѣкахъ, связываетъ своею дѣятельностью византійскую и ново-греческую литературу. Дѣятельность его весьма разносторонняя: въ теченіи многихъ лѣтъ онъ занималъ должность логовета, извѣстенъ какъ ораторъ вселенской патріархіи, какъ богословъ, гимнографъ, поэтъ и біографъ, давшій жизнеописанія разныхъ мучениковъ и преподобныхъ XV и XVI вѣковъ. Болѣе раннюю литературу о немъ можно найти у Ph. Meyer., Die theologische Litteratur der griechischen Kirche im XVI-ten Jahrh., Leipzig, 1899, стр. 35—37, 120—170. Въ вышеупомянутомъ же нашемъ очеркѣ содержатся болѣе точныя и болѣе полныя свѣдѣнія о житіи и времени жизни Мануила Коринескаго на основаніи новыхъ изслѣдованій, къ тому же и подробный перечень всѣхъ его сочиненій, доселѣ извѣстныхъ, съ указаніемъ ихъ изданій и кодексовъ, въ которыхъ помѣщены вышеуказанныя сочиненія. Въ концѣ мы прибавили неизданный до сихъ поръ церковный чинъ Мануила въ честь святого Марка Евгеніка, а также составленное имъ житіе того же святого Марка.

Никосъ А. Венсъ (Νίκος Ἀ Βένς), Βυζαντινὰ αἰνίγματα [Φιλόλ. Σύλλογος Πανασσός, VI, стр. 103—110]. — Здѣсь сообщаются изъ трехъ рукописей XVIII и XIX вѣковъ, находящихся въ Національной Аѳинской Библіотекѣ, 14 загадокъ въ стихахъ, большинство которыхъ, если не всѣ, повидимому, относятся къ византійской эпохѣ.

Θ. Н. Филаделфевъ (Θ. Ν. Φιλαδέφειος), 'Επιστολαὶ ἀνέχδοτοι Μακαρίου τοῦ ἐν Πάτρῃς φροντιστηρίου γυμνασιάρχου καὶ τοῦ μαθητοῦ αὐτοῦ καὶ φίλου Κωνσταντίνου Γορδάτου τοῦ Χίου [Φιλολ. Σύλλογ. Παρνασσός, VI, стр. 111 — 127]. — Изъ одного патмосскаго кодекса здѣсь помѣщены нѣкоторыя неизданныя письма двухъ выдающихся греческихъ ученыхъ XVIII вѣка — Константина Гордата, съ острова Хіоса, и Макарія, ректора Патмосской гимназіи.

Н. I. Яннопулосъ (Ν. I. Γιαννόπουλος), 'Ανέχδοτα ποιήματα διαφόρων ποιητῶν τοῦ 17 αἰῶνος [Φιλολ. Σύλλ. Παρνασσός, VI, стр. 128 — 139]. — Это собраніе нѣкоторыхъ неизданныхъ греческихъ стихотвореній, находящихся въ 15 кодексѣ Амирскаго археологическаго общества 'Οδρυσ. Большинство изъ нихъ принадлежитъ XVIII вѣку и только одно представляетъ собой надпись 1587 года, и находится въ монастырѣ Ѳессалійскаго города Короны (Κορώνη) подъ изображеніемъ основателя его храма. Г. Яннопулосъ прибавляетъ, что въ томъ же монастырѣ существуютъ двѣ мозаическихъ иконы, изображающія Христа и Богородицу, которыя, по его словамъ, «εἶναι σπουδῆς ἄξιαι».

А. Пападопуло-Нерамевъ, Θεσσαλικά σημειώματα [Φιλολ. Σύλλ. Παρνασσός, VI, стр. 140 — 145]. — Здѣсь сообщаются изъ кодекса подъ № 251 Императорской С.-Петербургской Публичной Библіотеки разныя замѣтки о нѣкоторыхъ историческихъ событіяхъ между 1767 — 1784 годами. Изъ нихъ нѣкоторыя замѣтки находятся въ предисловіи книги Порфирія Успенскаго, Путешест. въ Ѳессаліи, СПб., 1896, но страдают неточностью.

Мих. Хрисохоосъ (Μιχ. Χρυσόχοος), 'Αδως—'Ακτὴ—'Αγιον 'Ορος—'Θύσσος [Φιλολ. Σύλλ. Παρνασσός, VI, стр. 151 — 158]. — Подъ этимъ заглавіемъ г. Хрисохоосъ здѣсь издаетъ топографическую карту одной части Аѳонской горы, имъ составленную; въ ней помѣщаются монастыри Зографъ, Кастамонитъ, Дохиарій и Ксенофонтъ. Карта эта имѣетъ цѣлью опредѣлить мѣстоположеніе древняго города Θύσσος, упоминаемаго Геродотомъ и Ѳукидидомъ. За картой слѣдуетъ описаніе развалинъ Ѳисса и его окрестностей.

Смир. П. Ламбросъ (Σμυρ. Π. Λάμπρος), Ἀθηναῖοι βιβλιογράφοι καὶ κτήτορες κωδίκων κατὰ τοὺς μέσους αἰῶνας καὶ ἐπὶ τουρκοκρατίᾳ [Φιλοл. Σύλλογος Παρνασσός, VI, стр. 159 — 218]. — Отсутствіе достаточнаго количества кодексовъ, написанныхъ въ Аѳинахъ или составляющихъ собственность Аѳинянъ въ византійскую и турецкую эпоху, служило раньше причиною жалкой характеристики состоянія просвѣщенія въ Аѳинахъ съ средне-вѣковыхъ временъ до греческаго возстанія. Это сужденіе основывалось на Palaeographia graeca Montfaucon'a, въ которой отмѣчается весьма незначительное число аѳинскихъ кодексовъ. Профессоръ Ламбросъ доказываетъ въ вышеупомянутомъ своемъ трудѣ, что эти сужденія преувеличены. На основаніи многочисленныхъ каталоговъ разныхъ библіотекъ онъ составилъ сборникъ 54 аѳинскихъ каллиграфовъ и владѣльцевъ раз-

ныхъ рукописей, датированныхъ отъ 1129 до 1826 годовъ. Самый древній каллиграфъ — Константинъ Тарситъ (1129). До конца XV вѣка извѣстны только 14 каллиграфовъ, а начиная съ этого времени число ихъ увеличивается.

Георгій Діовуниотисъ (Γεώργιος Διοβουνιώτης), Τὸ φαλκίδιον τρίτον ἐν τῷ βυζαντινῷ δικαίῳ [Φιλόλ. Σύλλ. Παρνασσός, VI, стр. 219—226]. — Здѣсь идетъ рѣчь о φαλκίδιον и его разницѣ, замѣчаемой между *Corpus Iuris Iustiniani* и *Βασιλικά*.

Конст. Г. Зисіу (Κωνστ. Γ. Ζησίου), Γυναικῶν ὀνόματα κύρια ἐν Κινηουρίᾳ [Φιλόλ. Σύλλ. Παρνασσός, VI, стр. 227—246]. — Оборникъ средневѣковыхъ и современныхъ женскихъ именъ изъ Пелопоннесской епархіи Кинуріи.

Н. I. Яниопулосъ (Ν. I. Γιαννόπουλος), Ἀρχαιολογήματα Ὑπάτης [Φιλόλ. Σύλλ. Παρνασσός, VI, стр. 247—253]. — Здѣсь сообщаются нѣкоторыя греческія надписи изъ Ипаты (Ὑπάτη), изъ коихъ одна — византийской эпохи, а также нѣкоторыя историческія замѣтки изъ одной рукописи; въ концѣ прилагается каталогъ епископовъ Новыхъ Патръ до 1833 года.

А. Пападопуло-Нерамевсъ, Περί Θεοφάνους τοῦ Σικελοῦ [Νέα Ἡμέρα, 1901, № 1406 и 1407]. — Въ Byz. Zeitschr. IX, стр. 370 опубликована нами замѣтка о неизвѣстномъ раньше Θεοφάνῃ Сицилійскомъ. Въ этой замѣткѣ по поводу нѣкоторыхъ данныхъ мы высказывали мнѣніе о томъ, что этого гимнографа слѣдуетъ отождествить съ Θεοφάνомъ, ученикомъ и біографомъ гимнографа Ιωσήφa Сицилійскаго. Противъ нашей замѣтки высказался французъ S. Pétridès (Échos d'Orient, IV, стр. 284—287); онъ старается отождествить нашего гимнографа Θεοφана Сицилійскаго съ нѣкимъ Θεοφаномъ гимнографомъ, котораго, въ свою очередь, Domenico Gaspare Lancia di Brolo (Storia della chiesa in Sicilia, Palermo 1884) называетъ Сицилійцемъ. Всѣ замѣчанія S. Pétridès'a противъ нашего мнѣнія безусловно неосновательны. Это видно изъ вышеупомянутаго нашего очерка, въ которомъ мы доказываемъ ясными и вѣрными аргументами, что Θεοφанъ Lancia di Brolo — Θεοφанъ не ὁ Σικελός, но весьма извѣстный гимнографъ Θεοφанъ ὁ Γραπτός; напротивъ, нашъ гимнографъ Θεοφанъ ὁ Σικελός — одноименный ученикъ и біографъ гимнографа Ιωσήφa.

Н. Цуронцоглу (Ν. Τσουροχτσόγλου), Σπάνιον χειρόγραφον ἱεροῦ Εὐαγγελίου [Ταχυδρόμος, 1901, № 1038]. — Здѣсь содержатся новыя свѣдѣнія о состояніи и исторіи извѣстнаго древняго греческаго литургическаго Евангелія на пергаментѣ, хранящагося въ селѣ Κιρκιντζέ (близъ развалинъ Ефеса).

Евангелъ Г. Николандисъ (Εὐάγγελος Γ. Νικολαΐδης), Περί τῆς μοναχικῆς ἀκτημοσύνης ἐν τῷ κοινῷ καὶ τῷ ἐλληνικῷ ἐκκλησιαστικῷ δικαίῳ. Ἱστορικὴ καὶ δογματικὴ ἐρευνα. Ἐν Ἀθήναις 1901. 8°, стр. 133. — Авторъ настоящей книги, на основаніи источниковъ, методически и ясно трактуетъ съ исторической и догматической точки зрѣнія о монашеской бѣдности

въ общемъ правѣ и въ греческомъ церковномъ правѣ. Въ введеніи говорится о монашеской жизни вообще. Главное его сочиненіе начинается главой, въ которой говорится объ идеѣ бѣдности, по Новому Завету, святымъ отцамъ и монашескимъ канонамъ; затѣмъ онъ говоритъ о бѣдности въ правѣ до Юстиніана, далѣе во время Юстиніана, Льва и до разрушенія византійской имперіи. Книга г. Николаидиса оканчивается трактатомъ о монашеской жизни и дѣйствующемъ правѣ въ Греціи отъ возстановленія ея и до сего времени.

А. Пападопуло-Керамевсъ, 'Ο ὁμοῦράφος Κυριακός [Νέα Ἠμέρα, 1901, № 1413]. — Здѣсь идетъ рѣчь о Кириакѣ гимнографѣ, отъ котораго до сихъ поръ сохранился одинъ гимнъ на воскресеніе Лазаря. Эта наша статья была составлена и издана немного раньше появленія работы Krumbacher, *Romanos und Kyriakos*, München 1901, и, во-первыхъ, высказывается противъ несостоятельнаго мнѣнія S. Pétridès'a (*Échos d'Orient*, IV, стр. 282—284), утверждающаго, что гимнографа Кириака слѣдуетъ отождествить съ извѣстнымъ великимъ отшельникомъ святымъ Кириакомъ; во-вторыхъ, онъ доказываетъ, что гимнографъ Кириакъ жилъ позже Романа пѣснопѣвца.

D. Quinn, *Χριστιανικαὶ ἐπιγραφαὶ ἐν τῇ Πινδῷ καὶ ὅροι* [Ἀρμονία, 1901, стр. 49—75]. — Сборникъ 63 греческихъ христіанскихъ надписей, находящихся въ разныхъ деревняхъ на Θεσσαλίας горѣ Пиндѣ. Древнѣйшія изъ этихъ надписей относятся къ XVI вѣку. Нѣкоторыя поправки къ нимъ издалъ А. П. Керамеусъ въ Ἀρμονία, 1901, стр. 207—208.

Н. А. Веисъ (N. A. Βέης), *Ἀρχαῖα καὶ ὁριὰ περὶ ταύματα* [Ἀρμονία, 1901, стр. 89—96, 135—157]. — Сообщение о насмѣшкахъ, которыя греческіе обыватели одной деревни говорятъ по адресу населенія другой деревни. Эти насмѣшки выражены въ стихахъ и каждая изъ нихъ имѣетъ собственное значеніе, историческое или топографическое. Г. Веисъ помѣстилъ здѣсь 26 такихъ насмѣшекъ изъ Аркадіѣской епархіи въ Греціи.

Г. Папандреу (Г. Παπανδρέου), *Χριστιανικαὶ ἀρχαιοτήτες ἐν τῷ χωρίῳ Χριστιανοῦ τῆς Τριφυλίας* [Ἀρμονία, 1901, стр. 190—192]. — Здѣсь содержится описаніе древняго храма въ деревнѣ Χριστιανοῦ Трифилійской епархіи въ Греціи, находящейся на развалинахъ византійскаго города Χριστιανουπόλ. По мнѣнію автора, эта церковь — VIII вѣка.

А. Пападопуло-Керамевсъ, 'Ο μελωδὸς Ἀναστάσιος [Νέα Ἠμέρα, 1902, № 1422 и 1423]. — Въ Виз. Врем. [VII, стр. 43—59] мы сообщили неизданные гимны одного поэта, такъ называемаго Анастасія Квестора (Κοκκίστωρ), котораго прежде думали отнести къ VII вѣку, тогда какъ мы доказывали, что онъ жилъ въ началѣ X вѣка. По поводу нашего сообщенія французъ S. Pétridès составилъ въ свою очередь собственную статью (*Revue de l'Orient Chrétien*, 1901, стр. 444—452), въ которой старается доказать, что были два Анастасія: одинъ, жившій въ VII вѣкѣ, и другой — въ X вѣкѣ; по мнѣнію его, жившій въ VII вѣкѣ Анастасій никто иной, какъ извѣстный Анастасій Синаитъ. Аргументы Pétridès'a

безусловно неосновательны, какъ мы и доказываемъ въ своемъ вышеупомянутомъ очеркѣ, въ которомъ мы утверждаемъ на основаніи имѣющихся у насъ доказательствъ, что въ теченіи всего византійскаго періода мы знаемъ одного только Анастасія гимнографа, такъ называемаго Κοαίστωρ; тотъ же, котораго Pétrides отождествляетъ съ Анастасіемъ Синаитомъ, никто иной, какъ Анастасій Κοαίστωρ, жившій въ X вѣкѣ.

А. Пападопуло-Керамевсъ (Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς), Καὶ πάλιν περὶ τῆς δευτέρας φάξης τῶν ἑσχατικῶν κανόνων [Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, XXI, 1901, стр. 425—427, 468—470]. — Здѣсь сообщаются изъ греческихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки неизвѣстныя доселѣ вторыя пѣсни (φδοαί) пяти каноновъ гимнографа Θεοφάνη Начертаннаго и Юсифа Σικελιώτικου, — пѣсни, помѣщенные въ сокращенномъ видѣ въ минеяхъ Февраля.

Г. Палаandreу (Γ. Παπανδρέου), Ἡ νῆσος Πρωτή [Ἀρμονία, 1902, стр. 238—241]. — Описаніе островка Проти въ Трифилійскомъ округѣ и развалины находящагося на немъ акрополя.

А. Пападопуло-Керамевсъ, Ὁ ὑμνογράφος Ἰγνατίος [Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, XXII, 1902, стр. 37—39, 68—70, 88—91]. — Здѣсь рѣчь идетъ о гимнографѣ Игнатіѣ, жившемъ въ VIII—IX вѣкахъ и бывшемъ ученикомъ патріарха святаго Тарасія. Какъ уже извѣстно, Игнатій былъ авторомъ нѣсколькихъ небольшихъ трудовъ, между прочимъ одного житія Тарасія, изданнаго J. A. Heikel'емъ (Helsingforsiae 1889). Въ честь того же Тарасія, послѣ его смерти, Игнатій составилъ длинный гимнъ, который мы нашли въ одномъ кодексѣ X вѣка въ Московской Синодальной Библіотекѣ (подъ № 181, листъ 121—126) и приложили въ концѣ своего вышеупомянутаго очерка объ Игнатіѣ.

А. Пападопуло-Керамевсъ, Ἀθηναῖκά ἐκ τοῦ 13' καὶ 14' αἰῶνος [Ἀρμονία, 1902, стр. 209—224, 273—293]. — Здѣсь сообщаются новыя неизданныя источники, полезныя для исторіи города Аѣинъ въ XII и XIII вѣкахъ и содержащіяся въ 250-мъ греческомъ кодексѣ Императорской Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ: 1) Евѣмѣя Торники надгробная рѣчь аѣинскому митрополиту Николаю Агаѣеодориту. 2) Анонимная монодія въ честь аѣинскаго митрополита Михаила Χονιάτα, составленная однимъ изъ его племянниковъ. 3) Михаила Χονιάτα стихи въ честь Богородицы. 4) Письма Ιωάννη Αποκαύκα. 5) Письмо Μακρεμβολίτα къ Николаю Αἰγιοεοδωρίτῃ.

Констасъ X. Димитріу (Κώστας Χ' Δημητρίου), Περί τῆς ἐπαρχίας Νευροκόπου [Ταχυδρόμος, 1902, № 1082]. — Здѣсь идетъ рѣчь о мѣстоположеніи, границахъ, имени и исторіи македонской епархіи Неврокопа. Авторъ этого небольшого, но полезнаго очерка перечисляетъ въ концѣ его бывшихъ митрополитовъ въ вышепечатаемой епархіи въ XIX вѣкѣ.

* * * Τὸ ὄρος Περιστέριον [Ταχυδρόμος, 1902, № 1137]. — Здѣсь мы имѣемъ новыя топографическія свѣдѣнія о горѣ Περιστέριον, находящейся въ западной Македоніи.

Г. Адамантидисъ (Г. Ἀδαμαντίδης), Πολύτιμος ἐκκλησιαστικὸς κἀδὶς [Ταχυδρόμος, 1902, № 1118]. — Здѣсь сообщаются свѣдѣнія объ одномъ кодексѣ, въ которомъ написаны разные протоколы Солунскаго храма святыхъ Константина и Елены. Между ними находятся и другія историческія замѣтки о разныхъ событіяхъ въ Солуни, начиная съ 1730 года. Составитель этихъ замѣтокъ былъ теологосъ Манόλι.

Константинъ А. Псаховъ (Κωνσταντῖνος Ἀ. Ψάχος), Ἡ βυζαντινὴ μουσικὴ γραφὴ καὶ τὸ φυλλάδιον τοῦ Thibaut [Κωνσταντινουπόλις, 1901, № 196]. — Авторъ этой небольшой статьи опровергаетъ теорію о византійской музыкѣ Jean Thibaut.

Христосъ Панадопулосъ (Χρῆστος Παπαδόπουλος), Ὁ ἐν Ἀμμοχώστῃ καθεδρικός ναὸς τοῦ ἁγίου Νικολάου [Ταχυδρόμος, 1902, № 1235]. — Здѣсь содержатся нѣкоторыя свѣдѣнія о зданіи храма святого Николая, находящагося въ городѣ Аммохостѣ на островѣ Кипрѣ, и двѣ древнефранцузскихъ надгробныхъ надписи 1343 и 1363 годовъ, сохранившіяся въ томъ же храмѣ.

Н. Г. Досіосъ (Ν. Γ. Δόσιος), Γενναδίου Σχολαρίου... εὐχὴ ὑπὲρ ἀπελευθερώσεως [Πατρίς, 1902, № 3331]. — Здѣсь сообщается одна молитва къ Богу для освобожденія христіанъ отъ мусульманскаго ига, принадлежащая Геннадію Схоларію, первому по завоеваніи Константинополя патриарху Константинопольскому. Эту молитву г. Досіосъ нашелъ въ пергаментномъ греческомъ Евангеліи X вѣка, въ видѣ прибавленія, находящемся въ центральной библіотекѣ въ Яссахъ.

С. Панагіотопулосъ (Σ. Παναγιωτόπουλος), Ἐπιγραφαὶ ἀρχαῖαι ἐλληνικαὶ καὶ τοῦ μεσαιῶνος καὶ ἄλλαι ἀρχαιότητες εὐρεθεῖσαι ἐν Κωνσταντίνῃ [Πατρίς, 1901, № 3185, 3186]. — Авторъ сообщаютъ здѣсь четыре новыхъ греческихъ надписи изъ развалинъ древняго города Тόμις въ Добруджѣ. Первая изъ нихъ упоминаетъ о понтархѣ (ποντάρχης) Архисипѣ, а на другой — византійской эпохи —, начертанной на черепицѣ, можно разобъять имя: Ἀλέξαντρος Μόλες.

С. Панагіотопулосъ (Σ. Παναγιωτόπουλος), Καὶ ἄλλαι ἐπιγραφαὶ εὐρεθεῖσαι νεωστὶ ἐν Κωνσταντίνῃ [Πατρίς, 1901, № 3190]. — Здѣсь сообщаются нѣкоторыя другія надписи изъ Тόμις, 4 греческихъ — римской эпохи, одна латинская и одна византійская. Последняя надпись состоитъ изъ буквъ ΙΟ ΜΚ ΥΙΟΙ ΑΔΑΑ.

Н. Г. Досіосъ (Ν. Γ. Δόσιος), Τὰ ἐλληνικὰ χειρόγραφα τῆς ἐν Ἰασίῃ Κεντρικῆς Βιβλιοθήκης [Πατρίς, 1902, №№ 3285, 3291, 3295, 3296, 3298, 3299]. — Здѣсь рѣчь идетъ о греческихъ кодексахъ, находящихся въ Центральной Библіотекѣ Яссъ. Число всѣхъ этихъ кодексовъ — 84. Г. Досіосъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о самыхъ важныхъ изъ нихъ. Самый древній кодексъ (подъ № 52) содержитъ Евангелія, написанныя золотыми унциальными буквами. Этотъ кодексъ украшенъ и разными миниатюрами. Г. Досіосъ думаетъ, что кодексъ этотъ относится къ X вѣку, и прибавляетъ, что по одной замѣткѣ патриарха Геннадія Схоларія она — Кон-

стантинопольскаго происхожденія. Остальные кодексы Яесской библиотеки относятся къ новѣйшимъ временамъ, всѣ написаны на бумагѣ и содержатъ въ себѣ по большей части труды новѣйшихъ авторовъ XV вѣка, какъ напр.: Георгія Корессія, Θεοφιλα Коридалева, Максима Πελοποννησσкаго, Γερασима Влаха и т. д.

Н. Х. Маркипулосъ (Κ. Χ. Μαρκόπουλος), 'Η ἐν Τριγλία ἱερὰ μονὴ τοῦ Σωτῆρος Χριστοῦ [Κωνσταντινούπολις, 1902, № 180].—Здѣсь даются нѣкоторые топографическія и историческія свѣдѣнія о монастырѣ Христа Спасителя близъ села Триліи въ Воеиніи. По одному мѣстному преданію, этотъ монастырь основанъ былъ монахами древняго и несуществующаго нынѣ монастыря Μηδικίου.

Ил. Александридисъ (Ἰλ. Ἀλεξανδρίδης), 'Η πάλαι καὶ νῦν κατάστασις τῆς μητροπόλεως Ἀγκύρας [Ἐκκλησ. Ἀλήθεια, XXII, 1902, стр. 206 — 207, 234—235].—Здѣсь даются нѣкоторые свѣдѣнія о малоазіатской Ангирской церковной митрополіи начиная съ IV вѣка.

Θамисъ Антоніадисъ (Θαλῆς Ἀντωνιάδης), Ἱστορία τοῦ δικαίου [Ἐκκλησ. Ἀλήθεια, XXII, 1902, стр. 190—193, 224—227].—Отрывокъ краткой исторіи византійскаго права начиная съ эпохи Юстиніана. Въ концѣ авторъ говоритъ о публичномъ и частномъ правѣ у грековъ, живущихъ въ Турціи съ 1452—1862.

М. Гедеонъ (Μ. Γεδεών), Δύο παλαιὰ κείμενα περὶ Κωνσταντίνου τοῦ Μεγάλου [Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, XXII, 1902, стр. 221 — 223, 230 — 233].—М. Гедеонъ продолжаетъ здѣсь свой трудъ о двухъ древнихъ біографіяхъ Константина Великаго (см. Виз. Врем. VII, стр. 290). Какъ вторую біографію онъ приводитъ одинъ текстъ изъ кодекса 494 Кутлумушскаго монастыря на Аѳонѣ, который начинается слѣдующими словами: Ἀρά τις εὐσεβεΐας ζῆλον и т. д. Этотъ кодексъ написанъ въ 1549 г. Г. Гедеонъ приводитъ изъ этой біографіи много отрывковъ, въ которыхъ онъ замѣчаетъ народныя преданія о Константиנѣ, прежде неизвѣстныя. Авторъ этой біографіи не упоминается въ ея заглавіи, но, какъ полагаетъ Гедеонъ, это сочиненіе приписывается какому-то автору Константину, родомъ, по его же мнѣнію, изъ Никомидіи и жившему въ X или въ XI вѣкѣ. Трудъ г. Гедеона объ этомъ писателѣ, къ сожалѣнію, лишень значенія, такъ какъ писатель Константинъ извѣстенъ, а еще болѣе извѣстенъ трудъ его о Константинѣ Великомъ. Этотъ авторъ—Константинъ Акрополитъ, жившій въ XIII—XIV вѣкахъ, а рѣчь его въ честь Константина Великаго уже издавалъ пѣбликомъ Константинъ Симонидисъ въ Лондонѣ въ 1853 г. Кромѣ того извѣстенъ и автографическій кодексъ Константина Акрополита (см. нашу Іерус. Библ., I, стр. 122).

М. I. Гедеонъ (Μ. I. Γεδεών), Ὑπὲρ τῆς ἱστορίας τῆς ἐν Ἀγίῳ Ὁρει μεγίστης τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου λαύρας [Ἐκкл. Ἀλήθεια, XXII, 1902, стр. 239 — 242].—Здѣсь сообщается синодальное письмо Вселенскаго патріарха Іереміи I, имѣющее непосредственное отношеніе къ пожертвованіямъ Серрскаго митрополита Геннадія, находящимся въ Серрахъ и на Аѳонѣ. Это

письмо написано въ 1541 г.; издатель говоритъ, что оригиналъ находится у одного монаха, котораго впрочемъ не называетъ.

Георгій П. Веглерисъ (Γεώργιος Π. Βεγλερής), 'Η πρώτη μορφή καὶ ὁ βαθμιαῖος κατάρτισμός τοῦ παρ' ἡμῖν Μηνολογίου ἢ Συναξαρίου или 'Αγιολογικαὶ πηγαὶ πρὸς μόρφωσιν Μηνολογίου ἢ Συναξαρίου παρὰ τοῖς Βυζαντινοῖς [Ἐκκλησ. Ἀλήθεια, XXII, 1902, стр. 67—68, 251—252, 269—271].—Здѣсь даются нѣкоторыя свѣдѣнія о постепенномъ составленіи церковнаго мѣсяцеслова и синаксарія у византийцевъ, а затѣмъ перечисляются источники, изъ которыхъ можно составить полный мѣсяцесловъ и синаксарій Великой Церкви.

- Тарасій (Ταράσιος), митрополитъ Иліупольскій, 'Επιτύμβιος ἐπιγραφή [Ἐκκλησ. Ἀλήθεια, XXII, 1902, стр. 305—306].—Сообщеніе о византийской надписи въ стихахъ, найденной въ 1866 году въ деревнѣ Есерликъ, находящейся въ разстояніи двухъ часовъ къ востоку отъ македонскаго города Неврокопа и относящейся къ надгробной плитѣ нѣкоего Іоанна, бывшаго брата нѣкоего священника Амвросія. По издателю, надпись эта относится къ X вѣку.

Петръ Папагеоргиу (Πέτρος Παπαγεωργίου), 'Η ἐπιτύμβιος ἐπιγραφή [Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, XXII, 1902, стр. 337—339].—Поправки и филологическія замѣчанія къ вышесказанной надписи.

Димитрій Гр. Камбуроглу (Δημήτριος Γρ. Καμπούρογλου), Μνημεῖα τῆς ἱστορίας τῶν Ἀθηναίων. Ἐν Ἀθήναις 1889—1892. 8°. Τόμοι 3. Стр. 443+392+332.

Его же, Ἱστορία τῶν Ἀθηναίων. Τουρκοκρατία. Περίοδος πρώτη 1458—1678. Ἐν Ἀθήναις 1885—1900. 8°. Τόμοι 3. Стр. 416+332+335.

Эти два труда представляютъ собою образецъ примѣрнаго, усерднаго трудолюбія автора. Г. Камбуроглу принялся за собраніе неизданнаго матеріала для исторіи Аѣинъ со времени завоеванія города турками и за составленіе характеристики его въ послѣдніе пять вѣковъ. Такимъ образомъ, г. Камбуроглу составилъ два параллельныхъ труда. Въ первомъ изъ нихъ, подъ заглавіемъ Μνημεῖα, содержатся источники Аѣинской исторіи, т. е. историческій матеріалъ разнаго происхожденія, извѣстный до 1892 года. Между этими памятниками особый интересъ для нашихъ читателей представляетъ первый томъ, въ которомъ собраны многочисленныя патріаршія письма о разныхъ древнихъ монастыряхъ, находящихся какъ въ Аѣинахъ, такъ въ его окрестностяхъ; къ тому же и матеріалъ, заключающійся въ разныхъ документахъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ исторіи семействъ византийскаго происхожденія. Такимъ образомъ, въ I томѣ на стр. 289—311 и 251—273 содержатся свѣдѣнія о потомкахъ въ Аѣинахъ Ἀσσιαῖοι, Ταρωῖται, Χαλκοκονδύλοι и Χωματαῖοι. На стр. 124—131 второго тома содержится одно византийское описаніе Аѣинъ въ стихахъ, найденное въ одной рукописи 1385 года; въ другихъ мѣстахъ Μνημείωνъ встрѣчаются христіанскія надписи разныхъ эпохъ. Другой трудъ г. Камбуроглу содержитъ въ первомъ

томѣ длинный анализъ историческихъ источниковъ въ *Μνημεῖα*, а затѣмъ источниковъ Аѣинской исторіи, на основаніи народныхъ преданій. Въ второмъ томѣ говорится о завоеваніи Аѣинъ турками, о правительственной системѣ управленія населеніемъ между 1458—1687 годами, и о религіозной жизни народа. Здѣсь говорится много о мѣстоположеніи и исторіи многочисленныхъ монастырей и церквей, находящихся въ Аѣинахъ и въ окрестностяхъ. Въ третьемъ томѣ разсматривается частная и общественная жизнь Аѣинянъ въ XV—XVII вв. Въ этомъ томѣ содержатся и многочисленные народные тексты, какъ напр. пѣсни, пословицы, сказки и описанія аѣинскихъ обычаевъ. Оба труда г. Камбуроглу мѣстами иллюстрированы многочисленными снимками.

Θ. Ν. Φιλαδέλφевς (Θ. Ν. Φιλαδέλφευς), *Ἱστορία τῶν Ἀθηνῶν ἐπὶ τοῦρκοκρατίας*, 1400—1800. Ἐν Ἀθῆναις 1902. 8°, т. I, II, стр. η' + 392 + 408. — Настоящій двухтомный трудъ объ исторіи Аѣинъ во время турократіи является результатомъ многолѣтнихъ занятій автора и составленъ былъ на основаніи изданныхъ и неизданныхъ источниковъ. Значительная его часть составлена была до изданія уже упомянутыхъ сочиненій г. Камбуроглу. Сочиненіе г. Филадельфевса составляетъ методическую и цѣльную исторію, раздѣляющуюся на 18 главъ, съ введеніемъ о положеніи грековъ подъ турецкимъ владычествомъ со времени завоеванія Константинополя. Аѣины были завоеваны турками въ 1456 году, но ихъ завоевательныя стремленія замѣчались еще раньше этого времени. Поэтому именно авторъ начинаетъ свое изложеніе съ XIV вѣка, когда именно каталанскіе князья въ Аѣинахъ призвали турокъ на помощь. Въ видѣ приложенія къ своему труду г. Филадельфевсъ помѣстилъ многочисленные тексты, по большей части неизданные, и особый трактатъ объ аѣинскихъ *Παραδείσια* (нынѣ *Πατήσια*) и *δῆμος* *Βατῆ*. Въ текстѣ обоихъ томовъ находятся многочисленные неизданные документы. Авторъ говоритъ ясно и съ критическимъ умомъ о состояніи Аѣинъ между XV и XVIII вѣками съ правительственной, общественной и просвѣтительной точки зрѣнія.

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

Ν. Γ. Πολίτης, *Μελέται περὶ τοῦ βίου καὶ τῆς γλώσσης τοῦ Ἑλληνικοῦ λαοῦ. Παρορίαι. Τόμος Α'.* Рецензія Григорія Вернардаки въ *Φιλολ. Σύλλογος* *Παρνασσός*, V, стр. 137—145.

Α. Παπαδοпуλο-Κεραμεвς.

3. Новыя книги, поступившія въ Редакцію.

Извѣстія Императорской Археологической Коммиссіи. Выпускъ 1 (1901), вып. 2 (1902), прибавленіе къ вып. 2 (1902).

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. VII. Выпускъ 2—3. Софія 1902.

И. Е. Тимошенко. Карпаѣвъ. Историко-этнографическій и археологическій очеркъ. Кіевъ 1902. 16 стр. Отд. отт. изъ «Кіевскаго Слова».

А. И. Успенскій. Церковно-археологическое хранилище при Московскомъ дворцѣ въ XVII вѣкѣ. Изданіе Имп. Общ. ист. и древн. Росс. Москва 1902. 92 стр. 8°. Цѣна 1 р. 50 к.

С. И. Кологривовъ. Доклады въ Церковно-Археологическомъ Отдѣлѣ: X. Подарки, поднесенныя царю Алексѣю Михайловичу восточными патріархами. II. Челобитная патріарха Антиохійскаго Макарія царю Алексѣю Михайловичу о пожалованіи ему иконъ въ Дамаскѣ. Москва 1901. 8 стр. Отд. отт. изъ Московск. Церковн. Вѣдом. 1901, № 49.

Е. К. Рѣдинъ. О лицевыхъ синодикахъ, поступившихъ въ распоряженіе Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII Археологическаго Съѣзда. Харьковъ 1902, 16 стр. 8°. Отд. отт. изъ Записокъ Харьковск. Унив.

Е. К. Рѣдинъ. Критико-библиографическія замѣтки по исторіи и археологическимъ искусствамъ. Харьковъ 1902. 16 стр. Отд. отт. изъ журнала «Мирный Трудъ» № 2.

Е. К. Рѣдинъ. Исторія искусства и русскіе художественныя древности. Харьковъ 1902. 14 стр. Отд. отт. изъ журнала «Мирный Трудъ» № 3.

Е. К. Рѣдинъ. Икона «Недреманное око». II. Харьковъ 1902. Отд. отт. изъ Записокъ Харьковск. Унив.

Б. Меліоранскій. Къ исторіи иконоборчества. Рѣчь передъ коллоквиумомъ. 7 стр. Отд. отт. изъ «Христ. Чтенія» 1901.

А. Ив. Пападопуло-Керамевсъ и Н. Ал. Мѣдниковъ. Описаніе принесенной въ даръ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Сергѣю Александровичу Блаженнѣйшимъ Мелетіемъ Патріархомъ св. града Антиохіи и всего Востока греческой рукописи конца X вѣка съ позднѣйшими въ ней арабскими приписками.

Eduard Kurtz. Des Klerikers Georgios Bericht über Leben, Wirken und Translation der hl. Theodora von Thessalonich nebst der Metaphrase des Johannes Staurakios. St. Petersburg 1902. XXI + 112 стр. 4°. Записки Имп. Академіи Наукъ. По Истор.-Филол. Отд. Томъ VI. № 1. Цѣна 1 р. 50 к.

B. Z. Amphilochius von Ikonion. Rede über die unfruchtbaren Bäume. Jurjew in Livland. 1901. 40 стр. 8°.

Dr. Konstantin Horna. Einige unedirte Stücke des Manasses und Italikos. Separat-Abdruck aus dem Jahresberichte des K. K. Sophiengymnasiums in Wien 1901/1902. Wien 1902. 26 стр. 8°.

Eusebius Werke. I Band. Ueber das Leben Constantins, Constantins Rede an die heilige Versammlung, Tricennatsrede an Constantin. Herausg. von Ivar O. Heikel. Leipzig, Hinrichs 1902. CVIII + 358 стр, 8°. Die griechischen christlichen Schriftsteller. Band 7.

Joseph Sickenberger. Die Lukaskatene des Niketas von Herakleia. Leipzig, Hinrichs 1902. VIII + 118 стр. 8°. Texte und Untersuchungen. N. F. VII, 4.

Th. Lindner. Weltgeschichte seit der Völkerwanderung. Zweiter Band: Niedergang der islamischen und byzantinischen Kultur. Bildung der europäischen Staaten. Stuttgart und Dresden, Cotta 1902. X+508 стр. 8°.

Heinrich Gelzer. Der Patriarchat von Achrida. Leipzig, Teubner 1902. 232 стр. 8°. Цѣна 7.20 марокъ. Abh. d. philol.-hist. Kl. d. Kgl. Sächsischen Gesellschaft d. Wiss. Bd. XX. № 5.

Fr. Nik. Fink. Des Nil Doxopatres Τάξις τῶν πατριαρχικῶν θρόνων арменisch und griechisch herausgegeben, 1902. II+46 стр. 40.

Henricus van Herwerden. Lexicon Graecum suppletorium et dialecticum. Lugduni Batavorum, A. W. Sijthoff. 1902. X+973 стр. 8°. Цѣна 28 фр.

Émile Legrand. Lettres de Mélétiüs Pégas antérieures à la promotion au patriarchat, publiées d'après les minutes autographes. Paris, Maisonneuve 1902. XIII+159 стр. 8°.

Pio Franchi de' Cavalieri, I Martirii di S. Teodoto e di S. Ariadne con un' appendice sul testo originale del Martyrio di S. Eleuterio. Roma 1901. 188 стр. 8°. 1 табл. Studi e Testi 6.

Dr. Georges Lambakis. Mémoire sur les antiquités chrétiennes de la Grèce, présenté au Congrès international d'histoire comparée Paris 1900. Athènes 1902. 94 стр. 4°. Цѣна 10 фр.

Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος. Τόμος ἕκτος, τεύχος 21. Ἐν Ἀθήναις 1902.

ОТДѢЛЪ III.

Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ въ 1901 году.

Въ 1901 г. произошли перемѣны въ личномъ составѣ Института. Ученый секретарь Б. В. Фармаковский получилъ другое назначеніе. На его мѣсто назначенъ Р. Х. Леперъ; по открытой въ 1899 г. второй вакансіи ученаго секретаря исполненіе обязанностей возложено на Б. А. Панченко.

Министерство Народнаго Просвѣщенія дополнило организацію Института, признавъ возможнымъ отчислить на командировку двухъ стипендіатовъ для занятій въ Институтѣ по 3000 рублей въ годъ. Вслѣдствіе этого получила надлежащее развитіе та часть организаціи Института, которая до сихъ поръ не была еще осуществлена, хотя и предусматривается уставомъ Института (§§ 1 прим., 6 и 13 п. в.). Легко понять, что если Институтъ не будетъ готовить въ своей средѣ молодыхъ людей для научной дѣятельности, то прежде всего онъ будетъ поставленъ въ затруднительное положеніе относительно замѣщенія должностей ученыхъ секретарей, не говоря о другихъ послѣдствіяхъ неисполненія означенныхъ §§ устава. Въ настоящее время для привлеченія молодыхъ силъ къ научнымъ занятіямъ въ Институтѣ положены прочныя основанія. Въ 1901 г. по ходатайству Института были командированы Ѳ. И. Шмидтъ и В. Н. Сахаровъ. Кромѣ того, по порученію Института занимался научными работами въ мечети Кахріэ художникъ Н. К. Клуге.

Въ январѣ 1902 г. Институтъ понесъ горькую утрату въ лицѣ прикомандированнаго къ нему магистранта С.-Петербургскаго Университета В. Н. Сахарова, подававшаго блестящія надежды, разносторонне и основательно подготовленнаго для ученой дѣятельности, но погибшаго жертой чахотки.

Дѣятельность Института выражалась въ устройствѣ засѣданій и въ чтеніи лекцій; въ обработкѣ матеріаловъ, добытыхъ экскурсіями и раскопками Института, и въ изданіи ученыхъ трудовъ; въ организаціи и изученіи коллекцій Института.

Изъ двухъ засѣданій, состоявшихся въ 1901 г., одно было торжественное въ годовщину основанія Института. Послѣ рѣчи г. почетнаго предсѣдателя, въ которой была дана характеристика научной дѣятельности Института и высказаны благожеланія на предстоящій годъ, говорилъ членъ Института о. Тибо на тему: «L'emploi de l'orgue chez les Byzantins». За тѣмъ слѣдовало сообщеніе директора «Раскопки въ Болгаріи, близъ деревни Абобы». Въ засѣданіи 14 ноября были предложены сообщенія 1) директора Института «Археологическіе памятники Сиріи» и 2) Б. А. Панченко «Славянскія колоніи въ византійской имперіи». Первое сообщеніе было посвящено результатамъ экспедиціи Института въ Сирію въ 1900 г., второе было вызвано открытіемъ среди приобрѣтенныхъ Институтомъ древностей памятника первыхъ шаговъ славянства на греческомъ Востокѣ — печати поселенныхъ въ Визанніи Славянъ, которую удалось датировать вполне опредѣленно 650-мъ годомъ. Оба сообщенія въ дополненномъ видѣ напечатаны въ VII и VIII тт. Извѣстій.

Директоръ Института читалъ въ отчетномъ году общій курсъ исторіи Византіи, на который были допущены и посторонніе слушатели изъ русскихъ и славянъ. Лекціи читались два раза въ недѣлю, и изложеніе культурной и политической исторіи Византіи доведено до временъ Фотія и славянскихъ первоучителей.

Въ высшей степени серьезной задачей представляется установить равновѣсіе въ притокѣ новыхъ сырыхъ матеріаловъ и въ научной ихъ обработкѣ и обнародованіи. Въ 1901 году эта задача получила особенно настоятельную постановку вслѣдствіе двоякаго рода обстоятельствъ. Во-первыхъ, предыдущіе годы дали Институту громадное богатство сырого матеріала, полученнаго отъ раскопокъ въ Болгаріи и экспедиціи по Сиріи; для обработки этого матеріала нужны силы, большія въ сравненіи съ малочисленнымъ составомъ Института. Кромѣ того, вслѣдствіе назначенія новыхъ лицъ на вакансіи ученыхъ секретарей необходимы были нѣкоторыя затрудненія и замедленія въ дѣятельности учрежденія. То и другое побудило ограничиться разработкою матеріала, имѣющагося въ распоряженіи Института.

Прежде всего ждали очереди матеріалы, приобрѣтенные экспедиціей въ Сирію. Изготовленіе плановъ, чертежей и рисунковъ поручено было художнику Н. К. Клуге, который принималъ участіе въ экскурсіи. Въ настоящее время уже напечатано обширное изслѣдованіе директора Института объ археологическихъ памятникахъ Сиріи, съ приложеніемъ болѣе сорока таблицъ снимковъ съ памятниковъ IV—VII вѣка.

Надъ изготовленіемъ и обработкою многочисленныхъ чертежей, рисунковъ и эстампажей, вывезенныхъ изъ Абобы, работалъ по приглашенію Института въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ дѣятельный сотрудникъ Института по раскопкамъ въ Абобѣ профессоръ гимназіи въ Варнѣ К. Шкорпилъ. Весьма обширный матеріалъ, относящійся къ болгарскимъ

древностямъ, въ настоящее время разрабатывается и будетъ изданъ въ концѣ текущаго года.

Лѣтомъ же, съ мая до начала іюля мѣсяца, работалъ въ Институтѣ по его приглашенію профессоръ А. А. Павловскій, взявшій на себя научную обработку чертежей, рисунковъ и замѣтокъ, вывезенныхъ изъ заіорданскаго города Мадебы художникомъ Н. К. Клуге.

Ученый секретарь Р. Х. Леперъ занимался подготовительными работами для систематическаго изслѣдованія топографіи Константинополя, изученіемъ нумизматической коллекціи и эпиграфическихъ матеріаловъ, отчасти собранныхъ въ музеѣ Института. Въ одной изъ надписей интересно обозначеніе года 6021=513 по Р. Хр. Это самый древній случай употребленія византійской эры отъ Рождества Христова, по которой сотвореніе міра приходится на 5509 годъ до Р. Х. Фрагментъ надписи изъ Константинополя, найденный и доставленный Н. К. Клуге, датированъ царствованіемъ Юстиніана или Юстина. Въ надписи, вывезенной изъ Пальмиры, впервые читается имя города *Nadriana Palmuga*, о которомъ до сихъ поръ можно было заключать лишь косвеннымъ путемъ. Нѣсколько астампжей и копій съ надписей поступило отъ лицъ, сочувствующихъ дѣятельности Института. Бывшій консулъ въ Коніи, А. Д. Левитскій, представилъ 35 копій и астампжей, сдѣланныхъ г. Л. Ставру во время поѣздокъ въ странѣ къ югу отъ Коніи (древняя Ликаонія), изъ нихъ 28 являются копіями съ надписей на надгробныхъ рельефахъ. Наиболѣе интереснымъ является постановленіе дима Горгоромеевъ въ честь Г. Юлія Руфа, центуріона и жреца Августовъ. Г. Колларо, вице-консулъ въ Керасундѣ, прислалъ копію съ интересной и неизданной надписи, найденной въ Инеболи и относящейся ко временамъ Митридата Евпатора. Сербскимъ вице-консуломъ въ Старой Сербіи Ив. Ивановичемъ прислано 6 снимковъ латинскихъ надписей; нѣсколько неизданныхъ латинскихъ и греческихъ надписей изъ Болгаріи сообщено дѣятельнымъ сотрудникомъ Института, проф. К. Шкорпиломъ. Библіотекаръ патріархіи въ Іерусалимѣ, о. Клеопа Кикилиди, прислалъ фотографіи съ усыпальницы Хозевитскаго монастыря, стѣны и потолокъ которой покрыты надгробными надписями разныхъ временъ, начиная съ V вѣка. Ближайшія свѣдѣнія о новомъ эпиграфическомъ матеріалѣ, поступившемъ въ распоряженіе Института, будутъ представлены въ Отчетѣ, имѣющемъ появиться въ VIII томѣ «Извѣстій» Института.

И. д. ученаго секретаря Б. А. Панченко составилъ описаніе принадлежащихъ Институту рукописей юридическаго и каноническаго содержанія; при этомъ выяснилось, что Институтъ обладаетъ спискомъ неизданнаго перевода знаменитаго Шестикнижія византійскаго судьи Арменопула, исполненнаго протонотаріемъ Великой Церкви Θ. Зигомалою въ самомъ началѣ XVII в. Трудъ Зигомалы имѣетъ несомнѣнное значеніе для исторіи греко-римскаго права, представляя нѣкоторыя особенности противъ подлиннаго текста Шестикнижія, является также интереснымъ

для исторіи просвѣщенія Грековъ послѣ турецкаго завоеванія и для исторіи новогреческаго языка. Изданіе Институтскаго списка съ привлеченіемъ двухъ другихъ, встрѣченныхъ Цахаріэ во время его поѣздки по Востоку, является весьма желательнымъ. Также заслуживаетъ обстоятельнаго сравненія съ оригиналомъ присоединенный въ той же рукописи новогреческій переводъ Малаго Синописа (Τὸ μικρὸν κατὰ στοιχεῖον), исполненный тѣмъ же Θ. Зигомалою. Далѣе была обнаружена къ сожалѣнію весьма поздняя и плохая копія морскихъ законовъ на новогреческомъ языкѣ, имѣющихъ основаніемъ, повидимому, западный средневѣковый источникъ вродѣ каталонскихъ или старофранцузскихъ записей морскихъ юридическихъ обычаевъ.

Не мало труда вызвало, и не мало еще потребуетъ предстоящее изданіе принадлежащей Институту коллекціи византійскихъ моливдовуловъ. За семь лѣтъ своего существованія Институтъ собралъ болѣе 2000 памятниковъ. О научномъ значеніи этой коллекціи, далеко остающейся за собою коллекцію Оттоманскаго Музея (еще не изданную; ея изученіемъ занятъ одинъ изъ членовъ Института по просьбѣ дирекціи музея), можно судить по тому, что изъ ея состава менѣе одной десятой являются дублетами къ уже изданнымъ моливдовуламъ, а изъ прочаго числа не менѣе половины представляютъ новыя, иногда весьма цѣнныя, данныя для просопографіи Византіи и для терминологіи ея учреждений. Въ 1901 г. приобрѣтено покупкою 507 моливдовуловъ. Приобрѣтенія этого года уступаютъ по численности покупкамъ 1900 года, но отличаются большимъ количествомъ весьма цѣнныхъ памятниковъ. Особенно хороша коллекція, приобрѣтенная черезъ посредство г. Веглери въ Смирнѣ. Между прочимъ въ ней находится печать соборнаго духовенства Св. Софіи: таковыхъ извѣстно 7—8 экземпляровъ, но съ нѣкоторыми отличіями другъ отъ друга; на одной сторонѣ изображенъ императоръ Юстиніанъ и Б. Матерь, держащіе въ рукахъ модель храма, съ другой стороны легенда. Въ одной изъ послѣднихъ покупокъ Института оказался памятникъ безспорной исторической цѣнности, имѣющій для русской исторіи специальный интересъ, хотя и уступающій по своему значенію моливдову славянъ Виенскихъ, упомянутому выше. Это печать *архонта* Херсона или Корсуня, представляющая новыя данныя для исторіи того города, гдѣ крестился Владиміръ, приблизительно того же вѣка, и отличающаяся отъ всѣхъ извѣстныхъ моливдовуловъ изъ Корсуня. Подробный каталогъ коллекціи Института съ фототипическимъ воспроизведеніемъ значительнаго числа самихъ памятниковъ начнется печатаніемъ въ ближайшемъ томѣ «Извѣстій» Института.

Художникъ Н. К. Клуге продолжалъ работы въ Кахріэ-джами. Онъ закончилъ большую акварельную копію мозаики надъ входной дверью изъ внутренняго наѣзика въ каеоликонъ, изображающей Θεодора Метохита на колѣняхъ, подносящаго модель церкви Христу, возсѣдающему на тронѣ. Далѣе была скопирована въ придѣлѣ фреска, представляющая

группу праведниковъ, которыхъ апостолъ Петръ вводитъ въ рай. Были скалькированы всѣ орнаменты второго нариска и часть надписей для составленія полнаго алфавита. Вмѣстѣ съ членомъ Института О. И. Шнитомъ художникъ Н. К. Клуге снялъ детальный планъ мечети. Этотъ послѣдній впервые былъ зачерченъ въ 70-хъ годахъ архитекторомъ Пюльгеромъ, но вовсе не съ археологическими цѣлями: Пюльгеръ искалъ въ памятникахъ Константинополя образцовъ для современнаго искусства, нуждающагося въ забытыхъ историческихъ формахъ и идеяхъ. Онъ опустилъ всѣ тѣ неправильности, которыя не имѣли художественной цѣнности. Для археолога, который ищетъ въ самомъ памятникѣ основанія для его архитектурной исторіи, наоборотъ особенно драгоценны детали и неправильности, какъ отсутствіе симметріи или непараллельность крупныхъ корпусовъ, указывающія на перестройки и на ихъ послѣдовательность. Тщательные промѣры членовъ Института выяснили, что во всемъ зданіи не осталось, можетъ быть, ни одного прямого угла, даже такіа архитектурныя части, какъ сѣверозападный столбъ центральнаго купола, сдѣстились. Составленный планъ далъ основу для исторіи храма; обследованіе окружающихъ мечеть фундаментовъ, слѣдовъ построекъ нѣкогда большаго монастыря, дало любопытные результаты. Постепенно очищая, по возможности, фрески и мозаики отъ слоя краски и грязи, Н. К. Клуге открылъ въ придѣлѣ большую композицію Страшнаго Суда, написанную въ плоскокупольномъ перекрытіи восточной части придѣла, передъ абсидою; композиція переходитъ и на боковыя стѣны. Между тѣмъ какъ архитектура и особенно мозаика были предметомъ изученія выдающихся научныхъ силъ, фрески оставались почти не извѣстными: но, можетъ быть, именно онѣ имѣютъ наибольшую цѣнность для исторіи искусства.

Не мало труда и времени пришлось потратить на приведеніе въ порядокъ коллекцій Института. Въ музеѣ была произведена тщательная провѣрка инвентаря. Затѣмъ, отчасти въ виду недостатка мѣста въ прежнемъ помѣщеніи музея, отчасти ради большей безопасности отъ огня, большая часть коллекцій Музея перенесена въ зданіе посольства, гдѣ г. почетнымъ предсѣдателемъ Института отведены подъ музей двѣ комнаты.

Количество имѣющихся въ Институтѣ фотографій, въ большинствѣ случаевъ снятыхъ институтскими аппаратами, въ настоящее время превысило 1000 снимковъ. Такъ какъ съ самаго начала не имѣлось въ виду составленіе отдѣльной коллекціи фотографій, а большинство ихъ являлось только какъ бы временнымъ подспорьемъ для докладовъ или статей, то и не было бы до сихъ поръ установлено твердыхъ пріемовъ для ихъ храненія. Въ настоящее время коллекція эта приведена въ порядокъ. Кромѣ полной серіи видовъ и памятниковъ Константинополя, Институтъ обладаетъ снимками съ древностей Равенны, отчасти Рима и другихъ городовъ Италіи, и нѣкоторыхъ музеевъ Запада, большимъ собраніемъ снимковъ

съ археологическихъ памятниковъ Малой Азіи, Сиріи и Іерусалима, Болгаріи, части Македоніи, Аеона и большой коллекціей снимковъ съ рукописей.

Между коллекціями музея Института оставались до сихъ поръ неразобранными монеты, количество которыхъ возросло почти до четырехъ тысячъ. Только очень немногія изъ нихъ были опредѣлены. Изъ общаго числа выдѣлены прежде всего византійскія монеты; изъ нихъ опредѣлены всѣ золотыя (26 шт.), большая часть серебряныхъ (47 изъ общаго числа 54) и небольшая часть мѣдныхъ (154).

Приобрѣтено музеемъ въ 1901 году шесть акварелей художника Плотникова, представляющихъ внутренній видъ св. Софіи, видъ абсиды и нѣкоторые детали. Далѣе приобрѣтено 6 древнихъ иконъ (двѣ изъ нихъ части, повидимому, одного и того же иконостаса); деревянный складень оригинальнаго письма, въ среднемъ полѣ котораго изображено снятіе со креста, на лѣвомъ св. Николай, попирающій Арія, на правой створкѣ св. Харлампій; два медальона съ изображеніемъ св. Павла на одномъ изъ нихъ, Распятія и Б. Матери съ младенцемъ на другомъ.

Пожертвованіемъ поступило отъ троихъ настоятелей келлій на Аеонѣ нѣсколько, частью весьма древнихъ, иконъ. Приобрѣтены двѣ финикійскихъ стеклянныхъ вазочки, 11 камей, скульптурные фрагменты, изъ которыхъ наиболѣе крупный изображаетъ, вѣроятно, богиню Кибелу на колесницѣ запряженной львицами, прекрасный большой лековъ съ изображеніемъ увѣнчанія могилы, чернолаковый сосудъ съ изображеніемъ купающейся Афродиты — оба аттической работы V вѣка до Р. Хр.; 4 прекрасно сохранившихся барельефа изъ Пальмиры и фрагментъ латинской надписи оттуда же; нѣсколько женскихъ украшеній (подарокъ В. К. Караконовскаго), коллекція античныхъ терракотъ изъ окрестностей Коніи (даръ А. Д. Левитскаго), медаль, до сихъ поръ неопредѣленная, съ изображеніемъ 7 портретныхъ головъ въ профиль и 3-хъ другихъ на оборотѣ (даръ Е. И. Нелидовой).

Въ библіотеку Института поступило покупкою и пожертвованіями отъ русскихъ и иностранныхъ учреждений, обществъ и частныхъ лицъ 499 названій въ 922 томахъ. Между ними можно было бы назвать весьма важныя и нужныя для библіотеки приобретенія.

Собраніе рукописей обогатилось въ 1901 г. значительнымъ числомъ частью весьма цѣнныхъ кодексовъ. Всего поступило 19 греческихъ рукописей и отрывковъ и 3 славянскихъ рукописи. Изъ числа греческихъ кодексовъ замѣчательно пергаменное Евангеліе апракосъ малаго формата, прекраснаго минускульнаго письма и безупречной сохранности, вывезенное изъ Малой Азіи. Оно имѣетъ и дату 892 г. Рукописи IX вѣка рѣдки, а датированныя IX в. извѣстны палеографамъ наперечетъ, и кодексъ Института имѣетъ безспорное научное значеніе. Одно пергаменное Евангеліе, вѣроятно, середины X вѣка, было приобретено за значительную сумму, четвероевангеліе, снабженное изящными заставками; еще два еван-

гелія куплены Институтомъ. Изъ числа рукописей съ твореніями св. Отцевъ, прибрѣтенныхъ въ 1901 г., упомянемъ великолѣпный пергаменный кодексъ въ большой листъ, къ сожалѣнію, безъ начала и конца, содержащій Іоанна Златоуста бесѣды на Евангеліе Матѳея — одно изъ лучшихъ произведеній церковной литературы. Покойный членъ Института В. Н. Сахаровъ занялся этой рукописью и выяснилъ, что ея текстъ представляетъ разночтенія, далеко уклоняющіяся отъ общепринятаго текста Бесѣдъ, но сходныя съ вариантами одного древняго списка, доселѣ оставшагося одинокимъ. Изъ числа рукописей съ нотными знаками, поступившихъ въ собраніе Института, упомянемъ 16 пергаменныхъ листовъ высокой древности, восходящей, можетъ быть, къ IX и даже къ VIII вѣку. Изъ числа славянскихъ рукописей первое мѣсто занимаетъ великолѣпное Евангеліе сербской редакціи XIII вѣка; затѣмъ изъ Аѳона была вывезена славянская Миней въ большой листъ XIII или XIV в. Для славянскихъ рукописей составлено бывшимъ членомъ Института г. Баласчевымъ довольно подробное описаніе съ указаніемъ фонетическихъ и палеографическихъ особенностей.

Кромѣ рукописныхъ кодексовъ Институтъ прибрѣлъ въ Константинополѣ пять подлинныхъ грамотъ Румынскихъ господарей на румынскомъ языкѣ и двѣ патріаршія — на греческомъ. Онѣ относятся къ XVIII в. и касаются владѣній румынскихъ монастырей. Кромѣ того, Институтомъ сняты копии съ трехъ грамотъ — одной славянской и двухъ греческихъ — того же содержанія. Далѣе прочтена и скопирована аѳонская омологія о правахъ одного русскаго скита. Всѣ эти документы заслуживаютъ изданія. Наконецъ, Институту удалось получить снимокъ съ извѣстной грамоты Омара въ пользу Іерусалимской патріархіи и всѣхъ православныхъ христіанъ, сохраняющей до сихъ поръ политическое значеніе.

Б. Н.

Императорская Академія Наукъ въ С.-Петербургѣ.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности.

По примѣру прежнихъ лѣтъ издавались «Сборникъ» и «Извѣстія» Отдѣленія. Зѣсь мы отмѣтимъ лишь слѣдующую, интересную для нашей цѣли, статью, помѣщенную въ «Сборникѣ»: П. А. Сырку — «Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній болгаръ и сербовъ въ XIV—XVIII вв.» Для помѣщенія же въ «Сборникѣ» или въ видѣ отдѣльнаго изданія Отдѣленіе въ 1901 г. приступило къ печатанію такихъ статей, какъ напр.: «Матеріалы для южной славянской эпиграфіи», т. II, И. А. Бодуэна-де-Куртенз; «Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ», т. III, П. А. Ровинскаго. Укажемъ затѣмъ на очень важное изданіе Отдѣленія, касающееся библиографическихъ трудовъ по славяновѣдѣнію, — это систематическій указатель (помѣщенный въ приложеніи къ «Извѣстіямъ») ста-

тей, посвященныхъ исторіи, литературѣ и языкамъ славянскихъ народовъ (кроме русскаго) и вышедшихъ въ свѣтъ какъ въ русскихъ, такъ и въ славянскихъ и другихъ западно-европейскихъ журналахъ за 1900 годъ. Въ редактированіи этого труда приняли участіе: А. А. Шахматовъ, И. А. Бодуэнъ-де-Куртене, П. А. Лавровъ, А. А. Липовскій, Э. Э. Ламбекъ, А. Л. Петровъ и С. Л. Пташицкій. Отдѣленіе предприняло кроме того составленіе указателя и за 1901 годъ, но уже по болѣе расширенной программѣ. Здѣсь будутъ помѣщены не однѣ лишь журнальныя статьи, но и вообще какія бы то ни было сочиненія, касающіяся области исторіи, литературы и языковъ, какъ другихъ славянскихъ народовъ, такъ равно и русскаго.

Отдѣленіе, имѣя въ виду серіозное научное значеніе памятниковъ древне-русскаго искусства, озаботилось въ истекшемъ 1901 году приобрѣтеніемъ фотографическихъ снимковъ съ миниатюръ русской работы въ извѣстной латинской псалтыри X—XI в., въ такъ называемомъ Codex Gertrudianus, съ изображеніемъ Ярополка Изяславича, его матери и жены (см. ниже стр. 308). Оно же оказало полное свое содѣйствіе И. Д. Драганову по составленію имъ библиографическаго указателя литературы о славянскихъ первоучителяхъ, Кириллѣ и Меѳодіѣ. Не лишне будетъ упомянуть о томъ дарѣ Академіи Наукъ, который поднесъ ей молодой ученый А. М. Яцимирскій. Даръ этотъ состоитъ изъ 78 рукописей и 2 старопечатныхъ книгъ и представляетъ большую научную важность, благодаря тому обстоятельству, что здѣсь встрѣчаются очень рѣдкіе и весьма интересные тексты южно-славянскаго и молдавскаго происхожденія.

Что же касается ученой дѣятельности членовъ Отдѣленія за 1901 годъ, то она выразилась въ слѣдующемъ (по скольку это касается нашей цѣли).

Академикъ А. Н. Веселовскій напечаталъ въ Извѣстіяхъ Отдѣленія (кн. II) ст. «Легенда объ Евстратіи-Юліанѣ и сродныя съ ней».

Академикъ И. В. Ягичъ былъ занятъ приготовленіемъ къ печати на средства Вѣнской Академіи Наукъ двухъ церковно-славянскихъ текстовъ Толковой Псалтыри, вмѣстѣ съ еще неизданнымъ греческимъ подлинникомъ толкованія. Послѣдній пришлось ему списать самому изъ одной вѣнской рукописи XII—XIII вѣковъ; это объясняется тѣмъ фактомъ, что письмо въ ней совсѣмъ выпвѣло и только при помощи, правда, буквального славянскаго перевода можно было хотя отчасти возстановить текстъ греческаго подлинника. Для восполненія пробѣловъ той же вѣнской рукописи И. В. Ягичу пришлось обратиться къ розысканію другихъ греческихъ рукописей однороднаго съ ней содержанія, такъ какъ до сего времени была извѣстна всего лишь одна редакція этого текста, именно, изъ Милана, въ Ambrosiana. Благодаря ученому содѣйствію проф. Эргарда (Вѣна), Крумбахера (Мюнхенъ) и Фаульгабера (Вюрцбургъ) ему стало извѣстно о существованіи подходящихъ рукописей въ Римѣ, Венеціи, Парижѣ и Оксфордѣ, которыя были необходимы для точнаго опре-

дѣленія греческаго текста, послужившаго прототипомъ славянскому толкованію. Подъ руководствомъ того же ученаго, и въ истекшемъ 1901 г. продолжались изслѣдованія и изученіе языковъ народностей Балканскаго полуострова. При этомъ М. П. Решетаръ совершилъ путешествіе по Хорватіи и Славоніи для самаго точнаго опредѣленія границъ между нарѣчіями кайкавскимъ и истокавскимъ, и между кайкавскимъ и чакавскимъ; проф. Кречмеръ совершилъ поѣздку на островъ Митилину (Лесбось) для изслѣдованій по греческой діалектологіи; проф. Олафъ Брокъ (Христіанія) началъ печатать свое изслѣдованіе о сербскихъ говорахъ въ треугольникѣ Нишъ—Пиротъ—Враня.

Академикъ Н. П. Кондаковъ издалъ изслѣдованіе «Современное положеніе русской народной иконописи», для каковой цѣли объѣхалъ села Владимірской губерніи и посѣтилъ города: Москву, Кіевъ, Нижній Новгородъ, Ярославль и Ростовъ; далѣе, напечаталъ рѣчь: «Погодинъ, какъ археологъ» и окончилъ печатаніемъ свой трудъ: «Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ» (съ 49 фототипіями и 103 рисунками въ текстѣ).

Академикъ А. И. Соболевскій издалъ на средства Археологическаго Института въ С.-Петербургѣ: 1) первую половину «Славяно-русской палеографіи» и 2) палеографическіе снимки съ русскихъ рукописей XII—XIII вѣковъ. Кромѣ того имъ же напечатаны въ Извѣстіяхъ Отд., кн. I—II: «Чудо Святаго Климента, папы Римскаго», древне-русское «слово» и «Шестодневъ Кирилла Философа, памятникъ древней церковно-славянской литературы» (Отч. Отдѣл. русск. языка и словесн. за 1901 г.).

Историко-филологическое отдѣленіе.

Академикъ В. В. Латышевъ закончилъ въ отчетномъ году свой четырехлѣтній трудъ по редактированію собранія сочиненій проф. К. К. Герца. Въ минувшемъ году вышли въ свѣтъ 3 послѣднихъ выпуска (VII—IX) этого собранія, содержащіе въ себѣ археологическую и художественную хронику и статьи критико-библіографическія. Имъ же были продолжены занятія по изданію сочиненій преосвященнаго Порфирія (Успенскаго) и выпущенъ въ свѣтъ IV томъ собранія древнихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря (*Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*). Укажемъ еще на нѣсколько журнальных статей того же ученаго по эпиграфикѣ и археологіи Херсонеса Таврическаго.

Академики П. В. Никитинъ, В. В. Латышевъ и А. А. Шахматовъ составляли комиссію по изданію трудовъ епископа Порфирія (Успенскаго). Въ отчетномъ году напечатаны VI и VII т. т. «Книги бытія моего», подъ редакціей П. А. Сырку и наблюденіемъ В. В. Латышева; затѣмъ печатались: 1) VIII т. того же сочиненія, подъ редакціей и наблюденіемъ тѣхъ же лицъ, и 2) описаніе аѳонскихъ рукописей подъ ре-

дакціей А. И. Пападопуло-Керамевса и наблюденіемъ П. В. Никитина; 3) приступлено было къ печатанію составленнаго академикомъ Н. П. Кондаковымъ объяснительнаго текста къ «Снимкамъ съ древнихъ иконъ, собранныхъ епископомъ Порфиріемъ». Подъ наблюденіемъ комиссіи, въ составъ которой входили академики: П. В. Никитинъ, В. В. Латышевъ, баронъ В. Р. Розенъ и В. К. Еришtedтъ, продолжалось печатаніе приготовленной къ изданію членомъ-корреспондентомъ, В. Э. Регелемъ, части трудовъ покойнаго академика В. Г. Васильевскаго.

Изъ числа работъ постороннихъ ученыхъ напечатаны: въ «Запискахъ Академіи» трудъ Эдуарда Курца: «Des Klerikers Gregorios Bericht über Leben, Wunderthaten und Translation der hl. Theodora von Thessalonich nebst der Metaphrase des Joannes Staurakios» и въ «Извѣстіяхъ Академіи» статья О. Э. фонъ-Лемма по коптской филологіи: «Kleine Koptische Studien», XXI—XXV. Отдѣльною книгою напечатанъ Академіею же трудъ того же ученаго хранителя Азіатскаго Музея, О. Э. фонъ-Лемма, подъ заглавіемъ: «Триадонъ» — единственное крупное стихотворное произведеніе коптской литературы религіозно-дидактическаго содержанія, сохранившееся въ рукописи собранія Borgia, за № 312, въ Национальной Библіотекѣ въ Неаполѣ и содержащее въ себѣ въ настоящемъ видѣ 428 четверостишій въ римахъ, въ буквальный переводъ на арабскій языкъ. Здѣсь же отмѣтимъ мы занятія и труды нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, которымъ Императорская Академія Наукъ въ С.-Петербургѣ оказала въ истекшемъ 1901 году либо самую серіозную нравственную поддержку, либо денежное вспомошествованіе, благодаря чему и возможны были такія командировки, какъ поѣздка г. С. Северьянова, Бодуэнъ-де-Куртенэ и рядъ другихъ не менѣе цѣнныхъ научныхъ поѣздокъ за границу. Приватъ-доцентъ Новороссійскаго Университета, С. Кульбакинъ, издалъ 3-й вып. «Матеріаловъ для характеристики среднеболгарскаго языка» — Охридскій апостолъ XII в. (см. Извѣстія Отд. рус. языка и слов. Акад. Наукъ, т. VI, кн. 1, стр. 166—234); приготовилъ къ печатанію тамъ же статью «О лексикѣ Хиландарскихъ отрывковъ XI в.». А. Л. Петровъ помѣстилъ въ «Извѣстіяхъ» же (т. V, 4 за 1900 г.) «Перечень относящихся къ славяновѣдѣнію университетскихъ диссертаций, гимназическихъ программъ и т. п., вышедшихъ въ Австро-Венгріи и Германіи съ 1889 по 1899 годъ», и онъ же редактировалъ указатель «Славяновѣдѣніе въ повременныхъ изданіяхъ за 1900 г.» (Извѣстія, томъ VI, 2). А. Погодинъ издалъ «Эпиграфическіе слѣды славянства» (Русск. Фил. Вѣст., 1901 г., № 3 и 4), приготовилъ къ печати «Еврейскія имена на болгарскихъ надписяхъ», напечаталъ и защитилъ диссертацию на тему: «Изъ истории славянскихъ передвиженій». В. Щепкинъ занятъ былъ детальнымъ палеографическимъ изученіемъ Ассеманова Евангелія (въ Римѣ), причемъ сняты были около 100 фотографій (въ размѣрѣ 13×18, вмѣсто 18×24 натуральной величины) съ этого древняго памятника глаголическаго письма. Кромѣ того, онъ же изучалъ

источники русской литературы и иконописи, для чего составилъ: 1) карточный перечень главнѣйшихъ греческихъ рукописей съ миниатюрами, хранящихся въ Италіи; 2) другой карточный перечень старопечатныхъ изданій съ гравюрами XV и первой половины XVI вѣка, которыя могли повліять такъ или иначе на русскихъ мастеровъ; 3) просмотрѣлъ и отчасти скалькировалъ рисунки въ старопечатныхъ изданіяхъ библіотекъ Ватиканской и Центральной, и 4) былъ занятъ изслѣдованіемъ и тщательнымъ изученіемъ греческихъ миниатюръ Ватиканской библіотеки, а затѣмъ и итальянскихъ въ Венеціи и нѣмецкихъ въ Вѣнѣ. Изъ работъ 1901 года А. Яцимирскаго отмѣтимъ слѣдующія: 1) «Мелкіе тексты и замѣтки по старинной славян. и русской литературѣ» XXI—XXX. Изв. Отд. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ, т. V, кн. 4; 2) «Синодикъ Пого niatскаго монастыря въ Македоніи» (ibid., стр. 126—131); 3) «Иллюстраціи XVII в. къ апокрифическому сказанію о древнѣ крестномъ». Къ снимку съ румынской иконы конца XVII в. даны археологическія и литературныя объясненія, приводятся румынскія параллели къ славяно-византійской легендѣ и неизвѣстному до сего времени сказанію о троекратномъ грѣхопаденіи Лота, записанному въ Молдавіи (ibid., 144—148); 4) «Новые труды по славянской и русской палеографіи». Рефератъ, читанный въ Засѣд. Слав. Ком. Моск. Арх. Общ. 12 марта 1901 г.; 5) «Славянскія рукописи румынскихъ книгохранилищъ». Сборн. II Отд. Акад. Наукъ. П. А. Сырку издалъ свое изслѣдованіе «Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній болгаръ и сербовъ съ XVI по XVII в. Житіе св. Николая Новаго Софійскаго». Имъ же печатается и вскорѣ выйдетъ въ свѣтъ текстъ «Исторіи о болгарскомъ народѣ словенскомъ іеросхимонаха Спиридона». Сдѣлано дополненіе къ предисловію къ изданной имъ же службѣ Преподобной царидѣ Теофанѣ, составленной патріархомъ Евеніемъ Терновскимъ, въ видѣ приложенія, подъ заглавіемъ «Вмѣсто послѣсловія». Онъ же приготовилъ къ печатанію студію «О грамотѣ болгарскаго царя Іоанна Асѣня I» въ Изв. Отд. русск. яз. и словесн. и тамъ же помѣстилъ рядъ замѣтокъ о «Синодикѣ царя Бориса» и нѣсколько рецензій на труды различныхъ ученыхъ. Н. Ястребовъ занимался отчасти чтеніемъ и списываніемъ текста неизданной еще «Епистола» Ев. Зигавина о богомилахъ по 3 кодексамъ Вѣнской Придвор. Библіотеки — № 213, 247 и 248 по каталогу Ламбеція, ихъ коихъ самый полный — № 213. Изданіе этого текста задерживается отсутствіемъ подъ руками у Н. Ястребова—Туринскаго списка (№ 900) этой 'Епистола. П. Драгановъ занятъ былъ слѣдующимъ трудомъ: «Хронологическое обзорѣніе источниковъ и пособій и вообще всей литературы о первоучителяхъ славянскаго народа, святыхъ и равноапостольныхъ Кириллѣ и Меоодіи за первую тысячу лѣтъ» (съ половины IX в. по XIX вѣкъ включительно). Что же касается трудовъ молодого ученаго слависта Г. Ильинскаго, то отмѣтимъ изъ нихъ слѣдующій: «Грамота царя Іоанна Асѣня II» (Изв. Русск. Арх. Иист. въ Констант., 1901 годъ, т. VII, вып. I). В. С.

Императорскій С.-Петербургскій Университетъ.

Научная дѣятельность профессоръ и приватъ-доцентовъ заключалась въ слѣдующемъ:

Историко-филологическій факультетъ.

Проф. П. А. Лавровъ напечаталъ въ Извѣстіяхъ Отд. русск. языка и словесн.: 1) рецензію на сочиненіе академика В. И. Ягича: «Zur Entstehungsgeschichte der Kirscheaslavischen Sprache»; 2) «Охридскій списокъ первоевангелія Іакова»; 3) Похвала Ильѣ пророку—новое слово Климента Словѣнскаго, въ Журн. Мин. Народн. Просв. авг.; 4) рецензію на книгу А. Л. Погодина: «Изъ исторіи славянскихъ передвиженій»; 5) Забѣтки объ описаніяхъ юго-славянскихъ библиотекъ; 6) Сокровище Дамаскина Студита въ новомъ русскомъ переводѣ, въ Лѣтоп. Истор.-Фил. Общества при Новороссійскомъ Университетѣ; 7) Труды В. Г. Васильевскаго по исторіи Славянъ (Научно-литератур. Сборн. Гал.-Русск. Матицы).

Проф. Б. М. Меліоранскій напечаталъ и защитилъ диссертацию на степень магистра богословія, подъ заглавіемъ: «Георгій кипрянинъ и Іоаннъ іерусалимлянинъ». Напечаталъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» статью «Къ исторіи иконоборства» (рѣчь передъ защитой вышеназванной диссертаци); въ «Commentationes Nikitianaе» статью «Бесѣда на обрѣтеніе камуліанскаго образа», въ Журн. Мин. Народн. Пр. — некрологъ проф. И. Е. Троицкаго. Въ Философскомъ Обществѣ при С.-Петербургскомъ Университетѣ сдѣлалъ докладъ подъ заглавіемъ: «Философская сторона иконоборчества (имѣетъ появиться въ Журн. «Вопросы философіи и психологіи»). Въ Журн. «Визант. Врем.» (т. VIII, в. 1 — 2, стр. 1 — 37) статью «Изъ семейной исторіи аморійской династіи» и тамъ же нѣсколько библиографическихъ отчетовъ.

Приватъ-доцентъ А. И. Пападопуло-Керамевсъ напечаталъ: 1) Монастырь св. Іоанна Предтечи на островѣ у Созополя и судьба его библиотеки (Виз. Вр., т. VII, стр. 661—695); 2) Новые отрывки изъ церковной исторіи Θεодора Чтеца (Ж. М. Н. Пр. 1901 г., январь, Отд. класс. стр. 1—24); 3) Народныя византійскія пословицы (Ж. М. Н. Пр. 1901 г., апрѣль, класс. отд., стр. 1—12); 4) Сборникъ греческихъ и латинскихъ памятниковъ, касающихся патріарха Фотія. — Θεοφάνη монаха-пресвитера «Житіе преподобнаго Іосифа пѣснописца» (Зап. ист.-фил. факульт. Имп. СПб. Унив., часть I, в. 2. СПб. 1901 г.); 5) Проскинитарій по Іерусалиму и прочимъ Святымъ мѣстамъ Безымяннаго между 1608—1624 г., изданный въ первый разъ съ предисловіемъ Прав. Палест. Сборн. СПб. 1901 г., в. 53-й); 6) Новогреческая библиографія 1899—1900 г. (Виз. Вр. т. VIII, вып. 1 — 2, стр. 268 — 301); 7) Θεόδωρος Ιρηνικός, вселенскій патріархъ 1214 — 1216 г. (Byz. Zeitschr., X, стр.

182 — 192); 8) Новыя стихиры Кассіи монахини (ibid., стр. 60 — 61); 9) Монастырь св. Анисіи (ibid., стр. 193 — 199); 10) Критика на книгу: K. Holl. Die Sacra Parallela des Johannes Damascenus. Leipzig. 1897 (ibid. стр. 287 — 294); 11) Еще о Теофанѣ Сипилійскомъ (Νέα Ἠμέρα, 1901, № 1406 и 1407); 12) Еще о 2-ой пѣснѣ служебныхъ каноновъ (Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, XXI, 1901, стр. 425—427 и 468—470).

Приватъ-доцентъ Б. А. Тураевъ сдѣлалъ доклады въ Восточномъ отдѣленіи Императорскаго Русскаго Археолог. Общества: а) Изъ исторіи абиссинскаго монашества XIV вѣка; б) Новооткрытые документальные источники исторіи Эіюпіи X—XIV в. Напечаталъ: 1) «Богатство царей», трактатъ о династическомъ переворотѣ въ Абиссиніи въ VIII в. (Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. в. XIII); 2) Ночное богослуженіе Эіюпской церкви по рукописи Кіевскаго Музея церковной археологіи (Труды Кіевск. Духов. Академіи 1901 г.).

Факультетъ восточныхъ языковъ.

Проф. П. К. Коковцевъ 1) занимался редактированіемъ печатающагося нынѣ съ большими дополненіями русскаго перевода книги Райта (Wright) «A short history of Syriae literature»; 2) сдѣлалъ сообщеніе въ одномъ изъ научныхъ собесѣдованій Императорскаго Палестинскаго Общества «О раскопкахъ Блисса въ южной Палестинѣ въ 1898 — 1900 г.».

Проф. Н. Я. Марръ 1) напечаталъ и защитилъ сочиненіе «Ипполитъ. Толкованіе Пѣсни Пѣсней. Грузинскій текстъ по рукописи X вѣка», за что удостоенъ ученой степени доктора армянской словесности; 2) изслѣдовалъ, издалъ снабдивъ словаремъ: «Древне-грузинскіе одописцы, пѣвцы Давидъ Строитель и Тамара» (Тексты и розыскъ по арм. груз. фил., Кн. IV); 3) имъ же написана рецензія на соч. M. Wardrop, J. O. Wardrop and F. C. Conybeare, Life of St. Nino (Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ., т. XIII, стр. 0120 — 0139).

Проф. Н. А. Мѣдниковъ напечаталъ и защитилъ диссертацию на степень магистра арабской словесности: «Палестина отъ ея завоеванія арабами до крестовыхъ походовъ». Прибавленія (II) томъ 1—3. Продолжалъ печатаніемъ «Введеніе къ тому же сочиненію». Прочелъ затѣмъ рефератъ «О грамотахъ Омара I христіанамъ» въ собесѣдованіяхъ по научнымъ вопросамъ, касающимся Палестины, Сиріи и сопредѣльныхъ съ ними странъ.

Проф. А. А. Цагарелли напечаталъ: 1) «Грамоты и другіе историческіе документы XVIII вѣка, относящіеся до Грузіи», 2-й вып. II тома; 2) «Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности», 1 вып. II-го тома. (Отч. Имп. С.-Петербург. Универ. за 1901 г., стр. 66—76 и 102—103).

В. С.

Засѣданія русскихъ ученыхъ обществъ и учреждений.

Императорское Русское Археологическое Общество въ С.-Петербургѣ.

22 декабря 1901 г. Я. И. Смирновъ—Поздне-античная художественная индустрія (по поводу книги Ригля).

9 января 1902 г. А. В. Щусевъ — Объ алтарныхъ византійскихъ преградахъ. При этомъ референтъ демонстрировалъ рисунки ихъ при помощи волшебнаго фонаря.

19 января. А. А. Спицынъ — Объ аланахъ на Сѣв. Донцѣ.

21 февраля. Н. Я. Марръ: 1) Памяти М. И. Бросса (по поводу 100-лѣтія со дня его рожденія). 2) Арабское извлеченіе изъ сирійской хроники Марабаса (въ связя съ вопросомъ объ источникахъ М. Хоренскаго).

16 марта. Н. П. Некрасовъ — Чтеніе и объясненіе 3 и 4 статей Игорева договора съ греками. Референтъ далъ новое объясненіе нѣкоторымъ темнымъ и туманнымъ пунктамъ «договора Игоря съ греками 945-г.», именно 3 и 4 статей его. Рѣчь здѣсь идетъ о побѣгахъ рабовъ русскихъ на греческой территоріи. Русскіе, жившіе въ особомъ предмѣстьи «св. Мамы», у которыхъ убѣжалъ рабъ, могли дѣлать обыски только у русскихъ же, живущихъ въ Греціи. Русскіе должны клясться, что не укрываютъ раба. Если же рабъ не находится, то греки платили за него опредѣленную цѣну (2 паволоки). Рабъ, убѣжавшій отъ грека, долженъ былъ быть возвращенъ такъ же, какъ и все похищенное имущество; за временное пользованіе рабомъ и вещами, потерпѣвшій (грекъ) получалъ установленную плату—2 золотника. (Нов. Вр. № 9352—18 марта 1902 г.).

27 марта. Ѳ. А. Браунъ — О нѣкоторыхъ варяжскихъ именахъ въ Кіево-Печерскомъ патерикѣ.

4 апрѣля. Н. П. Кондаковъ — О поддѣльности нѣкоторыхъ византійскихъ эмалей въ коллекціи М. П. Боткина.

2 мая. Годовое общее собраніе Археологическаго Общества. Серебряная медаль была назначена Коммиссіей Б. В. Фармаковскому за его изслѣдованіе: «Византійскій пергаменный рукописный списокъ съ миниатюрами, принадлежащій Археологическому Институту въ Константинополѣ».

Императорское Общество Любителей Древней Письменности и Искусства.

23 ноября 1901 г. Х. М. Лопаревъ сдѣлалъ сообщеніе о бракѣ княжны Мстиславны (1122 г.), о которой въ лѣтописяхъ нашихъ говорится всего лишь въ четырехъ-пяти словахъ. Дочь Мстислава и Хри-

стіаны, она была помолвлена за византійскаго наслѣдника престола — Алексѣя, первороднаго сына императора Калоіоанна Комнина (1118—1143). Въ Византіи, по обычной традиціи, она получила новое имя—Зоя, была коронована, причемъ ей даруется титулъ севасты, и была обвѣнчана въ 1122 году. Такъ какъ у нея не было дѣтей, кромѣ одной дочери, то императоръ Калоіоаннъ, по мнѣнію референта, и сталъ охладѣвать къ женатому на ней первородному своему сыну—Алексѣю и перенесъ свою любовь на четвертаго изъ своихъ сыновей—Мануила, которому, быть можетъ, и намѣревался передать корону. Смерть Алексѣя въ 1142 году, повергнувъ севасту Зою въ глубокой трауръ, развязала руки императору. Остатокъ жизни Зоя проводитъ не въ монастырѣ, а въ мірѣ, въ обществѣ волхвовъ и чародѣевъ. Референтъ полагаетъ, что эту склонность къ чародѣйству Зоя могла вывести изъ Кіева и что своимъ примѣромъ оживила въ Византіи интересъ къ разнаго рода волхвованіямъ.

Слѣдующее сообщеніе было прочитано академикомъ Н. П. Кондаковымъ на тему: «Изображенія князя Ярополка Изяславича въ Трирской псалтыри».

Codex Gertrudianus, какъ назвалъ его въ 1857 г. Рудольфъ Eitelberger von Edelberg, или «Liber precum Gertrudis», подъ какимъ именемъ онъ отмѣченъ еще въ 1854 г. Людвигомъ Bethmann'омъ, извѣстенъ въ Западной Литературѣ съ 1740 г., когда Rubeis въ своихъ «Monumenta ecclesiae Aquilejensis» (Argentinae, 1740) обнародовалъ замѣтку епископа Адриана Филиппа della Torre (1702—1717), чивидальскаго уроженца, сдѣланную имъ собственноручно на л. 9^а кодекса Гертруды. Съ начала 1901 года вниманіе русскихъ ученыхъ было возбуждено упорными слухами объ открытіи миниатюръ византійскаго стиля съ современными изображениями князя Ярополка Изяславича, жены его и матери. Рукопись эта, хранящаяся въ Cividale, представляетъ позднѣмецкое, исполненное въ Трирѣ между 977 и 983 гг., подражаніе великолѣпнымъ Карловингскимъ кодексамъ, писаннымъ золотомъ, съ большими инициалами изъ причудливыхъ плетеній. Какъ выдающаяся рѣдкость по своему научному и археологическому матеріалу, она стала предметомъ самаго тщательнаго изученія и въ истекшемъ 1901 г. была издана двумя нѣмецкими учеными, Газеловымъ и Зауеромъ. При первыхъ слухахъ объ открытыхъ въ рукописи пяти миниатюрахъ особой важности для русской археологіи, 2-е Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ тогда же рѣшило командировать на мѣсто въ Cividale, С. Н. Северьянова какъ для изученія рукописи, такъ и съ порученіемъ воспроизвести самые точные фотографическіе снимки, съ наложеніемъ красокъ, со всѣхъ важнѣйшихъ листовъ. При помощи пріобрѣтеннаго на средства Академіи наилучшаго фотографическаго аппарата, С. Н. Северьяновъ произвелъ ортохроматическую съемку съ желтымъ стекломъ всѣхъ византійскихъ миниатюръ кодекса, образцовъ письма, а равно и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ миниатюръ для образца.

Кодексъ, по мнѣнію этого ученаго, представляетъ собой соединеніе двухъ фрагментовъ въ одно цѣлое, причѣмъ спаемъ этому соединенію служили пять византійскихъ миниатюръ и молитвы отъ лица нѣкоей Гертруды. Главный фрагментъ и есть латинская псалтырь, раздѣленная нѣмецкими миниатюрами на 15 декадъ, вмѣстѣ съ особой тетрадкой дедикаціонныхъ нѣмецкихъ же миниатюръ и съ универсальной лitanіей, заключающей псалтырь. Писанъ этотъ фрагментъ въ послѣдней четверти X в. въ Трирѣ нѣкимъ Рупрехтомъ, повидимому, діаконаго званія, по личной инициативѣ трирскаго архіепископа Эгберта или Эгберта (977—993) (см. *Trierer Geschichtsquellen* . . . . Sauerland. Trier. 1889). Дедикаціонныя миниатюры псалтыри даютъ основаніе предполагать, что псалтырь эта была вкладомъ въ какой-то храмъ во имя апостола Петра. Относительно же Рупрехта надо замѣтить, что Страсбургскій проф. Яничекъ прослѣдилъ его въ санѣ архидіакона Трирской епархіи за время 973—981 г. (Н. Janitschek, *Geschichte der deutschen Malerei*, Berlin 1890, стр. 65). Второй же фрагментъ есть календарь на всѣ 12 мѣсяцевъ съ различными подробностями, изъ которыхъ сохранились лишь двѣ гадательныя статьи: 1) статья «о лунныхъ дняхъ» безъ начала и 2) такъ называемый въ русской литературѣ «колядникъ», или каледарникъ. Однако нельзя видѣть въ этомъ кодексѣ соединеніе 3-хъ фрагментовъ, т. е. календаря, византійскихъ миниатюръ и псалтыри: византійскія миниатюры явно носятъ характеръ спая, потому что пятая изъ нихъ, «Богоматерь на тронѣ», по мнѣнію С. Н. Северьянова, несомнѣнно одной кисти съ 4-мя прочими, попала на пергаментъ Трирской псалтыри, оставшійся съ одной стороны чистымъ (л. 40^a), а съ другой занятый трирской миниатюрой «St. Valerius» (л. 40^b). Подтверждается все это прежде всего самимъ пергаментомъ: его качествомъ, форматомъ, почерками и брошюровкой. Такъ наблюдается здѣсь 3 сорта пергамента: высшій — принадлежитъ псалтыри; онъ очень тонокъ, бѣлъ и, при всей своей массѣ, съ самымъ незначительнымъ количествомъ пергаменныхъ дыръ, очень маленькихъ и заплатанныхъ съ клеемъ, при чемъ структурныхъ пятенъ и вовсе нѣтъ. Мѣра его — 0,235^m × 0,188^m. Второй сортъ также хорошъ, но не такъ бѣлъ и тонокъ, какъ предыдущій, и занятъ календаремъ, писаннымъ, какъ обнаружили изслѣдованія того же ученаго, въ Регенсбургѣ, но для Праги. Третій же, въ значительной степени уступающій даже второму, и послужилъ матеріаломъ для надписанія молитвъ Гертруды и пяти византійскихъ миниатюръ, при этомъ форматъ ихъ былъ больше формата псалтыри, по крайней мѣрѣ, къ такому заключенію приведетъ обрѣзъ на одной изъ нихъ, именно «Рождество Христово». Еще подробнѣе останавливается С. Н. Северьяновъ на исторіи возникновенія кодекса Гертруды и на объясненіи путаницы въ отдѣльных частяхъ его, но мы не будемъ долѣе останавливаться на этомъ (см. Прил. къ отч. Отд. Русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, стр. XLVI—LIII), а перейдемъ къ самимъ миниатюрамъ.

Всѣхъ византійскихъ миниатюръ въ кодексѣ, какъ извѣстно, пять:

первая—представляетъ ап. Петра, къ которому обращаются съ моленіемъ князь Ярополкъ Изяславичъ и жена его Ирина и ногу котораго лобызаетъ мать Ярополка. Надъ фигурою имѣется надпись: *o dñk̃e s̃m̃i rop̃laka*. Надъ изображеніемъ же матери: *m̃r̃ irop̃la*.... Въ письмѣ имени «Яроплкъ» крайне любопытна чисто русская вставка ѣ или помѣщеніе его передъ плавною. Далѣе титуломъ «Дикей», по мнѣнію нашего почтеннаго византолога—академика Н. П. Кондакова, или выраженъ общій почетъ лицу, которому почему либо сочли неудобнымъ придать титулъ, или же возможно допустить желаніе указать на особое отличіе церковнаго характера (греко-византійскаго и даже римскаго). Что же касается титловой формы греческаго названія «матери», то она и необычна, и рѣзко противорѣчитъ обычному греческому письму, будучи скопирована съ иконъ Божьей Матери. Вторая миниатюра представляетъ большую выходящую заставку въ видѣ купольнаго храма поверхъ орнаментальнаго четырехугольника, въ который вписано Рождество Христово. Слѣдующая—Распятіе, написанное также внутри орнаментальнаго оклада, быть можетъ, эмалеваго, съ изображеніемъ Евангелистовъ въ кругахъ по 4-мъ сторонамъ центральной сцены. Въ четвертой миниатюрѣ изображенъ Спаситель вѣнчающимъ Ярополка и Ирину царскими (въ общемъ смыслѣ слова, въ данномъ же случаѣ—великокняжескими) вѣнцами; подводятъ же ихъ ап. Петръ и св. Ирина. Наконецъ, послѣдняя изображаетъ Богоматерь съ Младенцемъ на престолѣ. Что же касается смысла всѣхъ этихъ миниатюръ, то онъ выясняется самъ собой изъ ряда молитвъ на латинскомъ языкѣ, отъ имени нѣкоей Гертруды, которая молится за себя и сына своего Петра. Моленія ея обращены прежде всего къ ап. Петру (самая псалтырь, какъ указано выше, и была подарена въ храмъ этому Святому), затѣмъ архистратигу Михаилу (покровителю православнаго воинства въ Византіи), св. Еленѣ, а также *per crucem Sanctam Domini eiusque genetricis intercessionem* (миниатюры Распятія и Богоматери); въ нихъ проситъ Гертруда о ниспосланіи Божьей помощи въ бѣдахъ и напастяхъ отъ враговъ, князей и ихъ войскъ, за единственнаго любимаго сына своего Петра. Какъ извѣстно въ настоящее время, князь Петръ, сынъ Гертруды, есть ни кто иной, какъ Ярополкъ Изяславичъ князь Владиміръ-Волинскій и Туровскій, изгнанный въ 1084 г. Ростиславичами изъ своихъ владѣній, бѣжавшій затѣмъ въ Польшу, снова вернувшійся на свой княжескій престолъ и погибшій въ 1087 г. въ Звенигородѣ Галицкомъ. Относительно же христіанскаго имени Ярополка—Петръ, то вполне вѣроятной, по мнѣнію того же ученаго, представляется эта догадка, сдѣланная по извѣстію лѣтописи, что онъ построилъ въ Кіевѣ церковь имени апостола Петра, въ которой и погребенъ. Извѣстна затѣмъ и его дипломатическая поѣздка, по порученію отца, къ папскому двору и императору Генриху. Мать же Ярополка и жена Изяслава была родомъ изъ польской королевской семьи, и потому возможно, что она всегда оставалась католической и носила имя Гертруды. Однако является крайне

существеннымъ и пока неразрѣшеннымъ вопросомъ тотъ фактъ, что сынъ ея Петръ — Ярополкъ называется въ молитвахъ «единственнымъ» сыномъ, тогда какъ у Изяслава было ихъ трое; а потому рукопись требуетъ самаго тщательнаго изслѣдованія и изученія.

Не вполне яснымъ представляется и самый подборъ молитвъ, что заставляетъ обратиться къ сличенію съ обычными формами латинскихъ молитвъ того ранняго времени, да и многія детали иллюстрацій не могутъ пока быть выяснены вполне и являются чѣмъ-то гадательнымъ. Такъ, въ моленіи ап. Петру — Ярополкъ изображенъ въ становомъ кафтанѣ патриціанскаго сана, съ оплечьемъ, широкимъ поясомъ и шитою по подолу каймою, въ коронѣ съ верхомъ въ видѣ мягкой шапки изъ золотой парчи: костюмъ — соответствующій сану князя-архонта или патриція. Къ сценѣ же увѣщанія Спасителемъ Ярополка, поверхъ этого кафтана, онъ имѣетъ уже верхнюю мантию, хотя не вполне царскую, безъ нашивного тавлія на груди, и подбитую горностаевымъ мѣхомъ. Повидимому эта мантия скорѣе всего отвѣчаетъ сану кесаря, къ которому византійцы приравнивали королей и великихъ князей сѣвера, отличая ихъ этимъ отъ единственнаго «βασιλεὺς α τῶν Ῥωμαίων». Ярополкъ однако никогда не былъ великимъ княземъ, а папская булла не могла, конечно, придать ему въ дѣйствительности такой титулъ, и потому остается догадка, не выражена ли здѣсь каллиграфомъ лишь завѣтная мечта матери его — Гертруды. Далѣе является не менѣе важный вопросъ о томъ, кто именно исполнилъ эти миниатюры: грекъ, русскій или западно-европейскій каллиграфъ, усвоившій себѣ лишь византійскую технику письма и скопировавшій всѣ эти миниатюры, за исключеніемъ введенныхъ имъ въ обычную среду сценъ новыхъ лицъ, изъ дѣйствительной жизни. Извѣстная сухость, рѣзкость въ тѣняхъ, чернота и сѣрый фонъ красокъ, по мнѣнію нашего академика Н. П. Кондакова, выдаетъ подражателя, близко скопировавшаго византійскіе образцы. Здѣсь нельзя встрѣтить варварской, но все же широкой манеры иллюстрацій на подобіе Святославова Сборника и Остромирова Евангелія, и хотя изображены лица древне-русскаго княжескаго дома, тѣмъ не менѣе рукопись нельзя причислить, по отзыву того-же ученаго, къ памятникамъ древне-русскаго искусства. Однако, эти миниатюры заключаютъ въ себѣ много реальныхъ бытовыхъ сценъ: если рисунокъ Святославова Сборника въ простыхъ чертахъ представляетъ князей въ ихъ домашней обстановкѣ, то здѣсь мы знакомимся такъ сказать съ официальнымъ міромъ Кіевской Руси, и такимъ образомъ интересъ къ этой рукописи отнюдь не уменьшается, а скорѣе возрастаетъ при сравненіи его съ прежнимъ матеріаломъ. (См. Новое Время № 9244, 27 ноября 1901 г., прилож. № 9195 — 19 января 1902 г., статью академика Н. П. Кондакова стр. 7 и 8, тамъ же и рисунки стр. 5—7).

14 декабря. Докладъ А. И. Соболевскаго: «Греки — литературные дѣятели въ Москвѣ XVI—XVII вв.». Прежде всего докладчикъ сообщилъ результаты личныхъ наблюденій надъ переводомъ Максима Грека. Его

первые переводы въ Москвѣ были сдѣланы съ греческаго языка на латинскій, съ котораго Дмитрій Герасимовъ и Власій переводили уже на славянскій языкъ. Повидимому, и нѣкоторыя оригинальныя сочиненія Максима были написаны имъ на латинскомъ языкѣ, а затѣмъ уже переведены на славянскій кѣмъ-либо изъ его сотрудниковъ. Затѣмъ Максимъ сталъ самъ дѣлать переводы на славянскій языкъ, но не слѣдуетъ думать, что онъ научился ему лишь по приѣздѣ въ Москву; Максимъ, несомнѣнно, зналъ славянскій языкъ и раньше, но зналъ церковно-славянскій языкъ болгарскаго извода, и въ его переводахъ встрѣчаются обыкновенныя средне-болгарскія формы (референтъ отмѣтилъ при этомъ, что въ единственномъ, дошедшемъ до насъ, несомнѣнномъ автографѣ Максима Грека наблюдается обычная, средне-болгарская скоропись). Позвоительно даже думать, что Максимъ просматривалъ и поправлялъ переводы Дмитрія Герасимова и Власія, такъ какъ въ этихъ переводахъ изрѣдка встрѣчаются типичныя для Максима средне-болгарскія формы. Слава Максима Грека, какъ православнаго, какъ ученаго, какъ литературнаго дѣятеля — несмотря на соборное осужденіе Максима, какъ еретика — была такъ велика, что московское правительство, заботившееся о переводахъ съ греческаго, должно было мечтать о другомъ Максимѣ, но греки XVII в., явившіеся въ Москву, были совсѣмъ не похожи на Максима. Это были, въ большинствѣ случаевъ, лица сомнительной репутаціи и далеко не тѣхъ знаній, какія нужны были московскому правительству. Оно чувствовало потребность въ новыхъ, или исправленныхъ по оригиналамъ переводахъ твореній Св. Отцовъ, а приѣзжіе греки такъ мало знали греческій литературный языкъ, языкъ святоотеческихъ твореній, что сторонились отъ него и переводили лишь тѣ книжки, которыя въ XVI—XVII вѣкахъ издавались въ Венеціи на простомъ греческомъ языкѣ и представляли собою переводы съ греческаго литературнаго языка на простонародный или пересказы и компіляціи на простонародномъ-же греческомъ языкѣ. Характеризуя дѣятельность переводчиковъ-грековъ, референтъ остановился на рядѣ переводныхъ произведеній XVII в. (Пр. Вѣстн. № 275 — 18 дек. 1901 г.).

25 января 1902 г. Сообщение Д. И. Абрамовича: «О славянскихъ печатныхъ изданіяхъ Кіево-Печерскаго Патерика». Референтъ остановился на первомъ печатномъ славянскомъ изданіи (кіевскомъ 1661 года), которое представляетъ собой позднѣйшую историко-литературную компіляцію, составленную лишь на основаніи Печерскаго Патерика въ собственномъ смыслѣ (какъ сложился этотъ Патерикъ въ періодъ времени съ XIII по XV в.), — опредѣлилъ отношеніе его и зависимость отъ рукописей редакціи Іосифа Тризны, а затѣмъ остановился на детальномъ разсмотрѣніи вопроса объ исправленіи Патерика передъ изданіемъ (московскимъ) 1759 года. При разрѣшеніи настоящаго вопроса, очень сложнаго и требовавшаго большой тщательности, докладчикъ привелъ всѣ тѣ данныя, которыя имѣются въ архивѣ Св. Синода, Мос-

ковскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ и типографской библиотекѣ.

Затѣмъ П. А. Сырку прочелъ рефератъ о латинскихъ припискахъ въ славянскомъ кодексѣ риемованной лѣтописи Манассіи, хранящейся въ Ватиканѣ. Славянскій переводъ этой лѣтописи, давно извѣстный ученымъ, не имѣетъ, однако, и до сего времени хорошаго изданія; нѣтъ даже научнаго описанія лучшаго изъ его списковъ — ватиканскаго, украшеннаго миниатюрами, столь цѣнными для исторіи культуры южныхъ славянъ. По словамъ докладчика, никто пока не обращалъ вниманія на многочисленныя славянскія и латинскія приписки (греческія же встрѣчаются лишь въ небольшомъ количествѣ) на поляхъ ватиканскаго списка; въ большинствѣ случаевъ онѣ служатъ указателями содержанія лѣтописнаго текста, а иногда даютъ объясненія непонятныхъ не-славянскихъ словъ. Докладчикъ остановился главнымъ образомъ на латинскихъ припискахъ и примѣчаніяхъ. Онѣ не случайнаго характера, а расположены до нѣкоторой степени въ систематическомъ порядкѣ и даютъ ясное понятіе о содержаніи лѣтописи (на 150-мъ листѣ онѣ прекращаются). Самыя приписки сдѣланы на основаніи источниковъ, главнымъ образомъ, историческаго характера и лишь отчасти въ основаніи ихъ лежатъ легендарныя сказанія изъ болгарской исторіи. Это, по мнѣнію П. А. Сырку, уже само по себѣ даетъ право предположить, что латинскія приписки принадлежатъ славянину. Далѣе, остальные наблюденія надъ ихъ правописаніемъ и особенностями языка привели референта къ убѣжденію, что приписки сдѣланы несомнѣнно болгаринѣмъ, знавшимъ латинскій языкъ, и при томъ въ очень близкое къ написанію самаго кодекса время. Наиболѣе вѣроятнымъ, какъ думаетъ референтъ, является то предположеніе, что латинскія приписки сдѣланы для того, чтобы дать понятіе о содержаніи памятника людямъ, незнакомымъ съ славянскимъ языкомъ, тотчасъ послѣ того, какъ кодексъ былъ принесенъ изъ Болгаріи въ Римъ, т. е. въ началѣ XV вѣка. Кромѣ того, возможно допустить, что болгаринъ-латинистъ, сдѣлавшій приписки на этомъ языкѣ, внесъ въ кодексъ и западное троянское сказаніе и, быть можетъ, принималъ участіе въ иллюстрированіи рукописей (Нов. Вр., 28 янв. 1902 г.).

15 февраля. П. А. Лавровымъ былъ прочитанъ слѣдующій докладъ: «О сербскомъ спискѣ Симеонова Изборника библиотеки Хиландарскаго монастыря». Въ библиотекѣ названнаго монастыря сохранился, за № 24, замѣчательный сборникъ XIII—XIV в., въ которомъ, начиная съ Анастасіевыхъ отвѣтовъ, за немногими пропусками, имѣются всѣ статьи знаменитаго Изборника Святославова 1073 года. Въ виду древности списка и юго-славянскаго его происхожденія, хиландарскій сборникъ получаетъ особенную важность для критическаго изданія Изборника 1073 года: въ немъ мѣстами лучше сохранились первоначальныя чтенія памятника, а, съ другой стороны, въ немъ имѣются немаловажныя варианты. Но и помимо Изборника, хиландарская рукопись заключаетъ

важный матеріалъ. Начиная съ листа 1-го и до 92-го въ рукописи находится особаго состава выборъ статей изъ произведеній различныхъ отцовъ церкви и языческихъ писателей и, кромѣ того, апокрифическія статьи, теперь уже изданныя. Въ концѣ рукописи, за спискомъ Изборника, слѣдуютъ слова Іоанна Златоустаго въ томъ именно переводѣ, какой мы находимъ въ извѣстномъ подъ именемъ «Златоструя» сборникѣ, переводъ котораго приписывается болгарскому князю Симеону. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, предполагается существованіе въ эпоху Симеона энциклопедіи литературныхъ памятниковъ. Вполнѣ естественно, что въ нее могъ входить и Златоструй, въ переводѣ котораго принималъ участіе Симеонъ (Пр. Вѣстн., 41—19 фев. 1902 г.).

Неофилологическое Общество при С.-Петербургскомъ Университетѣ.

21 февраля 1901 г. П. А. Лавровъ. Вопросъ о началѣ славянской письменности и родинѣ старославянскаго языка, согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ И. В. Ягича.

Историко-Филологическое Общество при Новороссійскомъ Университетѣ.

3 октября 1901 г. А. А. Павловскій прочелъ докладъ: «Библейскій городъ Мадеба въ средніе вѣка». Мадеба, или Медеба, или Медаванъ въ Библии—маавитскій городъ, въ двухъ часахъ ѣзды отъ Хесбара на югъ, по древней римской дорогѣ, въ Заіорданьи. Докладчикомъ предварительно было указано на различныя чтенія этого города въ Библии, у древнихъ писателей и въ настоящее время, а затѣмъ онъ ознакомилъ присутствующихъ какъ съ исторіей города, такъ и съ сохранившимися на мѣстѣ его памятниками римскаго и средневѣковаго періодовъ.

Первое упоминаніе о городѣ Мадебѣ относится ко времени поселенія евреевъ въ землѣ обѣтованной, и въ послѣдній разъ о немъ сообщается въ актахъ Халкидонскаго собора, когда Мадеба являлась одной изъ четырехъ епископій епархіи Аравіи подъ главенствомъ митрополіи Босры и Антиохійскаго патріархата. Послѣ V-го вѣка имя этого города вовсе не упоминается въ какихъ-либо памятникахъ и только во второй половинѣ XIX вѣка путешественники, побывавшіе за Іорданомъ, снова начинаютъ говорить о Мадебѣ. Имъ удалось еще видѣть остатки городскихъ стѣнъ, воротъ, башенъ и нѣкоторыхъ древнихъ зданій, значительная часть которыхъ исчезла къ тому времени, когда въ 1880 году на пустынномъ мѣстѣ этого покинутого и разореннаго города обосновалось небольшое поселеніе христіанъ арабовъ, выходцевъ изъ Корака. Однако надо сознаться, что, если поселенцы эти и разобрали остатки сохранившихся сооружений на свои постройки, то, съ другой стороны, рачищая мѣсто для новыхъ построекъ, тѣмъ самымъ обнаружили цѣлый рядъ фундаментовъ и нижнихъ частей древнихъ, ранѣе не замѣченныхъ

никѣмъ зданій, а нѣкоторыя изъ нихъ приспособили для своихъ жилищъ. Благодаря этимъ случайнымъ раскопкамъ былъ обнаруженъ цѣлый рядъ мозаичныхъ половъ, изъ которыхъ нѣкоторые, прекрасно сохранившіеся, часто служатъ поломъ не только жилыхъ помѣщеній и сараевъ, но даже и скотныхъ дворовъ, хлѣбовъ. Особенное вниманіе всѣхъ ученыхъ привлекла къ себѣ мозаика пола въ новой православной церкви, построенной на фундаментѣ древней базилики. Мозаика эта, очевидно, не обратила на себя ни малѣйшаго вниманія со стороны строителей этой церкви, несомнѣнно, людей крайне невѣжественныхъ; мало того, они даже въ значительной степени попортили эту въ высшей степени рѣдкостную вещь, которая представляетъ собой большую, около 25 кв. саж. въ цѣломъ, карту Палестины, Сиріи и Египта, и исполнена въ VI вѣкѣ по Р. Х. Настоящая географическая карта есть одна изъ древнѣйшихъ и въ то же время единственная греческая карта. Къ счастью для ученыхъ, отъ нея сохранилось около 6 квадратныхъ сажень, однако надо сознаться, что и этой незначительной части, поразительнаго по своему значенію, памятника грозитъ неминуемое уничтоженіе: мѣстное духовенство за ничтожный бакшишъ довольно смѣло поливаетъ себѣ карту водой, желая вызвать этимъ большую яркость красокъ, а отъ воды мозаика, огороженная для сохранности рѣшеткой, выпучивается и недалеко, быть можетъ, то время, когда она и совсѣмъ распадется. Существуютъ и другія мозаики, которыя, правда, не могутъ равняться по своему значенію вышеупомянутой мозаичной картѣ, тѣмъ не менѣе и онѣ представляютъ весьма серіозный научный интересъ, какъ своими сюжетами, такъ и красками мозаикъ, давая прекрасные образчики мозаичнаго искусства римскаго и византійскаго временъ. Кромѣ того онѣ важны и по тѣмъ датамъ, которыя сообщаются ими, и служатъ для опредѣленія времени построенія базиликъ и частей ихъ, которыя онѣ украшаютъ. До сего времени подобныхъ мозаикъ съ датами извѣстно всего лишь три: двѣ въ базиликахъ и одна въ криптѣ одной изъ этихъ базиликъ. Даты двухъ изъ нихъ указываютъ на VII столѣтіе, какъ на время построенія базилики, а одна — на конецъ VI вѣка, т. е. по-юстиніановское время, отмѣченное въ исторіи своимъ пробужденіемъ художественной дѣятельности на Востокѣ. Страннымъ представляется лишь то обстоятельство, что въ этихъ мозаикахъ, исполненныхъ одна на другой на протяженіи какихъ-нибудь 70 лѣтъ, даты обозначаются по различнымъ эрамъ, и при томъ характерно, что позднѣйшая по времени опредѣляется по селевкидовскому, а болѣе ранняя по обычному христіанскому лѣтоисчисленію. За послѣдній періодъ времени городъ Мадеба привлекъ къ себѣ вниманіе, главнымъ образомъ, католическихъ миссіонеровъ Палестины. Въ извѣстныхъ журналахъ «Revue Biblique» и въ «Nuovo bulletino di archeologia cristiana» появились статьи двухъ патеровъ, Сежурне (Sejourné) и Manfredi, трактующихъ о памятникахъ Мадебы, съ общимъ планомъ города и отдѣльныхъ базиликъ и съ рисунками нѣкоторыхъ мозаикъ.

Въ недавнее еще время молодой русскій художникъ, весьма интересующійся и археологіей, Н. К. Клуге, обратилъ самое серьезное свое вниманіе на памятники Мадебы. По порученію Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, этотъ художникъ провелъ въ названномъ городѣ почти цѣлый годъ (1897 г.) и, снявъ планы города и всѣхъ открытыхъ имъ тогда базиликъ, сфотографировалъ или сдѣлалъ акварели со всѣхъ, какіе только оказывались доступны ему, памятниковъ. Къ сожалѣнію, многихъ, крайне интересныхъ, мозаикъ зарисовать ему не удалось по той причинѣ, что для разрѣшенія сдѣлать это нужны были гораздо большія средства, чѣмъ тѣ, какія были въ его распоряженіи, для бакшиша и для расчистки, по крайней мѣрѣ, если не для раскопокъ. Необходимо указать при этомъ, что рисунки и планы Н. К. Клуге въ значительной степени расходятся съ опубликованными уже раньше названными выше учеными, но, по отзыву докладчика, видѣвшаго лично добросовѣстныхъ и совершенно точныхъ работы г. Клуге по акварелямъ съ мозаикъ Кахріэ-Джами въ Константинополѣ, заслуживаютъ самаго полнаго вниманія. Къ этимъ своимъ работамъ Н. К. Клуге присоединилъ и подробное описаніе видѣнныхъ и изслѣдованныхъ имъ памятниковъ, изданіе которыхъ и предпринялъ уже Константинопольскій Институтъ. По глубокому убѣжденію референта, необходимо не только издать весь имѣющійся уже матеріалъ по древностямъ Мадебы, но и произвести здѣсь систематически правильныя раскопки; послѣднія, по отзыву Н. К. Клуге, близко познакомившагося съ мѣстными условіями, не могли бы вызвать слишкомъ большихъ издержекъ, а между тѣмъ несомнѣнно дали бы богатый и дѣйствительно важный матеріалъ для исторіи того періода византійскаго искусства, который въ послѣднее время особенно привлекаетъ вниманіе ученыхъ, это — періодъ сложенія византійскаго искусства. Правда, тамошнее католическое духовенство живо интересуется открываемыми случайно памятниками, но за послѣднее время, какъ можно замѣтить, большинство вновь открываемыхъ мозаикъ попадаетъ на землѣ православныхъ арабовъ, которые однако не позволяютъ даже зарисовать ихъ, а снова покрываютъ ихъ землей. Мѣстныхъ же православныхъ силъ, интересующихся археологіей и обладающихъ достаточными знаніями, хотя бы для самой поверхностной оцѣнки памятниковъ, къ сожалѣнію, нѣтъ, и памятники, весьма вѣроятно, представляющіе большую цѣнность, скоро и, быть можетъ, на всегда будутъ утрачены для науки. Далѣе референтъ высказалъ ту мысль, что Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ, случайно поручившій Н. К. Клуге его работу, не имѣетъ ни достаточно средствъ, ни необходимыхъ силъ, чтобы произвести раскопки въ такой дали; докладчикъ думаетъ, что естественнѣе всего этимъ вопросомъ заняться Императорскому Палестинскому Обществу, уже приобрѣвшему для изданія у г. Клуге акварельный рисунокъ съ карты, и обратиться за содѣйствіемъ и помощью къ тому же Археологическому Институту въ Константинополѣ. Настоящій до-

кладъ былъ иллюстрированъ рисунками г. Клуге, при объясненіи которыхъ референтъ указалъ на стремленіе католическихъ археологовъ придавать изображеніямъ мозаикъ символическое значеніе и, признавая возможность символическаго пониманія мозаики кршта, представляющей двухъ агнцевъ по сторонамъ священнаго дерева и двухъ виноградныхъ гроздій, рѣшительно высказался противъ возможности пониманія чаши въ бордюръ пола, рядомъ съ изображеніями животныхъ, какъ евхаристической чаши (См. протоколъ засѣданій Ист.-Фил. Общ. при Императорскомъ Новороссійск. Университ., стр. 1—3).

22 января 1902 г. Докладъ А. Θ. Стельмошенка: Литературная исторія сказаній о 12 пятницахъ. — «Сказаніе о 12 пятницахъ» относится къ разряду многочисленныхъ памятниковъ древне-русской письменности, заимствованныхъ на Руси изъ Византіи черезъ посредство южныхъ славянъ. Сообщивъ содержаніе сказанія по одному изъ списковъ и перечисливъ извѣстные другіе списки его, референтъ перешелъ къ детальному разсмотрѣнію послѣднихъ. По содержанію своему всѣ списки дѣлятся на двѣ редакціи, изъ которыхъ одна извѣстна лишь изъ славяно-русскихъ пересказовъ. Списки ея представляютъ одинъ и тотъ же переводъ, на двѣ группы, при чемъ вторая, несомнѣнно, произошла изъ первой. Вторая же редакція извѣстна, кромѣ русскихъ прозаическихъ текстовъ и духовныхъ стиховъ, еще и въ западныхъ пересказахъ: французскомъ, нѣмецкомъ, провансальскомъ, англійскомъ, итальянскомъ, а также въ греческомъ и латинскихъ. Затѣмъ референтъ, проанализировавъ текстъ этой редакціи, указалъ на отношеніе этого сказанія къ другимъ памятникамъ славянской письменности. Указаны были далѣе духовные стихи о 12 пятницахъ и о пятницѣ вообще и приведены источники ихъ. Покончивъ съ пятничнымъ поученіемъ, референтъ обратился къ анализу Элевферьевскихъ повѣствованій. Послѣднія извѣстны въ двухъ видахъ: 1) легенды и 2) фацеіи. Обѣ группы тѣсно связываетъ общность ихъ содержанія и собственныя имена дѣйствующихъ лицъ. Легенда — византійскаго происхожденія: на это ясно указываютъ собственныя имена, встрѣчающіяся въ ней, а также религіозный характеръ. Относительно фацеіи можно думать то же самое, но лишь предположительно, ибо нѣтъ прямыхъ указаній, хотя и есть аналогіи. На основаніи произведеннаго анализа, референтъ сдѣлалъ слѣдующіе выводы: 1) «сказаніе о 12 пятницахъ» — происхожденія византійскаго; 2) обѣ легенды — Элевферьевская и пятничная — соединились еще въ Византіи; 3) духовные стихи о 12 пятницахъ происходятъ отъ Климентовской редакціи сказанія; 4) источникомъ ихъ послужила какая-нибудь западная редакція; посредствующимъ звеномъ между ними можно считать русскіе прозаическіе тексты; 5) Элевферьевское «сказаніе», попавъ на славянскую почву, подверглось нѣкоторой переработкѣ, что подтверждается какъ возникновеніемъ 2-й редакціи, такъ и присоединеніемъ историческихъ воспомнаній, заимствованныхъ изъ другихъ

бывшихъ въ ходу у славянъ памятниковъ, какъ напр.: Откровеніе Меѳодія Патарскаго и т. д.

Сообщеніе вызвало продолжительные дебаты, въ которыхъ приняли участіе: В. М. Истринъ, А. И. Маркевичъ, С. Д. Пападимитріу, Х. П. Ящуржинскій. Послѣдній между прочимъ сообщилъ, что имѣетъ тексты народныхъ сказаній о 12 пятницахъ, записанные въ Кіевской губерніи и въ южной части Могилевской; имъ же были прочтены образцы передѣлки сказанія въ бѣлорусскихъ духовныхъ стихахъ. По поводу *западной страны*, упоминаемой въ сказаніи, С. Д. Пападимитріу высказалъ предположеніе, что таковою всего скорѣе можно считать Дураццо; это предположеніе было поддержано А. М. Маркевичемъ, указавшимъ на популярность Дураццо (Драчъ-градъ) въ XIII вѣкѣ, такъ какъ тогда этотъ городъ былъ разрушенъ сильнымъ землетрясеніемъ. Онъ же высказалъ предположеніе, что Тарасій—имя нарицательное отъ имени Тарасія, иконоборческаго патріарха. Сопоставленіе же Тарса съ Никомидіей, по мнѣнію А. И. Маркевича, не должно имѣть мѣста, въ виду географической отдаленности этихъ мѣстностей другъ отъ друга.

9 февраля. 1) Сообщеніе С. Г. Вилинскаго: «Болгарскіе тексты Епистоліи о Недѣлѣ». Содержаніе доклада въ общихъ чертахъ состоитъ въ слѣдующемъ: извѣстные три болгарскихъ текста (Одесскій—изъ собранія В. И. Григоровича, Московскій—Историческаго Музея, собранія Барятинскаго, и Тихонравовскій—напечатанный П. А. Лавровымъ) суть списки одной редакціи. Эта редакція, судя по извѣстнымъ греческимъ спискамъ, точнаго греческаго оригинала не имѣетъ, и является, какъ есть основаніе думать, самостоятельной переработкой памятника на болгарской почвѣ, съ привнесеніемъ мѣстнаго элемента, почему и можетъ быть названа болгарской. Русскіе списки нашего памятника не даютъ повода положительно утверждать, что болгарская редакція была извѣстна въ Россіи, но зато изъ нихъ вытекаетъ несомнѣнный выводъ, что редакція Іерусалимскаго типа была на Руси, появившись здѣсь изъ Византіи, быть можетъ, чрезъ посредство Болгаріи. Происхожденіе греческихъ же текстовъ Епистоліи вѣроятнѣе всего, по мнѣнію референта, вести съ запада, что однако не исключаетъ возможности и переработки западной редакціи въ Византіи.

2) Докладъ Н. Е. Гинкова: Апокрифическое сказаніе о «Лѣствицѣ Іакова» по Толковымъ Палеямъ. Прежде, чѣмъ приступить къ разбору апокрифа о «Лѣствицѣ Іакова», референтъ указалъ, что въ исторіи разработки Толковой Палеи можно отмѣтить два момента. Въ трудахъ болѣе раннихъ изслѣдователей Палея, болѣею частью на основаніи знакомства только съ ея содержаніемъ, считалась первоначально греческимъ памятникомъ, переведеннымъ гдѣ-нибудь на югѣ, вѣроятнѣе же всего въ Болгаріи, и затѣмъ уже въ очень раннее время распространившимся у насъ. Въ изслѣдованіяхъ же позднѣйшихъ ученыхъ, съ одной стороны благодаря тому, что стали приводиться въ извѣстность списки Толковой Палеи, съ другой—благодаря методу самого изслѣдованія, мысль о гре-

ческомъ оригиналѣ Палеи уступаетъ мѣсто другому взгляду, по которому Палея признается памятникомъ, возникшимъ на славянской и даже на русской почвѣ между XIII и XIV вв. Что же касается апокрифа о «Лѣствицѣ», то своимъ происхожденіемъ онъ, безъ сомнѣнія, обязанъ не составителю Палеи: онъ имѣлъ подѣ руками готовый апокрифъ, который онъ внесъ въ свой трудъ и подвергъ толкованію. Къ такому заключенію приходитъ, по крайней мѣрѣ, референтъ на основаніи цѣлаго ряда данныхъ. Затѣмъ, указавъ на отношеніе 12 списковъ, имѣвшихся подѣ руками у него, докладчикъ устанавливаетъ 2 редакціи апокрифа въ палейномъ изложеніи — Коломенскаго и Синодальнаго списковъ. Стройное изложеніе послѣдняго списка, не прерываемое никакими вставками и содержащее въ себѣ болѣе пространное изложеніе апокрифа, даетъ основаніе считать его болѣе близкимъ къ древнему тексту апокрифа, хотя, по времени возникновенія, можетъ быть признана болѣе поздней, чѣмъ 1-ая, Коломенская редакція. Что же касается самого апокрифа въ его независимомъ существованіи отъ Палеи, то подобнаго текста хотя и не имѣется, однако возможно указать извѣстные слѣды его. У Миня мы находимъ указаніе св. Епифанія о «Лѣствицѣ Іакова», съ другой стороны — тотъ же Минь приводитъ свѣдѣнія о существованіи такъ называемаго «Завѣта Іакова». Въ нашей же русской литературѣ всѣ свѣдѣнія ограничиваются указаніемъ одного поздняго индекса на «О двенадцатыхъ Іяковличъ глаголемая Лѣствица». Но кромѣ того, что нѣкоторые источники устанавливаютъ фактъ существованія самого апокрифа, мы въ нихъ находимъ указаніе и на время и мѣсто его появленія, — среди сектантовъ іудействующихъ Эвѣонитовъ. Что послѣдніе перерабатывали въ духѣ своихъ религіозныхъ убѣжденій библейскія сказанія, видно изъ того, что такого рода переработку мы встрѣчаемъ о другомъ патріархѣ — Авраамѣ.

Подмѣчая затѣмъ черты, свойственныя воззрѣніямъ этой секты, референтъ высказываетъ предположеніе, что «Лѣствица Іакова» относится къ писаніямъ іудействовавшихъ еретиковъ первыхъ временъ христіанства — Эвѣонитовъ. Въ палейномъ изложеніи апокрифа интересно отмѣтить его осложненіе пророчествами о воплощеніи Христа, основанными, главнымъ образомъ, на извѣстномъ памятникѣ — «Сказаніи Афродитіана». Это обстоятельство приводитъ въ свою очередь къ вопросу о томъ, была ли связана «Лѣствица» съ «Сказаніемъ Афродитіана» прежде, чѣмъ она вошла въ Палею, или же это соединеніе обязано всецѣло компилятору Палеи. Съ одной стороны извѣстный выводъ г. Шеголева, что «Сказаніе» въ толкованіяхъ на «Лѣствицу» экстирпировалось въ русскомъ переводѣ, а съ другой — предположеніе о времени и мѣстѣ появленія «Лѣствицы» даетъ референту серьезное основаніе предполагать послѣднее, именно: отнести соединеніе между этими двумя литературными памятниками на счетъ компилятора Палеи. (Прот. засѣданія Ист.-Фил. Общ. при Импер. Новороссійскомъ Универ., отдѣльн. оттискъ, стр. 1—6). В. С.

Пожалованіе почетнаго титула великаго ипомниматографа А. И. Пападопуло-Керамевсу.

Въ № 29 официальнаго изданія константинопольской патріархіи «Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια» за 1901 годъ сообщается, что священный синодъ вселенской церкви, по предложенію святѣйшаго Іоакима Третьяго, патріарха константинопольскаго, въ одномъ изъ іюльскихъ своихъ засѣданій единогласно постановилъ пожаловать почетный церковный титулъ великаго ипомниматографа (τοῦ μεγάλου ὑπομνηματογράφου) проживающему въ С.-Петербургѣ ученому Ав. Ив. Пападопуло-Керамевсу «за многія и весьма цѣнныя его сочиненія изъ средневѣковой исторіи греческаго народа и въ частности за изданіе церковныхъ первоисточниковъ». «Эта справедливая, со стороны Матери Церкви, нравственная награда за многолѣтніе и неутомимые труды ученаго мужа,—замѣчаетъ по этому поводу патріархій журналъ,—выражаетъ вполне повѣстное уваженіе къ ревностному трудолюбію и солиднымъ его сочиненіямъ, которыми онъ уже давно сдѣлалъ свое имя весьма извѣстнымъ въ европейскомъ ученомъ мірѣ, а греческое имя вообще достойно прославилъ за границей, создавши весьма серьезное движеніе въ средневѣковой исторіи».

По случаю дарованія г. Керамевсу указаннаго титула, патріархъ Іоакимъ прислалъ ему особую грамоту, написанную на пергаментѣ. Эта грамота очень любопытна по своему содержанію и языку и напоминаетъ своимъ тономъ минувшія времена славной византійской эпохи, отголоскомъ коей она какъ бы является. Она была прислана г. Керамевсу при особомъ письмѣ патріарха Іоакима, въ коемъ сообщается, что патріархъ всегда высоко цѣнилъ ученныя заслуги и труды греческаго историка и археолога и теперь весьма радъ достойно увѣнчать мужа науки, въ уваженіе къ его почтенной дѣятельности и въ знакъ болѣе тѣснаго его союза съ Матерью Церковью, для пользы которой г. Керамевсъ сдѣлалъ весьма много. Отвѣтное письмо г. Керамевса на это патріаршее посланіе напечатано въ № 39 «Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια» за 1901 г.

И. Соколовъ.

La Société d'études du moyen-âge de Constantinople.

(Son origine, son organisation, son activité littéraire, son état actuel).

Le 19 avril 1873, quelques Grecs de Constantinople, membres du clergé ou laïcs, fondèrent le Syllogue d'études du moyen-âge (Σύλλογος τῶν μεσαιωνικῶν σπουδῶν). Cette fondation, qui avait pour but la solution des problèmes touchant le moyen-âge byzantin, n'était pas, au moment où elle fut conçue, de nature à susciter l'enthousiasme des Grecs; elle dut même

paraître étrange à plusieurs. Les études historiques ne florissaient pas à Constantinople; l'oeuvre naissante n'était pas soutenue par un Mécène généreux; la jeunesse, l'inexpérience, l'obscurité même de ceux qui en avaient eu la première idée créaient des obstacles à son développement. Manuel Gédéon rappelle les difficultés des débuts dans un compte-rendu des travaux de l'Association (11 novembre 1890): Νέοι πάντες οἱ ἐργαζόμενοι, νέοι καὶ οἱ πλείστοι τῶν ἰδρυτῶν, ἀνευ μεγάλων ἐν τῇ κοινωνίᾳ σχέσεων, ὀλιγίστους ἔχοντες τοὺς εὐνοοῦντας ταῖς ἐρευναῖς, αἷς ἐπώνυμον ἑαυτὸν ἔθετο ὁ Σύλλογος πρὸ δέκα καὶ ἑξ ἑτῶν · εἰργαζόμεθα ἐπὶ γενικοῦ προγράμματος, ἀλλὰ δυσκόλως ἡννοούμεθα παρ' ἐκείνων, ἀφ' ὧν ἀντίληψιν ἀπεξεδεχόμεθα καὶ συνδρομήν (Ἐκθεσις περὶ τῶν ἀπὸ τοῦ 1873—1890 ἐργασιῶν τῆς Ἑταιρίας τῶν μεσαιωνικῶν ἐρευνῶν, ἀναγνωσθεῖσα ἐν τῇ PMZ' γενικῇ συνεδρίᾳ τῇ 11 νοεμβρίου 1890, inédit). Au nombre des fondateurs du Syllogue, citons les noms de quelques prélats de la Grande Église, Dorothee de Korytzas, Nicéphore de Karpathos, Cyrille d'Andrinople, Néophyte de Bratza, Ignace de Nyssava. La première liste de ses membres comprenait en tout 33 noms.

Les statuts du Syllogue parurent l'année suivante 1874: Κανονισμὸς τοῦ ἐν Κωνσταντινῇ συλλόγου τῶν μεσαιωνικῶν σπουδῶν (Cple 1874). Nous les résumons brièvement.

Le chapitre I, *Du Syllogue en général* (περὶ συλλόγου ἐν γένει), se propose l'étude du moyen-âge byzantin sous toutes ses faces: ἡ μελέτη τοῦ μεσαιωνικοῦ Ἑλληνισμοῦ ὑπὸ πάσας αὐτοῦ τὰς ἐπόψεις (a. 1). Ce but, le Syllogue doit l'atteindre par des lectures publiques, des bibliothèques, des musées, des concours, des prix; par l'impression d'ouvrages inédits de savants grecs du moyen-âge et la réimpression d'ouvrages rares concernant la même époque, et enfin, les ressources y aidant, par de nouvelles éditions des Pères de l'Eglise grecque et des historiens byzantins; le Syllogue espère en même temps de fonder un périodique consacré tout particulièrement à l'étude du moyen-âge (a. 2).

Les membres de l'Association, dans leurs séances et dans leurs travaux, doivent s'abstenir de toute discussion politique et de controverses religieuses. La salle où ils se réunissent ne pourra être affectée à des bals, à des concerts, à des spectacles. Le sceau du Syllogue porte un flambeau entouré de lauriers et ces mots pour devise: Σύλλογος τῶν μεσαιωνικῶν σπουδῶν, 1873 (a. 4). La séance annuelle (ἡ ἐπέτειος) a lieu le 4me dimanche de septembre. Le président y lit le compte-rendu de l'année, et un des membres y donne le sermon du jour (τὸν πανηγυρικὸν τῆς ἡμέρας). Le Syllogue aura soin d'entretenir des relations amicales avec les corps savants grecs et étrangers et leur enverra gratis ses publications (a. 5—6).

Le chapitre II détermine les attributions des membres de la Société. Ceux-ci sont divisés en trois classes: ordinaires (τακτικά), correspondants (ἀντεπιστέλλοντα) et honoraires (ἐπίτιμα). Pour l'admission au Syllogue, on requiert l'âge de 18 ans révolus. En outre, le postulant doit faire cadeau à la bibliothèque de l'Association de trois ouvrages au *minimum*. Les sta-

tuts entrent dans des détails minutieux sur les obligations des membres ordinaires et les conditions requises pour qu'ils soient admis au sein de la Société (a. 7—12). Les membres ordinaires ou actifs deviennent correspondants, dans le cas où ils quittent Constantinople. A cette catégorie appartiennent aussi les savants domiciliés à l'étranger et à même de coopérer au but poursuivi par le Syllogue. Le titre de membres honoraires est réservé aux patriotes illustres (τοὺς ἐπὶ τῷ ὑπὲρ τῶν πατρίων ζήλῳ διαπρέποντας), aux personnages investis de hautes dignités, aux écrivains célèbres dans le domaine des études médiévales (a. 14). Les élèves des gymnases sont exclus de l'Association (a. 18).

Le chapitre III a trait aux séances (Περὶ συνεδριάσεων). Celles-ci sont ordinaires, privées et extraordinaires (τακτικά, μερικά καὶ ἑκτακτοί). Dans les premières on donne lecture des communications des membres du Syllogue et on les discute, on y prend aussi connaissance du budget et des lettres envoyées par les membres correspondants. Les séances extraordinaires sont réservées à l'examen des questions concernant le bien général de la Société. Dans les séances privées, on nomme le président et les secrétaires des *épitropies* du Syllogue, on détermine les jours des séances ordinaires et on étudie les propositions des membres de la Société (a. 19—22). La durée de la séance n'est pas fixée (a. 25), mais on a soin de statuer que les injures, l'ironie et les manières inconvenantes en sont rigoureusement bannies: ἀπαγορεύεται πᾶσα ἐν αὐτῇ ὕβρις, εἰρωνεία, ἀπρεπής συμπεριφορά καὶ τὰ παρόμοια (a. 26). Il y a des mesures de précaution qui ne sont pas inutiles dans une assemblée de savants enclins à la chicane.

Le chapitre IV fixe les attributions du Conseil (Περὶ διοικητικοῦ συμβουλίου). Le Conseil de l'Association est composé des membres de l'éphorie et des présidents des *épitropies* permanentes (οἱ πρόεδροι τῶν διαρκῶν ἐπιτροπῶν). L'éphorie comprend sept membres: un président, deux vice-présidents, un secrétaire général, un secrétaire particulier, un trésorier, un bibliothécaire (a. 31—32). Nous croyons inutile d'insister sur les attributions de cet état-major du Syllogue (a. 36—42).

Le chapitre V concerne les *épitropies* dont le nombre s'élève à 4 ayant la charge de la bibliothèque, du musée, de la question économique et des travaux de l'Association. L'*épitropie*, préposée à l'entretien du musée, a la mission de recueillir ou de soustraire à l'oubli et au dépérissement les manuscrits et les documents ayant trait à l'hellénisme byzantin et aussi de collectionner les photographies des monuments du moyen-âge (a. 49).

Le chapitre VI fixe les règles à suivre pour que l'enseignement historique donné par les membres du syllogue produise les meilleurs résultats (Περὶ δημοσίων ἀκροαμάτων).

Le chapitre VII concerne la bibliothèque et le cabinet de lecture (Περὶ βιβλιοθήκης, ἀναγνωστηρίου καὶ συλλογῶν).

Le chapitre VIII et dernier établit que les Statuts du Syllogue sont approuvés pour trois ans. A l'expiration de ce délai, l'Assemblée générale,

sur la requête de sept membres ordinaires, est autorisée à modifier totalement ou en partie le *πρόγραμμα*.

Dans un supplément spécial, les Statuts énumèrent les divers sujets qui paraissent de nature à attirer l'attention du Syllogue. Nous nous bornons à rappeler les plus intéressants. Pour ce qui concerne la vie intellectuelle (*πνευματικός βίος*), l'Association se livrera à des recherches sur le nombre et l'organisation des écoles byzantines, sur les programmes que l'on y suivait et les méthodes d'enseignement, sur les maîtres les plus en vogue et le budget de l'instruction publique. A cette étude se rattache tout naturellement celle des bibliothèques à Byzance et des manuscrits qui y étaient renfermés. Le Syllogue se fait un devoir de soustraire à l'oubli les noms des pionniers du mouvement intellectuel parmi les Grecs du moyen-âge. L'activité littéraire de ses membres s'étend aussi au delà de l'histoire byzantine proprement dite. Il leur est donné de porter leurs recherches sur les typographies grecques et les livres que l'on y éditait, sur les savants et les érudits de l'hellénisme soumis aux Ottomans (*τουρκοκρατούμενη Ἑλλάς*), sur les acteurs de la renaissance littéraire grecque au XVIIIe siècle, sur la presse périodique grecque, son origine et son développement, sur la question toujours brûlante et toujours insoluble de la *diglossie*. Pour ce qui concerne la vie sociale, le Syllogue recueille pieusement les légendes, traditions, superstitions, proverbes, chants populaires, préjugés, en un mot, ce qu'on est convenu d'appeler le *folklore* de l'hellénisme. Il étudie, en dernier lieu, l'état actuel et l'essor nouveau des études byzantines, et l'influence exercée par l'élément étranger sur les mœurs, la science, la religion, la jurisprudence et la civilisation helléniques.

Qui trop embrasse, mal étreint, dit le proverbe. M. Gédéon était dans le vrai en disant, en 1890, que l'inexpérience était une des prérogatives, s'il est permis de s'exprimer ainsi, des membres du Syllogue. Un simple coup d'œil suffit pour constater que ce programme est chargé outre mesure, et que les corps savants les mieux organisés ne pourraient faire face à la tâche.

Le marquis de Queux de Saint-Hilaire en faisait la juste remarque, tout en approuvant l'oeuvre en elle-même: «C'est assurément une excellente idée, écrivait-il, que d'avoir créé dans l'Orient même, où tant de trésors historiques sont encore enfouis, une société destinée à encourager et à propager le goût des études de la littérature et de l'histoire de la Grèce au moyen-âge, études si brillamment inaugurées naguère chez nous par les remarquables travaux de Brunet-de-Presle, Egger et Miller, et continuées aujourd'hui par M. M. Sathas, Gidel, Emile Legrand, Wagner et Passov. Mais encore faudrait-il s'entendre sur la date de ce qu'on appelle le moyen-âge hellénique. Les Grecs sont assez disposés à faire remonter, pour eux, le moyen-âge à la conquête romaine et à le faire durer jusqu'au réveil national, qui a abouti à la guerre de l'indépendance. Il serait bien que la Société nouvellement fondée à Constantinople déterminât cette époque, et c'est ce que

nous n'avons pas trouvé dans ses Statuts.» (Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques, IX année, 1875, p. 380).

Les statuts du Syllogue furent réformés, une première fois en 1876 (11 mai). On les abrégéa considérablement. De 61, le nombre des articles descendit à 20. On s'efforça de préciser le but de l'Association. Les études byzantines étaient exclues de son programme. Le Syllogue borne son rôle à la méditation de l'histoire de l'Eglise et de la nation grecque à partir de la prise de Constantinople (ἡ μελέτη τῆς μετὰ τὴν ἄλωσιν ιστορίας τῆς Ἐκκλησίας καὶ τοῦ γένους). Deux sections spéciales travaillent à reconstituer cependant l'ancienne musique byzantine et à corriger les synaxaires grecs. Le Syllogue se propose de reprendre le domaine de l'histoire byzantine, si les ressources lui permettent d'ouvrir un champ plus vaste à l'activité de ses membres. De l'augmentation des ressources dépend aussi la réalisation de deux projets conçus par la Société, l'impression d'ouvrages répondant au but qu'elle se propose, et la fondation d'une école de musique sacrée (a. 1—3). Les statuts proclament la nécessité d'avoir des correspondants dans les divers centres locaux soumis à l'action du Syllogue (a. 7). L'article 10 précise les points sur lesquels porteront les discussions de ses membres. On éclaircira avant tout le passé historique du peuple et de l'Eglise grecque μετὰ τὴν ἄλωσιν; au besoin cependant, on ne refusera pas les notes critiques rentrant dans l'époque strictement byzantine. La réforme de Statuts et les innovations à introduire exigent au préalable l'approbation des $\frac{3}{4}$ au moins des membres de la Société. La liste des membres fondateurs, ajoutée à la fin de ce κανονισμός, comprend 20 noms environ. Au nombre des prélats, citons les métropolités de Chios, de Belgrade, de Derkos, d'Andrinople, de Didymoteichos, de Cyzique, de Ganos et Khora. Nous y relevons aussi des noms illustres dans le domaine des recherches byzantines ou néohelléniques: Aristarchi bey, l'éditeur des homélies de Photius; Veloudès, l'historien de la colonie grecque de Venise; Manuel Gédéon; Gidel, auteur de savantes études sur la littérature grecque moderne; Minas Tchéraz, directeur actuel de l'«Arménie» de Paris; Chassang etc. S. S. Joakim III prit sous sa protection le Syllogue. La séance du 1er février 1876 eut l'insigne honneur d'être présidée par un délégué du patriarche, Germanos, métropolitte de Rhodes. Dans son allocution, le prélat grec rappelait aux assistants l'importance de l'histoire, sans laquelle l'homme se condamne à son propre anéantissement et à la perte de ses souvenirs les plus chers: ὁ ἄνθρωπος ἄνευ ιστορίας ἐξεμνησεν ἑαυτὸν καὶ τὰ περὶ αὐτόν (Προσλαλιά τοῦ ἀντιπροσώπου τῆς Α. Θ. Π. τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου μητροπολίτου Ῥόδου κ. Γερμανοῦ, ἀπὸγγεληθεῖσα κατὰ τὴν ἡμέραν τῶν ἐγκαινίων. 1876, p. 2). On lut dans la même séance un rapport signé par les membres de l'éphorie Gédéon, Gaziadès, Grammatopoulos et Thomas Eleuthérios. Ce rapport¹⁾, commence par une évocation de la gloire littéraire de Byzance, où Théodose II (408—450) fonda le premier une université (πανδιδακτήριον) en y appe-

1) Le rapport a été rédigé par M. Gédéon et lu par M. Eleuthérios Thomas.

lant quinze professeurs à l'enseignement de la littérature grecque. C'est à Byzance qu'une bibliothèque d'une richesse inouïe, sous la surveillance de sept bibliothécaires, ouvrait ses trésors aux âmes avides de savoir. Sous les portiques du palais de Magnaure, les favoris de Bardas faisaient revivre l'âge d'or de Périclès. Photius y enseignait avec éclat la théologie; Léon de Thessalonique ¹⁾ y brillait par sa connaissance approfondie de la géométrie; Théodéghios y professait la science des astres et Kométas se livrait à des études patientes sur les beautés cachées de la langue grecque ²⁾. Eudocie, la fille du philosophe Léonce, renouvelait les traditions oubliées des anciens rhapsodes, et composait les Ὀμηρόκεντρα. Une autre Eudocie (Makrembolitissa) écrivait l'Ionie ³⁾. Anne Comnène, l'abeille attique de la décadence byzantine, recommandait son nom à la postérité par son Alexiade. Les luttes pacifiques de la science se poursuivaient à Byzance de siècle en siècle avec une noble émulation et une ardeur juvénile ⁴⁾.

Les écoles de Constantinople disparurent après l'orage qui fondit sur elles. Ce fut, pour elles, un silence de cinq siècles. L'école patriarcale de la nation offrait à peine un toit en ruine (στέγην ἐτοιμόρροπον), aux Camariotis, aux Zygomalas, aux Kokkos, aux Corydaleus. Le bienfaiteur national Manolaki de Castoria, au XVIIe siècle, fondait des écoles à Arta, à Chios, et Panghéné ⁵⁾.

Les enfants se réfugiaient dans les églises pour y apprendre à lire. La dynastie des Isauriens n'était plus là pour jeter aux flammes les trésors intellectuels des ancêtres; mais la source du savoir ne laissait plus couler qu'un mince filet d'eau trouble. A l'heure actuelle cependant, il y a au sein de la race grecque un réveil littéraire et Constantinople en est le centre. C'est dans cette métropole que surgissent des bibliothèques, que s'organisent des syllogues, que de nouvelles écoles abritent les Muses vagabondes, que la Grande Eglise, le trône oecuménique, la gloire de tous les orthodoxes, au dire de Nounékhios de Laodicée, bénit les bonnes initiatives de ses enfants.

Il y a des lacunes dans les annales de la civilisation néohellénique. Toutefois, à aucune époque, il n'y eut stagnation complète. Les péripéties douloureuses de la race et de l'Eglise grecques furent consignées à la postérité par Malaxos, par Zygomalas, par Dorothee de Monembasie, par Dosithée de Jérusalem, par Mélétiος d'Athènes, par Jean Stanos, par Zaviras. L'étude du moyen-âge byzantin captiva de nos jours Constantios du Sinaï, Moustoxydès, Oeconomos, Lounzis, Démétracopoulos, Zampéliος, Paparrigopoulos, Chiotis, Romanos, Stamatiadès; ils dissipèrent les brouillards de la vie politique de la Grèce. A Oeconomos, à Vrétos, à Sakkéliος, à Sathas, à Paspatis, à

1) Krumbacher, Geschichte der byz. Litt., p. 621—22.

2) Ibid., p. 720.

3) Ibid., p. 578—79.

4) Cf. Борисякъ, Очерки по исторiи просвѣщенiя въ періодъ византийскiй, Кіев, 1893, p. 1—19.

5) Chassiotis, L'instruction publique chez les Grecs, Paris, 1881, p. 36—37.

Aristarchi, à Veloudès, à Nicolas Katramis, à Zacharie Mathas, nous sommes redevables des meilleurs travaux sur le rôle religieux de l'Eglise grecque au moyen-âge. Ces efforts individuels ont été sans doute féconds; mais c'est de l'association, c'est de l'union intime de toutes les énergies qu'il faut attendre une moisson abondante: *vis unita fortior*.

Le rapport expose les motifs qui obligent le Syllogue à circonscrire sa tâche, à renoncer implicitement aux études proprement dites byzantines. Le Syllogue n'est pas à même d'assumer une si lourde charge. Zampélios énumère les difficultés bien grandes dont est semée la route du byzantinisme. «*Ἀπαιτεῖται*, dit-il, *ν'ἀνασχευάσωμεν πολλὰς ἐπικρατούσας προλήψεις · νὰ ἐπικρίνωμεν τὰς ἐσφαλμένας γνώμας ὅσας ἐξέφερε καὶ καθιέρωσεν ἄχρι τοῦ νῦν ἡ μέθοδος τοῦ κερματισμοῦ · ἀνάγκη νὰ ἀνατρέψωμεν συστήματα πεφημισμένα, καὶ προρρίζως ν'ἀναστατώσωμεν, ἴσως, τὴν δεσπόζουσαν ἱστορικὴν ἐρμηνευτικὴν · πρέπει, ἐν ἄλλαις λέξεσιν, ἡ ἀρχαιότης νὰ χάσῃ εἰς τοὺς ὀφθαλμοὺς τῶν θεωρῶν μερίδα τινὰ τῆς λαμπηδόνης τῆς, ἡ δὲ μέση ἐποχὴ ἐγειρομένη ἐκ τῆς τέφρας καὶ τῆς σκοτίας νὰ ἐπισταθῇ εἰς τὴν προσήκουσαν ἐκείνην περίβλεπτον θέσιν ὅπου τὴν ἐγκατασταίνει ὁ χριστιανισμός. Καὶ τοῦτο μετὰ θάρρους καὶ εὐτολμίας, χωρὶς ποσῶς ν'ἀναφροντίσωμεν τί θέλουσιν εἰπεῖ κατὰ τύχην, ἢ δεξιόθεν, ἢ ἀριστερόθεν, οἱ σχολαστικοὶ ἀρχαιολάτραι, ἢ οἱ δυτικόφρονες. Κατέχει ἡ πολυθεία τόσα καὶ τόσα κοσμικὰ κάλλη, ὥστε, μὰ τὴν ἀλήθειαν, δὲν εἶναι χρεῖα νὰ σφετερίζηται αὕτη τὴν πνευματικὴν τοῦ μεσαιῶνος ὠραιότητα · οὐδὲ δικαίον εἶναι τὸ πρὸς ἡμᾶς, νὰ προσφέρωμεν εἰς αὐτὴν ὅλον καὶ ὀλοσχερῇ τὸν σεβασμὸν μας, ὅτε ἡ πολυθεϊκὴ περίοδος δὲν ἔχει, ὡς ἡ χριστιανικὴ, περιεσσεμμένους μὲν τοὺς κροτάφους μὲ τὸν ἀκάνθινον στέφανον τοῦ πάθους, τὴν δὲ χαίτην κεκοσμημένην μὲ τὰ ἀμάραντα ῥόδα τοῦ πνεύματος».*

Supposons donc qu'il y ait des travailleurs assez hardis pour essayer de désencombrer cette route; leurs rudes labeurs seraient à peu près inutiles, puisque les Hopf, les Zinkeisen, les Pichler, les Schlosser, les Muralt, les Zampélios, les Paparrigopoulos ont devancé les autres dans ce sentier abrupt. Personne ne surpassera Mortreuil dans la connaissance approfondie du droit byzantin. Ni Moustoxydès, ni Démétracopoulos ne sont de taille à égaler Baronijs dans le récit du passé historique de l'Eglise byzantine. Gilles, Constantios, Rambaud, Scarlatos Vizantios, Paspatis ont déjà traité à fond les questions concernant l'art et les monuments byzantins. Et cependant, ni Zinkeisen, ni Pichler, ni Hergenröther ne sont à même de rivaliser avec Oeconomos, Moustoxydès, Constantios, Néroulos dans le domaine du néohellénisme (μετὰ τὴν ἄλωσιν). Le Syllogue est donc bien inspiré en bornant ses initiatives à une époque plus rapprochée de nous. Sa mission est de démêler la trame historique de la période de décadence, où restent ensevelis les germes de la rénovation future. De son humble travail jaillira un flot de lumière qui permettra aux historiens de mieux connaître et de mieux apprécier le rôle de l'Eglise grecque après la chute de l'empire byzantin (*Ἐκθεσις περὶ τοῦ συλλόγου καὶ τοῦ σκοποῦ αὐτοῦ · ἀνεγνώσθη ἐν τῇ Β' συνεδριάσει, Constantinople, 1876, p. 1—13*).

Malheureusement le Syllogue, subissant le jeu d'influences diverses, ne tarda guère à oublier les Statuts de 1876, et à embrasser de nouveau un champ trop vaste pour l'activité languissante de ses membres. Le *canonismos* de 1878 envahit la patrologie. Le Syllogue reprend le terrain abandonné, et revendique à son actif l'étude du moyen-âge byzantin. Ses recherches doivent porter sur le passé historique de l'hellénisme chrétien à partir de la fondation de Constantinople et du premier concile de Nicée jusqu'à la formation du royaume hellénique au commencement du XIX siècle: αἱ μελέται καὶ ἔρευναι τοῦ Συλλόγου περιστρέφονται εἰς τὴν ἐποχὴν τὴν ἀπὸ κτίσεως τῆς Κωνσταντινουπόλεως καὶ τῆς Α' Οἰκουμενικῆς συνόδου (325) μέχρι τῆς ἐν ἀρχαίς τοῦ ΙΘ' αἰῶνος συστάσεως τοῦ ἐλληνικοῦ βασιλείου 1830 (a. 2; Κανονισμός τοῦ ἐν Κ. συλλόγου τῶν μεσαιωνικῶν σπουδῶν; 24 décembre 1878). Le nombre des membres de l'éphorie est porté à 9 (a. 7). La durée du nouveau *canonismos* est fixé à deux ans. Une pétition signée par 10 membres du Syllogue suffit à l'introduction dans les statuts de clauses nouvelles (a. 24). Les sujets que l'on propose à l'étude de l'Association ont trait à la vie religieuse, intellectuelle et politique de l'hellénisme. Le Syllogue élargit de plus en plus ses horizons. Dans son programme il donne une large hospitalité à l'histoire des persécutions contre les chrétiens, des hérésies, des dogmes, des synodes oecuméniques, des Pères de l'Eglise etc. Il nous faudrait une page entière pour transcrire les sujets concernant la vie politique des Grecs au moyen-âge. On recule devant la longue série des θέματα πρὸς ἐρεῦνας. Les académies de l'Europe entière ne seraient pas de taille à aborder tout d'un coup cette matière. A notre avis, l'encombrement exagéré du programme n'a guère permis au Syllogue d'affirmer hautement son existence, et de marquer un sillon bien profond dans le mouvement littéraire néohellénique.

En 1879, après les épreuves et les transes de la guerre turco-russe, le Syllogue essaya de se reconstituer sur des bases nouvelles. Quelques membres voulurent le transformer, dit M. Gédéon, ἐν λέσχῃ φιλολογικῇ *de omnibus rebus συζητοῦσαν*. Le titre de syllogue parut trop humble, trop peu retentissant. On convint de le remplacer par le terme plus majestueux Ἑταιρία. Mais les membres de la Société étaient en petit nombre; et ce qui est pire, ne paraissaient guère connaître le but et les aspirations du corps savant donc ils faisaient partie. De plus, ils étaient incapables de concourir d'une manière efficace aux travaux et au rôle qu'ils étaient appelés à jouer. M. Gédéon le constate avec amertume: Ὁμολογοῦμεν ὅτι οἱ πλείστοι ἡγνοοῦν τί ἐξήτει ὁ μεσαιωνολογικὸς σύλλογος. Τὸ σωματεῖον ἡμῶν προῆλθεν εἰς μέσον ὑπὸ τὸ ὄνομα «Ἑταιρία» τῶν μεσαιωνικῶν ἐρευνῶν μετ' ὀλίγων τακτικῶν μελῶν, ἐξ ὧν καὶ πάλιν ὀλίγιστοι ἠδύναντο ἵνα συντελέσωσι τοῦ σκοποῦ τὴν ἐπιδιώξιν. La société des recherches médiévales éprouva encore une fois le besoin de remanier ses statuts. Elle prit comme devise les paroles que Xénophon met sur les lèvres de Socrate: «Καὶ τοὺς θησαυροὺς τῶν πάλαι σοφῶν ἀνδρῶν, οὓς ἐκεῖνοι κατέλιπον ἐν βιβλίοις γράψαντες, ἀνελτί-

των κοινῇ σὺν τοῖς φίλοις διέρχομαι, καὶ ἂν τι ὀρώμεν ἀγαθὸν ἐκλεγόμεθα. Le κανονισμὸς remanié comprend 8 chapitres et 56 articles. Sans le vouloir, nous nous rappelons, en le parcourant, la sentence de Tacite: *ex perditissima republica leges*. C'est aux périodes d'inertie ou de décadence que les jurisconsultes travaillent à codifier des lois et à organiser à grand renfort d'aphorismes ce qui est sur le point de se désagréger.

Le *canonismos* de 1880 détermine à nouveau le but de la Société: προτίθεται σκοπὸν τὴν ἔρευναν τῆς ιστορίας τῆς ἡμετέρας ὀρθοδόξου Ἐκκλησίας καὶ τοῦ γένους ὑπὸ πάσας τὰς ἐπόψεις αὐτῆς (Κανονισμὸς τῆς ἐν Κ. ἐταιρίας τῶν μεσαιωνικῶν ἐρευνῶν, Constantinople, 1880, a. I). Il lui appartient d'étudier l'hellénisme depuis 325 jusqu'à l'aube du XIX siècle. Aux moyens indiqués dans les Statuts précédents, le *canonismos* de 1880 ajoute la publication d'un bulletin où paraîtraient les comptes-rendus officiels des travaux de la Société. Celle-ci a pour devise les mots suivants: Ἐταιρία τῶν μεσαιωνικῶν ἐρευνῶν, ΑΛΘΘ'. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. On accepte au nombre des membres ordinaires les professeurs ayant vingt ans d'enseignement et les diplômés de la Grande École et de l'école théologique de Halki. La Société est divisée en deux sections: la section historique (τὸ ιστορικὸν τμήμα) chargée des recherches sur l'histoire scientifique, littéraire et religieuse de l'hellénisme chrétien; la section archéologique (τὸ ἀρχαιολογικὸν τμήμα) s'appliquant de préférence à l'étude de l'art byzantin et aux recherches épigraphiques. Les mémoires lus dans les séances publiques sont insérés dans le Bulletin. Si leur insertion se fait attendre longtemps, les auteurs peuvent réclamer la restitution des manuscrits, à condition qu'ils les éditent à leurs frais, et en donnent au moins 50 exemplaires à la Société (ch. VI; a. 46). Le Δελτίον est envoyé gratis aux corps savants et aux membres de l'Association. Un chapitre spécial (VII) est consacré à la bibliothèque et au musée. Le tableau des sujets à développer dans les séances publiques (ἀναλυτικὸν διάγραμμα τῶν ὑπὸ τῆς ἐταιρίας σπουδαζομένων θεμάτων) gagne toujours en longueur. De trois pages (1878) il s'élève à six. Nous renonçons à y faire des emprunts.

A l'heure où nous écrivons, l'ère des *canonismi* n'est pas close. On nous annonce la promulgation prochaine des Statuts remaniés et réduits à 14 articles. On aura soin d'y ajouter de nouveaux θέματα oubliés dans les statuts précédents. Les chercheurs assidus de la Société constateront avec plaisir que, grâce à ces nouvelles additions, ils ne seront jamais à court de sujets dignes d'exercer la sagacité de leur esprit. En attendant le dixième remaniement du *canonismos*, nous croyons utile de reproduire le *pittakion* par lequel S. S. Joakim III donne sa haute approbation à la Société décidée à reprendre ses travaux. Le *pittakion*, adressé à M. Manuel Gédéon, est rédigé en ces termes: Πάνυ εὐμενῶς ἐδεξάμεθα τὴν ὑπὸ ἡμερομηνίαν κε' παρελθόντος Σεπτεμβρίου αὐτῆς υἱάκην ἀναφορὰν εὐαρέστως διατεθέντες ἡμεῖς καὶ ἡ περὶ ἡμῶν Ἱερὰ Σύνοδος, ἐξ ὧν ἀγγέλλει τῇ Ἐκκλησίᾳ περὶ τῆς ἐταιρίας, ὡς ἐγκαινισάσης νέαν περίοδον βίου ἐνεργοῦ καὶ ὑποβάλλει πρὸς

ἔγκρισιν τὰς ἀναθεωρηθείσας θεμελιώδεις αὐτῆς διατάξεις, καὶ ἐξ ὧν ἐκφράζει παρ' αὐτῆς εὐγνωμόνων αἰσθημάτων ἐπὶ τῇ συστάσει Ἀρχαιολογικοῦ χριστιανικοῦ Μουσείου ἐν τοῖς πατριαρχείοις, εἰς ὃ καὶ αὕτη φιλοτίμων συνεισφέρει ἐκ τῶν ἰδίων συλλογῶν τὸν ἔρανον αὐτῆς. Ἐκφράζοντες οὖν τῇ αὐτῆς ἔλλογιμότητι ἐπὶ πᾶσι τὴν πατρικὴν καὶ ἐκκλησιαστικὴν ἡμῶν εὐαρέσκειαν καὶ ἐκδηλοῦντες τὴν ἐπιδοκιμασίαν καὶ ἔγκρισιν τῶν ὑποβληθεισῶν ἐν ἄρθροις δέκα καὶ τέσσαρσι θεμελιωδῶν διατάξεων τοῦ Σωματείου, ἐξαιτούμεθα τούτῳ τὸν ἄνωθεν φωτισμὸν καὶ τὴν εὐλογίαν τοῦ Παναγάρχου Θεοῦ, οὗ ἡ χάρις καὶ τὸ ἄπειρον ἔλεος εἴη μετὰ τῆς αὐτῆς ἔλλογιμότητος. Le document est daté du 16 octobre 1901 («Tachydromos» de Constantinople, 14 novembre, 1901).

Passons maintenant à l'activité littéraire de la Société. Son oeuvre a-t-elle été utile au progrès des études byzantines et néo-grecques à Constantinople?... Qu'elle ait été utile, nous aurions mauvaise grâce à le nier. Nous nous permettrons cependant d'ajouter que la Société n'a pas produit ce que le monde savant était en droit d'attendre de la part de ses membres. Ceux-ci, n'en ont pas été toujours responsables. Leur initiative s'est heurtée maintes fois à des difficultés que l'on n'aurait pu aisément aplanir. La guerre turco-russe, en arrêtant la vie sociale de Constantinople, eut pour résultat d'exercer une influence fâcheuse et soporifique sur la vie intellectuelle. Plusieurs membres de la Société quittèrent cette ville où ils n'étaient pas sûrs du lendemain. Pour comble de malheur, le gouvernement turc ne tarda pas à regarder de mauvais oeil les Syllogues grecs, où sous prétexte de se livrer à des recherches savantes on faisait oeuvre de patriotisme. La Turquie ne peut oublier que les académies grecques du XVIIIe siècle furent les pépinières des hardis pionniers de l'indépendance. A plusieurs reprises le gouvernement turc opposa son *veto* aux travaux de l'Association, et celle-ci, impuissante à réagir, dut accepter la volonté du plus fort.

En d'autres circonstances, la Société, dans ses initiatives, ne trouva pas l'appui qu'elle avait sollicité, et qu'on n'aurait pas dû lui refuser. Pour ne citer qu'un exemple, au mois de juin 1875, elle adressa aux métropolitites et aux évêques grecs une circulaire, les invitant à rédiger des mémoires géographiques et historiques sur leurs éparchies respectives. La Société consacra à cette oeuvre beaucoup d'argent en pure perte. Deux prélats seulement se soucièrent de répondre à cette invitation: ce furent Timothée, évêque de la Chersonèse, et Callinicos Evtychydès, métropolitite de Xanthe¹).

1) Les Grecs feraient un travail très utile, s'ils s'appliquaient à recueillir les données historiques concernant leurs métropoles et éparchies. Ils ont déjà quelques ouvrages de ce genre, et ils devraient en multiplier le nombre. Citons entr'autres: Georges Tzoukala, Ἱστοριογεωγραφικὴ περιγραφή τῆς ἐπαρχίας Φιλιππουπόλεως, Vienne, 1851; N. Rizos, Καππαδοκικά· περιγραφή τῶν ἐπαρχιῶν Καισαρείας καὶ Ἰκονίου, Constantinople 1856; Anthime Alexoudès, Ἱστορικὴ περιγραφή τῆς ἱερᾶς μητροπόλεως Βελεγράδων, Corfou, 1868; Melirrytos, Ἱστορικὴ καὶ γεωγραφικὴ ὑπὸ ἐκκλησιαστικὴν ἐποψιν περιγραφή τῆς θεοσωστοῦ ἐπαρχίας Μαρωνείας, Constantinople, 1871; Mellissino Christodoulos, Περιγραφή ἱστοριογεωγραφικὴ τῆς ἐπαρχίας Σχράντα Ἐκκλησιῶν, Athènes, 1891; Basile Kandi

Une autre initiative de la Société aboutit aussi à un échec. On avait conçu le projet de dresser un catalogue raisonné des livres publiés par les Grecs depuis l'invention de la typographie jusqu'à 1830. L'entreprise était facile, dit M. Gédéon, dans le rapport mentionné plus haut: εύκολος ἦν ἡ πραγμάτωσις, κόπον ὀλίγον ἀπαιτοῦσα πρὸς μεταγραφὴν τίτλων βιβλίων μετὰ σημειώσεων τινῶν. Et cependant les appels réitérés de la Société restèrent sans écho. Emile Legrand s'est heureusement chargé d'une oeuvre où les Grecs n'auraient pas dû se laisser devancer par des étrangers, et ses 6 volumes de Bibliographie Hellénique sont un monument de critique et d'érudition.

Toujours féconde en projets, la Société exprima le désir que des prélats et des professeurs pussent, à des heures perdues, composer des monographies, recueillir des notes sur les monuments de l'art byzantin, collectionner les manuscrits et les livres anciens et copier les codices inédits. Dans ce but, en 1880, elle envoya au mont Athos M. Chrysanthidès, secrétaire général de l'Association, en 1881 M. Démétriadès, et en 1883 M. Pétridès. On les chargea de transcrire des documents ayant trait aux périodes byzantine et néogrecque. Le premier visita les laures du Pantocrator, d'Esphygménos, de Xénophon et d'Iviron. De retour à Constantinople, il déposa dans les Archives de la Société des cahiers volumineux, rédigés au cours de ses visites aux laures de la Sainte Montagne. Dans le compte-rendu officiel de son excursion (10 décembre 1880), M. Chrysanthidès donna la liste des documents transcrits, et acheva sa lecture par ces mots: ἡ ἡμετέρα ἐταιρία δὲν ἐζήτησεν, οὐδὲ ζητεῖ τὴν προσωρινὴν φήμην ἐκείνην, τὴν ὁποίαν δύναται νὰ παράσῃ εἰς ἄλλους ὁμίλους ἡ ἀκαριαία λάμψις μιᾶς θεατρικῆς παραστάσεως. Τὸ ἔργον ἡμῶν ἔσται πᾶσι «κτῆμα» ἔσαί (Ἐκθεσις τοῦ γενικοῦ γραμματέως Ν. Β. Χρυσανθίδου, περὶ τῆς εἰς ἅγιον Ὅρος Ἄθω ἀποστολῆς αὐτοῦ, Constantinople, 1881, p. 12).

L'Association conçut aussi le dessein de préparer un supplément à «l'Oriens christianus» de Lequien. Il sollicita l'appui du clergé pour dresser les listes des évêques des divers diocèses. Dans la 129me séance on lut un mémoire de M. André Leval, ancien élève de l'école des Hautes Études de Paris, et éphore du Musée de la Société. L'auteur y expose la nécessité de publier une nouvelle édition de «l'Oriens christianus» et d'ajouter à cette oeuvre monumentale un supplément depuis 1740 jusqu'à nos jours. Il indique les moyens pour y réussir et engage la Société à nommer une commission pour travailler dans ce but: Προτείνω ὑμῖν ὅπως ἡ ἡμετέρα Ἐταιρία ὀνομάσῃ εἰδικὴν ἐπιτροπὴν ἐκ μελῶν τοῦ τε Ἱστορικοῦ καὶ τοῦ ἀρχαιολογικοῦ Τμήματος πρὸς ὅσον τάχιον μελέτην τοῦ τρόπου, καθ' ὃν διοργανωθήσονται τὰ τῆς ἐργασίας πρὸς σύνταξιν τῆς ἀποφασισθείσης ἐγκυκλίου διὰ τὰς ἐπαρχίας,

---

Η Προῦσα, ἥτοι ἀρχαιολογική, ἱστορική, γεωγραφική καὶ ἐκκλησιαστικὴ περιγραφή αὐτῆς, μετ' ἐπισυνημμένων ἀρχαίων ἐπιγραφῶν, τοπογραφικοῦ χάρτου καὶ εἰκόνων διαφόρων οἰκοδομημάτων, Ἀθῆναι, 1883.

καὶ χάριν τῆς ἀλληλογραφίας, ἥτις συναφθήσεται μετὰ λογίων τῆς τε Δύσεως καὶ τῆς Ἀνατολῆς πρὸς ἐπίτευξιν τοῦ ἡμετέρου σκοποῦ (Leval, Περὶ κατάρτισεως ἐπισκοπικῶν καταλόγων, Constantinople, 1890, p. 10). A la fin de cette brochure, M. Gédéon a réuni de précieuses notes bibliographiques sur les catalogue des métropolitains et évêques de Césarée (Cappadoce), Ephèse, Héraclée, Cyzique, Nicomédie, Andrinople, Amasée, Ianina, Brousse, Berrhoia et Naoutza, Nicopolis et Prévésas, Pisidie, Trébizonde, Philippopoli, Serrès, Smyrne, Mytilène, Samos et Icaria, Vizya et Midia, Ancyre et Katyaéos, Philadelphie, Mélénik, Methymna, Maronia, Ganos et Khora, Chios, Lemnos, Imbros, Belgrade, Ochrida, Cassandra, Proconnèse, Dryinoupolis, Léros et Calymnos, Kolonia, Éleuthéropolis.

Autant que je sache, ce beau projet est resté à l'état de lettre morte. Nous sommes heureux d'annoncer que d'autres ont en vue de s'en charger. Le Congrès d'archéologie chrétienne, tenu à Rome du 17 au 25 avril 1900, faisait le meilleur accueil à la proposition du P. Louis Petit, et votait à l'unanimité l'ordre du jour suivant: Vu l'extrême utilité, pour l'avancement de la science chrétienne, d'une géographie historique de l'Orient chrétien, dans laquelle les grandes divisions ecclésiastiques seraient successivement décrites avec la statistique des diocèses et la liste des titulaires, le Congrès exprime le vœu qu'un travail de ce genre soit entrepris pour chacune des Eglises autocéphales de l'Orient, et préparé dès maintenant par la publication des actes officiels concernant ces Eglises, actes qui permettront de suivre, siècle par siècle, les modifications survenues dans les diverses provinces. Les rédacteurs des «Echos d'Orient» ayant abordé le travail pour les patriarchats de langue grecque, le Congrès les engage vivement à poursuivre leur oeuvre et souhaite que des comités du même genre soient constitués pour les autres Eglises orientales (Conventus alter de archaeologia christiana Romae habendus: Commentarius authenticus, n. 5, 18 mai 1900 p. 188).

En 1900 les listes épiscopales, rédigées par l'école byzantine de Cadikeuy, ne comptaient pas moins de 13,000 fiches, fournissant 6000 noms absolument nouveaux, et une foule de rectifications de dates (Un nouvel Oriens christianus — Echos d'Orient, 3e année, n. 16, juillet, 1900, p. 332). Une refonte complète de l'oeuvre de Lequien serait le plus beau titre de gloire des vaillants rédacteurs des «Echos d'Orient».

N'oublions pas non plus les projets d'une collection de photographies de monuments byzantins, d'un catalogue des manuscrits grecs dispersés dans les bibliothèques de Constantinople, et d'un travail sur la fabrication des briques (πλινθοποιία) à Byzance.

La Société fut plus heureuse dans ses conférences historiques. Sur ce point le concours des érudits ne lui fit point défaut. De 1873 jusqu'à 1890, on tint dans la grande salle de l'Association 75 conférences publiques. Nous donnons les titres des plus importantes, de celles surtout, qui, au dire de M. Gédéon, ajoutèrent quelques lignes à plusieurs pages de l'histoire

nationale du peuple grec (εις σελίδας τινὰς τῆς πατρίου, τῆς μεγάλης ἡμῶν ἱστορίας προσέθηκαν ὀλίγους τινὰς στίχους). Nous suivons l'ordre alphabétique, des auteurs: — 1 Chrysanthidès, Περὶ τῆς ἐν Θεσσαλονίκῃ μονῆς τῆς Ἀγίας Ἀναστασίας. — 2 Συμβολικαὶ παραστάσεις ἐν τῇ Ἐκκλησίᾳ τῶν κάτω χρόνων. — 3 Ἡ ἐν Πύργῳ τῆς ἐπαρχίας Δέρκων κατὰ τὸν ΙΗ' αἰῶνα ἑλληνικὴ σχολή. — 4 Ἡ κρίπτῃ τοῦ ἀγ. Ἀποστόλου Παύλου ἐν τῇ Χαλκιδικῇ. — 5 Περὶ τοῦ ἐν Μουχλίῳ οἴκου τῶν Καντακουζηνῶν. — 6 Dragazis, Ἡ μακεδονικὴ δυναστεία. — 7 Dracos, Ἀναγραφὴ χρονολογικὴ τῶν ἀπὸ τοῦ 1600 μητροπολιτῶν Γάνου καὶ Χώρας, καὶ τῶν ἐπισκόπων Τυρρῶν καὶ Μυριοφύτου. — 8 Περὶ τῆς ἐν Μοσχονησίᾳ μονῆς τοῦ Προδρόμου μετὰ χρονολογικῆς ἀναγραφῆς τῶν ἡγουμένων αὐτῆς. — 9 De Biazis, Βιογραφικὰ σημειώματα περὶ Λουκίας Ἀλβάνῃ, Αἰκατερίνης Λασκάρως, Φιλίππου Στρατηγοῦ, καὶ Ἀντωνίου Ῥοδοστάμου, — 10 Élevthérios, Οἱ φαναριῶται (paru dans la Πρωΐα 1876, et en brochure 1878). — 11 Βενιαμὶν ὁ Λέσβιος (paru dans la Κόριννα de Zante, t. III). — 12 Floridès, Νικηφόρος χαρτοφύλαξ (paru dans la Vérité Ecclésiastique, t. VI). — 13 Fotiadès, Ἡ βυζαντινὴ νομικὴ κατὰ τὸν Brunet de Presle. — 14 Fotinos, Σημειώματα περὶ τῶν ἐν Στέρνᾳ τῆς Θράκης τιμίων δώρων. — 15 Χρονολογικαὶ σημειώσεις περὶ τῆς ἐν Μυριοφύτῳ σχολῆς μετ' ἀντιγράφου συνοδικῆς πράξεως περὶ Μιτυλήνης, τοῦ πατριάρχου Ἱερεμίου Β' τῷ 1580. — 16 Gédéon, Ὁ Μεσαιωνικὸς Ἑλληνισμός (publié dans la brochure Μεσαιωνικὰ Ἀνάλεκτα, Athènes, 1874). — 17 Νικόλαος Λογάδης καὶ τὸ Λεξικὸν Κιβωτός (Id. Χρονικά τῆς πατριαρχικῆς Ἀκαδημίας, 1883, p. 191—93). — 18 Οἱ τελευταῖοι μητροπολίται τῆς Ἡρακλείας (1714—1830). — 19 Ἐκκλησία καὶ γράμματα ἐν τοῖς κάτω χρόνοις (tiré de l'ouvrage sur Cyrille Lucaris, Constantinople, 1874). — 20 Δωρόθεος Πρώιος (Χρον. τῆς Π. Α., p. 179—182). — 21 Ἡ κατὰ τοὺς τελευταίους αἰῶνας διανοητικὴ κίνησις τοῦ ἡμετέρου γένους (Μεσαιωνικὰ ἀνάλεκτα). — 22 Εἰσαγωγή τοῦ συγγράμματος περὶ Κυρίλλου τοῦ Λουκάρως (Πρωΐα, 1876). — 23 Περὶ Διονυσίου Δ' τοῦ Μουσελίμη καὶ τῆς πρὸς τοὺς ἀγγλικανοὺς σταλείσης ἐπιστολῆς αὐτοῦ. — 24 Ὁ πατριάρχης Ταράσιος. — 25 Ἑλληνικὸς Μεσαιὼν καὶ πολιτισμός (Κρόνος, Constantinople, 1880, p. 51—63). — 26 Εἰρήνης Σεβαστοκρατορίσεως ἀνέκδοτον ἐν Ἑλλάδι ποίημα μετὰ προλεγομένων (Athènes, 1879). — 27 Ἐπιτύμβια βυζαντινά. — 28 Τὰ ἐν Μουσείῳ τῆς ἐταιρίας ἔγγραφα βυζαντινὰ κεράμια. — 29 Περὶ τῶν πατριαρχῶν Ἀνθίμου Β' (1623), Διονυσίου Γ' (1661) καὶ Ἱερεμίου Γ' (1715) κατ' ἀνέκδοτα σημειώματα (Vér. Eccl., vol. 11, p. 601—609). — 30 Περὶ τῆς ἐν τῷ Δ' αἰῶνι ἀπεικονίσεως τῶν ἀποστόλων Πέτρου καὶ Παύλου. — 31 Περὶ τινων πλίνθων ἐκ τοῦ τείχους τοῦ Φαναρίου. — 32 Ἐπιτύμβια βυζαντινὰ τρία ἐκ Μουχλίου. — 33 Περὶ δύο λόγων ἱστορικῶν Βλασίου μητροπολίτου Ἄρτης (1663) καὶ Ἀναστασίου Παπαβασιλοπούλου. — 34 Grégoire, moine du Pantocrator, Κοσμάς Μακεδὼν ὁ μουσικός. — 35 Ioannidès, Ὅδοι καὶ γέφυραι παρὰ τοῖς Βυζαντινοῖς. — 36 Kipouridès, Σημειώσεις περὶ τῶν ἐν Κ. ἔξω τῶν χερσαίων τειχῶν νεκροταφείων τῶν ὀρθοδόξων. — 37 Kotzani Mélétios, Περὶ Ἀρσενίου τοῦ ἐκ Γαλατῶν. — 38 Loghiados, Δημήτριος λόγιος ὁ ἰατροφιλόσοφος. — 39 Leval, Σκέψεις περὶ καταρτίσεως ἐπισκοπικῶν καταλόγων. — 40 Lampoussiadès, Περὶ τῆς ἐν

Θράκη πόλεως Δεβέλτου. — 41 Michaëlidès, Ἱστορικὴ μελέτη περὶ τοῦ πατριάρχου Φωτίου. — 42 Molossos, Περί τινων ἐν Ἠπείρῳ μυνῶν. — 43 Mystakidès, Σελὶς πατριαρχικῆς ἱστορίας ἐκ τῆς 15' ἑκατονταετηρίδος (Διονύσιος Β', Μητροφάνης, Ἱερεμίας Β' (Vér. Eccl., t. I, et en brochure, 38 pages). — 44 Σημείωμα Θεοδοσίου Ζυγομαλά περὶ Σινᾶ, Ἀγίου Ὁρους καὶ τινων ἄλλων μυνῶν καὶ τῆς ἐν τῷ 15' αἰῶνι καταστάσεως αὐτῶν. — 45 (Démétrios) Polybios, Κρίσεις ἐπὶ τοῦ ἱστορικοῦ τοῦ σχίσματος καὶ τῆς ἐνώσεως τῶν ἐκκλησιῶν. — 46 Pappadopoulos-Kérameus, Τρία ἀνέκδοτα συνταγμάτια τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριαρχικοῦ θρόνου. — 47 Paparrigopoulos, Περί τῶν ἐν Τυρρῶν χριστιανικῶν ἀρχαιοτήτων. — 48 Stamatiadès, Ἱστορικαὶ παραδόσεις περὶ τῆς νήσου Κερπάρου. — 49 Sakkélion, Προσθήκη εἰς τὴν βιογραφίαν Νικηφόρου χαρτοφύλακος (paru dans le Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς εταιρίας τῆς Ἑλλάδος, t. Α'). — 50 Stamatellos, Ἐπιστολαὶ ἀνέκδοτοι λόγιων Ἑλλήνων τοῦ 11' αἰῶνος μετὰ βιογραφικῶν καὶ ἱστορικῶν ὑπομνηματίων. — 51 Stavrinis, Τὸ θρησκευτικὸν φρόνημα τοῦ πατριάρχου Κυρίλλου τοῦ Λουκάρου. — 52 Végleri, Περί τῆς παρὰ τῇ Ἀνατολικῇ ἐκκλησίᾳ μέχρι τοῦ 11' αἰῶνος ἀπεικονίσεως τῶν Ἀποστόλων Πέτρου καὶ Παύλου. — 53 Vizantios, Περί τῆς ἐν Ὁδησσῷ ἀποικίας.

En 1880, la Société fit paraître la première et la seconde livraison du Bulletin de ses séances (Δελτίον τῶν ἐργασιῶν τοῦ πρώτου ἔτους). Ces deux fascicules sont aujourd'hui introuvables. Les exemplaires ne furent pas distribués parce qu'ils n'étaient pas munis de l'approbation de la censure. La première livraison contient une étude de Kipouridès sur l'hellénisme du moyen-âge et les travaux parus en 1850—1880 (Ἡ τελευταία τριακονταετία καὶ ὁ ἑλληνικὸς μεσαιῶν, p. 1—55). D'après l'écrivain grec, l'hellénisme païen consiste dans l'épanouissement merveilleux de l'esprit, tandis que l'hellénisme du moyen-âge est caractérisé par la vie intense des passions qui bouillonnent dans son âme, et la noblesse des sentiments. Le premier engendre des chefs-d'oeuvre dans la littérature, les sciences, et les arts; le second écrit, chante, bâtit, peint, vit et agit dans un élan de pieuse confiance vers Dieu: Ὁ ἀρχαῖος ἑλληνισμὸς θαυμάζεται ἐπὶ τῇ μεγάλῃ ἐκείνῃ καὶ ἀνεφίκτῳ μέχρι τοῦδε ἐξάρσει τῆς διανοίας, ὑπ' ἧς ὁδηγούμενοι οἱ πρόγονοι ἡμῶν παρήγαγον τὰ σοφώτατα, τὰ ἐμβριθέστατα, τὰ κάλλιστα ἔργα ἐν τῇ φιλολογίᾳ, ἐν ταῖς ἐπιστήμαις, ἐν ταῖς τέχναις. Ὁ ἑλληνικὸς μεσαιῶν ὅμως διακρίνεται διὰ τὰ θαύματα τῆς καρδίας· κατ' αὐτὸν βλέπομεν ὅτι ὁ Ἕλλην γράφει, ᾄδει, οἰκοδομεῖ, ζωγραφεῖ, ζῇ καὶ ποιεῖ ἐν τέλει, ἔχων τὴν καρδίαν αὐτοῦ πλήρη ἱερᾶς πεποιθήσεως καὶ ζήλου διακαοῦς πρὸς τὸ πάνσοφον Ὄν (p. 10—11). Contre les théories de Fallmèyer, Kipouridès affirme que la chaîne reliant les Grecs de l'antiquité aux Grecs de nos jours n'a jamais été brisée: δὲν διεκόπη ἡ ἄλυσις, ἡ συνδέουσα τὸν ἀρχαῖον πρὸς τὸν νέον Ἕλληνα (p. 5). A la fin de son morceau oratoire, le Dr. Kipouridès donne une liste précieuse des ouvrages en grec moderne sur le moyen-âge byzantin (p. 13—52).

La «Revue critique» (12 avril 1880) décernait ses éloges aux membres de l'Association qui inauguraient la publication du Bulletin: «La Société philologique et littéraire, fondée à Constantinople, il y a quelques années pour

l'étude du moyen-âge byzantin, s'était vue dans la nécessité de suspendre ses travaux, par suite des circonstances douloureuses que l'Orient a traversées depuis 1875. Cette interruption vient enfin de prendre un terme depuis quatre ou cinq mois. La Société entièrement réorganisée a repris son oeuvre avec succès. Rechercher et publier les monuments écrits du moyen-âge byzantin, tel est le but qu'elle se propose. Elle fait un chaleureux appel à tous ceux qui s'occupent de l'Orient; elle accepte avec reconnaissance toutes les indications qu'on voudra bien lui fournir relativement à ce qui fait l'objet de ses études. Le président de cette société est M. Sabbas Joannidès, ex-professeur à l'école hellénique de Trébizonde, auteur estimé d'un livre sur les colonies grecques des bords du Pont-Euxin. L'un des membres les plus actifs et les plus instruits de la même Association est Manuel Gédéon. Ces deux noms seuls nous sont un sûr garant de la sollicitude et de la méthode que la Société apportera dans la direction de ses travaux. On ne saurait lui souhaiter un trop grand succès.»

La même livraison renferme quelques notes de M. Gédéon sur les briques byzantines (Ἐνπιγράφα Βυζαντινὰ κεράμια, p. 55—58) sur le prix des livres au commencement du XIX siècle (Ἡ τιμὴ τῶν βιβλίων ἐν ἀρχαῖς τοῦ ΙΘ' αἰῶνος, p. 61—64), et sur les écoles de musique après la prise de Constantinople (αἱ μετὰ τὴν ἄλωσιν σχολαὶ τῆς ἐκκλησιαστικῆς μουσικῆς, p. 87—96); une courte notice de Sabbas Joannidès sur la chapelle de Sainte-Théodosie (Τὸ εὐκτήριον τῆς ἁγίας Θεοδοσίας, p. 58—61) et la biographie de Néophytos Mavrommatis par Alexandre Lavriotis Evmorphopoulos (p. 65—87).

La seconde livraison contient un mémoire de Kipouridès sur un monogramme inédit du Christ (Ἀνέκδοτον μονόγραμμα τοῦ Χριστοῦ, p. 101—104), une dissertation de Michel Isaïas sur deux documents d'un codex Athonien, l'un intitulé: Περὶ τῆς εἰς τὸ Ὅρος ἀφίξεως τοῦ βασιλέως Μιχαὴλ τοῦ Παλαιολόγου καὶ τοῦ πατριάρχου Βέγκου. L'autre concerne la laure d'Esphygménos (Ὑπομνήματα παλαιὰ περὶ τοῦ ὄρους Ἄθω, καὶ περὶ τῆς ἱερᾶς μονῆς τοῦ Ἑσφυγμένου, p. 105—122). Manuel Gédéon parle dans la même livraison des savants et de la bibliothèque du couvent d'Iviron (Λόγιοι καὶ βιβλιοθήκαι τῆς ἐν Ἄθω ἱερᾶς μονῆς τῶν Ἰβήρων, p. 133—148).

La Société eut un renouveau d'activité et de vie dans les années 1892—93. A cette époque, avec le Syllogue grec de Constantinople, elle personnifiait le mouvement intellectuel de l'hellénisme *irredento*: Ὁ Σύλλογος, σὺν τῇ νεωτέρᾳ αὐτοῦ θυγατρὶ τῇ Μεσαιωνικῇ Ἑταιρίᾳ, ἐκπροσωπεῖ τὴν παρ' ἡμῖν πνευματικὴν κίνησιν, τὴν ἀλλαχοῦ μὲν εἰς ὕψος μέγα ἡρμένην, παρ' ἡμῖν δὲ πενιχρὰν ἀληθῶς (Ἑβδομαδιαία, ἐπιθεώρησις Νεολόγου, t. III, p. 86). Le 1er novembre 1892, Tapeinos y lut un travail sur le village de Bostandjik; Gédéon sur la convention entre Milosich Obrénovitch et le patriarche de Constantinople, convention relative à l'Eglise serbe; Mostratos sur les études byzantines en 1890—1892; Mystakidès sur la vie intellectuelle à Césarée au commencement du XIX siècle (Περὶ τῆς πνευματικῆς ἐν Καισαρείᾳ κατὰστάσεως ἐν ἀρχαῖς τοῦ ΙΘ' αἰῶνος paru dans le Néologos, 1892. — Cf.

Ἐβ. ἐπιθεώρησις, t. 11, p. 54—55). Dans la séance du 29 novembre (même année) on examina un vieux parchemin écrit en 1240 par Mathieu Perdicaris, moine de la laure de la Sainte-Trinité sise ἄγνωστος ἡ πόλις, ἐν ᾗ ἡ μονὴ ἔκατο ἀνατολικῶς τῆς ἐνταῦθα Ἑβραίδος. Végléri y donna lecture d'un mémoire sur l'église de la Sainte-Vierge de Chalkoprateia (Περὶ τοῦ τοπογραφικοῦ καθορισμοῦ τοῦ ναοῦ τῆς Θεοτόκου τῶν Χαλκοπρατείων). Le but de ce travail était de corriger les données erronées de Ducange, Labarte et Paspatis, d'étudier au point de vue critique les textes du Porphyrogénète, de Codinus, de Théophanes, de Zonaras, de Cédrenus, de Gilles, et de tirer sur le célèbre monument des conclusions nouvelles en s'aidant des recherches byzantines récentes et des Τυπικά du IX et X siècle.

Les séances du 14 et 21 février 1893 furent consacrées aux communications de Miliopoulos sur l'historien ture Chéid Ali (Περὶ τοῦ κύρους τοῦ ὁθωμανοῦ ιστοριογράφου Σείδ Ἀλή), de Gédéon sur l'école de Castoria (Περὶ τῆς ἐν Καστορίᾳ σχολῆς τοῦ Γεωργίου Καστοριώτου ἢ Καστριώτου), de Kalémi sur les *aghiasmata* (Περὶ τῶν ἐν Βαθυρρύακι καὶ Θεραπείαις ἀγιασμάτων. — Ἐβ. Ἐπ., t. 11, p. 372—73). Ce dernier sujet fut, à cette époque, l'objet de plusieurs études de la part des membres de l'Association: 1 Tapeinos, Τὰ ἀγιάσματα ὡς λείψανα ἀρχαίων ναῶν, Ἐβ. Ἐπ. 1893, p. 186—89. — 2 Miliopoulos, Ib., p. 224—25. — 3 Gédéon, Λείψανα βυζαντινῶν ναῶν ἐν τοῖς ἀγιάσμασιν, Ib., p. 144—45; 161—63. — 4 Kakaba, Τὸ λοῦμα τῆς Θεοτόκου τοῦ Ἀραβίνδου καὶ τὰ ἀγιάσματα παρ' ἡμῖν, Ib., p. 361—65; 381—84. — 5 Kalémi, Ib., p. 546—47; 565—66. — 6 Lamboussiadis, Περὶ τῶν παρ' ἡμῖν ἀγιασμάτων, Ib., p. 421—26.

Aux séances du mois de mars 1893, Lavriotis fit part de ses recherches sur l'école de Scopélos (Περὶ τῆς ἐν Σκοπέλῳ σχολῆς, Ib., p. 393); à celles du mois d'avril, Tourgoutis parla sur les Akritas (Ib., p. 470—71); Lavriotis sur Damien, patriarche de Constantinople (950—970); Pantazidès sur la pédagogie de l'Hellénisme au XVIIe siècle; Markos Vasiliou sur les variations de la notation musicale byzantine: περὶ τῆς ἀλλοιώσεως ἣν ὑπέστη ἡ μουσικὴ γραφὴ τῶν Βυζαντινῶν ἀπὸ τοῦ I αἰῶνος καὶ ἐντεῦθεν (Ib., p. 713, 730—31, 751—52).

Il ne nous a pas été donné de recueillir d'autres renseignements sur l'activité littéraire de la Société à partir de 1893. Les séances se succédèrent à des intervalles irréguliers et très espacés. La Grande Eglise, en proie à des crises d'ordre intérieur, n'eut guère le loisir de se préoccuper du sort de l'Association. Celle-ci continua à exister, mais pour ainsi dire nominale. Ses membres continuèrent à travailler, chacun dans le domaine qu'il s'était assigné, mais la Société elle-même s'engourdit dans une molle oisiveté, et l'on arriva presque à oublier son existence.

C'est à S. S. Joakim III que revient l'honneur de l'avoir rappelée à la vie, de l'avoir soustraite à cette obscurité qui pesait sur elle depuis quelques années: ἀνέστυεν (Joakim III) αὐτὴν ἐκ τῆς ἀφανείας, ἐν ᾗ ἐπὶ τόσα ἔτη ἐλάνθανε βιοῦν (Tachydromos, 12 novembre 1901). Joakim III, dont on

connaît le zèle pour tout ce qui touche de près à la prospérité de son Eglise et de son troupeau, et qui, au dire du «Constantinopolis», garde l'étincelle sacrée de l'action et imprime un nouvel essor aux manifestations diverses de la vie de la race grecque, a secoué de sa torpeur la Société d'études du moyen-âge: ἡ ἐπὶ πολλὰ ἔτη ἐπωφελέστατα δράσασα καὶ σημαντικὰ σημεῖα τῆς μεσσηλικῆς ιστορίας τοῦ Γένους καὶ τῆς Ἐκκλησίας ἡμῶν ἐπαρκῶς διαφωτίσασα καὶ ἐξιχνιάσασα, ἡ παρὰ τὰ ἀντίξοα καὶ τὸ ἀψίκορον τὸ χαρακτηρίζον ἡμᾶς εἰς πάντα ἐν γένει τὰ ἐγχειρήματα κατορθώσασα νὰ λειτουργήσῃ λυσιτελῶς, καίτοι ἐπανελημμένως εἰς νάρκην περιέπιπτε, νέαν ζωὴν λαμβάνει ἐπὶ τῆς εὐκλεοῦς πατριαρχείας τοῦ Παν. Πατριάρχου Ἰωακείμ τοῦ Γ' τοῦ ἀρχαίου διατηροῦντος τὸ πῦρ τῆς ἐργασίας καὶ νέαν ζωὴν ἐμφυσήσαντος εἰς πάντας τοὺς κλάδους τῶν καθ' ἡμᾶς πραγμάτων (Constantinopolis, 17 novembre, 1901). Il adresse une circulaire aux métropolitites et aux évêques grecs, leur enjoignant d'envoyer au patriarcat les anciens codices et les reliques archéologiques du moyen-âge byzantin pour empêcher ainsi leur dispersion; il inaugure, par un représentant, ὑπὸ οἰωνοῦς λίαν αἰσίους, la reprise des travaux de l'Association; il approuve la nouvelle constitution de la Société, que préside M. Gédéon, ὁ ὀρθρὸς τῆς μεσσηλικῆς ιστορίας σκαπανεύς. La cérémonie d'inauguration eut lieu le 11 novembre 1901. Mgr. Dorothée, métropolitite de Nicopolis et Prévéza, a commencé par la célébration de la liturgie dans l'église du *Metochion* du Saint-Sépulchre. On y fit mention des membres de la Société défunts. A 1 h. $\frac{1}{2}$ de l'après midi, dans la Grande Ecole Nationale se réunit une foule d'élite, où l'on remarquait les métropolitites de Varna et de Cassandra, les évêques de Sardes et d'Ersek, les délégués de la presse orthodoxe, plusieurs dignitaires du Phanar. La séance commença par la prière d'usage dite par l'archimandrite Grégoire Constantinides. M. Gédéon, Chartophylax de la Grande Eglise, ἄνευ τοῦ ὁποίου οὔτε θὰ ὑπῆρχεν (ἡ ἐταιρία), οὔτε θὰ ἐλειτούργει, ἀλλ' οὔτε καὶ τὸ «λάθε βιώσας» πλειστάκις θὰ ἐφήρμοζεν, déclara ouverte la séance. Le vice-président Elefthérios Tapeinos donna lecture du Πιττάκιον de S. S. Joakim III, approuvant la Société, et confirmant ses Statuts. M. Gédéon lut alors une dissertation pleine d'érudition: Καινοφανὴς ἀνασκόπη παλαιῶν ιστορικῶν μνημείων. Le distingué byzantiniste fit ressortir l'importance de récentes découvertes dans le domaine de l'histoire. Des documents, qu'on dirait de prime abord dénués de valeur, révèlent à ceux qui savent les apprécier, de véritables trésors. Cette lecture fut suivie d'une discussion sur la nécessité de recueillir les monuments de l'antiquité chrétienne et de les abriter à l'ombre du Phanar. La discussion fut vive. Les uns proposaient de réunir ces reliques du passé dans le musée d'archéologie chrétienne du Phanar; d'autres se rangeaient à un avis contraire. On finit par décider que le Conseil de la Société aurait soin de trancher à son gré le différend. L'Association doit être le bras droit (δεξιὸν βραχίονα) du Musée, parce qu'elle seule est à même de juger sur la réelle valeur des pièces qui y sont contenues, et qui lui parviendront à l'avenir.

Nous n'avons presque rien à dire sur le Musée et la Bibliothèque de la Société. Le plus grand désordre y règne; les catalogues y font défaut, et les visiteurs ne peuvent guère y pénétrer. La bibliothèque et les Archives gardées dans la salle de la *Λέσχη Μνημοσύνη* (Club grec) comptent un millier de volumes; le Musée un millier de pièces et quelques manuscrits. Bibliothèque et Musée ont été cédés au Patriarcat oecuménique. On s'est empressé, dans quelques éparchies, de répondre au *pittakion* de S. S. Joakim III par l'envoi de codices, d'objets artistiques et de pièces byzantines. Citons au nombre des donateurs Macridès Pacha (Codex contenant un recueil de canons), Germanos métropolitain de Tarsos et Adana (une croix ancienne en bronze), le protosyncelle Chrysostome, S. Ex. N. Mavrocordato (quelques livres), Maltzev (ses ouvrages), le métropolitain d'Amasée (livres, manuscrits, objets antiques), Photios, métropolitain de Philippoli (reliquaires et une croix artistique), Jean métropolitain de Leros et Calymnos (manuscrits, une collection de monnaies byzantines, et de sceaux patriarchaux). Cf. *Ἑκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια*, n. 1, 1902, p. 16; n. 4, p. 48; n. 9, p. 104.

Nous faisons des vœux pour que la Société si brillamment organisée en novembre 1901 ne subisse plus dans ses travaux les interruptions fâcheuses d'antan. Ces vœux nous les formons surtout pour la prompte réorganisation de son Musée. Le Marquis de Queux de Saint-Hilaire écrivait en 1877: «En Orient les hommes se lassent très vite, et sinon l'indifférence, du moins l'apathie succède promptement à l'énergie du premier mouvement» (Annuaire de l'Ass. pour l'encouragement des études grecques, 11e année, p. 299). Puissent ces paroles ne pas s'appliquer aux membres de la Société d'études du moyen-âge! S'il leur a été donné d'ajouter quelques pages intéressantes à l'histoire du mouvement littéraire de l'hellénisme en Orient, il faut à présent que leur initiative ne soit pas une oeuvre éphémère, mais une suite constante de nobles efforts pour éclaircir les annales bien souvent obscures de leur race et de leur Eglise.

P. Aurelio Palmieri.

Сборникъ византийскихъ грамотъ.

Проф. Крумбахеръ въ Byz. Zeitschr. XI (1902), 1 — 2, стр. 293 — 296, говорить подробно о проектѣ изданія «Сборника греческихъ грамотъ среднихъ вѣковъ и новаго времени», издаваемого по предложенію Баварской Академіи Наукъ Ассоціаціей европейскихъ Академій.

К. Э. Крумбахеръ распредѣляетъ весь матеріалъ, подлежащій изданію, на 4 главные группы: 1) 6 томовъ «Acta et Diplomata», изданныхъ Миклошичемъ и Мюллеромъ въ Вѣнѣ и въ настоящее время распроданныхъ. 2) Греческія грамоты изъ Южной Италіи и Сициліи, изданныя въ мало доступныхъ изданіяхъ Спата, Тринкера и Куза, а также въ раз-

ныхъ журналахъ. 3) Неизданныя грамоты на Синаѣ, въ Эпирѣ, Трапезунтѣ, на Лесбосѣ, Хиосѣ и Самосѣ, въ патріархін въ Константинополѣ, отчасти уже приготовленныя къ печатанію А. И. Пападопуло-Керамевсомъ. 4) Аѳонскія грамоты, собранныя епископомъ Порфиріемъ Успенскимъ и поступившія въ Императорскую Академію Наукъ въ С.-Петербургъ.

Засѣданіе Ассоціаціи Академій въ Парижѣ въ 1901 г., одобрявъ въ принципѣ планъ изданія сборника грамотъ, постановило составленіе подробной программы поручить особой Комиссіи, которая должна представить готовую программу въ засѣданіе Ассоціаціи, имѣющее быть въ Лондонѣ въ 1904 г.

Во главѣ этого дѣла состоятъ проф. К. Крумбахеръ въ Мюнхенѣ и и проф. К. Иречекъ въ Вѣнѣ.

† Ф. Кс. Краусъ. — Христіанская археологія — наука еще юная. Но она уже насчитываетъ въ своей исторіи цѣлый рядъ дѣятелей, которымъ обязана своимъ развитіемъ, своимъ успѣхомъ. Среди этихъ дѣятелей въ наше время послѣ де Росси, Ле-Блана одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ занималъ Ф. Кс. Краусъ: 28 декабря 1901 года этотъ ученый скончался въ с. Ремо. Его смерть вызываетъ глубокую скорбь во всѣхъ, кому дороги интересы исторической науки въ широкомъ значеніи этого слова, кто близко зналъ его или лично, или по многочисленнымъ его трудамъ. На протяженіи болѣе тридцати лѣтъ, покойный ученый работалъ, не покладая рукъ, въ области христіанской археологіи, которую обогатилъ многими цѣнными трудами, принесшими большую пользу; они надолго еще не утратятъ своего значенія, особенно посвященные изданію отдѣльныхъ памятниковъ христіанскаго искусства, археологіи. Мы въ настоящее время не имѣемъ намѣренія излагать подробно всю дѣятельность покойнаго (къ чему, можетъ быть, обратимся впослѣдствіи); мы укажемъ только въ общихъ чертахъ на его труды и значеніе ихъ, чѣмъ посылно почтимъ славную память его, какъ истиннаго труженика науки.

Проф. Краусъ родился въ 1840 году въ г. Трирѣ; отецъ его былъ живописецъ. Семейная обстановка, памятники города, близкіе знакомые (Вильмовскій, баронъ Роазинъ, живописцы Густавъ Ласинскій, Яковъ Кифферъ, архитекторъ Шмидтъ) внушили юношѣ любовь къ памятникамъ искусства, къ родной старинѣ, и специально средневѣковой. Эту любовь развивалъ въ немъ, какъ и вообще въ лучшихъ представителяхъ тогдашняго западно-европейскаго общества, романтизмъ. Романтизмъ, какъ извѣстно, былъ тѣсно связанъ съ національнымъ движеніемъ, стремившимся изучить, возстановить падавшіе памятники средневѣковаго искусства. Въ это время слагавшаяся наука христіанскаго искусства въ Германіи и Франціи вытекала почти изъ исключительнаго интереса къ своимъ собственнымъ національнымъ памятникамъ средневѣковаго искусства. Такъ, напр., Ваагенъ началъ свои изслѣдованія съ изученія иконъ и картинъ

древннѣмецкимъ мастеровъ, Шнаазе — національныхъ памятниковъ въ Нидерландахъ и на Рейнѣ, и др.; во Франціи то же самое, напр., Де Комонъ изслѣдуетъ памятники средневѣковаго искусства по французскимъ памятникамъ.

По примѣру своихъ современниковъ и Краусъ, послѣ основательныхъ изученій филологіи въ Боннѣ подъ руководствомъ Ричля и Яна, обратился прежде всего къ изученію родныхъ памятниковъ старины. Рядъ его основательныхъ штудій, появившихся въ «Bonner Jahrbücher», посвященъ былъ именно роднымъ памятникамъ Рейнской области. Къ этому же первому періоду его дѣятельности относится начало подготовленія капитальнаго труда, посвященнаго тѣмъ-же памятникамъ, «Christliche Inschriften der Rheinlande», который былъ изданъ лишь позже, черезъ десять лѣтъ. Сюда же примыкаетъ его трудъ, написанный въ бытность его студентомъ или капеланомъ Пфальца, 1-й и единственный томъ, изданный въ 1868 г., «Beiträge zur Trier Archäologie und Geschichte».

Будучи духовнымъ католикомъ по положенію, Краусъ оставался свободнымъ въ своихъ научныхъ убѣжденіяхъ по поводу тѣхъ или иныхъ изслѣдуемыхъ имъ предметовъ. Такимъ онъ явился, напр., въ томъ спорѣ, въ который вступилъ въ научную археологическую литературу по поводу ампулъ съ кровью въ римскихъ катакомбахъ. Въ 1868 г. онъ издалъ статью «Blutampullen der römischen Katakomben», переработанную имъ въ 1872 г. и изданную подъ заглавіемъ «Ueber den gegenwärtigen Stand der Frage nach dem Inhalte der römischen Blutampullen». Здѣсь ученый, не смотря на постановленіе Congregatio Rituum et Reliquiarum отъ 10 апрѣля 1668 г. признавать въ этихъ сосудахъ — остатки мученической крови и считать похороненныхъ въ гробницахъ съ такими сосудами за мучениковъ, — разобралъ этотъ предметъ такъ, какъ показали изслѣдованія, и не отрицалъ, что во многихъ случаяхъ въ сосудахъ — остатки вина, а не крови.

Въ 1870 г. Краусъ посѣтилъ Римъ, гдѣ остался надолго и завязалъ дружественныя связи съ основателемъ науки христіанской археологіи Дж. Бат. де-Росси, не прерывавшіяся имъ до конца жизни послѣдняго, и съ нѣкоторыми другими мѣстными учеными. Основательное знакомство съ трудами де-Росси, его открытіями въ области римскихъ катакомбъ дало возможность Краусу издать въ 1873 г. прекрасный трудъ «Roma Sotteranea»; но этотъ трудъ въ 1-мъ изданіи представлялъ переработку извѣстной книги бр. Northcote-Brownlow'a; во второмъ изданіи (1879) этотъ трудъ подвергся самостоятельной переработкѣ, и не утратилъ своего значенія даже для настоящаго времени.

Одновременно (въ 1871—75) въ учебникѣ «Исторія церкви» онъ отвѣлъ большое мѣсто археологіи и исторіи искусства, выдвигая значеніе для исторіи памятниковъ искусства. Его взглядъ на понятіе, объемъ исторіи христіанской археологіи прекрасно выраженъ въ извѣстной рѣчи его, вступительной лекціи къ чтенію исторіи церкви въ высшей школѣ

въ Фрейбургѣ, въ 1878 г.: «Begriff, Umfang und Geschichte der christlichen Archäologie». Ранѣе онъ читалъ исторію церкви въ Страсбургѣ, отводя, также на ряду съ исторіей, патрологіей большое мѣсто и археологii.

Большую услугу Краусъ оказалъ христіанской археологii изданіемъ реальнаго энциклопедическаго словаря христіанскихъ древностей изъ разныхъ областей, такъ что въ этомъ словарѣ, вышедшемъ въ 2-хъ томахъ «Realencyklopädie der christlichen Alterthümer» (1882—1886), своего рода полная культурная исторія первыхъ шести вѣковъ христіанства. Наряду съ статьями различныхъ специалистовъ самому издателю принадлежитъ среди нихъ масса статей. Большая часть этихъ статей имѣетъ свою цѣнность и до настоящаго времени, для всякаго занимающагося христіанской археологіей этотъ словарь—настоящая книга. Краусъ предполагалъ по окончаніи своей исторіи христіанскаго искусства восполнить во 2-мъ изданіи нѣкоторые пробѣлы словаря, но этого, къ сожалѣнію, ему не пришлось сдѣлать.

Къ капитальнымъ трудамъ его наряду со «Словаремъ» нужно отнести сборникъ надписей, надъ которымъ онъ работалъ около 10 лѣтъ—«Christliche Inschriften der Rheinlande» (1890—1894). Такого же значенія и достоинства—четырехтомное изданіе «Kunst und Altertum in Elsass-Lothringen» (1876—1892) и шеститомное «Kunstdenkmäler Badens». Этими трудами Краусъ оказалъ цѣнную услугу изученію родныхъ памятниковъ старины и общей исторіи искусствъ и древностей.

Проф. Краусъ изучалъ памятники искусства и древностей не только по изданіямъ научнымъ, но и непосредственно при своихъ многочисленныхъ путешествіяхъ. Естественно, что онъ могъ при этомъ развить свой художественный вкусъ, любовь къ прекрасному. И этотъ вкусъ и любовь, конечно, руководили имъ въ выборѣ своихъ научныхъ занятій, въ оцѣнкѣ художественныхъ произведеній. Но съ другой стороны несомнѣнно, что и въ трудахъ первой поры своей дѣятельности и болѣе поздней—онъ является болѣе археологомъ, чѣмъ собственно историкомъ искусства, его главнымъ образомъ интересовало содержаніе христіанскихъ памятниковъ и то или иное отношеніе ихъ къ церкви, культу, къ догмѣ церкви, къ литургii, безъ настоящаго знанія которой, по его словамъ, невозможно пониманіе средневѣковыхъ памятниковъ. Хотя мы выше указали, что Краусъ былъ свободенъ отъ безусловнаго подчиненія идеямъ римскихъ догматовъ въ объясненіи памятниковъ, однако принадлежность его къ католицизму наложила сильный отпечатокъ не только въ трактованіи отдѣльных подробностей въ извѣстномъ памятникѣ, но и цѣлыхъ эпохъ, въ приуроченіи отнесенія цѣлаго ряда памятниковъ искусства къ одной только школѣ. Этой школой для Крауса является Римъ. Въ Римѣ, по его воззрѣнію, создалось въ первые вѣка христіанства христіанское искусство и созданнымъ здѣсь питалось послѣдующее искусство.

Онъ игнорируетъ византійское искусство, не въ состояніи видѣть въ

памятникахъ его новое направленіе, выработавшееся подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій, онъ не отличаетъ его вліянія на западные памятники, для которыхъ въ нѣкоторые періоды оно было главенствующимъ. Онъ даетъ характеристику эпохъ, но исходитъ при этомъ не изъ предварительнаго научнаго изученія памятниковъ, а изъ общихъ своихъ воззрѣній, теорій, подъ которыя подгоняетъ самую характеристику памятниковъ; собственно онъ очень часто оперируетъ не надъ памятниками, а надъ мнѣніями, высказывавшимися по поводу нихъ другими. Эти замѣчанія относятся въ значительной части къ его капитальному труду, посвященному исторіи христіанскаго искусства, «Geschichte der christlichen Kunst» (1896—1900). Этотъ трудъ его, какъ извѣстно, касается не только древне-христіанскаго искусства, но всего христіанскаго искусства, въ различные періоды его существованія — до новѣйшаго времени. При тѣхъ недостаткахъ его, на которые указано выше, онъ является весьма полезнымъ; онъ затрагиваетъ въ немъ множество важныхъ и существенныхъ вопросовъ, даетъ обзоръ различныхъ теорій, даетъ обзоръ многочисленныхъ памятниковъ, указываетъ на литературу предмета, даетъ характеристику памятниковъ и другихъ эпохъ. Этотъ трудъ потребовалъ у Крауса много подготовительныхъ работъ и, конечно, могъ быть исполненъ имъ, благодаря предварительной постоянной работѣ въ области христіанской археологіи, за развитіемъ которой онъ слѣдилъ, отмѣчая ежегодно въ Repertorium für Kunstwissenschaft всѣ выходящія и крупныя изданія, и самыя мелкія статьи. «Исторія христіанскаго искусства» Крауса — трудъ, съ которымъ долженъ считаться всякій изслѣдователь христіанскаго искусства уже въ виду одного положенія, которое занималъ авторъ въ научной литературѣ; съ другой стороны это весьма полезное пособіе для всякаго занимающагося христіанской археологіей, какъ для справокъ, такъ и для общаго ознакомленія съ исторіей христіанскаго искусства.

Изъ другихъ трудовъ историко-археологическихъ укажемъ на: «Kunst bei den alten Christen» (1868); «Die Synchronistischen Tabellen zur christlichen Kunstgeschichte» (1880); «Die Miniaturen des Codex Egberti» (1884); «Die Wandgemälde der St. Georgskirche zu Oberzell» (1884); «Die Miniaturen der Manesse'schen Liederhandschrift» (1887); «Die Universitätskapelle des Freiburger Münsters» (1891); «Die Wandgemälde von S. Angelo in Formis» (1893).

Послѣдніе труды имѣютъ особенную цѣнность по изданію весьма важныхъ памятниковъ исторіи искусствъ, для исторіи древне-нѣмецкихъ школъ живописи (Рейхенау).

Къ числу крупныхъ трудовъ Крауса надо отнести его обширное изслѣдованіе, посвященное великому католическому писателю, произведеніе котораго заключаетъ въ себѣ всю энциклопедію средневѣковья — Данту: «Dante-Werk» (1897); помимо общаго очерка его жизни и произведеній онъ останавливается здѣсь и на художественныхъ произведеніяхъ,

созданныхъ подъ вліяніемъ этихъ его произведеній; сюда же примыкаетъ изданный имъ ранѣе трудъ «Signorelli's Illustrationen zu Dante's Divina Comedia» (1892).

Таковы далеко еще не всѣ перечисленные труды покойнаго ученаго. Они, какъ мы видѣли, даже изъ краткаго ихъ перечня,—обширны. Они касаются различныхъ областей христіанскихъ древностей, и въ общемъ представляютъ богатое наслѣдіе, оставленное имъ исторической наукѣ. Великое и прекрасное было не чуждо покойному; оно отразилось по своему въ его трудахъ. Онъ трудился во имя ихъ всю жизнь; и потому, хотя при жизни онъ былъ почти одинокъ, окруженный немногими друзьями, и хотя эту жизнь онъ покидалъ также одиноко, однако память о немъ будетъ дорога многимъ, всѣмъ, кому дороги интересы духовной культуры.

Е. Р.

† В. Н. Ериштедтъ. 21 Августа въ Силамягахъ, Эстляндской губ., скончался профессоръ С.-Петербургскаго Университета, академикъ Викторъ Карловичъ Ериштедтъ. Некрологъ покойнаго мы сообщимъ въ слѣдующемъ выпускѣ журнала.

ОТДѢЛЪ I.

Синайскія иконы восковой живописи.

Въ Церковно-Археологическомъ Музеѣ при Кіевской Духовной Академіи хранятся четыре иконы, писанныя восковыми красками. Эти иконы были привезены преосвященнымъ Порфиріемъ Успенскимъ изъ Синайскаго монастыря. Двѣ изъ этихъ иконъ обратили на себя особенное вниманіе ученыхъ и были изданы Стржиговскимъ, профессоромъ университета въ Грацѣ, двѣ другія долго оставались въ неизвѣстности, не смотря на свое первостепенное достоинство, и только недавно были изданы академикомъ Н. П. Кондаковымъ въ его новомъ трудѣ: Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ (Спб. 1902, табл. XLVIII и XLIX, стр. 124 сл.). Въ виду важности этихъ иконъ для исторіи византійской живописи и въ частности для особаго отдѣла ея — иконописи, здѣсь предлагается изданіе и описаніе всѣхъ четырехъ иконъ¹⁾.

1) Во время моего пребыванія въ Кіевѣ лѣтомъ 1901 года я имѣлъ возможность изучить какъ эти, такъ равно и другія иконы Порфирьевской и Муравьевской коллекцій. Благодаря любезности и предупредительности директора Музея, профессора Академіи Н. И. Петрова, я получилъ нѣсколько отличныхъ фотографическихъ снимковъ съ иконъ упомянутыхъ коллекцій и надѣюсь надать ихъ въ свое время. Три издаваемыхъ фотографіи были заказаны мною лично въ Кіевѣ, четвертая же, именно, фотографія съ иконы Сергія и Вакха, надается здѣсь по оттиску, отданному въ мое распоряженіе Н. П. Кондаковымъ, такъ какъ моя фотографія, хотя и большіе размеры, слабо передаетъ нѣкоторыя части иконы. Приношу мою искреннюю благодарность Н. И. Петрову за его содѣйствіе при занятіяхъ въ Музеѣ и Н. П. Кондакову, которому я обязанъ и многими другими фотографіями съ Кіевскихъ иконъ.

Издаваемыя иконы упоминаются кратко самимъ епископомъ Порфиріемъ въ его трудахъ: «Второе путешествіе на Синай», 1850 г., стр. 164, и въ статьѣ «Абиссинія», помѣщенной въ Труд. Кіевск. Дух. Акад. Мартъ 1866 г. Первое указаніе на важность этихъ иконъ находимъ также у самого Порфирія, но приблизительная оцѣнка ихъ историческаго значенія сдѣлана впервые Н. И. Петровымъ въ его изданіи:

Византійскія Временныя.

I.

Икона № 3316 (см. табл. I).

Самая большая и древняя икона представляет погрудные бюсты мученика и мученицы, изображенных рядомъ. Надъ ними крестъ въ лучахъ. Высота иконы 0,54 с., ширина 0,48 с., толщина доски не превосходить 7 — 8 миллиметровъ.

Икона была реставрирована, но съ большой осторожностью и уваженіемъ къ ея древности. Фонъ, цѣликомъ опавшій, остался безъ поправокъ. Правая сторона иконы, однако, была сдѣлана заново. Значительная часть доски оказалась здѣсь не достающей, и потому обломанная часть иконы и рама были сдѣланы реставраторомъ заново, чтобы придать приличный видъ иконѣ. Фотографія ясно передаетъ новый видъ этой части иконы и мѣста соединенія древней и новой досокъ. Присоединенная дощечка идетъ, расширяясь, къ низу. Вверху она имѣетъ 8,3, внизу 10 с. Остатки надписи, идущей по верху иконы, обрываются на мѣстѣ склейки двухъ досокъ, что еще болѣе затрудняетъ чтеніе этой надписи. На новой доскѣ дописаны недостававшія части фигуры мученицы, что и обмануло прежнихъ изслѣдователей, считавшихъ всю икону подлинной. На самомъ дѣлѣ реставраторъ писалъ довольно жидкими масляными красками, примѣняясь къ свѣтлому тону восковыхъ красокъ и ихъ шероховатому виду. Такимъ образомъ написаны вновь: правая прядь волосъ мученицы и часть ея щеки, при чемъ реставраторъ, подражая лѣвой пряди, не изобразилъ уха, которое должно было быть на виду, такъ какъ лицо написано почти въ три четверти къ зрителю. Написаны заново вся правая часть фигуры съ плечомъ, примыкающимъ къ рамѣ, часть праваго перекрестья у креста и рука, держащая его. Слѣды краски лежатъ также вокругъ глазъ и на переносѣ женскаго лица, что ясно показываетъ и фотографія. Глаза и брови подведены коричневой

«Коллекціи древнихъ восточныхъ иконъ..., завѣщанныхъ преосвященнымъ Порфиріемъ (Успенскимъ) Церковно-Археологическому Обществу» (Труды Киевск. Дух. Акад., сент.-окт. 1886 г.) и въ «Указателѣ Церковно-Археологич. Муз.», Киевъ 1897, стр. 96, а затѣмъ въ упомянутомъ сочиненіи академика Кондакова. Икона съ изображеніемъ мученика и мученицы была издана Стржиговскимъ въ Вуз. Denkm. I, Wien 1891, В. VIII, но не въ цѣломъ видѣ. Фигура мученика издана по фотографіи, а вся икона по рисунку отъ руки отдѣльно. Икона Сергія и Вакха издана имъ-же во время приготовленія настоящаго изданія и кратко описана со словъ Сонни въ сочиненіи «Orient oder Rom», Leipzig 1901, стр. 128 — 4, рис. 47.

краской, вслѣдствіе чего измѣнился характеръ очертаній глазъ. Съ обратной стороны приклеенная доска имѣетъ совершенно свѣжій видъ; она заново выстрогана, имѣетъ желтый цвѣтъ и отличается отъ сѣраго цвѣта древней.

Фонъ, очевидно, былъ золотой, такъ какъ позолота сохранилась подъ прядью волосъ мученицы у праваго ея плеча. Золотыя блески видны на лучахъ, падающихъ по сторонамъ креста. Лучи были испещрены продольными линиями, какъ показываютъ ихъ сохранившіяся частицы. Крестъ былъ также золотой, украшенный драгоценными камнями, сдѣланными въ легкомъ рельефѣ. На поверхности нѣкоторыхъ камней четырехугольныхъ и овальныхъ сохранились остатки красной и голубой красокъ. Очертанія креста, лучи и нимбы поднимаются надъ поверхностью фона также невысокимъ рельефомъ, не больше одного миллиметра. Примѣненіе рельефа для нѣкоторыхъ частей иконы и особенно подражаніе драгоценнымъ камнямъ придаетъ ей особый интересъ для исторіи рельефныхъ иконъ и иконъ, украшенныхъ драгоценными камнями, но исполненныхъ живописно.

Рельефныя части иконы, равно какъ и фонъ, образованы изъ восковой массы сѣраго цвѣта и зернистаго состава. Эта масса тонкимъ слоемъ лежитъ на левкасѣ, очень прочномъ и почти нигдѣ не опавшемъ въ большихъ кускахъ. Способъ приготовленія дощечекъ для живописи еще въ античной древности требовалъ употребленія левкаса. Πίναξ λελευχομένης упоминается какъ античными, такъ и христіанскими писателями на ряду съ такими терминами, какъ Λευκάς, Λεύκωμα, Λεύκωσις¹⁾.

Погрудные бюсты мученика и мученицы, изображенныхъ рядомъ, представлены съ соблюденіемъ основныхъ свойствъ античнаго семейнаго портрета, представляющаго супружескую чету. Лица слегка обращены другъ къ другу, съ цѣлью выразить близкое отношеніе другъ къ другу изображенныхъ святыхъ, равно и для того, чтобы по приему античной портретной живописи рѣзче обозначить черты лица. Лицо мученицы, однако, болѣе обращено въ сторону мученика. Послѣдній представленъ почти въ полный en face къ зрителю и только болѣе широкая правая щека его и болѣе широкая тѣнь съ правой

1) Ср. эти термины у Sophocles, Gloss. У Аомнагора употребленіе выбѣленной доски приписывается уже Кратону, первому изобрѣтателю живописи: καὶ σχιγραφίας μὲν εὐραδείσης ὑπὸ Σαυρίου, ἱππον ἐν ἡλίῳ περιγράφαντος, γραφικῆς δὲ ὑπὸ Κράτωνος, ἐν πίνακι λελευχομένην σχιάς(ν) ἀνδρὸς καὶ γυναικὸς ἐναλείφαντος. Patr. gr. VI, col. 924 A.

стороны носа обнаруживаютъ легкое отклоненіе лица вправо, къ мученицѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ фигура мученицы выдвинута на первый планъ и одежды ея ложатся поверхъ одеждъ мученика. Въ этихъ съ перваго взгляда какъ бы случайныхъ чертахъ христіанской иконы сказываются, однако, наиболѣе существенныя свойства двуличнаго портрета античной древности. Портретъ Пакувія Прокла и его жены, найденный въ Помпеяхъ, представляетъ въ болѣе жизненныхъ чертахъ эти особенности и даетъ объясненіе многимъ другимъ особенностямъ христіанской иконы, которыя нельзя встрѣтить на извѣстныхъ египетскихъ портретахъ (рис. 1). На этомъ замѣчательномъ портретѣ

Рис. 1. Портретъ Пакувія Прокла и его жены (Помпеи).

Пакувій Проклъ, хотя и повернутъ торсомъ къ своей женѣ, но глядитъ прямо на зрителя и лицо его написано въ полный en face. Жена его, какъ женщина и подруга, болѣе обращена къ мужу и заботливо поставлена впереди его. Пакувій стоитъ за женой, какъ ея хранитель. Въ христіанскомъ портретѣ эти черты утеряли свою выразительность и художественный смыслъ, но онѣ ясно указываютъ на свой перво-

источникъ — античный семейный портретъ. Эта послѣдняя черта античнаго портрета очень выразительно передана на миниатюрномъ стеклянномъ медальонѣ, вдѣланномъ въ нижнюю часть извѣстнаго Брешианскаго креста (табл. II). Художественность исполненія семейнаго портрета на этомъ медальонѣ въ свое время повела къ предположенію о его поддѣльности. Теперь, когда стала извѣстна длинная серія египетскихъ портретовъ, сомнѣваться въ подлинности Брешианскаго медальона — невозможно. Сынъ и дочь представлены рядомъ и занимаютъ тѣ-же мѣста, что и святые на описываемой иконѣ. Позади, какъ воспитательница и хранительница юныхъ дѣтей, изображена мать. Тонко переданныя черты родового сходства лежатъ на лицахъ всѣхъ трехъ портретовъ ¹⁾. Сходство оказывается еще разительнѣе, если обратить вниманіе на то, что руки обоихъ святыхъ видны на иконѣ и держатъ кресты, подобно тому какъ на античномъ портретѣ руки обоихъ супруговъ заняты держаніемъ книги, стили и свитка. Это важное добавленіе къ портрету, дѣлающее изъ него жизненную картину, сохранено и на христіанской иконѣ, но неизвѣстно во всей серіи африканскихъ портретовъ. Происходитъ это отъ того, что египетскіе портреты предназначены каждый для отдѣльной муміи, а потому представляютъ только голову, шею и небольшую часть бюста, какъ добавленіе къ ней. Связанныя руки муміи, ея перевитое лентами тѣло даютъ понять, что руки на портретѣ совершенно лишніи. Погребальное назначеніе египетскихъ портретовъ обусловило ихъ небольшую величину, отсутствіе полнаго бюста и рукъ, которые являются отличительными признаками портрета Пакувія Прокла и его жены. Эта же причина обусловила собою и отсутствіе на египетскихъ портретахъ довольно пространнаго и свободнаго фона, который является надъ головами античной четы и христіанскихъ святыхъ. Весьма понятно, поэтому, насколько важно оцѣнить точное повтореніе формы широкаго квадрата, принятаго для рамы античнаго портрета и христіанской иконы. Эта форма вытекала изъ свойствъ античнаго портрета, представлявшаго супружескую или женую чету. Сравнивая оба памятника, можно видѣть, что эта форма портрета традиціонно дожила до эпохи, когда исчезли уже блестящія качества античной портретной живописи и сохранились лишь ея отголоски. Равеннскіе медальонные портреты и фигуры въ

¹⁾ Garrucci, Vetri ornati, t. XLII, 7, p. 230. A. Venturi, Storia dell'arte italiana, fig. 338.

рость показываютъ, что этотъ родъ живописи долго сохранялъ силу и выразительность античной живописи. Дѣйствительно, форма квадрата, приданная иконѣ, въ точности воспроизводитъ форму античнаго портрета и узкая, ровная, простая рама, выступающая надъ уровнемъ иконы, въ точности дана уже на портретѣ античной древности. Различіе, весьма существенное, можно указать лишь въ томъ, что рама на иконѣ имѣетъ пониженное верхнее обрамленіе и желобокъ на лѣвой сторонѣ, служившій для задвигавшейся сверху внизъ крышки. Крышка эта служила для предохраненія живописи отъ порчи, и такъ какъ ея не было на помпейскомъ портретѣ, то и понятно, что существованіе крышки должно было имѣть чисто практическія цѣли, вытекавшія изъ назначенія самой иконы. Отсутствіе желобка на правой сторонѣ объясняется реставраціей иконы.

Сравнивая исполненіе лицъ и одеждъ на этой иконѣ съ исполненіемъ ихъ на античномъ портретѣ, приходится отмѣтить крайній упадокъ и огрубѣніе искусства христіанскаго художника. Желтый воскъ на щекахъ лежитъ ровными пятнами, полосы бѣлаго воска идутъ рядомъ, не сливаясь съ сосѣдними тонами. Такія-же полосы или мазки лежатъ подъ глазами. Темно-желтые тона, оттеняющіе носъ и щеки, съ правой стороны образуютъ неясныя неправильныя тѣни, отсутствіе такихъ тоновъ около глазъ, подъ носомъ, въ углахъ губъ лишаютъ лицо рельефа, оно кажется плоскимъ и безжизненнымъ. Несоединенныя между собою краски дѣлаютъ икону похожей на первый подмалеванный, но незаконченный этюдъ. Такія же черты упадка отличаютъ и рисунокъ мастера. Онъ суживаетъ и удлинняетъ носъ, дѣлаетъ непропорціонально большими подбородки, вслѣдствіе чего лицо является неестественно длиннымъ. Онъ косо ставитъ губы, даетъ имъ неестественно напряженный и сжатый видъ, уменьшаетъ ихъ пропорціи сравнительно съ величиной носа и особенно глазъ, которые у мученика являются черезчуръ большими, нѣсколько раскосыми и сближенными другъ съ другомъ. Не смотря на преувеличенную длину лицъ, черты ихъ кажутся мелкими, вслѣдствіе того, что у мастера не соблюдены нормальныя отношенія между частями лица и ихъ пропорціями. Самый очеркъ лицъ неправиленъ. Выдающаяся скула у лѣваго виска мученика не имѣетъ соответствія съ правой стороною, утолщаетъ безъ видимой надобности лицо и дѣлаетъ его неправильнымъ. Слишкомъ низкій черепъ головы женской фигуры не соответствуетъ длинѣ лица. Носъ удлинненъ, губы уменьшены и слишкомъ близко поставлены

къ концу носа, правая щека скошена. Исполненіе одеждъ безъ рельефныхъ, едва намѣченныхъ складокъ, совпадаетъ съ общими свойствами живописи мастера.

Тѣмъ не менѣе и въ этихъ слабо написанныхъ и неискусно нарисованныхъ фигурахъ ясно сквозитъ античный пріемъ въ изображеніи портретовъ. Лица обоихъ мучениковъ индивидуальны. Мужское серьезно, женское отмѣчено болѣе мягкимъ выраженіемъ. Хотя и неумѣло, но старательно переданы особенности очертаній носа, губъ, глазъ, полнота женскаго и худоба мужскаго лица, переданы цвѣтъ волосъ и прическа. Такимъ образомъ, памятникъ представляетъ собою не только «εἰκών», т. е. икону въ смыслѣ общаго термина, но и «χαρακτήρες» въ томъ смыслѣ, какой придавался этому понятію для обозначенія портретно написаннаго лица (πρόσωπον)¹⁾. Русская художественная иконописная практика для обозначенія такого портретнаго образа употребляетъ терминъ «ликъ, лики», ставя его въ такое же отношеніе къ термину «икона», какъ и въ византійской живописи. Дѣйствительно, терминъ «χαρακτήρ» употребляется специально для обозначенія портретовъ или ликовъ Христа, апостоловъ, мучениковъ, между тѣмъ какъ «εἰκών» обозначаетъ всяческія отдѣльныя изображенія и цѣлыя сложныя композиціи²⁾.

Далѣе мы должны оставить сравненіе иконы съ портретомъ Пакувія Прокла и его жены. Ихъ фигуры написаны сухими красками, а икона восковыми. Сравненіе возможно лишь съ упомянутыми портретами восковой живописи, происходящими изъ Египта.

Краски наложены на икону въ нѣкоторыхъ частяхъ такъ обильно, что образуютъ легкіе рельефные отеки, видимые на волосахъ надолбомъ, на губахъ, на щекахъ. Краски наложены какимъ-то гру-

1) Χαρακτήρ-πρόσωπον см. Sophocles, Gloss.

2) Такъ портреты свв. отцовъ Никейскаго собора названы χαρακτήρες: Theoph. chron. ed. Воннае р. 624, 5. Весьма важное мѣсто о портретѣ св. Панкратія читается въ ненаданномъ еще его житіи, выдержка изъ котораго приведена въ Bullettino di arch. crist. 1901, № 1 и 2, р. 59: «ἐτύπωσα δὲ καὶ τὸν χαρακτήρα τοῦ κυρίου μου Πανκρατίου ἐν εἰκόνι, ὡς ἦν ἄπαξ ἀπαράλλακτος, ὅτι δὲ βλέπω τὸν τίμον αὐτοῦ χαρακτήρα ἐν τῇ εἰκόνι, οὕτω θεῶν ὅτι μετ' αὐτοῦ ἐν σαρκὶ τυγχάνω καὶ βλέπω αὐτόν. У Василия Великаго: «πρὸς τὸ παράδειγμα ἀπο βλέποντες (οἱ ζωγράφοι), τὸν ἐκεῖθεν (т. е. ἐν εἰκόνι) χαρακτήρα πρὸς τὸ αὐτῶν σπουδάζουσι μεταδίδειναι φιλοτέχνημα. Patr. gr., t. 32, col. 229. На VII Всел. Соборѣ еще яснѣе различаются эти термны: οὐδὲ παρ' ὁμῖν ὡς θεοὶ προσκυνοῦνται οἱ τῶν ἁγίων χαρακτήρες, καὶ εἰκόνες, καὶ τύποι. 'Ιερ. Συν. р. 781. τὸν δὲ χαρακτήρα τὸν ὑποκείμενον γράφε εἰς τὴν κεφαλὴν τοῦ δακτύλου σὺνέτуетъ изображать на кольцахъ Александръ изъ Траллъ. De medicam. X, t. I. Иконоборцы приказали τὸν ἐν τῇ Χαλκῇ τοῦ Σωτήρος ἡμῶν χαρακτήρα καταστρέψαι. Menolog. graec. III, 173.

быть и, быть можетъ, щетинистымъ предметомъ. Быстро остывшій воскъ сохранилъ слѣды мазковъ и полосы, происшедшія отъ уравниванія поверхности красокъ. При самомъ внимательномъ обзорѣ иконы я не могъ наблюсти иного способа наложенія красокъ въ большихъ поверхностяхъ. Съ увѣренностью говорить, что для исполненія лица художникъ употреблялъ тотъ инструментъ, въ видѣ металлическаго съ зазубринами ножа, который Отто Доннеръ называетъ «цестромъ» (*cestrum, verticillum*), а для одеждъ употреблялъ кисть — мнѣ кажется невозможнымъ. При восковой живописи употребительна была и кисть¹⁾, а исполненіе иконы таково, что безъ нея невозможно было бы написать икону. Дѣло въ томъ, что поверхъ основного тона какой либо части лица или одеждъ проложены бѣлыя и коричневая полосы для обозначенія контуровъ, тѣней или свѣта²⁾. Иногда мазки эти очень тонки. Поверхъ бровей, на вѣкахъ, внутри зрачка, по очертаніямъ губъ идутъ тонкія полоски бѣлой краски. По верхней части носа проложена болѣе широкая бѣлесоватая полоса. Брови, вѣки, носъ у мученицы, ноздри у мученика ограничены темными контурами теплаго коричневаго тона. Эти особенности письма иконы въ грубомъ видѣ напоминаютъ артистическую и небрежную манеру живописи египетскихъ портретовъ, писанныхъ, по объясненію Доннера, то цестромъ, то кистью, то тѣмъ и другимъ виѣстъ³⁾. Въ виду того, что христіанскій мастеръ не смѣшивалъ во многихъ случаяхъ своихъ красокъ съ сосѣдними, можно думать, что розовый матовый цвѣтъ губъ, черный цвѣтъ волосъ, красный на табліонахъ, темнозеленый на хитонахъ и желтый (золотистаго оттѣнка) написаны дѣльными восковыми красками, т. е. красками, представлявшими окрашенный воскъ. Ихъ ровный матовый оттѣнокъ, отсутствіе слѣдовъ краски въ порошкѣ, какъ на одной иконѣ, описаніе которой предлагается дальше, показываютъ, что краски эти не были составлены художникомъ изъ порошка и воска.

Трудно, конечно, было бы объяснять грубость кисти художника иначе, чѣмъ однимъ неумѣніемъ. Исполненіе иконы указываетъ, однако, на значительную быстроту въ наложеніи красокъ правильными въ

1) Otto Donner, Über die antiken Wandmalereien in technischer Beziehung. Въ приложеніи къ труду Helbig, Wandgemälde d. vom Vesuv verschütteten Städte, Leipzig 1888, p. XV сл.

2) Ibid. стр. XXII, прим. 64 и 65.

3) Portraits antiques, №№ 12, 45, 52, 82, 83 и др.

общемъ движеніями кисти, которая прокладываетъ тона сразу и безъ поमारокъ, а затѣмъ въ умѣніи прокладывать нѣкоторые детали, какъ брови, вѣки, глаза, звѣзды на плечахъ, одежды, въ общемъ не спутанныя и понятныя вѣрно. Быстрота кисти здѣсь та-же, что и на египетскихъ портретахъ. Грубость письма на иконѣ проистекаетъ отъ забвенія правилъ древней высокой живописи, но быстрота, съ которой накладываетъ художникъ краски, требовалась, очевидно, самой техникой восковой живописи, о чемъ такъ ясно свидѣлствуютъ египетскіе портреты. Поэтому, можетъ имѣть извѣстное значеніе для техники этой живописи рассказъ о написаніи портрета Іоанна, жившаго въ домѣ Ликомеда. Послѣдній пожелалъ имѣть портретъ Іоанна и пригласилъ художника, который написалъ портретъ въ два дня. Первый день онъ набрасывалъ общій рисунокъ, а на другой день расписалъ портретъ красками¹⁾. Крестъ, лучи, нимбы вокругъ головы, сдѣланные рельефно, доказываютъ, что первоначальный рисунокъ композиціи всей иконы предшествовалъ письму восковыми красками.

Два луча падаютъ непосредственно на нимбы святыхъ, а третій падаетъ на верхнюю часть креста. Изъ этого слѣдуетъ, что крестъ является въ лучахъ, осіявшихъ головы мучениковъ. Можно думать, что крестъ и лучи въ данномъ случаѣ имѣютъ отношеніе къ мученической кончинѣ изображенныхъ святыхъ, такъ какъ крестъ является висящимъ въ воздухѣ, напоминая тѣ видѣнные ими кресты, которые описываются въ актахъ мучениковъ и которые были изображаемы надъ ихъ головами²⁾.

По недостатку мѣста боковыя части креста укорочены, такъ какъ касаются нимбовъ. Форма его тѣмъ не менѣе вполне передаетъ извѣстный типъ голгоетскаго креста въ мозаикѣ церкви св. Пуденціаны и

1) ὁ οὖν ζωγράφος τῇ πρώτῃ ἡμέρᾳ σκιαγραφῆσας αὐτὸν, ἀπ' ἀλλ' ἄτῃ τῇ δὲ ἐξῆς καὶ τοὺς χρώμασιν αὐτὸν κατεχέρασε καὶ οὕτως τῷ Λυκομήδῃ χαίροντι τὴν εἰκόνα παρέδωκεν. Iер. Сув. р. 816 (Акты VII Всел. соб.).

2) Такъ, надъ головой св. Евфимія былъ изображенъ крестъ, на синадонѣ представлявшемъ ся мученичество и смерть, о чемъ Астерій говоритъ такъ: «Εὐχόμενῃ δὲ ταύτῃ φαίνεται ὑπὲρ κεφαλῆς τὸ σημεῖον, ὃ δὴ χριστιανοὺς προσκυνεῖσθαι τε πέφυκε καὶ ἐπιγράφειν, σύμβολον, οἶμαι, τοῦ πάθους, ὅπερ αὐτὴν ἐξεδέχεται». Pat. gr., t. 40, col. 337. Другіе примѣры см. въ моемъ сочиненіи «Моз. IV и V вѣковъ» стр. 140. Вѣнцы, сходящія съ неба, видятъ Стефанида. Четьи-Миней, Ноябрь XI, стр. Т обор. Съ крестомъ надъ головой былъ изображенъ на картинѣ дворца и Константины Великіи. Этотъ крестъ имѣлъ несомнѣнное отношеніе къ видѣнію Константина. Видѣнный на небѣ крестъ онъ приказалъ изобразить на потолкѣ одной изъ залъ дворца. Ср. Эллинист. основы виз. искусства, стр. 136, 7, и Моз. IV и V вѣковъ, стр. 139.

родственныхъ ему крестовъ¹⁾. Широкое древко, капли (guttae) по концамъ перекрестій, драгоценные камни—все это типично для эпохи V—VI столѣтій.

Не менѣе важна форма нимбовъ. Они не круглы и не образованы посредствомъ циркуля, а овальны, огибають голову тонкимъ ободкомъ и начинаются близъ ушей. У мученицы нимбъ выше, чѣмъ у мученика. Эта форма нимба уже указана была мною въ мозаикѣ церкви св. Констанцы въ Римѣ вокругъ головы Христа²⁾. Въ Сирійскомъ Евангеліи Пар. Нац. Библ. № 33 нимбы хотя и круглые, но огибають голову Христа иногда очень узкимъ ободкомъ. Нимбъ Христа въ церкви св. Констанцы, какъ было указано мною,—восточнаго происхожденія, какъ и самый образъ. Нельзя не видѣть также извѣстнаго родства въ стилѣ между мозаикой и ликомъ мученика на иконѣ. Строеніе глазъ съ острыми концами ихъ разрѣзовъ, особенная любовь къ ровной линіи, огибающей то темя, то подбородокъ,—одинаковы въ обоихъ случаяхъ. Родство типа мученика съ тѣми портретно изображенными лицами, которыя составляютъ свиту Юстиніана на извѣстной мозаикѣ въ церкви св. Виталія, безбородое лицо, широкая прическа волосъ, падающая по сторонамъ ушей и закрывающихъ лобъ, очевидно, указываютъ на ту-же эпоху. Хламида съ краснымъ табліономъ и темно-зеленая туника даютъ понятіе о мученикахъ, какъ о свѣтскихъ людяхъ, быть можетъ, даже придворныхъ.

Надпись, отъ которой сохранились ничтожные слѣды на верхнемъ бордюрѣ иконы, очевидно, называла ихъ по именамъ. Возстановить эту надпись мнѣ къ сожалѣнію не удалось. На прилагаемой фототипіи ясно видно, что чтенія этой надписи, предложенныя проф. Н. И. Петровымъ и Стржиговскимъ, не могутъ быть приняты. Надпись надъ св. мученикомъ я склоненъ былъ бы скорѣе читать такъ: ϣ (O A)ΓΙ
OC
ΠΛ[A]ΤΩN или же ΠΑ[M]ΒΩN. Однако, долженъ прибавить, что мнѣ не удалось отыскать въ житіяхъ святыхъ никакого соотвѣтствія между этими именами и изображенными мучениками.

II.

Икона № 3319 (Табл. III).

Эта икона, какъ и первая, заключена въ деревянную раму, сохранившую желобки для задвигавшейся съ лѣвой стороны крышки. Про-

1) Моз. IV и V вѣковъ, стр. 51 сл.

2) Ibid., стр. 26.

долговатая рама въ 0,42 длины и 0,28 вышины окружаетъ такой же величины дощечку, очень тонкую, не шире 5 — 6 миллиметровъ, на которой написаны святые Сергій и Вакхъ. Вверху надъ ними находится медальонъ съ изображеніемъ Христа.

Икона подверглась значительной реставраціи масляными красками. Очевидно, она досталась епископу Порфирію уже изломанной на двѣ части. Трещина, идущая черезъ всю икону вдоль и портящая лики, густо закрашена. Части ликовъ, испорченныя изломомъ, переписаны. У Сергія реставрированъ его лѣвый глазъ въ верхней части, а правый только тронуть по вѣку масляной краской. Большой палецъ руки написанъ поверхъ старой живописи. У Вакха поновлена вся правая щека, оба глаза, а все лице тронутъ въ разныхъ мѣстахъ кистью до самага подбородка, на которомъ виденъ уже слой восковыхъ древнихъ красокъ и ясно различается ихъ шероховатая поверхность. Волосы у обоихъ переписаны. Одежды, кресты, руки, медальонъ съ бюстомъ Христа, фонъ, обручи на шеяхъ, большая часть нимбовъ осталась безъ реставраціи. Дощечка прибита къ рамѣ новыми гвоздями.

Надписей на иконѣ въ древности не было. Имена святыхъ СЕРГІО(С) и ВАХОС написаны чернилами поздней рукой. Оба мученика юны и фигуры ихъ различаются только типами лицъ. Они одѣты въ бѣлыя хламиды, цвѣтные хитоны и держатъ одинаковые кресты. У Сергія красное оплечье цвѣта кармина съ коричневыми полосками. Ниже оплечья видны полосы накладного золота въ родѣ шрафировки. У Вакха точно такой же клавъ или нашивка на плечѣ и золотыя полосы шрафировки, какъ въ поздней иконописи, но несомнѣнно современные древнему письму, такъ какъ на плечѣ его видны древніе контуры для позолоты. Золото того же вида и качества, какъ и на нимбахъ, которые позолочены поверхъ грунта. На шеѣ каждаго виситъ большая круглая гривна съ тремя камнями въ нижней ея части, спускающаяся на грудь. Камни вставлены въ гнѣзда. Гривны и гнѣзда камней коричневаго цвѣта съ позолотой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, выражающей блескъ ихъ. Камни желтаго оттѣнка съ ясно выраженной прозрачностью. Нимбы очерчены циркулемъ, позолочены и украшены наколами точекъ и кружковъ, перемежающихся съ шестиконечными звѣздами. Фонъ зеленого слегка голубоватаго оттѣнка. Нимбы, медальонъ, плечи обѣихъ фигуръ обведены широкой полосой темно-зеленаго цвѣта.

Достаточно одного взгляда на икону, чтобы видѣть, что обѣ фигуры, какъ и на первой иконѣ, изображены портретно, со всѣми обычными чертами погруднаго двуличнаго портрета. Головы слегка обращены одна къ другой и отклонены отъ полного en face съ цѣлью яснѣе обозначить линіи лица и соблюсти симметрію всей композиціи. Позы неподвижны и одинаковы. Для бюстовъ удержана разъ навсегда установленная поза въ полный en face, писанная какъ бы съ неподвижно стоящей передъ художникомъ человѣческой фигуры. Взглядъ направленъ на зрителя; видны части рукъ, фигуры обрѣзаны по-грудь. Всѣ эти черты роднятъ изображенія Сергія и Вакха не только съ равненскими погрудными медальонными типами, но и съ болѣе ранними античными ихъ прототипами, въ томъ числѣ и съ египетскими портретами.

Изображенія Сергія и Вакха, сохраняя въ значительной чистотѣ черты древнихъ *χαρακτήρες*, вполне опредѣленно передаютъ отличительныя черты лица каждаго святаго, не смотря на одинаковость прически, одежды и украшеній. Св. Сергій имѣетъ худое, удлиненное лицо, очень серьезное. Сжатые губы и взглядъ углубленный въ самого себя говорятъ о сосредоточенности характера. Наоборотъ, полное, цвѣтущее лице Вакха, прямо глядящіе на зрителя глаза, полныя губы говорятъ объ открытомъ нравѣ. Тонкія вѣки глазъ у Сергія и его нѣсколько изогнутый носъ отличаются отъ припухлыхъ вѣкъ и прямого носа Вакха и показываютъ стремленіе мастера провести различіе между ликами въ строеніи отдѣльных частей лица.

Тѣмъ не менѣе изображенія Сергія и Вакха, рассматриваемыя какъ произведенія христіанской иконографіи, обнаруживаютъ крайне близкое сходство съ извѣстными портретами Θεодоры и Юстиніана въ мозаическихъ картинахъ церкви св. Виталія. Этотъ фактъ самъ по себѣ краснорѣчивъ. Во множествѣ медальонныхъ портретовъ, современныхъ этимъ мозаикамъ, уже замѣчается то шаблонное примѣненіе однихъ и тѣхъ-же типовъ для изображенія различныхъ мучениковъ, которое является столь обычнымъ въ византійскомъ искусствѣ зрѣлаго стиля. Такое сходство съ портретами VI вѣка заставляеть видѣть близкую связь иконъ съ цвѣтущимъ временемъ Юстиніана.

Опавшія части фона показываютъ, что тонная доска была покрыта слоемъ гипса или левкаса. На этомъ бѣломъ фонѣ были процерчены контуры нимбовъ и фигуръ. По окончаніи фигуръ, а быть можетъ и до написанія ихъ красками фонъ былъ покрытъ голубо-

вато-зеленой краской и только послѣ этого нимбы, медальоны и самыя фигуры были обведены довольно широкой темно-зеленой полосой. Эта полоса легкимъ рельефомъ возвышается надъ фономъ.

Употребительность ровныхъ цвѣтныхъ фоновъ для портретовъ общезвѣстна на памятникахъ христіанской эпохи¹⁾. На египетскихъ портретахъ встрѣчаются золотые, сѣрые, желтые, голубые фоны²⁾. На основаніи словъ Іоанна Златоуста можно думать, что эти цвѣтные фоны изготовлялись ранѣе вмѣстѣ съ покрытиемъ доски левкасомъ. Онъ описываетъ работу художника, который сначала дѣлаетъ бѣлыми линіями рисунокъ на фонѣ цвѣта моря, а затѣмъ накладываетъ краски. На иконѣ контуры, можно думать, были сдѣланы остриемъ вглубь, что соответствуетъ общепринятому приему прочерчиванія рисунка во фрескахъ по заранѣе приготовленному грунту. Іоаннъ Златоустъ не говоритъ о родѣ живописи, но называетъ ее общимъ именемъ «σκιαγραφία»³⁾, т. е. живописью, владѣющей древней свѣтотѣнью, а таковой была и фреска. Нѣкоторые портреты, найденные въ Египтѣ, написаны сухими красками или же растворомъ восковыхъ красокъ съ масломъ. Ровный цвѣтной фонъ иконы объясняется вполне словами Іоанна Златоуста.

Процессъ восковой живописи наиболѣе ясно можно наблюдать на лицахъ Сергія и Христа. Въ исполненіи ихъ замѣтна значительно болѣе искусная рука, чѣмъ въ письмѣ предыдущей иконы. Краски смѣшаны настолько густо и въ такихъ незамѣтныхъ переходахъ другъ къ другу, что получается уже художественная лѣпка лица, которую можно видѣть только на египетскихъ портретахъ.

На этой иконѣ техника болѣе внимательная, менѣе грубая, искусство живописца выше. Тѣмъ не менѣе быстрота исполненія остается та-же. Линіи, идущія по щекамъ и подбородку, указываютъ на исполненіе въ одинъ разъ большихъ частей лица. Два мазка на лицѣ св.

1) Эллинист. основы виз. искусства, стр. 155—157.

2) Catalogue de la galerie des portraits antiques... appartenant à M. Théodore Graf. Vienne 1900, № 2, 4, 6, 11 и др.

3) Εἶδες πολλάκις εἰκόνα βασιλικὴν κυανῇ κατασχερωμένην χρώματι, εἶτα τὸν ζωγράφον λευκὰς περιάγοντα γραμμὰς.... ἕως ἂν ἐλθοῦσα τῶν χρωμάτων ἡ ἀλήθεια τρανώσῃ τὴν ὄψιν καὶ σαφέστεραν ποιήσῃ. Ioh. Chrysostom. Patr. gr., t. 51, col. 247. Контуры и процессъ ихъ оживленія красками описываетъ Кириллъ Александрійскій: De ador. in Spiritu. Patr. gr., t. 68, col. 140. Первоначальный набросокъ онъ называетъ «εἶδος»: Οἱ τὴν ἐν πίνακι καὶ γραφαῖς εὐτεχνίαν ἐξησκηκότες, οὐκ εὐθὺς τοῦ γραφεῖν ἀρχόμενοι, τὸ ἀνευδεῶς ἔχον, καὶ εἰς ἅπαν ἀπληρυσμένον ἐπιφέρουσιν εἶδος ταῖς γραφαῖς, ἐν εἰδει πρότερον καὶ ἀκαλλεστέρω χρώματι (σχήματι) σκιαγραφοῦντες и проч.

Сергія одинъ подъ глазомъ, другой на щекѣ даютъ рельефъ этой половинѣ лица. Тѣни проложены подъ носомъ, около губъ, на подбородкѣ, подъ бровями. Ликъ Христа исполненъ съ такой небрежной и артистической быстротой, которая уподобляетъ его живописи современной. Куски воска дѣлаютъ его рельефнымъ. Это — наиболѣе замѣчательная часть всей иконы, дающая понятіе о первоначальномъ исполненіи ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти линіи, представляющія слѣды кисти и рельефно возвышающіяся краски, равно какъ и краски предыдущей иконы, могутъ пролить свѣтъ на тотъ приѣмъ, который назывался *ἐγκαισις*, т. е. обжиганіе иконъ. Уже Отто Доннеръ отмѣтилъ тотъ фактъ, что краски египетскихъ портретовъ, куленныхъ Питри въ Египтѣ и согрѣтыхъ имъ для поновленія надъ углями, растопились настолько, что потеряли слѣды отъ инструментовъ письма, хотя и приобрѣли блескъ и свѣжесть¹⁾. Полная сохранность этихъ слѣдовъ на двухъ описанныхъ иконахъ показываетъ, что художники не прибѣгали къ такому приѣму расплавления восковыхъ красокъ, какой употреблялъ Питри, и не могли держать своихъ иконъ надъ огнемъ послѣ ихъ окончанія. Обжиганіе должно было производиться во время самаго процесса писанія. Тонкія дощечки, на которыхъ писаны какъ египетскіе портреты, такъ и двѣ разобранныхъ иконы, объясняютъ необходимость быстроты равномернаго ихъ нагрѣванія. Древніе авторы говорятъ именно о такомъ согрѣваніи дощечекъ и картинъ, равно какъ и о растапливаніи красокъ²⁾. Быстрое охлажденіе воска требовало того и другого, и перемѣна въ технику иконописной живописи повлекла за собою и утолщеніе доски, которая была прочнѣе и долговѣчнѣе. Эта перемѣна со-

1) Lettre du Professeur O. Donner von Richter... à Théodore Graf, p. 2.

2) Говоря о краскахъ, употребительныхъ въ древней живописи, Плиній прибавляетъ, что «*cerae tinguntur eadem coloribus ad eas picturas, quae inveniuntur, alieno parietibus genere, sed classibus familiari*». Hist. Nat. XXXV, 49. Согрѣваніе стѣнъ, покрытыхъ восковыми красками, называется у Витрувія *ὑπόθεσις* (Ср. Donner, p. XI и сл.). О согрѣтыхъ и растопленныхъ краскахъ авторы говорятъ такъ: *coloribus inustis et ceris igne resolutis* и др. Donner, p. XXII, прим. 64. Я не могу признать вѣрнымъ увѣреніе Доннера, что процессъ обжиганія портрета или картины слѣдовалъ за написаніемъ ея: «*on peignait avec des cires... après quoi on brûlait, on cautérisait la surface peinte*». Прилож. къ Catalogue de la galerie de Th. Graf, p. 28. Онъ не касается вопроса о доскахъ, употребляемыхъ для портретовъ. Кромѣ того нигдѣ у авторовъ о такой послѣдовательности не говорится. Наконецъ, это увѣреніе противорѣчитъ тому, что Доннеръ говоритъ о портретахъ, испорченныхъ Питри. Цѣль такого обжиганія не ясна. Разогрѣтыя съ поверхности краски должны измѣнить сходство.

стояла въ употребленіи клеевыхъ красокъ вмѣсто восковыхъ, а съ XII, XIII вѣка и масляныхъ. Упомянутый способъ согрѣванія красокъ на оконченныхъ портретахъ потому не можетъ быть считаемъ въ числѣ техническихъ приѣмовъ древней восковой живописи, что этотъ способъ примѣнялся для уравниванія восковыхъ красокъ, которыми покрывались стѣны. Плиній же совершенно ясно говоритъ, что этотъ приѣмъ, называемый Витрувіемъ *ῥάνωσις*, не былъ употребляемъ для живописи на доскахъ. Такимъ образомъ подъ словомъ *ῥάνωσις* въ его примѣненіи къ портретной на доскахъ живописи должно разумѣть самое согрѣваніе досокъ и восковыхъ красокъ.

Равнымъ образомъ не можетъ быть подвержено сомнѣнію и употребленіе кисти для исполненія иконы Сергія и Вакха. Если крайняя грубость въ прокладкѣ большихъ пространствъ восковыхъ красокъ на предыдущей ikonѣ и могла бы вызвать предположеніе объ употребленіи металлическаго зазубреннаго ножа, который Доннеръ называетъ *sestgum*, то въ данномъ случаѣ мягкость прокладки основныхъ тоновъ и плавность въ движеніи инструмента могутъ быть объяснены только употребленіемъ кистей, которыя упоминаются сплошь и рядомъ въ техникѣ восковой живописи и въ описаніи препаратовъ художниковъ¹⁾. Одежды и лица обоихъ святыхъ и Христа исполнены однимъ и тѣмъ же способомъ и тѣми же восковыми красками. Инымъ способомъ исполнены лишь ожерелья и кресты. Для изображенія этихъ предметовъ употреблены какіе-то легкіе растворы красокъ, легшіе поверхъ восковыхъ такъ, что сквозь нихъ просвѣчиваютъ неровности густыхъ слоевъ воска и полосы его. Можно думать, что эти краски представляли растворъ восковыхъ красокъ на яйцѣ или на масле, какъ и на многихъ египетскихъ портретахъ.

Не смотря на малую достовѣрность позднихъ надписей, онѣ все же вѣрно называютъ святыхъ по именамъ. Гривны или маніаки, висящіе на шеѣ и лежащіеся на грудь мучениковъ, юный видъ обоихъ святыхъ, ихъ одежды, роднятъ ихъ изображенія съ болѣе поздними, извѣстными въ византійской и русской иконографіи. Объ этихъ маніакахъ или гривнахъ настойчиво упоминаютъ житія Сергія и Вакха, приписывая этимъ украшеніямъ смыслъ знаковъ отличія. Оба мученика пострадали за исповѣданіе Христа при Максиміанѣ (290—303) и были изъ числа царскихъ сановниковъ и приближенныхъ воинскихъ

1) Otto Donner, о. с. р. XXII: peniculi и penicelli.

чиновъ. Безбородыя лица обоихъ святыхъ вполне соответствуютъ описанію житій. Въ византийскомъ искусствѣ XI—XII вѣка Сергій и Вакхъ изображались юными, какъ объ этомъ можно судить по памятникамъ. На слоновой кости Национальнаго Музея во Флоренціи¹⁾ оба святые являются въ видѣ юныхъ воиновъ съ гривнами на шеѣ, съ крестами въ рукахъ, а въ мозаикахъ монастыря Дафни еще съ мечами и копьями²⁾. Только русская иконопись изображала одного изъ нихъ, именно св. Сергія съ бородой «подобѣ Козьмы и Демьяна»³⁾. Какъ придворные сановники, Сергій и Вакхъ имѣли чины. Первый былъ «примикирій», второй имѣлъ слѣдующій низшій чинъ «девтера». Иногда съ точностью указывается, что оба были начальниками школы Кентилій при большомъ дворцѣ⁴⁾.

Когда Сергій и Вакхъ отказались поклониться въ храмѣ Зевса идолу его, то прежде всего ихъ лишили знаковъ отличій и сняли съ нихъ маніаки или гривны, затѣмъ пояса и одежды⁵⁾. Эти знаки, за исключеніемъ маніаковъ, не всегда упоминаются съ должной ясностью, что, по всей вѣроятности, и повело къ различнымъ изображеніямъ одежды у святыхъ мучениковъ. На мозаикѣ Дафни Сергій и Вакхъ изображены безъ хламидъ. Хитоны ихъ стянуты поясами, а въ рукахъ они держатъ мечъ и копье. Маніаки ихъ имѣютъ иную форму. Они также представляютъ обручи, надѣтые на шею и лежащіеся на грудь, но два боковыхъ драгоценныхъ камня вставлены въ оправу, имѣющую форму двухъ петелекъ, сходящихся концами къ третьему миндалевидному гнѣзду, въ которомъ также находится камень. Всѣ

1) Издана Гревеномъ въ журналѣ *Arte* II (1899), p. 315. Переведена Стрижовскимъ въ сочиненіи *Orient oder Rom.*, p. 125.

2) G. Millet, *Le monastère de Daphni*, pl. X, 4.

3) «7 Октября. Святыхъ мучениковъ Сергія и Вакха. Мученикъ Сергій русъ, брада подобѣ Козьмы и Демьяна, риза лазоръ, исподъ багоръ съ бѣлилы; а Вакхъ младъ, риза лазоръ, середина празелень, исподъ киноварь. Иконописный подлинникъ Софійскаго списка Новгородской редакціи кенда XVI вѣка, стр. 25. Въ сводной редакціи XVIII в. повторяется та же характеристика, но прибавляется, что въ рукахъ обоихъ кресты.

4) ὡραῖοι τὸ εἶδος καὶ τῷ βασιλεῖ περιβλεπτοί. Ὁ μὲν Σέργιος примикήριος, ὁ δὲ Βάχχος δεύτερος αὐτοῦ. Albani, *Menolog. graecorum* I, p. 99. Ср. о чинахъ примикирія и девтера у Д. Ф. Бѣляева, *Byzantina*, I, указ. Въ *Συναξ. Νικοδήμου* 7 окт. сказано, что Сергій былъ примикήριος τῆς Σχολῆς τῶν Κεντιλίων, а Вакхъ σεκουδικήριος τῆς же школы. Millet, *Monastère de Daphni*, p. 147. О школахъ большого дворца см. Бѣляева, *Byzantina*, II, p. 147.

5) πρῶτον μὲν ἀφῆρέθησαν τῶν ἀξιωμάτων αὐτῶν, καὶ τῶν μανιακίων, καὶ τὴν ἀνδρικὴν ἐκδεδέντας στολὴν ἐνεδύθησαν ἱμάτια γυναικεῖα δημωδόμενοι μέσον τῆς πόλεως. Albani, *Menolog. ib.* p. 99.

три гнѣзда съ камнями имѣютъ форму обыкновеннаго банта¹⁾. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ маниакъ называется «στρεπτόν» и у Кодина²⁾ описывается, какъ скрученный изъ трехъ золотой обручъ для ношенія на шеѣ. Въ русскихъ переводахъ этого мѣста житія свв. Сергія и Вакха говорится: «Царь же разгнѣвася, повелѣ сняти съ нихъ знаменія великихъ сановъ ихъ, поясы воинскіе и гривны златыя и перстни и вся одежды и облепци ихъ въ хитоны женскіе на безчестіе и возложивше обручи желѣзныя на выи ихъ, сице водити по граду на смѣхъ и поруганіе»³⁾. Въ такихъ женскихъ одеждахъ мученики изображены въ Минологіи царя Василія, какъ иллюстрація къ приведенному ранѣе тексту. Такимъ образомъ, изъ числа знаковъ отличія изображены хламиды съ табліонами, хитоны съ нашивками и маниаки. Кресты, которые святые держатъ въ рукахъ, представляютъ атрибуты, указывающіе на ихъ мученическую кончину, какъ это принято въ византійской иконографіи. Въ хламидѣ, съ маниакомъ на шеѣ и съ крестомъ въ рукѣ, изображенъ юный св. Сергій въ Протатскомъ соборѣ на Аѳонѣ⁴⁾.

Въ данномъ случаѣ важно то, что гривны имѣютъ по три гнѣзда съ драгоценными камнями и соответствуютъ, по всей вѣроятности, тому роду маниаковъ, которые назывались: «μανιάκια τρίκομβα» или же «μανιάκια ἐκ περλεύχιος». Первый родъ маниаковъ имѣлъ, по объясненію Рейске, три «кома» (combus), три шарика или буллы, второй былъ украшенъ драгоценными камнями изъ рода гіацинтовъ, самой прозрачной воды, что одинаково подходитъ къ маниакамъ, изображеннымъ какъ на иконѣ, такъ и на слоновой кости Національнаго музея во Флоренціи. Позолота на маниакахъ свидѣтельствуєтъ, что

1) Millet, Daphni, pl. XI, рис. 8; pl. X, рис. 4, текстъ; рис. 61 на стр. 147. Авторъ неправильно считаетъ этотъ маниакъ за кругъ, который представляетъ будто бы фибулу, взаимнѣ аграфа. Фибулы въ видѣ банта встрѣчаются на одеждахъ, но въ данномъ случаѣ форма не указываетъ на назначеніе. Ibid. p. 119, прим. 2. На стр. 148, прим., онъ говоритъ «мечъ и жезлъ суть ихъ знаки отличія». Но прежде всего такими знаками отличія являются маниаки, пояса, одежды, что отмѣчается и житіями.

2) Du Cange, Glossar. graecit.: στρεπτόν = torquile, μανιάκις. "Ὁδὲν καὶ οἱ τύραννοι πρῶτον ἀφῆρουν τῆς ζώνης καὶ τοῦ στρεπτοῦ τοὺς ... τὸν Χριστὸν ὁμολογοῦντας (т. е. Сергія и Вакха), ἔπειτα παρεδίδουν τοὺτους βασιανισταῖς. στρεπτόν δὲ ἐστὶν ἐλθλαμένος χρυσός, ἐκ τριῶν πεπλεγμένος καθάπερ σχοινίων, ὅπερ ἐφόρου ἐπὶ τραχήλου. Codini Curopalatae, De officiis, p. 50, 14 — 18. σχοινίον = тростникъ; ἀρκεδὼνῃ = сизокъ, петля, снурокъ нитка. Значеніе петли и шнура одинаково примѣнимо къ данному мѣсту у Кодина и къ маниаку на Давнійской мозаикѣ.

3) Четьи-Миней 7 окт.

4) Кондаковъ, Пам. Аѳона, рис. 31.

Византійскія Временныя.

изображенъ *μανιάχιον χρυσοῦν τρίκομβον μέχρ' ἑτέρων χεχλασμένον*¹⁾, т. е. падающій на грудь. Академикъ Н. П. Кондаковъ объясняетъ *μανιάχιον τρίκομβον* какъ трехпетельный, что близко напоминаетъ маниакъ въ мозаикахъ Дафни²⁾. Маниаки, подобные изображеннымъ на иконѣ, можно видѣть у свиты Юстиніана въ мозаикѣ у св. Виталія въ Равеннѣ, у такихъ же рабдуховъ изъ свиты св. Елены въ миниатюрѣ Рѣчей Григорія Наз. Пар. Н. Библ. № 510, въ Октатевхѣ Ватик. библ. № 746, у Моисея передъ фараономъ. Въ послѣднемъ случаѣ маниакъ является съ однимъ драгоценнымъ камнемъ и съ точками по всему кругу его, что сближаетъ его съ маниакомъ Протатской фрески.

Ликъ Христа, изображенный въ медальонѣ между Сергіемъ и Вакхомъ, представляетъ полную аналогію кресту въ лучахъ на предыдущей иконѣ. Появленіе этого медальона объясняется тѣмъ, что оба мученика предъ идолами исповѣдали Христа и пострадали за это³⁾.

Типъ Христа особенно интересенъ. Продолговатое лицо, спадающіе по сторонамъ головы волосы, пышные и широкими прядями лежащіе на плечи, высокій чистый лобъ, небольшая, узкая на концѣ, борода, ровный, прямой носъ передаютъ въ совершенствѣ очеркъ лица Христа въ мозаикѣ церкви Констанцы въ Римѣ, и лишній разъ доказываютъ зависимость этого историческаго образа отъ восточныхъ его изводовъ. Спидоны съ нерукотворенными образами Христа, извѣстными въ Эдессѣ, Мемфисѣ, Іерусалимѣ, должны быть связаны, хотя и проблематично, съ изображеніемъ Христа на нашей иконѣ. Въ медальонѣ не изображено одеждъ Христа, шея открыта. Образъ близокъ по своему общему виду къ историческому типу, закрѣпощенному легендой въ посланіи Лентула. Поверхностное исполненіе его не отмѣчаетъ всѣхъ особенностей описаннаго въ легендѣ образа, какъ, напримѣръ, мы видимъ это въ монументальной мозаикѣ церкви Кон-

1) См. De serim. aulae byz. I, p. 708, гдѣ перечисляются чины двора, получающіе тотъ и другой родъ маниаковъ, какъ знаки отличія. Рейске переводитъ слово *μανιάχιον* какъ *torques*, *τρίκομβον* онъ объясняетъ такъ: «*Tribus combis, id est nodis, globulis, bullis, vel bulbis interatinctum*. Ibid. II, p. 827. О *καρλέουχος* см. II, p. 829.

2) Русскіе клады, стр. 160—23. *κόμβος* онъ объясняетъ какъ узелъ, связь, «ибула, застежка». Отъ этого рода маниаковъ надо отличать оплечье въ смыслѣ маниака, стр. 162. См. также Эмали Звенигородскаго, стр. 75—6.

3) Ἀμφότεροι δὲ εὐλαβεῖς καὶ σεβόμενοι τὸν Χριστόν. Menolog. I, p. 99. Съ нихъ сняли знаки отличія, за исповѣданіе Христа и по Кодицу: τοὺς τῶν μαρτύρων ἐντίμους τὸν Χριστόν ὁμολογοῦντας. De offic., p. 50, 15—16. Ср. также надписи на фризѣ церкви Сергія и Вакха. Salzenberg, стр. 42. Richter, Quellen d. byz. Kunstgesch., p. 314.

станцы, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не обратить вниманія и на то, что сирійскія версія этой легенды вполне подходятъ къ образу на иконѣ, такъ какъ закрѣпляютъ за портретами Христа черные волосы и глаза¹⁾. Этими легендами можетъ быть объяснено то обстоятельство, почему Христосъ на иконѣ имѣетъ черные волосы, бороду и глаза. Цвѣтушія красныя губы и розоватый тонъ лица передаютъ красоту образа.

Нимба вокругъ головы нѣтъ, такъ какъ его замѣняетъ самый медальонъ съ золотымъ фономъ, украшеннымъ, какъ и нимбы Сергія и Вакха, наколами точекъ, образующихъ бордюръ, ограниченный вглубь прочерченной линіей. За головой Христа видны полосы перекрестья, какъ на крестчатомъ нимбѣ.

III.

Икона № 3318 (Табл. IV).

На этой иконѣ изображена Богородица съ младенцемъ. Голова Богородицы обращена влѣво, а взглядъ на зрителя. Младенецъ глядитъ влѣво и протягиваетъ въ эту сторону правую руку съ открытой ладонью.

Теперешній видъ этой иконы, имѣющей въ верхней части форму усѣченной пирамиды, приданъ ей реставраціей. Два верхнихъ угла, верхній край и лѣвая сторона иконы обрѣзаны въ недавнее время, и потому форма иконы не можетъ быть сближена съ часто встрѣчающейся формой дощечекъ египетскихъ портретовъ. Порча дерева вверху слѣва показываетъ, что реставраторъ, обрѣзывая края иконы, руководствовался желаніемъ привести въ болѣе или менѣе приличный видъ сохранившуюся на иконѣ фигуру. Правый край иконы древній, не срѣзанный, съ каймой, лишенной красокъ, показываетъ, что онъ предназначенъ былъ для рамы. Толщина доски по этому краю 6 мил., внутри 7—8. Назначеніемъ для рамы объясняется большая тонкость доски на правой сторонѣ. Обрѣзанные края иконы имѣютъ совершенно свѣжій видъ, при чемъ ясно видно, что сглаживаніе краевъ было произведено рубанкомъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ икона имѣетъ 0,21 шир. и 0,35 высоты. Слой варенаго масла (олифы) лежитъ на поверхности красокъ.

Доска была приготовлена для письма и покрыта очень твердымъ и компактнымъ по своему составу левкасомъ въ 1 мил. толщиной. На обрѣзанныхъ краяхъ иконы этотъ левкасъ блеститъ какъ слоновою

1) Ср. моз. IV и V вѣковъ, стр. 25 сл. Эллинистич. основы виз. иск., стр. 32, 54, 72.

кость и имѣетъ палевый оттѣнокъ. Очевидно, что этотъ слой левкаса представляетъ смѣсь гипса съ порошкомъ слоновой кости. Плиніи говоритъ о примѣненіи восковой живописи на слоновой кости ¹⁾. Синій густой фонъ, видимый по сторонамъ головы Богородицы, былъ сдѣланъ позднѣе золотыхъ фоновъ на нимбахъ Христа и Богородицы, такъ какъ облупившіяся краски фона около нимбовъ показываютъ, что золото лежитъ непосредственно на левкасѣ. Фонъ легкимъ рельефомъ возвышается надъ золотою поверхностью нимбовъ. Красный ободокъ, видимый лишь отчасти вокругъ нимба Богородицы слѣва, какъ и на иконѣ Сергія и Вакха, показываетъ, что нимбъ былъ обведенъ ею, чтобы скрыть слѣды позолоты на фонѣ.

Подъ красками, которыми написана голова Богородицы и ея покрывало, золота не видно, но ясно видна ровная поверхность левкаса. Позолота нимбовъ была ровная и блестящая, состоящая изъ листового золота, какъ и на иконѣ Сергія и Вакха. Равнымъ образомъ и круглая форма нимбовъ была прочерчена циркулемъ, а по краямъ ихъ вытѣснены узоры, вполне аналогичные узорамъ на предыдущей иконѣ. Узоръ состоитъ изъ линіи наколовъ внутри нимба. По краю нимба идетъ извивающаяся зигзагами другая линія, а въ каждомъ изгибѣ ея находится кружокъ, также образованный наколами. Нимбы въ настоящее время закрашены черной краской, тонкимъ слоемъ, лежащей на золотѣ. Мнѣ казалось при разсматриваніи черной краски, что она состоитъ изъ сажки, смѣшанной съ масломъ или лакомъ. Наложение этой краски на икону не можетъ быть приписано реставратору епископа Порфірія, такъ какъ по всей вѣроятности присутствіе черной краски вызвало у него наименованіе этихъ иконъ «черными» ²⁾. Отсутствіе какихъ-бы то ни было иныхъ исправленій и прекрасная, сравнительно съ другими иконами, сохранность живописи, дѣлаютъ изъ этой иконы драгоценный памятникъ, по которому можно составить ясное понятіе о technikѣ и первоначальномъ видѣ живописи на иконѣ свв. Сергія и Вакха.

Обѣ иконы представляютъ такое значительное сходство въ письмѣ, въ другихъ особенностяхъ, что должны быть отнесены не только къ одному времени, но и къ одному художественному центру. Письмо иконы нѣжное и тонкое очень близко напоминаетъ живопись лика св. Сергія въ сохранившихся его частяхъ. Слитыя въ одну массу краски

1) Otto Donner, l. c. p. XII: et in ebore.

2) Н. И. Петровъ, Указ. Ц. Арх. Муз., стр. 96.

наложены такой-же мягкой кистью и слѣды ея отличаются той же тонкостью линій. Одинаковыми на обѣихъ иконахъ являются и круглыя золотыя нимбы, обведенныя циркулемъ, и украшенія нимбовъ, сдѣланныя наколами и состоящія изъ точекъ и кружковъ, и ровное листовое золото, употребленное для позолоты этихъ нимбовъ. Величина и форма ихъ особенно интересна сравнительно съ овальными нимбами первой иконы. Широкая полоса краснаго цвѣта, огибающая нимбы на иконѣ съ Богородицей, аналогична съ темнозелеными полосами, идущими вокругъ нимбовъ и по контуру торсовъ на иконѣ Сергія и Вакха. Наконецъ, есть извѣстная близость въ стилѣ, сказывающаяся въ формѣ тонкихъ вѣкъ, губъ, особенно въ формѣ глазъ, а затѣмъ и въ широкомъ рисункѣ для фигуръ и одеждъ. Иконописный характеръ отличается обѣ иконы отъ первой.

Щеки Богородицы покрыты легкимъ румянцемъ, переходящимъ къ блѣдно-розовому цвѣту кожи близъ ушей и на шеѣ. Подбородокъ также тронутъ румянцемъ. Губы чистаго цвѣта кармина, какъ на иконѣ Сергія и Вакха, и той-же густоты и чистоты цвѣта, что отличается ихъ отъ матово-розовыхъ губъ мучениковъ на первой иконѣ. Глаза большіе темно-каріе, съ черными вѣками.

Лицо младенца Христа, розовое и пухлое съ быстрыми и веселыми глазами, намѣченными нѣсколькими ударами кисти, представляетъ полное подобіе личикамъ помпейскихъ амуровъ.

Богородица одѣта въ темно-коричневый мафорій, замѣненный въ въ болѣе поздней византійской живописи — лиловымъ. Покрывая голову Богородицы, онъ ложится на плечахъ ея и на верхней части груди, оставляя открытой шею. Однимъ концомъ онъ переброшенъ черезъ правую руку, обнимающую младенца. Платье Богородицы свѣтло-коричневаго цвѣта, на рукавѣ у кисти руки видны двѣ полосы нашивокъ со слѣдами позолоты. На мафоріи надо лбомъ изображенъ матовымъ золотомъ равноконечный крестъ, въ формѣ андреевскаго. Подъ правой рукой Богородицы видны складки ея мафорія, покрывающія лѣвую руку, на которой сидитъ младенецъ Христосъ. Близъ фигуры Богородицы и младенца по самому краю, близъ бордюра иконы, идетъ рельефная, плохо видимая полоса, представляющая какъ бы столбикъ съ орнаментомъ въ верхней части, сдѣланнымъ матовымъ золотомъ и не видимымъ на приложенной фотографіи. Изображеніе Богородицы отличается замѣчательной правильностью, пластичностью формъ и красотой всей фигуры, которая настолько близка къ антич-

ному женскому типу, что можетъ быть сравнена только съ фигурами помпейской живописи. Лицо, шея, торсъ отличаются такимъ цвѣтущимъ видомъ, какой можно встрѣтить развѣ у Пенелопы, Медее и у другихъ задрапированныхъ въ одежды историческихъ фигуръ.

Однако, высокій, кругомъ огибающій голову Богородицы, мафорій даетъ уже тотъ иконописный очеркъ головы, который становится типичнымъ для византийской иконографіи. Темные, широко-раскрытые глаза съ черными вѣками, тонкія губы уже даютъ чувствовать присутствіе того восточнаго стиля, съ которымъ встрѣчаешься въ Сирійскихъ рукописяхъ и въ Вѣнской Библии.

Въ исполненіи лицъ и одеждъ видна значительная разница, столь поучительная для древнихъ египетскихъ портретовъ и фигуръ въ ростъ въ античной живописи. Тщательное смѣшеніе красокъ на лицахъ, на рукахъ Богородицы и младенца, тонкая моделировка и нѣжныя кисти замѣнены въ одеждахъ широкимъ, быстрымъ письмомъ. Складки мафорія на груди, складки рукава и концы мафорія обозначены сразу однимъ движеніемъ кисти, проводившей широкія линіи и полосы, такъ и остывшія со слѣдами кисти.

Фигуру Богородицы нельзя сравнивать съ общезвѣстными погрудными типами Одигитріи, которые представляютъ ее съ младенцемъ, какъ самостоятельный образъ. Нельзя также думать, что Богородица была представлена съ младенцемъ стоящей въ ростъ, какъ напримѣръ въ мозаикѣ Кипра ¹⁾, или въ Сирійскомъ Евангеліи 586 года ²⁾. Обрѣзъ иконы, композиція обѣихъ фигуръ и расположеніе ихъ на доскѣ показываютъ, что на иконѣ была представлена не одна лишь Богородица съ младенцемъ, а цѣлая сложная сцена.

Не смотря на то, что взглядъ Богородицы обращенъ на зрителя, голова ея значительно отклонена въ сторону, а это лишаетъ группу единства. Не менѣе важно то, что младенецъ глядитъ не на зрителя, какъ на упомянутыхъ только что памятникахъ, а въ лѣвую сторону, т. е. туда-же, куда обертываетъ голову Богородица. Кромѣ того младенецъ Христосъ протягиваетъ опять таки влѣво руку съ открытой ладонью, жестъ крайне характерный и отличный отъ обыкновеннаго благословенія, извѣстнаго на позднихъ памятникахъ. Этотъ жестъ руки стоитъ въ видимой связи съ поворотомъ младенца и Богородицы въ лѣвую сторону. Сохранившійся въ цѣлости правый край иконы

1) Я. И. Смирновъ, Кипрскія мозаики, табл. I.

2) Gagg., p. 128, 2.

показывается, что Богородица съ младенцемъ была крайней и послѣдней фигурой на иконѣ. Платье ея и рука нѣсколько срѣзаны упомянутымъ столбикомъ, а изъ этого слѣдуетъ, что фигура ея не могла быть представлена въ ростъ, такъ какъ слѣва отъ фигуры не остается обычнаго фона. Между тѣмъ обрѣзъ иконы внизу и слѣва свидѣтельствуешь, что она продолжалась влѣво и внизъ и, слѣдовательно, представляла не одну фигуру, а нѣсколько, находившихся въ опредѣленномъ отношеніи къ Богородицѣ и младенцу.

Поворотъ головъ и особенно протянутая открытой ладонью рука младенца Христа объясняютъ дѣло. Этотъ жестъ встрѣчается по преимуществу въ композиціи Поклоненія волхвовъ, гдѣ Христосъ тянется рукой къ дарамъ, подносимымъ волхвами.

Фигура Богородицы *en face* или въ три четверти къ зрителю, обнимающая правой рукой младенца, встрѣчается уже въ древнѣйшихъ композиціяхъ Поклоненія волхвовъ. Таковы общезвѣстная фреска въ катакомбѣ Марцеллина и Петра¹⁾ и рельефное изображеніе Поклоненія волхвовъ на Кирхеріанской вазѣ²⁾, не говоря уже о многихъ другихъ изображеніяхъ, встрѣчаемыхъ на римскихъ и галльскихъ саркофагахъ IV и V вѣковъ³⁾. Въ катакомбѣ Домитиллы⁴⁾ Богородица хотя и представлена почти *en face*, но протягиваетъ правую руку къ волхвамъ, чего нѣтъ на Кіевской иконѣ. Аналогію этому образу представляетъ фигура Богородины на извѣстной мозаикѣ нефа церкви Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ, гдѣ Богородица протягиваетъ руку съ двуперстнымъ сложеніемъ пальцевъ къ волхвамъ, не смотря на то, что представлена въ полный *en face*. Поза младенца на Кирхеріанской вазѣ, полулежащаго на колѣняхъ Богородицы, отличается отъ позы его на Кіевской иконѣ и только фреска катакомбы Марцеллина и Петра крайне близко передаетъ композицію обѣихъ фигуръ иконы. Протянутая ладонью рука младенца Христа настолько часто встрѣчается въ этихъ композиціяхъ, что является обычнымъ и необходимымъ жестомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда младенецъ изображается въ хитонѣ, а не спеленатымъ. Этотъ жестъ съ особенной ясностью представленъ на фрагментѣ мозаики VIII вѣка ораторія папы Іоанна VII въ Ватик. базиликѣ, могущей служить въ этомъ отношеніи отличнымъ

1) Garr., p. 55, 2, 58, 2.

2) Garr., p. 427.

3) Liell, o. c. p. 249 сл.

4) Garr., p. 36, 7.

поясненіемъ для иконы. Жестъ руки Христа сопровождается здѣсь поворотомъ въ сторону волхвовъ, какъ Богородицы, такъ и самаго младенца (рис. 2).

Рис. 2. Мозаика ораторія папы Іоанна VII въ Ватиканской базиликѣ.

Зеленые и красные ободки на иконахъ Сергія и Вакха и Поклоненія волхвовъ не могутъ считаться чертой, специально принадлежащей этимъ памятникамъ или же техники восковой живописи. На мозаикѣ Кипра¹⁾ вокругъ нимбовъ Богородицы и младенца идетъ такая-же довольно широкая красная полоса, повторяющаяся и вокругъ нимбовъ Богородицы, Христа и ангеловъ на указанной мозаикѣ церкви ораторія папы Іоанна VII (705 — 707). Красные широкіе ободки огибаютъ нимбы и на пластинѣ отъ триптиха собранія В. С. Голенищева, привезенной изъ Египта. На этой же пластинѣ повторяется и другая особенность кievской иконы: нимбы Іоанна Крестителя и Ангела,

1) De Rossi, *Mosaici e saggi*, fac. XXIII.

Христа и Богородицы слиты какъ и нимбы на иконѣ. Эта особенность встрѣчается на византійскихъ и русскихъ иконахъ. Въ виду всего сказаннаго можно думать, что икона съ изображеніемъ Богородицы съ младенцемъ представляетъ остатокъ отъ большой иконы, на которой было написано Поклоненіе волхвовъ, и что она современна иконѣ Сергія и Вакха, т. е. относится къ эпохѣ Юстиніана.

Указаніе на такую икону, представляющую хотя бы только и остатокъ большой композиціи, имѣетъ такое-же важное значеніе, какъ и указаніе на образцы портретной живописи, сохранные древнѣйшей иконописью. До сихъ поръ о существованіи такихъ иконъ со сложной композиціей, писанныхъ восковыми красками, было извѣстно изъ указаній христіанскихъ писателей, каковы Евсевій¹⁾, Іоаннъ Златоустъ, описавшихъ картины съ изображеніемъ Константина Великаго, попиравшаго дракона и Ангела, гнавшаго толпы варваровъ. Такія картины они называютъ иконами, т. е. общимъ терминомъ, который они прилагаютъ для обозначенія портретовъ мучениковъ и иныхъ изображеній. Однако, виды и роды иконъ различались и тогда и кромѣ общаго термина *eikónes* для картинъ со сложной композиціей весьма часто употребляется терминъ *istoría*, въ отличіе отъ *charaktér*. Выраженія: «θεωρεῖν εὐαγγελικὰς ἱστορίας»²⁾, или τὰς ἱστορίας ἀναστήλωσμεν въ отличіе отъ τὴν ἱερὰν εἰκόνα Χριστοῦ³⁾ — или: εἶδον ἐν πίνακι ἱστορίαν Ἀβραάμ⁴⁾ и др., встрѣчаемыя на каждомъ шагѣ въ актахъ VII Вселенскаго собора и заимствованныя изъ текстовъ болѣе раннихъ авторовъ ясно показываютъ, что слову *istoría* придавался смыслъ картины съ историческимъ содержаніемъ, одинаково по отношенію къ росписямъ церквей, украшеніямъ Евангелій и отдѣльнымъ иконамъ на доскахъ и на синдонахъ⁵⁾.

1) Ἐγὼ δὲ χρηόχυτον ἡγάπησα γραφὴν, εὐσεβείας πεπληρωμένην. εἶδον γὰρ ἄγγελον ἐν εἰκόνι ἱλαύνοντα βαρβάρων στίφη. εἶδον πατούμενα βαρβάρων φύλα καὶ τὸν Δαυὶδ ἀληθεύοντα κτλ. Іоаннъ Дамаск. De imag. ed. Migne I, p. 13, 14. Такж. Patr. gr., t. 98, col. 149. Относительно картинъ съ изображеніемъ Конст. Великаго ср. Эллинист. основы виз. иск., стр. 12—13 и 186—7.

2) Ἱερ. Συν. p. 744.

3) Ibid., p. 744.

4) Ibid., p. 772.

5) Терминъ *istoría* употребленъ для изображенія дѣяній мучениковъ, Христа, Евангельскаго и Библейскаго повѣствованій: ...ἀλλ' ἐκοσμήθησαν (αἱ ἐκκλησίαι) διὰ τὰς ζωγραφίας καὶ ἱστορίας τῶν θαυμάτων τῶν ἁγίων καὶ παθημάτων τοῦ Κυρίου, καὶ τῆς ἁγίας ἐνδόξου αὐτοῦ μητρὸς, καὶ τῶν ἁγίων ἀποστόλων. εἰς τὰς ἱστορίας καὶ ζωγραφίας καταναλίσκουσιν οἱ ἄνθρωποι τὰς οὐσίας αὐτῶν... Ibid. 716. ὁμοως σὺν αὐτῷ ἀπῆλθι εἰς τὰς ἐκκλησίας καὶ ἡύχето καὶ τὰς ἱστορίας τῶν ἁγίων μαρτύρων εἴωρα. Ibid. 774. Ὁρῶμεν πολλὰ τῶν σε-

IV.

Икона № 3317 (Табл. V).

Эта икона выделяется изъ всей серіи уже потому, что осталась совершенно нетронутой реставраціей. Она написана на буковой тонкой доскѣ, не болѣе 6,7 см. въ средней части и въ 5 см. по краямъ. Доска эта не была покрыта левкасомъ, и краски наложены непосредственно на дерево. Края доски свободные отъ красокъ и болѣе узкіе, чѣмъ средняя часть ея, сохранили нѣсколько дырочекъ отъ гвоздей, что указываетъ на нѣкогда существовавшую, теперь погибшую раму. Высота иконы 0,46, ширина 0,25.

На иконѣ написанъ святой въ обычномъ типѣ пророка, въ нимбѣ, съ развернутымъ свиткомъ въ лѣвой рукѣ и съ правой, поднятой въ уровень съ плечомъ, въ полный ростъ. На плечи его наброшена мѣховая накидка, завязанная шнурами на груди. Подъ накидкой тѣло облечено въ длинный до ступней хитонъ, опоясанный тонкимъ поясомъ съ бѣлыми точками или бляшками. Черезъ лѣвое плечо переброшенъ конецъ гиматіона, который, проходя за спиной, охватываетъ фигуру спереди и другимъ концомъ ложится черезъ лѣвую руку, держащую свитокъ. Голова аскета съ длинными распущенными волосами по плечамъ, съ бородой, идущей отъ щекъ и подбородка прядями, обращена влѣво отъ зрителя. По сторонамъ головы находятся два небольшихъ медальона съ погрудными изображеніями Христа и Богородицы въ три четверти къ зрителю. Взглядъ пророка направленъ нѣсколько вверхъ къ медальону съ Христомъ. На ногахъ его сандалии.

Н. И. Петровъ совершенно правильно первый указалъ на то, что на иконѣ изображенъ Іоаннъ Предтеча. Онъ руководствовался надписью на свиткѣ. Однако, если бы даже совсѣмъ не существовало этой надписи, то и тогда, сопоставивъ фигуру Іоанна на иконѣ съ изображеніемъ его на передней доскѣ кресла епископа Максиміана въ Равеннѣ, безо всякихъ затрудненій можно было бы установить типъ его на иконѣ (рис. 3).

Правда, есть нѣкоторыя различія между обѣими изображеніями, но онѣ не существенны, не нарушаютъ сходства и объясняются художественными цѣлями и назначеніемъ обонхъ памятниковъ. Въ отлчіе отъ иконы Іоаннъ на креслѣ Максиміана представленъ лицомъ къ

βασιμίων βίβλων.... διὰ τῆς καλλιγραφικῆς εὐφυίας ἡμῶν ἐμφανίζει διδάγματα. Кир. Ал. Antirrhethica lib. III. c. 61. Πᾶσαν τὴν ἱστορίαν св. Евфимія ἐν συνόβῃ написавъ художникъ на картинѣ, видѣнной Астеріемъ Амассійскимъ. Patr. gr., t. 40, col. 383—387.

зрителю. Онъ изображенъ между фигурами четырехъ Евангелистовъ, представляетъ центральную фигуру, къ которой обращены всѣ остальные. На иконѣ оборотъ головы Іоанна влѣво отъ зрителя и его поднятые вверхъ глаза объясняются помещеніемъ слѣва медальона съ погруднымъ бюстомъ Христа. Свитокъ на иконѣ замѣненъ на креслѣ медальономъ съ изображеніемъ агнца, но надпись своимъ содержаніемъ показываетъ, что въ ней идетъ дѣло о томъ-же агнцѣ, котораго изображение держитъ Іоаннъ на рельефѣ кресла. Епископъ Порфирій читалъ эту надпись неверно, такъ какъ полагалъ, что на свиткѣ написано: «покайтесь, приближи бо ся царствіе Божіе». Надпись

Рис. 3. Рельефное изображеніе Іоанна Крестителя на креслѣ Максиміана въ Равеннѣ.

читается иначе и остатки буквъ и словъ показываютъ, что на свиткѣ воспроизведены тѣ слова Евангелія отъ Іоанна, которыми Предтеча привѣтствовалъ появленіе Христа на Іорданѣ, чтобы принять крещеніе: *Ἰδε ὁ ἀμνὸς τοῦ Θεοῦ ἀφ' οὗ τὴν ἁμαρτίαν τοῦ κόσμου*. Транскрипція надписи можетъ быть восстановлена въ такомъ видѣ:

ΙΩΙΔΕΟ

ΑΜΝΟΣ

ΤΟΥΘΕΟΥ

ΑΙΡΩΝ

ΤΗΝΑ

Отсюда становится понятнымъ, что обращенная влѣво голова Іоанна и поднятые къ медальону съ Христомъ глаза должны были сопровождаться жестомъ правой руки съ поднятымъ вверхъ указательнымъ пальцемъ, о которомъ говорятъ многіе свидѣ-

МАРТІ тельства древности. Сравнивая сохранившуюся часть
ΑΝΤΟΥ правой руки Іоанна съ рукой на креслѣ, можно видѣть,
ΚΟΣΜΟΥ¹⁾ что большой палецъ былъ отставленъ въ сторону, а
 не лежалъ на двухъ среднихъ, какъ на креслѣ Максиміана. Жестъ
 слѣдовательно былъ иной, и остатки пальцевъ на ладони показываютъ,
 что рука съ указательнымъ пальцемъ была поднята вверхъ по направ-
 ленію къ медальону. Этотъ жестъ изображался на иконахъ²⁾. Въ
 Латеранскомъ Баптистеріи существовала серебряная статуя Іоанна,
 указывавшаго пальцемъ на агнца³⁾. Въ рукописи Космы Индикоплова
 Ват. библ. Іоаннъ держитъ руку у груди, но указательный палецъ его
 поднять⁴⁾ въ соотвѣтствіе съ надписью, начертанной у его ногъ. По
 поводу изображеній на иконахъ агнца, на котораго указываетъ Іоаннъ,
 ясно высказался такъ называемый пято-шестой или Трулльскій соборъ,
 предписывая замѣнять его историческимъ образомъ Христа.

Кромѣ этого Іоаннъ на равеннскомъ креслѣ представленъ безъ
 гиматіона. Въ сценѣ Крещенія, однако, на томъ же креслѣ онъ уже
 имѣетъ его, равно какъ и въ мозаикахъ. Въ подробныхъ описаніяхъ
 внѣшности и костюма Предтечи упоминается какъ милоть, такъ и
 гиматіонъ.

Наконецъ, послѣднее различіе состоитъ въ томъ, что постановка
 фигуры Предтечи различна на обоихъ памятникахъ. Но это обстоя-

1) Въ верхней части свитка въ началѣ первой строки ясно видна буква **Ι** и
 часть **Ω**, а въ концѣ строки цѣлая буква **Ο**. На издаваемой фотографіи она видна
 лишь наполовину. На фотографіи, сдѣланной ранѣе издаваемой Н. П. Кондаковымъ,
 эта буква видна почти цѣликомъ. Сравнивая обѣ фотографіи и копію съ надписи,
 сдѣланную мною на мѣстѣ съ оригинала, я пришелъ къ заключенію, что при
 вторичномъ фотографированіи иконы частица красокъ отвалилась. вмѣстѣ съ ней
 исчезла и часть буквы **Ο**. Во второй строкѣ сохранились части буквъ **Α** и **Μ**,
 а въ концѣ — **Υ** съ частью титла надъ ней и буква **Ο**. Въ концѣ четвертой строки
 ясно видна буква **Ν**, въ концѣ пятой — **Α**, — шестой — часть буквы **Ρ**, которая
 вмѣстѣ съ двумя слѣдующими **ΤΙ** образуетъ часть слова **ΡΤΙ**. Наконецъ, въ седьмой
 строкѣ видна часть буквы **Ν** и цѣлое слово **ΤΟΥ**. Послѣдняя строка совсѣмъ не
 читается. Двѣ первыя буквы первой строки, очевидно, представляютъ сокращеніе
 имени Іоанна. Свитокъ не вездѣ одинаково широкъ. Этимъ объясняется колебаніе въ
 числѣ буквъ каждой строки. Ширина **Ω** и **Μ** имѣли также на это вліяніе.

2) О жестѣ указыванія агнца Іоанномъ на иконахъ говорится въ 82 канонѣ
 Трулльскаго собора: «ἐν τισὶ τῶν σελτῶν εἰκόων γραφαῖς ἀνὸς δαχτύλῳ τοῦ Προδρόμου
 δείκνυμενος ἐυχάρισται. — Ἰωάννου δαχτυλοδείξια см. у Кирилла Алекс. In Evang.
 Ιωαννί, с. 4, 80 а Е. Цятаты изъ сочиненія K. Sittl, Die Gebärden der Griechen und
 Römer, p. 302, прим. 1.

3) Моз. IV и V вѣковъ, стр. 172.

4) Е. К. Рѣдинъ, Моз. рав. церквей, стр. 27—29, 80.

тельство всегда стоитъ въ связи съ симметрией рельефа или живописнаго образа, т. е. съ внутреннимъ строеніемъ композиціи, и не имѣетъ отношенія къ содержанію самаго памятника.

Во всемъ остальномъ наблюдается полное преемство обоихъ типовъ и фигура Іоанна на крестѣ, сохранившаяся во всѣхъ частностяхъ, даетъ возможность возстановить нѣкоторыя исчезнувшія части иконы. На обоихъ памятникахъ повторяются волнистые, падающіе на плечи, волосы, большая борода, милоть въ древнѣйшемъ типѣ фелони, подпоясанный хитонъ, сандаліи и поднятая въ уровень съ плечемъ правая рука. Типъ головы по существу одинъ и тотъ же на обоихъ памятникахъ. Онъ различается лишь большей индивидуальностью, строгостью и силой характера на иконѣ и мягкими, расплывчатыми чертами лица на крестѣ Максиміана. Въ упомянутой сценѣ Крещенія типъ Іоанна болѣе строгъ и болѣе напоминаетъ фигуру на иконѣ. Никакого сравненія не можетъ быть сдѣлано между типомъ Іоанна на иконѣ и двумя изображеніями его въ мозаикахъ куполовъ равеннскихъ крещаленъ. Мозаики эти стоятъ еще близко къ иконографіи саркофаговъ и изображаютъ Іоанна безъ хитона, сандалій, съ жезломъ или крестомъ. Появленіе послѣдняго въ рукѣ Іоанна можетъ быть приписано неудачной реставраціи. Вообще, типъ пророка, который данъ Іоанну Предтечѣ на иконѣ и на равеннскомъ крестѣ, значительно отличаетъ его образъ отъ указанныхъ и сближаетъ съ древнѣйшими типами пророковъ въ мозаикахъ церкви св. Софіи въ Константинополѣ и въ рукописяхъ VI вѣка.

Въ обоихъ случаяхъ повторяется низкій лобъ, густыя брови, большая борода, которая ложится на грудь отдѣльными прядями, о чемъ такъ ясно говорятъ литературные источники. Поясъ изображенъ только на иконѣ, на равеннскомъ рельефѣ онъ обозначенъ, но скрытъ надъ нависшими складками хитона. Милоть у обоихъ завязана на груди широкими тесемками, которыя образуютъ узелъ, одинаковый въ обоихъ случаяхъ. Недостающая часть фелони подъ правой рукой Іоанна на иконѣ возстановляется изображеніемъ ея на слоновой кости. Эта часть одежды должна быть представлена въ томъ же видѣ, какъ на равеннскомъ памятникѣ, висящей справа довольно низко, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ ложится одинаково на сгибъ руки у локтя. Тонкій слой красокъ, сохранившійся въ этой части иконы, представляетъ остатки подмалевки отъ фелони и фона. Непосредственно подъ локтемъ видны еще остатки прядей шерсти. На томъ же основаніи должно дополнить

и часть мѣха фелони, лежащей на плечѣ. Этотъ мѣхъ шелъ къ шеѣ совершенно такъ-же, какъ и на креслѣ Максиміана, т. е. непосредственно отъ складки на изгибѣ у локтя. Эти важныя дополненія въ фигурѣ Іоанна на иконѣ дѣлають ее болѣе правильной, болѣе симметричной, такъ какъ длинному свитку является дополненіе справа въ видѣ длинной висящей полы фелони.

Особенно важно указать на то, что у Іоанна Предтечи на обоихъ памятникахъ нѣтъ ни жезла, ни высокаго креста. Первое изображеніе Іоанна съ крестомъ въ рукѣ извѣстно въ рукописи Космы Индикоплова Ват. библи. Родство обоихъ типовъ указываетъ на опредѣленную эпоху VI вѣка, къ которому принадлежитъ кресло Максиміана. Аналогіи, которыя можно провести между типомъ Іоанна на иконѣ и пророческимъ типомъ Іереміи въ мозаикахъ церкви св. Софій, убѣждаютъ въ правильности такого опредѣленія времени. Іеремія представленъ въ той-же свободной позѣ въ ростъ и въ обществѣ буквально воспроизводитъ какъ постановку, такъ и поднятую въ уровень съ плечемъ правую руку и держитъ въ лѣвой рукѣ точно такой-же длинный развернутый свитокъ съ надписью. Свитокъ на концѣ загнутъ точно такъ-же, какъ и на иконѣ¹⁾. Полное родство этихъ образовъ обнаруживается главнымъ образомъ въ монументальной постановкѣ и въ самомъ художественномъ изображеніи этихъ величественныхъ фигуръ съ ораторскими жестами, несомнѣнно характерными для искусства эпохи Юстиніана. Въ Равеннѣ не встрѣчается изображеній пророковъ съ развернутыми свитками, но такія фигуры уже извѣстны въ Сирійскомъ Евангеліи 586 года²⁾, затѣмъ въ Россанскомъ и Синопскомъ Евангеліяхъ³⁾, относимыхъ обыкновенно къ VI вѣку или немного позднѣе. Въ актахъ VII Вселенскаго собора говорится объ этихъ типахъ пророковъ со свитками, съ написанными на нихъ пророчествами, какъ объ извѣстныхъ и общепринятыхъ изображеніяхъ⁴⁾.

Замѣчательное по своей глѣпкѣ лицо Предтечи имѣетъ на столько рѣзко выраженныя индивидуальныя черты, что типъ египетскаго пустынноика, его изможденное лицо съ припухшими вѣками и мѣшками

1) Salzenberg, *Altchristliche Baudenkmale von Constantinopel*, pl. XXX, fig. 1.

2) Garr., p. 139, 2.

3) Haseloff, *Codex purpureus Rossanensis*, t. I—X, и Omont, *Notice sur un très ancien manuscrit grec etc.* Paris MDCCCC, pl. I, II.

4) ...τὴν πρὸ τῶν βασιλείων λέγω εἰκόνα ἐγείραντες, ἐν ἣ τῶν ἀποστόλων καὶ προφητῶν ἀναθέμενοι τὰς ἰδέας, καὶ τὰς τούτων περὶ τοῦ Κυρίου ἐγγράφαντες φωνάς. *Иер. Συν.* p. 804.

подъ глазами, собравшееся въ мятые складки тѣло щекъ и непоколебимая сила духа, сказывающаяся во взглядѣ черныхъ глазъ и во всей фигурѣ, могутъ возсоздать древность въ такой-же мѣрѣ, какъ и египетскіе портреты. Оливковый цвѣтъ кожи выполненъ въ сѣроватыхъ и зеленоватыхъ тонахъ. Густыя, черныя брови, неровныя и лежащія на мускулистыхъ надбровныхъ дугахъ морщинистыя, красныя по краямъ, воспаленныя вѣки отъ бдѣнія и жизни въ пустынѣ, коричневыя мѣшки подъ глазами, красная извилистая полоса на носу и красныя железы глазъ — всѣ эти черты говорятъ не о передачѣ традиціоннаго типа Іоанна, какъ онъ описывается въ литературныхъ источникахъ, а о наблюденіи природы. Подъ черными съ просѣдью волосами, лежащими извилистыми прядями, на лбу лежатъ коричневыя тѣни. Складки кожи на лицѣ также коричневыя. Черная борода и тонкіе черныя усы, идущіе внизъ, обиліе волосъ на щекахъ и близъ ушей указываютъ на восточный типъ, взятый изъ жизни и отвѣчающій историческому описанію.

Тщательность въ разработкѣ лица и его отдѣльныхъ частей можетъ быть сравнена только съ письмомъ восковыхъ египетскихъ портретовъ. Прозрачность одутловатыхъ мѣшковъ подъ глазами выражена тѣмъ, что они окружены въ нижней части розовыми колеблющимися линіями. Бѣлки глазъ оживлены бѣлыми точками и штрихами. Правое вѣко обведено розовой тонкой полосой только наполовину, вторая половина его черная. Пряди волосъ на головѣ и на бородѣ подернуты просѣдью, которая выражена посредствомъ втиранія бѣлаго цвѣта въ полосы чернаго. Фотографія не въ силахъ передать всей поразительной по своей художественности гѣпки этого лица.

Наоборотъ одежда, нимбъ, медальоны съ Христомъ и Богородицей исполнены быстрой, но крайне умѣлой кистью. Нимбъ представляетъ густо наложенную и нѣсколькими движеніями кисти уравниванную поверхность желтой краски, на которой совершенно явственно застыли слѣды волосъ кисти. Интересно то, что на правой сторонѣ нимба, прибавлено нѣсколько болѣе яркой охры, чтобы дать блескъ поверхности его. Волосы Іоанна Предтечи ложатся поверхъ этого нимба, а потому должно думать, что онъ былъ написанъ ранѣе головы и волосъ. Коричневая одежды въ свѣтлыхъ и темныхъ частяхъ дѣланы сначала прокладкой основныхъ тоновъ, а затѣмъ оживлены желтыми свѣтлыми линіями, ообозначающими формы складокъ. Черный поясъ, рельефомъ выступающій надъ поверхностью красокъ, представляетъ

жирную полосу черной краски, нѣсколько отекавшей и въ такомъ видѣ остывшей. Подобные же отеки можно видѣть и въ линіяхъ складокъ, и въ нимбѣ. Шерсть фелони сдѣлана въ нѣсколькихъ тонахъ. Основной сѣрый цвѣтъ шерсти отгнѣненъ зелеными прядями волосъ и бѣлыми штрихами, передающими свѣтовые переливы шерсти. Фонъ иконы, частью сохранившійся справа подъ медальономъ съ Богородицей, былъ сдѣланъ въ ровномъ голубовато-зеленомъ тонѣ. Съ технической стороны крайне интереснымъ является то, что воскъ для фона былъ смѣшанъ съ синимъ порошкомъ, такъ какъ крупинки его лежатъ въ толщѣ краски.

Оба медальона напоминаютъ миниатюрный стиль рукописей и написаны такой-же тонкой кистью, какъ и миниатюры. Достаточно указать на то, что одежды написаны безъ тѣней, а проложены ровнымъ блѣдно-лиловымъ цвѣтомъ пурпура. Черными линіями на нихъ показаны контуры. Волосы Христа написаны краснымъ цвѣтомъ, но нѣсколько линій на поверхности красной краски смягчаютъ яркость тона и даютъ коричневый цвѣтъ волосъ. Типъ лица Христа близко напоминаетъ общій миниатюрный типъ въ рукописи Григорія Назіанзена № 510 Пар. Нац. библ. съ короткой округлой бородой и широкимъ лицомъ. Черты лица обозначены контурами, а внутри глаза поставлена столь обычная въ миниатюрной живописи бѣлая точка. За головой Христа видны коричневые полосы перекрестья. Фонъ обоихъ медальоновъ желтый.

Различіе въ исполненіи лица и одеждъ въ фигурѣ Іоанна представляетъ исторически важную особенность иконы. Это различіе не такъ обращаетъ на себя вниманіе въ погрудныхъ портретахъ и иконахъ, какъ въ фигурахъ, написанныхъ въ полный ростъ. Оно замѣчается вообще въ исполненіи задрапированныхъ фигуръ въ ростъ, какъ въ античной живописи Помпей, такъ и въ поздней византійской живописи. Въ этомъ отношеніи особенно интереснымъ является синдонъ, привезенный В. С. Голенищевымъ изъ Египта и отнесенный имъ ко II вѣку по Р. Хр. Уже самъ владѣлецъ синдона отмѣтилъ вполне справедливо замѣчательное различіе, наблюдаемое въ исполненіи лица и одеждъ юноши, изображеннаго на синдонѣ¹⁾. Лицо его написано въ стилѣ обычныхъ египетскихъ портретовъ и отличается замѣчательнымъ совершенствомъ даже сравнительно съ ними. Лице нѣсколько

1) В. Голенищевъ, Археологическіе результаты путешествія по Египту зимой 1888—9 г. Зап. вост. отд. Имп. Русск. Арх. Общ. Т. V, вып. I, табл. III, стр. 6—7.

отклонено вправо отъ зрителя, черты лица показаны ясно и рѣзко, но глаза устремлены на зрителя, не смотря на то, что юноша представленъ подходящимъ къ богинѣ Анубисъ. Болѣзненность и худоба этого лица не соответствуютъ твердой постановкѣ фигуры, вполне здоровой, юношески сильной. Фигура добавлена къ портрету и написана по общепринятому шаблону фигуръ, задрапированныхъ въ широкія одежды. Хитонъ и гиматіонъ написаны какъ бы въ одинъ приемъ, какъ эскизъ, обнаруживающій замѣчательное знаніе складокъ, но условнаго и общаго типа. Въ техническомъ отношеніи важно то, что для портрета головы отведено четырехугольное пространство, покрытое бѣлымъ фономъ. Нѣкоторые египетскіе портреты, какъ извѣстно, также написаны на слоѣ, состоящемъ изъ проклеенныхъ между собою кусковъ полотна и покрытыхъ левкасомъ, а это обстоятельство имѣетъ связь съ приемами иконописи, сохранившей до настоящаго времени письмо не по доскѣ, покрытой левкасомъ, а по полотну, наклеенному на доску и покрытому левкасомъ. Самая форма четырехугольнаго нимба, изображаемаго на нѣкоторыхъ христіанскихъ памятникахъ вокругъ головъ историческихъ личностей, можетъ быть возведена къ формѣ четырехугольника, отведеннаго для портрета юноши на египетскомъ синдонѣ.

Такое различіе въ исполненіи лица и одеждъ на синдонѣ и на иконѣ должно быть сопоставлено съ техникой болѣе поздней византійской живописи и мозаики, въ которыхъ я уже имѣлъ случай отмѣтить эту особенность¹⁾.

Русская иконопись, различая болѣе трудную задачу писанія на иконахъ «ликовъ» и болѣе легкую въ писаніи «доличнаго», восходитъ къ древнимъ традиціямъ исторической или портретной живописи. Дѣйствительно, она разсматриваетъ каждый отдѣльный ликъ какъ достойный портретъ, сохраненный художественнымъ преданіемъ.

V.

Подведемъ итоги.

Доска первой иконы сдѣлана изъ сикоморы, дерева столь употребительнаго для египетскихъ саркофаговъ и портретовъ. Древесина доски не имѣетъ смолистыхъ слоевъ, она одноцвѣтная, темносѣрая, въ изломѣ же пепельно-желтаго цвѣта. Отъ времени древесина стала

1) Византійскіе памятники Афона. См. Виз. Врем. 1899, № 1, отд. оттискъ стр. 20 — 21.

хрупкой и ломкой. Сикомора, какъ дерево удобное для обработки, притомъ не гнѣющее, пользовалась широкимъ распространеніемъ и почетомъ въ Африкѣ. Паломница IV вѣка Сильвія передаетъ, что въ городѣ Аравіи (въ нижнемъ Египтѣ) она видѣла сикомору, называвшуюся — «*dendron alethiae*»¹⁾. Икона съ изображеніемъ Сергія и Вакха, если не ошибаюсь, также сдѣлана изъ сикоморы. Икона съ изображеніемъ Іоанна Крестителя — буковая и, наконецъ, доска иконы съ Богородицей и младенцемъ вытесана изъ лиственницы очень прочной и прекрасно сохранившейся. Разрѣзъ доски и мѣста на обратной сторонѣ ея, очищенные рубанкомъ, представляютъ слоистую поверхность, какъ у сосны, но слои идутъ чаще и отличаются большей смолистостью. Лиственница по своимъ качествамъ прочности и упругости была особенно употребительна для портретовъ, писанныхъ восковыми красками²⁾.

Тонкость досокъ и вслѣдствіе этого ихъ ломкость обуславливали собою употребленіе рамъ для иконъ. Всѣ четыре Синайскихъ иконы сохранили или рамы или слѣды ихъ существованія, а потому эти иконы должны быть считаемы за портативныя, т. е. назначенныя не для иконостасовъ, а для пользованія въ домашнемъ и церковномъ быту, въ пути, для дальняго вывода. Среди помпейскихъ картинъ Отто Доннеръ не могъ найти такихъ, которыя были вставлены въ стѣны домовъ вмѣстѣ съ рамами, между тѣмъ какъ употребленіе деревянныхъ рамъ или формъ при перевозкѣ фресокъ или картинъ на доскахъ было хорошо извѣстно въ античномъ мірѣ³⁾. Портреты, предназначавшіеся для мумій, также имѣли рамы. Крайне интересно, поэтому, тотъ фактъ, что доска и рама первой иконы изготовлены изъ одного цѣльнаго куска дерева. Днище иконы углублено, а узкія поля доски представляютъ раму. На остальныхъ трехъ иконахъ рама была приставная. Такъ какъ края иконъ Богородицы съ младенцемъ и Іоанна Крестителя остались безъ левкаса и безъ красокъ, то слѣдовательно доска покрывалась левкасомъ и расписывалась кра-

1) Правосл. Палест. Сборн., вып. 20, стр. 115 и прим. къ стр. 12. *Sykomore* (*Ficus Sycomorus*) см. Engler-Prantl, *Natürl.-Pflanzenfamilien*, Moraceae, p. 92. H. Bailon, *Hist. des plantes*, VI, 2, p. 175.

2) Букъ, кипарисъ, пихта и особенно лиственница были особенно цѣнными художниками для живописи, такъ какъ «*співѣжкія*» изъ этихъ породъ дерева не трескались такъ быстро какъ доски, приготовленныя изъ другихъ породъ. Damberget Saglio, *Dictionn.* p. 1632.

3) Otto Donner, о. с. p. LXVIII и LXIX.

сками уже будучи вставлена въ раму. Дѣйствительно, весьма интересное изображеніе художника за работой, находящееся въ рукописи IX вѣка Пар. Нац. Библ. «*Sacra Paralella*» Іоанна Дамаскина, представляетъ его пишущимъ портретъ на доскѣ, уже вставленной въ раму. Обычный типъ византійскихъ и русскихъ иконъ, какъ извѣстно, есть доска, обрамленная довольно широкими полями, образующими раму, съ пониженнымъ днищемъ для предохраненія живописи отъ порчи при перевозкѣ, когда иконы кладутся одна поверхъ другой. Рама и доска обыкновенно изготовлены изъ одного цѣльнаго куска дерева, какъ и икона съ изображеніемъ мученика и мученицы. Нельзя не видѣть зависимости этого традиціоннаго типа иконной доски отъ практическихъ требованій перевозки иконъ. Ясно само по себѣ, что Синайскія иконы не мѣстнаго происхожденія, а привезены издалика. На это же указываетъ и существованіе въ двухъ случаяхъ желобковъ для задвижной крышки, служившей для предохраненія живописи отъ порчи. Восковые краски, никогда не засыхающія (такъ какъ воскъ можетъ только остывать) и тающія отъ жаркой температуры воздуха, особенно нуждаются въ предохраненіи отъ надавливанія и тренія. На поверхности всѣхъ четырехъ иконъ можно видѣть вдавленные полосы, явившіяся отъ того, что иконы лишились своихъ крышекъ.

Икона мученика и мученицы, по чертамъ своего грубаго письма, по типу нимбовъ, сдѣланная изъ сикоморовъ, должна быть отнесена къ сиро-египетскому кругу памятниковъ. Напротивъ, иконы Сергія и Вакха и Богородицы съ младенцемъ, родственныя по исполненію и особенностямъ стиля, отмѣченныя чертами искусства эпохи Юстиніана, могутъ быть не безъ основанія отнесены къ числу византійскихъ, столичныхъ, т. е. константинопольскихъ произведеній. Здѣсь особымъ почитаніемъ пользовались свв. Сергій и Вакхъ. Икона Іоанна Крестителя вслѣдствіе близкаго родства типа Іоанна съ рельефнымъ образомъ на креслѣ Максиміана можетъ быть отнесена къ числу александрійскихъ памятниковъ. Типъ египетскаго отшельника, такъ ярко выраженный на этой иконѣ, могъ появиться только въ искусствѣ Александріи или вообще въ искусствѣ Египта.

Д. Айналловъ.

Вѣроятный составъ древнѣйшаго исповѣднаго и покаяннаго устава въ восточной церкви.

(Продолженіе и конецъ) ¹⁾.

III.

Какъ извѣстно, Іоанномъ Моринномъ въ его «*Commentarius historicus de disciplina in administratione sacramenti poenitentiae tredecim primis seculis in ecclesia occidentali et hucusque in orientali observata*», Antwerpiae, 1682, въ приложеніяхъ, на стр. 77 и слѣд. изданы три устава: 1) Ἀκολουθία καὶ τάξις ἐπὶ ἐξομολογουμένων συνταγεῖσα ὑπὸ τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Νηστευτοῦ, 2) Ἰωάννου μοναχοῦ πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Νηστευτοῦ λόγος πρὸς τὸν μέλλοντα ἐξαγορεύσαι τὸν ἑαυτοῦ πνευματικὸν πατέρα, 3) Ἰωάννου μοναχοῦ καὶ διακόνου, μαθητοῦ τοῦ μεγάλου Βασιλείου, οὗτινος ἡ ἐπωνυμία τέκνον ὑπακοῆς, κανονάριον διαγορεύον περὶ πάντων λεπτομερῶς παθῶν, καὶ τῶν τούτοις προσφύρων ἐπιτιμίων, περὶ τε τῆς ἀγίας κοινωνίας, βρωμάτων τε καὶ πομάτων καὶ εὐχῶν λίαν συμπαθέστατον. Первые два устава были потомъ перепечатаны въ 99 томѣ греческой патрологіи Миня, подъ именемъ Іоанна Постника, патріарха константинопольскаго; послѣдняго устава Миня не помѣстилъ, очевидно, потому, что онъ носитъ имя не патріарха Іоанна, а какого-то другого Іоанна, монаха и діакона, по прозванію чада послушанія.

Мы начнемъ со второго изъ этихъ уставовъ, такъ какъ изъ дальнѣйшаго изложенія видно будетъ, что Λόγος всего ближе стоитъ къ первоначальному уставу, и что мнѣніе, сдѣлавшееся у насъ ходячимъ, о предпочтительной древности и чуть ли не о «подлинности» Ἀκολουθίας есть одно изъ самыхъ неосновательныхъ.

---

1) См. Виз. Врем. VIII (1901), стр. 357 сл.

Λόγος, въ основѣ своей, есть не что иное, какъ первоначальный покаянно-исповѣдной уставъ, не испытанный на себѣ никакого вліянія системы Василія, переименовавшася впоследствии въ Іоанна, и незнакомый съ третьей мюнхенскою статьею: *καὶ οὐκ ἐστὶν τῶν ἁγίων πατέρων*. Но въ своей первой половинѣ онъ отчасти урѣзанъ, отчасти получилъ сильное распространеніе отъ позднѣйшей руки, а во второй части не доведенъ до конца, такъ что, безъ помощи славянскаго перевода и вѣнской рукописи, невозможно было до сихъ поръ правильнымъ образомъ анализировать его содержаніе. Распространеніе состоитъ въ слѣдующемъ. Предпосылается обширное предисловіе, въ которомъ говорится, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ, вочеловѣчившійся для спасенія насъ грѣшныхъ, зная наклонность нашей природы къ грѣху и не желая оставить насъ безъ помощи, далъ намъ въ помощники законъ, ангеловъ поставилъ хранителями надъ нами, послалъ пророковъ, апостоловъ, іерарховъ, іереевъ, учителей для преподаванія духовнаго ученія и, сверхъ того, монаховъ для принятія ими исповѣди въ грѣхахъ. Послѣ увѣщанія всѣхъ къ покаянію съ ссылками на мѣста изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, начинается рѣчь о производствѣ духовникомъ исповѣди. Обстановка та же, что и въ мюнхенскомъ «ученіи отцовъ», но содержаніе исповѣди совсѣмъ не то. Между тѣмъ какъ въ мюнхенской рукописи (и въ нашемъ славянскомъ переводѣ) со словъ: *πῶς σου, χυρίε ἀδελφεῖ ἢ τέκνον ἢ κυρία ἢ ἀδελφῇ, ἐν πρώτοις ἐφθάρη ἢ παρθενία* идетъ подробный распросъ со стороны духовника о плотскихъ грѣхахъ и отчасти объ убійствѣ, кражѣ и присвоеніи чужого имущества, въ Λόγος идетъ длинное и безпорядочное перечисленіе всякихъ грѣховъ.

Духовникъ кроткимъ и яснымъ голосомъ спрашиваетъ исповѣдующагося: о вѣрѣ, о святотатствѣ, объ ереси, о богохульствѣ, о растлѣніи, о причащеніи, о количествѣ женщинъ, о блудѣ, прелюбодѣянніи, о жевѣ священника, о монахинѣ великаго и малаго образа, о женахъ другихъ духовныхъ лицъ, о кровосмѣшеніи, мужеложствѣ, скотоложствѣ, птицеложствѣ и другихъ плотскихъ грѣхахъ, о сводничествѣ, волшебствѣ и употребленіи снадобьевъ и т. д. Въ числѣ грѣховъ, о которыхъ духовникъ спрашиваетъ, оказываются и зависть, злорѣчіе, ложь, чревоугодіе, злопамятство, гордость и тщеславіе, сребролюбіе и чревоугодіе и т. д., упоминаются оскорбленіе духовнаго отца, употребленіе въ пищу крови, мертвечины и удушенныя, пѣсни и пляски съ музыкой, ношеніе амулетовъ, поджогъ, измѣненіе сельскихъ межъ,

отдача денегъ въ ростъ, евнухизація, лжесвидѣтельство и пользованіе ложными подписями, жестокое обращеніе съ рабами, наученіе другихъ злу и многое другое. Послѣ исповѣди, вмѣсто одной молитвы читаются четыре. Но затѣмъ, когда грѣшникъ, поверженный на землю во время чтенія надъ нимъ молитвъ, встанетъ, начинается буквальное совпаденіе съ «ученіемъ отцовъ», а гдѣ это послѣднее обрывается по причинѣ предпочтенія епитиміямъ Василя, — съ тѣмъ уставомъ, который служилъ оригиналомъ для славянскаго переводчика, и часть котораго, съ небольшими измѣненіями, уцѣлѣла въ вѣнскомъ рукописномъ кодексѣ № 333. При этомъ составитель *Λόγος*’а не сообразилъ, что напр. нормы вмѣненія (ниже или выше 30 л.) или снисхожденіе, оказываемое людямъ, которые, въ силу привычки, не могутъ удержаться отъ грѣха, относящіяся къ грѣхамъ плотскимъ, умѣстны были въ первоначальномъ уставѣ, но рѣшительно не согласуются съ длиннымъ перечнемъ грѣховъ, которымъ замѣнено въ *Λόγος*’ѣ краткое исчисленіе грѣховъ первоначальнаго устава, не сообразилъ и того, что для большей части исчисляемыхъ имъ грѣховъ не оказывается никакихъ сроковъ покаянія или, можетъ быть, и сообразилъ, но не сдумѣлъ произвести соотвѣтственныя измѣненія въ остальномъ содержаніи первоначальнаго устава. Воспроизводя буквально этотъ послѣдній, составитель *Λόγος*’а твердо держится двухъ *διαφοραί* исповѣдующихся (*μεγάλως καὶ μικρῶς ἡμαρτηχότες*) и двухъ епитимійныхъ *διαφοραί* (*ἡ ἐλαφρὰ ἢ βαρεῖα τῶν ἐπιτιμίων ἢ δόσις*), но въ подробности относительно послѣднихъ не входитъ, такъ что самого росписанія дней поста и молитвенныхъ упражненій по двумъ категоріямъ въ *Λόγος*’ѣ не имѣется. Отсюда понятно значеніе славянскаго перевода и вѣнской рукописи. *Λόγος* заканчивается воспрещеніемъ впадшимъ въ плотской грѣхъ духовнымъ лицамъ продолженія священнодѣйствія, безъ возложенія на нихъ какой либо епитеміи. Начиная со словъ славянскаго перевода: *Другѣмъ же соуть скверны нѣкакы въ насъ впадеа сѣшникъ*, соотвѣтствующаго греческаго текста въ *Λόγος*’ѣ нѣтъ.

Обратимся теперь къ *Ἀκολουθία*. Предисловія нѣтъ, но молитвословіе предъ исповѣдью и въ особенности послѣ исповѣди получило сильное распространеніе. Послѣ того какъ желающій исповѣдаться станетъ предъ алтаремъ, *іерей* поетъ вмѣстѣ съ нимъ трисвятое, псаломъ 6-й: Господи, да не яростію Твоею обличиши мене, псаломъ 24-й: Къ Тебѣ, Господи, воздвигохъ душу мою, псаломъ 50-й: Помилуй мя, Боже, по величій милости Твоей, съ славословіемъ, псаломъ 31: Бла-

жени ихъ же оставишася беззаконія, псаломъ 69: Боже, въ помощь мою вонми, псаломъ 101: Господи, услыши молитву мою, и вопль мой къ Тебѣ да приидеть, потомъ читаетъ тропарь четвертаго гласа: Смирненную мою душу посѣти, потомъ еще два тропаря, послѣ чего произноситъ молитву: «Κύριε ὁ Θεὸς ἡμῶν ὁ πάντων πατὴρ надъ колѣно-преклоненнымъ грѣшникомъ, а когда этотъ встанетъ послѣ прочтенія молитвы, обращается къ нему съ рѣчью, въ которой увѣщеваетъ его къ чистосердечному признанію, какъ еслибы исповѣдь совершалась передъ самимъ Богомъ и ангелами, безъ ложнаго стыда, потому что если не постыдится здѣсь признаться въ своихъ грѣхахъ, избавитъ себя тѣмъ самымъ отъ стыда на будущемъ судѣ. Послѣ этого духовникъ велитъ исповѣдующемуся открыть свою голову и повторить за собою: исповѣдую Тебѣ, Господи, Отче, Творче небесе и земли, вся тайная сердца моего, и начинается распросъ, согласно съ «ученіемъ отцовъ»: πῶς σου κύριε ἀδελφε и т. д., но при распросѣ объ αἰμομιξία упоминается о связи съ δισεξάδελφῃ и συμπενοῦρά, а послѣ вопроса объ убійствѣ вольномъ и невольномъ предлагаются вопросы, не оскорбилъ ли родителей словомъ или дѣйствіемъ, не причащался ли послѣ принятія пищи и питья или послѣ совокупленія съ женой, не осквернился ли въ четыредесятницу, не вступилъ ли въ тайный бракъ (!) и проч., причемъ перечисляются многіе изъ грѣховъ, упоминавшихся въ Λόγος'ѣ. Но, не смотря на довольно длинный перечень, составитель этому перечню исчерпывающаго значенія не придаетъ, добавляя, что, просто сказать (ἀπλῶς εἰπεῖν), духовникъ долженъ обо всемъ распросить со всею тщательностію (μετὰ πάσης ἀκριβείας), и послѣ признанія въ каждомъ отдѣльномъ грѣхѣ произносить: «Богъ да проститъ тебѣ», а по окончаніи всей исповѣди произнести: «Ὁ δεσπότης ὁ κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ Θεὸς συγχώρησαί σοι πάντα, ὅσα κατ' ἐνώπιον αὐτοῦ τῇ οὐδενότητί μου ἐξήγγειλας». Послѣ этого «иное разрѣшеніе» (ἑτέρα λύσις): «Ὁ Θεὸς ὁ συγχώρησας διὰ Ναθάν и т. д. и еще «иное разрѣшеніе»: «Ὁ Θεὸς ὁ δι' ἡμᾶς ἐνανθρωπήσας и т. д., а затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ молитвъ: 1) Ὁ Θεὸς ὁ σωτὴρ ἡμῶν διὰ τοῦ προφήτου σου Ναθάν μετανοήσαντι τῷ Δαβὶδ и т. д., 2) Δέσποτα κύριε ὁ Θεὸς ὁ καλῶν δικαίους εἰς ἀγιασμόν, 3) Κύριε ὁ Θεὸς τῆς σωτηρίας τῶν δούλων σου, 4) Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ, υἱὲ τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος, 5) Πάτερ κύριε μὴ παραδόσης τὸν δούλόν σου τὸν δεῖνα ὑπὸ χειρῶν τοῦ διαβόλου. По прочтеніи молитвъ, во время которыхъ исповѣдующійся также долженъ былъ повергнуться на землю, духовникъ снова обращается къ нему съ рѣчью

слѣдующаго содержанія: «вотъ ты волею человеколюбиваго Бога освободился отъ всѣхъ своихъ прежнихъ злыхъ дѣлъ, не возвращайся къ нимъ, чтобы не было для тебя послѣднее горше перваго, а старайся исполнять по силамъ владычнія заповѣди и достигнуть спасенія». Но и этимъ литургическая часть еще не кончается. Священникъ говоритъ: «премудрость» и читаетъ сначала мѣсто изъ пророка Іезекіиля, потомъ Евангеліе отъ Луки (притчи о заблудшей овцѣ и о потерянной драхмѣ), трисвятое, три тропаря, Боже, милостивъ буди, 3-жды, Господи, прости, столько же, Господи, помилуй насъ, и 40 поклоновъ дѣлается обоими. Послѣ всего этого, духовникъ садится рядомъ съ исповѣдавшимся и спрашиваетъ его, какую заповѣдь онъ въ состояніи исполнить.

Отсюда, иногда съ легкимъ перифразомъ, начинается изложеніе «ученія отцовъ», причемъ опять не замѣчается той несообразности, что сроки покаянія, нормы вмѣненія и снисхожденіе къ людямъ, не могущимъ удержаться отъ грѣха въ силу привычки, рассчитаны только на плотскіе грѣхи. Явственно дважды говорится о *δευξὶς διαφορά*, но самое росписаніе дней поста и молитвенныхъ упражненій опять отсутствуетъ, хотя заимствование изъ «ученія отцовъ» (по славянскому переводу) идетъ даже нѣсколько дальше, чѣмъ въ Λόγος'ѣ, именно упоминается объ оскверненіи устами. Но затѣмъ составитель круто поворачиваетъ къ другому уставу (мюнхенскаго Василия) и, вслѣдствіе этого, получается рядъ несообразностей. Не заимствовавъ ничего изъ опредѣленій Василія, начинающихся словами: ἐάν τις ἡμαρτεν κατὰ φύσιν, и оставшись слѣдовательно при томъ, что выражено было въ «ученіи отцовъ», начиная съ словъ: ὅσα ἐγένοντο», составитель Ἀκολουθίας заимствуетъ лишь стоявшее въ концѣ этихъ опредѣленій обѣщаніе Василія сказать, насколько силы и знаніе позволяютъ, объ іереяхъ, объ имѣющихъ придти въ священство и о мірянахъ, и о томъ, въ какой мѣрѣ и какъ они должны судиться, послѣ чего, начиная съ словъ: εἰ μὲν ἀνάγκης χωρὶς τοῦτέστιν φόβου ἀνθρώπινου, слѣдуетъ Василию, и притомъ сейчасъ же получается первая несообразность. Такъ какъ Василию раньше не приходилось говорить о духовныхъ лицахъ и ихъ женахъ, то онъ могъ говорить о нихъ въ этомъ мѣстѣ, не нарушая послѣдовательности; но этого не долженъ былъ дѣлать составитель Ἀκολουθίας, потому что онъ уже раньше говорилъ объ этомъ предметѣ (по «ученію отцовъ»), а если онъ находилъ, что у Василія данный предметъ раскрытъ съ болѣею обстоятельностью, то онъ могъ внести нѣчто дополняющее въ изложеніе перваго ученія. Но до

такой задачи составитель, очевидно, не доросъ: онъ предпочелъ говорить объ одномъ и томъ же предметѣ въ двухъ разныхъ мѣстахъ, выписывая изъ двухъ уставовъ то, что говорилось въ каждомъ изъ нихъ. Затѣмъ составитель не смущается тѣмъ, что послѣ двукратнаго явственнаго упоминанія о *двухъ* *διαφοραί* исповѣдующихся нелогично говорить о *десяти* разновидностяхъ ихъ и еще менѣе логично послѣ такового же явственнаго упоминанія о двухъ *διαφοραί* въ отношеніи къ посту и молитвѣ излагать *три* опредѣленія (*τρεῖς ὅροι*). Уставъ Василия по мюнхенскому списку доводится до конца въ *Ἀκολουθία*, но въ заключеніе еще прибавляется молитва надъ тѣмъ, кто, бывъ связанъ священникомъ (т. е. наложеніемъ епитиміи), разрѣшается (отъ нея): *εὐχὴ ἐπὶ τοῦ ἐν δεσμῷ ὄντος ὑπὸ ἱερέως καὶ λυομένου* (*Εὐσπλαγγχε ἀγαθὲ καὶ φιλόνθρωπε κύριε* и т. д.).

Предоставляю теперь самому читателю судить о «древности» и «подлинности» этого якобы произведенія патріарха Іоанна Постника!

Что сдѣлалъ составитель третьяго изъ напечатанныхъ Морининомъ уставовъ, носящаго имя Іоанна, монаха и діакона, ученика Василия Великаго, по прозванію чада послушанія? Мюнхенскій Василій, превратившійся въ Іоанна, или, правильнѣе сказать, неизвѣстный, писавшій въ то время, когда имя Іоанна подъ разными названіями (преподобнаго отца, патріарха, просто монаха) приобрѣло популярность на востокѣ, какъ имя составителя покаяннаго устава, и потому назвавшій себя Іоанномъ, предпослалъ своему произведенію обширнѣйшее предисловіе, начинающееся словами: *Τῆς θείας καὶ παναγάθου τοῦ υπεραγάθου καὶ ἀληθινοῦ Χριστοῦ θεοῦ* и оканчивающееся словами: *καὶ τοῦ ζῆν τῶν μεγίστων ἀγαθῶν ἐξάίρετον* и, можетъ быть, самъ же себя похвалилъ (а, можетъ быть, и другой переписчикъ), помѣтивъ въ концѣ: *ἐνταῦθα τέρμα τοῦ χαλοῦ προομίου* (здѣсь конецъ прекраснаго предисловія). За предисловіемъ слѣдуетъ третья изъ мюнхенскихъ статей: *κανόνες τῶν ἁγίων πατέρων*, которой совсѣмъ не знаютъ составители *Λόγος*’а и *Ἀκολουθίας*, но безъ этого заголовка, прямо со словъ: *Ἀρχομαι τῇ τοῦ ἀγαθοῦ θεοῦ συνεργείᾳ*. Смыслъ здѣсь приданъ этой статьѣ другой, чѣмъ въ мюнхенской рукописи. Тамъ она имѣла смыслъ нѣкотораго *тетеніо* для духовника, чтобы онъ не увлекался мягкими правилами Василия. Здѣсь она получила характеръ первой половины уступительнаго періода: хотя св. отцы опредѣлили такіа-то и такіа-то епитиміи, но онъ, отчаянный, т. е. Іоаннъ, ко всей строптивой массѣ мірскихъ людей и монаховъ, женщинъ монашествующихъ и

мірскихъ, бѣдныхъ и богатыхъ, знатныхъ и убогихъ, практикуеть другую систему. Составитель не потрудился вычеркнуть слова: ἀπὸ τῶν ἐτέρων ἐξαγγελιῶν, понятныя въ связи этой статьи съ предыдущею, но неумѣстныя, когда ею именно и начинается уставъ. Къ тому, что содержится въ третьей мюнхенской статьѣ, составитель, повидимому, отъ себя прибавилъ еще о малакіи, — и очень неудачно, потому что о ней уже раньше была рѣчь, — и о преступленіи, среднемъ между μαλακία и ἀρρενοκομία, но затѣмъ, начиная съ словъ: εἰάν τις ἡμαρτεν μὲν κατὰ φύσιν, воспроизводитъ мюнхенскаго Василия. Изъ «ученія отцовъ» онъ ничѣмъ не позаимствовался: нѣтъ словъ ὅσα ἐγένοντο и т. д., нѣтъ ни слова о двухъ διαφοραί, а поэтому онъ свободенъ отъ упрека въ той непоследовательности и беспорядочности, которую обнаружили составители Λόγος'а и 'Ακολουθίας и даже мюнхенскій писецъ. Въ концѣ устава мориновскаго Іоанна есть нѣсколько добавленій къ мюнхенскому Василию, не считая того, что 85 правило Вас. В. Іоаннъ довелъ до самаго конца, не остановившись на словахъ: τοῖς τοιοῦτοις συναπόλλυσθαι μὴ βουλῶμεν, можетъ быть потому, что находилъ конецъ 85 правила примѣнимымъ къ обстоятельствамъ своего времени (за грѣхи наши Богъ поразилъ насъ казнями и предалъ насъ въ руки варваровъ). Послѣ заключительныхъ словъ находятся слѣдующія добавленія: 1) выписка извѣстнаго намъ мѣста о людяхъ, въ силу привычки не могущихъ удержаться отъ грѣха (ἐπεὶ δὲ εἰσὶ τινες βία ἕξωος и т. д.), — мѣсто это можно было найти въ оригиналѣ славянскаго перевода, и въ Λόγος'ѣ, и въ 'Ακολουθία, и, конечно, не какъ механическую привѣску, а какъ опредѣленіе, содержащееся въ контекстѣ самаго устава; 2) статьи περὶ εἰνούχων и περὶ βαρβάτων, а также женскія епитиміи, начинающіяся словами: ἡ προσβολή τοῦ λογισμοῦ ἀναμάρτητος συλλογισμός, послѣднія съ оговоркой, что «не мы, а Великій Василій установилъ ихъ для падшихъ». Хотя, какъ мы увидимъ, уже Никонъ Черногорецъ приводитъ и статью περὶ εἰνούχων, и епитимію, начинающіяся словами: ἡ προσβολή и проч., какъ содержащіяся въ Постниковомъ номоканонѣ; но нужно допустить одно изъ двухъ: или эти статьи прибавлены не самимъ Іоанномъ, а можетъ быть первымъ же переписчикомъ его устава (въ мюнхенскомъ кодексѣ, какъ мы видѣли при обзорѣнн его состава, эти статьи стоятъ отдѣльно на особыхъ мѣстахъ, подъ особыми заголовками, не имѣющими ничего общаго съ какимъ либо Василиемъ или Іоанномъ), или самъ Іоаннъ прибавилъ ихъ, почерпнувъ изъ новаго источника, какъ и пассажъ

ἐπεὶ δὲ εἰσὶ τινες βίᾳ ἔξω. Если справедливо послѣднее предположеніе, то болѣе краснорѣчивое *testimonium* раupertatis, выданное составителемъ себѣ самому, трудно было бы и представить себѣ: онъ оказался не въ силахъ включить добавочныя статьи въ свой уставъ и указать имъ подобающее мѣсто въ системѣ своихъ правилъ.

Послѣ опредѣленія отношенія мюнхенскаго Василія къ мориновскому Іоанну, я опять предоставляю самому читателю судить, насколько удобопріемлемо предположеніе моего покойнаго противника, почтеннаго А. С. Павлова, что Василій мюнхенскаго списка былъ наставникомъ въ монашеской жизни Іоанна, что Іоаннъ, какъ почтительный духовный сынъ приписалъ большую часть своего литературнаго труда своему наставнику, не назвавъ себя самого по имени, но что, сдѣлавшись потомъ патріархомъ, далъ своему прежнему сочиненію новую редакцію и выставилъ надъ нимъ свое собственное имя¹⁾. Не забудемъ прежде всего, что самъ-то Василій передѣлывалъ до него существовавшее «ученіе отцовъ». Затѣмъ Іоаннъ Постникъ, сдѣлавшійся *патріархомъ*, пересталъ скрываться за именемъ Василія и выставилъ на своемъ произведеніи свое собственное имя: однако, почему же онъ называетъ себя *монахомъ и діакономъ*, неразумнѣйшимъ и вмѣстѣ отчаяннѣйшимъ, научившимся не у какого нибудь неизвѣстнаго въ исторіи Василія, а у самого Василія В.? А если прибавить къ этому еще, что, высказывая свое предположеніе, профессоръ Павловъ производилъ уставъ, носящій на себѣ имена Василія и Іоанна, отъ патріарха Іоанна Постника и въ то же самое время находилъ возможнымъ говорить объ Ἀρχολογία, какъ о «старшей» редакціи мнимаго устава Постника²⁾, то отсюда явствуется лишь опасность, въ которую можетъ впасть даже и серьезный ученый, выходящій изъ предвзятой мысли и не дающій себѣ труда вникнуть въ содержаніе «устава», который оказывается не уставомъ, а совокупностію уставовъ, т. е. дѣломъ рукъ разныхъ лицъ, причемъ Ἀρχολογία въ особенности является наиболѣе безпорядочнымъ и наименѣе продуманнымъ произведеніемъ. Изъ сказаннаго объ Ἀρχολογία явствуется вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ трудно согласиться съ А. И. Алмазовымъ, по мнѣнію котораго³⁾ процессъ образованія исповѣднаго устава шелъ такимъ образомъ, что сначала патріархъ Іоаннъ Постникъ составилъ обширное чинопослѣдованіе исповѣди (то самое, или

1) Номоканонъ при больш. требн., стр. 30 въ примѣч.

2) Тамъ же, стр. 12 въ примѣч.

3) Тайная исповѣдь, I, стр. 79 и сл.

близкое къ тому, которое находится въ Ἀκολουθία), но что неудобства пользованія этимъ обширнымъ чинопослѣдованіемъ вызвали появленіе массы исповѣдныхъ уставовъ въ несравненно-кратчайшихъ редакціяхъ. Проф. Алмазовъ очень мѣтко изобразилъ переполненіе и, такъ сказать, наводненіе духовнической литературы массой уставовъ съ X в.: «чинопослѣдованіе исповѣди въ практикѣ греческой церкви за разсчитываемое время (т. е. начиная съ X в.) представляетъ въ литургическомъ отношеніи явленіе безпримѣрное по своей всеконечной неустойчивости; это былъ актъ, въ которомъ, кажется, рѣдкій духовникъ не считалъ возможнымъ допускать тѣ или другія измѣненія въ видѣ и сокращеній, и дополненій, и перестановокъ»¹⁾. Но откуда же такая неустойчивость и такое разнообразіе? Если когда-то патріархъ Іоаннъ Постникъ составилъ обширное чинопослѣдованіе исповѣди, которое оказалось потомъ неудобнымъ по его обширности, то отчего же какой нибудь другой, позднѣйшій, патріархъ не внялъ нуждѣ времени и не помогъ духовникамъ новымъ официальнымъ пересмотромъ устава Постника? Вѣдь это былъ бы самый простой и правильный путь къ введенію опредѣленнаго порядка и къ удержанію духовниковъ отъ сочинительства на свой страхъ и вкусъ. И затѣмъ почему неустойчивость и разнообразіе засвидѣтельствованы намъ именно памятниками послѣ X в.? Значить ли это, что до X в. греческіе духовники не тяготились неудобствами обширнаго чинопослѣдованія патріарха Іоанна Постника, а послѣ X в., по какой-то причинѣ, стали тяготиться ими?

Дѣло объясняется гораздо проще. Теперь я болѣе рѣшительно, чѣмъ когда нибудь, могу сказать, что патріархъ Іоаннъ никакого устава не составлялъ, и первыя, несомнѣнно-историческія доказательства существованія исповѣднаго и вмѣстѣ покаяннаго устава на греческомъ востокѣ мы находимъ въ мюнхенскомъ «ученіи отцовъ», которое мюнхенскій писецъ отличаетъ, какъ нѣчто традиціонное, отъ правилъ Василія, очевидно историческаго лица, нѣкоего греческаго монаха. Правила послѣдняго должны были быть болѣе поздними, такъ какъ Василій не вновь создавалъ, а передѣлывалъ нѣчто, существовавшее до него, но въ X в. и они уже существовали. Какъ далеко можно уводить въ глубь исторіи то «ученіе отцовъ», которое было традиціоннымъ для X в.? Можно ли относить его къ концу VI в., когда жилъ Іоаннъ Постникъ? Не только къ VI, а даже къ VIII в.

1) Тайная исповѣдь, I, стр. 155.

было бы невозможно относить происхождение мюнхенскаго «ученія отцовъ». Взглядъ на преступную связь съ *σύντεχνος*, какъ на самый тяжкій видъ кровосмѣшенія, указываетъ на время послѣ трулльскаго собора 692 г., а различіе монаховъ и монахинь великаго и малаго образа (*μεγαλόσχημοι* и *μικρόσχημοι*), котораго не признавалъ еще Феодоръ Студитъ вначалѣ IX в.¹⁾, и которое съ совершенною ясностію проведено въ «ученіи отцовъ», не допускаетъ никакихъ попытокъ приурочивать появленіе покаянно-исповѣдныхъ уставовъ на востокъ къ болѣе раннему времени, чѣмъ IX в. Представлялось ли мюнхенскому писцу традиціонное «ученіе отцовъ» такимъ авторитетнымъ, что оставалось бы лишь подчиняться ему и безпрекословно руководиться имъ? Рѣшительно нѣтъ. Мы видѣли, что составитель мюнхенскаго устава съ легкимъ сердцемъ отступаетъ отъ «ученія отцовъ» и предпочитаетъ ему правила нѣкоего Василія, показавшіяся ему болѣе удовлетворительными, чѣмъ «ученіе отцовъ». Конечно, не всегда болѣе краткое предшествуетъ болѣе пространному; но что въ отношеніи къ разсматриваемымъ уставамъ и въ особенности къ тому, который содержится въ *Ἀχολοῦθία*, историческій процессъ имѣлъ характеръ восхожденія отъ болѣе простаго и краткаго къ болѣе сложному и пространному, въ этомъ теперь едва ли можно сомнѣваться, послѣ того какъ мнѣ удалось выяснитъ взаимное отношеніе важнѣйшихъ редакцій такъ называемаго номоканона Постника и въ частности тотъ, позволю себѣ выразиться, безтолковый способъ, къ которому прибѣгнулъ составитель *Ἀχολοῦθίας*, сооружая свое произведеніе. Къ тому же выводу приводитъ неминуемо и то, странное, повидимому, обстоятельство, что древнѣйшіе уставы мюнхенской рукописи, а также и мориновскій Іоаннъ, монахъ и діаконъ, вытѣснившій имя Василія, обращаютъ вниманіе на плотскіе грѣхи, на убійство и отчасти на присвоеніе чужого имущества, не вдаваясь, впрочемъ, относительно послѣдняго ни въ какія подробности, между тѣмъ какъ въ особенности по отношенію къ плотскимъ грѣхамъ и къ связаннымъ съ ними способамъ дѣтостребленія проводятъ извѣстную методологію и устанавливаютъ извѣстныя правила вѣнчанности, смягченія и отягченія отвѣтственности. Этотъ фактъ навсегда останется важнымъ научнымъ фактомъ. Лѣнингъ

1) Въ завѣщаніи (*διαθήκη*) Феодора Студита запрещается давать дважды монашескій образъ—сначала такъ называемый малый, потомъ якобы великій, ибо образъ одинъ, какъ одно крещеніе: οὐ δοίης ὅπερ λέγουσι μικρὸν σχῆμα, ἔπειτα ὡς μέγα· ἐν γὰρ τὸ σχῆμα, ὥσπερ καὶ τὸ βάπτισμα, καθὼς οἱ ἅγιοι πατέρες ἐχρήσαντο (Migne, Patr. gr., t. 99, col. 1812, № 12).

правъ, когда онъ говоритъ, что ирландско-британская и англо-саксонская покаянная дисциплина, формулированная въ ирландско-британскихъ и англо-саксонскихъ пенитенціалахъ, пересаженная позднѣе на континентъ и здѣсь облекшаяся въ форму франкскихъ пенитенціаловъ, произошла изъ распространенія монастырской дисциплины на мірянъ¹⁾. Но этого нельзя сказать о восточныхъ покаянныхъ уставахъ въ моментъ ихъ появленія, насколько они должны были примѣняться не къ монахамъ, а къ мірскимъ людямъ. Монастырская дисциплина на востокѣ такъ же, какъ и на западѣ, и на востокѣ даже раньше, чѣмъ на западѣ (потому что монашество съ востока было перенесено на западъ), обняла всякіе грѣхи, и не только грѣховныя дѣянія, но и грѣховныя склонности и грѣховные помыслы. Между тѣмъ «ученіе отцовъ» и уставъ Василія, переименовавшася впоследствии въ Іоанна, говорятъ почти исключительно о плотскихъ грѣхахъ. Что это значитъ? Это значитъ, что они передаютъ намъ одну голую и неприкрашенную историческую правду. Исповѣдь предъ восточными монахами была дѣломъ доброй воли грѣшниковъ, а не исполненіемъ общеобязательнаго, на всѣхъ наложеннаго и всѣми соблюдаемаго церковнаго долга (о подобномъ общеобязательномъ предписаніи исторія ничего не говоритъ), и потому естественно, что къ монахамъ являлись люди не съ малыми, а съ тяжкими грѣхами,—люди, на совѣсти которыхъ тяжелымъ бременемъ лежалъ грѣхъ, не дававшій имъ покоя, и которые желали облегчить для себя это бремя. А до какихъ чудовищныхъ формъ и извращеній доходили плотскіе грѣхи у людей того времени, можемъ видѣть изъ замѣтокъ самихъ же монаховъ, составителей уставовъ, о томъ, что имъ приходилось выслушивать на исповѣди. Уже позднѣе, когда тѣ же монахи выступили въ качествѣ официально-уполномоченныхъ отъ церковнаго правительства духовниковъ и сама исповѣдь сдѣлалась общехристіанскимъ и общеобязательнымъ обычаемъ, произошли соотвѣтственные измѣненія и въ уставахъ: и литургическая ихъ часть разрослась, и содержаніе исповѣди расширилось, обнявъ всякаго рода грѣхи, и явились наконецъ въ уставахъ вопросы, относящіеся къ разнообразнымъ грѣхамъ, кромѣ плотскихъ. Составители Λόγος'а и Ἀπολογία, включивъ въ содержаніе исповѣди разнаго рода грѣхи, еще не сумѣли произвести соотвѣтственные измѣненія въ распросахъ. Въ позднѣйшихъ уставахъ мы находимъ и

1) Löning, Geschichte des deutschen Kirchenrechts, II, стр. 472—473.

эти измѣненія¹⁾. Все это было совершено естественнымъ, и всякое другое представленіе историческаго хода вещей будетъ искусственнымъ и невѣрнымъ.

Утверждая, что исповѣдныя уставы мюнхенской рукописи суть древнѣйшія несомнѣнно-историческія свидѣтельства существованія на востокѣ этого рода уставовъ, я имѣю въ виду не монастырскіе уставы, рассчитанные на приложеніе къ монастырской братіи и направлявшіеся, какъ выше упомянуто, противъ всякихъ грѣховъ, страстей и склонностей грѣховныхъ, а такіе уставы, которые, какъ говорили ихъ составители, примѣнялись ко всей безразличной массѣ людей всякихъ классовъ и положеній. Такимъ образомъ существованіемъ монастырскихъ уставовъ, начиная съ времени первыхъ организаторовъ монашеской жизни въ IV в., нисколько не ослабляется сила высказаннаго мною положенія. Но о правилахъ св. Θεодора Студита я долженъ сказать нѣсколько словъ. Съ именемъ этого св. отца въ 99 томѣ греческой патрологіи Миня напечатаны слѣдующія четыре статьи: 1) *περί ἐξαγορεύσεως*, 2) *περί ἐρωτήσεως καὶ τῶν ταύτης διαλύσεων*, 3) *ἐπιτίμια κοινὰ τῆς ὅλης ἀδελφότητος ἐπὶ τῶν παραλειπόντων ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ εἰς τὸν κανόνα*, 4) *τὰ καθημερινὰ ἐπιτίμια τῶν μοναχῶν*. Последнія двѣ статьи относятся исключительно къ монастырской братіи и къ разнымъ порядкамъ монастырской жизни: всѣ я, содержащіяся здѣсь, правила принадлежатъ Θεодору Студиту, или нѣкоторые явились позднѣе, а иныя, быть можетъ, и раньше Θεодора Студита, для насъ въ настоящемъ случаѣ безразлично — за предѣлы монастырской жизни дѣйствіе ихъ не простирается. Вторая статья состоитъ изъ четырехъ вопросо-отвѣтовъ, которые насъ также мало касаются. Нашего вниманія заслуживаетъ въ особенности первая статья: *περί ἐξαγορεύσεως*. Здѣсь, послѣ опредѣленія понятія исповѣди, излагаются «заповѣди» противъ злопамятныхъ, злорѣчивыхъ, болтливыхъ, лживыхъ, унывающихъ, чревоугодниковъ, сребролюбцевъ, безчувственныхъ, тщеславныхъ, гордыхъ, хулителей, гнѣвливыхъ и раздражительныхъ, предающихся печали, убійцъ, прелюбодѣевъ, блудниковъ, мужеложцевъ, кровосмѣсителей съ сестрою и снохою, воровъ, гробокопателей, занимающихся колдовствомъ и составленіемъ снадобьевъ, а также и тѣхъ, кто обращается къ нимъ, наконецъ еще разъ противъ злорѣчивыхъ. Изъ того, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ запо-

1) См., напр., у проф. Алмазова въ III томѣ его «Тайной исповѣди» и греческіе, и славянскіе уставы съ разнообразными вопросами.

вѣдѣй прямо выражено, что онѣ имѣютъ въ виду монаховъ (§§ 2, 3 и 6), можно бы было заключать, что и остальные разсчитаны на монаховъ же, и что слѣдовательно высказанному мною выше положенію не противорѣчитъ и статья *περί ἐξαγορεύσεως* Θεοδора Студита, тѣмъ болѣе, что въ ней нѣтъ ни одного слова о порядкѣ производства исповѣди. Но въ ней встрѣчаются притомъ же такія странности, въ виду которыхъ ее нужно отнести къ числу тѣхъ многочисленныхъ статей, которыя встрѣчаются въ греческихъ рукописныхъ сборникахъ съ именами разныхъ св. отцовъ: Василия В., Аѳанасія, Златоуста, Ефрема Сирина и др. Во-первыхъ, противоположеніе во многихъ «заповѣдяхъ» срока покаянія по Василию Великому сроку, назначаемому составителемъ этихъ «заповѣдей», имѣетъ такую редакцію, какая встрѣчается только въ позднихъ спискахъ номоканона Постника (каковъ напр. изданный въ IV томѣ аѳинской синтагмы), и какая рѣшительно неизвѣстна не только мюнхенскимъ, а и всѣмъ тремъ мориновскимъ уставамъ¹⁾. Во-вторыхъ, сроки покаянія за прелюбодѣяніе и блудъ поражаютъ непродуманностію и несообразностію: прелюбодѣю назначается 2-лѣтнее покаяніе, а блуднику 6-лѣтнее. Въ третьихъ, ссылаясь на правила Василия В., составитель статьи *περί ἐξαγορεύσεως* на самомъ дѣлѣ не знаетъ ихъ. Василиій Великій будто бы предписалъ убійцѣ 15 л. покаяніе съ сухояденіемъ въ 9-мъ часу, между тѣмъ какъ Василий В. различаетъ вольное убійство, за которое назначаетъ 20 л. покаяніе, и невольное, за которое назначаетъ 10 л., а о 15 л. срокѣ и о сухояденіи въ 9 часу не говоритъ ни слова. Василиій В. будто бы предписалъ 15 л. за прелюбодѣяніе съ сухояденіемъ въ 9 часу: срокъ здѣсь вѣрно показанъ, но сухояденіе есть опять изобрѣтеніе составителя «заповѣдей». Вору, добровольно признавшемуся, Василиій В. будто бы назначилъ двухлѣтнее покаяніе, между тѣмъ какъ въ 61 пр. Василия В. назначается таковому вору 1 годъ покаянія. Гробокопателя Василиій В. будто бы назначаетъ 15 л., между тѣмъ какъ въ 66 пр. Василиемъ В. назначается 10 л. Точно также не вѣрно, будто Василиій В. опредѣляетъ одно и тоже 15 л. покаяніе

1) Формула обыкновенно такая при отдѣльныхъ грѣхахъ: Василиій Великій за такой-то грѣхъ опредѣлялъ такой-то срокъ покаянія, а мы такой-то, причемъ всего чаще и самый срокъ, назначаемый составителемъ «заповѣдей», совпадаетъ съ срокомъ синтагмы. Общая черта и въ томъ, что необходимымъ предположеніемъ сокращенія срока ставится прекращеніе грѣха и тщательное соблюденіе предписанной духовникомъ заповѣди, въ противномъ же случаѣ грѣшникамъ угрожается продолжительнымъ отлученіемъ отъ причащенія по всей строгости правилъ Василия В.

съ сухояденіемъ и для волхвователей, и для тѣхъ, кто ходитъ къ волхвователямъ: на самомъ дѣлѣ Василій В. первымъ назначаетъ покаяніе на тотъ же срокъ, какъ убійцѣ (т. е. 20 л.), а послѣднимъ на 6 лѣтъ, и безъ всякаго сухояденія¹⁾. Спрашивается, неужели Θεодоръ Студитъ могъ написать подобныя заповѣди?

Итакъ, я могу повторить, что въ мюнхенскихъ уставахъ отъ X вѣка я вижу первыя несомнѣнно-историческія свидѣтельства существованія на востокѣ покаянно-исповѣдныхъ уставовъ, рассчитанныхъ на приложение ко всей массѣ христіанъ, и что духовническая практика монаховъ была, такъ сказать, частною практикой духовныхъ врачей, къ которымъ обращались люди, болѣвшіе тяжкими душевными недугами. Отсюда объясняется и отсутствіе однообразія въ литургической части исповѣди, и произвольное комбинированіе и измѣненіе древнѣйшихъ епитимійныхъ уставовъ послѣдующими духовниками. Практикой монахи выработывали себѣ извѣстную методологію въ производствѣ исповѣди, извѣстныя правила вмѣненія, извѣстные приемы психологическаго анализа, какъ различеніе между исповѣдующимися десяти разновидностей,—приемы, для X-го столѣтія, пожалуй, далеко не заурядныя, и, къ слову сказать, не только не нашедшіе себѣ справедливой оцѣнки, но и совсѣмъ не затронутые въ нашей духовной литературѣ. Монахи же могли, какъ видно изъ уставовъ, требовать отъ приходящихъ для покаянія выхода изъ церкви вмѣстѣ съ оглашенными и постольку поддерживать требованія каноническихъ правилъ о публичномъ покаяніи. Что монахи-духовники требовали отъ приходящихъ для покаянія выхода изъ храма послѣ ектеніи объ оглашенныхъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: то, что говорилось въ каноническихъ правилахъ о покаяніи, они переносили на покаяніе, наложенное духовникомъ, какъ сдѣлало это позднѣе и само церковное правительство, прижѣняя карфагенскіе каноны о примиреніи кающихся единственно епископомъ, или, по порученію этого послѣдняго, пресвитеромъ къ монахамъ-духовникамъ. Насколько монахамъ въ дѣйствительности удавалось поддерживать въ силѣ древніе каноны если не въ строгомъ порядкѣ послѣдовательныхъ четырехъ степеней покаянія, то въ смыслѣ извѣстнаго нагляднаго разграниченія некающихся отъ кающихся выходомъ послѣднихъ изъ храма въ притворъ или на паперть послѣ ектеніи объ оглашенныхъ,—это, разумѣется, другой вопросъ. Никонъ

1) См. въ 99 т. Патрологіи Миня на стр. 1727—1730 правила 17, 18, 24—27.

Черногорецъ изъ начала второй половины XI в. оставилъ намъ цѣнное историческое показаніе по этому вопросу. Въ словѣ 30-мъ своего «тактикона», адресованномъ монаху Василию и имѣющемъ видъ отвѣта на запросъ со стороны послѣдняго, Никонъ, сославшись на Златоуста, на «глаголемый Постниковъ номоканонъ», на Василия В., Григорія Нисскаго и Григорія Богослова и объясняя словами этого послѣдняго необходимость выхода кающихся изъ церкви (что стыдъ, чувствуемый при выходѣ, есть часть наказанія, которая, будучи претерпѣваема здѣсь на землѣ, избавляетъ отъ посрамленія на будущемъ судѣ), продолжаетъ: «нынѣ же не вѣмъ, како удержа безсловесное и невѣдомое смотреніе, и отъ своего хотѣнія и не свидѣтельствованное же не исходить неприобщеннымъ отъ оглашенныхъ, и отъ сего бысть обычай человѣкомъ еже не срамлятися, и сего ради достиже въ страшная умышленія человѣчeskій родъ о святѣмъ и божественномъ причащеніи, и твореніемъ множицею бываемѣмъ и многообразнѣ, яко да не познани будутъ яко не причащаются человѣческаго ради срама храими суть въ будущей, якоже имать отеческое послѣдованіе и божественныхъ писаній, ниже согрѣшеніемъ прощеніе, увы мнѣ окаянному! въ таковыхъ бываетъ. Обаче Богови вѣдома суть таковая...»¹⁾. Итакъ, въ дѣйствительности держался неразумный, своевольный и ни на чемъ не основанный обычай не выходить отъ оглашенныхъ и даже причащаться наравнѣ съ людьми, не проходящими покаянія,—обычай, ведущій къ тому, что изъ за ложнаго стыда въ здѣшней жизни сберегается всецѣлое посрамленіе на будущемъ судѣ, и прощенія грѣховъ не получается.

Добытые мною въ настоящей моей работѣ результаты, по вопросу о времени происхожденія покаянно-исповѣдныхъ уставовъ на востокѣ и о первоначальномъ составѣ «ученія отцовъ» и правилъ Василия, заставляютъ меня оглянуться назадъ, на время полемики между мною и покойнымъ А. С. Павловымъ, и заявить, что теперь я болѣе, чѣмъ когда-либо, убѣжденъ 1) въ томъ, что славянскій чинъ надъ исповѣдающимся, изданный Лавославомъ Гейтлеромъ въ его «*Euchologium glagolski*», Zagreb, 1882, стр. 122—147 и перепечатанный проф. Алмазовымъ въ III томѣ его «Тайной исповѣди», стр. 95—100, составилъ

1) См. въ тактиконѣ л. 169 наобор. Въ монастыряхъ для монаховъ это предписаніе, конечно, легче было провести. См. въ *ἐπιτίμ. κοινά* Θεοδώρα Στουδίτη (Migne, t. 99) пр. 11: Ὁ ἐν ἐπιτίμῃ ὢν καὶ μὴ παύσας μετὰ τῶν κατηχομένων ἐν τῇ νάρθκῃ τῆς λειτουργίας ἐπιτελούμενης, μετανοίας βαλλέτω πενήκοντα.

подъ *вліяніємъ западнымъ*, 2) въ томъ, что «заповѣдь св. отецъ», изданная тѣмъ же Гейтлеромъ въ томъ же «Евхологіѣ глагольскомъ» на стр. 188—195 по синайскому списку и позднѣе мною по списку кормчей румянц. муз. № 230 въ «Слѣдахъ западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права», есть *переводъ съ латинскаго* пенитенціала.

Первое я утверждаю въ виду того, что славянскій «чинъ надъ исповѣдающимся» не только не похожъ съ внѣшней стороны ни на одинъ изъ извѣстныхъ въ настоящее время греческихъ уставовъ, хотя и содержитъ въ себѣ нѣсколько греческихъ молитвъ, но, по самому существу своему, рѣзко различается отъ тѣхъ уставовъ, которые могли быть близки къ нему по времени происхожденія. Издатель «чина» Гейтлеръ находитъ возможнымъ предполагать, что требникъ, въ которомъ помѣщается этотъ «чинъ», писанъ глаголическимъ письмомъ раньше конца X в., и что, кромѣ того—и это самое важное—глаголическій требникъ былъ списанъ съ оригинала, писаннаго кириллицей: тѣмъ самымъ, слѣдовательно, время происхожденія славянскаго переводнаго требника и содержащагося въ немъ «чина надъ исповѣдающимся» отдалается до начала X в. и можетъ быть даже до времени обращенія славянскими апостолами болгаръ и моравовъ въ христіанство. О чемъ въ самомъ дѣлѣ можетъ свидѣтельствовать тотъ безспорный фактъ, что, между тѣмъ какъ въ остальномъ содержаніи славянскій требникъ оказывается переводомъ съ греческаго, въ «чинѣ надъ исповѣдающимся» можно найти лишь нѣсколько греческихъ молитвъ, которыя потомъ встрѣчаются и въ греческихъ исповѣдныхъ уставахъ, а все прочее не соотвѣтствуетъ ни одному греческому уставу? Фактъ этотъ можетъ свидѣтельствовать лишь о томъ, что славянскій «чинъ» появился въ такое время, когда на греческомъ востокѣ покаянно-исповѣдныя уставы, можетъ быть, совсѣмъ не существовали, а если и существовали, то лишь въ видѣ первыхъ, единичныхъ и мѣстныхъ, попытокъ, не имѣвшихъ ни опредѣленнаго состава, ни общаго авторитета. Сравнивая славянскій «чинъ» съ первыми или старшими, исторически-достоверными, уставами по мюнхенской рукописи, мы сразу же замѣчаемъ, что насколько славянскій «чинъ», обнимающій всякіе грѣхи, различается отъ мюнхенскихъ уставовъ, сосредоточивающихъ свое вниманіе почти исключительно на плотскихъ грѣхахъ, настолько же онъ сближается съ латинскими пенитенціалами того времени, строившимися всего чаще на октоадѣ смертныхъ грѣховъ, и въ

особенности съ тѣмъ наставленіемъ Отмара С. Галленскаго ученикамъ, которое издано было мною (по Вассершлебену) въ параллель славянскому «чину» въ приложеніяхъ къ «Слѣдамъ». — Относительно второго я не допускаю никакихъ сомнѣній потому, что славянская «заповѣдь св. отецъ» не имѣетъ и не могла имѣть ничего общаго съ разсмотрѣнными выше греческими епитимейниками. Теперь настало, какъ я полагаю, время отложить всякія надежды на отысканіе когда либо въ архивахъ и бібліотекахъ скрывающагося якобы подъ спудомъ греческаго оригинала «заповѣди». Если бы даже предположить, что переводчикъ, въ моментъ перевода, имѣлъ выборъ между греческимъ и латинскимъ уставами, онъ по необходимости долженъ былъ предпочесть латинскій, потому что греческій не подходилъ къ условіямъ быта новообращенныхъ въ христіанство варваровъ. Иное дѣло — грѣхи развращенной культуры, иное дѣло — грѣхи варварскаго быта. Иное дѣло — строптивая и непокоривая масса людей, не выносящая сколько нибудь продолжительныхъ епитимій, и иное дѣло — люди первобытные, способные съ суровою энергіей и съ довѣрчивымъ сердцемъ принимать на себя нелегкія «заповѣди» духовниковъ. Что въ особенности дѣлало греческій уставъ непригоднымъ для новообращенныхъ славянъ, это — проводившееся въ немъ начало изгнѣнія духовныхъ лицъ, выпадающихъ въ какіе бы то ни было грѣхи, отъ какой либо епитиміи, кромѣ устраненія отъ священнодѣйствія, въ случаѣ тяжкихъ грѣховъ, специально плотскихъ грѣховъ — изверженія изъ священства, безусловнаго и безповоротнаго. Это начало было тоже послѣдствіемъ перенесенія древнихъ каноновъ о публичномъ покаяніи¹⁾ на покаяніе, налагавшееся духовниками. Неудобства подобного перенесенія не могли чувствоваться у грековъ съ такою силою, какъ у варваровъ, ибо у грековъ понятіе духовно-сословной чести было настолько развито, что около половины XI в., при патріархѣ Константиѣ Лихудѣ могло явиться даже синодальное опредѣленіе, гласившее, что духовное лицо, совершившее убійство, не под-

1) Въ 25 пр. апост. было сказано, что епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ въ блудодействіи, въ клятвопреступленіи или въ тѣхъ обличенный, долженъ быть изверженъ отъ священнаго чина, но не долженъ быть отлучаемъ отъ общенія церковнаго, ибо Писаніе глаголетъ (Наумъ, гл. 1, ст. 9): не отмистиши дважды за одно. То же самое, и съ болѣе обширною мотивировкою, повторяется въ 3 пр. Василия В. Въ 36 пр. кареаг. соб. (по счету книги правилъ изд. св. синод.) запрещено на пресвитеровъ и діаконовъ, обличенныхъ въ нѣкоемъ тяжкомъ грѣхѣ, неизбѣжно удаляющемъ отъ священнослуженія, возлагать руки, какъ на кающихся, а съ другой стороны возводить ихъ на степени клира.

лежитъ никакимъ уголовнымъ наказаніямъ, и что лишеніе сана для него, извергнутаго въ толпу мірянъ, есть уже достаточное искупленіе за учиненное имъ преступленіе¹⁾. Но неудобства все таки чувствовались въ XI столѣтіи и на востокѣ, и недоумѣнія возникали: цѣнное историческое свидѣтельство въ этомъ отношеніи оставилъ намъ Никонъ Черногорецъ. Въ его «пандектахъ»²⁾ разсказывается такой случай: «быше нѣкій епископъ въ нѣкоемъ градѣ и по дѣйству дѣвольскому въ блудъ впаде. Въ единъ убо отъ днѣй, бывшу собранію въ церкви, и никоу же вѣдушу о грѣсѣ его предъ всѣми людьми о себѣ исповѣда, глаголя азъ въ блудъ впадохъ, и положи омофоръ свой на олтари рекъ, ктому не могу вамъ быти епископъ. И воззваша вси людіе съ плачемъ глаголюще, грѣхъ той на насъ, точію пребуди въ епископѣ, и рече епископъ, еже глаголю вамъ сотворите, и повелѣвъ затворити двери церковныя, повергше себѣ на лицѣ въ единѣхъ дверцахъ и рече, не имать части съ Богомъ, иже исходящъ не наступитъ мя, и сотворше по словеси его, и исходящему послѣдному, прииде гласъ съ небеси глаголющъ: за многое смиреніе его простихъ ему грѣхъ».

Изъ этого разсказа можно бы было, повидимому, заключить, что симпатіи самого пандектиста склонялись въ пользу взгляда, что плотской грѣхъ, омытый покаяніемъ, не препятствуетъ продолженію священнодѣйствія. Этотъ выводъ былъ бы, однако, какъ нельзя болѣе ошибоченъ. Въ тактикѣ Никону представился случай изложить ех ргофессо свои воззрѣнія по этому предмету съ опроверженіемъ «пререкующихъ», т. е. возражателей. Эти «пререкующіе» хорошо знакомятъ насъ съ тѣми практическими неудобствами, которыя и на востокѣ чувствовались при проведеніи вышеуказаннаго начала. Возражатели, какъ видно изъ словъ нѣкоего пресвитера лаодикійскаго, къ которому обращено слово Никона, указывали на то, что Богъ принимаетъ покаяніе отъ всѣхъ, даже отъ діавола принялъ бы, если бы онъ покаялся, что священникъ есть существо подобострастное прочимъ людямъ, что падать и силою покаянія подниматься свойственно чело-вѣческой природѣ, что священникъ можетъ имѣть жену и дѣтей и никакихъ средствъ для прокормленія ихъ, кромѣ службы, и поэтому, несмотря на учиненный грѣхъ, боясь за судьбу своего семейства, на исповѣдь идти не рѣшается, умираетъ безъ исповѣди и погибаетъ, что

1) См. въ V т. аѳинской синтагмы, стр. 49.

2) Слово 52-е, л. 421.

если бы священникъ, преодолевъ даже это колебаніе, исповѣдался бы и пожелалъ бы поступить въ монастырь для прохожденія тамъ покаянія, его не приняли бы изъ за того, что у него есть бѣдныя дѣти, а если бы и дѣтей не было, всетаки не приняли бы, потому что, при вступленіи въ монастырь, нужно сдѣлать взносъ или вкладъ, для котораго у священника средствъ не имѣется. Опровергая эти возраженія, Никонъ стоитъ, такъ сказать, выше міра и страстей: священникъ не подобострастное намъ существо, а есть или долженъ быть, согласно съ Діонисіемъ Ареопагитомъ, ангеломъ Божиимъ¹⁾; разсужденія о женѣ и дѣтяхъ суть разсужденія «суетныя» и противорѣчащія «божественнымъ писаніямъ»,—требованіе монастырями вклада есть «злой обычай», который подлежитъ искорененію, и о которомъ слѣдовательно и распространяться не стоитъ. Никонъ твердо держится того взгляда, что покаяніе, какъ и крещеніе, «грѣхи очищаетъ, но священства не подаетъ», что покаяніе возставляетъ и обновляетъ падшихъ, путемъ покаянныхъ подвиговъ можетъ вознести ихъ «на высоту божественную», но «священничества дарованіе инъ имать разумъ», т. е. священство имѣетъ другое основаніе, принадлежащее къ другому порядку понятій, и это основаніе для лица, подвергнутаго за грѣхъ покаянію, отпало,—да и зачѣмъ ему нужно священство? спастись можетъ и безъ священства. Все это обосновывается на каноническихъ правилахъ, на изреченіяхъ отцовъ и на «глаголемомъ Постниковомъ номоканонѣ», и вся эта аргументація не можетъ скрыть отъ насъ того очевиднаго факта, что неудобства примѣненія восточныхъ епитимійныхъ уставовъ къ духовенству чувствовались и на востокѣ. Весьма вѣроятно, что этими же неудобствами въ самомъ «глаголемомъ Постниковомъ номоканонѣ» вызвано было странное правило, входившее въ составъ старшаго устава, но не уцѣлѣвшее ни въ мюнхенской рукописи, вслѣдствіе предпочтенія, оказаннаго писцомъ правиламъ Василія предъ «ученіемъ отцовъ», ни въ Ἀβύσς'ѣ, ни въ Ἀχολουθία, такъ какъ въ нихъ содержаніе перваго устава не доводится до конца, но уцѣлѣвшее въ рум. кормч. № 230 л. 86: σῦντι γὰρ γυναῖκες τότε λαμβάνουσι τὸν ποικιλικὸν κῆρα σκονὸς ἀνδρῶν ἐπερωτῶντες καὶ παραγγέλλουσιν. Это же правило приводитъ и Никонъ Черногорецъ на л. 97 своихъ пандектъ, и даже дважды, одинъ разъ какъ извлеченіе изъ номоканона Постника, въ другой разъ подъ заголовкомъ: Великаго Василія

1) Слово 27 на л. 148 и сл.

правило 70-е, хотя и подъ этимъ заголовкомъ содержится извлеченіе изъ номоканона же Постника. Если священникъ долженъ былъ липаться священства не только за свой собственный грѣхъ, но и за грѣхъ своей жены, какъ скоро желалъ продолжать съ нею сожителство, то понятно, что согрѣшившая жена, прежде чѣмъ идти на исповѣдь, должна была обсудить вмѣстѣ съ мужемъ возможные послѣдствія своей исповѣди и безъ «спроса и повелѣнія» мужа на исповѣдь не ходить. О томъ, что складъ церковной жизни, при которомъ духовенство могло быть извергаемо изъ сана по «заповѣдямъ» духовниковъ, а не по формальному архіерейскому суду, совсѣмъ не похожъ на условія современной церковной жизни, нѣтъ, кажется, надобности распространяться. Что, по правосознанію времени, греческіе духовники могли предписывать прекращеніе священнодѣйствія, это объясняется изъ того же перенесенія древнихъ каноновъ о публичномъ покаяніи на тайное, о которомъ было замѣчено выше.

Но если неудобства примѣненія восточныхъ епитимійныхъ уставовъ къ духовенству чувствовались и на востокѣ, то что же сказать о варварскихъ странахъ, вновь приобрѣтаемыхъ для христіанства? Здѣсь, во первыхъ, не могло быть столь развитого, какъ у грековъ, понятія о духовно-сословной чести, лишеніе которой могло бы сознаваться какъ тяжкая мѣра репрессіи для духовенства, ряды котораго должны были состояться изъ среды варварскаго же народа. Вторыхъ, въ глазахъ этого самого народа не могло казаться справедливымъ, чтобы священникъ или діаконъ, продолжающій, быть можетъ, заниматься тѣмъ же самымъ, чѣмъ онъ занимался до посвященія, оставался безнаказаннымъ за то самое преступленіе, за которое мірянинъ долженъ былъ подвергаться болѣе или менѣе продолжительному покаянію, такъ какъ это послѣднее, по духу времени и по складу народной жизни, могло разсматриваться лишь какъ наказаніе. Въ третьихъ, контингентъ лицъ, грамотно-подготовленныхъ къ духовнымъ должностямъ, не могъ быть такъ обиленъ, чтобы провинившихся безповоротно отрѣшати отъ священнослуженія и замѣнять ихъ другими. Какъ бы то ни было, но въ западныхъ пенитенціалахъ, между прочимъ и въ мерзбургскомъ, который всего ближе стоитъ къ славянской «заповѣди св. отецъ», и въ этой самой «заповѣди», покаяніе назначается не только мірянамъ, но и епископамъ, священникамъ, діаконамъ и причетникамъ. На западѣ отбываніе наказуемыми духовными лицами покаянія облегчалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что до-

вольно рано утвердилось правило отсылать провинившееся духовенство въ монастыри (безъ всякаго соображенія о вкладѣ), гдѣ прохождение покаянія могло быть легко контролируемо¹⁾.

Неудобствами примѣненія къ духовенству того начала, что для него никакой епитиміи не можетъ быть, кромѣ устраненія отъ священнослуженія, нужно объяснять то, что и у грековъ стали появляться, но какъ случайныя, фрагментарныя, противорѣчащія духу уставовъ, правила объ епитиміяхъ духовнымъ лицамъ. Таковы номоканонъ Котельера, номоканонъ вѣнскаго анонима²⁾; даже въ мюнхенскомъ уставѣ есть уже постановленіе о томъ, что за кражу священнослужители подлежатъ епитиміи блудниковъ.

Насколько гармонировали подобныя опредѣленія съ духомъ уставовъ, видно изъ того, что вѣнскій анонимъ, назначающій епитимію— въ одной статьѣ патриарху, въ другой архидіакону, въ третьей епископу, самъ же говоритъ: *ὁ ἱερεὺς ἐπιτίμιον οὐκ ἔχει, εἰ μὴ ἐποχὴν τῆς ἱερωσύνης*. Къ этому прибавлю то, что было уже сказано мною однажды³⁾: въ восточныхъ уставахъ не встрѣчается ни одной статьи, въ которой бы *заразъ* опредѣлялось покаяніе грѣшникамъ разныхъ степеней по такой напр. формулѣ: мірянину назначается три года покаянія, одинъ изъ нихъ на хлѣбѣ и водѣ, діакону 7 лѣтъ, три изъ нихъ на хлѣбѣ и водѣ, священнику 10 л., три изъ нихъ на хлѣбѣ и водѣ, епископу 12 л.; если же мы развернемъ которое нибудь изданіе западныхъ пенитенціаловъ — Шмитца или Вассершлебена, намъ не нужно будетъ розыскивать или считать подобныя статьи, онѣ сами собою бросаются въ глаза. Эта же самая черта наблюдается и въ славянской «заповѣди св. отецъ» (не говоря о другихъ, раньше мною указывавшихся, доказательствахъ ея западнаго происхожденія).

IV.

Скажемъ теперь, какимъ образомъ составилъ тотъ покаянный уставъ, который содержится въ кормчей Румянц. Муз. № 230, или тотъ оригиналъ, съ котораго сдѣланъ былъ переводъ. Славянскій переводный уставъ состоитъ собственно изъ двухъ уставовъ. Содержаніе и значеніе перваго изъ нихъ было достаточно разъяснено выше;

1) См. Слѣды западно-кат. ц. права, стр. 122—123.

2) Ср. еще у Питры въ Spic. Solesm. IV, p. 462 c. 85 и у Алмазова, III, стр. 73.

3) Къ вопросу о запад. влияніи на древнерус. пр. Яросл. 1893, стр. 87—88.

только благодаря ему сдѣлалось возможно возстановить первоначальный уставъ, начинающійся въ мюнхенскомъ «ученіи отцовъ», продолжающійся въ *Λόγος* и въ *Ἀκολουθία* и заканчивающійся въ вѣнской рукописи № 333. Но замѣтимъ, что и этотъ первый уставъ, вмѣстѣ съ послѣдующимъ, носитъ въ рум. кормч. одно и тоже имя «*Ιωάννα* мниха, чада послушанія, ученика св. *Βασιλία*»¹⁾. Очевидно, оригиналъ славянскаго перевода явился въ такое время, когда имя *Ιωάννα*, въ разныхъ званіяхъ, стало надписываться безъ разбора надъ всякимъ уставомъ, а время это, какъ покажетъ намъ ниже Никонтъ Черногорецъ, въ половинѣ XI в. уже наступило. До чего доходили неразборчивость и безцеремонность позднѣйшихъ составителей, передѣльвателей и переписчиковъ, видно будетъ изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ изданномъ проф. Алмазовымъ уставѣ²⁾, который, по существу своему, есть не что иное, какъ мюнхенское «ученіе отцовъ» и, слѣдовательно, нѣчто совершенно отличное и отъ *Βασιλία*, и отъ *Ιωάννα*, читается заголовокъ: *διάφοροι διαφοραὶ καὶ διαθέσεις τῶν ἐξομολογουμένων κρίφια ἀμαρτήματα πατρᾶσι πνευματικοῖς, συγγραφῆσαι παρὰ Ἰωάννου μοναχοῦ, οὗ ἡ ἐπωνυμία τέχνην τῆς ὑπακοῆς*, а очень близкій къ нему и выше упоминавшійся уставъ, изданный проф. Дмитріевскимъ, озаглавляется: *Κανονάριον τοῦ ἐν ἁγίᾳς πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Νηστευτοῦ*. Въ вѣнскомъ *cod. theolog. graec.* № 206 мнѣ встрѣтился *номоканонъ*, начинающійся предисловіемъ: *τῆς θείας καὶ παναγὰς* и т. д., приписанный здѣсь *Ιωάνну Постнику*, патриарху Константинопольскому (тоже самое мы увидимъ у *Νικона Черногорца*). Или напр. *Cod. Ottobon.* 160 содержитъ въ себѣ «*κανονάριον... ἐκλελεγμένον ἐκ τῶν ἁγίων ἀποστόλων... πατέρων τοῦ Ἰωάννου τοῦ Νηστευτοῦ*»³⁾; слѣдовательно, *Постникъ* представляется собирателемъ, дѣлающимъ выборку изъ готоваго историческаго матеріала. И дѣйствительно, по словамъ *Πιτρυ*⁴⁾, въ этотъ канонарій входятъ между прочимъ правила, образующія такъ называемый *ὁρος κανονικός τῶν ἁγίων ἀποστόλων*, напечатанный *Βικелемъ*⁵⁾ и затѣмъ *Πιτροю* какъ извлеченіе изъ восьмой книги апостольскихъ постановленій⁶⁾, но въ какомъ видѣ явля-

1) См. прилож. № 4 въ Виз. Врем. VIII, вып. 3—4.

2) Тайная исповѣдь, III, 1—4.

3) См. *Codices manuscripti graeci Ottoboniani bibliothecae Vaticanae, recens. E. Feron et F. Battaglini, Romae, 1893, стр. 91.*

4) *Iuris ecclesiae graecorum historia et monumenta*, t. I въ примѣчаніяхъ къ *ὁρος*.

5) *Bickel, Geschichte des Kirchenrechts, Giessen, 1843, B. I, Abth. 1, S. 133 sqq.*

6) *Pitra, o. c., p. 103 и сл.*

ются эти правила въ названномъ канонаріѣ? Съ епитиміями, рассчитанными на годы и на дни, и съ поклонами въ опредѣленномъ количествѣ, чего совсѣмъ не было въ первоначальномъ ѡрос. А тотъ номоканонъ, который съ именемъ Іоанна Постника напечатанъ въ IV томѣ «Синтагмы божественныхъ и священныхъ каноновъ» Раллиса и Потлиса, представляетъ уже рѣшительную насмѣшку и надъ исторіею, и надъ здравымъ смысломъ: объ Іоаннѣ Постникѣ говорится тутъ въ третьемъ лицѣ, какъ о человѣкѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ составителемъ, приводится постановление патріарха Меоодія, жившаго приблизительно черезъ 250 лѣтъ послѣ патріарха Іоанна Постника, весь матеріалъ расположенъ по классификаціи Григорія Нисскаго т. е. по тремъ способностямъ души, каковая классификація рѣшительно неизвѣстна ни мюнхенскимъ статьямъ, ни мориновскимъ уставамъ, ни славянскому старинному переводу, и вдобавокъ самый принципъ, который долженъ служить руководящимъ при опредѣленіи сроковъ покаянія, содержитъ въ себѣ нѣчто, въ корень противорѣчащее руководящему началу всѣхъ старинныхъ уставовъ. Старинные уставы, какъ бы они ни назывались, ученіемъ отцовъ, епитиміями Василія или Іоанна, предвидятъ возможность такихъ слабыхъ субъектовъ, которые и послѣ исповѣди не могутъ удержаться отъ грѣховъ, не могутъ даже настолько укрѣпиться, чтобы время великой четыредесятницы провести въ воздержаніи отъ грѣха, и несмотря на то назначаютъ краткосрочное покаяніе. Напротивъ, номоканонъ Іоанна Постника по аѳонской синтагмѣ назначаетъ краткосрочное, сравнительно съ продолжительностію отлученія по древнимъ канонамъ, покаяніе (обыкновенно 3 года), но при томъ непремѣнномъ предположеніи, что назначенное покаяніе пунктуально выполнено, и что грѣшникъ пересталъ грѣшить, а въ противномъ случаѣ должно быть исполнено продолжительное покаяніе по всей строгости древнихъ каноновъ. Наступили, очевидно, такія времена, что кто бы и что бы ни сочинилъ, все могъ свалить на неповинную голову патріарха Іоанна Постника.

Итакъ, въ старинномъ славянскомъ переводѣ, подъ именемъ Іоанна, чада послушанія, ученика Василія Великаго, содержатся два устава. Второй непосредственно слѣдуетъ за первымъ, заканчивающимся, какъ видѣли мы выше, постановленіемъ о недопущеніи женщинъ къ исповѣди иначе, какъ если онѣ опасно заболѣютъ, или будутъ заматорѣвшими въ дни многи. Послѣ этого постановленія слѣдуетъ нѣкоторый заголовокъ: различны заповѣди матіины, откуда можно заклю-

чать, что если не славянскій переводчикъ, то во всякомъ случаѣ тотъ грекъ, который писалъ оригиналъ перевода, различалъ этотъ послѣдующій уставъ, какъ болѣе «милостивный», отъ предыдущаго. Начинается предисловіе мориновскаго Іоанна—монаха: *Бжѣеиѣ и есвазѣ* и т. д., но похвалы этому предисловію въ концѣ его не имѣется, такъ что можно предполагать, что и въ греческомъ уставѣ Морина похвала принадлежитъ не самому составителю устава и предисловія, а позднѣйшему списателю. За предисловіемъ, съ словъ: *начноу же вѣаго вѣ наставеникъмъ и поспѣшеникъмъ* идетъ та статья, которая въ мюнхенской рукописи озаглавлена: *καὶ νόμος τῶν ἀγίων πατέρων*, но безъ этого заголовка, точно такъ же какъ и у мориновскаго Іоанна нѣтъ этого заголовка. До конца, однако, эта статья не доводится не только по Іоанну, но и по мюнхенской рукописи, въ которой, какъ выше было замѣчено, нѣтъ вторичнаго разсужденія о *μαλακία* и нѣтъ ничего о грѣхѣ, занимающемъ среднее мѣсто между *μαλακία* и *ἀρσενοκομία*; славянскій переводъ обрывается на невольномъ убійствѣ. Затѣмъ усматривается нѣчто не совсѣмъ понятное. Послѣ словъ: *а кже невольнаго милостивъ сѧ и достоинъ*, которыми заканчивается 94-й листъ румянц. кормч., съ слѣдующаго 95 листа начинается другой почеркъ другими чернилами и съ другимъ правописаніемъ¹⁾, причемъ сразу дѣлается скачекъ, подобный тому, который сдѣланъ былъ составителемъ *Ἀκολουθίας*, но только у послѣдняго былъ сдѣланъ скачекъ отъ первоначальнаго устава къ Іоанну, чаду послушанія, а здѣсь въ предѣлахъ устава этого послѣдняго. Нѣтъ длинныхъ разсужденій, начинающихся словами: *ἐάν τις ἡμαρτεν* (такъ что слѣдовательно этихъ разсужденій, кромѣ мюнхенскаго Василія и мориновскаго Іоанна, въ другихъ уставахъ не имѣется), но прямо дѣлается переходъ къ тѣмъ же словамъ, съ которыхъ началъ свою измѣну старѣйшему уставу составитель *Ἀκολουθίας*: *εἰ μὲν ἀνάγκης χωρίς* и т. д., и притомъ съ совершеннымъ отсутствіемъ смысла. Начиная съ этихъ словъ, у мюнхенскаго Василія, какъ и у мориновскаго Іоанна, рѣчь идетъ о тѣхъ, кто не подъ вліяніемъ страха человѣческаго или бѣдности осквернились съ язычниками,—мужчинахъ или женщинахъ, не имѣющихъ законныхъ мужей: имъ назначается 3 л. покаяніе съ епитиміей по одному изъ трехъ *δροι*. А затѣмъ говорится о женатыхъ и замужнихъ, виновныхъ въ томъ же грѣхѣ и при такихъ же предположеніяхъ.

1) На предыдущихъ листахъ двоеточіе ставилось только надъ *ω* и *ε*, а съ 95 листа оно ставится, кромѣ того, надъ чистыми гласными *ю*, *и*, *и*, даже иногда надъ *а*.

Въ румянц. коричей 95-й листъ начинается словами: законъгы-
нхъ ꙗ. ѿѣ. да прѣѣзѣаютъ не комкающе и т. д., такъ что соотвѣт-
ствующій славянскій переводъ греческихъ словъ: εἰ μὲν ἀνάγκης χωρὶς,
τοῦτέστιν φόβου ἀνδρωπίνου ἢ πτωχείας ἐν ἐθνικοῖς ἐμολαίωθησαν σώμα-
σιν, ἄνδρες ἢ γυναῖκες ἀνεὺ ἀνδρῶν νομίμων τριτίαν μὲνέτωσαν ἀκοινώ-
νυτοι и проч. начался только съ слова νομίμων, а всё предшествую-
щія отпали. Тутъ можно думать разное. Можно предполагать, что
первый писецъ пошелъ бы и дальше невольнаго убійства, слѣдуя
точно Василию или Іоанну, такъ что у него не было бы скачка отъ
невольнаго убійства къ оскверненію съ язычниками¹⁾. Но можно пред-
полагать и то, что и первый писецъ не допустилъ бы, конечно, без-
смыслицы, которую допустилъ его преемникъ, не потрудившійся уста-
новить съ точностію, на чемъ остановился предшественникъ, но пере-
велъ бы лишь сполна выписанный выше греческій текстъ, безъ пред-
шествующихъ разсужденій: ἐὰν τις ἤμαρτεν и проч. Достоверно лишь
одно, что второй писецъ оказался человѣкомъ легкомысленнымъ, кото-
рый и потомъ, еще разъ, обнаружилъ свое легкомысліе. Передъ исчи-
сленіемъ десяти разновидностей вѣснѣдующихся, онъ вставилъ, «отъ
сбора кафагенскаго» т. е. карфагенскаго, правило объ анаемѣ тѣмъ,
кто отрицаетъ крещеніе дѣтей во оставленіе грѣховъ,—правило, со-
вершенно неумѣстное въ данномъ контекстѣ и не встрѣчающееся въ
греческихъ покаянныхъ уставахъ. Славянскій писецъ тутъ, повиди-
мому, поступилъ такъ же, какъ поступилъ его коллега, другой писецъ,
неожиданно вставившій въ «законъ судный» статью «о патріаршей
чести»²⁾: видѣлъ правило гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, вообразилъ, что
оно имѣетъ отношеніе къ трактуемому въ переписываемомъ уставѣ
вопросу, и, не смущаясь, вставилъ его въ переписываемый уставъ.
Кромѣ указаннаго выше пропуска, осложненнаго бессмыслицей, и
кромѣ этой послѣдней вставки, славянскій переводъ соотвѣтствуетъ
до конца мюнхенскому Василию, постольку, слѣдовательно, и морингов-

1) Что могъ существовать славянскій переводъ, доведенный первымъ писцомъ
до конца, въ пользу этого предположенія могло бы говорить то обстоятельство, что
нашъ Кирикъ (вопр. 83 на стр. 46 въ VI т. Р. И. Библи.) говоритъ: «написано есть въ
заповѣди Іоанна Постника: аще кто украдетъ головныя начальныя тѣлѣбы, да не
придетъ въ чистительство». Это есть буквальный переводъ греческихъ словъ: ἐὰν δὲ
τις ἐκλαβῇ κεφαλαιώδη χλεμματα, μὴ ἐρχέσθω εἰς ἱερωσύνην. Своей цитаты Кирикъ не
могъ почерпнуть изъ того, что говорится въ рум. корич. на обор. 95 л.: «аще кто кра-
детъ да не придетъ въ чѣстительство».

2) См. Слѣды, стр. 148—149 и Къ вопросу о западномъ вліяніи, стр. 173—175.

скому Іоанну, но кончается тамъ, гдѣ кончается Василій, такъ что большая часть 85-го правила Василія В. (о преданіи за грѣхи въ руки варваровъ и проч.) отсутствуетъ и никакихъ добавочныхъ статей не имѣется. Постольку, слѣдовательно, славянскій переводъ соответствуетъ и 'Ακολουθία (начиная съ 95 листа), если не считать дополнительной къ 'Ακολουθία молитвы: εὐσπλαγγχε ἀγαθέ, которой нѣтъ въ славянской кормчей. Въ виду того, что славянскій переводъ послѣ перерыва возобновляется на тѣхъ же словахъ (объ оскверненіи съ язычниками), съ которыхъ начинается поворотъ составителя 'Ακολουθίας отъ старшаго устава къ Василію или Іоанну, можно бы было, пожалуй, предположить, что между славянскимъ переводомъ и 'Ακολουθία есть сродство, можно бы было, пожалуй, даже считать первый переводомъ съ послѣдней, прибѣгая къ помощи другого предположенія, что существовала нѣкогда чистая и неиспорченная 'Ακολουθία, снабженная притомъ предисловіемъ: τῆς θείας καὶ παναγάθου и проч. Но, вмѣсто подкрѣпленія этого предположенія, мы находимъ въ ея составѣ новыя доказательства ея полного одиночества.

Въ мюнхенскомъ «ученіи отцовъ», послѣ ссылокъ на Златоуста, Василія В., Григорія Богослова и на примѣры ниневитянъ и разбойника, говорится: ταῦτα δὲ παρεξήλθον διὰ τοὺς βαρύνοντας τὰ ἐπιτίμια καὶ ἴσα πᾶσι κατὰ τὸν ὁρισμὸν τῶν θείων κανόνων λαμβάνειν οὐ καλῶς οὐδὲ ὀρθῶς οὐδὲ δικαίως, ἀλλὰ ἀπανθρώπως καὶ ἀγνώστως λαμβάνειν εἰς ἐπαγγελλομένους¹⁾. Въ томъ же контекстѣ эти слова съ нѣкоторыми вариантами стоятъ въ Λόγος'ѣ: ταῦτα δὲ παρ' ἡμῶν λέλεκται διὰ τοὺς ἀνοήτως βαρύνοντας τὰ ἐπιτίμια καὶ εἰς ἅπαντας κατὰ τὸν ὁρισμὸν τῶν θείων κανόνων ἐκλαμβάνοντας οὐ καλῶς οὐδὲ ὀρθῶς οὐδὲ δικαίως, ἀλλ' ἀπανθρώπως καὶ ἀσυνέτως καὶ ἀγνώστως λαμβάνειν ἐπαγγελλομένους²⁾. Тоже въ вѣнской рукописи № 333: ταῦτα δὲ διεξήλθον и т. д. Тоже и въ славянскомъ первомъ уставѣ, только между этими словами и ссылкой на примѣры ниневитянъ и разбойника, по объясненнымъ выше причинамъ, стоитъ разсужденіе о непокоривыхъ людяхъ и о томъ, что нужно спасая спасать свою душу, послѣ чего слѣдуетъ: снѣ же повѣдахомъ зане ѡтагъчающихъ заповѣднѣи и всѣмъ повелѣннѣи бжѣтѣнънѣхъ канонъ примати не добрѣ ни по правдѣ. нѣ нечлѣчнѣи и невѣдомѣ примати ѡвѣщающимъ см³⁾. Въ 'Ακολουθία

1) Л. 211 рукоп.

2) Morinus, стр. 95.

3) На л. 82.

на этомъ мѣстѣ стоитъ далеко не то: ταῦτα οὖν εἰδὼς μὴ κατὰ τὴν ἀκριβείαν τῶν θείων κανόνων διορίζειν τὰ ἐπιτίμια, ἀλλὰ κατὰ τὴν ποιότητα τοῦ προσώπου¹⁾.

Въ мюнхенскомъ уставѣ Василія передъ заявленіемъ о практикуемыхъ авторомъ трехъ διαφοраί (за которыми слѣдуетъ заголовокъ: Περί γυναικῶν) стоятъ слова: ἐρευνᾶν δὲ αὐτοὺς εἰ καὶ ἰσχύουσι εἰπεῖν ποσότητα προσώπων ἢ οὐ. ὁ γὰρ μὴ ἰσχύων εἰπεῖν ὡς ἄσωτος κρίνεται²⁾. У мориновскаго Іоанна находимъ эти слова въ томъ же контекстѣ³⁾, а равнымъ образомъ и въ славянскомъ второмъ уставѣ: пытати же ѿ, аще могуць количество рещи лицъ, или ни, не могути во рещи ико блочдникъ ѿсоужається⁴⁾. Въ Ἀκολουθία буквально тѣ же слова стоятъ на неприличествующемъ имъ мѣстѣ, тотчасъ послѣ исчисленія десяти разновидностей исповѣдающихся⁵⁾.

Заявляя тотчасъ же послѣ ἐρευνᾶν и т. д. о трехъ различіяхъ, мюнхенскій Василій говоритъ: ἡ αὕτη γὰρ ἀνάκρισις καὶ σύγκρισις ὀφείλει γίνεσθαι καὶ ἐπὶ γυναικῶν, καὶ ἀνδρῶν, κοσμικῶν τε καὶ μοναχῶν, затѣмъ подъ рубрикой: περὶ γυναικῶν говоритъ о необходимости особо тщательнаго разспроса женщинъ въ виду практикуемыхъ ими ухищренныхъ способовъ дѣтоистребленія, и наконецъ уже къ концу этой рубрики, прежде чѣмъ перейти къ своему первому ὅρος, разсуждаетъ: οὗτοι οὖν ἅπαντες οὕτως μίαν ἀπὸ τριῶν τούτων διαφορῶν τὴν ἐπιτίμησιν λαμβανέτωσαν ἄνευ δούλων καὶ δουλίδων, οἱ γὰρ δοῦλοι καὶ αἱ δουλίδες καὶ παρ' αὐτῶν τῶν θείων ἐκανονίσθησαν κανόνων τὸ ἥμισυ καὶ μόνον τῆς ἐπιτιμήσεως λαμβάνειν διὰ τὸ μὴ εἶναι αὐταῖς, φησὶν, ἐν τῇ ἰδίᾳ ἐξουσίᾳ. Тѣ же слова и на тѣхъ же мѣстахъ, т. е. раздѣленные промежуточнымъ разсужденіемъ о распрашиваніи женщинъ, находимъ у мориновскаго Іоанна⁶⁾, а равнымъ образомъ и въ славянской кормчей читаемъ на тѣхъ же мѣстахъ: таковыи во расоужении и сказаніи и смотрении и соудъ подовакѣ быти ѿ женахъ и на мочужхъ, и потомъ черезъ промежутокъ: си оубо вси тако кдиноу ѿ трини си хъ различни заповѣди да прикмяють развѣ рабъ и рабыни и т. д.⁷⁾. Въ Ἀκολουθία тѣ и другія слова сливаются безъ всякаго

1) Morinus, стр. 83.

2) На листѣ 215 мюнх. рукоп.

3) Стр. 112.

4) Въ концѣ 97 и въ началѣ 98.

5) Стр. 87.

6) Стр. 112.

7) Л. 98 Въ концѣ первой страницы и въ началѣ оборотной.

промежутка: ἡ αὕτη γὰρ ἂν ἀκρισις (sic) καὶ διάκρισις καὶ κρίσις ὀφείλει γίνεσθαι καὶ ἐπὶ γυναικῶν, καὶ ἀνδρῶν, κοσμικῶν τε καὶ μοναχῶς (sic), ἐνευ δούλων καὶ δουλίδων. οἷ τε γὰρ δούλοι καὶ αἱ δουλίδες καὶ παρὰ θείων ἐκανονίσθησαν κανόνων и т. д., промежуточное же опредѣленіе о женскихъ, какъ выражается славянскій переводчикъ, «потворахъ» и «иныхъ срамодѣтеляхъ» опущено ¹⁾).

У мюнхенскаго Василія на томъ же листѣ, нѣсколько выше, читается: καὶ ὅταν ἡ ἐν ἐκ τούτων μικρὸν ἢ μέγα πράξαντες ἡ ὀλιγάκις ἢ πολλάκις, ἡ καὶ χρονίως εὖρη αὐτοῦς, ἡ καὶ τὸ ἡμισυ, ἡ καὶ τὰ ὅλα, καὶ εἴτε εἰς κατὰ φύσιν μὲν, πολλὰ δὲ, οὐ μέντοι δὲ εἰς τὰ παρὰ φύσιν, εἴτε καὶ εἰς ταῦτα ἰσως, εἰς ἐκεῖνα δὲ οὐ, εἰ καὶ εἰς τὰ ἀμφότερα. У мориновскаго Іоанна читаемъ: καὶ ὅταν εἴεν ἐκ τούτων μικρὸν ἢ μέγα и т. д. въ томъ же контекстѣ ²⁾), точно также и въ румянц. коричей: и кгда боудеть ѿ малѣиныхъ ли великѣ съдѣвѣхъше замоужьши (отъ глагола замоудити) ѿбрацѣтъ ѿ, или въ средниихъ, ли въ всемъ, ли иже по кстыствоу, много же оубо чрестъ кстыство, ли вси равьно же бонигы (sic) или ни и къ ѿвон ³⁾ Въ Ἀκολουθία этихъ словъ нѣтъ.

Прежде чѣмъ формулировать мои окончательные выводы изъ всего вышеизложеннаго, я считаю необходимымъ внимательно при-смотреться и прислушаться къ Никону Черногорцу, цѣнныя свидѣтельства котораго приводились и выше, и который еще можетъ оказать намъ нѣсколько немаловажныхъ услугъ для разъясненія исторіи восточнаго покаяннаго устава въ ближайшее къ X вѣку время. Изданіе въ свѣтъ, т. е. конечно не напечатаніе, составленныхъ имъ «пандектъ», т. е. собранія огромнаго матеріала въ видѣ выдержекъ изъ сборника каноновъ, изъ святоотеческихъ твореній и изъ разныхъ уставовъ, извѣстнымъ образомъ систематизированнаго въ 63-хъ «словахъ», состоялось, какъ это прямо сказано въ предисловіи, въ царствованіе Константина Дуки, т. е. въ 60-хъ годахъ XI столѣтія, и нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ вѣрности этой даты, такъ какъ и по всему вообще содержанію «пандектъ», а равно и «тактикона», составленнаго подобнымъ же способомъ (въ 40 «словахъ»), Никонъ представляется настоятелемъ одного изъ монастырей

1) Стр. 88.

2) Стр. 112.

3) Л. 97 въ концѣ первой и въ началѣ оборотной страницы.

антиохійскаго патріархата, современникомъ патріарха Петра антиохійскаго (того самаго, который переписывался съ Михаиломъ Керуларіемъ и съ Доминикомъ градо-венеціанскимъ) и его ближайшихъ преемниковъ. Никонъ много разъ дѣластъ выдержки изъ «Постникова номоканона» и не разъ высказываетъ свое сужденіе о немъ, причемъ нельзя не замѣтить разницы между болѣе раннимъ и болѣе позднимъ сужденіемъ. Взглянемъ сначала на выдержки, которыя даютъ намъ возможность видѣть, какъ побѣдоносно шествовало, такъ сказать, имя Іоанна Постника въ XI столѣтіи, усвоивъ себѣ уставы разныхъ составителей и съ разнообразнымъ матеріаломъ, даже такіе, подлинниковъ которыхъ мы въ настоящее время не имѣемъ. Прежде всего Никону не безызвѣстенъ тотъ уставъ, который послужилъ оригиналомъ для перваго устава румянц. кормч. № 230, только попробуемъ, что имя Іоанна не называется явственно, а говорится въ заголовкахъ какъ-то глухо: «отъ закона правила постниковъ», отъ законно-правила постниковъ, или даже «Великаго Василія правило 70-е», подъ которымъ въ сущности выписывается длинная смѣшанная выдержка изъ старшаго и изъ втораго уставовъ (о духовныхъ отцахъ и ихъ женахъ, выпадающихъ въ блудъ). А подъ заголовкомъ: «отъ закона правила постниковъ» помѣщено нѣчто такое, что встречаемъ мы не въ самыхъ уставахъ древнихъ, а въ статьѣ объ евнухахъ, стоявшей въ сторонѣ отъ этихъ уставовъ: «мужъ же съ инѣмъ въ бедрахъ точію осквернився, сътворивый убо, да не дерзнетъ пріяти въ священство, аще ли же обложенъ есть степенемъ священническимъ, и единою ему бысть се, или отъ вина или отъ ины нѣкія бѣсовскія злобы, или 6 мѣсяць или 40 дній да празднуеть отъ степеня своего и паки да держится степеня своего»¹⁾. Въ другихъ мѣстахъ приводятся подъ заголовкомъ «Іоанна Постника» выдержки изъ предисловія мориновскаго Іоанна, монаха и діакона²⁾. Уставъ послѣдняго, какъ видно, и въ самомъ дѣлѣ составлялъ большую часть того, что цитируется Никономъ въ разныхъ мѣстахъ его произведеній подъ именемъ Іоанна Постника³⁾, не исключая и тѣхъ статей, которыя въ изданіи Морина прибавлены къ нему, какъ дополнительные: такъ, приводятся статьи объ евнухахъ и о женскихъ прегрѣшеніяхъ, начиная

1) Слово 13-е въ панд. л. 97 — 98. Ср. 3-е слово въ тактиконѣ на л. 80.

2) Слово 52 въ панд. л. 442 и ср. въ тактик. слово 3 л. 28: «глаголетъ бо въ книзѣ постниковѣ» и т. д.

3) Такъ въ словѣ 57 панд. на л. 482 и сл.

съ помысловъ (ἡ προσβολή и т. д.), приводится даже нѣчто такое, чего нѣтъ ни въ мюнхенскихъ, ни въ мориновскихъ уставахъ, но что можно встрѣтить въ аѳинскомъ изданіи синтагмы (о сокращеніи срока епитиміи на годъ, если епитиміецъ рѣшается воздерживаться отъ вина, еще на годъ, если онъ воздерживается отъ масла и творить множество поклоновъ, и еще на годъ, если обѣщаетъ удаляться отъ сыра и яицъ¹⁾), — ни о чемъ подобномъ ни «ученіе отцовъ», ни Василій, ни Іоаннъ, ни славянскій переводъ румянц. кормч. № 230 не говорятъ намъ). Иногда Никонъ дѣлаетъ извлеченіе изъ устава Іоанна Постника, не выходя изъ предѣловъ мориновскаго Іоанна, монаха и діакона, но съ такими важными вариантами, которые заставляютъ предполагать, что у Никона былъ въ рукахъ такой списокъ, о которомъ мы въ настоящее время не знаемъ. Такъ напр., къ праздникамъ св. Богородицы, освобождающимъ отъ поста въ постные дни, причисляются праздники родителей ея; въ первомъ бросъ о пищѣ и питъѣ упоминается 65-е апостольское правило, которое будто бы разрѣшаетъ ослабленіе поста по «благословнымъ винамъ»; молиться предписывается уже не трижды, а четырежды въ день: утромъ, въ обѣденное время, во время вечерни и передъ сномъ²⁾; къ грѣхамъ, исключаяющимъ для духовнаго лица возможность продолженія священнослуженія, причисляется «поставленіе по мыту», т. е. симонія³⁾. Такъ какъ изъ дальнѣйшаго изложенія выяснится для насъ, что Никонъ зналъ и читалъ многіе списки уставовъ съ разными надписаніями, то нѣтъ надобности предполагать, что всѣ тѣ выдержки изъ «номоканона» Іоанна Постника, которыя встрѣчаются въ пандектахъ и въ тактиконѣ, сдѣланы изъ одного опредѣленнаго устава.

Постараемся теперь опредѣлить субъективное отношеніе Никона къ «номоканону» Постника или, иначе, личный взглядъ Никона на этотъ «номоканонъ». Нельзя не замѣтить, что взглядъ, выраженный въ «пандектахъ», и взглядъ «тактикона» очень различаются одинъ отъ другого. Въ «пандектахъ» Никонъ много разъ упоминаетъ о «великомъ Іоаннѣ Постникѣ», нисколько не сомнѣваясь въ подлинности и въ достоинствѣ его «законнаго правила»⁴⁾, хотя съ сомнѣніями другихъ ему

1) Въ словѣ 48 панд. на л. 473, въ словѣ 58 на л. 511 и ср. въ словѣ 3-мъ тактик., л. 28.

2) Все это въ словѣ 3 тактик., л. 23 на обор. и сл.

3) Тамъ же на обор. 29 л.

4) См. въ особенности на л. 441, 449, 481 панд.

приходилось, какъ видно, встрѣчаться. Этимъ именно нужно объяснить тотъ фактъ, что Никонъ нѣсколько разъ принимается какъ будто защищать великаго Іоанна Постника и его великую книгу отъ нареканій и ложныхъ толкованій, рекомендуя читателю не удивляться «зѣло сходнымъ запрещеніямъ», т. е. весьма снисходительнымъ епитиміямъ этой книги. Надо, рассуждаетъ Никонъ, обращать вниманіе не на «слово нагое», т. е. не на голый буквальный текстъ опредѣленія, которымъ устанавливается краткій срокъ епитиміи, а на «прилогъ», т. е. на ту прибавочную оговорку, въ которой сказано, что съ непокоривыми людьми, которые не желаютъ жить по Евангелію, предпочитая оставаться въ рабствѣ грѣху, нѣтъ ничего общаго у составителя устава. Слѣдовательно, «сходныя запрещенія» рассчитаны не на такихъ людей, а на тѣхъ, кто перестаетъ грѣшить: «отсѣпая бо грѣхъ и къ тому не творя его и тако приступивъ подъ иго Христово и заповѣдемъ его работая, кая потреба сему великихъ запрещеній, той бо весь распятъ есть со страстьми и похотьми по божественному апостолу»¹⁾. Въ сущности это невѣрно: составители уставовъ знали, что среди исповѣдающихся есть и такіе, которые и послѣ исповѣди не могутъ удержаться отъ грѣха, ставя для нихъ лишь то минимальное требованіе, чтобы они по крайней мѣрѣ время великой чотырдесятиницы провели въ чистотѣ, и подъ этимъ предположеніемъ не отказывая имъ въ причащеніи въ три пасхальные дня. Опредѣленіе это хорошо извѣстно Никону, который приводитъ его, и приводитъ не по уставу Іоанна, монаха и діакона, гдѣ оно составляетъ, по изданію Морина, одну (первую) изъ дополнительныхъ статей, а по другому уставу, сходному съ оригиналомъ славянскаго перевода, или съ Λόγος'омъ, или съ Ἀκολουθία²⁾. Какъ бы то ни было, въ «пандектахъ» лично Никонъ не выражаетъ сомнѣній ни въ подлинности, ни въ достоинствѣ произведенія Іоанна Постника. Въ тактиконѣ напротивъ онъ обыкновенно говоритъ о «глаголемомъ постниковомъ номоканонѣ». Перемена тона объясняется тѣмъ, что сомнѣнія, о которыхъ Никону приходилось слышать отъ другихъ, возникли и въ немъ самомъ, особенно когда ему пришлось отвѣчать на прямо поставленный нѣкіимъ монахомъ Лукой³⁾

1) Л. 441, 484, 566 панд.

2) На обор. 25 л. тактик. (3 слово) дѣлается обширная выдержка изъ номоканона по которому нибудь изъ этихъ уставовъ, причемъ, между прочимъ, упоминается о двухъ διαφοράι («предрекохъ бо, яко во исповѣдающихся есть и въ тѣхъ воспріемлющихъ легкое и тяжкое запрещеніемъ даваніе»).

3) См. слово 4-е тактикаона.

вопросъ о подлинности и достоинствѣ номоканона и для выясненія этого вопроса предпринять тщательное изслѣдованіе. «Паки писалъ ми еси о глаголемомъ постниковѣ номоканонѣ, говорить Никонъ своему корреспонденту, да пишу ти вѣдѣніе; о семъ много испытавъ, не обрѣтается воистинну, си есть яко не согласуютъ о семъ единъ къ другому, ова убо надписаніе имуть сиче: номоканонъ Іоанна патріарха Константина града Постника. Другая же надписанія имуть сиче: правильное (т. е. канонарій) Іоанна недостойнаго мниха и ученика св. Василя, ему же именованіе чадо послушанія. Въ другомъ паки показываетъ образованіе яко старца нѣкоего есть ко ученику, внегда глаголати: сія пишу ти, и тако творити должно ти бесѣдуя и усты¹⁾. И паки имать въ нихъ предисловія два и отъ еже глаголати яко сія вся навыхохъ отъ воспитавшаго мя свѣтильника разсужденію, и та многа показываетъ, яко старца нѣкоего есть ко ученику»²⁾. Далѣе Никонъ представляетъ слѣдующія возраженія противъ принадлежности «глаголемаго номоканона» перу патріарха Іоанна Постника: 1) великій Іоаннъ Постникъ былъ при Юстиніанѣ царѣ³⁾, а Василій В. былъ при Валентѣ, стало бытъ Іоаннъ не могъ бытъ ученикомъ Василя В., да и изъ житія Іоанна не видно, чтобы вообще Іоаннъ былъ чѣмъ либо ученикомъ, чтобы онъ писалъ что либо, въ особенности номоканонъ, или посланіе какому либо своему ученику, или чтобы онъ имѣлъ множество мужчинъ и женщинъ, въ ученичествѣ, какъ говорится въ «таковыхъ номоканонѣхъ»; 2) въ этихъ книгахъ упоминается объ исповѣди женщинъ, и въ то же время, съ явнымъ самопротиворѣчіемъ, женщины не допускаются къ исповѣди, кромѣ случаевъ опасности смерти; 3) шестой соборъ (т. е. трулльскій, 692 г.), «потонку» исчислившій всѣ апостольскіе, соборные и отеческіе каноны, касавшіеся не только великихъ, но и малыхъ грѣховъ, каково напр. посланіе Афанасія александрійскаго къ монаху Аммуну, ничего не сказалъ объ Іоаннѣ Постникѣ, да еще, кромѣ того, строго воспретилъ исчисленныя имъ правила измѣнять, или отмѣнять, или кромѣ предписанныхъ и

1) Такихъ словъ не встрѣчается въ извѣстныхъ намъ уставахъ.

2) Въ предисловіи Іоанна, монаха и діакона, дѣйствительно есть слова: καὶ ἀπὸ παύρας δὲ τοῦ ἐμὲ ἀναδείψαντος λυχνου τῆς διακρίσεως καὶν μικρὰν δὲ λαβὼν παύραν (Mogina, 104); но двухъ предисловіи нѣтъ. Изъ этого, такъ же какъ изъ предыдущаго примѣчанія, а равно изъ того, что говорится ниже въ текстѣ о множествѣ мужчинъ и женщинъ, состоявшихъ въ ученичествѣ Постника, можно заключать, что Никонъ имѣлъ въ рукахъ списки, неизвѣстные намъ.

3) Это не совсѣмъ вѣрно: Іоаннъ Постникъ жилъ, конечно, и при Юстиніанѣ, но патріархомъ былъ позднѣе, при Маврикіѣ.

перечисленныхъ правилъ принимать другія, съ подложными надписаніями, составленныя нѣкими людьми, дерзнувшими корчемствовать истиной; 4) въ позднѣйшее время, при царяхъ Романѣ и Константинѣ соборъ соединенія (920 г.), имѣвшій сужденіе о «блудныхъ винахъ» и слѣдовательно удобный поводъ упомянуть о номоканонѣ Іоанна Постника, опять таки ни слова не сказалъ о немъ; 5) то, что говорится о пищѣ и питіи въ книгѣ Постника, «отноудъ не согласуется съ божественными правилами», такъ что я, говоритъ Никонъ, не дерзнулъ внести упоминаемые въ ней праздники въ типикъ, т. е. въ церковный уставъ. Всѣмъ этимъ возраженіямъ нельзя отказать въ основательности, а для насъ въ настоящемъ случаѣ они имѣютъ цѣну историческихъ свидѣтельствъ о томъ, что въ первой половинѣ XI в. «номоканонъ патріарха Іоанна Постника» только что начиналъ дѣлать свою карьеру, но дѣлалъ ее быстро, такъ что въ разныхъ видахъ появлявшіеся покаянные уставы Никонъ обозначалъ уже общимъ именемъ «номоканона» или «законнаго правила» патріарха Іоанна Постника. Объ этой быстротѣ, а вмѣстѣ и о неувѣренности, о сомнѣніяхъ, порождаемыхъ книгой Постника, свидѣтельствуетъ и другой фактъ, весьма близкій ко времени составленія пандектъ и тактикона Никономъ Черногогорцемъ—запросъ со стороны агіоритовъ (т. е. аеонскихъ монаховъ) патріарху Николаю Грамматику (1084—1111) и отвѣтъ этого послѣдняго монахамъ. Монахи спрашивали патріарха, слѣдуетъ ли налагать епитимію по «канону Постника» только на болѣе слабыхъ, или на всѣхъ. Само собою разумѣется, что монахамъ въ концѣ XI или въ началѣ XII в. не о чемъ было бы спрашивать патріарха, если бы авторитетъ того, что выдавалось за произведеніе Іоанна Постника, былъ освященъ всѣми вѣками, протекшими съ момента смерти этого патріарха, и если бы на основѣ этого авторитета создавалась, какъ слѣдовало бы ожидать, твердая традиція, не допускавшая сомнѣній въ практической примѣнимости и обязательности правилъ Постника. Патріархъ отвѣтилъ монахамъ: въ *настоящее время* утвердился обычай налагать епитимію на многихъ по этой книгѣ, но отъ прямого и рѣшительнаго сужденія, въ утвердительномъ или отрицательномъ смыслѣ, воздержался¹⁾.

1) Μαρούλ Γεδεών, 'Ο Άγιος, Κ/πολις 1885, стр. 294. См. объ этомъ еще въ моей рецензій книгѣ Голя въ № 3 «Виз. Врем.» за 1899 г. Интересно отмѣтить, что въ упоминавшемся нами раньше спискѣ устава, изданномъ проф. Дмитріевскимъ, представляется подлежащимъ сужденію патріарха Николая такой «канонарій иже во свя-

Надо полагать, что и у нашихъ предковъ уставъ Постника не пользовался тѣмъ общепризнаннымъ авторитетомъ, на который онъ могъ бы претендовать, судя по имени его автора. Кирикъ одинаковымъ тономъ указываетъ въ своихъ вопросахъ новгородскому епископу на разные мѣста и въ переводной латинской «заповѣди св. Отецъ», и въ переводномъ греческомъ уставѣ Іоанна Постника¹⁾, а новгородскій епископъ относится съ большою свободою къ «заповѣди» Постника. Напримѣръ Кирикъ указывалъ на известное намъ опредѣленіе о снисхожденіи къ людямъ, по слабости не могущимъ даже и въ великій постъ воздержаться отъ грѣха, а епископъ отвѣтилъ, что лучше таковыхъ не допускать къ причастію²⁾. Кирикъ спрашивалъ, если праздникъ Господскій, или св. Богородицы, или св. Іоанна случится въ среду и пятницу, слѣдуетъ ли держать постъ «безъ епитимьи сущимъ»? Повидимому, если въ уставѣ Постника даже епитимійцы разрѣшались отъ поста въ такіе дни, такъ отсюда естественно было бы вывести, что тѣмъ болѣе «безъ епитимьи сущіи» не обязаны поститься. Между тѣмъ епископъ отвѣтилъ: еще ядятъ добро, еще ли не ядятъ, а лоуче³⁾. И вообще изъ того, что по «заповѣди» Постника, епитимійцы не подвергались никакому запрету на пищу въ среду и пятницу, если на нихъ падаютъ даже и не очень великіе праздники, легко можно бы было нашимъ предкамъ сдѣлать выводъ, что тѣмъ болѣе не епитимійцы, и тѣмъ болѣе въ великіе праздники освобождаются отъ поста, а между тѣмъ спорили, и спорили такъ, что епископы даже каеодръ своихъ были лишаемы во время этихъ споровъ.

Не смотря на то, что мнѣ удалось, какъ я позволяю себѣ надѣяться, внести въ науку нѣкоторыя новыя данныя для исторіи покаянно-исповѣднаго устава на востокѣ, остаются все-таки (долженъ въ этомъ признаться) не ясными два вопроса немалой важности: во первыхъ почему въ началѣ X, или, вѣроятнѣе, во второй половинѣ IX в., а не раньше и не позднѣе, стали появляться на востокѣ известныя руко-

тыхъ отца нашего Іоанна Постника», который есть не что иное, какъ варіація мюнхенскаго «сучевія отцовъ», не испытывая на себѣ никакого вліянія Василія-Іоанна. Въ началѣ устава говорится именно: οὗτος μαθητὴς καὶ νηστευτὴς ἐχηγμάτισε τοῦ ἁγίου Βασιλίου καὶ ἔχει ἐπώνυμον τὸ τέκνον τῆς ὑπακοῆς. ἐπεκράτει δὲ συνηθεῖα καὶ ἐκυρώθη μετὰ τοῦ τοιοῦτου κανωναρίου κανωνίζειν, καθὼς καὶ ἐν τῇ τελευταίῃ κεφαλαίῳ τῶν ἐρωτήσεων τῶν ἁγιορευτῶν μοναχῶν πρὸς τὸν πατριάρχην μετὰ τῶν ἄλλων κεφαλαίων καὶ τοῦτο εὐρήσκει. Вотъ и довѣряй тутъ надписамъ!

1) См. Р. И. Б. т. VI, вопр. Кир. 1, Саввы 3, Кир. 71, 83, 95, 97.

2) Кир. 71.

3) Кир. 97.

водства или уставы объ исповѣди и объ епитиміяхъ, рассчитанныя не на монастырское общежитіе, а на людей, въ мірѣ живущихъ, и что могло послужить толчкомъ къ составленію подобныхъ руководствъ, — воторыхъ, откуда взялось и почему столь быстро приобрѣло популярность имя патріарха Іоанна Постника, какъ составителя устава, дававшего часто свое имя даже и взаимно-противорѣчащимъ уставамъ? Отвѣта на первый вопросъ, можетъ быть, нужно искать въ столкновеніи востока съ западомъ въ IX столѣтіи, когда необходимость привести въ ясность то, что различало западъ отъ востока, открыла глаза на пробѣлъ, существовавшій въ восточной церковной дисциплинѣ, или, правильнѣе сказать, не въ дисциплинѣ — потому что исповѣдь предъ монахами возникла на востокѣ даже ранѣе, чѣмъ на западѣ, — а въ духовной литературѣ. Чтобы тутъ былъ прямой толчокъ со стороны Рима въ смыслѣ указанія на недостатокъ греческой церкви, каковое указаніе и открыло бы глазамъ грековъ существовавшій у нихъ дефектъ, — этого нѣтъ надобности думать, этого даже и быть не могло, потому что Римъ, дѣйствуя наступательно въ вопросѣ о высшей власти папы, въ отношеніи къ вопросамъ догмата и обряда, сдѣлавшимся спорными въ эпоху раздѣленія церквей, занималъ скорѣе оборонительное, чѣмъ наступательное положеніе. Да и исторія ничего не повѣствуетъ намъ о какомъ либо подобномъ упрекѣ или обвиненіи. Въ данномъ же пунктѣ, т. е. въ вопросѣ о покаянныхъ уставахъ, изъ Рима не могло быть сдѣлано никакого нареканія на восточную церковь и потому, что въ Римѣ едва ли существовалъ въ 60 годахъ IX в. официально признанный римскій пенитенціалъ¹⁾. Но въ разныхъ западныхъ странахъ пенитенціалы имѣли уже къ тому времени свою многовѣковую исторію, распространены были и въ Италіи, не могли быть неизвѣстны ни греко-италамъ, ни восточнымъ монахамъ, какъ проживавшимъ въ самомъ Римѣ, такъ и завязывавшимъ живыя сношенія съ Римомъ въ продолжительную эпоху иконоборства. Пробѣлъ и необходимость его восполненія должны были почувствоваться тѣмъ сильнѣе, что въ IX-мъ вѣкѣ послѣдовало обращеніе славянъ въ христіанство, и, за неимѣніемъ готовыхъ восточныхъ руководствъ, пришлось черпать изъ западныхъ источниковъ (разумѣемъ «чинъ» Гейтлера и «заповѣдь св. отецъ»). — Отвѣтъ на второй вопросъ отчасти облегчается, отчасти затрудняется свидѣтель-

1) См. въ «Слѣдахъ западно-кат. ц. права», стр. 104.

ствомъ константинопольскаго патріарха Каллиста (второй половины XIV в.), удостоверяющимъ существованіе въ Константинополѣ при императорѣ Алексѣѣ Комнинѣ и патріархѣ Николаѣ Грамматикѣ прославившагося аскетическою жизнію монаха Іоанна Постника¹⁾, — облегчается потому, что имя этого позднѣйшаго Іоанна Постника можетъ служить къ объясненію разныхъ надписаній надъ уставами, какъ: «преподобнаго отца нашего Іоанна Постника», «монаха Іоанна Постника» и т. п., — затрудняется потому, что разнообразіе надписаній и имя *патріарха* Іоанна Постника должны были повидимому заявить себя на востокѣ раньше времени патріарха Николая Грамматика, а слѣдовательно и современника его монаха Іоанна Постника. Но не ошибся ли патріархъ Каллистъ? Вѣдь хронологическія ошибки такъ часты у людей среднихъ вѣковъ! Вѣдь ошибся-же переводчикъ грузинскаго номоканона, увѣряющій, что *патріархъ* Іоаннъ Постникъ *послѣ* шестого собора (т. е. трулльскаго 692 г.) былъ долгое время добрымъ пастыремъ²⁾! Другими словами, не процвѣталъ ли тотъ второй Іоаннъ Постникъ, существованіе котораго удостовѣрено патріархомъ Каллистомъ, раньше Николая Грамматика и раньше Никона Черногорца? Тогда мракъ, нависшій надъ вопросомъ объ авторѣ восточно-покаяннаго устава, разсѣялся бы. Іоаннъ, монахъ и діаконъ, чадо послушанія, именемъ котораго надписывается одинъ изъ извѣстныхъ намъ мориновскихъ уставовъ, могъ бы быть этимъ самымъ Іоанномъ Постникомъ, авторскій трудъ котораго въ свою очередь сводился бы лишь къ пополненію и одобренію того, что было написано другимъ монахомъ, раньше жившимъ (мюнхенскимъ Василиемъ), какъ и этотъ послѣдній переработалъ сложившееся до него въ практикѣ безымянное «ученіе отцовъ». Имя монаха Іоанна Постника, мало извѣстнаго въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ Константинополя, какъ напр. въ глуби Сиріи, гдѣ проживалъ Никонъ Черногорецъ, могло подавать поводъ къ смѣшенію этого монаха съ соименникомъ его, другимъ Іоанномъ Постникомъ, патріархомъ, жившимъ за нѣсколько столѣтій раньше. Если бы это объясненіе оказалось невозможнымъ, напр. потому, что самый монастырь св. Петры, основателемъ котораго въ похвальной рѣчи Каллиста представляется монахъ Іоаннъ Постникъ, былъ осно-

1) См. въ моей работѣ: Вопросъ о номоканонѣ Іоанна Постника въ новой постановкѣ, Ярославль, 1898, стр. 111.

2) См. рецензію книги Голля въ концѣ.

ванъ не раньше царствованія Алексѣя Комнина¹⁾,—тогда, разумѣется, нужно прибѣгнуть къ другому объясненію, хотя бы къ тому, которое раньше предлагалось мною, т. е. искать ключа къ разгадкѣ въ имени Іоанна Кассіана, съ *Sermo de poenitentia* котораго начинался мерзебургскій пенитенціалъ²⁾).

Мнѣ остается изложить кратко результаты моей настоящей работы. Древнѣйшимъ литературнымъ памятникомъ, содержащимъ въ себѣ покаянно-исповѣдной уставъ греческаго востока, я считаю мюнхенское «ученіе отцовъ» съ тѣмъ продолженіемъ его, которое сохранилось въ первомъ изъ славянскихъ переводныхъ уставовъ, содержащихся въ рум. кормч. № 230 и мною въ настоящій разъ изданныхъ. Дальнѣйшую формацію представляетъ собою мюнхенскій Василій, еще новую формацію—мориновскій Іоаннъ,—онъ же, можетъ быть,—и Іоаннъ Постникъ патріарха Каллиста. *Λόγος* и *Ἀπολογία*, а тѣмъ болѣе всякіе другіе «канонаріи», «номоканоны» и т. п. суть еще болѣе поздніе изводы и передѣлки. Но спрашивается, можно ли считать тотъ уставъ, который мы находимъ теперь въ мюнхенской рукописи и въ славянской кормчей, дѣйствительно первою литературною попыткой въ этомъ родѣ³⁾. Не подсказывается ли самымъ содержаніемъ этого литературнаго опыта, что ему предшествовали болѣе ранніе опыты, и что древнѣйшій, дошедшій до насъ, уставъ былъ если не передѣлкою въ основѣ, то пополненіемъ предшествовавшаго? Думаю, что на этотъ вопросъ съ увѣренностію можно отвѣчать утвердительно. Уже въ мюнхенскомъ «ученіи отцовъ» мы находимъ нѣчто личное и субъективное, не гармонирующее съ объективнымъ, по традиціи отъ предшествующихъ поколѣній дошедшимъ къ писцу или къ составителю переписывавшагося устава, «ученіемъ отцовъ». Въ традиціонномъ ученіи отцовъ не должны бы были имѣть мѣста рѣчи, исходяція отъ перваго лица единственнаго числа, а такая рѣчь есть въ мюнхенской рукописи. Такъ, гдѣ говорится о распросахъ жен-

1) Однако, Дюканжъ (*Constantinopolis christiana*, lib. IV, p. 102) даетъ видѣть, что монастырь Іоанна Крестителя въ Петріонѣ существовалъ раньше царствованія Алексѣя Комнина.

2) См. Слѣды, стр. 126.

3) Понятно, что гейтлеровскій славянскій «чинъ надъ исповѣдающимся», который, вѣроятно, древнѣе мюнхенскаго «ученія отцовъ», мы должны оставить въ сторонѣ, такъ какъ онъ—предполагая даже независимость его отъ западнаго вліянія—составленъ былъ специально *ad hoc*, для обращенныхъ въ христіанство славянъ, подобныхъ себѣ греческихъ уставовъ не имѣетъ, а поэтому и не можетъ быть принимаемъ за литературный памятникъ греческаго востока.

щинъ, встрѣчается такое замѣчаніе: «какъ я, смиренный, послѣ всего вышеписаннаго слышалъ и объ этомъ (ὡς ὁ ταπεινὸς ἐγὼ μετὰ τὰ προγραφέντα πάντα ταῦτα καὶ τοῦτο ἀνεδείξμην). Но въ особенности должно обратить на себя наше вниманіе то обстоятельство, на которое мѣтко указалъ Никонъ Черногорецъ, — противорѣчіе между предписаніями о производствѣ исповѣди женщинамъ и между воспрещеніемъ принимать женщинъ на исповѣдь, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онѣ опасно заболѣютъ, или «заматорѣютъ въ дни многи». Противорѣчіе дѣйствительно бьетъ въ глаза, потому что въ предписаніяхъ о производствѣ исповѣди лицамъ всякаго званія и пола и о распросахъ относительно преступленій, совершаемыхъ женщинами, предполагается, что духовникъ имѣетъ дѣло съ женщинами здоровыми и молодыми, а не при смерти больными или престарѣлыми. Воспрещеніе принимать на исповѣдь здоровыхъ и молодыхъ, всего вѣроятнѣе, явилось, какъ позднѣйшее наслоеніе въ уставѣ: не лишнее замѣтить, что оно стоитъ въ самомъ концѣ перваго изъ славянскихъ переводныхъ уставовъ по румянц. кормчей. Никонъ Черногорецъ еще разъ оказываетъ намъ цѣнную услугу, давая сообщаемыми имъ фактами и собственными его разсужденіями возможность объяснить, какимъ образомъ могло явиться подобное запрещеніе. Въ словѣ 14 тактикаона онъ разсуждаетъ о «бѣдѣ исповѣднѣй», «паче же яже о женстѣй» и, ссылаясь на дѣйствительные факты, показываетъ, «колику бѣду имутъ исповѣди пріемлющїи, и паче въ женахъ» т. е. съ какими опасностями для духовника соединена исповѣдь, особенно женская, и какіе тутъ бывають «слухъ удивляющїе и ужасающїе» случаи, о которыхъ «сказать срамно». Такъ напр., Никонъ разсказываетъ объ одномъ монахѣ, который подвизался въ монастыряхъ Черной же горы, т. е. тамъ же, гдѣ и Никонъ самъ: эротъ монахъ «въ такову достиже мѣру, яко молитвою отъ земли воду извести въ келїи своей, яко же глаголетъ». Понадѣявшись на свою духовную опытность и твердость, онъ началъ «прїимати многи во исповѣдь, мужи вкушѣ и жены, по сихъ же дѣвствующую нѣкую во исповѣдь прїимъ, и, споспѣшника обрѣтъ діаволъ естеству невниманіе, вверже его въ блудъ». За этимъ паденіемъ послѣдовалъ рядъ другихъ, такъ что несчастный, какъ самъ онъ разсказывалъ Никону, опускался все ниже и ниже. Въ виду подобныхъ фактовъ, Никонъ готовъ придти къ отрицанію всякой исповѣди женщинъ предъ мужчинами. Въ божественномъ писанїи, говоритъ онъ, «не обрѣтено бысть исповѣдатися женамъ къ мужамъ», да и самый «номоканонъ Постни-

ковъ глаголемый», за который теперь вообще всѣ держатся, и на который ссылаются въ оправданіе женской исповѣди, допускаетъ ее только въ случаѣ опасности смерти, хотя, съ другой стороны, страннымъ представляется Никону, что тотъ же самый момоканоѣ повторяетъ слова апостола: «женѣ учить не велю» ¹⁾. Если женщинъ учить не велѣно, то какъ же мужчинамъ воспрепятствовать принимать ихъ на исповѣдь (и при этомъ учить ихъ), и кто же будетъ, слѣдовательно, учить ихъ? Какъ разобратся въ этомъ противорѣчіи ²⁾? Не зная, какимъ образомъ выйти изъ затрудненія, Никонъ, самъ лично отстаивавшій ту точку зрѣнія, что духовникомъ можетъ быть только священникъ, а не простой монахъ безъ священнаго сана, готовъ допустить наученіе женщинъ «старицами», ибо запрещеніе апостола не относится къ «наказательному слову, въ дому бывающему» ³⁾. Не столь радикально разрѣшается вопросъ объ исповѣди женщинъ въ номоканонѣ Котельера (Ecccl. gr. Monumenta, I, кан. 40): женщины должны исповѣдываться въ притворѣ (νάρθηξ), при открытыхъ дверяхъ, для избѣжанія соблазновъ веліара, и монахи вообще должны принимать женскую исповѣдь только при такихъ обстоятельствахъ, когда никакого мѣста для подозрѣній и соблазновъ не будетъ. Но и котельеровскій номоканонъ, очевидно, свидѣтельствуетъ о томъ же, о чемъ говоритъ Никонъ, т. е. что съ женскою исповѣдью предъ монахами дѣло обстояло не совсѣмъ благополучно, и что появленіе въ концѣ первоначальнаго устава ограничительной приписки, какъ результатъ опыта, можетъ быть объяснено безъ особаго труда.

Стоитъ также обратить вниманіе на опредѣленіе, читающееся въ первомъ славянскомъ переводномъ уставѣ, относительно снисхожденія, оказываемаго людямъ слабымъ, не могущимъ воздерживаться отъ грѣховъ. Это опредѣленіе, какъ указано было въ своемъ мѣстѣ, имѣетъ въ вѣнск. cod. theol. gr. № 333 особый заголовокъ: περὶ τῆς ἀγίας κοινωνίας συχᾶτάβασις μετὰ διακρίσεως κατὰ ἀπορίαν. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что «снисхожденіе» къ такимъ людямъ внесено было въ уставъ позднѣе, по указанію опыта, а быть можетъ сначала существовало въ видѣ отдѣльной статьи, подобно статьѣ объ евнухахъ. Въ вѣнской рукописи замѣчается: τοῦτο (т. е. снисходительное опредѣ-

1) Тутъ снова приходится констатировать, что у Никона въ рукахъ были какіе-то списки устава, неизвѣстные намъ.

2) Все это изложено на обор. 70 и на 71 л. тактикона и ср. л. 95.

3) Л. 97.

леніе) κατὰ ἀπορίαν εἵπομεν τοῦ μηδέποτε ἑαυτοῦς ἀπὸ σαρκικῶν μολυσμῶν κρατῆσαι δύνασθαι. Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ 'Ακολουθίας, въ поясненіе словъ: κατὰ ἀπορίαν, а въ Λόγος'Ѣ, въ поясненіе синонимическихъ словъ: «κατὰ ραθυμίαν καὶ ὀλιγωρίαν, говорится: καὶ οὐ κατ' ἄλλην γίνεσθαι λέγομεν διαφοράν ¹⁾. Въ славянскомъ переводѣ это поясненіе получаетъ еще болѣе характерное выраженіе: се же по недоумьслѣю кже никгда же имъ ѿ сквернъ плѣтскихъ оудържатиса немоши, а не много ради различия нѣкѣде бывающаго глѣмъныхъ ²⁾, т. е. мы это говоримъ просто въ виду крайней необходимости, а не выходя изъ какой нибудь новой теоретической категоріи, или новой διαφορά, гдѣ-то и у кого-то другого выраженной. Выступаетъ такимъ образомъ до нѣкоторой степени полемическій элементъ, рассчитанный можетъ быть на Василия-Іоанна съ ихъ десятью разновидностями исповѣдующихся и съ тремя епитимійными διαφοраі.

Во всякомъ случаѣ изъ всѣхъ, извѣстныхъ въ настоящее время, уставовъ древнѣйшимъ, въ смыслѣ историко-литературномъ, мы должны, какъ мнѣ кажется, считать мюнхенское «ученіе отцовъ» съ продолженіемъ его въ первомъ славянскомъ переводномъ уставѣ, при помощи котораго оказывается теперь возможнымъ различить элементы первоначальнаго греческаго устава въ изданныхъ Мориномъ и Минемъ Λόγος'Ѣ и 'Ακολουθία, а въ вѣнск. cod. theol. gr. № 333 признать слегка измѣненный конецъ этого устава.

Н. Суворовъ.

22 марта 1901 г.

Поправки.

Въ предыдущей статьѣ (Виз. Врем. т. VIII, вып. 3—4, стр. 397) напечатано, что слово μαυλησῖα или μαβλησῖα переведено въ рум. кормч. словомъ сноувленіе, διαχρίνω — словомъ раскрашаю (на обор. 95 л.). Нужно читать: слово μαυλησῖα или μαβλησῖα — словомъ сноувленіе (л. 93), διαχρίνω — словомъ расмрашаю (на обор. 92, л.).

Тамъ же, на стр. 426, строка 2-я сверху, вмѣсто: зан и деѣ различни стажалъ ксть, нужно читать: зане и, деѣ различни стажалъ ксть, а на строкахъ 14-й и 15-й тойже страницы, вмѣсто: ѡканънѣ паде ѡканънѣ, нужно читать: ѡканънѣ паде ѡканънѣ.

1) Morinus, стр. 85 и 97.

2) На обор. 84 л. въ концѣ и въ началѣ 85 л.

Бракъ Мстиславны (1122 г.).

Настоящая статья имѣетъ цѣлю приложить посильное толкованіе нѣсколькихъ, всего четырехъ, словъ нашей лѣтописи, а именно извѣстія, что въ 1122 г. «ведена Мстиславна въ Грѣкы за царь»¹⁾.

Извѣстія о бракахъ между русскими княжескими родами и византійскимъ царствующимъ домомъ, по обыкновенію, чрезвычайно скудны какъ въ русскихъ лѣтописяхъ, такъ и у византійскихъ писателей. Наши лѣтописцы или совсѣмъ умалчиваютъ о нихъ (напр., о бракѣ кн. Олега Святославича), или въ лучшемъ случаѣ выражаются столь неясно, что вводятъ русскихъ историковъ въ ошибки. Почти то же можно сказать и о византійцахъ. Они обыкновенно говорятъ о свадьбахъ императоровъ и ихъ дѣтей, но очень часто не называютъ невѣстъ по имени и не говорятъ о ихъ національности. Вслѣдствіе этого извѣстія византійскихъ писателей остаются довольно мертвымъ капиталомъ, который не можетъ быть по достоинству оцѣненъ. Но дѣло измѣняется, когда подобное неопредѣленное извѣстіе грековъ можетъ быть отождествлено съ аналогичнымъ извѣстіемъ изъ русскихъ лѣтописей. Въ этомъ случаѣ и самыя краткія свидѣтельства русскихъ и грековъ имѣютъ двойную цѣну, каждое слово ихъ получаетъ особенный вѣсъ и значеніе.

До сихъ поръ можно подсчитать слѣдующіе браки между Византією и Русью:

1. Ярополкъ Святославичъ женатъ на гречанкѣ (ок. 977 г.).
2. Владиміръ Святославичъ женатъ на той же гречанкѣ и затѣмъ на греческой царевнѣ Аннѣ (988 г.).

---

1) Ипатск. лѣт. Спб. 1871, стр. 206; въ Густыиск. подъ тѣмъ же годомъ (П. С. Р. Л. II. 292): «Мстиславъ Володымеричъ отда дщерь свою за царевича Греческого, сына Юанна Комнина»; въ Воскресенск. (П. С. Р. Л. VII. 25): «Дщи Мстислава ведена бысть во Греки за царевича».

3. Владиміръ Мономахъ женатъ на гречанкѣ (ок. 1053 г.).
4. Византійскій императоръ Михаилъ Дука велѣ переговоры съ княземъ Всеволодомъ Ярославичемъ о бракѣ (1075 г.)¹⁾.
5. Олегъ Святославичъ женатъ на гречанкѣ Теофаніи Музалониссѣ (1082 г.)²⁾.
6. Дочь Володаря Ростиславича въ замужествѣ за Андроникомъ (или Исаакомъ) Комниномъ (ок. 1103 г.).
7. Марія Владиміровна въ замужествѣ за царевичемъ Леономъ (ок. 1104 г.).
8. Дочь Всеслава Брючиславича за сыномъ имп. Алексѣя Комнина (1106 г.).
9. Михаилъ-Святополкъ Изяславичъ женатъ на Барварѣ, дочери имп. Алексѣя Комнина (1106 г.).
10. Добродѣя Мстиславна въ замужествѣ за царевичемъ Алексѣемъ Комниномъ (1122 г.).
11. Борисъ Коломановичъ женатъ на родственницѣ императора (1136 г.).
12. Евфимія Глѣбовна въ замужествѣ за Алексѣемъ Ангеломъ (1195 г.).
13. Кн. Константинъ женатъ на Аннѣ Грековнѣ (ок. 1355 г.).
14. Княжна Анна Васильевна въ замужествѣ за царевичемъ Іоанномъ Палеологомъ (1414 г.)³⁾.

На первый взглядъ кажется, что число браковъ русскихъ князей съ гречанками одинаково числу браковъ византійскихъ царевичей съ русскими князьями; но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи равенство это исчезаетъ. Если говорить о бракахъ русскихъ князей съ дочерьми византійскаго *царствующаго* дома, то мы можемъ насчитать ихъ только не болѣе трехъ, изъ которыхъ два къ тому же еще сомнительны. И это очень характерно. Византія предпочитала сама усиливаться на счетъ другихъ государствъ, нежели склонна была давать усиливаться другимъ; поэтому общимъ правиломъ ея политики было: жениться на иностранкахъ, но не выдавать своихъ царевенъ въ за-

1) В. Гр. Васильевскій, въ Ж. М. Н. Пр. 1875, ч. 182, отд. II. 270—315.

2) См. нашу статью въ «Визант. Времен.» 1894, I. 159—166.

3) См. наши замѣтки въ «Прав. Палест. Сборникъ», 1889, XXIV, стр. I—III. Къ этому надобно прибавить, что имѣется еще надгробное слово Іосифа Вріеннія, произнесенное въ присутствіи самого Іоанна, по поводу кончины царицы Анны, и сохранился саккосъ митр. Фотія, на которомъ изображены между прочимъ Іоаннъ и Анна.

мужество за иностранныхъ принцевъ. Придворный поэтъ временъ Комниновъ, Феодоръ Птохо-Продромъ, по поводу брака Мануила съ Бертою Зульдбахъ, родственницею германскаго короля Конрада III, ясно даетъ это понять. «Радуйся,—говоритъ онъ,—новый Римъ (Константинополь), нынѣшнему входу (прибытію въ Византію Берты): чрезъ него ты оказался *малою* стараго Рима! Ибо послѣдній (старый Римъ) даетъ невѣсту, а ты жениха, а такъ какъ всѣ мы знаемъ, что мужъ есть глава жены, то ясно, что это (главенство) справедливо переходить и на тебя»¹⁾. Думаемъ, что хотя бы простой перечень браковъ между Византіею и иностранными государствами, съ обозначеніемъ, сколько женилось византійцевъ на иностранкахъ и сколько выходило византійскихъ царевенъ въ замужество за иностранныхъ князей, — и онъ былъ бы далеко не бесполезнымъ для точнаго установленія указаннаго положенія. Для этого интереснаго вопроса основнымъ пособіемъ была бы конечно работа Дюканжа «Familiae Byzantinae».

Говоря кратче, отъ X в. мы имѣемъ пока два брака, отъ XI в. — три, отъ XII в. — семь, отъ XIII в. ни одного, отъ XIV в. одинъ и отъ XV в., за византійскій періодъ, имѣемъ также одинъ бракъ. Можно почти съ увѣренностью сказать, что браковъ заключалось гораздо болѣе, но мы лишены возможности знать приблизительное количество ихъ по той причинѣ, какъ сказано, что лѣтописцы поскупились своими сообщеніями о нихъ. Но уже и изъ представленной таблички наглядно видно, какъ развивалось матримоніальное дѣло въ греко-русской исторіи. Мы выступили на историческую арену язычниками и естественно не могли еще входить въ родственныя сношенія съ христіанскою имперіею. Въ концѣ X в. мы приняли греческое христіанство и начали родниться съ греческимъ народомъ. На первыхъ порахъ, чего и естественно было ожидать, чувствовалась еще нѣкоторая натянутость отношеній, нѣкоторая недовѣрчивость, да къ тому же и существовалъ лишь тѣсный кругъ княжеской семьи, и если одинъ изъ членовъ этой семьи женился на греческой царевнѣ, то для другого члена этой семьи былъ уже закрытъ въ Византіи доступъ къ брачнымъ узамъ. Въ XI в., когда и знакомство русскихъ съ греками усилилось и княжеская семья очень возросла, мы поражаемся скудостью браковъ между русскими и византійцами. Объяснять это обстоя-

1) «Визант. Времен.» 1894, I. 80.

тельство политическимъ состояніемъ государствъ мы не беремся; скорѣе мы могли бы думать, что русскіе князья, слѣдившіе за жизнью Византіи, находили, что на пространствѣ всего XI в. чувствовалась въ Царьградѣ какая-то неустойчивость царской власти, что сегоднѣшній императоръ, съ короною на головѣ, завтра оказывался въ тюрьмѣ или съ выколотыми глазами, что сынъ и дочь сегоднѣшняго царя завтра становились или, вѣрнѣе сказать, были объявляемы подозрительными лицами и опасными интригантами, отъ которыхъ новое правительство спѣшило отдѣлаться подчасъ варварскимъ образомъ. Наши князья знали это и естественно воздерживались отъ выдачи своихъ дочерей замужъ за царей и принцевъ крови. И византійскіе императоры безъ сомнѣнія знали эту осторожность русскихъ князей и, не увѣренные въ прочности своей власти, не могли особенно заводить рѣчь о матримоніальныхъ дѣлахъ. Слѣдующій XII вѣкъ былъ особенно благопріятнымъ въ отношеніи браковъ. Въ Византіи воцарилась стойкая династія Комниновъ, на Руси явился Мономахъ со своимъ домоу. Завязались болѣе правильныя и живыя сношенія между государствами, торговыя, церковныя и другія; довѣрчивость другъ къ другу проявилась въ полной силѣ. Государства поняли общность обоюдныхъ интересовъ, — Византія — интересы союзническіе, Русь — культурные, — и матримоніальное дѣло расцвѣло. Но послѣ прекраснаго расцвѣта вдругъ наступила гибель столь роскошно распустивашагося цвѣтка: неустойчивость царской власти въ Византіи и княжеской на Руси и здѣсь имѣла главное мѣсто. Съ начала XIII в. греческіе цари были изгнаны изъ Царьграда; столица ихъ, а съ нею и члены царскаго дома перешли гдѣтъ на шестьдесятъ въ Никею; путь для сношеній очень затруднился. Но и Русь въ это время испытала великую помѣху своему свободному развитію: она была покорена татарами. Греческіе императоры вернулись снова въ Царьградъ, но времена настали уже другія и матримоніальнымъ связямъ не могло уже быть мѣста. Русь стала чуждаться Царьграда, какъ оскверненнаго латинскимъ завоеваніемъ, чуждаться его и потому, что нѣкоторые цари (напр., Михаилъ Палеологъ) явно стали дружить съ католичествомъ. Въ XIV в. мы видимъ только одинъ бракъ, въ XV в. — также одинъ бракъ, но оба они являются лишь какъ бы послѣдними, заключительными аккордами ко всей матримоніальной греко-русской мелодіи. Центръ тяжести этой мелодіи лежитъ на XII вѣкѣ. Послѣ сильнаго *allegro* вдругъ наступила гробовая пауза и пьеса окончилась

двумя минорными аккордами — *moriendo*. Вся эта пьеса не лишена известнаго эффекта и ждетъ еще своего композитора. А въ ожиданіи его мы позволимъ себѣ сообщить лишь одинъ актъ этой мелодіи.

Многіе изъ выше перечисленныхъ браковъ удостовѣрены или лѣтописями, или памятниками археологій, но многіе остаются все еще неясными и даже сомнительными, ибо извѣстія о нихъ сообщены лишь очень поздними писателями. Намѣреваясь въ настоящее время говорить о бракѣ 1122 года, мы наблюдаемъ то же самое явленіе, о которомъ говорили выше, а именно, что извѣстія о немъ, какъ въ византійскихъ, такъ и въ русскихъ лѣтописяхъ, кратки, и краткость эта не могла не оказать своего отпечатка на всемъ этомъ изложеніи, сдѣлавъ его мѣстами гадательнымъ и, быть можетъ, недостаточно убѣдительнымъ.

Византійскій писатель второй половины XII в., Іоаннъ Киннамъ, упоминаетъ о свадьбѣ царевича Алексѣя Комнина и даже приводитъ небольшой рассказъ о его супругѣ; но, такъ какъ ни имени, ни національности этой послѣдней онъ не сообщаетъ, извѣстіе это доселѣ не могло быть использовано надлежащимъ образомъ. Знаменитый Дюканжъ, говоря о женѣ Алексѣя, выразился: *scijus nomen et familiam scriptores non prodidere*¹⁾. Съ другой стороны русскія лѣтописи сообщаютъ, что въ 1122 г. Мстиславна была ведена въ Греки «за царь». Наши старые историки, не достаточно освѣдомленные въ византійской исторіи, принимали это выраженіе какъ оно есть: находили подъ 1122 г. въ Византіи царя — имп. Іоанна — и заключали, что въ это время Мстиславна вышла замужъ за имп. Іоанна Комнина. Такъ разсуждалъ Татищевъ, очевидно, не справлявшійся въ данномъ случаѣ съ Густынскою лѣтописью²⁾. Но Кало-Іоаннъ былъ уже давно женатъ на венгерской принцессѣ и имѣлъ взрослыхъ дѣтей, а потому опровергнуть татищевскія разсужденія Карамзину было не трудно, но взамѣнъ того все-таки не легко было сказать что-либо положительное на счетъ лѣтописнаго извѣстія и самого брака³⁾. Знаменитый русскій византиистъ, незабвенный акад. В. Гр. Васильевскій также касался мимоходомъ этого вопроса, но и для него не раскрылись истинное значеніе, интересъ и вся важность этого событія.

1) C. Du Fresne Du Cange. *Historia Byzantina duplici commentario illustrata*. Lutet. Paris. 1682, p. 179.

2) В. Татищевъ. *Исторія Россійская*. М. 1773, II. 225.

3) Карамз. II прим. 225.

То, чего не удалось рѣшить ни Татищеву, ни Карамзину, попытаемся мы освѣтить въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

Царствованіе Калужна Комнина протекло въ сравнительномъ мирѣ и спокойствіи. Онъ велъ мало войнъ и рѣдко выѣзжалъ изъ столицы¹⁾; время его характеризуется по преимуществу какъ эпоха договоровъ съ итальянскими государствами, чѣмъ, главнымъ образомъ, и объясняется краткость политическихъ извѣстій о его времени. Отецъ его, имп. Алексѣй, прославился на полѣ войны, сынъ его стяжалъ извѣстность миролюбіемъ и гуманностью, не загубивъ самъ ни одной жизни своихъ подданныхъ. Съ воцареніемъ Алексѣя Комнина, казалось, насталъ для имперіи новый порядокъ вещей: миновало время случайныхъ императоровъ на тронѣ; теперь, казалось, Алексѣй вполне созналъ всю важность вопроса о престолонаслѣдіи и весьма опредѣленно проводилъ мысль о необходимости законнаго преемства на тронѣ. Такимъ образомъ, византійское государство при первыхъ Комнинахъ представляло собою вполне прочную, живучую имперію, умѣвшую постоять за себя даже при нашествіи крестоносцевъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что слухъ о мощности Комниновъ достигалъ и до Кіева. Частыя сношенія Грековъ съ Русью и Русскихъ съ Византією должны были много способствовать этому. И на Руси въ это время выдвинулся домъ Мономаховъ, занявшій особое мѣсто среди княжескихъ фамилій. Мощностъ Мономаха, «егоже слухъ произыде по всимъ странамъ»²⁾, несомнѣнно была хорошо извѣстна Комнинамъ. Старшій сынъ Владиміровъ, Мстиславъ, готовился занять отцовскій престолъ, и на этотъ счетъ не было никакихъ сомнѣній между князьями: всѣ они мирились съ новымъ порядкомъ на Руси, не имѣя никакой возможности оспаривать права Мономаховичей. Такимъ образомъ, византійскіе Комнины и кіевскіе Мономаховичи удивительнымъ образомъ одновременно и согласно начинаютъ поворотный пунктъ въ исторіи двухъ народовъ. Связь эта, замѣтная и нынѣ, не могла не быть ясною въ то время. Комнины чувствовали свое родство съ Момахомъ по духу, равно какъ дѣти этого послѣдняго научались у первыхъ идеѣ самодержавія. Словомъ, Комнины и Мономаховичи одно-

1) Никита Акоминатъ Хоніатъ влагасть въ уста умирающаго Калужна слова: «почти вся жизнь моя прошла въ палаткѣ и всегдашнее моею заботою было находиться въ полѣ» (I. 57 В), однако эти слова, сочиненныя самимъ историкомъ, характеризуютъ лишь его личный взглядъ.

2) Ипатск., 208.

Византійскій Временникъ.

временно сошлись въ своихъ взглядахъ на государственное управление своихъ странъ, почувствовали особенно близкую связь между собою и для скрѣпленія этой связи рѣшились между собою породниться. «Какъ бывало всегда и прежде и послѣ,—говоритъ акад. Васильевскій,—лучшимъ средствомъ для скрѣпленія политической дружбы признавался союзъ династическій—брачныя связи между двумя дворами»¹⁾.

Старшій сынъ имп. Калюяна Комнина, царевичъ Алексѣй, родился въ 1106 (по Дюканжу) или 1107 г. (по Муральту)²⁾. По достиженіи имъ совершеннолѣтія, отецъ приобщилъ его къ дѣламъ управленія, торжественно провозгласивъ его императоромъ (βασιλεὺς) или точнѣе своимъ соимператоромъ, соцаремъ (συμβασιλεὺς), своимъ пособникомъ³⁾. Функции соимператора для насъ недостаточно ясны. Имя «соцаря» провозглашалось въ церквахъ во время богослуженія и писалось вмѣстѣ съ именемъ императора въ особо важныхъ и торжественныхъ случаяхъ, напр., въ договорахъ между Византіею и иностранными дворами и въ надписяхъ на камнѣ, напр., по поводу возстановленія стѣнъ города и пр.; видимымъ знакомъ отличія соимператора отъ принца крови вообще было право его носить наравнѣ съ императоромъ пурпуровую царскую одежду и красную обувь (принцы носили обувь исключительно голубую). Вмѣстѣ съ провозглашеніемъ Алексѣя на царство въ умѣ Калюяна возникъ вопросъ и о выборѣ невѣсты для наследника престола, котораго Никита Хониатъ почему-то неточно называетъ «порфиророднымъ»⁴⁾. Византійскіе самодержцы избирали невѣстъ для своихъ сыновей съ разныхъ сторонъ, руководясь интересами данной минуты и положенія вещей, смотря по тому, въ чемъ тогда нуждалась имперія и какой союзникъ былъ для нея въ данное время особенно желательнымъ. Имп. Алексѣй Комнинъ былъ женатъ на греческой аристократкѣ Иринѣ, сынъ его Калюянъ—на венгерской принцессѣ Иринѣ, четвертый сынъ послѣдняго Мануилъ—на нѣмкѣ Бергѣ-Иринѣ Зульпбахъ, потомъ на антиохійской княжнѣ, французкѣ Маріи. Въ описываемое время взоры Калюяна обратились къ

1) В. Гр. Васильевскій. Василия Охридскаго незаданное надгробное слово на смерть Ирины, въ «Визант. Времен.» I. 77.

2) Muralt. Essai de chronographie byzantine.

3) Muralt 125 относитъ это событіе къ 1128 году. Въ 1142 г., передъ своею смертію, Калюянъ говоритъ (Cinn. 28 B): Ἀλέξιος ἐκὶ τῇ βασιλείᾳ ἐκλήθη, καὶ ἡ γυνὴν χρόνους τισὶν ἀποδείχθητο πρότερον. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Киннагъ пишетъ (Cinn. 28 B), что Калюянъ завѣщалъ царство Алексѣю *задолго* (ἐκ πολλοῦ) до того времени.

4) Nicet. Choniat. in Man., IV, n° 6.

нашей Руси, къ Кіеву и ко двору Мономаха. Можно допустить, что рассказы греческихъ купцовъ и чиновниковъ доходили до императорскаго дворца и побуждали императора приступить къ сватовству. Являлось ли въ Кіевъ особое должностное лицо, особый довѣренный Калюяна, для осмотра дочерей Мстислава, мы не знаемъ; но въ Византіи такой обычай практиковался. Напр., когда имп. Мануилъ въ 1161 г. ¹⁾ прослышалъ о дочеряхъ антиохійскаго князя Раймунда, онъ послалъ къ нему предварительно аколута Василя Каматира, и когда посланецъ вернулся въ Византію, Мануилъ разспрашивалъ его обо всемъ, что касалось до Раймундовой дочери Маріи. Каматиръ подтвердилъ слухъ о красотѣ и другихъ качествахъ Маріи, и только тогда императоръ снарядилъ официальное посольство въ Антихію. Равнымъ образомъ имп. Калюянъ въ 1140 или 1141 году отправилъ въ Германію посольство, между прочимъ, для сватовства одной изъ принцессъ королевской крови за младшаго своего сына Мануила ²⁾. Византійская традиція отличалась необыкновенною устойчивостью: разъ устанавливались церемоніалы, они имѣли силу въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ; поэтому какія нибудь 40 лѣтъ не имѣли никакого вліянія на измѣненіе обычныхъ церемоній. Можно поэтому предположить, что сначала въ Кіевъ, ко двору Мономаха и Мстислава, пріѣзжало особо довѣренное лицо имп. Калюяна, которое по возвращеніи въ Византію подтвердило слухъ о красотѣ и другихъ отличныхъ качествахъ Мстиславовой дочери ³⁾.

Изъ послѣдующаго времени жизни Мстиславны можно усматривать, что она уже въ Кіевѣ проявила нѣкоторую склонность и любовь къ природѣ, къ собиранію разныхъ травъ и кореньевъ и къ изученію ихъ цѣлебныхъ свойствъ. Наше выраженіе «кіевская вѣдьма» несо-

1) Синам. 210 В; Muralt 179.

2) В. Васильевскій, въ «Визант. Времен.» I. 78.

3) Имени Мстиславны не находится ни въ одной изъ извѣстныхъ намъ лѣтописей. Чуть ли не впервые Татищевымъ она названа *Добродѣю*; это имя повторено Карамзинымъ и съ того времени стало употребляться и всѣми, кто такъ или иначе касался этой дочери Мстислава. Возразить противъ него мы ничего не можемъ: имя съ начальнымъ «Добро» не безызвѣстно было въ то старое время (напр. Доброгѣева и пр.). См. Морошкинъ, Славянскій Имянословъ. Спб. 1867. Соотвѣтственно этому народному имени христіанское имя Добродѣи могло быть *Евпраксія*. Ср. Морошкинъ 96: «Грамотники, духовные, желая осмыслить, сдѣлать понятными христіанскія личныя имена для славянина, старались греческое или римское имя переводить на славянскій языкъ» (такъ: Тишата, Тихомиръ, Тихомиль—Климентъ; Богодаръ—Феодоръ; Богданъ—Феодотъ; Домашній—Дометіанъ; Разумникъ—Софронъ; еще: Недѣля—Киріака; Петка—Параскева, и пр.).

имѣнно имѣть своимъ источникомъ стародавняго времени, когда женщины (и въ томъ числѣ Мстиславна) *отдавали* цѣлебный смыслъ травъ и растений, были знахарками и могли иногда давать полезные совѣты и помощь въ разныхъ болѣзняхъ.

Удостоверившись въ истинѣ слуховъ, Калюянь снарядилъ уже официальное посольство въ Кіевъ съ царскою грамотою, въ которой говорилось уже опредѣленно о сватовствѣ Мономаховой внуки за царя Алексѣя. Татищевъ подъ 1119 г. рассказываетъ, что бракъ былъ отложенъ на два года ради малости жениха ¹⁾. Замѣчаніе это не такъ безразсудно, какъ думалъ Карамзинъ, особенно если имѣть въ виду, что сватался не самъ имп. Калюянь, а сынъ его Алексѣй. Въ 1119 г. Алексѣю было не болѣе 13 лѣтъ, предполагаемой его невѣстѣ было по всей вѣроятности еще менѣе. Возможно, что предварительное неофициальное посольство Византіи и прибыло въ Кіевъ въ 1119 г.; возможно и то, что Мономахъ и Мстиславъ, послѣ совѣщанія съ епископомъ Никитою изъявивъ согласіе на бракъ, должны были отложить бракосочетаніе на нѣсколько лѣтъ, впредь до совершеннолѣтія жениха и невѣсты. Это обстоятельство, главнымъ образомъ, говоритъ за то, что бракъ этотъ не былъ бракомъ по любви, что Алексѣю, такъ сказать, навязали невѣсту изъ Кіева, что союзъ былъ результатомъ государственной политики Калюяна и Мономаха. Русскіе лѣтописцы сообщали, что Мстиславна помолвлена въ грекахъ за *царя*, — выраженіе въ сущности очень точное, ибо Алексѣй былъ тогда уже объявленъ императоромъ; а наши историки, какъ сказано, истолковали это извѣстіе такъ, что дочь Мстислава была просватана за царя Іоанна Комнина, отца Алексѣева!

Прошло нѣсколько лѣтъ. Дружественныя отношенія между Кіевомъ и Византіею въ теченіи этого времени не нарушались, не появилось ни одного облачка, которое могло бы омрачить эти отношенія, если не считать того домашняго траура, что Мстиславъ 12 или 18 января 1121 г. лишился своей супруги Христины, матери Добродѣиной ²⁾. Съ наступленіемъ весны 1122 года Мономахъ и Мстиславъ снарядили свою внуку и дочь къ путешествію въ Царьградъ. «Когда,—говоритъ акад. Васильевскій, очевидно, имѣвшій въ виду упомянутый

1) В. Татищевъ. Ист. Россійская. М. 1773, II. 222.

2) Новгородск. 1-я лѣт.; Густыиск. (П. С. Р. Л. II. 292), Никоновск. (П. С. Р. Л. IX. 151), Воскресенск. (П. С. Р. Л. VII. 25).

текстъ Ипатской лѣтописи, въ русской лѣтописи встрѣчается выраженіе, что та или другая княжна была ведена Цесарюгороду для замужества съ тѣмъ или другимъ изъ членовъ фамиліи Комниновъ, то слово *ведена* должно быть въ иныхъ случаяхъ понимаемо въ самомъ простомъ и первоначальномъ значеніи—отправленія, отвоза на чужую сторону»¹⁾. Весною выѣхала изъ Германіи въ Константинополь и невеста Мануилова Берта Зульцбахъ. Какова была свита Добродѣи, мы не знаемъ, но, очевидно, что тутъ находилось византійское посольство (ср. такое же посольство, ѣздившее за Бертою въ 1142 г.), родственники и родственницы невесты. Въ лѣтописи говорится, что въ 1122 г. прибылъ изъ Цареграда въ Кіевъ митрополитъ Никита. Татищевъ, неизвѣстно, насколько основательно, уже прямо заявилъ, что Добродѣю сопровождалъ изъ Кіева епископъ Никита, который ѣхалъ въ Царьградъ для рукоположенія въ санъ митрополита. Если Татищевъ самъ отъ себя придумалъ связь одновременной поѣздки Добродѣи и Никиты въ Царьградъ, то нѣсколько вѣроятно, а если такая связь была удостовѣрена въ той, не дошедшей до насъ, лѣтописи (Іоакимовской), которою онъ пользовался, то показаніе историка получаетъ значеніе вполне надежнаго источника; во всякомъ случаѣ, это свидѣтельство, какъ ничему не противорѣчащее, можетъ быть принято. Не было особой надобности Добродѣѣ ѣхать съ епископомъ, но Никита ѣхалъ въ Царьградъ по своимъ дѣламъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ бракомъ; онъ воспользовался лишь удобнымъ случаемъ ѣхать съ попутчиками-кіевлянами, съ которыми могъ вернуться и обратно. Въ тѣ времена въ вопросѣ о путешествіяхъ должны были особенно цѣнить и пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ ѣхать въ большой свитѣ, ибо ѣхать одному или въ обществѣ двухъ-трехъ было не такъ безопасно. Изъ болѣе поздняго времени мы узнаемъ, что когда въ 1414 г. великій князь Василій Дмитріевичъ отправилъ въ Царьградъ свою дочь Анну въ замужество за византійскаго царевича Іоанна Палеолога, то въ свитѣ ея оказался инокъ Троице-Сергіева монастыря Зосима, но это обстоятельство ничего не говоритъ въ пользу путешествія русской невесты въ сопровожденіи непременно особъ духовныхъ, чернецовъ, — инокъ не былъ официальнымъ лицомъ посольства, онъ воспользовался лишь удобнымъ случаемъ ѣхать въ свитѣ княжны—съ паломническою цѣлью, съ цѣлью поклониться святынямъ Цареграда и Іерусалима.

1) В. Васильевскій, въ «Визант. Времен.», I. 86.

Итакъ, весною или лѣтомъ 1122 г. княжна со своею свитою на кораблѣ съ тремя рядами ярусныхъ скамей для гребцовъ, называемомъ триремою (τρί ῥέμει), пристала къ берегамъ Цареграда. Бракосочетаніе имѣло мѣсто, вѣроятно, въ іюлѣ мѣсяцѣ, послѣ Петрова поста, и происходило во св. Софїи. Мы не можемъ съ опредѣленностью сказать, была ли въ это время только вѣнчана Добродѣя, или она была еще и коронована. Но, такъ какъ ея женихъ уже былъ объявленъ императоромъ, то новобрачная могла быть также и коронована. «Въ Византіи, говоритъ новѣйшій изслѣдователь, вѣнчались на царство и супруги императоровъ»¹⁾. Такимъ образомъ, какъ надобно думать, во св. Софїи въ это время было совершено три акта: актъ переименованія Добродѣи греческимъ христіанскимъ именемъ, актъ бракосочетанія и актъ коронованія. Какъ была переименована Добродѣя, не сообщаютъ ни Киннамъ, ни Никита Акоминатъ, двое историковъ, которые наиболѣе подробно говорятъ о царствованіи Калюяна; но что переименованіе было необходимо, видно уже изъ того, что имя Добродѣи было не христіанское. Берта при вѣнчаніи и коронованіи получила имя Ирины. Мы выше предположили, что у себя въ Кіевѣ Добродѣя могла называться Евпраксією. Казалось бы, не было надобности давать Добродѣѣ новое имя, разъ она носила уже греческое христіанское имя Евпраксїи, или какое иное. Тѣмъ не менѣе, переименованіе въ Царьградѣ иногда дѣлалось и объяснялось, быть можетъ, семейными традиціями царствующаго дома. Новобрачной давали имя въ честь матери жениха, или вообще давали какое-нибудь любимое въ родѣ имя, которое могло не совпадать съ прежнимъ именемъ новобрачной. Бывали, впрочемъ, случаи, когда прежнее христіанское имя невѣсты удерживалось и при вѣнчаніи, однако и тогда происходилъ актъ переименованія невѣсты; напр., русская княжна Анна Васильевна въ 1414 г. была переименована (μετωνομάσθη) и все-таки и позже называется царицею Анною. Переименованіе дѣлалось иногда и у насъ на Руси: напр., княжна Екатерина Буйносова Ростовская въ царицахъ называлась Марїєю²⁾; Марія Хлопова, невѣста царя Михаила Ѳеодоровича, въ 1623 г. переименована была въ Анастасію, но, когда бракъ этотъ не состоялся, она снова стала называться Марїєю³⁾. Зоя (Зинаида) Ѳоминачна переименована была въ Софію. Но какъ была пе-

1) В. Савва. Московскіе цари и византійскіе василевсы. Харьковъ 1901, стр. 156.

2) Карамз. XII прим. 163.

3) Н. Д. Чечулинъ. Личныя имена. Спб. 1890 стр. 2.

реименована Добродѣя-Евпраксія? Казалось бы, что послѣ изслѣдованій Дюканжа, не увѣнчавшихся успѣхомъ, надежда на отысканіе имени Алексѣевой невесты утрачена навсегда. Между тѣмъ, оказывается, что византийская литература сохранила вполнѣ опредѣленное ея имя. Но кто могъ бы думать, что это указаніе находится въ толкованіи извѣстнаго канониста XII—XIII вѣка Θεοδωρὸς Βαλσαμόν? Но любопытно, что въ то время, какъ у Βαλσαμόν имя Алексѣевой супруги дано вполнѣ ясно, Дюканжъ, читавшій Βαλσαμόν, называлъ ее анонимомъ. Наиболѣе вѣроятною кажется здѣсь та догадка, что Дюканжъ сдѣлалъ невольный промахъ, читая Βαλσαμόν, по крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ, не по греческому подлиннику, а по латинскому его переводу, въ данномъ мѣстѣ сдѣланному совершенно неправильно.

Τῆς γὰρ μακαρίτιδος σεβαστῆς
 χυρᾶς ζωῆς (т. е. Ζωῆς) τῆς συμ-
 βίου¹)...

Cum enim beatae (?) in Domino
 vitae (!) conjunx...

Такимъ образомъ и получилась у Дюканжа неизвѣстность Алексѣевой супруги, неопредѣленность, которая съ XVII вѣка оставалась таковою вплоть до настоящаго времени. Θεοδωρὸς Βαλσαμόνъ ясно и опредѣленно говоритъ, что женою Алексѣя была Зоя (Ζωή). Имя это впервые появляется при дворѣ имп. Льва Мудраго и должно было имѣть, по мнѣнію грековъ, особый символическій смыслъ. Извѣстно, что имп. Левъ VI отъ трехъ своихъ женъ не имѣлъ мужскаго потомства. Какъ велико было его желаніе имѣть наследника престола, показываетъ то обстоятельство, что онъ еще при жизни своей супруги св. Евпраксіи вступилъ въ связь съ аристократкою Зоєю Карбонопсиною, отъ которой прижилъ сына (Константина). Съ того времени могло казаться, что имя Зои есть одна изъ гарантій имѣть мужское потомство. Возможно, что и Καλουανὸς Κομνῆν, видя тщедушность Алексѣя и желая, чтобы у него были мальчики, настоялъ, чтобы (Евпраксія) Добродѣя была переименована именно этимъ символическимъ именемъ («жизнь» рода). Итакъ, во св. Софійѣ въ

1) Migne. Patrol. gr., t. CXXXVIII. 801; Ῥάλλη καὶ Πότλη Σύνταγμα τῶν κανόνων. IV. 251. Въ рукописяхъ и старыхъ печатныхъ изданіяхъ собственные имена писались и печатались съ маленькой буквы, что и могло ввести въ заблужденіе переводчика. Изъ этого можно усматривать, что знаменитый французскій византинистъ, одинаково свободно читавшій латинскіе и греческіе тексты, чаще прибѣгалъ къ переводамъ, нежели къ подлинникамъ, и въ данномъ мѣстѣ сдѣлалъ невольный промахъ.

1122 г. Добродѣя Мстиславна была переименована въ Зою. Думать, что и на Руси Добродѣя могла называться Зоєю, едва ли приходится, ибо у насъ такого имени не было извѣстно. Добрыня Ядрѣйковичъ даже въ 1200 г. не могъ совладать съ именемъ св. Зои и писалъ его даже *Изаиле*, — такъ оно было у насъ необычно¹⁾! И даже въ XIV вѣкѣ наши предки не могли освоиться съ этимъ именемъ: Зоя Оми-нична при бракосочетаніи съ великимъ княземъ Іоанномъ III была переименована въ Софію.

Послѣ нареченія имени слѣдовалъ, какъ можно думать, актъ бракосочетанія Алексѣя и Зои, общій церемоніаль котораго данъ имп. Константиномъ Багрянороднымъ въ сочиненіи *De cerimonіis*²⁾. Послѣ бракосочетанія происходилъ актъ коронованія новобрачныхъ. Коронованіе, то-есть возложеніе рукъ на молодыхъ (императора или особъ царскаго дома) могъ совершать только патріархъ. Въ 1161 г. во время коронованія имп. Мануила и Маріи присутствовало во св. Софії даже три патріарха—вселенскій, александрійскій и антиохійскій. При этомъ Зоя получила титулъ севасты, анассы и василиссы. Торжество заканчивалось пирами для придворныхъ и развлеченіями для народа.

Послѣ свадьбы кievскій епископъ Никита былъ поставленъ патр. Іоанномъ IX Агапитомъ или Халкидоняниномъ (1111 — 1134) въ митрополита кievскаго и, быть можетъ, съ русскимъ брачнымъ посольствомъ вернулся въ Кіевъ³⁾, гдѣ онъ былъ уже въ началѣ августа: 6-го августа онъ въ свою очередь поставилъ Симеона епископомъ во Владимиръ. Тестъ царя Алексѣя, князь Мстиславъ Владиміровичъ, вступилъ, между тѣмъ, во второй бракъ—съ дочерью новгородца Дмитрія Завидовича.

Новобрачные Алексѣй и Зоя зажили тихою семейною жизнію. Въ это время у Калюяна шла война съ печенѣгами (скинами), уже перешедшими Дунай; впрочемъ, императоръ скоро одолѣлъ враговъ и въ

1) Въ старину существовало имя *Зуя* (Морошкинъ, стр. 23 и 92 словаря), безъ сомнѣнія тождественное съ Зоєю (ср. ζωγράφος = зуграфъ), но мало вѣроятно, чтобы оно было русскаго происхожденія.

2) Migne. Patr. gr., CXII. 445.

3) Въ Густынской лѣтописи (П. С. Р. Л. II. 292) объ этомъ говорится подъ 6630 (1122) г.: «Въ то же лѣто приде зъ Грекъ Никита митрополитъ, посвященъ Іоанномъ патріархомъ» (ср. Никон.: П. С. Р. Л. IX. 151; Воскрес.: П. С. Р. Л. VII. 25), и подъ 1126 г.: «Въ се лѣто посвященъ бысть Никита митрополитъ Кіеву, грекъ, отъ патріарха Іоанна».

честь этого событія установилъ «праздникъ Печенѣжскій» (τὴν τῶν Πατζινάκων τελετήν)¹⁾.

Со времени Печенѣжской войны Византія наслаждалась полнымъ миромъ. Калуюнъ и Алексѣй могли посвящать время внутреннимъ дѣламъ государства. Къ сожаелію, Алексѣй не отличался крѣпкимъ здоровьемъ и вообще не обладалъ качествами, которыя составляли въ глазахъ Калуюна необходимое условіе для византійскаго государя. Второю сынъ его, севастократоръ Андроникъ, былъ тоже слабаго здоровья и такъ же мало подавалъ радости и утѣшенія императору. Третій, Исаакъ, опять былъ не крѣпкаго здоровья, хотя отличался и исполинскимъ ростомъ, и къ тому же былъ крайне жестокъ часто изъ-за маловажныхъ причинъ²⁾. Только четвертый, Мануилъ, выдѣлялся передъ всѣми братьями: уже съ ранняго дѣтства онъ проявлялъ живой умъ, жизнерадостность и находчивость въ разныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Напр., при осадѣ Неокесаріи въ 1140 г. Мануилъ, которому не было еще и 18 лѣтъ, зарекомендовалъ себя мужествомъ и отвагою, за что самъ отецъ назвалъ его спасителемъ византійскаго войска³⁾. Калуюнъ, казалось, сталъ переносить свою любовь съ Алексѣя на Мануила. Когда родился Мануилъ, говоритъ Киннамъ (23В), тотчасъ (αὐτίχα) появились предсказанія, что онъ будетъ императоромъ. Рожденіе Мануила совпадаетъ съ годомъ брака царя Алексѣя. Поэтому слѣдуетъ думать, что Калуюнъ вскорѣ послѣ свадьбы Алексѣя почувствовалъ къ нему извѣстнаго рода охлажденіе. Произошли ли перемѣны въ Алексѣѣ, сказать невозможно, а если эта перемѣна и произошла въ немъ, то подъ какимъ вліяніемъ? Но думать, что на мужа могла оказать вліяніе его молодая жена Зоя, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ. Гораздо болѣе вѣроятно, что причина нерасположенія Калуюна къ первородному сыну заключалась въ томъ, что Алексѣй не имѣлъ мужского потомства. Это обстоятельство, опускаемое изъ вида изслѣдователями, въ судьбахъ самодержавной власти и византійскаго трона играло очень важную роль. Византія, продолжая традиціи императорскаго Рима, какъ извѣстно, не дошла до сознанія, а, главное, до осуществленія законности власти. Престолъ самодержца былъ сѣдалищемъ не законнаго его наслѣдника, а всякаго честолюбца, которому удавалось провести ловкую интригу, обезоружить другихъ, опасныхъ

1) Nicet. Choniât. I. 23 Bonn.

2) Nicet. Choniât. in Manuel. I n° 2.

3) Ioan. Cinnam. 21 В.

для него честолюбцевъ, наградить третьихъ. Отдѣльные императоры не могли не сознавать существующаго зла, но что они дѣлали? Не додумавшись до проведенія въ жизнь императорскаго акта о престолонаслѣдіи, они хотѣли разбить вѣковыя оковы лично для себя, устранить недостатокъ законодательства своимъ личнымъ произволомъ. Напр., имп. Константинъ V, сынъ имп. Ирины, женившись на внукѣ св. Филарета Милостиваго, Маріи, когда послѣдняя родила ему дочь, насильно постригъ свою жену въ монастырь, а самъ вступилъ въ новый бракъ, безъ сомнѣнія желая имѣть потомство мужескаго пола¹⁾. Византійскіе писатели, умѣвшіе всегда прикровенно объяснять щекотливые вопросы изъ жизни своихъ государей, писали: Константинъ не любилъ Марію, посему и развелся съ нею; Константинъ вступилъ въ новый бракъ, совершивъ этимъ прелюбодѣяніе, и т. д.; тайна придворной жизни, не раскрытая современниками, раскрывается подъ перомъ изслѣдователя. И это совершенно вѣрно. И у насъ великій князь Василій III заточилъ въ монастырь свою неплодную супругу Соломонію Сабурову безъ сомнѣнія потому, что не рассчитывалъ имѣть отъ нея мужского поколѣнія, и женился на Еленѣ Глинской, которая подарила ему Іоанна.

Прошло, повидимому, нѣсколько лѣтъ со времени свадьбы царя Алексѣя, а у него не было дѣтей. Имп. Калуйнъ задумывался надъ вопросомъ о неплодности Зои, не могъ не беспокоиться при мысли, что царь Алексѣй долженъ будетъ впослѣдствіи передать царскую власть не по прямому колѣну. Естественно, что онъ, не находя отрады въ трехъ своихъ хилыхъ сыновьяхъ, съ особенною любовью останавливался на самомъ младшемъ, Мануилѣ, и въ немъ видѣлъ человека, который можетъ продолжить родъ Комниновъ по прямой линіи. Царедворцы, всегда чуткіе къ малѣйшимъ колебаніямъ въ настроеніи своего государя, тотчасъ подмѣтили начавшуюся въ немъ перемѣну и уже въ отрокѣ Мануилѣ подмѣтили будто бы признаки, по которымъ видно было, что Мануилъ сдѣлается императоромъ. Киннамъ сообщаетъ два такихъ признака. Однажды во снѣ предстала Мануилу важная женщина, въ черномъ платьѣ, съ пурпуровыми туфлями въ

---

1) Другіе императоры однако не придавали повидимому значенія тому обстоятельству, если у нихъ рождалось и нѣсколько дочерей подъярѣ и не было ни одного сына. Напр. имп. Θεοφιλης отъ Θεοδώρας имѣлъ сначала пять дочерей, пока наконецъ у него родился сынъ Михаилъ («Виз. Времен.» 1901, VII, 85), и тѣмъ не менѣе онъ до конца любилъ свою супругу.

рукахъ, какія обыкновенно носили византійскіе императоры, подавала ихъ Мануилу, а его собственные, голубыя, велѣла снять. Ребенокъ, проснувшись и не находя красныхъ туфель, началъ плакать, думая, что ихъ унесъ слуга. Подъ важною женщиною въ черномъ платьѣ (ὄψις σιμνή, μέλαινα ἐσθῆς), по смыслу сновидѣнія, какъ кажется, надо разумѣть Зою Мстиславну: одѣвшись въ трауръ по смерти мужа, она естественно теряла право на корону и должна была передать его слѣдующему брату своего мужа. Но если толкованіе этого сна должно быть таково, то очевидно, что сновидѣніе имѣло мѣсто не въ ранней молодости Мануила, а уже послѣ смерти царя Алексѣя, не ранѣе, но и не позже 1142 г., во всякомъ случаѣ, до смерти имп. Калуюна. Затѣмъ будто бы одинъ галилейскій отшельникъ, бесѣдуя съ имп. Калуюномъ и увидѣвъ всѣхъ сыновей его, благоговѣнно благословилъ изъ нихъ одного Мануила и на вопросъ императора, что это значитъ, отвѣтилъ, что изъ всѣхъ дѣтей царя одинъ Мануилъ кажется ему императоромъ¹⁾. Другой византійскій историкъ, Никита Акоминатъ, передаетъ еще одинъ признакъ. По словамъ его, царь Іоаннъ видѣлъ во снѣ нововѣнчаннаго сына Алексѣя верхомъ на львѣ и управляющимъ звѣремъ за уши. Видѣніе это означало, что сынъ его Алексѣй хотя и будетъ владѣть царствомъ, но только номинально, и будетъ лишень царской власти, чтò вскорѣ и случилось (ὃ καὶ μικρῶ συμβέβηκεν ὕστερον)²⁾. Если эти анекдоты явились до окончательнаго рѣшенія Калуюна остановить свой выборъ на младшемъ сынѣ, то они могли имѣть рѣшительное вліяніе на шагъ императора; если же, чтò кажется наиболѣе вѣроятнымъ, они были вымыслены, *post factum*, то, очевидно, появились уже въ то время, когда мысль императора о передачѣ короны самому младшему изъ сыновей ни для кого при дворѣ не была тайною.

Но рѣшительному шагу имп. Калуюна въ этомъ направленіи не суждено было имѣть мѣста. Приблизительно около 1129 г., черезъ семь лѣтъ послѣ свадьбы Алексѣя, Зоя разрѣшилась отъ бремени дочерью, имени которой мы не знаемъ. Радость при дворѣ, какъ надобно думать, была необычайная. Калуюнъ, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ хотя бы на время заглушить въ себѣ прежнее намѣреніе; Мануилъ, если онъ сознавалъ это, увидѣлъ, что шансы его къ занятію престола теперь значительно отодвинулись на задній планъ. На радост-

1) Cinn. 23, 24.

2) Nicet. Choniât. I. 24. Bonn.

ное торжество въ Константинополь прибыли, быть можетъ, и нѣкоторые родственницы родильницы изъ Россіи. Основаніе этому мы находимъ въ извѣстіи паломника 1200 г. Антонія Новгородскаго. Говоря о мощахъ святыхъ въ Цареградѣ, онъ пишетъ: «ту лежитъ блаженная Ксенія Брячиславля»¹⁾. Эта Ксенія приходилась родною сестрою Добродѣѣ-Зоѣ и была замужемъ за полоцкимъ княземъ Брячиславомъ Борисовичемъ; прибытіе ея въ Царьградъ и можно объяснить желаніемъ навѣстить свою родную сестру Зою, особенно послѣ того, какъ та разрѣшилась отъ бремени. Около того же времени были привезены въ Царьградъ полоцкіе князья, сосланные сюда Мстиславомъ: Борисъ - Давидъ съ сыномъ Рогволодомъ - Василиемъ, Рогволодъ съ сыновьями: Василькомъ и Иваномъ, Ростиславъ и Святославъ - Георгій съ дѣтьми: Василькомъ, Вячеславомъ, Давидомъ, Евпраксією и Предслагою - Евфросинією. Жестокій ударъ былъ нанесенъ Ксеніи, и не могла она перенести его. Благочестивая дочь Мстислава, она сокрушалась по поводу крутаго поступка своего отца, скорбѣла, быть можетъ, и о поведеніи нѣкоторыхъ своихъ полоцкихъ родственниковъ, тихо скончалась здѣсь и была погребена въ церкви нагорной части столицы — въ Перѣ. Тогда же, вѣроятно, скончался въ Византіи и Борисъ - Давидъ Всеславичъ, погребенъ въ церкви св. Платона и прославился святостію; тотъ же Антоній пишетъ (стр. 30, 62, 88): «и Борисъ ту въ тѣлѣ лежитъ».

Но радость имп. Калюяна и вообще при византійскомъ дворѣ была непродолжительна. Послѣ дочери Зоя уже болѣе не рожала дѣтей. Іоанну снова приходилось думать надъ вопросомъ о престолонаслѣдіи, и снова царь Алексѣй впалъ въ немилость отца. Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилась эта дума Калюяна, если бы не случилось неожиданнаго событія, которое вывело императора изъ его затруднительнаго положенія. Въ 1142 г. Калюянъ со всѣми своими сыновьями отправился въ походъ противъ турокъ въ Памфілію. И здѣсь, въ Аталіи, вскорѣ одинъ за другимъ, сошли въ могилу оба старшіе его сына — царь Алексѣй и севастократоръ Андроникъ, сраженные изнурительною лихорадкою. «Болѣзнь у Алексѣя, — говоритъ Никита (I. 51 В), — была острая, а не хроническая, именно быстро поражающая горячка, которая, какъ на крѣпость, пала на его голову». Имп. Калюянъ, повидимому, не былъ убитъ горемъ; для него было бы несрав-

1) Правосл. Палест. Сборн., 1899, LI, стр. 86, 66, 92.

нежно болѣе лишиться навсегда Мануила. Тѣла умершихъ сыновей онъ поручилъ отвезти въ столицу третьему сыну Исааку, а самъ съ Мануиломъ продолжалъ оставаться на театрѣ войны.

Печальная вдова, севаста Зоя Мстиславна облеклась въ трауръ и носила его съ тѣхъ поръ, кажется, долгое время.

Вскорѣ послѣ смерти Алексѣя и Андроника въ томъ же 1142 г. скончался въ Атталіи (или Киликии) и самъ Калуюнъ, отъ зараженія крови отъ стрѣлъ въ его колчанѣ¹⁾. На престолъ вступилъ Мануилъ, который такъ искусно повелъ дѣло, что обезоружилъ своего болѣе старшаго брата Исаака, отнявъ у него возможность къ предъявленію правъ на престолъ. Въ 1144 г., 22-хъ лѣтъ отъ роду, Мануилъ вступилъ въ бракъ съ нѣмецкою принцессою Бертою фонъ Зульцбахъ, сестрою жены германскаго короля Конрада III Гогенштауфена, съ которою онъ былъ обрученъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Когда Берта прибыла въ Константинополь, ее встрѣтили лица изъ высшихъ фамилій и, между прочимъ, двѣ царицы (*ἡ βασίλισσα*), то-есть вдова царя Алексѣя, севаста Добродѣя-Зоя, и вдова севастократора Андроника, Ирина²⁾. Церемоніалъ требовалъ, чтобы особы въ подобныхъ торжественныхъ случаяхъ являлись въ свѣтломъ нарядѣ. Севастократорисса Ирина, кажется, такъ и поступила. Напротивъ, Зоя пошла наперекоръ византійскому этикету. Надѣвъ трауръ при извѣстіи о кончинѣ супруга, она не снимала его, кажется, долго и даже въ такихъ торжественныхъ случаяхъ, какъ встрѣча своей будущей невестки, она демонстративно давала понять о своемъ горѣ и о своемъ траурѣ. По словамъ Киннама, о ней (Зоѣ) рассказывали слѣдующее. Какъ скоро Берта прибыла въ Византію, встрѣтили ее и другія особы изъ высшихъ фамилій и супруга царя Алексѣя. Последняя была одѣта въ платье изъ кисей, прошитой золотомъ и пурпуромъ, но отливъ кисей дѣлалъ ее темною, похожею на странницу³⁾. Посему Берта - Ирина спросила присутствующихъ: кто такая эта пышно одѣтая монахиня? Слышавшіе такой вопросъ [очевидно отвѣтившіе:

1) Въ такомъ видѣ передаетъ дѣло Киннамъ. Никита Хоніатъ и Вильгельмъ Тирскій рассказываютъ иначе. См. В. Васильевскій, въ «Визант. Времен.», I, 82.

2) Migne. Patr. graeca, t. CXXXIII, col. 1360—1362; ср. В. Васильевскій, въ «Визант. Времен.», I. 81—82.

3) Cinn. 36 B: ἀλλὰ τὸ τοῦ βύσσου χιτῶναυτὸς μελαμφόρον ταύτην ἵποισι τῇ νεύλιδι κατὰφαίνεσθαι. Въ латинскомъ переводѣ не совсѣмъ точно: sed ob colorem in byssino saeruleum, cum atrata mulier novae nuptae videretur. Въ русскомъ переводѣ (стр. 37) неточность еще болѣе: «но отливъ пурпура на кисей дѣлалъ его (?пурпуръ?) темнымъ, похожимъ на платье пилигримки».

это — севеста Зоя, вдова царя Алексѣя, ваша будущая невѣстка] почили его предзнаменованіемъ совсѣмъ не хорошимъ, что вскорѣ и оправдалось¹⁾. Акад. В. Гр. Васильевскій передаетъ ту же сцену такимъ образомъ: «При встрѣчѣ нѣмецкой, усыновляемой Византією, принцессы молодая императрица, супруга Алексѣя (то-есть Добродѣя-Зоя, оставшаяся неизвѣстною знаменитому русскому византинисту), была одѣта соотвѣтственно съ своимъ саномъ въ *темноглубое* платье изъ виссоновой ткани; въ сочетаніи съ золотомъ и пурпуромъ, который она имѣла право носить какъ царица, внѣшность производила такое впечатлѣніе, какъ-будто супруга Алексѣя была одѣта въ *черное*, и вотъ удивленная и наивная нѣмецкая принцесса спрашиваетъ: кто эта столь пышно одѣтая монахиня? Вопросъ произвелъ смущеніе, такъ какъ сейчасъ же былъ истолкованъ въ смыслѣ дурной примѣты присутствующими суевѣрными византіянами обоого пола. Дѣйствительно, Берта напророчила бѣду и притомъ не для одной только жены старшаго царевича²⁾».

Послѣднія слова Киннама, не объясненные имъ и позже, заставляютъ задуматься: видѣтъ ли въ нихъ намекъ на то, что вдова Алексѣя въ царствованіе имп. Мануила ушла въ монастырь и такимъ образомъ дала возможность имп. Иринѣ отличиться своимъ пророчествомъ? Но въ такомъ случаѣ неясно, въ чемъ заключается тутъ «дурное предзнаменованіе»? Византійскія, какъ и русскія, княжны и царевны, уже не говоря о царицахъ-вдовахъ, часто уходили въ монастыри; удаленіе во иноческую обитель въ глазахъ міра особенно въ то время не могло считаться несчастіемъ, чтобы случайно брошенное замѣчаніе могло быть разсматриваемо какъ дурное предзнаменованіе оправдавашагося впоследствии случая. Не довѣряя собственному пониманію вышеприведеннаго мѣста Киннама, мы обратились за разъясненіемъ его къ А. И. Пападопуло-Керамевсу. Этотъ почтенный ученый сообщилъ намъ, что извѣстіе Киннама надобно понимать такъ, что *конецъ жизни* вдовы Алексѣя былъ нехорошимъ. Такое толкованіе прекрасно разрѣшаетъ и устраняетъ всякую неясность. Уже по одному тому, что Зоя вышла на встрѣчу Бертѣ въ темномъ (или казавшемся темнымъ) платьѣ, греки заключили, что Зоя окончитъ свои дни нехорошо, — «что, говоритъ Киннамъ, и оправдалось». Такимъ образомъ, замѣчаніе Берты - Ирины относилось не къ иночеству Зои,

1) Синам. 36 В.

2) «Визант. Времен.», I. 82—83.

а къ ея нехорошему концу. Дѣйствительно, есть данныя, которыя могутъ быть истолкованы въ томъ смыслѣ, что Зоя скончалась въ мірѣ и что конецъ ея жизни былъ по тому времени предосудительнымъ. Упомянутый уже Θεόδωρ Вальсамонъ рассказываетъ слѣдующее: «покойная севаста госпожа Зоя, супруга пансеваста онаго господина Алексѣя Комнина, сына славнаго севастократора (то-есть Іоанна Комнина) впала въ тяжкую болѣзнь», отъ которой и умерла¹⁾. Слово *хурά* (госпожа) примѣнялось только къ лицамъ мірскимъ. Если бы это была уже инокиня, Вальсамонъ не называлъ бы ее севастою, не называлъ бы ее госпожею, не называлъ бы ее супругою, наконецъ, не называлъ бы ее и Зоєю, ибо это имя совсѣмъ не иноческое, а мірское, — онъ выразился бы примѣрно такъ: «покойная *оная* (*ἐκείνη*) инокиня N.,» и этимъ словомъ *ἐκείνη* онъ и указалъ бы на знатность ея рода. Наконецъ, если бы Зоя была инокинею, то было бы совершенно непонятнымъ и страннымъ, что она дѣлала передъ своею смертью и о чемъ мы сейчасъ скажемъ. Такимъ образомъ, повидимому, слѣдуетъ, что севаста Зоя скончалась въ мірѣ. Быть можетъ, при такихъ же условіяхъ, въ какихъ находилась Зоя, другія византійскія женщины и уходили въ монастыри, но русская женщина помнила, что у ней на рукахъ есть дочь, которая нуждается въ приличномъ ей материнскомъ воспитаніи, и потому, любя мужа при жизни и почитая его память по смерти, отдала всю себя для обученія дочери (которую впослѣдствіи выдала замужъ за одного виднаго государственнаго человѣка — Алексѣя Аксуха). Вальсамонъ продолжаетъ: когда она впала въ тяжкую болѣзнь, «врачи отказались отъ ея излеченія въ виду противоположности многообразныхъ ея болѣзней. Нѣкоторые ворожеи заявили, что она страдаетъ маніей къ колдовству и знахарству, и несправедливо принуждали испытать многихъ чудныхъ ея женщинъ, а равно и мужчинъ. Они тайно бросали по угламъ божковъ, сдѣланныхъ изъ воска, сатанински ощупывали и отыскивали ихъ, и много другого страшнаго они дѣлали для презрѣнія Бога и наказанія многихъ людей; а сами безбожные, когда не могли сдѣлать дѣла, исчезли. Знатнѣйшая же оная жена не только не получила никакой помощи, но и, изнуренная хроническою болѣзнію, умерла, взявъ худой подорожникъ — негодованіе противъ нея божественныхъ канонъ, которое Господь Богъ облегчилъ за другія ея добрыя дѣла»²⁾.

1) Migne. Patr. gr., t. 138, col. 81; ср. 'Ράλλη καὶ Πρότλη Σύνταγμα, IV. 251.

2) Migne. Patr. gr., t. 138, col. 801. (ср. 'Ράλλη καὶ Πρότλη Σύνταγμα τῶν... κανο-

Здѣсь мы встрѣчаемся съ очень интереснымъ явленіемъ въ жизни византійскаго общества—съ волхвованіемъ и чародѣйствомъ. Но прежде чѣмъ говорить о нихъ, припомнимъ, что было нами сказано ранѣе, именно что Евпраксія-Добродѣя по всей вѣроятности еще въ Кіевѣ возымѣла склонность къ изученію лѣкарственныхъ травъ, другими словами, такъ сказать къ медицинѣ. Флорентинская греческая рукопись (plut. VII cod. XIX), XIV вѣка, еще до нашей поѣздки въ Италію, заинтересовала насъ медицинскимъ трактатомъ, носящимъ заглавіе: "Алеѹμα τῆς χυρᾶς Ζωῆς τῆς βασιλίσσης¹⁾". Въ настоящее время мы имѣемъ копію этого памятника и склонны къ предположенію, что этотъ трактатъ, или вѣрнѣе только извлеченіе изъ него, можетъ быть произведеніемъ нашей Мстиславны. Мы знаемъ наперечетъ всѣхъ царицъ Византіи, которыя носили имя Зои (Зои Карбонописины, X в., Зои, дочери Романа II, XI в., и т. д.), но ни къ одной изъ нихъ, за исключеніемъ нашей Мстиславны, не можетъ подходить авторство въ области медицинской. Волхвованіе и чародѣйство, которыми занималась, по извѣстіямъ византійцевъ, Евпраксія-Зоя, были въ тѣ времена средствами врачеванія. Зоя прибѣгала къ этому способу лѣченія въ послѣдніе дни своей жизни, когда, повидимому, уже не имѣлось никакихъ другихъ средствъ къ возстановленію здоровья. Но во цвѣтѣ лѣтъ и силъ она, какъ кажется, много занималась въ излюбленной ею области, быть можетъ перечитала доступныя ей медицинскія сочиненія (Галена, Иппократа, Семеона Сіеа и пр.) и въ результатъ—сама написала руководство по медицинѣ, гдѣ между прочимъ совѣтуетъ въ осеннее и зимнее время года «жить въ очень теплыхъ жилищахъ и покрываться грѣющими покрывалами» (σχεπάσματος θερμαίνουσιν), подъ которыми едва ли не надо разумѣть наши шубы, гдѣ придаетъ большое значеніе банѣ, которая «очень предохраняетъ

νων. Ἀθήνησιν 1854, IV. 251—252): Τῆς γὰρ μακαρίτιδος σεβαστῆς χυρᾶς Ζωῆς, τῆς συμβίου... Ἀλεξίου χυροῦ Κομνηνοῦ... νόσῳ περιπετούσης βαρεῖα καὶ τῶν ἰατρῶν ἰπαγορευάντων τὴν θεραπεῖαν αὐτῆς διὰ τὴν τῶν πολυειδῶν νοσημάτων ἐναντιότητα, ἰδνικοί τινες ἐπαγγεῖλάμενοι θεραπεῦσαι αὐτήν, ὡς δῆθεν ἀπὸ μαγικῶν μαγγανειῶν νοσηλευομένην, συνώθησαν ἀδίκως ἐτασθῆναι πολλὰς καὶ θαυμαστὰς γυναικας αὐτῆς, ἐτι μὴν καὶ ἄνδρας. Ἐρριπτον δὲ χρύφα ἐν γωνίαις χρηρόπλαστα εἰδωλα καὶ σατανικῶς προεμήνυσον τὴν τούτων ἀναψήλαψήσιν καὶ εὐρεῖσιν. καὶ ἄλλα δὲ μυρία δεινὰ διεπράξαντο εἰς καταφρόνησιν τοῦ Θεοῦ καὶ τιμωρίαν ἀνθρώπων πολλῶν, καὶ αὐτοὶ μὲν οἱ ἄθεοι ἀπρακτῆσαντες ἀφανεῖς ἐγεγόνεισαν. Ἡ δὲ πανευγενιστάτῃ ἐκείνῃ γυνὴ οὐ μόνον οὐκ ἀπώνατό τι, ἀλλὰ καὶ τῇ νόσῳ χρονίως προσπατταλευθεῖσα ἐκ τοῦ βίου μετέστη κακῶν ἐφόδιον ἐπιφορτισθεῖσα τὴν ἀπὸ τῶν θείων καλόνων κατ' αὐτῆς ἀγχνάκτῃσιν, ἣν ἐπικουφίσαι κύριος ὁ Θεὸς ἐπὶ τὰς ἄλλας ἀγαθοεργίας αὐτῆς.

1) Ср. Bandini, Catalogus codd. mss. bibl. Mediceae Laurentianae. Florentiae 1765 I. 262—266. Бандини не могъ прочесть въ рукописи τῆς χυρᾶς.

здоровье и укрѣпляетъ тѣло». Все это такіе совѣты, не встрѣчающіеся въ медицинскихъ книгахъ самихъ грековъ, которые могъ давать только авторъ, знакомый съ климатомъ Руси и усвоившій себѣ исконныя особенности ея жителей. Что трактатъ Зоі имѣлъ для своего времени важное значеніе, доказываетъ фактъ пользованія имъ со стороны греческихъ медиковъ, которые ставятъ Зою рядомъ съ другими врачебными знаменитостями. Обширность извлеченія изъ ея "Алецѣа" свидѣлствуетъ о важности и полезности сообщенныхъ ею свѣдѣній и даже объ оригинальности автора, потому что епитоматоръ-врачъ безъ сомнѣнія зналъ, что онъ списываетъ вещи, еще неизвѣстныя дотогѣ. Когда Зоя заболѣла своею послѣднею болѣзнію, она, какъ надо думать, обратилась прежде всего къ серьезной медицинѣ, медицинѣ какъ наукѣ; но когда послѣдняя оказалась безсильною излѣчить ея недугъ, Зоя въ послѣдней крайности обратилась къ волхвованію и чародѣйству. И здѣсь подобный скачокъ характеризуетъ преимущественно русскую душу. Только русскому человѣку свойственно идти на «авось», рядомъ съ серьезнымъ дѣломъ заниматься суевѣріемъ: не помогла наука, попробовать фокусы? Вѣдь во всякомъ случаѣ они вреда не принесутъ, а можетъ быть (кто знаетъ?) и помогутъ?... авось?

Сложностью понятія «чародѣйство» объясняется многочисленность его наименованій въ языкѣ византійскомъ. Наиболѣе общими понятіями являются: *οἱ μάγοι* (*μαγεῖται* = *фармахеῖται*) и *οἱ μάντιες* (*μάντευμα*, *καταμαντεύεσθαι*); болѣе частными или специальными терминами были: *οἱ ἐπαοιδοί* (*ἐπαοιδία*), въ нѣкоторыхъ случаяхъ тождественное съ нимъ *οἱ γόητες* (*γοητεῖται*), *οἱ ἡντεῦται*, *οἱ ἡντεῦτρίαι*, *οἱ μαθηματικοί*, *οἱ ἀστρολόγοι*, *οἱ νεφεδιῶχται*, *οἱ κριτρίαι* (*μετὰ κριδῶν μαντεύεσθαι*), *οἱ περίπται* и проч., и общее обозначеніе всѣхъ этихъ чародѣевъ на языкѣ канонистовъ было: *οἱ εἰδωλόλατται*. Изъ всего этого разнообразія понятій мы остановимся только на двухъ терминахъ, идущихъ прямо къ затронутому вопросу: это — *καταμαντεύεσθαι* и *αἱ фармахеῖται*. Чародѣйство было замѣтно уже въ раннемъ періодѣ византійской имперіи — во времена соборовъ Анкирскаго и Лаодикійскаго. Правило 24-е Анкирскаго собора гласитъ: «Волхвователи (*οἱ καταμαντεύόμενοι*) и слѣдующіе обычаямъ язычниковъ (*τῶν ἑθνῶν*) или вводящіе кого-либо въ свои дома для изобрѣтенія лѣкарствъ (ядовъ, *фармахиῶν*) или очищенія подлежатъ подл канонъ пятилѣтія, по опредѣленнымъ степенямъ:

три года подклоненія и два года молитвы, безъ просфоръ»¹⁾. Св. Василий Великій, повторяя это правило, свое 83-е правило излагаетъ уже слѣдующимъ образомъ: «Волхвователи и слѣдующіе обычаямъ язычниковъ или вводящіе кого-либо въ свои дома для изобрѣтенія лѣкарствъ и очищенія должны подпасть подъ канонъ *шестимѣсячъ*: годъ плакать, годъ слушать, три года подклоняться и годъ должны стоять виѣстъ съ вѣрными»²⁾. О существованіи чародѣйства въ византійское время мы узнаемъ далѣе изъ канона св. Григорія Нисскаго, изъ словъ св. Іоанна Златоустаго, изъ 61 правила 6-го вселенскаго собора, въ VII вѣкѣ изъ историческаго труда Θεοφιλάκτα Σιμοκατῆ³⁾; въ VIII вѣкѣ свѣдѣнія о практиковавшейся тогда магіи занесены въ житіе св. Льва, еп. Катанскаго, въ IX в. также извѣстно нѣсколько случаевъ волхвованія и чародѣйства. То же можно сказать о X и XI столѣтіяхъ. Отрывочность, случайность и спорадичность извѣстій говорить, конечно, о томъ, что колдовство со временъ церковнаго осужденія соборами и свв. отцами или ослабѣло, или практиковалось потаеннымъ образомъ, такъ что не могло обратить на себя особеннаго вниманія современныхъ писателей. И такое затишье продолжалось до XII вѣка, до временъ севасты Зои Мстиславны. Послѣ долгаго перерыва она первая, такъ сказать, призвала къ жизни остатки умершаго язычества, воскресила запретное колдовство и чародѣйство. Но почерпнула ли она его въ тайникахъ византійскихъ домовъ, или пріѣхала изъ Кіева въ Царьградъ уже съ готовымъ предрасположеніемъ къ этому и вызвала здѣсь къ жизни таившійся во мракѣ кругъ отверженныхъ ея адептовъ? Если въ Византіи волхвы и чародѣи могли существовать до XII вѣка, если даже на Западѣ въ то время колдовство было явленіемъ зауряднымъ, вызывавшимъ инквизиціонные суды и обширную литературу, то и на Руси, какъ еще болѣе невѣжественной, не было недостатка въ колдунахъ и чародѣяхъ, въ волхвахъ и ворожеяхъ. Мы хотѣли бы думать, что Добродѣя-Зоя вывезла склонность къ чародѣйству изъ Руси, изъ Кіева (ср. «кіевская вѣдьма»), и въ Византіи оживила страсть къ этого рода «медицинѣ». Замѣчательно при этомъ, что со времени Зои чародѣйство стало распространяться въ византійскомъ обществѣ сначала

1) Ῥάλλη καὶ Πότλη Σύνταγμα, III. 66.

2) Ibid. IV. 250.

3) Выписка изъ Симокатты приведена между прочимъ у Montesquieu въ его L'esprit des lois, а отсюда въ «Наказѣ» имп. Екатерины II: II. С. 3. № 12. 949 п. 499.

среди ея родственниковъ и близкихъ къ ней лицъ, — очевидный признакъ того, что севаста Зоя Мстиславна была инициаторомъ въ дѣлѣ пробужденія этой темной стороны византийскаго невѣжества. Тотъ же Вальсамонъ продолжаетъ свою рѣчь слѣдующимъ образомъ: «послѣ же ея (Зои) смерти, во дни святѣйшаго патріарха господина Льва Стипна, нѣкіе изъ родственниковъ и подданныхъ ея были тяжко наказаны за то, что часто были уличаемы въ волшебствѣ и всею душою вѣрили сатанинскому негодному дѣйствию. Другіе же излѣчивались (отъ чародѣйства) посредственною епитимією, (сознавшись) что слѣдовали злу не часто и не отъ души»¹⁾. Уже Дюканжъ замѣтилъ тутъ нѣкоторую нескладность въ словахъ Вальсамона, ибо Зоя пережила патріаршество Льва Стипна (1134 — 1143), во всякомъ случаѣ, въ 1142 г. она была еще жива. Но, заподозрѣвая это свѣдѣніе, мы, впрочемъ, отнюдь не сомнѣваемся въ самомъ фактѣ наказанія чародѣевъ, родственниковъ Зои. Возможно, что наказаніе ихъ послѣдовало въ болѣе позднее время, напр., при Михаилѣ Куркуасѣ (1143 — 1146), Космѣ Атикѣ (1146 — 1147) или даже Николаѣ Музалонѣ (1147 — 1151), — Вальсамонъ, быть можетъ, только ошибся въ имени патріарха.

То, на что указано Вальсамономъ только мимоходомъ, историками передается довольно подробно. Никита Акоминатъ сообщаетъ намъ, что дочь царя Алексѣя и Зои была замужемъ за Алексѣемъ, сыномъ великаго доместика Іоанна Аксуха. Характеризуя ее, Никита замѣчаетъ: «она любила своего мужа и цѣнила цѣломудріе, какъ ни одна изъ женщинъ; это была красавица и свѣтлое украшеніе женщинъ въ своемъ царскомъ родѣ, любимый предметъ разговора у всѣхъ». Но вотъ мужъ ея Алексѣй былъ обвиненъ въ *колдовствѣ* противъ имп. Мануила и былъ арестованъ. Жена его пыталась лишиться себя жизни; но, когда это ей не удалось, она на колѣняхъ умоляла Мануила за своего мужа. Царь, однако, не тронулся ея мольбами и заточилъ Алексѣя въ монастырь. Въ печальномъ одиночествѣ она сошла съ ума, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей. Въ то же время подобными волшебствами занимались Ааронъ Исаакъ, коринѣянинъ, Сигъ Склиръ и Ми-

1) Migne. Patrol. gr. CXXXVIII. 801 — 804: μετὰ θάνατον δὲ ταύτης διὰ τῶν ἡμερῶν τοῦ ἀγιωτάτου πατριάρχου κυροῦ Λέοντος τῶν Στουππῶν τινες μὲν τῶν προσγεγῶν καὶ τῶν ὑποχειρίων αὐτῆς βαρέως ἐπειτιμήθησαν, ὡς πλειστάκις καταμαντευσάμενοι καὶ ὀλοφύχως τῇ σατανικῇ ἀρρητοουργίᾳ πιστεύσαντες. Ἄλλοι δὲ διὰ μετρίου ἐπιτιμίου ἐθεραπεύθησαν, ὡς μὴ πλειστάκις μηδ' ἐκθύμως τῷ κακῷ ἀκολούθησαντες.

хангъ Сикидить. Они, между прочимъ, занимались магіей и другими «дьявольскими обманами», присушиваніемъ дѣвицы къ молодцу и пр.¹⁾ Безспорно, что Алексѣй Аксухъ былъ достоинъ всякаго уваженія, ради котораго Никита готовъ, повидимому, не вѣрить взведенной на него клеветѣ. Мы, однако, полагаемъ, что рядомъ съ очень почтенными достоинствами могли уживаться и такія, къ числу которыхъ относится чародѣйство. Только это чародѣйство, можетъ быть, было другого порядка, нежели чародѣйство, караемое по *lex majestatis*. А въ такомъ случаѣ довольно правдоподобнымъ кажется слѣдующее: Зоя сначала увлекла Алексѣя Аксуха страстью къ чародѣйству. Сдѣлавшись близкимъ къ ней человекомъ и полюбивъ ея дочь, Алексѣй сдѣлалъ предложеніе послѣдней, женился, но и позже не оставлялъ пріобрѣтенной страсти, которая, будучи раздута и представлена въ иномъ свѣтѣ интриганами, и послужила поводомъ къ его заточенію.

Такимъ образомъ русская княжна и византійская севаста, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, собираетъ около себя лицъ, интересующихся чародѣйствомъ, и стоитъ въ центрѣ этого кружка. Не будетъ удивительнымъ, если мы скажемъ, что она уже въ 1122 г. могла пріѣхать въ Царьградъ *чародѣйкою*, принеся изъ Кіева всѣ задатки къ этого рода волхвованію. Чародѣйство при дворѣ Владиміра Мономаха! Несмотря на неожиданность такого представленія самый фактъ можетъ оказаться довольно правдоподобнымъ. Что на Руси было широко распространено чародѣйство, доказывается многими данными, собранными проф. Е. В. Пѣтуховымъ²⁾. Кромѣ того существуетъ еще слово «о лѣчащихъ болѣзни волхвованіемъ и наузъ», приписанное св. Іоанну Златоустому, но въ дѣйствительности, какъ кажется, сочиненное на Руси только подъ вліяніемъ Златоустова слова «о слабости и врачахъ»³⁾. Проповѣдникъ вооружается здѣсь противъ волхвовъ и волхвованія, находя чародѣйство богопротивнымъ дѣломъ. «Не идемъ,—говоритъ онъ,—ко врагамъ Божиимъ—къ волхвамъ и чародѣемъ: то врази Божіи суть. Лучше есть умерети, нежели ко врагомъ Божиимъ ити. Кое пособіе тѣло цѣлѣти, а душу губити? Кая обрѣтель здѣ мало пріяти утѣшенія, а онамо послану быти съ бѣсы въ вѣчный огонь?» Слово это дошло до насъ въ очень многихъ

1) Nicet. Choniât., I. 187—192 B.

2) Е. Пѣтуховъ. Серапіонъ Владимірскій. Спб. 1888, стр. 56 и сл.

3) Migne. Patr. gr., LXIII. 651—656.

спискахъ XVI вѣка¹⁾), но уже одинъ языкъ этого памятника говоритъ за то, что мы имѣемъ здѣсь дѣло со словомъ глубокой древности. Очевидно, что уже въ то старое время какъ на почвѣ Византіи, такъ и у насъ на Руси были проповѣдники, которые съ канонической точки зрѣнія обращали вниманіе на эту темную сторону невѣжества и вооружались противъ нея.

Византійскіе канонисты осудили севасту Зою, но снисходя къ другимъ ея добрымъ дѣламъ, смягчили свой приговоръ. И самъ имп. Мануилъ, повидимому, не любилъ чародѣевъ и преслѣдовалъ ихъ, какъ скоро заподозрѣвалъ ихъ въ покушеніи на его особу, примѣромъ чего можетъ служить Алексѣй Аксухъ. Можно думать, что Мануилъ не питалъ особеннаго почтенія къ Зоѣ Мстиславнѣ за то, что она слыла при дворѣ за чародѣйку. Но что онъ могъ сдѣлать по отношенію къ Алексѣю Аксуху, того не рѣшился сдѣлать въ отношеніи къ Зоѣ: отсутствіе прямыхъ уликъ, близость родства его съ севастою и нежеланіе портить своихъ отношеній съ Россіею могли дѣлать невозможнымъ крутой и рѣшительный шагъ императора при расправѣ съ севастою. Довольно было и того, что духовная власть осудила ея неканоническіе поступки.

О времени кончины Зои Мстиславны нѣтъ никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ, ибо сейчасъ приведенное извѣстіе Вальсамона о томъ, что Зоя умерла до патріаршества Льва (до 1134 г.), очевидно ошибочно. Но этотъ канонистъ, съ одной стороны напутавшій, съ другой—далъ нѣсколько указаній къ поправкѣ этого извѣстія. Во-первыхъ, говоря о чародѣйствѣ Зои, онъ замѣтилъ: *εἶδον ὑάρ τοῦτο, καὶ πραγμάτων ὡς ἑγὼνός*, «я видѣлъ это собственными глазами». Отсюда слѣдуетъ, что Θεодоръ Вальсамонъ еще засталъ Зою въ живыхъ и даже присутствовалъ во дворцѣ при ея смерти. Затѣмъ, говоря о супругѣ царя Алексѣя, онъ называетъ ее *μαχαρίτις*. Обыкновенное выраженіе *μαχαρίος* (блаженный, поэтично *μάχαρ*) примѣнялось къ усопшимъ духовнымъ лицамъ и святымъ; по отношенію къ умершимъ свѣтскимъ лицамъ царскаго рода употреблялось выраженіе *μάχαρ*. Но слово *μαχαρίτις* и *μαχαρίτις*, какъ это подмѣчено учеными, относится къ знат-

1) Рук. кн. П. П. Вяземскаго Q. CLXXVIII, XVI в., л. 255; Имп. Общ. Люб. Древ. Писм. Q. CCXXXVI, XVI в., л. 59 (нашего Описанія II. 361); Троицко-Сергіевой лавры № 208, XVI в., л. 14 об. (ср. у Пѣтухова, стр. 138); Прологъ, подъ 9-мъ марта (синод. изд. 1877 г. л. 17). Сокращеніе этого слова помѣщено въ Иамарагдѣ первой редакціи, составленной, какъ думаютъ, въ XIV вѣкѣ (В. Яковлевъ. Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Одесса 1893, стр. 22, 35, 93—94).

нымъ особамъ, умершимъ въ недавнее время¹⁾, и вполне соответствуетъ нашему понятію «покойный». Такимъ образомъ Вальсамонъ еще засталъ Зою въ живыхъ и затѣмъ говоритъ о ней какъ о недавно умершей. Мы имѣли бы тутъ хорошее указаніе на приблизительно время кончины севасты Зои, если бы опредѣленно знали, когда онъ написалъ комментарий къ канонамъ св. Василія Великаго. Однако о жизни его мы почти ничего не знаемъ. Какъ патріархъ Антиохійскій, онъ правилъ престоломъ съ 1186 по 1203 годъ, когда онъ вѣроятно и умеръ. Не имѣя въ рукахъ сколько-нибудь прочныхъ данныхъ, чтобы быть точнымъ въ этомъ темномъ вопросѣ, но удовлетворяя академическому любопытству, мы позволяемъ себѣ думать, что Зоя могла дожить до 65-лѣтняго возраста и умереть ок. 1172 года²⁾. Дочери ея въ это время было уже ок. 33 лѣтъ, она была, какъ сказано, уже замужемъ и имѣла двухъ дѣтей. Спѣшимъ оговориться, что эти разсужденія основаны, какъ видно, на очень шаткихъ предположеніяхъ, — но мы и не желаемъ придавать цифрѣ 65 хотя бы сколько-нибудь опредѣленнаго значенія.

Относительно практическихъ результатовъ разобраннаго здѣсь брака можно сказать немногое. Владиміръ Мономахъ и Мстиславъ, умѣвшіе заводить родственныя связи съ иностранными государствами³⁾, охотно, какъ надо думать, согласились породниться съ царствующимъ домомъ Комниновъ; этимъ путемъ Мстиславъ несомнѣнно усиливалъ авторитетъ своей власти между другими русскими князь-

1) Ср. Praef. ad. Cinnam. ed. Bonn. p. XXVI: «solent enim graeci viros potissimum illustres, qui hand item pridem decesserunt, τὸν μαχαρίτωνъ appellatione donare, ut ex Synesio et aliis constat: quemadmodum feminas nobiliores τὸν μαχαρίτωνъ; quam ultimam vocem usurpant idem Synesius epistola 44 et Pachymeres l. 4 c. 23».

2) Разъ мы допустимъ, что Вальсамонъ могъ умереть въ возрастѣ, среднимъ числомъ, 65 лѣтъ, мы тѣмъ самымъ должны допустить, что онъ могъ родиться ок. 1188 года. Когда онъ находился у одра умиравшей севасты Зои, во время ли своего патріаршества, или до него? Вѣроятнѣе предположить, что онъ находился въ Константинополѣ во дворцѣ до 1186 года, стало быть до этого времени умерла и Зоя. Но Вальсамонъ могъ быть во дворцѣ не моложе 20 лѣтъ, значить время смерти Зои должно быть приурочено къ 1158 — 1186 г. или, среднимъ числомъ, 1172 году. Итакъ изъ двухъ проблематичныхъ положеній: а) Зоя родилась ок. 1107 г., б) Зоя могла умереть ок. 1172 г., мы выводимъ новое: Зоя могла умереть въ возрастѣ 65 лѣтъ.

3) Одна дочь Мстислава, Мальфрида, была замужемъ за норвежскимъ королемъ Сигурдомъ, другая, Евфросинія, за венгерскимъ королемъ Гейзою, третья, не помѣнованная, за оботритскимъ королемъ Канутомъ (Кн. П. Долгоруковъ. Россійская родословная книга. Спб. 1854, стр. 129). Слѣдуетъ еще прибавить, что четвертая дочь его, Ксенія Мстиславна, была замужемъ за полоцкимъ княземъ Брячиславомъ Борисовичемъ, пятая за княземъ Ярославомъ Святополковичемъ (П. С. Р. Л. VII. 24 варіантъ 3).

ями. Считая теперь Царьградъ городомъ для себя не совсѣмъ чужимъ, онъ могъ завязывать съ нимъ разнообразныя сношенія и даже ссылатъ сюда непокорныхъ русскихъ князей—на смиреніе. У Комниновъ въ означенное время можно было поучиться идеѣ самодержавія, до которой еще не доросли многіе тогдашніе русскіе князья!

Резюме всего сказаннаго доселѣ, что можетъ отнынѣ занять мѣсто въ русской исторіи XII вѣка, передается въ очень немногихъ словахъ: Мономахъ и Мстиславъ, умѣвшіе заводить родственныя связи съ иностранными государствами, въ 1122 г. выдали свою внуку и дочь Добродѣю (Евпраксию?) замужъ за византійскаго царевича Алексѣя, старшаго сына имп. Калуюна Комнина и его соимператора. При бракосочетаніи и коронованіи Добродѣя была здѣсь переименована въ Зою и получила титулъ севасты и царицы. Отъ этого брака Зоя имѣла дочь, пережила своего супруга (+1142), занялась медициною и написала на греческомъ языкѣ цѣлый медицинскій трактатъ «*Ἀλειψμα*»; но передъ смертью (ок. 1172 г.) она обратилась къ колдунамъ и чародѣямъ, чѣмъ навлекла на себя осужденіе духовной власти. Канонистъ Феодоръ Вальсамонъ, лично ее видѣвшій на одрѣ послѣдней болѣзни, выразился о ней такъ, что она этимъ заслужила негодованіе со стороны церковныхъ каноновъ, но Господь Богъ облегчилъ это негодованіе за другія ея добрыя дѣла.

Хр. Лопаревъ.

Monodie de Nicéas Eugénianos sur Théodore Prodrome.

Comme tous les écrivains supérieurs, Théodore Prodrome rencontre, au cours de sa carrière littéraire, d'irréconciliables rivaux, mais il eut aussi de très chauds partisans, de fanatiques admirateurs. Parmi ces derniers et au premier rang se trouve Nicéas Eugénianos. Pour se consoler sans doute de la mort de son maître, Eugénianos composa, on le sait, son roman de Drosilla et Chariklès, où, en 3641 trimètres, il fait revivre avec plus ou moins de bonheur les personnages et la langue de Rhodanthe et Dosiklès, ce chef-d'œuvre de Prodrome, au dire des contemporains, le plus parfait modèle d'un genre littéraire fort goûté des Byzantins¹). Avant de se livrer à cette servile imitation, Eugénianos avait prononcé l'éloge de Prodrome dans une monodie, parvenue jusqu'à nous dans un seul manuscrit, l'Escorialensis Y. II. 10 fol. 296^v—300. Comptant trouver dans cette pièce quelques renseignements nouveaux sur Eugénianos ou sur son maître, j'ai prié M. G. Millet, professeur à la Sorbonne, de profiter d'une récente excursion scientifique faite par lui à l'Escorial pour en prendre une photographie. M. Millet, avec une obligeance dont les amis des études byzantines seront heureux de le remercier avec moi, ne tarda pas à me faire parvenir les photographies désirées; elles étaient si nettes et si bien venues que le texte d'Eugénianos a pu être établi avec une entière certitude, malgré la finesse de l'écriture et la multiplicité des abréviations.

Une première lecture de la pièce à peine achevée, j'ai éprouvé, je dois l'avouer, une amère déception. Au moment de nous retracer les derniers moments de Prodrome, le copiste s'est arrêté soudain, et,

---

1) K. Krumbacher, *Gesch. der byz. Litter.*, p. 763.

dans une note marginale, que les paléographes ont laissé inaperçue, il nous donne ce décevant conseil: ζήτει τὸ λείπον. Ce reste, qu'il nous invite à rechercher, le copiste inconnu ne le possédait sûrement pas lui-même; il a trop multiplié tout le long du discours la note admirative de σημειῶσαι pour s'interrompre, sans y être forcé, avant la fin du morceau. Dans ces conditions, valait-il la peine de publier un simple fragment? Assurément non, si l'on pouvait nourrir l'espoir de mettre la main sur un second manuscrit, où le texte nous serait conservé dans son intégrité. Mais ce manuscrit, s'il existe réellement, ne doit être connu que de Dieu ou de quelque moine athonite, et je n'apprendrai à personne que les secrets de l'Athos ne sont guère plus aisés à surprendre que ceux du ciel. Force nous est donc, en attendant une découverte fort problématique, de mettre au jour le seul fragment qui nous reste.

D'ailleurs, même tronquée, la pièce n'est pas sans valeur littéraire ni sans importance historique. Par la richesse du vocabulaire, Eugénianos ne le cède à personne, pas même à son maître. Quant au style, il est si parsemé de fleurs, si chargé d'allusions historiques ou mythologiques et d'expressions proverbiales, que l'on ne sait ce qu'il faut le plus admirer, de l'art du rhéteur ou de la science des auditeurs capables de le suivre, sinon de le subir. Ainsi le voulait le goût du temps. Ne nous en plaignons pas trop. Des pages comme celles d'Eugénianos sont la joie des chercheurs de proverbes.

Moins importante au point de vue historique, la monodie qui nous occupe présente pourtant un certain intérêt, même sous ce rapport. La vie de Théodore Prodrome offre, on le sait, d'inextricables problèmes, dont on n'a donné jusqu'ici aucune solution certaine ou simplement plausible. N'y a-t-il qu'un seul et même personnage du nom de Théodore Prodrome? Faut-il en compter plusieurs, et, dans cette hypothèse, quels rapports peuvent-ils avoir eus entre eux? Autant de questions plus faciles à poser qu'à élucider. Après les avoir examinées à l'exemple de M. Neumann et de bien d'autres, M. K. Krumbacher conclut sagement qu'elles ne peuvent être tirées au clair avant la publication intégrale des oeuvres de Prodrome et sans un examen minutieux du style, du vocabulaire et de la métrique¹⁾. Plus audacieux, M. G. Chatzidakis opère un premier dédoublement: reconnaissant à

---

1) Op. cit., p. 760.

Théodore Prodrome la paternité de la plupart des oeuvres qui portent son nom, il en attribue une partie à Hilarion Prodrome, moine au couvent de Philothée¹⁾. M. S. Papadémétriou admet, lui aussi, l'existence d'Hilarion Prodrome, ou plutôt d'Hilarion Ptochoprodrome; en outre, il distingue deux Théodore Prodrome, entre lesquels il distribue un peu au hasard l'héritage littéraire *prodromique*²⁾. Effrayé peut-être à la vue de tant de dissections, M. A. Papadopoulos-Kerameus, avec son assurance ordinaire, revient à l'unité: à ses yeux, il n'y a qu'un seul Prodrome écrivain³⁾.

Ce n'est point ici le lieu de résumer les arguments pour ou contre les dédoublements proposés. Mon seul but est de verser au débat, en les mettant en relief, les renseignements, bien maigres, hélas! que nous fournit Eugénianos.

Nul doute d'abord que le héros de notre monodie ne soit bien le maître d'Eugénianos: celui-ci se dit expressément son fils spirituel; il rappelle avec émotion en plus d'un endroit ses relations littéraires avec le maître et les éloges donnés par Prodrome aux essais poétiques de son élève.

Nul doute non plus que le Théodore Prodrome, maître d'Eugénianos, ne soit le grand Théodore Prodrome, l'homme au savoir encyclopédique, grammairien, rhéteur, philosophe, et, par dessus tout, poète sans égal, une *dixième muse*. Ce sont là les qualités littéraires spécialement rappelées dans la monodie. Eugénianos insiste longuement sur la *σχεδουργία*, dans laquelle Prodrome était passé maître. Après les explications de La Porte du Theil⁴⁾, déjà vieilles d'un siècle, il serait superflu de rechercher ce qu'est la *σχεδουργία*, non pas que l'érudit, dont je viens de citer le nom, ait dit le dernier mot sur la question, mais parce que personne, à ma connaissance du moins, n'a rien dit de mieux, et que je n'ai moi-même rien à y ajouter. Je crois cependant que ce mot doit s'entendre ici de la poésie en général, mais de la poésie, telle qu'on la pratiquait à l'époque de Prodrome, d'une poésie, où la difficulté vaincue occupait le premier rang, constituait le principal mérite, celui que l'on admirait de préférence.

1) Viz. Vremennik 4 (1897) 100—127; cf. Byz. Zeit. 6 (1897) 601—602.

2) Viz. Vrem. 5 (1898) 91—130; cf. Byz. Zeit. 8 (1899) 214—216.

3) Εἰς καὶ μόνος Θεόδωρος Πρόδρομος, Odessa, 1899, 18 p.; cf. Byz. Zeitschr. 10 (1901) 244—246.

4) Patr. Gr. t. 133, 1043—1047.

Grammairien, rhéteur, philosophe, poète enfin, le grand Théodore Prodrome fut tout cela. Avec ces titres littéraires, Eugénianos accorde à son maître toutes les qualités morales, toutes les vertus, mais en particulier la φιλοπτωχία, cette fleur de la charité, 460,3 sq.: ἥς (ἀγάπης) τὸ κράτιστον τὴν φιλοπτωχίαν ἐκ τῆς γραφῆς μεμαθήκαμεν, ἥς καὶ κατὰ-κρας ἐάλωσ καὶ οὐ μόνον πτωχοῖς ἀρήγειν τὰ δυνατά, etc. Pourquoi cette mention toute spéciale de la φιλοπτωχία? Parce que sans doute Prodrome dépensa libéralement sa fortune en faveur des pauvres. Mais le mot de φιλοπτωχία est encore susceptible d'une autre interprétation. On peut pratiquer cette vertu, quand on est très riche; elle s'impose également à vous, lorsque vous vous trouvez dans l'indigence. Au premier abord, on pourrait y voir une allusion discrète au surnom de Ptocho-Prodrome, donné parfois à Théodore. Mais M. Papadémétriou entend réserver exclusivement ce titre au second Théodore Prodrome et au moine Hilarion; M. Chatzidakis en agit de même, dès là qu'à ses yeux ce second Prodrome et Hilarion ne sont qu'un seul et même personnage. D'autre part, M. Kurtz trouve le texte d'Eugénianos trop vague, pour que l'on puisse y voir l'allusion que je croyais d'abord y avoir découverte. Il est d'ailleurs définitivement établi que les poèmes dits *manganien*¹⁾, où se révèle surtout le Ptocho-Prodrome, ne sont pas de notre Théodore Prodrome, mais bien d'un auteur anonyme contemporain.

Sans insister davantage sur un rapprochement trop osé, sinon de pure fantaisie, je voudrais du moins attirer l'attention du lecteur sur cette phrase d'Eugénianos, 460,4 sq.: ἀλλὰ καὶ συνεῖναι τούτοις (πτωχοῖς) βουλούμενος περὶ τὴν αὐλαίαν τῶν γηροκομουμένων ἔδου τὴν κατασχίνωσιν, et sur cette autre non moins suggestive, 460,10: σὲ δὲ ἀλλὰ δέον ἀστρατίας τοῦ λοιποῦ γραφέντα ἐκ προτανείου ἐπισιτίζεσθαι οὐ διὰ γῆρας, ἀλλὰ διὰ νόσον ἐπίμονον. Dépouillées de leur emphase oratoire, ces deux périodes nous apprennent, 1) que Théodore Prodrome, le maître d'Eugénianos, a passé les dernières années de sa vie dans un hospice de vieillards; 2) que cet hospice était un établissement impérial, ses pensionnaires y étant entretenus aux frais de l'Etat à l'égal des hôtes publics.

Or, de tous les établissements de ce genre dont s'enorgueillissait au XIIe siècle la capitale byzantine, nul ne répond mieux à toutes ces

1) Cf. Byz. Zeitschr. 10, 234—238. M. E. Kurtz se propose de donner très prochainement une édition des poèmes en discussion d'après le ms. de la Laurentienne.

conditions que l'hospice de Mangane. Et d'abord, qu'il y eût dans ce quartier un asile pour les vieillards, la chose n'est pas douteuse. Skylitzès nous en fournit un témoignage très précis: τὸ δὲ γὰρ ῥῆθ' ἐν μοναστήριον (τῶν Μαγγάνων) καὶ τὰ ἐν αὐτῷ γηροτροφεία καὶ αἱ ξενῶνες καὶ τὰ πτωχοτροφεία ἐπαίνων οὐκ ἀμοιροῦσι¹⁾. Le créateur de ces fondations *dignes d'éloge* était Constantin Monomaque (1042—1054).

Les établissements impériaux de Mangane, divisés en plusieurs sections suivant la nature des oeuvres de bienfaisance à exercer, formaient entre eux une sorte d'association, de syndicat, de *confrérie* (ἀδελφᾶτον), sous la direction d'un administrateur impérial (οἰκονόμος), chargé de pourvoir aux besoins de tous au moyen d'une caisse générale, dont il avait seul la gestion. Les choses ne se passent pas autrement de nos jours. Cet οἰκονόμος n'avait pas à consulter l'empereur pour l'admission des pensionnaires, pourvu que ceux-ci fussent dans les conditions requises: très âgés, pour entrer à l'hospice des vieillards; absolument indigents, pour être admis à l'asile des pauvres. S'agissait-il, au contraire, d'exceptions à faire, l'intervention de l'empereur s'imposait d'elle-même.

Les *Poèmes manganiens* nous initient à tous ces détails de procédure. Dans une première pièce, l'auteur anonyme formule sa demande; dans une seconde, il remercie l'empereur de la grâce obtenue; dans une troisième, il se plaint au même empereur des lenteurs de l'οἰκονόμος à exécuter les ordres impériaux; les deux dernières sont tout entières consacrées à chanter les libéralités de l'empereur. M. Papadémétriou a assigné à chacun de ces poèmes une date fort plausible. Quelques vers de l'un d'entre eux ont amené ce savant à placer avant l'an 1154 la mort de Théodore Prodrome. Ce sont ces mêmes vers, rapprochés du texte d'Eugénianos, qui autorisent à penser que l'hospice, où Théodore vint à mourir, n'est autre que celui de Mangane. Pour y être admis, Théodore avait dû, comme l'auteur anonyme, recourir à l'empereur, car il se trouvait dans un cas exceptionnel: οὐ διὰ γῆρας, dit Eugénianos, ἀλλὰ διὰ νόσον ἐπίμονον. Or, nulle part la maladie ne saurait tenir lieu de l'âge. La situation analogue de Théodore et de l'auteur anonyme, leur présence simultanée dans un même hospice, voilà, semble-t-il, plus qu'il n'en faut pour expliquer l'erreur d'attribution des poèmes manganiens.

---

1) Patr. Gr. 122, 840 B.

Un fait du moins reste acquis à l'histoire, c'est que le maître d'Eugénianos, l'illustre Théodore Prodrome, a achevé sa carrière dans un hospice de vieillards, où l'avait conduit une maladie opiniâtre. Ne nous fournirait-elle aucun autre renseignement, la monodie d'Eugénianos mériterait, pour ce seul détail, d'être tirée de l'oubli.

Le texte en est emprunté, je l'ai déjà dit, à l'*Escorialensis* Y. II. 10 fol. 296^v—300^r. On trouvera dans le *Catalogue des manuscrits grecs de la bibliothèque de l'Escorial*, publié par E. Miller¹⁾, une minutieuse description du contenu de ce manuscrit. La notice de Miller a été fort bien complétée par M. W. Regel, qui insiste particulièrement sur l'aspect extérieur et sur l'état primitif de ce précieux codex²⁾. Inutile de reproduire ici les renseignements fournis par ces deux excellents maîtres en paléographie.

L'écriture du manuscrit est excessivement fine. Elle a paru à Miller être du XIIIe siècle; M. W. Regel estime non sans raison qu'elle est plutôt du XIVe. Les abréviations sont très nombreuses, mais régulières. Sans que l'on puisse toujours en deviner le motif, le copiste a multiplié les lemnisques (on en rencontre cinq dans la seule monodie d'Eugénianos) et surtout la note admirative *σημειῶσαι*, réduite à sa plus simple expression: *σε^μ*; on ne la trouve pas moins de dix fois au cours de notre texte. Le iota est rarement souscrit, mais il l'est quelquefois, au moins dans les pages publiées ici, quoi qu'en ait dit M. W. Regel. La conjonction *οὐχ*, par suite d'une habitude dont on trouve encore aujourd'hui de nombreux exemples chez les Grecs, est toujours suivie de l'apostrophe: *οὐχ' οὕτως*, par exemple. De même, les mots composés sont arbitrairement divisés, *μηδὲ* au lieu de *μηδὲ*, comme aussi, mais beaucoup plus rarement, deux mots distincts sont réunis en un seul: *παραλύδιον* pour *παρά λυδιον*. A part ces quelques vétilles, l'orthographe est très correcte, et il serait à souhaiter que tous les textes byzantins nous fussent parvenus en aussi bon état.

M. Ed. Kurtz, dont les lecteurs de cette revue ont si souvent apprécié la finesse d'observation et l'impeccable critique, a bien voulu relire mon travail avant l'impression et me signaler certaines inadvertances dans le texte et quelques omissions dans le commentaire. Je

1) Paris, 1848, p. 200—218.

2) *Fontes rerum byzantinorum*, 1892, p. III—IV.

suis heureux de lui adresser à cette place mes plus vifs remerciements.

Cod. Escur. Y. II. 10. fol. 296^v.

+ Τοῦ Εὐγενειανοῦ κυροῦ Νικήτα μονωδία εἰς τὸν μακαριώτατον φιλόσοφον κυρὸν Θεόδωρον τὸν Πρόδρομον.

+ Ἄρτι πρῶτως χαρίτων γλῶσσαν σιγήσασαν καὶ σιγὴν οὐχ οἶαν
 πάλαι Πυθαγόρας ἐν πεντακύκλῳ περιφορᾷ τοῦ χρόνου σεσίγηκεν, ἐν ᾧ
 5 ἐξ ἄδου φοιτήσας τὰ δοκοῦντα προσδιαλέγοιτο, ἀλλὰ σιγὴν ἐσχάτην καὶ
 ἥς οὐδέπω λόγος ἔσται μετέκδοχος. ἄρτι πρῶτως ὀλβίαν γλῶτταν παυσα-
 μένην ὁρῶ πόλλας ἐτέρας οὕτω παυσαμένας ὑπερφωνήσασαν, γλῶτταν
 ἀσόφους σοφίζουσιν καὶ σοφοὺς κατατέρπουσαν, ἀμαθεῖς συνετιζουσιν καὶ
 λόγῳ πενομένους ὀλβίζουσιν καὶ γνωτοὺς ἀφθνήτῃ οἱ προσανέχοντας
 10 θέλγουσιν, οἰχομένους πενθοῦσαν, λυπουμένους παιδαγωγοῦσαν, ἀστηρίκ-
 τούς ἐδράζουσιν, σκηπτούχων νίκας ὑμνοῦσαν, εὐθυμοῦσι συγχαίρουσαν,
 ὀδυρομένοις συγκλαίουσαν καὶ πᾶσι πάντα γινομένην, ἵνα καὶ παρὰ πάν-
 των ὁ ταύτην πλάσας οὕτως ὑπερφυῇ μεγαλύνοιτο, καὶ νῦν οὐ τοὺς γνη-
 σίους μόνον μετὰ σιγὴν, ἀλλὰ καὶ τοὺς αὐτῇ βασκαίνοντας ζημιώσασαν
 15 — βελτίους γὰρ ἐγίνοντο καὶ οἶδε τῆς φθονομένης ἀκούοντες καὶ τῶν
 ἐκείνης χαρισμάτων μετέχοντες —, | γλῶτταν μένος πυρὸς ἀποπνέουσιν f. 297^v
 πολλῶ πλέον ἢ ἦν οἱ μῦθοι πλάττουσι χίμαιραν, καὶ ἦν σιγῶσαν ἐννοοῦντες
 τῷ τῆς ἀθυμίας ὑπὸν ἐναποδνήσκομεν, γλῶτταν μετὰ τῶν πυρίνων ἐκείνων
 ἱσταμένην γλωσσῶν καὶ φθεγγομένην ἀπόρρητα, ἥς καὶ πρὶν ἡδέως φθεγ-
 20 γομένης ἠκούομεν καὶ σιωπῶσης ἄρτι οὐκ ἀνεχόμεθα, ἥς προσεδοχᾶτο ὡς
 ὑετός τὸ ἀπόφθεγμα καὶ ὡς δρόσος ἡ καταβαίνουσα ἐπὶ τὰ ὄρη Σιών, ἥς
 ὑπὲρ μέλι καὶ κηρίον οἱ λόγοι καὶ ὀλβιώτεροι μᾶλλον ἢ αἱ χρυσαῖ πλινθί-
 δες, αἷς Κροῖσος ὁ Λυδὸς ἐδεξιοῦτο πάλαι τὸν κακάγγελον τρίποδα, γλῶτ-
 ταν ἡδέα ὑετίζουσιν ῥήματα τῶν χρυσῶν ψεκάδων ἀριζηλότερα, ἃς ἡ ξανθὴ

3 ἄρτι πρῶτως, début imité de Prologue, qui commence précisément de la même façon sa monodie sur Skylitzès, dont je publie le texte ailleurs. 4 Cf. Plut. Mor.

519 C: ἔταξε (Πυθαγόρας) τοῖς νέοις πενταστῇ σιωπῇ ἐχεμυδίαν προσαγορεύσας; Greg. Naz. Orat. 27, 10 et la note du commentateur Elie de Crète, Patr. Gr. 86, 897; Ritter-Preller, Historia philos. gr. ed. 7^a, p. 43. πεντακύκλῳ, mot étranger aux lexiques.

6 μετέκδοχος surmonté d'un lemnisque dans le cod., mais le mot est régulièrement formé et doit être ajouté aux lexiques. 10 Cf. Rom. 12, 15. 12 πᾶσι πάντα γινομένην, cf. I Cor. 9, 22. 16 μένος πυρὸς ἀποπνέουσιν, Iliad. 6, 182. 18—19 πυρίνων—γλωσσῶν, Act. 2, 3. 20—21 ὡς ὑετός, Ps. 72, 6. 21 ὡς δρόσος — Σιών, Ps. 133, 3. 22 ὑπὲρ μέλι καὶ κηρίον, Ps. 119, 11. 22—23 αἱ χρυσαῖ πλινθίδες — τρίποδα, allusion aux demi briques d'or offertes par Crésus à Delphes. Herod. I. 50—51. 24—2 ἡ ξανθὴ νεφέλη — γέννησιν. D'après la légende rhodienne, Jupiter aurait versé du haut du ciel, au moment de la naissance d'Athènes, une abondante pluie d'or. Philostr. Imag. 2, 27.

νεφέλη κατὰ τοὺς μύθους ἀπέσταξε τῆς Ἀθηνᾶς τιμῶσα τὴν παράληρον γέννησιν, γλώτταν ἐν στόμασι κεμένην πολλῶν καὶ ἥς ἡ σιωπὴ χεῖλη σοφῶν πρὸς οἰμωγὰς διεπέτασεν. ἔμοιγ' οὖν οὐδ' ἂν δέκα παρήσαν γλώσσαι κατὰ τὴν ποίησιν οὐδ' ἂν ὅλας ἱλιάδας κατελαιμάργησα καὶ ὅλον Ἑλικῶνα μετὰ μουσῶν ἐν στήθεσιν ἔφερον, τοιᾷσδε γλώττης ἀπεγλωττισάμην 8 αἶνον ἐπάξιον, ἥς οὐδὲ θρῆνον ἰσοστάσιον ἔλαχον. τὸ γὰρ ὅλον εἰπεῖν, χρυσὸν ὁ Μίδας καὶ τῆς τροφῆς προτιμᾷ, τὸν λευκὸν ὁ Περόζης βάρβαρος μάργαρον, τὸν Ἄπιν τιμῶσιν Αἰγύπτιοι, Ἀθηναῖοι τοὺς Κεκροπίδας, τὴν ἡδονὴν Ἐπακούρειοι· ἐγὼ δὲ καὶ τῶν τοῦ Λυδοῦ <προ>τιμῶμαι ταύτην καὶ τῆς τοῦ Γύγου σφενδόνης προτίθεμαι — οὐδὲ γὰρ Σόλωνα τοῦ Κροίσου πλοῦτος 10 ὑπεφενάχισεν ἀρετῆς οὐκ ἔχων κοινότητα· — ὅθεν καὶ ταύτης εἶχον δυσασπαστάτως μᾶλλον ἢ αἱ λεπάδες τῶν ὑφάλων πετρῶν.

Τί τὸ ἐπὶ τούτοις; πάντα καλὰ ἐν καιρῷ αὐτῶν, Σολομῶν φησιν ὁ σοφώτατος. θρήνου τοίνυν καιροῖς καὶ θρηνητέον ὡς μάλιστα. καὶ πῶς γὰρ λόγου καὶ σιωπῆς καιρὸν ἐπιστάμενος κατὰ τὴν τραγωδίαν οὐ τῆς 15 σιωπῆς τὸν λόγον ἄρτι προδείην καὶ λόγον τὸν γοερὸν, τὸν πένθιμον, τὸν πολὺδακρυν; καὶ οὕτως, ὦ τριπόδητε Πρόδρομοι· τίνα γὰρ ὑπὲρ σὲ κλαυστέον καὶ οἰμωγαῖς δεξιωτέον καὶ δάκρυσι, περὶ οὗ δηλαδὴ καὶ μόνου, ὡς πέπεισμαι, «μέγα ἄνθρωπος καὶ τίμιον ἀνὴρ» ἡ Σολομῶντος λύρα προεκελάδησεν; ἐχρῆν ἄρα με «πρόσθε θανεῖν ἢ ἔπειτα γενέσθαι», ἵνα τὸ 20 τοῦ Ἀσκραίου κατὰ καιρὸν ἀναφθέξωμαι· οὕτω γὰρ ἂν διετηρήθην τῶν ἐπὶ σοὶ κακῶν ἀδάης. ὡς νῦν ἐκεῖνο τὸ τοῦ Ἰώβ ἐπάδω νῦν ἐμαυτῷ· «τίς ἂν με θεῖη κατὰ μῆνα τῶν ἐμπροσθεν ἡμερῶν», ὅτε ἤγχι ὁ λύχνος τοῦ φωτὸς τῶν λόγων, ὁ Πρόδρομος; ὥσπερ γὰρ «εἰ τις ἀρετὴ καὶ εἰ τις ἔπαινος» κατὰ Παῦλον εἰπεῖν προσήρμωτέ σοι βιώσκοντι, οὕτως εἰ τις θρῆνος, 25 εἰ τις κλαυθμὸς θανόντι νῦν ἐπιτρέπει σοι. πάλαι μὲν Ἰσραὴλ εἰς πέτρας

8 οὐδ' ἂν — γλώσσαι, Hom. II. 2, 489. 4 ὅλον Ἑλικῶνα. Cf. les beaux vers d'Ovide, *Metam.* 8, 532—534. 5 ἀπογλωττίζομαι est nouveau dans le sens d'*exprimer*.

7 Sur la richesse proverbiale de Midas, cf. Pseudo-Diogen. 8, 53. ὁ Περόζης βάρβαρος, Péroze ou Béroze, roi de Perse, contemporain de Justinien, dont il est souvent question dans Procope; mais je n'ai trouvé mentionnée nulle part sa prédilection pour la *perle blanche*. 8 Ἄπιν cod. Cf. sur cet animal sacré Hérod. 2, 153, etc., Strab. 803, etc. Sur les descendants de Cécrops, voir Hérod. 8, 44 sq.; Apollod. 3, 14, 1; Pausan. 1, 26, 6. Sur la doctrine épicurienne du plaisir, cf. Epicur. ep. 3 ap. Diog. 10, 128, et de nombreux témoignages dans Ritter-Preller, op. cit. p. 386 sq. 9 τιμῶμαι cod.

10 Sur l'anneau de Gyges comme expression proverbiale, cf. Apostol. 15, 85. Sur le séjour de Solon auprès de Crésus, cf. Hérod. 1, 30—33. 11 ὑποφενάχιζω, *sédurre*, mot composé nouveau; le simple φενάχιζω est très fréquent. 13 πάντα — ἐν καιρῷ Eccl. 3, 11. 15 κατὰ τὴν τραγωδίαν, allusion sans doute à Euripid. Or. 638—639.

19 μέγα — ἀνὴρ, Prov. 20, 6. 20 πρόσθε — γενέσθαι, Hésiod. Op. 175. 22 Le double νῦν provient d'une inadvertance de l'auteur. 22—23 τίς ἂν — ἡμερῶν, Job, 29, 2.

24 εἰ τις — ἔπαινος, Phil. 4, 8. 26—1 ἐκ πέτρας — ἐδήλαζε, Deut. 32, 13.

μέλι ἐθήλαζε», Μωσέως τερατουργούντος καὶ δέψαν πιέζουσιν ἐργοντος·
 ἐμοὶ δὲ ἡ τοῦ τάφου σου πέτρα, καίτοι ποταμὸν ἡδυρρόαν ἐνδοθεν
 κρύπτουσα, ὑπερχειλῇ πικρίας σχύφον ἀντικρινᾷ ὀφείως θανατουργούντος
 καὶ ἐπὶ σοὶ ἅτε τοῦ φθόνου τὸν ἰὸν ἀκένωτον βρύνοντος. βαβαὶ πῶς ὁ καπ-
 5 νὸς τοῦ βίου τῆς ματαιότητος ἀφ' ἡμῶν καὶ σὲ τὴν νοητὴν ἐδίωξε μέλιτ-
 ταν; οἷον λύχνον ἐμοὶ ἐν νυκτὶ τῆς ἀθυμίας πυρσεύοντα τὰ πονηρὰ κατ-
 ἐσβησαν πνεύματα· καὶ νῦν «διὰ πυρὸς καὶ ὕδατος» ἔρχομαι, τῶν ὀδυνῶν
 καὶ τῶν δακρύων φημί, καὶ πρὸς ἀναψυχὴν οὐκ ἔστιν ὁ διεξάγων με. αἷς
 δώσει μοι πτέρυγας ὥστε περιστερᾶς καὶ πετασθήσομαι καὶ καταπαύσω»
 10 καὶ μόνου τοῦ πενθεῖν σε γενήσομαι, περιστερὰ περιηργυρωμένη τὰ πτίλα,
 κατάρχυσε τὰ μετάφρενα, καὶ οἰμῶξομαί σου τὴν ἀποπτέρωσιν καὶ κλαύ-
 σομαί σου τὴν ἀποchrύσωσιν; ὦ οἷον μέλι γλυκαῖνον φρένα καὶ νοῦν
 πετρίνῳ σίμβλῳ νῦν | ἐμπεπίστευσαι· οὐκ οἶδα ποίαις μηχαναῖς ἀποchrώ- f. 297
 μένος καὶ τίνας προτεινόμενος ἱγγας πυρεχβολοῦντά μοι τὸν σκέποντά σε
 15 λίθον ποιεῖς, καὶ ταῦτα φυσικὴν λαχόντα ψυχρότητα. δαυϊτικῆς κιθάρας
 δεῖται ἡ συμφορὰ πρῶην μὲν πραυνούσης πνεῦμα πνίγον Σαοῦλ, νῦν δὲ
 καταστροφεσομένης ἰσως τὸν ἐμπνίγοντά με σάλον τῶν θλίψεων. Ἱερεμίου
 τὸ πάθος δεῖται θρηνήσοντος καὶ μόλις ἀποκλαυσομένου ἀξιοπρεπῶς τὸ
 δυστύχημα. ὦ πάντα φθόνον ἔλκων εἰς ἑαυτὸν ἅτε καὶ παντὸς ἀγαθοῦ
 20 ταμείον γενόμενος — «πρὸς τὸν ἔχοντα τὸν φθόνον ἔρπειν» ἡ τραγωδία
 φησί —, πάντα δὲ φθόνον ἀποφυγών, οἷς τε αἰσθησιν ἔδωκας τῆς ἐνδον
 σου καλλονῆς καὶ οἷς διὰ τὸ ἦθος καὶ τὴν ἄλλην χάριν ἐκομίζου τὸν φί-
 λιον· ὦν ἐγὼ μεμνημένος τῇ μερίμνῃ μᾶλλον ἢ κηρὸς ἐν ἀνδραξὶ τήκομαι
 καὶ μου ἡ φωνὴ ἐπιλείπει καὶ ἡ γλῶσσα ἐπέχεται καὶ προπηδᾷ τοῦ λόγου
 25 τὰ δάκρυα καὶ γοεροῖς σε περιπτύσσομαι χεῖλεσι καὶ ὅλην τὴν καρδίαν
 ἐπὶ σοὶ διαρρήγνυμαι. ἐπλήγης, ὦ πεποθημένε, καιρίαν πληγὴν ἐξ ἀφανοῦς
 δυσμενοῦς, οἷαν ἐκεῖνος πλήττειν ἐπίσταται, καὶ ὁ μὲν Πρόδρομος ἄρτι
 νενέκρωσαι, ὁ Εὐγενειανὸς δὲ ἡμιθανὴς καθίσταμαι καὶ ἡμίτομος καὶ με-
 τὰ σὲ μηδὲ τὸ φῶς ὅρᾳν ἀνεχόμενος, ὅτι μου κατεῖδον τὸν θησαυρὸν εἰς
 80 ἀνδρακα προχωρήσαντα, ὃν ἐξεπληττόμην κατανοῶν οὐκ ἤττον ἢ Ὀδυσ-

2 En marge: σημείωσαι. 3 ἀντικρινᾷ, mot composé nouveau. Allusion aux ser-
 pents destructeurs, Num. 21, 6; Deuter. 8, 15. 4—5 ὁ καπνὸς — μέλιτταν, locution
 proverbiale. 7—8 διὰ πυρὸς — διεξάγων με, Ps. 66, 12. 8—9 τίς δώσει — καταπαύσω,
 Ps. 55, 7. 10—11 περιστερὰ — τὰ μετάφρενα, Ps. 68, 14. 11—12 ἀποπτέρωσιν, ἀπο-
 chrύσωσιν, deux mots étrangers aux lexiques. 13 πετρίνῳ σίμβλῳ, peut-être allusion
 à Deuter. 32, 13; Ps. 81, 17. 14 En marge deux fois σημείωσαι. 15—16 Cf. I, Reg.
 16, 23. 20 ἡ τραγωδία, Soph. Aj. 157. 23 κηρὸς — τήκομαι, expression proverbiale
 également usitée chez les auteurs profanes (Thesaurus, s. v. τήκω) et dans la Bible,
 par ex. Ps. 68, 3. 29 En marge: σημείωσαι. 29—30 τὸν θησαυρὸν εἰς ἀνδρακα, pro-
 verbe. Cf. Pseudo-Zenob. 2, 1; Ps.-Diogen. 1, 90, etc.

σεὺς τὸν Ἀλκινόου κῆπον ἐθαύμαζεν. ὡς καλοὶ σου οἱ τῶν λόγων λειμῶ-
 νες, φυτῆγομε μακάριε, ὡς συνεχεῖς αἱ νοστροφοὶ σου ὁπώραι καὶ ἀλλ-
 επάλληλοι, αἰ δαυνοῦσιν αἶι καὶ δὴ γηράσκουσιν οὐκ ἴσασιν, ἀλλὰ καὶ λήθης
 ὑπερπῆδῳσι βυθὸν καὶ χρόνου ῥέουσιν πεφεύγασιν· οὐς ἀκηράτους λειμῶνας
 περιεποτησάμην δὴ καὶ αὐτὸς καὶ ἀνθὴ ἐδρεψάμην χαρίεντα, εἰ καὶ νῦν δ
 αὐτῆς ἐν λειμῶνι κατὰ σκότον ἡλάσσομαι, ἐν οἷς καὶ λόγου ῥεῖθρον εἶδον
 χεόμενον τῆς περὶ τὴν Ἀττικὴν ἐπταστόμου Καλλιρρόης ὄντως πολυκρου-
 νότερον καὶ τοῦ λωτοῦ γεγευμένος ἐμίσουν τοῦ λοιποῦ τὴν μετάβασιν.
 «ἔξεχύθη ἡ χάρις ἐν χεῖλεσί σου», περισσόνδ' αὖ θεόδωρε· ὅθεν δὴ καὶ τὰ
 σά, ὅποια ἂν τις λέγοι, πονήματα ἐξ ἀκοῆς καὶ μόνης ὡς ἐξ ἐλσφαντίνων 10
 ὤμων οἱ Πελοπίδαι χαρακτηρίζονται· οἷς καὶ ὅταν ἐντύχω, πρὸς νοῦν λά-
 βω τῶν σειρηνείων μελισμάτων τὴν ἀποπέτρωσιν. τίς εὖστομος Λυσίας
 τοιαῦτα, τίς ἡχῆσει Δημοσθένους ἡχώ; τίς Γοργίου γοργογλωττία; τίς
 Ηροδότου γλυκύτης; ποῖα Ἰσοκράτους σειρήν; ὑπὲρ τὴν Ἀμφίονος κιδά-
 ραν· ὑπὲρ τὴν Ἀρίωνος λύραν· ὑπὲρ τοὺς Τιμοθέου αὐλοὺς. ἀλλὰ γὰρ — 15
 οἷον εἰπεῖν — ἐφθόνησάς μοι τῶν σῶν ὠραίων ψηγμάτων, χρυσόρρειδρε
 Πεκτωλὲ· πρὸς τάφον τοὺς χρυσαυγεῖς σου μετωχέτευσας βύακας· ἀπέ-
 κρυψας ἀπ' ἐμοῦ τὰς σὰς ἀκτῖνας, λύχνε πολύφωτε, ὡς ὑπὸ μόδιον τὸν
 τάφον τεθεῖς. καὶ μοι ἐναλλάξ τὸ τοῦ Παύλου λέγειν ἐπέρχεται· «ἡ ἡμέρα
 προέκοψεν, ἡ δὲ νύξ ἤγγικεν»· ὡς ἐν σκότει γὰρ τὸ ἀπὸ τοῦδε πορεύομαι. 20
 εἰ δὲ καὶ ἀφ' ἡμῶν ἐστάλης δολιχὴν ὁδὸν ἀργαλήν τε, ἀλλ' ἐγγίξει σοι ἡ
 καρδία μου καὶ τὸ μὲν σῶμα διέστηκε, τὸ δὲ πνεῦμα προσπεπαττάλευται
 καὶ ἄρτος ὁδύνης ἐμοὶ καὶ πόμα συγκρινώμενον δάκρυσι καὶ ἀπαναίνεται
 παρακληθῆναι μου ἡ ψυχὴ καὶ ἡ κοιλάς μου τῆς καρδίας — οἷον εἰπεῖν —
 λακωνικὴν ὑφίσταται μάστιγα.

25

1 Hom. Od. 7, 112 — 132. 6 αὐτῆς — ἡλάσσομαι, citation textuelle d'un vers d'Empédocle rapporté par Synésios, De provid. I, 1 = Patr. Gr. 66, 1218 A. Ce proverbe est ordinairement cité sous la forme αὐτῆς λόφος; cf. Pseudo-Diogen. 8, 10 et 1, 85, en note, Corpus paroemigr. graec. t. I, p. 215, t. II, p. 14. 7 τῆς — Καλλιρρόης, fontaine d'Athènes à qui les auteurs donnent tantôt neuf, tantôt douze bouches; ici, Eugénianos n'en signale que sept. Dans Καλλιρρόης il y a un ρ en surcharge dans le cod., mais de la même main. 8 τοῦ λωτοῦ — μετάβασιν, cf. Hom. Od. 1, 94. 9 ἐξεχύθη — χεῖλεσί σου, Ps. 45, 8. 11 On sait qu'Hermès, en rappelant Pélops à la vie, remplaça l'épaule qui lui manquait (Déméter l'avait mangée) par une épaule d'ivoire. Cf. Pindare, Olymp. 1, 86 sq. 12 ἀποπέτρωσις, mot nouveau. Sur le charme séducteur du chant des sirènes, cf. Hom. Od. 12, 39 sq., 158 sq. 13 Δημοσθένους ἡχώ. Cf. Anne Conn. Alexias, X, 2 (II. 58, 24 ed. Teubner): ἡχώ Δημοσθένους, ῥοῖος Πολέμωνος. Kurtz. 13 γοργογλωττία, mot nouveau à inscrire à côté de γοργιάζω. 14 Sur la légende d'Amphion, v. Apollon. Rh. 1, 740 et les schol.; sur Arion, Hérod. 1, 23, etc.; sur Timothée, Xénoph. Hellen. 5, 4, 63, etc. 18 ὑπὸ μόδιον, cf. Matth. 5, 15. 19 Rom. 13, 12. 21 δολιχὴν — ἀργαλήν τε, Hom. Od. 4, 398. 23 ἄρτος ὁδύνης, Ps. 127, 2. πόμα — δάκρυσι, Ps. 102, 10. 23 — 24 ἀπαναίνεται παρακληθῆναι, Ierem. 31, 15; Matth. 2, 18. 25 A Sparte, pour

Λύραν μὲν γὰρ Ὀρφείως μῦθος ψυχρολογῶν παράγει πάντων ἀλόγων
ζῶων φύσεως θελκτικὴν· ὁ ἐμὸς δὲ λόγος ἀληθεύων, οὐ μυθευόμενος παρ-
ίστησιν ὡς πᾶσαν ψυχὴν λαγικὴν τῆς σῆς μουσικῆς εὐλαύσω πρὸς ἔρωτα
καὶ πᾶσαν αἰοὴν κατεμελιτώσω καὶ | θείας κατεγοητεύσω ταῖς ἐν γένει. ὦφε- f. 298^r
5 λον πλήρες ἦν μοι τὸ στῆθος ὡς ἐκ μουσῶν Ὀμήρου, ὡς ἐκ νυμφῶν Σω-
κράτει, ὃ τὸ ὑμνεῖν ἐπῆλθε τὸν ἔρωτα, ἵνα σε κατὰ λόγον ἐξύμνησα· σὺ
γὰρ μούσας ὁμοῦ καὶ χάριτάς ὡς οὐδεὶς ἡρμόσω καὶ ἐκθύμως προσηται-
ρίσω καὶ παῖδας λόγους ἐξ ἐκείνων ἀπέτεκες ὠραιότερους Ἀδώνιδος καὶ
ὑμηττίου ἡδίωνας, οὓς ἐγὼ πολλάκις ἠγκαλιζόμεν καὶ ἐτίθουν ἐν γόνασι
10 καὶ χώραν μέσης μου καρδίας ἐδίδουν καὶ τῷ γεγεννηκότι ἐπηυχόμεν τὰ
λῶνα. οὐκ ἄρα σε θηλῆς ὀρρὸς ἐγαλούχησεν, οὐ μυελὸς ἐλάφων ἐδρέ-
ψατο, ἀλλὰ νέκταρος ἀπορρώξ καὶ μυελὸς — ὁ λέγουσι — μέλιτος. βαβαί
πῶς Ἄνυτοι κακοῦργοι ζῶσι καὶ Μέλητοι καὶ τῷ σοφῷ Σωκράτει παρετρίβη
τὸ φάρμακον καὶ Πλάτων τῇ πολέμῳ παραδέδοται καὶ Παλαμήδης λίθοις
15 βεβλημένος ἀπόλλυται; «ὡς ἀγαπητὰ τὰ σκηνώματά σου» ἦσαν ἐμοὶ
καὶ κόχλος πορφύραν κρύπτων ἀντικρυς ἐλογίζοντο ἢ ὅστρεον ἀτεχνῶς
συνεῖργον ἔνδον τὸν πολῦτιμον μάργαρον· καὶ μοι οὐ μόνον τὰς θύρας
τούτων ἀνεπετάννυες, ἀλλὰ καὶ ἡ καρδιακὴ σου πτύξ ἐπιφοιτῶντι προσαν-
ώγγυτο καὶ γλυκασμάτων ἀπῆλαυον, ὅσα μοι ἐξεκένουν τὰ λειριόεντα
20 χεῖλῃ σου· νῦν δὲ ἀλλὰ ὁ λαχὼν σε πολὺπικρος οἶκος ζητοῦντι μὲν εὐρί-
σκεται μοι κατὰ τὸ ἱερὸν εἰπεῖν εὐαγγέλιον, ἡκιστα δὲ καὶ χροῦντι διανοί-
γεται. καίτοι πόσα φῶτα κύκλῳ τοῦ οἴκου τούτου ἀστράπτουσι καὶ ψηλα-
φᾶται μὲν ἡ παραπολλυμένη δραχμή, ἐμφαίνεται δὲ οὐδαμοῦ συγκεχωσ-
μένη τῷ βάθει τῆς φθορᾶς καὶ τῆς σήψεως. ποῖαν οὖν συγκαλεσαμένην
25 φιλότητα χαρησομένην τε καὶ σκιρτήσουσαν, αὐτῆς φθινούσης καὶ μὴ

endurcir les jeunes gens à la souffrance, on les battait de verges devant l'autel de Diane. Pausan. 3, 16, 10. L'auteur fait sans doute allusion à cet usage.

4 καταμελιτῶσω cod., de καταμελιτῶω, mot nouveau, qu'il ne faudra pas confondre avec καταμελιτῶω; il y a dans le cod. un τ de trop, le mot ne pouvant être composé que de μελιτῶω et de κατὰ marquant augmentation. 12 νέκταρος ἀπορρώξ, cf. Hom. Od. 9, 859. Kurtz. μυελὸς μέλιτος, loc. proverb., Pseudo-Diogen. 6, 51; 8, 20; Apostol. 11, 82. 13 Anytos et Mélétos, les principaux accusateurs de Socrate. Plat. Apol. 2 sq. Eugénianos ne fait guère que copier ici son maître. Prodrôme avait dit, Migne, 188, 1387: Καὶ ζῇ Μέλιτος καὶ τελευτᾷ Σωκράτης... Καὶ τρίβεται μὲν φάρμακον τῷ γεννάδῃ· ὁ δ' Ἄνυτος πέφυγε... Voir aussi dans Lucien, Jup. conf. Kurtz. Μέλιτοι cod.

14 Suivant la légende, Platon, privé de sa liberté par Demys le Tyran, fut donné en présent à un Spartiate du nom de Pollis qui l'emmena à Egine pour le vendre. Diogen. L. 3, 19—20; cf. Diodore, 15, 7. D'après Pausanias (10, 81, 1), Palamède fut noyé, et Ajax lapidé. Toutefois, certains auteurs rapportent que Palamède fut également lapidé. Cf. Dictys 2, 15. Kurtz. 15 ὡς ἀγαπητὰ τὰ σκην. σου, Ps. 84, 2. En marge: σημείωσαι.

21 Matth. 7, 7.

23 Allusion à Luc., 15, 8. En marge: σημείωσαι. ὠραῖον ἔλον.

24—25 ποῖαν — χαρησομένην, allusion à Luc. 15, 9.

διδάσσης ὅλως ἐλπισμὸν ἀνευρέσεως; αἰμοὶ ὅτι ἐμακρύνθη ἡ παροικία μου» ἀπὸ σοῦ καὶ ὅτι κατὰ λόγον τέκνω σου χρηματίσαντι καὶ ἄρτον ἀγγέλου φαγόντι μοι — βραχὺ γάρ τι παρ' ἀγγέλου ἡλάττωσο — νῦν παρὰ τὴν τοῦ κυρίου φωνὴν τοιοῦδε ἄρα τάφου λίθον ἀντέδωκας. ὅθεν εἰ λαξευτὴς ἐτύγχανον ἐγώ γε καὶ πλήττειν ἔγων πέτρας κατὰ τέχνην καὶ δ : διαγράφειν πάθη τὰ πλήττοντα, τὴν τῶν μουσῶν ἐννεάδα τῷ λίθῳ τούτῳ ἐνελαξευσάμην δακρύουσαν καὶ τῇ δεκάτῃ μούσῃ ἐπικωκύουσαν ἐδεδίξα, ἐλιθοστρωσάμην δὲ σὺν αὐταῖς τὰς λόγου τέχνας καὶ ἐπιστήμας περιειμένας σχῆμα τὸ πενθικόν, εἰ γε τοῖς ἀψύχαις εἶχον ἐντιθέναι τὰ τοῖς ἐμψύχοις ἐπόμενα, ἐν' οὕτω καὶ ἐκ λίθου θρηῆνόν σου ἐκαινούργησα, μικροῦ 10 καὶ ἀνασπῆκτους φύσεις συγκινήσας εἰς δάκρυα.

τέτλαθι, κραδίη· καὶ κύντερον ἄλλο ποτ' ἔτλης,

τοῦτο θνησκόντων ἄλλων ἐμαυτῷ προσεφώνουν καὶ παρηγόρημα προσῆν τὸ ραψώδημα, ἀλλ' ἐπὶ σοὶ τὸ ἀκατάλληλον εὗρατο· μικροῦ γάρ καὶ σῶμα δίχα ψυχῆς μάλλον ἢ ἐμὲ σοῦ κεχωρισμένον ἐν ζῶσιν εἶναι πρόην ἐνόμι- 15 ζον, ἀλλ' ἦν ἐκεῖνο τῆς τραγωδίας ἄρα πανάληδες·

οὐκ ἔστιν οὐδὲν δεινὸν ὧδ' εἰπεῖν ἔπος

οὐδὲ πάθος οὐδὲ ξυμφορὰ θεήλατος,

ἣς οὐκ ἂν ἄραιτ' ἄχθος ἀνθρώπου φύσις.

ὅθεν καὶ πάντων κόρος τὸ ἔπος φησίν, ἐμοὶ δὲ οὔτε τῶν σῶν πλεονεκτε- 20 μάτων πάρος οὔτε νῦν σου τῶν θρηνημάτων κόρος ἐγγίνεται. ράνις, φασίν, ἐνδελεχοῦσα κοιλαίνει πέτραν, ἀλλ' εἰ καὶ αὐτὸς τὸν νεκρὸν μου σὲ λαβεῖν ἐξ ἀναστάσεως ἡλπίζον κατὰ τὰς γυναῖκας ἐκείνας, ὧν ὁ μέγας Παῦλός που μέμνηται, ἐκοίλανα ἂν σου τὴν τοῦ τάφου πέτραν τοῖς δάκρυσι μέχρι ε. 298^v τοῦ καὶ τὰ ἐνδον ἀνακαλυφθῆναι τοῖς ἐξωθεν. ὦμοι ἐγὼ | τί σοι προσεῖπω; 25 πῶς κατ' ἀξίαν θρηνήσω σε; τάξιν μὲν ὀμματόπλουτον ἐν οὐρανοῖς ἐμύθημεν, πρὸς δὲ καὶ τάξιν ἄλλην ἐξαπτέρυγον ἠνωτίσθημεν· ἐγὼ δὲ στόμασι πολλοῖς πλουτεῖν ἐβουλόμην εὐλόοις ὅλοις καὶ μουσικώτερον ἄδουσιν, ἐν' οὕτω σοὶ τὸν θρηῆνον εἰργαζόμεν πολυφωνότερον ἢ περιηχοῦντα τὰ πέρατα,

1 οἶμοι—παροικία μου, Ps. 120, 5. 2—3 ἄρτον ἀγγέλου φηγ. cf. Ps. 78, 25. En marge: σημείωσαι. βραχὺ—ἡλάττωσο, Ps. 8, 6. 4 Cf. Matth. 7, 9. 12 Hom. Od. 20, 18. 17—19 Eurip. Orest. 1—3. 20 τὸ ἔπος = Hom. II. 13, 686.

21—22 ράνις—πέτραν, proverb. Cf. Apostol. 15, 19. 22—23 τὸν νεκρὸν—ἐξ ἀναστάσεως, Hebr. 11, 35. 26 τ. ὀμματόπλουτος = les Chérubins; τ. ἐξαπτέρυγος = les Séraphins. Cf. H. Steph. Thesaurus, s. v. ἐξαπτέρυγος, πολυόφθαλμος. Aux mots πολυόφθαλμος et ὀμματόπλουτος, le sens de chérubin n'est pas donné par le Thesaurus; il faudra l'y ajouter 29 ἦ: καὶ cod. περιηχοῦντα τὰ πέρατα. D'après Platon, Républ. 10, 12, les plus élevées des sphères, celles dont la course est la plus rapide, font entendre un son plus éclatant et plus aigu que les autres. Voir aussi Cicéron, Songe de Scipion, 8.

ὅτι ὅπερ ἐν χοροῖς ἀστέρων ὁ χρυσάντουξ ἡλῖος φαίνεται, τοῦτο σὺ τοῖς
 λογεμπόροις ἐτύγχανες. ἰοὺ ἰοὺ ἰδοὺ καὶ ζάλης καιρὸς καὶ συμφορῶν ἐπ-
 αγριαίνει μοι θάλασσα, καὶ ποῦ λιμὴν ἐκεῖνος ὁ καταστορεννὺς μοι τὰ κύ-
 ματα; ἰδοὺ καιρὸς νυκτομαχίας ὀγκουμένους ἐν ὕδασι, καὶ ποῦ πυρὸς ὁ
 5 ποδηγῶν εἰς τόπον σωτήριον; ἰδοὺ καὶ πειρασμῶν με καταφλέγουσι καύ-
 σωνες, καὶ ποῦ τὸ δένδρον τὸ σκιάζον καὶ ἀναψύχον με; ἐμάκρυνας φυγα-
 δεύων καὶ ἠυλίσθης ἐν τάφῳ, φίλτατε Πρόδρομε· διέστης ἐξ ὀφθαλμῶν
 μου, ἀλλ' οὐκ ἀπέστης ἤδη καὶ τῆς καρδίας μου. ὡς εἶδε καὶ ταιαύτην
 ἐλαχον πλάσιν, ὡς ἐνδον καὶ τὸν τάφον εἰσδέξασθαι καὶ τάφος τάφου γενέσθαι
 10 ταῖς τῶν λίθων θίξεσι ψύχοντος τῶν στενάγμάτων τοὺς καύσωνας. «οἷ
 ὅστέων καρδιά αἰσθητικὴ καὶ ὁ προστιθεῖς, φησὶν, γνῶσιν προστίθῃσιν
 ἄλγημα». ἀμέλει καὶ αὐτὸς ἐννοῶν τὸν ἄνθρωπον φθίνοντα, ὅτε τοῦ ζῆν
 ἀντάξιος γένηται, τὴν αἰσθησιν ὡς σκώληκα τρέφω ὀστέων μου καὶ
 μυελῶν καθαπτόμενον καὶ παλαιστάς μου τὰς ἡμέρας τιθέμενον· καὶ
 15 ἄλλος ὁσημέραι λαμβάνω τοιόνδε προσδεχόμενος ἄκουσμα. ἐντεῦθεν
 μακρύνουσιν οἱ γνωστοί μου καὶ τοῦ ἀπαραιτήτου διίστανται καὶ
 κοιλάς ἐγὼ μονωδημάτων καὶ ταμεῖον ἐνταφίων λόγων καὶ ὀλολύ-
 ξεων, ὡς εἰς τοῦτο δῆθεν ἐκτοκευθεῖς, τὸ θρηνεῖν ἐν δάκρυσιν ὁμοῦ τε καὶ
 γράμμασι τὸ συγγενές μοι καὶ φίλιον· ἰδοὺ γὰρ καὶ σὲ τὸν κορυφαῖόν μου
 20 τῶν φίλων καὶ ἐκκριτον καὶ οὐ μὴ ἔχω βλέπειν ἀνθέτερον, τὸν ἐν γλυκε-
 ροῖς πολλάκις λόγοις δεξιωσάμενον, ἐμπίκοις ἀντιδεξιῶμαι θρηνήμασι,
 δύσφθογος κόραξ τὸν μουσικώτατον τέττιγα. οὕτως ἐγὼ μου τὴν καρδίαν
 ἐσκήληνα καὶ ἀτεχνῶς φαραωνῖτιν εἰργασάμην καὶ θείοις λόγοις ἄτεγκτον
 ἔδειξα· διό μοι καὶ βαρεῖται παραπέμπονται μάστιγες θεαρεστεῖν οὐκ ἐθέ-
 25 λοντι. «τείχη Σιών, κατὰγαγε ὡς χεიმάρρουν δάκρυα», ὁ πολυπενθὴς Ἱερε-
 μίας πάλαι παρεκελεύσατο τὴν Ἱερουσαλὴμ ὀδυρόμενος· τοῦτο καὶ γὰρ τῇ
 νεωτέρᾳ λέγω Σιών, τῇ βασιλίδι τῶν πόλεων, ζημιωθείσῃ σοφίας χρῆμα
 δάκρυα ἐπισπένδειν καὶ μακαρίζειν ὡς οἶόν τε· πᾶσα γὰρ ἐμὴ χαρμονὴ τῇ
 αὐτοχαρμονῇ σοι συντέθαπται καὶ τάφος ἀντικερδαίνει πᾶν μου τὸ ψυχα-
 80 γώγημα.

Ἄλλοι μὲν οὖν λογικῶν τεχνῶν καὶ ἐπιστημῶν εἰς κόρον ἀπήλαυσαν
 χρόνον καὶ πόνον παιδείας περὶ θανάτους εἰς τὸ ἀκρότατον καὶ ἀπὸ λογικῶν

10—11 σῆς — αἰσθητικῇ, Prov. 14, 80. 11—12 ὁ προστιθεῖς — ἄλγημα Eccl. 1, 18.
 13 σκώληκα—ὀστέων, Prov. 12, 4. 14 παλαιστάς—τιθέμενον, Ps. 29, 6. 16 μακρύνουσιν
 οἱ γνωστοί μου, cf. Ps. 88, 8. 18 ἐκτοκευθεῖς surmonté d'un lemnisque. ἐμπίκοις cod.
 La symétrie de la période et l'opposition à ἐν γλυκεροῖς appellerait plutôt ἐν πικροῖς.
 22—23 τὴν καρδίαν ἐσκήληνα, cf. Exod. 7, 22. 23 φαραωνῖτιν cod. 24 Allusion
 aux plaies d'Egypte, Exod. 7, 17 seqq. 25 τείχη — δάκρυα, Thren. 2, 18. 29 αὐτο-
 χαρμονή, la joie même, mot nouveau. 31 En marge: σημείωσαι.

σπερμάτων ἐγκυμανήσαντες, ὅμως οὐδένα λόγον ἀπέτεκεν τὴν φύσιν πρὸς τὸ τίκτεν σχόντες ἀντίρροπον. οἱ δὲ καὶ ἄκροισ χεῖλεσι τοῦ μέλιτος τῶν λόγων γευσάμενοι, τὴν στείραν φύσιν ἐκτιναξάμενοι οἱ μὲν εἰς ἑκατόν, οἱ δ' εἰς ἐξήκοντα ἢ καὶ τριάκοντα ἐξ ἑαυτῶν παντοίους λόγους ἀνέδωκαν, οἷους δὴ καὶ ἀνέδωκαν, τὴν φύσιν εὐγενέτειραν ἔχοντες, σφαλλομένην δὲ ἄρα περὶ τὴν τῶν τικτομένων ἔστιν ὅπου διάπλασιν. εἰσὶ δὲ οἱ καὶ ἀμφότερων ἐπέτυχον, μαθήσεώς τε καὶ φύσεως, ἀλλὰ φρενοβλαβεῖν ἐφωράθησαν καὶ τὰ ἄμικτα μὴ γινύοντες ἐξηλέγχθησαν συγχύσει καὶ τῇ μὴ πρὸς τὸ δέον φορᾷ τὰ πᾶν ἀτιμάσαντες. εἰ δὲ τινες πρὸς τοῖς εἰρημένοις δυσὶν ἀγαθοῖς καὶ τρίτου, τῆς τῶν φρενῶν ἀπήλαυσαν σταδερῆτος, ἐγέννησαν 10 μὲν ἐν ἀκεραιότητι, οὐ μέντοι γε καὶ παῖδας ὡραίους ἀστέρ' ὅπωρην ἑνα-
 1. 299^r λιγκίους, οἷους σὺ μυρίαὺς ἐξέφυσας πάντα τὰ κάλλιστα θεῶθεν | δεξάμε-
 νος, σοφίαν, φύσιν, φρόνησιν, λόγον, γέννησιν πεθνουμένην Καλλιόπῃ καὶ Χάρισι· πᾶσα γὰρ προδορμικὴ συγγραφὴ κατὰ τὴν ἁσματίζουσαν νύμφην «καλὴ ὡς ἡ σελήνη καὶ ἐκλεκτὴ ὡς ὁ ἥλιος» καὶ οἷον εἰπεῖν Ἀφροδίτῃ 15 μετὰ κροστοῦ τὸν ἔρωτα πνέουσα καὶ λόγων τοὺς ἐραστάς ἀπὸ ῥινός ἐφελ-
 κομένη τοῖς ἡδέσι καὶ κεχρηνότες περὶ ταύτην δεκνύουσα. καὶ τί μοι πρὸς Ἑλένην τὴν Λάκαιναν, Τρωάδες κόραι, καὶ τὴν Ἑλλάδα νεάνιδα; οὐχ αὐτῷ μαγνήτις λίθος ἔλκειν οἷον τὸν σίδηρον ὡς αἱ χρυσίτιδες σου τῶν λόγων φλέβες αἱ νῦν φραγεῖσθαι τὴν μολεβδίνην μου γλῶτταν πρὸς ἀπο- 20 θρήνησιν ἔλκουσι· τὸν βίον γὰρ ὑπεξῆεις — ὡς ἔειπε — σπουδαιότερον, ὅτι περὶ χαλκοῦς ἐξέφυσ χρόνους, ὧν χρυσὴ λογισμέ, καὶ ψηλαφητῶ καὶ βα-
 θυτάτῳ σκότει γεγένησαι, ἤλιε σοφίας καὶ γνώσεως, καὶ ὅταν — ὦ τῆς ἀκρισίας τοῦ νῦν καιροῦ — ἐν ἡ τμῇ κατὰ τὸν εἰπόντα ἡμῖν κακὸς ἦδὲ καὶ ἐσθλός. καίτοι οὐχ αὐτῷ Σόλων νομοθετῶν Ἀθήνας ὠφέλησεν οὐδὲ 25 γῆν Λοκρίδα λόγοις ὁ Ζάλευκος οὐδὲ Λυκοῦργος τὴν Σπάρτην αὐτῷ εὐερ-
 γετήσας κεκήρυκται, ὡς σὺ τὴν θρεψαμένην ἀνασσας πόλιν καὶ κατεκάλ-
 λυνας καὶ ὠφέλησας. ἐντεῦθεν ζυγοστατοῦμαι δῆθεν καὶ ταλαντεύομαι μετὰ σοῦ τῆς ἀρετῆς τῶν λόγων καὶ τῆς τοῦ ἡθους γλυκύτητος καὶ οὐχ ἔχω ποτέρας τούτων ἐπινεύσας βαρυολχίαν ἐνδείξομαι. καὶ γὰρ τῆς 30

3 ἐκτιναξάμενοι correction en interligne faite par le copiste au lieu de ἐξετιναξάντες, qu'il avait d'abord écrit. 4 Cf. Matth. 18, 8, 28. 5 εὐγενέτειραν est surmonté d'un lemnie dans le cod. 10 τρίτης cod.: τρίτου, seil. ἀγαθοῦ correction de Kurtz.

11 ἀστέρ' ὅπωρην ἑναλιγκίους, Hom. II. 5, 5. 15 καλὴ — ἥλιος, Cant. 6, 10. Ἀφροδίτῃ μετὰ κροστοῦ, Hom. II. 14. 214—217. 16 ἀπὸ ῥινός proverbe, par exemple, Nicetas Chon. Hist. 150, 8 et 418, 15 Bonn. Kurtz. 17 καὶ τί μοι — νεάνιδα, le sens de cette phrase, à cette place, ne paraît pas très clair; c'est sans doute une citation, peut-être d'Eschyle. Kurtz. 22—23 ψηλαφητῶ — σκότει, Esch. 10, 21. 24—25 ἐν ἡ — ἐσθλός: Hom. II. 9, 319. 25—26 Tout le monde connaît l'oeuvre de Solon et de Lycurgue; sur Zaleucos, cf. Aristote, Polit. 2, 9, 5.

τοὺς προφῆτας καὶ τὸν νόμον κρεμῶσης ἀγάπης ἐκκρεμῆς ὑπῆρχες ἐν
 ἅπασιν, εἰ μὴ τινες ἐξ ἑαυτῶν ἀντωκοδόμουν ἀντίφραγμα, ἥς τὸ κράτιστον
 τὴν φιλοπτωχίαν ἐκ τῆς γραφῆς μεμαθήκαμεν, ἥς καὶ κατάκρας ἐάλως
 καὶ οὐ μόνον πτωχοῖς ἀρήγειν τὰ δυνατά, ἀλλὰ καὶ συνέιναι τούτοις βου-
 5 λόμενος περὶ τὴν αὐλαίαν τῶν γηροκομουμένων ἔδου τὴν κατασκήνωσιν,
 σὺ καὶ χεὶρ ἐδείκνυστο βοηθός καὶ γλῶττα ὑπέρμαχος καὶ νοῦς σωτήριος
 καὶ λέων — ὁ φασι — μετὰ ξίφους ταῖς ἐνὶ τούτων τῶν ἀδελφῶν σου τῶν
 ἐλαχίστων ἐπεμβαίνειν ἐθέλουσιν. ἐνθεν τοι οὐδὲ αὐτοὶ τὰ χεῖλη ἐκώλυνον
 θεοκλυτοῦντες καὶ ποτνιώμενοι τὰς τῆς ζωῆς ἡμέρας γενέσθαι σοι ὡς τὰς
 10 ἡμέρας τοῦ οὐρανοῦ. σὲ δὲ ἀλλὰ δέον ἀστρατίας τοῦ λοιποῦ γραφέντα ἐκ
 πρυτανείου ἐπισιτίζεσθαι οὐ διὰ γῆρας, ἀλλὰ διὰ νόσον ἐπίμονον καὶ τὸν
 φασαϊκὸν φυτῶνα καρπίζεσθαι καὶ κατὰ τοὺς αἰτούς ἀνηβάσκειν καὶ κατὰ
 τοὺς ὄφεις εὐτυχεῖν τὸ ἀγήραον καὶ εἰ τί που ῥυσσῶδες ἦν ἀποξέεσθαι, αἱ
 βάσκανοι κῆρες παρὰ καιρὸν ἀπεκτόνασι τὸν λαλῆσαι ἡδύν, τὸν ἀκοῦσαι
 15 πρᾶν, τὸν ἐν καλοῖς ἐτέρων ἀφθονον νοῦν, τὸ τῆς πατρίδος καλλώπισμα
 καὶ τῶν εὐκλεεστέρων τὸ σεμνολόγημα, τὸν εἰς τὰ πέρατα τῆς οἰκουμένης
 τοὺς ἀειζῶους λόγους ἐκπέμφαντα, τὸν ἀγγίνουν, τὸν εὐπρόσιτον, τὸν
 χαρίεντα, τὸν οὐ λαλοῦντος τῶν σοφιστῶν ἀπεσιώπων οἱ γε κομψότατοι,
 τὸν τῆς γραμματικῆς γεγεννημένον τεχνωτὴν ἀκριβέστατον, τὸν τῆς ῥητο-
 20 ρικῆς πρῆστῆρας κεραυνούς ἀποπνέοντα, οἷους ἀπέπνευσαν πάλαι Πρόκλοι
 καὶ Πλάτωνες, τὸν τῆς φιλοσοφίας ἐν ὀλίγῳ τὴν ἀκρώρειαν φθάσαντα·
 μόλις ἐγὼ καὶ τὴν Αἰτναίαν φλόγα ποτὲ παραβαλεῖν τολμήσω τῇ γλώττῃ
 σου, εἰς ἣν ἐδελοντῆς Ἐμπεδοκλῆς ὁ τάλας ἐμπέπτωκεν. οὐχ οὕτως
 ὁ Αὐσίτης ἀστράκα τοὺς ἰχῶρας ἀπέξεεν, ὡς ἐγὼ δυσθυμίαν πᾶσαν τῆς
 25 ψυχῆς ἐξωστράκιζον, ὅτε σοι προσωμίλουν ἐνώπιος. ὡς Ὑμηττὸν σὲ περι-
 κελῆνώς ὠρώμην καὶ ὡς μάννα ὑετιζόμενον ἄνωθεν· οὕτω σε ὄλον γλυ-

1 Matth. 22, 40. 2—3 Gregor. Nazianz. Orat. 14, 5: ταύτης (ἀγάπης) τὸ κράτιστον εὐρίσκω φιλοπτωχίαν. 5 γηροκομουμένων cod: γηροκομουμένων correction de Kurtz.

7 λέων μετὰ ξίφους, proverbe. Cf. Append. Prov. 3, 61; Macar. 5, 54. 7—8 ἐνὶ τούτων—ἐλαχίστων, Matth. 10, 42. 8 οὐδὲν cod: οὐδὲ Kurtz. ἐκώλυνον, emprunt au Ps. 39 (40), 9: ἰδοὺ τὰ χεῖλη μου οὐ μὴ κωλύσω, dont le sens est évidemment: *je ne fermerai point ma bouche?* A la rigueur, on pourrait même laisser οὐδὲν avec le sens absolu de *plane nihil, nulla ratione*. La phrase revient à ceci: *aussi ne cessaient-ils de prier Dieu, le conjurant de prolonger les jours, etc.* Prodrôme emploie la même expression dans un passage signalé par Kurtz (Migne, 133, 1242). 9—10 ὡς τὰς ἡμέρας τοῦ οὐρανοῦ, Ps. 89, 29. 10 ἀστρατίαν cod: ἀστρατίας Kurtz. 10—11 ἐκ πρυτανείου, allusion à l'entretien au prytanée des pensionnaires de l'Etat. Cf. Platon, Apolog. c. 26. Kurtz. 12 κατὰ τ. ἀ. ἀνηβάσκειν, Ps. 103, 5. 15 ἐτέρων. Le cod. porte ἐτρ. sans la moindre finale. 23 Sur cette mort volontaire d'Empédocle, cf. Diogen. Laert. 8, 69; Horat. Ep. II. 3, 464. 24 ὁ Αὐσίτης, cf. Job. 2, 8. 25 ἐξωστράκιζον marqué d'un lemnieque dans le cod. Ὑμηττὸν, la fameuse montagne de l'Attique, prise ici pour le miel qu'elle produit.

κασμὸν ὁ ὑψηλὸς βραχίων ἐπλάσατο, δν — οἶμαι — πλέον ἐπὶ τῇ πλάσει
 σου τὰ τῶν ἀγγέλων ὑμνησάν τάγματα ἢ ὅτε οὐρανὸν ἐστερέου καὶ γῆν
 ἐχρωματούργει τοῖς ἀνδραῖ· τοιοῦτόν σε κόσμον ὁ πλάσας εἰς τὸν κόσμον
 ἐξήνεγκε, πολὺν τοῖς λόγοις, μέγαν ταῖς χάρισι, κέρας Ἀμαλθείας, χρύ-
 f. 299^v σιον θέρος, μῶλυ σωτήριον, | Πακτωλὸν χρυσορρόαν, Ἀρραβίαν εὐδαίμονα δ
 καὶ εἴ τι ἄλλο φέριστον ὄνομα. καὶ σὺ μὲν ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα· ἐγὼ δὲ
 μετὰ σέ καὶ τὰς χρονικὰς ἐκείνας ἡμέρας Τάνταλος μόνον ἄδλιος δύστη-
 νος, δειμαίνων πέτρον κορυφῆς τῆς σῆς ὑπερτέλλοντα ἢ μᾶλλον ὡς εἰκὸς
 ἀποστύγων τε καὶ βδελυττόμενος, ἢ τῆς πηγῆς τῶν λόγων ἐγγιστά πού
 παρὼν ἀντλεῖν οὐκ ἔχω καὶ τῷ δέψει πεφλόγισμαι. 10

Πρὸς μὲν οὖν τὰς λοιπὰς συνθήκας τῶν λόγων σου καὶ τὰς χαμαὶ
 βαίνουσας καὶ τὰς ὑποῦ γνωματευέτωσαν ἕτεροι ἐτέραις ταύτας παραλλη-
 λίζοντες καὶ δοῖεν — οἶμαι — τὴν νικῶσαν αὐταῖς, εἴ μὴ κόρας τὰς διακρι-
 τικὰς λημῶεν ἢ καὶ βαμβαίνοιεν· θανατοὶ γὰρ καὶ μετὰ πότμον τρυγόνος
 θαλαττίας· κέντρον, ὡς λέγεται. τὴν δὲ γε σχεδουργίαν ἐγὼ κρινῶ κατ' 15
 Ἀριστείδην καὶ Σόλωνα καὶ δὴ διαγινώσκω ταύτην πισεῖν ἀπὸ βηλοῦ θε-
 σπείσιοιο, οὐράνιον τι χρῆμα ταύτην ἀποφατινόμενος καὶ μηδενὶ τῶν κατὰ
 γῆν ραδίως παραβαλλόμενον, ἀλλ' ἐπίσης ἤλιον καὶ χοροῖς ἀστέρων ἐμοιγε
 θαυμαζόμενον καὶ οὐχ ἦττον ἢ οὗτοι τὸν παντουργὸν παρέχον ἀποθειάζε-
 σθαι. ταύτης τοὺς χαρακτῆρας καὶ τοὺς σχηματισμοὺς καὶ τὴν ἡδικήν καλ- 20
 λονήν καὶ τὸν ῥυθμὸν καὶ τὴν εὐμήχανον εὐαρμοσίαν καὶ ὄργια τὰ ὑπερ-
 φυῇ καὶ τὴν τεραστίαν πλοχὴν καὶ νοῦν τὸν ταῦτα πάντα προσκολλῶντά
 τε καὶ συμπλάττοντα οὐκ ἀφ' ἐτέρων ἔσγες μαθὼν· τίμη γάρ ποτε πρὸ τοῦ
 ἐμοῦ Ὀρφείως τοιαύτε φόρμιγξ ἐφεύρηται μικροῦ καὶ θῆρας καταμαλθάσ-
 σουσα; ἀλλὰ φρένες· αἱ σαὶ σχεδουργικὸν ἐποίησαν ὄργανον καὶ οἱ λογισ- 25

2 οὐρανὸν ἐστερέου, Ps. 33, 6. 4 κέρας Ἀμαλθείας, loc. proverb. Ps.-Zenob. 2, 48; Ps.-Diog. 1, 64; Plut. 2, 27, etc. 4—5 χρύσειον θέρος, loc. proverb., cf. Strabon, 6, 1, 15; Eustath. opusc. 251, 4; 302, 51. Kurtz. 5 μῶλυ σωτήριον, cf. Hom. Od. 10, 302—306.

7 En marge: σημείωσαι χρονικὰς ἡμέρας, i. e. *des jours heureux, dénis*, idée empruntée des Romains, chez qui le règne de Saturne (= Κρόνος) représente l'âge d'or; cf. Plut. Mor. p. 275 A. On disait de même: χρονικαὶ ἑορταί, les fêtes de Saturne. Kurtz. 8 δειμαίνων — ὑπερτέλλοντα. M. Kurtz me fait observer que notre auteur copie ici Grégoire de Naz. Orat. 2 contra Julianum, 38 = Patr. Gr. 35, 713 C. Mais Grégoire lui-même n'a fait que copier Euripide, Or. 6. D'après une tradition, exprimée pour la première fois dans les vers d'Archiloque, Tantale avait au-dessus de sa tête un rocher toujours prêt à tomber, perpétuelle menace de mort. Pausan. 10, 31, 11. Les mots τῆς σῆς paraissent bizarres au premier abord; mais, observe encore M. Kurtz, l'auteur désigne ici le tombeau de Prodrôme; bien qu'il se soit lui-même appelé Tantale. 10 Sur cet autre supplice de Tantale, cf. Hom. Od. 11, 581—587. 14 Au rapport d'Hésychius, le venin de la pastenade (τρυγών) est toujours mortel. Cf. Thesaurus, s. v. 15 En marge: σημείωσαι εἰς ἐπιτάφιον . . . . σῶφρονος; entre ἐπιτάφιον et σῶφρονος, mot inélégant, que l'on a d'ailleurs endommagé en rognant le m. 16 ἀπὸ βηλοῦ θεσπείσιοιο, Hom. Il. 1, 591.

μοί σου νοηματοουργόν ψαλτήριον ἤρμωσαν, θελξίνουσιν — ὡς εἶποιμ —
 μέλπηδρον, οὐκ ἐραχυνῶν, οὐ φθίνον, οὐκ ἀμειψοῦμενον, ἀλλ' ἐδλαστον
 ὁδαῖσι χρόνου τηρούμενον καὶ βυθῷ τῆς λήθης μὴ συγχωννύμενον, προσ-
 5 ἐτι καὶ τὴν μίμησιν ἐμφαῖνον ἀμήχανον καὶ τὸ κάλλος ἔχον ἀπερήγητον.
 5 μὴκέτι Προμηθεὺς ὑψαυχενεῖτω τῇ γυναικεὶ πλάσει μὴδ' ἐπιβρενθυέσθω
 τῷ ἐφευρέματι· ἐκεῖ μὲν γὰρ τὰ κρεῖττω καὶ τὰ φαῦλα κεκέρασται καὶ
 ἀναμίξ τὰ θέλγοντα καὶ τὰ δάκνοντα καὶ ἀφινθήν μέλι συμμέμικται· ἐν-
 ταῦθα δὲ αὐτοφυῇ τὰ χρηστά, ἀμέδεκτος ὁδύνης ἢ ἡδονῇ καὶ ἡ γλυκύτης
 ἀνόδαυτος. τί μοι τὰ πολλὰ; λόγῃ γνωρίζει τοὺς Σπαρτιάτας, τὸν Ἥρα-
 10 κλέα ἢ λεοντῇ, τὸν Ἀχιλλέα τὰ ὅπλα, σχέδη τὸν φέριστον Πρόδρομον.
 ταύτην τὴν ἱεράν καὶ ἀριστούργητον φόρμιγγά τινες τῶν δεξιῶν φορμίζειν
 μέλη τὰ σχεδικά μιμήσασθαι ἀπετόλμησαν, καὶ μέντοι λύρας ἰδίας ὑπὸ
 σοὶ καθηγητῇ τῆς τέχνης πηξάμενοι οὐκ ἀδοκίμως ἐφόρμισαν πλὴν ὅσα
 καὶ χελιδόνες πρὸς ἀηδόνα ἔσματα ἢ — εἰ δεῖ καὶ οὕτω παραδειγμα-
 15 τίσαι τὴν ἦτταν — παρὰ Λύδιον ἄρμα θέοντες ὤφθησαν· αἰτός γὰρ πτη-
 νῶν τῶν ἄλλων ὑψητετέστερος καὶ λέων παντοίων ζῶων ἐπικρατέστερος.
 ἀντεκελεύθη καὶ αὐτὸς πολλάκις καὶ τὴν ἐμὴν εἰς μέσσην παρεξηνεγκα
 φόρμιγγα οὐ πρὸς ἀηδόνα ἐρίζων ἀκοᾶς καταπλήττουσαν — μὴ οὕτω μα-
 νείην μὴδὲ τραπέην ἐκμετρήσαι τὰ κύματα —, ἀλλὰ πρὸς χελιδόνας,
 20 ἀλλὰ πρὸς κύκνους, ἀλλὰ πρὸς τέττιγας, ἵνα τι καὶ περιαιτισαίμην πρὸς
 εἶδοτα λέγων τάμα καὶ τάχα οὐδενός με τούτων ἀμουσώτερον οἱ κατακού-
 σαντες λέγουσι. καὶ ἀπείη μοι Νέμεσις μὴδ' ἐμπελάσοι Ἀδράστεια· τὰς
 γὰρ σὰς ἐπ' ἐμοὶ ψήφους ἴσως ἄλλοι καὶ παραγράφαιντο φιλίας οὐκ ἀκρι-
 βούς λόγου ταύτας αἰόμενοι. οὕτω σοὶ πεποιδότης καὶ ὄλαις ψήφοις ἐπι-
 25 βραβεύω τὴν λευκὴν καὶ χαρίεσσαν. τί γάρ μοι πρὸς τὴν σὴν μουσικὴν
 Ἀμφίονος κιθάρᾳ Θήβας περιτειχίζουσα καὶ Ἀρίωνος λύρα δελφίνων ἀκοᾶς
 γοητεύουσα, τὰ τοῖς ἀρχαίοις καὶ μυθοπλαστούμενα καὶ θρυλλούμενα; οὐκ

5 L'auteur attribue ici à Prométhée la création de la première femme, au lieu que la fable l'attribue ordinairement à Héphaestus. Hésiod. Od. 60. Les deux mythes, il est vrai, se compénètrent parfois au point de se confondre. Ainsi, M. Kurts me signale ces passages où la création de l'homme en général est attribuée à Prométhée: Apollodor. 1, 7, 1; Ovide, Metam. 1, 81; Horat. Od. 1, 16, 18. 10 λεοντῇ cod. 13 On s'attendrait à ἐφόρμιγγαν, de φορμίζω, radical φορμιγγ. Kurts. 15 παρὰ Λύδιον ἄρμα πιζός, prov. emprunté à Pind. fragm. 222; cf. Gregor. Naz. Orat. funebri in Basilium, c. 22 = Patr. Gr. 86, 525 A; Anne Comm., I 828, 17. Bonn. Kurts. 19 ἐκμετρήσαι τὰ κύματα, loc. proverb. Cf. Macar. 5, 48. 20 περιαιτισαίμην marqué d'un lemmisque dans le cod. 22 Cf. le prov. Νέμεσις Ἀδράστεια, Ps.-Zenob. 1, 30; Apostol. 1, 81. Kurts.

23—24 ἀκριβοὺς λόγους cod.: ἀκριβοὺς λόγους Kurts. 24—25 ἐπιβραβεύω τὴν λευκὴν loc. proverb. Macar. 5, 57; Apostol. 10, 62. 25—26 Sur la légende d'Amphion, v. Apollon. Rh. 1, 740 et les schol.; Horace, Ep. ad Pisones 394. Sur Arion, cf. Herod. 1, 23, etc.

27— οὐκ ἐγγίγεται — μείζων, Matth. 11, 11.

ἐγγήγερται ἐν γεννητοῖς γυναικῶν μείζων σου περὶ τὴν σχεδουργίαν, ἀκριβῶς ἀποφαίνομαι.

Ἄλλ' ὦ τοῦ πάθους· πῶς γὰρ τὴν τελευτὴν σου διηγησαίμην, φιλό-
ε 800² σοφε, ἀφιλόσοφος | τῷ πάθει σου ἐλεγχόμενος; ἐλύου μὲν φύσεως νόμῳ καὶ
ἀνέπνεις τὰ λοῖσθα καὶ τῆς ζωῆς ἀπερρήγνυσο καὶ χορὸς γνωστῶν περιει- δ
στήκει τὸν σκίμποδα ἀφοσιούμενός σοι τὰ προπεμπτήρια . . . .

---

6 En marge: ζήτει τὸ λεῖπον.

ОТДѢЛЪ II

1. КРИТИКА.

მ. ჯანაშვილი, მწერლობა მე — IX — X სსუკუბის [М. Джанашвили, Литература IX—X вѣковъ], Тифлисъ 1891, стр. 118—136: სსსწკუღსა წიგნო [Учебная книга].

Выписаннымъ заглавiемъ снабжены два приложенiя къ книгѣ того же автора ჯანაშვილი (Тифлисъ 1891). Ни одно изъ этихъ двухъ приложенiй не имѣетъ никакого по существу отношенiя къ содержанiю названной книги. Приложенiя эти представляютъ два различные памятника, изданные каждый «частично», по извѣстной Шатбердской рукописи (X в.). Настоящей рецензiею я хочу обратить вниманiе на памятникъ, отпечатанный подъ заглавiемъ *Учебная книга* въ качествѣ второго приложенiя: онъ имѣетъ значенiе для интересующихся текстомъ одного изъ сочиненiй Епифанiя Кипрскаго. Г. Дж. издалъ, какъ онъ предполагалъ, первую часть подлежащаго въ Шатбердской рукописи памятника.

Въ рукописи заглавiе выскоблено, и г. Дж. сочинилъ для памятника свое заглавiе სსსწკუღსა წიგნო *учебная книга*. Для г. Дж. совершенно ясно изъ писанiя, что авторъ этой «учебной книги» былъ грузинъ (стр. 118, прим.). На самомъ дѣлѣ въ памятникѣ имѣемъ переводъ Епифанiева труда *О мѣрахъ и вѣсахъ*. На греческомъ языкѣ этотъ трудъ, какъ извѣстно, дошелъ до насъ въ дефектномъ видѣ (Migne, PG, XLIII, стр. 237—294). Этотъ пробѣлъ удалось восполнить de Lagarde'у при посредствѣ сирiйскаго текста, который былъ имъ изданъ по двумъ рукописямъ, одна VII, другая IX вѣка (Veteris testamenti ab Origene recensiti fragmenta etc. Gottingae 1880, стр. 1—74, см. его же Symmicta, I, стр. 209—225, и II, стр. 149—216). Грузинскiй текстъ представляетъ особую версiю этого памятника. Для предварительнаго знакомства съ содержанiемъ и архитектурою грузинской версiи достаточно будетъ предложить слѣдующую сличительную съ греческимъ текстомъ таблицу.

грузинская версия	греческий текст, Migne, XLIII.
1 — 5 ¹). Заглавіе (дефектно).	—
6 — 27. Введеніе.	—
28 — 93. О твореніяхъ шести дней и седми- момъ днѣ.	гл. XXII, стр. 276 — 277 (объ алфавитѣ въ грече- скомъ короче).
94 — 105. Колѣна (Родословіе).	
105 — 118. Еврейскій алфавитъ (въ груз. съ названіями и начертаніями еврей- скими).	
119 — 145. Перечень 27 книгъ (евр., гебр. арам. назв.) по числу 22 буквъ, изъ коихъ 5 парныя.	гл. XXIII (до 280, 9 ^а).
146 — 224. Объясненіе этого дѣленія съ по- дробностями.	гл. XXIII, стр. 280, 9 ^а —12 ^а . гл. IV (но иная редакція).
225 — 274. О мѣрахъ «кест» и «мод».	гл. XXIII, стр. 280, 20 ^а —27. гл. XXIV (до 280, 21).
275 — 335. О дѣленіи Псалтыри.	гл. V (до 245, 9 ^а , но въ иной редакціи).
336 — 350. Общее разсужденіе объ изобра- женіи алфавита.	лишь кое что въ гл. VI.
351 — 413. Объ алфавитѣ греческомъ (зани- мствованіи его и усовершенство- ваніи).	—

За этимъ слѣдуетъ записъ писца въ три строки, въ которой онъ про-
ситъ молитвъ. Вся эта часть включительно съ записью и издана у г. Дж.
Изданіе сдѣлано въ общемъ точно, хотя дѣло не обошлось безъ такихъ
досадныхъ опечатокъ, какъ ḡḡḡḡ гишел вм. ḡḡḡḡ гимел (строка 107)
и 9^а leu вм. 13^а heu (ib.).

Издатель думаетъ, что прилегающій къ напечатанному имъ памятнику
текстъ составляетъ часть его. Это мало вѣроятно: 1) текстъ этотъ ни
въ одной версіи описаннаго произведенія Епифанія не имѣетъ соответ-
ствія, 2) въ настоящемъ видѣ онъ и не можетъ быть частью Епифа-
ніева (→ 403) труда, такъ какъ списокъ византійскихъ императоровъ
доходитъ до послѣдней четверти десятого вѣка, 3) въ самой рп. этотъ
текстъ, хотя не снабженъ особымъ заглавіемъ, но помѣщенъ особо (ме-
жду прочимъ отъ предшествующаго текста онъ отдѣленъ записью писца).

О содержаніи этого текста можно составить себѣ приблизительное
понятіе по предлагаемой таблицѣ. Это — родословныя и перечни, кое гдѣ
съ историческими свѣдѣніями.

1) Цифры указываютъ строки изданія г. Джанашивили.

247³, 12 — 248², 21. Патріархи (родословная съ Адама).

248², 22 — 249¹, 13. Судьи.

249¹, 16 — 251², 26. Цари со временъ плѣненія.

251², 26 — 252², 24. Персидскіе цари.

252², 25 — 253¹, 6. Александръ Македонскій.

253¹, 6 — ? Птоломеи.

Здѣсь отъ листа, образующаго двѣ страницы 253 и 254, отрѣзана половина, съ которою отпали конецъ списка Птоломеевъ и начало списка римскихъ императоровъ.

? — 255¹, 24. Римскіе императоры (включая Константина).

255¹, 26 — 255², 25. Византійскіе императоры (начиная съ Константина и кончая Іоанномъ Цимискіемъ).

Основной интересъ представляетъ трудъ Епифанія. Съ какаго языка онъ переведенъ, трудно сказать. Въ самомъ текстѣ нѣтъ фактовъ, говорящихъ въ пользу армянскаго происхожденія. Если же переводъ признать сдѣланнымъ непосредственно съ греческаго, то въ переводчикѣ надо предположить знаніе сирійскаго или еврейскаго языка, хотя бы элементарное, такъ какъ изъ греческаго текста онъ не могъ узнать, что буквы χ и ψ произносятся, первая $\chi = \delta$, вторая $\psi = \zeta$ (строка 110), какъ кстати транскрибировали эти буквы въ переводахъ съ сирійскаго и армяне ($\chi = \delta$, $\psi = \zeta$).

Переводъ можетъ быть сдѣланъ до X-го вѣка, и въ такомъ случаѣ нѣкоторыя орфографическія неослѣдовательности списка придется отнести на счетъ переписчика. Кстати, отмѣчу такую чудовищную форму направ. падежа какъ $\chi\psi\delta\zeta$ (вм. $\chi\psi\delta\zeta$) не въ самомъ трудѣ Епифанія, а въ прилежающемъ къ нему отрывкѣ (251¹, 7).

Н. Марр.

М. Джанашивили, *Драгоценные камни, ихъ названія и свойства*. (Изъ груз. сборника X вѣка). [Отд. оттискъ изъ Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, Тифлисъ 1898, XXIV, стр. 1—72].

Главную силу работы составляетъ грузинскій текстъ, изданный по извѣстной Шатбердской рукописи. Издана собственно первая часть памятника, представляющаго произведеніе Епифанія Кипрскаго, извѣстное подъ заглавіемъ *О двенадцати драгоценныхъ камняхъ*. Изданная часть памятника представлена съ вѣрностью къ завѣщанному грузинскому тексту по Шатбердскому списку. Хотя безукоризненнымъ изданіе текста не приходится признать¹⁾, но для предварительнаго знакомства съ па-

1) Лингвистъ во всякомъ случаѣ не можетъ довольствоваться подобнымъ изданіемъ. Для примѣра укажу, что въ одномъ столбцѣ на 7 стр. мнѣ пришлось констатировать шесть неоразимыхъ чтеній, отступленій отъ рукописи, помимо опечатокъ $\chi\psi\delta\zeta$ вм. $\chi\psi\delta\zeta$ (7, 5) и $\chi\psi\delta\zeta$ вм. $\chi\psi\delta\zeta$ (7, 5), именно: 1) $\chi\psi\delta\zeta$ вм. $\chi\psi\delta\zeta$ (7, 4), 2) $\chi\psi\delta\zeta$ вм. $\chi\psi\delta\zeta$ (7, 8), 3) $\chi\psi\delta\zeta$ вм. $\chi\psi\delta\zeta$ (7, 9), 4) $\chi\psi\delta\zeta$ вм. $\chi\psi\delta\zeta$ (7, 10), 5) $\chi\psi\delta\zeta$ вм. $\chi\psi\delta\zeta$ (7, 12) и 6) $\chi\psi\delta\zeta$ вм. $\chi\psi\delta\zeta$ (7, 26—27).

мянникомъ работы г. Джанашвили достаточно. Напечатать первую половину полностью, о нежданной половинѣ г. Джанашвили дать нѣкоторыя свѣдѣнія на стр. 6—8, съ приведеніемъ *in extenso* заключительной части. Уже по этимъ даннымъ можно было судить, съ какимъ видомъ памятника имѣемъ мы дѣло въ древне-грузинскомъ переводѣ. Какъ извѣстно, названный трудъ Епифанія дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ, краткой или сокращенной и пространной, которая предполагается болѣе древней. Пространная редакція на греческомъ не сохранилась. Она извѣстна по латинскому переводу, который и изданъ съ небольшимъ дефектомъ въ концѣ (Migne, PG, стр. 322—366). Грузинскій переводъ Шатбердскаго списка эту пространную редакцію и представляетъ. Непосредственное обслѣдованіе самой рукописи вполне подтверждаетъ это заключеніе. Только приходится дѣлать оговорку противъ размѣровъ второй части памятника, какъ они могутъ быть опредѣлены по описанію М. Джанашвили¹⁾. Въ началѣ онъ указываетъ (стр. 1), что нашъ памятникъ въ Шатбердской рукописи занимаетъ стр. 121—214, а затѣмъ говоритъ (стр. 5 и 6), что памятникъ «состоитъ изъ 83 страницъ убористаго» нинціального письма, и что первая его часть [цѣликомъ воспроизведенная въ настоящемъ изданіи] «съ предъ и послѣсловіемъ занимаетъ 23 страницы, а вторая — остальные 60 страницъ». Однако изъ этихъ 60 страницъ кое-что должно быть опущено и къ нимъ же кое-что должно быть прибавлено. Дѣло въ томъ, что въ Шатбердской рукописи страницы перепутаны, и если первая часть занимаетъ стр. 121—141, а конецъ второй части читается на 214 страницѣ, то это вовсе не значитъ, что въ этомъ промежуткѣ (141—214 стр.) имѣемъ вторую часть памятника. Слѣдующая таблица даетъ болѣе вѣрное представленіе о расположеніи второй части памятника въ Шатбердской рукописи:

стр. 141 ^{1,15} — 144 ^{2,27} :	Введеніе.	
	I. Сердоликъ	141 ^{1,24} — 142 ^{2,32}
	II. Топазъ (начало)	142 ^{2,23} — 144 ^{2,37}
+ стр. 97 ^{1,1} — 108 ^{2,27} :	II. Топазъ (конецъ)	97 ^{1,1} — 98 ^{1,38}
	III. Смарагдъ	98 ^{2,1} — 101 ^{1,3}
	IV. Яхонтъ	101 ^{1,3} — 107 ^{1,24}
	V. Сафиръ (начало)	107 ^{1,25} — 108 ^{2,27}
+ стр. 159 ^{1,1} — 214 :	V. Сафиръ (конецъ)	159 ^{1,1} — 159 ^{2,7}
	VI. Ясписъ	159 ^{2,7} — 163 ^{1,5}
	VII. Лигурій	163 ^{1,6} — 175 ^{2,27}

1) Въ этой подробности другіе описатели также не точны, см. напр. Тананшвили, *изъ древнихъ рукописей*, Тифлисъ 1890, стр. IV—V, но тѣ не занимались спеціально обезжидаемымъ памятникомъ.

2) Рукопись писана въ два столбца, кои и указываются соотвѣтственно цифрами 1 и 2. Цифры, отдѣленные запятою, указываютъ строки.

VIII. Агатъ	176 ¹ , ₁ — 180 ¹ , ₁₀
IX. Амеенсть	180 ¹ , ₁₁ — 181 ² , ₂₂
X. Порфиръ	181 ² , ₂₄ — 185 ² , ₆
XI. Берилъ	185 ² , ₇ — 196 ¹ , ₉
XII. Ониксъ	196 ¹ , ₁₀ — 214.

При такихъ размѣрахъ памятника, а также и планъ его вторая часть въ грузинскомъ переводѣ не можетъ представлять точнаго соотвѣтствія латинскаго текста. II, дѣйствительно, отличаясь въ первой части отъ латинской версiи лишь въ подробностяхъ, во второй части грузинская версiя представляетъ особую — болѣе обстоятельную — редакцію, повидимому, лучше сохранившую утраченный греческій подлинникъ.

Авторъ работы не зналъ, очевидно, указанныхъ подробностей, не зналъ, что грузинскій текстъ представляетъ редакцію, сохраненную, и то не вполне, латинскимъ переводомъ¹⁾, и такимъ образомъ при переводѣ на русскій языкъ былъ лишенъ прекраснаго подспорья для преодоленiя тѣхъ трудностей, которыя такъ обстоятельно описываетъ онъ самъ на страницѣ 17, прим.*

Имѣя передъ глазами латинскій текстъ, нельзя было затрудняться въ толкованiи *ზღვრის მასგადნი* (стр. 36): судя по латинскому соотвѣтствiю *Massagetae* мы въ немъ имѣемъ особую форму названiя массагетовъ, весьма близкую къ армянскому *Մասգետ* (*masqet*): *բ = q* окончанiе мн. ч., какъ *ბი* въ грузинской формѣ названiя.

Но независимо отъ латинскаго перевода, русскій переводъ г. Джанашивили могъ быть сдѣланъ лучше при твердомъ знанiи нормъ древне-грузинскаго языка: 1) слово *სამი* (стр. 22, в) значить *самъ, этотъ самъ*, какъ это извѣстно и г. Дж. (см. стр. 71), но въ переводѣ русскомъ оно передано черезъ *маттiйшiй*; 2) *საქმის* (стр. 22, вв), признанный Дж. *non liquet*, за одно съ армянскимъ *ճակրկեղ*, значить *соеклясица*, что извѣстно и г. Дж. (стр. 50): это слово встрѣчается, какъ указы-

1) Въ Предисловіи ко всему «Сборнику матеріаловъ», помѣщенномъ въ качествѣ редакціонной статьи, Лопатинскій говоритъ о существованiи греческаго сочиненiя и латинской «передѣлки», но опять таки безъ указанiя, какъ грузинскій текстъ относится къ нимъ. Кстати, по поводу этой части Предисловія приходится сдѣлать два замѣчанiя. «Изъ двухъ отдѣловъ этого памятника», читаемъ мы здѣсь (стр. I), «помѣщенъ въ грузинскомъ оригиналѣ и русскомъ переводѣ только первый, въ виду того интереса, который онъ представляетъ для изучающихъ древне-грузинскій языкъ». Изъ этого можно бы вывести, будто второй отдѣлъ менѣе интересенъ въ томъ же отношенiи, но это было бы невѣрно. Затѣмъ читаемъ, что «грузины познакомились съ греческой церковной литературою въ болѣе ранній періодъ, — на пять столѣтій столѣтiй раньше славянъ». У грузинъ, дѣйствительно, рано возникаетъ христіанская письменность, но когда возникаетъ непосредственное ихъ знакомство съ греческою литературою, это еще вопросъ. Въ частности затронутый тутъ же вопросъ о транскрипціи грузинами греческихъ словъ нельзя освѣщать безъ реальнаго знанiя весьма древнихъ литературныхъ общенiй сирійцевъ, армянъ и грузинъ.

ваетъ еще Орбелиани, Iер. 51, 20 [какимъ образомъ въ этомъ стихѣ и армянскій, и грузинскій переводъ имѣютъ это именно слово, объ этомъ въ другомъ мѣстѣ]; 3) ღაღბაგო (стр. 32, 18) вызываетъ въ г. Дж. сомнѣнiе: онъ предлагаетъ съ вопросомъ чтенiе ღაღბაგო, а въ русскомъ переводѣ удерживаетъ его безъ перевода (дайнагъ), между тѣмъ это слово есть одно съ армянскимъ *ղահանակ*, встрѣчающимся между прочимъ Бит. 2, 12; 4) քաջութი (стр. 26, 28), это армянское слово *խաչութիւն* ситий, въ частности, быть можетъ, и камень этого цвѣта; 5) քროჯღის ზღვისს (стр. 36, 18), переведенное черезъ *Перусскому морю*, вызываетъ крайнее недоумѣнiе: въ рукописи стоитъ քროჯღის ზღვისს, а քროჯღი значить *тыня* (ср. քროჯღი *испускаетъ тыню* Маркъ 9, 18, Лука 9, 39, քროჯღი Маркъ 9, 20), слѣдовательно вм. «Перусскому морю» надлежало перевести «морской пѣнѣ».

Переводъ сопровождается подстрочными примѣчанiями реальнаго и лингвистическаго характера. Въ концѣ рядъ приложенiй лингвистическаго содержанiя какъ по лексикѣ, такъ по грамматикѣ древне-грузинскаго языка. Здѣсь попадаютъ вѣрныя наблюденiя¹⁾, но предлагаемое освѣщенiе ихъ рѣдко можетъ быть принято. Значенiе буквъ ჯ, ჳ, ჴ, судя по 48, прим.*, очевидно, не извѣстно г. Дж. Слово Զաքարյան (стр. 40, 28 — 24, 42, 18, 46, 17) г. Дж. переводитъ вѣрно черезъ *царь*, но несостоятельно толкованiе его (стр. 41, прим.**), что «Զաքարյան» значить *лучъ, лучезарный*, и будто отсюда «въ переносномъ значенiи — царь, господинъ, повелитель». Զաքարյան *лучъ* тутъ ни при чемъ. Дѣло въ томъ, что Զաքարյան есть производное слово: при помощи суффикса յան, означающаго обладанiе чѣмъ либо, оно произведено отъ Զաքար *теница, корона*; слѣдовательно, Զաքարյան значить *тениценосецъ, царь*, какъ въ армянскомъ слово *Րազար*, производное отъ *Րազ* *теница, корона*, означаетъ *царя* [теперь см. объ этомъ словѣ Н. Марръ, Ипполитъ, Толкованiе пѣсни пѣсней, стр. LXX сл.].

Не лишены значенiя, въ качествѣ сырого матеріала, и свѣдѣнiя изъ грузинскихъ источниковъ о драгоценныхъ камняхъ, сгруппированныя Дж. въ предисловіи.

Нѣсколько неожиданнымъ является заявленiе (стр. 5), будто «изъ заглавія трактата [о двѣнадцати драгоценныхъ камняхъ] видно, что онъ переведенъ съ греческаго языка». Изъ заглавія ничего подобнаго не видно. Однако весьма вѣроятно, что переводъ сдѣланъ именно съ греческаго. Арменизмы въ текстѣ имѣются, но въ ограниченномъ числѣ, и при томъ изъ тѣхъ, кои были популяризованы древнимъ грузинскимъ

1) Между прочимъ здѣсь иногда вѣрнѣе объяснены слова, въ текстѣ переведенныя совершенно невѣрно, напр. ზღუდუკი (стр. 24, 24) по переводу (стр. 25, 22) означаетъ *близорукость*, а по словарю (стр. 70) *вскруженный, впаившій въ обморокъ*.

переводитъ Библію. Болѣе детальное изслѣдованіе грузинскаго перевода дастъ, конечно, окончательное рѣшеніе по этому вопросу. А такое изслѣдованіе рано или поздно непременно должно быть сдѣлано какъ въ интересахъ древне-грузинской литературы, такъ въ интересахъ изученія самого памятника, для критической обработки котораго грузинскій переводъ дастъ не мало матеріала. Работой, о которой здѣсь говорилось, въ этомъ отношеніи можно пользоваться лишь съ большою осторожностью. При томъ въ ней не издана какъ разъ наиболѣе любопытная часть грузинскаго текста.

Н. Маррѣ.

- 1) Friedrich Blass, *Grammatik des Neutestamentlichen Griechisch*. Göttingen. Vandenhoeck u. Ruprecht. 1896. XII+329 S. 8°.
- 2) Henricus Reinhold, *De graecitate patrum apostolicorum librorumque apocryphorum Novi Testamenti quaestiones grammaticae*. Halis Saxorum, M. Niemeyer. 1898. 113 S. 8°. (Dissertationes philologicae Halenses, vol. XIV pars I).

Грамматика греческаго языка Новаго Завѣта, составленная проф. Блассомъ, предназначена прежде всего, разумѣется, для богослововъ, съ цѣлью помочь имъ въ точномъ пониманіи св. Писанія; но она имѣетъ немалое значеніе и для каждаго, занимающагося византійскими текстами. Въ прежнія времена полагали, что греческій языкъ Новаго Завѣта представляетъ собою какое-то особое, отдѣльно стоящее нарѣчіе, а нынѣ, по возникновеніи историческаго языковѣдѣнія, уже проложенъ путь къ тому болѣе вѣрному воззрѣнію, что такъ-называемый библейскій греческій языкъ тождественъ съ тѣмъ нарѣчіемъ, которое во время евангелистовъ и апостоловъ господствовало вообще въ Египтѣ и Азіи въ обыкновенномъ быту людей, употреблявшихъ греческій языкъ. Кромѣ того, о какомъ-то специальномъ библейскомъ греческомъ языкѣ нельзя говорить уже по той причинѣ, что и между отдѣльными частями Св. Писанія по языку оказывается явная разнородность. Греческій языкъ Св. Писанія лишь одно звено въ историческомъ развитіи всего греческаго языка и, съ одной стороны, стоитъ въ тѣсной связи съ такъ-называемымъ общимъ нарѣчіемъ (ἡ κοινή), появившимся въ литературныхъ памятникахъ александрійскаго періода, а, съ другой, онъ во многихъ пунктахъ приближается къ господствовавшему среди простого народа говору, изъ котораго въ теченіе временъ преобразовался нынѣшній новогреческій языкъ.

Изъ этого видно, какую важность имѣетъ изученіе новозавѣтнаго греческаго языка и для критики византійскихъ текстовъ. Многія лексикографическія и синтаксическія особенности византійскихъ писателей, поражающія читателя, привыкшаго лишь къ аттическому нарѣчію классиковъ, встрѣчаются уже въ Новомъ Завѣтѣ. Поэтому разбираемая грамматика, предпринятая однимъ изъ выдающихся филологовъ нашего вре-

мени и большимъ знатокомъ греческаго языка, свѣдущимъ во всѣхъ по-
собіяхъ и результатахъ новѣйшаго языковѣдѣнія, заслуживаетъ особаго
уваженія, и несомнѣнно сдѣлается необходимою настольною книгою для
всѣхъ занимающихся византійскою письменностью ученыхъ.

Грамматика Бласса, слѣдуя обыкновенному систематическому порядку
учебниковъ, даетъ обширное собраніе разныхъ грамматическихъ подроб-
ностей, при чемъ вообще предполагается знакомство съ аттическимъ
нарѣчіемъ, а отступающія отъ него и нововведенныя формы и конст-
рукціи тщательно разбираются и наглядно выставляются. Одна четверть
всего текста (71 стр.) относится къ морфологіи и этимологіи, а прочія
три четверти обнимаютъ собою синтаксисъ. Объ отдѣльныхъ, болѣе или
менѣе интересныхъ грамматическихъ правилахъ мы не распространимъ
здѣсь, а ограничимся нѣкоторыми общими, характеризующими новую
грамматику, замѣчаниями. Строго филологическое направленіе составителя
грамматики обнаруживается и въ томъ, что онъ не удовлетворяется
формами, имѣющимися въ лучшихъ изданіяхъ Новаго Завѣта, но вездѣ,
гдѣ оказывается потребность, приводитъ и интересные для языковѣда
варианты той или другой рукописи. Далѣе, Блассъ мѣстами сообщаетъ и
весьма тонкія наблюденія относительно различной степени образован-
ности, встрѣчаемой у разныхъ писателей Новаго Завѣта, и даетъ инте-
ресную характеристику, свойственнаго каждому изъ нихъ слога. Да, за-
мѣтно, какъ и указываетъ Блассъ, что одинъ и тотъ же писатель ино-
гда перемѣняетъ свой образъ выраженія, принимая въ соображеніе пу-
блику, предъ которой онъ говоритъ; такъ, напр., апостолъ Павелъ, за-
щищаясь предъ Агриппою (Дѣян. апост. гл. 26), употребляетъ рядъ
словъ, принадлежащихъ къ чисто-литературному языку, и, равнымъ об-
разомъ, обращаясь къ своимъ ученикамъ, пользуется болѣе высокимъ
слогомъ и менѣе вульгарнымъ языкомъ, чѣмъ въ письмахъ, обращен-
ныхъ имъ ко всему христіанскому народу. Иногда Блассъ, говоря о томъ
или другомъ вульгаризмѣ новозавѣтныхъ писателей, приводитъ и сход-
ные примѣры изъ египетскихъ папирусовъ эллинистической эпохи; и
можно надѣяться, что во второмъ изданіи разбираемой грамматики, ко-
торое, безъ сомнѣнія, не долго заставитъ себя ждать, авторъ еще болѣе
обратитъ вниманіе на эти важные для изученія народнаго языка тѣхъ
временъ документы, число коихъ день-ото-дня все еще увеличивается.

Сочиненіе, заглавіе котораго мы въ заголовкѣ выписали на второмъ
мѣстѣ, представляетъ собою важное дополненіе къ грамматикѣ Бласса.
Уже Блассъ почерпанный имъ изъ писателей Новаго Завѣта граммати-
ческій матеріалъ расширилъ присоединеніемъ нѣкоторыхъ другихъ тек-
стовъ того же времени и характера; онъ просмотрѣлъ также посланіе
Варнавы, сочиненіе Гермавъ (Pastor Hermæ), два посланія Климента и
Homiliae XX Clementis. Рейнгольдъ же подвинулъ эту работу значи-
тельно впередъ, и впервые поставилъ себѣ задачею разбирать въ грам-
матическомъ отношеніи длинный рядъ памятниковъ христіанской лите-

ратуры, которые, по времени своего происхожденія, ближе всего стоятъ къ Новому Завету и имѣютъ большое значеніе для разъясненія развитія греческаго языка, такъ какъ они составляютъ остатки древнѣйшей христіанской литературы, предназначенной для малообразованной массы народа и отчасти отреченной уже тогдашними представителями официальной Церкви, вслѣдствіе болѣе или менѣе ясно выражающагося въ ней еретическаго направленія.

Разбираются въ сочиненіи Рейнгольда, по отношенію къ грамматикѣ, слѣдующія сочиненія: 1) апостольскіе отцы, въ разрядъ комъ включено и такъ-называемое поученіе XII-ти апостоловъ (*Διδαχὴ τῶν ἀποστόλων*), всего 15 произведеній восьми авторовъ; 2) апокрифическія дѣянія апостоловъ, къ которымъ прибавлены рѣчи Климента (*Homiliae Clementis*), всего 20 текстовъ; 3) апокрифическія евангелія (9 текстовъ) и 4) апокрифическія откровенія (6 текстовъ). Большая часть этихъ 50-ти произведеній, конечно, лишь незначительнаго объема, но всё вмѣстѣ представляютъ богатый матеріалъ, знакомящій насъ со многими интересными подробностями греческаго языка, бывшаго въ ходу въ первыя столѣтія христіанской эры. При перечисленіи отдѣльныхъ текстовъ Рейнгольдъ совokuпляетъ и краткія данныя о времени, въ которомъ возникъ каждый текстъ, о рукописяхъ, въ которыхъ тексты дошли до насъ, и о важнѣйшихъ изданіяхъ ихъ. Кромѣ того, Рейнгольдъ даетъ и краткую характеристику языка, употребленнаго отдѣльными авторами, которыхъ, по его мнѣнію, можно подраздѣлить на четыре группы: первая группа по возможности старается придерживаться аттическаго образца; вторая представляетъ обыденный простонародный языкъ; третья стоитъ еще на болѣе низкой степени грамматической образованности, а четвертая приближается къ искусственному литературному языку, обычному у византійцевъ слѣдующихъ вѣковъ. Впрочемъ, было бы проще соединить вторую и третью группы въ одну, такъ какъ народность языка въ нихъ общая, и опредѣленіе рѣзкихъ предѣловъ тутъ невозможно.

Тщательно собранный матеріалъ излагается авторомъ въ пяти главахъ въ томъ же порядкѣ, который соблюденъ и Блассомъ. При этомъ главное вниманіе обращается на фонетику и этимологию; синтаксическіе же вопросы, значеніе словъ и, вообще, слогъ писателей стоятъ у Рейнгольда на заднемъ планѣ. Жаль только, что Рейнгольдъ не прибавилъ въ концѣ сочиненія алфавитный списокъ словамъ, о которыхъ говорится на предыдущихъ страницахъ.

Упомянемъ, наконецъ, еще о предположеніяхъ Рейнгольда (во введеніи на стр. 11—14) относительно вопроса, какъ издатель тѣхъ текстовъ, въ которыхъ обнаруживается отклоненіе отъ обыкновеннаго литературнаго языка и болѣе или менѣе очевидная склонность къ протонароднымъ выраженіямъ и формамъ, долженъ относиться къ чтеніямъ и особенно къ орографіи рукописей, списанныхъ, какъ извѣстно, часто весьма необразованными людьми, и по какимъ соображеніямъ приходится

тутъ отличать вульгаризмы самого писателя отъ ошибокъ писцовъ. Возвръщенія, высказанныя относительно этого Рейнгольдомъ, которыя согласуются и съ мнѣніемъ Бласса (стр. 7,2), вполне достойны одобренія, и было бы желательно, если издатели византійскихъ такого рода текстовъ вездѣ руководствовались бы изложенными Рейнгольдомъ принципами — въ пользу опрятности издаваемыхъ ими текстовъ.

Э. Курцъ.

Г. Рига.

Alb. Thumb, *Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus. Beiträge zur Geschichte und Beurteilung der Κοινή*. Strassburg. 1901. 275 стр. 8°.

Книга, заглавіе коей нами выписано, представляетъ серьезный шагъ впередъ въ изученіи вопроса, не только въ высшей степени важнаго въ исторіи греческаго языка, но имѣющаго также существенное значеніе въ исторіи распространенія еллинской культуры по всему цивилизованному міру съ эпохи завоеваній Александра Вел., потому что, по справедливому замѣчанію автора (S. 107), въ числѣ факторовъ народной психологіи языкъ является однимъ изъ важнѣйшихъ мѣрилъ внутренней силы культуры и націи.

Тотъ восьмивѣковой періодъ, который авторъ, вслѣдъ за другими изслѣдователями, опредѣляетъ, какъ періодъ развитія κοινή въ его характерныхъ чертахъ, періодъ отъ 300-го года до Р. X. приблизительно до 500-го года по Р. X., является особенно многозначительнымъ въ исторіи эволюціи греческаго языка, приводящей къ той его фазѣ, какую мы опредѣляемъ названіемъ новогреческаго.

Исторія этого періода стала возможна лишь въ самое послѣднее время, когда къ матеріалу эпиграфическому присоединился богатѣйшій языковой матеріалъ папирусовъ еллинистической эпохи. Языкъ папирусовъ бросилъ яркій свѣтъ на процессъ преобразованія языка. Въ особенности важно было, что языкъ перевода 70-ти и языкъ авторовъ Новаго Завета получилъ теперь свое мѣсто въ общей исторіи еллинистическаго языка и что міражъ какого-то особаго отъ живого языка книжнаго языка Священной письменности, гдѣ признавалось въ широкихъ размѣрахъ вліяніе иностранныхъ языковъ (еврейскаго, латинскаго), разсѣялся предъ лицомъ фактовъ, содержащихся въ надписяхъ и папирусахъ.

Какъ послѣдняя стадія развитія, новогреческій языкъ съ его діалектами, возникшими уже на почвѣ κοινή, послѣ того какъ діалекты древнегреческаго языка, за однимъ исключеніемъ (законскій діалектъ въ горахъ древней Лаконіи), были смыты почти безъ слѣда всепоглощающимъ потокомъ мірового языка, еще отражаетъ въ себѣ тѣ процессы въ области фонетики и морфологіи, какіе совершались въ упомянутый періодъ.

Вотъ въ виду этого послѣдняго обстоятельства нельзя не порадоваться, что за рѣшеніе проблемы первостепенной важности въ исторіи

греческаго языка, сущности и образованія *κοινῆς*, взялось лице, столь основательно знакомое съ новогреческимъ языкомъ, изучавшее на мѣстѣ его разнообразныя діалекты (срв. указанія на это и въ данной книгѣ, напр., S. 19, S. 21 fg. S. 90, S. 190, S. 192 и т. под.), какъ Альбертъ Тумбъ, авторъ превосходной научной грамматики новогреческаго языка, съ подборомъ діалектическихъ текстовъ (*Handbuch der neugriech. Volkssprache, Grammatik, Texte, Glossar. Strassburg. 1895*). Еще одно качество автора, какъ ученаго, особенно неоцѣнимое тамъ, гдѣ дѣло касается вопросовъ, можно сказать, *χρῆς καὶ πρῶτην* поставленныхъ на научную почву, слѣдуетъ отмѣтить здѣсь — чрезвычайную осторожность его въ выводахъ и аргументаціи. Не станемъ уже говорить о томъ, что новая книга, посвященная вопросу о *κοινῆς*, является, въ своихъ примѣчаніяхъ, богатѣйшимъ указателемъ для всѣхъ, интересующихся новѣйшими успѣхами изученія греческаго языка еллинистической эпохи.

Переходимъ къ обзору содержанія книги по главамъ. — *Первая глава. Понятіе и объемъ κοινῆς. Общие вопросы о методѣ.* Авторъ такъ опредѣляетъ отношеніе *κοινῆς* къ новогреческому. Въ періодъ съ 300 г. до Р. X. приблизительно до 500-го г. по Р. X. совершилось фонетическое преобразование языка, которое характеризуется итацизмомъ, монофтонгизаціей и уравниемъ ударенія и количества ¹⁾. Къ 500 г. по Р. Xр. преобразование это въ существенныхъ чертахъ закончено и образуетъ ту основу, на которой только и стала развиваться ясная дифференціація новыхъ діалектовъ (срв. Thumb, *Neugr. Spr.*, S. 10 fg.). Берѣдъ за большинствомъ изслѣдователей (Sturz, еще въ 1808 г.; G. Meyer, Hatzidakis, *Einleitung in die neugriech. Grammatik*, W. Schmid. *Attic. IV Bd.*; послѣдній, впрочемъ, точнѣе отличаетъ литературный *κοινῆς*, высокій и низкій штиль), Thumb опредѣляетъ *κοινῆς*, какъ все развитіе греческаго *разговорнаго* языка съ Александра В. до исхода классической древности. Литературный языкъ, за каковой признавалъ *κοινῆς* Крумбахеръ и Iapargis (*Hist. Greek Grammar*), противопоставляя условный, общепринятый литературный языкъ живому народному (или еллинистическому вульгарному языку), только отпрыскъ разговорнаго, говоритъ Thumb: различныя формы еллинистическаго литературнаго языка, отъ Полибія до Новаго Завѣта, отъ канцелярскихъ надписей до дѣтскаго письменнаго стиля мальчика Θεона (Blass, *Hermes* XXXIV, 312 ff.), суть въ концѣ концовъ не что другое, какъ постоянный компромиссъ между разговорнымъ языкомъ и старой письменной традиціей, *между жизнью и школой* (срв. къ этому Schweizer, *Gramm. d. pergamen. Inschr.*, W. Schmid. *Gött. gel. Anz.* 1895, S. 32, *Attic. IV* 730 f.). Сами аттицисты, которые стремятся направить греческій литературный языкъ въ колею классическаго аттического, не въ состояніи были, не смотря на всѣ усилія, преобразовать свое чутъе

1) О сущности этого явленія срв. прекрасное разъясненіе у Dieterich'a, *Untersuch. z. Gesch. d. griech. Sprache. Lpg. 1898* (*Byzant. Archiv.* 1 Heft).

языка и писать чисто аттическимъ языкомъ, такъ что и они по временамъ косвенно являются свидѣтелями развитія разговорнаго языка.

Переходя къ критикѣ текста литературныхъ памятниковъ эпохи *κοινῆς*, авторъ указываетъ печальныя послѣдствія пренебреженія его изученіемъ у голландскихъ издателей Полибія. При смѣшанномъ характерѣ всѣхъ памятниковъ *κοινῆς* (аттицистическія стремленія наблюдаются и въ произведеніяхъ ранней христіанской литературы, не смотря на то, что они примыкаютъ вообще къ языку Новаго Завѣта, см. Reinhold, *De graecitate patrum apostolic. Diss. Halens. XIV 1898*, и даже у нѣкоторыхъ авторовъ Новаго Завѣта) требуется большой тактъ, чтобы установить языкъ автора, въ противоположность часто пестрой, болѣе или менѣе вульгарной рукописной традиціи. Опасность преувеличенія грозитъ въ обоихъ направленіяхъ, не только приближенія къ аттическому, но и вульгарному: если рукописное преданіе, напр., древне христіанской апокрифической литературы, указываетъ языковыя различія, болѣе слабое или болѣе сильное выступленіе вульгарныхъ формъ, то одинаково допустима мысль, что это преданіе помрачено, извращено въ архаистическомъ направленіи какъ и мысль о вульгаризаціи. Вполнѣ заслуживаетъ одобренія при изданіи текстовъ посредствующая точка зрѣнія, за какую высказывается, напр., Рейнгольдъ. Неопровержимымъ нужно признать то его правило критики текста, что болѣе древнія (аттическія) формы, если онѣ являются въ рукописяхъ съ сильной вульгарной окраской, должны быть приписаны автору. Новогреческій помогаетъ устранять такія формы, которыя никогда не могли существовать, и представляютъ дѣйствительное извращеніе текста переписчикомъ (напр. *ἐρίσκα, βοῦλα* въ *Acta s. Thomae*).

Знаніе новогреческаго языка безусловно необходимо при критикѣ текстовъ *κοινῆς*. Но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ надо взвѣшивать вопросъ, не могла ли быть форма, не находящая себѣ опоры въ новогреческомъ образованіемъ, дѣйствительно созданнымъ въ живомъ языкѣ, но потомъ исчезнувшимъ опять (это «переходныя формы» Dieterich'a). Напр., форма *ἐδείκνυσεν* въ текстѣ пс.-Каллисена у Рейнгольда 96: въ новогреческомъ *δείχνω, ζώνω*, а ор. *ἐδειξα*, такъ что *ἐδείκνυσεν* въ новогреческомъ не имѣетъ опоры. Но аналогіи другихъ подобныхъ образованій въ новогреческомъ (*τοῦ δεικνυθέντος* вм. *δειχθέντος*) подкрѣпляютъ и форму *ἐδείκνυσεν*. Такъ, формы *οὐδαίς, μηδαίς* появляются только со времени IV-го в. и сильно распространяются еще до начала нашей эры, но потомъ постепенно исчезаютъ изъ употребленія (въ новогреческомъ нѣтъ и слѣда ихъ). Нѣкоторыя формы, встрѣчающіяся въ памятникахъ *κοινῆς*, должны были пропасть вслѣдствіе исчезновенія самыхъ грамматическихъ образованій или замѣны словъ новыми (*ποιοῖν* 'Аттикоί, *ποιῶν* 'Ελληνες, *Μοεγίς*; но желательное въ новогреч. пропало; *γέγοναν* вм. *γεγόνασιν*; *μέλανος* вмѣсто *μέλας*; въ новогреч. новое слово, *μαῦρος*). Глаг. на — *ῶ* въ новогреческомъ дали особый типъ — *φортῶνω*, въ *κοινῇ* же они только еще подверглись тому же процессу смѣшенія основъ, какъ — *ᾶω* и — *ῑω*, ко-

которые и въ новогреческомъ часто смѣшиваются во флексіи (ζητᾶς, ἀγαποῦμε). Эти «переходныя формы» составляютъ, такимъ образомъ, важное отличіе κοινῆς отъ новогреческаго.

Но вообще новогреческій позволяетъ дѣлать заключенія о формахъ κοινῆς: новогреч. κρεββάτι, τέσσαρα указываютъ на переходъ гласнаго звука α въ ε подъ влияніемъ ρ еще въ эпоху κοινῆς. Новогреч. θωρεῖ, χρυστῶ стоятъ въ связи съ переходомъ въ κοινῆ сочетаній εα, εο въ α, ο. Потому, гдѣ Нов. Завѣтъ согласуется съ новогреческимъ, тамъ мы безъ колебанія должны признать формы κοινῆς. Формы Нов. Завѣта μεμαρμένος, ἐξηραμμένος, Winer-Schmiedel, Gramm. d. neutest. Sprachidioms 104, находятъ себѣ опору въ новогреч. ξεραμένος, μαραμένος и потому не должны быть исправляемы. Здѣсь авторъ касается также тѣхъ заимствованій изъ греческаго въ восточныхъ языкахъ, которыя онъ разсматриваетъ въ специальной своей статьѣ Byz. Ztschr. IX, 388—452. Τελώνι plur. τελώνια у нынѣшнихъ грековъ означаетъ извѣстный родъ обитающихъ въ воздухѣ губительныхъ демоновъ; они извѣстны еще въ византійское время (B. Schmidt, Volksleben d. n. Griechen. 171 f.). Что они были извѣстны еще въ эллинистическую эпоху, видно изъ заимствованнаго въ раввинской письменности греческаго слова teloni. Иногда новогреческіе діалекты указываютъ на то же отношеніе: къ немногимъ случаямъ, гдѣ новогреч. spiritus asper вмѣсто lenis находитъ себѣ подтвержденіе въ формахъ κοινῆς, можно присоединить греч. ὀπώρα; колебаніе придыханія замѣтно еще въ древнегреческомъ. Въ современномъ языкѣ, при обыкновенномъ φτινόπωρο или χυνόπωρο, на крайнемъ востокѣ области новогреч. языка, въ понтійскомъ діалектѣ, самъ авторъ подмѣтитъ форму μωδόπωρον, ведущую свое происхожденіе еще отъ древнегреч. μωδόπωρον (S. 19).

Весьма важнымъ, даже необходимымъ средствомъ является новогреческій тамъ, гдѣ истинная природа звука можетъ быть проверена только на живомъ произношеніи, въ виду того, что орѳографія рукописей отличается крайней неустойчивостью. Авторъ прекрасно показываетъ это на примѣрѣ новозавѣтнаго слова κρεβάττος. Лучшія рукописи Нов. Зав. даютъ чтеніе κρεβάττος. Но свойства консонантизма извѣстныхъ новогреческихъ діалектовъ позволяютъ Thumb'у съ несомнѣнностью доказать, что правильнымъ чтеніемъ должно считать κρεβάττος. Опять авторъ пользуется здѣсь личными наблюденіями надъ произношеніемъ слова (въ его новогреч. формѣ κρεβάττιν, κρεβάτιν) въ мѣстныхъ говорахъ (S. 21 fg.). Новозавѣтныя формы, какъ ἐρχύνω, находятъ себѣ подтвержденіе въ новогреческомъ. Авторъ принципиально выясняетъ въ концѣ этой главы значеніе діалектовъ новогреческаго языка для древней филологіи. Самое распаденіе этихъ діалектовъ на группы, какъ, напр., въ вопросѣ удвоенія согласнаго, группа: Кипръ, Родосъ, Икаръ, Калимъ, различіе формъ въ разныхъ діалектахъ указываетъ на переживанье болѣе древней основной формы, могущей быть выведенной изъ нихъ.

Во второй главѣ, *Исчезновеніе древнихъ діалектовъ*, наше особенное вниманіе привлекаютъ на себя статистическія таблицы, иллюстрирующія развитіе этого процесса для діалекта о-ва Родоса, на основаніи матеріала, заключающагося въ новѣйшемъ сборникѣ надписей этого о-ва, *Congrus Inscr. Insularum. Vol. I.* Постепенное вторженіе въ мѣстный говоръ $\kappa\omicron\iota\nu\eta\varsigma$ авторъ констатируетъ въ его шести ступеняхъ: 1. архаическая пора, 2. IV вѣкъ, 3. III в. до Р. Хр., 4. I—II вв. по Р. Хр., 5. III—V в. 6. Христіанскія надписи. Свидѣтельство эпиграфики согласуется и съ замѣткой Светонія (Tiber. с. 56), который сохраненіе древняго діалекта отмѣчаетъ, очевидно, какъ исключеніе. Мы можемъ представлять себѣ состояніе на Родосѣ ко времени Светонія живого языка такъ, что городскіе круги частью говорили и на мѣстномъ діалектѣ, и на $\kappa\omicron\iota\nu\eta$: постепенное умноженіе надписей на $\kappa\omicron\iota\nu\eta$ показываетъ какъ мало по малу этотъ говоръ отвоевывалъ себѣ почву, не достигнувъ однако за періодъ надписей полного господства (S. 40). Болѣе значенія, чѣмъ простой счетъ надписей того или другого говора за разные періоды времени, имѣютъ таблицы (для того же родосскаго нарѣчія) и статистическія выкладки касательно постепеннаго вытѣсненія діалектическихъ фонетическихъ и морфологическихъ чертъ въ родосскихъ надписяхъ формами $\kappa\omicron\iota\nu\eta\varsigma$, S. 43 fgg. Если такой признакъ дорическихъ діалектовъ, какъ α вмѣсто η , сохраняется дольше, чѣмъ другіе, то такая особенность остается только, какъ извѣстная діалектическая окраска языка, принадлежащаго вообще уже къ $\kappa\omicron\iota\nu\eta$ (S. 45 срв. подобное сохраненіе α въ эолическихъ надписяхъ S. 51). Нѣкоторые отдѣльные доризмы сохраняются до сихъ поръ. Діалектическія дорическія формы въ одной родосской надписи I-го в. по Р. Хр. являются рядомъ съ такими чисто новогреческими образованіями, какъ $\tau\alpha\upsilon\tau\epsilon\varsigma$ и $\acute{\alpha}\lambda\lambda\alpha\varsigma$ (= $\tau\alpha\upsilon\tau\alpha\varsigma$ и $\acute{\alpha}\lambda\lambda\alpha\varsigma$). -

Вторженіе аттическихъ формъ, конечно, всюду совершалось подобнымъ же образомъ, какъ на Родосѣ, только хронологическій его ходъ былъ различенъ. Изслѣдованію частныхъ здѣсь открыто еще обширное поле. Помимо фонетической и флексивной стороны, оно должно, по мнѣнію Thumb'a, направлять свое вниманіе еще и на запасъ словъ, такъ какъ лексическій обмѣнъ, при широкомъ развитіи торговыхъ и другихъ сношеній вообще, по меньшей мѣрѣ столь же легко находилъ себѣ мѣсто, какъ и вліяніе въ отношеніи звуковъ и флексій. Такъ, мессинская надпись въ Анданіи I в. до Р. Хр., относящаяся къ мистеріямъ (Dittenberger, *Sylloge*, срв. Glaser, *De ratione, quae intercedit inter sermonem Polybii et eum, qui in titulis sacculi III. II. I apparet*, Giessen 1894 pg. 30 sqq.), обнаруживаетъ сильное вліяніе $\kappa\omicron\iota\nu\eta\varsigma$. Не смотря на сильно выраженный въ ней мѣстный характеръ, она проявляетъ въ грамматикѣ аттическое вліяніе и, такъ какъ для переживания здѣсь дорическаго нарѣчія мы имѣемъ свидѣтельство Павсанія (IV 27, 11), то и здѣсь, повидимому, какъ на Родосѣ, элементы діалектические и элементы $\kappa\omicron\iota\nu\eta\varsigma$ находились въ борьбѣ между собою.

Въ азиатско-эолической области надписей употребленіе діалекта прекратилось уже во II в. до Р. Хр. (R. Meister, Griech. Dial. I 8 fg. и въ особенности Leitsch, Quatenus quandoque in dialectis aeolicis quae dicuntur vulgaris lingua irrepserit, Königsberg 1895). Таблица отношенія діалектическихъ формъ и формъ $\kappa\omicron\iota\nu\eta\varsigma$ на основаніи матеріала, собраннаго Лейчемъ, дана Thumb'омъ на стр. 48, и въ графическомъ изображеніи процесса восхожденія отъ діалектическихъ особенностей (таковыхъ взято семь) къ $\kappa\omicron\iota\nu\eta$, по мѣрѣ перехода отъ IV-го до II в. до Р. Хр. — стр. 49.

Переходя въ 3-ей главѣ къ вопросу объ *остаткахъ древнихъ діалектовъ* въ $\kappa\omicron\iota\nu\eta$, Thumb характеризуетъ доступность аттического діалекта чуждымъ влияніямъ еще въ классическую эпоху и естественность такихъ влияній съ тѣхъ поръ, какъ Аѣины, являясь во главѣ обширнаго морского союза, стали мировымъ городомъ. Нивелирующее вліяніе $\kappa\omicron\iota\nu\eta\varsigma$ и здѣсь сказывается очень рано. Рядъ отдѣльныхъ фактовъ его въ морфологической и лексической области, начиная съ конца IV в. до Р. Хр., въ теченіе III-го в. до Р. Хр., указанъ Мейстерганзомъ въ его Грамматикѣ аттического нарѣчія на основаніи надписей. Что касается діалектическихъ особенностей, нашедшихъ себѣ доступъ въ аттическій діалектъ, доризмы встрѣчаются въ аттическомъ народномъ языкѣ еще у Аристофана и другихъ комиковъ.

Для $\kappa\omicron\iota\nu\eta$ Thumb весьма ограничиваетъ элементъ древнихъ греческихъ діалектовъ. Не говоря уже о такихъ діалектахъ съ узко ограниченной областью распространенія, какъ лесбійскій, ессалійскій, лаконскій, елейскій (S. 62), даже для вліянія дорического діалекта онъ находитъ возможнымъ признать лишь немногія отдѣльныя формы, вроде $\epsilon\pi\alpha\lambda\acute{\alpha}\chi\alpha$, $\acute{\alpha}\rho\epsilon\tau\alpha\lambda\acute{\alpha}\gamma\omicron\varsigma$, $\eta\lambda\epsilon\mu\acute{\alpha}\varsigma$. Вообще мнѣніе Витковского (Prodromus grammaticae rarrugorum graecorum, Кракау 1897) о смѣшеніи въ языкѣ египетскихъ папирусовъ греческихъ діалектовъ не находитъ себѣ подтвержденія въ дѣйствительныхъ фактахъ этого языка (S. 66). Болѣе замѣтно въ $\kappa\omicron\iota\nu\eta$ присутствіе іонизмовъ (срв. Mayser, Gramm. d. griech. Pap., Heilbronn 1898. Barth, De dialecto Coorum, Schweizer o. s. и др.), такъ во флексіи основъ на — α , S. 68 fg. (м. проч. у Малалы и Порфириогениста $\gamma\epsilon\phi\acute{\upsilon}\rho\eta\varsigma$, $\tau\eta\lambda\iota\tau\eta$, у Малалы и Теофана $\acute{\alpha}\sigma\tau\eta\varsigma$, въ Египтѣ на папирусахъ, на надписяхъ Пергама, Коса, Оеры, Мал. Азіи, Коммагени, I в. по Р. Хр.), срв. въ новогреческомъ при прилагательныхъ на — $\rho\omicron\varsigma$ и — $\iota\omicron\varsigma$: $\mu\iota\chi\eta\eta$, $\beta\acute{\epsilon}\beta\alpha\iota\eta$, $\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\tau\eta\eta$. Въ Мал. Азіи и въ Египтѣ въ этомъ случаѣ вліяніе іонической культурной сферы (слово $\sigma\pi\epsilon\iota\eta\varsigma$ — $genit.$, мож. б., и прямо заимствованное, іоническое; о колоніи Навкратисъ въ Египтѣ срв. и S. 240). Такъ и формы $\mu\alpha\chi\alpha\iota\eta\varsigma$ и т. под. въ языкѣ 70-ти и Нов. Завѣта безъ колебанія надо признать за іонизмы (предполагать въ $\mu\alpha\chi\alpha\iota\eta\varsigma$ аналогію къ $\delta\acute{o}\xi\eta\varsigma$ невозможно, такъ какъ въ пору, когда отношенія долготы и краткости были уже поколеблены, нельзя допускать таковую; кромѣ того, въ данную пору скорѣе замѣчается стремленіе къ уравниванію вокализма въ падежной системѣ: $\mu\omicron\upsilon\sigma\alpha$, $\mu\omicron\upsilon\sigma\alpha\varsigma$ и т. под. на папирусахъ и надписяхъ).

Ионизмы въ области чередованія aspiratae et tenues: χιτών=χιτών, πάδη=φάτη, и друг. (S. 71). Вполнѣ ясныя іонизмы представляютъ ἐνεχεν и εἴνεχεν на надписяхъ, папирусахъ и въ Нов. Завѣтѣ, εἴτεν и ἔπειτεν. Вообще Thumb признаетъ особенно сильное вліяніе на κοινή іоническаго нарѣчія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ κοινή замѣчается борьба между соотвѣствующими аттическими и іоническими формами. Это прекрасно показано на судьбѣ въ новогреческомъ словѣ на — αλος, — ελος, помѣщаемыхъ аттицистами, S. 75 fg. У аттицистовъ аттическими обозначаются то формы съ — ελ —, то съ — αλ —, въ новогреческомъ произошло уравнение основъ: μυαλος, σάλιο, γυαλί, ψαδί, φάλα. Подобное же уравнение произошло въ области сочетанія согласныхъ ρσ (іонич.) и ρρ (аттич.): въ еллинистическую пору встрѣчаемъ рядомъ ρσ и ρρ (надписи Пергама даютъ πορωτέρω и θαρρεῖν, у Полибія θαρρεῖν, между θαρρεῖν и θαρσεῖν колеблются 70-тъ и Нов. Завѣтъ), въ новогреческомъ утвердилось ρρ, кромѣ нѣкоторыхъ словъ, какъ то: ἀρσενικός (откуда серνικός), μερσίи (= μυσίи) и χέρσος. Кромѣ доризмовъ и іонизмовъ, надо отмѣтить еще и аттицизмы: νεωχόρος (папирусы, хотя νεός вм. νεός на надписяхъ еще въ срединѣ III-го в. до Р. X.) и ττ рядомъ съ τσ. Мы встрѣчаемъ сочетаніе ττ въ Атикѣ и съ III-го в. внѣ этой области (что тутъ дѣло не въ культурномъ вліяніи, видно изъ канцелярскихъ надписей Пергама, гдѣ, не смотря на вліяніе Атики, не встрѣчаемъ ττ) на папирусахъ самого обыденнаго содержанія, въ библейскомъ греческомъ и въ ранней христіанской литературѣ, такъ что здѣсь, очевидно, фактъ естественнаго смѣшенія въ живомъ языкѣ діалектическихъ элементовъ¹⁾. У Полибія πττάχιον. Не всѣ такія діалектическія формы дожили поры новогреческаго языка.

Конецъ этой главы (§§ 81 — 101) посвященъ попыткѣ, по слѣдамъ Hatzidakis'a, указать остатки древнихъ діалектическихъ формъ въ новогреческомъ, для восполненія пробѣловъ въ этомъ отношеніи нашей традиціи κοινής. Авторъ приходитъ къ выводу принципиальной важности для нынѣшняго языка былой іонической области. Нынѣшній діалектъ (или говоры) областей Понта обнаруживаетъ столько же и столь же мало іонизмовъ, какъ и надписи эпохи κοινής, относящіяся къ этимъ же мѣстностямъ. Ни о томъ, ни о другихъ нельзя утверждать, чтобы они были сильно усѣяны іонизмами, или даже, чтобы ядро ихъ было іоническое (такъ утверждалъ Экономидисъ въ монографіи своей, посвященной фонетикѣ Понтійскихъ говоровъ, Lpg. 1888). Слѣдовательно, тутъ нельзя говорить о сохраненіи древняго діалекта въ его прежней области. Такимъ образомъ то положеніе, что, за исключеніемъ законскаго діалекта, исходнымъ пунктомъ всѣхъ греческихъ діалектовъ является κοινή (такъ что, напр., и для понтійскаго діалекта іонизмы показываютъ лишь на зави-

1) Рядомъ съ этимъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ нельзя отрицать и чисто ученаго вліянія. Такъ, въ Acta Petri et Pauli V в. βδελύττοδα: прямо по представленію аттициста Фриниа: σιχαίνομαι τῷ ὄντι ναυτίας ἄξιον ἀλλ' ἐρεῖς βδελύττομαι, ὥς Ἀθηναῖος.

симость отъ *κοινῇ*, поскольку таковыя вошли въ *κοινῇ*, а не отъ древняго іоническаго діалекта), не можетъ быть поколеблено (§ 88). Отдѣльные древніе діалектизмы свидѣтельствуютъ только о прежней этнологической основѣ, почвѣ, на которой выросъ *κοινῇ*. Эта древнѣйшая основа въ тѣхъ областяхъ, гдѣ греческій языкъ продолжалъ жить изолированно, выступаетъ нѣсколько сильнѣе, чѣмъ въ областяхъ, гдѣ постоянное взаимодействіе широкихъ сношеній съ соплеменниками до нынѣшняго дня благопріятствовало болѣе сильной нивелировкѣ особенностей мѣстныхъ говоровъ. Ранней изолированности своихъ предковъ законцы обязаны сохраненіемъ своего законскаго нарѣчія: когда Пелопоннись въ началѣ нашей эры обезлюдѣлъ (Mommesen, *Röm. Gesch.* V² 245 ff.), въ области Парнона (срв. § 35) остатокъ законскаго племени сохранилъ свой языкъ. Позднѣе, когда Пелопоннись былъ наводненъ славянскимъ потокомъ, область Парнонскихъ лакоцевъ (въ горахъ) была отрѣзана славянами отъ общенія съ прочей областью господства греческаго языка и этой изолированности еще позднѣе благопріятствовали альбанцы, которые на югѣ вполнѣ, на сѣверѣ и западѣ частью загородили лакоцевъ, въ то время какъ въ остальной части западной границы не менѣе замѣтную преграду составляетъ горный хребетъ Парнонъ (срв. Thumb, *Die ethnograph. Stellung d. Zakonen, Indogerm. Forsch.* IV 195 ff.). Примѣръ болѣе поздней, но подобной же оторванности отъ общенія съ прочимъ греческимъ міромъ представляютъ греческія общины въ Каппадокіи, въ области Тавра¹⁾. Онѣ были отрѣзаны отъ соплеменниковъ наплывомъ турокъ и поэтому оставались цѣлыя вѣка изолированными и различныя говоры этихъ общинъ, однако опирающіеся на общую основу, производятъ особенно сильное впечатлѣніе глубокой древности и оригинальности. Отдѣльные характерные примѣры этихъ говоровъ сообщаетъ Thumb по собственнымъ наблюденіямъ на мѣстѣ (S. 90 m. Anm. 1): *ὀρνίχ* «пѣтухъ», при общемъ новогреч. *ὀρνίς*, *τὸ ὀρθάτα* «истина» представляютъ очевидныя доризмы (срв. *ὀρνίξ* въ текстѣ Нов. Завѣта, въ одномъ текстѣ *κοινῇ*; III в. по Р. X. и на азіатской почвѣ — на восковыхъ дощечкахъ изъ Пальмиры, Cusius, *Philolog.* LIII 238). Вліяніе дорически окрашеннаго *κοινῇ* могло итти въ Каппадокію съ юга, изъ Памфиліи и Кипра. Напротивъ, общая съ понтійскими областями исторія и культура Каппадокіи, отдѣльная отъ юга, начинается для нея не раньше византійской поры (чисто политическія границы тоже опредѣляютъ границы діалекта, а Каппадокія съ VII-го вѣка входила, вѣроятно, въ одну оему съ Понтомъ).

Отмѣтимъ на этихъ страницахъ книги Thumb'a одно частное разъясненіе. Это вопросъ о происхожденіи новогреческаго слова *νῆρον* = *ὑδωρ*. Слѣніе *ea* въ *η* принадлежитъ дорическому или ахеодорическому *κοινῇ*, но въ *νῆρον* (срв. еще у аттициста Фриниха: *νῆρον ὑδωρ μηδαμῶς, ἀλλὰ*

1) Срв. *Götting. gel. Anz.* 1902, рецензію Hatzidakis'a на трудъ Сарантади Архелая *ἡ Σινασός* (Афины 1899.), S. 441 fgg.

πρόσφατον, ἀκραιφνές) это сочетание получило всеобщее распространение. Однако, νιάρó(ν), фонетически вышедшее изъ аттического νειάρóν, встрѣчается въ Каппадокии и Фракии; на Лесбосѣ же νιάρóς сохраняетъ свое значеніе прилагательнаго, но рядомъ съ этимъ для обозначенія слова «вода» имѣется слово νερό. Вотъ изъ такого то сохраненія параллельныхъ формъ съ разнымъ значеніемъ можно исходить въ объясненіи общаго новогреческаго νηρόν «вода». Аттическая форма νειάρóς еще и въ κοινή означала только «свѣжій» или «новый» (Κενyon, Парути, I 62, 13—14, VI-го или VII-го в.; Охуг. Пар. I 136, 38, 583 г. по Р. Х.). Νηρόν ὕδωρ дало особое слово νηρόν, вытѣснившее ὕδωρ, на томъ же, можетъ быть, основаніи, на какомъ явилось слово κρασί вмѣсто οἶνος, ψωμί вм. ἄρτος. Слова νηρόν, κρασίον и ψωμίον встрѣчаются уже въ ранней византійской литературѣ. Какъ литургическое употребленіе словъ οἶνος и ἄρτος въ христіанской церкви благопріятствовало появленію новыхъ словъ для житейскаго употребленія, такъ церковный терминъ ὑπολογημένον ὕδωρ, встрѣчающійся еще у Палладія (V в.), могъ привести къ подобному же результату. Но такъ какъ νιάρóς (изъ аттич. νειάρóς) все еще означало «свѣжій», то фонетически дифференцированному, первоначально діалектическому слову νηρόν была заранѣе обезпечена побѣда.

Изъ дорическаго же стяженія объясняетъ Thumb мѣстную форму ó βασιλές (= βασιλέας), предполагая здѣсь особую артикуляцію звука η въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эта форма встрѣчается (открытое ē; отчего η дало не i, а e). Для діалектическихъ формъ ἡ μηλέ (=μηλέα, ἐλαί, γράϊ) Thumb держится объясненія Јаппарис'а (изъ множ. μηλές, ἐλαίς), § 97.

4-ая глава. Вліяніе негреческихъ народовъ на развитіе еллинистическаго языка. Степень еллинизации различныхъ областей греко-римскаго міра опредѣлялась распространеніемъ въ нихъ греческаго населенія (срв. Mitteis, Reichsrecht und Volksrecht in d. östlichen Provinzen d. römischen Kaiserreiches, Lpg. 1891. Thumb намѣренно отодвигаетъ на задній планъ вопросъ о распространеніи κοινής, какъ языка торговли и сношеній). Малая Азія была наиболѣе еллинизирована. Еще Аристотель говоритъ о евреѣ, живущемъ въ Малой Азіи: Ἑλληνικός ἦν οὐ τῇ διαλέκτῳ μόνον, ἀλλὰ καὶ τῇ ψυχῇ, хотя вообще надо сказать, что религіозная противоположность еврейства съ язычествомъ являлась сильной преградой дѣйствительной еллинизации евреевъ, срв. § 105 (А. Meyer, Jesu Muttersprache, 1896. Schürer, Gesch. d. jüd. Volkes, II 342 ff.). Еллинизация Малой Азіи сказалась и въ суженіи роли языковъ иноплеменниковъ: лидійцевъ, фригійцевъ, ликійцевъ, каппадокійцевъ. Число надписей на этихъ языкахъ въ императорскую эпоху очень скудно, хотя Дѣянія Апостольскія XIV 19 и свидѣтельствуютъ, что на ликаонскомъ нарѣчій туземное населеніе говорило еще во времена апостола Павла. Этимъ предшествующимъ ослабленіемъ негреческихъ діалектовъ въ Малой Азіи объясняется та легкость, съ какою турецкое вторженіе окончательно смыло слѣды ихъ для нашего времени, между тѣмъ какъ въ Сиріи и Египтѣ, не

смотря на потокъ арабскаго завоеванія, сирійскій и коптскій языкъ въ состояніи были уцѣлѣть до нынѣшняго дня.

Въ Сиріи и Египтѣ, въ противоположность Фракіи, Македоніи и Малой Азіи, еллинизация пустила корни далеко не такъ глубоко. Греческій языкъ получилъ распространеніе главнымъ образомъ въ городахъ (для Сиріи Thumb находитъ возможнымъ привести, § 107, параллель нашихъ остзейскихъ провинцій: нѣмецкій въ городѣ, эстонскій и латышскій въ деревнѣ). Въ Египтѣ еллинизация была все же сильнѣе, благодаря греческой администраціи. При дворѣ Птолемея Филадельфа было 80 000 большею частью греческихъ наемниковъ.

Греческія области и области, вполне еллинизированные, какъ Малая Азія, Фракія, Македонія, опоясываетъ, такимъ образомъ, широкая полоса, въ предѣлахъ коей греческія поселенія водворились внутри иноземной области, не поддавшейся болѣе глубокому греческому вліянію. Здѣсь поднимается вопросъ, въ какой мѣрѣ греческая національность этой крайней зоны подверглась вліянію чуждой среды и не обнаружилось ли это вліяніе, вслѣдствіе оживленныхъ сношеній и постоянного отлива и прилива населенія, и на общемъ развитіи еллинизма. Thumb отрицаетъ здѣсь, какъ мы упомянули въ началѣ нашей статьи, особенное значеніе, для рѣшенія этого вопроса, свидѣтельствъ языка.

Обращаясь къ заимствованіямъ κοινῆς изъ иноземныхъ языковъ и указавъ при этомъ предварительно на очень ранніе слѣды вліянія на греческій языкъ этихъ языковъ въ области предметовъ матеріальной культуры, служившихъ объектомъ торговли и международныхъ сношеній (χιτών, ὄβονη, δέλτος, λίβανος, κηπάριστος, μυά, у Гомера, Геродота, Ксенофонта, въ народномъ аттическомъ языкѣ у Аристофана), Thumb прибѣгаетъ къ папирусамъ. Распредѣляя ихъ на три группы: 1) до Р. Хр., 2) до начала византійской эпохи, 3) византійская эпоха съ IV—VII в., онъ констатируетъ, правда, нѣкоторое возрастаніе числа заимствованныхъ словъ по указаннымъ тремъ ступенямъ, но въ общемъ признаетъ весьма незначительное вліяніе на греческій иноземныхъ языковъ (сирійскаго и коптскаго) за указанный періодъ времени, вліяніе, никакъ не идущее въ сравненіе съ вліяніемъ на новогреческій турецкаго и другихъ восточныхъ языковъ (§ 116). Замѣчательно, что даже въ логаномѣ греческомъ языкѣ царя Силькона въ Нубіи (на надписи, писанной очевидно, коптомъ, Lepsius, Hermes X 129 ff.) лексическій запасъ чуждъ словъ, заимствованныхъ съ коптскаго, кромѣ одного слова ἄρξ, да и то коптскаго то заимствованнаго съ греческаго. То же слабое вліяніе иноземныхъ языковъ констатируется Thumb'омъ и въ надписяхъ, и у авторовъ, писавшихъ на κοινῆ въ Египтѣ (§ 117): у Семидесяти очень немногочисленны еврейскія и сирійскія слова. Египетское βάρης (у антиаттициста βάρης κατ'οἰκίας καὶ πλοίου κτλ. § 117 Anm. 4) въ смыслѣ «башня» (у Эхила въ другомъ значеніи слова, указываемомъ антиаттицистомъ) сохраняется и въ новогреческомъ, но черезъ посредство латинскаго (ba-

gisa), βάρη. Что касается Нов. Завета, такіа слова, какъ ἀμήν, πάσχα, γέννηα, σάββατον, суть уже не просто заимствованныя слова, а специально еврейскія понятія, которыя подъ вліяніемъ христіанства наплы себѣ распространеніе не только въ греческомъ, но и во всемъ христіанскомъ мірѣ.

Отъ лексикологій Thumb переходить къ вопросу о гебраизмахъ (или семитизмахъ), разумѣя подъ этимъ терминомъ вліяніе самого духа чужого языка, проявляющееся въ особомъ значеніи словъ, во фразеологій, въ способѣ выраженія и конструкціи, или также и въ грамматикѣ. Крупная заслуга Дейссмана, въ цѣломъ рядѣ его изслѣдованій, посвященныхъ языку Библии¹⁾, состояла въ объясненіи мнимыхъ гебраизмовъ, какъ фактовъ κοινῆς, на основаніи языка надписей и папирусовъ. Слова: ἐρωτάω въ значеніи «просить», ὄνομα въ значеніи «личность» (срв. новогреч. νομάτοι «лица»), ἐνώπιον «предъ лицомъ», такіа формулы, какъ ἐκ τῶν τεσσάρων ἀνέμων, οὐς θανάτου и др., представляютъ созданія греческаго духа языка, а не произошли изъ семитическаго образа мысленія (S. 121). Чуждаго вліянія можно скорѣе искать въ стилѣ (притча въ Нов. Заветѣ; параллелизмъ предложеній въ Библии) и общемъ характерѣ мысленія и воззрѣній (срв. объ апостолахъ Павлѣ Norden, Die antike Kunstprosa 498 ff.), но не въ лексическомъ запасѣ и грамматикѣ. Если изрѣдка и встрѣчаются семитизмы въ переводной работѣ, какъ Библия (можетъ быть даже, въ евангеліи), то это не доказываетъ все же, чтобы они получили въ κοινῇ право гражданства. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ письменнымъ, а не разговорнымъ греческимъ языкомъ. Затѣмъ, значеніе Библии, какъ религіозной книги, должно было, конечно, сказаться на ранней христіанской литературѣ, примыкающей къ ней въ языкѣ (Reinhold, De graecitate patrum apostolic.). Семитизмы этой литературы могли ограничиваться только именно областью религіознаго языка, а проникали ли они вообще въ κοινῆν, это еще вопросъ. Фактъ тотъ, что христіанская проповѣдь и литература очень скоро освободились отъ простаго древнехристіанскаго стиля и еллинизировались (Norden, Die antike Kunstprosa II 550 fg., 162. О родствѣ и смѣшеніи іудейскаго, христіанскаго и языческаго міра идей, объясняющихъ нѣкоторыя явленія, см. ibid. 466 слл., 471 слл. 476).

Новогреческій не былъ еще привлеченъ Дейссманомъ въ вопросѣ о «семитизмахъ» въ Библии (S. 123); между тѣмъ онъ даетъ новое подтвержденіе его мысли. Thumb отвергаетъ также «коптицизмы», какіе усматривались въ синтаксисѣ надписи Силькона, частью по сопоставленію ихъ

1) Bibelstudien, Marburg 1895, N. Bibelstudien 1897. Далѣе его статья въ Realencyklopädie für protest. Theologie, 3 Aufl. VII 627—639, подъ заглавіемъ Hellenistisches Griechisch. Наконецъ: Die sprachliche Erforschung der griech. Bibel, Giessen 1898. Еще Blass въ своей грамматикѣ языка Нов. Завета, кажется, склоненъ давать еврейскому болѣе широкую роль въ его вліяніи на греческій языкъ Библии, чѣмъ ему принадлежитъ.

съ новогреческимъ (S. 125). Искать же «семитизмовъ» у высокообразованныхъ іудейскихъ писателей, какъ Филонъ и Іосифъ Флавій,—задача прямо безнадежная.

Thumb опровергаетъ многочисленныя указанія на гебраизмы въ Свящ. Писаніи у Вито (Viteau), который находитъ таковыя и въ области грамматики: смѣшеніе залоговъ; сочетаніе предлоговъ и ихъ смѣшеніе (въ евангеліи отъ Марка, по Zahn, Einleit. in das N. Test., IV, изъ всѣхъ евангелій обнаруживающихъ въ особенности гебраистическую окраску); но и данныя у него и указанія у Swete'a, *The Gospel according to St. Mark*. London. 1899, опровергаются сопоставленіями съ новогреческимъ. Евангеліе отъ Маттея, по Цану, переведено евреямъ, владѣвшимъ двумя языками, съ арамейскаго, и однако оно обнаруживаетъ не только вообще меньше гебраизмовъ, чѣмъ Маркъ, но и гораздо болѣе рѣдкое употребленіе однообразнаго продолженія разсказа посредствомъ союза καί, что также относили между прочимъ къ вліянію еврейскаго: въ новогреческомъ связь путемъ καί вмѣсто подчиненія предложеній далеко нерѣдка въ народномъ языкѣ и еще у Аристотеля иногда замѣчается такая связь — Kaibel, *Stil u. Text d. A⁹ полѣт. Вито*, всѣхъ основательнѣе въ новѣйшее время изслѣдовавшій синтаксисъ Семидесяти и Новаго Завѣта ¹⁾, не принялъ однако во вниманіе ни употребленія средняго и новогреческаго языка, ни языка папирусовъ. Такъ, между прочимъ (кромѣ употребленія залоговъ), въ качествѣ семитизма у Вито фигурируетъ употребленіе неизмѣняемаго причастія въ именительномъ падежѣ (на — οντας). Между тѣмъ оно является и въ новогреческомъ языкѣ. Все положеніе Вито, будто бы языкъ Новаго Завѣта отличается характеромъ языка христіанскаго іудейско-греческаго, оказывается несостоятельнымъ (S. 131).

Однако отрицать въ κοινή чуждое вліяніе вообще нельзя, надо только отыскивать его тамъ, гдѣ оно должно проявляться. Сюда относится область произношенія. Еллинизированные египтяне, малоазіаты и сирійцы придавали своему произношенію греческой рѣчи особую окраску ²⁾. Отсюда, напр., смѣшеніе mediae и tenuis съ aspiratae въ египетскомъ греческомъ (S. 134); коптское вліяніе, можетъ быть, тоже проявляется въ судьбѣ γ между гласными (не вездѣ пишется въ папирусахъ и въ рукописяхъ Библии), срв. къ этому John Schmidt, *Ueber phonetisch. u. graph. Erscheinungen im Vulgärgriech*. 1898. Относительно назализаціи согласныхъ Thumb указываетъ, что, когда въ новогреческомъ чистый media иностраннаго языка, напр., итальянскаго (άντιο = adio), передается путемъ носовой + tenuis: μπ, γκ, ντ, то этотъ носовой призвукъ слышится и въ

1) Étude (I) sur le grec du Nouveau Testament. Le verbe. Paris 1893. Étude (II) sur le grec du N. T. comparé avec celui des Septante. Paris. 1896.

2) Любопытное литературное свидѣтельство объ этомъ въ Церк. Исторія Сократа VI 11 (срв. Sozom. VIII 10): Σεβηριανός μὲν Γαβάλων, πόλις δὲ Συρίας . . . . δοκῶν πεπιδεῦσθαι τῇ φωνῇ τὴν Ἑλληνικὴν ἑστράνου γλῶσσαν, ἀλλὰ καὶ Ἑλληνιστὶ φθεγγόμενος Σύρος ἦν τῇ φωνῇ.

произношеніи болѣе или менѣе ясно. Грекъ эллинистическаго времени, по-видимому, тоже уже рано зналъ *mediam* только въ связи съ носовымъ: αὐγύστων Augustus, συμφέλιον (S. 137). Въ этой назализаціи такимъ образомъ тоже иноземное вліяніе. То же въ вокализмѣ, напр., въ Египтѣ μέλιστα вм. μάλιστα (коптское вліяніе). Въ Малой Азіи туземнымъ, малоазійскимъ произношеніемъ объясняется γίγονις = γέγονες во Фригіи. Тѣсному фонетическому родству (въ произношеніи) α и ι надо приписать въ папирусахъ Птолемея случаи смѣшенія η и ε (αι), съ одной стороны, η и ι, съ другой. Также въ произношеніи υ въ Малой Азіи и въ Египтѣ иноземное вліяніе: въ Малой Азіи σίμβριος, τύτλον, γενή, въ Египтѣ φιλαχέιτου, ἐπέρ, θυράπον (= θέρᾶπον), καινηγῶν = γυναικῶν (Schweizer, Perg. Inschr. 76). Такимъ образомъ изъ фригійскаго или малоазійскаго превращенія звука ι въ ε можно исходить и въ объясненіи греческаго измѣненія υ въ ι. Дѣйствительно, Малая Азія на нѣсколько столѣтій опережаетъ въ этомъ прочія греческія области, такъ какъ произношеніе υ = ι только въ концѣ перваго тысячелѣтія нашей эры проведено было во всемъ эллинизмѣ. Также υ, возникшее изъ α, рано утратило губную артикуляцію на азіатской почвѣ (κμητήριον Bull. de corr. hell. XVII 250 nr. 26 и Διο-νοσίσις Mitteil. d. arch. Inst. XVIII 206 nr. 3 — Фригія времени императоровъ).

Фригійское вліяніе (фригійскій діалектъ не терпѣлъ σ + consonans въ началѣ слова) обнаруживается въ мѣстномъ явленіи малоазійскаго κοινή: ιστήλη, εἰστρατιώτης, Ἰσταφάνιον (S. 144 fg.), особенность, сохранившаяся и по сю пору въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ діалектахъ (S. 146).

Различіе культурнаго уровня опредѣляло широкое вліяніе греческаго на восточные языки, но не наоборотъ (срв. для перваго напр. Krauss, Griech. lat. Lehnwörter im Talmud etc.). Эта неравномѣрность между отдачею и полученіемъ тѣмъ болѣе замѣчательна, что вообще κοινή далеко не замыкался для посторонняго вліянія. Таково вліяніе латинскаго, впрочемъ не въ области синтаксиса (S. 152 fg.). Что греческій стиль римлянина, при всей грамматической правильности, выдаетъ, напр. въ письмахъ, римлянина, или что переводъ на греческій понятій римской государственной жизни дышетъ римскимъ духомъ (срв. Viereck, Sermo graecus), это вещь столь понятная сама собою, что было бы удивительно, если бы это было иначе. Однако только неумѣлый, рабскій переводъ на греческій порождаетъ негреческіе латинизмы, вродѣ ablat. absol. Λευκίφ — Γαίφ.... ὑπάτοις или передачи лат. quomipus буквально: ᾧ ἑλασσον (въ senatus consult. II в. до Р. Хр.). Насколько сами римляне дѣлали ошибки такого рода, онѣ ничего не доказываютъ противъ грамматической чистоты κοινή.

Болѣе глубоко проникаетъ вліяніе латинскаго въ κοινή только въ области образованія именъ, а именно въ возникновеніи многочисленнаго класса словъ на -ις, -ιν вмѣсто -ιος, -ιου (Διονύσις вм. Διονύσιος, ἐξέδρις вм. ἐξέδριον), появляющагося приблизительно съ начала нашего лѣтосчисленія и оказывающагося очень плодovitымъ въ періодъ средне- и новогрече-

скаго. Отвергая объясненіе его происхожденія на греческой почвѣ у Дитериха, Thumb держится для именъ на (-ιος) ις взгляда Hatzidakis'a (κα-στρίσιος, καστρίσις, Αὐρήλιος, Αὐρήλις — заимствованія въ двойной формѣ, S. 154), срв. еще заимствованные изъ латинскаго суффиксы -άρις, -αρι, -άτος, -ίνα, ούλα, сдѣлавшіеся въ новогреческомъ источникомъ новыхъ образованій. Отсюда составныя глагольныя формы: εἶνε φευγάτος, εἶχε πειμπάτο.

Такое заимствованіе цѣлыхъ суффиксовъ предполагаетъ уже широкое вторженіе заимствованныхъ словъ. И дѣйствительно, около того же времени, когда Катонъ предостерегалъ своихъ соотечественниковъ отъ заимствованій у грековъ, когда богатый притокъ греческихъ словъ вошелъ въ латинскій языкъ, въ то же самое время начался уже обратный процессъ, притокъ въ κοινὴν латинскихъ словъ (S. 156), сначала въ небольшомъ размѣрѣ, потомъ, съ начала нашей эры, все быстрѣе разрастаясь, такъ что нетрудно различить три періода въ заимствованіи латинскихъ словъ κοινῇ: время республики, императорское время до Константина, раннюю византийскую эпоху до Юстиніана, когда это заимствованіе достигло своего высшаго пункта (такъ еще Μαυροφρίδης, Δοκίμιον ἱστορίας τῆς ἑλλην. γλώσσης, Smugna 1871). Въ новогреческомъ и его діалектахъ полное собраніе заимствованныхъ изъ латинскаго словъ сдѣлано G. Meyer'омъ, Neugriech. Studien въ Sitzber. d. Wiener Akad. 132 Bd. 1895. Кромѣ понятій изъ области военнаго дѣла и нѣкоторыхъ словъ изъ области бюрократіи, здѣсь находимъ большое число понятій изъ области повседневной жизни, названія для овощей, частей одежды, практическихъ сферъ дѣятельности, для дома, его частей и обстановки. Многія изъ этихъ словъ, бывшія въ ходу въ тысячелѣтній періодъ римскаго вліянія, потомъ исчезли изъ языка. Вопросъ о заимствованіяхъ изъ латинскаго въ эпоху κοινῆς, вполнѣ еще не изслѣдованъ (Lafoscade, Influence du latin sur le grec въ Études Психари, ограничилъ свою тему). Здѣсь надо использовать и надписи, и папирусы, и литературныя произведенія эпохи, и заимствованія наконецъ латинскихъ словъ черезъ греческій въ восточныхъ языкахъ. У авторовъ эпохи κοινῆς замѣчается, впрочемъ, большая сдержанность въ допущеніи латинскихъ словъ, напоминающая современныхъ греческихъ пуристовъ въ ихъ отношеніи къ романскимъ и турецкимъ словамъ (S. 159). Такъ, у Полибія, Плутарха, Іосифа Флавія. Если, не смотря на то, напр. Плутархъ, объясняющій обыкновенно латинскія слова греческими, употребляетъ и самъ нѣкоторыя латинскія слова, то этотъ фактъ особенно ясно показываетъ, насколько прочно утвердились въ языкѣ латинскія слова. Въ концѣ концовъ въ византийское время дѣшло уже до того, что напротивъ греческія слова стали поясняться болѣе привычными латинскими словами, напр., κυχλῖς ὁ τοῦ διχαστρίου κάγγελος, или χειρόμαχτρον ἢ χειρόμαχτρον μαυδῆλιον, или πέταυρα τίγνα, и т. под. у Гезихія.

Общій выводъ автора о κοινῇ въ этой главѣ тотъ, что въ разсматриваемый періодъ языкъ не болѣе поддавался иноземнымъ вліяніямъ, чѣмъ

это было свойственно древнегреческому языку. Значительное влияние латинского языка объясняется особыми историческими условиями, дѣлавшими широкій обмѣнъ языковъ вполне естественнымъ.

5-ая глава. Діалектическая дифференціация $\kappa\alpha\iota\nu\eta\varsigma$. Положеніе библейскаго греческаго языка. Авторъ признаетъ къ I-му в. нашей эры 5 діалектическихъ группъ $\kappa\alpha\iota\nu\eta\varsigma$: 1) египетскій, 2) малоазійскій и три въ области самой Греціи: 3) іоническій (іонически окрашенный $\kappa\alpha\iota\nu\eta$) въ области іонянъ, 4) $\kappa\alpha\iota\nu\eta$, дорической окраски, на дорическихъ о-вахъ, въ Пелопоннѣсѣ, въ областяхъ этолійскаго и ахейскаго союзовъ, 5) аттический $\kappa\alpha\iota\nu\eta\nu$. По отношенію къ этимъ группамъ понимаетъ Thumb и слова Квинтиліана XI 2, 50 о Крассѣ, владѣвшемъ «quinque graeci sermonis differentias» (S. 167).

Впрочемъ эти мѣстные народныя нарѣчія не находятъ себѣ достаточно опредѣленнаго выраженія ни въ надписяхъ, ни въ папирусахъ, ни въ литературныхъ произведеніяхъ, такъ какъ всѣ эти памятники въ большей или меньшей степени обнаруживаютъ извѣстное литературное направление, вкусы, степень образованности, смотря по времени (императорское время и римское время) и по происхожденію (канцелярія, $\delta\eta\mu\omicron\varsigma$ и частныя лица). Кромѣ того, нюансы произношенія болѣе тонкаго рода не находятъ себѣ выраженія въ письмѣ, а между тѣмъ они, какъ мы видѣли, часто какъ разъ характерны для діалекта данной мѣстности.

Авторъ, далѣе, критикуетъ нѣкоторыя укрѣпившіяся въ научной литературѣ мнѣнія объ особыхъ діалектахъ эллинистической эпохи. Таковъ «александрійскій» діалектъ, особенности коего, велѣдъ за александрійскими учеными, мнили обнаружить изслѣдователи новаго времени, начиная со Штурца (De dialecto macedonica et alexandrina liber. Lpg. 1808), до новѣйшихъ трудовъ Buresch'a (Rhein. Museum XLVI Bd. и Philologus LI Bd.). Разбирая мнѣніе послѣдняго, Thumb указываетъ, что, рядомъ съ особенностями дѣйствительно характерными для Египта, онъ даетъ мѣсто и признакамъ, принадлежащимъ $\kappa\alpha\iota\nu\eta$ вообще, или признакамъ сомнительнаго характера. Отъ этого египетскаго $\kappa\alpha\iota\nu\eta$ надо строго отличать ломаную рѣчь неэллинизированныхъ египтянъ (коптовъ, нубійцевъ), вродѣ надписи Силькона ($\tau\omicron\upsilon\ \epsilon\nu\delta\omicron\zeta\omicron\tau\omicron\varsigma\ \tau\omicron\ \pi\omicron\tau\alpha\mu\omicron\iota\ \upsilon\delta\alpha\tau\alpha$ у Hesselring'a—греч. тексты въ коптскомъ письмѣ, Museum VI 1899. nr. 11). Понятіе «іудейско-греческаго» устраниено уже Дейссманомъ. Что языкъ 70-ти вызвалъ до сихъ поръ столь мало работъ, тѣмъ болѣе странно, что почва здѣсь подготовлена изданіями и конкорданціями ¹⁾.

1) Anz, О лексическомъ запасѣ Пятикнижія. Dissert. Halenses XII (1894).

Kennedy, Sources of New Testament Greek or the influence of the Septuagint in the vocabulary of the New Test. Edinburgh. 1895.

Hatch and Redpath, A concordance to the Septuagint and the other greek versions of the Old Testament. Oxford 1892.

Hatch, Essays in Biblical Greek. Oxford. 1889.

A. Podlaka, Die griech. Uebersetz. d. heil. Schriften d. A. Test. T. I. Progr. Prag 1895 (на чешскомъ языкѣ).

Византийскій Временникъ.

Въ числѣ признаковъ александрійскаго, іудейско-греческаго діалекта Buresch съ торжествомъ указывалъ форму $\epsilon\pi\alpha\upsilon\nu\acute{\alpha}\omega$ вмѣсто $\epsilon\pi\alpha\upsilon\nu\acute{\alpha}\omega$, въ увѣренности, что такой не найдется ни въ папирусахъ, ни на надписяхъ. Но Thumb отмѣчаетъ ее въ папирусе 22 г. по Р. Хр. ($\epsilon\pi\alpha\upsilon\nu\eta\tau\alpha$ Охуг. Паругі II 294, 9.10; также $\epsilon\pi\alpha\upsilon\nu\alpha$ 388 г. по Р. Хр. *ibid.* I 67, 18). Значить, это признакъ египетскаго $\kappa\omicron\iota\nu\eta\varsigma$ (срв. еще $\alpha\phi\alpha\upsilon\delta\iota\sigma\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron\iota$ отъ $\alpha\phi\epsilon\iota\delta\acute{\epsilon}\omega$). $\kappa\alpha$ = $\kappa\alpha\iota$, $\gamma\acute{\epsilon}\gamma\alpha\kappa\tau\alpha$, $\kappa\alpha\chi\eta\mu\acute{\alpha}\tau\iota\sigma\tau\alpha$, $\epsilon\gamma\gamma\alpha\iota\omega\nu$ вмѣсто $\epsilon\gamma\gamma\epsilon\iota\omega\nu$ (Grenfell, Parugi I 30, 18)—все это признаки туземнаго египетскаго вліянія (S. 177).

Въ разборѣ мнѣнія Krauss'a о палестиноиудейскомъ греческомъ въ словахъ, заимствованныхъ въ еврейскихъ книгахъ, Thumb опять указываетъ на то, что и этимъ ученымъ вполне обыкновенныя явленія $\kappa\omicron\iota\nu\eta\varsigma$ въ образованіи словъ отнесены къ специально палестинно-іудейской области.

Языкъ Нов. Завѣта тоже требуетъ сближенія съ $\kappa\omicron\iota\nu\eta$ въ папирусахъ и надписяхъ. Такъ, такія явленія стиля, отмѣчаемыя Норденомъ, какъ скопленіе мѣстоименія $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$, отсутствіе члененія предложений путемъ $\mu\acute{\epsilon}\nu$ $\delta\acute{\epsilon}$, безграничная скудость частицъ, не составляютъ чего-нибудь особаго въ стилѣ $\kappa\omicron\iota\nu\eta\varsigma$. Впрочемъ, разумѣется, между различными авторами Новаго Завѣта здѣсь наблюдается большая разница въ стилѣ. Такъ, у Луки и Павла Blass отмѣчаетъ, *Gramm. d. neutest. Griech.* S. 5, особую близость къ литературному языку, ср. также Norden, *Die antike Kunstprosa* II 485 ff., Blass, *Acta Apost.* S. 14 fg. Лука не только избѣгаетъ арамейскихъ и латинскихъ словъ ($\beta\alpha\beta\beta\epsilon\iota$, $\alpha\gamma\gamma\alpha\epsilon\upsilon\omega$; вмѣсто $\alpha\mu\eta\nu$ употребляетъ— $\alpha\lambda\eta\theta\acute{\epsilon}\varsigma$, вмѣсто $\kappa\omicron\delta\rho\alpha\nu\tau\eta\varsigma$ — $\lambda\epsilon\pi\tau\acute{o}\nu$), но и такихъ еллинистическихъ выраженій, которыя отвергаются аттицистами (онъ употребляетъ: $\epsilon\sigma\theta\acute{\iota}\omega$ вмѣсто $\tau\rho\acute{\omega}\gamma\omega$, $\alpha\pi\omicron$ $\tau\omicron\upsilon$ $\nu\upsilon\nu$ вм. $\alpha\pi'$ $\delta\rho\tau\iota$, $\sigma\omicron\mu\alpha$ вм. $\pi\tau\acute{\alpha}\mu\alpha$, $\sigma\tau\epsilon\iota\phi\omega$ вм. $\delta\iota\alpha\sigma\kappa\omicron\rho\pi\acute{\iota}\zeta\omega$); онъ держится также аттической грамматики, а не еллинистической ($\epsilon\kappa\alpha\delta\iota\sigma\epsilon$ вм. $\kappa\epsilon\lambda\acute{\alpha}\delta\iota\kappa\epsilon\nu$, $\tau\iota\varsigma$ вм. $\epsilon\iota\varsigma$, $\epsilon\kappa\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon$ вм. $\iota\delta\iota\omicron\varsigma$, $\epsilon\pi\iota$ $\lambda\acute{\iota}\delta\omega$ вм. $\epsilon\pi\iota$ $\lambda\acute{\iota}\delta\omicron\upsilon$, $\iota\sigma\alpha\sigma\iota$ вм. $\omicron\iota\delta\alpha\sigma\iota$).

Разоблачая, такимъ образомъ, прираокъ іудейско-греческаго діалекта (греческій палестинскихъ іудеевъ расходится съ языкомъ Нов. Завѣта, судя по значенію нѣкоторыхъ словъ въ еврейскихъ книгахъ, S. 185), Thumb съ избыткомъ вознаграждаетъ за потерю этого и другихъ мнимыхъ діалектовъ $\kappa\omicron\iota\nu\eta\varsigma$ своими цѣнными соображеніями относительно отраженія въ нѣкоторыхъ фонетическихъ явленіяхъ новогреческихъ діалектовъ состоянія діалектовъ языка еще въ періодъ $\kappa\omicron\iota\nu\eta\varsigma$ (S. 187—189). Это: 1. Ирраціональный γ между гласными, который Крумбахеръ прослѣдилъ назадъ до древнѣйшихъ вульгарногреческихъ текстовъ (*Sitz. ber. d. bayer. Akad.* 1886, S. 373 fgg.), въ то время какъ въ другихъ онъ отсутствуетъ. То же явленіе, хотя и очень распространено въ новогреческомъ, но во многихъ діалектахъ (напр., на о-вахъ Егейскаго моря) не-

Отмѣтимъ еще здѣсь къ дальнѣйшему, объ апостолахъ Лукахъ:

Th. Vogel, *Zur Charakteristik d. Lukas nach Sprache u. Stil.* Lpg. 1897, и отдѣльное изданіе евангелія отъ Луки Бласса.

известно, и напротивъ въ этихъ діалектахъ скорѣе является правиломъ исчезновеніе и стараго γ, такъ, на Икарѣ, Родосѣ и о-вахъ, близкихъ къ нимъ по діалекту. 2. Палатализація χ передъ е, і (tš, ts, ts). Въ новогреческомъ это явленіе въ разныхъ степеняхъ распространено опять на широкую область діалектовъ. Однако, сопоставляя его съ подобнымъ же явленіемъ въ романскихъ языкахъ, послѣднее представляется болѣе всеобщимъ. Такъ какъ во французскомъ уже къ X в. явилась дальнѣйшая ступень палатализаціи ts въ z, то *начало* палатализаціи въ греческомъ, конечно, надо относить ко времени еще раньше X-го вѣка. Опять, слѣдовательно, въ κοινῇ χ передъ е, і произносилось въ разныхъ мѣстностяхъ въ различной степени палатально и еще въ этомъ періодѣ скрываются зародыши дифференціаціи новогреческихъ діалектовъ (въ памятникахъ κοινῆς, въ заклинаніяхъ на дощечкахъ) см. Sothian, Verfluchungstafeln, ок. 400 г. — S. 191). 3. Переходъ λ → consonans въ ρ → consonans (ἄδερφός). Онъ засвидѣтельствованъ въ изобилии и для κοινῇ изъ различныхъ областей. Въ новогреческомъ Thumb отмѣчаетъ различіе по собственнымъ наблюденіямъ (письменные свидѣтельства ненадежны). Въ Азій южная и западная Мал. Азія на надписяхъ (съ ρ) расходятся съ сѣв.-восточною въ нынѣшнихъ ея діалектахъ (съ λ). 4. Произношеніе звука η, закрытое въ Бэотіи и Θεσσαλίи и открытое въ Атикѣ и Іоніи. 5. Судьбы звука υ (υ, ιυ, ι). Нюансы произношенія, надо предполагать, еще въ κοινῇ имѣли каждый свою область распространенія. Въ связи съ палатализаціей χ мягкое произношеніе υ надо допускать еще раньше X-го в. тамъ, гдѣ гортанные смягчаются передъ нимъ, въ области Бова и Terra d'Otranto (S. 195 *εἰγὶ κύρις, ἰμμή γυνὴς*). 6. Переходъ α въ ε въ сосѣдствѣ съ ρ и λ: *κρεββάτι, ἀλεχάτη*. 7. Въ образованіи 3 лица множ. числа въ *ргаев.* въ новогреческомъ — οὐν (*δένουν*), въ *imprf.* и *aor.* — αὐ (*ἐδεναν, ἐδεσαν*). Но въ нѣкоторомъ рядѣ діалектовъ, на Кипрѣ, на Егейскомъ морѣ, въ южн. Италіи и дрр. мм. — οὐσι и — ασι. Замѣна — οὐσι путемъ — οὐν и αὐ путемъ — ασι началась уже въ пору позднѣйшей древности (*ἐπιτῆδαιούσων* V в. Мал. Азіи и *ἀγάγων = ἀγάγωνσι* на папирусѣ 148 г. по Р. Хр.; дагѣ *ἐπὶ λῃσι* на папирусѣ 215 г. по Р. Хр.; *ἐποήσασι, ἐλάβασι* въ ранней христіанской литературѣ, см. Hatzidakis, Einl. 112, Iannaris p. 201 f., Dieterich, 236, 247, Reinhold, p. 81 f.). Такъ какъ въ новогреческомъ еще не проведены единообразныя формы, то, значитъ, надо предполагать особенную пестроту ихъ въ κοινῇ, т. е. существованіе рядомъ комбинацій *φέρουσι — ἐλαβαν, φέρουν — ἐλαβαν, φέρουσι — ἐλάβασι*. Это не противорѣчитъ предположенію, что типъ *φέρουσι — ἐλάβασι*, въ мѣстностяхъ, гдѣ онъ наблюдается еще сейчасъ, унаслѣдованъ съ древнихъ временъ, что, слѣдовательно, образованіе отличало, напр., κοινῇ мѣстностей по Егейскому морю отъ прочихъ нарѣчій κοινῆς, которыя имѣли *φέρουσι — ἐλαβαν* или *φέρουν — ἐλαβαν*. 8. Для 3 л. множ. числа *imprf.* и *aor.* уже въ древнемъ κοινῇ существовало еще дальнѣйшее образованіе, *ἐλάβοσαν, ἤλθοσαν, ἐφάσκησαν* (надписи, папирусы; литературные памят-

ники у Рейнгольда). Въ новогреческомъ вообще правильное окончаніе 3 л. множ. ч. imperf. сокращательныхъ глаголовъ—ἐλάλοῦσαν. Полное уничтоженіе формы въ новогреческомъ внѣ спряженія v. contracta опять указываетъ на мѣстное ограниченіе упомянутыхъ формъ. Съ этимъ совпадаетъ то обстоятельство, что —σαν въ желат., по крайней мѣрѣ для Бэотіи, соотвѣтствуетъ окончанію—σαν въ вышеупомянутыхъ формахъ.

9. Новогреческіе аористы на х въ нѣкоторыхъ греческихъ діалектахъ. Позднѣйшій κοινή смѣшиваетъ perf. съ аор.: εἶδον καὶ ἤξιωκα на папирусѣ II-го в. до Р. Хр. Аористы ἔδωκα, ἔθηκα, ἀρῆκα вліяютъ тутъ несомнѣнно. Ἐδωσα засвидѣтельствована до II в. по Р. Хр. (Dieterich 220). Вѣроятно, такіа двойныя формы, какъ ἔδωκα и ἔδωσα, вліяли на отношеніе ἤξιωσα: ἤξιωκα.

Въ заключеніе этой главы Thumb высказываетъ пожеланіе, чтобы греческое правительство озаботилось изданіемъ діалектологическихъ матеріаловъ, по крайней мѣрѣ собранныхъ до сихъ поръ и разбѣянныхъ по разнымъ изданіямъ, и такимъ образомъ положило основу къ будущему Sprachatlas, вродѣ того, какой готовится для Румыніи.

6-ая глава. *Происхожденіе и сущность κοινής*. Thumb опредѣляетъ здѣсь, прежде всего, элементы аттическаго нарѣчія въ составѣ κοινής, по даннымъ вулгарнаго аттическаго нарѣчія (въ надписяхъ на вазахъ), S. 207. Таковы: 1) развитіе гласнаго между двумя согласными: τοῦραμάρχης вм. τοῦρμάρχης, срав. новогреч. τοῦροῦνι, какъ въ аттич. Ἐρεμῆς, Τεράπων, 2) измѣненіе εи въ ε: πλέον, Καρνέου, ср. аттич. ὑγία и т. д. 3) ἑροφός, ἑρέφω срв. новогреч. χοχλάμι (= χοχλάμιον), какъ аттич. χόλχος = κόλχος. 4) γίνομαι, какъ аттич. Ἀριά(ν)η изъ Ἀριάγνη. 5) диссимилиція слоговъ: δέσκαλος, προσωπίεα или визант. Χαλκονδύλης, какъ аттич. Γλαυκλέης вм. Γλαυκοκλέης. 6) ἀνάβα, κατάβα въ κοινή и въ новогреч., какъ ἀνάβα на аттич. вазахъ. 7) ιδέ, λαβέ, новогреч. ιδέ(ς), εἰπά(ς).

Рядомъ съ аттическимъ существенная роль въ составѣ κοινής принадлежитъ іоническому нарѣчію. Его вліяніе обнаруживается въ выборѣ словъ. Изъ словъ κοινής, показанныхъ у аттицистовъ, значительная часть отыскивается у Гомера, Гекатея, Геродота и Гиппократъ. На Геродота ссылаются для такихъ словъ иногда и сами аттицисты, см. S. 209 fg. Такъ и въ спискѣ словъ Пятикнижія у And'а, Subsidia ad cognoscendum Graecorum sermonem vulgarem e Pentateuchi versione alex. repetita. (Diss. Halens. XII. 1894 г.) находимъ слова: αἰρετίζω, διαφάσκω, ἐπιδιαίρω, ζυμῶω (новогреч. ζυμώνω), καθυστέρω, ὑψόω. Далѣе, въ папирусахъ и въ Новомъ Завѣтѣ находимъ нѣкоторыя изъ указанныхъ выше словъ аттицистовъ. У Полибія и Иосифа Флавія вообще обнаруживается родство языка съ языкомъ κοινής на надписяхъ и папирусахъ. При этомъ у обоихъ авторовъ можно отмѣтить рядъ совпаденій словъ съ новогреческими: ἀπραγίω (понтійск. ἀπραγιώνω), εὐχαίρεω (новогреч. εὐχαίρω), εὐχαριστέω (новогреч. φχαριστῶ), μεσολαβέω (μεσολαβῶ), ἐξοδεύω (ξοδεύω), πελεκίζω (πελεκῶ—у Полибія). У Иосифа: κωδώνιον (κωδούνι), ψωρός (въ новогреч. много словъ той

же основы), *πίστευσις* (*πίστεισις*). Потому и у этих писателей встречаемъ рядъ іонизмовъ, см. S. 218 (сопоставленія съ Гиппократомъ и Геродотомъ). Въ виду того, что многія изъ этихъ словъ являются также на надписяхъ и папирусахъ, Thumb рѣшительно отвергаетъ предположеніе, будто бы Полибій и Іосифъ Флавій обязаны этими словами прилежному чтенію Гиппократа и Геродота.

Вторженіе іоническихъ элементовъ въ аттический запасъ языка можно прослѣдить еще очень далеко назадъ. Такъ, уже у Аристотеля (Kaibel, *Stil* и *Text* d. πολιτ. 'Αδ. d. Aristot. 1893, p. 44) являются іонизмы: *ἀπαρτίζω*, *ἐκτιτρώσκω* и *κοιῶζω*, дагѣ *νῶθρός* и *κῶνωψ*. Впрочемъ это вліяніе іоническаго на аттический было вполне естественнымъ результатомъ литературныхъ отношеній. У Ксенофонта тоже много іонизмовъ, даже въ древней комедіи замѣчается *τὸ ἰάζιν*.

Въ образованіи словъ іоническое вліяніе обнаруживается, напр. у Полибія, въ сильномъ умноженіи образованій средняго рода на—*μα* (въ аттич. другія образованія: *ἀπόκρισις*, *ἐγκλισις*, *νόσος*, іонич. *ἀπόκριμα*, *νόστημα*). Преобладаніе тѣхъ же образованій въ аттической трагедіи результатъ того же вліянія.

Отсюда Thumb переходитъ (S. 217) къ вопросу о вліяніи на *κοινὴν* поэтическаго языка классической поры. Въ библейскомъ греческомъ, въ папирусахъ и другихъ текстахъ *κοινῆς* (напр., *ἐρμην.* Vaticana въ *Comm. philol. Ienens.* V), наконецъ въ новогреческомъ народномъ языкѣ вліяніе этого поэтическаго языка проявляется самымъ яснымъ образомъ, см. списокъ у Thumb'a S. 217 — 219, гдѣ звѣздочками отмѣчены слова, встречающіяся въ греческой трагедіи; и опять здѣсь многое происходитъ изъ іоническаго нарѣчія. Нельзя думать, чтобы переводчики Ветхаго Завѣта или авторы Новаго, или наконецъ лица, составлявшія счеты и инвентари и дѣлавшія другія записи, касающіяся повседневнаго быта, стали съ намѣреніемъ выискивать слова изъ области поэтическаго языка. Но это явленіе проникновенія въ ходячій языкъ поэтическихъ словъ обнаруживается и въ другихъ случаяхъ. Thumb, вслѣдъ за Рѣзерфордомъ, (*ἄκτῆ*, *ζωστήρ* — названія мѣстностей, слѣдовательно, слова народнаго языка; но въ литературной прозѣ они не употребляются), полагаетъ, что проза отвергла нѣкоторыя слова народнаго языка, оставшіяся только въ поэзіи. Іоническіе элементы были еще въ разговорномъ аттическомъ языкѣ и отсюда они проникли въ трагедію, и въ *κοινὴν*, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя слова. Таблица вліянія на языкъ библейскій запаса словъ классической поры представлена у Kennedy, срв. Thumb, S. 222. Впрочемъ происхожденіе многихъ новыхъ словъ остается невыясненнымъ. О немногихъ элементахъ другихъ нарѣчій, кромѣ іоническаго, въ *κοινῇ*, см. S. 224.

Thumb, затѣмъ, касается значенія своихъ выводовъ о составѣ *κοινῆς* для ниспроверженія ложныхъ мнѣній о пользованіи однихъ авторовъ эллинистической поры другими, какъ напр., Іосифа Флавія Лукою. См. Мах

Krenkel, Iosephus und Lucas. Der schriftstellerische Einfluss des jüdischen Geschichtschreibers auf den christlichen. Lpg. 1894. Th. Vogel, Zur Charakteristik d. Lukas nach Sprache и Stil. 2 Aufl. 1899. Также то обстоятельство, что Лука употребляетъ рядъ медицинскихъ выраженій, которые встрѣчаются у Гиппократъ и другихъ врачей, не доказываетъ изученія имъ медицинскихъ сочиненій, но, самое большее, знаніе обычной медицинской терминологіи. Нѣкоторыя изъ этихъ выраженій, какъ $\epsilon\chi\epsilon\iota\nu\ \epsilon\nu\ \gamma\alpha\sigma\tau\rho\acute{\iota}$ (новогреч. $\epsilon\gamma\gamma\alpha\sigma\tau\rho\acute{\omega}\nu\omicron\mu\alpha\iota$), $\epsilon\chi\chi\upsilon\omicron\varsigma$ (тоже новогреч.), $\sigma\tau\epsilon\phi\alpha$ или $\beta\epsilon\lambda\acute{o}\nu\eta$ (игла хирурга, вм. $\rho\alpha\phi\acute{\iota}\varsigma$, новогреч. $\beta\epsilon\lambda\acute{o}\nu\eta$), тоже принадлежать къ общимъ элементамъ разговорной рѣчи. Далѣе, тѣ отзвуки изъ Еврипида, которые недавно думалъ найти въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ Нестле (Philol. LIX 1900),—слишкомъ общаго характера, чтобы доказывать что-нибудь болѣе, какъ только то, что нѣкоторые элементы еврипидова языка и фразеологіи и таковыя же Дѣянія Апостольскихъ сводятся къ одному и тому же источнику—народной рѣчи. То же касается отношенія запаса словъ Новаго Завѣта къ языку 70-ти. Thumb высказываетъ здѣсь пожеланіе (S. 226) для греческаго языка выработки такого же свода, каковъ будетъ Thesaurus linguae latinae, предпринятый въ послѣднее время.

Разбирая теорію бэотійскаго происхожденія итализма Кречмера, Thumb замѣчаетъ, что, если въ Египтѣ раньше всего «превращается въ i , то трудно думать, чтобы бэотійское вліяніе, не передавшееся на Атику, могло сказаться въ Египтѣ. По мнѣнію Thumb'a, отдѣльныя явленія шли изъ различныхъ центровъ (срв. объ u раньше, S. 139 и S. 193 fgg.), такъ между прочимъ и измѣненное произношеніе согласныхъ. Всѣ эти явленія стоятъ внѣ связи съ древними діалектами, такъ какъ и по мѣсту не согласуются съ такимъ предположеніемъ. Еще сомнительнѣе кажется Thumb'у производить различныя новыя формы системы флексіи изъ отдѣльных діалектовъ, напр., виѣстѣ съ Кречмеромъ, употребленіе именительнаго множ. на- $\alpha\varsigma$ виѣсто винительнаго (въ Египтѣ уже во II в. до Р. Хр.) считать за явленіе сѣверогреческаго происхожденія, или новогреческое удареніе $\acute{\alpha}\gamma\gamma\acute{\epsilon}\lambda\omicron\iota$, $\epsilon\gamma\gamma\acute{\alpha}\psi\alpha\nu$ —за дорическое. Κοινή характеризуется явнымъ стремленіемъ къ упрощенію и уравнию, отсюда и $\acute{\alpha}\gamma\omega\nu\omicron\varsigma$ срв. $\theta\eta\lambda\epsilon\acute{\iota}\omicron\iota\varsigma$, $\pi\acute{\alpha}\nu\tau\omicron\iota\varsigma$, $\acute{\alpha}\lambda\epsilon\chi\tau\acute{o}\rho\omicron\iota$ на папирусахъ, и $\acute{\alpha}\rho\chi\omicron\nu\tau\omicron\iota$ вм. $\acute{\alpha}\rho\chi\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$.

Отмѣчаемъ далѣе объясненіе происхожденія системы склоненія новогреч. *nomina agentis* (ремесла, но также тѣлесныя свойства, вродѣ $\kappa\epsilon\phi\alpha\lambda\acute{\alpha}\varsigma$, $\chi\epsilon\iota\lambda\acute{\alpha}\varsigma$) masc.— $\acute{\alpha}\varsigma$, $\acute{\alpha}$, *femin.*— $\omicron\upsilon\varsigma$, $\omicron\upsilon$, *plur.*— $\acute{\alpha}\delta\epsilon\varsigma$,— $\omicron\upsilon\delta\epsilon\varsigma$ въ связи съ іоническими $\beta\iota\tau\acute{\alpha}\varsigma$, $\beta\iota\tau\acute{\alpha}\delta\omicron\varsigma$ и т. п.; на папирусахъ родит. пад. — $\acute{\alpha}$. Единственное число сохраняетъ въ новогреческомъ равносложность, какъ въ $\kappa\omicron\iota\nu\eta$ (на папирусахъ), а во множественномъ беретъ верхъ система іоническаго склоненія и послѣдняя во множ. распространяется не только на слова заимствованныя: $\acute{\alpha}\gamma\acute{\alpha}\varsigma$, $\pi\alpha\pi\omicron\upsilon\tau\acute{\zeta}\eta\varsigma$, $\beta\epsilon\zeta\acute{\upsilon}\rho\eta\varsigma$, но и на греческія образованія: $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\iota}\alpha\varsigma$, $\kappa\alpha\rho\alpha\beta\omicron\chi\acute{\upsilon}\rho\eta\varsigma$, $\rho\acute{\alpha}\phi\eta\varsigma$, $\kappa\epsilon\rho\acute{\alpha}$ и т. д.

Первые зародыши дерева, поднимающагося во весь свой могучій

рость въ III-емъ в., можно прослѣдить еще въ V-мъ в. до Р. Хр., въ эпоху расцвѣта морского аеинскаго союза. Аттическое населеніе, послѣ побѣды при Микале, вступаетъ въ тѣсныя сношенія съ іоніанцами. Аеины развиваются внутри обширнаго союза въ значительный торговый пунктъ. Помѣщеніе аттическихъ гарнизоновъ въ союзныхъ городахъ, высылка аттическихъ колоній (напр., въ Евбею, Наксосъ, Андросъ, даже въ Ситию и Амисъ) имѣли послѣдствіемъ насыщеніе іонической области аттическими народными элементами. Въ результатъ, съ одной стороны, аттическіе писатели примѣшиваютъ къ своему діалекту іоническіе элементы. Ксенофонтъ пишетъ смягченнымъ аттическимъ діалектомъ ('Οσμή μὴ λέγῃν διὰ τοῦ σ· διὰ γὰρ τοῦ δ, ὀδμή, 'Ιόνων' παρανομεῖ τοῦν Ξενοφῶν εἰς τὴν πατρῶν διάλεκτον ὀδμή λέγων, говоритъ аттицистъ Фриниѣхъ. «Языкъ Ксенофонта — предвосхищеніе *κοινής*» замѣчаетъ къ этому Резерфордъ, *The new Phrygichus* p. 160). Съ другой стороны, если Гекатей писалъ на *ἄκρατος*, οὐ μαμυρένη 'Ιάς, то у Геродота уже *κοκίλη* 'Ιάς, и, конечно, въ элементахъ этого 'Ιάς играетъ роль тотъ культурный кругъ, который могъ ему дать матеріалъ панаеллинскаго языка, аттическій (Zagriske, *Griech. Literatursprache* 1890. Smyth, *Ionic*). Аттическое вліяніе проявляется уже съ V в. въ іоническихъ надписяхъ (въ договорѣ царя Аминты Макед. съ халкидянами—м. 389 и 383 гг.—*μας* рядомъ съ *φιλήν* и друг. іоническими формами, *Sylloge Dittenberger's* I nr. 60).

Малая сила сопротивленія іоническаго нарѣчія не говоритъ за то, чтобы оно стало основой новой формы языка. Однако то, на что Іоняне обмѣняли свой діалектъ, не было аттическое нарѣчіе, но «смягченное» аттическое, т. е. *κοινή*: они продолжали употреблять свое σσ, а не аттическое ττ, свое ρρ, а не аттическое ρρ, и первое время оставались довольно самостоятельными и въ запасѣ словъ. Въ этомъ состояніи языкъ можно бы назвать, съ Wilamowitz'емъ (*Ztschr. f. d. Gymn. Wesen* 1884), «перечеканеннымъ аттическимъ». Мы видѣли уже не разъ, что и аттическое племя пошло на встрѣчу іоніянамъ. Если государственные документы и договоры даютъ мало свидѣтельствъ для этого, то надо имѣть въ виду заботливое редактированье текстовъ. Тѣмъ замѣчательнѣе, что въ договорѣ съ Наксосомъ (начало IV-го в.) въ клятвахъ, которыя имъ должны были принести иноплеменники, и въ клятвѣ, которую они сами въ 336 г. принесли Александру В., аеиняне не допустили строгаго аттическаго діалекта, но до нѣкоторой степени формы *κοινής* (σσ вм. ττ, Meisterhans, *Gramm. d. att. Inschr.* p. 77 Anm. 728. 728 a). Также въ аттическихъ документахъ внѣ Аттики (которые еще не использованы со стороны языка) обнаруживается, что побѣдоносное аттическое нарѣчіе въ извѣстной мѣрѣ шло на встрѣчу другимъ діалектамъ: въ то время какъ въ самой Аттикѣ, напр., форма *κοινής*—*ναός* вм. *νεός* появляется лишь съ 250-го г. до Р. Хр., делосская надпись аеинскаго происхожденія уже во 2-ой половинѣ IV-го в. содержитъ форму *ναποιοί* (*Bull. de corr. hell.* VIII 324).

Понятно, что процессъ койнонизации въ самой Аттикѣ совершается медленно.

Время до Александра В. служить въ нѣкоторомъ родѣ подготовкой *κοινῆς*: на аттической основѣ возникла форма языка, въ которой строго іоническія характерныя черты (какъ, неслитныя формы и іонич. *η*) появляются только скорѣе случайно, или аттическія и іоническія фонетическія явленія, какъ *ττ* и *σσ*, *ρρ* и *ρσ*, находились въ такъ сказать напряженномъ состояніи, но въ остальномъ аттическая система звуковъ (*α* и контракція), также аттическая флексія оставались правиломъ.

Съ отрѣшеніемъ этой формы языка отъ ея іоническо-аттической родины начинается развитіе *κοινῆς* въ собственномъ смыслѣ слова. Торговля поселенія греческихъ купцовъ, напр. аттическихъ купцовъ въ финикійскомъ Акко, существовавшее еще во времена Демосоена (Schürer, *Gesch. d. jüd. Volkes* II³ 111), являются уже носителями такого развитія. Въ большихъ размѣрахъ оно совершилось благодаря мировой политикѣ Александра В. Греческая культура стала мировой культурой: она служила македонскому царю въ его основаніи обширнаго царства важнымъ связующимъ средствомъ и дала этому новому многоплеменному царству *неотъемлемое преимущество въ единомъ языкѣ*. Таковымъ естественно оказался аттический, бывшій разговорнымъ языкомъ въ области эгейскаго моря. Этотъ языкъ македонскихъ царей и еллинизированныхъ македонцевъ, конечно, нельзя приравнивать къ чисто аттической его формѣ у Демосоена. Въокъ греческихъ городовъ, опоясывавшій побережье Македоніи, былъ посредникомъ для этого аттического, прошедшаго сквозь горнило іоническаго діалекта, который можетъ уже быть охарактеризованъ, какъ нѣкоторый видъ *κοινῆς*. Такъ напр., въ 2-хъ письмахъ царя Антигона къ жителямъ Теоса, 304 или 303 г. до Р. X. (Dittenberger, *Sylloge* nr. 126) мы находимъ формы *τέσσαρσιν* и *τεσσεράκοντα*, *συντάσσα*, *Χερσόνησον* и *χρᾶσαι* (неоднократно, при *χρῆσαι* въ одномъ случаѣ), слѣдовательно, вполне характеристическіе типы *κοινῆς*, которые или вполне чужды аттическому, или проникли въ него изъ *κοινῆς* позднѣе (*χρᾶσαι* въ Аттикѣ впервые со II-го в. до Р. Хр., см. Meisterhans p. 139): они носятъ отпечатокъ іонически окрашеннаго аттического языка.

Такимъ образомъ языкъ, который Александръ Великій несъ въ Персидское царство и въ Египетъ, былъ уже *κοινὴ διάλεκτος*. Его войско, въ которомъ были и македонцы и еллины, пользовалось (рядомъ съ македонскимъ) и греческимъ языкомъ и послѣдній не могъ быть чѣмъ инымъ, какъ *κοινὴ* (срв. и Hatzidakis, *Zur Abstammung d. Makedonier*, Athen 1897. Прежнія воззрѣнія о «македонскомъ» происхожденіи *κοινῆς* теперь сами собою получаютъ отвѣтъ себѣ). Преобладаніе іоническихъ и аттическихъ элементовъ въ войскѣ Птолемеевъ и въ городахъ (Kuhn, *Ueber d. Entsteh. d. Städte d. Alten*, 1878, S. 364, Mitteis, o. c.—въ Антигоніи—македоняне и аеоняне, въ Антиохіи смѣшанное населеніе, но все же съ преобладаніемъ іоническо-аттическаго элемента; въ Египтѣ іоническая

колонія Навкратисъ) несомнѣнно. Евреи, которыхъ въ Египтѣ, по Филону, было миллионъ, какъ языкомъ дѣловымъ, пользовались аттическо-іоническимъ *κοινῇ*.

Такъ создавалась та тучная почва, на которой могъ роскошно разрастаться *κοινῇ διάλεκτος*; и какъ быстро самые разнообразные круги объединялись на почвѣ общаго языка, это показываютъ, напр., документы колоніи ветерановъ Арсинои, гдѣ мы встрѣчаемъ отдѣльныя черты *κοινῆς* (родство съ языкомъ 70-ти указалъ Mahaffy, On the Flinders Petri Papyri I 44 f., смотри также *ibid.* II 18), а не смѣшеніе различныхъ диалектовъ и диалектизмовъ.

Здѣсь вонутно Thumb опровергаетъ выводъ Швейпера (Gramm. d. Perg. Inschr. p. 24) о роли въ языкѣ александрійскаго греческаго населенія дорическаго элемента на основаніи «Адоніазусъ» Теокрита:

πελοποννησιστὶ λαλεῖται.
 δωρίσθεν δ' ἔξῃσι δοκῶ τοῖς Δωριέεσσι.

Это—частность, не затрагивающая распространеннаго въ Александріи *κοινῇ*. Женщины при томъ какъ бы извиняются за употребленіе своего доморощеннаго нарѣчія. Большая надпись Анданіи въ Мессеніи 96 г. до Р. Хр. (значить, въ самомъ очагѣ дорич. діал.) и то обнаруживаетъ уступки дорическаго діалекта еллинистическому языку.

Мы видѣли, что въ *κοινῇ* оставались нѣкоторыя іоническія формы рядомъ съ аттическими, срв. особ. *ττ* и *σσ*, *ρρ* и *ρσ*, неслитныя гласныя въ *χάλαρος*, *ὄστρεον* и т. под., также въ отдѣльныхъ случаяхъ *η* вм. *α*. Въ новогреческомъ наступило уравниеніе, причѣмъ *σσ* взяло верхъ, за исключеніемъ самыхъ незначительныхъ остатковъ, *ρρ* и *ρσ* раздѣлились по разнымъ словамъ, между тѣмъ какъ *η* вм. *α* уступило мѣсто послѣднему, неслитныя формы исчезли.

Скорѣе всего надо предполагать, что въ *κοινῇ* іоническія и аттическія формы боролись за господство. Уравниеніе между ними, т. е. побѣда той или другой формы, совершалось внѣ области аттическо-іоническаго языка, слѣдовательно въ новыхъ странахъ, впервые приобрѣтенныхъ еллинизмомъ: тамъ, гдѣ съ іоническо-аттическими поселенцами жили и представители другихъ греческихъ племенъ, равновѣсіе между аттическими и іоническими элементами *κοινῆς* могло измѣниться въ пользу одного или другого. Сравнивая настоящее состояніе, какъ конечный продуктъ старой борьбы, съ состояніемъ въ древности, можно выставить слѣдующія положенія относительно нѣкоторыхъ характерныхъ фонетическихъ явленій. Побѣду давало: 1) Согласіе іоническаго и аттическаго—надъ прочими діалектами. 2) Согласіе формы аттической съ прочими неіоническими діалектами—надъ іоническимъ. 3) Согласіе проникшей въ *κοινῇ* іонической формы слова съ формой прочихъ диалектовъ—надъ аттической. 4) Гдѣ діалекты, кромѣ іоническаго и аттическаго, сходились то съ тѣмъ, то съ другимъ, тамъ равновѣсіе сохраня-

лось (новогреч. *ἄρσεν*, но *ἀρσενικός*). 5) Компромиссъ между аттическимъ и іоническимъ при различіи ихъ формъ (*μαλός*, *συχλός*), или, при такомъ различіи,—на этотъ разъ Thumb допускаетъ это,—перевѣсъ дорической формы (*Παυσανία* при *Παυσανίου* att., *Παυσανία* ion.; *υἱός* въ *χοινῇ* при *υἱός* att. *υἱός* ion., S. 242 fg.).

Разбирая мнѣніе Dieterich'a объ особой роли въ особенностяхъ, впервые являющихся въ *χοινῇ*, Египта и Малой Азіи, Thumb замѣчаетъ, что, если имѣть въ виду не число примѣровъ, а число отдѣльныхъ явленій языка, то въ первый періодъ *χοινῆς* (до Р. Хр.) Греція недалеко отстаетъ отъ Египта и Малой Азіи и въ вокализмѣ, и въ консонантизмѣ, и во флексіи; во второй періодъ (четыре первые вѣка нашей эры) Греція далеко отстаетъ отъ Египта и Малой Азіи и Египетъ всеѣхъ болѣе впереди.

И это обстоятельство находитъ себѣ объясненіе. Многіе зародыши языковыхъ новообразованій возникли еще на греческой родинѣ, но не въ одномъ мѣстѣ, а тамъ и сямъ. Эти нововведенія на своей родинѣ распространялись только постепенно, но въ Египтѣ и въ Малой Азіи они сошлись при сліяніи пришлыхъ греческихъ элементовъ и стали прочнымъ достояніемъ *χοινῆς*. Если Малая Азія осталась сравнительно съ Египтомъ позади, здѣсь, можетъ быть, надо принять во вниманіе то обстоятельство, что эта область получала импульсы къ языковымъ измѣненіямъ преимущественно съ одной стороны, съ іонической; въ Египтѣ же перекрещивалось болѣе лучей новой жизни языка. — А какъ скоро въ эллинизированныхъ областяхъ совершилось сліяніе всеѣхъ притекшихъ сюда нововведеній въ языкъ, то онъ сталъ развиваться безпрепятственно и потому быстрѣе, чѣмъ на родинѣ, и мы наблюдаемъ потому во второй періодъ *χοινῆς* гораздо сильнѣйшую модернизацию языка, чѣмъ на родинѣ. На родинѣ старые діалекты составляли сильный тормазъ. Консервативная сила, какой обладаетъ деревня надъ городомъ, отпадаетъ въ городской культурѣ эллинизированнаго Востока. Греція осталась позади въ теченіе того періода, какой потребовался для преодоленія старыхъ діалектовъ. Совѣстливость языка, которая защищала его на родинѣ противъ чуждаго элемента, потаила въ широкомъ просторѣ міра торговыхъ и другихъ сношеній и не отклоняла болѣе нововведеній. Напр., образование по аналогіи *οἱ* вм. *αἱ* въ Египтѣ наступаетъ уже въ I-мъ вѣкѣ до Р. Хр. Греція насадила сѣмена, эллинистическія страны быстрѣе довели растеніе до цвѣтенія и зрѣлости. Этотъ результатъ изслѣдованія Dieterich'a остается несомнѣннымъ. Послѣ того и родина подверглась обратному воздѣйствію. Историческихъ данныхъ для такого широкаго сношенія Востока съ Западомъ, греческой родиной, мы имѣемъ достаточно (S. 247); іудеи опять тутъ играли широкую роль. Тому же распространенію эллинизма на родинѣ и гибели древнихъ діалектовъ содѣйствовала страшная убыль туземнаго населенія въ Греціи.

Въ періодъ *χοινῆς* явились слѣдующія черты, характерныя для ново-

греческаго: 1) итацизмъ, 2) новогреческій способъ сліянія гласныхъ (αο въ α, αη въ α), 3) измѣненіе ντ, μπ, γκ въ *nd, mb, ng*, 4) κτ въ χτ, πτ въ φτ, 5) σχ (σθ) въ σκ (στ), 6) исчезновеніе носоваго передъ спира́н-томъ, 7) измѣненіе λ въ ρ передъ согласнымъ, 8) смѣшаніе 1-го и 3-го склоненій, 9) развитіе парадигмы ᾱς, 10) исчезновеніе дательнаго пад., 11) медиальное спряженіе v. substant., 12) устраненіе глаг. на -μι, 13) уравненіе окончаній impf. и сильныхъ, а также сигматическихъ аористовъ, 14) начинающееся разложеніе основъ praesentis подъ влияніемъ основъ аориста, 15) потеря желательнаго.

Мы считали полезнымъ въ этомъ журналѣ дать подробное изложеніе книги Thumb'a въ виду того огромнаго значенія, которое имѣетъ научная постановка вопроса о *κοινή* для византійской литературы, въ особенности въ дѣлѣ изданія новыхъ памятниковъ греческаго языка византійской эпохи, въ частности тѣхъ изъ нихъ, гдѣ вульгарный, разговорный языкъ сохраняется болѣе нетронутымъ литературными вліяніями.

С. Шестаковъ.

Karl Krumbacher (a. o. Professor an der Universität München). *Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende der oströmischen Reichs* (527—1453). Zweite Auflage bearbeitet unter Mitwirkung von A. Ehrhard (o. ö. Professor an der Universität Würzburg), H. Gelzer (o. ö. Professor an der Universität Jena). München, C. H. Beck. 1897. XX + 1193 стр. 8°.

Κ. Κρούμβας. Ἱστορία τῆς βυζαντινῆς λογοτεχνίας μεταφρασθεῖσα ὑπὸ Γεωργίου Σωτηριάδου. Τόμος Α'. γ' + 828 σελ. Τόμος Β'. 770 σελ. Τόμος Γ'. 832 σελ. Ἐν Ἀθήναις, Κ. Μπέκ. 1897—1901. 8°. (Βιβλιοθήκη Μαργαρίτης. Τεύχη 11, 37, 42, 75, 107, 108, 109, 114, 115, 120, 121, 143, 144).

Чтобы показать, какое огромное научное значеніе имѣло *первое*, вышедшее въ 1891 году изданіе книги, второе изданіе и греческій переводъ которой лежатъ теперь передъ нами, достаточно, мы думаемъ, привести слѣдующій мелкій, но характерный фактъ. Зимой 1889 г. въ Петербургъ пріѣхалъ изъ Одессы одинъ начинающій византистъ, занимавшійся до тѣхъ поръ исторіей западной и отчасти русской литературы и прочитавшій въ послѣдніе два-три года, въ сообществѣ съ двумя византистами, уже опытными и извѣстными (однимъ историкомъ и однимъ археологомъ), нѣсколько памятниковъ византійской историографіи, а на свой, такъ сказать, страхъ — Метафраста и еще кое что по византійской литературѣ. Въ Обществѣ Любителей древнерусской Письменности онъ сдѣлалъ докладъ подъ заглавіемъ: «Откуда взять матеріалы для исторіи византійской литературы?» и потомъ напечаталъ его въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія (въ майской книжкѣ). Все содержаніе этой небольшой статьи составляли приведенныя въ систему и болѣе или

менѣе обставленные двадцать-тридцать выписокъ изъ историковъ и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ, свидѣтельствующія о такихъ нынѣ общеизвѣстныхъ вещахъ, какъ существованіи у византійцевъ народной довольно богатой эпико-лирической поэзіи, объ ихъ наклонности къ шуткѣ и веселью, о свободномъ творествѣ гимнографовъ и пр. Черезъ нѣкоторое время авторъ былъ очень пріятно удивленъ, получивъ письмо отъ глубоко имъ уважаемаго профессора Петербургскаго университета нынѣ покойнаго Г. С. Дестуниса (издателя пѣсни объ Армурѣ и мн. др. важныхъ памятниковъ), въ которомъ тотъ спрашивалъ разрѣшенія перевести его статейку на греческій языкъ и напечатать въ журналѣ *Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος*. Разрѣшеніе, конечно, дано съ радостію, статейка была переведена и послана, но почему то оставалась ненапечатанной до августа 1891 г.¹⁾, когда уже появилась на свѣтъ книга Крумбахера, и статейка *потеряла всякое значеніе*, такъ какъ даже до нельзя деликатный греческій редакторъ долженъ былъ замѣтить, что блестящій (*λαμπρά*) трудъ нѣмецкаго ученаго «во многомъ расширяетъ предѣлы» предмета²⁾. Еще бы! Настолько расширяетъ, что автору совѣстно было смотрѣть и на оригиналъ, а тѣмъ болѣе на переводъ своего «труда», украшеннаго къ тому же такимъ широковъщательнымъ заглавіемъ. Впечатлѣніе получается въ родѣ того, какъ еслибы кто-нибудь, изучивъ Исторію Россіи Соловьева, вздумалъ послѣ этого читать краткаго Устрялова.

Уже первое изданіе книги Крумбахера внесло новую жизнь въ старую науку греческой филологіи (масса молодыхъ людей съ классическимъ образованіемъ, до тѣхъ поръ съ большимъ трудомъ находившихъ темы для работъ въ этой довольно таки избитой области, теперь легко находятъ ихъ сотнями, если не тысячами въ крупномъ и мелкомъ прирѣтѣ «Исторіи византійской литературы») и *создало новую науку* огромной важности не только для всей славянской и восточной Европы, получившей свѣтъ вѣры и начало цивилизаціи отъ Царьграда, но и для Европы западной и вообще для пониманія задачъ исторіи духовной культуры. О древнерусской словесности и говорить нечего: съ 1891 г. положительно нельзя шагу сдѣлать почти ни по одному болѣе или менѣе широкому ея вопросу, не заглянувъ въ Крумбахера, хотя въ этомъ первомъ изданіи онъ и выдѣлялъ очень рѣшительно изъ области литературы все богословское, что, какъ извѣстно, составляетъ девять десятыхъ содержанія нашей допетровской письменности. Понятно, почему уже во второй половинѣ 1891 г. у насъ заговорили о необходимости перевода этой книги на русскій, заговорили, поговорили и ничего не сдѣлали; но теперь оказывается, что на этотъ разъ русская глѣнь и нерѣшительность оказали намъ нѣкоторую услугу: черезъ 6 лѣтъ явилось *второе* изданіе оригинала, несравненно болѣе полное, какъ это наглядно показываетъ и самое

1) Она напечатана въ 11-мъ выпускѣ 3-го тома Делтіона, стр. 536—546.

2) *Ἐν πολλοῖς πληροῖ τοὺς ὅρους* и пр., стр. 537.

число страниц: ихъ 494 въ 1-мъ изданіи и 1193 во 2-мъ. А болѣе насъ энергичные греки оказались въ убыткѣ: какъ мы узнаемъ изъ предисловія Георгія Сотиріадиса, его учитель Іоаннъ Пантазидисъ началъ переводить первое изданіе и уже довольно далеко ушелъ въ своей работѣ¹⁾, когда появилось второе, которое заставило его бросить все имъ сдѣланное. Явится ли теперь русскій переводъ, неизвѣстно (вѣроятно, что и нынѣ дѣло ограничится однимъ разговоромъ и мы дождемся 3-го и 4-го изданія); но во всякомъ случаѣ потерянный трудъ за нами не числится.

Чѣмъ и почему счелъ полезнымъ проф. Крумбахеръ пополнить свою прекрасную книгу, передадимъ по возможности его же словами. «Когда неожиданно скоро отъ меня потребовали, пишетъ онъ, переработки этой книги (для новаго изданія)²⁾, мнѣ уже было ясно, что здѣсь нельзя удовольствоваться отдѣльными исправленіями и добавленіями. Благосклонный пріемъ, оказанный моей работѣ несмотря на ея недостатки, обязывалъ меня улучшить и пополнить ее, такъ сказать, *насквозь* (*durchgreifend*), почему я и поставилъ себѣ задачею сдѣлать свою книгу по возможности вполне пригоднымъ рабочимъ орудіемъ, надежнымъ путеводителемъ по страшному для новичка первобытному лѣсу (*Urwald*) византійской словесности».

«Всего мучительнѣе (*am reinlichsten*) въ 1-мъ изданіи чувствовалось почти полное отсутствіе богословской литературы, и прежде всего предстояло озаботиться исправленіемъ этого недостатка». Авторъ усердно принялся за работу въ этомъ направленіи, но, какъ не богословъ по специальности, встрѣтился съ весьма серьезными затрудненіями (по догматикѣ), а главное—редакція журнала: *Byz. Zeitschrift* и веденіе библиографическаго его отдѣла поглощало все его время. Тогда онъ обратился къ Альберту Эргарду (*Ehrhard*), профессору исторіи церкви въ Вюрцбургѣ, который въ опредѣленное время и на опредѣленномъ пространствѣ 180 страницъ (что, конечно, порядочно стѣснило его) и изложилъ исторію богословской литературы въ Византіи (стр. 37—218). Пригласивъ одного отвѣтственнаго сотрудника, авторъ не остановился и передъ другимъ: по его просьбѣ, г. Гельцеръ (*Gelzer*), профессоръ исторіи въ Іенѣ, составилъ краткій, но стоящій на современномъ научномъ уровнѣ очеркъ исторіи Византіи, занявшій 156 страницъ (911 — 1067). Итакъ 337 стр. внесли самостоятельно дѣйствовавшіе сотрудники; еще больше того (362 стр.) добавилъ самъ составитель. Добавленія и исправленія, имъ сдѣланныя, носятъ довольно разнообразный характеръ. Во-первыхъ значительная часть ихъ оказывается работой по сырому матеріалу, т. е. по рукописямъ, *болѣе тысячи* которыхъ пересмотрѣлъ и экскерпировалъ

1) Εἰς δὲ προχωρήσει ἰκανῶς.

2) 1-е изданіе было выпущено въ томъ же количествѣ экземпляровъ, въ какомъ и остальные компендіумы Ивана Мюллера, т. е., если не ошибаемся, въ количествѣ 3000 экз. и въ 1891 г. самъ Крумбахеръ былъ увѣренъ, что ихъ хватитъ по крайней мѣрѣ на 10 лѣтъ.

К. Крумбахеръ во время своихъ двухъ ученыхъ путешествій¹⁾. Во вторыхъ, авторъ воспользовался всѣми, по возможности, большими и малыми, печатными трудами своихъ предшественниковъ, одна часть которыхъ — весьма впрочемъ незначительная — не попала ему въ руки при работѣ надъ 1-мъ изданіемъ, а другая, гораздо болѣшная, явилась на свѣтъ въ послѣднія 7 лѣтъ, стало быть, подъ вліяніемъ того же энергичнаго византиниста.

Благодаря этимъ дополнительнымъ работамъ, въ настоящемъ изданіи явились слѣдующіе новые отдѣлы: въ первомъ отдѣленіи — глава о наукахъ въ Византіи (Fachwissenschaften 605 — 689): правовѣденіе, медицина, математика и астрономія, естествовѣдѣніе (зоологія, ботаника, минералогія, алхимія), военныя науки; въ третьемъ отдѣленіи: жизнь Эзопа, пословицы (903—909), парафразы и переводы, и, наконецъ, не обширная по количеству страницъ (1068—1145), но страшно много труда и даже издержекъ²⁾ стоявшая автору *общая библіографія* (Realbibliographie, какъ онъ называетъ ее въ предисловіи стр. XIII), раздѣляющаяся на 17 отдѣловъ (политическая исторія, внутренняя исторія, исторія церкви, хронологія, международныя культурныя отношенія, этнографія, географія, топографія, исторія искусства, нумизматика, сигиллографія, эпиграфика, языкъ, фольклоръ, исторія византійской филологіи, Византія въ беллетристикѣ, журналы и библіографическія пособія). Эта неблестящая на видъ часть работы проф. Крумбахера — истинное благодѣяніе съ его стороны для всѣхъ настоящихъ и будущихъ византинистовъ, великихъ и малыхъ.

Чтобы показать, насколько и въ какомъ направленіи пополнены въ настоящемъ изданіи параграфы, наименѣ затронутые, т. е. такіе, по которымъ въ промежуточные годы не явилось ни новыхъ матеріаловъ, ни серьезныхъ работъ, беремъ *на обумъ* § 95 I отдѣла по 1-му изд. (во 2-мъ изд. § 198), заключавшій въ себѣ ровнохонько одну страницу (193—4) и сообщавшій краткія, но существенныя свѣдѣнія о весьма интересномъ по содержанію византійскомъ путешествіи по загробной жизни, извѣстномъ подъ заглавіемъ: *Τιμαρίων ἡ περί τῶν κατ' αὐτὸν παθῆμάτων*. Страница 1-го изданія превратилась здѣсь почти въ 2 стр.; отчасти это произошло отъ того, что авторъ вполне умѣстно перенесъ примѣчанія 1-го изданія въ текстъ 2-го, отчасти же отъ слѣдующей прибавки (стр. 468), «интересно современное³⁾ сужденіе о Тимаріонѣ, исходящее отъ писателя

1) Одно изъ нихъ имѣло цѣлю обзорѣніе русскихъ книгохранилищъ, и всѣ мы хорошо помимъ, какъ неутомимый изслѣдователь работалъ, напр., въ Москвѣ, почти изнемогая отъ острой болѣзни, причѣмъ онъ ухитрился сохранять всю свою бодрость духа и даже жизнелюбность.

2) Эти издержки (корреспонденція и пересылка книгъ), какъ замѣчаетъ авторъ, не могли быть безграничны для экстраординарнаго профессора, не благословеннаго дарами фортуны (XIII).

3) На самомъ дѣлѣ не совсѣмъ современное, а лѣтъ на полтора позднѣйшее (см. въ той же книгѣ Крумбахера стр. 204).

известнаго главнымъ образомъ своими исторіями о святыхъ, великаго логовета Константина Акрополита, сына историка Георгія Акрополита. Благочестивый и, очевидно, крайне корректный какъ въ жизни, такъ и въ литературной рѣчи своей человекъ не могъ одобрить ни заносчиваго юмора этого произведенія, ни его народнаго способа изложенія. Онъ выразилъ свое отрицательное мнѣніе объ Тимаріонѣ въ письмѣ къ приятелю, который ссудилъ его этой книгой: съ величайшей охотой онъ тотчасъ предалъ бы ее огню; только соображеніе, что книга чужая и дана ему на время, удержала его руку отъ аутодафе».

Соотвѣтственно этому, увеличена и библиографія Тимаріона, которая въ 1-мъ изд. заключала въ себѣ всего три имени; здѣсь прибавлено къ нимъ указаніе на статью М. Трея (M. Treu) въ Byz. Zeitschrift за 1892 г. и на свѣдѣнія, которыя сообщаются въ § 90 о Константинѣ Акрополитѣ¹⁾.

Если же мы возьмемъ какой-нибудь параграфъ, болѣе или менѣе переработанный самимъ авторомъ, на основаніи новыхъ данныхъ (напр. § объ Романѣ Сладкопѣвцѣ, по 1-му изд. § 163, по 2-му — § 272), то мы увидимъ, что на 5—6 страницъ оказываются прибавленными сотни строкъ, и 5—6 библиографическихъ указаній превращены въ пѣлые десятки ихъ. Но и въ этихъ многочисленныхъ случаяхъ авторъ держится того же метода, что и въ §§ малозмѣненныхъ: онъ оставляетъ не тронутымъ все, что можетъ, изъ прежняго текста; это указываетъ, конечно, на то, какъ хорошо былъ обдуманъ и старательно составленъ этотъ текстъ.

Но, соотвѣтственно этому, мы, конечно, не имѣемъ права ожидать и того, чтобы текстъ 1-го изданія подвергся во 2-мъ фундаментальной переработкѣ и въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ иные изъ насъ и очень желали бы таковой. Такъ прежде всего, признавая безъ малѣйшихъ колебаній превосходный трудъ г. Крумбахера краеугольнымъ камнемъ огромной важности, или даже и твердымъ и прочнымъ основаніемъ будущей *исторіи византийской литературы*, мы не можемъ по совѣсти признать самую эту книгу такой исторіей уже прежде всего потому, что драгоценный матеріалъ, собранный и очищенный авторомъ, расположенъ въ ней по родамъ и видамъ прозы и поэзіи. При такомъ способѣ изложенія если при 3-мъ, 4-мъ и т. д. изданіи книга увеличится еще втрое и вполне удовлетворительно разрѣшитъ сотни частныхъ, но весьма важныхъ вопросовъ, все же названіе *Geschichte der byz. Litteratur* будетъ

1) Но сходное по формѣ и отчасти по значенію произведеніе: ἐπιστὴς Μάττις ἐν Ἀδῶν, которому въ 1-мъ изд. былъ посвященъ § 106, а во 2-мъ § 211 и которое въ промежуткѣ между двумя изданіями вызвало два небольшихъ изслѣдованія (Трея и Оп. Ламброса), теперь оказывается и изложеннымъ значительно полнѣе и разобранымъ несравненно обстоятельнѣе (такъ что параграфъ увеличился почти въ четверо), причѣмъ автору пришлось высказаться рѣшительно противъ одного изъ изслѣдователей, постояннаго и весьма виднаго сотрудника его же журнала Byz. Zeitschrift. См. стр. 492—495.

для нея слишкомъ смѣлымъ. Развѣ можетъ назваться исторіей русской литературы хотя бы и прекрасно обработанная и составленная книга, которая будетъ заключать въ себѣ рядъ исследований: о русскихъ летописяхъ, о проповѣдяхъ, о житіяхъ святыхъ, о повѣстяхъ, объ азбучовникахъ, о космографіяхъ и т. д. и т. д.? Подъ исторіей литературы какого бы то ни было народа мы всегда разумѣемъ исторію его духовной жизни въ цѣломъ, изложеніе послѣдовательнаго развитія его мысли и чувства, въ которомъ позднѣйшее объясняется предъидущимъ и все вмѣстѣ представляетъ болѣе или менѣе полную и ясную картину, отдѣльныя части которой существуютъ не каждая для себя, а для стройнаго цѣлаго. Представимъ себѣ подготовленнаго изученіемъ античной литературы молодого человѣка, который пожелаетъ познакомиться съ литературой византійской, возьметъ для этого единственное пригодное пособіе, книгу К. Крумбаха и внимательно прочтетъ ее отъ начала до конца по 2-му изданію. Что останется у него въ головѣ послѣ такого чтенія? Первые три §§ (введеніе) дадутъ ему рядъ цѣнныхъ и живыхъ идей; но такъ какъ, читая эти параграфы, онъ еще не знаетъ фактовъ, то идеи эти онъ долженъ усвоить, такъ сказать, съ чужого голоса, безъ провѣрки и закрѣпленія ихъ; историческій очеркъ проф. Гельцера дастъ ему общее понятіе о той почвѣ, на которой развивались интересующіе его литературные факты; каждый изъ крупнѣйшихъ фактовъ въ отдѣльности окажется изслѣдованнымъ, по нынѣшнимъ научнымъ средствамъ, очень хорошо; но связь ихъ другъ съ другомъ будетъ для него совсѣмъ темна, и ни одна даже важнѣйшая эпоха не представится для него съ особой фазіономіей: времена македонской династіи, Комниновъ, Палеологовъ — не все ли будетъ въ его глазахъ одинаково пестро или, если угодно, одинаково сѣро? Тѣже трактаты, хронографы, церковныя пѣсни, компіляціи, учебники; таже полемика изъ за одинаково неважныхъ вопросовъ.

Чтобы каждая эпоха получила хоть болѣе или менѣе опредѣленный характеръ, чтобы ясно отличить византійца X вѣка отъ византійца XIV, онъ долженъ будетъ снова перечестъ книгу и распредѣлить сообщенные въ ней факты въ хронологической послѣдовательности, а на такую работу потребуется по крайней мѣрѣ вдвое больше времени, нежели на самое ознакомленіе съ фактами; да и по малоопытности работника она, безъ сомнѣнія, будетъ слишкомъ далека отъ совершенства.

Изъ сказаннаго вовсе не слѣдуетъ, что мы желали бы увидѣть книгу г. Крумбаха во второмъ (или въ третьемъ и т. д.) изданіи переработанной по другой системѣ: расположеніе матеріала по родамъ и видамъ тоже имѣетъ свои выгоды и весьма значительныя, а главное: передѣлывать хорошее всегда опасно, и гораздо цѣлесообразнѣе употребить время на пополненіе и усовершенствованіе удачной книги по той же схемѣ, въ какой явилась она въ первый разъ. Но мы желали бы, чтобы самъ профессоръ Крумбахъ, рядомъ съ своимъ обширнымъ и крайне необходимымъ для справокъ специалистамъ (подразумѣвая подъ послѣдними не

только самостоятельных научных работников въ этой области, но также и всѣхъ преподавателей высшихъ и даже, пожалуй, среднихъ учебныхъ заведеній, которымъ понадобится получить свѣдѣнія, напр., о томъ, какъ у византійцевъ развивалась историографія, или церковная пѣснь. каковы были первые сборники житій? существовалъ ли у нихъ животный эпосъ? и т. п.), составилъ небольшую, страницъ въ 250—300 (приблизительно въ размѣрѣ III тома Руд. Николаи, который озаглавленъ: *Die Literatur des byzantinischen oder mittelgriechischen Zeitraums*, Magdeb. 1878) книжку, которая, безъ всякаго ученаго аппарата, однимъ не портящимъ глазъ прифотомъ, въ рядѣ живыхъ очерковъ (къ чему К. Крумбахеръ, безъ сомнѣнія, способенъ едва ли не всѣхъ серьезноученыхъ нѣмцевъ), изложила бы общій ходъ развитія византійской умственной жизни, отъ времени Юстиніана до паденія Константинополя, съ небольшою добавочной главой о характерѣ дѣятельности грековъ на западѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Вотъ такую книжку, безъ всякаго сомнѣнія, немедленно перевели бы и на англійскій, и на русскій, и на итальянскій и на всякій европейскій языкъ, имѣющій ученую литературу; ее прочли бы сотни тысячъ людей, и она быстро и радикально измѣнила бы тотъ односторонній и невѣрный взглядъ, который со временъ Гиббона установился въ цивилизованномъ мірѣ на все византійское. А что едва ли менѣе важно, такая книжка расширила бы умственный кругозоръ всѣхъ безъ исключенія работниковъ по исторіи частныхъ литературъ, показавъ, въ чемъ заключалась связь античнаго міра съ средневѣковымъ и новымъ. Да и родная автору нѣмецкая наука много выиграла бы отъ появленія такой книжки если не въ верхнихъ слояхъ своихъ, то, по крайней мѣрѣ, въ среднихъ и низшихъ, которыми также не слѣдуетъ пренебрегать, такъ какъ они дадутъ новобранцевъ и для самыхъ верховъ. Едва ли нужно доказывать, что появленіе такого *Очерка* также мало помѣшаетъ распространенію большаго изданія Ивана фонъ Мюллера, какъ мало помѣшало распространенію *Histoire littéraire de France* небольшая книжка Гастона Париса: *La littérature française au Moyen Age* (XI—XIV s.). Всѣмъ извѣстно, что послѣдняя, напротивъ, пробудила серьезный интересъ къ среднимъ вѣкамъ въ такихъ кругахъ, которые до тѣхъ поръ и думать объ нихъ не хотѣли.

Что касается до непосредственныхъ потомковъ византійцевъ, «людей языка греческаго», то, благодаря разумной щедрости Г. Г. Маразли и усердію Георгія Сотиріадиса, они въ настоящую минуту, повидимому меньше нуждаются въ такомъ *Очеркѣ*, чѣмъ русскіе или англичане съ итальянцами; но мы сильно опасаемся, что *Ἱστορία τῆς βυζαντινῆς λογοτεχνίας* будетъ расходиться гораздо медленнѣе, нежели *Geschichte der byzantinischen Litteratur*, zweite Auflage, и увѣрены, что проектируемый нами *Очеркъ* замѣнитъ бы даровитую, но устарѣлую и уже слишкомъ *литературную* книжку Векеляса, которая объ литературѣ византійской не даетъ никакого представленія.

Что касается до лежащаго передъ нами трехтомнаго результата щедрости г. Мараззи и трудолюбія г. Сотиріадиса, то съ вѣйшней стороны онъ имѣеть то несомнѣнное преимущество передъ нѣмецкимъ оригиналомъ, что онъ никому глазъ не испортитъ, такъ какъ зловередный *петтиш*, которымъ въ книгѣ г. Крумбахера напечатана вся библіографія (а въ ней зачастую передается вкратцѣ и содержаніе поминаемыхъ работъ), т. е. едва ли не десятая часть книги, изъ греческаго изданія изгнанъ совершенно. Но что касается внутренняго достоинства, то переводъ г. Сотиріадиса есть только добросовѣстный и довольно аккуратный (хоть и не всегда выдерживающій *оттѣнки* мысли автора) переводъ и ничего больше. Мы не замѣтили (каемся: при довольно бѣгломъ просмотрѣ) ни одного дополненія, ни одного примѣчанія переводчика во всей исторіи византійской *литературы*, вплоть до *обзора историческихъ событій*, составленнаго, какъ выше сказано, проф. Гельперомъ; при этомъ обзорѣ имѣется десятка полтора примѣчаній за подписью Е. М. нѣсколько полемическаго характера; но едва ли можно ихъ признать вкладомъ въ византиновѣдѣніе. Едва ли также можно одобрить г. переводчика за то, что онъ приводитъ въ библіографіи заглавія многихъ русскихъ статей и изслѣдованій по-нѣмецки, какъ цитируетъ ихъ авторъ, безъ сомнѣнія, для того, чтобы не пестрить свою нѣмецкую книгу непонятными огромному большинству читателей словамъ. Правда, иногда г. Крумбахеръ забываетъ поставить въ скобкахъ (russ.), и тогда г. Сотиріадисъ могъ думать, что русскій авторъ писалъ по-нѣмецки; но гораздо чаще онъ добросовѣстнѣйшимъ образомъ ставитъ и самъ въ скобкахъ (russ.), а заглавіе все же приводитъ по-нѣмецки. Отчего онъ не переводитъ его на греческій, недоумѣваемъ.

Наша рецензія на 2-ое изданіе прекрасной книги проф. Крумбахера настолько запоздала, что мы считаемъ неудобнымъ прилагать къ ней замѣчанія и дополненія на отдѣльные параграфы: наиболѣе вѣскія и цѣнныя давно уже сдѣланы другими болѣе своевременно, а съ другой стороны по византиновѣдѣнію вышло именно въ послѣдніе два-три года столько цѣнныхъ работъ, что дополненія, сдѣланныя на основаніи ихъ, растянули бы статью нашу на много десятковъ страницъ, едва ли теперь умѣстныхъ; при *третьемъ* изданіи нѣмецкаго текста (надѣмся: въ двухъ томахъ) самъ авторъ, безъ всякаго сомнѣнія, съ свойственной ему тактичностью воспользуется всѣмъ этимъ въ надлежащей мѣрѣ. Но мы не можемъ удержаться отъ одного дополненія, которое будетъ, конечно, пріятно автору, и отъ одного замѣчанія общаго характера.

На стр. 1140 г. Крумбахеръ говоритъ о кафедрахъ византиновѣдѣнія и въ Россіи можетъ указать только приватъ-доцентствующаго въ Петербургѣ извѣстнаго знатока дѣла Г. Попадопуло-Керамевса. Теперь уже больше двухъ лѣтъ въ Одессѣ читаетъ въ качествѣ экстраординарнаго профессора средне- и новогреческую филологію столь же извѣстный С. Д. Пападимитріу; а съ нынѣшняго учебнаго года и въ Московскомъ универ-

ситетѣ нашелся специальный преподаватель византиновѣдѣнія въ лицѣ священника Н. Попова, автора очень хорошаго изслѣдованія: «Императоръ Левъ VI Мудрый» (М. 1892). Кромѣ того въ томъ-же Московскомъ университетѣ въ 1899—1900 г. былъ прочтенъ специальный курсъ по исторіи византийской литературы, который усердно посѣщался не столько студентами, сколько оставленными при университетѣ по кафедрѣ русской литературы кандидатами.

Наше общее замѣчаніе основано на довольно продолжительномъ опытѣ, который доказалъ намъ, что учащуюся молодежь, будущихъ специалистовъ по исторіи и по исторіи литературы, въ книгѣ г. Крумбаха болѣе всего привлекаетъ (что вполне естественно) третій отдѣлъ ея, т. е. народная литература Византии: она является для нихъ настоящимъ откровеніемъ, и въ ней находятъ они здоровыя сѣмена для тысячъ изслѣдованій по сравнительной литературѣ и исторіи культуры. Разъ уважаемый авторъ уже позволилъ себѣ выдти изъ скромныхъ рамокъ учебниковъ Ивана Фонтъ-Мюллера, было бы крайне желательно, чтобы онъ распространилъ именно этотъ отдѣлъ, и не столько въ количественномъ, сколько въ качественномъ отношеніи — болѣе подробнымъ изложеніемъ и выписками изъ такихъ памятниковъ, какъ, напр., *романъ о Велисаріи* (который въ 2-мъ изданіи книги нашелъ себѣ гораздо болѣе подходящее мѣсто, чѣмъ въ 1-мъ), постепенно слогавшійся отъ X вѣка до XV в. и даже XVI в. и представляющій, такимъ образомъ, литературный фактъ огромной важности, или, напр., такъ называемый *Дитский рассказъ о четвероногихъ* (§ 387), столь многое разъясняющій въ исторіи животнаго эпоса, и заключающій въ себѣ массу драгоценныхъ культурныхъ указаній, между прочимъ, по исторіи письма, живописи, медицины и пр. Экономія мѣстомъ, авторъ излагаетъ ходъ этой, напр., поэмы такъ кратко, что дѣйствія царя-льва оказываются совсѣмъ не мотивированными¹⁾, и памятникъ лишается послѣдовательности и интереса. Въ этомъ важномъ отдѣлѣ тѣмъ менѣе, думаемъ мы, умѣстна такая экономія, что въ послѣднее время обѣ книжки Вильгельма Вагнера (равно, какъ и Аналекты Элиссена) становятся библиографической рѣдкостью, а такъ какъ, когда онѣ выходили въ свѣтъ, Византия внушала еще столь малый интересъ, что даже университетскія библіотеки не всѣ запаслись ими, далеко не всякій желающій имѣть возможность пополнить исторію Византийской литературы К. Крумбаха собственнымъ трудомъ.

А. Киричниковъ.

1) Въ оригиналѣ левъ убѣждается по рѣчамъ животныхъ въ ихъ природной ненависти другъ къ другу.

J. J. Tikkanen. *Die Psalterillustration im Mittelalter. Bd. I. H 3. Abendlndische Psalterillustration. Die Utrecht-Psalter.* (S. 153—320). Mit 77 Textillustrationen (Тикканенъ. Средневѣковыя иллюстраціи Псалтыри. Томъ I, вып. 3. Западная иллюстрація Псалтыри. Утрехтская Псалтырь. Съ 77 рисунками въ текстѣ).

Покончивъ съ византійской псалтырью въ 2-хъ первыхъ выпускахъ своего труда ¹⁾, г. Тикканенъ переходитъ наконецъ въ область, гдѣ онъ чувствуетъ себя вполне самостоятельнымъ и въ то же время несравненно лучше вооруженнымъ, благодаря трудамъ болѣе многочисленныхъ предшественниковъ. Онъ начинаетъ съ *Утрехтской псалтыри*, одного изъ самыхъ цѣнныхъ по богатству содержанія памятниковъ ранняго западнаго искусства, надъ которымъ уже работалъ длинный рядъ нѣмецкихъ ученыхъ, а также и изъ англичанъ Birch ²⁾, изъ французовъ Dugrieu ³⁾, и котораго не обходитъ молчаніемъ почти ни одинъ историкъ западнаго искусства вообще и историкъ миниатюры въ частности. Но смѣло, мнѣ кажется, можно утверждать, что все вмѣстѣ, доселѣ сказанное объ историческомъ значеніи этой рукописи изслѣдователями, потребовало отъ нихъ меньше вниманія и труда, нежели употребилъ на это дѣло одинъ Тикканенъ, не говоря уже о томъ, что его прежняя работа по византійской Псалтыри дала ему такую подготовку, какой не имѣлъ ни одинъ изъ его предшественниковъ, въ особенности для рѣшенія того вопроса, который здѣсь является кардинальнымъ и имѣющимъ наиболѣе важное общее значеніе — о вліяніи византійскаго искусства на раннее западное.

Мы прежде всего изложимъ ходъ работы почтеннаго автора по возможности въ той послѣдовательности, въ какой онъ предлагаетъ его читателю. Онъ начинаетъ со ссылки на перваго изслѣдователя отношенія западныхъ псалтырей къ восточнымъ — Шпрингера (1880 г.), который убѣжденъ въ полной независимости западно-европейскаго искусства. Тикканенъ согласенъ со своимъ предшественникомъ, что Утрехтская Псалтырь не можетъ быть подведена подъ теорію заимствованія и подчиненія, но полагаетъ, что самостоятельность запада вовсе не исключаетъ совпаденій, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ. Совпаденія въ общемъ вполне объясняются единствомъ памятника и тождественнымъ отношеніемъ къ нему востока и запада, вслѣдствіе чего и художники того и другого не могли не сходиться и въ методѣ и въ результатахъ своей работы. Но западъ, конечно, остается вѣренъ своимъ особенностямъ: онъ начинаетъ съ простаго и несложнаго, но постепенно прогрессируетъ, допуская болѣшую свободу и различія по эпохамъ и мѣстностямъ, въ результатѣ чего къ концу среднихъ вѣковъ здѣсь вырабаты-

1) Наши отчеты объ нихъ см. въ Виз. Врем. III (1896) 662—670 и VII (1900) 460—465.

2) W. de Gray Birch, *The History, Art and Palaeographie of the Utrecht Psalter*, London 1876.

3) *L'origine du Psautier d'Utrecht* (Mélanges. Julien Havet, 1896).

вается нечто весьма сложное и самостоятельное, какъ продуктъ независимой и сильной мысли.

Эти положенія превосходно обставлены у Тикканена массой интересныхъ фактовъ (особенно относительно постепеннаго развитія того, что авторъ называетъ *типологическимъ*, т. е. параллелизма между ветхимъ и новымъ заветами), но къ Утрехтской Псалтыри все это имѣетъ отношеніе не совсѣмъ непосредственное. Въ заключеніе этихъ вводныхъ замѣтокъ авторъ приводитъ по художественнымъ памятникамъ конца среднихъ вѣковъ рядъ (12 числомъ) важнѣйшихъ *типологическихъ* сопоставленій, отчасти оправдываемыхъ и самымъ св. Писаніемъ, а также серію (22 числомъ) псалтырныхъ текстовъ, влагаемыхъ въ Библии Бѣдныхъ въ уста царя Давида при изображеніи новозавѣтныхъ сценъ (стр. 170—171).

Переходя, наконецъ, къ изучаемому памятнику, Тикканенъ даетъ общую характеристику приѣмовъ *иллюстратора* — онъ здѣсь же предупреждаетъ читателя, что художникъ былъ, конечно, не одинъ, но ед. число употребляется вмѣсто множ. для внѣшняго удобства, — при чемъ очень удачно сложныя композиціи его, объединенныя въ общемъ ландшафтѣ, сравниваетъ съ памятникомъ несравненно болѣе высокимъ по исполненію — картиной Мемлинга о семи радостяхъ и пр. Богоматери (стр. 178). Изображенія природы въ Утр. Псалтыри онъ находитъ, справедливо, въ общемъ неискусными, перспективу и пропорціи соблюденными плохо, но стремленіе къ ландшафту развитымъ безпримѣрно, что онъ считаетъ наслѣдіемъ позднеримской эпохи. Оттуда же выводитъ онъ и богатство изображеній архитектурнаго характера, которыя отчасти взяты изъ преданія, отчасти изъ еще живой дѣйствительности ¹⁾.

Животный міръ здѣсь, какъ и въ другихъ средневѣковыхъ памятникахъ, богатъ и разнообразенъ; воспроизводятся (не ради украшенія, какъ въ миниатюрахъ возрожденія) не одна европейская фауна, но также львы, верблюды и пр.; встрѣчается и Церберъ, и единорогъ въ видѣ козла съ однимъ загнутымъ назадъ рогомъ (рис. 147).

Человѣческія фигуры вѣрны типу каролингской эпохи: лобъ низокъ, волосы коротко острижены; короткая толстая шея; спина часто изогнута и т. д. Но при всей небрежности и поспѣшности рисунка здѣсь нѣтъ и слѣда варварскаго неумѣнья; напротивъ, почти вездѣ видна опытная, напрактиковавшаяся рука, которая бѣгаетъ съ нервной быстротой и удачно поспѣваетъ за мыслью художника (стр. 193).

Византийцы почти не изображали внѣшней жизни, направляя всю силу своего творчества на воспроизведеніе идеальнаго міра. Напротивъ того, иллюстраторъ Утрехтской Псалтыри умѣлъ наблюдать и воспроизводить обыденную дѣйствительность: у него собака, ласкаясь, прыгаетъ на своего

1) Къ рис. № 144, гдѣ на большомъ зданіи изображена оленья голова съ рогами, кромѣ параллелей, указанныхъ Тикканеномъ, можно указать литературный памятникъ огромной важности — англосакс. поэму Беовульфъ, въ которой пиршественная зала Хротгара называется *Оленья*, по украшеніямъ своего фронтона.

хозяина; кобыла кормить жеребенка и въ тоже время вылизываетъ ему задъ (рис. 149); мужикъ пашетъ небольшимъ плугомъ (рис. 152); плотникъ вгоняетъ молоткомъ гвоздь и т. д. Въ изображеніи человѣческихъ отношеній рѣдки выраженія нѣжныхъ чувствъ (стр. 197), но часты изображенія бѣдствій и военныхъ сценъ. Однако авторъ долженъ признать, что лучшія изъ византійскихъ рукописей (напр. знаменитый кодексъ № 510) больше даютъ для культуры эпохи, чѣмъ этотъ памятникъ (стр. 201).

Переходя къ *типамъ* св. изображеній, изслѣдователь указываетъ на чрезвычайное разнообразіе способовъ для обозначенія Господа: часто встрѣчается *десница*, но не только благословляющая, какъ у византійцевъ этого періода, а также и открыто протянутая, иногда въ лучахъ, иногда съ вѣнкомъ (побѣды), съ рогомъ елѣя, съ копьемъ и пр. Но чаще Господь является въ видѣ цѣлой фигуры или полуфигуры въ облакахъ, юношей, съ крестовымъ нимбомъ, простымъ нимбомъ или даже вовсе безъ нимба, съ триумфальнымъ крестомъ, рѣже съ побѣднымъ знаменемъ, часто съ книгою или свиткомъ, иногда съ вѣсами, бичомъ, иногда въ костюмѣ воина ¹⁾, иногда даже на боевой колесницѣ; *часто* Господь изображается въ профиль, что у византійцевъ встрѣчается крайне рѣдко. Иногда изображаются рядомъ Богъ Отецъ и Богъ Сынъ, оба безбородыми юношами. Иногда передъ юношей Отцомъ стоитъ Богоматерь съ Божественнымъ Младенцемъ, на главѣ котораго изображенъ Духъ Святой въ видѣ голубя, черезъ что получается своеобразная св. Троица.

Относительно изображеній *ангеловъ* изслѣдователь замѣчаетъ, что трудно указать другой памятникъ, гдѣ они являются въ такомъ количествѣ и съ столь разнообразными функциями. Они строятъ зданія, защищаютъ праведныхъ, увѣнчиваютъ ихъ, гѣчатъ, кормятъ ихъ, состоятъ при мученикахъ; злымъ грозятъ они бичами, бросаютъ въ нихъ изъ облаковъ копьями, сѣкирами, факелами и т. д.; бросаются на нихъ съ неба, прижавъ къ плечамъ крылья, какъ соколы на добычу (см. напр. рис. 172).

Тожѣ въ очень большомъ количествѣ и тожѣ въ очень живыхъ и разнообразныхъ позахъ изображены здѣсь и бѣсы; они бѣгаютъ за грѣшниками съ трезубцами и ставятъ сѣти для уловленія ихъ; вообще, судя по воспроизведеннымъ иллюстраціямъ, они такъ энергичны и дѣятельны, какъ будто объясняютъ не Псалтырь, а первую часть Комедіи Данта; (какъ у Доре), фигуры у нихъ человѣческія и нѣтъ темной окраски, столь рано появившейся на востокѣ; только волосы ихъ стоятъ торчкомъ къверху и иногда замѣнены пучкомъ змѣй.

Благодѣтели или *блаженные* (beati), какъ Господь и ангелы, изображаются въ идеальномъ антиклизированномъ одѣяніи: въ длинной туникѣ и свободно накинутомъ плащѣ, покрывающемъ правое плечо; обычный

1) Такая форма входитъ въ большее употребленіе въ концѣ среднихъ вѣковъ (см. прим. на стр. 209); у насъ—въ сложной композиціи: *Единородный Сынъ* и пр.

атттрибутъ святыхъ—пальма (стр. 229 ср. 194); но чаще отношеніе ихъ къ Господу выражается ихъ позой, иногда чтеніемъ книги или свѣтка и даже писаніемъ. *Безбожніе* являются группами; они сговариваются (шепчутъ другъ другу на ухо); поражаемые выказываютъ весьма наглядно ужасъ. Великіе грѣшники-тираны изображены въ видѣ современныхъ художнику принцевъ, гордо сидящихъ на тронѣ и поднятымъ указательнымъ пальцемъ подающихъ знакъ къ насилию.

Олицетворенія здѣсь такъ развиты, какъ рѣдко гдѣ въ другомъ мѣстѣ, и направленіе ихъ скорѣй античное, нежели византійское. Такъ для *содѣ* разнаго вида мы вмѣсто византійскихъ кобальдообразныхъ существъ очень часто находимъ величественныя бородатыя фигуры, которыя отдыкаютъ, опершись на лежащую урну; для означенія *земли* изображается полунагая женщина, сидящая на тронѣ съ разнообразными, но характерными атттрибутами (стр. 337). Въ противоположность византійскимъ ¹⁾ Псалтырямъ, солнце и луна не изображаются ѣдущими на колесницахъ, но въ видѣ бюстовъ, при чемъ солнце иногда отличается бичомъ своимъ; эти бюсты часто заключены въ медальоны, которые предносятся великанами, женщинами, ангелами ²⁾. Иногда олицетворенія принимаютъ чисто античную форму; такъ на рис. 195 изображенъ сильный великанъ, поддерживающій небесный сводъ (Атласъ).

Отвлеченныя понятія олицетворяются сравнительно рѣдко и не всегда ясно.

Затѣмъ изслѣдователь переходитъ къ очень обстоятельному изученію жестовъ, которыми, какъ въ Утрехтской Псалтыри, такъ и въ другихъ близкихъ по времени памятникахъ, дѣйствующія лица выражаютъ свое душевное настроеніе, и приходитъ къ такому весьма цѣнному и хорошо обоснованному заключенію: Утрехтская Псалтырь въ этомъ отношеніи не можетъ быть поставлена рядомъ съ ранними византійскими памятниками (стр. 263), такъ какъ ея иллюстраторъ предпочитаетъ прямое и буквальное толкованіе косвенному, неохотно вдается въ изъясненіе пророческаго смысла и только стремится *транскрибировать* спасительное ученіе псалмовъ на языкъ искусства (стр. 264). Потомъ Тикканенъ перечисляетъ и иллюстрируетъ параллелями довольно многочисленныя въ данномъ памятникѣ примѣры того, что онъ, едва ли вполне удачно, называетъ *ипотипозами*, т. е. конкретнаго выраженія метафоръ языка ³⁾. Такіе гипотипозы

1) А, стало быть, и русскимъ. См. Буслаевъ, Очерки II, 206, 207 и passim.

2) Тоже ср. въ памятникахъ словесности: въ откровеніи Варуха и книгѣ Еноха.

3) Примѣромъ можетъ послужить Пс. 22, который въ вульгатѣ читается такъ: Dominus regit me et nihil mihi deerit: in loco pascuae ibi me collocavit. Super aquam refectiois educavit me: animam meam convertit. Deduxit me super semitas justitiae, propter nomen suum. Nam et si ambulavero in medio umbrae mortis, non timebo mala: quoniam tu mecum es. Virga tua et baculus tuus, ipsa me consolata sunt. Parasti in conspectu meo mensam adversus eos, qui tribulant me. Impinguasti in oleo caput meum: et calix meus inebrians quam praeclarus est! Et misericordia tua subsequetur me omnibus diebus vitae meae: et ut inhabitem in domo Domini in longitudinem dierum. Этотъ пса-

типозы стоять въ тѣсной связи съ постоянными символами, каковы, напр., *бичъ* для означенія преслѣдованія, *стенецъ* — милости божьей, *развернутый платъ* — божьего покровительства, *книга* — истины и пр. и пр., которые въ Утрехтской Псалтыри являются иногда и тамъ, гдѣ въ текстѣ и не упоминаются самые предметы, а только понятія, ими означенныя (стр. 268—9). Художнику приходится иногда и вводить новые образы (напр. изображеніе охоты при пс. XXXIX, 5 для означенія суеты).

Относительно изображеній ветхозавѣтныхъ событій, число которыхъ (помимо событій изъ жизни Давида) вообще не велико, изслѣдователь долженъ придти къ заключенію, что за Утр. Пс. нельзя признать большой выдержанности. (Примѣромъ можетъ служить Моисей, который изображается то бородатымъ, то юнымъ). Изображенія новозавѣтныхъ сценъ Тикканенъ разбираетъ обстоятельнѣе. *Рождество Христово* изображено здѣсь три раза, и ни въ одномъ случаѣ нѣтъ пещеры или крова; въ двухъ случаяхъ встрѣчаемъ омовеніе младенца Христа, подробность, взятую съ востока (стр. 278); Богоматерь лежитъ на низкомъ одрѣ, обрисовывающемъ ея фигуру, что тоже авторъ признаетъ особенностью восточной композиціи. Въ четырехъ изображеніяхъ *Распятія*—Христосъ всегда юный и всегда умершій, и ни разу не встрѣчается изображенія солнца и луны или змѣи у ногъ; одинъ разъ является очень любопытная особенность—полунагая фигура, собирающая кровь Христа въ чашу и протягивающая къ алтарю блюдо съ хлѣбомъ (литургическое изображеніе). Съ византійскими псалтырями здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, совпаденіе въ томъ, что къ одному и тому же псалму приурочивается изображеніе одного и того же евангельскаго событія (что, безъ всякаго сомнѣнія, объясняется литературной, святоотеческой традиціей). Изображеніе *Воскресенія* встрѣчается здѣсь въ византійской формѣ—извлеченія Адама и Евы изъ ада (рис. 212), но здѣсь же оказывается и западный типъ — мирносопѣ у гроба, съ специально западными чертами (стр. 287—8); *Вознесеніе* тоже оказывается здѣсь въ византійскомъ типѣ—безъ Богоматери.

Разсмотрѣвъ вкратцѣ миниатюры библейскихъ глѣсногнѣній, соединенныхъ съ Псалтырью въ изучаемомъ памятникѣ, Тикканенъ переходитъ къ общимъ выводамъ, въ которыхъ отчасти повторяетъ своихъ предшественниковъ (особенно Гольдшмида и Durieu), отчасти же является вполне самостоятельнымъ.

Утрехтская Псалтырь въ томъ видѣ, въ какомъ дошла до насъ, явилась на свѣтъ въ 20-хъ или 30-хъ годахъ IX столѣтія и написана въ монастырѣ Hautviller, слѣдовательно принадлежитъ къ такъ называемой *Реймской школѣ*, чѣмъ и объясняются многіе пункты соприкосновенія па-

---

ломъ иллюстрируется такъ: у открытаго храма пасется стадо быковъ, козловъ и овецъ. У источника сидитъ Давидъ съ чашей въ рукѣ. Сзади него стоитъ ангелъ, протягивающій ему посохъ и заливающій на его главу елей изъ рога. Передъ Давидомъ стоитъ столъ съ кушаньями. Изъ праваго угла рисунка въ Давида цѣляютъ «враги» его.

мятника съ позднимъ античнымъ искусствомъ, которое только *отчасти* дѣйствовало черезъ памятники древнехристіанскіе. Но здѣсь нѣтъ и слѣда классическаго спокойствія; напротивъ, здѣсь поражаетъ масса энергій и движенія, что очень характерно именно для каролингской эпохи и даже для болѣе позднихъ среднихъ вѣковъ. Совпаденія же Утр. Псалтыря съ византійскими Тикканенъ объясняетъ не заимствованіемъ, а единствомъ текста, сходствомъ въ направленіи мыслей, главное же тѣмъ, что многія основныя черты христіанской иконографіи были выработаны очень рано, когда востокъ еще не расходился съ западомъ (до VI вѣка). Эту общую основу востокъ потомъ разрабатывалъ въ сторону большей глубины богословской мысли, а западъ — въ сторону большей свободы и жизненности, при чемъ однако же самостоятельность запада не исключаетъ возможности спорадическаго вліянія на него памятниковъ византійскихъ, которые не копируются рабски, но самостоятельно перерабатываются. Такой свободной переработкой во вкусъ каролингской современности, но съ удержаніемъ многихъ чертъ глубокой старины, оказывается Утрехтская Псалтырь; вопросъ о томъ, откуда именно, изъ Рима или изъ Византіи, получилъ художникъ то, что онъ здѣсь переработалъ, Тикканенъ пока оставляетъ открытымъ (*das ist eine noch in keiner Weise spruchreife Frage*, стр. 316).

До сихъ поръ г. Тикканенъ говорилъ объ изслѣдуемомъ памятникѣ, какъ объ результатѣ дѣятельности одного и самостоятельнаго художника; но онъ поступалъ такъ только ради краткости и внѣшняго удобства; теперь онъ ставитъ себѣ вопросъ, не была ли дошедшая до насъ Утрехтская псалтырь копіей съ красками сдѣланнаго оригинала, какъ это доказывалъ Гольдшмидтъ? и отвѣчаетъ на него утвердительно, а потомъ (стр. 316 до конца) старается различить работу отдѣльныхъ исполнителей. Результатъ его наблюденій очень интересенъ, но провѣрить его можно только, имѣя передъ глазами самый памятникъ.

Лицевая Псалтырь, которую изслѣдуетъ г. Тикканенъ, настолько богата художественнымъ содержаніемъ¹⁾, что всякая новая работа, пополняющая наши свѣдѣнія объ ней, представляетъ большой интересъ, тѣмъ болѣе работа такого знатока дѣла, какъ нашъ авторъ, и столь научно-обставленная. Но помимо этой прямой и непосредственной своей задачи, лежащая передъ нами книга въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣлахъ преслѣдуетъ и другую, тоже очень важную и многообъщающую: она подбираетъ, очищаетъ и систематизируетъ матеріалъ для выясненія общихъ законовъ, по которымъ развивалось христіанское искусство, и способствуетъ, такимъ образомъ, постепенному превращенію науки фактовъ въ науку принциповъ и идей; иначе сказать: она производитъ рядъ частныхъ и мелкихъ, но очень цѣнныхъ наблюденій относительно того, въ какихъ фор-

1) Въ виду безпримѣрнаго для столь ранней эпохи соединенія картинъ жизни небесной и геенской съ изображеніями жизни земной, авторъ очень остроумно называетъ Утрехтскую рукопись *eine künstlerische Divina Comedia*, стр. 219.

махъ, въ какое время и при какихъ условіяхъ выражается художникомъ извѣстное душевное состояніе, извѣстный фактъ внутренней жизни; такимъ образомъ она разлагаетъ на составные элементы и исторически изслѣдуетъ такъ называемые художественные приемы, подобно тому, какъ новѣйшіе историки литературнаго творчества выясняютъ поэтическіе приемы, по возможности, въ ихъ историческомъ развитіи. Подбирая, напр., сотни фактовъ для опредѣленія того, какинъ положеніемъ тѣла въ началѣ среднихъ вѣковъ иллюстраторы и иконописцы выражали состояніе горестнаго сомнѣнія благочестиваго человѣка, нашъ авторъ даетъ твердую опору для послѣдующихъ историковъ искусства, которые будутъ выяснять позу обручника Іосифа въ изображеніи Рождества Христова. Нельзя не признать великой пользы отъ такой скромной и не притязательной работы, если она производится съ надлежащею осторожностью.

Относительно осторожности нашъ авторъ стоитъ, такъ сказать, выше всякаго подозрѣнія. Уже и изъ нашего обозрѣнія содержанія его работы, надѣмся, видно, что онъ скорѣе можетъ заслужить упрекъ въ излишкѣ ея, въ нѣкоторой боязни собственныхъ выводовъ. Въ дальнѣйшемъ ходѣ изслѣдованія, значительно увеличивъ запасъ вполне ясныхъ для читателя частныхъ фактовъ, по исторіи иллюстраціи западныхъ псалтырей, г. Тикканенъ, мы увѣрены, проявитъ большую смѣлость и черезъ то поможетъ намъ лучше опредѣлить особенности нашей псалтырной иллюстраціи въ ту эпоху, когда русское искусство подвергалось болѣе сильному западному вліянію.

А. К.

Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Φωτίου, πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως, Λόγοι καὶ Ὁμιλίαι ὁδοῦντες τρεῖς, ἐκδιδόντος Σ. Ἀριστάρχου, μεγάλου λογοθέτου τῆς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας. Τόμοι δύο. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. 1901.

Авторъ настоящаго изданія, горячій поклонникъ патріарха Фотія, уже не въ первый разъ выступаетъ, какъ издатель его произведеній. Въ журналѣ *Ἑλλησιαστικὴ Ἀλήθεια* за 80-тые годы истекшаго столѣтія (и 1896 г.) послѣдовательно помѣщаются были имъ отдѣльныя проповѣди и Слова патріарха Фотія, и нельзя не поблагодарить автора за мысль объединить эти публикаціи и дополнить ихъ новыми въ особомъ сборникѣ. Авторъ не пожаглѣлъ труда на то, чтобы, въ доступныхъ ему предѣлахъ, обставить издаваемые тексты критическимъ аппаратомъ и дать имъ ту обработку, какая ему представлялась наиболѣе правильной. Своему изданію онъ предпосылаетъ пространное введеніе, посвященное хронологическому обзору жизни и дѣятельности патріарха, при чемъ, въ общемъ руководясь трудомъ Гергенрѣтера, онъ попутно привлекаетъ обширную ученую литературу, греческую и иностранную, какъ общую церковно-

историческую, такъ и специальную, монографію о Фотіѣ. Русской литературой авторъ могъ пользоваться частью въ греческихъ переводахъ (Исторія государства Россійскаго Карамзина цит. въ переводѣ Крокиды, Афины 1856, т. II, стр. 28. Историческое ученіе объ Отцахъ Церкви Филарета, архіепископа Черниговскаго, цит. въ переводѣ Пагиды, Іерусалимъ 1885—88, тамъ же, стр. 3 и 28. Впрочемъ Церковная лѣтопись архимандрита Арсенія цитруется, тамъ же, стр. 29, въ русскомъ подлинникѣ). Однако количество заглавій трудовъ русскихъ ученыхъ (не безъ ошибокъ въ фамиліяхъ: Красноселіевъ=Красносельцевъ) въ предварительной библиографической замѣткѣ (т. I, стр. 6) и въ приложеніи, во II-омъ т., не соответствуетъ дѣйствительному кругозору автора (достаточно упомянуть отсутствіе имени даже В. Г. Васильевскаго въ предисловіяхъ къ проповѣдямъ, произнесеннымъ по поводу нашествія Руси на Царьградъ).

Обращаясь въ концѣ Введенія къ своему изданію, авторъ сообщаетъ, что напелъ возможнымъ значительно увеличить число Словъ и проповѣдей Фотія, сохраняемыхъ намъ, какъ таковыя, въ рукописяхъ, такими, которыя онъ предположительно возстановляетъ изъ отрывковъ богословскихъ трактатовъ Фотія, его писемъ и гномологій. Авторъ воспользовался здѣсь мыслью Гергенрѣтера (срв. ссылки на 236 стр. III-го т. труда Гергенрѣтера, Аристархи, т. I, стрр. 12, 172, 200, 232, 323, 330 и 451 и т. II, стрр. 172, 201 и 272. О гномологіяхъ, тоже со ссылками на Гергенрѣтера, т. I во Введеніи, стр. 162, и стрр. 220 и 352 II-го тома). Такимъ образомъ уже самое первое Слово настоящаго изданія, Ἀβυς γραμματικὸς περὶ τοῦ ἐν ἁγίοις... μεγάλου Ἀθανασίου состоитъ изъ отрывковъ, взятыхъ изъ писемъ и другихъ сочиненій Фотія. Всѣ 22 лекціи по философіи и логикѣ, слѣдующія въ новомъ изданіи за этимъ первымъ Словомъ, тоже извлечены изъ Амфилохій (№№ 2, 15, 17 — 19, 21 — 23) или изъ Фотіевыхъ схолиевъ къ Аристотелю. Четыре дальнѣйшихъ «догматическихъ Слова» патріарха Фотія (№№ 24 — 27) тоже составлены изъ извлеченій изъ большаго богословскаго трактата Фотія (Ἀμφιλόχεια) и первая проповѣдь (Ὀμιλία) новаго изданія, Ὀμιλία εἰς τὴν γέννησιν τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ (№ 28)—изъ отрывковъ изъ Амфилохій, трактата противъ Манихеевъ и писемъ; подобнаго состава и двѣ слѣдующія проповѣди (№№ 29—30). Первою проповѣдью, дѣйствительно сохраняемою, какъ таковая, въ рукописяхъ, является въ новомъ изданіи № 31, «Проповѣдь, произнесенная въ пятницу первой недѣли поста» (стрр. 192 — 199). Въ остальномъ составѣ перваго тома дѣйствительныя проповѣди (а не составленныя издателемъ по извлеченіямъ) суть: почти вся 33-ія проповѣдь (кромѣ двухъ первыхъ §§), вторая и третья изъ пяти (у издателя) проповѣдей противъ ересей (№№ 36 и 37, стрр. 254—298), три проповѣди противъ Манихеевъ (№№ 43—45, стрр. 339—444), изъ четырехъ таковыхъ новаго изданія, и послѣдняя проповѣдь, помѣщенная въ этомъ томѣ (№ 50, стрр. 469—486), Ὀμιλία πρώτη, λεχθεῖσα τῇ ἁγίᾳ πα-

расκευῆ ἐν τῷ ἁμβωνί τῆς ἁγίας Εἰρήνης μετὰ τὴν συμπλήρωσιν τῶν κατηχήσεων. Во второмъ томѣ издаются двѣ проповѣди, сказанныя по поводу нашествія Руси (№№ 51 и 52,—до стр. 57), Ὀμιλία δευτέρα λεχθεῖσα τῇ ἁγίᾳ παρασκευῇ ἐν τῷ ἁμβωνί τῆς ἁγίας Εἰρήνης, μετὰ τὴν ἀνάγνωσιν τῆς κατηχήσεως (№ 60, стрр. 145—171), третья проповѣдь, произнесенная тамъ же и по тому же поводу (№ 62, стрр. 180—200), первая проповѣдь на Благовѣщеніе (№ 66, стрр. 230—245), Похвальное Слово (Ἐγκώμιον) св. первомученицѣ Θεκῆ (№ 67, стрр. 252—267), проповѣдь на открытіе иконы Божьей Матери, произнесенная въ присутствіи царя (№ 73, стрр. 294—308), проповѣдь на торжество православія надъ всякою ересью (№ 74, стрр. 314—326), проповѣдь на Рождество Пресв. Богородицы (№ 75, стрр. 330—351), вторая проповѣдь на Благовѣщеніе (№ 77, стрр. 368—380), проповѣдь въ праздникъ Вайи (№ 81, стрр. 410—421), проповѣдь, посвященная описанію дворцоваго храма (№ 82, стрр. 428—439), проповѣдь на погребеніе Господа Нашея Иисуса Христа, въ св. Субботу (№ 83, стрр. 442—471).

Изъ перечисленныхъ произведеній патріарха Фотія №№ 33 и 36 были изданы Пападопуло-Керамевсомъ (въ его Φωτίου τοῦ Κ. Π. ποιημάτων, С.-Петербургъ 1892, и Φωτίου τοῦ Κ. Π. ἐπιστολαί, тамъ же 1896), №№ 43—45 у Миня (Patrol. ser. gr., t. 102) и №№ 44—45 раньше Вольфомъ (I. C. Wolfii Anecdota graeca, Hamburg 1722), №№ 51 и 52 Авг. Наукомъ въ приложеніи къ Lexicon Vindob. (С.-Петербургъ 1867 и затѣмъ К. Мюллеромъ въ V-омъ т. Fragm. hist. graec.), № 73 (въ извлеченіяхъ) еп. Порфириемъ (Успенскимъ, С.-Петербургъ 1864), № 75 Евгениемъ Вулгарисомъ (въ изд. Θεοδωρίτα, Γαλλε 1775), Комбефизомъ (Austarium novum P. R., Парижъ 1648) и у Миня (t. 102), № 82 издавался неоднократно (начиная съ изданія Комбефиза въ Originum genuinae C. P. manipulus, Парижъ 1664 и кончая Минемъ, t. 102) и № 83 Папагеоргиу (въ Приложеніи къ 'Ημέρα, изд. въ Триестѣ, №№ 1343—44). Не упоминаемъ здѣсь изданій самого Аристархи въ 'Εκκλ. Ἀλήθεια и изданія отдѣльныхъ отрывковъ проповѣдей, отмѣчаемыхъ Аристархи въ предисловіяхъ къ каждой проповѣди. Списокъ всѣхъ предшествующихъ изданій, съ какими пришлось имѣть дѣло новому издателю произведеній Фотія, приложенный въ концѣ Введенія, также снабженъ подробнѣйшимъ указаніемъ проповѣдей, Словъ и отдѣльныхъ ихъ отрывковъ, встречающихся въ этихъ болѣе раннихъ изданіяхъ.

Оставляя пока въ сторонѣ многочисленныя Слова и проповѣди, составляемыя изъ отрывковъ сочиненій Фотія самимъ издателемъ, обратимся къ тѣмъ, которыя сохраняются намъ, какъ таковыя, въ рукописяхъ. Въ изданіи всѣхъ этихъ текстовъ, были ли они напечатаны раньше его или нѣтъ, новый издатель располагалъ нѣкоторыми рукописями, которыя до него не были привлекаемы къ дѣлу, и, если обнаруженіе новыхъ, еще неизвѣстныхъ въ печати, произведеній такого выдающагося автора, какимъ является патріархъ Фотій, естественно вызы-

вать особый интересъ, то не менѣ важна и часто плодотворна по результатамъ филологическая обработка текстовъ, уже давно извѣстныхъ.

По матеріалу, привлекаемому къ обработкѣ текста, мы можемъ выдѣлить въ изданіи Аристархи, прежде всего, рѣшительно преобладающую группу произведеній Фотія, для которыхъ онъ пользуется, кромѣ печатныхъ текстовъ, гдѣ они были, тремя рукописями: Иверской XVII в. (помѣта окончанія 26 апрѣля 1627 г.), обозначаемой у Аристархи, въ спискѣ источниковъ въ концѣ Введенія и въ критическомъ аппаратѣ, литерами 'Ιρ. (Копію съ нея сдѣлалъ для издателя архимандритъ Ватопедской обители Іаковъ, коего коньектуры къ тексту неоднократно отмѣчаются издателемъ въ критическомъ аппаратѣ); Іерусалимской XVII в., отмѣчаемой въ аппаратѣ литерами 'Ιερ. (сличена, повидимому, самимъ издателемъ), и Парижской, представляющей тексты проповѣдей въ извлеченіи Паисія Лигарида, съ его отзывами о нихъ съ эстетической стороны, приводимыми издателемъ въ предисловіяхъ къ проповѣдямъ (*Supplém. grec.* 286; сличена для издателя въ 1886—87 гг. тогдашнимъ секретаремъ Оттоманскаго посольства въ Парижѣ). Эта послѣдняя рукопись отмѣчается литерами Πα. Вторую небольшую группу представляютъ три проповѣди противъ Манихеевъ, №№ 43—45. Для этихъ проповѣдей издатель могъ воспользоваться: Лаврской рукописью (Λα.) XV-го в., сличенной для него монахомъ Лавры Александромъ Евморфопуломъ; Женевской рукописью (№ 34, каталога Женевской бібліотеки) XV или XVI-го в. (Γ.), сличенной для него профессоромъ восточныхъ языковъ въ Женевскомъ университетѣ Ед. Монтэ (Montet); и для первой изъ упомянутыхъ проповѣдей еще рукописями *cod. Vatican.* 1923 (XIII в., въ сличеніи N. Franco; Βατ.) и *cod. Vatic. Palat. graec.* 216, IX в. (въ сличеніи того же лица, «достопочтеннаго отца N. Franco»; Παλ.). Наконецъ особымъ небольшимъ аппаратомъ располагалъ новый издатель для обработки текста № 67, Похвальнаго Слова св. первомученицѣ Θεκλѣ; это—Московская ркп. (синод. *cod.* CLXII каталога *Matthaei*, XI в.), въ двухъ спискахъ съ нея, представленныхъ въ распоряженіе автора, кардинала Питра и покойнаго нашего ученаго, проф. И. М. Троицкаго, и Иверская ркп. XVI в., въ спискѣ съ нея архимандрита Поликарпа (Μο., Πο.). Для 75-ой проповѣди, кромѣ упомянутыхъ трехъ, вообще служившихъ издателю для установленія текста преобладающаго большинства проповѣдей, онъ пользуется еще сличеніями, сдѣланными для него съ одной Мюнхенской (№ 443 d. Aug. XIII в.; Βα.) и съ одной Римской ркп. (*cod. Vatic. reg. append.* f. 32, 6—сличеніе упомянутаго N. Franco; Ρ.). Для 36-ой проповѣди цитируется еще одна іерус. ркп. (1 патріарш. библи.; 'Ιεροσ.).

Приступая теперь къ оцѣнкѣ критическихъ приѣмовъ новаго издателя произведеній патріарха Фотія, намъ приходится указать на два принципиальныхъ недостатка его работы. Это — 1) слишкомъ независимое отношеніе къ рукописной традиціи и 2) подчиненіе языка Фотія правиламъ греческаго языка классической эпохи. Послѣднее простирается у изда-

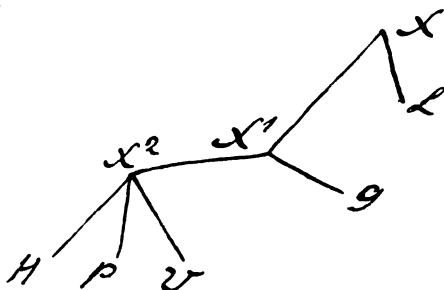

теля такъ далеко, что онъ заботливо возстановляетъ у Фотія ν ϵ ρ α λ ν σ и ς въ концѣ нарѣчія $\sigma\theta\omega\varsigma$ и наоборотъ устраниваетъ эти буквы вездѣ тамъ, гдѣ то или другое рекомендуется законами благозвучія, и столь же тщательно проводитъ въ текстахъ Фотія элизію. Издатель превратно навязываетъ Фотію удареніе $\dot{\iota}\sigma\sigma\varsigma$ (эпическая, поэтич. форма), вмѣсто $\dot{\iota}\sigma\sigma$. Гораздо разрушительнѣе вліяетъ та же тенденція издателя въ области морфологій, синтаксиса и стилистики у Фотія. Что касается отношенія къ рукописямъ, издатель не уясняетъ себѣ съ достаточною опредѣленностью ихъ взаимнаго отношенія и потому часто колеблется между двумя традиціями текста, совсѣмъ разнаго достоинства. Согласіе лучшихъ рукописей не представляется ему препятствіемъ къ введенію корректуръ своихъ или своихъ предшественниковъ въ случаяхъ, гдѣ такіа корректуры, при болѣе внимательномъ объясненіи мысли автора, оказываются излишними. Часто также недостатокъ изученія языка Фотія велъ къ корректурамъ, вопреки согласію всѣхъ рукописей. Безаппелляціонное « $\kappa\alpha\delta'$ $\eta\mu\acute{\iota}\varsigma$ $\gamma\epsilon$ », пестрящее страницы новаго изданія, характеризуетъ критическую манеру Аристархи.

Но переходимъ къ обоснованію этого своего общаго отзыва.

Начнемъ съ той проповѣди, для которой критическій аппаратъ необычно богатъ у новаго издателя Фотія, первой проповѣди противъ Манихеевъ ($\alpha\pi\omicron\rho\iota\alpha\iota$ $\kappa\alpha\iota$ $\lambda\omicron\theta\iota\varsigma$ $\pi\epsilon\rho\iota$ $\tau\acute{\omicron}\nu$ Μανιχαίων), № 43.

Сопоставленіе вариантовъ у самого издателя вполне ясно показываетъ, что, въ то время какъ $\Pi\alpha\lambda.$ и Ват. болѣею частью сходятся съ Гамбургскою рукописью, по которой данная проповѣдь была издана Вольфомъ и у Миня, $\Lambda\alpha$ и Γ обособляются въ особую группу и, очевидно, исходящую изъ лучшей традиціи, чѣмъ группа $\Pi\alpha\lambda.$ Ват. Амб. Въ свою очередь въ группѣ $\Lambda\alpha$, Γ первая рукопись, т. е. Лаврская, нерѣдко выдѣляется, какъ лучшая изъ этихъ двухъ рукописей, тогда какъ Γ въ этихъ случаяхъ сходится съ традиціей другой группы. Такимъ образомъ мы представляемъ отношеніе между тѣми немногими рукописями, которыми располагалъ Аристархи для данной проповѣди, въ такой схемѣ (отмѣчаемъ рукописи начальными латинскими буквами).

Чтенія лучшей рукописи, L , въ текстѣ и данной проповѣди и двухъ дальнѣйшихъ, оцѣнены г. Аристархи далеко недостаточно. Рука объ

руку съ этимъ отношеніемъ къ лучшимъ рукописямъ шло и неправильное представленіе издателя о языкѣ Фотія.

Уже на первыхъ страницахъ первой проповѣди противъ Манихеевъ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, ἄμα съ родит. пад. во всѣхъ рукописяхъ, стр. 340, примѣч. 10, срв. то же т. II, стр. 125, примѣч. 3 (ркп.). На стр. 341, 8 чтеніе L: αὐτὸ τὸ παρατραπῆναι μερίζει ἡμᾶς τὴν ἄτην καὶ ἀδιαίρετον ἀρχὴν καὶ ἐξουσίαν εἰς δύο τῆς πολυμηχάνου καὶ σφοδρᾶς ὀχλήσεως ἐστὶ τοῦ πονηροῦ отвѣчаетъ употребленію у Фотія члена въ смыслѣ относительнаго мѣстоименія (срв. примѣры такого употребленія въ позднѣйшемъ греческомъ языкѣ у Jannaris'a, *An historical greek grammar*, London, 1897, § 1438). См. т. II, стр. 19, ¹⁵ (=Nauck, *Lexic. Vindob.*, pg. 210, ¹⁵, гдѣ и этотъ издатель вставлялъ ἄ, но безъ основанія) καὶ τὰ πρὸ τοῦ ἁστεως λαμπρῶς ἐπεπόλιστο, λαγόνες θαλάσσης. тамъ же, стр. 41, 15 (въ чтеніи лучшей, іерусалимской ркп.) ταύτης τῆς τὴν σκέπην εἰς τεῖχος εὐραῖν ἀπολιόρχητον.

Стр. 342, 17 αὐγὴ LV надо предпочесть чтенію P, въ виду намековъ на то же чтеніе, αὐγὴ, въ извращеніяхъ его и въ G, и H. Еще одинъ примѣръ безосновательной поправки издателемъ рукописной традиціи вслѣдствіе превратнаго мнѣнія о греческомъ языкѣ Фотія: стр. 345, 15 πῶς οὖν ἐν ἄλλοτρίῳ χτίσματι ὁ πάσης δημιουργός χτίσεως ἐνοικεῖ, καὶ τοῦτο πονηρῷ καὶ ἔργον ὑπάρχοντι πονηροῦ; поправка Аристархи καὶ τοῦτο замѣнила чтенія рукописей: καὶ τῷ τε LG καὶ τότε H καὶ τὸ τότε PV (последнее чтеніе, очевидно, вторичнаго происхожденія, вызванное тѣмъ, что подлинное выраженіе Фотія не было понято). Вотъ параллельныя мѣста въ подкрѣпленіе чтенія LG, позволяющія также установить чтеніе одного мѣста перваго поученія патріарха Фотія, произнесеннаго по поводу нашествія Руси (*Arist. t. II pg. 16, 7*—Nauck, *Lex. Vindob. pg. 208, 5*): *Arist. t. I pg. 359, 10* πῶς τὸ σῶμα καὶ τὸ πνεῦμα καὶ τὴν ψυχὴν ὁλόκληρον ἐπέυχεται διατηρηθῆναι, καὶ τότε (τό τε ?) ἐν τῇ τοῦ κυρίου παρουσίᾳ; *pg. 374, 1* (Λουκᾶς δέ) . . . πῶς τὸν Ζαχαρίαν καὶ τὴν Ἐλισάβετ . . . δικαίους καὶ τότε ἐνώπιον μαρτυρεῖ τοῦ Θεοῦ; *pg. 374, 6* ἐν αὐτῷ τε (*scil. τῷ νομικῷ ναῷ*) τὸν ἄγγελον ὀφθῆναι κυρίου, καὶ τότε τίνα; всѣ эти три мѣста въ той же первой проповѣди противъ Манихеевъ и всюду издатель исправляетъ текстъ по правиламъ греческаго языка классической поры, не смотря на согласное чтеніе всѣхъ рукописей. Однако, незамѣтно для себя, онъ сохраняетъ такое же чтеніе рукописей въ двухъ мѣстахъ второй проповѣди противъ Манихеевъ: стр. 385 (въ самомъ началѣ страницы) и стр. 398, 2, и во II-омъ томѣ, стр. 75 ξυλοκοποῦντας ἐν τῷ σαββάτῳ, καὶ τότε διὰ τῆς ἱερᾶς ὑπηρεσίας, ἐφ' ἣ μᾶλλον ἔδει σωῆσθαι τὸν νόμον, τῆς ἐργασίας προϊούσης. Сюда добавимъ и вышеупомянутое мѣсто первой проповѣди εἰς τὴν ἐφοδὸν τῶν Ῥῶς: ἀλλὰ συνδρομον ἔσχεν ἡ θεὰ τὴν ἀχοήν, καὶ τό τε (Ἱερ., τότε Ἱβ.) πόθεν καὶ χώρας πόσαις κτέ. τῶν ἐπελασάντων διεργομένων. Наукъ читаетъ здѣсь, вмѣсто словъ τό τε πόθεν καὶ, τὸ πεπονθέναι, что, какъ большинство его коньектуръ къ тексту обѣихъ проповѣдей, было принято и

С. Muller'омъ. Греческій издатель, не оцѣнивъ имъ впервые привлеченной іерусалимской рукописи, замѣняетъ традицію очень неудачной конъектурой καίτοι πολλὰ χόθεν и, въ зависимости отъ послѣдней, принужденъ еще читать χώρας πολλὰς, вмѣсто χώρας πόσαις.

Въ концѣ стр. 351-ой L опять даетъ наиболѣе правдоподобное чтеніе: πῶς μὲν («что это за») λόγος προφητικός ἐξ αἰμάτων (удареніе стоитъ логически на этомъ словѣ въ его сочетаніи съ дальнѣйшими) καὶ ἐκ θαλάσσης ἀνδρός, καὶ οὐκ ἐκ θαλάσσης ἀνδρός ἐγεννήθη; (это и даетъ: λόγος προφητικός — ἐξ αἰμάτων, что опровергается дальнѣйшимъ изложе-ніемъ). Чтеніе здѣсь σαρκός, вмѣсто второго ἀνδρός, вызвано въ рукописяхъ другой группы дальнѣйшимъ текстомъ изъ евангелія отъ Іоанна.

Можно смѣло утверждать, что чтенія LG и L должны быть послѣдовательно проведены въ текстахъ всѣхъ трехъ проповѣдей противъ Манихеевъ. Пренебрегая ими, издатель вводитъ себя только въ лишнія затрудненія. Такъ, стр. 354,о, гдѣ повторенное во всѣхъ рукописяхъ, кромѣ L, слово κόσμον, исправляемое Аристархи, вызываетъ въ его текстѣ совсѣмъ запутанную постройку фразы (ἄλλον μὲν . . . ., ἕτερον δὲ . . . , ἐκεῖνον δέ). Если иногда можетъ возникнуть вопросъ, не слѣдуетъ ли предпочесть текстъ другихъ рукописей въ случаѣ уклоненія отъ нихъ L, то параллели другихъ мѣстъ сочиненій Фотія возстановляютъ авторитетъ этой рукописи. Такъ, стр. 356,17 перечисленіе немощныхъ, исцѣленныхъ Иисусомъ Христомъ: οἱ λεπροί, οἱ παράλυτοι, οἱ χωλοί, οἱ κωφοί GPV (такъ же у Евѳимія Зигавина), οἱ λεπροί, οἱ παράλυτοι, οἱ κωφοί LH не предполагаетъ непременно пропуска въ L, такъ какъ «разслабленные» и «хромы» до известной степени относятся къ одной категоріи калѣкъ, срв. т. II, стр. 443—444, гдѣ въ подобномъ же перечисленіи: καὶ χωλὸν ἐξαλλόμενον безъ особаго упоминанія парализованныхъ (II, стр. 331 χωλοὺς καὶ παρεμμένους συσφίγγων объединяетъ хромыхъ и разслабленныхъ въ одной категоріи), срв. I, 357: τυφλοὶ ἀναβλέπουσι, χωλοὶ περιπατοῦσι, λεπροὶ καθαρίζονται, κωφοὶ ἀκούουσι, καὶ νεκροὶ ἐγείρονται.

Отвергнутое издателемъ чтеніе LGVP εὐεργεσίαν ἡμῶν περιγράφων стр. 357,17 находитъ себѣ объясненіе въ употребленіи родительнаго вмѣсто дательнаго въ средневѣковомъ греческомъ языкѣ, чему примѣры см. у Јаппарис'а (о. с. §§ 1350 и 1351). Отмѣтимъ по этому поводу, что и винительный вмѣсто дательнаго является въ той же проповѣди стр. 351,11 въ чтеніи всѣхъ рукописей и II стр. 471,а.

Наша рецензія вышла бы чрезмѣрно пространной, если бы мы стали перечислять и обсуждать всѣ случаи, гдѣ L, пренебреженная издателемъ, даетъ, одна или въ согласіи съ G, единственно правильное чтеніе. Мы останавливаемся только на нѣкоторыхъ, болѣе характерныхъ мѣстахъ. Стр. 369,8 πῶς γὰρ οὐκ ἔστιν ὁ παρὼν κόσμος τῆς βασιλείας τοῦ Θεοῦ καὶ οἱ ἐν αὐτῷ, ὅποτε αὐτὸν μὲν τὸν ἄγρον αὐταῖς λέγει φωναῖς οὐχ ἅπαξ, ἀλλὰ καὶ δις. Такъ въ L издатель предпочитаетъ чтеніе GPVH αὐτοῦ, что онъ исправляетъ проводя у Фотія, какъ всегда, правила употребленія притя-

жательнаго мѣстоименія въ языкѣ классической поры, всюду вопреки авторитету рукописей, въ αὐτοῦ. Для οὐχ ἅπαξ, ἀλλὰ καὶ δις онъ, при такомъ чтеніи, ссылается на 24 и 27 §§. XIII-ой главы евангелія отъ Маттея. Но совершенно очевидно, что здѣсь имѣются въ виду двѣ притчи о мірѣ, какъ нивѣ, Matth. XIII 24 и 31 и чтеніе L αὐτὸν τὸν ἄγρον вполне правильно. Стр. 371,¹¹ τίς γὰρ κοινωνία ἢ συμπάθεια τοῦ πονηροῦ πλάσματος καὶ δεσποτικῆς πάθους L, прочія рукописи опускаютъ τοῦ и съ ними издатель. Но членъ здѣсь далеко не безразличенъ, такъ какъ имѣется въ виду «созданіе злаго духа» или «созданіе злаго начала». Стр. 373,³ для чтенія LG τοῦ Θεοῦ, вм. τοῦ ἐχθροῦ PVH (и у Евоніи), надо имѣть въ виду дальнѣйшія слова: τοῦ δεσπότου τὴν μωσαϊκὴν κυροῦντος φωνήν. Мы бы перевели слова: αἱ περ ἦσαν τοῦ Θεοῦ: «если они (законоположенія Моисея) только были дѣйствительно Божьи» (подразумѣвается: ἀλλ' οὐχὶ τοῦ ἐχθροῦ, а не враждебнаго начала, какъ то утверждали Манихеи). Стр. 379,¹⁰ нѣкоторое сомнѣніе способно вызвать чтеніе *πρωτεύεται* LG при слѣдующемъ *πρωτεύων*, гдѣ въ другихъ рукописяхъ читается *θρασύεται*. Но подобныя повторенія не чужды стилю Фотія, срв. стр. 267 (въ началѣ) ἀκριβῆ τὴν ἐξέτασιν ἀφῆκε γενέσθαι . . . , ἐπιτρέψας τὴν ἐξέτασιν, гдѣ въ первомъ случаѣ издатель, вопреки всѣмъ рукописямъ, читаетъ τὴν ἐξέλεξιν, и стр. 387,¹² ἐπεδύμησαν ἰδὲν ἂ εἶδετε LG, гдѣ, вмѣсто εἶδετε, H даетъ чтеніе βλέπετε.

Еще одно принципиальное замѣчаніе. Неоднократно, и въ этой первой и въ дальнѣйшихъ проповѣдяхъ противъ Манихеевъ, г. Аристархи отдаетъ предпочтеніе передъ рукописями передачѣ текста Фотія у Евоніи Зигавина (Παυτολίχ δογματικῇ). Но при этомъ онъ упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что переписчикъ, слѣпо слѣдующій за подлинникомъ, является болѣе надежнымъ его передатчикомъ, чѣмъ такой позднѣйшій авторъ, который сознательно и намѣренно его поясняетъ. Издатель Фотія вводитъ въ подлинный его текстъ цѣлый рядъ такихъ поясненій и добавленій Евоніи во второй и третьей проповѣдяхъ Фотія противъ Манихеевъ. См. стрр. 385,⁸; 390,²¹; 394,¹⁰; 397,¹¹; 401,¹¹; 409,¹². Въ особенности въ одномъ изъ этихъ случаевъ ощутительно обнаруживается поясненіе подлиннаго текста позднѣйшею рукою. Это стр. 401,¹¹ τὸ δὲ αἷμα καὶ ἡ σὰρξ, ἀλλὰ φρίττων καὶ τοὺς λογισμοὺς καὶ τὴν γλῶσσαν τοῖς θεομάχοις λέγειν ἀφήμι τὰ ἑαυτῶν. Авторъ выражаетъ свой ужасъ предъ богохульствомъ еретиковъ, дѣйствительно, оставляя недоконченною начатую фразу (τὸ δὲ αἷμα καὶ ἡ σὰρξ, «кровь же и плоть. . .»). Евоній ее договариваетъ: πλάσμα ἐστὶ τοῦ πονηροῦ, но тѣмъ совершенно разрушаетъ весь риторическій эффектъ даннаго мѣста проповѣди. Въ первой проповѣди подобныя же поясненія представляютъ слова ἢ γῆ на стр. 354,¹⁵ и ὁ Χριστός стр. 355,¹⁵ (о комъ идетъ рѣчь, въ послѣднемъ мѣстѣ достаточно ясно изъ словъ: ὁ πλάσας τὸν ὀφθαλμὸν ἐκ πηλοῦ κτέ.); тамъ же вставка въ началѣ страницы; стр. 357,⁵, напротивъ, выпущено необходимое для связи изложенія слово μόνον большинства рукописей, опять на основаніи

авторитета Евенимія. Новая значительная вставка по Евенимію—въ началѣ стр. 363-ей. Распространенія первоначальнаго текста замѣчаются и въ его исторіи по рукописямъ. Такъ, стр. 385,⁷ (смотри отмѣтки издателя подъ текстомъ здѣсь и ниже); стр. 391,^{11,12}; стр. 392,^{16,18,20}—ж; стр. 424,¹⁴—18 LG не содержатъ цѣлыхъ фразъ, читаемыхъ въ рукописяхъ другой группы.

Изъ пренебреженныхъ издателями чтеній LG или L во второй и третьей проповѣдяхъ противъ Манихеевъ отмѣтимъ здѣсь: стр. 386,¹⁷ διέσιον LH (срв. т. II, стр. 103,¹²; тамъ же 2 διέσις псх. безъ основанія измѣнено въ διέσις); стр. 388,¹² ἀδελφοί L; стр. 389,¹⁷ εἰπὼν LG, при чемъ интерпункція, конечно, должна быть измѣнена: Καὶ ταῦτα εἰπὼν—πρόφα-σιν, οὐδὲ ἔνθα γέγραπται παραλέλοιπεν; стр. 391,¹⁷ δόσουσι δακην L; стр. 392,⁴ гдѣ двойное отрицаніе въ LH отвѣчаетъ обычаю Фотія, срв. стр. 395,⁴ (въ L) и стр. 488,⁸ с.л. (въ послѣднемъ мѣстѣ издатель смѣло отвергаетъ цѣлый послѣдовательный рядъ чтеній рукописей); стр. 393,⁸ κραταίον LGH; стр. 395,¹ ἤθεσιν L; стр. 400,² ὄντως L.

Весьма трудное мѣсто представляетъ для критики текста періодъ въ концѣ стр. 401-ой и самомъ началѣ 402-ой: οὐδὲν μέγα, οὐδὲ τὸ ὅλον κατ-ὀρθωμα τῆς σωτηρίας ἡμῶν οἰκοθεν κατὼρθωσεν ὁ σωτήρ, ἀλλὰ τὸ πλεόν δοὺς ἔχειν τῷ ἐχθρῷ (ὃ φρενός ὑποχειρίου τῷ σατανᾷ), λαβὼν δὲ παρ' αὐτοῦ, οὐ μὴ πλάστης ἦν αὐτός, αὐτὸ τε παθὼν ἀπαλλάττει, ὅπερ ἐχρῆν (ἔργον γὰρ αὐτός ποιεῖ, ἢ ἀποστασία τοῦ πονηροῦ), καὶ εἰς ἀφάρσειαν μεταποιεῖν καὶ τὸ κακὸν μένειν ἀθάνατον διαπράττεται. Такъ въ L. Въ GH читается: ὅπερ οὐκ ἐχρῆν и далѣе: αὐτὸ ποιεῖ. Вольфъ вносилъ еще поправку παθὼν, а Аристархи вносить поправку μεταποιεῖ.

Данное мѣсто резюмируетъ крайній выводъ для сущности Искуше-нія, вытекающій изъ положеній Манихейскаго ученія о плоти, какъ про-изведеніи злаго начала. По такому его содержанію его можно сопоста-вить съ мѣстомъ трактата Фотія противъ Манихеевъ у Аристархи т. II, стр. 120 (срв. къ этому объ Иисусѣ Христѣ, по плоти происходящемъ отъ Давида и Авраама, стр. 73 и о немъ же въ концѣ стр. 134). Мы полагаемъ, что вставныя слова этого послѣдняго мѣста: τοῦτο γὰρ τῆς ἀπο-στατικῆς спорᾶς (срв. къ этому о происхожденіи Иисуса Христа стр. 73) ὁ καρπός позволяютъ сохранять чтеніе L въ цитованномъ мѣстѣ пропе-вѣди: αὐτός ποιεῖ ἢ ἀποστασίᾳ τοῦ πονηροῦ, при чемъ послѣднія слова являются приложеніемъ къ αὐτός (о Христѣ во плоти).

Стр. 405,¹⁶ συνεπομένης LG; стр. 407,⁸ καὶ γοῦν τὴν L, ε οὐκ αἰσχύοντα οἱ ἀποστάται LG, 12 βλαπτίσθητε L, гдѣ самъ издатель отмѣчаетъ сходство этого варианта съ самымъ текстомъ Св. Писанія, привлекаемымъ здѣсь Фотіемъ; стр. 410,¹⁴ διαμαρτυροῦσα L; стр. 419,⁸ προσευχόμενον L (хотя въ текстѣ Св. Писанія согласно съ другими рукописями προσευχόμενον; но Фотій, цитируя по памяти, нерѣдко вводитъ свои варианты. Въ подоб-ныхъ случаяхъ авторитетъ лучшей рукописи рѣшаетъ вопросъ о выборѣ чтенія); стр. 421,¹⁴ πρὸς LG; стр. 423,¹⁰ τὸ τρώκαιον; стр. 427,¹⁴ πόθεν L

(чит. *Πόθεν δηλὸν ὅτι ἀγαπητοί*); стр. 428,11 *ἐκατέρα* L; стр. 429,ε *ἀρθεῖς εἰς τρίτον οὐρανὸν* L; стр. 431,14 *ὥστε πάντων μὲν κτίστης ὁ Υἱός* LG (гдѣ согласіе двухъ лучшихъ рукописей убѣждаетъ насъ, что это не пропускъ изъ ὁμοισтал.); стр. 433,ε *κατασπυρόμενοι* L; стр. 434,7 *φυγόντας* L (что соответствуетъ и чтенію *καταλιπόντας* *асмъ* рукописей, отвергнутому издателемъ), 11 *ἀνανήψατε καὶ ἐπιστρέψατε* L; стр. 435,12,18 *τούτοις* и далѣе *ἡ* (относится къ *τὴν γένναν*) LG; стр. 437,7 *μοὶ δοκεῖν* LG (вводныя слова: какъ *ὡς ἐμοὶ δοκεῖν*; объ эллипсѣ см. ниже); стр. 440,ε *δι' αὐτῶν* L, 7 *σύγκραμα* L (срв. II 372 *φύραμα*); стр. 441,ε *καταυδαδιάζονται* L (срв. у самого издателя стр. 449 *ἀπαυδαδιάζόμεθα*); стр. 442,10 *τὴν οφειλομένην δώσουσι δίκην*, *κατασφάζατε* LG; стр. 443,18 *ἐπιδειξόμεθα* L.

Въ значительно большемъ числѣ случаевъ самъ издатель, впрочемъ, въ особенности въ послѣдней проповѣди, отдастъ предпочтеніе лучшимъ чтеніямъ L и LG. Мы не перечисляемъ адѣсь цѣлаго ряда мѣстъ, гдѣ издатель безъ основанія отступилъ отъ традиціи всѣхъ рукописей. Такъ, въ концѣ послѣдней проповѣди противъ Манихеевъ почему то выпущена цѣлая фраза. При этомъ иногда причиною является недостаточное знакомство съ языкомъ и стилемъ Фотія. Такъ, стр. 394,12 отвергнутое чтеніе: *πατέρας τοὺς, οὓς ἡ παλαιὰ κλέος εἶχεν, ἀναγράφουσι*, самое обычное у Фотія, срв. выше (въ началѣ той же страницы) у самого издателя: *ἄρα τοῦτο δῶρον τοῖς ὅσοι τὰς σφαγὰς ὑπέσχον ὑπὲρ αὐτοῦ*; во 2-омъ томѣ, стр. 74 *τοὺς ὅσοι τοῖς αὐτοῦ προσανείχον ῥήμασι*, стр. 85 *τοὺς οἱ τὴν ἀπ' ἀρχῆς διεσώσαντο χάριν*; стр. 128 (въ началѣ) *τοὺς οἱ ταῦτα ἐθησαύρισαν*; стр. 370,11 *τοὺς ὅσοις ἡ κατοίκησις ἐν ἐλπίδι καίται*, гдѣ издатель это согласное чтеніе всѣхъ рукописей опять измѣняетъ въ свое: *τοὺς ἀνθρώπους, οἱς κτέ.*; стр. 378 *τοὺς ὅσοι δῶρα κομίζουσιν*. Сюда можно еще присоединить тоже отвергнутое издателемъ, вопреки согласной традиціи рукописей, чтеніе стр. 323,7 *τοῦτο τῶν ὁπόσα γῆς καὶ θαλάσσης εἰς ἡμερον διαμονὴν καὶ βίον ἀκύμονα βασιλικαὶ φροντίδες τῇ πολιτείᾳ χρηματίζουσι*. Очень далеко идетъ уже у Фотія смѣшеніе наклоненій. Въ этой области издатель обнаруживаетъ крайнюю неустойчивость, то подчиняя языкъ Фотія правиламъ древняго языка, то оставляя чтенія рукописей безъ измѣненія. Такія измѣненія текста въ видахъ проведенія у Фотія правилъ грамматики языка древнихъ классическихъ писателей, какъ допускаемыя издателемъ, напр., въ I томѣ, стр. 268,1 слл. (конструкція послѣ *ἵνα*) или, тамъ же, стр. 349 (въ первой проповѣди противъ Манихеевъ), не выдерживаютъ критики. Свидѣтельство всѣхъ рукописей краснорѣчиво опровергаетъ ихъ и сводъ случаевъ употребленія у Фотія наклоненій по тому обильному матеріалу, который даетъ самъ издатель въ текстѣ и въ критическомъ къ нему аппаратѣ, лучше всего можетъ показать это. Вотъ нѣкоторый запасъ убѣдительныхъ данныхъ: *Ἄν* съ сослагат., вм. *ἄν* съ желат., въ случаяхъ, аналогичныхъ съ текстомъ, исправляемымъ г. Аристархи на стр. 349,12 перваго тома: стр. 418,12 (издатель опять исправляетъ, вопреки ркп.), т. II, стр. 51,22 (то же исправленіе издателя и

опять вопреки всѣмъ ркпп.). Срв. также ἄν съ сослаг., вмѣсто ἄν съ желательнымъ въ такомъ случаѣ, какъ стр. I 427,17 въ лучшей ркп., L. То же замѣчается въ конструкціяхъ съ союзами: ὅταν съ желат. II 429,1 (ὅταν всѣ ркпп.; ὅτε издатель); ἐπειδὴ съ желат. II, 415,1; ὅτε съ сослагат. безъ ἄν I 428 (ὅτε всѣ ркпп., ὅταν издатель); εἰ съ сослаг. I 352,5 (εἰ всѣ ркпп., ἦν издатель); ὅτε съ будущ. вв. ὅταν съ сослагат. II 410 (гдѣ издатель частью измѣняетъ чтенія ркпп.); ὅταν съ изъявнт. I 483,3 (ὅταν ркпп.; ὅте издатель), II 24,11 (то же самое), 51,11 (здѣсь, напротивъ, произвольно измѣнено издателемъ наклоненіе: ὅταν παραγίνεται всѣ ркпп.), II 181 (ὅταν ркпп., ὅте изд.); μέχρις ἄν съ изъявнт. II 23—24, 149,11. Характерны случаи смѣшенія: II 130,3 ἐπεὶ ἐξήρχετο ἄν ἡ μία καὶ τῶν ἄλλων ἢ (mss., εἴη ἄν Arist.) ἢ πρῶξις περιττή, 156,5 εἰς τὴν καὶ τούτων ἀπορος ἦς καὶ κινεῖ (mss., κινῇ Arist.) μὲν σε ἡ προαίρεσις, ἀναστέλλει (mss., ἀναστέλλω Arist.) δὲ τὴν προθυμίαν ἡ ἀπορία, 165,11 ἄν εἴπη ὁ κακὸς δούλος . . . , ἐσθίει δὲ καὶ πίνει (mss.), 378,5 οὐκ ἀποπέμψει, οὐδὲ . . . ταῖς τῶν καταδικῶν ποιναῖς ἐπαγάγοι (mss. ἐπάξει Arist.), ἀλλὰ . . . ποιήσει. *Сослагательное, эмство желательнаго, съ пожеланіемъ* («thus dislodging it from its last entrenchment» Jannaris, Gramm. App. V 15): II 47,3 δ μὴ γένηται (лучшая, іерус., ркп., но, по Науку, такъ и въ Иверской), I 197,3 εἰδε καὶ τὸν παρὶ σοῦ δυνήσῃ παρασχῆν (scil. λόγον), гдѣ издатель читаетъ δυνήσοιο, наконецъ, II стр. 317,6 (см. ниже). Отождествленію ὅταν съ ὅте соотвѣтствуетъ у Фотія и широкое употребленіе ἄν вмѣсто εἰ (срв. къ этому явленію Jannaris, §§ 1772 и 1987), также καὶ съ изъявительнымъ (ἄν съ изъявительнымъ: II 168,3 mss., 240,50 mss., 336,1, 350, въ концѣ; καὶ: II 315 καὶ μηδεὶς ἐφέστηκεν κтѣ., 378,5 καὶ μακρὸς ὑπάρχει λῆρος, 359,1). Ἄν (=εἰ) съ желат. I 484,12, гдѣ издатель читаетъ εἰ, вмѣсто ἄν рукописей. Ἄν μὴ съ изъявнт. II, 194,11 mss. (издатель читаетъ: εἰ μὴ πάραστιν ἀγάπη). Будущее замѣняетъ сослагательное II 318 (въ началѣ). Будущее съ ἄν находимъ въ самомъ текстѣ Аристарха I 440 (εὐρήσει δ' ἄν τις τούτων καὶ ἑτέραν ἀπόνοιαν) и II 114,6, гдѣ, однако, въ ркпп.—сослагательное (καὶ τίς ἄν λογισμοῦ κύριος οὐ βδελύξεται mss., βδελύζεται Arist.; впроч. далѣе въ томъ же предложениі, дѣйствительно, ἐπιψηφίεται). — Для конструкціи послѣ союза ἵνα, противъ поправокъ Аристарха т. I стр. 268, укажемъ мѣста: I 477,12; II 163,6 (во всѣхъ трехъ мѣстахъ желательное рукописей замѣняется издателемъ сослагательнымъ) и II 344,24 (гдѣ, наоборотъ, сослагательное рукописей издателю приходится измѣнять въ желательное, въ виду правилъ древняго языка).

Переходя теперь къ той самой обширной группѣ проповѣдей Фотія, для которыхъ издатель пользовался рукописями Иверской, Іерусалимской и Парижской, мы остановимся, прежде всего, на двухъ Словахъ, произнесенныхъ патріархомъ по поводу нашествія Руси, годъ котораго издателю не пришлось бы опредѣлять путемъ сопоставленія свидѣтельствъ иныхъ источниковъ въ предисловіи (Προκατασκευή) къ первой проповѣди, если бы ему не остались неизвѣстными Anecdota Bruxellensia Cumont'a

(Gand. 1894) и связанные съ этимъ изданіемъ статьи В. Г. Васильевскаго, de Voog'a и Лопарева. Упомянутыми двумя проповѣдями открывается второй томъ изданія Аристархи. Мы должны на нихъ остановиться тѣмъ болѣе подробно, что поправки рукописей и наши поясненія къ тексту ихъ будутъ затрогивать здѣсь не только его обработку у Аристархи, но также у Наука и К. Мюллера.

Авг. Наука, въ примѣчаніяхъ къ своему изданію проповѣдей патріарха Фотія по поводу нашествія Руси, приводитъ не мало ссылокъ на византійскихъ авторовъ для объясненія отдѣльныхъ словъ и выраженій Фотія и дѣлаетъ въ одномъ случаѣ поправку текста рукописи на основаніи параллельнаго мѣста въ письмахъ самого Фотія (χατ' ἐκεῖνο χαίρου pg. 224, 6—7, что теперь подтверждается чтеніемъ іерусалимской рукописи, стр. 44, 5 изд. Арист.). Но въ другомъ мѣстѣ, по поводу чтенія ἀνατλά pg. 209, 1 (=стр. 17, 18 Арист.), онъ дѣлаетъ примѣчаніе такого рода: «barbaram istam formam nunquam adducar ut Photio tribuam». Однако заподозрѣнное имъ для Фотія чтеніе теперь подтверждается и іерусалимской рукописью. Впрочемъ, въ виду наблюденій Лобека, Наука не рѣшился ввести въ текстъ поправки *οἰκτηρήσαμεν*, вмѣсто *οἰκτηρήσαμεν* ms. pg. 202, 10, хотя подъ текстомъ замѣчаетъ, что, не смотря на собранные Лобекимъ примѣры, предпочесть бы (у Фотія) форму *οἰκτηρήσαμεν*. По поводу, дагѣе, формы *συνεχθέντων* pg. 217, 5 (=32, 9 Arist.) Наука замѣчаетъ: «memorable est eandem corruptelam infra resurgere» (см. 221, 16=39, 17). Въ обоихъ случаяхъ онъ, конечно, исправляетъ традицію. Но въ цитованной замѣткѣ знаменитаго еллинаста слышится какъ бы предчувствіе того, что и эта corruptela можетъ оказаться на самомъ дѣлѣ подлиннымъ чтеніемъ. Не утверждая этого съ рѣшительностью, мы все же обращаемъ вниманіе на то, что приведенная форма подтверждается не только въ обоихъ случаяхъ авторитетомъ іерусалимской ркп.; но въ первомъ изъ нихъ еще и парижской рукописью Паисія Лигарида. Что касается формы *οἰκτηρήσαμεν*, Аристархи уже не имѣлъ никакого основанія изгонять ее изъ своего текста, такъ какъ она у него встрѣчается дагѣе два раза, стр. 153 и стр. 267 (*οἰκτηρήσων*, *οἰκτηρήσας*). Къ ней можно, кажется, присоединить еще форму *εὐδυνήσαμεν* mss. pg. 203, 2 N. (=8, 2 Arist.), такъ какъ, кромѣ согласнаго чтенія рукописей, противъ поправки *εὐδυνήσαμεν* говоритъ парное соединеніе въ этой фразѣ противоположеній: 1) *εὐφράνθημεν*, *ἐλυπήσαμεν*, 2) *ἐδοξάσθημεν*, *ἡττιώσαμεν*, 3) *ισχύσαμεν*, *εὐδυνήσαμεν*, 4) *ἐξυβρίσαμεν* (въ смыслѣ «превознеслись»), *ἡφρονευσάμεθα*.

Переходимъ къ послѣдовательному пересмотру текста обѣихъ проповѣдей.

Изъ тѣхъ трехъ рукописей, какими пользовался Аристархи въ преобладающемъ большинствѣ издаваемыхъ имъ проповѣдей, Іерусалимская является наиболѣе надежною опорою въ возстановленіи подлиннаго текста Фотія. Какъ для проповѣдей противъ Манихеевъ издатель не оцѣнилъ въ полной мѣрѣ рукописи L, такъ для большинства остальныхъ онъ не

отдѣлъ должнаго Іерусалимской рукописи. Это достаточно видно будетъ изъ всего послѣдующаго содержанія нашей статьи.

Первая проповѣдь, произнесенная по поводу нашествія Руси.

Pg. 202,⁶ N. (=pg. 6,⁸⁰ Ag.) οὐχὶ δὲ καὶ ταχυήριον τὸ τῶν παρόντων φοβερὸν τὰ τῶν μελλόντων φρικτὰ καὶ ἀδέκαστα δικαιοτήρια. Мы должны допустить этотъ эллипсъ у Фотія и въ виду согласія рукописей, не подтверждающихъ корректуры Наука ταχυήριος, и въ виду риторической постройки періода (οὐκ ἐλαγχος .... οὐχὶ ταχυήριον .... οὐκ ἐλπίς).

Pg. 204,¹⁴ N. (=10,² Ag.) δακρυόντων ὁβὴ рукописи, δακρύων N. и C. Müller. Въ примѣчаніяхъ подъ текстомъ Аристархи принимаетъ эту поправку въ текстъ, но она излишня: во фразѣ: οὐχ ὁρᾷ δὲ νῦν οὐδὲ τῶν δακρυόντων τὸ χέρδος при τῶν δακρυόντων совершенно естественно подразумевается ὁμμάτων изъ непосредственно предшествующаго. Подобное же недоразумѣніе вызывало поправку нѣсколько ниже, pg. 205,² чтенія рукописей ταῖς во фразѣ: ταῖς ἀπὸ τῆς δικαιοκρισίας τοῦ Θεοῦ ἐκαφαιμένας ἡμῖν παρατεῖσθαι πονάς. Вмѣсто таῖς, всѣ три издателя читаютъ τὰς. Но дѣло въ томъ, что при таῖς изъ предшествующаго подразумевается μάστιγι, срв. о бичѣ Божиѣмъ за грѣхи pg. 33,² pg. 51 Arist. (въ послѣднемъ мѣстѣ: μάστιγες ὡς περ ἐκαφίενται ἡμῖν), pg. 169 Arist.

Pg. 205,²⁰ N. (=11,¹⁸ Ag.) чтеніе οἱ γὰρ οὕτω τινές, заподозрѣнное Наукомъ, вызвало конъектуры Мюллера (οὐδ' ἄτενές) и Аристархи (οὕτω τανῶν). Но іерусалимская ркп. подтверждаетъ чтеніе иверской.

Pg. 207,¹¹ N. (=pg. 14,⁸⁰ Ag.). Вмѣсто ἐπιζέσω, іерус. ркп. даетъ чтеніе ἐπιλύξω. Pg. 208,⁵ (pg. 16), см. выше.

Pg. 208,¹²—¹³ N. (=pg. 16,¹⁹ Ag.) ὡς ἀκρις ἐν λήνῳ, ὡς ἐρσύβη, іерус. ркп. Несомнѣнно, вѣрный ἀσύνδετον.

Pg. 208,¹⁸ N. (=17,⁸ Ag.). Чтеніе ἡ δὲ αἰσθησις ἣν αὐτοῖς τούτων ἀποχομένους подтверждается и іерусалимскою рукописью (εἰ δὲ Наука, Мюллеръ, Аристархи). Чтеніе рукописей можно сохранить, измѣнивъ интерпункцію (точка послѣ ἀποχομένους, а передъ ἡ δὲ только запятая) и связывая данную фразу съ предшествующимъ: «Я считаю», говорить ораторъ, «счастливыми тѣхъ, кто погибъ отъ злодѣйской руки варваровъ, потому что смерть спасла ихъ отъ извѣданія тѣхъ бѣдъ, какія насъ неожиданно постигли, но было у нихъ сознаніе того, что они отъ послѣднихъ уходятъ». Нѣсколько ниже, строка 21 N. (=adnot. 8 Ag.), іерусалимская ркп. вноситъ въ текстъ существенную поправку (ἐν ᾧ опуш.), которую видоизмѣнять (ἐκζητοῦντες вм. ζητοῦντες) издателю не слѣдовало.

Pg. 209,⁷ N. (=pg. 18,⁵ Ag.). Желательное безъ ἄν, устанавливаемое здѣсь всѣми тремя рукописями, устраняетъ поправку Наука (подъ текстомъ), см. вышеприведенный сводъ примѣровъ употребленія у Фотія наклоненій. Аристархи принимаетъ въ текстъ поправку Наука.

Pg. 209,¹¹ N. (=pg. 18,⁹ Ag.). Чтеніе іерусалимской ркп. самое вѣрное и должно бы было быть принято въ текстъ новымъ издателемъ: ἔθνους ἐνὸς ἐκ μιᾶς ρίζης ἐβ' σπαλέχου βλαστήσαντος μητρόπολιν, «митрополию на-

рода одного стебля, произростившаго таковыхъ отъ одного корня двѣнадцати». Такимъ образомъ проведенъ вполне одинъ изъ наиболѣе любимыхъ Фотіемъ образовъ, срв. въ началѣ этой проповѣди, а также стр. 296: διδάγματα, ὡς περ ἀπὸ τινος καλλιτελέχου ρίζης τῆς ἐκείνων φιλοδιάμονος ψυχῆς ἐκφυόμενα, также стр. 332.

Труднѣе сужденіе о слѣдующемъ мѣстѣ—pg. 210,а N. (=pg. 18, adn. 14 Ag.): συνθρήνησον τὴν βασιλίδά τῶν πόλεων οὐκ αἰχμάλωτον ἀγομένην, ἀλλὰ τῆς σωτηρίας ῥηχμαλωτισμένην. Такъ въ іерус. ркп. Въ иверской послѣ слова σωτηρίας читается ἐλπίδας (такъ и Наука), въ парижской Памсіа Лигарида ἐλπίδος, енисеопъ Порфирій читалъ ἐλπίδα. Мы охотно признали бы здѣсь пропускъ писца іерусалимской ркп., если бы насъ не наводили на иную мысль аналогіи подобныхъ пропусковъ въ іерусалимской и другихъ рукописяхъ проповѣдей Фотія. Такъ, въ той же проповѣди по поводу нашествія Руси, нѣсколько ниже, pg. 211,16 N. (=pg. 20,22 Ag.) ὁ θυσιастήριον καὶ χῶρος ἄβατος καὶ σεπτός, ὅπως πολεμίων βεβήλωσιν ἀπειλοῦσιν. Такъ въ этомъ мѣстѣ въ іерусалимской ркп. Въ иверской послѣ πολεμίων читается πόδες (срв. въ предшествующемъ ἄβατος). Стр. 149,4 Арист., на этотъ разъ во всѣхъ рукописяхъ: ἡ καὶ τῶν συνήθων τοῦ φιλότατου (scil. ὄνομα) ἐξονομάζοντες. Пропуски въ другомъ родѣ: стр. 186,18 καρποφορήσωμεν δικαιοσύνην τὴν κάλλιστα τὸν ἀνθρώπινον (такъ двѣ рукописи; надатель: ἀνθρώπων, по парижской) συναρμολογοῦσαν. Если здѣсь слово βίος является въ предшествующемъ текстѣ, то стр. 190,9 ῥάνιδα ζητῶν περιληψήσασθαι εἰς ἀναψυχὴν τοῦ φλογίζοντος ἐκείνου, слово πυρός, дополняемое издателемъ въ самомъ текстѣ, вопреки ~~всѣмъ~~ рукописямъ, отсутствуетъ въ предшествующемъ текстѣ и подразумевается по смыслу (впереди читается: μέσον τῆς φλογὸς ἱσταμένος). Стр. 834,12, въ іерусалимской рукописи: σήμερον ἡ παρθένος ἐξ ἀγόνων προέρχεται. Въ иверской λαγόνων послѣ ἀγόνων, какъ ниже въ обѣихъ рукописяхъ; но можно подразумевать и κόλπων, какъ на стр. 343 (во 2-ой строкѣ). Тотъ же «пропускъ» повторяется въ іерусалимской ркп. стр. 349,7 τὴν ἐξ ἀγόνων παραδόξῃ λόγῳ τεχθεῖσαν и, не смотря на согласное чтеніе здѣсь другихъ рукописей ἐξ ἀγόνων λαγόνων, мы отказываемся думать, чтобы переписчикъ іерусалимской ркп. случайно пропустилъ одно и то же слово дважды. Стр. 343,5 τὰ τῶν ἀχράντων αὐτῆς αἱμάτων εἰς ἀρδεῖαν κтѣ. іерус., иверск. ркпп. Въ другихъ рукописяхъ здѣсь ῥαῖδρα послѣ αἱμάτων. Стр. 430 въ концѣ (іерус. ркп.): ναὸς παρθενικός ἐγκαινίζεται σήμερον, βασιλικῆς μεγαλοπρεπείας ὡς ἀληθῶς πολυύμνητον, въ иверской и гейдельбергской ркпп. читается послѣ μεγαλοπρεπείας слово ἔργον. Стр. 466,10 ἡ δὲ σωίσκοςμος αὕτη καὶ τοῦ δεσποτικοῦ κιβωτός въ іерус. ркп., въ другихъ ркпп. читается σώματος передъ κιβωτός. Ср. еще вышеупомянутые примѣры стр. 10,2 и 16 Арист. Сюда же мы относимъ во второй проповѣди, произнесенной по поводу нашествія Руси, pg. 220,2—ю N. (=37,17 Ag.): τὸν τρυγίαν τοῦ ποτηρίου, ὃν ὁ θυμὸς ἐκέρασε κυρίου ταῖς ἡμῶν ὑπερξέσας πλημμελήμασιν. Поправка здѣсь Наука τοῖς вмѣсто ταῖς не оправдалась ни въ іерусалимской, ни въ парижской руко-

писяхъ. Аристархи, кромѣ того, слѣдуетъ радикальному исправленію еп. Порфірія ὑπερφεύει вмѣсто ὑπερξέσας, но мы находимъ вѣроятнымъ, что текстъ рукописей вполне исправенъ. Мы думаемъ, что здѣсь проводится очень изысканная риторическая градація: 1) ἐκέρασε: Богъ замѣшалъ напитокъ въ кубкѣ. Чѣмъ? (срв. κεράσαι οἶνον καὶ μέλιτι) ταῖς ἡμῶν, т. е. ἀμαρτίαις, что восполняется изъ синонимическаго πλημμελήμασιν, такъ же, какъ въ выше приведенномъ примѣрѣ πυρός при τοῦ φλογίζοντος ἐκκίνου, 2) ὑπερξέσας πλημμελήμασιν. Срв. еще стр. 264,1 τὸν ἐν ἐσθήμασι καὶ πλοῦτον καὶ πολλῶν ἄλλων ἐπίπλων (mss.), гдѣ πλοῦτον подразумѣвается уже при τὸν ἐν ἐσθήμασιν, и стр. 452,16,17 οὐ δοκοῦντες φέρειν φιλανθρωποτέραν (scil. ψῆφον) ψῆφον ἤγαγον θανάτου. Стр. 471,3 отвергнуто г. Аристархи единственно вѣрное чтеніе іерусалимской рукописи: δν (о царѣ) ἀντ' αὐτοῦ τῶν ἐπὶ γῆς («изъ числа земныхъ владыкъ») ἐπὶ γῆς βασιλεύειν ἐδωρήσατο, scil. ὁ Θεός. Пропуская по другимъ рукописямъ ἐπὶ γῆς, г. Аристархи дѣлаетъ мысль подлинника совершенно блѣдною: у Фотія византійскій царь намѣстникъ Бога на землѣ. Стр. 438,1 ἄλλον οὐρανὸν ὁρῶντες ἐπὶ γῆς τὸν τῆς παρθένου ἐγκυκλιζόμενον σήμερον, іерус. ркп. Въ иверской послѣ παρθένου читается ναόν.

Мы предполагаемъ, что и тѣ два кажущіеся пропуска въ текстѣ іерусалимской рукописи въ первой проповѣди по поводу нашествія Руси, съ которыхъ мы начали, должны быть отнесены къ той же особенности стиля автора. Къ тому приводитъ насъ сравнительное изученіе рукописей по критическому аппарату у Аристархи. Самъ издатель очень часто оказываетъ ея тексту предпочтеніе передъ прочими. *Рядъ корректуръ Наука текста иверской рукописи блистательно оправданъ іерусалимской рукописью* (см. въ первой проповѣди, по тексту Аристархи: стрр. 7,2; 12,2; 15,21; 18,20; 20,17; во 2-ой: стрр. 36,1 и 12; 40,22; 46,12 и проч.).

Возвращаемся къ тексту первой проповѣди по поводу нашествія Руси.

Pg. 210,19 N. (=19 adn. 15,16 Ag.). Τὰ πρὸ τῆς πόλεως λαμπρῶς ἐπεπόλιστο (объ этомъ выраженіи было сказано раньше), предмѣстья города, суть λαγόνες θαλάσσης. Послѣ θαλάσσης должна стоять запятая. Тогда чтеніе іерус. ркп. διακληρωσάμενον въ связи со στόμα вполне допустимо. Весьма характерно тоже отвергнутое Аристархи чтеніе іерус. ркп. строка 21 N. (adn. 21 Ag.) δειγμάτων, срв. стр. 39 Арист. (во 2-ой проповѣди) о судахъ варваровъ (αἱ βαρβαρικαὶ νῆες): παρεπορεύοντο ἀνατείνοντες τὰ ξίφη φέρουσαι καὶ δεικνύουσαι τοὺς ἐμπλέοντας καὶ θάνατον ὡς περ τὸν διὰ ξίφους ἀπειλοῦσαι. Выраженіе соотвѣтствуетъ и гордому сознанию дѣйствительнаго превосходства надъ врагами, звучащему во 2-ой проповѣди, стр. 33: μυχτηρισμός καὶ χλευασμός. . . τὰς χεῖρας ἀνεκρότησαν ἐν ἐλπίδι τοῦ λαβεῖν τὴν βασιλίδά πόλιν ὡς νοσσιὰν φρουράζαμενοι. Именно это δειγμάτων πληθος «унизилъ громкою славой» города. «Чтобы кто-ниб., не смотря на отсутствіе царя и его войска, серьезно опасался возможности для экипажа нѣсколькихъ сотенъ разбойничьихъ челновъ взобраться безъ осад-

ныхъ приспособленій на могучія, многонспытанныя стѣны города, этого и предполагать нельзя» (De Boog, Byzant. Ztschr. IV 459).

Весьма любопытно чтеніе іерусалимской рукописи pg. 211,3 N. (=20,3 Ag.): ὁ πολλὰ στήσαμένη κατὰ τῶν πολέμων τε καὶ Ἀσίας καὶ Λιβύης τροπαία, гдѣ въ иверской и парижской рукописяхъ читается Εὐρώπης передъ τὴ καὶ Ἀσίας. Замѣтимъ, что наличность союза τὴ въ текстѣ іерусалимской рукописи сама по себѣ для времени Фотія едва ли можетъ определенно говорить за пропускъ переписчика (срв. Jannaris § 1708). Вопросъ, стояло ли въ подлинномъ текстѣ Фотія слово Εὐρώπης и не вставлено ли оно послѣ, по отношенію къ позднѣйшимъ побѣдамъ Византіи, остается открытымъ и рѣшеніе его скорѣе должно зависѣть отъ общей оцѣнки текста іерусалимской рукописи сравнительно съ другими.

Pg. 211,5 N. (=20,7 Ag.) τὸ κατὰ τοῦ κράτος ἐπαρδάσα τροπαιοφορήσαι. Чтеніе іерус. и парижск. ркп. подтвердило чтеніе иверской. Вводить въ текстъ конъектуру Наука, которую онъ и самъ оставлялъ подъ текстомъ, не было никакого основанія. То же относится къ чтенію αἶψα αὐτό pg. 211,17 N. (=21,3 Ag.). Выраженіе это вполнѣ отвѣчаетъ предшествующему χῶρος ἁβατος καὶ σελτός.

По поводу поправки Аристархи стр. 22,23 чтенія двухъ рукописей и Наука πρὸς τοῦ τῶν ὁλῶν ἀκοῦσαι θεοῦ, по парижской, замѣтимъ, что въ употребленіи предлоговъ (для указаннаго случая срв. Jannaris § 1663) языкъ Фотія вообще уже значительно уклонился отъ языка классической поры. Срв., напр., εἰς (mss., ὡς Arist.) νεωτεροποιὸν δὲ τόλμημα τῆς ἀποστολικῆς διδασκαλίας διαβάλλοντες τὰ ἡμέτερα стр. 296,19, также, стр. 321 — 322 ὁμολογήσω καὶ γὰρ ἐν ἔμπροσθεν τοῦ Πατρός μου (mss., ἐν αὐτῷ ἔμπροσθεν Arist.). Такъ же безосновательно отвергнуто издателемъ чтеніе рукописей стр. 378,3 μέσον ἡμῶν, срв. у него самого μέσον съ родит. стр. 190.

Pg. 213,14—17 N. (=стр. 24 въ концѣ Арист.). Въ этомъ мѣстѣ Наука вводилъ въ текстъ значительныя поправки, принятые и К. Мюллеромъ, и Аристархи (но у послѣдняго не проεβάλλετο, какъ у Наука, а проεβάλετο). Однако іерусалимская ркп. не подтвердила этихъ поправокъ и трудно допустить, чтобы въ двухъ совершенно независимыхъ одинъ отъ другого изводахъ текста произошло столь согласное и серьезное извращеніе его, какое предполагають корректуры Наука. Мы должны искать иного объясненія текста, какъ онъ сохраняется въ рукописяхъ, чѣмъ принятое до сихъ поръ. Къ выраженію τὴν αὐτὴν κοσμιότητα καὶ τάξιν καὶ κατὰστασιν διφύλαττα... Θεός соплемся на одно мѣсто 2-ой проповѣди, pg. 228,15 sqq. N. (=pg. 51 Ag.). Принимая во вниманіе сейчасъ цитованное разсужденіе и въ виду фразы спорнаго мѣста первой проповѣди καὶ παρελθούσης τῆς νῦν ἡμᾶς κατεχούσης συμφορᾶς, мы и въ этомъ послѣднемъ усматриваемъ мысль автора о неизмѣнности Божественнаго порядка, кары за грѣхи и преступленія. Ораторъ говоритъ о томъ, что боится непостоянства благихъ стремленій своей паствы. Лишь

пока виситъ надъ нею карающій мечъ, остается она вѣрна христіанскимъ добродѣтелямъ. «Потому то», продолжаетъ онъ, «теперь и не появляется ни Моисея, ни Авраама. Если бы (таковые и появлялись), то вѣдь и по прошествіи настоящаго бѣдствія, Богъ все равно соблюдалъ бы тотъ же порядокъ и законъ, хотя бы многихъ Моисеевъ и Авраамовъ выставили вы на защиту себѣ и на уничиженіе за насъ Бога». Мы ставимъ, такимъ образомъ, запятую послѣ проебѣлѣта.

Вторая проповѣдь Фотія, произнесенная по поводу намѣстствія Руси.

Pg. 217,¹³—¹⁴ N. (=pg. 32, ¹⁸ Ag.) ὁσφ δὲ ξένῃ καὶ δεινὸς ἄτοπος τοῦ κατάρραγέυτος ἔθνους ἢ ἱεροδός, іерус. и иверск. ркпш. Въ парижской ркп. δεινὸς καὶ ἄτοπος. Мы бы отвергли эту неизмѣненную для женскаго рода форму прилагательнаго δεινός, засвидѣтельствованную, однако, всѣми тремя рукописями, если бы не имѣли къ тому параллелей и въ другихъ мѣстахъ произведеній Фотія. Такъ, во второй проповѣди противъ Манихеевъ, въ лучшей (Лаврской) рукописи читается, т. I, стр. 406 примѣч. 17 ἐπ' ἐσχάτου (такъ же въ Гамбургской ркп.) τῶν ἡμερῶν, т. II, стр. 464, ἀψευδέστατος, κατὰληψις. См. ниже о неизмѣняемыхъ формахъ причастія у Фотія. Родъ нѣкоторыхъ существительныхъ колеблется: стр. 210, βίβλος διανογόμενοι πράξας, стр. 446,¹⁹ τοὺς τῆς θαλάσσης σταγόνας, стр. 305, τοὺς εἰκόσιν во всѣхъ ркпш., срв. стр. 300,¹¹ αὐτοῖς, опять по отношенію къ αἱ εἰκόνες, гдѣ, однако, надо, можетъ быть, подразумѣвать по смыслу τὰ εἰκονίσματα или τὰ μορφώματα.

Pg. 218,²³—²⁴ (=pg. 34 adn. ¹⁸ Ag.) ἔνθα γὰρ ἡ ὀργὴ Θεοῦ, ἐκὼ καὶ τὸ τυχὸν παρεοδύεται, парижская, іерус. и, по Аристархи, иверск. ркпш. (но въ фототипическомъ спискѣ Саввантова читается τὸ τυχεῖν). Наукъ и за нимъ К. Мюллеръ и Аристархи читаютъ τὸ ἀτυχεῖν. Но чтеніе рукописей гораздо больше соотвѣтствуетъ всему разсужденію оратора и общему отношенію его къ факту намѣстствія: «Вы содѣялись иррациемъ (παίγνιον) варварскаго племени». «Когда Богъ отвращается отъ насъ, легко *ограбляется* (παρεοδύεται) поражение». Παρεοδύεται о чемъ то такомъ, что происходитъ наперекоръ всѣмъ расчетамъ.

Pg. 219,¹³ ἰδίᾳ πάσης ἡλικίας καὶ φύσεως τὸ ξίφος ὡδᾶν δρακονόμενον (Arist. pg. 36,⁷) — во всѣхъ трехъ рукописяхъ чтеніе, очевидно, вѣрное: ἰδίᾳ въ значеніи «безъ разбору».

Pg. 221,⁵ ὑμῖν, 7 ἡδύ (pg. 39,¹³ Ag.)—чтенія всѣхъ рукописей, которыя могли быть сохранены. Ниже παρεχόμενα измѣнено издателемъ безъ всякаго основанія. Вообще поправки новаго издателя въ обѣихъ проповѣдяхъ, вопреки всѣмъ рукописямъ и прежнимъ изданіямъ, многочисленны и очень смѣлы (напр., на той же 39-ой стр., ¹⁴ σισμός измѣнено въ σκότος).

Pg. 222,¹⁸ N. (=pg. 41,⁷ Ag.) въ іерус. и иверск. ркпш. читается προνομίας, вмѣсто ожидаемаго προνομῆς.

Pg. 222,²⁰—²² N. (=pg. 41,¹⁴ Ag.) ταύτης τὴν παρησίαν εἰς σωτηρίαν ἐπαρῶμενοι, ταύτης τῆς τὴν σκέπην εἰς τείχος εὐρεῖν ἀπολύορχητον. Такъ въ іерус. ркп. и, по Науку, въ иверской (разногласія въ показаніи чтеній

иверской ркп. у Наука, по фототипическому списку Саввантова, и у Аристархи, по копиям Иакова Ватопедскаго, — многочисленны). Въ парижской, по Аристархи: ταύτης τὴν σκέπην. Такъ читалъ и Наука и, кромѣ того, исправлялъ (подъ текстомъ) εἰραίν въ ἡμῖν. Обѣ поправки приняты Аристархи. К. Мюллеръ читалъ, вмѣсто εἰραίν, τηραίν. При разъясненіи нами выше употребленіи у Фотія члена въ смыслѣ относительнаго мѣстоименія эти радикальныя поправки традиціи оказываются излишними: «этой (Богородицы) ходатайство призывая себѣ во спасенье, этой, въ чьей власти (τῆς, scil. ἐστὶ) обрѣсти для стѣны защиту необоримую».

Pg. 223,1 N. (=41,1 Ag.) въ іерус. ркп. читается ὑπερβολήν, вмѣсто περιβολήν. Мы не думаемъ, чтобы это чтеніе можно было рѣшительно отвергнуть (срв. ὑπερασπιστής, ὑπερμάχῃσιν здѣсь, и др.).

Совершенно непонятно, что заставило Аристархи принять въ текстъ осторожно приводимую Наукомъ только подъ текстомъ конъектуру ἐκουσίας, вмѣсто ἱκεσίας, pg. 223,2 N. (=pg. 42, adn. 2 Ag.), такъ какъ послѣднее слово самое обычное у Фотія (напр., стр. 78, стр. 185 и проч.) и при томъ сопоставленіе въ данномъ мѣстѣ: τὰς ἱκεσίας и τὴν λιτανείαν подтверждается параллельнымъ мѣстомъ той же проповѣди стр. 48,12 λιταῖς καὶ δεήσεσι. Чтеніе, нѣсколько далѣе, іерус. ркп. μητρικῆς παρρησίας ἐντεύξιως вполне допустимо, при чемъ, конечно, отпадаетъ запятая послѣ φιλανθρωπία («Богъ склонился на мольбы по неизреченному человѣколюбію, съ какимъ онъ встрѣтилъ ходатайство матери»).

Pg. 224,14—15 N. (=pg. 44,11 Ag.) καὶ δούλοις μὲν δῆμος, ἐλευθérois δὲ τύραννος θρήνοis καὶ κοπετός συνεχόμενος τὸ τῶν ἡδῶν ἐξημέρου καὶ μετεσχευάζετο ἄγριον. Мы привели мѣсто это съ чтеніемъ іерус. ркп. и связанной съ таковымъ интерпункціей. Наука, К. Мюллеръ и Аристархи читаютъ κοπετός и μετεσχευάζε, по иверской ркп. запятую Наука ставитъ послѣ τύραννος. Но, намъ кажется, чтеніе іерус. ркп. даетъ свой вполне удовлетворительный смыслъ. Правда, συνέχευεσθαι γέλωτι, λύταις обычное выраженіе. Но κοπετός συνεχόμενος «непрестанный плачь» (залогъ въ языкѣ Фотія не представляетъ чего ниб. необычнаго) поддерживаетъ параллелизмъ между двумя рядомъ стоящими опредѣленіями:

ὁ φίλος μὲν βάσκανος, διαπολιτευόμενος δὲ ὀλεθρος καὶ δούλοις μὲν δῆμος, ἐλευθérois δὲ τύραννος θρήνοis καὶ κοπετός συνεχόμενος («для свободныхъ тираннъ въ ихъ рыданіяхъ и непрестанный плачь»).

Pg. 225,5 N. (=pg. 45,10 Ag.) ταύταις (scil. ταῖς ὁμολογίαις) ταῖς καρδίαις ἡμῶν περικαθαράντες καὶ ἀρόσαντες τοὺς ἐπὶ τῇ μετανοίᾳ καρπούς ἐτρογγύσαμεν. Поправка Наука τὰς καρδίας не оправдана ни іерусалимской, ни парижской рукописями. Но она едва ли и нужна: дательный падежъ опредѣляется предлогомъ περὶ въ составѣ глагола περικαθαίρω, а винительный τὰς ἀμαρτίας (срв. τὰς ῥίζας; περικαθαρίζω τὰς ἀμαρτίας у прор. Исаи гл. VI 7, то же въ привлекаемомъ Аристархи текстѣ Второзаконія, XXX 6) подразумѣвается.

Pg. 227, 12 N. (pg. 49, 9 Ag.) κοινὰ τὰ πάντα ἀρχόντων, πλουσίων, πανή-

των. Не смотря на большое внутреннее правдоподобіе вставки Наука слова ἀρχομένων послѣ ἀρχόντων, не было основанія вводить ее въ текстъ, вопреки рукописямъ. Ниже (N. 21, Ag. adn. 25) чтеніе ἐκείνος οὗτος, вопреки Науку, подтверждено іерусалимской рукописью и частью (οὗτος) парижской. За то стр. 50, 7 Аристархи отвергаетъ чтеніе іерусалимской ркп. παίωνίζοντας (однако, по Науку, то же и въ иверской), вопреки авторитету Наука (и К. Мюллера).

Pg. 228, 21 N. (pg. 51, 10 Ag.) поправка Наука ἡμῶν, вмѣсто ἡμῶν, какъ читается въ іерусалимской ркп., тѣмъ болѣе излишняя, что и чтеніе далѣе τῷ κράτει, тоже исправлявшееся Наукомъ, не оправдалось и такимъ образомъ τὸ κράτει вполне приравнено къ τὸ κράτος и по конструкціи.

Pg. 229, 5 N. (52, 4 Ag.) ὅτε τὸ λίχνον τῆς ἐπιθυμίας ὑποχείριον λαβὼν τὸν ὑποχείριον, λαβὼν τὸν αὐτοδέσποτον λογισμὸν ἔλκει τε καὶ μετέλκει, περιάγων καὶ δουλαγωγῶν. Въ иверской опущены слова τὸν ὑποχείριον λαβὼν и такъ читаетъ и Аристархи, вслѣдъ за Наукомъ и К. Мюллеромъ. Разумѣется, предположеніе диттографіи въ цитованномъ сейчасъ текстѣ іерусалимской ркп. напрашивается само собою. По качества текста рукописи вообще побуждаютъ сдѣлать предварительно попытку объясненія текста, какъ онъ данъ въ ней (напомнимъ здѣсь тоже очень похожее съ перваго взгляда на диттографію чтеніе іерус. ркп. стр. 471, 2). Слѣдуетъ привести здѣсь подобное же мѣсто, гдѣ въ іерусалимской ркп. опять повтореніе одного и того же слова. Это стр. 412, 12 ἐνθα δὲ βούλησις ἀντιπράττεται καὶ τοῦ κατασχόντος παθηματος ἡ γνώμη λάφυρον, λάφυρον γίνεταί, καὶ τὸ τῆς διανοίας ἐλεύθερον ἀνδραποδιζόμενον πρὸς τὴν εὐγενῇ τῆς ἀληθείας κατάληψιν οὐκ ἀνάγεται. Срв. еще къ этой психологической терминологіи Фотія стр. 132 νῦν μὲν γὰρ τὸν νοῦν τὸν μέγαν, τὸν ἀσσύριον αὐτοκράτορα καὶ κύριον τοῦ παντός θεομαχῶν προκαθίζεις, νῦν δὲ λανθάνεις αὐτὸν οὐδὲ ἑαυτοῦ κατεξουσιάζοντα ποθεν οὐδὲ τῶν λογισμῶν κυριεύειν, ἀλλ' εἰς λήρον μακρὸν καὶ παραφροσύνην ἀνυπερβλήτον ἐκπέμπειν и стр. 418 τοὺς γὰρ λογισμοὺς τῆς πλάνης καὶ ἀπάτης (такъ въ ркп.; τῇ πλάνῃ καὶ ἀπάτῃ Арист.) τῶν φαντασιῶν ἐκμαδύσκει οὐκ ἐξ (scil. ἡ οἵησις) τὸ τῆς διανοίας ὄμμα τῆς περιχυθείσης αὐτῇ ἀχλύος διακύψαι καὶ πρὸς τὰς τῆς ἀληθείας αὐγὰς ἀτενίσαι. Въ нашемъ мѣстѣ 2-й проповѣди (по поводу нашествія Руси) читаемъ ниже: ἀν γάρ, ὃν αὐτοκράτορα λογισμὸν ἔλαβες ἐκ θεοῦ, τοῦτον ταῖς ἡδοναῖς προπιῶν ὡς ἀνδραποδὸν ὑπέταξας αὐταῖς αὐτόν κтѣ. Такимъ образомъ всюду у Фотія отмѣчается господствующее положеніе ума надъ прочими психическими явленіями, его всецѣльность. Страсти — его рабы. Когда страсти берутъ верхъ надъ нимъ, положеніе становится тѣмъ ужаснѣе, что прежніе рабы становятся господами, а прежній владыка безвольной игрушкой ихъ прихотей. Вотъ эта то противоположность ролей и выражена, намъ кажется, въ такомъ текстѣ, какъ текстъ іерусалимской рукописи, стр. 52, adn. 4 Arist. Когда (прежній) подчиненный самъ *затолмчитъ себя* (первое λαβὼν) подчиненнаго (своего прежняго владыку), онъ, *забравъ его съ руки* (второе λαβὼν), помыкаетъ имъ во

всю свою волю. Такъ и стр. 412 мы не отвергли бы съ рѣшительностью новторенія слова *λάφυρον*; только во второмъ случаѣ мы понимаемъ его съ новымъ отгѣнкомъ значенія, какъ *ἀνδράποδον*.

Богѣ увѣрены мы въ возможности сохраненія текста рукописей (на этотъ разъ и иверской) въ нижеслѣдующемъ мѣстѣ, pg. 229, 13—14 N. (52, 10 Ar.): Ἔστω τῶν παθῶν ὁ παθὼν ὁ λογισμὸς αὐταρχῶν, καὶ τότε τῶν ἐναντίων, οἱς ἔξω μὲν (іерус. ркп., ἔξωθεν иверская) βάλλειν καὶ τιτρώσκειν ἄδεια, ἐγκραταῖς γενησόμεθα. Наука и за нимъ К. Мюллеръ и Аристархи выпускаютъ здѣсь слова ὁ παθὼν, но безъ основанія. Сведенные нами выше примѣры брахилогiи Фотiа приходятъ намъ на помощь въ объясненiи и даннаго мѣста: «пусть (только) будетъ властвовать (ἐγκρατῆς) легко восполняется по смыслу изъ дальнѣйшаго ἐγκρατῆς γενησόμεθα) надъ страстями владыка страстей (ὁ παθὼν всл. δεσπότης, тотъ, кому власть эта надлежитъ, опять восполняется по смыслу изъ того же ἐγκρατῆς) умъ самодержецъ (αὐταρχῶν = αὐτοκράτωρ), и тогда» и проч.

Принятая Аристархи поправка Наука чтенiя рукописей pg. 231, 14 N ἀναμέλψωμεν, вмѣсто ἀνατέμψωμεν, обусловлена недостаточнымъ знакомствомъ послѣдняго съ терминологiей, связанной съ церковнымъ обрядомъ (срв. тоже поправку слова *ἱερέα*); срв. у Фотiа, напр., стр. 343, 1. Слова ὡς οἶδας на той же страницѣ, строка 21, суть позднѣйшая вставка, какъ убѣждаетъ въ томъ іерусалимская рукопись (pg. 56, adn. 7 Arist.).

Въ приведенномъ обзорѣ текста обѣихъ проповѣдей Фотiа, произнесенныхъ по поводу нашествiя Руси, мы не коснулись нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ разногласiй нашихъ съ Наукомъ и Аристархи, основанныхъ на опѣнкѣ іерусалимской рукописи. Мы не касались также такихъ «поправокъ» текста, гдѣ Аристархи идетъ наперекоръ и традициі рукописей, и авторитету издателей.

Въ слѣдующихъ за разсмотрѣнными проповѣдями Словахъ, возстановляемыхъ издателемъ по трактату противъ Манихеевъ, остановимся только на немногихъ отдѣльныхъ чтенiяхъ.

Стр. 74, οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ εἰ τὰ βλαστήματα τῆς γῆς οὐ τῆς ἀγαθότητος ἀρχῆς, πῶς τοὺς ἄρτους αὐτός τε προσφέρειτο κτλ. Мы не имѣли бы ничего противъ возстановленiя у Фотiа формы превосходной степени отъ прилагательнаго ἀγαθός, отвергаемой аттицистомъ Фринихомъ (срв. у Jaппaris'a pg. 146), если бы она здѣсь сколько нибудь отвѣчала смыслу и не была бы вполне очевидна вѣрность чтенiя рукописи τῆς ἀγαθότητος, срв., напр., стр. 112 τῆς ἀγαθότητος προῆλθον αἱ διὰ Μωσέως ἐντολαί, и проч. На стр. 76 вставка въ подлинный текстъ Фотiа изъ Евонiмiа; тамъ же, примѣч. 14, 15, смѣлая поправка чтенiя ркп. κοπρία вм. σαπρία, то же стр. 81, прим. 8 (въ ркп. πῶς ἀν' ἧ τίς εἴη), тамъ же, прим. 4 ὄφελε вм. ὄφειλε мв., хотя срв. у самого издателя стр. 94. Стр. 82, 1 τὰ ἐντός παράσσεται гамбург. ркп., несомнѣнно, надо читать τὰ ἐντός σπαράττεται, а не тарάσσεται, какъ у издателя. Поправка чтенiя гамбург. ркп. у Вольфа, принятая Аристархи стр. 83, 10, излишня: для *κχτασπαθήσας* ms.

срв. у Аристофана въ «Облакахъ» λίαν σπαθῆς. По этому поводу нельзя не замѣтить, что указатель у Аристархи λέξεων ἀθησαυρίστων не удовлетворяетъ насъ. Гораздо важнѣе было бы выдвинуть на видъ не слова, не занесенныя въ лексиконы совсѣмъ (словарь Софоклиса остался, повидимому, неизвѣстенъ издателю), причемъ у издателя фигурируютъ иногда слова, сложные съ предлогами и не встрѣчающіяся только съ даннымъ предлогомъ (такъ, стр. 31 ἐπισπλάζω, но κατὰσπλάζω указано у Свиды еще Наукомъ), а такія, которыя характеризуютъ языкъ его, напр., слова, заимствованныя изъ св. Писанія, вродѣ такъ часто встрѣчающагося πῶρος (т. II стр. 93, 100, 113, 119, 150, 170, 218, 411, 417, 447), μετὰμελος (стр. 128 и дрр. мм.), κατευμεγεθῆν (162 стр.), также такія слова, какъ ἄλως (стр. 147), πολύχους (стр. 147, стр. 183); затѣмъ слова, характерныя по образованію, вродѣ многочисленныхъ у Фотія образованій на -μα, распространяющихся на счетъ другихъ (ἔσθημα, ἀγώνισμα, σύγκριμα, φύραμα, σύγκριμα, χάρισμα, μόρφωμα, δυσχέρασμα, ἐγκαίμαμα, ψευδολόγημα и проч., срв. о нихъ Jannaris § 369 и Append. VI § 25), или уменьшительныхъ на -ιον, σαρκίον 467 стр., σωματίον 360 стр. (въ обычномъ смыслѣ «плоть»); такія слова, какъ ὑγία, ταμαίον (въ такой формѣ стрр. 71, 94, 146, 154, 357 ms., 421; ὑγία стр. 358 вѣроятно, подправка). Очень жаль также, что частью сглажены въ самой обработкѣ текста не только особенности синтаксиса у Фотія, но и морфологін. Такія формы, какъ διδόμαι стр. 163, ἀνθέων (неслитная форма) стр. 414, ἔρις, κλῆς (I 295, 347, II 196, 330. Но также ἔριδας), γήρους (ms.) 335, ж (Jannaris § 421) и дрр., которыя частью были отмѣчены, представляютъ большой интересъ для исторіи языка (ἀλαζόνου L, т. I стр. 440, 18; μυσταγωγὴν LG стр. 438, 18).

Стр. 96, 12 ὡς ἀρχῆς τὸ ἀνθρώπινον σύγκριμα τῆς ἀγαθοῦργου καλάμης ἔργον ἐκδιδάσκει ἢ παραβολή. Поправка Аристархи ἐξ ἀρχῆς совсѣмъ неудачна, такъ какъ ἀρχῆς τῆς ἀγαθοῦργου («благодѣтельного начала») — родительный, зависящій отъ καλάμης ἔργον.

Столь же неудачна, даже прямо противорѣчитьъ смыслу мѣста, поправка на стр. 101-ой φέρτερον, вмѣсто δεύτερον ms. (напомнимъ здѣсь δεύτερον хотя бы въ извѣстномъ хорѣ «Едина въ Колонѣ»): καλὸν μὲν ἦν κατὰ τὴν θεόμηνον γλῶτταν μηδὲως λαβεῖν, δεύτερον δὲ ....., χερίστον δὲ .... На стр. 103, 2 θέσις ms. безъ основанія исправляется въ διείσις, хотя I 386 издатель отвергъ чтеніе Лаврской рки. διείσις (срв. здѣсь, II 103, 12).

Поправка чтенія рки. стр. 103, 10 τοσοῦτον ἀπέσχετο τοῦ ὑπεύθυνον ἀποφῆναι τὸν Μωσῆν, ὥστε καὶ τοῦ τῇ (Arist. τῇ τοῦ) οἰκονομοῦντος ἐπεχόσμησε σοφία даетъ намъ поводъ отмѣтить новую особенность употребленія у Фотія члена, которая такъ же сглажена всюду издателемъ, какъ и употребленіе члена въ смыслѣ относительнаго мѣстоименія. Еще у древнихъ авторовъ встрѣчаются примѣры употребленія члена въ винительномъ надежѣ при предшествующемъ καί, въ смыслѣ личнаго мѣстоименія (срв. Jannaris, Gramm. § 1197c). У Фотія такое употребленіе находимъ и въ

винительномъ падежѣ и въ родительномъ, какъ въ сейчасъ цитованномъ мѣстѣ: т. II, стр. 117 примѣч. 5 καὶ διὰ τῆς αὐτῆς ὁδοῦ τὸν βίον ἀπολιμπάνοντα, καὶ τὴν μὲν περιμένειν τὸν αὐτὸν καὶ τῶν βεβιωμένων ἐξεταστὴν (издатель дѣлаетъ правдоподобную поправку критѣн дѣ, но безъ нужды); стр. 253, καὶ τὸ θέατρον πολυάνθρωπον καὶ τοῦ μὲν ὡσὶν ὄρδοις, ἀνεωγμένους δὲ τοῖς ὄμμασι κέχνηε μὲν πρὸς τοὺς θελοὺς κτὲ (гдѣ издатель исправляетъ: ὃν τοῖς μὲν); стр. 448 ἡ κτίσις τὴν σὴν πενθοῦσα σκυθρωπάξει παρανομίαν. σὺ δὲ καὶ τῶν ἀψύχων ἀναισχυνταῖς ὑπάρχων ἀναισθητότερος, καὶ τὴν (scil. παρανομίαν) χορεύων χαίρεις ἀπώλειαν, въ чтеніи іерусалимской рукописи, гдѣ въ иверской καὶ τὴν σὴν χορεύων. Χορεύω съ винительнымъ, какъ еще σκῆπτρον съ винит., т. II стр. 254, примѣч. 11 (msz., по образцу θριαμβεύειν τὴν νίκην). Цитованную на стр. 103-й II-го т. Аристархи фразу надо понимать такъ: «настолько былъ онъ далекъ отъ того, чтобы взводить отвѣтственность на Моисея, что даже украсилъ (его, αὐτόν подражывается) его предусмотрительной мудростью».

Стр. 128, αὐ самое обычное у Фотія выраженіе τὰς ἐντολάς πληρώσει (срв. πληροῦν стр. 119, въ началѣ; стр. 133, по Вольфу, τοὺς πληρωτὰς τῶν δεσποτικῶν ἐντολῶν) измѣнено издателемъ безъ всякаго основанія. Совѣсть неудачна поправка ἐπίπληξι, вмѣсто ἐπίγνωσιν стр. 131, прим. 2, въ виду послѣдующей вставной фразы. Для ἀπακολουεα τοὺς δὲ προλαβόντας.... τό τε ἐγκλημα (Arist. ἐγκέλευμα — произвольно) τοῦτοις ὑφαίνει см. выше мѣсто, цитованное нами по другому поводу, стр. 147.

Стр. 136, γ (θάνατον) οἷς ὑποστήσεται ms. въ соотвѣтствіи съ 11 οἷς ποτισθήσεται. На чемъ основано измѣненіе перваго чтенія, рѣшительно не видно. Стр. 138 (въ концѣ) поправка у Миня ἀνέτραφε принята вопреки самому тексту Св. Писанія, здѣсь цитуемому Фотіемъ.

№ 60 (стр. 145—171). Здѣсь опять чтенія іерусалимской рукописи, служившей съ двумя другими источникомъ издателя, недостаточно приняты имъ во вниманіе. Также отступленія отъ авторитета всѣхъ рукописей не вызваны дѣйствительною необходимостью. Такъ, стр. 149, α «великая (а не «малая», какъ поправляетъ издатель) нужда въ припасахъ на дорогу» столь же отвѣчаетъ всему содержанію даннаго мѣста, какъ ниже (стр. 150, въ началѣ) естественно выраженіе текста въ ркп. «пучина моря, путь по которой затрудненъ (θλάσσης πέλαγος ἄχανές.... ἀπορούμενον, издатель εὐπορούμενον) бурями и пиратами».

Любопытно отношеніе издателя къ фразѣ: καὶ Πέτρος ὁ τῶν μαθητῶν πρῶτος καὶ τῶν οὐρανίων πυλὼν κλειδοῦχος μετὰ τὸ δάκρυον, въ началѣ стр. 151-й. Издатель ставитъ ее здѣсь въ скобки на томъ основаніи, что она зачеркнута въ иверской рукописи. Сходная фраза объ апостолѣ Петрѣ въ проповѣди Фотія на торжество надъ всѣми ересями (№ 74 Аристархи), ὁ τῶν οὐρανίων κλειδοῦχος πυλὼν καὶ τῆς πίστewς πέτρα καὶ θεμέλιος ὑπὸ τῆς ἀληθείας ἀναρρηθείς, опять зачеркнута въ иверской ркп. (по отмѣткѣ издателя, стр. 322, прим. 8). Въ проповѣди № 50-й, которою заканчивается первый томъ изданія Аристархи, встрѣчается подоб-

ное же выражение объ апостолахъ Петрѣ, т. I стр. 481—482: καὶ πέτρα τῆς ἐκκλησίας τεθεμελίωται καὶ τῆς οὐρανῶν βασιλείας κλειδοῦχος ὑπὸ τῆς Ἀληθείας ἀνηγόρευται. Въ предисловіи къ этой проповѣди г. Аристархи высказываетъ предположеніе, что патріархъ вставилъ въ нее всю тираду объ апостолахъ Петрѣ въ видахъ отношеній своихъ къ представителямъ папы (стр. 467), но разъясняетъ, что ее надо понимать согласно съ другими мѣстами проповѣдей и другихъ сочиненій патріарха и толкованіямъ прочихъ св. Отцовъ церкви (стр. 464—467). Тѣмъ не менѣе издатель напрасно смѣшиваетъ свою задачу предупредить какія либо подозрѣнія противъ Фотія въ смыслѣ компромиссовъ его съ латинскою церковью съ чисто научною задачею установленія подлиннаго текста произведеній патріарха. Заслуги патріарха Фотія передъ православіемъ настолько велики и несомнѣнны, что едва ли можетъ сколько нибудь повредить его репутаціи въ глазахъ богослововъ то обстоятельство, что въ его проповѣдяхъ лишній разъ повторится та фраза о св. апостолахъ Петрѣ, которая, впрочемъ какъ прекрасно разъясняетъ и самъ издатель (I стр. 464), только резюмируетъ слова евангелія. Между тѣмъ новый издатель проповѣдей патріарха Фотія не только ставитъ въ скобки соотвѣтствующую фразу объ апостолахъ Петрѣ на стр. 151-й, но и совсѣмъ исключаетъ ее изъ текста на стр. 322-й II-го тома, слѣдуя ретивому противнику папы, два раза вычеркнувшему фразу въ иверской рукописи. Нашъ ученый, епископъ Порфирій, не затруднился же оставить фразу, нетронутую въ своихъ извлеченіяхъ изъ проповѣди!

Стр. 152 примѣч. 8. Не смотря на правдоподобіе поправки издателя τῆς ἐξομολογήσεως καὶ ἐπιστροφῆς ἡ παρρησία, мы не видимъ серьезной причины измѣнять традицію обѣихъ рукописей τῆς ἐξομ. κ. ἐπιστρ. ἡ παρρησία (наоборотъ, стр. 370, *ἡ παρρησία* ζεται ркп. исправлено издателемъ въ *παρουσία* ζεται). Тамъ же, примѣч. 16, κοπτόμεθα βρυγμὸν καὶ σκόληκας καὶ πῦρ. Винит. пад. текста ркп. зависитъ отъ κόπτεσθαι «оплакивать».

Стр. 153, *εὐχαρίστησον Θεῷ, ἐφ' οἷς ἅπερ ἔκείνοι κακῶς πάσχουσιν οὐχ ἥλως αὐτός, τὸ μετόχους ποιῶν τοὺς δυστυχοῦντας τῆς σῆς εὐπαθείας*. Такъ читается текстъ даннаго мѣста въ рукописяхъ. Издатель считаетъ необходимымъ ввести здѣсь цѣлый рядъ поправокъ (*ἅπερ* опущ., *ὅλως* вм. *ἥλως*, *τὸ* опущ., *ἀμετόχους* вм. *μετόχους* и *ποιῶν* вм. *ποιεῖν*). Но уже одно это количество поправокъ способно возбудить подозрѣніе, что мысль автора осталась непонятою издателемъ. Намъ кажется, смыслъ вполне ясенъ безъ всякихъ поправокъ, если признаемъ слова: *τὸ μετόχους ποιῶν*—*εὐπαθείας* за дополненіе къ *εὐχαρίστησον*. Что касается сочетанія *ἐφ' οἷς ἅπερ*, это стеченіе относительныхъ мѣстоименій вообще не чуждо стилю Фотія, срв. стр. 164 *ἅρ' ὅς ἐφ' οἷς αἰσχύνεσθαι δεῖ καὶ σεμνύνεται, οὐ τῆς ἐσχάτης κολάσεως ἄξιος*; стр. 182, *οἷς γάρ, δι' ὧν ἐκεῖνος καθ' ἡμῶν ἰσχύει, πράττομεν, τοῦτοις αὐτῷ συμμαχεῖν. . . . ἐλεγχόμεθα*, стр. 295, *ἡ* (гдѣ издатель опять исправляетъ текстъ лучшей рукописи) *καὶ γάρ ἐπὶ πολλῶν*

ιδεῖν ἐνεστί, ὧν οἱς βραχὺς παρτάθη χρόνος καὶ νεοτομίας ὑπερταύμενος, τούτων τὴν μνήμην κτὶ стр. 463,10 οἱς γὰρ τις ἂν ῥαδίως διελέγεται κтi.

Стр. 157,11 ἐλέου τρόπος іерус. ркп. Чтение отвергнуто издателем, но срв. то же выражение у него самого в текстѣ, стр. 185 (въ концѣ). Для примѣровъ смѣщенія основъ сокращаемыхъ глаголовъ, ῥιψὺντα стр. 158,2 и παρῳροῦν стр. 141,3, издатель могъ бы найти массу параллелей въ позднѣйшемъ греческомъ языкѣ. Непонятно, почему издатель во всѣхъ случаяхъ употребленія genitiv. partitiv. считаетъ необходимымъ дѣлать поправки традиціи. Такъ, стр. 158,2 οὐδὲ ψυχροῦ ὕδατος τὸν διψῶντα ποτίσομεν (Arist. ποτήριον ὕδατος), стр. 455,2 σμύρνης καὶ ἄλλης ἐπιπλάσσειν, стр. 191,7 ὧν ἐκείθεν ἤντηλθεν ἡμῖν τὰ ῥῆδρα τοῦ λόγου πηγάζων, и раннее цитованное мѣсто стр. 418.

Чтение іерус. ркп. стр. 161,12 φαντασιοσκοπῆς — единственно вѣрное. Форма προδιδάμεν стр. 163,12 должна быть занесена въ число фактовъ морфологіи языка Фотія (срв. у Jannaris'a pg. 257). Также κατορθώθη стр. 164,6, срв. другія особенности въ употребленіи или отсутствіи приращенія у Фотія въ текстѣ и по рукописямъ: ἡφίμ стр. 273 и дрр. мм.; ἐλέησαν (т. I 358,12 ms.); διαμήνεν стр. 132 (гамб. ркп.); βιωτεύοντο ms. стр. 371,12; ἐπισχέψασθε (indicat., іерус. ркп.) стр. 158,17; παρασκευασμένους ms. стр. 378,2.

Стр. 164,12 πολυπλασιάσας, всѣ ркп., форма для Фотія, можетъ быть, болѣе вѣрная, чѣмъ πολλαπλασιάσας, срв. πολυπλασιασμός стр. 161,11 (іерус. ркп.), πολυπλασίονα въ иверской ркп. стр. 160,2. Въ двухъ мѣстахъ издатель отвергаетъ въ текстѣ отрицанія рукописной традиціи: стр. 164,12 и стр. 162,3. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ отрицаніе не расходится съ требуемымъ смысломъ фразы, если примемъ во вниманіе вопросительный оборотъ ея («и развѣ не вскорѣ подлежащее—съ предаіемъ его землѣ—сѣденію червямъ?» о человѣческомъ тѣлѣ, тлѣнной, брэнной плоти). Въ первомъ же мѣстѣ надо имѣть въ виду двойное отрицаніе въ языкѣ Фотія, неоднократно замѣчаемое и въ текстахъ, напечатанныхъ Архистархи. Стр. 166,12 въ защиту чтенія ркп. срв. у самого издателя стр. 185 (въ концѣ). Конструкція при ζηλώσ стр. 167,2 измѣнена безъ основанія. Стр. 168,2 ὑποσῶται іерус. ркп., можетъ быть, ὑποσῶται, срв. ἐπισῶται стр. 453,2. Стр. 169,2 надо читать φορῶν (издатель излишне отступаетъ отъ ркп.). Несомнѣнно вѣрно чтеніе въ концѣ проповѣди τοῖς ἑαυτοῦ. Рѣчь идетъ о царѣ: онъ долженъ показать себя τοῖς ἐχθροῖς ἀντιπάλαιον, τοῖς ὑπὸ χόοις φιλόανθρωπον, τοῖς ἑαυτοῦ βασιλείς ἐπ' ἄξιον (издатель, вмѣсто τοῖς, читаетъ τῆς).

Въ дальнѣйшихъ текстахъ отиѣтимъ на 187 стр., прим. 18, чтеніе ἀποκρυπτόντων, которое издатель напрасно измѣняетъ, такъ какъ ἀποκρύπτειν «затѣмъвать»—обычно, срв. и у Фотія, ниже, стрр. 359,2 и 459,11. На стр. 193,2 пропускъ, отиѣчаемый издателемъ въ іерус. ркп., на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, и не есть пропускъ въ дѣйствительности, такъ какъ при родит. τῆς πάντα συνδεούσης καὶ ἀλλήλουχούσης ἀγάπης нужна

для оборота *genit. abs.* причастная форма легко восполняется по смыслу изъ предшествующаго.

Въ Словѣ на Благовѣщеніе, φωνάς *тв.* стр. 243,⁶ не слѣдовало замѣнять совсѣмъ другимъ словомъ, такъ какъ смыслъ ясенъ и при чтеніи ркп. «Какіе звуки сочетаемъ», восклицаетъ ораторъ, «въ качествѣ словословія ей».

Въ Похвальному Словѣ великомученицѣ Θεκλῆς, гдѣ издатель пользовался особыми двумя рукописями, замѣчается то же отношеніе его къ традиціи: Онъ часто слишкомъ поспѣшно и безъ видимаго основанія отзывается отъ чтеній рукописей въ пользу конъектуръ своихъ авторитетовъ (здѣсь Питра и проф. Троицкаго) и своихъ собственныхъ. Такъ конъектура Питра стр. 254,¹¹ не нужна, такъ какъ σικρῶν имѣетъ здѣсь послѣ себя ту же конструкцію, какъ θριαμβεύειν. Стр. 255,⁸ καὶ πρὸς τὴν κατὰ μέρος ἱστορίαν ἀναβάλλεται надо понимать: «предъ задачей подробнаго повѣствованія». Стр. 256,¹⁰ оригинальное выраженіе τὸν τῶν ρεόντων πόδων ἅπαντα (въ соотвѣтствіи съ πυρπολοῦμένη и πυρός) едва ли слѣдовало замѣнять обычнымъ. Стр. 262,¹ ἐπιφανείσης ркп. можетъ быть сохранено, и ниже, примѣч. 6, тоже текстъ ркп. вполне удовлетворителенъ. Чтеніе τὸν ἐν ἐσθήμασι καὶ πλοῦτον καὶ πολλῶν ἄλλων ἐπίπλων уже было затронуто нами раньше, стр. 264, примѣч. 8. Замѣна чтеній ркп. на основаніи Василия изъ Селевкии несогласна съ правилами критики текста (напр., стр. 265,²—3). Стр. 265,¹⁰ ἀνακχεῶρηκα вѣрное чтеніе. Въ началѣ стр. 266-й обнаруживается неправильность восполненія подлиннаго текста по инымъ источникамъ: ζήσασα καὶ, взятое изъ Симеона Метафраста, является излишнимъ рядомъ съ дальнѣйшими словами παρατδείσης τῆς ζωῆς подлиннаго текста.

Произнесено ли было данное Слово съ архіерейской кафедрѣ и было ли оно сказано вообще? Заглавіе объ этомъ ничего намъ не сообщаетъ, въ то время какъ въ другихъ случаяхъ слово λεχθεῖς, иногда съ обозначеніемъ церкви, гдѣ была произнесена проповѣдь, также съ указаніемъ, въ случаѣ если такъ было, на присутствіе въ храмѣ царя или царей, уже въ самомъ заглавіи констатируетъ фактъ произнесенія. Также въ самомъ Словѣ нѣтъ никакихъ прямыхъ обращеній или увѣщаній къ паствѣ, нѣтъ и во вступленіи какихъ нибудь намековъ на предстоящее оратору собраніе вѣрующихъ, какъ, напримѣръ, мы находимъ это во 2-й проповѣди на Благовѣщеніе въ такихъ оригинальныхъ выраженіяхъ (см. ниже). Образъ, употребленный ораторомъ для мученицы, вступающей на арену предъ взоры многотысячнаго собранія, стр. 253, нельзя, конечно, понимать, какъ намекъ на присутствующую въ храмѣ толпу.

Мы позволяемъ себѣ потому высказать сомнѣніе въ правильности догадки издателя (Προδίοικησις, сел. 250), впрочемъ обоснованной крайне слабо и мало правдоподобно, относительно того, что Слово было произнесено въ одинъ изъ годовъ второй патріархіи Фотія. Есть въ Словѣ одинъ намекъ на то, что Фотій не былъ патріархомъ, когда писалъ его,

и что, можетъ быть, оно было только упражненіемъ знаменитаго церковнаго витія, которое не было рассчитано на произнесеніе его во храмѣ. Этотъ намекъ, однако, нѣсколько затемненъ обработкою текста у Аристархи. Мы разумѣемъ слѣдующія слова, стр. 266: . . . ἐν μαρτυρικοῖς καὶ ἀσκητικοῖς καὶ παραδόξοις διέτελεσεν ἀγωνίσμασι· ἥς τοῖς μαρτυρικοῖς καὶ πολυάθλοις ἰδρῶσι γένοιτο καὶ ἡμᾶς, τοὺς μόνον τὸν εἰς σὲ πόθον καὶ τὴν πίστιν ἀκίβδηλον καὶ ἀνύβριστον διχσώζοντας. Издатель вставляетъ въ текстъ рукописей σωθῆναι послѣ ἡμᾶς. Но каково въ дѣйствительности пожеланіе автора Слова (ἡμᾶς о себѣ, какъ часто у древнихъ и новыхъ авторовъ)? Чтобы и ему пребыть (διатеλέσαι) остающіеся (такъ, всего скорѣе) годы жизни въ мученическихъ и аскетическихъ подвигахъ. Тутъ намекъ, и довольно прозрачный, на настроеніе и обстоятельства, въ какихъ писалъ авторъ свое Похвальное Слово св. первомученицѣ Θεκῆ, намекъ, которымъ можетъ воспользоваться біографъ патріарха. Итакъ, по нашему убѣжденію, авторъ въ приведенныхъ строкахъ говоритъ только о себѣ. Можно, правда, въ дальнѣйшемъ текстѣ замѣтить обращеніе къ вѣрующимъ (σοί въ концѣ той же страницы) и послѣдняя, заключающая Слово, молитва (стр. 267) обращена къ св. первомученицѣ отъ лица всѣхъ вѣрующихъ. Но и это—естественное окончаніе церковнаго Слова, если бы оно и не было предназначаемо для произнесенія. Есть обращеніе съ совѣтомъ къ вѣрующему, есть молитва къ св. мученицѣ отъ лица всѣхъ христіанъ, но нѣтъ властнаго увѣщанія пастыря къ пасомымъ.

«Проповѣдь, произнесенная въ присутствіи христолюбивыхъ царей, когда былъ написанъ образъ Богородицы и произошло его открытіе» (ἀνεκαλύφθη, а не ἀπκαλύφθη, какъ у Аристархи въ текстѣ заглавія).

Въ предисловіи къ этому Слову издатель высказываетъ нѣкоторыя догадки о порядкѣ возстановленія почитанія иконъ и утверждаетъ, что мозаическія изображенія (διὰ ψηφίδων) были возстановлены впервые въ 867 г. Предоставляя это заявленіе (σελ. 289) на отвѣтственность автора, замѣтимъ одно, что онъ не имѣлъ никакого основанія говорить, какъ о мозаической, о той иконѣ Богородицы, какая описывается въ издаваемомъ имъ Словѣ въ такихъ полныхъ наглядности выраженіяхъ (см. стр. 299). Самое слово ἀπκαλύφθη въ заглавіи едва ли допускаетъ такое пониманіе, въ текстѣ же Слова ἡ ζωγράφου τέχνη въ упомянутомъ описаніи иконы только и можно, конечно, понимать о живописи. Не менѣе опредѣленно указываетъ на живопись и выраженіе того же описанія διεσχερώθη τῇ χεῖρὶ τοῦ χρώματος (стр. 299, 16). Издатель, въ своихъ соображеніяхъ объ отношеніи описываемой въ проповѣди иконы къ той, которая, по гѣтониснымъ сообщеніямъ, была написана въ западной абсидѣ св. Софійи послѣ реставраціи ея въ 867 г., долженъ бы былъ принять во вниманіе нѣкоторыя подробности сообщеній объ иконѣ проповѣди. Икона, здѣсь описываемая, не новая, а *реставрированная*. Объ этомъ въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ говоритъ 4 § Слова и при томъ съ опредѣленіемъ характера потребовавшихъ реставраціи поврежденій, стр. 302 τῶν στιγμάτων

κραισσων γέγονεν, οἷς ἀλλόφυλος καὶ μαρὰ χεὶρ αἰκίζομένη κατέστιξε (такъ, въ іерус. ркп., гдѣ нѣтъ словъ ὅλον τὸ σῶμα, вѣроятно, вставленныхъ позднѣе), стр. 303 ἐρρύσατό σε ἐκ χειρὸς τῶν ἐχθρῶν σου и ниже, стр. 304 τῆς μητρικῆς εἰκόνης ἀπ' αὐτῶν τῆς λήθης τῶν πυθμένων ἀνισταμένης καὶ συναπ-
στώσης αὐτῇ τὰ τῶν ἁγίων μορφώματα. Последнія слова не безъ отноше-
нія, конечно, къ изображеніямъ, можетъ быть, на той же иконѣ (это
тоже ускользнуло отъ вниманія издателя, см. Προοίκησις, σελ. 288).

Переходя къ тексту, укажемъ, что чтенія іерусалимской ркп. снова и
снова должны быть выдвинуты впередъ. Такъ, стр. 295,¹⁴ ἐξ ἧς. Для чте-
нія всѣхъ ркпп. ὁμῶς, стр. 295 прим. 16, измѣняемаго издателемъ въ
στόμα, сошлемся на стр. 371,¹¹ (τὸ τῆς θεοπτίας ὁμῶς), тамъ же, прим. 17
παραπεμπόμενα должно быть сохранено (къ согласованію срв. Jappagis
§ 1177b). Совсѣмъ не понялъ и потому измѣнилъ издатель текстъ руко-
писей въ концѣ этой страницы и началъ слѣдующей. По іерус. ркп. чи-
тается: βασιλέων ζῆλος ἐνθεος, ὧν ὁ παρελθὼν οὐχὶ χρόνος ἐπ' ἀληθείας δικα-
ζούσῃ εὐσεβεστέροις ἐγκαλλωπίζεσθαι. Очевидно, здѣсь одинъ изъ обыч-
ныхъ у Фотія эллипсовъ глагола въ придаточномъ предложении. Его за-
мѣняетъ здѣсь усиленное отрицаніе οὐχί: «богowedохновенное рвеніе царей,
коихъ болѣе благочестивыми не прошедшему времени величаться передъ
лицомъ творящей судъ истины» (срв. ὑπὸ φωτὶ τῆς ἀληθείας стр. 315,⁷).
Это олицетвореніе времени пространно развивается во вступленіи къ 74-й
проповѣди, гдѣ замѣчается и большое сходство выражений съ сейчасъ
приведеннымъ мѣстомъ 73-й проповѣди. Для эллипса срв. нѣкоторую
аналогію стр. 416—417: ὡς τοσοῦτοῖς περίεργον φρόνημα κεκτημένους καὶ
φιλοπραγμονεῖν ἀναισχυντοῦσιν ἢ τοῦ μυστηρίου καταλαμβάνεται χάρις
(«столько . . . людей берется за познаваніе благодати таинства»), ἀλλὰ
τοῖς ἀπλάστῳ διανοίᾳ καὶ ἀπειροκάκῳ γνῶμῃ προσιοῦσι ἢ τῆς εὐσεβείας ἀποκα-
λύπτεσθαι γνῶσις (такъ во всѣхъ ркпп.; издатель и здѣсь читаетъ ἀποκα-
λύπτεται, по поправкѣ Іакова Ватопедскаго).

Стр. 298,⁸ αὐτὴ δὲ τὴν πανήγυριν καὶ ἡ σήμερον ἐορτὴ φαδρύνεται διαπρέ-
πουσα, . . . ταῦτά ἐστιν, іерус. ркп. (мы исправляемъ только чтеніе ἧς σή-
μερον). Въ иверской послѣ πανήγυριν читается ἄγα. Мы, однако, думаемъ,
что болѣе первоначально чтеніе іерусалимской ркп., понимая αὐτὴ въ смыслѣ
δι' ὃ, διότι, какъ изрѣдка употребляется эта форма относительнаго мѣсто-
именія еще у классическихъ авторовъ (Софоклѣ, «Единъ въ Колонѣ»
ст. 1291 αὐτὸς δ' ἦλθον, ἥδη σοι θέλω λέξαι), срв. также употребленіе αὐτὴ
Винительный τὴν πανήγυριν зависить отъ διαπρέπουσα. Для такой кон-
струкціи у Фотія (вмѣсто διαπρέπειν τινί, «отличаться чѣмъ») ссылаемся
на употребленіе винительнаго при непереходныхъ глаголахъ и страда-
тельномъ залогѣ: стр. 301,¹⁰ καὶ τὰς (Arist. om. τὰς) παρ' οὐστίνας οὖν ἐτέ-
ρους εἰς ἄφραστον εὐπρεπείας ἐξήρτηται ὡραιότητα, стр. 333,²¹ λόγους νεκρο-
θεῖσα τεχνώσεως, іерус. и другія ркпп. (издатель, по иверской ркп., λόγους),
стр. 285,¹ πόσας ἄλλας δυσσεβείας τε καὶ ἀνοίας βρῶει (всѣ ркпп.; издатель
πόσης ἄλλης), стр. 189,^{30.1} ἵνα καλὸν σεαυτὸν περιβόλαιον τὴν ἐλεημοσύνην

στολήσῃς (гдѣ издатель опять исправляетъ текстъ вопреки рукописямъ), стр. 371,¹¹ τὸ τῆς θεοπτίας ὄμμα ῥωννύμενος (Ag. τῷ ὄμματι), стр. 468,³ μυρπινοῦσας τὴν πίστιν καὶ χρυσοφορούσας τὴν εὐσέβειαν, стр. 183,⁴ стр. 464, стр. 267,¹ при δυσωπέσθαι (срв. къ этому распространенію винит. пад. насчетъ другихъ, въ связи съ потерей чутья къ различенію залоговъ, Natzidakis, Einl. in die neugriech. Gramm., S. 220 fgg.).

Стр. 299,⁸ примѣчательна форма ἔστηκε (или ἔστηκε) въ значеніи дѣйствительнаго залога. Стр. 300, прим. 4, издатель отвергаетъ чтеніе іерус. ркп. χρησμάτων, хотя это и подобныя образованія на -μα самыя обычныя у Фотія (χάρισμα стрр. 331, 333, 346, 350, 373, 428, 449, δυσχέρασμα стр. 370, ἐγκαίνισμα стр. 438, ψευδολόγημα стр. 463 и проч. и проч.). Стр. 301,⁷ безъ всякаго основанія выпущена издателемъ цѣлая фраза подлинника, читаемая въ рукописяхъ. Стр. 302,²² Σὼν вставка позднѣйшей редакціи текста иверской ркп., которой нѣтъ въ іерусалимской. Измѣняя стр. 303,¹⁷ чтеніе ркп. ἐπεδεικχόμεν, издатель устраняетъ важное свидѣтельство относительно мѣста проповѣди въ порядкѣ богослуженія. Стр. 306,³ πρὸς ἐπιστήμην mss. не требовало поправки. Вообще и здѣсь мы должны отвергнуть всѣ поправки издателя традиціи рукописей.

№ 74. Стр. 314,¹² издатель вводитъ, взамѣнъ правильной формы рукописей, несуществующую ἐδίδω и стр. 323,¹⁷ собственную λέξιν ἀθησαύριστον, которой нѣтъ въ текстѣ рукописей, ἀποιστος (ркп. ἀπιστος). Стр. 315,⁶ для τῶν ἄλλων καλῶν ἀνθούντας τὰς χάριτας mss. срв. стр. 332,⁷ οὐδεμία τῶν ἐξ αὐτῆς ἀναβλαστησάντων mss. (ἀναβλαστησασῶν Arist.), стр. 345,¹⁰ θηρίον . . . ἐποφθαλμίσας (въ іерус. и большинствѣ ркп.; издатель исправляетъ по иверской ркп.) и къ этому Jannaris § 1181b, § 2167. Совсѣмъ измѣняетъ смыслъ вставка издателя καὶ стр. 317,⁶ такъ какъ ἔχωσιν, по употребленію наклоненій у Фотія (см. выше), имѣетъ здѣсь значеніе желательнаго: «и пусть свидѣтельницами будетъ для нихъ предстоящая имъ (такъ сказать, созерцающая ихъ дѣятельность) сама истина». Тамъ же, примѣч. 18, эллипсъ іерусалимской ркп. наиболѣе соотвѣтствуетъ стилю Фотія (срв. и здѣсь: οὐδὲν οὖν τούτων ἀριθμεῖν ἐμὴ μελέτη καὶ σπούδασμα . . . . τὰ μὲν γὰρ ἄλλοις παρῆται, τὰ δὲ λόγος ἄλλος ὑπόθεσιν ἄλλης πανηγύρεως (въ иверской, парижской ἔχει послѣ ὑπόθεσιν).

Для сравнительной оцѣнки рукописей любопытно чтеніе стр. 318,⁷ ἐκάτερον γὰρ τῶν εἰρημένων τοῖς λογισμοῖς προπηδῶν καὶ τὴν πράξιν τάξιν ἐπέχειν φιλονεικοῦν ἀμφίβολον ποιεῖται τὴν ἀρχὴν τοῦ διηγήματος. Такъ въ іерус. ркп. Въ иверской и парижской проπηδῶν καὶ τὴν πρώτην τάξιν ἐπέχειν φιλονεικοῦν — повидимому, вѣрно. Но сравнимъ слѣдующее мѣсто проповѣди объ иконѣ Богородицы (стр. 298, въ началѣ): ἀλλὰ μακρότερον μὲν ἡμᾶς ἴσως ἢ τοῦ λόγου παρέσυρεν ἐκβολή, οὐκ ἀνασχομένου πράξιν ἀδελφὴν τῆς προκειμένης σιγῇ παρελθεῖν, δι' ἧς οὐδὲν ἐλαττον ἢ τῆς ἀληθείας ἀπαστράπτει αὐγῇ. Въ этомъ сопоставленіи чтеніе іерусалимской ркп. τὴν πράξιν τάξιν ἐπέχειν получаетъ опору. «Каждая изъ перечисленныхъ темъ», говоритъ ораторъ, «выдвигаясь въ сознаніи на первый планъ и стремясь на пере-

бой къ тому, чтобы опредѣлило порядокъ (т. е. заняло подобающее ему мѣсто, первое; это слѣдуетъ уже изъ προπῆδων) данное событіе, затрудняетъ выборъ начала разсказа».

Стр. 318,¹⁸ отиѣтимъ βρασιλεύσασα въ смыслѣ «поставивъ царемъ». Повтореніе въ ркп. слова εὐσεβεία въ концѣ 318-й стр. не должно бы было вызывать поправки издателя: εὐσεβεία μὲν συνεκδέψασα, εὐσεβεία δὲ συνανδρώσασα — чтеніе, легко находящее себѣ аналогіи. Для отвергнутаго стр. 319,⁷ чтенія іерус. ркп. ἐτροπώσχο см. стр. 320,¹². Также λῆρος μακρός (прим. 16) — выраженіе, много разъ повторяющееся у Фотія въ обличеніи еретическихъ ученій, срв. I 351 (въ концѣ), II 338 и проч.; исправлять его не слѣдовало. Для тавтологіи ἀπάντων καὶ πλάστης καὶ δημιουργός, вызывающей поправку издателя стр. 321,¹⁶, срв. πλάσματά τε καὶ ποιήματα въ началѣ 75-й проповѣди. Стр. 322, въ разночтеніяхъ отвергнутой издателемъ фразы объ апостоли Петρῆ, Θερμίλος (іерус., парижск. ркп.) единственно вѣрное чтеніе, срв. стр. 370, въ началѣ, стр. 333,⁴ и проч. м. м. (τὰ Θερμίλι Deissmann, Bibelstudien S. 41).

Какъ ни правдоподобно чтеніе иверской ркп. τὰ κύματα стр. 323,²², но, въ виду достоинства іерусалимскаго списка сравнительно съ нею, мы не рѣшаемся отвергать его чтенія: ὁ τε τῆς θαλάσσης (scil. ὁδὸν) πεζύων τὴν Αἴγυπτον (πεζύω въ переносномъ значеніи еще у Страбона: τὰ φορτία πεζεύεται ταῖς ἀρμαμάξαις); Египтяне уже шли по дну моря, когда потопило ихъ мановеніе жезла Моисея. Стр. 325,⁸ κατέλιπον, mss., уже здѣсь по отношенію къ обоимъ царямъ; 12 γινόμενοι, по отношенію къ вообще существующему порядку назначенія военачальниковъ. Стр. 326,¹¹ торόν τι καὶ διαπρύσιον ἐκβοήσατε — необходимо такъ, по рукописямъ. Отступленія издателя отъ традиціи всѣхъ рукописей и здѣсь многочисленны и ничѣмъ немотивированы.

№ 75. Стр. 335,⁹ πῶς οὐκ ἔλαβον αἱ θηλαί, λευκαίνουσιν εἰς γάλα, іерус. ркп. Въ иверской и другихъ: πῶς ὅπερ οὐκ ἔλαβον κтѣ. Но возможно, что брахилогія іерус. ркп. первоначальна. Срв. также, ниже, засвидѣтельствоваанный на этотъ разъ цѣлымъ рядомъ рукописей эллисъ: οὐδὲ γὰρ οὐδὲ τοῖς, δι' ὧν ἡ πίστις, ἀπιστεῖν (примѣч. 17); примѣч. 26 γήρους іерус. ркп., см. выше. Стр. 336,⁸ чтеніе ркп. καὶ τῶν возможно сохранить, перенося знакъ вопроса послѣ κλάδφ. Стр. 338,¹ опущенная издателемъ по иверской ркп. частица γέ была бы очень кстати въ текстѣ.

Особенно рѣзкій примѣръ поправки рукописной традиціи представляетъ стр. 339, примѣч. 1—12. Впрочемъ частью издатель слѣдовалъ здѣсь своимъ предшественникамъ (Вулгарисъ, Комбефизъ, Минъ). Текстъ рукописей даетъ вполне удовлетворительный смыслъ: ἀλλ' ὡς ὅπως οὐκ ἐξῆν ἐκείνοις, χάτω παντελῶς κατενεχθεῖσι καὶ ὅσον ἡμεῖς ἄνω τῆς φύσεως, τὰ μὲν παρὰ φύσιν καὶ ἂν μὴδ' ὅστισοῦν τρόπος συγκροτήσῃ, ταῦτα τιμᾶν καὶ θαυμάζειν, ἃ δὲ πολλῷ κρίσσω καὶ λόγῳ καὶ φύσεως καὶ ἃ νέως καὶ εἰσέτι καὶ μαρτύρων τάφοι, ἔστιν οὐ τῆς χρείας καλοῦσης καὶ τῆς προνοίας οἰκονομούσης τερατουργοῦντες ἐπιμαρτύρονται, ταῦτα δὲ λόγῳ καὶ πλάνῃ περᾶσθαι πα-

ρασαλεύειν¹⁾. «Но что (это зависит отъ предшествующаго οὐ τοῦτο φαίην ἂν ἔγωγε, и ὡς текста вовсе не требуетъ, какъ хотѣлъ Аристархи, дальнѣйшаго οὕτως) тѣмъ (язычникамъ), при ихъ совсѣмъ низменномъ полетѣ и низменномъ настолько, насколько мы паримъ надъ природою, вообще непозволительно было чтить и восхищаться противоестественнымъ и такимъ, чего никонимъ образомъ и сочетать нельзя, а то, что стоитъ превыше и разума и природы и что до послѣдняго времени, когда къ тому призываетъ необходимость и предусматриваетъ Провидѣніе, свидѣтельствуютъ своими чудесами и могилы мучениковъ, то пытаться поколебать превратными доводами».

Также ниже, примѣч. 20, непонято и отвергнуто издателемъ выраженіе εἰ καὶ τι ἄλλο ἀσθενεία καθεστῶσα τῆς τεχνώσεως, «или что другое, чѣмъ обусловлена неспособность къ дѣторожденію».

Загадку представляетъ для насъ дважды повторяющееся въ рукописной традиціи ἔχω в.м. ἡχέω: II стр. 342 примѣч. 5 τὴν παρθενικὴν χοροστατοῦσα πανήγυριν ἔχοντες (ἐχοντες; іерус. ркп.; χαίροντες иверская и дрр. ркпп.) и I 346,13 (здѣсь во всѣхъ ркпп.) τῆς δεσποτικῆς ἐχούσης φωνῆς (слѣдуетъ текстъ изъ евангелія).

Стр. 347,11 κηρία; лучшихъ ркпп. не слѣдовало замѣнять въ κηρία. Дѣло идетъ о саванѣ, символѣ смерти (Христа), побѣдившей діавола, срв. у самого издателя, стр. 417.

Въ 77-й проповѣди остановимся на характерномъ по образности описаніи ораторомъ предстоящаго ему въ храмѣ собранія, гдѣ текстъ рукописей опять извращенъ издателемъ, стр. 369, примѣч. 12: καὶ μάλιστα γε νῦν, ὅτε τὸ λευκὸν τῶν χρωμάτων οἰοῖται τῇ μέλανι κερασάμενον, ἐξ ὧν ἡ τῶν ὀμμάτων φύσις διαποικίλλεται, τοῖς ὑματέροις σώμασι τὰ κενὰ τοῦδε τοῦ δεσπεσίου χύρου, καθάπερ ὀμμάτων κοίλα (глазныя впадины) μορφοῦντες, ἀνεπλήρωστα. Здѣсь τὸ λευκὸν τῶν χρωμάτων глаза (ἐξ ὧν — διαποικίλλεται), очевидно, о бѣлыхъ глаза, а τὸ μέλαν о его зрачкѣ и κερασάμενον, что парижская ркп. передаетъ путемъ кихерасμένοу, въ значеніи страдательнаго залога, — проявленіе смѣшенія залоговъ, свойственнаго позднѣйшему греческому языку.

По поводу чтенія стр. 372,6 Σήμερον ἡ παρθένος ἐξ ἀνθρώπων ἀφορίζεται, ἀπαρχὴ τῇ κτίστῃ προσχρημένη τοῦ φυράματος καὶ τῆς ἐμῆς ἀναπλάσεως παραδόξῳ λόγῳ τελεσιουργεῖται τὸ μέγα καὶ ἀπ' αἰῶνος μυστήριον, гдѣ издатель, вопреки всѣмъ рукописямъ, считаетъ нужнымъ замѣнять слово ἐμῆς словомъ ἀνθρωπίνης, замѣтѣмъ, что онъ упускаетъ изъ виду манеру

1) Мы удовольствовались всего двумя незначительными поправками традиціи (ὅσον в.м. ὅσων мшв. и ἂν в.м. ἂν мшв.). Но вотъ текстъ Аристархи: ἀλλ' ὡς ὅπως οὐκ ἐξῆν ἐκείναις χίτω παντελῶς κατενεχθῆναι, οὕτως ἡμῖν ἄνω τῆς φύσεως, ἃ μὲν παρὰ φύσιν καὶ ἃ μὴδ' ὅστις οὖν τρόπος συγχροτήσῃ, ταῦτα τιμᾶν καὶ θαυμάζειν, ἃ δὲ πολλῶι κρίσει καὶ λόγῳ καὶ φύσεως καὶ αἰνεσεως, καὶ εἰσέτι καὶ μαρτύρων τάφοι, ἔστιν οὐ τῆς χρείας καλοῦσης καὶ τῆς προνοίας οἰκονομούσης, τερατουργοῦντες ἐπιμαρτύρονται, ταῦτα δὲ λόγῳ καὶ πλάνῃ περιῆσθαι παρασαλεύειν.

Фотія въ проповѣдяхъ говорить иногда какъ бы отъ лица любого изъ своей паствы, срв., напр., стр. 180 καὶ χορηγὸν ἐμοὶ τῆς νίκης ὁμολογούμενον, гдѣ издатель исправляетъ текстъ рукописей столь же произвольно; стр. 301,4 ἐμὸν καὶ τοῦτο καλλώπισμα, стр. 467,22 ἡ ἐμὴ τελείωσις καὶ ἀνάπλασις. Всюду здѣсь ораторъ говорить, конечно, о всякомъ христіанинѣ вообще.

Стр. 373,8 καὶ τὸ δεσποτικὸν πᾶθος mss. зависятъ отъ χαυνώσασα. Стр. 375,8 фраза τί τῆς πανηγύρεως λαμπρότερον; отсутствуетъ въ іерус. ркп. и представляетъ, вѣроятно, позднѣйшее распространеніе первоначальнаго текста въ общей традиціи иверской и парижской рукописей. Первоначальный текстъ сохраняется только въ іерус. ркп. τί δὲ τῆς χαρᾶς ταύτης θερπότερον; τί δὲ τῆς παρούσης ἑορτῆς λαμπρότερον; Въ общей редакціи иверской и парижской ркп., послѣ вставки вышеупомянутой фразы, это послѣднее слово, λαμπρότερον, измѣнено въ ὑψηλότερον. Тамъ же, пр. 13, измѣнена издателемъ обычная въ позднѣйшемъ греческомъ языкѣ конструкція infinit. съ членомъ въ родит. пад. для означенія цѣли (Jannaris, Append. VI § 23).

Въ № 81, въ началѣ, для συναγελάζομαι σικριτῶν τοῖς νηπίοις mss., стр. 410, примѣч. 12, что издатель измѣняетъ въ συναγάλλομαι κтѣ., ссылаемся на стр. 428 ποιμνίῳ ἐνευθηνουμένῳ καὶ χαίροντι συναγελαζόμενος ἐπαγάλλομαι (въ началѣ 82-й проповѣди). Здѣсь встрѣчаемъ любопытное слово ῥογολογέω, стр. 413,19 τὴν μὲν ἐπιφυλλίδαν τοῦ νόμου ῥογολογᾷς, также πολυωρέω (срв. ὀλιγορέω) стр. 414,8, и на той же страницѣ неслитную форму ἀνθέων, которую издатель на этотъ разъ сохраняетъ (срв. объ этихъ формахъ Blass, Gramm. d. neutestam. Sprache¹ S. 27 и A. Thumb, Griech. Sprache im Zeitalter d. Hellen. S. 186). Стр. 416,18 οἱ παῖδες οἱ πολυόφρονες іерус. ркп. (πολυόφρονες иверск. ркп.)—единственно вѣрное чтеніе, неудачно измѣненное издателемъ въ πολύφρονες.

Въ началѣ 82-й проповѣди чтеніе іерусалимской ркп. фразы: λαμπρότης γὰρ πανηγύρεως, ὅσον κόσμος τῶν πανηγυρίζοντων τὸ σεμνολόγημα, τοσοῦτον τῆς δεσποτικῆς ἀγάπης ἐναργῇ παρέχεται τὰ γνωρίσματα, на сторонѣ коего здѣсь и рядъ издателей, предшественниковъ Аристархи, несомнѣнно, слѣдовало предпочесть чтенію иверской ркп. Въ защиту отвергнутого издателемъ чтенія іерусалимской и парижской ркп. стр. 430,18 παρόντος σου λόγου (пар. συλλόγου Ar.) ссылаемся на то же выраженіе стр. 437,18, гдѣ оно отвергнуто издателемъ, не смотря на согласіе всѣхъ рукописей. Мы бы не отвергли чтенія іерусалимской ркп. προτενίσματα (про-хтеνίζω), повторяющагося дважды, стр. 431 примѣч. 20, и стр. 432,11, тѣмъ болѣе, что въ первомъ случаѣ его подтверждаетъ и парижская ркп. Столь же мало заслуживало пренебреженія чтеніе іерус. ркп. и парижской ὡσπερ τι ἐρρίζωμένος стр. 432,1, подтверждаемое и иверской, срв. дажѣ εἰς φυτῶν ἀποδενδρούμενος φύσιν. Чтеніе δυσχεροστάτος, тамъ же, примѣч. 12, іерус. ркп., могло бы быть принято безъ поправки.

Для археологовъ, которыхъ данная проповѣдь не можетъ не интере-

совать, не лишено значенія, что фраза ἐνταῦθα ἐπιχοσμούμενα κιονόκρανα стр. 433,4 не читается ни въ одной изъ трехъ рукописей, какими пользовался Аристархи, или что такъ же не читаются въ лучшей традиціи текста, іерусалимской ркп., слова καὶ πατριαρχῶν стр. 435,15. Точная традиція текста во всѣхъ трехъ рукописяхъ на стр. 433,8 Ἀργυρος δὲ περὶ τὰς κυλίδας καὶ στυλίδας τοῦ θυσιαστηρίου σὺν τοῖς περιστάσις καὶ αὐτὸς ὁ κωνοειδὴς καὶ τῇ θείᾳ τραπέζῃ ἐπικαίμενος σὺν τοῖς ὑπερείδουσι στυλίσκοις καὶ ὑπερόφοις ὁροφος исправлять не слѣдовало.

Очень неудачна конъектура Аристархи стр. 434, примѣч. 4: Развѣ атомы были для Демокрита τὸ μὴ ὂν? Стр. 437,18 отиѣтимъ форму θεοχαρίτωτε въ ркп. (Аристархи: θεοχαριτώτατε). Стр. 438,11 чтеніе іерус. ркп. εἰς πλάτος ἐξαπλοῦσα, на которое намекаетъ и парижская ркп., — самое правдоподобное; примѣч. 19 и 20 новыя чтенія іерусалимской ркп., безосновательно отвергнутыя издателемъ.

№ 83. Стр. 444, примѣч. 23, отиѣчаемъ форму σκότφ, которую издателю тѣмъ менѣе было повода исключать, что склоненіе ὁ σκότος и τὸ σκότος всегда существовали рядомъ. Чтенія δξους иверской и іерусалимской ркп. стр. 446,1 и также дальнѣйшее (примѣчаніе 6) τίτλος отвергнуты новымъ издателемъ вслѣдъ за предшественниками. Однако, всматриваясь въ текстъ: ἤλοι τὰς δεσποτικὰς διαπερονῶσι παλάμας καὶ τοὺς τῆς κακίας ἡμῶν τοῖς μέλεσι παρεμφύοντας ὄξους, ὑφ' ὧν ἐξηρημοῦτο καὶ ἐκαχύνετο τὸ ἀνθρώπινον, αὐταῖς ἀνασπῶσι ῥίχαις· στέφανος ἐξ ἀκανθῶν ἐπὶ τῇ κεφαλῇ περιφύγγεται, καὶ τῆς παλαιᾶς κατάρας ὁ πολύκυκλος ἡμῶν καὶ πολυῶδυνος ἀπαυχενίζεται· τίτλος· λόγῃ πλεονά διορύσσεται, καὶ ἡ τῆς σωτηρίας ἡμῶν ἀναστομῶδαις πηγῇ διὰ παντός ἀνιούμεται, αἶμα καὶ ὕδωρ παχυοσμίου καθάρσιον παραπτώματος, καὶ μετὰ νέκρωσιν τοῦ τραύματος ἀναβλύσαντος, мы видимъ здѣсь упоминаніе всѣхъ орудій пытки Спасителя и отдѣльныхъ моментовъ Его мученій и смерти. Ὁξους намекаетъ на укусъ, коимъ напоена была губка, поднесенная къ Его устамъ. Что касается рода существительнаго (ὁ ὄξος; вмѣсто τὸ ὄξος), здѣсь можно видѣть одинъ изъ раннихъ примѣровъ того перехода словъ 3-го склоненія на -ος во 2-е случаи коего перечисляетъ Hatzidakis, Einl. in d. neugriech. Gramm. S. 354 fg. (= Excurs VI). Стр. 449,22 отиѣтимъ аор. страд. ἐξηλείφης mss. Стр. 450,22 слова καὶ τέχνων, которыхъ нѣтъ въ іерус. ркп., скорѣе всего — позднѣйшее распространеніе первоначальнаго текста. Также слова ῥημάτων стр. 451,9 нѣтъ, кромѣ іерусалимской, и въ парижской ркп. Стр. 452,16,17 ни прежніе издатели, кромѣ Папагеоргіу, ни Аристархи не поняли текста рукописей: τούτου τὸν νεκρὸν ἐπιζητῶ, ὃν προφητοχτόνος γλῶσσα καὶ φωνὴ καὶ χεῖρες, οὐ δοκοῦντες φέρειν φιλανθρωποτέραν (scil. τὴν ψῆφον) ψῆφον ἡγαγον θανάτου. Папагеоргіу читалъ οὐ δοκοῦντος, въ смыслѣ, повидимому, безличнаго оборота; но здѣсь надо имѣть въ виду приведенныя нами выше данныя относительно неизмѣняемости у Фотія причастныхъ формъ мужескаго рода и употребленіе глагола δοκέω въ личной формѣ. Стр. 455,22 введена въ текстъ вставка Μαί (καὶ αὐτὸν τελευτήσαντος). Стр. 456,5 οἱς γάρ

τινων μὲν οὐ συνετέθητο σώμασι mss. не требуетъ измѣненія. Вообще и здѣсь, по авторитету прежнихъ издателей, г. Аристархи оставилъ безъ употребленія цѣлый рядъ хорошихъ чтеній рукописей. Смыслъ фразы стр. 461, въ самомъ началѣ, вполне ясенъ и при чтеніи рукописей: πριστάς διὰ τὴν κλοπὴν, если поставимъ послѣ μηχανορραφῶν знакъ вопроса. Тамъ же, прим. 14, конструкція съ союзомъ ἵνα послѣ глаг. φοβεῖσθαι (срв. Jannaris, App. VI § 16); въ іерус. ркп. послѣ ἵνα нѣтъ μὴ. Стр. 462, характеристична для приемовъ издателя замѣна τοιχωρύχους mss. вариантомъ τυμβωρύχους. Тамъ же, примѣч. 8, σμήματα — чтеніе, не требующее поправки. Для καθέστηκας (іерус. ркп.) в. аст. срв. стр. 299, а. Стр. 464, въ чтеніи рукописей οἱ ταῦτα πάντα φόβῳ ἐλπίδι λαθόμενοι (объ ученикахъ Ис. Христа, ослабѣвшихъ въ вѣрѣ подъ вліяніемъ страха) мы признаемъ за подлинное выраженіе Фотія, гдѣ φόβῳ ἐλπίδι изысканное риторическое сопоставленіе: «все это изъ страха надеждою (вѣрою) забывъ». На стр. 465, прим. 2—5, издатель позволяетъ себѣ цѣлый рядъ поправокъ традиціи текста, которыя ненужны. Вотъ текстъ въ рукописяхъ: Οὕτως οὐκ ἔστι τοῖς ἐπηρεάζουσι τὴν ἀνάστασιν, ἐφ' ᾧ τῶν ἐλέγχων τὸ ἀνυπόδραστον διαδράσαντες, τὸ μὴ οὐχὶ λυσεῖν αὐτοὺς καὶ μαίνεσθαι καὶ συκοφαντεῖν, τὴν ἀναχώρησιν ἔχουσι. «Такимъ образомъ у тѣхъ, которые злословятъ на Воскресеніе, не остается средства, къ какому прибѣгнуть, чтобы ускользнуть отъ неопровержимыхъ обвиненій въ неистовствѣ, бѣшенствѣ и клеветѣ».

Слова καὶ τῆς πλάσεως стр. 465, 17, отсутствующія въ іерусалимской ркп., мы признаемъ за позднѣйшую вставку. Фраза: ἡ δὲ τοῦ τάφου παστάς ἡμῶν τὸν τεχνίτην καὶ τῆς ἀναπλάσεως θαλαμῶνουςα ясна и безъ нихъ. Напротивъ, позднѣе эти слова могли быть вставлены въ дополненіе къ словамъ καὶ τῆς ἀναπλάσεως. Стр. 467, 22 чтеніе καταυγούσης іерус. ркп. могло быть сохранено. Стр. 468, 19 новый примѣръ свойственнаго позднѣйшему греческому языку употребленія союза ἵνα у Фотія, свидѣтельствуемый рукописями, но издателемъ устранимый: μὴ ἐκδαμβαῖσθε, ἵνα ζητήτε τὸν Ναζαρενόν.

Въ теченіе своего обзора изданныхъ г. Аристархи текстовъ мы останавливались далеко не на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ чтенія, помѣщенные у него подъ текстомъ, должны были перенесены въ самый текстъ. Это безъ нужды слишкомъ удлиннило бы нашъ списокъ ихъ. Достаточно сказать вообще, что, развѣ за немногими единичными случаями, гдѣ у насъ являлось сомнѣніе въ правильности чтеній рукописей, ихъ текстъ долженъ быть восстановленъ всюду, гдѣ у издателя въ аппаратѣ помѣчено: «καὶ ἡμᾶς γε». При этомъ въ тѣхъ проповѣдяхъ, для которыхъ издатель пользовался тремя рукописями, іерусалимской, парижской и иверской, чтенія первой тамъ, гдѣ она уклоняется отъ остальныхъ, заслуживали гораздо болѣе рѣшительнаго и постоянного предпочтенія, нежели эта превосходная рукопись встрѣтила у новаго издателя Фотія.

Самымъ краткимъ образомъ коснемся теперь проповѣдей и Словъ

Фотія, *возстановляемыхъ* издательствомъ изъ отрывковъ большихъ богословскихъ трактатовъ патріарха, его писемъ, схолиевъ и гномологій.

Проповѣдь такого выдающагося церковнаго оратора, какимъ является Фотій въ издаваемыхъ г. Аристархи проповѣдяхъ, сохраняемыхъ въ рукописяхъ, всегда представляетъ нѣкоторое цѣльное художественное произведение, во всякомъ случаѣ всегда въ нихъ замѣчается послѣдовательность аргументаціи, отношеніе всѣхъ частей къ главной темѣ и т. п. Можно ли то же сказать о многихъ и многихъ изъ Словъ и проповѣдей, преподносимыхъ намъ, какъ таковыя, новымъ издателемъ на основаніи отрывковъ, скрывающихся въ его трактатахъ и письмахъ? Если нѣтъ, то имѣетъ ли значеніе такое часто натянутое сочетаніе отдѣльныхъ разбросанныхъ въ разныхъ произведеніяхъ отрывковъ подъ однимъ заглавіемъ Слова или Проповѣди? Издатель сдѣлалъ бы лучше, если бы на основаніи имѣющихся у него матеріаловъ подарилъ намъ новымъ полнымъ изданіемъ одного изъ большихъ трактатовъ Фотія, напр., Амфилохій, съ критическимъ аппаратомъ и такимъ образомъ къ тому богатому матеріалу для изученія языка и стиля Фотія, который содержится въ двухъ томахъ его изданія, прибавилъ еще новый. — Въ историческихъ и историко-литературныхъ соображеніяхъ по поводу отдѣльныхъ проповѣдей патріарха Фотія въ предисловіяхъ (въ особенности въ опредѣленіяхъ времени написанія) мы желали бы видѣть у автора болѣе осмотрительности и обоснованія.

Въ заключеніе спѣшимъ высказать, что новый издатель проповѣдей Фотія оказалъ своимъ изданіемъ большую услугу изученію произведеній этого выдающагося церковнаго и литературнаго дѣятеля Византіи. Онъ предпринялъ огромный и серьезный трудъ, выполненный имъ съ вниманіемъ и величайшею добросовѣстностью. Его тексты всегда напечатаны правильно и съ хорошимъ знаніемъ языка.

С. Шестаковъ.

2. БИБЛИОГРАФИЯ.

РОССІЯ.

А. С. Павловъ, *Курсъ церковнаго права. Посмертное изданіе подъ наблюдениемъ доцента московской духовной академіи И. Громогласова*. Святотроницкая Сергіева Лавра. 1902. Стр. 539. — Нельзя не привѣтствовать выхода въ свѣтъ «Курса церковнаго права» покойнаго профессора московскаго университета А. С. Павлова, ученыя заслуги котораго прекрасно извѣстны нашимъ читателямъ. Этотъ курсъ предварительно печатался, въ видѣ небольшихъ статей, въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» за 1899 — 1902 годы, подъ наблюдениемъ доцента московской духовной академіи г. Громогласова, а теперь вышелъ и отдѣльнымъ изданіемъ, въ удовле-

твореніе желанія многочисленныхъ слушателей и почитателей незабвеннаго профессора и во исполненіе воли самого автора, который считалъ обработку курса для печати непрежѣннымъ своимъ долгомъ предъ отечественной наукой, завершеніемъ своей сорокалѣтней профессорской дѣятельности, но не успѣлъ осуществить это свое намѣреніе. Въ основу курса издателемъ положены собственноручныя записи А. С. Павлова, содержащія почти все, напечатанное въ опубликованной книгѣ, и носящія на себѣ слѣды многочисленныхъ измѣненій, дополненій и поправокъ, наглядно свидѣтельствующихъ о многолѣтней непрерывной и внимательной работѣ покойнаго профессора надъ содержаніемъ и формой своихъ чтеній. Наиболѣе важнымъ дополненіемъ къ этому основному матеріалу для издателя служили литографированныя студенческія изданія курса и въ особенности послѣднее изъ нихъ, предварительно просмотрѣнное и тщательно исправленное самимъ покойнымъ профессоромъ. Эти изданія, въ общемъ значительно уступающія въ полнотѣ своего содержанія рукописному тексту, тѣмъ не менѣе дали нѣсколько (немногочисленныхъ, впрочемъ) дополненій къ нему и оказались особенно полезными при установленіи дѣленія на параграфы, не всегда строго выдержаннаго въ собственноручномъ оригиналѣ. Въ послѣднемъ отношеніи не бесполезно оказалась и «Программа курса церковнаго законовѣдѣнія», напечатанная А. С. Павловымъ въ «Запискахъ Новороссійскаго Университета» (за 1874 г., т. XII). Сверхъ того, при провѣркѣ и окончательномъ установленіи текста издателемъ были приняты во вниманіе и печатные труды почившаго профессора,—когда содержаніе послѣднихъ близко соприкасалась съ тѣмъ или другимъ отдѣломъ курса. Но всѣ упомянутыя дополнительные пособія, говоритъ издатель, играли лишь второстепенную роль, помогая восполнить замѣтный пробѣлъ, исправить очевидную неточность или ошибку основнаго текста, содержащагося въ рукописи автора. Такія дополненія и поправки, при крайней ихъ малочисленности, къ тому же настолько не существенны, что представлялось излишнимъ оговаривать ихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Въ цѣломъ же, заключаетъ издатель, разсматриваемая книга съ возможной точностью воспроизводитъ курсъ А. С. Павлова въ томъ именно видѣ и составѣ, какой имѣетъ этотъ многолѣтній трудъ въ посмертныхъ бумагахъ его незабвеннаго автора (предисловіе, стр. I—II).

«Курсъ церковнаго права» профессора Павлова состоитъ изъ введенія, обзора источниковъ церковнаго права и системы права. Во введеніи (стр. 1—35) дается понятіе о церкви и церковномъ правѣ, указываются названія церковнаго права, опредѣляется его характеръ и положеніе въ цѣлой системѣ права, указывается отношеніе науки церковнаго права къ наукамъ богословскимъ и юридическимъ, предлагается историческій очеркъ развитія науки церковнаго права вообще и церковнаго правовѣдѣнія Россіи въ частности, намѣчаются задача и методъ науки церковнаго права, опредѣляется значеніе науки церковнаго права въ системѣ

юридическаго образованія и представляется планъ курса у церковнаго пана.

Система церковнаго права, говорится въ послѣднемъ параграфѣ введенія, можетъ быть построена только изъ его собственныхъ источниковъ, поэтому необходимымъ подготовленіемъ къ ней долженъ служить обзоръ этихъ источниковъ. Слѣдующій отдѣлъ книги (стр. 36—189) и занятъ этимъ предметомъ. Здѣсь предварительно указываются виды источниковъ церковнаго права и ихъ относительная важность, причемъ авторъ располагаетъ ихъ въ такой послѣдовательности: божественное право церкви, какъ первооснованіе и критерій ея положительнаго права, законодательство, какъ источникъ церковнаго права, и обычное церковное право. Далѣе обзрѣвается исторія источниковъ церковнаго права раздѣленная на два отдѣленія, въ первомъ — исторія церковнаго права общаго, а во второмъ — русскаго. Исторія источниковъ общаго церковнаго права и ихъ практическаго употребленія въ православной греко-восточной церкви раздѣляется авторомъ на четыре періода. Первый періодъ простирается отъ начала христіанства до эпохи признанія его государственною религіею въ римской имперіи при Константинѣ Великомъ. Источниками церковнаго права въ этомъ періодѣ были: апостольскія писанія и преданія, отеческія преданія и обычаи, соборныя опредѣленія, каноническіе отвѣты (*responsa canonica*) или посланія (*epistolae canonicae*); изъ сборниковъ же источниковъ церковнаго права извѣстны: *Διδχχὴ τῶν δόδωχα Ἀποστόλων*, *Διατχχαὶ τῶν Ἀποστόλων* и *Κανόνες τῶν ἁγίων Ἀποστόλων*. Второй періодъ исторіи источниковъ церковнаго права общаго обнимаетъ время отъ эпохи признанія христіанства государственною религіею до изданія номоканона патріарха Фотія. Это былъ самый блистательный періодъ развитія церковнаго права, — который по всей справедливости долженъ быть названъ періодомъ образованія обще-церковнаго или вселенскаго каноническаго кодекса. Въ этотъ періодъ церкви, покровительствуемая государствомъ, могла безпрепятственно заняться развитіемъ и устройствомъ своего внутренняго ворядка и дисциплины. Главнымъ органомъ этого развитія были соборы — помѣстные и вселенскіе, дѣятельность коихъ выражалась въ правилахъ, имѣвшихъ значеніе источниковъ общаго церковнаго права. Наряду съ соборными правилами въ этотъ періодъ появилась огромная масса мѣстныхъ источниковъ, къ которымъ принадлежатъ: опредѣленія различныхъ провинціальныхъ соборовъ и каноническія посланія единоличныхъ церковныхъ авторитетовъ. Нѣкоторые изъ этихъ источниковъ получили общее признаніе на востокѣ, другіе — на западѣ. Затѣмъ, въ этомъ періодѣ источникомъ церковнаго права служили и гражданскіе законы, какъ результатъ союза церкви съ государствомъ. Законодательство христіанскихъ императоровъ въ отношеніи къ церкви имѣло нелегкую задачу — согласить церковный порядокъ съ гражданскимъ, который былъ еще проникнутъ языческимъ духомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ открыть возможно большой просторъ преобразующему

вліянію церкви на жизнь общества, воспитаннаго въ духѣ иной религіи. Сдѣланныя съ этою цѣлью законодательныя распоряженія вытекали изъ того принципа, что церковь и государство, какъ тѣло и душа, составляютъ одинъ организмъ и что между ними должно быть постоянное взаимодействіе для общаго блага. Вообще, въ первомъ періодѣ изъ церковныхъ и гражданскихъ источниковъ составилаcя весьма значительная масса церковно-правоваго матеріала, а вмѣстѣ съ тѣмъ оказалась потребность и въ составленіи специальныхъ сборниковъ, которые бы облегчили практическое употребленіе многочисленныхъ и разнообразныхъ источниковъ. Возникшіе въ этомъ періодѣ опыты кодификаціи источниковъ церковнаго права по своему содержанію раздѣляются на сборники чисто-каноническіе (обще-церковный каноническій кодексъ въ редакціяхъ греческой, римской и испанской, сборникъ Лжеисидора, сводъ церковныхъ правилъ Іоанна Схоластика и *Σύνταγμα κανονικόν*), чисто гражданскіе (Сборникъ Схоластика, *Collectio institutionum ecclesiasticarum*) и смѣшаннаго содержанія или номоканоны (номоканонъ въ I титулахъ, номоканонъ въ XIV титулахъ и принадлежащая къ нему каноническая Синагма въ редакціи патріарха Фотія, каноническіе синописы и схолиі, епитимейники или покаянные номоканоны восточные и западные). Третій періодъ исторіи общаго церковнаго права обнимаетъ время отъ изданія Фотіева номоканона до паденія византійской имперіи и характеризуется весьма замѣтнымъ упадкомъ въ его развитіи. Въ это время періодическіе соборы на востокъ вовсе прекратились. Ихъ мѣсто заступилъ постоянный соборъ или синодъ (*σύνδος ἐκκλησιαστική*) при кафедрѣ Константинопольскаго патріарха, который фактически сдѣлался теперь главой всей восточной церкви. Этотъ соборъ или синодъ патріаршій составлялъ послѣднюю инстанцію для рѣшенія вопросовъ церковно-судебной и административной практики, онъ же былъ главнымъ органомъ и церковнаго законодательства на востокъ. Постановленія патріаршаго синода (*ψήφοι συνόδου*, *sententiae synodales*) и составляли въ третьемъ періодѣ главный практическій источникъ церковнаго права. Затѣмъ, нерѣдко патріархъ и его синодъ давали отвѣты на вопросы, съ какими обращались къ нимъ провинціальныя епископы и другія лица въ разныхъ случаяхъ церковной практики, не предусмотрѣнныхъ въ источникахъ дѣйствующаго права. Нѣкоторые изъ нихъ (напримѣръ, отвѣтъ патріарха Николая Грамматика на вопросы аеонскихъ монаховъ) получили общее признаніе и въ греческой и въ русской церкви. Наконецъ, отъ настоящаго періода сохранилась значительная масса каноническихъ отвѣтовъ и трактатовъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ іерархическимъ и другимъ лицамъ (кизическаго митрополита Димитрія Синкелла, архіепископа болгарскаго Димитрія Хоматина и т. д.) и имѣющихъ теперь чисто историческое значеніе, какъ памятники церковной практики и канонической юриспруденціи своего времени. Что касается государственныхъ законовъ по дѣламъ церкви, то они попрежнему остаются весьма важнымъ источникомъ цер-

ковнаго права, такъ какъ отношеніе императорской власти къ церкви остались тѣже самыя, какія установились въ предыдущемъ періодѣ. Затѣмъ въ этомъ періодѣ появились толкованія на каноническій кодексъ, исполненныя Аристиниомъ, Зонарой и Вальсамономъ съ цѣлью дать необходимое руководство для правильнаго пониманія и приложенія къ современной практикѣ древнихъ церковныхъ каноновъ. Наконецъ, этотъ періодъ вызвалъ появленіе алфавитной синтагмы Матвея Властаря и 'Εμτομὴ τῶν κανόνων Константина Арменопула. Четвертый періодъ въ исторіи общаго церковнаго права простирается отъ завоеванія Константинополя въ 1453 году и до настоящаго времени. Источниками церковнаго права въ этомъ періодѣ служили постановленія и опредѣленія константинопольскихъ патріарховъ и ихъ синода. Для практическаго руководства къ познанію и примѣненію источниковъ церковнаго права въ этомъ періодѣ появились новыя руководства, болѣе приспособленныя къ современному состоянію этого права и къ общему уровню образованія тогдашняго греческаго духовенства (номоканонъ Мануила Малакса, покаянный номоканонъ или епитимейникъ и трактатъ о степеняхъ родства Мануила Ксаноянина). Наконецъ, въ этомъ періодѣ были сдѣланы новыя частныя и оффиціальныя изданія древняго каноническаго кодекса греческой церкви.

Во второмъ отдѣленіи обширнаго изслѣдованія объ источникахъ церковнаго права обозрѣвается исторія церковнаго права русскаго, причемъ авторъ сперва разсматриваетъ судьбу греческаго номоканона въ Россіи, а затѣмъ излагаетъ исторію источниковъ собственно-русскаго церковнаго права, раздѣляя ее на три періода. Первый періодъ—отъ начала христіанства на Руси до второй половины XV вѣка, когда были положены первооснованія русскаго церковнаго права, преимущественно внѣшняго, которымъ опредѣлялись своеобразныя отношенія нашей церкви къ гражданскому обществу и государству. Второй періодъ отъ второй половины XV вѣка до эпохи церковныхъ и государственныхъ преобразованій Петра Великаго, когда внѣшнія права и отношенія церкви опредѣляются хотя и на прежнихъ основаніяхъ, но уже съ болѣе точнымъ разграниченіемъ сферы церковной и государственной, и свѣтская власть пріобрѣтаетъ рѣшительное вліяніе не только на внѣшнія, но и на внутреннія дѣла и отношенія церкви. Въ третій періодъ—отъ эпохи церковныхъ преобразованій Петра Великаго до настоящаго времени—развилась вся система дѣйствующаго нынѣ особеннаго права русской церкви; этотъ періодъ характеризуется тѣмъ, что церковь, оставаясь вполнѣ евободною въ своей чисто-духовной сферѣ, въ тоже время по своему положенію въ области государственнаго права является только частію государственнаго устройства и управленія.

Что касается системы церковнаго права, занимающей большую половину курса профессора Павлова (стр. 190—539), то она раздѣляется на три части слѣдующаго содержанія. Въ первой части рѣчь идетъ о цер-

ковномъ управленіи, причемъ въ первомъ отдѣленіи говорится о личномъ составѣ церковнаго общества (клиръ или іерархія, монашество и міряне), а во второмъ — о церковномъ правительствѣ (епархіальные епископы или архіереи, органы высшаго управленія въ помѣстныхъ автокефальныхъ церквахъ [епископы съ высшей административной властью, повременные и постоянные соборы], строй высшаго управленія въ православной русской церкви и устройство церквей римско-католической, евангелическо-лютеранской и армяно-грегоріанской по ихъ уставамъ, внесеннымъ въ сводъ законовъ Россійской имперіи, взаимныя отношенія помѣстныхъ автокефальныхъ церквей и способы ихъ общенія). Во второй части рѣчь идетъ о церковномъ управленіи, которое проявляется: въ правѣхъ религіознаго ученія (*potestas magisterii*), въ правѣхъ религіознаго освященія (*potestas ministerii*), въ правѣхъ церковнаго управленія и суда (*potestas jurisdictionis*), выражающемся въ частности—въ церковномъ судѣ по дѣламъ тяжбы (*jurisdictio contentiosa*) и въ церковно-криминальномъ судѣ (*jurisdictio criminalis*), при особомъ судеустройствѣ и судопроизводствѣ, и, наконецъ,—въ имущественномъ правѣ церкви. Въ третьей части говорится о внѣшнемъ правѣ церкви, причемъ въ первомъ отдѣленіи рѣчь идетъ о церкви въ ея отношеніи къ государству, а во второмъ — о церкви въ ея отношеніи къ непринадлежащимъ ей христіанскимъ обществамъ.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе «Курса церковнаго права» профессора А. С. Павлова. Объ этомъ трудѣ по всей справедливости слѣдуетъ сказать, что онъ составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ небогатую русскую литературу церковнаго права.

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Томъ VII. Выпускъ 1-й. Софія. 1901. Выпуски 2 и 3-й. Софія. 1902. Стр. 250.

1. О. И. Успенскій, *О древностяхъ города Тырнова* (стр. 1—24). Академикъ О. И. Успенскій сообщаетъ здѣсь результаты своихъ ученыхъ изысканій о памятникахъ Тырнова, произведенныхъ во время двукратной поѣдки (въ 1899 и 1900 годахъ) въ эту древнюю столицу болгарскаго царства. Прежде всего, здѣсь рѣчь идетъ о церкви «Святыхъ Четырехъдесяти» или 40 мучениковъ, которая занимаетъ первое мѣсто между тырновскими археологическими памятниками, такъ какъ представляетъ одинъ изъ подлинныхъ памятниковъ тырновскаго царства и сохранила въ себѣ памятники староболгарской, т. е. дохристіанской эпохи. Церковь построена въ 1230 году царемъ Іоанномъ Асѣнемъ II, въ память счастливой для болгаръ битвы при Клокотницѣ, и была, такъ сказать, фамильной церковью Асѣней и мѣстомъ ихъ погребенія. Во время турецкаго господства она была обращена въ мечеть, причемъ вся роспись была замазана штукатуркой и частью попорчена, но въ 1878 году церковь вновь перешла къ христіанамъ. Важнѣйшими памятниками въ храмѣ сорока-мучениковъ нужно считать три колонны съ весьма важными историческими надпи-

стии и роспись храма съ славянскими надписями. На одной колоннѣ изъ темнаго гранита находится знаменитая надпись Омортага, изданная первоначально въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей» (1859, кн. 2). Θ. И. Успенскій предлагаетъ слѣдующее ея чтеніе: Κανὰς Ὑβρηγὴ Ὀμορτάγ. εἰς τὸν παλαιὸν οἶκον αὐτοῦ μένων ἐποίησεν ὑπερφύμον οἶκον εἰς τὸν Δχνούβην καὶ ἀνὰ μέγα τῶν δύο οἶκων τὸν πάμφημον. Καταμετρήσας εἰς τὴν μέσσην ἐποίησεν τοῦμβαν καὶ ἀπὸ τὴν αὐτὴν μέσσην τῆς τοῦμβας ἕως τὴν αὐλὴν μου τὴν ἀρχαίαν εἰσὶν ὄργυαι μυριάδες β', καὶ ἐπὶ τὸν Δχνούβην εἰσὶν ὄργυαι μυριάδες β'· τὸ δὲ αὐτὸ τοῦβῆν ἐστὶν πάμφημον. Μετρήσαντες τὴν γῆν ἐποίησε τὰ γράμματα ταῦτα. Ὁ ἄνθρωπος καὶ καλὰ ζῶν ἀποθνήσκει καὶ ἄλλος γεννᾶται καὶ ἵνα ὁ ἔσχατος γενόμενος ταῦτα θεωρῶν ὑπομνήσκηται τὸν ποιήσαντα αὐτό. Τὸ δὲ ὄνομα τοῦ ἔρχοντος ἐστὶν Ὀμορτάγ Κανὰς Ὑβρηγὴ. Θεὸς ἀξιώσῃ αὐτὸν ζῆσαι ἔτη ρ'. Чтеніе надписи не возбуждаетъ затрудненій. Старый дворецъ или старый аулъ долженъ быть, вѣроятно, среди староболгарскихъ владѣній на Балканскомъ полуостровѣ, т. е. на мѣстѣ раскопаннаго Русскимъ Археологическимъ Институтомъ стараго поселенія близъ деревни Абобы. Отъ него въ 40 верстахъ къ сѣверу должно искать тумву или насыпь, гдѣ былъ памфимъ, и въ 40 верстахъ отъ этого послѣдняго предполагается дворецъ на Дунаѣ. При этомъ, слово τουβῆ, которое прочтено какъ τουβιν, по мнѣнію Θ. И. Успенскаго, соответствуетъ по своему смыслу слову πάμφημον: τὸ δὲ αὐτὸ τουβῆ ἐστὶν πάμφημον. Отсюда, памфимъ есть насыпь или тумба. На другой колоннѣ, перевернутой низомъ вверхъ, находится надпись изъ двухъ словъ

ΚΑΙΣΤΡΟΝ | ΡΕΔΕΣΤΥ. Надпись относится къ особому разряду староболгарскихъ надписей съ именами городовъ (χάστρη) и первоначально находилась въ мѣстности близъ вышѣшней деревни Абобы, гдѣ открыто нѣсколько другихъ колоннъ съ именами городовъ. Палеографическіе признаки показываютъ, что надпись относится къ X вѣку. Особеннаго вниманія заслуживаетъ колонна съ надписью царя Іоанна Асѣня (въ 13 строкѣ), увѣковѣчившая фактъ громадной важности въ исторіи Болгаріи, именно побѣду надъ эпирскимъ деспотомъ Θεодоромъ въ 1230 году, которая открыла Асѣню Адрианополь, Македонію и Албанію. Въ надписи, между прочимъ, сказано, что храмъ былъ украшенъ живописью въ честь святыхъ Сорока Мучениковъ, съ помощью которыхъ «я пошелъ, говорить царь, войной на Романію, разбилъ греческое войско и взялъ въ плѣнъ самого царя киръ Тодора-Комнина со всѣми его болгарями». Палеографическія особенности этой надписи въ высшей степени характерны и приводятъ къ убѣжденію, что надпись воспроизводитъ рисунокъ, составленный по правиламъ каллиграфіи, коихъ рѣзчикъ и придерживался. Изученіе особенностей палеографіи на колоннѣ, въ связи съ славянскими надписями на стѣнахъ, привело Θ. И. Успенскаго къ заключенію, что всѣ славянскія надписи въ храмѣ сдѣланы однимъ и тѣмъ же мастеромъ въ первой половинѣ XIII столѣтія. Сохранилось

даже и имя писца: лѣтъ Драганъ писа. Далѣе О. И. Успенскій подробно знакомитъ читателей съ фресками храма Сорока Мучениковъ; сохранившимися главнымъ образомъ въ притворѣ, и съ особенностями начертанія буквъ какъ въ подписяхъ надъ фресками, такъ и въ надписи Іоанна Асѣня, а въ заключеніи говоритъ, что храмъ Сорока Мучениковъ представляетъ подлинный памятникъ эпохи тырновскаго царства и въ этомъ качествѣ заслуживаетъ тщательнаго вниманія, прежде всего, со стороны болгарскаго правительства. Другой историческій храмъ Тырнова есть нынѣшняя митрополія во имя апостоловъ Петра и Павла, въ коей сохранились росписи, между прочимъ, вселенскихъ соборовъ. На основаніи различныхъ данныхъ академикъ Успенскій пришелъ къ выводу, что постройка этого храма и роспись вселенскихъ соборовъ относятся къ XVI вѣку, а внѣшній притворъ и нѣкоторыя дополнительныя работы въ алтарѣ возникли въ болѣе позднее время. Изъ другихъ храмовъ Тырнова и окрестностей въ статьѣ отмѣчаются: св. Димитрія Солунскаго въ Дольней Махалѣ, близъ митрополіи, св. Георгія въ нижнемъ городѣ, Рождество Христова, св. Димитрія и святыхъ Архангеловъ въ Арбанаси; во всѣхъ этихъ церквахъ сохранились немногія надписи и росписи. Кромѣ церквей, въ Тырновѣ имѣютъ археологическое значеніе холмы Гиссаръ и Трапезица; окруженные рѣкой Янтрой и обнесенные въ средніе вѣка стѣнами и башнями, эти два холма и составляли мѣсто расположенія стараго Тырнова. Здѣсь были дворцы и палаты тырновскихъ царей и ихъ вельможъ, находились государственныя учрежденія и церкви. Въ настоящее время холмъ совершенно необитаемъ и покрытъ развалинами прежнихъ зданій. Археологическая наука была въ правѣ разсчитывать на важное значеніе этихъ холмовъ. Къ сожалѣнію, въ 1900 году здѣсь были произведены (г. Seure'омъ) крайне неудачныя раскопки, безъ системы и плана, безъ пониманія техники этого дѣла, какъ будто бы съ цѣлью отыскиванія какихъ-либо предметовъ. Можно отъ души пожалѣть, что тырновскія древности не остаются больше подъ землей.

2. Г. Ильинскій, *Грамота царя Іоанна Асѣня II* (стр. 25—39).—Въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ хранится памятникъ южно-славянской старины, имѣющій высокую филологическую и историческую важность. Это торговый договоръ знаменитаго болгарскаго царя Іоанна Асѣня II (1218—1241) съ Дубровницкой республикой. Грамота неоднократно издавалась (Шафарикомъ, Срезневскимъ, Палаузовымъ, Раковскимъ и Миклошичемъ), но всегда болѣе или менѣе неудачно. Г. Ильинскій въ отмѣченной статьѣ помѣщаетъ текстъ грамоты и примѣчанія къ нему, указываетъ палеографическія и лингвистическія особенности грамоты, опредѣляетъ историческое значеніе (грамота даетъ возможность довольно точно возстановить политическія границы болгарскаго царства эпохи его втораго расцвѣта и составить понятіе о его областномъ дѣленіи) и помѣщаетъ словоуказатель.

3. Б. Панченко, *Βασιλικὸς πιστικὸς* (стр. 40—55).—Въ коллекціи Рус-

скаго Института въ Константинополѣ находятся три мѣлиководула съ малоизвѣстнымъ терминомъ *Βελιχὸς πλοῦς*, который и выясняется г. Панченко на основаніи Василікѣ, Синописиса, Патмосскихъ документовъ и житій святыхъ. Этотъ терминъ, по мнѣнію автора, взятъ изъ греческаго коммерческаго обихода и соотвѣтствуетъ термину *magister navis*.

4. J. Pargoire, *Les monastères de saint Ignace et les cinq plus petits îlots de l'archipel des Princes* (стр. 56 — 91). — Статья раздѣляется на три главы. Въ первой рѣчь идетъ о монастыряхъ константинопольскаго патріарха Игнатія на островахъ Πλάτη, Ὑάτρος и Τερέβινθος, принадлежащихъ къ группѣ острововъ Принцевыхъ, во второй главѣ говорится о монастырѣ Великаго Архистратига, основанномъ патріархомъ Игнатіемъ на материкѣ, а въ третьей разсказывается о монашеской жизни на островахъ Πύττα и Ὀξεία въ византийскую эпоху.

5. Θ. И. Успенскій, *Археологическіе памятники Сиріи* (стр. 94—212). — Съ большимъ интересомъ читается прекрасное сообщеніе Θ. И. Успенскаго объ археологическихъ памятникахъ Сиріи, составленное на основаніи непосредственного ихъ изученія во время путешествія въ 1900 году. Почтенный ученый съ большимъ мастерствомъ описываетъ развалины мѣстныхъ церквей и монастырей, домовъ и водопроводовъ, по поводу коихъ представляетъ любопытныя историческія справки, приводитъ текстъ открытыхъ имъ греческихъ надписей, говоритъ о фрескахъ, иконахъ и скульптурныхъ произведеніяхъ и вообще корреспондируетъ разнообразный и интересный археологическій матеріалъ. Въ сообщеніи обозрѣваются, въ археологическомъ отношеніи, слѣдующіе города и села Сиріи: Бальбекъ (Геліополь), Дамаскъ, Сейдная, Маалула (Маглула), Ябрудъ, Небкъ, Кара, Гауаринъ, Маннъ, Каріатеннъ, Пальмира, Сададъ, Гомсъ (Эмеса), Эль-Рестанъ (Аретуза), Гама (Епифанія), Калать-Седжеръ (Ларисса), Калать-Мудикъ (Апамея), Гассъ, Муджелея, Бетурса, Серджила, Эль-Бара, Деиръ-Савбилъ, Рувейха, Алеппо, Бофертинъ, монастырь св. Симеона Столпника (Калать-Семанъ), Деиръ-Семанъ, Шейхъ-Баракать, Катурса, Рефаді, Тызре, Ассе (Артесія), Дана, Сармеда, Касръ-эль-Бенатъ, Гаримъ и Антиохія. Въ краткой библиографической замѣткѣ нѣтъ возможности исчерпать богатое содержаніе превосходной работы академика Успенскаго. Отсылая читателей къ самому оригиналу, представимъ здѣсь общій взглядъ на результаты научныхъ изысканій почтеннаго ученаго въ области археологическихъ памятниковъ Сиріи, какъ они и представляются въ заключеніи сообщенія. Памятники Сиріи не составляютъ большой новинки послѣ книги de Vogüé (*Syrie centrale*. Paris. 1865—1877). Послѣ Вогюэ Сирію посѣщали вновь и не разъ и французскіе, и нѣмецкіе, и американскіе ученые. Каждая вновь отправленная въ Сирію миссія находитъ тамъ новые предметы, имѣющіе важный научный интересъ: уже это одно служитъ доказательствомъ того, сколь обширны и неисчислимы археологическія богатства этой страны. Можно думать, что Сирія и еще выиграетъ съ точки зрѣнія археологін, если съ изслѣдо-

ваніями соединятся раскопки, и если въ поле изученія войдутъ и ея мертвые города. Общій характеръ сирійскихъ памятниковъ есть ихъ оригинальность, который указываетъ на культуру особенную, на произведение духа восточныхъ народовъ. Съ точки зрѣнія всемірной исторіи сирійскіе памятники даютъ своей оригинальностью очень интересный и свѣжій фактъ, подготовляющій, на ряду съ другими подобными, раскрытіе проблемы объ элементахъ, входящихъ въ образованіе византизма. Монументальные сирійскіе памятники должны быть поставлены рядомъ съ произведеніями литературы и искусства. Литературные памятники, дѣлающіеся извѣстными въ послѣдніе годы, бросаютъ новый взглядъ на событія V и VI вѣковъ. Духовное развитіе Сиріи въ роковую эпоху для западно-европейскаго міра показываетъ многочисленныя примѣры высокаго подъема и напряженности. Стоитъ припомнить, какъ много сирійцы участвовали въ разработкѣ тонкихъ и важныхъ догматическихъ вопросовъ, какъ многообразна была литературная производительность въ V и VI вѣкахъ на сирійскомъ языкѣ и какъ распространенъ былъ на востокѣ сирійскій Законникъ. Не менѣе того монофизитское движеніе и всѣ вопросы, поднятые вслѣдствіе Халкидонскаго собора, свидѣлствуютъ о сильномъ національномъ чувствѣ, отзывчивости и глубокомъ интересѣ къ требованіямъ совѣсти и вѣрованіямъ. Остатки мертвыхъ городовъ съ чрезвычайно выразительнымъ религіознымъ характеромъ склада жизни внушаютъ мысль, что Сирія была глубоко проникнута вѣроисповѣдной идеей, и что многочисленными сирійскими монастырями вполне соотвѣтствуютъ остатки церквей въ мертвыхъ городахъ и селеніяхъ, въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга (стр. 206—7).

Къ статьѣ «Археологическіе памятники Сиріи» приложено сорокъ семь таблицъ различныхъ снимковъ. Такія же таблицы имѣются и въ приложеніи къ первой статьѣ Ѳ. И. Успенскаго (числомъ 13), а также къ статьямъ г. Ильинскаго и г. Панченко (по одной таблицѣ).

6. *Отчетъ* Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ за 1900 годъ (стр. 203 — 244). См. Византійскій Временникъ, т. VIII стр. 677—687.

7. *Личный составъ* Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ (стр. 245—250).

Іеромонахъ Ѳеодоръ Поздѣвскій, *Аскетическія воззрѣнія преподобнаго Іоанна Кассіана Римлянина, пресвитера массилійскаго*. Казань, 1902. Стр. 334. — Отмѣчаемъ эту книгу въ виду того, что авторъ выясняетъ и характеризуетъ аскетическія воззрѣнія Іоанна Кассіана (+435 г.) въ связи съ восточными аскетическими идеалами, такъ какъ препод. Кассіанъ въ молодости жилъ въ Палестинѣ, въ вилеескомъ монастырѣ, путешествовалъ по египетскимъ монастырямъ, былъ ученикомъ знаменитаго учителя нравственности и аскезиса на востокѣ, св. Іоанна Златоустаго, и такимъ образомъ имѣлъ возможность ознакомиться съ ученіемъ восточныхъ подвижниковъ. Трудъ и заслуга Іоанна Кассіана состояли

въ томъ, что онъ, дѣятельно усвоивъ подвижническую жизнь востока, представилъ въ своихъ сочиненіяхъ, на пользу монашества западнаго, опытъ аскетики въ духѣ возрѣній и идеаловъ, выработанныхъ на востокѣ представителями подвижничества IV вѣка, и путемъ личнаго примѣра и устройства монастырей содѣйствовалъ аскетическому общенію востока съ западомъ. Авторъ разсматриваетъ предметъ въ четырехъ главахъ, предваряя ихъ введеніемъ, въ коемъ изложена біографія преподобнаго Іоанна Кассіана и указаны его литературные труды, и заключаая общими сужденіями объ аскетизмѣ Кассіана, его источникахъ и характерныхъ чертахъ.

А. Спаскій, *Вопросъ о подлинности правилъ Сардикійскаго собора (343 г.) въ современной западной литературѣ* (Богословскій Вѣстникъ, 1902, іюнь, стр. 345 — 383).— Въ ряду историческихъ документовъ, какіе приводятся католическими богословами въ защиту папскаго главенства, особенно важное значеніе приписываются третьему, четвертому и пятому правиламъ Сардикійскаго собора 343 года. Но въ 1901 году мюнхенскій профессоръ І. Фридрихъ въ особомъ докладѣ, представленномъ въ мюнхенскую академію наукъ и потомъ вышедшемъ отдѣльной брошюрой (*Die Unächtheit der Canones von Sardica. Separat-Abdruck aus d. Sitzungsberichten d. philos.-philol. und d. histor. Classe d. kgl. bayer. Akademie der Wissenschaften*, 1901, III, München), на основаніи анализа текста, содержанія и историческаго преданія о сардикійскихъ правилахъ провелъ ту мысль, что соборъ 343 года никакихъ правилъ не составлялъ, что правила, извѣстныя подъ именемъ сардикійскихъ, представляютъ поддѣлку, вышедшую изъ канцеляріи папы Иннокентія (401—417 г.) и возникшую около 416—417. Тезисъ, столь рѣзко высказанный Фридрихомъ и снабженный солидными научными доводами, встрѣтилъ сильный научный отпоръ въ обстоятельной статьѣ Turner'a — «The genuineness of the Sardican canon» (*The Journal of the theological studies*, 1902, April, 370—397). Проф. Спаскій въ своей статьѣ сперва излагаетъ аргументацію Фридриха противъ подлинности сардикійскихъ правилъ, затѣмъ разсматриваетъ доводы въ защиту ихъ со стороны Тэрнера, а въ заключеніе критически обобщаетъ научныя разсужденія обоихъ западныхъ ученыхъ, представляя предметъ въ слѣдующемъ видѣ. Сардикійскій соборъ 343 года издалъ рядъ правилъ касательно благоустройства разныхъ сторонъ современной церковной жизни, но въ подлинномъ экземплярѣ этихъ правилъ не было третьяго, четвертаго и пятаго теперешнихъ постановленій. Въ тѣхъ историческихъ условіяхъ, при какихъ происходила дѣятельность Сардикійскаго собора, его правила не могли проникнуть на востокъ, но и на западѣ они едва ли распространились въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ списковъ. Даже такой видный епископъ запада, какъ Гратъ, предстоятель всей африканской церкви, черезъ три или пять лѣтъ послѣ собора въ Сардикѣ, пользуется его правилами по памяти, а не на основаніи копій. Вѣроятно, что правила Сардикійскаго собора очень рано были присоединены къ

никейскимъ: на западѣ смотрѣли на соборъ въ Сардикѣ, какъ на второй никейскій, но только западный, да и самъ соборъ своей задачей поставлялъ именно возобновленіе дѣла никейскихъ отцевъ; къ тому же и правила, издавныя имъ, во многихъ случаяхъ были лишь распространеніемъ правилъ никейскихъ. Неизвѣстно, въ какое время, но не позже 417 года въ экземпляръ этихъ правилъ, находившемся въ Римѣ, сдѣлана была вставка теперешнихъ III—V правилъ, основанная на рескриптѣ Граціана 380 г. и имѣвшая своей цѣлью постановленія этого рескрипта, касавшіяся лишь западной церкви, распространить на всю церковь и подтвердить авторитетомъ вселенскаго собора. Нѣтъ надобности думать, что такая интерполяція произведена была при участіи или съ вѣдома папы; подлоги вовсе не представляли рѣдкаго явленія въ древней церкви, всегда могъ найтись энтузіастъ съ ложной ревностью о благѣ церкви и Рима, способный совершить подобный поступокъ въ полной увѣренности, что все имъ сдѣланное послужитъ только *ad maiorem gloriam Dei*. Папы начали пользоваться этимъ дополненнымъ спискомъ съ 417 года. Изъ канцеляріи папъ, а затѣмъ при посредствѣ актовъ кароагенскаго собора 419 года, стяжавшихъ себѣ большую популярность на западѣ, копій этого списка распространились постепенно по всѣмъ западнымъ церквамъ и были переведены на греческій языкъ не ранѣе первой половины VI вѣка. Г. Спасскій не разъ оговаривается въ своей статьѣ, что онъ не имѣетъ въ виду давать какого-либо окончательнаго рѣшенія поднятаго западными учеными спора.

А. П. Лебедевъ, *Способы образованія духовенства и интеллектуальное состояніе его во II и III вѣкахъ* (Богословскій Вѣстникъ, 1902, июнь стр. 238—270). — Трактую избранный предметъ, профессоръ Лебедевъ съ особою обстоятельностью говоритъ объ александрійскомъ огласительномъ училищѣ.

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, *Διορθωτικὰ εἰς χριστιανικὰς ἐπιγραφάς* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1902, сентябрь, Отдѣлъ классической филологіи, стр. 411—443). — Въ статьѣ предложенъ рядъ поправокъ къ чтенію эпиграфическаго матеріала, опубликованнаго въ различныхъ изданіяхъ (Journal of Hell. Studies, 1897, t. 17, 1898, t. 18; Ἀθηνᾶ 1899, t. 11; J. R. Sitlington Sterret, *An epigraphical journey in Asia Minor*, Boston, 1888; Schlumberger, *Sigillographie* и т. д.).

И. Соколовъ, *Вамсамонъ Θεόδωρ* (Православная богословская энциклопедія, издаваемая подъ редакціей профессора А. П. Лопухина. Томъ III, ст. 115—119. Спб. 1902). — Изложена жизнь и литературная дѣятельность. 2) *Варлаамъ и варлаамиты* (тамъ же, ст. 149—157). — Описываются варлаамитскіе споры и указывается ихъ значеніе въ монашеской жизни Византіи. 3) *Василій I и Василій II*, патріархи константинопольскіе (тамъ же, ст. 207—209). 4) *Византія* (тамъ же, ст. 347—433). — Статья раздѣляется на три отдѣла: византійское государство, византійская церковь и византійская литература, въ ихъ историческомъ развитіи. 5) *Византи-*

низмъ (ст. 438—440). — Историко-философскій анализъ этого научнаго термина. 6) *Векъ Иоаннъ*, патріархъ константинопольскій, его общественная литературная дѣятельность (тамъ же, ст. 260—286). 7) *Влѣмидъ Никифоръ*, его общественная и литературная дѣятельность (тамъ же, ст. 650—657). 8) *Врѣнный Никифоръ* (тамъ же, ст. 1037—1040). — Обзоръ его литературной и общественной дѣятельности.

А. Нирпичниковъ, *Аѳинскій великій синаксаръ, какъ цѣнный археологическій и историческій источникъ* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1902, октябрь, стр. 354—368). — Рѣчь идетъ о книгѣ *Μεγαλὸν Συναξαριστὶς* въ 12-ти томахъ, изданной Константиномъ Дукаки и имѣющей важное археологическое и историческое значеніе, какъ авторъ статьи и показываетъ на извлеченныхъ имъ изъ изданія примѣрахъ.

А. Виноградовъ, *Святый Андрей, архіепископъ критскій. Агіологическій очеркъ* (Христіанское Чтеніе, 1902, февраль, стр. 247—269). — Въ статьѣ предложено жизнеописаніе св. Андрея Критскаго, на основаніи синаксаря греческихъ (и славянскихъ) богослужебныхъ книгъ, хроники Теофана, твореній самого Андрея, гѣсногѣній, въ честь его составленныхъ для церковно-богослужебнаго употребленія, и нѣкоторыхъ другихъ литературно-историческихъ указаній. По изслѣдованію автора, св. Андрей родился приблизительно въ 30—40 годахъ VII вѣка (635—645), а умеръ приблизительно въ 726—27 году. Родомъ онъ былъ изъ Дамаска, откуда въ молодости переселился въ Іерусалимъ въ лавру Саввы Освященнаго, гдѣ и закончилъ свое церковно-богословское образованіе. Въ 680 году онъ былъ отправленъ въ Константинополь на шестой вселенскій соборъ, въ качествѣ секретаря при замѣстителѣ патріаршаго престола въ Іерусалимѣ. По окончаніи собора, Андрей былъ принятъ въ клиръ великой константинопольской церкви, посвященъ въ санъ діакона и сдѣланъ орфанотрофомъ. Не позднѣе 685 года онъ былъ уже святителемъ на островѣ Критѣ, но какой именно кафедрѣ «двѣнадцатипрестольнаго Крита» неизвѣстно; въ 712 году онъ получилъ здѣсь митрополию — гортинскую кафедру, послѣ того какъ подписалъ, по требованію императора Филиппика Вардана, моноелитскіе акты собора этого года, направленные противъ шестаго вселенскаго собора. Но это было сдѣлано св. Андреемъ, какъ и другими іерархами, во имя принципа экономіи (*οἰκονομία*), въ воззрѣніяхъ же своихъ святой отецъ всегда былъ вѣренъ ученію православной церкви, какъ это видно изъ его твореній, особенно гомилетическаго характера. Скончался онъ въ глубокой старости въ Іериссѣ на островѣ Митилинѣ, отправившись по церковнымъ дѣламъ своей епархіи въ Константинополь. Въ мартирологахъ западной церкви имени св. Андрея нѣтъ.

С. Зверлингъ, *Новые отрывки евангельскаго текста* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1902, апрѣль, стр. 321—333, іюль, стр. 84—100). — Рѣчь идетъ о коптскомъ памятникѣ съ отрывками евангельскаго текста, прибрѣтенномъ въ 1899 году въ Египтѣ профессорами Рейценштейномъ и Шпигельбергомъ для бібліотеки Страсбургскаго уни-

верситета. Въ статьѣ помѣщенъ подлинный текстъ памятника съ точнымъ его переводомъ съ нѣмецкаго языка и разсматривается комментарий ученаго Якоби (Ein neues Evangelienfragment. Strassburg. 1900).

М. Попруженко, *Матеріалы для бібліографіи по Кирилло-меѳодіевскому вопросу* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1902, май, стр. 87 — 125). — Въ статьѣ помѣщены замѣтки о различныхъ сочиненіяхъ, относящихся къ кирилло-меѳодіевскому вопросу, русскихъ и иностранныхъ.

А. Дмитріевскій, *Книга «Требникъ» и ея значеніе въ жизни православнаго христіанина. По поводу новѣйшихъ воззрѣній на эту книгу* (Труды Кіевской Духовной Академіи, 1902, мартъ, стр. 383 — 421). — Въ статьѣ, представляющей популярное чтеніе, предложенное въ собраніи Кіевского религіозно-просвѣтительнаго общества, имѣются и историческія свѣдѣнія о богослужбной книгѣ «Требникъ».

М. Холмогоровъ, *Ученіе святаго Іоанна Дамаскина объ иконопочитаніи* (Православный Собесѣдникъ, 1902, февраль, приложение, стр. 1 — 18). — Излагается ученіе св. Іоанна Дамаскина объ иконопочитаніи, на основаніи трехъ его «словъ» объ этомъ предметѣ, при чемъ авторъ цитируетъ творенія святаго отца по русскому ихъ переводу (Спб. 1893).

М. Попруженко, *Очерки по исторіи возрожденія болгарскаго народа* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1902, ноябрь, стр. 1 — 34). — Разумѣется вырожденіе новѣйшее, въ XVIII—XIX вѣкахъ, выразившееся и въ просвѣтительномъ движеніи. Авторъ пока ведетъ рѣчь о переводахъ Новаго Завѣта на болгарскій языкъ и ихъ изданіяхъ и о первоначальныхъ школьныхъ руководствахъ у болгаръ этого времени.

Л. Мсеріанцъ, *Армянскіе источники о смутномъ времени* (тамъ же, стр. 35 — 45). — Въ статьѣ помѣщены, въ русскомъ переводѣ, извѣстія о смутномъ времени русской исторіи, извлеченныя изъ сочиненія на армянскомъ языкѣ Августина Баджеци, проѣзжавшаго чрезъ Московію въ 1609 году, и изъ армянской «Лѣтописи Каменца», т. е. Каменецъ-Подольска, а къ каждому изъ этихъ источниковъ предложены prolegomena о происхожденіи источниковъ.

Д. Введенскій, *Эней Газскій и его сочиненіе «Теофрастъ или о безсмертіи души и воскресеніи»*. Историко-догматическій этюдъ (Православный Собесѣдникъ, 1902, апрѣль, приложение, стр. 1 — 18). — Эней Газскій жилъ въ V вѣкѣ, сначала принадлежалъ къ школѣ неоплатониковъ, а потомъ сдѣлался христіанскимъ философомъ. Его сочиненіе «Теофрастъ» имѣетъ глубокій богословскій интересъ. Въ немъ, вмѣстѣ съ основательнымъ раскрытіемъ догматовъ безсмертія души человѣческой и будущаго воскресенія, излагаются мнѣнія по этимъ вопросамъ древнихъ философовъ и разбирается весьма распространенная въ древнее время теорія душепереселенія. Въ связи съ догматомъ безсмертія души и воскресенія тѣлъ въ сочиненіи излагается христіанское ученіе о происхожденіи міра видимаго и невидимаго, промышленности о немъ Творца, съ опроверженіемъ нѣ-

которыхъ языческихъ и философскихъ мнѣній по этимъ вопросамъ. Произведение Энея имѣетъ форму діалога. Бесѣду ведутъ афинскій мудрецъ Теофрастъ, представитель Платоновой философіи, христіанскій философъ — сиріянинъ Аксиоесъ и александріецъ Египтъ. Для раскрытія своихъ мыслей Эней, вмѣстѣ съ діалектической аргументаціей, пользуется сравненіями, аллегоріями, изреченіями древнихъ философовъ и преданіями. «Теофрастъ» раздѣляется на двѣ части: въ первой, по преимуществу полемическаго характера, разбирается теорія предсуществованія и переселенія душъ, которая исключаетъ христіанскій догматъ воскресенія тѣла, а во второй, положительной части, излагается христіанское ученіе о происхожденіи міра и души человѣческой, ея безсмертіи и будущемъ воскресеніи. Въ статьѣ г. Введенскаго обстоятельно и излагается содержаніе «Теофраста».

Іеромонахъ Михайлъ, *Двѣ системы отношеній государства къ церкви. Римское и византійско-славянское пониманіе принципа отношеній церкви къ государству.* (Православный Собесѣдникъ, 1902, іюль — августъ, стр. 26—46). — Авторъ характеризуетъ двѣ системы отношенія государства къ церкви, какія знаетъ Византія, именно римскую и византійско-славянскую. Исторія Византіи, пишетъ авторъ, всегда представлялась, какъ борьба римскаго духа съ еллино-славянскимъ, Юстиніановскаго пониманія принципа церкви съ византійскимъ. Систему отношенія церкви къ государству по законодательству Юстиніана обыкновенно характеризуютъ въ такихъ чертахъ. Юстиніанъ ввелъ церковь въ союзъ съ государствомъ. Государство, по его мнѣнію, должно принять церковный законъ, какъ свой законъ, сдѣлаться христіанскимъ, поставить своей задачей реализовать и воплотить ученіе христіанства, которое и должно быть основой государства. Юстиніанъ возвелъ епископовъ на небывалую высоту, далъ строгій характеръ неприкосновенности церковной собственности и т. д. По мнѣнію автора, въ этой характеристикѣ не сказано самое существенное. Юстиніанъ принялъ церковь въ союзъ съ государствомъ, но вѣдь союзъ не есть единеніе. Союзъ возможенъ между двумя учрежденіями, но церковь не учрежденіе, и союзъ или конкордатъ церкви и государства есть католическая презестъ. Притомъ, Юстиніанъ призналъ равноправное положеніе двухъ властей, духовной и свѣтской, *въ государствѣ*. Въ этомъ и заключается все зло юстиніановской системы Юстиніанъ не могъ понять сущности основнаго принципа церкви, не могъ оцѣнить превосходства «правды» церковной предъ «справедливостью» (justitia) государства и, всецѣло преклоняясь предъ civitas и res publica, подошелъ къ церкви съ мѣркой совершенно неподходящей. Ему казались совершенными тѣ формы организаціи, какія онъ увидѣлъ въ государствахъ, — твердыя, принудительныя, карающія за невниманіе къ нимъ. Организація церкви, чуждая принудительности, съ его точки зрѣнія была слабостью, недостаткомъ. Не понявши силы церкви, Юстиніанъ захотѣлъ укрѣпить ее посредствомъ преобразования по образцу государства, захотѣлъ сдѣлать ее правовымъ учрежденіемъ. Способъ къ этому —

ввести церковь въ государство, какъ часть его. Становясь частью государства, церковь получаетъ въ своемъ устройствѣ ту устойчивость и твердость своихъ велѣній, какая и требовалась. Введеніе церкви въ составъ государства вызывалось, по мнѣнію Юстиніана, и самимъ понятіемъ о государствѣ. Государство — общее, церковь — часть. Выполняя только частную жизнь, она и является только частью государства, руководится государствомъ; ея жизненный порядокъ поглощается общимъ жизненнымъ строемъ. А этотъ послѣдній регулируется властью императорской, которая осуществляетъ и порядокъ церкви. Отсюда церковь получаетъ отъ государства и средства, чрезъ которыя она должна дѣйствовать, въ формѣ гражданскаго законодательства. Цѣли церкви, конечно, весьма высоки, но государство, сдѣлавшееся христіанскимъ, можетъ принять эти цѣли для себя, совмѣстить съ своими, дать дѣйствительныя средства къ осуществленію этихъ цѣлей. Такое пониманіе создало догматъ, выраженный въ новеллахъ VII и СХХХІІІ. Церковь и государство не отличаются другъ отъ друга существенно. Церковь также не можетъ существовать безъ государства, какъ и государство безъ церкви. Оба божественнаго происхожденія — они равно цѣнны и равно необходимы не только въ порядкѣ здѣшняго міра, но и съ точки зрѣнія вѣчности. Но въ такой постановкѣ дѣла скрыта колоссальная ошибка. Государство, отчасти понявши и принявши церковный принципъ, усвоивши частицу христіанства, признало свое пониманіе полнымъ и совершеннымъ, рѣшило, что оно, государство, приняло христіанство во всемъ составѣ и такъ, какъ оно хранится церковью, и, принявши ея законъ въ свои своды, ея іерархію въ ряды своихъ магистратовъ, можетъ стать на мѣсто церкви. Однако, въ дѣйствительности этого не было. Юстиніановское государство было далеко отъ того, чтобы перевоплотиться въ церковь. Отсюда регламентація Юстиніана въ области церковной жизни шла въ разрѣзъ съ основнымъ принципомъ церкви. Его вѣроисповѣдныя указы издавались далеко не въ интересахъ только государственныхъ, а пѣз ложнаго сознанія императоромъ своего права и обязанности руководить въ религіозномъ отношеніи даже епископовъ. Юстиніанъ вѣрилъ, что мудростью и религіей онъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, что католическая вѣра стояла только въ немъ и даже для него и что онъ владѣетъ правомъ разъяснять вѣру, предлагать это объясненіе какъ догматъ, истолкованный святой властью императора. Новая система должна была вызвать большія осложненія и въ области каноники. Она задерживала движеніе канона, грозила ему порчей и нарушала его церковную природу. Система Юстиніана, если бы была проведена послѣдовательно, привела бы къ слѣдующему. Церковь обратилась бы въ одно изъ правительственныхъ вѣдомствъ, церковное право опять заняло бы въ государственномъ правѣ свой скромный уголокъ, какъ *jus sacrum*, императоръ занялъ бы мѣсто *pontifex*’а, епископы стали бы понтификальной коллегіей, т. е. магистратомъ, и вообще церковь оказалась бы на службѣ го-

сударства. Однако этого не случилось и не могло случиться. Юстиниановская система была анахронизмомъ. Юстиніанъ въ данномъ случаѣ былъ рабомъ давно отжившей буквы. Онъ пытался вызвать къ жизни истинную Гая во всѣхъ частяхъ, между прочимъ и въ теоріи отношеній церкви къ государству. Онъ собственно думалъ воскресить только формулу, однако вмѣстѣ съ формулой воскресъ и духъ. Регламентируя языкомъ Гая положеніе церковныхъ имуществъ, суда и т. д., Юстиніанъ вносилъ и старыя правовыя понятія и, незамѣтно подчиняясь буквѣ, создалъ свою систему. Но эта система была осуждена временемъ и, по смерти виновника, уступила мѣсто другой, противоположной. Преемники Юстиніана поняли, что кесарево должно преклоняться предъ Божиимъ. И вотъ, на мѣсто его системы встала новая, которую авторъ называетъ системой оперквленнаго государства.

Съ точки зрѣнія законодательныхъ памятниковъ VIII—XV вѣковъ самое опредѣленіе государства совершенно не похоже на то, какое даетъ Гай и Юстиніанъ. По новому воззрѣнію, государство входитъ въ истину своего понятія, по жѣрѣ отреченія отъ чисто формальнаго начала права въ сторону тѣхъ принциповъ, носительницей которыхъ въ ихъ полнотѣ является церковь. Превосходную формулу новаго взгляда можно находить у выученика Византіи царя Ивана IV Грознаго. «Земля правится, пишетъ русскій царь, Божиимъ милосердіемъ и Пречистымъ Богородицы милостію и всѣхъ святыхъ молитвами и родителей нашихъ благословеніемъ—и послѣдними государями своими, а не судьями и воеводами и еже ипаты и стратиги». Но такая же формула часто встрѣчается и въ византійскихъ источникахъ. Такъ, Георгій Писидійскій описываетъ персидскую экспедицію Ираклія, *ὁς εὐχρατοῦσα σὺν θεῷ μοναρχία*. Такова монархія теократическая. Царь дѣйствуетъ и долженъ дѣйствовать только подъ Божиимъ вдохновеніемъ. «Законъ и воля Божія, пишетъ Георгій, должны управлять царствомъ. Вѣдь что такое царь? — Не есть ли онъ только намѣстникъ Божій, оруженосецъ и второй послѣ Бога вожь народа (*ὑποστρατήγος*)»? Царь, по Георгію, получилъ свою власть по полномочію отъ Бога, а рядомъ съ царемъ патріархъ. Эти слова достаточно рѣшаютъ вопросъ о сущности византійскихъ монархій и о канонѣ въ его отношеніи къ закону. Въ государствѣ, управляемомъ *σὺν θεῷ*, гдѣ императоръ делегатъ Божій, государственныя принципы не могутъ стоять надъ церковнымъ, церковь должна быть впереди государства, а слѣдовательно и канонъ впереди закона. Государство обязано относиться къ канону, какъ выраженію высшей воли, и Византія, дѣйствительно, была оперквленнымъ государствомъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ факты изъ исторіи византійской культуры и права. Такъ, для скрѣпленія договора гражданскаго характера призывается Богоматерь, Покровительница правыхъ, на стр. 27 втораго тома *Acta Patriarch. Const.* Миклошича и Мюллера помѣщенъ синодальный актъ, утверждающій политическое соглашеніе между Іоанномъ Палеологомъ и Кантакузиномъ, Алексѣй Комнинъ издалъ новеллу о бра-

кахъ рабовъ съ указаніемъ, что рабъ занимаетъ въ церкви мѣсто не ниже господина, въ Византіи существовало право церковнаго убѣжища, созданъ институтъ «вселенскихъ судей» — священниковъ и т. д. Такимъ образомъ, правовая жизнь Византіи была глубоко проникнута церковной идеей, которая была однимъ изъ основныхъ камней и культуры и міровоззрѣнія славянъ. Въ созданіи своеобразной церковно-государственной системы и заключается крупная историческая заслуга Византіи.

Отиѣченная статья іеромонаха Михаила представляетъ рѣчь, произнесенную предъ защитой диссертациі: «Законодательство римско-византійскихъ императоровъ о высшихъ правахъ и преимуществахъ церкви» (Казань 1901).

Петръ Сладкопѣвецъ, *Древнія сирійскія обители и прослаившіе изъ святые подвижники*. Выпуски 1 и 2. С.-Петербургъ. 1902. Стр. 222+160.— Въ книгахъ содержится популярное описаніе сирійскихъ монастырей и подвиговъ жившихъ въ нихъ аскетовъ. Сначала предложенъ общій очеркъ подвижничества въ Сиріи и Месопотаміи, а затѣмъ идетъ рѣчь о монастыряхъ по мѣсту ихъ основанія, въ такомъ порядкѣ: Финикія первая или Приморская (Синдскій монастырь), Финикія вторая или Ливанская (монастырь преподобнаго Маркалла, киновія Югитская), вторая Сирія (Апамейская киновія, Ницертскіе монастыри, обитель Силевковильская, подвижники въ Комагенѣ и Селевкидѣ), первая Сирія (монастыри въ окрестностяхъ Антиохіи, Аманскіе монастыри, киновія Маратонъ, Гнидорская лавра, Мандра и Дивная гора, подвижники антиохійскіе и верейскіе, монастыри Кормскій или Теледскій и Евсевова, подвижники талкидскаго округа), Евфрахская Сирія (монастыри и подвижники въ Іераполѣ, Зевгмѣ и Кяръ, киновія преподобнаго Публія).

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

А. П. Лебедевъ, Историческіе очерки состоянія византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка. Изданіе второе. Москва. 1902. Рецензіи въ Церковномъ Вѣстникѣ, 1902, № 30, стр. 942; въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1902, іюль, стр. 257—261. См. Виз. Врем. IX, стр. 216 сл.

А. П. Лебедевъ, Церковный чтецъ въ глубокой древности. Москва. 1901. Рецензіи: въ Церковномъ Вѣстникѣ, 1902, № 30, стр. 944—945.

Б. А. Тураевъ, Исслѣдованія въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эііопіи. С.-Петербургъ. 1902. Рецензія г. М. Т. въ Церковномъ Вѣстникѣ, 1902, № 34, стр. 1075—1076.

Г. А. Ильминскій, Грамота царя Іоанна Асѣня II. Отдѣльный оттискъ изъ «Извѣстій Русскаго Археологическаго Института» въ Константинополѣ. Софія. 1901. Рецензія г. Н. Ястребова въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1902, іюнь, стр. 401—405. См. выше стр. 552.

Werke des Patriarchen von Bulgarien Eutyminus (1375—1395), nach den besten Handschriften herausgegeben von Emil Kalužniacki. Wien. 1901.— Aus der panegyrischen Litteratur der Südslaven, von E. Kalužniacki. Wien.

1901. Рецензія **Х. М. Лопарева** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1902, іюль, стр. 187—200.

Н. П. Кондаковъ, Памятники христіанскаго искусства на Афонѣ. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. С.-Петербургъ. 1902. Рецензія г. **Е. Рѣдина** тамъ же, стр. 216—229.

Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, изданные подъ редакціей **В. К. Трутовскаго**. Томъ XIX. Москва. 1901—1902. Рецензія г. **Л. М.** въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1902, іюль, стр. 280—282.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ XIX, Тифлисъ. 1901. Рецензія г. В. Р. въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1902, сентябрь, стр. 997—999.

Н. Суворовъ, Византійскій папа. Изъ исторіи церковно-государственныхъ отношеній въ Византіи. Москва. 1902. Рецензія **А. А. Васильева** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1902, сентябрь, стр. 220—227.

А. С. Павловъ, Курсъ церковнаго права. Посмертное изданіе подъ редакціей **И. М. Громогласова. Сергіевъ Посадъ. 1902. Рецензія въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1902, ноябрь, стр. 740—743.**

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Томъ VII. Выпуски 1—3. Софія. 1902. Рецензія тамъ же, стр. 748—750. См. выше стр. 550 сл.

Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи. Выпуски 1 и 2 съ прибавленіями. С.-Петербургъ. 1901—1902. Рецензія г. В. Рудакова въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1902, ноябрь, стр. 754—756.

С. А. Терновскій, Очерки изъ церковно-исторической географіи. Области восточныхъ патріарховъ православной церкви до IX вѣка. Казань. 1899. Рецензія профессора **П. А. Юнгера** въ Православномъ Собесѣдникѣ, 1902, сентябрь, приложеніе четвертое, стр. 1—4.

А. И. Алмазовъ, Тайная исповѣдь православной восточной церкви. Опытъ внѣшней исторіи. Томъ I. Общій уставъ совершенія исповѣди. Томъ II. Спеціальныя уставы, отдѣльныя молитвословія и церковно-гражданскія постановленія, относящіяся къ исповѣди. Томъ III. Приложенія. Одесса. 1894. Рецензія профессора **Н. Заозерскаго** въ Христіанскомъ Читеніи, 1902, февраль, стр. 293—306. См. Виз. Врем. IV (1897), стр. 256, 674 сл., 692.

А. А. Дмитріевскій, Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ православнаго востока. Томъ II. Εὐχολόγια. Кіевъ. 1901. Рецензія въ Христіанскомъ Читеніи, 1902, ноябрь, стр. 747—752. См. Виз. Врем. VIII (1901), стр. 592 сл.

Fr. Westberg, Die Fragmente des Toparcha Gothicus aus dem X Jahrhundert. St.-Petersburg. 1901. Рецензія проф. **Ю. Нулаковского** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1902, апрѣль, стр. 449—459.

Fr. Harrison, Byzantine history in the early middle ages (The rede lecture

delivered in the Senate House, Cambridge). London. 1900. Рецензія проф. А. Спасскаго въ Богословскомъ Вѣстникѣ, 1900, апрѣль, стр. 808—836. См. Виз. Врем. VIII (1901), стр. 264 сл.

Н. Соколовъ.

ГЕРМАНІЯ.

„Byzantinische Zeitschrift“ herausgeg. von K. Krumbacher, Band XI, Heft 3—4.

Въ первомъ отдѣлѣ (стр. 303—523) помѣщены слѣдующія статьи на нѣмецкомъ языкѣ:

K. Zimmert, *Der Friede zu Adrianopel* (Februar 1190), стр. 303—320).— Ставится вопросъ: въ какой мѣрѣ отвѣчаютъ подлинному тексту договора императора Фридриха I и Исаака Ангела три имѣющіяся изложенья его: Ансберта (A), Hist. Peregrinorum (HP) и письма Bruxell. II 1403 (ер. Н). А даетъ текстъ почти буквально («et quod» въ началѣ статей; будущее время во всѣхъ пунктахъ договора, кромѣ трехъ, выполненныхъ до его ратификаціи 14 февр. 1190 г.). Во второй статьѣ по А Исаакъ ставитъ Фридриху всего 235 судовъ (70 *usseria*, 150 *naves*, 15 *galaeae*) для переправы войскъ въ Азію и ихъ защиты; по ер. Н, подтверждаемой косвенно другими источниками, онъ обязался дать 700, но далъ отъ себя еще 300. Здѣсь повидимому въ Петровскомъ спискѣ А, которымъ пользовались издатели, или выпала цифра или слово пятьсотъ — число судовъ, назначенныхъ собственно для войскъ, а 235 назначалось для лошадей; или вѣсто *septuaginta* (*usseria*) надо читать *septingenta* (по Никитѣ Акоминату поставлены были преимущественно грузовыя суда). Ер. Н. сообщаетъ еще о 100 судахъ, которые должны были по желанію Фридриха идти въ Сицилію; но это не пунктъ договора, а скорѣе желаніе Исаака и слухъ, ходившій въ византійскомъ обществѣ. 6-й пунктъ, о заложникахъ Исаака, сообщается всѣми тремя версіями съ нѣкоторыми разногласіями о числѣ и состояніи ихъ, которыя объясняются тѣмъ, что ер. Н. даетъ первоначальныя требованія Фридриха, а А и HP — окончательное соглашеніе. Подобнымъ образомъ и пункты 9 и 10 (о курсѣ денегъ и фиксаціи рыночныхъ цѣнъ для крестоносныхъ войскъ) передаются въ ер. Н. въ первоначальномъ, въ А въ окончательномъ видѣ. Въ заключеніе дается обзоръ всего хода дѣлъ по договору отъ декабря 1189 до 1 марта 1190 года.

E. Gerland, *Noch einmal der litterarische Nachlass Carl Hopfs* (стр. 321—332). — Здѣсь дается ключъ, какъ пользоваться регестами Гопфа въ томъ ихъ новомъ распорядкѣ, въ которомъ онѣ сданы авторомъ статьи въ берлинскую королевскую бібліотеку, т. е. описъ регестъ по ящикамъ и футлярамъ, съ указаніемъ числа №№, источниковъ, откуда что взято Гопфомъ, и хронологическаго періода для каждой отдѣльной партіи регестъ.

S. Haidacher, *Neun Ethika des Evangelienkommentars von Th. Meliteniotes und deren Quellen* (стр. 370—387). — Θεόδωρ Μελιτινιώτης (XIV в.) составил «согласие» и толкование на четвероевангелие в 9 книгах, каждая по 9 бесѣдъ (διαλέξεις); изъ нихъ уцѣлѣла и издана только четвертая (Mai, *Nova bibl. Patrum* 6 и Migne, PG. 149). Издатели, очень высоко цѣнящіе трудъ Θεοδора, не замѣтили, что необыкновенныя достоинства текста зависятъ отъ того, что онъ скомпилированъ изъ Златоуста (1—7 и 9 бесѣды) и отчасти Григорія Нисскаго, Кирилла Александрійскаго и Іоанна Дамаскина (8). Въ самомъ подборѣ матеріала для компиляціи авторъ зависитъ отъ эклога Θεοδора Дафнопата. Оба положенія подтверждены подробной таблицей, гдѣ по страницамъ изданія Миня указаны заимствованія Μελιτινιώτα у Златоуста и Дафнопата.

L. Sternbach, *Eugenios von Palermo* (стр. 406—451). — Дается каталогъ и текстъ стихотвореній Евгенія Палермскаго (alias философа, родственника эмира Василія). Стихотвореній всего 24, очень разнообразнаго содержанія и длины; они содержатъ вмѣстѣ 1376 стиховъ и даютъ интересныя данныя о личности автора и о состояніи греческой культуры въ Сициліи эпохи норманнскаго владычества (Евгеній жилъ въ XII—XIII в.).

L. H. Gray, *Zu den byzantinischen Angaben über den altiranischen Kalender* (стр. 468—472). — Два византійскихъ источника объ авестійскомъ календарѣ почти забыты: это 1) Исаакъ, см. Кристманново изданіе ал-Фаргани 1590 г., стр. 218 и 2) анонимъ Скалигера *Canones isagogicae* и Denis Petavius *de doctrina temporum*, Antwerpen 1703. Первый тѣсно родственъ съ Θεοδοромъ Μελιτινιώтомъ, и писалъ почти въ одно время съ нимъ; второй заслуживаетъ внимательнаго изученія, такъ какъ одинъ изъ всѣхъ византійцевъ даетъ прямыя уравненія нѣсколькихъ персидскихъ датъ съ византійскими.

J. Strzygowski, *Die Ruine von Philippi* (стр. 473—490). — Македонскіе памятники искусства, не исключая даже Солуни, обыкновенно обходятся при разборѣ вопроса о происхожденіи христіанскаго искусства адріатическаго поморья. С. находитъ въ этомъ существенный пробѣлъ, и въ доказательство даетъ подробное описаніе руинъ въ Филиппахъ, на основаніи собственныхъ наблюденій и снимковъ, сличенныхъ имъ затѣмъ съ публикаціей Heuzey и Daumet, *Mission archéologique de Macédoine*, Paris 1876. Изложеніе иллюстрировано тремя фототипическими таблицами по снимкамъ Зенджи, Штука, Heuzey и автора. Heuzey считалъ эти руины термами или дворцомъ; Стржиговскій доказываетъ, что это церковь.

K. Dieterich, *Nachtrag zu den lateinisch-romanischen Lehnwörtern im Neugriechischen* (стр. 500—504). — Сообщаются результаты анкета относительно 10 словъ, происхожденія которыхъ автору не удалось опредѣлить: изъ нихъ три: κολαούζος, μαχυνάνο и σχιμουνάνο — турецкія. Предложенныя объясненія прочихъ принадлежатъ Вейганду, Тумбу, Мейеру-Любке и Барту. Два: βεβα и βοουσοῦδιζω остались безъ объясненія. Затѣмъ дается рядъ техническихъ выраженій языка моряковъ, съ объясненіемъ

ихъ происхожденія, въ дополненіе къ Pernot (Vollmöllers Romanische Jahresberichte 1899, I, 353 слѣд.).

P. Maas, *Rhythmisches zu der Kunstprosa des Konstantinos Manasses* (стр. 505—512).—Устанавливаются слѣдующіе законы для художественной прозы у Манасси: 1) въ концѣ составляющаго цѣлое комплекса частей предложенія (Satzglied, точное опредѣленіе авторъ пока отказывается дать) между двумя послѣдними удареніями должно быть четное число безударныхъ слоговъ, 2) внутри такихъ комплексовъ стеченіе удареній избѣгается, 3) въ концѣ фразы удареніе охотно ставится на третьемъ съ конца, неохотно на предпослѣднемъ слогѣ, 4) параллельныя фразы и части фразъ охотно строятся по принципу *ισοτονία ισοσυλλαβία*.

K. Krumbacher, *Zur Bedeutungsgeschichte des Wortes τραγῳδία* (стр. 523).—Τραγῳδία въ смыслѣ *пѣть*, обыкновенъ въ новогреческомъ, встрѣчается уже въ сирской богослужебной формулѣ: миръ св. Духа, *τραγῳδα* воспѣвавшаго псалмы, и всехвальнаго параклита (E. Nestle, *Der hlg. Geist als Tragöde*, Ztschr. f. neutest. Wiss. III, 87).

Второй отдѣлъ (стр. 524—572) состоитъ изъ рецензій на слѣдующія книги:

H. Hagenmeyer, *Epistulae et chartae historiam primi belli sacri spectantes, quae supersunt aeo aequales ae genuinae. Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088—1100.*—Рец. R. Röhricht (стр. 524). Ср. рец. G. Sch., *Historisches Jahrbuch* 1902, 202 слѣд.; B., *Allgem. Literaturblatt* 1902, № 10, ст. 299.

F. Chalandon, *Essai sur le règne d'Alexis 1-er Comnène.*—Рец. Ch. Diehl (стр. 524—526).

Ch. Diehl, *Justinien et la civilisation byzantine au VI-me siècle.*—Рец. H. Gelzer (стр. 526—531).

Ἀδαμαντίου Ν. Διαμαντοπούλου [καθηγητοῦ], *Μάρκος ὁ Εὐγενικός καὶ ἡ ἐν Φλωρεντίᾳ σύνοδος.*—Рец. H. Gelzer (стр. 531—533).

K. Praechter, *Hierokles der Stoiker.*—Рец. Th. Wehofer (†) (стр. 533—535).

Aëtii sermo sextidecimus (sic) et ultimus. Erstens aus Handschriften veröffentlicht von Skevos Zervos. —Рец. Helmreich (стр. 535—538).

Б. Мелиоранскій, *Георгій Кипряникъ и Иоаннъ Иерусалимлянинъ.*—Рец. E. Kurtz (стр. 538—543).

Aug. Heisenberg, *Analecta. Mitteilungen aus italienischen Handschriften byzantinischer Chronographen.*—Рец. W. Crönert (стр. 543—547).

Incerti scriptoris byzantini saeculi X liber de re militari, rec. R. Vári.—Рец. Юліанъ Нулаковскій (стр. 547—558).

Franz Kampers, *Alexander der Grosse und die Idee des Weltimperiums in Prophetie und Sage.*—Рец. A. Ausfeld (стр. 558—561).

E. Bratke, *Das sogenannte Religionsgespräch am Hof der Sassaniden.*—Рец. W. Kroll (стр. 561—562).

Josef Strzygowski, *Orient oder Rom.*—Рец. J. Paul Richter (стр. 562—564). См. также рец. Beissel, *Theologische Revue* 1902, № 2, ст. 49—51.

Robert Weir Schultz and Sidney Howard Barnsley, *The monastery of Saint Luke of Stiris in Phocis, and the dependent monastery of Saint Nicolas in the fields, near Skripou in Boeotia*. — Рец. J. Strzygowski (стр. 564—565).

Der Psalter Erzbischofs Egberts von Trier. Untersuchung von Heinrich Volbert Sauerland u. Arthur Haseloff. — Рец. J. Strzygowski (стр. 565—568).

G. T. Rivofra, *Le origine della architettura lombarda e delle sue principali derivazioni nei paesi d'oltr'alpe*. — Рец. J. Strzygowski (стр. 568—570).

Cornelius Gurlitt, *Geschichte der Kunst*. (In zwei Bänden). — Рец. J. Strzygowski (стр. 570—572).

Изъ третьяго отдѣла (стр. 573—694) заимствуемъ указанія редакціи на слѣдующія новости германской научной литературы по византиновѣдѣнію:

ПО ЛИТЕРАТУРѢ И ФОЛЬКЛОРУ:

B. Rappaport, *Hat Zosimus I, c. 1—46, die Chronik des Dexippus benutzt?* Beiträge zur alten Geschichte 1 (1902), стр. 427—442. — Авторъ, въ противность Мендельсону, Бёме и Ваксмуту, отвѣчаетъ на поставленный вопросъ положительно.

Felix Dahn, *Ein falscher Brief Justinians an Narses*. Beilage zur (Münchener) Allgemeinen Zeitung 12. April 1902 (№ 84). — Доказывается, что письмо Cujacius, Observationes lib. X c. 12 — испанскій подлогъ XIV или XV вѣка.

C. de Boor, *Zweiter Bericht über eine Studienreise nach Italien zum Zwecke handschriftlicher Studien über byzantinische Chronisten*. Sitzungsber. d. Kgl. preuss. Akad. d. Wiss. 1902, IX, стр. 1—19. — Изученіе итальянскихъ рукописей константиновскихъ эксцерптовъ убѣдило м. пр. автора, что для текста эксцерптовъ *De legationibus gentium* цѣненъ только Ambros. N 135 sup.

Konst. Horna, *Einige unedierte Stücke des Manasses und Italikos*. Jahresbericht des k. k. Sophiengymnasiums in Wien 1901/2. Wien 1902. 26 стр. 8°. — Изданы 1) монодія Манасси на смерть его щегленка; 2) монодія Италика на смерть его куропатки и 3) Италика ἡδοποιᾶ: что сказалъ бы первоученикъ Стефанъ, еслибы его продали венеціанцамъ и пр. При установкѣ текста издателю оказалъ содѣйствіе E. Kurtz. Въ историко-литературномъ изслѣдованіи указывается на желательность изданія всѣхъ мелкихъ писаній Манасси и на важность для такого изданія Marc. Arrend. XI, 22. Интересны замѣчанія автора о Михаилѣ Италикѣ и о связѣ литературной дѣятельности Манасси съ пристрастіемъ императора Мануила Комнина къ охотѣ.

L. Sternbach, *Analecta Manassea*. Eos (1902), стр. 180—194. — Изданы по Urbinas. gr. 134, XV вѣка, Ἐκφρασις ἀλώσεως σπινῶν καὶ ἀκρωθῶν и Монодія на нѣкоего юношу, по догадкѣ автора Маріана Маврокатака-

лона, мужа сестры того кесаря Никифора Вриенния, за которымъ была замужемъ Анна Комнина.

Karl Dieterich, *Die Volksdichtung der Balkanländer in ihren gemeinsamen Elementen*. Zeitschrift des Vereins für Volkskunde in Berlin 1902, стр. 145—155. — Въ поэзіи всѣхъ балканскихъ народностей возвращаются 4 сюжета, коренящіеся отчасти въ византийской народной поэзіи: легенда о мертвомъ братѣ (женитѣ), о построеніи Артскаго моста, о Геро и Леандрѣ и о Дигенисѣ Акритѣ.

R. Wünsch, *Eine antike Rachepuppe*. Philologus 61 (1902), 26—31. — Въ софроніевомъ житіи Кира и Іоанна (Migne PG. 87) рассказывается, какъ на одного благочестиваго мужа наведенъ былъ параличъ при помощи бронзовой куклы. В. сопоставляетъ съ этимъ рассказомъ свинцовую куклку, найденную въ одной аттической гробницѣ дохристианской эпохи.

R. Wünsch, *Das Frühlingsfest der Insel Malta*. Leipzig, Teubner, 1902. 2+70 стр. 8°. — В. разбираетъ вопросъ о происхожденіи мальтійскаго праздника св. Іоанна Крестителя, на основаніи описанія его, сдѣланнаго въ 1591 году однимъ военнопленнымъ арабомъ (Brockelmann въ Ztschr. der Morgenl. Gesellsch. 1901). По мнѣнію В., этотъ праздникъ есть христианизованный языческій весенній праздникъ Адониса.

ПО БИБЛИОЛОГИИ И ИСТОРИИ НАУКИ:

Caspar René Gregory. *Textkritik des Neuen Testaments*. II Band. Die Übersetzungen. — Die Schriftsteller. — Geschichte der Kritik. Leipzig, Hinrichs 1902. VII—X, 479—993 стр. 8°. — Для византиниста интересны стр. 733 слѣд. (о славянскихъ переводахъ), 764 слѣд., 770 слѣд., 824 слѣд. (о греческихъ писателяхъ, какъ свидѣтеляхъ о священныхъ текстахъ), 861 слѣд. (о евсевіанскихъ канонахъ) и 872 слѣд. (о «Евевліи»). — Ср. рецензію E. Nestle, Litterarisches Centralblatt 1902, № 22, ст. 713—716.

E. Ziebarth, *Cyriacus von Ancona als Begründer der Inschriftenforschung*. Neue Jahrb. für das klassische Altertum 9 (1902), стр. 214—226. — О путешествіяхъ Киріака: въ 1418 г., 1425—31 г. и главнымъ 1443—1447 г. (изъ Константинополя на острова и берега М. Азіи). Кромѣ данныхъ о эпиграфическихъ занятіяхъ знаменитаго путешественника, его дневники и письма содержатъ много свѣдѣній о византийскомъ дворѣ и имперіи и франкскихъ княжествахъ XV вѣка.

ПО ЯЗЫКУ, МЕТРИКѢ И МУЗЫКѢ:

A. Thumb, *Die sprachgeschichtliche Stellung des Biblischen Griechisch*. Theol. Rundschau 5 (1902), 85—100. — Изложеніе вопроса о греческомъ языкѣ Вибліи, рассчитанное на болѣе широкій кругъ читателей—филологовъ и педагоговъ, съ защитой авторомъ своего взгляда на происхожденіе Κοινή противъ Кречмера.

Harold Steinacker, *Die römische Kirche und die griechischen Sprachkenntnisse des Frühmittelalters*. Festschrift für Th. Gomperz. Wien, Holder 1902,

стр. 324—341. — Въ V и VI столѣтіяхъ на западѣ и даже въ Римѣ знаніе греческаго языка почти исчезло; въ VII и VIII оно опять нѣсколько поднялось, благодаря наводнившимъ Италію изгнаннымъ изъ Византіи монахамъ. Знаніе латинскаго языка въ Византіи было живучѣе, но въ IX вѣкѣ всетаки оно почти совершенно исчезло. Это взаимное отчужденіе на почвѣ языка играло свою роль въ раздѣленіи церковей: придти къ соглашенію было тѣмъ труднѣе, что въ IX—XI вѣкѣ греки и латиняне *буквально* не понимали другъ друга.

Guilelmus Schulze, *Graeca Latina*. Göttingen, Dieterich 1901, 25 стр. 8°. — Объ образованіи собственныхъ именъ въ обоихъ языкахъ, начиная съ IV вѣка; о дательномъ длительности (παρέμεινεν 25 ἔτεσιν ср. vixit quadraginta annis); о двойномъ родительномъ (πρὸ μικροῦ τοῦ ἁγίου διαστήματος) и т. п.; о нѣкоторыхъ опущенныхъ у Г. Мейера заимствованныхъ греческихъ словахъ въ латинскомъ языкѣ и примѣрахъ паралельнаго въ латинскомъ и греческомъ перехода значенія.

Alb. Thumb, *Die germanischen Elemente des Neugriechischen*. Germanistische Abhandlungen H. Paul dargebracht. Strassburg, Trübner, 1902, стр. 225—258. — Почти всѣ обработанныя авторомъ германскія слова перешли въ средній и новый греческій языкъ при посредствѣ другихъ языковъ, особенно итальянскаго.

W. Meyer aus Speyer, *Fragmenta Burana*. Berlin, Weidmann 1901. 190 стр. 4°, съ 15 табл. — Въ этомъ изданіи и изслѣдованіи отчасти новооткрытыхъ авторомъ листовъ Carmina Burana византиниста должна заинтересовать 1) новая обосновка авторомъ своей теоріи семитическаго происхожденія ритмической поэзіи; проновѣди Ефрема Сирина въ греч. переводѣ носятъ строфическую форму, хотя чисто силлабическаго характера и 2) его разсужденія о ритмическихъ «концахъ» въ греческой прозѣ.

По богословію:

Otto Bardenhewer, *Geschichte der altchristlichen Litteratur*. I. Band. Freiburg i. Br., Herder 1902. XII+592 стр. 8°. — Авторъ лучшаго компендіума по патристикѣ предпринялъ «Исторію древнехристианской литературы», рассчитанную на 6 томовъ. Первый томъ даетъ исторію патристики до нашихъ временъ, анализъ понятій: отецъ церкви, церковный писатель, учитель церкви, данныя о изданіяхъ, переводахъ и лексикографическихъ пособияхъ къ святоотеческимъ сочиненіямъ, и исторію литературы до конца II-го вѣка по Р. Х. Для византиниста интересны особенно §§ 30—84 — о новозавѣтныхъ апокрифахъ. Рецензін: Gerhard Rauschen въ *Litterarische Beilage der Kölnischen Volkszeitung* 1902, № 12 стр. 85 слѣд.; Funk, *Theologische Revue* 1902, № 8, стр. 180—182; Harmsack, *Theol. Litteraturz.* 1902, № 8, ст. 257—289; Lauchert, *Historisch-politische Blätter* 1902, стр. 679—686 и пр.

K. J. Neumann, *Hippolytos von Rom in seiner Stellung zu Staat und Welt*.

1 Abt. Leipzig, Veit 1902, стр. 1—144. 8°. — См. пока рец. A. Harnack, Theol. Litztg. 1902, № 1, ст. 18 слѣд.

Eusebius' Werke I Band. Über das Leben Constantins, Constantins Rede an die heilige Versammlung, Tricennatsrede an Constantin. Herausgeg. von War A. Heikel. Leipzig, Hinrichs 1902. CVIII+356 стр. 8°. (7-й томъ изданія греческихъ христіанскихъ писателей). — Въ рукописяхъ Евсевія рѣчь къ отцамъ никейскаго собора составляетъ пятую книгу жизни Константина. Лучшая рукопись—Vatic. 149. XI вѣка, доселѣ не была вовсе использована; но всетаки архетипъ (b) этой и другихъ полныхъ рукописей «Жизни» былъ хуже, чѣмъ архетипъ (a) 3 рукописей, содержащихъ только эдиктъ («Жизни» II 24—42), такъ какъ b давалъ уже не первоначальный текстъ; этотъ пересмотръ текста произошелъ однако уже въ IV вѣкѣ, такъ какъ Сократъ и Θεодоритъ имѣютъ уже текстъ близкій къ b, а не къ a. «Жизнь» есть похвальное слово, соблюдающее довольно точно правила ритора Менаандра для βασιλικός λόγος; въ ней замѣтно знакомство съ Тацитомъ (Агрикола и Анналы), пользованіе же Евменіемъ и Назаріемъ сомнительно. Приведенные письма и указы Константина не только не подложны, но даже не переведены и не переделаны въ отношеніи стиля. Императоръ рисуется здѣсь, какъ монотеистъ, незнакомый съ богословіемъ, откуда слѣдуетъ, что рѣчь къ никейскимъ отцамъ составлена не имъ; возникла она повидимому уже въ V вѣкѣ, а присоединена къ «Жизни» лишь послѣ Фотія. Такъ называемый τριακονταετηρίδος состоитъ изъ двухъ совершенно отдѣльныхъ произведеній (есть и рукописи, гдѣ они представлены порознь): главы 1—10 суть рѣчь въ похвалу 30-лѣтія правленія Константина, произнесенная въ Константинополѣ, во дворцѣ; дальнѣйшее написано въ Іерусалимѣ и составляетъ популярное извлеченіе изъ трактата о Логосѣ (Θεοφωνία). — Несомнѣнно, что изданіемъ Heikel'я прежнія изданія въ отношеніи къ тексту антиквированы, не исключая изданія Валуа (Парижъ 1659 и часто); его достоинство поднимаютъ еще 6 индексовъ. — Рецензін: P. Wendland, Berl. philol. Wochenschrift 1902, № 8, ст. 226—236; A. Jülicher, Theol. Litztg. 1902, № 6, ст. 167—170.

Eusebius' Kirchengeschichte. Buch VI u. VII aus dem Armenischen übersetzt von E. Preuschen. Leipzig, Hinrichs 1902. XXII, 110 стр. 8°. (Т. и У., N. F. VII 3). — Армянскій переводъ сдѣланъ съ сирскаго около 420 года, и потому замѣняетъ утраченные 6 и 7 книгу сирскаго перевода; этихъ опредѣляется его значеніе.

Unger, *Divus Alexander.* Rhein. Museum, Neue Folge 57 (1902), стр. 171—173. — Въ 26 бесѣдѣ Златоуста на 2 Коринѣ. идетъ рѣчь о апотеозѣ не Александра Великаго, какъ думалъ Монфоконъ, а Александра Севера. И такъ число dei consentes, достигшее въ 224 г. 20-ти, къ 235-му было сокращено до 12-ти (по Златоусту Александръ былъ 13-й).

A. I. Kleffner, *Synesius von Kyrene, der Philosoph und Dichter etc.* Paderborn, 1901. 87 стр. 8°. — Доказывается, что Синезій предъ избраніемъ въ

епископы Птолемаиды были не въ иномыслии съ церковью, а лишь не знали точно ея ученія; принять это ученіе и разстаться съ супругой его убѣдилъ Теофила александрійскій.

K. Krumbacher, *Romanos und Kyriakos*. München 1901. Sitzungsberichte der kgl. bayer. Akad., philos.-philol. u. historische Klasse 1901, Heft 5, стр. 693—766. — Авторъ даетъ новое, критическое, изданіе тѣсно родственныхъ гимновъ: Кириака на воскресеніе Лазаря и Романа на Иуду предателя; повидимому оба пѣснопѣвца обработали какой-то древнѣйшій прѣмъ; гимнъ Кириака какъ будто древнѣе, чѣмъ Романа. Отождествленіе Кириака съ отшельникомъ и канонархомъ монастыря Харитона (448—556), предложенное Петридисомъ, не несомнѣнно, хотя хронологически оно вполне возможно, при какомъ бы Анастасіи ни жилъ Романъ.

Diekamp, *Eine ungedruckte Abhandlung des hl. Johannes von Damascus gegen die Nestorianer*. Theologische Quartalschrift 83 (1901), 555—599. — «Слово о вѣрѣ противъ несторіанъ» св. Іоанна Дамаскина отыскалось въ рукописи Vatic. gr. 1672, XIII в. (очень хорошей). Въ ней же найденъ полный текстъ соч. de paschate, дополняющій изданіе Лекіена, сдѣланное по дефектному Vatic. 493 (Migne Pg. 94, 1437 B. ff.); авторомъ названъ Іоаннъ Филопонъ, какъ доказывалось уже Вальтеромъ на внутреннихъ основаніяхъ.

Joseph Sickenberger, *Die Lukaskatene des Niketas von Herakleia*, untersucht von J. S. Leipzig, Hinrichs 1902. VIII+118 стр. 8°. (Т. ц. U., N. F. VII 4). «Цѣпь» на ев. отъ Луки Никиты ираклійскаго заинтересовала автора, какъ главный источникъ отрывковъ Тита бострійскаго, которымъ онъ уже давно занимался. Никита (не уроженецъ Серръ, а родственникъ архіеп. Серрскаго), былъ кажется ризничимъ, діакономъ и дидакаломъ у св. Софіи въ концѣ XI вѣка, велъ переписку съ Теофилактомъ болгарскимъ и Никитой Стгиватомъ; здѣсь онъ составлялъ «цѣпи» на Маттея, Іоанна и Луку, а затѣмъ перемѣстился митрополитомъ въ Гераклею еракійскую. Рукописи «цѣпи» можно раздѣлить на итальянскія, византійскія и интерполированныя; лучшая — Vatic. 1611. Далѣе говорится о извлеченіяхъ и частичныхъ изданіяхъ «цѣпи», о ея построеніи и источникахъ (всѣхъ, отъ Филона до какого то Фостерія, 66), и наконецъ дается въ видѣ примѣра нѣсколько отрывковъ.

Das Buch Henoch. Aethiopischer Text herausgeg. von Joh. Flemming. Leipzig, Hinrichs 1902. XVI+172 стр. 8°. (Т. ц. Unters., N. F., VII, 1). — Устанавливается, что эіопская книга Еноха, какъ и каноническія книги эіопскаго Ветхаго Завѣта, существуетъ въ двухъ редакціяхъ — древнѣйшей и новѣйшей. Изданіе Фл. слѣдуетъ преимущественно первой, но не вовсе упускаетъ изъ вида и вторую.

Ivan Franko, *Beiträge aus dem Kirchenslavischen zu den Apokryphen des Neuen Testaments*. I. Zu den Pseudoclementinen. Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft 3 (1902), 146—155. — Въ одномъ полемическомъ посланіи противъ латинянъ X—XI вѣка и отдѣльно въ Vindob.

Slav. 9, XVI-го вѣка) сохранился отрывокъ изъ кlementinъ, взятый повидному изъ византийской редакціи, существовавшей въ IX вѣкѣ и представлявшей извлечение изъ постулируемой историками литературы позднѣйшей редакціи Климентова романа.

Acta S. Carterii Cappadocis, herausgeg. von Joh. Compergass. I Teil, Text und Indices. Bonn, Georgi 1902. VI+26 стр. 8°. — Отмѣчается ради обилія грамматическихъ вульгаризмовъ, рѣчь о которыхъ обѣщана во второй части. Текстъ дается по мартирологію Paris. 1534, XI—XII вѣка.

Thadd. Engert, *Der betende Gerechte der Psalmen*. Würzburg, Göbel & Scherer 1902. IV+134 стр. 8°. — Насъ касаются здѣсь разборы толкованій восточныхъ экзегетовъ (Оригена, Афанасія, Кирилла, Θεодора мопсуестійскаго, Златоуста, Θεодорита, Евѣмнія Зигавина).

ПО ИСТОРИИ:

A. Athanasiades, *Die Begründung des orthodoxen Staates durch Kaiser Theodosios den Grossen*. Leipzig, Harrassowitz 1902. 46 стр. 8°.

J. Wellhausen, *Die Kämpfe der Araber mit den Römern in der Zeit der Umayyiden*. Nachrichten des K. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, philol.-hist. Klasse 1901, вып. 4, стр. 1—34. — Дается свѣрка извѣстій Θεοφана о византийско-арабскихъ отношеніяхъ съ арабскими, особенно съ Вакиди. Въ общемъ извѣстія Θεοφана подтверждаются арабами, и главнымъ источникомъ по исторіи указаннаго времени остается Θεοφанъ; В. исправляетъ лишь нѣсколько хронологическихъ данныхъ (1 экспедиція Муави на Кипръ 649 вм. 648; нападеніе его на Византію 674 вм. 673) и дополняетъ неудачную осаду столицы весною 669 г. сыномъ Муави, Язидомъ. Арабы же вносятъ порядокъ въ извѣстія Никифора и Θεοφана о осадѣ 717 года и улучшаютъ хронологію для всего дальнѣйшаго періода до 744 года.

Th. Preger, *Konstantinos-Heros*. Hermes 36 (1901), стр. 457—469. — Упавшая въ 1106 году статуя Константина-Геліоса на порфировой колоннѣ была вывезена изъ Иліона; христіанская надпись на ней, сообщаемая Константиномъ родосскимъ, несомнѣнно начертана не при Константиנѣ: въ παραστάσις συντομοί χρονικά (Script. orig. Crolit. I, 56, 7) находится подтвержденіе извѣстія Θεοдорита и Φιλοστοργія, что еще въ 331 году Константина чтили, какъ солнечнаго бога, съ его согласія.

Konrad Lübeck, *Reichseinteilung und kirchliche Hierarchie des Orients bis zum Ausgange des vierten Jahrhunderts*. Münster, Schöningh 1901. VIII+240 стр. 8°. — Обѣщана рецензія. Ср. рецензіи Kneller'a, Stimmen aus Maria-Laach 1902, стр. 84—88; Zückler'a, Theol. Literaturblatt 1902, № I, ст. 2—4.

Heinrich Gelzer, *Der Patriarchat von Achrida*. Abhandl. d. philol. hist. Klasse d. Kgl. Sächsischen Gesellschaft d. Wissensch. Band XX, № V. Leipzig, Teubner 1902. 232 стр. 8°. — Исторія ахридской автокефаліи отъ царя Симеона до 1767 г. излагается Гельцеромъ подробно въ ея второй половинѣ, отъ турецкаго завоеванія; для первой авторъ отсылаетъ къ

своей работѣ въ *Byz. Zeitschr.* II, 40. Въ числѣ источниковъ видное мѣсто занимаютъ изданныя Питрой письма Димитрія Хоматиана.

ПО ИСТОРИИ ИСКУССТВА:

L. Sternbach, *Beiträge zur Kunstgeschichte*. Jahreshefte des Österr. archäol. Instituts 5 (1902), 66—94.—Разбираются матеріалы, представляемыя Манасси для исторіи искусства. 6 стиховъ, изданныхъ Алліаціемъ въ комментаріи къ Георгію Акрополиту (Вонп. 205), взяты изъ стихотворнаго 'Οδοπορικόν, изъ его pendant къ прозаическимъ Πάτρια, упоминаемаго въ хроникѣ Манасси. За пропажей этого произведенія дается критическое изданіе всѣхъ отдѣловъ хроники, гдѣ говорится объ искусствѣ; затѣмъ (изданнаго уже Hercher'омъ) описанія стѣнной мозаики изъ кодекса Marc. 412, на основаніи новаго сличенія, и неизданной ἱερασις рельефа съ изображеніемъ Одиссея, подающаго вино Киклопу, изъ *Varber.* II, 61.

J. Strzygowski, *Der Schmuck der älteren el-Hadrakirche im syrischen Kloster der sketischen Wüste*. Oriens christianus I, 356—372. — Описываются: орнаменты Гайкала, сходные съ мечетью Ибнъ-Тулуна въ Каирѣ, около 879 г. по Р. Х.; фрески (сирійскаго происхожденія) трехъ апсидъ крестовидной постройки—благовѣщеніе, Рождество Христово, вознесеніе и успеніе; складчатая дверь съ тисненіемъ по кости, въ верхней части изображающимъ святыхъ, ниже орнаментальнымъ; они датированы 913/4 и 926/7 годами, и виновникомъ ихъ созданія названъ извѣстный Моисей низибійскій.

Ernst Lohmann, *Im Kloster zu Sis*. Ein Beitrag zu der Geschichte der Beziehungen zwischen dem Deutschen Reiche und Armenien im Mittelalter. Striegau, Urban (1902 ?) 34 стр. 8°. — Сборникъ свѣдѣній по исторіи кликійскаго армянскаго царства; виды развалинъ изъ значительнѣйшихъ пунктовъ страны и снимки рисунковъ изъ армянскихъ рукописей иллюстрируютъ текстъ.

Josef Stradner, *Neue Skizzen von der Adria*. Graz, Leykam 1902. 176 стр. 8°. — Этотъ второй выпускъ научно и интересно составленнаго путеводителя по адриатическому побережью (всѣхъ будетъ 4) обнимаетъ преимущественно венеціанское побережье.

Hans Graeven, *Ein Christustypus in Buddafiguren*. Oriens christ. 1 (1901), 159—167.—Малоазійскій рельефъ Христа въ берлинскомъ музеѣ сравнивается съ рельефами Будды гандарской школы. Есть повидимому указанія на то, что этотъ типъ индійцы получили чрезъ посредство христіанъ (софокловскій типъ Христа) изъ античнаго художества.

Adolf Jacoby, *Ein bisher unbeachteter apokrypher Bericht über die Taufe Jesu*. Strassburg, Trübner 1902. VI+107 стр. 8°. — Въ *Chronikon Paschale* ed. Bonn. 68 и нѣкоторыхъ другихъ источникахъ содержится очень старинный апокрифическій разсказъ о крещеніи Христовомъ, при помощи котораго можно объяснить рядъ чертъ въ иконографіи крещенія: оста-

новку теченія Іордана, камень, на которомъ стоитъ Христосъ, змѣю, подъемъ воды до чреслъ или до плечъ Христа и пр. Выводъ тотъ, что апокрифическіе рассказы и образы, взятые изъ литургій и проповѣдей, вліяли на искусство гораздо больше, чѣмъ каноническіе источники.

Albert Mayr, *Die altchristlichen Begräbnisstätten auf Malta*. Römische Quartalschrift 15 (1901) 216—243 и 352—384.—Христіанскія мальтійскія катакомбы распадаются на 1) гробницы продольныя, параллельныя коридору, съ которымъ они сообщаются посредствомъ окошка, закрывающагося доской сверху внизъ; онѣ по очертанію приближаются къ конусу, закруглены въ головахъ и особенно въ ногахъ и снабжены изголовьемъ, въ которомъ полукружіями врѣзаны помѣщенія для двухъ головъ. По автору онѣ христіанскаго происхожденія, эпохи позднѣйшей имперіи, и составляютъ своеобразную мальтійскую обработку формы пунійскихъ гробницъ. 2) Катакомбы съ аркосоліями и багдахинными гробницами; первыя вообще нерѣдки, вторыя найдены пока лишь въ Сициліи, откуда, по М. не раньше IV вѣка, перешло въ Мальту и самое христіанство.

Adolph Goldschmidt, *Die Kirchenthür des hl. Ambrosius in Mailand*. Strassburg, Heitz 1902, 30 стр. 8°, съ 6 табл. — За густой проволоочной рѣшеткой средней двери церкви св. Амвросія въ Миланѣ оказались древнія рѣзные деревянныя двери съ изображеніемъ побѣдъ Давида: надъ дикими звѣрями, надъ злымъ духомъ Саула и надъ Голиафомъ. Г. считаетъ эти двери италійскимъ произведеніемъ временъ самого св. Амвросія; Стрижовскій полагаетъ, что орнаментъ и рама указываютъ на Востокъ, откуда вѣроятно двери вывезены въ эпоху крестовыхъ походовъ; у всѣхъ фигуръ отбиты головы — знакъ, что двери побывали въ рукахъ арабовъ.

J. Strzygowski, *Orient oder Rom? Stichprobe: Die Porphyrgruppen von S. Marco in Venedig*. Beiträge zur alten Geschichte II (1902), стр. 105—124. — Обнимающіеся войны въ углу Tesoro Св. Марка сопоставляются съ двумя такими же парами фигуръ ватиканской бібліотеки и съ бюстомъ египетскаго музея въ Каирѣ, и доказывается, что какъ матеріалъ (порфиръ), такъ и трактовка волосъ и глазъ указываетъ на египетское происхожденіе названныхъ памятниковъ.

J. Führer, *Ein altchristliches Hypogeum im Bereiche der Vigna Cassia bei Syrakus*. Abhandl. d. Kgl. bayer. Akad. d. Wissensch. I Kl. XXII, Bd. I. Abt. 109—158.—Описаніе фресокъ, открытыхъ Паоло Орси въ особой группѣ гробницъ занятаго катакомбами участка Vigna Cassia. Фюреръ относитъ фрески къ V вѣку, признаетъ ихъ сплошь за иллюстрацію эсхатологическихъ представленій, по technikъ близкую скорѣе къ Риму, чѣмъ къ Востоку (изображены Іона и Даниилъ, воскрешеніе Лазаря, кажется, Добрый Пастырь съ тельцомъ и всадникъ между орантами; въ орнаментѣ павлины, перепела, гирлянды и цвѣты—розы или олеандры).

J. Strzygowski, *Das neugefundene Orpheusmosaik in Jerusalem*. Ztschr. des Deutschen Palästinavereins XXIV (1901), стр. 139—171.—По С. мо-

занка эта — представительница сироегипетскаго тина; эпоха ея происхожденія ближе неопредѣлима, но С. склоненъ отнести ее къ де-юстиниановскому времени.

J. Strzygowski, *Hellas in des Orients Umarmung*. Beilage zur (Münch.) Allgem. Zeitung №№ 40 и 41 vom 18 u. 19 Febr. 1902. — Возраженіе принципиальнаго характера на книгу Ригля, см. Виз. Врем., т. IX стр. 240. При Александрѣ Великомъ греческое искусство было перенесено на Востокъ, но здѣсь само подверглось восточному влиянію и въ позднюю римскую эпоху византійское искусство есть вновь искусство восточное. — Возраженіе Ригля тамъ же, №№ 93 и 94; и тамъ же, № 114, G. Schönermark, въ статьѣ: *Die Grenze des Einflusses morgenländischer Kunst auf die christliche*, утверждаетъ, что въ собственно средневѣковомъ искусствѣ, романскомъ и готическомъ, влияния Востока и Византии болѣе не замѣтно.

Georg Humann, *Zur Beurteilung mittelalterlicher Kunstwerke in Bezug auf ihre zeitliche und örtliche Entstehung*. Repertorium für Kunstwissenschaft 25 (1902), 9—40. — Здѣсь представленъ рядъ данныхъ изъ ранняго средневѣковья о томъ, какъ художники работали для далекихъ отъ нихъ мѣстожителствъ странъ, какъ произведенія искусства далеко перевозились въ качествѣ подарковъ или добычи; отсюда видно, какъ неосторожно судить объ эпохѣ и циклѣ произведеній, къ которому относится тотъ или иной памятникъ, по одному мѣсту его нахожденія или по имени художника. Очень много матеріала далъ автору исторія византійскаго искусства.

ПО ИСТОРИИ ПРАВА:

Th. Mommsen, *Hofmann versus Blume*. Zeitschr. der Savignystiftung f. Rechtsgeschichte XXII, Rom. Abt. стр. 1—11. — Критика посмертнаго труда Гофманна: «Die Compilation der Digesten Justinians»; во всѣхъ существенныхъ пунктахъ, по мнѣнію М., правъ Блуме, а не Гофманнъ, который на него нападаетъ.

Gustav Pfannmüller, *Die kirchliche Gesetzgebung Justinians*, hauptsächlich auf Grund der Novellen. Berlin, Schwetschke und Sohn 1902. 4—94 стр. 8°. — Общана рецензія.

Carolus Kuberszyk, *Canones Johannis Bar Cursus, Tellaus Manuscriptae episcopi, e codicibus Syriacis Parisino et quattuor Londinensibus editi*. Leipzig, Drugulin 1901. 40 стр. — Наставленія въ формѣ каноновъ епископа Іоанна Баръ-Курсуса Теллскаго (†538) къ клиру имѣютъ по содержанию много общаго съ болѣе древними и болѣе новыми сирскими сборниками каноновъ.

РЕЦЕНЗИИ ПОЯВИЛИСЬ НА КНИГИ:

Terrot Reaveley Glover, *Life and Letters in the fourth Century*. Cambridge 1901. — Ред. Zückler, Theolog. Litteraturblatt 1902, № 13, стр. 152 слѣд.

Erwin Rohde, *Der griechische Roman*, 2 изд. — Рец. Haebertin, Berliner philol. Wochenschrift 1902, № 52, ст. 1610—1612.

Онъ же, *Kleine Schriften*. — Рец. W. H. Roscher, Neue Jahrbücher für das klassische Altertum 1901, I, стр. 716—718.

F. Leo, *Die griechisch-römische Biographie*. — Рец. Herm. Peter, Berl. philol. Wochenschrift 1902, № 1, ст. 13—21.

Procli Diadochi in Platonis rempublicam commentarii, vol. II, ed. G. Kroll. — Рец. B(lase), Litterarisches Centralblatt 1902, № 5, ст. 164.

W. Vollert, *Kaiser Julians religiöse Überzeugung*. — Рец.: Анонима, Allgemeine lutherische Kirchenzeitung 1902, № 1, ст. 10—15; E. Preuschen, Berl. philol. Wochenschrift 1902, № 51, ст. 1581—1584.

B. Domanski, *Die Psychologie des Nemesius* und M. Worms, *Die Lehre von der Anfangslosigkeit der Welt*. — Рец. Th. Elsenhans, Theol. Literaturzeitung 1901, № 25, ст. 660; Rudolf Eucken, Göttingische gelehrte Anzeigen 191, № 11, стр. 900—907.

М. Крашенинниковъ, *Procopii Caesariensis Anecdota*. — Рец. Th. Preger, Berl. philol. Wochenschrift 1902, № 48, ст. 1481—1482.

A. Baumstark, *Aristoteles bei den Syrern*. — Рец. P. Cyrillus Wette, Historisch-politische Blätter 1902, 578—587; Otto Apelt, Berl. philol. Wochenschrift 1902, № 23, ст. 709—712.

K. Krumbacher, *Ein dialogischer Threnos auf den Fall von Konstantinopel*. — Рец. Th. Preger, Berl. philol. Wochenschr. 1902, № 11, ст. 325—328.

Franz Kämpers, *Alexander der Grosse und die Idee des Weltimperiums*. Рец. Hugo Winckler, Orientalistische Litteraturztg. 1902, № 3, ст. 104—112; J. Knepper, *Litterarische Rundschau für das katholische Deutschland* 1902, № 5, ст. 154 срѣд.

B. Grenfell and A. Hunt, *The Amherst Papyri*, т. I. — Рец. Erwin Preuschen, Berl. philol. Wochenschrift 1902, № 12, ст. 355—361. Tome, т. II. — Рец. C. Wessely, Wochenschr. f. klass. Philologie 1902, № 7, ст. 169—172; P. Viereck, Berl. philol. Wochenschr. 1902, № 23, ст. 715—720; Ulrich Wilcken, Archiv für Papyrusforschung 1902, 117—136; L. Radermacher, Rhein. Museum 1902, 137—151.

B. Grenfell and A. Hunt, *The Oxyrhynchus Papyri* II. — Рец. U. v. Willamowitz-Möllendorff, Götting. gelehrte Anzeigen 1901, № 1, стр. 30—45.

E. Schweizer, *Grammatik der pergamenischen Inschriften*. — Рец. A. Thumb, Indogerm. Forschungen Anzeiger 1902, 37—39.

A. Thumb, *Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus*. — Рец. M. Seibel, Liter. Rundschau 1901, 8, ст. 238 срѣд.; A. Deissmann, Theol. Literaturz. 1901, 26, ст. 684(6).

H. Reinhold, *De graecitate patrum apostolicorum librorumque apocryphorum N. Testamenti quaestiones*. — Рец. A. Deissmann, Wochenschr. f. klass. Philologie 1902, № 4, 89—92.

Aristaeae epistula ed. P. Wendland. — Рец. A. Deissmann, Berliner philol. Wochenschrift 1902, № 9, ст. 257—263.

J. M. S. Baljon, *Griechsch-theologisch koordenboek hoofdzakelijk van de oud-christelijke letterkunde*. — Рец. F. Blass, Theol. Literaturz. 1897, № 2, ст. 43 срѣд.; 1898, № 17, ст. 457 срѣд.; 1902, № 5, ст. 145 срѣд.

Thomas M. Wehofer, *Untersuchungen zur altchristlichen Epistolographie*. — Рец. Rudolf Knapf, Theol. Litz. 1902, № 9, ст. 271—273.

Origenes' Werke, herausgeg. von E. Klostermann. — Рец. P. Wendland, Göttinger gelehrte Anzeigen 1901, № 10, стр. 777—787; Bardenhewer, Litt. Rundschau f. d. kath. Deutschland 1902, № 1, ст. 1—6; E. Preuschen, Berl. philol. Wochenschr. 1902, № 22, ст. 673—682.

Fritz Lee, *Die capitatio plebeja*. — Рец. Matthias, Kritische Vierteljahrsch. für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft 1902, стр. 508—518; H. Erman, Ztschr. der Savignystiftung, Röm. Abt. 1901, 213 срѣд.

O. Braun, Das Buch des Synnados. — Рец. J. Göttsberger, Theologische Revue 1902, № 9, ст. 276—279.

W. Riedel, *Die Kirchenrechtsquellen des Patriarchats Alexandrien*. — Рец. Dannecker, Theol. Quartalschr. 1902, стр. 140—143; H. Achelis, Theolog. Litteraturzeitung 1902, № 3, ст. 89—91.

A. Boysen, *Sammlung neugriechischer Gedichte und Studie über den Hellenismus*. — Рец. K. Krumbacher, Deutsche Litteraturzeitung 1902, № 23, ст. 1437—1438.

K. Krumbacher, *Die Moskauer Sammlung mittelgriechischer Sprichwörter*. — Рец. N. G. Politis DLZ. 1902, № 29, ст. 1824—1825.

A. Franke, *De Pallada epigrammatographo*. — Рец. G. Knaack, DLZ. 1902, № 32, 2016—2018.

Fr. Prätorius, *Die Übernahme der früh-mittelgriechischen Neumen durch die Juden*. — Рец. C. Brockelmann, DLZ. 1902, № 34, ст. 2144—2145.

В. Молчановскій.

ФРАНЦИЯ.

Paul Monceaux. *Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne depuis les origines jusqu'à l'invasion arabe*. Tome I. Tertullien et les origines. Tome II. Saint Cyprien et son temps. Paris, Leroux, 1901—1902. 2 табл. VIII+ 512 стр. и 2 табл. 390 стр. 8°. Description de l'Afrique du nord entreprise par ordre de M. le ministre de l'instruction publique et des beaux-arts. — Намъ можно отмѣтить въ этой книгѣ замѣчания о латинской библии въ Африкѣ во время вандалскаго и византийскаго владычества (I стр. 164), объ отношеніи актовъ Аполлонія къ Тертуллиану и Минуцію Феликсу (I стр. 469—472) и о смѣшеніи въ легендѣ Кипріана изъ Кароагена съ Киприаномъ Антіохійскимъ. — См. Byz. Zeitschr. V. XI, H. 3—4 (1902), S. 573—574.

Paul Allard. *La religion de l'empereur Julien*. Напечатано въ Revue des questions historiques 71 (1902), p. 349—393. — Статья состоитъ изъ пяти

главъ: 1) Les pratiques religieuses. 2) Dieu et les dieux. 3) La théologie du Soleil. 4) L'interprétation des mystères. 5) La morale. — См. Byz. Zeitschr. B. XI, Н. 3—4 (1902), S. 576.

H. Dessau. *Sur un nouvel édit de l'empereur Julien*. Напечатано въ Revue de philologie, 25 (1901), p. 285—288. — Изданная въ египетскихъ папирусахъ известными англійскими учеными, Grenfell, Hunt и Hogarth, вторая половина императорскаго эдикта отъ 24 июня ? года относится не ко времени Александра Севера, какъ предполагають издатели, а ко времени Юлиана, а поэтому и должна быть отнесена къ 362 году. Дополненіе къ работѣ Dessau можно найти въ статьѣ Ulrich Wilcken въ Archiv für Papyrusforschung, 2 (1902), S. 169. — См. Byz. Zeitschr. B. XI, Н. 3—4 (1902), S. 576.

C. Julian. *Le Palais de Julien à Paris*. Напечатано въ Académie des Inscriptions et belles-lettres 1902, p. 14—17. — Авторъ доказываетъ ошибочность того мнѣнія, что Юлианъ жилъ въ Парижѣ въ Термахъ Клуни (Cluny). — См. Byz. Zeitschr. B. XI, Н. 3—4 (1902), S. 577.

S. Reinach. *La question du Philopatris*. Напечатано въ Revue archéologique, 1902, I, p. 79—110. — Вопросъ о времени загадочнаго произведенія «Филопатрисъ» теперь можетъ считаться рѣшеннымъ: оно должно относиться ко времени императора Никифора Фоки, т. е. къ X-му вѣку, а именно къ 965 или 969 году. Что касается до смысла и цѣли этого діалога, то авторъ работы смотритъ такъ: первая часть его направлена не противъ настоящихъ язычниковъ, но противъ того опаснаго или кажущагося опаснымъ для церкви умственнаго движенія, которое, выразившись въ подъемѣ классическихъ занятій въ X-мъ вѣкѣ, привело позднѣе, въ эпоху Комниновъ и Палеологовъ, къ такъ долго не признаваемому въ своемъ значеніи византійскому гуманизму, этому могучему предшественнику гуманизма западнаго. Во второй части діалога его авторъ серьезно предупреждаетъ императора о существовавшемъ тогда въ городѣ революціонномъ движеніи. Въ видѣ благодарности за эту двойную услугу авторъ въ концѣ проситъ у императора помощи. Такимъ образомъ Филопатрисъ представляетъ важный матеріалъ для двухъ важныхъ вопросовъ, которые еще ждутъ своего историка, а именно: для вопроса объ оппозиціи и о гуманизмѣ въ Византіи. — См. отзывъ Н. Крумбахера въ Byz. Zeitschr. B. XI, Н. 3—4 (1902), S. 578—580.

Fl. de Moor. *Tobie et Akhiakar*. Напечатано въ Le Muséon, N. S. 2 (1901), p. 445—489.

Catalogue des livres parémiologiques composant la bibliothèque de Ignace Bernstein. 2 тома. Leipzig, Drugulin, 1900. — Богатая содержаніемъ библіотека. — См. Byz. Zeitschr. B. XI, Н. 3—4 (1902), S. 589.

Ricochon. *Tablettes et formules magiques à double sens*. 1. série. La tablette de Poitiers et une formule byzantine tirée des Anecdota graeco-byzantina de Vassiliev.

Petros Botzarès. *Théodora*. Roman tiré du drame de Victorien Sardou.

Lettre-Préface de Victorien Sardou. Quatrième mille. Paris, E. Flammarion (1902), X+351 стр. 8°.—Неудачная передѣлка извѣстной драмы В. Сарду «Теодоры» въ объемистый романъ. — См. *Byz. Zeitschr.* В. XI, Н. 3—4 (1902), S. 591.

J. van den Gheyn. *Catalogue des manuscrits de la bibliothèque Royale de Belgique. I. Ecriture Sainte. Liturgie. Bruxelles, Lamertin, 1901. XV+492 стр. 8°.*

Hugues Gaisser. *Les «Hirm» de Pâques dans l'office de l'église grecque.* Напечатано въ *Revue d'histoire et de critique musicales*, 2 (1902), p. 97—100. — Французскій переводъ пасхальныхъ ирмосовъ и замѣтки о значеніи и исторіи «ирмоса» съ данными о рукописяхъ и литературѣ. — См. *Byz. Zeitschr.* В. XI, Н. 3—4 (1902), S. 606.

P. J. Thibaut. *Les chants de la liturgie de St. Jean Chrysostome dans l'église Bulgare.* Напечатано въ *Rivista musicale italiana*, 8 (1901), p. 763—783.

P. J. Thibaut. *Traité de musique Byzantine.* Напечатано въ *Revue de l'Orient chrétien*, 6 (1901), p. 593—609. — Изданіе написаннаго въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ музыкальнаго трактата на основаніи рукописи 811 изъ бібліотеки Святогробскаго подворья въ Константинополѣ. Трактатъ этотъ не можетъ быть приписываемъ Іоанну Дамаскину, о чемъ говоритъ надпись на рукописи, а относится къ XIV или XV вѣку. — См. *Byz. Zeitschr.* В. XI, Н. 3—4 (1902), S. 607.

Marlus Bosson. *Un recueil de sentences attribué à Isaac le Syrien.* Напечатано въ *Oriens christianus* 1 (1901), p. 288—298. — Продолженіе отмѣченной уже выше нами работы (см. Виз. Временникъ, т. IX, вып. 1—2, 1902, стр. 246).

V. Ermoni. *Diodore de Tarse et son rôle doctrinal.* Напечатано въ *Le Muséon*, N. S. 2 (1901), p. 424—444. — Оригинальность Діодора Тарсійскаго приводила его къ преувеличеніямъ и стоиловеніямъ съ православнымъ ученіемъ, такъ что Несторій могъ ссылаться на него въ вопросѣ своей христологіи. — См. *Byz. Zeitschr.* В. XI, Н. 3—4 (1902), S. 616.

A. Misier. *Les manuscrits Parisiens de Grégoire de Nazianze.* Напечатано въ *Revue de philologie* 26 (1902), p. 44—62. — Классификація парижскихъ рукописей для пяти богословскихъ рѣчей Григорія Назіанзина, изданныхъ недавно безъ достаточнаго изученія Мазон'омъ. По мнѣнію Misier, одиннадцать рукописей должны быть принимаемы въ расчетъ при установленіи текста: 1) Nr. 975 a; 984; Coisl. 51 и, можетъ быть, Nr. 538. 2) Nr. 527; Suppl. 1082; Nr. 534 a; 518; можетъ быть, 526; 545; Coisl. 53. — См. *Byz. Zeitschr.* В. XI, Н. 3—4 (1902), S. 617.

E. Michaud. *St. Grégoire de Nysse et l'Apocatastase.* Напечатано въ *Revue internationale de théologie* 10 (1902), p. 37—52. — Авторъ утверждаетъ, что Григорій Нисскій училъ окончательной «реабилитациі» всѣхъ грѣшниковъ, т. е. прекращенію наказаній ада. — См. *Byz. Zeitschr.* В. XI, Н. 3—4 (1902), S. 618.

Ed. Herzog. *St. Jean Chrysostome et la confession.* Напечатано въ *Revue internationale de théologie* 10 (1902), p. 21—36. — Полемическая статья противъ доклада объ исповѣди, произнесеннаго 27 мая 1901 года епископомъ Egger'омъ изъ С. Галлена. — См. *Byz. Zeitschr.* B. XI, H. 3—4 (1902), S. 619.

F. Nau. *Les récits inédits du moine Anastase. Contribution à l'histoire du Sinai au commencement du VII-e siècle* (traduction française). Avec un résumé des récits édifiants d'Anastase le Sinaitte. Paris, Picard, 1902, 72 стр. 8°. Extrait de la *Revue de l'Institut catholique de Paris*, 1902, Nr. 1—2. — Въ двухъ греческихъ рукописяхъ парижской національной библіотеки (917 и 914) находятся современные извѣстія монаха Анастасія о синайскихъ отцахъ и объ ихъ игуменѣ Іоаннѣ, который можетъ быть отождествленъ съ Іоанномъ Климакомъ. Французскій ученый издаетъ французскій переводъ съ примѣчаніями (греческій текстъ долженъ появиться въ *Oriens christianus*) и съ двумя приложеніями, изъ которыхъ первое заключаетъ современное извѣстіе одного монаха о взятіи Синая арабами, заимствованное изъ *Cod. Par. gr. 1596* (во французскомъ переводѣ); второе — извлеченія изъ сохранившихся въ той же рукописи назидательныхъ разсказовъ монаха Анастасія, котораго нужно отличать отъ вышеуказаннаго; можетъ быть, Анастасій въ приложеніи является однимъ лицомъ съ Анастасіемъ Синаитомъ, авторомъ *Ὁδηγός* и т. д. — См. *Byz. Zeitschr.* B. XI, H. 3—4 (1902), S. 622.

E. Michaud. *St. Maxime le confesseur et l'apocatastase.* Напечатано въ *Revue internationale de théologie* 10 (1902), p. 257 — 272. — Максимъ учитъ объ окончательномъ торжествѣ добра, но въ своихъ произведеніяхъ высказываетъ болѣе страха передъ наказаніемъ грѣшниковъ, чѣмъ надежду на прощеніе. — См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 622.

Rubens Duval. *Le Testament de Saint Ephrem.* Напечатано въ *Journal Asiatique*, IX Série, t. 18 (1901), p. 234—319. — Работа Дювала представляетъ изъ себя новое изданіе и французскій переводъ уже въ 1898 году переведеннаго на французскій языкъ ориенталистомъ Lamy сирійскаго стихотворенія. См. J. Halévy въ *Journal Asiatique*, IX série, t. 19 (1902), p. 144—146. — См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 626.

F. Nau. *Lettre de Jacques d'Edesse sur la généalogie de la Sainte Vierge.* Напечатано въ *Revue de l'Orient chrétien*, 6 (1901), p. 512—531. — Французскій ученый даетъ сирійскій текстъ и французскій переводъ посланія Іакова Эдесскаго къ Іисусу Столпнику, гдѣ Іаковъ хочетъ доказать происхожденіе св. Дѣвы отъ Давида. — См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 627.

Rubens Duval. *Une découverte de livres hébreux à Jéricho.* Напечатано въ *Revue sémitique d'épigraphie et d'histoire ancienne*, 10 (1902), p. 174—179.

Israel Lévi. *Afiquia, femme de Jésus fils de Sir.* Напечатано въ *Revue des études juives*, 43 (1901), p. 231—236.

H. Leclercq. Dom. *Les martyrs. Recueil de pièces authentiques sur les mar-*

tyrs, depuis les origines du christianisme jusqu'au XX-e siècle, traduites et publiées par R. P. Dom H. L. T. I. Les temps néroniens et le deuxième siècle. Paris, Oudin, 1902. CXI+229 стр. 8°. — На первомъ планѣ въ этомъ сборникѣ стоятъ назидательныя цѣли. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 3—4 (1902), S. 632.

S. Vaillhé. *Saint Michel le Syncelle et les deux frères Grapti. Saint Théodore et Saint Théophane*. Напечатано въ Revue de l'Orient chrétien. 6 (1901), p. 610 — 642. — Окончаніе уже отмѣченной нами въ Виз. Временникѣ (т. IX, вып. 1 — 2, 1902, стр. 247) работы. Въ настоящемъ окончаніи рѣчь идетъ о жизни и судьбахъ трехъ святыхъ въ Константинополѣ и объ ихъ литературной дѣятельности. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 3—4 (1902), S. 634.

Βίος τοῦ ἀββᾶ Δανιὴλ τοῦ Σκητιώτου. Vie (et Récits) de l'abbé Daniel le Scétiote (VI-e siècle). I. Texte grec, publié par Léon Clugnet. II. Texte syriaque, publié par F. Nau. III. Texte copte, publié par Ignazio Guidi. Paris, Picard et fils, 1901. XXXII+120 стр. 8°. 8 Fr. Bibliothèque hagiographique orientale éditée par Léon Clugnet. — Изданіе въ отдѣльной книгѣ появившихся текстовъ въ Revue de l'Orient chrétien. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 3 — 4 (1902), S. 634—635.

Léon Clugnet. *Sainte Marine*. Texte grec publié par L. C. Напечатано въ Revue de l'Orient chrétien, 6 (1901), p. 572—592. — Греческій текстъ изъ трехъ рецензій: 1) Cod. 1 s. X изъ библиотеки св. Гроба въ Иерусалимѣ; 2) Cod. Par. gr. 2474 s. XIII; 3) Par. gr. 1632 s. XVI и Berol. gr. 4° 16 s. XVII. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 3—4 (1902), S. 635.

F. Nau. *Histoire de Jean Bar Aphthonia*. Напечатано въ Revue de l'Orient chrétien, 7 (1902), p. 97—135; а также отдѣльно: Paris, A. Picard et fils. 1902. — Исторія Іоанна, настоятеля монастыря Beth Aphthonia (родился между 475—483 годами, умеръ 4 ноября 537 г.), который составилъ жизнеописаніе Севера Антиохійскаго и въ качествѣ секретаря участвовалъ въ Константинополѣ въ переговорахъ Юстиніана между православными и монофизитами, изложена намъ однимъ изъ его учениковъ. Французскій ученый издаетъ сирійскій текстъ съ французскимъ переводомъ и съ біографическо-литературно-историческимъ введеніемъ. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 3—4 (1902), S. 635.

Pierre Batiffol. *Études d'histoire et de théologie positive*. La discipline de l'arcane. Les origines de la pénitence. La hiérarchie primitive. L'agape. Paris, Lecoffre, 1902. VIII+313 стр. 8°. — Для насъ имѣетъ значеніе глава «Pénitenciers et Pénitents» (p. 145—194), гдѣ говорится о IV-мъ и V-мъ вѣкѣ и разбираются извѣстія церковнаго историка Сократа (p. 149 sq.). — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 3—4 (1902), S. 638.

Hippolyte D'elehaye. *Un Synaxaire Italo-Grec*. Напечатано въ Analecta Bollandiana, 21 (1902), p. 23—28. — Авторъ издаетъ съ объясненіями синаксарь въ минускульномъ Евангеліи 13 (Paris. gr. 50) изъ Капалабріи или Сициліи. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 3—4 (1902), S. 639.

Paul Lejay. *Ancienne philologie chrétienne*. 16. Les symboles. 17. La liturgie. Напечатано въ *Revue d'histoire et de littérature religieuses*, 7 (1902) p. 186—192 и 275—288. Ср. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 253.—Сообщеніе о работахъ Burn, Kunze, Cabrol, Conybeare (*The Key of Truth*), о различныхъ публикаціяхъ Мальцева и нѣк. др. — См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, Н. 3—4 (1902), S. 639—640.

Maurice Dumoulin. *Le gouvernement de Théodoric et la domination des Ostrogoths en Italie, d'après les oeuvres d'Ennodius*. Напечатано въ *Revue historique*, t. 78 (1902), p. 1—7, 241—265; t. 79 (1902), p. 1—22.—Говоря о владычествѣ Теодориха Великаго въ Италіи, авторъ, конечно, касается и его отношеній къ Византіи. Работа отличается малымъ знакомствомъ автора съ источниками и съ современными изслѣдованіями по этому вопросу.—См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, Н. 3—4 (1902), p. 642.

S. Vaillhé. *La prise de Jérusalem par les Perses en 614*. Напечатано въ *Revue de l'Orient chrétien*, 6 (1901), p. 643—649.—Авторъ доказываетъ, что персы двинулись отъ Дамаска и взяли Іерусалимъ 15 мая, а не 26 мая и не въ началѣ іюня. — См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, Н. 3—4 (1902), S. 642.

H. François Tournebize. *Histoire politique et religieuse de l'Arménie*. Напечатано въ *Revue de l'Orient chrétien*, 7 (1902), p. 26—58. — Préface. Livre I. Древняя исторія Арменіи. Гл. I. Географія и статистика. Гл. 2. Начала (*Les origines*) и армянская исторія по Моисею Хоренскому. Гл. 3. Начала и древняя исторія армянъ на основаніи современныхъ открытій. Гл. 4. Арменія при арсакидахъ (149 до Р. Хр.—433 по Р. Хр.). Art. I. Исторія политическая. (Продолженіе слѣдуетъ).—См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, Н. 3—4 (1902), S. 646.

Jérôme Labourt. *Le christianisme dans l'empire des Perses*. Напечатано въ *Revue d'histoire et de littérature religieuses*, 7 (1902), p. 97—120, 193—208. I. Histoire extérieure. II. Histoire intérieure.—Авторъ на основаніи новыхъ источниковъ и «avec une méthode plus moderne» возобновляетъ опытъ Ассемана въ его 3-мъ томѣ *Bibliotheca Orientalis*. Намѣреніе автора дать очеркъ исторіи восточной церкви до мусульманскаго завоеванія... «Toute discussion historique ou philologique en est bannie». Вторая статья занимается отношеніемъ сиро-восточной церкви къ сасанидамъ, ея устройствомъ, монашествомъ и нѣк. оффиціальнымъ ученіемъ.—См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, Н. 3—4 (1902), S. 650.

D. John Chapman. O. S. B. *La chronologie des premières listes épiscopales de Rome*. Напечатано въ *Revue Bénédictine*, 19 (1902), p. 13—37.—Продолженіе уже отмѣченной нами въ Византійскомъ Временникѣ (т. IX, вып. 1—2, 1902, стр. 248) работы.—См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, Н. 3—4 (1902), S. 654.

Ovide Densusianu. *Histoire de la langue roumaine*. Tome premier, fasc. II. Paris, E. Leroux, 1901. p. 129—304.—Продолженіе уже отмѣченной нами

въ Виз. Временникѣ (т. IX, вып. 1—2, 1902, стр. 249) работы.—См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 3—4 (1902), S. 656.

Al. Gayet. *L'art copte. École d'Alexandrie — Architecture monastique — Sculpture — Peinture — Art somptuaire. Illustrations de l'auteur.* Paris, Ernest Leroux, 1902, VIII+334 стр. 8°. Съ шестью таблицами и многочисленными рисунками. — Попытка дать общій обзоръ христіанскаго искусства Египта. — См. замѣчанія J. S. въ Byz. Zeitschr., B. XI, H. 3—4 (1902), S. 656—659.

G. Schlumberger. *Note sur une mission de MM. Perdrizet et Chesney en Macédoine dans le cours de l'été 1901.* Напечатано въ Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. Janvier—Février, 1902, p. 33—37. — Сообщеніе о сдѣланныхъ двумя вышеназванными французами фотографіяхъ въ Македоніи и объ описаніяхъ византийскихъ памятниковъ. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 3—4 (1902), S. 659.

Stéphan Gsell. *Les monuments antiques de l'Algérie.* Ouvrage publié sous les auspices du gouvernement général de l'Algérie. 2 tomes. Paris, Albert Fontemoing, 1901, VIII+290 стр. (съ 72 таблицами и 85 изображеніями въ текстѣ)+447 стр. (съ 34 таблицами и 89 изображеніями въ текстѣ). 8°.

H. Oment. *Peintures d'un manuscrit grec de l'évangile de Saint Matthieu* copié en onciale d'or sur parchemin pourpré et récemment acquis pour la Bibliothèque nationale. Monuments Piot, VII (1901), p. 175—185 и таблицы XVI—XIX. — Подробное описаніе и выясненіе значенія пяти миниатюръ греческой рукописи Евангелія ап. Матвея. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 3—4 (1902), S. 668—669.

Auguste Molinier. *Une cosmographie chrétienne du VIe siècle.* L'art, 1901, p. 389 sq.

G. Schlumberger. *Un reliquaire byzantin portant le nom de Marie Commène, fille de l'empereur Alexis Commène.* Напечатано въ Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. Janvier—Février, 1902, p. 67—71. — Описаніе замѣчательной, хранящейся теперь въ церкви деревни Еупе у Audenarde въ западной Фландріи, раки съ именемъ Маріи Комнины, дочери императора Алексѣя Комнина. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 3—4 (1902), S. 669—670.

Isabelle Errera. *Collection d'anciennes étoffes réunies et décrites par Madame I. E.* Catalogue orné de 420 photogravures exécutées d'après les clichés de l'auteur. Bruxelles, Falk fils, 1901. — Этотъ въ высшей степени цѣнный каталогъ даетъ, кромѣ цѣлаго ряда превосходно сдѣланныхъ изображеній, замѣчанія о краскѣ и матеріалѣ матерій, о времени ихъ, о происхожденіи и т. д. Для византиниста этотъ каталогъ важенъ тѣмъ, что даетъ много матеріала для изслѣдованія вопроса о взаимномъ вліяніи востока и запада. — См. Byz. Zeitschr., B. XI, H. 3—4 (1902), S. 672.

I. Eugène Lott. *Rome et Byzance.* Notes d'archéologie monumentale latine et byzantine. Tournay, 1901. 140 стр. 8° съ изображеніями. — Содержаніе намъ неизвѣстно.

H. Lammens. *Notes épigraphiques et topographiques sur l'Émésène.* Напечатано въ Le Musée Belge, 6 (1902), p. 30—57.—Авторъ издаетъ между другими и греческія надписи христіанскаго времени.—См. Byz. Zeitschr., B. IX, H. 3—4 (1902), S. 675.

J. Pargoire. *Les monastères de Saint Ignace et les cinq plus petits îlots de l'archipel des Princes.* Напечатано въ Извѣстіяхъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, т. VII, 1 (1901), стр. 56—91.—См. выше въ отдѣлѣ «Россія», стр. 553 и Byz. Zeitschr., B. XI, H. 3—4 (1902), S. 682.

J. Pargoire. *Autour de Chalcedoine.* Напечатано въ Byzantinische Zeitschrift, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 333—357.—Эта написанная на основаніи прекраснаго знакомства автора съ источниками вопроса статья направлена противъ работы М. I. Meliopoulos «Βουλλὸς Αὐχάντιου, 'Ρουφινιανῶν, Νηὸς ἀποστόλου Θωμᾶ ἐν τοῖς Βορσίδιαις», напечатанной въ Byzantinische Zeitschrift (XI, 1900, S. 63—71); кромѣ того, авторъ даетъ дополненія къ своей собственной работѣ «Rufinianez», появившейся ibidem, VIII (1899), S. 429—477.

S. Pétridès. *Office inédit de Saint Romain le Mélode.* Напечатано въ Byzantinische Zeitschrift, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 368—369.—Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній о памяти св. Романа Сладкопѣвца въ различныхъ святкахъ авторъ издаетъ на основаніи Cod. hierosol. S. Sab. 73 еще до сихъ поръ неизвѣстную службу въ честь знаменитаго пѣснопѣвца.

J. Bidez. *Sur diverses citations, et notamment sur trois passages de Malalas retrouvés dans un texte hagiographique.* Напечатано въ Byzantinische Zeitschrift, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 388—394.—Въ 1897 году французъ Viteau издалъ «Passions des saints Ecaterine et Pierre d'Alexandrie». Третій текстъ мученичества св. Екатерины заключаетъ цѣлый рядъ упоминаній о Діодорѣ, Плутархѣ, Гомерѣ, Орфеѣ, Софоклѣ, Платонѣ, оракулѣ Аполлона. Авторъ настоящей статьи доказываетъ, что вся эта эрудиція, болѣею частью, исходитъ или прямо изъ хроники Малалы, или изъ одного изъ источниковъ, которыми Малаала пользовался; для доказательства своего положенія въ статьѣ сопоставленъ рядъ текстовъ.

M. A. Kugener, *Saint Jérôme et la Vie de Paul de Thèbes.* Напечатано въ Byzantinische Zeitschrift, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 513—517.—Авторъ разбираетъ отношеніе между греческимъ и латинскимъ текстомъ житія Павла Олванскаго и св. Іеронимомъ.

Al. Gayet. *L'exploration des nécropoles gréco-byzantines d'Antinoë et les sarcophages de tombes pharaoniques de la ville antique.* Avec 20 planches. Annales du Musée Guimet. Série in-4. Tome XXX, fasc. 2. 12 fr.

L. de Beylié. *L'Habitation byzantine.* Recherches sur l'architecture civile des byzantins et son influence en Europe. Fort in-4°, en portefeuille, contenant 400 illustrations dont 82 planches en phototypie hors texte. Paris E. Leroux. 40 fr.—Римское жилище до первыхъ годовъ IV столѣтія. Византійское жилище съ IV вѣка по первые годы VI-го вѣка. Византія и

византийское жилище съ VI по XV вѣкѣ. Византийскіе дворцы внѣ Греціи—украшеніе и обстановка.

C. Charon. *L'église grecque melchite catholique.* Напечатано въ *Echos d'Orient*, 5-me année (Sept. 1902), p. 332—343 (à suivre). — Продолженіе уже отмѣченной нами работы (См. Виз. Временникъ, т. VIII, 1901, стр. 662; т. IX, вып. 1—2, 1902, стр. 250). Рѣчь идетъ о XIX вѣкѣ.

J. Thibaut. *La musique instrumentale chez les Byzantins.* Напечатано *ibidem*, p. 343 — 353. — Статья подробно разбираетъ вопросъ о византийскихъ органахъ; къ статьѣ приложены рисунки.

J. Bois. *Les débuts de la controverse hésychaste.* Напечатано *ibidem*, p. 353 — 362. — Статья главнымъ образомъ занимается дѣятельностью Варлаама и Паламы.

A. Ratel. *L'Église serbe orthodoxe de Dalmatie.* Напечатано *ibidem*, p. 362—375. — Излагая судьбы сербской православной церкви въ Далмаціи, авторъ касается и отношеній къ ней византийскихъ императоровъ.

L. Petit. *Deux mots sur Pierre Gilles.* Напечатано *ibidem*, p. 375—377.

S. Vailhé. *Saint André de Crète.* Напечатано *ibidem*, p. 378—387. — Авторъ, перечисливъ тѣ источники, изъ которыхъ мы черпаемъ свѣдѣнія объ Андреѣ Критскомъ, дѣлаетъ очеркъ его жизни и относитъ смерть святого къ 4 іюля 740 года.

J. Pargoire. *Les Almugavars en Orient de 1302 à 1311.* Напечатано *ibidem*, p. 387—390. — Изложеніе новаго уже извѣстнаго намъ труда G. Schlumberger. (См. Виз. Временникъ, т. IX, вып. 1—2, 1902, стр. 252—253).

Joseph Debs Mgr. *Réponse à un article de M. S. Vailhé sur les Origines religieuses des Maronites*, paru dans les *Echos d'Orient*, N-os 2 et 3, décembre 1900 et février 1901. Paris, 1902, 26 стр. — Эта брошюра полемическаго характера можетъ быть получена даромъ изъ Парижа: l'Association Saint-Louis des Maronites, 6, rue de Furstenberg, Paris.

P. Théopistos de l'Assomption. *La vie intellectuelle chez les Grecs.* Напечатано въ *Bessarione*, Serie II, Vol. I, fasc. 62 (1901), p. 158—175. — Авторъ даетъ краткую картину греческой литературной жизни, предшествовавшей эпохѣ Возрожденія, выставляетъ заслуги духовенства въ сохраненіи греческаго языка и обозрѣваетъ главные умственные центры того времени. Авторъ хорошо знакомъ съ современной греческой библиографіей.

D. P. Renaudin. *Les manuscrits liturgiques coptes de la bibliothèque nationale de Paris.* Напечатано *ibidem*, fasc. 62 (1902), p. 229—231. — Перечень коптскихъ литургическихъ рукописей Національной парижской библиотеки, извлеченный изъ каталога Amélineau.

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

P. Allard. *Julien l'Apostat.* Т. I. См. Византийскій Временникъ, т. VIII (1901), стр. 250 и 664. — Рецензіи появились: **G. Kurth** въ *Bulletin bibliographique et pédagogique du Musée Belge*, 5 (1901), p. 163 — 165; **C. Cl-**

polla въ *Bollettino di filologia classica* 7 (1900—1901), Nr. 8. p. 56—60; **A. Feder** въ *Literarischer Handweiser* 40 (1901—1902), Nr. 11, p. 357—359; **C. Rinaudo** въ *Rivista storica italiana*, 18 (1901), p. 125—128.

Chronique de Michel le Syrien, ed. **J. Chabot**. См. Виз. Временникъ, т. VII (1900), стр. 545—546 и т. IX, вып. 1—2 (1902), стр. 254.—Рецензія появилась: **M. A. Kugener** въ *Revue de l'instruction publique en Belgique*, 44 (1901), p. 326—330.

Ricochon. *Tablettes et formules magiques à double sens*. См. выше стр. 578.—Рецензія появилась **D'Arbois de Jubainville** въ *Revue celtique*, 23 (1902), p. 107.

J. van den Gheyn. *Catalogue des manuscrits de la bibliothèque Royale de Belgique*. См. выше стр. 579.—Рецензія появилась **Wih. Weinberger** въ *Zeitschrift für die österreichischen Gymnasien*, 53 (1902), S. 214 sq.

H. Omont. *Notice sur un très-ancien manuscrit grec...* См. Виз. Врем., т. VIII (1901), стр. 656.—Рецензія появилась **P. L.** въ *Revue critique*, 52 (1901), p. 188 sq.

H. Quentin. I. D. Mansi. См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 250, 260 и 664; т. IX, вып. 1—2 (1902), стр. 253.—Рецензіи появились: **P. G. Allmang** въ *Studien und Mittheilungen aus dem Benedictiner- und dem Cistercienser-Orden*, 22 (1901), S. 654 sq.; **S. Vallhé** въ *Echos d'Orient*, 4 (1901), p. 235—238; **Heinrich Finke** въ *Literarische Rundschau für das katholische Deutschland*, 28 (1902) Nr. 2, Sp. 41—46; **A. Rastoul** въ *Bibliothèque de l'Ecole des chartes*, 62 (1901), p. 377 sq.; 399—401.

Hugues Gaüsser. *Le Système musical de l'Eglise grecque*. См. Виз. Временникъ, т. IX, вып. 1—2 (1902), стр. 252.—Рецензія появилась **P. G. Thibaut** въ *Revue de l'Orient chrétien*, 6 (1901), p. 654—656.

O. Bardenhewer. *Les Pères de l'Eglise*.—Рецензія появилась **Paul Lejay** въ *Revue critique*, 85 (1901), Nr. 18, p. 346 sq.

Pierre Batiffol. *La Littérature grecque (chrétienne)*. 3-е édition. Paris, Lecoffre, 1902, XV+351 стр. 8°.—Рецензія появилась: **<A. de Santis S. I.>** въ *La Civiltà cattolica*, s. 18, vol. 6, Quad. 1245 (1902), p. 319 sq.

R. Duval. *La littérature syriaque*. Paris, 1899 (2-е издание 1900). См. Виз. Временникъ, т. VII (1900), стр. 238, 555 и 784.—Рецензіи появились: **Richard Gottheil** въ *The American Journal of Semitic Languages and Literatures*, 18 (1901), p. 58—60; на 2-е издание **Funk** въ *Theologische Quartalschrift*, 84 (1902), p. 287 sq.; **<A. de Santis S. I.>** въ *La Civiltà cattolica*, s. 18, vol. 6, Quad. 1245 (1902), p. 320.

G. Voisin. *L'Apollinarisme*. См. Виз. Временникъ, т. IX, вып. 1—2 (1902), стр. 245.—Рецензіи появились: **F. X. Funk** въ *Litterarische Rundschau für das katholische Deutschland*, 28 (1902), Nr. 1. Sp. 10 sq.; **Schanz** въ *Theologische Quartalschrift*, 84 (1902), p. 297 sq.; **M. J.** въ *Revue de l'instruction publique en Belgique*, 44 (1901), p. 426 sq.

A. Puech. *Saint Jean Chrysostome*. См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 260 и 661.—Рецензія появилась **Erwin Preuschen** въ *Theologische*

Literaturzeitung, 27 (1902), Nr. 7, Sp. 212 sq. Английский переводъ работы Pusch'a появился: **M. Partridge**. London, Duckworth, 1902.

H. Pernot. Descente de la Vierge aux Enfers. См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 657; т. IX, вып. 1—2 (1902), стр. 254.—Рецензія появилась **Anonymus** въ *Analecta Bollandiana*, 21 (1902), p. 98 sq.

H. Leclercq. Les martyrs. Т. I. См. выше стр. 580 сл. — Рецензіи появились: **Léonce Celler** въ *Revue des questions historiques*, 71 (1902), p. 661 sq.; **Anonymus** въ *Revue d'histoire ecclésiastique*, 3 (1902), p. 458 sq.; **M. K<inter>** въ *Studien und Mitteilungen aus dem Benedictiner- und Cistercienser-Orden*, 23 (1902), S. 194; **A. D<ufourcq>** въ *Bulletin critique*, 23 (1902), Nr. 14, p. 265—267; **Louis Robert** въ *Polybiblion, Partie littéraire*, 94 (1902), p. 413—416; **M. D.** въ *Revue Critique*, 36 (1902), p. 460.

A. Dufourcq. Etudes sur les Gesta martyrum romains. См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 657 и 664; т. IX, вып. 1—2 (1902), стр. 254.—Рецензіи появились: **Paul Lejay** въ *Revue critique*, 36 (1902), p. 23—25; **Paul Maria Baumgarten** въ *Historisches Jahrbuch*, 23 (1902), S. 137 sq.; **E. Babut** въ *Revue historique*, 68 (1902), p. 370—377.

J. Bidez. Deux versions grecques de la vie de Paul de Thèbes. См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 251 и 664; т. IX, вып. 1—2 (1902), стр. 254.—Рецензіи появились: **H<enri> G<oelzer>** въ *Revue des études grecques*, 14 (1901), p. 309; **Aug. Heisenberg** въ *Berliner philologische Wochenschrift*, 22 (1902), Nr. 5, Sp. 135—139; **Domenico Bassi** въ *Rivista di filologia*, 30 (1902), p. 376 sq.; **G. Grützmaker** въ *Deutsche Literaturzeitung*, 23 (1902), Nr. 24, Sp. 1503 sq.; **F. C<umont>** въ *Revue de l'instruction publique en Belgique*, 44 (1901), p. 339—341.

Paul van den Ven. S. Jérôme et la vie du moine Malchus. См. Виз. Временникъ, т. IX, вып. 1—2 (1902), стр. 246—247.—Рецензіи появились: **G. Grützmaker** въ *Deutsche Literaturzeitung*, 23 (1902), Nr. 4, Sp. 225; **Ursmer Berlière** въ *Revue Bénédictine*, 19 (1902), p. 76 sq.; **G<ermain> M<orin>** въ *Bulletin critique*, 23 (1902), Nr. 8, p. 155 sq.; **Anonymus** въ *Analecta Bollandiana*, 21 (1902), p. 101 sq.; **C<arl> W<eyman>** въ *Historisches Jahrbuch*, 23 (1902), S. 141 sq.; **H. Plenkens** въ *Theologische Revue*, 1 (1902), Nr. 8, Sp. 242—244; **J. Bidez** въ *Revue de l'instruction publique en Belgique*, 45 (1902), p. 28—30; **Zückler** въ *Theologisches Literaturblatt*, 23 (1902), Nr. 25, Sp. 299.

Ch. Diehl. Justinien et la civilisation byzantine. См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 663; т. IX, вып. 1—2 (1902), стр. 254.—Рецензіи появились: **G. Krüger** въ *Theologische Literaturzeitung*, 27 (1902), Nr. 4, Sp. 104 sq.; **J. Labourt** въ *Revue des questions historiques*, 71 (1902), p. 666 sq.; **Victor Schultze** въ *Berliner philologische Wochenschrift*, 22 (1902), Nr. 18, Sp. 557—579; **Josef Strzygowski** въ *Deutsche Literaturzeitung*, 22 (1901), Nr. 47, Sp. 2975—2977 и въ *Historische Vierteljahrschrift*, 5 (1902), S. 245 sq.; **F. Hirsch** въ *Historische Zeitschrift*, N. F. 53 (1902), S. 81—

85; A. D. въ *Bulletin critique*, 23 (1902), Nr. 17, S. 330—333; H. Geizer въ *Byzantinische Zeitschrift*, B. XI, (1902), S. 526—531 (см. выше стр. 566); S. Reinach въ *Revue critique*, 13 oct. 1902, p. 286—290.

G. Schlumberger. *L'épopée byzantine à la fin du X-e siècle. Seconde partie.* См. Виз. Временникъ, т. VII (1900), стр. 783; VIII (1901), стр. 664; IX, вып. 1—2 (1902), стр. 254.—Рецензія появилась L. Bréhier въ *Revue historique*, t. 79 (1902), p. 152—158.

S. G. Pélissier. *Sur les dates de trois lettres inédites de Jean Lascaris ambassadeur de France à Venise.* Paris, Imprimerie nationale, 1901, 42 стр. 4°. Extrait des Mémoires présentés par divers savants. — Рецензія появилась P. Pélicier въ *Bibliothèque de l'école des chartes*, 62 (1901), p. 659 sq.

Dom Besse. *D'où viennent les moines?* Paris, Bloud, 1901, 63 стр. 18°. Sciences et religion. Série historique publiée sous les auspices de la Société bibliographique. — Рецензія появилась A. du B. въ *Revue des questions historiques*, 71 (1902), p. 663 sq.

Itinéraire de Jérôme Maurand, d'Antibes à Constantinople (1544), texte italien publié pour la première fois avec une introduction, une traduction et des notes par Léon Dorez. Paris, Leroux, 1901, LVII+378 стр., 20 таблицъ.—Рецензія появилась P. Perdrizet въ *Revue des études anciennes*, 4 (1902), p. 160—164.

E. J. Soll. Constantinople. Notes archéologiques. См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 659.—Рецензія появилась L. C[loquet] въ *Revue de l'art chrétien*, 44 (1901), p. 527 sq.

G. Millet. Le monastère de Daphni. См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 131, 232, 241.—Рецензія появилась Louis Bréhier въ *Revue historique*, 78 (1902), p. 167—171.

Bouché-Leclercque. *L'astrologie grecque.* См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 241, 261 и 665.—Рецензія появилась H. de la Ville de Mirmont въ *Revue des études anciennes*, 4 (1902), p. 65—72; ср. замѣчанія самого Bouché-Leclercque, ibidem, p. 148—150.

G. Schlumberger. *Expédition des «Almugavares» ou routiers catalans en Orient.* См. выше, стр. 252—253.—Рецензія появилась Ad. I. Adamantiu въ *Армения*, III (1902), p. 267—269.

Jean Lombard. *Byzance. Préface de Paul Margueritte. Illustrations de A. Leroux.* Quarantième édition. Paris, P. Ollendorff, 1901, VIII+403 стр. 8°. — Рецензія появилась Theodor Zichy въ *Byzantinische Zeitschrift*, B. XI (1902), S. 202—203. — См. Виз. Врем. IX, стр. 235.

F. Chalandon. *Essai sur le règne d'Alexis I-er Comnène.* См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 259—260 и 664.—Рецензія появилась Ch. Diehl въ *Byzantinische Zeitschrift*, B. XI (1902), S. 524—526. См. выше стр. 566.

F. Cumont. *Les mystères de Mithra*. Deuxième édition revue, contenant 22 figures et une carte. In-8, XVIII + 189 стр. Paris, Fontemoing, 1902.—Рецензія появилась S. Reinach въ *Revue critique*, 6 oct. 1902, p. 264—266.

А. Васильевъ.

ИТАЛІЯ.

Giovanni Salvatore Ramundo. *Commodiano e Giuliano l'Apostata*. Scritti vari di filologia. Roma, Forzani e Co. 1901, p. 215—229, 4^a.—Авторъ переноситъ христіанско-латинскаго поэта Коммодіана изъ III-го вѣка во время Юліана и указываетъ на цѣлый рядъ мѣстъ изъ его стихотвореній, относящихся къ дѣламъ и распоряженіямъ этого императора. Сюда же надо присоединить статью того же автора «Quando visse Commodiano?», напечатанную въ *Archivio della Reale Società Romana di storia patria*, 24 (1901), p. 373—391.—См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 577.

Luigi Galante. *Contributo allo studio delle epistole di Procopio di Gaza*. Напечатано въ *Studi italiani di filologia classica*, 9 (1901), p. 207—236.—См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 577—578.

G. Vitelli. *Per i «Tetrastichi» di Ignazio*. Напечатано въ *Studi italiani di filologia classica*, 9 (1901), p. 367. — Небольшая замѣтка. — См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 578.

L. Levi. *Cinque lettere inedite di Emanuele Moscopulo*. Напечатано въ *Studi italiani di filologia classica*, 10 (1902), p. 55—72.—Авторъ издаетъ пять писемъ ученаго гуманиста Мануила Москопула на основаніи Cod. Marc. XI 15 s. XV. Издатель не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки объяснить темныя мѣста этихъ писемъ. — См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), p. 581—582.

V. Tommasini. *Sulle laudi greche conservate nel Liber Politicus del canonico Benedetto*. Отд. оттискъ изъ тома: «A Ernesto Monaci per l'anno XXV del suo insegnamento gli scolari», Roma, Forzari & Co. 1901, p. 377—388.—Въ ранніе средніе вѣка (можетъ быть, въ IX—X вѣкѣ) былъ въ Римѣ праздникъ народнаго характера, Cornomannia, во время котораго мальчики-канторы и другіе пѣли греческіе стихи. Описаніе праздника съ этими стихами было уже издано Дюканжомъ, потомъ Amati и, наконецъ, Paul Fabre (*Le polyptyque du chanoin Benoît*. Lille, 1889). Только послѣдній издатель взялъ на себя трудъ возстановить греческіе стихи, которые въ рукописяхъ переданы въ латинской фонетической транскрипціи. К. Крумбахеръ указалъ въ своей Исторіи византійской литературы (2 изд. S. 257), что въ этомъ направленіи можно еще продолжать работу. Въ настоящей работѣ Tommasini не безъ успѣха выполнилъ эту задачу. Послѣ очень содержательнаго изслѣдованія объ исторіи и сущности праздника «Cornomannia» онъ даетъ текстъ стиховъ въ латинской тран-

скрипція по двумъ рукописямъ и прибавляетъ къ нему восстановленный имъ греческій текстъ. — См. замѣчанія К. Крумбахера въ *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 586—588.

G. Vitelli. *Una parola dei «Proverbi di Esopo»*. Напечатано въ *Studi italiani di filologia classica*, 9 (1901), p. 290. — Авторъ замѣтки показываетъ, что въ Дрезденскомъ кодексѣ пословицъ, который издалъ недавно умершій нашъ ученый, В. К. Ериштедтъ (см. *Виз. Врем.*, т. VIII, 1901, стр. 115—130), въ четырнадцатой пословицѣ читается *хѣтѣлов*, а не *хѣтѣ пов.* — См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 589.

Lion. Levi. *Un carne greco medievale in lode di Venezia*. Отд. оттискъ изъ *Ateneo Veneto*, anno XXV, vol. I fasc. 2 (1902), 9 стр. — Объяснительныя замѣчанія къ изданному Вагнеромъ (*W. Wagner, Carmina graeca medii aevi*, p. 221 sq.) средневѣковому стихотворенію *Εἰς Βενετίαν*. — См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 589.

Giulio Pierleoni. *Index codicum graecorum qui Romae in bibliotheca Corsiniana nunc Lynceorum adservantur*. Напечатано въ *Studi italiani di filologia classica*, 9 (1901), p. 467—478. — Библиотека владѣетъ шестнадцатью рукописями, большею частью, церковнаго содержанія. Наиболѣе важной является Nr. 1, древній тропологій и тріодь. — См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 591.

L. Galante. *Un «Ostrakon» calcario greco-copto del museo di Firenze*. Напечатано въ *Studi italiani di filologia classica*, 9 (1901), p. 194—198. — Описаніе и изданіе египетскаго «остраконъ» съ небольшимъ и совершенно бесполезнымъ для греческаго языка греко-коптскимъ глоссаріемъ. — См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 603.

Giovanni Mercati. *Antiche reliquie liturgiche Ambrosiane e Romane con un excursus sui frammenti dogmatici del Mai*. Roma, tipografia Vaticana, 1902, 79 стр. 8°. *Studi e testi* 7. — См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 615.

(A. de Santis. S. I.). *Studii d'antica letteratura cristiana e patristica. Le persecuzioni dei primi secoli*. Напечатано въ *La civiltà cattolica*, s. 18, vol. 4, Quad. 1236 (1901), p. 710—722. — Эта статья является дополненіемъ къ отмѣченной уже выше нами работѣ Анонимуса (Виз. Временникъ, т. IX, вып. 1—2, 1902, стр. 255—256) объ *Acta martyrum*. — См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 636.

Anonymus. *Studii d'antica letteratura cristiana e patristica*. Напечатано въ *La Civiltà cattolica*, s. 18, vol. 3 и 5, Quad. 1229 и 1241 (1901—1902), p. 576—587 и 583—591. — Обзоръ и оцѣнка новѣйшей литературы о символахъ, апокрифахъ, о Климентѣ Александрійскомъ и т. д. Ср. предыдущую замѣтку. — См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 640.

Carolo Carassai. *La politica religiosa di Costantino il Grande e la proprietà della chiesa*. Напечатано въ *Archivio della Reale Società Romana di storia patria*, 24 (1901), p. 95—157. — Авторъ доказываетъ, что при Константинѣ Великомъ церковъ не имѣла специальныхъ привилегій и не претен-

довала на нихъ; церковные истерики преувеличиваютъ, когда говорятъ, что во время Константина церковь не платила налоговъ.—См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 649.

A. Crivellucci. *Delle Origini dello Stato pontificio*. Напечатано въ *Studi storici*, 10 (1901), p. 289—329; 11 (1902), p. 37—86.—Продолженіе уже отмѣченной нами въ Византійскомъ Временникѣ (т. IX, вып. 1—2, 1902, стр. 256) работы.—См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 652.

Анонимус. *Per gli studi ecclesiastici. Lessici—periodici nuovi*. Напечатано въ *La Civiltà cattolica*, s. 18, vol. 6, Quad. 1246 (1902), p. 449—460.—Статья говоритъ объ окончаніи Фрейбургскаго «Kirchenlexicon», объ *Oriens christianus* Баумштарка и т. д.—См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 653.

Alfredo Melani. *Stucchi a Ravenna nel Battistero Ursiano*. Напечатано въ *Arte e Storia*, XX (1901), p. 53 sq.

S. Grisar, S. J. *San Saba sull'Aventino e l'oratorio di S. Silvia*. Напечатано въ *La Civiltà cattolica*, ser. XVIII, vol. 2, p. 589—599; vol. 3, p. 719—724; vol. 5, p. 194—213.—Главное содержаніе статьи установить исторію монастыря св. Саввы въ Римѣ.—См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 661.

<C. Briccarelli S. I.). *Roma e Bisanzio nella storia dell'architettura cristiana*. Напечатано въ *La Civiltà cattolica*, ser. XVIII, vol. IV, Quadr. 1232 и 1235.—См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 663.

F. Bulić. *Il palazzo di Dioclesiano a Spalato è proprietà di Stato*. Supplemento al *Bullettino di archeologia e storia dalmata*, 1902. 20 стр. и одна таблица.—Статья вызвана слухами о томъ, что части дворца Діоклетіана въ Спалато покупаются однимъ лицомъ въ частную собственность.—См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 665.

Corrado Ricci. *La vita di Gesù*. Emporium (Bergamo), апрѣль 1902.—Описаніе и первое полное изданіе по снятымъ фотографіямъ двадцати шести мозаикъ въ S. Apollinare Nuovo въ Равеннѣ изъ времени Теодориха Великаго.—См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 669.

Solone Ambrosoli. *Un soldo d'oro inedito di Licinia Eudossia*. Напечатано въ *Rassegna d'arte*, II (1902), p. 42—43 съ 8 изображеніями.—См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 673.

Corrado Ricci. *Le tarsie marmoree dell'abside di S. Vitale in Ravenna*. Напечатано въ *Rassegna d'arte*, II (1902), p. 45—47.—См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 673.

Corrado Ricci. *Le origini dell'Architettura Lombarda*. Напечатано въ *Rassegna d'arte*, II (1902), p. 11—13.—Хвалебный отзывъ объ извѣстной уже намъ работѣ Rivoira (Виз. Врем., т. IX, вып. 1—2, 1902, стр. 257).—См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 674.

Roberto de Ruggiero. *Il diritto romano e la papirologia*. Напечатано въ *Bullettino dell'Istituto di diritto romano*, XIV (1901), p. 1—27. Roma. Istituto di diritto romano, 1902.—Сдѣлавъ общій обзоръ библіографиче-

скихъ попытокъ въ области папирологии, авторъ сопоставляетъ тѣ изда-
нія папирусовъ, которые относятся къ римскому праву. — См. *Byz.*
Zeitschr., B. XI, H. 3—4 (1902), S. 676.

Luigi Siciliano-Villanueva. *Sul diritto greco-romano (privato) in Sicilia.* (Estratto dalla Rivista di storia e filosofia del diritto, vol. II, fasc. VII e segu.). Palermo, 1901, 107 стр. 8°. — Авторъ задался цѣлью выяснитъ влія-
ніе эклоги Льва и Константина (739 года) на сохранившіеся частные
документы и на городскія права Сициліи, а также вліяніе прохирона, эпа-
нагоги и василикъ на сицилійское право. Настоящее изслѣдованіе автора
касается семейнаго и наслѣдственнаго права. — См. *Byz. Zeitschr.*, B. XI,
H. 3—4 (1902), S. 676.

C. Ferrini. *Di un nuovo palinsesto dei Basilici.* Напечатано въ *Byzanti-*
nische Zeitschrift, XI (1902), S. 105—108. — Замѣтки о новомъ палимпсестѣ
Василикъ (Cod. num. 15° di Pio II, ora Vaticano).

F. Bulló. *Ritrovamenti antichi nelle mura perimetrali dell'antica Salona.*
L'iscrizione della «praefectura Phariaca Salonitana». Con Tav. n. I, II, III.
Напечатано въ *Bullettino di archeologia e storia dalmata*, anno XXV
(1902), p. 3—29. — Описаніе раскопокъ, произведенныхъ въ 1901 году
около древней Салоны въ Далмаціи; въ настоящей работѣ приведены най-
денныя латинскія надписи. Мы упоминаемъ эту работу потому, что въ
ней говорится о Салонѣ въ византійское время (см. p. 11 sq.).

Fr. Cerone. *La politica orientale di Alfonso di Aragona.* Parte prima: Na-
poli, l'Egitto, l'Abissinia nel secolo XV. Parte seconda: Tunisi e le relazioni
in Oriente. Напечатано въ *Archivio storico per le province napoletane*,
XXVII (1902), livr. I, p. 3—93; livr. II, p. 380—456 (продолж. слѣд.). —
Работа профессора Восточнаго Института въ Неаполѣ имѣетъ своею цѣлью
выяснить восточныя отношенія Альфонса Арагонскаго; онъ привлекаетъ
къ своему труду и архивные документы, особенно изъ барселонскихъ
архивовъ. Помимо интересныхъ сообщеній объ отношеніяхъ Альфонса къ
Эфиопіи, Тунису, авторъ удѣляетъ отдѣльную главу: «Отношенія, пере-
говоры и союзы на востокъ до катастрофы»; онъ начинаетъ разсказъ
съ попытокъ, сдѣланныхъ Альфонсомъ Арагонскимъ, добиться у Кон-
стантина и Ѳомы Палеологовъ обратной уступки Лейнскаго и Неопатрас-
скаго герцогствъ. За этимъ слѣдуетъ краткій очеркъ состоянія византій-
ской имперіи передъ взятіемъ Константинополя турками и историческій
обзоръ отношеній неаполитанскаго короля къ Кипру и редосскимъ ры-
царямъ.

E. Manceri. *Cofanetto bizantino della cappella palatina di Palermo.* Напе-
чатано въ *L'Arte*, V (1902), p. 45—46. — Описаніе византійскаго ящичка,
который относится авторомъ ко времени не позже V-го вѣка.

E. Brunelli. *La collezione di stoffe antiche della Signora Isabella Errero.*
Напечатано въ *L'Arte*, V (1902), livr. 1—3, appendice, p. 1—8. — Интерес-
ныя подробности о вліяніи на Сицилію византійскихъ ткачей.

B. Odescalchi Principe. *Ricordi di Costantinopoli.* Напечатано въ *Nuova*

Antologia, 37 (1902), livr. 730, p. 302—310; livr. 731, p. 457—471; livr. 732, p. 653—666. — Историческое описание ипподрома, св. Софiи и главныхъ церквей и мечетей Константинополя.

E. Mastroianni. *Le fonti della storia delle provincie napoletane dal 568 al 1500 di Bartolomeo Capasso con note ed un copioso indice alfabetico*. Napoli, Riccardo Marghieri, 1902, VII+281 стр.—Перевзданiе труда итальянскаго ученаго Capasso (+1900 г.), помѣщеннаго раньше въ первомъ и второмъ томѣ Archivio Storico Napolitano. Критическiй этюдъ объ источникахъ исторiи неаполитанскаго и сицилійскаго королевства; въ работѣ можно найти рядъ цѣнныхъ свѣдѣнiй о хроникахъ Салерно, Амальфи, Бари, о греческихъ агиографахъ ордена св. Василiя въ Калабрии, о разсказахъ по вопросу о перенесенiи въ Бари мощей св. Николая изъ Миръ (р. 54—67) и т. д. Этотъ трудъ даетъ много драгоценнаго материала для исторiи отношенiя Неаполя къ Византии.

F. Nitti de Vito, G. Nitto de Rossi, F. Carabellese. *Codice diplomatico barese*. Bari, 1897—1902.—Очень важное изданiе для исторiи Апулiи въ Среднiе Вѣка. Первый томъ (1897, LXXVII+240 стр.) и второй (1899, XIV+252 стр.) заключаютъ документы, относящiеся къ собору въ Бари за время 952—1309 г. Третiй томъ даетъ документы собора Terlizzi; четвертый (1899, LX+389 стр.) греческiе пергаменты базилики св. Николая въ Бари (989—1071 г.) и пятый (1902, XXX+345 стр.) другiе пергаменты той же базилики (1075—1194 г.). Это изданiе бросаетъ яркiй свѣтъ на исторiю Апулiи во время византийскаго владычества.

F. Nitti de Vito. *La leggenda della traslazione di S. Nicola di Bari*. Напечатано въ Rassegna Pugliese, XIX (1902), п. 2—3, p. 33—48.—Критическiй этюдъ о разсказахъ перенесенiя мощей св. Николая въ Бари. Съ помощью одного документа изъ Codice diplomatico barese (см. выше) авторъ даетъ нѣкоторыя подробности о моряхахъ, которые лишили жителей Миръ драгоценныхъ останковъ св. Николая.

D. Timiati. *I cantori di S. Sofia*. Напечатано въ Rivista d'Italia, V (1902), p. 954—982.—Статья заключаетъ въ себѣ биографическую замѣтку о св. Романѣ Сладкопѣвцѣ, описываетъ богослужебныя церемонiи, совершавшiяся въ храмѣ св. Софiи, изучаетъ эволюцiю религиозной поэзи эллинизма и характеръ византийскихъ пѣснопѣнiй и анализируетъ многiе гимны св. Романа, Иоанна Дамаскина, Козьмы, Теофана, Андрея Критскаго, Θεодора Студита и Иосифа Гимнографа съ литературной точки зрѣнiя.

S. Giamil Mons. *Documenta relationum inter S. Sedem Apostolicam et Assyriorum orientalium seu Chaldaeorum ecclesiam...* Напечатано въ Bessazione, serie II, vol. I, fasc. 62 (1901), p. 203—217; fasc. 64 (1902), p. 50—64; fasc. 65 (1902), p. 169—180.—Продолженiе изданiя уже отмѣченныхъ нами документовъ. См. Виз. Временникъ, т. VII (1900), стр. 562; VIII (1901), стр. 262 и 668.

P. Aurelio Palmieri. *La chiesa Georgiana e le sue origini*. Напечатано ibidem,

fasc. 62 (1901), p. 218—228; fasc. 63 (1901), p. 397—408; fasc. 65 (1902), p. 188—204; fasc. 66 (1902), p. 333—343. — Продолженіе уже извѣстной намъ работы (см. Виз. Временникъ, т. VIII, 1901, стр. 669). Въ настоящихъ главахъ ученый авторъ занимается слѣдующими вопросами исторіи грузинской церкви: 1) Грузинская церковь съ I-го по IV вѣкъ; 2) Рожденіе и дѣтство св. Нины; 3) Св. Рипсиме и ея мученичество; 4) Св. Нина въ Иверію; 5) Первые годы апостолатъ св. Нины въ Микетѣ; 6) Обращеніе Миріана; 7) Начало христіанскаго времени въ Иверію; 8) Крещеніе Грузинъ; 9) Второе посольство Миріана въ Константинополь; 10) Апостолъ св. Нины; 11) Смерть св. Нины; 12) Эпилогъ. Авторъ на основаніи византійскихъ, грузинскихъ и армянскихъ источниковъ приходитъ къ такому выводу: только въ IV вѣкѣ христіанство проникло въ Иверію; надъ обращеніемъ этой страны работали прежде всего армяне; Византія не замедлила привлечь ихъ и подчинить своему религіозному вліянію.

Monz. Asgjan. *La S. Sede e la nazione armena.* Напечатано *ibidem*, fasc. 63, p. 381—386 (Continua). — Патриархи Григорій III Бахлавуня и св. Нарзесъ IV. См. Виз. Врем., т. VII (1900), стр. 785; т. VIII (1901), стр. 262—263 и 668.

G. Ciardi-Dupré. *La κοινή διάλεκτος, secondo gli studi più recenti.* Напечатано *ibidem*, fasc. 62 (1901), p. 232—245. — Окончаніе уже отмѣченной нами статьи (см. Виз. Врем., т. VIII, 1901, стр. 669). Авторъ говоритъ о книгѣ Thumb'a.

Luigi de Gregori. *L'esercito bizantino in Procopio di Cesarea.* Напечатано *ibidem*, fasc. 62 (1901), p. 246—258. — Изслѣдованіе объ организаціи византійской арміи на основаніи данныхъ Прокопія: 1) О пограничныхъ гарнизонахъ; 2) *La milizia palatina*; 3) Федераты; 4) Общая численность войска и команда надъ нимъ; 5) *Quaestores exercitus, optiones (ὀπίσιονες), logothetae*, жалованье; 6) О войнахъ въ дѣйстви.

N. Caro. *De S. Isidori Pelusiotae epistularum locis ad antiquitatem pertinentibus.* Напечатано *ibidem*, fasc. 63 (1901), p. 342—363. — Сводъ и объясненіе тѣхъ мѣстъ изъ Исидора Пелусіота, гдѣ онъ цитируетъ древнихъ авторовъ или говоритъ о древней философіи, исторіи и т. д.

Ul. de Nuzio. *Alcune pagine di storia bulgara secondo le note del traduttore slavo di Costantino Manasse.* Напечатано *ibidem*, fasc. 63 (1901), p. 404—418; fasc. 65 (1902), p. 221—244. — Одинъ ватиканскій славянскій кодексъ съ драгоценными миниатюрами, относящійся къ половинѣ XIV вѣка, ко времени болгарскаго царя Іоанна Александра, содержитъ славянскій переводъ *Σύνοψις ἱστορικῆς* Константина Манасси. Переводчикъ снабдилъ свой переводъ примѣчаніями, поясняющими исторію его страны, т. е. Болгаріи; онъ распространяется о мнѣніяхъ прежнихъ и современныхъ ему историковъ о первомъ нападеніи болгаръ на придунайскія области, затѣмъ говоритъ о греческихъ и латинскихъ извѣстіяхъ относительно начала христіанства въ Болгаріи и о событіяхъ церковной и политической исторіи въ Болгаріи до смерти императора Константина

Багрянороднаго въ 959 году. Итальянскій авторъ даетъ итальянскій переводъ этихъ замѣтокъ и сопровождаетъ ихъ историческимъ комментариемъ. Остается пожалѣть, что авторъ не опредѣлялъ точно упомянутого Cod. Vaticanus и не далъ славянскаго текста замѣтокъ, обѣщанныхъ еще въ fasc. 62 (p. 418).

A. P. *L'isola di Halki*. Напечатано *ibidem*, fasc. 63 (1901), p. 428—434. — Географическая и историческая замѣтка о Халки, одномъ изъ Принцевыхъ острововъ.

Ang. Pernice. *Sulla data del libro II dei Miracula S. Demetrii Martyris*. Напечатано *ibidem*, fasc. 65 (1902), p. 181—187. — По мнѣнію болландистовъ и J. Laurent (*Sur la date des églises St. Démétrius et Ste Sophie à Thessalonique* въ *Byzantinische Zeitschrift*, IV, 1895, S. 420 sq.) вторая книга *Miracula S. Demetrii Martyris* относится къ концу VIII вѣка. Итальянецъ Pernice не раздѣляетъ этого мнѣнія и думаетъ, что эта книга составлена во второй половинѣ VII вѣка, вѣроятно, около 656 года.

G. Ciardi-Dupré. *La κοινή secondo il prof. Kretschmer*. Напечатано *ibidem*, fasc. 65 (1902), p. 205—212. — Анализъ книги Kretschmer'a «Die Entstehung der Koine». См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), p. 245 и выше.

P. Ubaldi. *Gli epiteli esornativi nelle lettere di S. Giovanni Crisostomo*. Напечатано *ibidem*, fasc. 66 (1902), p. 304—332. — Работа о тѣхъ эпитетахъ, съ которыми обращается св. Іоаннъ Златоустъ къ своимъ корреспондентамъ.

R. Cotroneo. *Inizio e sviluppo, scomparsa e reliquie del rito greco in Calabria*. Напечатано въ *Rivista storica calabrese*, VIII (1900), livr. 2—3, p. 62—68; IX (1901), livr. 3—4, p. 106—118; livr. 5, p. 165—174; livr. 6—7, p. 215—233. — Авторъ вспоминаетъ о преобладаніи греческаго элемента въ Калабріи съ VIII по XI вѣкъ. Греческіе церковные обряды были введены въ Калабріи въ 740 году. Монахи, изгнанные съ востока императорами-иконоборцами, искали убѣжища въ Калабріи, гдѣ вскорѣ стали появляться монастыри. Метрополіей эллинизма въ Калабріи былъ городъ Реджо (Регіумъ). Греческіе обряды держались во многихъ діоцезахъ до XVI вѣка. Открытіе Америки и упадокъ итальянской торговли на востокъ содѣйствовали упадку греческихъ обрядовъ въ Калабріи; этому помогало и невѣжество самихъ монаховъ, забывшихъ греческій языкъ.

Cozza-Luzi. *Amanuense in Caloveto nel secolo XIII*. Напечатано *ibidem*, X (1902), livr. 6—7, p. 185—187. — Замѣтка объ одномъ греческомъ переписчикѣ XIII вѣка, по имени Лаврентій, жившемъ въ монастырѣ св. Іоанна Каловетскаго въ Италіи.

C. Ferrini. *Gli estratti di Giuliano Ascalonita*. Напечатано въ *Rendiconti del Reale Istituto lombardo di scienze e lettere*. Milano, 1902, serie 2, vol. XXXV, livr. XIV, p. 613—623. — Авторъ анализируетъ извлечения Юліана Аскалонскаго, помѣщенные въ *Hexabiblos* Арменопула (lib. 11, t. 4). Итальянскій ученый высказываетъ мнѣніе, что Арменопулъ заимствовалъ эти извлечения не отъ самого Юліана, а изъ 'Εκτρχικὸν βιβλίον,

или livre du préfet Льва Мудраго. Правовой трактатъ Юліана Асказонскаго, дѣйствовавшій въ Палестинѣ и Сиріи, долженъ относиться ко времени до Юстиніана. Авторъ сравниваетъ извлеченія съ извѣстнымъ сирійскимъ законникомъ, изданнымъ Bruns'омъ и Sachau, и находитъ между ними замѣчательныя аналогіи.

C. Martini. *Spigolature bizantine: i versi inediti di Niceforo Chumnos.* Napoli. Stab. tipografico nella regia università. 1900, 11 стр.—Авторъ издаетъ, на основаніи Cod. 71 Ambros., слово писателя XIII—XIV вѣка, Никифора Хумна, по случаю смерти императора Михаила Палеолога.

P. Aurelio Palmieri. *I caratteri generali della teologia bizantina.* Напечатано въ Studi religiosi. Firenze 1902, а. 2, fasc. II, p. 115—136; fasc. IV, p. 333—352.—Византійская литература отличается своимъ религіознымъ характеромъ, и теологія оказываетъ свое вліяніе на всѣ отрасли знанія. Можно различать три періода въ исторіи византійской теологіи: въ первый періодъ она борется противъ туземныхъ ересей (монофизитовъ и моноелитовъ); во второй она готовитъ свое оружіе противъ иконоборства, которому покровительствовали басилевсы—иностранцы; въ третій періодъ она сосредоточиваетъ всю свою силу въ борьбѣ съ исламомъ и латинизмомъ.

F. Carabellese. *Saggio di storia del commercio della Puglia e più particolarmente della Terra di Bari.* La Terra di Bari sotto l'aspetto storico economico e naturale. Trani, 1900, vol. I, p. 1—66.—Прекрасная монографія о торговлѣ Апуліи съ востокомъ въ средніе вѣка. Авторъ излагаетъ въ ней состояніе Апуліи подъ византійскимъ владычествомъ со времени Юстиніана до IX вѣка; тамъ въ это время было не мало греческихъ колоній. Въ X вѣкѣ моряки Бари пользовались въ Константинополѣ тѣми же льготами, которыя были дарованы императорами амальфіанамъ, венеціанцамъ и ломбардцамъ; подъ византійскимъ покровительствомъ они принялись за торговлю въ портахъ Далмаціи и Греціи. Въ эпоху крестовыхъ походовъ морское значеніе Апуліи еще болѣе усилилось. Изъ портовъ Сиріи, Греціи и вообще всего востока моряки Бари ввозили въ южную Италію шелка, металлы, драгоценныя камни, книги, предметы византійской роскоши, особенно церковныя. Авторъ сообщаетъ обильныя подробности о торговыхъ сношеніяхъ апулійскихъ городовъ съ Амальфи, Генуей, Венеціей, Пизой, Далмаціей и Тунисомъ.

F. Carabellese. *Della storia dell'arte in Puglia e più particolarmente nella Terra di Bari fino ai primi anni del secolo XIII.* La Terra di Bari etc. Trani, 1900, vol. I, p. 67—121. См. предыдущую замѣтку.—Начала христіанскаго искусства въ Апуліи. Въ VI и VII вѣка византійское искусство создаетъ въ Италіи цѣлый рядъ удивительныхъ памятниковъ, особенно въ Равеннѣ, Паренцо, въ Римѣ, Неаполѣ. Византійское вліяніе особенно сказывается въ южной Италіи съ V по X вѣкъ. Ломбардскія и сарацинскія нашествія не пощадили византійскихъ памятниковъ южной Италіи.

Авторъ сообщаетъ историческія свѣдѣнія о византійскихъ церквахъ Бары, особенно о соборѣ и базиликѣ св. Николая Мирликійскаго.

A. Venturi. *I capolavori della scultura bizantina nella seconda età d'oro.* Cronache della civiltà ellenica latina. Roma, 1902, I, п. 3. 50 стр.—Описание бронзовыхъ ангеловъ въ углахъ центральныхъ колоннъ св. Марка въ Венеціи. Эти удивительныя статуи были, безъ сомнѣнія, увезены венецианцами изъ какой-нибудь константинопольской церкви.

A. Chiocchini. *I Pisani all'assedio e conquista di Gerusalemme.* Studio storico-critico. Pisa, 1901, VIII+216 стр.—Книга эта намъ неизвѣстна.

C. Manfredi. *Storia della marina italiana dal trattato di Ninfedo alla caduta di Costantinopoli* (1261—1453). I parte. Livorno, Guisti, 1902. VI+262 стр.

Gen. Angelini. *Le tombe dei re latini a Gerusalemme* (con illustrazioni). Perugia, unione tipografica cooperativa, 1902, p. 1—82.—Интересная монографія о гробницахъ латинскихъ королей въ Иерусалимѣ. Авторъ даетъ исторію базилики св. Гроба (р. 12—17), Голгофы (р. 17—21) и такъ называемой часовни Адама (р. 22—27); при этомъ онъ рассказываетъ легенду о погребеніи головы Адама на Голгофѣ (р. 27—33). За этимъ слѣдуетъ подробное описаніе гробницъ Годфрида Бульонскаго и Балдуна I и критическія замѣчанія о надписяхъ на нихъ (р. 33—57). Остальныя главы сообщаютъ подробности о гробницахъ Балдуна II, Фулькона Анжуйскаго, Мелисенды, а также о гробницахъ другихъ іерусалимскихъ королей, находящихся на хорахъ базилики.

РЕЦЕНЗИИ ПОЯВИЛИСЬ НА СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Gaetano Negri. *L'imperatore Giuliano l'Apostata.* См. Виз. Врем., т. IX, вып. 1—2 (1902), стр. 260—261. — Рецензии появились: **G. Vitelli** въ *Atene e Roma*, 4 (1901), № 28 Sp. 130—132; **C. Jullian** въ *Revue historique*, 78 (1902), p. 167; **Alice Gardner** въ *The English historical Review*, 17, № 65 (январь 1902), p. 141—143; **B.** въ *Revue critique*, 36 (1902), № 12, p. 235; **Achille Coen** въ *Archivio storico italiano*, s. 5, t. 28 (1901), p. 359—371; **Vincenzo Costanzi** въ *Rivista di filologia*, 30 (1902), p. 168—172; **Paolo Rotta**, *L'iniziativa di Giuliano Imperatore ed il suo significato sociale* въ *La Rassegna nazionale*, anno 24, vol. 123 (1902), p. 659—677; **C. Rinaudo** въ *Rivista storica italiana*, anno 19, ser. 3, vol. 1 (1902), p. 22 sq.; **V. F.** въ *Archivio della Reale Società Romana di storia patria*, 24 (1901), p. 521—524; **Carlo Cipolla** въ *Bollettino di filologia classica*, 8 (1902), p. 153—157; **Wilmer Cave France** въ *The American Journal of Theology*, 6 (1902), p. 357 sq.

Giov. Ferrara. *Di alcune pretese irregolarità nella metrica dei melodi bizantini.* См. Виз. Врем., т. IX, вып. 1—2 (1902), стр. 255. — Рецензія появилась **Paul Maas** въ *Berliner philologische Wochenschrift*, 22 (1902), № 13, Sp. 405—406.

Pio Franchi de' Cavalieri. I Martirii di S. Teodoro e di S. Ariadne con un' appendice sul testo originale del Martyrio di S. Eleuterio. Roma, Tipografia Vaticana, 1901, 188 стр. 8°. Одна таблица. Studi e testi, 6. — Рецензія появилась **A. Harnack** въ *Theologische Literaturzeitung*, 27 (1902), № 12, Sp. 358—361.

G. Mercati. Note di letteratura biblica e cristiana antica. См. Виз. Врем. т. IX, вып. 1—2 (1902), стр. 256. — Рецензія появилась **Fr. Diekamp** въ *Theologische Revue*, 1 (1902), № 3, Sp. 81—83; **M. Vaes** въ *Revue d'histoire ecclésiastique*, III (1902), p. 675—676.

Giuseppe Gerola. *Candia all'epoca Veneziana.* Напечатано въ *La Rassegna Internazionale*, anno II, vol. 7 (1901), p. 329—343. — Рецензія появилась **Gius. Dalla Santa** въ *Nuovo Archivio Veneto*, num. 45 (1902), p. 209.

Domenico Taccone-Gallucci. *Monografie di storia calabro-ecclesiastica.* Reggio Calabria, tip. Morello, 1900, p. 1—360. — Рецензія появилась **Giovanni Guerrieri** въ *Archivio storico italiano*, s. 5, t. 29 (1902), p. 111—116.

F. Nobili Vitelleschi (Pomponio Leto). *Della storia civile e politica del papato, dal primo secolo dell'era cristiana fino all'imperatore Teodosio.* Bologna, Zanichelli, 1900, 497 стр. 8°. — Рецензія появились: **Loevinson** въ *Mitteilungen aus der historischen Litteratur*, 30 (1902), S. 138—137; **C. Rinaudo** въ *Rivista storica italiana*, 18 (1901), p. 125—128.

A. Venturi. *Storia dell'arte italiana. I.* См. Виз. Врем., т. VIII (1901), стр. 666. — Рецензія появились: **F. de Mély** въ *Revue critique*, 36 (1902), № 4, p. 71—74; **R. Maere** въ *Revue d'histoire ecclésiastique*, 3 (1902), 72—76; **E. Bertaux** въ *Bulletin critique*, 23 (1902), p. 61—64; **L. Testi** «Osservazioni critiche sulla storia dell'arte a proposito di un'opera recente» въ *Archivio storico italiano*, s. V, t. 29 (1902), p. 12—44; **A. Medin** въ *Nuovo Archivio Veneto*, s. II, t. I (1901), p. 371—372; **J. Strzygowski** въ *Byzantinische Zeitschrift*, B. XI (1902), S. 194—196.

A. Venturi. *La Madonna. Svolgimento artistico delle rappresentazioni della Vergine.* Milano, Hoepli, 1900. IX+442 стр. 4°, 521 таблица. — Рецензія появилась **J. P. Kirsch** въ *Historisches Jahrbuch*, 22 (1901), p. 558 sq.

G. T. Rivoira. *Le origine della Architettura Lombarda. Vol. I.* См. Виз. Врем., т. IX, вып. 1—2 (1902), стр. 257. — Рецензія появились: **Anonymus** въ *The Athenaeum*, № 3879 (1 марта 1902), p. 279 sq.; **F. B.** въ *Literarisches Centralblatt*, 53 (1902), № 8, Sp. 267 sq.; **E.** въ *Rivista internazionale di scienze sociali e discipline ausiliari*, anno 9, vol. 27 (1901), p. 663 sq.; **G. Giovannoni** въ *Archivio della Reale Società Romana di storia patria*, 24 (1901), p. 526—532; **J. Strzygowski** въ *Byzantinische Zeitschrift*, B. XI (1902), S. 568—570 (см. выше стр. 567).

P. Villari. *Le invasioni barbariche in Italia.* См. Виз. Врем., т. VIII (1901), стр. 669. — Рецензія появилась **C. Calisse** въ *Archivio storico italiano*, XXVII (1901), p. 364—367.

P. Ubaldi. *Di una lettera di S. Giovanni Crisostomo.* См. Виз. Врем.,

т. VIII (1901), стр. 262. — Рецензия появилась въ *Analecta Bollandiana*, XX (1901), p. 340—341.

G. Nitto de Rossi e F. Nitti di Vito. *Codice diplomatico barese*. T. II. См. выше стр. 593. — Рецензия появилась Fr. Carabellese въ *Archivio storico italiano*, XXVIII (1901), p. 139—143.

Plo Franchi de' Cavalieri. Dove fu scritta la leggenda di S. Bonifazio? См. Виз. Врем., т. VIII (1901), стр. 666. — Рецензия появилась въ *Analecta Bollandiana*, XX (1901), p. 337—338.

А. Васильевъ.

А. Пальмиери.

АНГЛИЯ.

John Addington Symonds. *Studies of the Greek poets*. Vol. II. 3-е изд. London, A. and Ch. Black, 1902. X+420 стр. 8°. — Двѣ главы этой книги (22 и 23) касаются нашей области: объ Антологіи и о поэмѣ τὰ καὶ 'Ερὸς καὶ Λέανδρος Мусея (p. 283—343 и 344—360). — См. Byz. Zeitschr. B. XI, H. 3—4 (1902), S. 574.

Terrot Reaveley Glover. *Life and Letters in the fourth Century*. Cambridge, University Press. 1901. XVI+398 стр. 8°. — Кромѣ общаго введенія о IV-мъ столѣтіи книга заключаетъ въ себѣ рядъ характеристикъ, какъ напр.: Юліана, Квинта Смирнскаго, Синесія, а также греческой и древне-христіанской новеллистики. Авторъ, работая надъ своей книгой въ Канадѣ, не могъ быть достаточно знакомымъ съ новѣйшей литературой предмета. — См. Byz. Zeitschr. B. XI, H. 3—4 (1902), S. 574.

Thomas Whittaker. *The Neo-Platonists*. Cambridge, University Press. 1901, XIII+231 стр. 8°.

Ecthesis Chronica and Chronicon Athenarum. Edited with critical notes and indices by Spyridon P. Lambros. London, Methuen & Co. 1902, X+112 стр. 8° (=Byzantine Texts, edited by J. B. Bury). — Подъ заглавіемъ 'Ιστορία πολιτικὴ Κωνσταντινουπόλεως Мартинъ Крузій (Crusius) издалъ въ своей Turcograecia (Basel, 1584, p. 1—43) греческую хронику, которая излагаетъ послѣднія судьбы византійскаго государства и быстрое усиленіе турецкаго могущества (1391—1578 г.). Эта хроника оттуда была перепечатана Fr. Alter'омъ въ видѣ приложенія къ его изданію Франдзи (Вѣна, 1796), а затѣмъ въ боннской коллекціи и въ Патрологіи Миня (Migne). Новое изданіе народной редакціи хроники на основаніи Cod. Lincoln. 10 далъ К. Сава (Sathas) въ Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη, VII, p. 557—610. Гораздо болѣе полная рукопись этой народной редакціи найдена теперь С. Ламбросомъ на Афонѣ въ Cod. Dionys. 263, гдѣ хроника доводитъ событія до 1543 года. Этотъ текстъ и изданъ Ламбросомъ съ ученымъ аппаратомъ, который содержитъ варианты Lincolnensis, ошибки Сава и, гдѣ нужно, отклоненіе изданной Крузіемъ Historia politica. На второмъ мѣстѣ слѣдуетъ новое изданіе уже ранѣе изданной Ламбросомъ въ Ἀθήναιον 6

(1878) p. 438—442, небольшой, состоящей лишь изъ нѣсколькихъ сухихъ замѣтокъ мѣстной хроники города Аѳинъ. Томъ снабженъ указателями.—См. Byz. Zeitschr. B. XI, H. 3—4 (1902), S. 583—584.

C. W. Wilson. *Golgotha and the holy Sepulchre*. Напечатано въ Palestine Exploration Fund, 34 (1902), p. 66—77.—Рѣчь идетъ о встрѣчающемся въ греческой и латинской христіанской литературѣ воззрѣніи, что имя Голгоѳа основывается на томъ, что на мѣстѣ, гдѣ былъ распятъ Иисусъ Христосъ, зарытъ былъ черепъ Адама.—См. Byz. Zeitschr. B. XI, H. 3—4 (1902), S. 590.

J. Rendel Harris. *The Annators of the codex Bezae* (with some notes on sortes Sanctorum). London, Clay and Sons, 1901. 184 стр. 8°. Двѣ таблицы. — Содержаніе намъ неизвѣстно.

William Wright. *A Catalogue of the Syriac manuscripts preserved in the library of the University of Cambridge* by the late W. W. with an introduction and appendix by Stanley Arthur Cook. 2 voll. Cambridge, University Press, 1901. XXX+1290 стр. 4°.

Bern. P. Grenfell and Arthur S. Hunt. *The Amherst Papyri*, being an account of the Greek papyri in the collection of the Right Hon. Lord Amherst of Hackney, F. S. A. Part II: Classical fragments and documents of the Ptolemaic, Roman and Byzantine periods. With an appendix containing additional theological fragments. Twenty-five plates. London, Henry Frowde: Oxford University Press Warehouse, Amen Corner, 1901, XII+244 стр. 4°, 52 sh. 6 pence.—О первомъ томѣ этого интереснаго изданія папирусовъ мы уже говорили на страницахъ Византійскаго Временника (т. VIII, 1901, стр. 264, 267 и 673). Теперь вышелъ второй томъ, заключающій въ себѣ цѣлый рядъ интересныхъ документовъ, доходящихъ до VII в. по Р. Хр., которые даютъ много новаго и важнаго матеріала для изученія средневѣковаго греческаго языка. Краткое заглавіе этого второго тома мы уже привели въ Виз. Врем., т. IX, вып. 1—2 (1902), стр. 262.—См. замѣчанія К. Крумбаха въ Byz. Zeitschr. B. XI, H. 3—4 (1902), S. 595—597.

J. Abrahams. *Recent Criticism of the Letter of Aristeas*. Напечатано въ The Jewish Quarterly Review, 14 (1902), p. 321—342.—См. Byz. Zeitschr. B. XI, H. 3—4 (1902), S. 599—600.

Daniel Quinn. *The language question in Greece and some reflections suggested by it*. Напечатано въ United States bureau of education, report of the commissioner of education for 1899—1900, p. 1297—1319 (chapter XXIII).—Хорошій и ясно написанный очеркъ греческой «диглоссіи» въ древнее, римское, византійское и новѣйшее время вплоть до нашихъ дней. — См. Byz. Zeitschr. B. XI, H. 3—4 (1902), S. 604.

J. A. F. Gregg. *The Commentary of Origen upon the Epistle to the Ephesians*. Напечатано въ The Journal of Theological Studies, 3 (1902), p. 233—244; 398—420.—См. Byz. Zeitschr. B. XI, H. 3—4 (1902), S. 610.

William Fairweather. *Origen and Greek Patristik Theology*. New York,

Ch. Scribener's Sons 1901. XIV+268 стр. 8°. The Word's Epoch-Makers.— Книга состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: 1) Предшественники Оригена. 2) Жизнь и характеръ Оригена. 3) Взглядъ Оригена на Священное Писаніе. 4) Религіозная философія Оригена. 5) Сочиненія Оригена. 6—8) Теологія Оригена. 9) Преемники Оригена. 10) Историческія услуги, общія характеристики и отличительный догматическій характеръ греческой теологіи. 11) Реакція противъ оригенизма. 12) Послѣдующая исторія оригенизма. Для лицъ, интересующихся византійскимъ временемъ, должны быть особенно интересны три послѣднія главы книги.—См. Byz. Zeitschr. B. XI, H. 3—4 (1902), S. 610.

John Chapman. *Origen and the date of Pseudo-Clement*. Напечатано въ The Journal of Theological Studies, 3 (1902), p. 436—441.— Оригенъ не зналъ и не цитировалъ псевдо-климентскія произведенія; послѣднія, по всей вѣроятности, появились послѣ Оригена, незадолго до времени Евсевія.—См. Byz. Zeitschr. B. XI, H. 3—4 (1902), S. 610.

J. P. Arendzen. *An entire Syriac text of the «Apostolic Church Order»*. Напечатано въ The Journal of Theological Studies, 3 (1901), p. 59—80.— Сирійскій текстъ на основаніи Cod. Cantab. O. o. 1, 2 s. XI или XII и одной мосульскою рукописи съ англійскимъ переводомъ и примѣчаніями, въ которыхъ для сравненія приведены греческій оригиналъ и сахидская версія. Отъ издателя, очевидно, ускользнуло, что полный сирійскій текстъ на основаніи рукописи Museo Borgiano былъ уже изданъ Baumstark'омъ.—См. Byz. Zeitschr. B. XI, H. 3—4 (1902), S. 611.

W. E. Crum. *Eusebius and Coptic Church Histories*. Напечатано въ Proceedings of the Society of biblical archeology, 24 (1902), № 2, 17 стр. 8°.— Благодаря двумъ парижскимъ рукописямъ сохранились отрывки одного коптскаго церковно-историческаго произведенія, болѣе ранняя часть котораго представляетъ изъ себя, болѣею частью, переводъ изъ Евсевія; оно оканчивается возстановленіемъ патріарха Тимофея Элуро Александрійскаго въ 475 году и имѣетъ своимъ авторомъ монофизита. По всей вѣроятности, мы въ этомъ коптскомъ переводѣ первоначально написанной погречески церковной исторіи имѣемъ переводъ самого Тимофея Элуро, которымъ пользовались нѣкоторые позднѣйшіе писатели, какъ напр.: Іоаннъ Маюмскій, Михаилъ Великій и нѣк. др. Крумъ сообщаетъ въ англійскомъ переводѣ заимствованные изъ Евсевія и касающіеся монофизитовъ отрывки.—См. Byz. Zeitschr. B. XI, H. 3—4 (1902), S. 615.

C. H. Turner. *Eusebius' Chronology of Felix and Festus*. Напечатано въ The Journal of Theological Studies, 3 (1901), p. 120—123.— Нѣкоторыя объясненія и дополненія къ работѣ C. Erbes «Die Todestage der Apostel Paulus und Petrus» (Leipzig, 1899. Texte und Untersuchungen. N. F. IV, 1).—См. Byz. Zeitschr. B. XI, H. 3—4 (1902), S. 615.

Fred. C. Conybeare. *The Eusebian form of the Text Matth. 28, 19*. Напечатано въ Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft, 2 (1901), S. 275—288.— Евсевій только трижды цитируетъ знаменитое мѣсто изъ

Евангелія отъ Маттея. По крайней мѣрѣ въ семнадцати мѣстахъ онъ, повидимому, пользовался текстомъ, въ которомъ стояло «ἐν τῇ ὀνόματι τοῦ»; слово же «βαπτίζοντες», какъ и упоминаніе о св. Троицѣ отсутствовали. — См. Byz. Zeitschr. B. XI, H. 3—4 (1902), S. 616.

Frederic Wallis. *On some mss of the writings of St. Athanasius. Part I.* Напечатано въ The Journal of Theological Studies, 3 (1902), p. 97—109; 245—258. — О нѣкоторыхъ рукописяхъ, съ помощью которыхъ можно возстановить текстъ сочиненій св. Аѳанасія. — См. Byz. Zeitschr. B. XI, H. 3—4 (1902), S. 616—617.

John Freeland. *St. Gregory Nazianzen from his letters.* Напечатано въ The Dublin Review, 130 (1902), p. 333—354. — Авторъ на основаніи писемъ св. Григорія Назіанзіна рисуетъ его характеръ и взгляды. — См. Byz. Zeitschr. B. IX, H. 3—4 (1902), S. 617—618.

I. H. Srawley. *The Mss and Text of the Oratio catechetica of St. Gregory of Nyssa.* Напечатано въ The Journal of Theological Studies, 3 (1902), p. 421—428. — Авторъ, подготовляющій новое критическое изданіе Oratio catechetica св. Григорія Нисскаго, даетъ свѣдѣнія о ея рукописяхъ, которыя онъ дѣлитъ на двѣ группы: 1) Venet. Marc. 67 (м. 6, XI s.) и Vat. (Pii II) gr. 4 s. XI; 2) Brit. Mus. Add. 22509 s. X или XI и Brit. Mus. Royal 16 D 1 s. XIII. Кромѣ того заслуживаетъ вниманія первая рука Bodleianus cod. Cromw. IX s. XIII et XII inewntis. — См. Byz. Zeitschr. B. XI, H. 3—4 (1902), S. 618.

C. H. Turner. *Epiphanius' Chronology of the Ministry.* Напечатано въ The Journal of Theological Studies, 3 (1901), p. 115—120. — См. Byz. Zeitschr. B. XI, H. 3—4 (1902), S. 618.

F. Crawford Burkitt. *S. Ephraim's Quotations from the gospel.* Collected and arranged by F. C. B. Cambridge, University Press, 1901, XI+91 стр. 8°. Texts and Studies, Vol. VII, № 2. — См. Byz. Zeitschr. B. XI, H. 3—4 (1902), S. 626.

Kirsopp Lake. *Texts from mount Athos.* Oxford, Clarendon Press 1902. 8°. Studia biblica et ecclesiastica chiefly in biblical and patristic Criticism by members of the University of Oxford. Vol. 5. Part. 2, p. 89—195. — Описаніе нѣсколькихъ аѳонскихъ рукописей: библія, евангелія, Acta Pilati и нѣк. др. — См. Byz. Zeitschr. B. XI, H. 3—4 (1902), p. 629.

F. C. Burkitt. *Another indication of the Syriac origin of the Acts of Thomas.* Напечатано въ The Journal of Theological Studies, 3 (1901), p. 94 sq. — См. Byz. Zeitschr. B. XI, H. 3—4 (1902), S. 631.

M. Bultenwieser. *Outline of Neo-Hebraic Apocalyptic Litterature.* Cincinnati, Jennings and Pye 1901, VI+45 стр. — Рѣчь идетъ о еврейской книгѣ Еноха, и о ея согласіи со славянской. — См. Byz. Zeitschr. B. XI, H. 3—4 (1902), S. 632.

E. C. Butler. *Hagiographica.* Напечатано въ The Journal of Theological Studies, 3 (1901), p. 143—155. — Сообщеніе объ извѣстныхъ намъ изда-

ніяхъ и работахъ Dufourcq, Cavalieri, Urbain, Mrs. Smith Lewis и т. д. — См. Byz. Zeitschr. B. XI, Н. 3—4 (1902), S. 636.

Т. В. Strong. *The History of the Theological Term «Substance»*. Напечатано въ The Journal of Theological Studies, 3 (1902), р. 22—40. — Статья говоритъ объ употребленіи понятія οὐσία у Филона, Неоплатониковъ и христіанскихъ писателей отъ Оригена до Аванасія. — См. Byz. Zeitschr. B. XI, Н. 3—4 (1902), S. 636.

Т. Н. Bindley. *The Oecumenical Documents of the Faith*. London, Methuen 1901. — Авторъ задался цѣлью дать оригинальные тексты, служащіе основаніемъ для церковнаго ученія (никейскій символъ, второе и третье письмо Кирилла Александрійскаго къ Несторію и его письмо къ Іоанну Антиохійскому περί εἰρήνης и т. д.), и постараться освѣтить ихъ съ помощью историческихъ и догматическихъ примѣчаній. — См. Byz. Zeitschr. B. XI, Н. 3—4 (1902), S. 637.

J. F. Bethune-Baker. *The meaning of Homoousios in the «Constantinopolitan» Creed*. Cambridge, University Press, 1901. VII+83 стр. 8°. Texts and Studies, VII, 1. — Основательное изслѣдованіе объ употребленіи слова ὁμοούσιος и ὁμοούσιος. — См. Byz. Zeitschr. B. XI, Н. 3—4 (1902), S. 638.

Anonymus. *The Macedonian Problem and its Factors*. Напечатано въ The Edinburgh Review, № 398, окт. 1901, р. 390—413. — Родъ прибавленія къ книгѣ Nikolaldes «La Macédoine» (см. Виз. Врем., т. VII, 1900, стр. 245 и 555) и къ сочиненію «Odysseus» «Turkey in Europa» (London, 1900). — См. Byz. Zeitschr. B. XI, Н. 3—4 (1902), S. 645—646.

W. E. Crum. *Coptic Monuments*. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire Nos 8001—8741. Le Caire, Service des antiquités de l'Égypte, 1902. — Въ 741 номерахъ представлены тѣ памятники египетскаго музея, которые написаны по-коптски: всѣ рукописи, остраки и надгробные камни. Книга сопровождается превосходными изображеніями. — См. Byz. Zeitschr. B. XI, Н. 3—4 (1902), S. 659.

Adolfo Venturi. *The Madonna: a Pictorial Representation of the Life and Death of the Mother of our Lord Jesus Christ by the Painters and Sculptors of Christendom in more than 500 of their works. The text translated from the Italian of A. V. With an introduction by Alice Meynell*. London, Burns and Oates. XIII+446 стр. 2°.

O. M. Dalton. *Catalogue of early christian antiquities and objects from the christian east in the Department of British and mediaeval antiquities and ethnography of the British Museum*. London, printed by order of the trustees (sold at the British Museum). 1901, XXIV+186 стр. 4°, со многими изображеніями въ текстѣ и XXXV таблицами. — Прекрасный, основательно составленный каталогъ. — См. Byz. Zeitschr. B. XI, Н. 3—4 (1902), S. 670—671. Будетъ особая рецензія.

A. M. Cust. *The ivory workers of the middle age*. Handbooks of the Great Craftsmen 3. London, Georges Bell and sons, 1902. XIX+170 стр. 8°, съ 37 изображеніями. — Въ этой работѣ рѣчь идетъ также о слоновыхъ

издѣліяхъ византійской работы. — См. *Byz. Zeitschr.* B. XI, H. 3—4 (1902), S. 672.

Seymour de Ricci. *The praefects of Egypt.* II. Напечатано въ *Proceedings of the Society of biblical archeology*, XXIV (1901), p. 56—67 и 97—107. — Авторъ даетъ полный перечень извѣстныхъ намъ египетскихъ префектовъ до VII вѣка. — См. *Byz. Zeitschr.* B. XI, H. 3—4 (1902), S. 680.

James Hope Moulton. *Grammatical notes from the papyri.* Напечатано въ *Classical Review*, 1901, p. 31 sq. и 434—442. — Изученіе языка папирусовъ даетъ важный матеріалъ для изученія формъ коинѣ; авторъ сообщаетъ также синтаксическія наблюденія о существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ. — См. *Byz. Zeitschr.* B. XI (1902), S. 285—286 и 681.

F. C. Conybeare. *The Relation of the Paschal Chronicle to Malalas.* Напечатано въ *Byzantinische Zeitschrift*, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 395—405. — Извѣстный англійскій ученый при помощи Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго дѣлаетъ попытку доказать, что Пасхальная Хроника въ общихъ мѣстахъ съ Малалой не есть простая копія послѣдняго автора; по мнѣнію автора статьи, Малала и Пасхальная Хроника пользовались общими источниками и пользовались ими самостоятельно.

G. C. Keidel. *Notes on Fable Incutabula containing the Planudean Life of Aesop.* Напечатано въ *Byzantinische Zeitschrift* B. XI, H. 3—4 (1902), S. 461—467. — Рядъ свѣдѣній о старинныхъ изданіяхъ на разныхъ языкахъ Западной Европы «Жизни Эзопа» Плануды.

E. W. Brooks. *Arabic lists of the Byzantine Themes.* Напечатано въ *The Journal of Hellenic Studies*, vol. XXI (1901), p. 67—77. — Настоящая работа извѣстнаго англійскаго ученаго должна служить дополненіемъ къ книгѣ Гельцера «Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung». Авторъ, разобравъ извѣстія арабскихъ писателей, Ибн-Хордадбега, Ибн-Кудамы, ал-Масуди, Ибн-ал-Факиха, о византійскихъ темахъ съ привлеченіемъ источниковъ греческихъ, даетъ англійскій переводъ перечня темъ Ибн-ал-Факиха, дошедшаго до насъ въ географическомъ словарѣ Якута. Приложенная карта съ обозначеніемъ темъ облегчаетъ пользованіе этою цѣнною работою.

РЕЦЕНЗИИ ПОЯВИЛИСЬ НА СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Terrot Reaveley Glover. *Life and Letters in the fourth Century.* См. выше стр. 575 и 599. — Рецензіи появились: *Anonymus* въ *The Athenaeum*, Nr. 3873 (18 января 1902 г.), p. 75 sq.; *Zückler* въ *Theologisches Literaturblatt*, 23 (1902), Nr. 13, Sp. 152 sq.; *Franklin J. Richards* въ *The Classical Review*, 16 (1902), Nr. 2, p. 131—134; *P. Th. Calmes* въ *Revue biblique*, 11 (1902), p. 307 sq.

Thomas Whittaker. *The Neo-Platonists.* См. выше стр. 599. — Рецензія появилась *S. F. M.* въ *The Bibliotheca sacra*, 69, Nr. 233 (1902), p. 212 sq.

J. Rendel Harris. *The Annators of the codex Bezae.* См. выше стр. 600.—Рецензия появилась: **K. Lake** въ *The Journal of Theological Studies*, 3 (1902), p. 300 sq.

William Wright. *A Catalogue of the Syriac manuscripts...* См. выше стр. 600.—Рецензия появилась: **R. Duval** въ *Journal Asiatique*, IX série, t. 18 (1901), p. 564—566.

Grenfell and Hunt. *The Amherst Papyri. T. I.* См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 264, 267 и 673; т. IX, вып. 1—2 (1902), стр. 265; выше стр. 576.—Рецензии появились: **Henry Well** въ *Journal des Savants*, 1901, декабрь, p. 737—745; **Erwin Preuschen** въ *Berliner philologische Wochenschrift*, 22 (1902), Nr. 12, Sp. 355—361.—Т. II (см. выше стр. 600): **C. Wessely** въ *Wochenschrift für klassische Philologie*, 19 (1902), Nr. 7, Sp. 169—172; **G. Fraccaroli** въ *Rivista di filologia*, 30 (1902), p. 346—352; **Paul Viereck** въ *Berliner philologische Wochenschrift*, 22 (1902), Nr. 23, Sp. 715—720; **Ulrich Wilcken** въ *Archiv für Papyrusforschung*, 2 (1902), S. 117—136; **L. Radermacher** въ *Rheinisches Museum*, 57 (1902), S. 137—151.

Grenfell and Hunt. *The Oxyrhynchus Papyri II.* (См. Виз. Временникъ, т. VII, 1900, стр. 788; выше стр. 576).—*Fayûm towns and their papyri.* London, 1900.—Рецензии появились: **G. Fraccaroli** въ *Rivista di filologia*, 29 (1901), p. 151—159; **Otto Schulthess** въ *Wochenschrift für klassische Philologie*, 19 (1902), Nr. 14, Sp. 369—378; **Ulrich von Wilamowitz—Möllendorff** въ *Göttingische gelehrte Anzeigen*, 163 (1901), Nr. 1, S. 30—45; **T. Reinach** въ *Revue des études grecques*, 14 (1901), p. 316 sq.; **Frant. Groh** въ *Listy filologické*, 29 (1902), p. 166—168; **F. Mayence** въ *Bulletin bibliographique et pédagogique du Musée Belge*, 5 (1901), Nr. 7, p. 193—196 (ср. его же статью: *Les papyrus Égyptiens* въ *Le Musée Belge*, 5, 1901, p. 318—333).

G. Adolf Deissmann. *Bible Studies: Contributions, chiefly from Papyri and Inscriptions, to the History of the Language, the Literature and the Religion of Hellenistic Judaism and Primitive Christianity.* By G. A. D. Authorized Translation incorporating Deissmanns most recent changes and additions, by **Alexander Grieve.** Edinburgh, T. and T. Clark, 1901. New-York, Imported by Scribner. XV + 384 стр. 8°. — Рецензии появились: **Edgar J. Goodspeed** въ *The American Journal of Theology*, 6 (1902), p. 111; **J. A. H.** въ *The Dublin Review*, 130 (1902), p. 458 sq.

Konstantinides' Greek Lexicon. — Рецензия появилась: **A. N. Jannaris** въ *The Classical Review*, 16 (1902), Nr. 4, p. 222—226.

W. Fairweather. *Origen and Greek Patristik Theology.* См. выше стр. 600 сл.—Рецензии появились: **E. Mûichaud** въ *Revue internationale de théologie*, 10 (1902), p. 157 sq.; **Anonymus** въ *The Academy and Literature*, Nr. 1564 (26 апрѣля 1902 г.), p. 431.

W. S. Crawford. *Synesius the Hellene.* London, Rivingtons, 1901.—Рецензия появилась: **Alice Gardner** въ *The English Historical Review*, 1901, p. 746—748.

F. C. Burkitt. *S. Ephraim's Quotations from the gospel.* См. выше стр. 602.—

Рецензіи появились: von Dobschütz въ Theologische Literaturzeitung, 1902, Nr. 1, Sp. 19—22; L^agrange въ Revue biblique, 11 (1902), p. 147—149; A. Bludau въ Theologische Revue, 1 (1902), Nr. 2, Sp. 47—49; Alfred Loisy въ Revue critique, 36 (1902), Nr. 5, p. 85 sq. и въ Revue d'histoire et de littérature religieuses, 7 (1902), p. 272; K. Lake въ The Journal of Theological Studies, 3 (1902), p. 301 sq.; R. Duval въ Journal Asiatique, IX, série, t. 18 (1901), p. 562 sq.; Zückler въ Theologisches Literaturblatt, 23 (1902), Nr. 18, Sp. 213 sq.

F. S. Hamilton and E. W. Brooks. The Syriac Chronicle — of Zachariah. См. Виз. Временникъ, т. VII (1900), стр. 567—568; т. VIII (1901), стр. 242; т. IX, вып. 1—2 (1902), стр. 265.—Рецензія появилась: S. A. Cook въ The English Historical Review, 1901, p. 748 sq.

The Uncanonical Writings of the Old Testament, found in the Armenian Manuscripts of the Library of St. Lazarus. Translated into English by Jacques Issaverdens. Venice, 1901 (?), 703 стр.—Рецензія появилась: F. C. Conybeare въ The American Journal of Theology, 6 (1902), p. 122 sq.

The Contendings of the Apostles, being the Histories of the Lives and Martyrdoms and Deaths of the Twelve Apostles and Evangelists; the Ethiopic text now first edited from MSS in the British Museum, with an English translation. By E. A. Wallis Budge. II. The English translation. London, Frowde, 1901.—Рецензія появились: M. R. James въ The Journal of Theological Studies, 3 (1902), p. 286—291; Anonymus въ The Saturday Review, vol. 93, Nr. 2413 (25 января 1902 г.), p. 112 sq.; Anonymus въ The Athenaeum, Nr. 3884 (5 апрѣля 1902 г.), p. 481 sq.; E. C. Butler въ The Dublin Review, 130 (1902), p. 464—466.

M. Bittenwieser. Outline of Neo-Hebraic Apocalyptic Literature. См. выше стр. 602.—Рецензія появилась: A. Marx въ Orientalische Literaturzeitung, 5 (1902), Nr. 2, Sp. 68—72.

Agnes Smith Lewis. Select Narratives of Holy Women. См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 673; т. IX, вып. 1—2 (1902), стр. 265.—Рецензія появились: Friedrich Schulthess въ Göttingische gelehrte Anzeigen, 163 (1901), Nr. 12, S. 991—996; V. Ryssel въ Theologische Literaturzeitung, 27 (1902), Nr. 3, Sp. 86—89; Anonymus въ Analecta Bollandiana, 21 (1902), p. 84 sq.

T. H. Bindley. The Oecumenical Documents of the Faith. См. выше стр. 603.—Рецензія появилась: S. C. Gayford въ The Journal of Theological Studies, 3 (1902), p. 307 sq.

A. E. Burn. An introduction to the Creeds... См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 673.—Рецензія появилась: B. Dörholt въ Theologische Revue, 1 (1902), Nr. 6, Sp. 169—173.

J. F. Bethune-Baker. The meaning of Homoousios... См. выше стр. 603.—Рецензія появились: T. B. Strong въ The Journal of Theological Studies, 3 (1902), p. 291—294; F. Kattenbusch въ Theologische Literaturzeitung, 27

(1902), Nr. 6, Sp. 170 sq.; Zückler въ Theologisches Litteraturblatt, 23 (1902), Nr. 18, Sp. 211—213.

E. Gibbon. The history of the decline and fall of the roman empire, by J. B. Bury. См. Виз. Временникъ, т. VI (1899), стр. 263; т. VII (1900), стр. 789.—Рецензія появилась: J. S. Reid въ The Classical Review, 16 (1902), p. 64—66.

F. C. Hodgson. The early history of Venice from the foundation to the conquest of Constantinople a. d. 1204. London, George Allen, 1901, XX+473 стр. 8°. Съ картою и планомъ. 7 sh. 6 d.— Рецензія появилась: Ernst Gerland въ Deutsche Litteraturzeitung, 28 (1902), Nr. 21, Sp. 1323—1325.

Henry Melvill Gwatkin. Studies of Arianism, chiefly referring to the character and chronology of the reaction which followed the council of Nicaea. 2. edition. Cambridge, Deighton Bell and Co. 1900, XXVIII+311 стр. 8°.— Рецензія появилась: Gustav Krüger въ Literarisches Centralblatt, 52 (1901), Nr. 34, Sp. 1379 sq.

J. Hackett. *A History of the Orthodox Church of Cyprus*... См. Виз. Временникъ, т. IX, вып. 1—2 (1902), стр. 263.— Рецензія появилась Hugh M. Scott въ The American Journal of Theology, 6 (1902), p. 356 sq.

A. van Millingen. *Byzantine Constantinople*. См. Виз. Временникъ, т. VIII (1901), стр. 241, 267 и 568—572; т. IX, вып. 1—2 (1902), стр. 265.— Рецензія появилась E. Oberhammer въ Berliner philologische Wochenschrift, 21 (1901), Nr. 48. Sp. 1491—1495.

A. Venturi. *The Madonna*. См. выше стр. 603.— Рецензія появилась Y. въ The Dublin Review, 130 (1902), p. 473 sq.

А. Васильевъ.

ГОЛЛАНДИЯ.

D. C. Hesselning. *Byzantium*. Въ сборникѣ: Geestelijke Voorouders door A. Pierson. Haarlem, H. D. Tjeenk Willink & Zoon. 1902. VIII+404 стр. 8°.— Въ настоящемъ популярно написанномъ трудѣ авторъ сообщаетъ главное содержаніе того, о чемъ онъ въ теченіе восьми лѣтъ говорилъ въ своихъ лекціяхъ относительно византійской культуры, литературы и исторіи. Главная цѣль книги возбудить интересъ къ Византіи въ образованныхъ кругахъ Голландіи. Преобладающее мѣсто въ книгѣ занимаетъ изображеніе культуры, особенно литературы и искусства; политическая исторія привлекается по столько, по сколько она можетъ служить для лучшаго пониманія другихъ сторонъ національной жизни. Матеріалъ расположенъ авторомъ въ хронологическомъ порядкѣ: первый отдѣлъ занимаетъ временемъ образованія византизма, съ 325 по 641 годъ; второй — временемъ съ 641 по 1025 годъ и третій — съ 1025 по 1453 г.— См. Byz. Zeitschrift, B. XI, H. 3—4 (1902), S. 646.

I. M. S. Baljon. *Grieksch-theologisch woordenboek hoofdzakelijk van de oud-christelijke letterkunde*. Utrecht, Kemink & Zoon, 1899, 8°. — Рецензія появилась F. Blass въ *Theologische Literaturzeitung*, 27 (1902), Nr. 5, Sp. 145 sq. См. выше стр. 577.

А. Васильевъ.

ШВЕЦІЯ.

V. Lundström. *Ramanta Byzantina*. II — VII. Напечатано въ *Eranos*, 4, (Upsala, 1901), p. 134 — 147. — Начало этой работы было напечатано въ томъ же *Eranos*, 3 (1899), p. 148 — 161 (см. содержаніе въ *Byzantinische Zeitschrift*, IX, 1900, S. 568—569). Настоящее продолженіе работы даетъ много цѣннаго матеріала для исторіи византійской литературы и текста. 1 (II). На основаніи изученія всѣхъ извѣстныхъ рукописей Марино Фалиери ученый приходитъ къ заключенію, что онъ долженъ быть отождествляемъ не со старшимъ изъ двухъ извѣстныхъ Марино Фалиери, какъ того желалъ Scrinzi (см. Виз. Временникъ, т. VII, 1900, стр. 559), а съ младшимъ, т. е. живъ въ началѣ XVI вѣка. 2 (III). Нѣкоторыя дополненія къ стихотвореніямъ Христофора Митилинскаго. 3 (IV). Христофоръ Протасикритъ, авторъ одного стихотворенія, отождествляется съ Христофоромъ Митилинскимъ. 4 (V). Общее изданіе разсѣянныхъ по различнымъ изданіямъ и рукописямъ эниграммъ на св. Діонисія Ареопагита и т. д. — См. *Byz. Zeitschr.* B. XI, H. 3 — 4 (1902), S. 575.

Vilh. Lundström. *Smärre Byzantinska skrifter, utgifna och kommenterade af V. L. I. Lascaris Kananos' Resanteckningar från de nordiska länderna*. Upsala (Lundequistska Bokhandeln) — Leipzig (Otto Harrassowitz). 1902, 47 стр. 8°. — Cod. Vindob. Hist. gr. 113 (Nessel) saec. XVI содержитъ краткое, отрывочное описаніе путешествія какого то Канана Ласкариса въ Германію, Швецію, Норвегію и Исландію, предпринятаго имъ, вѣроятно, между 1397 и 1448 годами. Это путешествіе было издано еще въ 1881 году греческимъ ученымъ Сп. Ламбросомъ въ пятомъ томѣ журнала *Παρθενός*. Послѣ введенія, въ которомъ описывается выше названная вѣнская греческая рукопись (p. 5 — 13), шведскій ученый даетъ новое изданіе текста и его шведскій переводъ (p. 14 — 19); за этимъ слѣдуетъ рядъ критическихъ и объяснительныхъ примѣчаній; послѣднія преимущественно касаются географіи упоминаемыхъ въ описаніи мѣстностей (p. 20 — 32). Въ четвертой главѣ авторъ занимается временемъ составленія описанія, маршрутомъ путешествія и его авторомъ: онъ на основаніи различныхъ соображеній говоритъ, что путешествіе не могло быть предпринято раньше 1392 года (p. 34); выстъ съ Ламбросомъ онъ склоняется къ отождествленію этого Канана Ласкариса съ Іоанномъ Ласкарисомъ, авторомъ описанія осады Константинополя турками въ 1422 году, и говоритъ, что полное имя его должно быть *Ἰωάννης Λάσκαρις ὁ Κανανός* (p. 41). Работа заканчивается тремя указателями.

А. Васильевъ.

ПОРТУГАЛИЯ.

F. Maria Esteves Pereira. *O Santo martyr Barlaam.* Estudo de critica historica. Extracto do vol. 48 do Instituto. Coimbra, 1901. 35 стр. 8°. — Прежде всего авторъ говоритъ о томъ почитаніи, которымъ пользовался св. мученикъ Варлаамъ въ IV — VI вѣкѣ у восточныхъ, особенно же у сирійскихъ христіанъ, — о посвященныхъ ему церквахъ и о греческомъ житіи святого. Въ послѣдней онъ видитъ переработку сирійскаго оригинала. Затѣмъ авторъ переходитъ къ роману «Варлаамъ и Іоасафъ» и излагаетъ настоящее состояніе вопроса о немъ въ наукѣ, не зная о новыхъ русскихъ работахъ. Находя сходство въ разсказѣ о Варлаамѣ, который положилъ свою руку въ огонь, съ извѣстной исторіей о Муціи Сцевогѣ, авторъ заключаетъ, что св. мученикъ Варлаамъ никогда не существовалъ, что разсказъ о его мученичествѣ есть простое христіанское заимствованіе разсказа Тита Ливія и что какъ римскій разсказъ, такъ и сирійская легенда восходятъ вмѣстѣ къ персидскому или индійскому преданію. Въ концѣ работы приложенъ португальскій переводъ мученичества Варлаама. — См. Byz. Zeitschr. B. XI, H. 1 — 2 (1902), S. 239.

Рецензія на эту работу появилась **R. D(uval)** въ *Revue critique*, 36 (1902), Nr. 14, p. 261 sq.

А. Васильевъ.

СЛАВЯНСКІЯ ЗЕМЛИ.

Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, изд. Мин. Народн. Просв. кн. XVIII. I. Наученъ Отдѣлъ. София, 1901 г., стр. 818—190, съ 3 таблицами.

Послѣдній томъ болгарскаго министерскаго «Сборника» появился послѣ значительнаго въ изданіи этого органа перерыва, который объясняютъ финансовыми затрудненіями державной казны. Впрочемъ, эти чисто-внѣшнія условія замѣтно отразились на достоинствахъ самого содержанія книги. Восемнадцатый томъ составленъ изъ необыкновенно цѣнныхъ статей, разнообразныхъ по затрагиваемымъ ими вопросамъ и интересныхъ по новизнѣ матеріала.

По археологіи отмѣтимъ слѣдующія статьи:

Г. Нацаревъ. *Замѣтки объ античномъ Плазидѣ* (стр. 653—658). Городъ основанъ македонскимъ царемъ Филиппомъ на мѣстѣ древняго еракійскаго поселенія, извѣстнаго подъ названіями Πονηρόπολις, Εὐμολχίας, Trimontium и Pulprudeva, точнѣе — дава.

В. Добруски. *Матеріали по археологіята на България* (стр. 704—812). Здѣсь разработанъ цѣлый рядъ латинскихъ и греческихъ надписей, найденныхъ въ старомъ Никюпѣ (Nicomolis ad Istrum), пред-

меты изъ археологическихъ находокъ въ Colonia Ulpia Oescus, дающіе матеріалъ для исторіи римскихъ колоній нижней и верхней Мисіи, надписи и памятники скульптуры и архитектурные детали изъ Θракіи, окрестностей Пловдива, изъ с. Каратанра, г. Софіи, с. Мламолово, Смавли, Равда, г. Бургаса и другихъ мѣстностей съ остатками римской культуры. Особый экскурсъ представляетъ изслѣдованіе о ѳракійскихъ всадникахъ, вопросъ очень мало разработанный въ археологіи. В. Добрускому извѣстно девять такихъ горельефовъ и статуэтокъ, и неизвѣстна статья о тѣхъ же предметахъ, напечатанная Я. Смирновымъ въ «Археологическихъ Извѣстіяхъ и Запискахъ» Московск. Археол. Общества.

Его же. *Три старобългарски царски печата* (стр. 813—818). Это статья о трехъ старо-болгарскихъ царскихъ печатяхъ, имѣющихъ тѣсную связь съ памятниками византійской сфрагистики и впервые опубликованныхъ Шюмбергеромъ: оловянная печать Іоанна Асѣня I (1176 — 1195) съ надписью по сторонамъ изображеній асѣн(ъ) цар(ъ) бл(ъ)гаром(ъ) и свѣты(и) димитр(ини); такая же печать, принадлежащая царю Борилу (1204 — 1218) съ обычной славянской надписью борилъ цар(ъ) блъгаром(ъ) и греческимъ именемъ того же св. Димитрія; третья, золотая печать Іоанна Шишмана (1365 — 1398) имѣетъ полный царскій титулъ: ѡу шишман(ъ) въ Х(рист)ѣ вѣрн(ыи) ц(а)р(ъ) и самодърж(ъ)ца вѣсѣм(ъ) блъгар(омъ), имя мѣстнаго святого: с(вѣ)т(ыи) (І)ѡан(ъ) Рильск(и)и и надпись по ободку: сый хрисѡвоуаъ сѣ(ѡ)т(а)го ѡ(т)ца Іѡанна Рил(ъ)скаго, вокругъ изображенія царя Шишмана и св. Іоанна.

Переходя отъ археологіи вещественной къ изданію и разработкѣ памятниковъ письменности, укажемъ на большую работу:

Г. Данаилова. *Единъ паметникъ на старото българско право* (стр. 1 — 59, отд. II). Авторъ знакомитъ съ извѣстной компилятивной статьёй, существующей въ многочисленныхъ русскихъ спискахъ съ пространнымъ заглавіемъ «Судебникъ святаго правовѣрнаго великаго самодержца Царя Константина, греческаго закона Судебникъ людямъ». Г. Данаиловъ — юристъ, получившій образованіе въ московскомъ университетѣ, ученикъ А. С. Павлова. Онъ опредѣляетъ отношеніе «Судебника» къ Прохирому Василю Македониняна и Номоканону Іоанна Схоластика и, вмѣстѣ съ русскими учеными — Розенкампомъ, Павловымъ и Василевскимъ, относитъ происхожденіе этого кодекса права на болгарской почвѣ къ IX вѣку, видя такимъ образомъ въ немъ слѣды переводческой дѣятельности славянскихъ первоучителей. Свѣривъ статьи двухъ русскихъ списковъ — рязанской и софійской Кормчихъ, изслѣдователь приходитъ къ выводу, что обѣ рукописи отчасти сохранили болгарскій переводъ, присланный на Русь въ XIII вѣкѣ митр. Кириллу II. Къ сожалѣнію, г. Данаиловъ не знаетъ ни новаго переработаннаго изданія «Первоначальнаго славянорусскаго Номоканона» А. С. Павлова, ни позднѣйшихъ работъ по изслѣдованію каноническихъ памятниковъ русскихъ ученыхъ. Поэтому въ первой части

своего изслѣдованія болгарскій канонистъ дѣлаетъ нѣсколько крупныхъ ошибокъ. Гораздо лучше вторая часть его работы, гдѣ г. Данаиловъ съ чисто догматической точки зрѣнія разсматриваетъ древнее процессуальное, уголовное, гражданское и военное право у болгаръ.

Въ область чисто церковной юрисдикціи переносить насть статья:

Г. Баласчева. *Нови извѣстия за черковното въдѣство на Видинската и Софийската епархия прѣзъ прѣвитъ години на тѣхното завладяване отъ турци* (стр. 182 — 170). Все, что находимъ въ первой части статьи г. Баласчева, настолько полно разработано въ докторской диссертациі П. Сырку, что болгарскій историкъ можетъ прибавить къ нему очень немногое. Авторъ тоже отмѣчаетъ особое положеніе Срацимировой державы и видинской епархіи, пересказываетъ всю исторію вопроса объ автокефальности тырновской епархіи и разбираетъ тѣ данныя, которыя даетъ намъ Синодикъ царя Бориса. Между прочимъ, и г. Баласчевъ держится того мнѣнія, что раньше учрежденія тырновскаго патріаршества въ 1355 году было какое-то соглашеніе съ патр. Германомъ. Но главная заслуга автора заключается въ томъ, что онъ привлекаетъ къ дѣлу нѣсколько патріаршихъ грамотъ, относящихся къ періоду 1408 — 1411 гг., изъ которыхъ видно, во первыхъ, что границы охридской архіепископіи простирались и на сѣверно-западные области Болгаріи, во вторыхъ, что архіеп. Матѳей представилъ Мануилу Палеологу какія-то грамоты императора Юстиніана, вѣроятно, имѣющія ближайшее отношеніе къ извѣстной XI новеллѣ (ср. статью Σταυράκη Βίῳ Ἀριστάρχῃ, Ἰουστινιανοῦ Νεαρχῆ καὶ, Извѣстія Русск. Археол. Инст. въ Константинополѣ, т. III, кн. 2 — 3, стр. 237 — 252). Судя по грамотамъ, болгарскій архіепископъ добился полученія отъ самого императора хрисовула, которымъ признавалась отнѣсительная автокефальность болгарской церкви: καὶ ἐμφανίζεις χρυσόβουλλα ὡς λέγεις τῆς μακαρίας λήξεως τοῦ Ἰουστινιανοῦ, καὶ ἐπικυρωτικόν τοῦ κρατίστου καὶ ἁγίου ἡμῶν αὐτοκράτορος. ὑπέφηνεν (ὁ Ματθαῖος) ἀρρηδνήτως ἐνώπιον πάσης συγκλήτου τε καὶ συνόδου, τὸ τῆς ὑπ' αὐτοῦ ἀγότης ἀφιερωτικόν χρυσόβουλλον, ὅπερ γηνναίως ἀναπτύξαντες εὗρον τὰ ὀρία τῶν τῆς ἐπαρχίας. Впрочемъ, приведенныя слова опять таки не разрѣшаютъ вопроса, о какой именно грамотѣ могла идти рѣчь въ приведенномъ выше отрывкѣ. Что же касается отношеній охридской патріархіи къ Молдавіи, то г. Баласчевъ, ссылаясь на устарѣвшую книгу Палаузова, Румынскія господарства, СПб. 1859 г., стр. 64, повторяетъ одну изъ самыхъ непростительныхъ ошибокъ, которую находимъ рѣшительно во всѣхъ изслѣдованіяхъ по исторіи румынской церкви, а именно, будто «лѣтописецъ Миронъ (Костень) говоритъ, что въ правленіе Юги, то-есть около 1400 (sic) года, былъ поставленъ въ Молдавію особый митрополитъ, именемъ Θεокτιστῆς, рукоположенный архіеп. охридскимъ».

Прежде всего, это говоритъ не Костинъ, а Урѣке, молдавскій хронистъ самаго начала XVII вѣка. По его словамъ, въ правленіе Юги воеводы, подъ которымъ всѣ историки видятъ Юрія Коріатовича, правив-

шаго въ 1374—1375 гг., молдавскій митр. Θεоктистъ былъ поставленъ охридскимъ архіепископомъ. У одного изъ продолжателей Урѣке, хрониста Евстратія Логовета, это извѣстіе помѣщено въ рассказъ о правленіи Александра II, внука или сына Александра Доброго. «Въ одномъ сербскомъ (т. е. славянскомъ) лѣтописцѣ монаха Азарія, — говоритъ Евстратій, — написано, что въ дни этого господаря Александра посвященъ преосвященъ Θεоктистъ Никодимомъ изъ сербской земли, въ дни благочестиваго князя Георгія деспота», M. Cogalniceanu, *Letopisițele țării Moldovei*, vol. I, p. 147. Тѣмъ не менѣе никто изъ историковъ не обратилъ вниманія на это именно исправленіе Евстратія, и всѣ единогласно говорили, что сношенія Молдавіи съ Охридомъ существовали въ началѣ послѣдней четверти XIV вѣка: Georghe Șinkai, *Chronica românilor*, vol. I, p. 341; Melchisedec, *Chronica Romanului*, vol. I, p. 42; A. D. Xenopol, *Istoria românilor*, vol. VII, p. 106, vol. VI, p. 264; Е. Голубинскій, *Краткій очеркъ исторіи церквей*, стр. 363; Filaret Scriban, *Istoria bisericească*, p. 160; Gheorghe Chirică, *Cercetări istorice asupra legislației bisericești* В., p. 28; V. Predeanu, *Existența și organizațiunea*, p. 102; Л. Милетичъ и Д. Агура, *Дако ромънитѣ*, Сборникъ, кн. IX, стр. 268 и мн. др. Что же это за славянская лѣтопись монаха Азарія, до насъ, повидимому, не дошедшая и видѣнная молдавскимъ хронистомъ въ первой половинѣ XVII вѣка? Можно съ увѣренностью полагать, что Евстратій видѣлъ какой-нибудь иной списокъ, но той же самой славяно-молдавской краткой хроники, которая составляетъ первую часть обширной Почаевской лѣтописи и въ наукѣ извѣстна подъ именемъ Путнянской. Это извѣстіе въ ней читается такъ: «при немъ освятиса крѣа Θεоктистъ на митрополѣтство патрѣархомъ Никодимомъ сръбскимъ», J. Bogdan, *Cronicele moldovenesci*, p. 144. Но въ польско-молдавской лѣтописи Бржецкаго, написанной въ Яссахъ въ 1563 году, оно находится какъ разъ въ такой формѣ, какую мы можемъ предполагать у Азарія: «Przi tym poszełi być władcy i metropolitowie od patryarchy Nicodema ziemi serbskiey za Krola Jurga Despota», тамъ же, стр. 174, *Cronice inedite*, p. 121. Слѣдуетъ поэтому думать, что подобное извѣстіе изъ какой-нибудь недошедшей до насъ славянской лѣтописи было подъ руками и у Урѣке, и онъ легко могъ принять послѣднія слова за имя молдавскаго воеводы Юрія Коріатовича, а посвященіе Θεоктиста отнести къ правленію послѣдняго. За возможность такого смѣшенія намъ говоритъ нѣкоторая неустойчивость въ титулатурѣ молдавскихъ воеводъ, которые именуются то господами, то царями (на службахъ церковныхъ), то князьями, наконецъ, деспотами. Мы имѣемъ праздничную Минею Нѣмецкаго монастыря XVI—XVII в. № 46 (103), гдѣ среди тропарей и стихиръ читаются молитвы о здравіи особъ господарскаго дома, причемъ заглавія переведены на соотвѣствующие румынскія понятія: за здравіе деспотоу—притроу сынжтате доамнишуръ; за здравіе матери деспотоу—притроу сынжтате мамчи лоуи водъ (л. 23) и т. д. Что Урѣке пользовался скорѣе всего недошед-

шей до насъ славянской лѣтописью, называемой Путнянской II и сохранившейся только въ переводѣ поляка Бржецкаго, показываютъ копія съ записей современниковъ, недавно открытыя въ одной Немецкой рукописи 1557 года. Въ этихъ припискахъ говорится, что въ 1453 году архіепископомъ былъ Іосифъ изъ Немецкаго монастыря, при благочестивомъ воеводѣ Александрѣ. Вслѣдъ за этимъ идетъ извѣстіе, касающееся нашего Θεоктиста: «и потомъ, въ дѣни ~~Александрѣ~~ сына ~~Иліи~~ воеводѣ благословенна прѣвсвѣщенныи митрополитѣ крѣ ~~Θεоктистѣ~~ Старынѣ архіепископа сръвскаго крѣ Никодима», и наконецъ, о смерти Θεоктиста въ 1477 году. Относительно времени этого посвященія, мнѣнія историковъ расходятся: Богданъ относитъ его къ 1453 году, Мельхиседекъ — 1451, Пико — 1454, Ербицянъ — 1454.

Итакъ, зависимость молдавской церкви отъ Охрида относится къ половинѣ XV вѣка; она имѣла самое отдаленное отношеніе къ сепаратистическимъ стремленіямъ терновской и видинской епархій и была основана на прямомъ смыслѣ XI новеллы, гдѣ говорится: *non solum metropolita, sed etiam archiepiscopus fiat et ceterae provinciae sub ejus sint auctoritatem, id est tam ipsa Mediterranea Dacia (ἡ μεσόγειος Ἀρχία) quam Dacia Ripensis, nec non Mysia secunda, et Dardania, et Praevalitana provincia* и т. д. Въ Синагигѣ Матвея Властаря читаемъ: *влаженнѣшаго же архіепископа прѣвша Іоустиніанѣ* нашего *ѡчѣства* имѣти присно поудѣ собож епископы епархій *Дакіѣ, Медитераніѣ, и Некроніѣ рипинсіѣ, Брѣваліѣ* и т. д. Рукопись Немецкаго монастыря № 60, 1444 года (V сост., глава XI). Кромѣ того, г. Баласчевъ ошибается, когда приписываетъ Григорію Цамблаку Житіе (sic) преп. Параскевы (стр. 139) или Слово о св. Параскевѣ (стр. 141). Цамблаку принадлежитъ только небольшое добавленіе къ Житію, составленному патр. Евѣиміемъ, а именно, о перенесеніи мощей Параскевы въ Сербію.

Къ отдѣлу историко-литературному относится статья:

А. И. Соболевски. *Епископъ Константинъ* (стр. 68 — 73). Содержаніе статьи и выводы автора русскимъ читателямъ въ настоящее время знакомы по другимъ двумъ работамъ того же изслѣдователя: «Гдѣ жилъ епископъ Константинъ?» въ «Сборникѣ учениковъ Ф. Θ. Фортунатова», стр. 119 — 123 и «Церковно-славянскія стихотворенія IX — X вѣковъ и ихъ значеніе для изученія церковно-слав. языка» во II томѣ Трудовъ XI Археолог. Съѣзда въ Кіевѣ. По мнѣнію А. Соболевскаго, Константинъ пресвитеръ жилъ въ Солунѣ или около Солуны, а въ санѣ епископа — въ недалекой отъ Солуны Брѣгальницѣ (около г. Струмицы).

М. Сперански. *Единъ югославянски прѣводъ отъ «Завѣтъ на дванадесетъ патріарси»* (стр. 242 — 251). Здѣсь напечатанъ текстъ апокрифа *Завѣти къ патріарху сѣбѣ Іакововѣхъ* и (завѣтъ *Роуѣма* патріарха прѣваго сна Іаковова) по сербскому списку XVI вѣка изъ Сборника раз-

нообразнаго содержанія Крушедольскаго монастыря (стр. 242—251). Изъ сравненія русскаго текста полной редакціи по Архивской рукописи и напечатаннаго вновь югославянскаго, г. Сперанскій дѣлаетъ слѣдующіе выводы: 1) оба перевода сдѣланы съ разныхъ греческихъ редакцій и притомъ 2) совершенно самостоятельно, какъ показывается убѣдительный рядъ словъ, переданныхъ въ двухъ упомянутыхъ текстахъ совершенно различно. Можно даже предполагать, что сербскій текстъ восходитъ къ болгарскому, и этотъ переводъ сдѣланъ много раньше русскаго.

А. И. Яцимирскій.

3. Новыя книги, поступившія въ Редакцію.

Chrysanthus Loparev. Supplementum ad Historiam Justinianeam. De S. Theodoro (504—595) monacho hegumenoque Chorensi. Cujus vita illustrata nec non Choraе monasterii historia a Chr. L. congesta B102 e cod. ms. s. X inseritur. Petropoli. XXX—18 стр. 8°. Къ I тому «Записокъ Класс. Отд. Имп. Русскаго Археологич. Общ.» приложение.

Г. Ф. Церетели. Памяти Виктора Карловича Еришtedта. Спб. 1903, XI стр. 8°. Изъ «Записокъ Класс. Отд. Имп. Русск. Археолог. Общ.» т. I.

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. VIII. Выпускъ 1—2. Софія. 1902, 162 стр., съ 20 табл.

Е. К. Рѣдинъ. О нѣкоторыхъ лпцевыхъ рукописяхъ. «Шестодневъ» Іоанна, экзарха Болгарскаго. Москва. 1902, 23 стр. 4°.

В. Н. Мочульскій. Слово Іоанна Златоустаго о святой недѣлѣ и о божественной литургіи. Одесса. 1903, 22 стр. 8°.

В. Н. Мочульскій. Слова и поученія, направленныя противъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ. Къ бытовой исторіи болгаръ. Одесса. 1903, 53 стр. 8°.

Н. П. Кондаковъ. Иконы Синайской и Аѳонской коллекцій Преосв. Порфирія, издаваемые въ лично имъ изготовленныхъ 23 таблицахъ. СПБ. 1902. Продается въ книжномъ складѣ и у комиссіонеровъ Имп. Академіи Наукъ. 25 стр. fol., съ 25 табл.

А. И. Успенскій. Житіе св. Николая Чудотворца. Переводы изъ собранія В. П. Гурьянова. Москва. 1902, 7 стр., fol., съ 16 табл. Цѣна 5 р.

Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи. Вып. 3-й, съ 17 табл. и 82 рис. Прибавленіе къ выпуску 3-му. СПБ. 1902. Вып. 4-й, съ 13 табл. и 132 рис. СПБ. 1902.

С. Д. Пападимитріу. Іоаннъ II митрополитъ Кіевскій и Теодоръ Продромъ. Χρῆτος; καὶ Θεόδωρος Πρόδρομος. Одесса. 1902, 54 стр. 8°, 1 табл.

В. Райтъ. Краткій очеркъ исторіи Сирійской литературы. Переводъ съ англійскаго К. А. Тураевой. Подъ редакціей и съ дополненіями проф. П. К. Коковцова. Съ приложеніемъ обзора коллекцій Нитрійскихъ ру-

конисей Британскаго музея и специальной карты. СПБ. 1902. XIII—298 стр. 8°.

Б. Тураевъ. Исслѣдованіе въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эіопіи. СПБ. 1902. XIV—453 стр. 8°.

B. Turaiev. Monumenta Aethiopiae hagiologica. Fasc. I—II. Petropoli 1902.

Месропъ Теръ-Мовсеянъ. Исторія перевода Библии на армянскій языкъ. СПБ. 1902. IX—287 стр. 8°.

Е. Голубинскій. Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва 1903. 600 стр. 8°. Цѣна 3 руб. 50 коп., съ пересылкой 4 руб.

Свящ. Александръ Поповъ. Латинская Іерусалимская патріархія эпохи крестоносцевъ. Часть I—II. СПБ. 1903. VIII—440 и III—322 стр. Цѣна 4 руб.

Д. И. Абрамовичъ. Исслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ Патерикѣ какъ историко-литературномъ памятникѣ. СПБ. 1902. XXIX—213 стр.

Dr. K. Dieterich. Geschichte der byzantinischen und neugriechischen Litteratur. Leipzig, C. F. Amelang 1902. X—242 стр. 8°. Litteraturen des Ostens in Einzeldarstellungen. Bd. IV. Цѣна 7.50 марокъ.

Byzantinisches Archiv als Ergänzung der Byzantinischen Zeitschrift in zwanglosen Heften herausgegeben von Karl Krumbacher. Heft 3. Sammlungen und Cataloge Griechischer Handschriften im Verein mit Fachgenossen bearbeitet von V. Gardthausen. Leipzig, B. G. Teubner 1903. VIII—96 стр. 8°.

W. Hartmann. Konstantin der Grosse als Christ und Philosoph in seinen Briefen und Erlassen. Fürstenwalde 1902. 35 стр. 4°. Programm des städt. Gymnasiums zu Fürstenwalde. Ostern 1902.

Felix Witting. Die Anfänge christlicher Architektur. Gedanken über Wesen und Entstehung der christlichen Basilika. Strassburg, J. H. Ed. Heitz 1902. VII—103 стр. 8°, съ 20 рис. Цѣна 6 марокъ. Zur Kunstgeschichte des Auslandes. Heft X.

A. Diomedes Kyriakos. Geschichte der Orientalischen Kirchen von 1453—1898. Autorisirte Uebersetzung nebst einen Vorworte von Erwin Rausch. Leipzig, A. Deichert Nachf. 1902. X—280 стр. Цѣна 8 марокъ.

E. Oberhummer. Konstantinopel unter Suleimann dem Grossen. Aufgenommen im Jahre 1559 durch Melchior Lorichs aus Flensburg, nach der Handzeichnung des Künstlers in der Universitäts-Bibliothek zu Leiden mit anderen alten Plänen herausgegeben und erläutert. Mit XXII Tafeln in Lichtdruck und XVII Textbildern. München, R. Oldenbourg 1902. Цѣна 30 марокъ.

Albert Praechter. Der Verfall des Griechenthums in Kleinasien im XIV Jahrhundert. Leipzig, B. G. Teubner 1903. 70 стр. 8°.

Dr. R. Janssen. Das Johannes-Evangelium nach der Paraphrase des Nonnus Panopolitanus. Mit einem ausführlichen kritischen Apparat heraus-

gegeben. Leipzig, J. C. Hinrichs 1903. IV+80 стр. 8°. Texte und Untersuchungen, N. F., Bd. VIII, Heft IV.

Constantin Jireček. Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters. Zweiter Theil. Wien 1903. 80 стр. 4°. Denkschriften der k. Akademie der Wiss. in Wien. Philos.-hist. Classe. Band XLIX.

Dr. Ernst Gerland. Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Erzbisthums Patras. Leipzig, B. G. Teubner 1903. VIII+292 стр. 8°. Scriptores sacri et profani. Fasc. V.

Josef Strzygowski. Hellenistische und koptische Kunst in Alexandria. Vienne 1902. XII+99 стр., съ 3 табл. Bulletin de la Société d'Archéologie d'Alexandrie. № 5.

Oskar Wulff. Die Koimesiskirche in Nicäa und ihre Mosaiken nebst den verwandten kirchlichen Bandenkmälern. Eine Untersuchung zur Geschichte der byzantinischen Kunst im 1. Jahrtausend. Mit 6 Tafeln und 48 Abbildungen im Text. Strassburg, J. H. Ed. Heitz (Heitz u. Mündel) 1903. VII+330 стр. 8°. Цѣна 12 марокъ.

O. Wulff. Das Katholikon von Hosios Lukas und verwandte byzantinische Kirchenbauten. 24 S. in fol., съ 5 табл. Die Baukunst herausg. von R. Borrmann und R. Graul. II Heft, II Serie.

Général de Beylié. L'habitation byzantine. Grenoble et Paris, Leroux 1902. XV+218 стр. 4°, съ многочисленными табл. и рис.

A. Lombard. Constantin V empereur des Romains (740—755). Paris, Alcan 1902. III+175 стр. 8°. Bibl. de la Faculté des Lettres de l'Université de Paris. Fasc. XVI.

Vie de Jean Bar Aphthonia. Texte syriaque publié et traduit par F. Nau. Paris, Picard 1902. II+89 стр. 8°. Bibliothèque hagiographique orientale éditée par Léon Clugnet. № 2.

Comment le corps de Jacques Baradée fut enlevé du couvent de Cassion par les moines de Phesiltha. Récit de Mar Cyrille. Texte syriaque publié et traduit par M. A. Kugener. Тамъ же. № 3. I.

Histoire de Saint Nicolas soldat et moine. Texte grec publié par Léon Clugnet. Paris, A. Picard 1902. II+318 стр. 8°. Тамъ же. № 3. II.

G. La Corte. I Barbaricini di Procopio (de bello Vandalicorum I, 13). Questioni di filologia e di storia. Torino, Bona 1901. 27 стр. 8°.

Fr. M. Esteves Pereira. Martyrio do Alba Isaac de Tiphre. Versão ethiopica. Lisboa 1903. 16 стр. 8°.

Ἀντώνιος Μηλιαράκης. Οἰκογένεια Μαρωνᾶ. Ἱστορικὴ καὶ γενεαλογικὴ μελέτη τῆς οἰκογενείας Μαρωνᾶ ἀπὸ τῆς ἐμφάνεως αὐτῆς ἐν τῇ ἱστορίᾳ μέχρι σήμερα (1248—1902). Ἐν Ἀθήναις 1902. 167 стр. 8°.

Κλεόπας Μ. Κοικυλίδης. Αἱ παρὰ τὸν Ἰορδάνην λαῦραι Καλαμώνος καὶ Ἁγίου Γερασίμου καὶ οἱ βίοι τοῦ ἁγίου Γερασίμου καὶ Κυριακοῦ τοῦ ἀναχωρητοῦ. Ἐν Ἱεροσολύμοις 1902. ρδ'+108 стр. 8°. Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος. Τόμος VI, τεῦχος 21. Ἐν Ἀθήναις 1902.

Γεωργίου Η. Βεγλερῆ. Ἀγιολογικαὶ πηγαὶ πρὸς μὀρφωσιν μνηολογίου ἡ

συναξαρίου λεγομένου παρὰ Βυζαντινοῖς. Ἐν Ἀθήναις (= ἐν Σμύρνῃ) 1903 23 στρ. 8°.

Κλεόπας Μ. Κοικυλίδης. Ἡ κατὰ τὴν ἱερὴν τῆς ἀγίας τοῦ Θεοῦ ἡμῶν πόλεως λαύρα Θεοδοσίου τοῦ Κοινοβιάρχου. Ἐν Ἱεροσολύμοις 1901. λς'—216 στρ. 8°.

[Ἀρχ. Καλλίνικος Δελικάνης]. Περιγραφικὸς κατάλογος τῶν ἐν τοῖς κώδιξι τοῦ πατριαρχικοῦ ἀρχιεπισκοπικοῦ σωζομένων ἐπισήμων ἐκκλησιαστικῶν ἐγγράφων περὶ τῶν ἐν Ἀθῶν μονῶν (1630—1863) μετὰ προσθήκης βραχυτάτης ἱστορικῆς σημειώσεως περὶ αὐτῶν. Ἐν Κ/πόλει 1902. η'—344 στρ. 8°.

Ἐδουάρδος Θόμπσον (Eduard Thompson). Ἑγχειρίδιον ἐλληνικῆς καὶ λατινικῆς παλαιογραφίας. Κατὰ μετάφρασιν Σπυρίδωνος Π. Λάμπρου. Ἐν Ἀθήναις 1903. 501 στρ. 8°, σβ 24 табл. Βιβλιοθήκη Μαρασλή. № 192, 194, 195.

Eduard Boguslawski. Methode und Hilfsmittel der Erforschung der vorhistorischen Zeit in der Vergangenheit der Slawen. Vom Verfasser vermehrte deutsche Ausgabe. Aus dem Polnischen übersetzt von Waldemar Osterloff. Berlin, Costenoble 1902. VIII—144 στρ. 8°.

Dr. Jelić. L'Istituto Croato a Roma. Studio storico, con 5 tavole e 5 illustrazioni nel testo. Appendice: Avvenimenti recentissimi per cura di Vinko Kisić. Zara, «Hrvatska knjižarnica» 1902. 176 στρ. 8°.

Dr. Luka Jelić. Spomenici grada Nina. III. Zagreb, 1902. 14 στρ. 8°, Preštampano iz «Vjesnika Hrvatskoga Arheološkoga Društva». Nove serije sveska VI. 1902.

Стојановић, Стари српски заниси и надписи. Београд 1902. XV—480 στρ.

N. G. Dossios. Studiî Greco-Române. Ἑλληνο-Ῥωμουνικαὶ μελέται. Fascicula I. II—III. Jasi 1902. III—45, II—55—111—IV στρ. 8°.

ОТДѢЛЪ III

Entgegnung auf die Rezension von P. Lavrov (Viz. Vrem. 1900, S. 113 seq.).

Die Geschichte der Slavenapostel Konstantinus und Methodius ist ein Thema, an dessen Bearbeitung Philologen wie Historiker gleicherweise beteiligt sind, und eine abschliessende Biographie dieser Männer wird nur der geben können, der die Resultate und die wissenschaftliche Methode beider Wissenschaftsgebiete, der Geschichte und Philologie, beherrscht. Von diesem Gesichtspunkt aus bedauere ich sehr die in meiner «Geschichte der Slavenapostel» von mir begangenen Fehler, die in meiner geringen Kenntniss der slavischen Philologie ihren Grund haben. Aber einmal bin ich nicht Philologe, sondern Historiker, und ferner bin vielleicht an diesem Mangel weniger ich selbst schuld, als der ungenügende Zustand der slavischen Wissenschaft in Deutschland überhaupt. Ich darf darauf hinweisen, dass ich auf der Universität keine Gelegenheit hatte, russisch und altpulgarisch zu studieren und slavische Philologie zu treiben, es hat mir später Mühe gekostet, ohne Lehrer diese Kenntnisse mir zu erwerben, und in fortgesetzter Beschäftigung mit russischer Geschichte erfahre ich es sozusagen fast täglich, wie schwer es in Deutschland ist, diesen Zweig der Wissenschaft zu pflegen, da fast alle Quellen und Litteratur auf unseren Bibliotheken mangeln.

Ich muss es mir gefallen lassen, wenn Lavrov meine Geschichte der Slavenapostel einseitig nennt, ich habe in der That nur als Historiker geschrieben. Aber seine Kritik meiner Arbeit, wie die anderen Kritiken, auf die er sich dabei beruft, sind mindestens ebenso einseitig, rein vom Gesichtspunkt der slavischen Philologie aus geschrieben. Lavrov sagt «Нѣсколько неудивительно, что *общій приговоръ* рецензентовъ не въ пользу автора» (стр. 131).

Das ist einfach unrichtig: eine Reihe der angesehensten deutschen wissenschaftlichen Zeitschriften hat sich mehr oder weniger zustimmend zu meiner Arbeit geäußert. Herr Lavrov, wie auch seine Vorgänger in der slavisch-philologischen Kritik meiner Arbeit, scheinen diese Zeitschriften

und ihre Kritiken gar nicht zu kennen, allerdings sind es nur historische Zeitschriften, und es haben da nur Historiker sich geäußert und nicht slavische Philologen. Der Hauptgegensatz zwischen Lavrov und seinen Vorgängern (besonders dem Rezensenten im Archiv für slavische Philologie XX 124 ff.) und mir liegt in der Bewertung der Quellen. Gegenüber der Rezension von Lavrov erlaube ich mir daher aus der Rezension des Litterarischen Centralblattes 1897 № 18 den Satz zu citieren: „Aus dieser sehr feinen Beweisführung ergibt sich die Folgerung, dass die durch Methodius eingeführte slavische Liturgie niemals die päpstliche Billigung oder Zulassung erfahren hat“. Und die Historische Zeitschrift XLV, deren Rezensent Caro in Breslau der Kritiker des Archivs für slav. Philologie vielleicht doch noch als wissenschaftlichen Mann gelten lassen wird, nennt meine Arbeit eine „klare, unbefangene und methodisch streng grundsätzlich durchgeführte Monographie“ (S. 152.). Für die Ungeeignetheit des Rezensenten im Archiv, dessen Ausführungen Lavrov wiederholt, eine historische Kritik zu üben, will ich nur ein Beispiel anführen. Lavrov und der Rezensent beschuldigen mich der Parteilichkeit gegen Methodius, weil ich die Kapitelüberschrift habe C. 21 und 22 „Absetzung des Methodius“ und „Wiedereinsetzung des Methodius“. Es ist keinem der historischen Kritiker eingefallen, mir daraus den Vorwurf der Parteilichkeit zu machen. Der Historiker hat einfach die Thatsachen zu berichten, das habe ich gethan; Methodius ist thatsächlich abgesetzt und wieder eingesetzt worden, ob mit Recht oder mit Unrecht, das gehört nicht in die Ueberschrift. Parteilich hätte ich geschrieben, wenn ich in der Ueberschrift gesagt hätte „Unberechtigte Absetzung des Methodius“. In solchen Vorwürfen gegen mich, die, wie gesagt, kein einziger Historiker erhoben hat, tritt es klar zu Tage, dass die genannten slavisch-philologischen Rezensenten nicht in der Lage sind, die Frage nach der Bedeutung der Slavenapostel objektiv-historisch zu behandeln. Sie sehen bei objectiver Behandlung sofort eine feindliche—antislavische Tendenz.

Ueber nichts war ich mehr erstaunt, als über den ständigen Vorwurf der Abneigung, der tendenziösen Haltung gegenüber den Slavenaposteln, der Verkleinerung ihrer Verdienste. Es ist geradezu widersinnig, mich zu einem Gegner der Slavenapostel machen zu wollen, weil ich ihr Lebensbild vorwiegend auf den lateinischen Quellen aufbaue. Das habe ich aus rein wissenschaftlichen Erwägungen gethan, und das sollten auch rein wissenschaftlich behandelt werden.

Dass ich als Altkatholik, als romfreier orthodoxer Katholik des Abendlandes, der für eine Union des Altkatholizismus mit der orientlich-orthodoxen Kirche arbeitet, der deshalb und wegen zu grosser Hinneigung zum kirchlichen Slaventhum schon angegriffen wurde, kein Gegner der Slavenapostel sein kann, liegt auf der Hand. Diese meine praktische, kirchliche Stellung zu der Person und dem Werke der Slavenapostel gehört natürlich nicht in eine rein wissenschaftliche Biographie. Anderswo habe

ich aber die praktischen Konsequenzen aus meiner Auffassung der Thätigkeit der Slavenapostel gezogen und habe damit die Slavenapostel in ihrer religiös - kulturellen Bedeutung zu erhöhen, aber nicht zu erniedrigen geglaubt. Auf dem IV. internationalen Altkatholiken-Kongress 1897 zu Wien habe ich eine Rede gehalten über «Die Slaven und der Altkatholizismus» (abgedruckt in *Revue internationale de Théologie*, Bern-Schweiz 1898, S. 34—45). Ich habe da die praktisch kirchliche Konsequenz aus meiner Behauptung, die päpstliche Bestätigung der slavischen Liturgie des Methodius sei unecht, gezogen und gesagt: «Die slavische Liturgie und weiter gefasst die auf ihr aufgebaute erste slavische Kirche, die die Grundlage geworden ist für die ganze spätere nicht nur religiöse sondern auch allgemeine Kultur der slavischen Völker, ist das freie Werk, die eigene That der Slavenapostel. Das Recht der slavischen Nation auf den Gottesdienst in ihrer Sprache wurde geltend gemacht gegen den allgemein gültigen Gebrauch Roms; ohne Rom um Erlaubniss zu bitten, führte Methodius die slavische Liturgie ein; sie hat nie zu Lebzeiten des Methodius die päpstliche Bestätigung erhalten, gegen den ausdrücklichen, mehrmals geäußerten Willen Roms ist sie von Methodius und seinen Schülern, und den späteren Slaven festgehalten worden, so lange es eben möglich war. Ist aber die slavische Liturgie wirklich das freie Produkt des slavischen Geistes, so darf sich Rom nicht mehr rühmen, dass die spätere sich auf ihr aufbauende Kultur der Slaven infolge der angeblichen päpstlichen Bestätigung der Liturgie doch eigentlich ein Geschenk von des Papstes Gnaden sei». Wie kann nun ein orthodoxer Slave behaupten, ich verkleinere das Werk der Slavenapostel durch meine Geschichte ihrer Wirksamkeit. Im Gegenteil, die praktische Folge meiner Quellenkritik ist eine Erhöhung der kulturgeschichtlichen Bedeutung der Slavenapostel, ihr Werk, die slavische religiöse Kultur ist einzig ihr geistiges Eigentum, sie haben die Basis der slavisch-christlichen Kultur geschaffen als freie Vertreter des Slaventums, gegen den Willen und das Verbot Roms als Vertreter der lateinischen Kultur.

Diese Konsequenz aus meiner Arbeit hat in antislavischem Sinn auch F. Sakata in seinen «Nuovi Studi sulla liturgia Slava» (Parenzo 1897) gezogen. Er sagt vom römisch - kirchlichen Standpunkt aus ganz richtig: die Päpste haben die slavische Liturgie nicht bestätigt, die das meldenden Papstbriefe sind unecht, also hat die slavische Liturgie auch heute kein Recht innerhalb der römischen Kirche—in den adriatischen Küstenländern—zu bestehen.

Das Wort des hl. Demetrius von Rostov: «Да не будетъ мнѣ грати на святаго» nehme ich auch für meine Arbeit in Anspruch; weder von einer wissenschaftlichen Abneigung gegen die slavischen Quellen kann bei mir die Rede sein, noch von einer praktisch - religiösen Tendenz gegen das Werk der Slavenapostel. Im Gegenteil, meine Auffassung ihres Lebens und

ихрер Wirkсaмкeит дикт нур зaду, ихре култургeсхикитиче Бедеутунг нох зa erhöhen.

Die Beschäftigung mit slavischer bes. russischer Geschichte ist bei uns in Deutschland leider noch eine äusserst geringe. Ich kann aus eigener Erfahrung sagen, dass es bei dem fast gänzlichen Mangel an Quellen und Hilfsmitteln, bei der Schwierigkeit, sie aus Russland zu beschaffen, bei den grossen Kosten, die das macht, eine sehr mühsame Arbeit ist. Es gehört grosse Liebe zu diesem Zweig der Wissenschaft dazu, um in der Arbeit nicht zu verzagen, durch die Schwierigkeiten sich nicht abschrecken zu lassen.

Wenn ich das zu meinem bescheidenen Anteil thue, so darf ich wohl auch den Anspruch erheben, nicht antislavischer Tendenzen beschuldigt zu werden.

Bonn 3 III/18 II 1902.

Leopold Karl Goetz.

Доклады по византиновѣдѣнію, сообщенные на засѣданіяхъ XII археологическаго сѣзда въ г. Харьковѣ (15 — 27 августа 1902 г.).

Изъ докладовъ, сообщенныхъ въ засѣданіяхъ сѣзда и имѣющихъ отношеніе къ византийскимъ древностямъ, отмѣтимъ нижеслѣдующіе ¹⁾.

I. Н. И. Троицкаго «Древнѣйшій храмъ въ Херсонисѣ Таврическомъ, открытый при раскопкахъ въ настоящемъ году. Рефератъ посвященъ памяти Графа А. С. Уварова».

Референтъ предварилъ докладъ свой слѣдующими словами: «Въ наступившемъ 1902/3 академическомъ году исполняется 50 лѣтъ съ того времени, какъ знаменитый основатель Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и русскихъ археологическихъ сѣздовъ, гр. А. С. Уваровъ, предпринялъ первыя раскопки на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда высился людный, торговый, богатый городъ Тавриды — Херсонисъ. Привлеченный графомъ къ дѣлу изученія отечественныхъ древностей и находясь въ составѣ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества ровно 25 лѣтъ, референтъ сознаетъ свой нравственный долгъ почтить память графа именно на семъ сѣздѣ, въ этотъ юбилейный годъ его херсонисскихъ трудовъ, которые положили прекрасное начало научнымъ изысканіямъ въ Херсонисѣ. Но что было послѣ этого начала здѣсь? — Извѣстно, что дѣло раскопокъ тамъ остановилось: на смѣну научныхъ изслѣдованій явилось сначала пренебреженіе, а затѣмъ хищеніе. Прекрасный классическій мраморъ нагружали въ баркасы и отправляли его въ Севастополь. Куда? въ музей? въ частныя коллекціи? — нѣтъ — на содовую фабрику: вѣдь изъ мрамора получается химически-чистая углекислота. И не мраморъ только, — брали и сбывали все, что попалось подъ

¹⁾ Мы пользуемся краткимъ изложеніемъ докладовъ, помѣщенныхъ въ «Извѣстіяхъ» сѣзда.

руки, — кто что могъ и желалъ, днемъ или ночью. Такъ это было, и было бы доселѣ, если бы не былъ положенъ конецъ хищенію энергичной просьбой, мольбой, повергнутой къ стопамъ незабвеннаго нашего Государя, въ Божѣ почившаго Императора Александра Александровича, 1-го іюня 1887 года. Энергичное это слово вызвало: «Повели, Государь, и древній Херсонисъ станетъ русской Помпеей, заинтересуетъ всю благомыслящую Россію, привлечетъ къ изученію своихъ древностей не только ученыхъ, но и путешественниковъ изъ Западной Европы». И эта мольба вызвала энергичную резолюцію Государя, который выразилъ желаніе съ радостью поддержать доброе дѣло, «спасти Херсонисъ, чтобы не прослыть варварами».

Были предприняты систематическія раскопки, цѣлый рядъ которыхъ открылъ нѣсколько церквей и трехскладочную стѣну города. Затѣмъ былъ открытъ громаднѣйшій некрополь. Раскопки, предпринятыя еще въ 1891 году, прекратились за недостаткомъ средствъ и снова возобновились въ мартѣ 1902 г. Въ Карантинской бухтѣ открыто основаніе храма съ двойными стѣнами. Вѣроятно, первый храмъ рухнулъ и былъ выстроенъ второй. Здѣсь интересны выемки, найденныя въ запристолюбѣ. Но интереснѣе открытіе другого храма. Здѣсь обнаружена основа храма крестообразнаго съ равными концами. Восточный и южный концы креста соединены стѣнкой и абсидой. Есть данныя, чтобы судить, что эта постройка послѣдняго времени, сравнительно съ временемъ постройки самаго храма. Храмъ построенъ на могилахъ, соединенныхъ корридормъ, отъ котораго идутъ вѣтки. Въ корридорахъ гробницы — катакомбы. Въ нихъ найдены монеты, свѣтильники, кресты и проч. Херсонисъ явился такимъ образомъ не только русской Помпеей, но и русскимъ «подземнымъ Римомъ». Полъ храма заполненъ прекрасной мозаикой изъ желтаго, краснаго, чернаго (мѣстнаго) и бѣлаго (изъ классическихъ памятниковъ) мрамора. Какой давности храмъ? Въ цементѣ найдено нѣсколько монетъ VI вѣка (Юстиніана I), въ катакомбахъ найдены монеты только IV вѣка, почему постройку можно отнести къ V или концу IV вѣка. Фрески сохранились въ обрывкахъ, но съ греческой надписью изъ евангельскаго текста; встрѣчается и грузинская надпись. Мозаика ковравая съ исполненнымъ рисункомъ: ваза, изъ нея вѣтви вьющіяся и сплетающіяся; въ завиткахъ — птицы (орелъ, голубь, утка и проч.), рыбы, цвѣты, плоды и четырехконечные крестики. Что же здѣсь изображено? Это типъ «древа жизни». Докладчикъ представилъ далѣе очеркъ объ этомъ древѣ жизни на основаніи памятниковъ литературы и искусства. Что же касается мозаикъ, докладчикъ ничего не сообщилъ о нихъ. Судя по отзыву нѣкоторыхъ ученыхъ, видѣвшихъ мозаику, — послѣдняя V вѣка и имѣетъ ближайшую связь съ мозаикой усыпальницы Галлы Плакиды въ Равеннѣ.

П. А. С. Хаханова «Изъ путешествія по Аѳону. О списокѣ грузинской Библіи 987 г. и значеніи этого списка для установленія текста Библіи на грузинскомъ языкѣ». Референтъ ѣздилъ на Аѳонъ по порученію

Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества для изученія грузинскихъ рукописей, хранящихся въ Иверскомъ монастырѣ, основанномъ грузинами въ IX в. Въ Иверѣ, среди другихъ манускриптовъ, имъ изученныхъ (Житіе Баграта Тавромонопійскаго, соч. Евагрія, Апокрифы, Каноны), г. Хахановъ обратилъ вниманіе на списокъ Библии 987 г., имѣющій важное значеніе для установленія текста св. писанія на грузинскомъ языкѣ. Сличивъ печатный текстъ грузинской библии, напечатанной трижды (1743, 1884 и 1900 гг.), съ аеонскимъ спискомъ, референтъ установилъ постепенное искаженіе грузинскаго библейскаго текста, опредѣлилъ особенности списка 987 г., заключающіяся въ томъ, что аеонскій кодексъ отличается отъ греческаго библейскаго текста и хранитъ слѣды прежняго грузинскаго перевода, быть можетъ, съ сирскаго языка. Г. Хахановъ, на основаніи отыѣченныхъ имъ чертъ, высказалъ предположеніе, что кодексъ не есть первоначальный прототипъ грузинской библии, а лишь копія съ него.

III. В. И. Саввы «Выходъ византійскихъ и московскихъ царей въ праздникъ Рождества». Указавши на обиліе матеріала, заключающагося въ сборникѣ обрядовъ византійскаго двора, и на важность его изученія не только для византійской, но и для русской археологіи, докладчикъ очень подробно описалъ всю церемонію выхода византійскихъ императоровъ въ праздникъ Рождества; далѣе, путемъ подробнаго же сопоставленія съ византійскимъ обрядомъ выхода московскихъ царей, В. И. Савва пришелъ къ заключенію, что московскіе цари усваивали черты византійскихъ обрядовъ, но все таки сохранили при этомъ свою, московскую основу.

М. А. Остроумовъ указалъ на то, что византійская царская власть явилась отображеніемъ власти Божіей. Это выразилось во всей обрядности византійскаго двора: Хрисотриклинь, напр., былъ устроенъ по образцу церкви св. Георгія; императору кланялись земно; можно идти даже дальше: можетъ быть, что и 9 чиновъ ангельскихъ послужили первообразомъ для девятию девяти чиновъ византійскаго двора. Идея о царѣ, какъ о Божьемъ намѣстникѣ, проникла въ Россію при великихъ князьяхъ. Явилась потребность облечь свою власть по образцу Византіи; тогда столовая, напр., палата была переименована въ золотую (хрисотриклинь). Разница была не въ идѣ, а въ скромности московскаго двора и другихъ національных качествахъ.

Ю. А. Кулаковский выразилъ мнѣніе, что византійскій императоръ явился на землѣ продолжателемъ римскихъ императоровъ, власть которыхъ отождествлялась съ идеей божества; влияніе христіанства не должно затмить этой языческой струи.

М. А. Остроумовъ сказалъ, что при Граціанѣ эта языческая традиція была прервана; было признано неприличнымъ для императора надѣвать мантию понтифекса.

Н. И. Троицкій указалъ на то, что въ Византіи остались, пожалуй,

руки, — кто что могъ и желать, днемъ или ночью. Такъ это было, и было бы доселѣ, если бы не былъ положенъ конецъ хищенію энергичной просьбой, мольбой, повергнутой къ стопамъ незабвеннаго нашего Государя, въ Божѣ почившаго Императора Александра Александровича, 1-го іюня 1887 года. Энергичное это слово вызвало: «Повели, Государь, и древній Херсонисъ станетъ русской Помпеей, заинтересуетъ всю благомыслящую Россію, привлечетъ къ изученію своихъ древностей не только ученыхъ, но и путешественниковъ изъ Западной Европы». И эта мольба вызвала энергичную резолюцію Государя, который выразилъ желаніе съ радостью поддержать доброе дѣло, «спасти Херсонисъ, чтобы не прослыть варварами».

Были предприняты систематическія раскопки, цѣлый рядъ которыхъ открылъ нѣсколько церквей и трехскладочную стѣну города. Затѣмъ былъ открытъ громаднѣйшій некрополь. Раскопки, предпринятыя еще въ 1891 году, прекратились за недостаткомъ средствъ и снова возобновились въ мартѣ 1902 г. Въ Карантинской бухтѣ открыто основаніе храма съ двойными стѣнами. Вѣроятно, первый храмъ рухнулъ и былъ выстроенъ второй. Здѣсь интересны выемки, найденныя въ заприестольѣ. Но интереснѣе открытіе другого храма. Здѣсь обнаружена основа храма крестообразнаго съ равными концами. Восточный и южный концы креста соединены стѣнкой и абсидой. Есть данныя, чтобы судить, что эта постройка послѣдняго времени, сравнительно съ временемъ постройки самаго храма. Храмъ построенъ на могилахъ, соединенныхъ корридоромъ, отъ котораго идутъ вѣтки. Въ корридорахъ гробницы — катакомбы. Въ нихъ найдены монеты, свѣтильники, кресты и проч. Херсонисъ явился такимъ образомъ не только русской Помпеей, но и русскимъ «подземнымъ Римомъ». Полъ храма заполненъ прекрасной мозаикой изъ желтаго, краснаго, чернаго (мѣстнаго) и бѣлаго (изъ классическихъ памятниковъ) мрамора. Какой давности храмъ? Въ цементѣ найдено нѣсколько монетъ VI вѣка (Юстиніана I), въ катакомбахъ найдены монеты только IV вѣка, почему постройку можно отнести къ V или концу IV вѣка. Фрески сохранились въ обрывкахъ, но съ греческой надписью изъ евангельскаго текста; встрѣчается и грузинская надпись. Мозаика ковравая съ исполненнымъ рисункомъ: ваза, изъ нея вѣтви вьющіяся и сплетающіяся; въ завиткахъ — птицы (орелъ, голубь, утка и проч.), рыбы, цвѣты, плоды и четырехконечные крестики. Что же здѣсь изображено? Это типъ «древа жизни». Докладчикъ представилъ дагѣе очеркъ объ этомъ древѣ жизни на основаніи памятниковъ литературы и искусства. Что же касается мозаикъ, докладчикъ ничего не сообщилъ о нихъ. Судя по отзыву нѣкоторыхъ ученыхъ, видѣвшихъ мозаику, — послѣдняя V вѣка и имѣетъ ближайшую связь съ мозаикой усыпальницы Галлы Платиды въ Равеннѣ.

П. А. С. Хаханова «Изъ путешествія по Аѳону. О списокѣ грузинской Библии 987 г. и значеніи этого списка для установленія текста Библии на грузинскомъ языкѣ». Референтъ ѣздилъ на Аѳонъ по порученію

Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества для изученія грузинскихъ рукописей, хранящихся въ Иверскомъ монастырѣ, основанномъ грузинами въ IX в. Въ Иверѣ, среди другихъ манускриптовъ, имъ изученныхъ (Житіе Баграта Тавромонійскаго, соч. Евагрія, Апокрифы, Каноны), г. Хахановъ обратилъ вниманіе на списокъ Библии 987 г., имѣющій важное значеніе для установленія текста св. писанія на грузинскомъ языкѣ. Сличивъ печатный текстъ грузинской библии, напечатанной трижды (1743, 1884 и 1900 гг.), съ аеонскимъ спискомъ, референтъ установилъ постепенное искаженіе грузинскаго библейскаго текста, опредѣлилъ особенности списка 987 г., заключающіяся въ томъ, что аеонскій кодексъ отличается отъ греческаго библейскаго текста и хранитъ слѣды прежняго грузинскаго перевода, быть можетъ, съ сирскаго языка. Г. Хахановъ, на основаніи отмѣченныхъ имъ чертъ, высказалъ предположеніе, что кодексъ не есть первоначальный прототипъ грузинской библии, а лишь копія съ него.

III. В. И. Саввы «Выходъ византійскихъ и московскихъ царей въ праздникъ Рождества». Указавши на обиліе матеріала, заключающагося въ сборникѣ обрядовъ византійскаго двора, и на важность его изученія не только для византійской, но и для русской археологій, докладчикъ очень подробно описалъ всю церемонію выхода византійскихъ императоровъ въ праздникъ Рождества; далѣе, путемъ подробнаго же сопоставленія съ византійскимъ обрядомъ выхода московскихъ царей, В. И. Савва пришелъ къ заключенію, что московскіе цари усваивали черты византійскихъ обрядовъ, но все таки сохранили при этомъ свою, московскую основу.

М. А. Остроумовъ указалъ на то, что византійская царская власть явилась отображеніемъ власти Божіей. Это выразилось во всей обрядности византійскаго двора: Хрисотриклинь, напр., былъ устроенъ по образцу церкви св. Георгія; императору кланялись земно; можно идти даже дальше: можетъ быть, что и 9 чиновъ ангельскихъ послужили первообразомъ для девятию девяти чиновъ византійскаго двора. Идея о царѣ, какъ о Божьемъ намѣстникѣ, проникла въ Россію при великихъ князьяхъ. Явилась потребность облечь свою власть по образцу Византіи; тогда столовая, напр., палата была переименована въ золотую (хрисотриклинь). Разница была не въ идеѣ, а въ скромности московскаго двора и другихъ національных качествахъ.

Ю. А. Кулаковский выразилъ мнѣніе, что византійскій императоръ явился на землѣ продолжателемъ римскихъ императоровъ, власть которыхъ отождествлялась съ идеей божества; вліяніе христіанства не должно затмить этой языческой струи.

М. А. Остроумовъ сказалъ, что при Граціанѣ эта языческая традиція была прервана; было признано неприличнымъ для императора надѣвать мантию понтифекса.

Н. И. Трояцкій указалъ на то, что въ Византіи остались, пожалуй,

языческія формы, въ видѣ базиліанъ и т. п., но въ нихъ были вложены новый, христіанскій смыслъ, и этого забывать нельзя.

Въ заключительномъ словѣ Ю. А. Кулаковскій выразилъ сожалѣніе о томъ, что очень часто затемняется языческая, римская преемственность въ культурной исторіи Византіи.

IV. М. А. Остроумова «Вопросъ о греческомъ оригиналѣ текста правилъ славянской Кормчей, или такъ наз. Синописей церковныхъ правилъ и его первоначальномъ значеніи».

Показавъ на примѣрѣ, что такое синопись (8 пр. VII Вв. соб.), референтъ сообщилъ, что синопись дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ: Стефана Ефесскаго и Симеона Мажистра, между которыми разница состоитъ въ неодинаковомъ расположеніи правилъ: у Стефана они расположены соответственно Фотіеву номоканону (XIV тит.), у Симеона — номоканону Схоластика (I тит.). Что соответствіе синописей номоканонамъ не случайно, доказывается рукописнымъ матеріаломъ: въ различныхъ древнихъ греческихъ сборникахъ синопись или предшествуетъ названнымъ номоканонамъ, или слѣдуетъ за ними, иногда отдѣленныя нѣсколькими статьями, но всегда такъ, что синопись редакціи Стефана сопровождаетъ номоканонъ XIV тит., а синопись редакціи Симеона — номоканонъ I тит. Когда въ сборникѣ помѣщаются оба номоканона, то и синопись встрѣчается въ обоихъ редакціяхъ. Когда одинъ номоканонъ влізаетъ на другой (Фотіевъ на номоканонъ Схоластика), тогда и въ синописи соответствующей редакціи оказываются измѣненія въ порядкѣ правилъ и дополненія. Однако, это не значитъ, что составитель синописа извлекаетъ свое изложеніе въ одномъ случаѣ изъ одного номоканона, а въ другомъ изъ другого: текстъ синописа въ обоихъ случаяхъ остается буквально тождественнымъ. Напротивъ, это показываетъ, что существующій текстъ примѣнялся къ числу и порядку правилъ названныхъ номоканоновъ. Стало быть, соответствіе синописа тому или другому номоканону было не случайнымъ, а съ другой стороны усматривается какъ будто не самостоятельное, а служебное значеніе синописа при номоканонѣ.

Какого же рода служебное значеніе онъ могъ имѣть?

Въ одной вѣнской рукописи (описанной Бонеромъ) содержится синопись церковныхъ правилъ, о которой проф. Красножонъ свидѣтельствуетъ, что здѣсь помѣщены болѣею частью заглавія церковныхъ правилъ, а не синопись итъ, что, быть можетъ, слѣдуетъ понимать такъ, что самый синопись является здѣсь въ видѣ заглавій. Въ Мюнхенской рукописи (описанной Гергешпретеромъ и Питроу), которая также была въ рукахъ и проф. Красножена, синопись несомнѣнно является въ видѣ указателя къ номоканону Фотія въ редакціи Θ. Веста, такъ какъ въ немъ имѣются цѣловыя указанія, гдѣ найти соответствующее правило.

Какимъ образомъ такой указатель могъ получать самостоятельное значеніе, утративъ цѣловыя указанія, можно преслѣдить на примѣрѣ,

впервые отиѣченномъ профессоромъ Павловымъ. Въ одной изъ редакцій синонхиса, истолк. А. Арестниномъ, есть статья «Св. Василя о времени согрьѣшающихъ», которая сначала имѣла заглавіе «Василя Великаго о титулѣ и времени согрьѣшающихъ», представлявшая цѣловыя цитаты съ ссылкой на титулы, въ какихъ искать соответствующія покаянныя правила Св. Василя, вслѣдствіе же утраты этихъ цитатъ превратившаяся въ синонхисъ. Итакъ синонхисъ могъ возникнуть изъ указателя. Но какимъ образомъ произошелъ текстъ синонхиса?

Референтъ заявилъ, что вѣроятно онъ произошелъ изъ текста заглавій къ правиламъ, каковыя начали появляться еще со времени Халкидонскаго собора (451 г.). Сравненіе текста заглавій съ текстомъ синонхиса даетъ основаніе для такого заключенія, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ заглавія правилъ (Апост., Лаодиц., Халкид. VII всел.) буквально совпадаютъ съ текстомъ синонхиса, въ другихъ синонхисъ представляетъ ихъ дополненіе, въ третьихъ — преобразование. Притѣмъ такого превращенія текста заглавій правилъ въ самостоятельныя правила въ сокращенномъ наложеніи представляютъ правила Лаодикійскаго собора, которыя, какъ указалъ еще въ 1888 г. на международномъ католическомъ конгрессѣ въ Парижѣ проф. канон. права аббатъ Boudignon, — по своей грамматической конструкціи всѣ суть заглавія. Впрочемъ, по мнѣнію референта, текстъ такъ наз. 60-го правила заключаетъ въ себѣ сохранившійся подлинный текстъ постановленій Лаодикійскаго собора (59 его правилъ).

Такимъ образомъ, по заключенію референта, оказывается, что текстъ церковныхъ правилъ, вошедшій въ нашу славянскую коричю (переселенную къ намъ изъ Болгаріи въ переводѣ Св. Саввы Сербскаго) имѣетъ своимъ греческимъ оригиналомъ переработку заглавій церковныхъ правилъ въ синонхисѣ церковныхъ правилъ.

Проф. М. С. Дриновъ спросилъ: не было ли славянскихъ переводовъ синонхиса Симеона Логофета, сдѣланныхъ раньше перевода коричей? Референтъ отвѣтилъ, что ему такіе переводы неизвѣстны. Какія же правила до этого времени были въ употребленіи? продолжалъ проф. Дриновъ. Референтъ отвѣтилъ: полный текстъ правилъ въ номоканонѣ Схоластика (въ переводѣ, какъ полагаютъ, св. Меодія — просвѣтителя славянъ) и въ номоканонѣ Фотія (въ такъ наз. до-фотіевской редакціи), переведенныхъ, по предположенію проф. Павлова, у насъ при Ярославѣ.

Д. И. Иловайскій спросилъ: сохранился ли полный текстъ правилъ Лаодикійскаго собора? Референтъ отвѣтилъ, что этотъ текстъ въ древнія времена потерянъ, за исключеніемъ 60 (59) правилъ.

В. А. П. Голубцова: О «мѣрѣ среди церкви» въ связи съ вопросомъ о происхожденіи орлеца. Сказавъ въ немногихъ словахъ о видѣ и символическомъ значеніи архіерейскаго орлеца, референтъ задался вопросомъ исторически объяснить происхожденіе послѣдняго. Для этого онъ обратилъ вниманіе прежде всего на убранство тѣхъ мѣстъ храмова помоста, на которыя въ старину, какъ и теперь, чаще всего полагался

орлець при служеніи, и нашелъ, что середина пола и солен въ храмахъ древне-христіанскихъ, византійскихъ, древне-русскихъ и современныхъ греческихъ была отличаема строителемъ то особаго вида и нѣвѣта цѣльной мраморной плитой, то какою-либо, предпочтительно круглой, геометрическою фигурой, исполненной мозанкой. Эти разноцвѣтныя плиты и круги, латинянами и греками, какъ и до сихъ поръ на востокѣ, различно называемые (*rotae, umbilici, billici, circuli porphyretici, ὀμφαλός, πορφυροῦ ὀμφάλιον, κύκλος, ἄετός*) въ XVI — XVII вѣкахъ слыли у нашихъ предковъ подъ именемъ «мѣры среди церкви», каковымъ названіемъ опредѣлялось какъ положеніе, такъ отчасти и ихъ назначеніе. Являясь главной, доминирующей фигурой въ украшеніи цѣлаго пола и удовлетворяя такимъ образомъ орнаментальнымъ цѣлямъ, древне-византійскій омфалии и наша «мѣра среди церкви» въ тоже время служили мѣстомъ постановокъ священнослужащихъ, мѣстомъ поставленія или возложенія священныхъ предметовъ и между прочимъ орлеца. Полагаемый у насъ довольно часто среди пола, солен и предъ св. престоломъ, орелъ не употребителенъ при обычномъ архіерейскомъ служеніи на востокѣ, но за то съ давнихъ поръ его изображаютъ тамъ среди пола на омфалии и даже называютъ по-славянски словомъ: *ἄετός*, орелъ. Для объясненія того пути, какимъ орелъ — символъ верховной свѣтской власти — могъ стать одною изъ архіерейскихъ insigniis и появиться даже на омфалии, референтъ указалъ, что орлы, украшавшіе царскій костюмъ и т. д., въ XIII — XIV вв. принадлежали къ числу отличій церемоніальныхъ одеждъ высшихъ сановниковъ имперіи — деспотовъ и севастократеровъ. Путемъ царскаго пожалованія, въ видѣ награды, орлы могли перейти сначала къ патриархамъ — духовнымъ владыкамъ, приравнивавшимся къ свѣтскимъ деспотамъ, а отъ нихъ, со временемъ, и ко всѣмъ другимъ епископамъ. Отиѣтивъ факты перехода нѣкоторыхъ частей византійскаго царскаго костюма и между ними обуви съ орлами въ патриаршее облаченіе, референтъ обратился затѣмъ къ выясненію того, что могло способствовать помѣщенію орла на омфалии. Идущій изъ глубокой первохристіанской древности обычай помѣщать въ центрѣ пола частью по подражанію классической древности, частью изъ противодѣйствія ей, ея ученію о священныхъ омфало-сахъ, какое-либо символическое изображеніе, могъ содѣйствовать появленію орла на омфалии. Чертившійся сначала мѣломъ или красками на полу при епископскомъ поставленіи, орелъ началъ изображаться потомъ мозанкой на помостѣ въ омфалии, набиваться или вышиваться шерстью и шелкомъ на кругломъ кускѣ матеріи. Церковной символической византійскій двухглавый орелъ былъ въ концѣ концовъ видоизмѣненъ, переработанъ на основѣ библейскихъ представленій и вошелъ въ качествѣ главнаго составнаго элемента въ сложную символическую картину, которую на востокѣ до сихъ поръ продолжаютъ изображать на хартін или помостѣ и которая у насъ однажды навсегда закрѣплена въ такъ называемыхъ орлецахъ.

Хорошо и легко было бы, закончилъ референтъ, строителямъ нашихъ новыхъ храмовъ, начавшихъ все чаще и чаще украшаться мозаическими полами, возстановить древне-русскую «мѣру среди церкви» или византійскій цвѣтной кругъ; народъ не сталъ бы занимать этого мѣста въ тѣ моменты службы, когда приходится становиться на немъ священнослужащимъ или износить на средину храма тотъ или другой священный предметъ; уменьшилось бы выѣстъ съ этимъ и смятеніе, почти каждый разъ вызываемое постиланіемъ на самомъ богослуженіи обычныхъ ковровъ среди церкви.

VI. Проф. В. З. Завитневича «О культурномъ вліяніи Византіи на бытъ русскихъ Славянъ курганнаго періода».

Референтъ остановился на находкахъ предметовъ изъ раскопокъ Херсониса Таврическаго и нашихъ кургановъ.

Сравненіе этихъ предметовъ даетъ во многихъ случаяхъ полную аналогію. Таковы, напр., слѣдующіе предметы: разнаго рода серебряныя кольца, металлическіе и стеклянные браслеты, перстни, бусы, пряжки, парча и шелковыя ткани; приготовленіе свѣчей также заимствовано изъ Византіи. Посуда, однако, показываетъ, что у славянъ она выработалась самостоятельно; только лишь плоскія миски одинаковы съ Херсонесскими.

Изъ этого можно сдѣлать выводъ, что даже въ такую отдаленную эпоху, какъ курганная, существовали торговыя сношенія между группами восточныхъ славянъ и Византіей. Сношенія эти имѣли результатомъ вліяніе византійское на славянъ.

Болѣе точные выводы будутъ возможны при сравнительномъ изданіи, какъ тѣхъ, такъ и другихъ памятниковъ.

По поводу прочитаннаго доклада Н. Θ. Бѣляшевскій высказалъ предположеніе о существованіи въ Херсонесѣ русской торговой колоніи.

VII. Д. В. Айдалова «Гдѣ и какъ была принята св. княгиня Ольга въ Царьградѣ». Въ нашей Начальной лѣтописи о путешествіи св. княгини Ольги и о приѣмѣ, оказанномъ ей императоромъ Константиномъ Порфиророднымъ, говорится очень кратко. Данные же устава обрядовъ дворца Константина даютъ возможность нарисовать вѣрную картину этого приѣма. Въ уставѣ помѣщено то, что записано очевидцемъ, записано имъ точно, чтобы потомъ пользоваться этой записью при подобныхъ приѣмахъ; записи устава до сихъ поръ еще мало разработаны нашей исторической наукой. Св. княгиня Ольга явилась къ императору Константину не только подъ именемъ «княгини», но въ уставѣ записано, что явилась «княгиня русская игегемонъ (правительница)». Княгиня вошла въ залъ сама (другіе входили, опираясь на евнуховъ), она не падала ницъ (другіе падали три раза). Императоръ при приѣмѣ сидѣлъ на тронѣ Соломона, который представлялъ собою художественное произведеніе древняго ювелирнаго искусства. Этотъ тронъ былъ золотой съ пятью ступенями изъ зеленого порфира. Въ немъ заключался механизмъ, благодаря которому тронъ могъ подниматься до потолка. Когда представлявшійся императору какой-

нибудь нмземный посолъ падалъ ницъ и потомъ вставалъ, онъ съ изумленіемъ видѣлъ тронъ висѣщимъ въ воздухѣ; послѣ второго поклона посолъ видѣлъ тронъ поднимавшимся еще выше и т. д. На спинкѣ трона помѣщались золотыя птицы, которыя могли пѣть; по сторонамъ трона стояли два золотыхъ льва (какъ-бы стража), которые подымались на лапы и рычали; на ступеняхъ трона находились различные звѣри, которые тоже подымались на лапы, рычали и были; передъ треномъ стояли золотыя деревья, на которыхъ сидѣли золотыя птицы. Императоръ «по обычаю» спросилъ черезъ переводчика о здоровьѣ княгини; княгиня, въ свою очередь, спросила о здоровьѣ императора, его супруги и семьи. Послѣ этихъ привѣтствій, золотые львы и другіе звѣри поднялись на лапы и зарычали, птицы зашевелились и запѣли, органы заиграли. Передъ уходомъ императора, евнухи и чины двора обносили передъ присутствовавшими подарки, привезенные княгиней. Когда императоръ уходилъ, то вновь повторилось рычаніе звѣрей, пѣніе птицъ и проч., — такой уставной обрядъ назывался «катавасія». Затѣмъ св. княгиня Ольга была принята императрицей, и третій оффиціальныи пріемъ ей былъ сдѣланъ въ покояхъ императрицы, куда явились и багрянородныя дѣти, причемъ княгиня говорила съ императоромъ «о чемъ хотѣла». Въ тотъ же день состоялся обѣдъ; княгиня съ женской свитой обѣдала въ покояхъ императрицы. При входѣ послѣдней она «только слегка наклонила голову», за что впоследствии получила эпитетъ «гордой». За обѣдомъ пѣвчіе пѣли «царскія» мѣсны, происходившія представленія акробатовъ, шутовъ и другія зрѣлища. Послѣ обѣда состоялся десертъ, во время котораго княгинѣ было поднесено золотое блюдо и дары, а ея свитѣ — денежные подарки. Въ покояхъ дая также происходить «почетной пиръ» для мужской свиты княгини. Вторично св. Ольга была принята во дворцѣ черезъ мѣсяцъ.

VII. Проф. Ю. А. Кулаковскаго «Византійскій лагерь. X вѣка». Референтъ познакомилъ собраніе съ недавно открытымъ византійскимъ литературнымъ памятникомъ, относящимся, по его мнѣнію, къ концу X вѣка и дающимъ между прочимъ понятіе объ устройствѣ византійскаго военнаго лагеря. Проф. Ю. А. Кулаковскій обстоятельно изложилъ данныя этого памятника, касающіяся расположенія войскъ въ лагерѣ, формы и величины послѣдняго, способа его охраны, иллюстрируя свое изложеніе рисункомъ на доскѣ.

Нормальная численность пѣхоты, на которую рассчитана схема лагеря въ данномъ памятникѣ, — 16 тысячъ. Каждая таксона, представляющая собою строевую единицу подъ именемъ таксіархіи, собрана изъ 500 тяжелооруженныхъ, 200 копѣйщиковъ и 300 стрѣлковъ изъ лука. Форма и размѣры лагеря рассчитаны по численности тяжелооруженныхъ. При 16 таксіархіяхъ пѣхоты въ дѣйствующей арміи тяжелооруженныхъ оказывается 8 тысячъ. Они дѣлятся на четыре части, по 2 тысячи, и, становясь въ линію по два человека на одну

сажень, образуютъ квадратъ по одной тысячѣ сажень въ каждой сторонѣ. Это и есть нормальной видъ лагера. Выборъ мѣста лежалъ на обязанности спеціалиста, который назывался министраторъ. Выбравъ заранѣе мѣсто, онъ утверждалъ царскій штандартъ и отъ этого мѣста отмѣривалъ по 500 сажень на востокъ, западъ, сѣверъ и югъ. Когда армія являлась на это мѣсто, то вытягивавшаяся по намѣченнымъ линіямъ пѣхота приступала къ рытью вала, въ 8 или 7 футовъ глубиною и въ 6 или 5 футовъ шириною. Земля изъ рва выбрасывалась внутрь лагера. Съ каждой стороны лагера устраивалась по три мѣста для входа и выхода по 8 саж. шириною. Вдоль всего лагера, внутри отведеннаго для него пространства, отдѣлялась полоса въ 50 сажень шириною; 22 сажени отводилась на такъ наз. «пустое мѣсто» въ видахъ безопасности отъ случайныхъ выстрѣловъ съ стороны непріятеля; слѣдующая полоса въ 22 сажени предназначалась для палатокъ пѣхоты, и полоса въ 6 сажень отводилась подъ дорожку, которая, такимъ образомъ, идетъ вдоль всѣхъ сторонъ лагера и отдѣляетъ палатки пѣхоты отъ площади, отведенной для конницы, которую эта пѣхота охраняетъ. Внутреннее пространство, за вычетомъ 50 сажень со всѣхъ сторонъ, имѣетъ въ обоихъ направленіяхъ по 900 саж. Середина этой площади, по 300 саж. въ обоихъ измѣреніяхъ, отводилась подъ «царскій лагерь». Центръ его занимала царская палатка (кѣртъ), вокругъ которой долженъ былъ оставаться свободнымъ достаточно просторный плацъ. Отъ этой площади прямо къ востоку шла дорога до входа въ серединѣ восточной границы лагера. На пространствѣ царскаго лагера разбѣгались главныя чины, сопровождающіе царя въ походѣ, многочисленная челядь и спеціальные гвардейскіе отряды, атеріи и бесмертныя.

За предѣлами царскаго лагера, въ направленіи четырехъ странъ свѣта, занимади мѣсто прочіе отдѣлы конницы, простирался до линіи палатокъ пѣхоты; вслѣдствіе такого устройства внутри лагера получалось крестообразное расположеніе войскъ. Мѣста, занятые отдѣльными частями войскъ, отдѣлялись другъ отъ друга дорогами. Референтъ далъ подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ вала, постановкѣ триволновъ и объ организаціи охраны лагера. Въ нѣкоторыхъ чертахъ своего устройства византийскій лагерь оставался вѣренъ старой римской традиціи, въ нѣкоторыхъ представляетъ извѣстное развитіе и видоизмѣненіе. Въ заключеніе, референтъ указалъ, что для насъ, русскихъ, не безынтересно военное устройство Византии, между прочимъ потому, что въ числѣ гвардейскихъ отрядовъ, сопровождавшихъ императора, былъ и отрядъ, состоявшій изъ нашихъ предковъ (рѣс).

Проф. А. И. Маркевичъ просилъ референта объяснить, какимъ образомъ такой, сравнительно небольшой отрядъ войска занималъ столь громадное пространство, а именно 4000 десятинъ земли, тогда какъ, напр., въ наше время, для войскъ, вдвое большихъ по численности, съ артиллеріей, требующей, какъ извѣстно, большихъ пространствъ, отво-

дится едва только десятая часть этого пространства, какое, согласно докладу, занималъ византійскій лагерь?

Докладчикъ заявилъ, что этотъ вопросъ дѣйствительно не вполне ясенъ; быть можетъ дальнѣйшія изслѣдованія уяснятъ дѣло.

IX. Проф. Д. В. Айналова «Даръ великой княгини Ольги въ ризницу церкви Св. Софїи въ Царьградѣ».

Извѣстный паломникъ, впоследствии новгородскій архіепископъ Антоній, XII в., оставилъ извѣстіе объ одномъ замѣчательномъ предметѣ, который онъ видѣлъ въ скевофилакѣ великой церкви: это блюдо, которое Св. Ольга принесла въ даръ Св. Софїи, большое, золотое съ драгоценными украшеніями и изображеніемъ Иисуса Христа. Извѣстіе это съ вариантами (въ шести редакціяхъ) издано Х. М. Лопаревымъ. Изъ сопоставленія разныхъ редакцій референтъ вывелъ заключеніе, что сообщеніе о дарѣ Св. Ольги въ существѣ своемъ не можетъ быть заподозрѣно. — Издатель упомянутыхъ извѣстій о дарѣ Св. Ольги даетъ такой отвѣтъ на вопросъ, что это за блюдо? Это, говоритъ г. Лопаревъ, блюдо, которое Ольга получила въ даръ послѣ крещенія, съ 500 золотыхъ монетъ, и принесла его съ своей стороны въ ризницу Св. Софїи. Сопоставляя такое объясненіе съ показаніями византійскихъ источниковъ, референтъ отмѣтилъ, что Ольга получила не блюдо, а чашу, — между тѣмъ Антоній ясно говоритъ о богослужебномъ блюдѣ. И ошибиться въ назначеніи блюда нашъ паломникъ не могъ, такъ какъ упоминая о другихъ богослужебныхъ сосудахъ, которые вносятся на всякую недѣлю и на Господскіе праздники изъ состава ризницы Св. Софїи, онъ несомнѣнно зналъ существовавшую въ то время терминологию и къ тому же ссылается на имѣвшееся на сосудѣ изображеніе, что терминологія «богослужебнаго» сосуда для ранней поры христіанства въ Россіи совершенно ясна.

Разъяснивъ, затѣмъ, какія драгоценныя украшенія могли быть дѣйствительно на сосудѣ Ольги, референтъ подробно остановился на вопросѣ объ изображеніи на сосудѣ Иисуса Христа, въ связи съ упоминаніемъ Антонія о печатяхъ, какія получали паломники. По заключенію референта, таковыми печатами могли быть оттиски съ изображенія Иисуса Христа. Такъ какъ сосудъ изъ скевофилакѣ исчезъ (нѣкоторые паломники не говорятъ о немъ, что они его видѣли, а что онъ былъ), то проф. Айналовъ обратился къ аналогіямъ и указалъ на старинное византійское каменное блюдо (34 сант. въ діаметрѣ) въ церкви Св. Марка, съ греческой надписью «примите, ядите» и съ медальономъ на днѣшѣ, изображающимъ Иисуса Христа, и пришелъ къ выводу, что Св. Ольга, уже будучи христіанкой, подарила въ ризницу Св. Софїи дискосъ, и напоминая о многократныхъ измѣненіяхъ состава названной ризницы отъ хищеній, пожаровъ и разнообразныхъ случайностей, выразилъ предположеніе, что могъ быть подаренъ и потиръ, который, однако, исчезъ ранѣе паломничества Антонія.

Проф. Н. И. Петровъ по поводу этого доклада сообщилъ, что въ

30 годахъ прошлаго вѣка въ Кіевѣ при раскопкахъ у Срѣтенской церкви (на углу Маловладиміровской и Житомирской улицъ) найдена была чаша съ надписью: «пійте нея отъ вси...», а года 2, 3 назадъ тамъ же найдено и малое блюдо съ надписью: «пріймите и ядите».... Раскопанная старинная кладка на этомъ мѣстѣ имѣетъ кирпичи домонгольскаго періода.

Х. Проф. Д. В. Айналова «Мраморы и инкрустаціи Десятинной церкви и Кіево-Софійскаго Собора». Докладъ представляетъ результатъ научныхъ изысканій проф. Айналова въ области церковной архитектуры г. Кіева. Референтъ указалъ, что древности Кіева вообще еще мало изучены. Только драгоценнымъ кладамъ болѣе посчастливилось, такъ какъ они лучше изслѣдованы въ научномъ отношеніи. Менѣе всего изучена Кіевская церковная архитектура, особенно же отдѣльныя части ея, какъ облицовки стѣнъ и половъ разноцвѣтными мраморами и инкрустаціями. Между тѣмъ изученіе памятниковъ подобнаго рода весьма важно: украшеніе половъ и стѣнъ разноцвѣтными мраморами и инкрустаціями вызывалось не только религіознымъ чувствомъ, но и чисто художественными потребностями. Къ сожалѣнію, въ Десятинной церкви сохранилось мало образцовъ облицовокъ стѣнъ и половъ, при чемъ часть ихъ употреблена при реставраціи церкви, остальные же хранятся въ особомъ шкафѣ, въ алтарѣ. Проанализировавъ сохранившіеся предметы этого рода, референтъ указалъ, что инкрустаціи Десятинной церкви выполнены тонкимъ мастерствомъ и могутъ быть отнесены въ произведенія Х в. Съ другой стороны, онъ отмѣтилъ одну изъ мраморныхъ плитъ, сохранившихся въ Десятинной церкви, и указалъ, что въ ней замѣтно округленіе рельефа, и вообще работа ея много лучше работы извѣстной Ярославской гробницы. Разсмотрѣвъ детально полъ церкви, сдѣланный изъ плитъ мрамора и краснаго шифера, референтъ остановился на извѣстной надписи, вѣдланной въ верхней части восточной стѣны, причемъ указалъ на нѣкоторыя особенности ея, какъ спутанность буквъ и отсутствіе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вообще, изучивъ эту надпись, референтъ пришелъ къ выводамъ, нѣсколько отличнымъ отъ мнѣній предшествовавшихъ изслѣдователей даннаго вопроса. Въ заключеніе референтъ заявилъ, что, несмотря на немногочисленность облицовокъ стѣнъ и половъ Десятинной церкви, сохранившихся до настоящаго времени, все-таки о нихъ можно сдѣлать кое-какіе выводы. Переходя къ обзорѣ облицовокъ стѣнъ и половъ Кіево-Софійскаго Собора, референтъ отмѣтилъ, что соборъ не богаче Десятинной церкви памятниками подобнаго рода. Между тѣмъ діаконъ Павелъ Алеппскій удивился разнообразію мраморовъ, украшавшихъ стѣны и полы Кіево-Софійскаго собора. Не менѣе великогѣпнымъ показался соборъ католическому бискупу Верещинскому въ 1595 г., а въ слѣдующемъ году Гейденштейнъ, описавъ соборъ, призналъ зданіе прекраснымъ, хотя и отмѣтилъ, что въ его время оно находилось въ полномъ запустѣніи. Анализъ этихъ извѣстій заставилъ референта заключить, что соборъ былъ облицованъ мраморомъ на подобіе собора Св. Марка въ

Венеціи, а также имѣлъ портикъ съ колоннами изъ мрамора, порфира и алебастра. Впослѣдствіи соборъ былъ ограбленъ уніатами, и украшенія его перенесены въ другіе храмы. Но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые остатки облицовокъ стѣнъ и половъ собора еще уцѣлѣли, и референтъ детально анализируетъ ихъ, при чемъ ему удастся возстановить нѣкоторые подробности въ архитектурѣ Кіево-Софійскаго собора, не сохранившіяся въ настоящее время, напр., мраморныя облицовки 2 дверей (есть и половина третьей), алтарную преграду и т. д. При этомъ на облицовки стѣнъ и половъ собора употребляли 2 сорта мрамора, что замѣтилъ уже діаконъ Павелъ Алеппскій, указавшій также на его происхожденіе съ о-ва Мармары. Дѣйствительно, ломки мрамора существовали на упомянутомъ островѣ въ эпоху постройки Кіево-Софійскаго собора, что устанавливается точно на основаніи византійскихъ извѣстій. Да въ древней Руси мраморныя издѣлія и не представляли рѣдкости: имѣется много извѣстій о погребеніи князей въ мраморныхъ гробницахъ, а въ самомъ Кіевѣ сохранилось до настоящаго времени 2 мраморныхъ саркофага. На основаніи всего выше сказаннаго референтъ приходитъ къ заключенію, что изученіе этихъ побочныхъ отраслей архитектуры представляетъ особенную важность наряду съ мозаиками и фресками и расширяетъ наши представленія относительно Кіевского періода древне-русскаго искусства.

По поводу реферата проф. Н. И. Петровъ сообщаетъ, что колонны, взятыя уніатами изъ Кіево-Софійскаго Собора, повидимому, сохранились: въ оградѣ Братскаго монастыря найдена часть колонны, кажется, сѣрватаго цвѣта, которая происходитъ, весьма возможно, изъ Кіево-Софійскаго собора.

XI. М. С. Дринова. О древнемъ церковно-славянскомъ памятникѣ «Видѣніе Пророка Ісаіи о послѣднемъ времени». По мнѣнію докладчика, это видѣніе отличается отъ другихъ видѣній подобнаго рода тѣмъ, что историческая часть его приурочена къ византійско-русскимъ и византійско-болгарскимъ событіямъ конца X и первой половины XI вѣка. Здѣсь, по толкованіямъ проф. Дринова, есть указаніе на русскаго князя Владиміра съ византійской царевной Анной и на то, что этотъ фактъ способствовалъ распространенію христіанства среди русскихъ; здѣсь же указано на продолжительныя и кровопролитныя войны императора Василія съ его внутренними и особенно внѣшними врагами (болгарами). Отношеніе автора видѣнія къ сближенію Византіи съ русскими несочувственное, въ немъ онъ усматриваетъ призракъ приближающагося конца міра. Далѣе авторъ видѣнія останавливается на вторженіи печенѣговъ въ Византію, начавшемся вскорѣ по смерти императора Василія, и отождествляетъ печенѣговъ съ тѣми «нечистыми народами», которые, по апокрифическимъ апокалипсисамъ, должны предшествовать появленію антихриста. Разобранный проф. Дриновымъ памятникъ пока извѣстенъ въ 2 очень не исправныхъ спискахъ, что мѣшаетъ точному опредѣленію времени и мѣста его появленія.

Докладчикъ, однако, предполагаетъ, что онъ появился въ половинѣ XI вѣка въ Византіи или въ Болгаріи.

Докладъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній, въ которомъ приняли участіе профессоръ В. Н. Мочульскій, А. А. Кочубинскій, М. А. Остроумовъ, А. Н. Ясинскій и др. лица.

Пренія закончились общимъ пожеланіемъ скорѣйшаго и болѣе детальнаго изученія этого интереснаго памятника.

XII. М. Г. Халаискаго «Южно-Славянскія пѣсни о смерти Марка Краевича». Докладчикъ представилъ обзоръ всѣхъ извѣстныхъ ему эпическихъ мотивовъ въ юго-славянской народной поэзіи, приуроченныхъ къ смерти Краевича Марка, послѣдовавшей 10 октября 1394 г. «на Ровинахъ» въ Румыніи. Съ большой подробностью онъ остановился на трехъ мотивахъ:

а) На мотивъ былинъ о гибели богатырей, излагаемой южно-славянскими пѣснями сходно съ русскими былинами. Эти сказанія, по мнѣнію докладчика, стоятъ въ тѣсной связи съ книжными повѣстями о паденіи Царьграда. Площадь предъ церковью Св. Софіи, на которой палъ императоръ Константинъ, измѣнилась въ болгарскихъ преданіяхъ, приуроченныхъ къ эпохѣ паденія болгарскаго царства и къ городу Самокову, въ поле Софійское, а въ русскихъ былинахъ — въ Сафу, Салфу или Сафать рѣку.

б) Второй эпическій мотивъ, рассмотрѣнный докладчикомъ, приуроченъ къ Голешъ-Планинѣ и сходенъ съ малорусской думой о смерти Бедора Безроднаго и шотландскими пѣснями о воронахъ, изложенныхъ Пушкинымъ въ стихотвореніи «Воронъ».

в) Третій мотивъ, особенно подробно рассмотрѣнный докладчикомъ — содержится въ пѣснѣ о смерти Марка на урвинѣ-планинѣ. Эта пѣсня близко сходна съ рассказомъ пѣсни о Роландѣ, о смерти Роланда. Сославшись на установленное тождество эпического стиха юго-славянъ съ эпическимъ стихомъ романскихъ народовъ, на отмѣченный фактъ распространенія поэтическихъ сюжетовъ съ романскаго запада на славянскомъ и греческомъ востокѣ и между прочимъ сюжетовъ Карлова и Роландова цикла и на движеніе профессиональных пѣвцовъ романскихъ на Балканскій полуостровъ, особенно въ эпоху крестовыхъ походовъ, М. Г. Халаискій высказалъ предположеніе, что южно-славянская пѣсня о смерти Марка на урвинѣ-горѣ излагаетъ поэтическій сюжетъ западно-европейскаго романскаго эпоса, сюжетъ небольшой кантилены, которая предполагается соответствующимъ мѣстомъ пѣсни о Роландѣ. По мнѣнію докладчика, южно-славянскій эпосъ въ содержаніи и формѣ сохранилъ тотъ видъ простыхъ небольшихъ сравнительно пѣсенъ, которыя предполагаются такими большими поэмами, какъ Нибелунги, и въ этомъ отношеніи онъ представляетъ своеобразный, т. е. поэтическій архивъ для исторіи западно-европейской поэзіи.

Л. Г. Лопатинскій указалъ на параллель къ пѣснѣ о смерти Марка

Краевича въ одной черкесской пѣснѣ (Сборникъ матеріаловъ о Кавказѣ XII в.).

А. А. Кочубинскій сказалъ, что путемъ простаго сближенія, безъ строгой установки промежуточныхъ звеньевъ, нельзя говорить о вліяніи. Съ этимъ вполне согласился и М. Г. Халанскій.

М. С. Дриновъ указалъ на одно историческое свидѣтельство относительно пребыванія Марка въ адрианопольской тюрьмѣ и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній объ урвинъ-панинѣ, которую нельзя смѣшивать съ Периномъ.

XIII. Проф. М. С. Дринова «Объ одномъ рукописномъ сборникѣ церковныхъ чиноположеній XIV вѣка». Въ этомъ сборникѣ находится извѣстный Синодикъ царя Бориса, обнаруженный недавно М. Г. Попруженкомъ. Докладчикъ различаетъ въ этомъ сборникѣ два сборника, отличающіеся одинъ отъ другого и почеркомъ и качествомъ бумаги и писанныхъ несомнѣнно въ разное время. Часть, содержащая синодикъ, писана несомнѣнно позже, такъ какъ въ ней провозглашается вѣчная память царю Іоанну Шишману и патриарху Евфимію, которымъ въ другой части поется многія глѣта.

XIV. Проф. А. И. Кирпичникова «Аѳинскій Великій Синаксарь, какъ важный археологическій источникъ».

Референтъ познакомилъ собраніе съ новымъ греческимъ (аѳинскимъ) изданіемъ сборника житій святыхъ, подъ заглавіемъ: Яшма умственнаго рая или великое собраніе житій всѣхъ святыхъ на (каждый) день празднуемыхъ, собранныхъ и изданныхъ, на счетъ Константина Дунаки (поклонника).

Отмѣтивъ старозавѣтное-благочестивое настроеніе, выразившееся въ предисловіи къ книгѣ и въ ней самой, черты внѣшняго и внутренняго отличія этого изданія отъ ранѣе изданнаго (1869 г.) греческаго Синаксаря житій Никодима Святогорца (отсутствіе указателя, ученаго аппарата, неисправность корректуры и языка; присутствіе за то поученій новѣйшихъ ораторовъ), проф. А. И. Кирпичниковъ указалъ, что, при ближайшемъ ознакомленіи съ Великимъ Синаксаремъ, въ немъ окзывается много данныхъ для археологіи, исторіи, исторической этнографіи Византіи и новой Греціи. Такъ, житія, содержащіяся въ немъ, заключаютъ данныя для иконописи и художественной древности; таково описаніе наружности святыхъ, иногда съ простонародными выраженіями; мы узнаемъ о формѣ и архитектурѣ церквей, формѣ крестовъ и другихъ священныхъ предметовъ, о созданіи большихъ мозаическихъ иконъ въ церквахъ еще въ XII — XIII вѣкахъ. Есть много данныхъ легендарныхъ, важныхъ для исторіи легендарныхъ мотивовъ (напр. въ жизни Арсенія Великаго извѣстное литургическое видѣніе изложено болѣе подробно, чѣмъ обыкновенно); есть данныя бытовыя (напр. о погребальныхъ обрядахъ, о существованіи идоловъ Судьбы, *τῆς τύχης*); есть данныя для исторіи византійской поэзіи и образованности, о школахъ, объ отношеніяхъ къ учителямъ. Эти свѣдѣнія въ самыхъ житіяхъ, въ видѣніяхъ, въ похвальныхъ словахъ, въ комъ

ментаріяхъ, какъ ни плохо они составлены. Есть факты не безынтересные для русской исторіи: напримѣръ, въ числѣ святыхъ празднуется память Іоанна, русскаго, плѣнннаго при Петрѣ Великомъ турками и скончавшагося въ 40 годахъ XVIII вѣка (рядъ его чудесъ доведенъ до 1774 г.). Важный отдѣлъ житія новомучениковъ, т. е. христіанъ, пострадавшихъ, уже въ новое время, отъ турокъ; эти житія мало шаблонны, изложены живо и правдиво; они важны въ бытовомъ отношеніи; референтъ изложилъ данныя о жизни и смерти восьми изъ такихъ новомучениковъ (скончавшихся въ промежутокъ времени отъ 1683 до 1802 г.): Павла Русскаго, Димитрія Филадельфійскаго, Іоанна Солунскаго и др. Далѣе, отмѣчена любовь составителя разбираемаго сборника житій къ легендѣ, обиліе апокрифическихъ мотивовъ (составитель даже заказывалъ переводы апокрифовъ съ латинскаго), мотивовъ демонологическихъ, притомъ въ ихъ народной, архаичной формѣ. Въ заключеніе референтъ высказалъ пожеланіе, чтобы Синаксарь сдѣлался предметомъ специальныхъ изслѣдованій.

Е. Р.

Ученая поѣздка на Синай въ 1902 году.

Въ началѣ апрѣля 1902 года профессоръ С.-Петербургскаго университета Н. Я. Марръ, приватъ-доцентъ того же университета А. А. Васильевъ и магистрантъ (теперь приватъ-доцентъ) князь И. А. Джаваховъ были отправлены въ синайскій монастырь св. Екатерины для изученія находящихся въ монастырской библіотекѣ рукописей. Экспедиція, выѣхавъ изъ Петербурга 3-го апрѣля, прибыла благополучно на мѣсто назначенія 30-го апрѣля. Н. Я. Марръ и И. А. Джаваховъ посвятили большую часть времени подробному описанію коллекціи грузинскихъ рукописей; кромѣ того, Н. Я. Марръ занимался изученіемъ многихъ сирійскихъ, арабскихъ и армянскихъ рукописей. Главною цѣлью А. А. Васильева было изученіе двухъ рукописей арабскаго христіанскаго историка X вѣка, Агапія, епископа мавридждскаго, а также греческихъ рукописей, содержащихъ преимущественно житія Святыхъ. Въ началѣ іюля А. А. Васильевъ, а въ концѣ того же мѣсяца Н. Я. Марръ и И. А. Джаваховъ покинули Синай. Н. Я. Марръ послѣ этого продолжалъ свои занятія надъ восточными рукописями въ Іерусалимѣ, откуда онъ и вернулся въ С.-Петербургъ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Ученые результаты этой поѣздки готовятся ея участниками къ изданію.

А. Васильевъ.

Результаты экскурсіи французскихъ ученыхъ Chesnay и Perdrizet въ Македонію.

Еще въ 1901 году французскому ученому М. Chesnay было предложено Liard'омъ совершить научную экскурсію въ Македонію, при чемъ инициатива этой крайне важной поѣздки принадлежитъ генералу До-

Beuilié, ассигновавшему извѣстную сумму на расходы. De-Beuilié, готовясь издать очеркъ по архитектурѣ жилищъ византійской эпохи, поручилъ Chesnaу воспроизвести и обследовать въ Мельникѣ maison seigneuriale, на который обратилъ его вниманіе ученый Perdrizet. Chesnaу вмѣстѣ съ послѣднимъ обследовалъ рядъ мѣстностей въ Македоніи и снялъ значительное число фотографій съ нѣкоторыхъ памятниковъ; такъ, въ Салоникахъ имъ были воспроизведены внѣшній видъ Св. Софій и два внутреннихъ вида храма Св. Димитрія. Эти двѣ церкви считаются самыми важными памятниками VI и VII вв.; онѣ были извѣстны почти до послѣдняго времени лишь въ снимкахъ Texier (притомъ не вполне удовлетворительныхъ), а между тѣмъ это—замѣчательный примѣръ полихроміи въ отдѣлкѣ и въ микростаціяхъ, которая украшаетъ главный нефъ храма Св. Димитрія; хоры, которые составляютъ характерную особенность восточныхъ базиликъ и придаютъ удивительную красоту имъ своими рисунками,—все это представляется въ высшей степени цѣннымъ и важнымъ для знатоковъ византійской археологіи. Относительно церквей другого обследованнаго имъ города — Серреса довольно общія свѣдѣнія существуютъ лишь въ трудѣ Папагеоргіу. Что касается тамошней митрополіи, которая основана на мѣстѣ и отчасти даже изъ развалинъ языческаго храма, то она сохранила въ абсидѣ часть очень любопытныхъ мозаикъ. Такова напр. мозаика «Тайная Вечеря», которая видна въ полукружіи подъ конхой и напоминаетъ собой символическую сцену въ катакомбахъ Александріи, обследованныхъ Wescher'омъ. Она ясно выражаетъ самую тѣсную связь между иконографіей на памятникахъ и религіей. До сего времени самыми древними извѣстными образцами мозаичной живописи эпохи до Палеологовъ были мозаики храма Св. Софій въ Кіевѣ—середины XI в. и Св. Михаила тамъ же — конца XII в. Мозаики же Серреса современны или немного позднѣе таковыхъ же храма Св. Софій. Ученый Perdrizet сфотографировалъ всѣ эти мозаики, а Chesnaу воспроизвелъ фрагментъ, который является однимъ изъ самыхъ драгоценныхъ фрагментовъ, добытыхъ во время экскурсіи. Возможно вполне удовлетворительно разобрать его: тонъ еще какъ и въ Кіевской мозаикѣ довольно свѣтлы, но положеніе тѣлъ болѣе свободно и разнообразно, самое же исполненіе мозаики весьма просто, но тщательно отдѣлано и весьма искусное, такъ что сближаетъ этотъ памятникъ съ лучшими произведеніями изъ Дафни, и потому возможно отнести его не позже второй половины XI вѣка. Ризница же митрополіи заключаетъ въ себѣ рядъ замѣчательныхъ сокровищъ. Chesnaу сфотографировалъ одну прекрасную эмаль, которую можно отнести къ XII вѣку. Эта рипида (flabellum) эмалированная — единственно извѣстная до сего времени изъ числа подобныхъ предметовъ съ византійскою эмалью. На лицевой сторонѣ ея имѣется изображеніе Христа, возсѣдающаго среди четырехъ символовъ и окруженнаго сверху ангелами и властями, которые окружаютъ *τρισάγιον*, откуда и самая рипида носить въ настоящее время названіе *ἑξακτίφυγον*.

Среди весьма многочисленныхъ и крайне разнообразныхъ тканей въ этой ризницѣ Chesnay обратилъ особенное вниманіе на епитрахиль (ἐπίταχιον) патріарха Геннадія (дата 1520 года), часть которой и была воспроизведена имъ въ снимкахъ. Что же касается Геннадія, то это извѣстный благотворитель обители Лавра, гдѣ онъ велѣлъ исполнить въ трапезѣ фрески, которыя лишь недавно были изучены ученымъ Millet. Епитрахиль Геннадія — это поясъ въ 1,70 м., составленный изъ квадратовъ, гдѣ сцены изъ жизни Спасителя чередуются съ изображеніями святыхъ епископовъ. Самыя изображенія — древняго образца, по крайней мѣрѣ, такъ можно заключить, судя по умѣреннымъ тонамъ ихъ (карминъ, бирюзовая краска и охра). Очень мало извѣстно шелковыхъ матерій, украшенныхъ подобными сценами, и прежде всего, для византійскаго періода. Ὁράριον изъ Серреса, не смотря на его позднюю дату, тѣмъ не менѣе весьма важенъ. Затѣмъ Chesnay и Perdrizet сфотографировали въ монастырѣ Продрома два Евангелія; одно изъ нихъ кромѣ изображеній 4 евангелистовъ представляетъ также и стоящаго Христа. По изяществу выполненія оно очень близко напоминаетъ Евангеліе и Псалтырь изъ монастыря Пантократора на Аѳонѣ и носитъ на себѣ всѣ отличительныя черты византійскаго стиля конца XI вѣка. Въ Мельникѣ же, въ древности Melenikion, куда византійскіе императоры, какъ извѣстно, ссылали царедворцевъ, навлекшихъ на себя опалу, сохранился дворецъ (maison seigneuriale), единственно уцѣлѣвшій до насъ отъ византійской эпохи, если не считать развалинъ изъ Tekfour Serai и извѣстныхъ построекъ въ Мистрѣ. Характеренъ планъ этого зданія: огромныхъ размѣровъ главная комната и вокругъ нея сгруппированы всѣ остальные, что напоминаетъ собой таковыя же въ сирійскихъ древнихъ зданіяхъ. Фасадъ же этого дома великолѣпно украшенъ кирпичиками въ различныхъ положеніяхъ. Этотъ способъ украшенія (наиболѣе яркій примѣръ чему представляетъ знаменитый храмъ Св. Апостоловъ въ Салоникахъ) есть нѣчто обычное для Македоніи. Послѣднія изысканія нашего ученаго П. Н. Миллюкова доказываютъ, что храмъ этотъ принадлежитъ къ XIV вѣку и слѣдовательно его надо относить ко времени патріарха Нифонта, монограмма котораго и сохранилась въ этой церкви. Къ этому же времени относится постройка, а не реставрація, какъ думали раньше вслѣдъ за ученымъ Bayet, храма Св. Апостоловъ. Вообще можно сказать, что въ Мельникѣ сохранилось весьма значительное число церквей того же времени, при чемъ особенно любопытна одна изъ нихъ. Съ вѣшной стороны своего фасада она представляетъ подъ навѣсомъ рядъ изображеній въ стилѣ, сходномъ съ изображеніями изъ Мистры: Дѣва Марія, возсѣдающая (Pantheonassa) среди двухъ архангеловъ и святыхъ; другое же изображеніе Св. Николая даетъ единственный въ своемъ родѣ примѣръ, извѣстный до сего времени лишь на Востокѣ — это пресвитерское сопрестоліе со многими ступенями на подобіе извѣстнаго изъ Torcello. Полихромія вѣшняго фасада и это пресвитерское сопрестоліе напоминаютъ

собой памятники древне-христіанскаго искусства. Городъ расположенъ неподалеку отъ монастыря Rosno, на одной изъ вершинъ горы Пиринъ, откуда съ одной стороны виднѣтся долина Вистрицы, на другомъ концѣ равнины чернѣтъ ущелье Стримона. Слѣдуетъ, конечно, надѣяться, что всѣ снимки, исполненные учеными Chesnay и Perdrizet, будутъ изданы вмѣстѣ съ многочисленными фотографіями изъ другихъ мѣстностей и церквей Пелопоннуса, которые недавно лишь были приобрѣтены для коллекціи École des Hautes Études. (См. выше стр. 583).

В. Сопкинъ.

Императорская Академія Наукъ въ С.-Петербургѣ.

Отдѣленіе Русскаго языка и словесности.

За истекшій 1902 годъ дѣятельность Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ выразилась прежде всего въ изданіи ряда трудовъ, уже вышедшихъ въ свѣтъ, въ продолженіи работъ предшествующихъ лѣтъ, и въ подготовленіи къ печати новыхъ сочиненій и изданій. Такъ подъ редакціей академика Ф. Θ. Фортунатова вышло уже изданіе памятниковъ старо-славянскаго языка, что потребовало особенной внимательности и тщательности выполненія со стороны его редактора. Кромѣ того начаты были печатаніемъ и уже близки къ окончанію тексты крайне важнаго памятника XI вѣка Супральной рукописи или Мартовской Четив-Минеи, равно какъ и, такъ называемой, Саввиной книги или Кирилловскаго Евангелія того же XI вѣка. При этомъ С. Н. Северьяновымъ, проживающимъ въ Вѣнѣ, были воспроизведены самые подробные и точные фотографическіе снимки съ перваго, упомянутаго выше, памятника и все это подготовлено къ изданію; надъ вторымъ же трудомъ пришлось долгое время поработать В. Н. Щепкину. Проф. Карскій занять былъ «Листками Ундольскаго», которые, какъ можно думать, въ наступающемъ же году будутъ вполне изданы. Въ минувшемъ 1902 году подъ личнымъ наблюденіемъ В. Н. Щепкина со всею точностью было сфотографировано, и при томъ полностью, извѣстное глаголическое Евангеліе Ватиканское или Ассеманіево. Эта работа была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что Отдѣленіе Академіи намѣрено въ настоящемъ же году издать этотъ чрезвычайной важности памятникъ древнѣйшей славянской письменности.

Что касается ученой дѣятельности членовъ Отдѣленія Академіи, то въ истекшемъ году она выразилась въ слѣдующихъ научныхъ трудахъ и занятіяхъ, по скольку это относится къ интересующему насъ предмету.

Нашъ маститый академикъ И. В. Ягичъ въ 1902 году былъ занятъ по преимуществу подготовительными работами по изданію нѣсколькихъ древнѣйшихъ текстовъ славянской Толковой Псалтыри вмѣстѣ съ греческимъ текстомъ этого толкованія, еще нигдѣ неизданнымъ до сего вре-

мени. Какъ извѣстно, авторомъ послѣдняго въ разныхъ греческихъ, а также въ нѣкоторыхъ славянскихъ спискахъ этого памятника, называется Аеанасій, но въ одной вѣнской рукописи имя автора — Оригенъ. Кромѣ того всѣ имѣвшіеся славянскіе переводы этого толкованія, по мнѣнію нашего ученаго, сводятся къ одному первоисточнику и къ одной редакціи, при чемъ, согласно изслѣдованію И. В. Ягича, славянскій переводъ передаетъ буквально греческій текстъ. Необходимо было однако отыскать вполне соответствующую редакцію греческаго текста. Такъ Вѣнскій списокъ, относимый къ началу XIII вѣка, и не позволяя и допускаетъ отступленія во многихъ мѣстахъ отъ славянскаго перевода своимъ болѣе подробнымъ изложеніемъ. Если первоначально возможно было предполагать, что славянскій переводчикъ умышленно сдѣлалъ при переводѣ нѣкоторыя сокращенія, то на дѣлѣ оказалось, что это не такъ. Академикъ И. В. Ягичъ, потрудившись собственноручно надъ снятіемъ копій съ вѣнскаго списка, отправился затѣмъ въ Венецію, гдѣ ему и посчастливилось найти рукопись еще болѣе ранняго времени, чѣмъ вѣнская, и въ то время болѣе близкую къ славянскому переводу: въ большей своей части она представляетъ прямой подлинникъ послѣдняго. Кромѣ того ему же удалось воспользоваться еще одной венеціанской рукописью, древнѣйшей (X—XI ст.) изъ всѣхъ до сего времени извѣстныхъ греческихъ списковъ Толковой Псалтыри этого рода, хотя, къ сожалѣнію, она уплѣла лишь въ небольшихъ отрывкахъ, но совершенно совпадаетъ въ нихъ съ славянскимъ переводомъ. Затѣмъ въ Римѣ, въ Ватиканской библіотекѣ, И. В. Ягичъ нашелъ еще греческую рукопись съ тѣмъ же толкованіемъ, при чемъ она имѣетъ вполне точную дату отъ XII вѣка. При сличеніи этого текста съ вѣнскимъ и венеціанскимъ оказалось, что указанный текстъ представляетъ собой какую-то болѣе подробную редакцію: тѣ же мысли, но совершенно иныя слова и обороты рѣчи. Несомнѣннымъ является то предположеніе, что ватиканская рукопись имѣетъ, вѣроятно все, очень важное значеніе для выясненія исторіи измѣненій греческаго текста этого толкованія, но по нѣкоторымъ причинамъ, обусловленнымъ самой задачей изученія славянскаго текста, нашъ академикъ не остановился на болѣе детальномъ изученіи этой рукописи. По нѣкоторымъ наведеннымъ справкамъ еще одна греческая рукопись Оксфордской библіотеки должна имѣть чрезвычайно важное значеніе для той же цѣли, но въ истекшемъ году поѣздка туда оказалась невозможной въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, а потому ее пришлось отложить до наступающаго 1903 года. Весь обширный греческій и славянскій матеріалъ, собранный И. В. Ягичемъ, далъ ему возможность вскорѣ же по возвращеніи изъ Италіи приступить къ печатанію своего труда, такъ что уже напечатано 35 псалмовъ текста и толкованія съ критическими и пояснительными примѣчаніями въ 11 печатныхъ листовъ. Въ истекшемъ же 1902 году вышелъ въ свѣтъ XXIV томъ издаваемого И. В. Ягичемъ журнала «Archiv für Slavische Philologie» и первый выпускъ XXV юби-

лейнаго тома, въ которомъ нашимъ академикомъ подѣ заглавіемъ «Analecta romana» сообщаются крайне любопытныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ римскихъ памятникахъ славянской старины.

Академикъ Н. П. Кондаковъ издалъ въ минувшемъ году свой чрезвычайной важности трудъ: «Памятники Христіанскаго искусства на Аѳонѣ» (въ 8-ю д., 312 стр., съ 49 фототипіями и 103 рисунками въ текстѣ); онъ же составилъ и напечаталъ объяснительный текстъ къ изданію Порфиріевской Коммиссіи при Академіи Наукъ «Иконы Синайской и Аѳонской коллекціи пр. Порфірія, издаваемые въ лично имъ приготовленныхъ 23 таблицахъ». Лѣтомъ Н. П. Кондаковъ обозрѣвалъ московскія иконописныя собранія и иконы московскихъ же соборовъ, церквей, монастырей и молельнъ и подготовилъ матеріалъ для изданія Лицеваго Иконописнаго Подлинника; для той же цѣли были изучены имъ собранія Троице-Сергіевой Лавры, Кіева и др. городовъ. Имъ же были прочитаны два доклада: «Объ изображеніи князя Ярополка Изяславича въ Трирской Псалтыри» и «О поддѣльности нѣкоторыхъ византійскихъ эмалей въ коллекціи М. П. Боткина».

Историко-Филологическое Отдѣленіе.

Какъ и въ прежніе годы Коммиссія въ лицѣ академиковъ В. В. Латышева, П. В. Никитина и А. А. Шахматова въ 1902 году продолжали свои занятія по изданію трудовъ епископа Порфірія (Успенскаго); такъ ею были напечатаны: «Иконы Синайской и Аѳонской коллекціи преосвященнаго Порфірія, издаваемые въ лично имъ приготовленныхъ 23 таблицахъ», съ объяснительнымъ текстомъ академика Н. П. Кондакова, при чемъ редакція этого изданія была поручена П. А. Сырку, подѣ наблюденіемъ В. В. Латышева. Что же касается VIII-го тома «Книги бытія моего», то изъ описанія аѳонскихъ рукописей, издаваемого подѣ редакціей Аѳ. И. Пападопуло-Керамевса и наблюденіемъ академика П. В. Никитина, окончено печатаніемъ описаніе рукописей Иверскаго монастыря. Подѣ наблюденіемъ Особой Коммиссіи, состоящей изъ Вице-Президента Академіи Наукъ и членовъ ея: В. В. Латышева, барона В. Р. Розена и А. С. Лаппо-Данилевскаго — продолжалось печатаніе той части трудовъ покойнаго академика В. Гр. Васильевскаго, которая была приготовлена къ изданію В. Э. Регелемъ.

Академикъ В. В. Латышевъ въ истекшемъ 1902 году приступилъ во-первыхъ, къ печатанію 2-го тома своего труда: «Извѣстія древнихъ писателей о Скиѣи и Кавказѣ», кромѣ того редактировалъ изданія Императорской Археологической Коммиссіи, въ которыхъ помѣстилъ нѣсколько статей и замѣтокъ по эпиграфикѣ и археологіи. Академикъ же баронъ В. Р. Розенъ, кромѣ цѣлаго ряда другихъ трудовъ, много потрудился надѣ новымъ изданіемъ въ высшей степени важныхъ «Извѣстій Ибн-Фадлана о хазарахъ, болгарахъ и русахъ». Можно указать на

труды ученаго хранителя Азіатскаго Музея Академіи Наукъ О. Э. фонъ-Лемма: «Коптская Александрія» — «Der Alexandergroman bei den Kopten» и на работу М. И. Ростовцева: «Каталогъ греческихъ и латинскихъ свинцовыхъ тессеръ (пломбъ)».

Далѣе мы предлагаемъ рядъ обзоровъ научной дѣятельности за минувшій 1902 годъ нѣкоторыхъ лицъ, которыя, благодаря отчасти денежнымъ, отчасти инымъ вспомошествованіямъ со стороны Императорской Академіи Наукъ, находились въ заграничной командировкѣ, результатомъ чего явились очень цѣнныя научныя данныя и открытія.

Результатомъ научной поѣздки Х. М. Лопарева на средства Академіи Наукъ служитъ очень цѣнный и весьма значительный по объему матеріалъ, отчасти мало извѣстный до сего времени, а отчасти и совсѣмъ неизвѣстный. Что касается греческихъ житій святыхъ, то ему удалось описать въ Генуѣ цѣликомъ: мученичество свв. Сиевсиппа, Еласиппа и Мелесиппа, — эта рукопись единственная, по отзыву экскурсанта, въ мірѣ, въ которой сохранилось названное «мученичество», относящееся къ X вѣку. Затѣмъ тамъ же списано имъ крайне цѣнное житіе св. Θεодора, настоятеля монастыря ἐν Χφρα (въ Константинополѣ). Хотя оно сообщаетъ большое число археологическихъ данныхъ для самой Византіи въ VI вѣкѣ, однако до сего времени оно оставалось почти неизвѣстнымъ, и только нѣсколько навлеченій изъ него встрѣчаются въ трудѣ извѣстнаго греческаго ученаго — Гедеона. Кромѣ того здѣсь же въ Генуѣ было прочитано имъ два греческихъ житія: одно — св. Михаила Синакелы и другое — св. Филарета Милостиваго. Относительно перваго литературнаго памятника надо сказать, что онъ заключаетъ въ себѣ много, хотя и мелкихъ, историческихъ и хронологическихъ данныхъ и подробностей и въ то же время приводитъ доказательства, что обычный взглядъ византистовъ на св. Михаила Синакелы, какъ на автора житія патр. Игнатія, совершенно ошибоченъ. Что же касается житія св. Филарета Милостиваго, то оно должно быть отнесено къ числу первоначальныхъ источниковъ для біографіи этого святого; всѣ же изданные до сего времени греческіе и славянскіе переводы представляютъ собою ни что иное, какъ болѣе или менѣе поздніе пересказы его. Настоящая біографія, какъ оказалось, написана внукомъ и крестникомъ св. Филарета — Никитомъ въ 822 году, во время его изгнанія, въ пелопоннискѣмъ городкѣ Каріуполѣ. Во Флоренціи Х. М. Лопаревъ былъ занятъ изученіемъ житія св. Константина Синадскаго, которое до сихъ поръ еще не надано, а между тѣмъ здѣсь имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія по исторіи IX вѣка; равнымъ образомъ нигдѣ не надано и другое житіе, открытое имъ здѣсь же, а именно: житіе ап. Андрея Первозваннаго, составленное не позже VIII—IX в. По приѣздѣ въ Римъ, Х. М. Лопаревъ посвятилъ нѣкоторое время списыванію текста греческаго проскинитарія св. земли, по списку XV вѣка, составленнаго въ Лаврѣ св. Саввы Освященнаго, гдѣ, какъ извѣстно, обыкновенно останавливались и жили русскіе паломники.

Особенно любопытныя данныя, отчасти и для русской исторіи, были открыты нашимъ экскурсантомъ во Флоренціи. Такъ здѣсь былъ имъ найденъ еще новый списокъ, именно *plutei X, codex XXXI* «Бесѣда патр. Фотія по поводу нашествія Русскихъ на Константинополь въ 860 году», издаваемыхъ въ настоящее время нашей Императорской Академіей Наукъ. Этотъ *plutei X* относится къ XV в. и содержитъ въ себѣ бесѣду Дорофея, митрополита Митилинскаго, по поводу нашествія на Константинополь турокъ въ XV вѣкѣ; при этомъ авторъ для составленія своего слова воспользовался цѣлкомъ двумя бесѣдами патр. Фотія, почему и *διδασκαλία* перваго можетъ, по мнѣнію Х. М. Лопарева, имѣть важное значеніе для исправленія текста бесѣды послѣдняго. Другой же флорентійскій источникъ *plutei VII codex XIX* относится къ XIV в. и даетъ слѣдующія разъясненія и указанія. Извѣстно, что внука Владиміра Мономаха, какъ кажется, Евпраксія (Добродѣя), вышла въ 1122 году замужъ за сына византійскаго императора Іоанна Комнина (1118 — 1143) — Алексѣя и при коронованіи получила имя Зои. Еще до поѣздки своей въ Италію, Х. М. Лопаревъ напечаталъ свѣдѣнія, которыя указывали на то, что Зоя передъ смертью прибѣгала къ волхованію и чародѣйству, т. е. употребляла различныя медицинскія средства для исцѣленія себя отъ смертельнаго недуга. Упомянутая выше флорентійская рукопись — *plutei VII codex XIX* сообщаетъ, что Зоя въ Византіи не только сильно интересовалась медицинскими науками, но даже сама написала руководство по этому предмету. Послѣднее пользовалось столь серьезной репутаціей, что послѣдующіе врачи прибѣгали не разъ къ ея указаніямъ и дѣлали самыя подробныя выписки изъ ея труда. Кромѣ того, отмѣтимъ, во-первыхъ, найденный въ Генуѣ новый греческій списокъ (восьмой по счету) «Послання русскаго митрополита Льва (X — XI в.) къ латинянамъ объ опрѣснокѣхъ» и, во-вторыхъ, два посланія Болгарскаго архіепископа Льва (XI в.) къ нѣкому римскому епископу по тому же предмету. Изъ болѣе мелкихъ сочиненій, изученныхъ Х. М. Лопаревымъ, можно указать на грамоты Иліи Критскаго и Никиты Солунскаго, на сочиненіе патр. Іоанна Каматира объ астрологіи, на церемональ коронованія имп. Мануила Палеолога (рѣзко отличающійся текстъ отъ всего того, что до сего времени было извѣстно объ этомъ), и затѣмъ на надгробное слово Харитонима Ермоима по поводу кончины Екатерины Палеологъ, супруги Ѳомы Палеолога и матери жены великаго князя Іоанна III — Софьи Ѳомииншны. Таковы-то результаты лѣтнихъ научныхъ занятій Х. М. Лопарева въ Генуѣ, Флоренціи и отчасти въ Римѣ (Ватиканская бібліотека была закрыта для занятій), и уже изъ краткой настоящей замѣтки можно вполне судить о всей цѣнности и важности добытаго экскурсантомъ матеріала для византійской и древне-русской исторіи.

Прив.-доцентъ С.-Петербургскаго Императорскаго Университета Н. Ястребовъ во время послѣдней заграничной поѣздки въ Прагу продолжалъ и свои занятія надъ «*Επιστολή*» Евф. Зигавина о богوميлахъ, такъ

какъ изъ Туринской библіотеки былъ имъ полученъ здѣсь списокъ этого памятника (№ 900). Экскурсаитъ подробно изучилъ эту очень важную рукопись, при чемъ отмѣтилъ ея варианты и воспроизвелъ снимки съ нея; благодаря этому теперь вполне закончено имъ собраніе матеріаловъ для изданія чрезвычайно важнаго памятника средневѣковаго греческаго языка и литературы. Однако, болѣзнь и безвременная кончина академика В. К. Ериштедта, который думалъ оказать свое полное содѣйствіе въ рѣшеніи нѣкоторыхъ трудныхъ вопросовъ при изданіи, помѣшала появленію въ свѣтъ «*Επιστολή*». Кромѣ того Н. Ястребовъ еще въ бытность свою за границей напечаталъ критическій разборъ изданія и изслѣдованія грамоты болгарскаго царя Іоанна Асѣня II—г. Ильинскаго (Ж. М. Н. Пр., май 1902 г.); имъ же напечатано въ «Периодическо Списание», 1902, кн. 5—6, стр. 450—458, нѣсколько замѣтокъ объ изданіи нѣкоторыхъ южно-славянскихъ грамотъ. Уже по возвращеніи изъ своей командировки Н. Ястребовъ напечаталъ статью о книгѣ проф. К. Иречка: «*Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters*». Wien. 1901 въ Изв. Отд. Русск. яз. и слов., 1902, кн. 2, а вмѣстѣ съ прив.-доц. Новороссійскаго Университета г. Кульбакинымъ разборъ сочиненія проф. Пастернака: «*Dějiny slovanských Apoštolů Cyrilla a Methoda*», Praga 1902 (Ж. М. Н. Пр., 1902, кн. 9).

Относительно же занятій П. А. Сырку слѣдуетъ указать, что въ текшемъ 1902 году имъ были изданы слѣдующіе труды: «Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній болгаръ и сербовъ въ XIV—XVII вв. Житіе св. Николая Новаго Софійскаго по единственной рукописи XVI в.» (Сборн. Отд. рус. яз. и слов., т. LXXI); «Къ исторіи исправленія книгъ у сербовъ въ XV в. Въ припискѣ на Тріоди сербской редакціи». Тріодъ эта списана на Аѳонѣ въ Карейской башнѣ (оу пиргоу карѣйскому) монахомъ Іовомъ въ двухъ частяхъ (прѣдны комать и послѣдній) для прота св. Горы, іеромонаха Дороея. Тріодъ эта писана по Кастамонитскимъ изводамъ (ѿ извода кастамонитскихъ). Настоящая статья напечатана въ Извѣст. Отд. рус. яз. и слов. Акад. Наукъ, въ т. VII, кн. 4. Приготовлена затѣмъ для печатанія въ «Извѣстіяхъ Отд. рус. яз. и словесн.» статья: «Грамота болгарскаго царя Іоанна Асѣня II», съ изслѣдованіемъ и фотографическимъ снимкомъ ея въ натуральную величину.

Чрезвычайно любопытные результаты получены были еще однимъ молодымъ ученымъ, Владиміромъ Бенешевичемъ, отправившемся на Востокъ на средства Академіи Наукъ. Задачу, которую онъ поставилъ себѣ, заключалась во-первыхъ въ намѣреніи изслѣдовать всѣ хранящіяся тамъ въ главныхъ греческихъ библіотекахъ списки номоканоновъ XIV-ти-тельнаго и Схоластикова, а также собраній правилъ съ толкованіями Зонары и Аристипа; кромѣ того собрать всѣ имѣющіяся тамъ же данныя для исторіи Сборника Матвѣя Властаря и покаяннаго номоканона. Другая же цѣль, имѣвшаяся въ виду, была попытка опредѣлить отношеніе этого сборника къ славянскимъ переводамъ; просмотрѣть нѣкоторыя канони-

ческія рукописи отчасти такія, о которыхъ уже было упомянуто въ нѣкоторыхъ научныхъ трудахъ, а отчасти отыскать и новыя. Для этой цѣли В. Бенешевичъ, магистрантъ С.-Петербургскаго Университета по церковному праву, намѣревался посѣтить библіотеки: Патмосскую, Константинопольскую, Аѳинскую Национальную и Аѳонскія, оттуда черезъ Салоники проѣхать по Македоніи и черезъ Болгарію и Румынію вернуться въ Россію. Однако различныя неблагопріятныя обстоятельства, независящія отъ экскурсанта, были причиною измѣненія маршрута, а потому пришлось совершенно отказаться отъ поѣздки по Македоніи и отъ новаго плана поѣздки въ Іерусалимъ, ввиду появившейся тамъ въ сильной степени чумы. Не смотря на чрезвычайно неблагопріятныя обстоятельства и помѣхи (напр. въ Ватопедѣ въ теченіе 6 сутокъ экскурсantu, по его словамъ, пришлось около 20 часовъ просидѣть въ темномъ углу библіотеки за рукописями, которыхъ ему не давали въ архондарикъ; или въ монастырѣ св. Павла относительно славянскихъ рукописей данъ былъ такой отвѣтъ, будто онѣ уничтожены пожаромъ, а на самомъ дѣлѣ ихъ припрятали и т. д.), результатомъ почти пятилѣтней экскурсіи его (съ начала іюня до середины октября 1902 года) является описаніе *осмѣ каноническихъ* рукописей изъ библіотекъ: Константинопольской Метохію тоῦ Ἀγίου Τάφου, Халкинской Богословской Школы, Коммерческой школы тамъ же, Смирнской Евангелической школы, монастыря Чаушъ въ Салоникахъ, Аѳинской Национальной Библіотеки и наконецъ книгохранилищъ слѣдующихъ Аѳонскихъ монастырей: Пантократора, Ивера, Есфигмена, Кутлумуша, Ватопеда, Лавры, Діонисіата и отчасти Пантелеймоновскаго (изъ остальныхъ же обителей осмѣтрѣны были всѣ за исключеніемъ Григорія, Симопетры, Ксиропотама, Дохіара и Ксенофа). Подробное описаніе этихъ рукописей имѣетъ быть представлено авторомъ вскорѣ же въ Академію Наукъ, какъ часть задуманной имъ *Bibliotheca juris canonici Graecorum manuscripta*. Самая замѣчательная изъ обследованныхъ имъ рукописей является Patm. 172, по времени относящаяся къ первой половинѣ IX вѣка; на основаніи лишь этого источника возможенъ окончательное разрѣшеніе цѣлаго ряда спорныхъ вопросовъ особой важности изъ исторіи номоканона XIV-тительнаго и синтагмы канонѡвъ; въ ней же даются указанія для исторіи славянскаго перевода Ефремовскаго списка Коричей. По мнѣнію нашего экскурсанта — это единственный до сего времени по своей древности и полнотѣ списокъ XIV-тительнаго номоканона; вообще говоря такихъ списковъ, текстъ которыхъ сохранился лучше, очень не много, такъ: Patm. 173, сходный по содержанію съ предыдущимъ и также IX в., но уже второй половины, и при томъ плохо сохранившійся; затѣмъ Patm. 373 и 576 — двѣ редакціи одного и того же каноническаго сборника 1379 года, при чемъ послѣдняя (равно какъ и Venet. S. Marci Naniar. по описанію Mingarelli, p. 425) была извѣстна еще проф. Павлову. Въ виду имѣющихся у В. Бенешевича кромѣ того еще трехъ списковъ (изъ Аѳинской Национальной Библіотеки) представляется возможнымъ сдѣлать пер-

вый опытъ анализа и исторіи памятника, что онъ и намѣренъ сдѣлать въ самомъ непродолжительномъ времени. Помимо названнаго сборника 1379 г. имъ же найдено еще нѣсколько каноническихъ трудовъ, отчасти совершенно неизвѣстныхъ даже по заглавію, отчасти малознакомыхъ, какъ то: 1) Законникъ монаха Исаака, составленный по приказанію митрополита τὸν Πηλῆγιον Πατριῶν Даниїла и заключающій въ себѣ извлеченія изъ Властаря и, повидимому, покаяннаго номоканона; здѣсь особенно интересны схолиіи названнаго монаха Исаака, такъ какъ онѣ даютъ рядъ новыхъ свѣдѣній по внутренней жизни греческой церкви XV—XVI вв.; 2) сборникъ іеромонаха Макарія (Zachariae, Delineatio, 92); 3) сборникъ Никона; 4) сборникъ Пантелеймонскаго монастыря № 830—крайне любопытнаго состава, при этомъ три послѣднихъ источника являются чѣмъ-то несходнымъ со всѣми извѣстными доселѣ въ наукѣ. Что же касается новооткрытаго матеріала, какъ пособія и источника, которыми пользовался Матвѣй Властарь, то весьма цѣпныя указанія даетъ единственное, насколько извѣстно экскурсantu, по рукописи Діонисіата, оглавленіе содержанія Фотіевой синтагмы въ алфавитномъ порядкѣ буквъ, со ссылками на канонъ въ каждой главѣ. Кромѣ того и одна изъ рукописей Метеха св. Гроба представляетъ собраніе гражданскихъ законовъ и также въ алфавитномъ порядкѣ главъ, откуда, какъ можно думать, и черпалъ Властарь свои νόμοι. Крайне любопытно изображеніе самого Властаря, исполненное красками, въ Ватопедскомъ спискѣ Синтагмы № 415, f. 2-а; сохранилась при этомъ слѣдующая надпись: ὁ σοφώτατος καὶ λογώτατος καὶ οὐλώτατος ἱερομόναχος καὶ μέγας πρυτὸς οὐκέλλος κὺρ ματθαῖος ὁ βλαστάρης. Что же касается рукописей, содержащихъ правила съ толкованіями, то изъ нихъ важна одна лишь Есфигменская № 131, такъ какъ въ ней правила читаются то въ сокращенномъ, то въ полномъ текстѣ, при чемъ встрѣчаются толкованія иногда Зонары, иногда же Аристипа. Экскурсantъ имѣетъ въ виду сравнить эту рукопись и сходную съ ней по содержанію изъ Вѣнской библіотеки со славянскимъ переводомъ въ Рязанской и Новгородской Кормчихъ: даже довольно бѣглый просмотръ нѣкоторыхъ отрывковъ послѣднихъ заставляетъ предполагать иное освѣщеніе нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ по данному предмету.

Если изъ славянскихъ каноническихъ сборниковъ экскурсantu не встрѣтилось ни одного, заслуживающаго вниманія, то изъ рукописей не каноническаго содержанія найденъ былъ рядъ ихъ въ Аеоонскихъ монастыряхъ. Къ вышеизложенному возможно прибавить, что В. Бенешевичъ собралъ для изданія нѣкоторые тексты каноническихъ статей и сербскихъ хрисовуловъ XIV.—XVI вв. Кромѣ того имъ же принесены въ даръ Академіи Наукъ слѣдующія греческія рукописи: 1) пергаменная, около 170 лл. большого формата, XI вѣка — житія и мученія святыхъ—безъ начала и конца; 2) такая-же, 2 лл., отрывокъ изъ богослужебной рукописи XII—XIII вв.; 3) бумажная рукопись XVI в., въ которой вполнѣ Венеціанское изданіе 1568 г. Захарія Скордиїа — слово Григорія

Назіанзина (безъ входного листа) и 4) бумажная же рукопись 1687 г., отлично писанная (αἱ περίοδοι τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Θεολόγου — ученика его Прохора). Последнія двѣ принадлежали вселенскому патріарху Іереміи III, при чемъ одна изъ нихъ содержитъ автографъ его. (Отч. Отд. Рус. яз. и слов. Императорской Академіи Наукъ, за 1902 г. и Приложенія).

В. Сомкинъ.

Засѣданія русскихъ ученыхъ обществъ и учреждений.

Императорское Археологическое Общество въ С.-Петербургѣ.

28 января 1903 г. академикъ Ѳ. И. Успенскій, директоръ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, сдѣлалъ сообщеніе: «Серальская библіотека въ Константинополѣ». Референтъ, изложивъ вкратцѣ судьбу названной библіотеки, извѣстной ученымъ еще въ XVIII в., указалъ на то, что самое зданіе ея относится къ XVII в. и что въ числѣ рукописей, хранившихся тамъ, было нѣсколько принадлежавшихъ венгерскому королю Матвѣю Корвину (умершему въ 1490 году). Затѣмъ докладчикъ остановился на одномъ чрезвычайно важномъ, въ историко-литературномъ отношеніи, памятникѣ, — это кодексъ № 8 въ 568 листовъ, совершенно полный и даже съ доской отъ переплета его; листы же рукописи нѣсколько попорчены. Длина кодекса 42 сант., ширина 30 и толщина 15 сантиметровъ. Минувшимъ лѣтомъ Ѳ. И. Успенскій былъ занятъ изученіемъ этого памятника со всею тщательностью и даже, правда, съ громадными трудностями сфотографировалъ крайне любопытную первую страницу его. Кодексовъ же вообще сходныхъ отчасти съ настоящимъ извѣстно всего лишь 4; изъ нихъ два хранятся въ Ватиканской библіотекѣ, одинъ въ Смирнской, но всѣ они нѣсколько отличны другъ отъ друга по своему содержанію. Кодексъ, открытый Ѳ. И. Успенскимъ, или октотевиръ заключаетъ въ себѣ толкованія на первыя книги Ветхаго Завѣта. Особенно характеренъ въ данномъ случаѣ тотъ фактъ, что въ него вошли толкованія и такихъ отцовъ церкви, мнѣнія которыхъ признаны были еретическими. Такимъ образомъ кодексъ возстановляетъ давно уничтоженные и даже совершенно исчезнувшія сочиненія этихъ писателей. Однако, важность этого памятника не исчерпывается только указаннымъ раньше обстоятельствомъ: особенную цѣнность придаютъ ему миниатюры отчасти вполне выполненныя (около 300) и отчасти еще оставшіяся вчернѣ (болѣе 100). Изъ нихъ можно отмѣтить такія, какъ напр.: Птоломей Филадельфъ пишетъ къ кому-то письмо, при чемъ и самый адресатъ находится на лицѣ, хотя и помѣщенъ нѣсколько въ сторонѣ; или вторая миниатюра — приемъ тѣмъ же Птоломеемъ Филадельфомъ 70 толковниковъ. Всѣ эти миниатюры изображаютъ сцены изъ Ветхаго Завѣта, что, по заявленію проф. Покровскаго, еще болѣе увеличиваетъ значеніе кодекса, такъ какъ иконографическіе сюжеты изъ Ветхаго

Завѣта сравнительно очень рѣдки. Различія въ краскахъ и въ способахъ письма, по мнѣнію референта, ясно указываютъ на нѣсколькихъ исполнителей этихъ миниатюръ, быть можетъ, пять или шесть. По предложенію Ѳ. И. Успенскаго въ засѣданіи было постановлено: возбудить ходатайство передъ Правительствомъ о содѣйствіи къ сфотографированію этого особенной важности памятника черезъ нашего посла въ Константинополѣ.

Слѣдующій докладъ, прочитанный проф. Ѳ. А. Брауномъ: «Шведскія руны, касающіяся Россіи и Византіи» имѣетъ своимъ содержаніемъ изученныя имъ минувшимъ лѣтомъ руническія надписи; онѣ бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на отношенія жителей Скандинавіи къ Россіи и Византіи въ періодъ XI—XII столѣтій. Однѣ изъ этихъ рунъ писаны языкомъ futhark, т. е. изъ 24 буквъ, другія же всего изъ 16 буквенныхъ знаковъ, но съ прибавленіемъ къ нимъ особыхъ точекъ для обозначенія недостающихъ звуковъ. Число такихъ надгробныхъ памятниковъ съ надписями въ различныхъ мѣстахъ Скандинавскаго полуострова, приблизительно, около 1500. Особенно любопытнымъ является тотъ фактъ, что 800 изъ нихъ были найдены около озера Меларна, откуда, какъ извѣстно, и ведутъ происхожденіе первыхъ русскихъ князей наши норманнсты. Докладчикомъ были прочитаны и представлены для обозрѣнія собственные фотографическіе снимки нѣкоторыхъ рунъ изъ числа 64, которые упоминаютъ подробности о походахъ на Востокъ (12): въ Гардарикъ, т. е. въ Русь — 4, на Византію — 21 и въ Палестину — 2. Интересно, что надписи главнымъ образомъ относятся къ XI вѣку, одна изъ нихъ къ концу X в. 3 къ половинѣ XII, но надписей отъ второй половины того же вѣка уже вовсе не встрѣчается. Последнеею частью можно пояснить слѣдующимъ обстоятельствомъ: «Великій водный путь изъ Варягъ въ Греки» утрачиваетъ свое прежнее значеніе. Такъ извѣстно, что знаменитый Гаральдъ въ 1030 году совершаетъ путь въ Византію черезъ Русь и въ 1040 г. возвращается обратно на родину тѣмъ же путемъ. Между тѣмъ отъ 1102 года сохранилось извѣстіе, что знатный половецъ Скопти пріѣзжаетъ въ Римъ черезъ Гибралтарскій проливъ, равно какъ и рядъ другихъ лицъ. Одна изъ надписей говоритъ между прочимъ о богатствахъ нажитыхъ въ Руси служившимъ тамъ шведомъ. Любопытна также руна о знатномъ шведѣ Ингварѣ (всего о немъ сохранилось 18 надписей), бывшемъ въ Россіи въ XI в., посѣтившемъ затѣмъ Византію и умершемъ въ Африкѣ, о его флотѣ и объ участникахъ похода въ эту страну. (Ср. Нов. Вр. 30 янв. 1903 г. № 9665).

30 января А. А. Васильевъ сообщилъ о результатахъ своей поѣздки на Синай. Референтъ, посѣтившій Синай лѣтомъ (съ апрѣля по іюль мѣсяцъ) 1902 года, изслѣдовалъ хранящіеся тамъ въ монастырѣ св. Екатерины двѣ рукописи исторіи Агапія еп. Манбиджскаго, христіанскаго писателя X вѣка нашей эры. На Синаѣ сохранилась лишь первая часть исторіи его, содержащая историческія, географическія и этнографическія опи-

санія за время отъ сотворенія міра до Вознесенія Господня. Рукопись второй части находится во Флоренціи; повидимому, первая часть есть еще и въ Оксфордѣ и въ Іерусалимѣ. Изслѣдованныя А. А. Васильевымъ и списанныя имъ рукописи имѣютъ, несомнѣнно, очень большое значеніе для исторіи арабской литературы X вѣка, не говоря уже о цѣнности данныхъ, сообщаемыхъ этой рукописью. Названный историкъ Агапій совершенно забытъ въ исторической литературѣ, но у насъ въ Россіи занимался имъ бар. В. Р. Розентъ. Референтъ сообщил свѣдѣнія относительно исторіи вопроса объ Агапійѣ, изложилъ содержаніе этихъ рукописей и высказалъ необходимость изданія этого историка. (Прав. Вѣстн. отъ 1 февр. 1903 г. См. также выше стр. 635).

Императорское Общество Любителей Древней Письменности и Искусства.

1 марта 1902 года Н. К. Никольскій прочелъ докладъ: «Къ вопросу объ источникахъ лѣтописнаго сказанія о св. Владимірѣ». Что касается результатовъ, полученныхъ докладчикомъ при изученіи этого вопроса, то онѣ сводятся къ слѣдующему: Во-первыхъ, лѣтописное сказаніе есть трудъ компилятивный. Въ основу этого труда легли отчасти такіе источники древне-русской заимствованной письменности, которые прямого отношенія ко Владиміру не имѣли вовсе, таковы напр.: «Слово о бытїи всего міра», «Исповѣданіе вѣры», «Сказаніе о вселенскихъ соборахъ» и т. д.; отчасти же литературныя произведенія, существовавшія еще до лѣтописнаго сказанія, — «Слово о томъ, какъ крестился Владиміръ» и еще такое-то, не дошедшее до насъ житіе, гдѣ разсказывается о грѣховной жизни Владиміра, объ обращеніи его въ христіанство и о его дальнѣйшей христіанской жизни. Во-вторыхъ, такъ называемое, житіе св. Владиміра составилось на основаніи лѣтописнаго свода и «Сказанія о русстѣй грамотѣ». По мнѣнію докладчика, на основаніи этого источника устраняется и самый вопросъ о предполагаемомъ вліяніи византійской литературы, такъ какъ въ немъ находятся ясныя объясненія ряду вопросовъ бывшихъ неясными до сего времени. Вопросъ же о составленіи житія Θεοδοсіемъ-грекомъ можно считать также вполне законченнымъ. Что же касается «Сказанія о грамотѣ русстѣй», то, какъ составленное ранѣе житія св. Владиміра, оно должно быть относимо по времени не позже, какъ къ XIV столѣтію.

Въ этомъ же засѣданіи П. К. Симони сдѣлалъ сообщеніе: «Замѣтки по исторіи и технику переплетнаго дѣла на Руси въ до-петровское время». По сохранившимся до нашего времени рукописнымъ книгамъ, начиная съ XII—XIII вв., референтъ отмѣтилъ исторію развитія въ древней Руси техники переплетнаго дѣла, при чемъ было указано на слѣдующія три вліянія: греко-славянское, польское и западное. Во время чтенія доклада была демонстрирована громадная коллекція снимковъ съ греческихъ и

русскихъ (сѣверо-западныхъ и южныхъ) переплетовъ, съ обрѣзовъ различныхъ книгъ и даже съ переплетныхъ инструментовъ. Нѣкоторые изъ нихъ самобытнаго характера, иные же западнаго происхожденія, такъ какъ все еще сохранился обычай переплетать книги въ доски и примѣнять старыи способъ сшить ихъ. (Отч. о Засѣд. Императорскаго Общ. Люб. Древ. Писъм. за 1901—1902 г., стр. 20—21).

22 марта. Докладъ А. И. Соболевскаго: «Изъ исторіи древне-русской переводной литературы XV—XVI вѣковъ». Отмѣтивъ въ своемъ докладѣ, сохранившееся въ спискѣ Синодальной библіотеки, сочиненіе: «Книга, избранная вкратцѣ о 10 музахъ и о 7 свободныхъ художествахъ», авторомъ которой считается Спаарій, референтъ указалъ, что въ главахъ о свободныхъ художествахъ только вступленіе, написанное прозой, принадлежитъ этому лицу. Что же касается похвалы искусства самому себѣ, то, по мнѣнію А. И. Соболевскаго, она является заимствованной изъ одного письменнаго источника, который былъ составленъ въ первой половинѣ XVI в., а переведенъ (или точнѣе передѣланъ) на русскій языкъ въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка (тамъ же, стр. 22).

Общество классической филологіи и педагогикѣ.

6 марта 1902 года. Б. В. Фармаковскій сдѣлалъ сообщеніе о катакомбѣ Мегаретъ-Абу-Схейлъ въ Пальмирѣ. Докладчикъ, отмѣтивъ неполноту изданныхъ проф. Стржиговскимъ фресокъ этой катакомбы, перешелъ затѣмъ къ детальному описанію какъ самой катакомбы, такъ и ея живописи. Сюжетами названныхъ картинъ служатъ мифологическія сцены и портреты самихъ погребенныхъ. Что же касается первыхъ, то въ нихъ ясно проглядываетъ идея о неизбѣжности судьбы. Портреты же помѣщены на щитахъ (*εἰκόνες ἐν οὐλοῖς*, *imagines clipeatae*) и поддерживаются Викторіями. Докладчикъ очень подробно изложилъ значеніе изображеній послѣднихъ у портретовъ и, отмѣтивъ исторію мотивовъ подобнаго рода рисунковъ, перешелъ къ общей характеристикѣ росписи пальмирской катакомбы: роспись въ общемъ обнаруживаетъ со всею ясностью чисто греческое міросозерцаніе, хотя здѣсь и погребены арамейцы. Относительно того, кто были авторами живописи, по мнѣнію докладчика, таковыми надо считать грековъ, воспитанныхъ въ духѣ эллинистической цивилизаціи. Роспись относится, по всѣмъ даннымъ, ко времени около 259 года по Р. Х. и представляетъ драгоценный памятникъ для исторіи искусствъ; она даетъ ясное понятіе о той высотѣ, на которой была живопись на Востокѣ еще въ III в. по Р. Х. Въ основу же новаго христіанскаго искусства, которое, такъ сказать, лишь формируется въ это время, легло отнюдь не искусство Рима, а эллинистическаго Востока (Изв. Импер. Археолог. Коммисіи. Прибавленіе къ 3-му вып. стр. 10,2).

Философское Общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

23 октября. Въ общемъ годовомъ засѣданіи Общества О. Ф. Зѣлинскій произнесъ рѣчь: «Раннее христіанство и римская философія», указавъ на то, что одно и то же сѣмя Христова ученія дало неодинаковые всходы въ Западной и Восточной частяхъ Европы. Если прослѣдить главныя направленія христіанства, то всѣ разновидности его на Востокѣ носятъ характеръ неоплатонизма, на Западѣ — стоицизма. Тогда какъ на Востокѣ едва-ли не исключительно интересуются вопросомъ о самомъ Божествѣ и Его появленіи въ міръ, на Западѣ занимаются вопросомъ о путяхъ спасенія человѣка и вѣчномъ блаженствѣ. Что касается причины этого различія, то, несомнѣнно, ее надо искать въ различіи философіи Востока и Запада, такъ какъ философское мышленіе первыхъ вѣковъ христіанства было естественнымъ продолженіемъ философіи, греческой и римской, которыя были несходны между собой (тамъ и здѣсь). Хотя главный представитель римской философіи Цицеронъ былъ лишь послѣдователемъ воззрѣній греческихъ философовъ, тѣмъ не менѣе его философія оказала наибольшее вліяніе изъ всѣхъ, съ которыми пришлось столкнуться христіанству. По мнѣнію нашего ученаго — О. Ф. Зѣлинскаго, философскія воззрѣнія Цицерона можно охарактеризовать со слѣдующихъ 3-хъ сторонъ: будучи отрицательна по отношенію ко всему чудесному, философія его въ то-же время вполне опредѣленна и положительна въ области морали, и скептически относится ко всѣмъ явленіямъ непознаваемаго міра. Что-же, касается успѣха философіи Цицерона въ раннемъ христіанствѣ съ ея отрицательнымъ отношеніемъ къ чудесамъ, то этотъ фактъ вполне поддается объясненію, если припомнить слѣдующія обстоятельства: Цицеронъ говоритъ о чудесахъ въ язычествѣ, и потому христіанство первыхъ вѣковъ удачно пользовалось всѣми его возраженіями для борьбы съ язычествомъ, и только впоследствии отказалось отъ нея, такъ какъ поняло всю опасность выводовъ ея для себя. Положительная-же философія, т. е. этическія ученія Цицерона занимаютъ совершенно иное положеніе; такіа лица, какъ Амвросій и Лактанцій, всецѣло находятся подъ ея вліяніемъ, не созная, очевидно, ея внутренняго противорѣчія съ христіанскимъ духомъ. Когда-же эта несовмѣстимость была ясно понята, то въ христіанской средѣ Запада происходитъ расколъ: Августинъ и его послѣдователи отрѣшаются совершенно отъ цicerоновской этики, тогда какъ Пелагій принимаетъ ее въ полномъ объемѣ. Хотя воззрѣнія Пелагія и были осуждены на вселенскомъ соборѣ, тѣмъ не менѣе значительные слѣды ихъ, въ видѣ такъ называемаго полу-пелагіанства, сохранились даже до сего времени. Самая-же сущность различій между ученіемъ Августина и Пелагія опредѣляется слѣдующими положеніями: 1) Основная мысль Цицерона о томъ, что всѣ человѣческія добродѣтели есть ни

что яное, какъ естественное и даже необходимое развитіе природныхъ его стремленій, дополняется слѣдующимъ новымъ тезисомъ Пелагія: природа есть само добро, Божество же есть сама природа, а отсюда прямой выводъ догмата о благодати. Возраженія-же Августина сводятся ко взгляду, что если природа есть Богъ, то въ силу этого она не можетъ быть осквернена первоначальнымъ зломъ, а потому и благодать невозможна. 2) Такъ какъ разумъ, основной принципъ римской философіи, есть проявленіе природы въ человѣкѣ, то отсюда Пелагій выводитъ заключеніе о томъ, что первымъ плодомъ благодати Творца и есть разумъ. Все-же ученіе Августина направляется, какъ извѣстно, именно къ отрицанію этого воззрѣнія и призванія первенствующаго значенія воли. 3) Но если по мысли Цицерона, а слѣдовательно и Пелагія, разумъ безъ свободы воли не можетъ вести къ нравственному совершенству, Августинъ и его послѣдователи утверждаютъ, что свобода воли существовала лишь до грѣхопаденія и что для исполненія всякаго добраго дѣла нужна помощь благодати Божіей. 4) Признавая всѣ добродѣтели неотъемлемой собственностью человѣческой природы, Пелагій допускаетъ, что для спасенія человѣка нужна благодать, но она дается лишь по заслугамъ, которыя обусловливаются все той-же свободой воли. Ученіе-же Августина говоритъ, что благодать ниспосылается даромъ и всѣ заслуги святыхъ исходятъ отъ нея. 5) Если Цицеронъ различаетъ въ понятіи добродѣтели двѣ стороны: настроеніе и дѣяніе, отдавая преимущество послѣднему, и если Пелагій въ данномъ случаѣ, отступая отъ своего источника, придаетъ большее значеніе ея субъективной сторонѣ, то Августинъ присоединяетъ еще новый элементъ и новое опредѣленіе сверхъ-субъективности, называя его богоотносимостью, и наконецъ 6) Августинъ видитъ въ спасеніи и загробной жизни всю цѣль человѣчества, тогда какъ Пелагій видитъ ее въ самодовлѣющей добродѣтели, ставя на второе мѣсто значеніе загробной жизни. Несомнѣнное родство всѣхъ этихъ тезисовъ можно, собственно говоря, свести къ одной антитезѣ: природа человѣческая есть нѣчто великое и достойное—*magnitudo animi* (говоритъ античный міръ Грековъ и Римлянъ и съ нимъ Цицеронъ); природа человѣка ничтожна и низка, таково воззрѣніе Августина и его послѣдователей, и потому христіанство характеризуется полнымъ смиреніемъ и покорностью. (Нов. Вр. 23 окт. 1902 г.).

Императорское Московское Археологическое Общество.

11 января. Гр. П. С. Уварова сдѣлала сообщеніе: «Неизданные предметы тифлискаго музея и вообще древніе рукомы въ формѣ звѣрей, птицъ и пр.». Докладчица познакомила присутствующихъ съ богатымъ матеріаломъ, касающимся археологіи закавказскаго края, и указала, что звѣриныя формы какъ для рукомоевъ, такъ и для дорогихъ сосудовъ:

кубковъ, кувшиновъ и пр., составляютъ излюбленную форму на Западѣ и у насъ въ Древней Руси.

12 января. Въ засѣданіи Славянской Коммисіи А. И. Яцимирскій прочелъ докладъ: «Мнѣнія новѣйшихъ ученыхъ о происхожденіи Румынъ». Исслѣдованія румынскихъ ученыхъ приводятъ ихъ къ выводу о прямомъ происхожденіи ихъ народности отъ римскихъ поселенцевъ; отсюда будто-бы и самое названіе ихъ и пѣлая треть латинскихъ словъ въ языкѣ. Западно-европейскіе ученые видятъ въ нихъ аггломератъ народностей, неизвѣстный даже по своему составу, но подвергшійся тѣмъ или инымъ путемъ сильной романизациі. Славянскіе-же исслѣдователи усматриваютъ въ румынахъ остатки или присутствіе отчасти славянскаго, отчасти скинскаго элемента. Извѣстно, что языкъ этого народа представляетъ собой своего рода мозаику различныхъ словъ и корней, причемъ большая часть ихъ послѣ латинскихъ приходится на славянской языкъ. По отзыву референта приходится согласиться, что ни этнографическія данныя, ни лингвистическія, ни даже антропологическія до сихъ поръ не могутъ дать неопровержимыхъ и прямыхъ доказательствъ о происхожденіи румынской народности. Быть можетъ, поэтому и самъ референтъ не рѣшился высказать своего заключенія по данному вопросу, чѣмъ и вызвалъ нѣкоторыя пренія среди присутствующихъ. Нѣкоторыми лицами отмѣченъ былъ совершенно ошибочный взглядъ на римскихъ колонистовъ, какъ на создателей этой народности и ея языка: это вовсе не были исключительно италійцы, а сбродъ пролетаріата изъ всѣхъ провинцій имперіи, и къ тому-же римское господство здѣсь продолжалось всего лишь 40 лѣтъ, послѣ чего культурное вліяніе падаетъ. Нѣсколько болѣе вѣроятнымъ можно считать предположеніе видѣть въ румынахъ остатки, жившихъ съ давняго времени на Балканскомъ полуостровѣ, кельтовъ. Великое переселеніе народовъ вытѣснило ихъ изъ центральной мѣстности полуострова далѣе на сѣверъ,—на лѣвый берегъ Дуная, и здѣсь то, подъ защитой мало доступныхъ гористыхъ мѣстностей, сохранили они остатки римскаго вліянія, но при этомъ усвоили отъ сосѣднихъ славянскихъ культурныхъ народовъ большую часть ихъ культуры.

30 марта. Д. И. Иловайскій высказалъ мнѣніе, что слова «Сапас Омортаг» въ надписи, найденной на колоннѣ въ Тырновѣ и изданной съ комментаріями академикомъ Ѳ. И. Успенскимъ въ 1-мъ вып. VII тома «Извѣстій Константинопольскаго Археологическаго Института», значить «князь» а не «ханъ». Это сообщеніе вызвало рядъ замѣчаній со стороны Р. Ѳ. Брандта, А. И. Кирпичникова и др. (Извѣст. Археол. Коммис. Прилож. къ вып. 3-ему, стр. 24—25).

Императорское Одесское Общество исторіи и древностей.

26 апрѣля 1902 г. Сообщенія Э. Р. фонъ-Штерна: 1) Описаніе Ай-тодорской коллекціи древностей Е. И. В. Великаго князя Александра Ми-

хайловича. 2) Краткое описаніе древностей, найденныхъ при впаденіи р. Брязки въ Ингулъ и пожертвованныхъ въ музей Общества І. А. Агой.

30 мая. В. В. Латышевъ прочелъ докладъ: «О греческихъ надписяхъ, найденныхъ въ послѣднее время на югѣ Россіи».

Историческое Общество Нестора Лѣтописца.

25 ноября 1901 г. Н. И. Петровъ сообщилъ о недавней археологической находкѣ, хранящейся теперь въ коллекціи В. И. Ханенна, — «О княжеской діадемѣ и бармахъ». Краткія свѣдѣнія о томъ и другомъ напечатаны въ трудѣ Н. Θ. Бѣляшевскаго: «Археологическая лѣтопись Южной Россіи», октябрь 1901 года; здѣсь-же помѣщена раскрашенная фототипія діадемы, состоящей изъ 7-ми большихъ пластинокъ и 2-хъ конечныхъ меньшихъ. На средней пластинкѣ имѣется изображеніе Александра Македонскаго, поднимаемаго на небо двумя грифонами, а остальные пластинки украшены только орнаментомъ. Что-же касается бармъ, то отъ нихъ сохранились всего лишь 4 медальона овальной формы, украшенныхъ перегородчатой эмалью. На среднемъ изъ нихъ (нѣсколько большемъ другихъ) изображенъ Спаситель; по сторонамъ же этого медальона имѣются изображенія Богородицы, Претечи (такъ называемый Деисусъ) и одного Архангела, тогда какъ медальона съ другимъ Архангеломъ не сохранилось. Что касается времени, къ которому относятся названные предметы, то приблизительное указаніе можно видѣть въ двухъ византійскихъ золотыхъ монетахъ XII в., найденныхъ вмѣстѣ съ ними. На одной изъ этихъ монетъ видна діадема на челѣ императора, обозначенная семью точками, а бармы на груди—пятью; на шеѣ императора виситъ гривна. Отъ краевъ діадемы къ плечамъ спускаются длинныя подвѣски въ видѣ бусъ; эти подвѣски сохранились и въ найденномъ кладѣ, но невѣрно опредѣлены г. Бѣляшевскимъ, который видѣлъ въ нихъ: во-1-хъ) «золотую» шейную повязку изъ 50 штампованныхъ полуцилиндриковъ, раздѣлявшуюся при этомъ на двѣ части, по 25 такихъ полуцилиндриковъ, и во-2-хъ) такъ названную у него «золотую цѣпь» изъ 20 звеньевъ, также изъ двухъ частей, по 10 звеньевъ въ каждой (см. описаніе г. Бѣляшевскаго №№ 11 и 12). Такія лицевыя діадемы и бармы, по мнѣнію референта, появляются въ Византіи, судя по монетнымъ изображеніямъ, лишь по возстановленіи иконопочитанія; да и у насъ, на Руси, онѣ были въ употребленіи у князей въ до-татарское время, почти въ томъ-же видѣ. Нѣкоторые дополненія къ этому сообщенію были сдѣланы А. А. Дмитріевскимъ.

16 декабря. Ю. А. Кулаковскій прочелъ рефератъ: «О дѣленіи Византійской имперіи на ѳемы». Докладчикъ остановился прежде всего на выясненіи самой исторіи возникновенія и понятія слова τὸ θεμα у византійцевъ, предварительно указавъ на особый интересъ за послѣднее время среди византологовъ къ этому вопросу. Изученіе имѣющагося ма-

теріала раскрываетъ тотъ фактъ, что терминологическое значеніе этого слова — конный военный отрядъ — болѣе древняго происхожденія, чѣмъ другое понятіе его, какъ «область, правленіе». Однако, писатели IX и X вѣковъ употребляютъ это выраженіе, придавая ему безразлично то одно, то другое значеніе. Исторія самаго слова приводитъ къ выводу, что дѣленіе имперіи на оемы, въ смыслѣ областного дѣленія, является результатомъ территоріальнаго дѣленія войска. Референтъ указалъ затѣмъ на трудъ французскаго ученаго Дили (Diehl), въ которомъ онъ специально занимается вопросомъ о происхожденіи такого областного строя и останавливаетъ свое вниманіе на указѣ 687 года, въ которомъ отмѣчено дѣленіе арміи (кроме гвардіи) на слѣдующія части: опсики (obsequium), анатолики, оракіицы, арменіаки, войско Италіи, кораблеяны (т. е. флотъ), septensiani seu Sardinia и войско Африки. Диль въ своемъ сочиненіи старается доказать то положеніе, что византійскіе стратиги находятся, такъ сказать, въ преемственной связи съ *magistri militum* эпохи Юстиніана, когда продолжался порядокъ, извѣстный намъ изъ *Notitiae dignitatum*. По мнѣнію референта, такое объясненіе «происхожденія оемнаго строя» мало даетъ существеннаго въ данномъ случаѣ, такъ какъ самая армія, во главѣ которой стоялъ *magister militum*, исчезла къ началу еще VII вѣка. Что-же касается стратиговъ византійскихъ, то ихъ военные отряды были исключительно *ополченія* стратіатовъ, обязанныя военной службой за пользованіе земельнымъ надѣломъ. По мнѣнію Ю. А. Кулаковскаго, оемный строй стоитъ въ самой тѣсной связи какъ съ измѣненіемъ самого состава арміи, такъ и съ появленіемъ новаго принципа соединенія военной и гражданской власти въ провинціяхъ. Референтъ остановился затѣмъ на разборѣ сочиненія Гельцера: «Die Genesis der Theisenverfassung», который относитъ начало оемнаго строя къ Ираклію и полное его водвореніе къ эпохѣ Льва Исавра. Упомянутый трудъ, по отзыву Ю. А. Кулаковскаго, содержитъ въ себѣ рядъ совершенно ошибочныхъ положеній, такъ какъ авторъ его слишкомъ преувеличиваетъ значеніе арабскихъ источниковъ и оставляетъ безъ вниманія вполне надежный матеріалъ, сообщаемый византійскими авторами отъ X вѣка. Относительно-же статьи Ѳ. И. Успенскаго: «Военное устройство Византійской имперіи» (Изв. Константиноп. Инстит. т. VI, вып. 1, 1900 г.), по отзыву докладчика, нѣкоторыя положенія его противорѣчатъ другъ другу, а нѣкоторыя даже и ошибочны. Въ заключеніе доклада Ю. А. Кулаковскій представилъ сопоставленный имъ матеріалъ для выясненія вопроса о оемномъ строѣ и о оемѣ, какъ ополченіи, изъ источника X вѣка «Тактики» импер. Льва Мудраго и трактата *De velitatione bellica*.

2 февраля 1902 г. Ю. А. Кулаковскій представилъ разборъ «Записокъ готскаго топарха», по поводу изслѣдованія г. Вестберга: «Die Fragmente des Torgarcha Goticus». Судьба «Записокъ готскаго топарха», какъ извѣстно, была такова. Въ началѣ истекшаго столѣтія эленистъ Газе нашелъ въ Парижской Національной Библіотекѣ это произведеніе на

страницахъ одного сборника писемъ св. Василія Великаго, Фаларіда и Григорія Назіанзіна. Текстъ «Записокъ», помѣщенный въ нѣсколькихъ мѣстахъ рукописи и отнесенный Газе, по характеру письма, ко второй половинѣ X или началу XI столѣтія, состоитъ изъ трехъ отрывковъ. Самые отрывки не представляютъ что-либо цѣлое, не имѣютъ начала и, быть можетъ, конца. Впервые напечатавъ ихъ Газе въ 1818 году съ латинскимъ переводомъ въ примѣчаніяхъ къ своему Боннскому изданію текста Льва Діакона. Содержаніе этихъ отрывковъ очень любопытно. Въ первомъ изъ нихъ сообщается о переправѣ путниковъ по льду черезъ Днѣпръ въ зимнюю снѣжную пору, объ остановкѣ ихъ въ селеніи «Боріонъ»; дальнѣйшій путь ихъ лежалъ по направленію къ «Маврокастроу», причемъ описываются бѣдствія путниковъ отъ жестокой снѣжной метели. Во второмъ и третьемъ отрывкахъ, болѣе связанныхъ между собой по содержанію, рассказывается о войнѣ съ варварами, которые вдругъ стали проявлять крайнюю жестокость къ своимъ подчиненнымъ. Авторъ этихъ «Записокъ» устраиваетъ разрушенное укрѣпленіе, называемое имъ τὰ Κτήματα, съ цѣлью противодѣйствовать варварамъ. Далѣе сообщается о совѣщаніи топарха съ нѣкоторыми представителями туземнаго населенія, съ помощью которыхъ онъ отразилъ нападенія «варваровъ», и о предложеніи съ его стороны подчиниться «сосѣднему» съ ними и «царствующему на сѣверѣ отъ Истра». По порученію собранія топархъ отправился къ названному властителю, который хорошо принявъ его и, утвердивъ въ его владѣніи на родинѣ, далъ кромѣ того цѣлую «сатрапію» въ своей землѣ. Газе, какъ извѣстно, отмѣтивъ болѣе поздній почеркъ письма этихъ отрывковъ, чѣмъ сама рукопись, искалъ историческаго объясненія сообщаемыхъ въ нихъ свѣдѣній въ отношеніяхъ Крыма къ Руси въ X вѣкѣ и, въ частности, въ событіяхъ, относящихся ко времени похода Владиміра Св. на Корсунь. Многіе русскіе ученые были заняты разрѣшеніемъ цѣлаго ряда темныхъ вопросовъ содержанія этихъ «Записокъ», причемъ видѣли въ нихъ факты, относящіеся къ русской исторіи X вѣка. Важнымъ затрудненіемъ въ данномъ случаѣ представляется отсутствіе самой рукописи, открытой Газе, которая, несмотря на многократные поиски различныхъ ученыхъ, исчезла и не найдена до сего времени. Нѣтъ никакой возможности ни провѣрить самый текстъ, ни опредѣлить палеографическимъ путемъ хронологію памятникъ, данной Газе. Два нашихъ извѣстныхъ академика А. А. Куникъ и В. Гр. Васильевскій (первый въ 1874 г., а послѣдній въ 1876 г.) очень подробно остановились на изслѣдованіи «Записокъ готскаго топарха», посвятивъ этому вопросу особые труды свои. Если тотъ и другой ученые согласно приурочиваютъ названныя событія ко времени Святослава, то В. Гр. Васильевскій видитъ родину автора «Записокъ» на среднемъ Дунаѣ, и потому упоминаемые въ нихъ факты относитъ ко времени завоеванія Святославомъ Болгаріи. Помимо спеціальной работы г. Бурачкова (Ж. М. Нар. Просв. 1877 г., августъ), изслѣдованія двухъ другихъ уче-

ныхъ, Ѳ. И. Успенскаго (Кіевская Старина, 1889 г.) и П. Н. Милюкова (Труды Москов. Археол. Съѣзда 1890 г., т. III), поставили себѣ цѣлью разяснить ошибочность нѣкоторыхъ выводовъ В. Гр. Васильевскаго. Такъ П. Н. Милюковъ, относя названіе событія, согласно съ мнѣніемъ Ѳ. И. Успенскаго, къ началу X вѣка, разрываетъ связь съ русской исторіей и переноситъ ихъ дѣйствія въ низовья Днѣстра, тогда какъ послѣдній видитъ здѣсь Хазарію. Остановившись затѣмъ на критическомъ разборѣ труда г. Вестберга, референтъ указываетъ на фактъ полной близости его взглядовъ по данному вопросу съ объясненіемъ Куника. Полемизируя съ мнѣніемъ В. Гр. Васильевскаго, авторъ новаго изслѣдованія «Записокъ», во 1) отстаиваетъ—какъ мѣсто дѣйствія—Крымъ и во 2) отмѣчаетъ точное, по его мнѣнію, хронологическое опредѣленіе самаго событія переправы черезъ Днѣпръ (содерж. въ первомъ отрывкѣ) именно январь 963 года. Послѣдняя дата основана на детальномъ астрономическомъ вычисленіи случайно упомянутаго въ текстѣ факта: планета Сатурнъ находилась въ началѣ созвѣздія Водолея. Референтъ, отмѣтивъ эту точность астрономическихъ вычисленій, какъ нѣчто совершенно излишнее и даже произвольное, выяснилъ, что такая хронологія лишь затрудняетъ и даже опровергаетъ самую возможность относить описываемыя событія къ эпохѣ Святослава. Остановившись затѣмъ на топографическихъ изслѣдованіяхъ, сдѣланныхъ г. Вестбергомъ, докладчикъ отмѣтилъ его мнѣніе о переправѣ черезъ Днѣпръ въ области пороговъ и подробно доказалъ, что новый изслѣдователь слѣдуетъ въ данномъ случаѣ совершенно ошибочному заключенію г. Бурачкова. Такъ какъ въ «Запискахъ» говорится объ организованной переправѣ, то въ области пороговъ ея никогда не бывало и даже, по мнѣнію Ю. А. Кулаковскаго, быть не могло; необходимо предположить, что, ввиду зимняго времени и обычныхъ въ эту пору метелей, путники шли постояннымъ хожимъ путемъ. Таковой путь и былъ въ дѣйствительности въ X вѣкѣ между Кіевомъ и Херсономъ, какъ мы знаемъ изъ подробнаго описанія его Константиномъ Порфиророднымъ въ «De admin. imperio», сар. 9. Это и есть Крартская переправа у Константина, въ мѣстности нынѣшняго Кичкаса, лежавшая ниже пороговъ Днѣстра и извѣстная еще со времени ученаго Лерберга. Въ заключеніе референтъ долженъ былъ признать, что данное изслѣдованіе г. Вестберга не выясняетъ по прежнему загадочныхъ по своему содержанію «Записокъ готскаго топарха». (Чтеніе въ Историческомъ Обществѣ Нестора-Лѣтописца, кн. 16, вып. IV, стр. 3—15).

Историко-Филологическое Общество при Новороссійскомъ Университетѣ.

19 марта 1902 г. А. В. Рыстенко прочелъ докладъ: «Исторія повѣсти Стефанитъ и Ихнилатъ въ византійской и славяно-русской литературѣ». Прежде всего референтъ указалъ на тѣ произведенія всеобщей

литературы, которыя имѣютъ извѣстныя отношенія къ разбираемой имъ повѣсти «Стефанитъ и Ихнилатъ», каковы: Панчатантра, Калила и Димна, и др. Пособіями для обслѣдованія настоящаго вопроса послужили сочиненія Бенфа, Рябинина и ряда другихъ лицъ. Далѣе референтъ сообщилъ о результатахъ личной работы надъ греческими текстами, напечатанными въ книгѣ Puntoni, при чемъ указалъ, что слишкомъ 20 списковъ не вошло случайно въ изданіе его. Докладчикъ, подробно сличивъ греческіе тексты этой повѣсти съ восточными (правда, въ переводахъ), предложилъ вниманію присутствующихъ результаты этого сличенія. Прежде всего возможно указать, что Puntoni вовсе не воспользовался ни древне-сирійскимъ, ни древне-еврейскими текстами, съ которыми часто сближается греческій, но расходится арабскій источникъ, использованный издателемъ. Кроимъ того подробное сличеніе греческихъ текстовъ съ вышеуказанными восточными приводитъ референта къ слѣдующимъ, крайне важнымъ выводамъ: оригиналомъ греческаго текста послужилъ отнюдь не арабскій источникъ, изданный ученымъ де-Саси, а другой болѣе близкій къ первоисточнику и неиспорченный. Тексты древне-сирійскій, древне-еврейскій, затѣмъ лучшіе арабскіе, обозначенные М, V и F и Бейрутскій могутъ вполне возстановить подлинный текстъ этого произведенія. Относительно арабскаго текста референтъ указалъ на то обстоятельство, что время греческаго перевода повѣсти (1080 г.) сравнительно не далеко отъ появленія арабскаго источника (750 г. по Р. Хр.). Далѣе докладчикъ отмѣтилъ фактъ отсутствія извѣстнаго «предисловія» въ древне-сирійскомъ текстѣ, а ново-сирійскій содержитъ всего лишь одну главу изъ него (послѣдній источникъ состоитъ изъ разновременно соединенныхъ частей XIII—XVII вв. и сдѣланъ съ арабскаго текста, при этомъ очень древней и исправной редакціи); однако, въ виду того обстоятельства, что упомянутыя существенныя главы «предисловія» находятся въ книгѣ послѣдней, является вполне естественнымъ вопросъ, существовала ли она въ арабскомъ оригиналѣ ново-сирійскаго текста. Нѣтъ этого «предисловія» и въ славянскихъ текстахъ, которые близки именно къ краткимъ (т. е. безъ предисловія) греческимъ. Необходимы, по мнѣнію референта, самыя тщательныя изслѣдованія какъ оріенталистовъ, такъ и знатоковъ византийско-славянской литературы для того, чтобы пролить хотя бы нѣсколько свѣта на характеръ и подлинность этого «предисловія». Puntoni же положилъ въ основу своего изданія текстъ полной редакціи, гдѣ, по мнѣнію этого ученаго, болѣе правильно и въ большемъ числѣ сохранились басни и притчи, а равно и «предисловіе», сравнительно съ предполагаемымъ текстомъ перваго греческаго перевода Симеона Сяа (S у Puntoni), а слѣдовательно и съ арабскимъ, съ котораго очевидно Симеонъ переводилъ, заимствуя по возможности все цѣликомъ. Этотъ взглядъ и вызвалъ вышеприведенное возраженіе референта. Затѣмъ А. В. Рыстенко указалъ на результаты своей работы надъ сличеніемъ между собой греческихъ и славянскихъ текстовъ, при чемъ изъ послѣднихъ докладчикъ поль-

зовался лишь изданными у Викторова (О. Л. Д. П. № 64 и 78), Булгакова (ib. № 16 и 27) и Даничица (Starine, II). Цѣлью такого изученія параллельныхъ текстовъ, греческихъ и славянскихъ, было желаніе указать хотя бы приблизительно тотъ оригиналъ, съ котораго сдѣланъ переводъ на славянскій языкъ. Результаты этой работы референта таковы: они ясно указали на тотъ фактъ, что славянскій текстъ, отступая отъ основнаго (у Puntoni — Z¹) греческаго, сходился или со всѣми, приведенными въ вариантахъ у того же издателя, или только съ опредѣленными, при чемъ въ большинствѣ случаевъ таковыми оказывались списки, обозначенные у Puntoni подъ лит. V¹ и Z². Пропущенныя же басни въ славянскомъ текстѣ большею частью не оказывались и въ греческомъ спискѣ лит. Z², и далѣе слово «сѣписаніе» въ заглавіи славянской рукописи имѣетъ значительное сходство съ «συγγραφή» и т. д. въ томъ же Z². Затѣмъ докладчикъ остановился на рѣшеніи вопроса о взаимоотношеніи славянскихъ текстовъ, указавъ на ошибочность взгляда Викторова, который считалъ списокъ Григоровича (XIII — XIV в.) первоначальнымъ текстомъ, а въ спискѣ (XV) Севастьянова видѣлъ тотъ же, который сохранился у Григоровича, но былъ подвергнутъ новой переработкѣ при помощи греческаго подлинника (Викт. VI). Между тѣмъ А. В. Рыстенко указываетъ, что построчное сличеніе указанныхъ двухъ текстовъ ясно убѣждаетъ всякаго, что текстъ Григоровича едва ли не плохо переписанная копія, при чемъ переписчикъ пропускаетъ и дополняетъ мелкіе союзы, сокращаетъ и передѣлываетъ фразы, мѣняя синонимы и т. п. Ни о какой «переработкѣ» ранняго (Григоров.) текста въ поздній (Севаст.), по мнѣнію референта, и рѣчи быть не можетъ, и, слѣдовательно, конечный выводъ его таковъ: текстъ Григоровича былъ переписанъ съ какого-нибудь текста близкаго къ первооригиналу, отразившемуся въ Севастьяновскомъ. Такъ какъ черты первоначальной редакціи повѣсти, по мнѣнію докладчика, гораздо лучше сохранились въ позднемъ, а не въ раннемъ текстѣ, то встрѣчающіеся въ сербскихъ текстахъ болгаризмы приводятъ къ выводу, что первою по времени литературою, заимствовавшей изъ Византіи повѣсть «Стефанитъ и Ихнилатъ», была болгарская. Далѣе, тотъ фактъ, что уже въ текстѣ Григоровича (XIII — XIV вв.) встрѣчаются случаи порчи и болгаризмы, заставляетъ референта относить время перваго славянскаго перевода къ XII или началу XIII вв. — время сравнительно близкое къ первому греческому переводу, а именно, ко второй половинѣ или, вѣрнѣе, концу XI в. (1080 г.). Древность же славянскаго перевода находитъ себѣ подтвержденіе во 1-хъ, въ сближеніи со всѣми греческими текстами, и во 2-хъ, въ той буквальнойности, которая характеризуетъ этотъ текстъ, причемъ встрѣчается даже переводъ съ греческаго языка члена и несвойственные славянскому языку обороты рѣчи. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ, особенно трудныхъ, переводчикъ ограничивается перефразировкой оригинала. Упомянутое же выше сходство славянскаго текста съ греческимъ (лит. V¹) указываетъ отчасти и

на оригиналъ, съ котораго сдѣланъ переводъ, и на возрастъ перевода: текстъ V¹ даетъ часто болѣе исправное чтеніе, сравнительно съ восточными оригиналами, чѣмъ какой-либо другой текстъ на греческомъ языкѣ. Референтъ указалъ затѣмъ на то, что повѣсть «Стефанитъ и Ихнилатъ», подобно «Калигъ и Димнѣ», была весьма распространеннымъ и любимымъ литературнымъ произведеніемъ, на что указываетъ чрезвычайное обиліе списковъ ея. Кромѣ того фактъ весьма значительнаго интереса къ настоящему памятнику въ византійской и славянской литературахъ ясно подтверждается тѣмъ, что оба перевода сдѣланы съ оригиналовъ, довольно старыхъ и близкихъ къ первоначальному (греческому съ арабскаго, славянскому съ греческаго). Если же не считать краткую греческую редакцію первоначальной, то самое появленіе этой, такъ сказать, новой въ средѣ греческихъ текстовъ, редакціи по времени славянскаго перевода (XII или нач. XIII в.) служитъ лучшимъ указаніемъ на то, что потребность со времени перваго греческаго перевода (конецъ XI в.) до XII или нач. XIII в. въ переработкѣ его была вызвана живымъ интересомъ читающихъ лицъ къ настоящему произведенію въ греческой литературѣ. Итакъ суммируя общіе выводы докладчика, на основаніи его работы, можно охарактеризовать ихъ такъ: 1) оригиналъ греческаго перевода — очень древняя и исправная арабская рукопись; 2) славянскій переводъ, сдѣланный въ Болгаріи въ XII или въ началѣ XIII в., исполненъ по списку краткой греческой редакціи; 3) оригиналъ славянскаго перевода съ одной стороны былъ близокъ къ всѣмъ греческимъ спискамъ (у Runtoni), съ другой — преимущественно къ V¹ и Z¹, а отчасти и къ оригиналу древне-итальянскаго перевода; 4) славянскій переводъ былъ одинъ, причѣмъ лучше и ближе къ первому сохранился текстъ въ спискѣ Севастьянова (позднемъ), а не въ спискѣ болѣе раннемъ — Григоровича; 5) не Севастьяновскій текстъ передѣланъ изъ послѣдняго, а наоборотъ; при этомъ «передѣлку» или «переработку» надо понимать въ томъ смыслѣ, что текстъ Григоровича есть всего лишь плохо переписанная копія съ Севастьянова; 6) переводчикъ старался переводить буквально, а гдѣ невозможно было, перефразировывалъ оригиналъ, а потому въ славянскомъ переводѣ есть ошибки и даже нелѣпости, и 7) какъ греческій, такъ и славянскій «Стефанитъ и Ихнилатъ» принадлежали къ весьма распространеннымъ и любимымъ литературнымъ произведеніямъ. (Прот. Засѣд. Ист.-Фил. Общ. при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ, отдѣльный оттискъ, стр. 1 — 4).

Это сообщеніе вызвало рядъ обсужденій со стороны В. М. Истрина, А. И. Маркевича и Б. М. Ляпунова. В. Сошкнѣв.

Засѣданія иностранныхъ ученыхъ обществъ и учреждений.

Académie des Inscriptions et Belles Lettres.

3 января 1902 года. М. Cagnat прочелъ отъ имени профессора Университета въ Бордо—Jullien'a его замѣтку, гдѣ тотъ старается доказать,

что дворцомъ императора Юліана въ Парижѣ былъ не palais des Thermes de Cluny, а какое-то зданіе, теперь совершенно исчезнувшее. Оно было расположено въ старомъ городѣ (Cité) и окружено валомъ и рѣкой. Jullien строитъ свою гипотезу на различныхъ аргументахъ и между прочимъ на одномъ текстѣ, который, повидимому, дѣйствительно указываетъ на la Cité. Референтъ задается вопросомъ о томъ, чѣмъ были les Thermes въ серединѣ IV вѣка, во время пребыванія Юліана въ Лютеции. Онъ думаетъ, что они были тогда тѣмъ-же, что и теперь, именно, величественными развалинами давно минувшей эпохи. По его мнѣнію, Парижъ, подобно всѣмъ почти городамъ Галліи, долженъ былъ имѣть свои собственныя термы и promenades; переселенія народовъ III вѣка по Р. Х. отчасти уничтожили и то и другое.

24 января. Boissier сообщилъ Академіи о письмѣ Duchesne (директора Французскаго Института въ Римѣ), въ которомъ тотъ сообщаетъ, что открытіе международнаго конгресса des Sciences historiques состоится 2 апрѣля (20 марта) сего года.

Въ томъ же засѣданіи хранитель Cabinet des médailles et antiques Национальной Библіотеки, Babelon сдѣлалъ сообщеніе о портретѣ императора Юліана-Отступника, который былъ имъ случайно найденъ на золотомъ перстнѣ изъ собранія древностей этого музея. Гнѣздо этого кольца украшено сардоликомъ, на которомъ вырѣзано изображеніе императора Юліана. Babelon представилъ при этомъ оттискъ и фотографическіе снимки съ этого въ высшей степени цѣннаго рѣзнаго камня. Настоящее изображеніе близко подходитъ къ его портретамъ на монетахъ и другимъ портретамъ его, гдѣ онъ изображенъ съ длинной и окладистой бородой. До сего времени, какъ извѣстно, существовало три изображенія портрета его, причемъ одна статуя его хранится въ Луврскомъ Музеѣ, другая въ Клуни, и наконецъ третья, какъ думаютъ, находится наверху главнаго собора въ Асепензѣ въ Апуліи, о чемъ уже сообщалось раньше. Гравированный камень представляетъ дѣйствительно императора Юліана съ огромными усами, густыми бакенбардами изъ длинныхъ прядей волосъ; подбородокъ у него обросъ длинной и грубой бородой. При видѣ этого интереснаго камня становится яснымъ, что Юліанъ, оправдывая язвительныя шутки своихъ недруговъ относительно внѣшности, въ значительной степени увеличивалъ свой непривлекательный внѣшній видъ именно бородой. Распредѣляя въ хронологическомъ порядкѣ и по мастерскимъ изготовленія монетъ, Babelon пришелъ къ крайне любопытному заключенію, которое онъ и изложилъ съ различными доводами присутствовавшимъ на засѣданіи членамъ Академіи. Выводъ его таковъ: въ каждой монетной мастерской и для каждого выпуска новой монеты (переходя постепенно въ теченіе 20-мѣсячнаго царствованія Юліана) замѣчается постепенное измѣненіе въ изображеніи его внѣшности, причемъ измѣненіе это находится въ связи, такъ сказать, съ перемѣной самой бороды его, предоставленной естественному ея состоянію.

Сравнивая изображенія на монетахъ, на рѣзномъ камнѣ и указанія въ письменныхъ памятникахъ древности, Babelon приходитъ къ такой мысли: объ статуи (изъ Лувра и Кюни), происхождение коихъ неизвѣстно, но которыя во всякомъ случаѣ открыты не въ Парижѣ (какъ это думаютъ нѣкоторые ученые), представляютъ скорѣе всего именно императора Юліана Отступника. Здѣсь онъ представленъ еще до того момента, какъ онъ былъ облеченъ въ санъ кесаря; онъ съ бородой и въ одѣяніи какого-то философа, причѣмъ на головѣ его видна діадема языческаго жреца «Stéphanéfore». Что же касается бюста, который гордо высится наверху собора въ Асгерензѣ и въ коемъ нѣкоторые видятъ изображеніе Юліана, то, по его мнѣнію, такой взглядъ ошибоченъ. Это скорѣе всего статуя Адріана, обликъ котораго сильно пострадалъ отъ непогоды и дождей въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ или потому, что это изображеніе было попорчено и снова исправлено въ то время, когда его помѣстили на самомъ верху собора, желая видѣть въ немъ Св. Петра. Извѣстно, что въ средніе вѣка, а въ особенности въ эпоху Возрожденія, въ Италіи часто дѣлали различныя поправки и поддѣлки для того, чтобы изъ памятниковъ языческой древности воспроизвести изображенія христіанскаго характера.

14 февраля. De-Vogüé внесъ въ Академію докладъ, въ которомъ Dussaud представилъ отчетъ о результатахъ научной командировки, возложенной на него Академіей и Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Выѣстъ съ Mackler'омъ онъ посѣтилъ снова Наоуганъ и Сафа; затѣмъ былъ занятъ изученіемъ и обслѣдованіемъ мѣстностей, можно сказать, совершенно неизвѣстныхъ до сего времени, расположенныхъ на востокъ отъ горы Druze. 900 текстовъ новыхъ сафитскихъ (safaitiques), 16 надписей pabatéennes, нигдѣ незаданныя, изъ коихъ нѣкоторыя точно датированы, даѣе тексты на греческомъ, латинскомъ и арабскомъ языкахъ, крайне любопытныя наблюденія надъ военной границей Римской имперіи и, кромѣ того, очень цѣнныя географическія свѣдѣнія и данныя—таковы результаты этой экспедиціи. Къ отчету присоединенъ очеркъ и подробное описаніе развалинъ знаменитой мечети Омайядовъ въ Дамаскѣ.

21 февраля. По отзыву Lasteyrie, Академія присудила премію Saintour'a, назначенную за лучшія сочиненія по исторіи Среднихъ Вѣковъ и эпохи Ренессанса: 1) первую награду въ 2500 фр. Charles Diehl'ю, члену-корреспонденту Академіи и профессору Faculté des Lettres de Paris, за его трудъ, озаглавленный: «Justinien et la civilisation byzantine au sixième siècle» и 2) награду въ 500 фр. F. de Mely за его работу: «Les reliques de Constantinople au troisième siècle» и за другія его археологическія изслѣдованія.

7 марта. Cledat, членъ Археологическаго Института въ Каирѣ, сообщилъ письмомъ, что имъ отосланъ Масперо для детальнаго изученія рядъ акварельныхъ и фотографическихъ снимковъ коптскихъ древностей изъ Ваоуіт, которые вскорѣ появятся въ свѣтъ. Эти памятники, по мнѣ-

нію Cledat, принадлежать, повидимому, не къ тому древнему коптскому искусству, которое довольно хорошо извѣстно. Надо думать, что въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ новымъ стилемъ коптской архитектуры; по крайней мѣрѣ, такъ можно предполагать, судя по рѣзкимъ отличіямъ въ различныхъ мотивахъ живописи, изображеній фигуръ, равно какъ и по характеру самыхъ сценъ, изображенныхъ на стѣнахъ; по разнообразію орнаментовъ — все это представляетъ собой почти полное совершенство. Авторъ указываетъ прежде всего на одну церковь, повидимому, болѣе чѣмъ на 50 метровъ ниже поверхности земли, заключающую въ себѣ безконечное число скульптурныхъ изображеній поразительно тонкой работы, высокихъ капителей, церковныхъ вратъ, рѣзныхъ по дереву и т. д. Cledat, при содѣйствіи Директора Института и одного изъ своихъ коллегъ, предполагаетъ въ самомъ ближайшемъ мѣсяцѣ тщательнымъ образомъ обследовать и изучить эту выдающуюся церковь. Уже собрано болѣе 40 акварельныхъ и 120 фотографическихъ снимковъ, 400 надписей (*graffiti*), слѣды (*traces du passage des admirateurs*) изображеній святыхъ и различные погребальные склепы. Всѣ данныя указываютъ въ своей орнаментировкѣ на громадное сходство въ мотивахъ съ арабскимъ стилемъ. Въ общемъ же всѣ эти изображенія и орнаменты указываютъ ясно на несомнѣнное вліяніе византійскаго и египетскаго искусства. Въ числѣ найденныхъ сценъ Cledat указываетъ въ особенности на св. Георгія и оленя, котораго обвиваетъ змѣя.

13 іюня. De Mély представилъ членамъ Академіи изображенія Христа, начиная съ первыхъ вѣковъ христіанства, размѣстивъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, а кромѣ того, благодаря недавнимъ открытіямъ (поразительная статуя Христа de Bommatia изъ Константинополя, относящаяся къ III вѣку и приобрѣтенная Берлинскимъ музеемъ; коптская фреска изъ Baouft въ Верхнемъ Египтѣ, открытая, можно сказать, лишь на дняхъ ученымъ Cledat), ему представилась возможность опредѣлить почти съ безусловною достовѣрностью, что до 325 года Іисусъ Христосъ изображался всегда безъ бороды и что, если это традиціонное изображеніе жило еще въ теченіе двухъ вѣковъ на Западѣ, то вскорѣ послѣ царствованія Константина восточные художники обычно представляютъ Христа съ бородой. При этомъ Mély указалъ на совершенно новый взглядъ Сесіля Тоггъа, который, на основаніи лишь болѣе древнихъ изображеній Христа, полагаетъ возможнымъ сдѣлать предположеніе, что Іисусъ Христосъ былъ распятъ на 21-мъ году своей земной жизни.

4 іюля. Mély представилъ свой весьма значительный трудъ, посвященный исторіи различныхъ изображеній Христа, начиная съ древнѣйшей эпохи и до нынѣшняго времени.

12 сентября. Предсѣдатель Академіи сообщилъ присутствующимъ, что ближайшій конгрессъ оріенталистовъ состоится въ Алжирѣ въ 1904 году.

Société des Antiquaires de France.

29 января. Héron de Villefosse указалъ на одинъ византійскій памятникъ, только что поступившій въ собственность Луврскаго Музея въ даръ отъ W. R. Paton.

5 марта. Баронъ de Baye сдѣлалъ сообщеніе объ эмалированной пластинкѣ XII вѣка, которая хранится въ ризницѣ главнаго собора города Владиміра (Россія).

12 марта. J. Maurice сообщилъ очень любопытную подробность относительно изображеній на монетахъ въ IV вѣкѣ по Р. X. Изображенія головъ и бюсты, вырѣзанные на монетахъ, представляютъ собою точные портреты правящихъ императоровъ, но эти портреты не всегда изображаютъ тѣхъ императоровъ, имена которыхъ обозначены на самыхъ монетахъ.

4 іюня. Omont доложилъ членамъ Общества объ одной миниатюрѣ изъ греческаго манускрипта № 510 въ Національной Библіотекѣ, которая представляетъ погребеніе Св. Горгоніи, сестры Св. Григорія Назіанзина. Она содержитъ въ себѣ надпись, которая доказываетъ, что въ IX вѣкѣ преданіе приписывало Св. Григорію попеченіе и заботы о Св. Горгоніи при ея послѣднихъ минутахъ.

25 апрѣля. Séjourne, настоятель монастыря Saint-Etienne въ Іерусалимѣ, представилъ цѣлый рядъ надписей на еврейскомъ и греческомъ языкахъ, которыя были ему присланы нѣкоторыми доминиканскими монахами и членами École biblique. Онъ-же сдѣлалъ сообщеніе о новой мозаикѣ, открытой въ Madaba священникомъ Don Manfredi.

18 іюля. Héron de Villefosse сообщилъ отъ имени Toulotte о христіанской гробницѣ, открытой въ Tébessa.

Kaiserlich Deutsches Archaeologisches Institut.

27 февраля 1901 г. C. Watzinger: Strzygowski «Orient oder Rom»?

29 апрѣля. A. Wilhelm: «Topographische Forschungen im Peloponnes».

K. Preussische Akademie der Wissenschaften zu Berlin.

23 января 1902 г. Годовое публичное засѣданіе Академіи. А. Harnack сообщилъ о трудахъ Комиссіи по изданію произведеній Отцевъ Церкви. За 1901 годъ появились слѣдующія 7 книгъ: Сочиненія Евсевія (I томъ), О жизни Константина; Рѣчь Константина на Первомъ Вселенскомъ Соборѣ; Tricennatsrede an Constantin (изданы Dr. Ivar A. Heikel). Печатаются еще слѣдующія 4 сочиненія: Geffcken, Oracula Sibyllina; Schwartz und Mommsen, Eusebius Kirchengeschichte nebst der Übersetzung Rufin's; Preuschen, Origines Commentar zum Johannes - Evangelium; K. Schmidt, Gnostische Schriften in Koptischer Sprache.

Что же касается «Archiv für die Ausgabe der älteren christlichen Schriftsteller», то уже вышло 4 выпуска VI тома: Sickenberger, Titus von

Bostra; Nestle, Die Kirchengeschichte des Eusebius, aus dem Syrischen übersetzt; Urbain, Ein Martyrologium der christlichen Gemeinde zu Rom; Harnack, Diodorus von Tarsus. Въ печати же находятся 3 выпуска VII тома, а именно: Flemming, Henoch, athiopischer Text; von Gebhardt, Acta Theclae (lateinisch); Preuschen, Eusebius Kirchengeschichte, aus dem Armenischen übersetzt. Имъ-же было прочитано «Предварительное сообщение о результатахъ предпринятой лѣтомъ 1901 года профессоромъ Dr. A. Philippsen'омъ научной экспедиціи въ западную часть Малой Азіи. Th. Mommsen доложилъ въ засѣданіи о трудахъ по изданію «Codex Theodosianus», печатаніе котораго доведено уже до 9-й книги. Для изданія новеллъ Θεодосія Paul Meyer предпринялъ научную поѣздку (съ марта по августъ 1900 г.) въ Римъ, Иврею и Парижъ и въ самомъ непродолжительномъ времени приступить къ опубликованію текста.

13 февраля. C. de Voog сдѣлалъ второе сообщеніе о своемъ научномъ путешествіи въ Италію для изученія рукописей византийскихъ хронистовъ.

13 марта. Sachau сдѣлалъ сообщеніе о второмъ халифѣ Омарѣ на основаніи одного древняго повѣствованія изъ Ислама.

28 ноября. Harnack. Церковныя общины и епископства отъ Пія до Константина В. До императора Деція встрѣчается очень значительное число таковыхъ общинъ, во главѣ которыхъ стояли епископы; исключеніе изъ этого составлялъ Египетъ. Впервые лишь въ III вѣкѣ встрѣчаются многочисленныя общины безъ епископовъ.

K. Bayerische Akademie der Wissenschaften zu München.

4 мая 1901 года. K. Krumbacher «Ein dialogischer Threnos auf den Fall von Konstantinopel» (Sitzungsber. der philos.-philol. Cl. d. K. b. Akademie der Wissenschaften zu München, 1901, Heft III, pag. 329—361 и 2 снимка съ рукописей).

8 июня. Friedrich прочелъ докладъ: «Über die Unächtheit der Sanons von Sardica» (ib. p. 417—476).

6 іюля. Докладъ Kuhn'a: «Nachträge zum Barlaam und Joasaph» (Abhandl. der philos.-philol. Classe, XX, 1 ff.).

Gesellschaft für Erkunde zu Berlin.

8 февраля 1902 г. J. Crijic «Forschungsreisen auf der Balkan-Halbinsel: Macedonien, Albanien und Epirus» (Zeitschrift der Gesellschaft f. Erdk. zu Berlin, № 3, pag. 196—214).

В. Сомкинъ.

XIII Международный конгрессъ ориенталистовъ въ Гамбургѣ.

Въ истекшемъ 1902 году въ городѣ Гамбургѣ состоялся 13-й интернациональный конгрессъ ориенталистовъ, который продолжался съ 4 по 10 сентября. Здѣсь мы позволимъ себѣ привести лишь самыя краткія

свѣдѣнія о докладахъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ этого конгресса, за отсутствіемъ пока какихъ-либо болѣе подробныхъ данныхъ, но въ непродолжительномъ времени мы надѣемся представить ихъ вниманію интересующихся работами конгресса.

5 сентября 1902 года. Первое засѣданіе VIII секціи «Wechselwirkungen zwischen Orient und Occident». Подъ предсѣдательствомъ проф. Franz Cumont и въ присутствіи 19 членовъ конгресса были прочитаны слѣдующіе доклады: K. Krumbacher «Ueber den Zweck und die allgemeine Bedeutung der Sektion: «Wechselwirkungen zwischen Orient und Occident» и K. Wessely: «Beiträge zum Formelwesen der byzantinischen Urkunden mit Berücksichtigung ihrer orientalischen Elemente». Въ преніяхъ по этому вопросу приняли участіе Karolidis (Аѳины), Deissmann (Heidelberg) и Schmidt (Berlin).

6 сентября. Общее Засѣданіе II и VIII секцій: «Iran» и «Wechselwirkungen zwischen Orient und Occident». Подъ предсѣдательствомъ проф. Cumont (Брюссель) и въ присутствіи 40 членовъ были сдѣланы слѣдующія сообщенія: проф. Lehmann (Charlottenburg): «Die Einwanderung der Armenier im Zusammenhange mit den Wanderungen der Thraker und Iraner». По этому вопросу представилъ нѣкоторые замѣчанія проф. F. Hommel (Мюнхенъ). Затѣмъ проф. Gr. Chalatiantz (Москва) прочелъ докладъ: «Die Armenische Version der Weltchronik des Hippolytus», на что было сдѣлано нѣсколько поясненій проф. Dräseke изъ Wandsbek'a.

Вечеромъ того же дня состоялось третье засѣданіе VIII секціи въ присутствіи 18 членовъ конгресса и подъ предсѣдательствомъ Franz'a Cumont. Въ этомъ засѣданіи Louis Bréhier (Clermont-Ferrand) сдѣлалъ сообщеніе: «De l'influence des Orientaux sur la civilisation occidentale au commencement du moyen âge (5-e—8-e siècles)». Въ преніяхъ по данному вопросу приняли участіе проф. Cumont, Karolidis, Wessely, Krumbacher, Carl Schmidt и Thumb.

8 сентября. 4-е засѣданіе VIII секціи подъ предсѣдательствомъ проф. Paul Karolidis и въ присутствіи 56 членовъ было посвящено чтенію слѣдующихъ рефератовъ: проф. Adolf Deissmann (Heidelberg): «Die Hellenisierung des semitischen Monoteismus». Въ крайне оживленныхъ преніяхъ по этому вопросу приняли участіе: C. Wessely (Wien), K. Krumbacher, J. Dräseke, P. Karolidis, Noldeke (Strassburg), J. Oppert (Paris), C. Schmidt (Berlin), Rosen (Berlin) и G. Oppert (Berlin). Второе сообщеніе было сдѣлано Elkan N. Adler (London): «The Jews of India and the Pope in the 16-th century». Нѣкоторые замѣчанія были сдѣланы проф. G. Deistoch (Cincinnati), G. Oppert (Berlin), священникомъ Poznanski (Warschau) и Rieger (Hamburg).

9 сентября. Пятое засѣданіе той же VIII секціи, на которомъ предсѣдательствовалъ K. Krumbacher и присутствовало 28 членовъ конгресса. O. von Novorka (Teslic, Bosnien) прочелъ докладъ: «Ueber Grundzüge einer vergleichenden Volksmedizin der Balkanvölker mit Betonung der ori-

entalischen Einflüsse». Въ преніяхъ по поводу настоящаго сообщенія приняли участіе: проф. Deissmann, Karolidis, Dräseke и K. Krumbacher. Затѣмъ проф. L. Bréhier (Clermont-Ferrand) сообщилъ о присланномъ трудѣ Н. Arakélian (Tiflis): «Les rapports des Arméniens avec l'occident en moyen âge et après». Нѣсколько указаній представили проф. A. Thumb (Marburg), P. Karolidis, K. Krumbacher и L. Bréhier. Слѣдующее сообщеніе P. Karolidis: «Die sogenannte Stadt der Byzantiner (urbs Byzantinorum) in der Chronik des Assyrikerkönigs Assarharddon». Замѣчанія были сдѣланы проф. C. Lehmann'омъ и A. Thumb'омъ.

Закрывая послѣднее засѣданіе VIII секціи, K. Krumbacher выразилъ свое удовольствіе по поводу достигнутыхъ ею научныхъ результатовъ и высказалъ надежду, что въ ближайшемъ будущемъ она приметъ еще болѣе живое участіе.

В. Сомкинъ.

Докторскіе и магистерскіе диспуты.

13 октября 1902 года приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, А. А. Васильевъ защищалъ диссертацию: «Византия и арабы». Политическія отношенія Византии и арабовъ за время македонской династіи. 867—956 гг. Спб. т. II 1902), представленную имъ для полученія степени доктора всеобщей исторіи. Диссертантъ, по окончаніи курса въ названномъ Университетѣ, былъ отправленъ на казенный счетъ въ заграничную командировку, въ которой и пробылъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, работая въ библіотекахъ Лондона, Парижа, Вѣны, Константинополя и Аѳинъ. Официальными оппонентами были: проф. бар. В. Р. Розенъ, Б. М. Меліоранскій и В. Э. Регель и неофициальнымъ Хр. М. Лопаревъ. Въ своей вступительной рѣчи диспутантъ указалъ на то, что и настоящая его работа есть продолженіе все той же попытки выяснить взаимоотношенія Византийской имперіи и арабовъ. Этотъ трудъ долженъ имѣть, несомнѣнно, весьма важное значеніе для исторіи древней Руси и славянства. Какъ извѣстно, время македонской династіи есть самый блестящій періодъ въ исторіи Византии, но борьба ея съ арабами была сперва столь безуспѣшна, что даже всѣ острова Архипелага были опустошены ими и только съ 930 года при Константиѣ Багрянородномъ побѣда переходитъ на сторону византийцевъ. Прекрасное знаніе арабскаго языка А. А. Васильевымъ дало ему полную возможность воспользоваться тѣмъ громаднымъ рукописнымъ матеріаломъ, который имъ былъ изученъ со всею тщательностью во время продолжительнаго пребыванія за границей. В. Э. Регель, указавъ на нѣкоторые незначительные недочеты, вполне естественные при столь значительномъ сыромъ матеріалѣ, призналъ настоящій трудъ весьма цѣннымъ вкладомъ въ науку: диссертация сообщаетъ массу совершенно новыхъ

свѣдѣній изъ арабскихъ источниковъ, при чемъ диссертантомъ использованы не только всѣ сочиненія, но даже мелкія статьи по тому или другому затрагиваемому имъ вопросу,—словомъ эрудиція его громадна. Кромѣ того благодаря именно работѣ А. А. Васильева устанавливается правильная хронологія многихъ историческихъ событій этого періода. Б. М. Меліоранскій высказалъ ту же мысль, что и первый оппонентъ, прибавивъ лишь, что диссертация представляетъ собой рядъ детальныя и чрезвычайно цѣнныхъ изслѣдованій, и что благодаря труду А. А. Васильева можно поздравить ученый міръ съ разрѣшеніемъ цѣлаго ряда спорныхъ вопросовъ. Наконецъ бар. В. Р. Розенъ призналъ за диссертацией самыя серіозныя научныя достоинства и, отмѣтивъ нѣсколько незначительныхъ недочетовъ въ ней, выразилъ пожеланіе, чтобы и слѣдующій—третій томъ по данному вопросу, имѣющій появиться, вѣроятно, въ непродолжительномъ времени, имѣлъ всѣ тѣ же цѣнныя достоинства, какія имѣютъ два предыдущихъ труда диспутанта. Единогласнымъ постановленіемъ историко-филологическаго факультета диссертантъ А. А. Васильевъ былъ удостоенъ искомой ученой степени доктора всеобщей исторіи (Ср. Новости, 14 октября 1902 г. № 283).

24 ноября 1902 года въ С.-Петербургскомъ Университетѣ приватъ-доцентъ Б. А. Тураевъ защищалъ диссертацию на степень доктора всеобщей исторіи. Трудъ диспутанта озаглавленъ такъ: «Изслѣдованіе въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эѳіопіи». Авторъ названнаго сочиненія родился въ 1868 г. и, окончивъ въ 1890 г. С.-Петербургскій Университетъ, былъ посланъ черезъ 3 года въ ученую командировку за границу, при чемъ работалъ въ Берлинѣ, Парижѣ и Лондонѣ. Въ 1898 году Б. А. Тураевъ защитилъ свою магистерскую диссертацию: «Изслѣдованіе въ области египетской культуры», а затѣмъ издалъ рядъ другихъ сочиненій по египетской, коптской и финикійской исторіи, а равно и по литературѣ этихъ народовъ. Настоящая диссертация посвящена исторіи абиссинскаго племени, матеріалы для которой крайне скудны и при томъ съ пробѣлами въ цѣлыя столѣтія. Въ высшей степени важнымъ пособіемъ въ данномъ случаѣ являются памятники агіологическаго характера, относящіеся къ XIII, XIV и XV вв., т. е. ко времени второго расцвѣта эѳіопскаго міра. Трудъ диспутанта и посвященъ всецѣло разбору и изслѣдованію этого сырого матеріала, что представляется, очевидно, дѣломъ въ высшей степени важнымъ и въ такой же степени обширнымъ и чрезвычайно труднымъ. По крайней мѣрѣ такимъ былъ признанъ настоящий трудъ однимъ изъ официальныхъ оппонентовъ—Ѳ. Ѳ. Соколовымъ. Другой же оппонентъ, П. К. Коковцевъ указалъ на то, что докторантъ совершилъ по истинѣ ученый подвигъ, разобравшись въ обслѣдованныхъ и детально изученныхъ имъ источникахъ; онъ же высказалъ, что, по причинѣ именно обилія сырого матеріала, трудъ Б. А. Тураева не можетъ быть даже вполнѣ и цѣликомъ оцѣненъ критически. Сдѣлано было имъ лишь нѣсколько общихъ и частныхъ указаній по по-

воду нѣкоторыхъ неточностей въ переводахъ, неполноты изложенія текстовъ житія святыхъ и т. п. Третій официальный оппонентъ Б. М. Меліоранскій обосновалъ свои нѣкоторыя замѣчанія на общенсторической точкѣ зрѣнія, признавъ съ своей стороны настоящий трудъ чрезвычайно цѣннымъ для науки. По защитѣ своихъ положеній Б. А. Тураевъ былъ единогласно признанъ достойнымъ искомой степени доктора всеобщей исторіи. (Нов. Вр. 25 ноября 1902 г.).

1 декабря минувшаго года въ стѣнахъ того же Университета состоялась защита диссертациі: «Палестина отъ завоеванія ея арабами до крестовыхъ походовъ по арабскимъ источникамъ; изслѣдованіе источниковъ; т. I», представленной на степень доктора арабской словесности и д. экстраординарнаго проф. Н. А. Мѣдниковымъ. Диссертантъ родился въ 1865 году, кончилъ курсъ въ названномъ Университетѣ въ 1887 году и уже съ 1890 года сталъ читать лекціи. Въ 1901 г. Н. А. Мѣдниковъ защитилъ свою магистерскую диссертацию, а кромѣ того издалъ много сочиненій по исторіи Востока, а равно и переводовъ съ арабскаго языка. Настоящее же изслѣдованіе, почти въ тысячу печатныхъ страницъ, даетъ тотъ главный выводъ, что указываетъ прежде всего на подложность грамоты Омара I сирійскимъ христіанамъ и приводитъ къ заключенію о позднѣйшемъ появленіи этого списка подъ вліяніемъ осложнившихся, чисто политическихъ обстоятельствъ. Такое мнѣніе находится въ тѣснѣйшей связи съ измѣненіемъ взгляда диспутанта на исторію Палестины первыхъ 5 вѣковъ по Р. Хр. Что же касается установившагося, было, заключенія, что всѣ преслѣдованія христіанъ мусульманами были вызваны фанатизмомъ послѣднихъ, то оно, по отзыву Н. А. Мѣдникова, не имѣетъ за собой никакой серіозной почвы. Официальными оппонентами докторанта выступили проф. баронъ В. Р. Розенъ и А. Э. Шмидтъ. Академикъ бар. В. Р. Розенъ призналъ настоящий трудъ не только капитальнымъ и глубокопродуманнымъ вкладомъ въ науку, но и одной изъ тѣхъ блестящихъ диссертаций, которыя придали за послѣднее время высокій ученый авторитетъ нашему Восточному факультету даже за границей. Сдѣланы были при этомъ нѣкоторыя общія замѣчанія о неравномѣрности изслѣдованія чрезвычайно любопытныхъ источниковъ и о нѣкоторыхъ пропускахъ относительно свѣдѣній, сообщаемыхъ новѣйшей литературой. Второй оппонентъ А. Э. Шмидтъ, вполне раздѣляя взглядъ предыдущаго ученаго на трудъ Н. А. Мѣдникова, призналъ за нимъ тѣ же блестящія достоинства и незначительные сами по себѣ пробѣлы. По защитѣ своихъ положеній диспутантъ единогласно былъ удостоенъ искомой имъ степени доктора арабской словесности (Нов. Вр. 2 дек. 1902 г.).

15 декабря въ С.-Петербургскомъ Университетѣ архимандритъ и членъ братівъ эчмиадзинскаго монастыря Месропъ Теръ-Мовсеянъ защищалъ диссертацию, озаглавленную: «Исторія перевода Библии на армянскій языкъ», представленную имъ на степень магистра армянской словесности. Официальными оппонентами были: проф. А. А. Цагарелли и

Н. Я. Маррѣ. Названный трудъ былъ признанъ заслуживающимъ самаго серіознаго вниманія къ нему, пробѣлы же весьма маловажными, а потому диспутантъ былъ удостоенъ степени магистра армянской словесности.

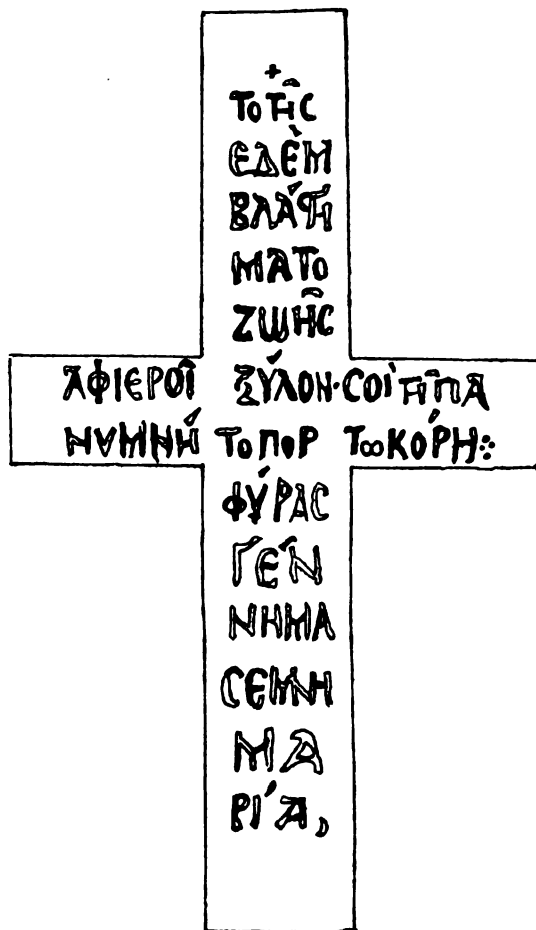
18 декабря 1901 года въ Казанской Духовной Академіи іеромонахъ Михаилъ, преподаватель Воронежской духовной семинаріи, защищалъ диссертацию: «Законодательство римско-византійскихъ императоровъ о вѣнннихъ правахъ и преимуществахъ церкви» (Казань 1901) для соисканія степени магистра богословія. Магистрантъ іеромонахъ Михаилъ (въ мірѣ Павелъ Васильевичъ Семеновъ) окончилъ курсъ въ 1895 году въ Симбирской духовной семинаріи, а въ 1897 г. перешелъ изъ Московской Духовной Академіи на 3-й курсъ Казанской, при которой былъ оставленъ профессорскимъ стипендіатомъ по кафедрѣ каноническаго права. 28 ноября того же года онъ былъ посвященъ преосвященнымъ Антоніемъ въ іеромонахи. Съ марта по іюль 1900 года онъ находился въ заграничной командировкѣ, побывалъ въ Константинополѣ, Аѳинахъ и на Аѳонѣ. Кромѣ вышеназванной работы перу о. Михаила принадлежатъ рядъ статей и замѣтокъ въ различныхъ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ. Официальными оппонентами на диспутѣ были проф. И. С. Бердниковъ и Н. П. Реверновъ. Указавъ на нѣкоторые незначительные недочеты изслѣдованія, проф. Бердниковъ выразилъ надежду, что о. Михаилъ не оставитъ и впредь своихъ ученыхъ занятій надъ разработкой вопроса о византійскомъ законодательствѣ. Оба оппонента признали настоящій трудъ весьма цѣннымъ по исторіи законовѣдѣнія, и Совѣтъ Академіи постановилъ ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи диспутанта въ искомой имъ степени магистра богословія (Церк. Вѣд. № 2. 1902 г.).

В. Соколинъ.

Византійскій реликвій Маріи Комнины отъ XII вѣка.

Благодаря особенной любезности Ф. Cumont (Брюссель) и Р. Bergmanns (Гентъ), G. Schlumberger'у удалось ознакомиться съ византійскимъ реликвіемъ de la Vraie Croix, который, повидимому, мало кому извѣстенъ до сего времени изъ византинистовъ. Этотъ небольшій размѣровъ предметъ древности представляется самъ по себѣ крайне любопытнымъ, такъ какъ онъ, какъ можно думать, былъ нѣкогда подаренъ въ какую-то Константинопольскую церковь одной изъ дочерей императора Алексѣя Комнина (1081—1118) и сестрой, знаменитой своимъ историческимъ трудомъ, Анны Комниной. Церковь городка Еупе, крайне интересная съ точки зрѣнія архитектуры ея, расположена въ 3 километрахъ отъ города Audenarde, въ Западной Фландріи; она обладаетъ въ числѣ другихъ предметовъ, достойныхъ самаго тщательнаго изученія, и этимъ драгоценнымъ реликвіемъ въ видѣ креста. Онъ состоитъ изъ 3-хъ частей (pièces) какого-то дерева, повидимому, кедра. Толщина этого реликвія равняется приблизительно одному сантиметру, ширина же около

двухъ. Поперечная часть креста имѣетъ въ длину 9¹/₂ сантиметровъ, верхній-же конецъ — 6, а нижній — 8 сантиметровъ. Обратная сторона

этого креста изъ дерева обложена золотой пластинкой съ надписью, пропись которой была столь любезно прислана Schlumberger'у приходскимъ священникомъ изъ Еупе, по просьбѣ вышеназванныхъ лицъ. Крестъ изъ дерева и золотая обложка его и составляютъ въ цѣломъ — реликвій. Золотая пластинка покрываетъ кромѣ того и концы креста изъ дерева на передней его сторонѣ. Онъ представляетъ такъ-же, какъ и на оборотной сторонѣ, рѣзныя украшенія и покрытъ эмалью удивительной красоты по своему выполнению. Самая надпись есть ни что иное, какъ посвященіе этого креста—Божіей Матери одной изъ дочерей

императора, по имени Маріей. По мнѣнію Schlumberger'a, надпись эта до сего времени, повидимому, не была ни разу издана, по крайней мѣрѣ о ней нѣтъ никакой даже замѣтки въ извѣстномъ трудѣ графа Riant «Euxinae sacrae Constantinopolitanae». Переводъ-же этой надписи данъ единственно въ одномъ сборникѣ, который носитъ какое-то неясное оглавленіе «Le bulletin de la gilde de Saint-Thomas et de Saint-Luc» (Gand, t. IV, 1817—79, p. 371—99). Здѣсь надпись издана въ формѣ креста, какъ и самый реликвій, и состоитъ изъ 3-хъ стиховъ (причемъ многія буквы связаны вмѣстѣ и обозначено удареніе), которые читаются такъ:

+ ΤΟ ΤΗΣ ΕΔΕΜ ΒΛΑΣΤΗΜΑ ΤΟ ΖΩΗΣ ΕΥΛΟΝ ΤΟ ΤΗΣ ΠΟΡΦΥΡΑΣ ΓΕΝΝΗΜΑ ΣΕΜΝΗ ΜΑΡΙΑ ΑΦΙΕΡΩΙ ΣΟΙ ΤΗ ΠΑΝΥΜΝΗΤΩ ΚΟΡΗ ∴, т. е. «отпрыскъ Порфиророднаго, благоче-

стивая Марія, приноситъ въ даръ Тебѣ, Пречистой Дѣвѣ, достойной вѣчнаго поклоненія, эту вѣтвь изъ эдема, отъ древа жизни».

Реликвій и его золотая пластинка чисто византійскаго происхожденія сохранились въ реликвиаріи болѣе поздняго времени и западнаго происхожденія, имѣющаго видъ триптиха. На двухъ его ставенькахъ изображены въ рельефахъ пророки, держащіе въ рукахъ пергаментъ съ надписью: «*Hoc signum crucis erit in coelo cum Deus ad judicandum venerit*» и «*Ecce crucem Domini fugite partes adversae*». Эти изображенія пророковъ относятся, повидимому, къ XV в. и, какъ думаютъ, представляютъ собою произведеніе, вышедшее изъ какой-то мастерской въ Камбрѣ. Главное-же панно XVII в. и, весьма вѣроятно, времени царствованія Альберта и Изабеллы. Шипецъ (*le fronton*) замѣненъ очень недавно новымъ и совершенно простымъ украшеніемъ въ готическомъ стилѣ. Въ вышеуказанной статьѣ, по поводу происхожденія реликвіи и византійскаго реликвиарія, говорится такъ: «Церковь въ Еупе была основана въ 1171 г. Gerard'омъ de Landas, владѣтелемъ Еупе, который принялъ участіе въ крестовомъ походѣ. Хотя нѣкоторые лица утверждаютъ, что этотъ замѣчательный реликвій дарованъ именно его сыну, Арнольду de Landas, папой Иннокентіемъ III, однако народное преданіе гласитъ, что оно было отнято у мусульманъ самимъ участникомъ крестоваго похода и привезено имъ изъ Св. Земли въ Еупе. Еще же болѣе вѣроятно, что онъ былъ просто-на-просто приобрѣтенъ за деньги Gerard'омъ de Landas въ Византіи». Въ самомъ же Еупе не сохранилось никакого мѣстнаго документа относительно этого реликвія. Густавъ Шлюмбергеръ со всею тщательностью отыскивалъ какія-либо данныя у Дюканжа, а равно и въ другихъ мѣстахъ, связанныя съ именемъ Маріи, относительно дочерей византійскихъ императоровъ, имѣвшихъ право на почетный титулъ «Порфиророжденной», какъ родившихся въ то время, когда отецъ ихъ уже владѣлъ престоломъ въ Константинополѣ. Послѣ тщательнаго розыска таковыми оказались лишь двѣ, которымъ, принимая во вниманіе то время, когда онѣ жили, можно было-бы приписать этотъ памятникъ. Одна — дочь императора Алексѣя IV Комнина Трапезунтскаго, которая впослѣдствіи вышла замужъ за императора Іоанна VIII Палеолога, но время ея жизни не соответствуетъ всему остальному. Другая же вполне отвѣчаетъ времени, къ которому относится реликвиарій изъ Еупе, — это Марія Комнина, вторая изъ пяти дочерей Алексѣя Комнина, вѣнчаннаго на царство въ 1081 г., и его второй жены Ирины Дукены. Эта принцесса, родившаяся въ 1085 г., была сначала замужемъ за Григоріемъ Гавромъ, изъ знаменитой фамиліи въ Трапезунтѣ, а затѣмъ, будучи разведена съ нимъ, вступила во второй бракъ съ севастократомъ Никифоромъ Катакалономъ. Хорошо извѣстно, какъ трудно опредѣлить время, даже приблизительно, византійскихъ надписей, однако въ данномъ случаѣ можно утверждать почти съ достовѣрностью, что характеръ буквъ надписи, вырѣзанной на реликвиаріи изъ Еупе, соответствуетъ времени, когда жила дочь Алексѣя

Комнина, иначе говоря, первымъ годамъ XII вѣка. Слѣдуетъ только сравнить ее съ изображеніемъ святыхъ на великолѣпныхъ мозаикахъ въ церкви Дафни, такъ хорошо недавно изученныхъ G. Millet и относимыхъ этимъ ученымъ со всею положительностью ко времени, когда также жила дочь Алексѣя Комнина, т. е. къ концу XI в. и къ первымъ годамъ XII вѣка. Всѣ подробности самой надписи реликвія изъ Еупе встрѣчаются почти со всею точностью и сохраняются съ поразительной тщательностью въ надписи знаменитой небольшой церкви, которая служитъ предметомъ всеобщаго удивленія путешественниковъ на пути изъ Аѳинъ въ Элевсинъ. (Comptes-rendus, janvier-février 1902; см. выше стр. 583).

В. Соккинъ.

Découvertes archéologiques.

Ephèse. — A cause de l'hiver, on a interrompu à Ephèse les fouilles entreprises par la mission archéologique de Vienne. Les membres de la mission sont rentrés chez eux. Les fouilles ont duré depuis le 5/18 septembre jusqu'au 29 novembre (12 décembre). Les résultats ont été intéressants au double point de vue de l'art classique et de l'art byzantin.

Le but des archéologues autrichiens était la recherche de pièces d'architecture de l'ancienne ville. On y a découvert une rue pavée en marbre. Les fouilles ont mis au jour une inscription d'où résulte que la rue était éclairée, la nuit, par des veilleuses et qu'elle s'appelait rue d'Arcadius. Elle remonte donc à l'année 395 — 400 de l'ère chrétienne. Près de l'endroit où cette inscription a été retrouvée, on a déblayé les restes d'une porte romaine de l'époque des Antonins. On a trouvé aussi une mosaïque byzantine du 4-me siècle, plusieurs inscriptions de l'époque de Domitien et de Julien l'Apostat et des fragments de statues. Les fouilles seront reprises au printemps et se poursuivront pendant plusieurs années (Constantinople, 3/16 décembre 1902; Stamboul, 30 décembre 1902).

Naples. — Au cours des travaux d'assainissement (Risamento), on a fait des fouilles qui ont permis au prof. Gabrici de reconstituer le plan des fortifications de la ville à l'époque byzantine. Durant la domination romaine la ville s'agrandit considérablement, et dépassa bientôt les limites de son enceinte fortifiée. Les incursions d'Alaric qui, en 410, saccagea Nola, engagèrent les Napolitains à demander à l'empereur Valentinien III une protection plus sûre contre les barbares. Avec le consentement de Théodose II, Valentinien *«neapolitanam civitatem ad omnes terra marique incursus expositam et nulla securitate gaudentem, ingenti labore atque sumptu muro turribusque munivit»* (C. G. L., X, 1485—2450). Cette inscription, au dire de M. Gabrici, doit être entendue dans ce sens que Valentinien III a élargi l'enceinte de la ville, et y a ajouté des tours pour la mettre en état de mieux repousser les attaques des barbares.

Les nouvelles fortifications étaient très puissantes. Naples put tenir tête aux Vandales guidés par Genséric (456), et à l'armée de Bélisaire (537)

qui s'empara de la ville par surprise (Proc., De bello goth., I, 10). Par ordre de Justinien, après sa victoire le général byzantin éleva encore sept tours. En 544 Naples fut assiégée par Totila, et réduite à la famine, dut lui ouvrir les portes (Proc., De bello gothico, III, 7—8). Les murs furent abattus. Nersès ayant ensuite exterminé les Goths d'Italie, les fit relever: *Narsis de-nuo patricius, postquam Italiam Wandalis (sic) et Gothis interemptis eorum ab efferitate exiit, maximam in eam partem auxit, ita ut ex una parte maris illam munire contiguo ob navium receptaculum, et tam firmissimo muni-vit aedificio ut etiam onustae mercimoniis trieres a supereminentibus vali-dissime tueantur* (A. S., julii, t. IV, p. 78). L'ancienne ville fut reliée au faubourg formé au sud. Les murs suivaient la côte, et protégeaient les navires ancrés dans le port.

Le prof. Gabrici croit que les remparts de la ville au V siècle renfermaient les hauteurs de S. Giovanni Maggiore et de Santa-Maria la Nuova, et se reliaient à l'ancien mur grec près de S. Pietro a Maiella. (Cf. Notizie degli scavi di antichità communicate alla R. Accademia dei Lincei, 1902, VI livraison, p. 288—311).

Péloponnèse. — Le comte Ormesson, ministre de France à Athènes, dans une lettre envoyée au ministre des affaires étrangères au commencement de 1902, parle longuement des monuments du moyen âge conservés dans le Péloponnèse et remontant à l'époque des Villardhouins. Il y parle surtout de la forteresse Kloumusi à Élée. Le gouvernement grec a pris dernièrement des mesures pour la conservation de ce célèbre monument.

Salonique. — Le «Phare de Salonique» (6 septembre, 1902) annonce que dans le village de Koniskeui on a découvert les ruines d'une ancienne église byzantine. Au même endroit les fouilles ont mis au jour trois icônes byzantines, représentant la Sainte-Vierge, Saint-Athanase, et la naissance de Notre Seigneur, et plusieurs objets, entr'autres une jarre d'huile et une lampe en terre cuite.

Au commencement de cette année, M. Schlumberger a communiqué à l'Académie des inscriptions de Paris une série de belles aquarelles, donnant le résultat graphique d'une mission de l'été dernier dans la partie nord-est du vilayet de Salonique. Cette mission, dirigée par Messieurs Perdrizet et Chesnay se proposait d'étudier les monuments civils et religieux d'origine byzantine des villes de Serrès et de Mélénic. Les résultats de cette mission, surtout dans la dernière ville, ont été très importants au point de vue de la connaissance de l'art byzantin dans ces régions. M. M. Perdrizet et Chesnay ont étudié plusieurs églises fort curieuses par leur architecture et leur décoration; ils y ont aussi reconstitué une habitation seigneuriale byzantine. (Voyez p. 583 et 635).

Thassos. — Il y a quelques années M. Théodore Bent pratiquait des fouilles à Port Thassos, ancien chef-lieu de l'île et mettait au jour des statues et des inscriptions de l'époque romaine et des premiers siècles du christianisme. Ces fouilles se continuent à présent, et ont amené à la dé-

couverte de plusieurs sarcophages du II ou du III siècle de notre ère. Un de ces sarcophages porte un crucifix; on y lit le nom de Cassius. (Stamboul, 1-er octobre, 1902).

Tralles. — Les fouilles qui ont lieu actuellement dans cette ville sous la direction d'Edhem-bèy donnent de très-beaux résultats. Vingt-cinq ouvriers y travaillent. En certains endroits on a atteint la profondeur de 5 mètres, en d'autres on est arrivé jusqu'à 8 mètres. On a découvert deux murs parallèles byzantins; ces murs se trouvent près des ruines de l'église et des catacombes découvertes en 1881. Dans les décombres on a recueilli quelques lampes en terre cuite, des vases, des fragments d'inscriptions. Les fouilles ont aussi mis au jour les deux côtés en marbre blanc d'un trône byzantin, lesquels aboutissent à des colonnes d'une hauteur de 1 $\frac{1}{2}$ mètre. Le côté droit montre à sa base un bas-relief, représentant un berger tenant sur ses épaules une brebis, et ayant un chien auprès de lui. Le côté gauche, orné des mêmes frises que le côté droit, dans un autre bas-relief montre un berger s'appuyant sur sa houlette. Il n'a pas de brebis sur ses épaules; son visage est tourné pour regarder derrière lui. Ces deux fragments, avec d'autres pierres, ont été envoyés au musée impérial de Constantinople. (Stamboul, 4 octobre, 1902).

Trikala. — Dans les ruines d'un vieux château romain, surplombant la ville de Trikala en Grèce, et bâti sur une colline dite Kozana, on vient de découvrir des objets provenant d'un temple antique, et dont les inscriptions donnent à supposer qu'il était dédié à la déesse Artémis. Les fondations de ce temple portent des plaques ornées de croix byzantines, ce qui porterait à croire que dans des temps postérieurs, il a été transformé en église byzantine. (Stamboul, 11 octobre 1902).

A. P.

Le prof. Lambakis et son voyage archéologique en Turquie. — M. Lambakis, professeur d'archéologie chrétienne à l'université d'Athènes, et directeur du musée chrétien de cette ville, a dernièrement entrepris un voyage archéologique à Constantinople et à Salonique. Son but était d'y étudier les monuments chrétiens, et en particulier ceux d'origine byzantine. A Constantinople il a commencé par visiter l'église patriarcale du Phanar. Ses recherches ont été en maints endroits couronnées de succès.

A l'église du Phanar, au dessous de l'autel, il a découvert une petite colonne qu'il a reconnue comme une de celles qui recouvraient un puits dans les anciennes églises. Le puits a été en effet retrouvé sous la colonne. Il a une profondeur de 9 m. 5 avec une nappe d'eau d'une épaisseur de 2 m. 40. Une mitre conservée dans le trésor du patriarcat, et qu'on faisait remonter à S. Jean Chrysostome, provient, de l'avis de M. Lambakis, de Géorgie. A Aïvan-Séraï, le distingué archéologue a étudié un baptistère très ancien, remontant à l'époque où le baptême des enfants n'avait pas encore été introduit. Il a visité les mosquées de Kahrié et de Ste-Sophie, et dans celle-

ci, a copié des inscriptions et pris des dessins. A Bostandjik, il a déclaré que la construction souterraine de ce village, donnée dans les guides comme une église, était plutôt une citerne. A Maltépé, il a découvert, dans l'église de la Rédemption, des débris de l'architecture des premiers siècles du christianisme. Dans cette localité la religion chrétienne aurait été introduite avant que de l'être Byzance même (Stamboul, 25 octobre, 1902).

A Salonique, le prof. Lambakis a visité les monuments chrétiens de la ville. Ensuite il s'est rendu à Galatitza, où il a trouvé un matériel archéologique important. Toujours aux frais de la Société d'Archéologie chrétienne d'Athènes, il a visité l'éparchie et la ville de Serrès. Dans la ville, c'est surtout la cathédrale qui a été l'objet de ses études. C'est un édifice du XII—XIII siècle. Sur un des côtés du clocher, on remarque une icône de la Sainte Vierge avec l'épithète d'ἀκαταμάχητος, épithète que le prof. Lambakis déclare n'avoir jamais rencontrée auparavant.

M. Tsikopoulos, qui, pendant de longues années, s'est appliqué à l'étude des antiquités chrétiennes de Serrès, a bien voulu servir de guide au professeur d'Athènes. Il l'a accompagné dans sa visite à la cathédrale, qui, au dire de M. Lambakis, ἐκπέμπει τὸ ἄρωμα τῆς ἀρχαιότητος. Ce qu'on y admire surtout c'est une croix byzantine. Celle-ci révèle l'influence de deux époques diverses. Un de ses morceaux est très ancien; l'autre remonte à une date plus récente, et sa valeur artistique est de beaucoup moindre. Les ornements sacrés forment aussi une superbe collection. Le trésor de cette église ἀποτελεῖ μίαν ἐκ τῶν πολυτιμωτέρων χριστιανολογικῶν συλλογῶν. Le Dr. Lambakis a tiré plusieurs vues photographiques de diverses parties de l'église, et recueilli beaucoup de notes sur ses richesses. Ses impressions, il les a communiquées à un rédacteur du «Constantinopolis» (19 octobre, 1902) Il faut espérer qu'il publiera un compte-rendu de son intéressante excursion dans le Δελτίον de la Société d'Archéologie chrétienne d'Athènes, qui, à vrai dire, se fait attendre depuis 1894.

A. P.

Le IX centenaire de la fondation de l'abbaye de Grottaferrata. — Il s'est formé à Rome un comité d'illustres personnages pour célébrer le IX centenaire de l'abbaye de Grottaferrata, si célèbre dans l'histoire du monachisme grec en Italie. S. Nil de Rossano, après son départ de la Calabre, se retira à Tusculum et donna ordre à ses disciples d'élever un couvent dans l'endroit qu'il avait désigné. Il exprima en même temps le désir que ses dépouilles mortelles fussent déposées dans l'église de la nouvelle abbaye. Ses dernières volontés furent respectées. Les disciples du saint inhumèrent son corps dans une petite chapelle dédiée aux saints martyrs Hadrien et Natalie (26 septembre 1004). En l'honneur du saint higoumène fut plus tard érigée la chapelle farnésienne, que l'on regarde à bon droit comme une merveille d'art et de richesse. Le tombeau de S. Nil et l'ancienne édicule qui le renfermait se trouvent actuellement dans l'enceinte du presbytère

de la chapelle Farnese. La basilique à trois nefs surgit sur les ruines des villas romaines, dont les marbres brisés servirent à augmenter sa magnificence et ses richesses artistiques. La villa de Cicéron y fournit des colonnes en marbre.

Les moines de l'abbaye de Grottaferrata, au nombre de 25, gardent le rite grec, et, ce qui est plus, les nobles traditions littéraires de leurs ancêtres. Ce sont le seul soutien et la seule gloire de l'ordre basilien en Italie. Dans leurs rangs ils comptent des noms illustres dans les sciences byzantines, entr' autres les pères Rocchi et Cozza-Luzi (Cf. Kyriakidès, *Περὶ τοῦ ἐλληνικοῦ κοινοβίου τῆς Κρυπτοφάρης*, Ἀρμονία, 1901, n. 6—7, p. 241—257).

Le comité mentionné plus haut est présidé par Son Em. le Cardinal Seraphim Vannutelli. Les vice-présidents sont au nombre de trois: Mgr. Francesco Sogaro, archevêque d'Amyda, Dom Hildebrand de Hemptinne, primat de l'ordre bénédictin, et D. Arsène Pellegrini, abbé de Grottaferrata.

La première réunion eut lieu le 20 juin 1902. Le Revme P. Pellegrini exprima sa reconnaissance au Saint-Siège pour la protection accordée à son abbaye, qui rappelle les gloires de l'ordre basilien en Italie. On procéda ensuite à la formation de plusieurs sections dans le but surtout d'éditer des travaux concernant l'histoire de Grottaferrata. Mgr. Duchesne, Mgr. Marini, directeur du Bessarione, et le Revme P. Pellegrini furent élus présidents de ces sections. Le «Bessarione» a été choisi comme organe officiel du comité; ce qui regarde l'art byzantin et la reproduction des monuments élevés par les Basiliens d'Italie, est confié au «Cosmos Catholicus», magnifique revue illustrée qui paraît à Rome (Cf. Bessarione, 1902, 2-me série, vol. II, p. 374—375).

Pour mieux atteindre son but, le comité a commencé la publication d'un bulletin illustré sous ce titre: *S. Nilo di Rossano e le badia di Grottaferrata (Nel nono anno centenario)*. Ce bulletin traitera de préférence les sujets suivants: historiographie de S. Nil; la Calabre au X siècle; le gouvernement byzantin dans l'Italie méridionale; les incursions des Sarrasins; l'histoire de Rossano; la jeunesse de S. Nil; sa vocation; sa demeure en Calabre; ses disciples; ses relations avec les saints personnages de son époque; son patriotisme; ses relations avec les Sarrasins; la renommée de sa sainteté au mont Athos et à Constantinople; la grotte de S. Démétrius Corone; les relations du saint avec les religieuses, et avec le juifs; son ascétisme; ses instructions spirituelles; son zèle pour la culture grecque; les codices copiés par lui; son départ de la Calabre; ses visites au Mont-Cassin; ses écrits en l'honneur de S. Benoît; sa retraite à Valleucio; son séjour à Rome; le monastère des Trois Fontaines; sa retraite à Serperi près de Gaète; la visite de l'empereur Othon III. . . .

C'est ici que s'arrête la série des sujets du n. 4 du bulletin. Elle continuera dans les livraisons suivantes.

Le bulletin se propose de mettre en lumière les mérites et les oeuvres posthumes dérivés de la sainteté et du zèle de S. Nil. Dans les quatre li-

vraisons qui ont paru jusqu'à maintenant nous remarquons des notices sur la fondation de l'église de Grottaferrata et Saint-Nil; sur le tableau de Zampieri retraçant la rencontre de S. Nil avec l'empereur Othon III; sur le nom de baptême de S. Nil; sur la jeunesse du saint; sur les *Tusculani* et l'abbaye de Grottaferrata; sur les hymnes de Saint-Nil. Le bulletin est illustré, et publie aussi des pièces de vers en l'honneur du saint. Nous y remarquons plusieurs sonnets du prof. Massi sur Grottaferrata; la traduction latine et italienne de l'ode grecque des cardinal Sirleto sur la mort de S. Nil; une ode italienne de Mgr. Agostino Bartolini sur S. Nil et Rome. Le poète termine ainsi son envolée lyrique: «Que la prière et le rythme de Basile retentissent encore dans la retraite historique, qui se vante de tirer fer l'origine de son nom (*ferrata*), et participe à la solidité du fer. Puisse l'art couronner ici de verdoyants lauriers le front du génie italien, hardi et brillant; puisse de cette retraite le rayon embrasé de l'Orient se répandre au loin».

A l'occasion du IX centenaire, on procédera aussi à des travaux de restauration et d'embellissement dans la basilique de l'abbaye (Cf. *Civiltà cattolica*, 1902, 1-er novembre, p. 360). — Le bulletin est envoyé gratuitement à ceux qui en font la demande à Rome.

A. P.

Les documents orientaux des Archives d'État de Venise. Les Archives d'État de Venise possèdent une collection précieuse de documents orientaux, un millier environ de diplômes turcs contenant la correspondance politique et administrative de la Turquie avec Venise, depuis l'an 1500 jusqu'à la fin de la république. Plusieurs de ces documents sont rédigés en arabe et en persan; quelques uns, en grec, remontent à l'an 1400. Au point de vue historique, ont un grand intérêt les capitulations, traités et conventions, signées par les deux puissances dans le cours de trois siècles. Le plus ancien de ces documents remonte à l'an 908 de l'hégire (1502). La collection est presque inexplorée. C'est à peine si Hammer a utilisé quelques pièces dans son Histoire de l'empire ottoman. Ils pourraient faire l'objet d'une publication importante dans le genre de celle que nous devons à M. Amari sur les relations entre les républiques de Pise et de Gênes et les Arabes. Le Ministère de l'Instruction publique italien vient de charger de l'étude de ces pièces le distingué professeur de turc à l'Institut oriental de Naples, M. Luigi Bonelli.

A. P.

Chez les Grecs de Constantinople.

Les cratères éteints, lorsqu'ils se rallument, ne le font généralement pas, semble-t-il, pour plaisanter. On voudrait pouvoir en dire autant de l'Εραιρία τῶν μεσαιωνικῶν ἐρευνῶν de Constantinople. Eteinte, la chère So-

ciété l'était on ne peut mieux: même la petite lampe de terre cuite qui lui sert de symbole se sentait des airs d'ironie à brûler d'une flamme vacillante sur les scellés de sa bibliothèque. Tout d'un coup, en novembre 1901, signes de vie. «Qu'y a-t-il? — C'est, nous répond M. Gédéon, c'est ma Μεσαιωνολογική εταιρία qui entre dans une nouvelle période d'activité». Hélas! cette Montagne Pelée a eu vite fait de jeter son feu: une lueur, deux lueurs, puis plus rien. Elle n'était point, que voulez-vous, de la race des grands volcans. Peut-être même n'était-elle pas un volcan du tout. En tout cas, elle n'a point embrasé, tant s'en faut, le ciel du byzantinisme, et je ne vois à lui convenir que ce mot du poète: «la montagne en travail enfante une souris».

La souris, cette fois, ç'a été un nouveau règlement, le sixième de son espèce. Kanonismos VI, ainsi qu'on l'appellera dans l'histoire, Kanonismos VI a eu, comme de juste, ses premiers sourires pour le bureau de la Société, surtout pour M. M. Gédéon, président, pour M. E. Tapeinos, Vice-président, pour M. B. Palamidès, secrétaire général, pour M. E. Rhaptopoulos, secrétaire particulier. De leur côté, désireux de montrer le bel enfant, ces messieurs ont convoqué à deux reprises l'élite de Constantinople dans la grand'salle de la Grande Ecole de la Nation. Le 11/24 novembre, une fois Kanonismos VI admiré, M. M. Gédéon a lu un long discours d'ouverture intitulé: Καινοφανής άνασχοπή παλαιών ιστορικών μνημείων. Cette conférence, d'après la lettre d'invitation, aurait dû donner lieu entre archéologues de céans à un très intéressant échange de vues περί των ὧδε καίεσσι εύρισκομένων μνημείων τῆς χριστιανικῆς τέχνης καὶ γραμματολογίας, καὶ τῆς διαφυλάξεως αὐτῶν; mais il ne me paraît point, et je le regrette, que cette partie du programme ait reçu tous les développements qu'elle comportait. Le 2/15 décembre, une fois Kanonismos VI réadmiré, l'assistance s'est empressée de prêter l'oreille aux communications de M. L. Zoès sur les Βυζαντινά λείψανα Ζακύνθου, de M. M. Gédéon sur les Χριστιανικαὶ ἀρχαιοότητες Γαυχωρών et de M. K. Psakhos sur un Ποίημα ἀρχαίον χαρακτηρίζον τὰς ἑλληνίδας τῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει συνοικιῶν. A ce dernier morceau, qui médissait de leurs aînées d'il y a cent ans, les dames présentes ont fait, comme il fallait s'y attendre, le plus vif succès, et messieurs les austères méssaïoniques aussi, bien qu'ils n'y aient sans doute pas trouvé beaucoup de renseignements sur la Byzance médiévale.

Et maintenant? Maintenant la souris est née, sa venue au monde a provoqué deux réunions, cela suffit. Pourquoi tenir de nouvelles séances? Ne faut-il pas laisser la montagne en repos jusqu'aux jours encore lointains où les temps seront venus pour elle d'enfanter Kanonismos VII?

Si la Μεσαιωνολογική εταιρία rallumée n'a rien eu d'un volcan sérieux, la rédaction de l'Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια n'est pas davantage un foyer de byzantinisme. D'aucuns avaient espéré qu'elle ne tarderait pas à le devenir en voyant, au mois de juillet 1902, M. M. Gédéon y remplacer comme directeur M. A. Pipéras. Que celui-ci remplit son fascicule hebdomadaire à peu près exclusivement de sermons ou de données quelconques sur le Vieux-

Catholicisme, cela se comprenait sans peine de la part d'un diacre très préoccupé de jouer au théologien et très fier d'avoir suivi les cours du Dr E. Michaud à Berne. Avec M. M. Gédéon, au contraire, l'on pouvait attendre moins d'homélies et plus de documents, moins d'importance prêtée aux Vieux-Catholiques de la Suisse moderne et plus d'attention donnée aux grands événements religieux de la Byzance médiévale. Or, cette espérance, le nouveau directeur ne l'a point tout à fait remplie. Non pas, certes, qu'il dût transformer l'organe du patriarcat oecuménique en une revue byzantine et faire mentir la très juste parole de S. S. Constantin V qui, encore patriarche, disait un jour: «*Ἡ Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια* n'est pas un *μεσαιωνολογικὸν μουσεῖον*». Mais, entre les deux extrêmes, il y a de la place pour un juste milieu. C'est ce juste milieu que les amateurs du passé, friands d'histoire, attendaient. Ils l'attendent encore. Du moins, si un changement s'est produit, que nous sommes heureux d'applaudir, il n'en reste pas moins beaucoup à faire encore pour que le périodique du Phanar redevienne ce qu'il a été durant quelques années, je veux dire une revue indispensable aux vrais byzantinistes. Ceux-là seuls, pour le moment, y trouvent parfois à s'instruire, dont le byzantinisme va de l'an 1600 à l'an 1902.

En dehors de l'*Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια*, la seule revue grecque de Constantinople est la *Βοσπορίς*. Elle a, par malheur, un nom où tout est fleurs et parfums, un nom trop poétique et trop frais pour s'en aller secouer la poussière des siècles vieillis et toucher aux débris des choses mortes. Il y a bien aussi le *Παιδικὸς κόσμος*. Mais son titre, en disant qu'il s'adresse aux enfants, dit assez par le fait même qu'on ne saurait lui demander de savantes études sur Byzance. Ne demandez pas davantage de pareilles études à nos cinq journaux quotidiens imprimés en grec. Consacrer de temps à autre une colonne ou deux à des questions point modernes ou point classiques, cela n'est pas plus dans les traditions du *Ταχυδρόμος* que dans celles de la *Κωνσταντινούπολις*, pas plus dans les habitudes de la *Νέα Ἐφημερίς* ou de la *Βυζαντίς* que dans celles de la *Πρόδος*. Autrefois, M. S. Boutyras savait faire, le cas échéant, une petite place aux recherches byzantines dans son *Νεολόγος* et surtout dans sa *Νεολόγου ἑβδομαδιαία ἐπιθεώρησις*. Mais, de ces deux publications, l'hebdomadaire ne dura que du 27 octobre (8 novembre) 1891 au 25 décembre 1894 (6 janvier 1895), et la quotidienne fut réduite, lors de la dernière guerre helléno-turque, à transporter ses bureaux dans les murs d'Athènes. Depuis, adieu tout ce qui pourrait intéresser l'historien ou l'archéologue, le géographe ou le topographe, l'épigraphiste ou le numismate, l'homme, pour tout dire d'un mot, simplement instruit qui porte quelque attention au passé complexe et divers de Constantinople.

Si les Grecs qui tiennent une plume sur les rives de la Corne d'Or négligent si fort de regarder parfois en arrière dans l'histoire d'une ville et d'un empire qui leur touchent de si près, la faute n'en est point, comme on pourrait être tenté de le croire, à la sévérité des réglementations qui régissent les choses de la presse en Turquie. Les questions politiques ou con-

nexes à la politique ne sauraient, à coup sûr, y être traitées sans provoquer l'intervention d'une censure ombrageuse. Mais, hors ce domaine réservé, que de points où le journaliste aurait champ libre! En fait, si Byzance n'est presque jamais à Constantinople l'objet d'un article érudit, la faute en revient presque uniquement à l'état d'âme du peuple grec lui-même, j'entends du peuple grec fixé dans l'Empire ottoman, tant dans la capitale que dans les provinces. Ce peuple, qui a toujours beaucoup plus aimé parler que lire, ne s'intéresse guère, quand il lit histoire, qu'aux gloires de l'antiquité païenne ou aux scandales de l'heure présente. Dites-lui comment Thémistocle vainquit à Salamine ou comment les pieux paroissiens de Tatavla bataillent contre leur pasteur, il vous suivra jusqu'au bout; touchez-lui un mot de la Constantinople passée, il s'empressera de vous planter là. Et cette disposition du public en impose nécessairement aux publicistes, lesquels d'ailleurs, point docteurs ès-sciences médiévales, ne sont que trop heureux de ne pas avoir à se perfectionner dans ce sens.

Aussi bien, la vie intellectuelle grecque de Constantinople, telle qu'elle se manifeste par les journaux, paraît s'être exercée à peu près uniquement, ces temps derniers, sur les deux questions, également brûlantes, de l'enseignement scolaire et de la diglossie. Comment les écoles seront organisées, nous n'avons pas à nous en occuper ici, sauf peut-être pour remarquer en passant combien, dans leurs divers projets de programmes, les Grecs d'aujourd'hui font la part petite à leurs aïeux des temps chrétiens. La question de la diglossie, au contraire, devrait nous arrêter plus longtemps, car la philologie néo-grecque prolonge si bien la philologie byzantine qu'elle se confond presque, pour ainsi dire, avec elle. Malheureusement, sur ce point, les Grecs de Constantinople ne sont pas plus raisonnables, tant s'en faut, que ceux d'Athènes. A part un petit groupe, où je suis heureux de saluer le Dr Photiadis, ils interviennent tous dans la querelle en chauvins qui croiraient, je ne sais pourquoi, la cause de l'hellénisme contemporain à tout jamais perdue, s'ils avouaient, d'accord avec l'évidence, qu'il existe deux langues chez eux: une langue morte, le grec; une langue vivante, le româque. C'est dire que leurs articles, si longs et si nombreux soient-ils, ne peuvent que faire hausser les épaules à quiconque estime qu'un patriotisme mal entendu ne saurait tenir en échec l'impérieuse loi de l'évolution des langues.

C'est l'entrée en lice de M. K. Krumbacher, au mois de novembre dernier, qui a, une fois de plus, remis la question à l'ordre du jour. Son discours à l'Académie royale de Munich était trop sensé pour ne pas déplaire souverainement à nos philologues. Un d'entre eux—ce même individu, oh ironie! composait dès le lendemain un long article de fond pour démontrer que les petits maîtres d'école ne sont pas à leur place dans les bureaux de rédaction,—un d'entre eux, rédacteur attitré de la *Κωνσταντινούπολις*, y est allé d'une colonne et demie pour réfuter l'illustre professeur. Krumbacher, a-t-il écrit, subit l'influence du psycharisme; Psychari, en sa double qualité

de Grec et d'homme répandu dans les cercles universitaires d'Europe, en est arrivé à lui faire adopter ses vues. Belle trouvaille, vraiment! Et vraiment, il ne fallait rien moins que la suffisance d'un petit plumitif constantinopolitain pour laisser entendre ainsi qu'un Krumbacher n'est pas de taille à parler d'après des idées personnelles et raisonnées sur une question de philologie néo-grecque!

À côté de ses périodiques, je veux dire de ses revues et de ses journaux, la Constantinople grecque possède deux publications qui, pour paraître à des dates indéterminées, ne méritent pas moins d'être signalées ici. Elles ont cela d'intéressant pour nous, en effet, qu'elles sont les organes officiels de deux sociétés savantes où l'on fait preuve de quelque vie et où l'on s'occupe parfois de Byzance: l'Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς σύλλογος d'une part et l'Ἐκκλησιαστικὸς μουσικὸς σύλλογος d'autre part.

Le Syllogue musical, pour commencer par le plus jeune des deux, ne remonte qu'au mois de juillet 1898. Dès février 1899, il a fondé une école de chant ecclésiastique dite Μουσικὴ σχολὴ τοῦ μουσικοῦ συλλόγου, laquelle, aujourd'hui très prospère, prend ses élèves et donne ses leçons, deux fois par semaine, dans la Grande Ecole de la Nation. En janvier 1900, il a publié pour la première fois le bulletin destiné à recueillir, avec les procès-verbaux de ses réunions, les principaux travaux de ses membres. Ce bulletin, qui en arrive à son quatrième fascicule, n'est autre chose d'après son titre qu'un supplément à l'Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. En fait, il se distingue beaucoup de la revue patriarcale, tant parce qu'il paraît à part que parce qu'il paraît en un format très différent. Son sous-titre, précis et long, est celui-ci: Ἐργασίαι τοῦ ἐν ταῖς πατριαρχείαις ἐδρεύοντος καὶ δυνάμει ὑψηλῆς κυβερνητικῆς ἀδείας λειτουργοῦντος ἐκκλησιαστικοῦ μουσικοῦ συλλόγου.

Dès le début, en se plaçant sous le patronage de saint Jean Damascène, le Syllogue musical voulut que la fête du saint fût sa propre fête et, comme celle-ci est solennisée en Orient le 4 décembre, il prolongea sa première session annuelle jusqu'en décembre 1899. C'est donc la cinquième année qui va s'ouvrir pour lui le 4/17 décembre 1902. Déjà ont eu lieu, le 14/27 novembre, les élections accoutumées pour le renouvellement de son bureau et de ses commissions. Car il faut dire que le Syllogue musical, en dehors d'un bureau fortement constitué, comporte quatre commissions permanentes. La première a dans ses attributions de veiller sur l'Ecole de chant ecclésiastique. À la deuxième incombe la rédaction du bulletin. La troisième est chargée de donner son avis sur les productions musicales présentées au jugement du Syllogue ou sur les discussions engagées par devant lui. La quatrième est un jury qui règle les conditions des concours à établir et classe les travaux des concurrents.

En 1903, par suite des dernières élections, les cadres du Syllogue vont être constitués comme suit:

Bureau: M-gr Alexandre de Néocésarée, président; M-gr Nicéphore de Lititsa, premier vice-président; M. G. Biolakès, second vice-président; M. G.

Papadopoulos, secrétaire général; M. Ph. Papadopoulos, secrétaire particulier; M. M. Basileiou, trésorier; M. M. Néoklès, gardien de la bibliothèque et des collections.

Première commission: M-gr Alexandre de Néocésarée, président; M-gr Michel Kléoboulos de Sardes, M-gr Méliassène de Pamphile, MM. N. Néoklès et K. Zakhariadès, membres.

Deuxième commission: M. M. Basileiou, président; MM. N. Basileiadès, G. Papadopoulos, Kh. Papaïoannou, G. Naupliotès, G. Pakhtikos et M. Mourkidès, membres.

Troisième commission: M. G. Biolakès, président; MM. N. Néoklès, M. Basileiou, Kh. Papaïoannou, P. Pakheidis, L. Nikoklès, B. Panoikidès, N. Kamarados, J. Naupliotès, Ph. Papadopoulos, S. Anastasiadès et G. Papadopoulos, membres.

Quatrième commission: M. G. Papadopoulos, président; MM. G. Biolakès, M. Basileiou, Kh. Khadjikhrestou, Kh. Papaïoannou, N. Kamarados et E. Papadopoulos, membres.

Et maintenant ne demandez point quelles relations ce Syllogue peut bien avoir avec le byzantinisme. Il est de toute évidence, en effet, que la musique dans l'Eglise grecque ne se laisse point approfondir sans obliger à d'incessants retours en arrière sur les oeuvres théoriques de l'antiquité et les productions musicales du moyen-âge. De plus, même sans parler des problèmes de musique proprement dite, comment le musicologue grec d'aujourd'hui ferait-il un seul pas dans son domaine sans toucher du pied à quelque question d'histoire littéraire byzantine, surtout d'hymnographie? Un exemple de ce fait, s'il en était besoin, serait fourni par le double sujet que le Syllogue vient de mettre au concours deux années de suite: 1) *Quel est le rythme poétique de l'Octoékhos et quelle sa primitive ordonnance par stiques?* 2) *Existe-t-il un rapport entre le rythme poétique de l'Octoékhos et son rythme mélodique?*

Les deux questions ci-dessus sont celles du Κωνσταντινέιον διαγώνισμα, ainsi appelé parce que M-gr Constantin V, grand bienfaiteur du Syllogue après comme pendant son patriarcat, s'en est fait le généreux Mécène. Le prix, qui est de 10 livres anglaises, aurait dû être attribué en décembre 1901. Comme personne encore, à la date fixée, n'avait déposé le moindre travail sur le bureau de la commission, le concours est resté ouvert jusqu'au 19/28 novembre 1902. Et il semble que, cette fois, l'abstention des concurrents n'a point persisté, car le jury a déjà trouvé matière à se réunir le 18 novembre—1er décembre.

Du Syllogue musical passons au Syllogue philologique. L'Ελληνικός φιλολογικός σύλλογος, ce Nestor des Syllogues grecs de Turquie, se trouve dans sa quarante-deuxième année depuis le 2/15 juin 1902. Ce jour-là, dimanche de la Pentecôte, a eu lieu le changement de son bureau: en présence de S. S. le patriarche oecuménique Joachim III, M. G. Apostolidès, président sortant, a rendu compte des faits et gestes de la Société durant

les douze derniers mois écoulés et M. M. Psalidas, nouveau président, a donné lecture, selon l'usage, d'une conférence.

Περὶ τῶν προόδων τῆς χειρουργικῆς θεραπείας, tel a été le titre de la conférence en question. Le but en était, paraît-il, de célébrer les triomphes du bistouri depuis le jour où Lister, s'appuyant sur les découvertes de Pasteur, introduisit l'antisepsie dans les opérations chirurgicales. Cela date, on le sait, de 35 ans à peine. Néanmoins le docte conférencier a cru nécessaire de prendre la question deux douzaines de siècles plus tôt. S'il nous a fait grâce des procédés en usage dans l'Inde et l'Egypte des temps nébuleux et même dans la Grèce héroïque, il n'a pas consacré moins des trois quarts de son discours à montrer comment Hippocrate et Galien employaient déjà quantité d'antiseptiques. Très intéressante conférence, on le voit, mais à laquelle malheureusement nous ne pouvons nous attarder davantage, pressés que nous sommes de mettre à profit les renseignements fournis par le compte rendu de M. G. Apostolidès.

Au 2/15 Juin 1902, dit ce compte rendu, le Syllogue comptait 255 membres, dont 40 élus durant l'année 1900—1901 et 45 durant l'exercice 1901—1902. Parmi les nouveaux membres ordinaires, le rapporteur se plaît à citer M. L. von Zépharovich, consul d'Autriche-Hongrie à Constantinople, l'archimandrite Ionas, aumônier de l'ambassade russe près la Sublime-Porte, le diacre Mihrof. Parmi les nouveaux membres honoraires, il donne une mention spéciale à M. G. de Weckherlin, ambassadeur de Hollande à Constantinople, à S. B. M-gr Damien, patriarche de Jérusalem, à M. Kléon Rhangabe, ministre de Grèce à Berlin.

Les sociétaires décédés pendant l'année sont l'objet d'un souvenir ému. C'est lord Dufferin, autrefois représentant de la Grande Bretagne près le Sultan. C'est Jules Girard, l'helléniste de l'Université de Paris. C'est S. Mavrogénès pacha, médecin particulier de S. M. le Sultan, un des membres fondateurs et des anciens présidents du Syllogue. C'est Kh. Tserlentès, mort en Roumanie, un des bienfaiteurs de la Société. C'est le D-r A. Long, mort en Amérique, jadis un des membres les plus actifs de la commission archéologique. C'est N. Photiadès, ancien vice-président et conférencier très écouté du Syllogue. C'est enfin P. Stéfanovich-Schilizzi, le richissime banquier dont le Syllogue, remarque amèrement le rapporteur, ne put jamais tirer autre chose que sa livre turque de cotisation annuelle.

Vous devinez à cette réflexion que l'Ελληνικός φιλολογικός σύλλογος, lorsqu'il envoie son diplôme à tel ou tel richard, ne vise pas uniquement à augmenter le trésor de ses gloires littéraires. Dame! il faut vivre. Et pourquoi, si les finances ne devaient pas s'en ressentir un peu, avoir des membres honoraires? Aussi bien, les seules ressources assurées du Syllogue se réduisent aux cotisations de ses associés. Plus le nombre de ceux-ci est considérable et plus facilement s'équilibre son budget. Voilà pourquoi un total de 255 membres ne suffit pas; voilà pourquoi, a déclaré M. G. Apostolidès, la besoin s'impose d'en porter le nombre à 500.

Le Syllogue vaut par les livres de sa bibliothèque, par les périodiques de sa salle de lecture, par les antiquités de ses collections, par les conférences de ses séances publiques, par les travaux de ses commissions.

Enrichie déjà des 2760 volumes que le testament de J. Balettas lui a récemment laissés, la bibliothèque du Syllogue s'est encore accrue en 1901—1902 d'une manière fort sensible. Divers dons venus de droite et de gauche lui ont apporté 226 volumes. Par ailleurs, tout ce que S. Mavrogénès-pacha avait de livres lui a été cédé par la famille: 1126 exemplaires des oeuvres du défunt, 60 volumes turcs, 1396 volumes non turcs reliés, 379 brochures. A. Mavrogénès-bey, celui des fils du pacha qui gouverne actuellement Samos, y a même ajouté 45 volumes qui étaient sa propriété particulière. Cet ensemble, pour le plus grand bonheur de la section biologique, se compose presque uniquement d'ouvrages de médecine. Il n'en sera pas de même, déclarent non sans plaisir les autres sections, de la bibliothèque léguée par M. J. Aristarkhès, ex-ambassadeur de Turquie à Berlin, bibliothèque précieuse, dit-on, mais dont on ne connaîtra bien l'importance et la valeur que lorsqu'elle aura été l'objet d'un inventaire. Jusqu'à ces derniers mois, certain procès engagé par devant les tribunaux de Wiesbaden avait empêché le Syllogue d'entrer en sa possession.

A ce retard, d'ailleurs, nul n'a perdu. Séquestrés en Allemagne, les livres d'Aristarkhès ne rendaient pas moins de services aux travailleurs constantinopolitains que ceux de Balettas, déposés au Syllogue. C'est que, depuis des années, faute de local et faute de meubles, presque toutes les acquisitions livresques de la Société restaient, parfaitement inutiles, soit enfermées en des caisses, soit empilées en des coins. Pour leur faire une place, il fallait, au témoignage de M. G. Apostolidès, quelque chose comme 4000 francs. Depuis, soit que l'on ait trouvé l'argent nécessaire, soit qu'on y ait suppléé par une combinaison quelconque, plusieurs des caisses en souffrance ouvrent peu à peu leurs flancs et bientôt, au moins en ce qui la regarde, la belle collection d'ouvrages réunie par J. Balettas pourra, semble-t-il, être utilisée.

Ici, un bon point à M. K. Kokkolatos, éphore ou commissaire de la bibliothèque. Ce vaillant, aidé d'un seul bibliothécaire salarié, n'a pas reculé devant la tâche vraiment herculéenne, paraît-il, de mettre en ordre 2000 volumes que ses prédécesseurs avaient laissé s'entasser pêle-mêle dans un galetas. Mais aussi la Providence, qui est bonne mère, n'a pas manqué de récompenser tant de courage. Un lot de 80 volumes existait au Syllogue, donné jadis par A. et E. Maurocordatos. Ces volumes, perdus de vue à une certaine date, étaient recherchés depuis cinq ans. Pour mieux dire, après toute une série d'investigations vaines et d'enquêtes inutiles, tout le monde les considérait comme passés aux mains de quelque voleur et l'on ne parlait guère plus d'eux que pour vouer cet indélicat aux malédictions des 318 Pères de Nicée. Or, ces 80 désespérés, M. K. Kokkolatos

en a fait la découverte. Ils étaient simplement au Syllogue, bien ficelés ensemble, sous le tas des non classés. Gloire au découvreur!

A la bibliothèque du Syllogue, je puis en parler par expérience, on est toujours reçu avec une exquise amabilité, et, pour peu que l'on sache que tel ouvrage y existe sous tel numéro, on n'a pas de peine à en obtenir communication. Le règlement, plein de sagesse, ne laisse aucun volume franchir le seuil de la salle. Du moins, les Sociétaires sont-ils les seuls qui puissent, moyennant certaines conditions, emporter certains livres à domicile. Vingt-cinq d'entre eux l'ont fait pour 96 volumes ou brochures en 1901—1902. Par ailleurs, les doubles peuvent être distribués au dehors. Comme ils abondent, le bureau en offre chaque année quelques-uns aux établissements grecs qui les sollicitent. C'est ainsi que 282 inutilités ont pris leur essor à l'extérieur durant le dernier exercice. Souhaitons pour la présente année une distribution encore plus large qui, en débarrassant les rayons de toute encombrante non-valeur, laisse la place libre à de plus utiles nouveau-venus.

La salle de lecture annexée à la bibliothèque recevait, en juin 1902, un total de 33 périodiques, dont 11 journaux et 22 revues. Ces chiffres accusent, par rapport à juin 1901, une augmentation de 3 journaux, mais aucun changement pour le nombre des revues, et ce nombre est inférieur de moitié, exactement de 21, à ce qu'il était il y a dix ans. Quand les ressources du Syllogue augmenteront-elles assez pour lui permettre de prendre à nouveau les coûteuses revues spéciales supprimées par raison d'économie?

Les antiquités du Syllogue forment deux collections, l'une archéologique, l'autre numismatique.

A la collection archéologique appartiennent: des statues de marbre ou de pierre, des pièces sculptées et des inscriptions déposées dans la cour, au nombre de 22; des statues debout à l'entrée, au nombre de 3; des fragments de marbre ou de pierre, au nombre de 33; des briques à inscription, au nombre de 25; des lampes, des vases ou fragments de vases en terre cuite, en verre, etc., rangés dans quatre armoires, au nombre de 289. Dans cette dernière catégorie, les 44 derniers numéros, d'origine égyptienne, sont dus à une récente libéralité de M. J. Balabanès. Pour l'ensemble il n'existe d'autre catalogue descriptif que celui de M. A. Papadopoulos-Kérameus arrêté au № 102.

La collection numismatique contient les objets suivants: 2 monnaies d'or, 171 monnaies d'argent, 2 monnaies argentées, 856 monnaies de cuivre, 93 monnaies de bronze, 1 monnaie de plomb, 3 médailles, 20 bulles de plomb, 18 gemmes, 4 bagues, 2 feuilles de laurier en or, 1 drachme en cuivre, 1 idole féminine en cuivre. Soit, pour ne parler que des monnaies, un total de 1125 pièces. Cinq de celles-ci, données par M. A. Stéphanopoulos, représentent seules l'apport du dernier exercice. Pour elles, pas plus que pour le reste de cette collection, il n'a pas encore été dressé le moindre catalogue descriptif.

En revanche, le Syllogue possède un précieux cahier où sont couchées par écrit, en caractères épigraphiques, avec l'indication de leur provenance et le résumé des observations qu'elles ont provoquées, toutes ou presque toutes les inscriptions soumises depuis de longues années à sa commission archéologique. Ce recueil renferme jusqu'ici 1276 numéros. Puisse-t-il s'enrichir encore et sans cesse pour le plus grand bien des épigraphistes!

Passons maintenant aux réunions du Syllogue, à ses conférences, à ses travaux. Durant l'année 1901—1902, sans parler du bureau qui a eu à se consulter vingt fois, la Société a tenu 29 séances, dont 12 spéciales et 17 générales.

Les séances spéciales sont réservées de par le règlement aux communications d'ordre scientifique. Voici, sans grand commentaire, les communications de l'année:

1. Du Dr. K. Makrès: 'Ιστορικὰ καὶ τοπογραφικὰ μελέται περὶ Κυζίκου, durant trois séances;—2. De M. J. Méliopoulos: Ποῦ ἔκειντο αἱ 'Ρουφινιαναί, une première fois, et Ποῦ τὸ Νικητιζτον, une deuxième fois;—3. Du P. Alexandre de Lavra: Περὶ τῆς συνθήκης τῶν ἁγιοριτῶν πατέρων μετὰ τοῦ Στεφάνου κράλη τῆς Σερβίας;—4. Du P. C. Tondini de Quarenghi: La mesure du temps; 5. De M. Kh. Pantazidès: Περὶ τοῦ ἐν Παιρισίους διεθνοῦς τὸ 1900 συνεδρίου τῆς μέσης παιδείσεως καὶ τῶν τελευταίων παιδευτικῶν μεταρρυθμίσεων;—6. De M. J. Karolidès: Περὶ παθῶν κατ' Ἀριστοτέλην;—7. De M. M. Paranikas: a) 'Επιγραφή Τραπεζοῦντος, b) 'Ιωάννης Καρυοφύλλης, c) 'Ο παφλαγονικός διάκοσμος, d) Νομίσματα Τραπεζοῦντος, e) Τὸ σπήλαιον τοῦ ἁγίου Εὐγενίου ἐν Τραπεζοῦντι;—8. De M. Panagiotidès: Περὶ τῆς μονῆς τοῦ 'Ραγίου ἐν τῇ μητροπόλει Παρχμυθίας καὶ Φιλιατῶν;—9. Du Dr. A. Gabriélidès: Περὶ μικροβιολογίας ἐν τῇ ὀφθαλμολογίᾳ. Sauf le P. C. Tondini de Quarenghi, tous les auteurs de ces communications appartiennent au Syllogue, deux comme membres ordinaires, les autres comme membres correspondants.

Dans les 17 séances générales, faites pour les sujets plus accessibles au grand nombre, 18 conférenciers ont parlé tour à tour sur les questions suivantes:

1. M. K. Kallinikos: Περὶ τοῦ Θεοῦ ἐν τῇ φύσει καὶ ἐν τῷ ἀνθρώπῳ;—2. M. M. Gédéon: Περὶ τῆς ἱστορίας τῆς χριστιανικῆς παιδείσεως, en quatre conférences, consacrées la première aux ἑλληνικὰ σχολεῖα ἀπὸ τοῦ Μ. Κωνσταντίνου μέχρι τοῦ ἱε αἰῶνος, la deuxième aux ἔθιμα καὶ νόμοι ἐν χρήσει παρὰ τοῖς σχολείοις τῶν Βυζαντινῶν, et les deux autres à l'ἔργον τῆς Ἐκκλησίας ἐν τῇ συντάξει τῶν παρ' ἡμῖν ἐκπαιδευτικῶν θεσμῶν;—3. M. S. Zabitzanos: Περὶ τῶν ἐκθέτων παιδίων;—4. M. O. Oikonomidès: Περὶ τοῦ βίου τῶν Γερμανῶν φοιτητῶν;—5. M. G. Akestoridès: Περὶ τῆς γυμναστικῆς en deux conférences et Περὶ τῶν ἱατρικῶν φιλανθρωπικῶν ἰδρυμάτων ἐν Εὐρώπῃ καὶ παρ' ἡμῖν;—6. M. N. Papaïannopoulos: Πορίσματα τῆς ἐθνικῆς ἡμῶν ἱστορίας κατὰ τὴν πρώτην περίοδον τῶν μέσων χρόνων;—7. M. A. Tourgoutès: Περὶ νευρικῶν τροφῶν;—8. M. Kh. Khadjikhrestou: Ἐκ τῆς δημοτικῆς ποιήσεως;—9. M. L. Eliou:

Περὶ τῆς κοινωνικῆς εὐθύνης καλλιτεχνῶν καὶ συγγραφέων;—10. M. E. Kolasès: Περὶ τῆς κοινωνικῆς ἐνδεΐας ἐν γένει καὶ τῆς ἐν Παρισίοις ἐπιτείας; — 11. M. G. Pakhtikos: Περὶ τοῦ ἀρχαίου ἐλληνικοῦ δράματος ὑπὸ μουσικῇν ἐποψιν, et Περὶ μελοποιίας;—12. M. A. Démétriadès: Περὶ Ἱερουσαλήμ ιστορικῶς, ἀρχαιο-λογικῶς καὶ τοπογραφικῶς;—13. M. A. Ioannou: Περὶ τοῦ γάμου τῶν ἀνθέων;—14. M. A. Arapès: Περὶ τῆς ἐπιρροῆς τῆς σχολῆς κατὰ τοῦ ἀλκοολισμοῦ; — 15. M. S. Apostologhlou: Περὶ πολυτελείας;—16. M. K. Kokkolatos: Πῶς διεξ-άγεται ἐν Εὐρώπῃ ὁ κατὰ τῆς φθίσεως ἀγών; — 17. M. S. Moraitès: Γνωθὶ σαυτὸν en trois conférences: a) Περὶ φιλαυτίας, b) Περὶ τῆς ἡδονῆς καὶ τοῦ καλοῦ, c) Περὶ τῆς πρώτης παιδικῆς ἀνατροφῆς; — 18. M. Ph. Kamarados a prononcé la conférence de clôture.

Assurément, dans cette longue liste, les titres sont rares qui promettent quelque intérêt à un byzantiniste. Il m'a paru bon toutefois de les donner tous, du premier jusqu'au dernier, persuadé que c'est encore là sans doute le moyen le meilleur, le plus impartial aussi, de montrer où se portent de préférence les préoccupations intellectuelles des Grecs du Bosphore et quels sont les travaux de leur grand Syllogue philologique. Mais, pour compléter cette vue d'ensemble et se faire une idée plus juste encore, il convient d'ajouter quelques données particulières sur la vie des diverses commissions syllogales.

Commençons par messieurs les archéologues. C'est à leur groupe surtout que le Syllogue doit de s'être acquis un certain renom de corps savant même au-delà des murs le Constantinople, ce groupe formant comme une réunion de spécialistes, sinon pour toutes les questions d'histoire byzantine, du moins pour celles de topographie et d'épigraphie constantinopolitaines. Par malheur, depuis quelques années, cette Commission archéologique paraît se trouver dans un état de marasme inquiétant. Serait-ce parce que les étrangers, autrefois nombreux dans son sein, en ont presque tous disparu? Je ne puis le croire. Sans doute, ses bons travaux d'antan sont pour une grande part signés de noms qui ne sentent point le terroir hellène; mais Ph. Déthier, P. Schröder, J. Calvert, Ch. Curtis, A. Mordtmann, A. D. Mordtmann, J. Mordtmann, J. Millingen, A. van Millingen, A. Long, A. Leval, et les autres ne manquaient pas de collègues authentiquement grecs qui rivalisaient avec eux d'activité, sinon de critique et d'érudition. Pourquoi n'en est-il plus tout à fait ainsi maintenant?

Durant l'année 1900 — 1901 la Commission archéologique a eu pour président M. A. D. Mordtmann et pour secrétaire M. K. Pantazidès. Elle s'est réunie sept fois. Outre les monnaies et autres objets antiques offerts aux deux Collections du Syllogue depuis 1899, elle a eu à s'occuper des études de M. K. Makrès sur Cyzique, des deux chefs-d'oeuvre de M. J. Méliopoulos sur Rufinianos et Nicétiate, des inscriptions de Trébizonde envoyées par M. M. Paranikas. De plus, grâce à un mot de M. A. Kopasès, ses membres ont eu l'occasion d'échanger leurs vues sur les fouilles faites à Bouyuk-Déré, localité de la rive thrace du moyen Bosphore, et sur les mon-

naies, statuettes et autres antiquités découvertes là tout récemment. Sur-tout, ils ont eu le bonheur d'entendre deux communications topographiques de M. X. Sidéridès. Dans la première, ce consciencieux chercheur a parlé de l'église *Καστελλιώτισσα*, sise autrefois à Galata, ainsi que du *Καστέλλιον* d'où elle tirait son nom. Dans la seconde, il a montré que le monastère et le fort Saint-Grégoire, où le patriarche Jean Bekkos mourut en prison, s'élevaient au village actuel de Kandja, sur la rive méridionale du golfe de Nicomédie. Ce dernier travail appartient à une série d'études topographiques, intitulées *Ἀστακηναὶ μελέται*, dont il faut ardemment souhaiter la publication, car leur auteur possède au plus haut degré, chose rare à Constantinople, le don des investigations patientes sans lequel on ne saurait se promettre de livres sérieux.

Des archéologues passons à leurs confrères de la philologie. La Commission philologique du Syllogue a tenu quinze séances durant le dernier exercice. Si le jugement qu'elle a porté sur les deux petits livres scolaires soumis à son appréciation nous importe peu, il ne nous est pas indifférent au contraire de savoir qu'elle a confié l'édition de Lysias à M. A. Zakkas et celle de Pindare à M. Ph. Salteless. La *Ζωγράφειος βιβλιοθήκη*, dont feront partie ces deux éditions, n'a jamais augmenté jusqu'ici qu'avec une désespérante lenteur. C'est tout au plus si elle compte, après quinze ans passés, huit volumes. Le neuvième, sous presse, sera le troisième des œuvres d'Euripide par M. D. Bernardakès. On compte, pour le dixième, sur l'activité de M. P. Papageorgiou qui a promis de mener Sophocle à bonne fin. Un résultat heureux de cette lenteur, c'est que, grâce aux intérêts inutilisés, le capital versé par Kh. Zographos va sans cesse en grossissant. De 182974 drachmes qu'il était en 1885, au moment de son dépôt à la Banque nationale de Grèce, il est monté à 222974 au 31 décembre 1900, et à 232974 un an plus tard.

Tandis que la *Ζωγράφειος βιβλιοθήκη* ne manque de rien au point de vue matériel, le *Ζωγράφειος ἄγων* a disparu faute de ressources. Le but de cette œuvre éminemment philologique était d'encourager tous les gens instruits à recueillir dans les mille et un centres de l'hellénisme les différents éléments susceptibles de faire connaître le grec parlé, entendez les idiotismes de province, de canton ou de village, les particularités de lexique, de morphologie et de syntaxe, les récits populaires, les chansons, les proverbes. Un gros volume de ce genre a paru, un seul. La mort de Kh. Zographos, en coupant court aux subsides, a interrompu la publication et l'on ne cesse d'attendre depuis dix ans, en face du second volume absolument prêt, le généreux Mécène qui dise: «Livrez le manuscrit à l'imprimeur; je me charge des frais». Puisse-t-il se présenter bientôt, ce Mécène, et puisse-t-il même, aux 100 livres turques nécessaires pour le second volume, ajouter de quoi poursuivre jusqu'au bout l'achèvement de cette précieuse collection!

La section biologique du Syllogue ne ferait pas honneur à son nom si elle manquait de vie. Grâce à Dieu, les médecins qui la composent ont su

la conserver jusqu'ici dans un état des plus florissants. Vingt séances tenues en 1901—1902 témoignent hautement de cette bonne santé. Seulement, malgré toute leur modestie, ces confrères d'Esculape trouvent que leurs travaux restent par trop enfouis dans les archives de la Société Aussi ont-ils demandé la création d'un bulletin dont les fascicules trimestriels, amplis de leurs communications, formeraient au bout de l'année un supplément biologique à l'annuaire du Syllogue. Adopté en principe, ce vœu n'attend pour être réalisé que l'autorisation du Ministère compétent.

Moins d'enthousiasme chez nos avocats que de vie chez nos médecins. Leur commission, dite sociologique ou plutôt kinoniologique, ne s'est réunie que neuf fois. M. Kh. Agniadès a terminé ses communications, commencées l'an dernier, sur le régime successoral dans le droit musulman comparé au droit romain. M. J. Balalas a étudié la constitution de la dot pour les sujets hellènes établis en Turquie. M. G. Apostolidès, parlant *περί συνηγορίας και λογογραφίας*, a montré pourquoi la science du droit et la profession d'avocat n'ont jamais eu le même développement à Athènes qu'à Rome. Mais ce qui a surtout occupé la commission, c'est l'interminable duel juridique engagé entre M. N. Paritsès et M. M. Karabokyros. La permission épiscopale constitue-t-elle, d'après les sources canoniques de l'Eglise orientale, un élément nécessaire à la validité du mariage? Telle était la question en litige. M. N. Paritsès répondait par la négative, M. M. Karabokyros par l'affirmative. Eux et leurs confrères, en soutenant, les uns le pour, les autres le contre, ont, paraît-il, épuisé ce point, sans d'ailleurs s'entendre, bien entendu.

Voilà, brièvement indiqués, les travaux du Syllogue et de ses commissions durant l'année 1901 — 1902. N'oublions pas toutefois d'ajouter deux communications d'un caractère particulier. C'est l'habitude que tout membre éminent de la Société trouve, à sa mort, un biographe dans l'un de ses confrères survivants. D. Maliadès et S. Mavrogénès pacha ont été l'objet de cet honneur: M. O. Andréadès a résumé la vie du premier et M. K. Kokkolatos celle du second. L'un et l'autre défunt avaient présidé le Syllogue, D. Maliadès en 1893 — 1894 et 1894 — 1895, S. Mavrogénès pacha en 1863—1864, 1865—1866 et 1881—1882.

Le 2/15 juin 1902, à la fin de son compte rendu officiel, M. G. Apostolidès est revenu longuement sur la délicate question qu'il avait touchée au début, sur la question financière. Le trésorier, a-t-il dit, n'a guère encaissé, durant l'année, que les cotisations des sociétaires; du moins, sur 278 livres turques de recettes n'a-t-on compté que deux dons extraordinaires, l'un de 11, et l'autre de 8 livres. Or, au sentiment de tous, la bonne marche du Syllogue exigerait environ 500 livres par an. Pour les obtenir, il faudrait de deux choses l'une: ou, comme il a été dit plus haut, porter, si possible, le nombre des membres à 500; ou, en se contentant du chiffre actuel d'associés, trouver un capital qui rapporte 250 livres d'intérêt annuel. En attendant l'une de ces deux solutions, S. S. le patriarche oecuménique a voulu

tendre une main secourable à la savante Société. Dès le 17/30 juin 1902, sur la proposition de Mgr. Joachim III, les deux Corps constitués du Patriarcat ont voté en sa faveur une subvention annuelle de 100 livres turques. Il ont résolu, en outre, d'envoyer une lettre pressante aux métropolitites pour inviter ces pasteurs, et par eux tous les Grecs des provinces, à soutenir, de leur mieux le glorieux 'Ελληνικός φιλολογικός σύλλογος. Nous ne pouvons qu'applaudir à ces mesures qui, en faisant le compte d'un patriotisme très légitime, ne manqueront pas, si elles atteignent leur but, de servir les intérêts généraux de la science.

Et alors, les finances étant prospères, la Commission dite syntactique fera parler d'elle. Cette commission a pour objet de réunir les matériaux et de veiller sur l'impression de l'annuaire du Syllogue. Sa dernière oeuvre a été, avec deux suppléments biologiques de 128 et 132 pages, un volume de λβ' + 395 pages, paru en 1900, qui renferme à lui seul les quatre années syllogales XXXV — XXXVIII, correspondant à 1895 — 1899. Depuis, la Commission se repose: le manque de fonds lui fait des repos forcés. Souhaitons-lui du travail, beaucoup de travail, comme au temps heureux où la vie du Syllogue se traduisait chaque année par un volume de plus donné au public.

Le 2/15 juin 1902, en quittant le siège présidentiel, M. G. Apostolidès a, je l'ai dit, cédé la place à M. M. Psalidas. Les collègues de ce dernier au bureau sont MM. M. Authentopoulos et Kh. Pantazidès, vice-présidents, D. Mansuélidès, secrétaire général, A. Démopoulos, secrétaire particulier, M. Ampélidès, éphore de la bibliothèque, D. Méliotis, trésorier, et N. Papagiannopoulos, comptable. Dans quelques mois, quand le moment en sera venu, on ne manquera pas de signaler ici même les faits et gestes du Syllogue durant la présidence de M. M. Psalidas et la gestion de son bureau.

Pour le moment, avant de clore cette trop longue chronique, je dois signaler d'un mot, quitte à y revenir plus en détail une autre fois, deux institutions grecques de Constantinople on ne peut plus favorables aux études, surtout aux études byzantines, j'entends le Musée chrétien du patriarchat oecuménique et la Bibliothèque du métokhion du Saint-Sépulcre. Le Musée, de création récente, ne dispose point de crédits particuliers, mais il ne laisse pas de s'enrichir un peu plus chaque jour, au fur et à mesure des gracieux envois faits par les diocèses ou les monastères. On offre même au Phanar, à l'occasion, de précieux manuscrits. Mais, à ce point de vue, rien ne saurait rivaliser sur le Bosphore avec le métokhion du Saint-Sépulcre. La bibliothèque de cet établissement compte 848 codices. Des 447 premiers tout le monde sait le contenu grâce au précieux catalogue de M. A. Papadopoulos-Kérameus, qui forme le quatrième volume de sa 'Ιεροσολυμιτική βιβλιοθήκη. Quant aux 401 autres, l'actif paléographe n'a pas eu la possibilité de nous en fournir la description, et cela, comme il l'a écrit quelque part, διὰ τινος αἰτίας ὧν ἡ φανέρωσις ἐστὶ παντάπασιν ἀλυσιτελής. Ces raisons, sur

lesquelles d'autres se montrent parfois moins discrets, je n'ai pas à les dire non plus. Je déclarerai seulement, après des confidences reçues à bonne source, que M. A. Papadopoulos-Kérameus ne se trouvera pas de longtemps sans doute dans le cas de pouvoir terminer son oeuvre au métokhion. Et la chose serait regrettable infiniment, si le docte diacre Kléopas Koikylidès, bibliothécaire du Saint-Sépulcre à Jérusalem, ne devait bientôt, dès qu'il sera possible, venir parachever la description des codices.

J. Pargoire.

В. К. Ернштедтъ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Русская филологическая наука понесла недавно незамѣнимую утрату: 21-го августа текущаго года скончался одинъ изъ ея наиболѣе видныхъ представителей, профессоръ-академикъ Викторъ Карловичъ Ернштедтъ. Смерть унесла покойнаго на 47-мъ году его жизни, въ полномъ расцвѣтѣ его научныхъ силъ и способностей, не давъ ему возможности завершить и половины начатыхъ имъ новыхъ работъ.

В. К. Ернштедтъ родился въ 1854 году въ С.-Петербургѣ и по окончаніи курса въ частной гимназіи Видемана поступилъ въ 1871 году на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго Университета, гдѣ главнымъ образомъ занимался у К. Я. Люгебиля и Ѳ. Ѳ. Соколова. Не смотря на свои очень еще юные тогда года, Викторъ Карловичъ на первыхъ же порахъ сумѣлъ избрать для своей дальнѣйшей научной дѣятельности именно тотъ путь, который наиболѣе подходилъ къ особенностямъ его таланта, а именно, путь критическаго изслѣдованія памятниковъ античной литературы и языка. Въ то время этотъ путь былъ еще очень мало знакомъ нашей филологической наукѣ, въ которой главную роль играла не самостоятельность мысли, а компиляція. Такимъ образомъ, если починъ въ дѣлѣ выведенія русскаго классицизма на настоящую дорогу принадлежитъ К. Я. Люгебилю и Ѳ. Ѳ. Соколову, то заслуга В. К. заключается въ детальномъ развитіи этого новаго направленія и въ приобщеніи къ нему цѣлаго ряда оригинальныхъ дополненій.

По окончаніи Викторомъ Карловичемъ въ 1875 г. Университетскаго курса, ему въ 1877 г. было поручено факультетомъ чтеніе лекцій по классической филологіи въ качествѣ «преподавателя». Эту должность молодой ученый занималъ вплоть до 1880 года, когда по защищеніи магистерской диссертации былъ командированъ на два года въ Грецію для изученія эпиграфическихъ и другихъ памятниковъ античнаго міра. Въ 1882 г. командировка была продлена еще на одинъ годъ, который Ернштедтъ провелъ въ Италіи, гдѣ изучалъ главнымъ образомъ греческія рукописи Рима, Неаполя, Флоренціи и Милана, продолжая такимъ образомъ тѣ занятія по греческой палеографіи, которыя были начаты имъ

въ 1878 г., когда онъ на частныя средства совершилъ лѣтомъ научную поѣздку въ Лондонъ и Оксфордъ. По возвращеніи изъ-за границы Викторъ Карловичъ снова приступилъ къ чтенію лекцій въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, сначала въ качествѣ приватъ-доцента, а затѣмъ съ 1884 года какъ экстраординарный профессоръ по кафедрѣ греческой словесности. Занятія греческой палеографіей, въ которой Викторъ Карловичъ видѣлъ необходимое подспорье для каждаго филолога-классика, снова въ 1885 г. увлекли его на лѣтніе мѣсяцы за границу, а именно, въ Швецію, гдѣ онъ въ Стокгольмѣ, Скуклостерѣ, Упсалѣ и Копенгагенѣ изучалъ греческія рукописи главнымъ образомъ со стороны приписей и датъ. Продолжая читать лекціи въ Университетѣ, Викторъ Карловичъ въ то же время подготавливалъ къ печати свою докторскую диссертацию, которая и была защищена имъ въ 1891 году. Въ томъ же году Викторъ Карловичъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ, а Императорская Академія Наукъ, два года спустя почтивъ его выборомъ въ адъюнкты по кафедрѣ классической филологіи, въ 1898 году избрала его экстраординарнымъ академикомъ. Такова въ общихъ чертахъ служебная дѣятельность Виктора Карловича, дѣятельность, которая, если не считать его временнаго секретарства въ Императорскомъ Археологическомъ Обществѣ и редакторства по отдѣлу классической филологіи въ Жур. Мин. Нар. Просвѣщенія, было всецѣло посвящена С.-Петербургскому Университету, которому покойный отдалъ почти 25 лѣтъ своей жизни, до послѣдней минуты, не смотря на тяжелую болѣзнь, не желая разставаться съ нимъ.

Всѣ литературныя работы покойнаго, будучи почти исключительно посвящены изученію памятниковъ греческой литературы, носятъ на себѣ преимущественно критическій характеръ, который выражался не только въ частичныхъ исправленіяхъ отдѣльных мѣстъ въ сочиненіяхъ древнихъ авторовъ, но и въ критическихъ изданіяхъ цѣлыхъ текстовъ. Наклонность Виктора Карловича къ конъектуральной критикѣ ясно выразилась уже въ его первой печатной работѣ «Критическія замѣтки на Светонія» (Ж. М. Н. П. 1876), и еще сильнѣе въ его «Observationes Antiphontaeae» (Ж. М. Н. П., 1878), которыя служатъ своего рода вступленіемъ къ изданію рѣчей Антифонта, вышедшему въ 1880 г. (*Antiphontis orationes*, ed. V. Jernstedt, Petropoli, 1880) и встрѣченному съ восторгомъ лучшимъ знатокомъ аттическихъ ораторовъ Кобетомъ (Ср. *Mnemosyne*, v. V, стр. 269 слл.: *sic oratorum atticorum amatoribus novum comparavit instrumentum, quo melius et utilius comparari non posse existimo*).

Заключая въ себѣ цѣлый рядъ блестящихъ возстановленій текста на основаніи данныхъ языка и палеографіи, это изданіе вплоть до настоящаго времени остается наиболѣе совершеннымъ критическимъ пособіемъ, равно какъ и магистерская работа Виктора Карловича, вышедшая въ 1879 г. подъ заглавіемъ: «Объ основахъ текста Андокида, Исея, Динарха, Антифонта и Ликурга» (Ж. М. Н. П., в отдѣлѣ) и посвящен-

ная оцѣнкѣ и разбору наиболѣе важныхъ рукописей 5 вышеупомянутыхъ ораторовъ.

Во всѣхъ отмѣченныхъ мною работахъ Викторъ Карловичъ ясно сказались какъ осенности его таланта, такъ и его взглядъ на основную задачу классической филологіи и средства къ ея достиженію. Этой основной задачей Викторъ Карловичъ считалъ установленіе критически провѣренныхъ текстовъ, такъ какъ безъ подобной подготовительной работы нельзя достигнуть положительныхъ выводовъ общаго характера. Что же касается до средствъ, то они были указаны покойнымъ уже въ его «Критическихъ замѣткахъ на Светонія», гдѣ онъ говоритъ, что независимо отъ необходимости естественной и наглядной системы при установленіи рукописнаго преданія нужно имѣть въ виду при поправкахъ испорченныхъ мѣстъ какъ данныя палеографіи, такъ и особенности языка каждаго отдѣльнаго автора.

Твердо держась этого основнаго взгляда, В. К. съ рѣдкой послѣдовательностью проводилъ его во всѣхъ своихъ работахъ, изъ которыхъ, кромѣ отмѣченныхъ нами выше, особенно выдѣляется по законченности его докторская диссертация: «Порфирьевскіе отрывки изъ Аттической комедіи». Представляя собой опубликованіе новыхъ отрывковъ Менандра, это изслѣдованіе является какъ бы итогомъ всей предшествующей работы Виктора Карловича надъ источниками и вмѣстѣ съ тѣмъ нагляднымъ доказательствомъ того, какихъ блестящихъ результатовъ достигъ Викторъ Карловичъ благодаря проведенію своего основнаго научнаго взгляда. Жалкіе фрагменты получаютъ подъ его рукой благодаря глубокому знанію имъ языка, литературы и палеографіи форму связнаго и цѣльнаго текста; во всѣхъ сдѣланныхъ имъ дополненіяхъ нѣтъ и слѣда пустыхъ гипотезъ, не подкрѣпленныхъ достаточными основаніями; наконецъ, все въ работѣ глубоко продумано, остроумно развито и такъ искусно соединено въ одно цѣлое, что всѣ отдѣльныя замѣтки по разнымъ вопросамъ, касающимся литературы, языка и палеографіи, кажутся какъ бы необходимыми органическими частями, безъ которыхъ не было бы полной гармоніи въ цѣломъ.

Такимъ же характеромъ глубокой продуманности и законченности отличаются и всѣ мелкія статьи Виктора Карловича, посвященныя главнымъ образомъ критикѣ текста различныхъ греческихъ авторовъ и представляющія собой блестящія и остроумныя догадки и коньектуры. Кромѣ упомянутой мной выше статьи «Критическія замѣтки на Светонія», сюда относятся также слѣдующія opuscula, помѣщенные по большей части въ Журн. Мин. Нар. Просв.: къ Электрѣ Еврипида (Ж. М. Н. П., 1886, іюнь); къ Аристофану (тамъ же, 1891, октябрь); къ Менандру стр. 419 (тамъ же, 1892, апрѣль); къ Ресу Еврипида ст. 835 (тамъ же, 1897, февраль); Замѣтки къ Anacreontea (тамъ же, 1896, ноябрь и декабрь); къ XVII, 72 стиху Вакхилида (тамъ же, 1898, май); Никита (замѣтка къ схоли на 1010 ст. «Троянокъ» Еврипида, тамъ же, 1894, октябрь); Перемѣна деко-

рацій въ «Θεσμοφορίазуσαι» Аристофана (Στέφανος. СПб. 1895); Промней въ Сицилійской комедіи (Ж. М. Н. П., 1902, январь); къ Риторикѣ Аристотеля III. 9 (тамъ же, 1895, февраль); къ Эукидиду III. 39 (тамъ же, 1894, июнь); Ἀμύδροις γράμματα (Θук. VII. 54, тамъ же, 1894, декабрь); Ἀχοῖς κρείττω (Θук. II. 41. 3 — въ Commentationes Philologicae въ честь И. В. Помяловскаго); къ Ликургу (Ж. М. Н. П., 1893, мартъ). Кромѣ этихъ статей, затрагивающихъ памятники древне-классической литературы, Виктору Карловичу принадлежатъ еще нѣсколько замѣтокъ по поводу эпиграфическихъ текстовъ, какъ то: Къ надгробію Идаменея (Ж. М. Н. П., 1891, апрѣль); къ надгробію Инанѣы, дочери Главкія (тамъ же, 1892, октябрь); объ одной воспорской эпиграммѣ (тамъ же, 1892, ноябрь); къ присягѣ Херсоннисцевъ (тамъ же, 1892, октябрь), и наконецъ три статьи, изъ которыхъ двѣ разбираютъ новые эпиграфическіе документы (Одна изъ вновь найденныхъ аѳинскихъ надписей, Ж. М. Н. П., 1880, ноябрь и Παιδωσις, тамъ же, 1884, июль), а третья затрагиваетъ чисто историческій вопросъ, касающійся Саламина («Саламинская битва», Ж. М. Н. П., 1882, мартъ).

Но изученіемъ памятниковъ античнаго міра не исчерпывается научная дѣятельность Виктора Карловича, который постепенно началъ переходить къ византійской филологіи, съ присущими ему эрудиціей и тонкимъ критическимъ чутьемъ издавая и комментируя византійскіе тексты. Наиболѣе крупнымъ изъ опубликованныхъ имъ на этомъ поприщѣ литературныхъ памятниковъ являются «Записки Кекавмена», найденныя В. Г. Васильевскимъ и изданныя имъ по рукописи Московской Синодальной Библіотеки съ помощью Виктора Карловича подъ заглавіемъ «Cesaumeni Strategicon et incerti auctoris de officiis regiis libellus, Petropoli, 1896».

Къ числу работъ В. К. Ернштедта по византійской филологіи относятся также и его три въ высшей степени содержательныя и интересныя статьи, касающіяся греческихъ пословицъ. Двѣ изъ нихъ, помѣщенныя въ Журн. Мин. Народн. Просв. подъ заглавіемъ: «Забытыя греческія пословицы» (1893, апрѣль и май) и «Къ мірскимъ комедіямъ Эзопа» (1894, мартъ), представляютъ собой новое изданіе 40 греческихъ пословицъ по двумъ спискамъ Московскому и Мюнхенскому, а послѣдняя, напечатанная въ 1901 г. въ Византійскомъ Временникѣ (т. VIII) и оставшаяся незаконченной, содержитъ въ себѣ найденное В. К. въ cod. Dresd. Da 35 начало того сборника пословицъ, который былъ изданъ Крумбахеромъ по рукописи Моск. Синод. Библ. 239. Эта послѣдняя статья В. К. Ернштедта «Реченія Эзопа въ Москвѣ и Дрезденѣ» кромѣ опубликованія новаго текста интересна еще и по тому, что въ ней съ новой стороны затронутъ вопросъ о времени составленія сборника «Реченій Эзопа», вопросъ, который долженъ былъ быть окончательно рѣшенъ во 2-ой части статьи, не вышедшей въ свѣтъ благодаря смерти автора. Незаконченными остались по той же причинѣ и еще нѣсколько работъ Виктора Карловича по Византіи, а именно, «Синтипа» или «Повѣсть о семи мудрецахъ», «Житіе Константина Великаго» и «Выдержки Паисія Лигарида изъ бесѣды Фотія».

Большинство указанных мною работ покойного, опираясь на греческую палеографию, какъ на необходимый базисъ, пользуется ею, какъ наукой вспомогательной, какъ средствомъ для достиженія другихъ цѣлей, но среди этихъ работъ есть нѣсколько такихъ, въ которыхъ затрагиваются и чисто-палеографическіе вопросы, имѣющіе прямое отношеніе къ теоріи палеографіи. Среди этихъ работъ первое мѣсто занимаетъ опять таки докторская диссертация Виктора Карловича, и въ частности ея первая глава, гдѣ идетъ рѣчь объ уставѣ и дается мастерское описаніе рукописи съ отступленіями къ исторіи книжнаго дѣла у Грековъ и Римлянъ. Изъ мелкихъ же статей, посвященныхъ специальной разработкѣ палеографіи, какъ науки самостоятельной, наиболѣе важны три слѣдующихъ: «Изъ Порфирьевской Псалтири 862 г.» (Ж. М. Н. П., 1884, ноябрь); «Греческая рукопись коптскаго письма» (тамъ же, 1884, май) и «Вѣщій папирусъ» (тамъ же, 1901, октябрь), изъ которыхъ двѣ первыхъ устанавливаютъ и окончательно рѣшаютъ два въ высшей степени важныхъ для палеографіи вопроса о переходѣ курсивнаго письма въ строчное и о провинціальныхъ типахъ греческаго письма, а третья представляетъ собой образцовое изданіе одного очень интереснаго папируснаго документа, дважды до той поры неудовлетворительно опубликованнаго Муральтомъ и Цунделемъ.

Изъ краткаго очерка научной дѣятельности В. К. Ернштедта и перечня его работъ, къ числу которыхъ нужно прибавить еще «Списокъ датированныхъ греческихъ рукописей Порфирьевскаго собранія» (СПБ. 1885), видно, что дѣятельность покойнаго распадается на два періода: классическій и византійскій, причѣмъ работы и того и другого періода носятъ на себѣ строго проведенный критическій отбѣнокъ и имѣютъ своей основой палеографию. Во всѣхъ этихъ работахъ В. К. является серьезнымъ и вдумчивымъ изслѣдователемъ, избѣгающимъ построения какихъ бы то ни было блестящихъ по формѣ, но пустыхъ по содержанію гипотезъ; его единственной цѣлью было стремленіе добиться положительныхъ фактически обоснованныхъ выводовъ или же, по крайней мѣрѣ, приблизиться къ таковымъ въ случаѣ недостаточной наличности необходимыхъ для этого данныхъ. Но это стремленіе къ положительному и нелюбовь къ фантастическимъ реконструкціямъ, конечно, не является показателемъ односторонности или узкости взглядовъ покойнаго, наоборотъ, и доказательствомъ этому служатъ почти всѣ крупныя работы В. К. Ернштедта, онъ старался всегда брать вопросъ шире, развивать его многостороннѣе, но при этомъ исключительно на почвѣ фактовъ и достовѣрности.

Въ своей преподавательской дѣятельности Викторъ Карловичъ оставался тѣмъ же серьезнымъ изслѣдователемъ, какимъ былъ онъ и въ своихъ научныхъ работахъ. Если въ послѣднихъ онъ старался всѣми силами избѣгать какихъ бы то ни было рискованныхъ предположеній и выводовъ, то и въ своихъ лекціяхъ, посвящаемыхъ, какъ разбору сочиненій отдѣльныхъ авторовъ, такъ и болѣе общимъ курсамъ по исторіи

литературы и языка, онъ на первый планъ выдвигалъ критическій методъ изслѣдованія источниковъ. Благодаря этому всякій студентъ, желавшій приобрести точныя филологическія свѣдѣнія, а также научиться тому, какъ слѣдуетъ обращаться съ памятниками, выносивъ изъ простой, но серьезной рѣчи профессора и знанія и умѣнье сознательно приступать къ работѣ. Главной цѣлью лекцій Виктора Карловича было способствовать развитію самостоятельной мысли въ своихъ слушателяхъ, отъ которыхъ онъ прежде всего требовалъ знанія, а не общихъ фразъ и способности трактовать обо всемъ слегка. Эту самостоятельность мысли онъ старался вызывать какъ примѣромъ своей собственной научной работы, такъ и предоставленіемъ студентамъ свободно выражать свои мысли и мнѣнія, что проводилось главнымъ образомъ на практическихъ занятіяхъ, которыя очень часто получали форму простыхъ бесѣдъ между слушателями и профессоромъ.

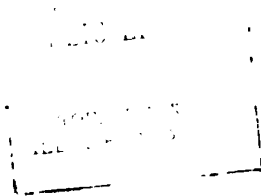
Мягкій и отзывчивый на всё хорошее, Викторъ Карловичъ съ полной готовностью шелъ на помощь студентамъ, какъ въ ихъ научной, такъ и въ обыденной жизни, но съ еще болѣею теплотой относился онъ къ своимъ ближайшимъ ученикамъ, для которыхъ былъ не только руководителемъ, но и безкорыстнымъ другомъ. И дѣйствительно, если съ одной стороны научная дѣятельность послѣднихъ всегда во всѣхъ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ глубоко интересовала покойнаго, который, предоставляя своимъ ученикамъ полную свободу въ ученой работѣ, вѣистѣ съ тѣмъ считалъ своимъ долгомъ предостерегать ихъ какъ отъ разбрасыванія, такъ и отъ слишкомъ ранней специализаціи, то съ другой стороны Викторъ Карловичъ съ глубокой любовью и сердечностью относился и ко всѣмъ проявленіямъ частной жизни близкихъ ему по духу людей, всѣмъ удачамъ и неудачамъ которыхъ всегда находили отзвукъ въ его сердцѣ. Такимъ образомъ, если наука потеряла въ лицѣ Виктора Карловича одного изъ своихъ лучшихъ представителей, то всѣ ученики покойнаго утратили съ его смертію своего лучшаго руководителя и друга, утратили человѣка, принадлежавшаго по чистотѣ своихъ нравственныхъ принциповъ къ числу тѣхъ немногихъ идеалистовъ, которые видятъ цѣль своей жизни въ вѣчномъ стремленіи къ правдѣ и истинѣ.

Г. О. Церетели.

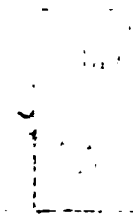
Икона (№ 3316) Кіевского Музея при Духовной Академіи.

Медальонъ съ портретной семейной группой на крестѣ. Музея города Брешии.

Икона свв. Серія и Вакла въ Києвскомъ Музее при Духовной Академіи (№ 3319).

THE
JOURNAL
OF
THE
ROYAL
ANTHROPOLOGICAL
INSTITUTE

Часть иконы съ поклоненіемъ волхвовъ Кіевскаго Музея при Дух. Акад. (№ 3318).

Икона Иоанна Крестителя Кіевск. Муз. при Духовн. Акад. (№ 3317).

BYZANTINA CHRONIKA

ΤΟΜΟΣ ΕΝΝΑΤΟΣ

ΤΕΥΧΟΣ Α' καὶ Β'.

ВИЗАНТІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

В. Э. Рогоя

Члена-Корреспондента Академіи.

ТОМЪ ІХ.

ВЫП. 1—2.

— ❦ —

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1902.

КОММИССИОНЕРЪ:

С.-Петербургъ.

К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14.

Leipzig.

| К. L. Ricker, Inselstr. 20.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО И ВТОРАГО ВЫПУСКОВЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІА И МАТЕРІАЛЫ.

	Стр.
Друнгъ и друнгарій. Ю. Кулаковскаго	1
Св. Теофанъ хронографъ и его отношенія къ св. Θεόδору Студиту. J. Raugöige	81
Матеріалы къ исторіи византійскаго и древне-русскаго искусства. Е. Рѣдина	108
Авонскія грамоты Алексанѣра Лаврскаго	122

ОТДѢЛЪ II.

КРИТИКА.

Josef Strzygowski. Orient oder Rom. Рец. Д. Айналова	138
В. Г. Бокъ. Матеріалы по археологіи христіанскаго Египта. Рец. Д. Айналова	152
А. И. Азмазовъ. Къ исторіи византійской отреченной письменности. Рец. М. Красноженова	196
Н. V. Sauerland u. A. Haseloff. Der Psalter Erzbischof Egberts von Trier. Рец. Е. Рѣдина	198

БИБЛЮГРАФІА.

Россія. И. Соколова	216
Германія. Б. Меліоранскаго	230
Франція. А. Васильева	243
Италія. А. Васильева и А. Пальміери	255
Англія. А. Васильева	262
Греція и Турція. А. Пападопуло-Керамевса	266
Новыя книги поступившія въ Редакцію	291

ОТДѢЛЪ III.

Мелкія замѣтки и извѣстія	294

«Византійскій Временникъ» выходитъ четыре раза въ годъ книжками отъ 10 до 12 листовъ, всѣ 4 книжки составляютъ одинъ томъ.

Подписка принимается у книгопродавца-издателя Н. Л. Риккера, Невскій пр. № 14, въ С.-Петербургѣ.

Подписная цѣна за годовое изданіе съ пересылкою 5 рублей для Россіи и 12½ германскихъ марокъ или 16 франковъ за границую.

Редакція журнала помѣщается у В. Э. Регеля, на Васильевскомъ Островѣ, по 10 линіи, домъ № 15, въ С.-Петербургѣ.

ΠΕΡΙΕΧΟΜΕΝΑ ΤΟΥ ΠΡΩΤΟΥ ΚΑΙ ΔΕΥΤΕΡΟΥ ΤΕΥΧΟΥΣ.

ΜΕΡΟΣ Α'.

ΜΕΛΕΤΑΙ ΚΑΙ ΥΛΑΙ

σελ.

Δρουγγος και δρουγγάριος υπό 'Ι. Κουλακόφσκη	1
Saint Théophane le Chronographe et ses rapports avec Saint Théodore Studite. J. Pargoire	31
Συμβολαί εις την ιστορίαν τῆς βυζαντινῆς καὶ παλαιορωσικῆς τέχνης υπό 'Ε. Ρέδιν. 'Αθωΐτις Στοά υπό 'Αλεξάνδρου Ε. Λαυριώτου	103 122

ΜΕΡΟΣ Β'.

ΒΙΒΑΙΩΝ ΕΠΙΚΡΙΣΕΙΣ.

J. Strzygowski. Orient oder Rom. Κρίσις Δ. 'Αϊνάλωφ.	138
W. de Bock. Matériaux pour servir à l'archéologie de l'Égypte chrétienne. Κρίσις Δ. 'Αϊνάλωφ	152
'Α. 'Ι. 'Αλμάζωφ. Συμβολή εις την ιστορίαν τῆς βυζαντινῆς ἐξορκιστικῆς γραμματείας. Κρίσις Μ. Κρασνοζέν.	196
H. V. Sauerland u. A. Haseloff. Der Psalter Erzbischof Egberts von Trier. Κρίσις 'Ε. Ρέδιν	198

ΒΙΒΑΙΟΓΡΑΦΙΑ.

'Ρωσία. Περιλήψεις 'Ι. Σοκολώφ	216
Γερμανία. Περιλήψεις Μπ. Μελιοράνσκη.	230
Γαλλία. Περιλήψεις 'Α. Βασίλειεφ.	243
'Ιταλία. Περιλήψεις 'Α. Βασίλειεφ καὶ 'Α. Παλμιέρη	255
'Αγγλία. Περιλήψεις 'Α. Βασίλειεφ.	262
'Ελλάς καὶ Τουρκία. Περιλήψεις 'Α. Π.-Κεραμέως.	266
Νέα βιβλία σταλέντα πρὸς τὴν διεύθυνσιν.	291

ΜΕΡΟΣ Γ'.

ΜΙΚΡΑΙ ΑΝΑΚΟΙΝΩΣΕΙΣ.

'Εργασίαι τοῦ ἐν Κ/πόλει 'Ρωσικοῦ 'Αρχαιολογικοῦ 'Ινστιτούτου κατὰ τὸ ἔτος 1901 ὕπο Μπ. Π.	294
'Η ἐν Πετρούπολει Αὐτοκρατορικὴ 'Ακαδήμεια τῶν ἐπιστημῶν ὑπο Β. Σ.	300
Τὸ ἐν Πετρούπολει Αὐτοκρατορικὸν πανεπιστήμιον ὑπο Β. Σ.	305
Συνεδριάσεις ἐν ῥωσικοῖς ἐπιστημονικοῖς συλλογοῖς καὶ καθιδρύμασιν ὑπο Β. Σ.	307
'Απονομή πατριαρχικοῦ ὀφφικίου εἰς τὸν κ. 'Α. Παπαδόπουλον-Κεραμέα ὑπο 'Ι. Σο- κολώφ	320
'Ο ἐν Κ/πόλει Σύλλογος τῶν μεσαιωνικῶν ἐρευνῶν ὑπο P. A. Palmieri	320
Συλλογὴ βυζαντινῶν εγγράφων.	337
† Franz Xaver Krauss ὑπο 'Ε. Ρ.	338
† Victor Jernstedt	342

Τὰ Βυζαντινὰ Χρονικὰ ἐκδίδονται μερίμνη τῆς ἐν Πετροπόλει
Αὐτοκρατορικῆς τῶν ἐπιστημῶν Ἀκαδημείας, ὑπὸ τὴν διεύθυνσιν τοῦ
κ. Β. Ῥέγκελ.

Κατ' ἔτος ἐκτυποῦνται τέσσαρα τεύχη, ὧν ἕκαστον συνίσταται ἐκ
10 ἢ 12 τυπογραφικῶν φύλλων· τέσσαρα δὲ τεύχη συναποτελοῦσι τόμον
ὁλόκληρον. Ἡ ἐτήσιος συνδρομὴ ρούβλια 5 διὰ τὴν Ῥωσίαν καὶ φράγκα
16 ἢ μάρκα γερμανικὰ 12½ διὰ τὸ ἐξωτερικόν, συμπεριλαμβανομένης
καὶ τῆς ταχυδρομικῆς δαπάνης.

Αἱ περὶ ἐκδόσεως αἰτήσεις, αἱ ἐπιστολαί, τὰ χειρόγραφα καὶ τὰ
νεωστὶ τυπούμενα βιβλία ἢ περιοδικὰ συγγράμματα πρέπει νὰ διευδύνων-
ται πρὸς τὸν Mr. Regel, Vassili-Ostrov, 10 ligne, 15, St.-Petersbourg.

Πράκτωρ διὰ τὰς ἐγγραφὰς συνδρομητῶν καὶ διὰ τὰς ἀποστολάς τῶν
Βυζαντινῶν Χρονικῶν:

K. L. Ricker: Nevsky 14, St.-Petersbourg.
Inselstrasse 20, Leipzig.

Ἐν τῇ Ἀνατολῇ συνδρομηταὶ ἐγγράφονται παρὰ τοῖς ἐξῆς βιβλιοπώλαις:

Κωνσταντινούπολις: Keil, librairie internationale, Péra.

Ἀ. Δεπάστας, βιβλιοπώλης - ἐκδότης, Γαλατᾶς.

Ἀθήναι: Charles Beck, librairie internationale.

Σμύρνη: Δ. Βρετόπουλος, βιβλιοπώλης - ἐκδότης.

Ἀλεξάνδρεια: Γριτζάνης, βιβλιοπώλης - ἐκδότης.

Τὰ περιεχόμενα βλέπε ἐν τῇ προσδίᾳ σελίδι.

Prix d'abonnement: 5 roubles = 12½ R.-Mark = 16 francs.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь, 1902 г.

Непрежѣнный секретарь, Академикъ Н. Дубровинъ.

Типографія Императорской Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).

BYZANTINA CHRONIKA

ΤΟΜΟΣ ΕΝΝΑΤΟΣ

ΤΕΥΧΟΣ Γ' καὶ Δ'.

ВИЗАНТИЙСКІЙ ВРЕМЕННОКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

В. Э. Роголя

Члена-Корреспондента Академіа.

ТОМЪ ІХ.

ВЫП. 3—4.

— ❖ ❖ ❖ —
САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1902.

КОММИССИОНЕРЪ:

С.-Петербургъ.

К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14.

Leipzig.

| К. Л. Ricker, Inselstr. 20.

СОДЕРЖАНИЕ ТРЕТЬЯГО И ЧЕТВЕРТАГО ВЫПУСКОВЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ПІСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

	Стр.
Синайскія иконы восковой живописи. Съ 5 табл. Д. Айналова	348
Вѣроятный составъ древнѣйшаго исповѣднаго и покаяннаго устава въ восточной церкви. III—IV. Н. Суворова	378
Бракъ Мстиславны (1122 г.). Хр. Лопарева	418
Монодія Никиты Евгеніана. L. Petit	446

ОТДѢЛЪ II.

КРИТИКА.

М. Джанашивили. Литература IX—X вѣковъ. Рец. Н. Марра	464
М. Джанашивили. Драгоценныя камни, ихъ названія и свойства. Рец. Н. Марра	466
Fr. Blau. Grammatik des Neutestamentlichen Griechisch. Рец. Эд. Курцъ	470
H. Reinhold. De graecitate patrum apostolicorum librorumque apostolorum Novi Testamenti quaestiones grammaticae. Рец. Э. Курцъ	470
A. Thumb. Die griechische Sprache im Zeitalter der Hellenismus. Рец. С. Шестакова	473
K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. Рец. А. Кирпичникова	497
Κ. Κρούμπαχερ. Ιστορία τῆς βυζαντινῆς λογοτεχνίας. Рец. А. Кирпичникова	497
J. J. Tikkanen. Die Psalterillustration im Mittelalter. III. Рец. А. Я.	506
Φωτίου λόγος καὶ ἐπιστολὴ, ἐκδιδομένης Σ. Ἀριστάρχου. Рец. С. Шестакова	512

БИБЛИОГРАФІЯ.

Россія. И. Соколова	545
Германія. Б. Меліоранскаго	564
Франція. А. Васильева	577
Италія. А. Васильева и А. Пальміери	589
Англія. А. Васильева	599
Голландія. А. Васильева	607
Швеція. А. Васильева	608
Португалія. А. Васильева	609
Славянскія земли. А. Яцмирскаго	609
Новыя книги поступившія въ Редакцію	614

ОТДѢЛЪ III.

Мелкія замѣтки и извѣстія	618

«Византійскій Временникъ» выходитъ четыре раза въ годъ книжками отъ 10 до 12 листовъ, всѣ 4 книжки составляютъ одинъ томъ.

Подписка принимается у книгопродавца-издателя Н. Л. Риккера, Невскій пр. № 14, въ С.-Петербургѣ.

Подписная цѣна за годовое изданіе съ пересылкою 5 рублей для Россіи и 12½ германскихъ марокъ или 16 франковъ за границую.

Редакція журнала помѣщается у В. Э. Регеля, на Васильевскомъ Островѣ, по 10 линіи, домъ № 15, въ С.-Петербургѣ.

ΠΕΡΙΕΧΟΜΕΝΑ ΤΟΥ ΤΡΙΤΟΥ ΚΑΙ ΤΕΤΑΡΤΟΥ ΤΕΥΧΟΥΣ.

ΜΕΡΟΣ Α΄.

ΜΕΛΕΤΑΙ ΚΑΙ ΥΛΑΙ.

σελ.

Συναϊτικά εἰκόνες κηρωτῆς ζωγραφίας (μετὰ ε' πινάκων) ὑπὸ Δ. Αἰνάλωφ.	843
Ἡ πιθανὴ σύνδεσις τῆς εἰς ἐξομολογουμένους καὶ μετανοοῦντας ἀρχαιοτάτης τάξεως τῆς Ἀνατολικῆς Ἐκκλησίας ὑπὸ Ν. Σουβόφωφ. Γ'—Δ'	878
Ὁ γάμος τῆς θυγατρὸς Μοτισλάβου ὑπὸ Χρ. Λόπαρεφ	418
Monodie de Nicéas Engénianos sur Théodore Prodrome. L. Petit.	446

ΜΕΡΟΣ Β΄.

ΒΙΒΛΙΩΝ ΕΠΙΚΡΙΣΕΙΣ.

Μ. Τζανασβίλη. Λογοτεχνία Θ'—Γ' αἰῶνος. Κρίσις Ν. Μάρρ.	414
Μ. Τζανασβίλη. Πολύτιμοι λῆθοι, αἱ ὀνομασίαι καὶ αἱ ιδιότητες αὐτῶν. Κρίσις Ν. Μάρρ.	466
F. Blass. Grammatik des Neutestamentlichen Griechisch. Κρίσις Ed. Kurtz.	470
H. Reinhold. De graecitate patrum apostolicorum librorumque apocryphorum Novi Testamenti quaestiones grammaticae. Κρίσις Ed. Kurtz	470
A. Thumb, Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus. Κρίσις Σ. Σε- στακῶφ.	473
K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. Κρίσις Α. Κιρκίτσ- νικοφ.	497
Κ. Κρούμπαχερ. Ἱστορία τῆς βυζαντινῆς λογοτεχνίας. Κρίσις Α. Κιρκίτσνικοφ.	497
J. J. Tikkanen. Die Psalterillustration im Mittelalter. III. Κρίσις Α. Κ.	506
Φωτίου λόγοι καὶ ὁμιλίαι, ἐκδιδόντος Σ. Ἀριστάρχου. Κρίσις Σ. Σεστακῶφ	512

ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ.

Ῥωσία. Περιλήψεις Ἰ. Σοκολώφ.	545
Γερμανία. Περιλήψεις Μπ. Μελοράνσκη.	564
Γαλλία. Περιλήψεις Α. Βασίλειεφ.	577
Ἰταλία. Περιλήψεις Α. Βασίλειεφ καὶ Α. Παλμιέρη.	589
Ἀγγλία. Περιλήψεις Α. Βασίλειεφ.	599
Ὀλλανδία. Περιλήψεις Α. Βασίλειεφ.	607
Σουηδία. Περιλήψεις Α. Βασίλειεφ.	608
Πορτογαλλία. Περιλήψεις Α. Βασίλειεφ.	609
Σλαβικαὶ χώραι. Περιλήψεις Α. Γιατσιμιρσκη.	609
Νέα βιβλία σταλέντα πρὸς τὴν διεύθυνσιν.	614

ΜΕΡΟΣ Γ΄.

ΜΙΚΡΑΙ ΑΝΑΚΟΙΝΩΣΕΙΣ.

Ἀπάντησις εἰς τὴν ἐπίκρισιν τοῦ κ. Λαβρόφ ὑπὸ L. K. Goetz.	618
Βυζαντινολογικαὶ ἀνακοινώσεις ἐν τῷ ἱβ' ἀρχαιολογικῷ συνεδρίῳ τοῦ Χαρκόβου (τῇ 15—27 αὐγούστου 1902) ὑπὸ Ε. Ρ.	621
Ἐπιστημονικὴ ἐκδρομὴ μέχρι τοῦ Σινᾶ κατὰ τὸ 1902 ἔτος ὑπὸ Α. Βασίλειεφ.	635
Ἀποτελέσματα τῆς εἰς Μακεδονίαν ἐκδρομῆς τῶν γάλλων Chesnay καὶ Perdrizet ὑπὸ Β. Σόνκιν.	635
Ἡ ἐν Πετροπόλει Αὐτοκρατορικὴ Ἀκαδημία τῶν ἐπιστημῶν ὑπὸ Β. Σόνκιν.	638
Συνεδριάσεις ἐν ῥωσικοῖς ἐπιστημονικοῖς συλλόγοις καὶ καθιδρύμασιν ὑπὸ Β. Σόνκιν.	646
Συνεδριάσεις ἐν εὐρωπαϊκοῖς ἐπιστημονικοῖς συλλόγοις καὶ καθιδρύμασιν ὑπὸ Β. Σόνκιν.	659
Τὸ ἐν Ἀμβούργῳ δέκατον τρίτον συνέδριον τῶν ἀσιανολόγων ὑπὸ Β. Σόνκιν.	664
Ἀναγορεύσεις εἰς βαθμὸν διδάκτορος καὶ μγίστρου ὑπὸ Β. Σόνκιν.	666
Βυζαντινὸν μνημεῖον ἐκ τοῦ ἱβ' αἰῶνος Μαρίας τῆς Κομνηνῆς ὑπὸ Β. Σόνκιν.	669
Découvertes archéologiques. A. P.	672
Le prof. Lambakis et son voyage archéologique en Turquie. A. P.	674
Le IX centenaire de la fondation de l'abbaye de Grottaferrata. A. P.	675
Les documents orientaux des Archives d'Etat de Venise. A. P.	677
Chez les Grecs de Constantinople. J. Pargoire.	677
† Victor Jernstedt ὑπὸ Φ. Τσερετέλη.	691

Τὰ Βυζαντινὰ Χρονικά ἐκδίδονται μερίμνη τῆς ἐν Περτρούπολει Αὐτοκρατορικῆς τῶν ἐπιστημῶν Ἀκαδημείας, ὑπὸ τὴν διεύθυνσιν τοῦ κ. Β. Πέγκελ.

Κατ' ἔτος ἐκτυποῦνται τέσσαρα τεύχη, ὧν ἕκαστον συνίσταται ἐκ 10 ἢ 12 τυπογραφικῶν φύλλων· τέσσαρα δὲ τεύχη συναποτελοῦσι τόμον ὁλόκληρον. Ἡ ἐτήσιος συνδρομὴ ρούβλια 5 διὰ τὴν Ῥωσίαν καὶ φράγκα 16 ἢ μάρκα γερμανικά 12½ διὰ τὸ ἐξωτερικόν, συμπεριλαμβανομένης καὶ τῆς ταχυδρομικῆς δαπάνης.

Αἱ περὶ ἐκδόσεως αἰτήσεις, αἱ ἐπιστολαί, τὰ χειρόγραφα καὶ τὰ νεωστὶ τυπούμενα βιβλία ἢ περιοδικὰ συγγράμματα πρέπει νὰ διευθύνωνται πρὸς τὸν Mr. Regel, Vassili-Ostrov, 10 ligne, 15, St.-Petersbourg.

Πράκτωρ διὰ τὰς ἐγγραφὰς συνδρομητῶν καὶ διὰ τὰς ἀποστολάς τῶν Βυζαντινῶν Χρονικῶν:

K. L. Ricker: Nevsky 14, St.-Petersbourg.

Inselstrasse 20, Leipzig.

Ἐν τῇ Ἀνατολῇ συνδρομηταὶ ἐγγράφονται παρὰ τοῖς ἐξῆς βιβλιοπώλαις:

Κωνσταντινούπολις: Keil, librairie internationale, Péra.

Ἀ. Δεπάστας, βιβλιοπώλης - ἐκδότης, Γαλατᾶς.

Ἀθήναι: Charles Beck, librairie internationale.

Σμύρνη: Δ. Βρετόπουλος, βιβλιοπώλης - ἐκδότης.

Ἀλεξάνδρεια: Γριτζάνης, βιβλιοπώλης - ἐκδότης.

Τὰ περιεχόμενα βλέπε ἐν τῇ προσθίᾳ σελίδι.

Prix d'abonnement: 5 roubles = 12½ R.-Mark = 16 francs.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Май, 1903 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ Н. Дубровинъ.

Типографія Императорской Академіи Наукъ (Вас. (утр., 9 лин., № 12).

**This book is under no circumstances to be
taken from the Building**

[illegible]

Form 414